ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

(*Москва, Садовая, д. 175-й*).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

12.

Просимъ лицъ, возобновляющихъ подписку на „Русскій Архивъ", означать въ своихъ письмахъ, какую именно книгу „Архива Князя Воронцова" желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ къ 1897 году. (Содержаніе 26-ти книгъ „Архива Князя Воронцова" см. на оборотѣ).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1896.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ конторѣ „Русскаго Архива“ въ Москвѣ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, можно получать по уменьшенной цѣнѣ 26 книгъ этого историческаго изданія.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ „АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА“.

I. Бумаги императрицы Елисаветы Петровны. Прошенія родственниковъ ея. Письма Шуваловыхъ, князя и княжны Кантемиръ, матери Екатерины Великой. Дѣло о Шетарди. Снимки съ писемъ Елисаветы, Іоанны Елисаветы и князя Кантемира.

II. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Письма графа А. П. Бестужева-Рюмина. О Шетарди. Мнѣніе объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи. Переписка съ гр. Санти. Арестъ Ламберта. Письма гр. М. П. Бестужева-Рюмина. Перлюстрація писемъ касательно заговора маркиза Ботты. Бумаги барона Миниха. Прошенія и письма его и Бирона. Письма С. К. Нарышкина, генерала Кейта. Письма и прошенія къ импер. Елисаветѣ.

III. Собственноручный служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестова. Бумаги Елисаветинской Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. Мнѣнія графа Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій въ 1747 году. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ 1757 г. Доклады гр. Воронцова 1758 годъ. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографическое показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской (1782—1800). Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1744) Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. М. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Приложенъ планъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1746—1755). Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. М. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину (1760—1761). Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV (1758). Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Приложенъ портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ (1791—1825).

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадов-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1897.

1.

„РУССКІЙ АРХИВЪ" выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книги (общій для всего годоваго изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

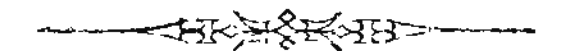
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.
Жуковскій.

1897.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1897.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ КЪ КНЯЗЮ ПАСКЕВИЧУ.

Князь А. П. Щербатовъ любезно дозволилъ намъ извлечь нижеслѣдующія письма изъ приложеній къ V-му тому вышедшаго въ прошломъ году монументальнаго труда своего: „Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность". О трудѣ этомъ мы уже имѣли случай говорить въ „Русскомъ Архивѣ" (1889, I, 407). Значеніе его растетъ съ каждымъ новымъ томомъ (выходящимъ въ свѣтъ и во Французскомъ переводѣ) по мѣрѣ того, какъ раскрываются передъ читателемъ государственныя заслуги князя Паскевича, которому вѣковѣчнымъ памятникомъ послужитъ сочиненіе князя А. П. Щербатова. Письма императора Николая Павловича къ князю Паскевичу представляютъ собою драгоцѣнное достояніе Русской исторіографіи. Это въ нѣкоторомъ родѣ автобіографія необыкновеннаго человѣка, оставившаго своею дѣятельностью столь глубокіе слѣды не въ Русской только, но и въ Европейской жизни: ибо несомнѣнно, что положеніемъ Россіи въ теченіе тридцатилѣтняго Николаевскаго царствованія значительно опредѣлялись внутреннія и внѣшнія политическія движенія въ Германіи, Франціи и даже въ Англіи. Съ другой стороны, происходившее на Западѣ безпрестанно отражалось въ мѣропріятіяхъ нашего правительства, и во всей силѣ оправдывались слова графа Жозефа-де-Местра, сказавшаго еще въ 1803 году про отношенія Россіи къ Западно-европейскому міру: Nec tecum possum vivere, nec sine te (съ тобою жить не могу, и безъ тебя мнѣ жить нельзя). Устроенное на Вѣнскомъ конгрессѣ Царство Польское было средостѣніемъ, въ которомъ преимущественно обозначалось это взаимодѣйствіе, а царствомъ Польскимъ правилъ князь Паскевичъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ писемъ его къ императору Николаю. П. Б.

I.

С.-Петербургъ, 4 (16) Генваря 1832 г.

За разными препятствіями не могъ поранѣе отвѣчать на письмо твое, любезный Иванъ Өедоровичъ, отъ 24-го Декабря. Благодарю за добрыя желанія на новый годъ; дай Богъ, чтобъ онъ прошелъ мирно; но врядъ ли! Сумасбродство и нахальство Франціи и Англіи превосходятъ всякую мѣру, и чѣмъ это кончится, нельзя

предсказать. Радуюсь, что вы спокойно начали новый годъ и что можно было открыть театры. Инструкція, данная тобой корпуснымъ командирамъ касательно офицеровъ, весьма хороша. На счетъ возвращающихся Польскихъ солдатъ предоставляю тебѣ поступить по твоему усмотрѣнію; хорошо бы ихъ приманить въ нашу службу, хотя съ нѣкоторыми выгодами, дабы край отъ нихъ очистить. Жду бюджета съ нетерпѣніемъ; вѣрю, что не легко концы свести.—Жаль, что Энгель не остается: онъ умѣлъ скоро имъ полюбиться. Надо скорѣе будетъ рѣшить о г. Паленъ. Красинскаго послѣдній рапортъ также весьма любопытенъ; надо тебѣ будетъ войти въ положеніе горныхъ жителей, которые за пріостановленіемъ работы на заводахъ въ крайней нуждѣ; источникъ сей доходовъ весьма значительный и можетъ много помочь. Здѣсь у насъ все въ порядкѣ и смирно. На маскарадѣ 1-го числа было во дворцѣ 22.364 человѣка*), и въ отмѣнномъ благочиніи.

II.

Елагинъ Островъ, 29-го Мая 1832 г.

Радуюсь душевно, что закладка цитадели счастливо исполнена, прошла благополучно, и что ты при семъ случаѣ былъ доволенъ успѣхами войскъ. Что касается до неприсутствія Поляковъ при семъ торжествѣ, то, признаюсь, я понимаю, что было бы сіе имъ черезчуръ тяжело. Ихъ раздраженіе по причинѣ рекрутскаго набора кончится ничѣмъ, я увѣренъ; но увѣренъ я и въ томъ, что, съ окончаніемъ онаго и съ удаленіемъ всего сего сброда вздорныхъ и намъ столь враждебныхъ людей, все совершенно успокоится и даже, можетъ быть, приметъ совершенно другой оборотъ. Что касается до сожалѣнія нашихъ къ нимъ, оно совершенно неумѣстно, и ты хорошо дѣлаешь, что не даешь ему воли. Ты весьма правильно говоришь: нужна справедливая строгость и непреодолимое постоянство въ мѣрахъ, принятыхъ для постепеннаго ихъ преобразованія. Не отступлю отъ этого ни на шагъ. Благодарности отъ нихъ я не ожидаю и, признаюсь, слишкомъ глубоко ихъ презираю, чтобъ оно мнѣ могло быть въ какую цѣну; я стремлюсь заслужить благодарность Россіи, потомства: вотъ моя постоянная мысль. Съ помощію Божіею, не унываю и буду стараться, покуда силы будутъ; и сына готовлю на службу Россіи въ тѣхъ же мысляхъ и вижу, что онъ чувствуетъ какъ я.

---

*) Любопытно знать, съ котораго именно времени прекратились эти новогодния всесословныя собранія въ Зимнемъ дворцѣ. Извѣстно, что они происходили испоконъ вѣку и всегда безъ всякихъ безпорядковъ. П. Б.

III.

Александрія, 28-го Іюня 1832 г.

Слава Богу, что у тебя все тихо и спокойно идетъ; это вѣрно и бѣситъ нашихъ враговъ; въ особенности въ Англіи ругательства на меня превосходятъ воображеніе; подстрекаетъ на сіе кн. Чарторижскій и младшій сынъ Замойскаго. Странно и почти смѣшно, что Англійское правительство избрало къ намъ въ послы на мѣсто лорда Гетидера лорда Дургама, того самого, который извѣстенъ своимъ ультралиберальствомъ или, попросту сказать, якобинствомъ. Говорятъ, что будто онъ самому своему правительству, т. е. друзьямъ своимъ, сдѣлался безпокоенъ, и чтобъ удалить его подъ благовиднымъ предлогомъ и польстить его гордость, шлютъ его къ намъ, въ надеждѣ, что онъ у насъ исправится. Я такъ благодаренъ за честь, и право ремесло берейтора мнѣ не въ мочь, и охотно его избавился бы, ежели бы могъ. Впрочемъ, можетъ быть, его удаленіе изъ центра интригъ менѣе будетъ опасно; у насъ же удостовѣрится, ибо уменъ, говорятъ, что онъ во многомъ совершенно ложное имѣетъ понятіе и, можетъ быть, перемѣнитъ свой образъ мыслей. Доброе желаніе правительства быть съ нами въ ладахъ доказывается и тѣмъ, что они смѣнили тотчасъ консуловъ своихъ въ Мемелѣ и въ Варшавѣ, какъ намъ противныхъ. Вполнѣ раздѣляю твой образъ мыслей касательно хода дѣлъ во Франціи. Можетъ ли быть что глупѣе и подлѣе, какъ роль короля, который, рѣшившись разъ (картечью?) подчивать тѣхъ, коимъ обязанъ своимъ воцареніемъ, и стало, казалось, что съ ними разошелся, объявилъ Парижъ въ осадномъ положеніи, и все это къ ничему! Стало, нигдѣ не правъ, и самъ себя въ грязь положилъ, изъ которой, по правдѣ, лучше бы ему было никогда не вылѣзать.

IV.

Александрія, 12 (24) Іюля 1832 г.

Дургамъ прибылъ. Я его сперва принялъ инкогнито, бывъ въ Кронштадтѣ; онъ былъ très embarassé; но я его скоро ободрилъ и долженъ признаться, къ своему удивленію, что былъ имъ весьма доволенъ. Онъ никакого не имѣетъ порученія, какъ только увѣрить насъ въ искреннемъ ихъ желаніи быть съ нами въ тѣснѣйшей дружбѣ. Ни слова мнѣ про Польшу; но въ разговорахъ изъяснилъ онъ съ другими, что въ обиду себѣ считаетъ, что полагали, чтобъ онъ согласиться могъ на какое-либо порученіе подобнаго рода; что дѣло это наше собственное, какъ Ирландское опять ихъ; словомъ, говоритъ какъ нельзя лучше. Я былъ у нихъ на кораблѣ, который велѣно было мнѣ показать, и

меня приняли какъ своего, все показывая. Признаюсь, я ничего хорошаго тутъ не видѣлъ; а они сами съ удивленіемъ смотрятъ и говорятъ про наши корабли. Важно то еще, что въ парламентѣ было предложеніе министровъ, чтобы платить причитающуюся долю долга нашего въ Англію; споръ былъ упорный; дошло до того, что министры объявили, что они, въ случаѣ отказа, оставятъ министерство; и наконецъ, 46 голосами перевѣсъ остался на ихъ сторонѣ въ пользу нашу. Дѣло весьма важное и доказывающее, сколь они силятся съ нами ладить. Франція въ такомъ положеніи, что ежечасно должно ждать перемѣны въ правительствѣ; но что̀ изъ сего выйдетъ, одинъ Богъ знаетъ. Мы будемъ спокойно ждать, ни во что не вмѣшиваясь.

V.

Александрія, 28 Іюля (10) Августа 1832 г.

Что посольство Дургама вскружило всѣ головы въ Варшавѣ, сему я вѣрю весьма; но тѣмъ пуще обманутся въ своихъ ожиданіяхъ, ибо онъ даже рта не разѣвалъ. Вообще я имъ весьма доволенъ; мы разныхъ правилъ, но ищемъ одного, хотя разными путями. Въ главномъ же мы совершенно одного мнѣнія: сохраненіе согласія между нами, опасеніе и недовѣренность къ Франціи и избѣжаніе елико возможно войны. Онъ мнѣ признался уже, что совершенно съ фальшивыми мыслями объ Россіи къ намъ прибылъ; удивляется видѣть у насъ истинную и просвѣщенную свободу, любовь къ отечеству и къ государю; словомъ, нашелъ все противное своему ожиданію. Поѣдетъ въ Москву, чтобы видѣть сердце наше; весьма ему здорово.

VI.

С.-Петербургъ, 1-го Октября 1832 г.

Посылаю тебѣ оригиналомъ записку, мною полученную изъ Дрездена отъ нашего посланника, самого почтеннаго, надежнаго и въ особенности осторожнаго человѣка; ты увидишь, что мое мнѣніе насчетъ Собаньской подтверждается. Долго ли графъ Виттъ дастъ себя дурачить этой бабой, которая ищетъ однихъ своихъ Польскихъ выгодъ подъ личной преданностью, и столь же вѣрна г. Витту какъ любовница, какъ Россіи, бывъ ей подданная? Весьма хорошо бы было открыть глаза графу Витту на ея счетъ, а ей велѣть возвратиться въ свое помѣстье на Подолію.

VII.

Николай Павловичъ увѣдомлялъ князя Паскевича о рожденіи (13 Октября 1832 г.) младшаго изъ четырехъ сыновей своихъ, Великаго Князя Михаила Николаевича. П. Б.

С.-Петербургъ, 21 Октября (2) Ноября 1832 г.

Твое желаніе въ письмѣ исполнилось, ибо получилъ оное послѣ счастливаго разрѣшенія жены. Слава Богу! Онъ услышалъ молитвы мои и поддержалъ въ одинадцатый разъ силы доброй, почтенной моей жены. Дай Богъ, чтобы новорожденный мой архистратигъ былъ вѣрнымъ слугой своему отечеству; буду на то его готовить, какъ готовлю братьевъ.

VIII.

С.-Петербургъ, 29 Декабря 1832 г. (10) Генваря 1833 г.

Въ Тифлисѣ у насъ было пошли большія пакости; но, благодаря Бога, во время все открылось. Былъ заговоръ фамиліи Арбеліановъ и Эристовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ изъ дворянъ перерѣзать г. Розена и всѣхъ Русскихъ и Грузію сдѣлать независимою. Дѣло таилось болѣе году; г.-м. кн. Чевчевадзе былъ всему извѣстенъ и, кажется, игралъ въ семъ дѣлѣ роль, сходную съ Михайлою Орловымъ по дѣлу 14-го Декабря. Всѣ почти схвачены, и дѣлается строгое слѣдствіе; но все лучшее дворянство къ оному вовсе не причастно, и съ большимъ неудовольствіемъ узнали, что нужно было схватить сіи лица за преступленія, которыя впрочемъ имъ еще неизвѣстны.

IX.

С.-Петербургъ, 12 (24) Генваря 1833 г.

Я поручилъ графу Чернышову увѣдомить тебя, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, о причинѣ моей невольной неисправности. Схвативъ простуду на маскарадѣ 1-го числа, перемогался нѣсколько дней, какъ вдругъ сшибло меня съ ногъ до такой степени, что два дня насилу отваляться могъ. Въ одно со мной время занемогла жена, потомъ трое дѣтей, наконецъ, почти всѣ въ городѣ переболѣли или нынѣ занемогаютъ, и рѣшили, что мы всѣ *грипъ*, но не грибъ *съѣли*. Быть такъ, и скучно и смѣшно. Сегодня въ гвард. саперн. бат. недостало даже людей въ караулъ. Но, благодаря Бога, болѣзнь не опасна, но слабость необычайная; даже доктора валятся. Теперь началъ я выходить и опять готовъ на службу. Письмо твое отъ 6-го числа получилъ сегодня при Горчаковѣ, съ которымъ обѣдалъ. Я имъ очень доволенъ

и, сколько видѣть могу, счастье его не избаловало; жаль бы, ибо я его очень люблю. Я начинаю раздѣлять надежду твою миръ на сей годъ видѣть еще сохраненнымъ; но, правду сказать, не знаю, радоваться ли сему, ибо зло съ каждымъ днемъ укореняется; наша же сторона бездѣйствіемъ слабѣетъ, тогда какъ противная всѣми адскими своими способами подкапываетъ наше существованіе. Въ голову сего я ставлю Французско-Египетское нашествіе на султана. Знають, что не могу я допустить другимъ завладѣть Царьградомъ; знають, что сіе пріобрѣтеніе насильное, противное нашимъ выгодамъ, должно поднять зависть Австріи и Англіи, и потому наше долготерпѣніе вознаграждается сею новою возрождаемою задачей, которую одинъ Богъ рѣшить можетъ и которая должна отвлечь значительную часть силъ нашихъ. Изъ Царьграда, послѣ извѣстія о разбитіи и плѣненіи визиря, новыхъ никакихъ извѣстій. Я не получилъ; довольно странно!

Здѣсь, кромѣ кашля, чиханья и оханья, все тихо и спокойно. Изъ Грузіи получилъ извѣстія, что все идетъ хорошо, и по всѣмъ показаніямъ зачинщикъ всего дѣла царевичъ Окропиръ, живущій въ Москвѣ, женившійся на графинѣ Кутайсовой и которому полтора года тому назадъ позволилъ съѣздить въ Грузію; и онъ этимъ воспользовался для начатія заговора. Я по твоей запискѣ справку сдѣлать велю.

X.

Динабургъ, 20 Мая (1 Іюня) 1833 г.

Покуда все продолжаются одинаковыя отовсюду извѣстія о намѣреніи меня убить въ дорогѣ; даже изъ Парижа прислали мнѣ выписку изъ письма Поляка, но намъ неизвѣстнаго, изъ Петербурга, гдѣ говорятъ, что тамъ сіе трудно исполнить, а что въ дорогѣ сіе весьма легко. Какъ бы ни было, сюда я прибылъ благополучно и надѣюсь на милость Божію, что также и возвращусь; прочее въ рукахъ Божіихъ, и волѣ Его я спокойно покоряюсь. Мѣры беру я всѣ, которыя благоразуміе велитъ.

XI.

Александрія, 2 (14) Іюня 1833 г.

Дорогой хотя меня и поминутно стращали, но Богъ меня благословилъ и уберегъ, и даже ничего подозрительнаго не было. Меня вездѣ принимали какъ нельзя лучше; и такъ какъ молва о злыхъ намѣреніяхъ разбрелась, то вездѣ наперерывъ оказывали всю возможную заботливость и предупрежденія возможности къ сему. Даже въ Финляндіи, куда я заѣзжалъ съ женой, мнѣ письменно представили актъ съ изъясненіями чувствъ.

XII.

Александрія, 17 (24) Іюня 1833 г.

Я слѣдую твоимъ совѣтамъ, мой отецъ - командиръ, и беру всѣ тѣ осторожности, которыя здравый разсудокъ велитъ; твои вѣрные молодцы линейные меня окружаютъ и всюду смотрятъ, гдѣ я бываю; но повѣрь мнѣ, что вѣрнѣе всего положиться, впрочемъ, па милосердіе Божіе. Его волѣ предался я не съ языка, но отъ всего сердца, и совершенно спокойно жду, что́ Ему угодно будетъ рѣшить.

Между тѣмъ поимка Завиши съ сообщниками у тебя и Шиманскаго у Долгорукова*), о которомъ онъ тебѣ вѣрно сообщилъ, весьма важна. Показанія послѣдняго весьма любопытны и даютъ совершенное понятіе о всемъ ходѣ сего прекраснаго предпріятія.

XIII.

Александрія, 16-го Іюля 1833 г.

Я получилъ рѣшительное приглашеніе отъ Австрійскаго императора для свиданія съ нимъ въ Богеміи. Срокъ назначенъ къ 25-му Августа (7-го Сентября); свиданіе будетъ самое короткое, и не рѣшено еще, хотя бъ сіе было желательно, будетъ ли туда король Прусскій, или увижусь съ нимъ въ другомъ мѣстѣ. Туда намѣренъ я ѣхать моремъ въ Штетинъ, но обратно будетъ поздно пускаться въ море и придется возвращаться черезъ Пруссію или, что́ я бы предпочиталъ, чрезъ Польшу, гдѣ я отдамся тебѣ на руки и согласенъ на всѣ осторожности, которыя ты нужными сочтешь. Я бы хотѣлъ въѣхать чрезъ Калишъ и, не заѣзжая въ Варшаву, направить свой путь на Модлинъ и Ковно. Доро́гой хотѣлъ бы я видѣть, что́ можно будетъ, твоихъ войскъ. Вотъ мои желанія; но *ты рѣшишь*, можно ли или нѣтъ; и для сего прошу мнѣ отвѣчать какъ наискорѣе, вовсе никому сего не сообщая и даже сбирая войскъ, какъ бы для своего смотра.

XIV.

Мюнхенгрецъ, 30 Августа (11) Сентября 1833 г.

Въ Пруссіи и здѣсь вездѣ меня приняли какъ родного, даже простой народъ становится на колѣни и крестится Императоръ говоритъ съ необыкновенною откровенностью, и тебя назначаетъ предводителемъ арміи на случай соединенія всѣхъ силъ. Словомъ, онъ какъ только желать можно; посмотримъ, каковъ будетъ мой врагъ-супостатъ.

---

*) Т. е. у князя Николая Андреевича Долгорукова, генералъ-губернатора въ Вильнѣ. П. Б.

XV.

Царское Село, 19 Сентября (1) Октября 1833 г.

Возвратясь сюда благополучно въ Субботу вечеромъ, намѣреніе мое было сейчасъ къ тебѣ писать, любезный отецъ-командиръ, но пропасть дѣлъ меня о сю пору лишали возможности сіе исполнить. Прими еще разъ мою искреннюю благодарность за все, чѣмъ я тебѣ обязанъ; войско, работы, край, все нашелъ я въ желанномъ видѣ; однимъ твоимъ неусыпнымъ трудамъ, твердости и постоянству столь удовлетворительныя послѣдствія я приписать могу. Да наградитъ тебя за сіе милосердый Богъ и подкрѣпитъ на поприщѣ твоей славной и полезной службы! Желалъ бы съ тобой быть неразлучнымъ; за невозможностью сего прошу тебя, въ замѣну оригинала, принять и носить подобіе моей хари. Прими сіе знàкомъ моей искренней сердечной благодарности и дружбы, которая тебѣ останется во мнѣ неизмѣнною. Благодаря твоему попеченію о моей безопасной поѣздкѣ, я доѣхалъ какъ нельзя лучше, въ горе фельдъегерямъ, въ три дня и 13 часовъ. Здоровъ, веселъ, счастливъ и дома нашелъ все здоровымъ и въ порядкѣ.

XVI.

С.-Петербургъ, 12 (24) Октября 1833 г.

Съ большимъ сожалѣніемъ узналъ я, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, что ты недоволенъ своимъ здоровьемъ, и узналъ также и причину; прости мнѣ, отецъ-командиръ, если осмѣлюсь тебя немного побранить, что ты забылъ мою просьбу и свое обѣщаніе безъ нужды ничего не предпринимать вреднаго для своего здоровья. Я знаю, что въ день маневра подъ Прагой тебѣ не слѣдовало быть на конѣ и что ты симъ навлекъ на себя припадокъ, который могъ бы имѣть дурныя послѣдствія и безъ всякой нужды. Ради Бога, прошу тебя, поберегись.

XVII.

Москва, 29 Ноября (11) Декабря 1833 г.

Вѣрю, что казнь пришельцевъ, подосланныхъ изъ Франціи, должна была сильно подѣйствовать на умы; но кто виновенъ подобнымъ несчастнымъ послѣдствіямъ, какъ не тѣ же родители, которыхъ безуміе и ненависть къ намъ приготовили дѣтей своихъ на жертву своихъ страстей? Жаль и больно быть вынужденными къ подобнымъ мѣрамъ; но что́ намъ остается дѣлать?

Дай Богъ, чтобъ сіи примѣры избавили насъ отъ повторенія подобныхъ покушеній, влекущихъ за собой подобныя же послѣдствія; но трудно сему повѣрить, и духъ, съ которымъ Завиша умеръ, доказываетъ, какъ они приготовлены на свое адское дѣло! Мой пріѣздъ сюда не имѣлъ другой причины, какъ желаніе въ свободные дни побывать здѣсь, поглядѣть на старушку бѣлокаменную, удостовѣриться въ расположеніи умовъ, и только. Завтра ѣду во свояси. Не помню, писалъ ли тебѣ, что занимаюсь преобразованіемъ горной части и намѣренъ поручить ее гр. Строганову *); но вопросъ будетъ, кому поручить у тебя внутреннія дѣла? Хочешь ли Головина? Онъ человѣкъ способный; другого не пріищу, а непремѣнно надо туда Русскаго. Напиши мнѣ про это. Вчера получилъ я курьера отъ Розена, съ извѣстіемъ, что Аббасъ-Мирза умеръ въ Мшадѣ, а шахъ при смерти боленъ; хороша потѣха! Что за вздоръ изъ этого выйдетъ? Пишу къ Розену, чтобы онъ сидѣлъ покойно: отнюдь не хочу вмѣшиваться въ ихъ внутренніе раздоры; пусть ихъ дерутся между собой, мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, лишь бы меня не трогали.

Отъ Аббасъ-Мирзы получилъ письмо, гдѣ проситъ меня признать сына его Махметъ-Мирзу наслѣдникомъ; но ежели самъ шахъ его не признаетъ, то я въ это дѣло не вмѣшаюсь. Скажи мнѣ, правъ ли я?

XVIII.

С.-Петербургъ, 4 (16) Генваря 1834 г.

Послѣднія наши Лондонскія вѣсти гораздо ближе къ мировой, и даже кажется боятся, чтобъ я не разсердился за прежнія ихъ дерзости. Отвѣчаемъ всегда имъ тѣмъ же тономъ, т. е. на грубости презрѣніемъ, а на учтивости учтивостью и, какъ кажется, этимъ и кончится. Флоты воротились въ Мальту и Тулонъ, но вооруженія не прекращены; за то и мы будемъ готовы ихъ принять. Но что̀ могутъ они намъ сдѣлать? Много—сжечь Кронштадтъ, но не даромъ. Виндау? Развѣ забыли, съ чѣмъ пришелъ и съ чѣмъ ушелъ Наполеонъ? Разореніемъ торговли? Но за то и они потеряютъ. Чѣмъ же открыто могутъ намъ вредить? Въ Черномъ морѣ и того смѣшнѣе. Положимъ, что Турки, отъ страху, глупости или измѣны ихъ впустятъ, они явятся предъ Одессу, сожгутъ ее; предъ Севастополь, положимъ, что истребятъ его; но куда они дѣнутся, ежели въ 29 дней марша наши войска займутъ Босфоръ и Дарданеллы! Покуда Турка мой здѣсь очень скромный и пишетъ, что̀ хочу. Прибылъ маршалъ Мезонъ; первые пріемы его хо-

*) Графу Сергію Григорьевичу? П. Б.

роши и, кажется, онъ человѣкъ умный и изъ кожи лѣзетъ, чтобы угодить. Лубинскаго ожегъ славно, такъ что тотъ не зналъ, куда дѣться.

XIX.

С. Петербургъ, 23 Апрѣля (3) Мая 1834 г.

Поздравляю тебя, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, со днемъ Пасхи, который мы отпраздновали, какъ предполагали. Да поможетъ всемилосердный Богъ сыну сдѣлаться достойнымъ своего высокаго и тяжелаго назначенія! Церемонія была прекрасная и растрогала всѣхъ*). Ожидаю теперь что́ у васъ происходило въ тотъ же день. За два дня до того получилъ я прискорбное для насъ извѣстіе о кончинѣ извѣстнаго генерала Мердера; я скрывалъ ее отъ сына, ибо не знаю, какъ бы онъ вынесъ; эта потеря для него невозвратная, ибо онъ былъ ему всѣмъ обязанъ и 11 лѣтъ былъ у него на рукахъ.

XX.

Москва, 16 (28) Октября 1834 г.

Своей поѣздкой въ Ярославль, Кострому и Нижній я восхищенъ. Что за край! Что за добрый, прелестный народъ! Меня замучили пріемами. Край процвѣтаетъ, вездѣ видны дѣятельность, улучшеніе, богатство, ни единой жалобы, вездѣ одна благодарность, такъ что мнѣ, вѣрному слугѣ Россіи, такая была отрада!

XXI.

С.-Петербургъ, 26 Октября (7) Ноября 1834 г.

Благодарю тебя, любезный отецъ-командиръ, за письмо твое отъ 13 (25) Октября, которое получилъ въ Москвѣ предъ моимъ отъѣздомъ. Я воротился сюда съ сыномъ въ 40 часовъ третьяго дня вечеромъ и весьма доволенъ всей моей поѣздкой. Теперь собираюсь завтра съ сыномъ же въ Берлинъ, куда надѣюсь прибыть 1 (13) числа; полагаю пробыть тамъ 8 или 10 дней, а на Познань быть къ тебѣ около 10-го или 12-го числа, о чемъ изъ Берлина тебя предварю; прибыть ночевать въ Ловичъ и на другой день осмотрѣть съ тобой славную Волю. И отъ оной прямо въ цитадель, которую осмотрѣть равно, какъ и гарнизонъ, заѣхать къ тебѣ, поклониться княгинѣ и въ Бельведерѣ отобѣдать, а послѣ же обѣда ѣхать ночевать въ Новогеоргіевскъ. Тамъ пробыть сутки и уѣхать на другой день въ Ковно.

Предоставляя тебѣ все по сему распоряженія, прошу конвои уменьшить до возможности. Желалъ бы, чтобъ ты ко мнѣ былъ въ

*) Совершеннолѣтіе Наслѣдника-Цесаревича. П. Б.

Ловичъ. По дорогѣ желаю вездѣ, гдѣ можно, видѣть караулы отъ войскъ, на мѣстахъ квартирующихъ, кромѣ между зорь. Въ Варшавѣ, ежели можно, то показать мнѣ войска на учебномъ плацѣ, приведя ихъ не далѣе двухъ или трехъ маршей расположенныхъ, тоже и въ Новогеоргіевскѣ. Запрещаю всякой встрѣчи, пріемы, депутаціи и проч.

Въ Варшавѣ никого не приму, кромѣ военныхъ и членовъ Совѣта; о прочемъ условимся при близкомъ свиданіи.

XXII.

С.-Петербургъ, 2 (14) Марта 1835 г.

Ты легко себѣ вообразить можешь, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, до какой степени меня несчастная вѣсть о кончинѣ императора Франца грустью поразила! Первый день я точно опомниться не могъ. Я въ немъ потерялъ точно родного, искренняго друга, къ которому душевно былъ привязанъ. Потеря его есть ударъ общій, жестокій; но покоряться должно волѣ Божіей, и будемъ надѣяться, что Богъ подкрѣпитъ толико новаго императора, дабы дать ему возможность исполнять долгъ, какъ отецъ ему то завѣщалъ. Сердце у него доброе, но силы, къ несчастію, ничтожныя! Онъ перенесъ первыя минуты съ твердостью, и первый шагъ его хорошъ; будемъ надѣяться хорошаго и впредъ. Нѣтъ сомнѣнія, что враги общаго спокойствія торжествовать будутъ и почтутъ сію минуту удобною для новыхъ замысловъ или даже и для дѣйствія; но въ одномъ они ошибутся: найдутъ насъ осторожными и, что̀ важнѣе, союзъ нашъ столь же тѣснымъ, какъ и при покойномъ императорѣ. Подобныя узы передаются отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ; я его наслѣдовалъ отъ Александра Павловича и передамъ сыну; императоръ Фердинандъ получаетъ въ наслѣдство отъ отца, моего друга, и дружба моя ему принадлежитъ отнынѣ свято; въ этомъ залогъ счастья народовъ! Я увѣренъ, что король Прусскій тоже рѣшаетъ въ сію же минуту. Новыя лица перемѣниться могутъ, но священныя правила никогда; они вѣчны, какъ святыня. Считаю весьма полезнымъ усугубить осторожности и бдительности за Поляками, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время, кажется, что-то у нихъ готовится.

XXIII.

С.-Петербургъ, 15 (27) Марта 1835 г.

Извѣстія мои изъ Вѣны гласятъ одинако съ тобою полученными; кажется, надѣяться можно, что явнаго различія съ прежнимъ порядкомъ дѣлъ не будетъ; но одна потеря лица покойнаго императора уже столь велика личнымъ вліяніемъ и уваженіемъ, которыя къ себѣ вселялъ,

что сего одного уже достаточно, чтобы перемѣнить всѣ сношенія съ Германіею, въ которой онъ былъ ключемъ. Меттернихъ теперь будетъ все. Покуда польза Австріи будетъ съ нами оставаться въ союзѣ, дотоль намъ на него надѣяться можно; но характеръ его таковъ, что къ нему я никогда никакого совершеннаго довѣрія имѣть не могу.

XXIV.

С.-Петербургъ, 9 (21) Апрѣля 1835 г.

Новаго отсюда не имѣю тебѣ ничего сказать, кромѣ, что у насъ съ Пасхи новая зима, а въ самый тотъ день была буря со вьюгой такая, какой у насъ здѣсь никто не запомнитъ. Славный климатъ! Изъ Лондона третьяго дня получилъ курьера съ письмомъ отъ Велингтона, который мнѣ пишетъ самъ, что правительство мнимое и что все въ рукахъ массы необузданной, но имѣющей всю силу въ своей власти, такъ что я столько же могу предвидѣть будущность несчастнаго края, какъ и само министерство. Хорошо признаніе! Но вотъ гдѣ кажется мнѣ и оправдывается мое предвидѣніе. Не стыдно ли-бъ намъ было, ежели-бъ всякая перемѣна въ Англіи или Франціи должна была имѣть вліяніе на благосостояніе насъ, самостоятельныхъ государствъ? Не пора ли намъ доказать, что мы можемъ обойтись безъ Англіи, когда она не умѣетъ быть счастливою въ самой себѣ и быть съ нами въ добрыхъ сношеніяхъ? Вотъ моя исповѣдь. Отъ этого правила не отойду я никогда, ибо сіе было бы противно моему убѣжденію, скажу даже противно нашей чести. Противное было бъ признаніемъ нашей слабости и какъ бы сознаніемъ какой-то обидной зависимости отъ Англіи. Кажется, что сему убѣждаются, а я не престаю о томъ твердить.

XXV.

Александрія, близъ Петергофа, 30-го Іюня 1835 г.

Я знаю, что меня хотятъ зарѣзать, но вѣрю, что безъ воли Божіей ничего не будетъ, и совершенно спокоенъ. Мѣры предосторожности беру, и для того оффиціально объявилъ и поручаю и тебѣ разгласить, что ѣду изъ Данцига на Познань смотрѣть укрѣпленія; но одному тебѣ даю знать, что въѣду въ царство черезъ Торунь на Нишаву. Конвой вели приготовить на Познань, другихъ не надо.

XXVI.

Петергофъ, 31 Іюля (12) Августа 1835 г.

Предполагаемъ съ помощію Божіею отправиться завтра въ путь; стало, вѣроятно, когда получишь письмо сіе, я буду уже въ дорогѣ и близъ тебя. Чрезъ Торунь ѣду я одинъ съ Бенкендорфомъ, Раухомъ и Арендтомъ въ двухъ колясках и съ фельдъегеремъ, прочіе всѣ ѣдутъ въ Познань. Происшествіе въ Парижѣ ужасное, но послужитъ Филиппу въ усиленіе, ибо явственно оказало необходимость строгихъ мѣръ. Важно будетъ знать, которой партіи принадлежитъ позоръ сего гнуснаго предпріятія; срамъ, ежели легитимистамъ. Что наши канальи-Поляки вздернули носъ, весьма ихъ достойно. Но я полагаюсь на Бога и ѣду съ спокойнымъ духомъ; прочее въ волѣ Его. Шельмамъ зададимъ феферу тѣмъ, чтò ты съ Фурманомъ приготовилъ. Что-то у насъ дѣлается въ Калишѣ? Не дозволяй мучить, а вели учить умѣренно, но съ толкомъ.

XXVII.

С.-Петербургъ, 10 (22) Февраля 1836 г.

Паленъ пишетъ про разговоръ съ королемъ Французскимъ, въ которомъ онъ, говоря про сумасбродныя ругательства и угрозы Англіи, поручилъ мнѣ сказать, что хотя не вѣритъ, чтобъ они могли дѣйствительно на что подобное рѣшиться, но что, во всякомъ случаѣ, онъ никогда къ Англіи противъ насъ не пристанетъ. Тѣмъ лучше для него, но и намъ хорошо это знать. Замѣчательно, что въ Англіи точно боялись, чтобъ я не сдѣлалъ неожиданно десантъ на ихъ берегъ, и начинаютъ о семъ явно говорить, признаваясь, что за годъ сіе возможно было исполнить безъ всякаго препятствія. Стало, вотъ до чего довело ихъ сумасбродное то правленіе! Вотъ опять новое министерство во Франціи. Чтò за народъ, что за порядокъ вещей, и есть ли тутъ возможность что нибудь путнаго ожидать? Какъ имъ все это не надоѣстъ! Я рѣшился про это вовсе не говорить съ Поццомъ*), чтò его крайне озадачиваетъ. Онъ, какъ кажется, человѣкъ порядочный, а жена его довольно любезная женщина.

Беременность жены моей кончилась весьма благополучно ничѣмъ; она поправляется, но должна быть весьма осторожна.

*) Т. е съ графомъ Поццо-ди-Борго, нашимъ посломъ въ Лондонѣ. П. Б.

XXVIII.

С.-Петербургъ, 15 (27) Февраля 1836 г.

Кажется мнѣ, что среди всѣхъ обстоятельствъ, колеблющихъ положеніе Европы, нельзя безъ благодарности Богу и народной гордости взирать на положеніе нашей матушки Россіи, стоящей какъ столбъ и презирающей лай зависти и злости, платящей добромъ за зло и идущей смѣло, тихо, по христіанскимъ правиламъ къ постепеннымъ усовершенствованіямъ, которыя должны изъ нея на долгое время сдѣлать сильнѣйшую и счастливѣйшую страну въ мірѣ. Да благословитъ насъ Богъ и устранитъ отъ насъ всякую гордость или кичливость, но укрѣпитъ насъ въ чувствахъ искренней довѣренности и надежды на милосердный Промыселъ Божій! А ты, мой отецъ-командиръ, продолжай мнѣ всегда быть тѣмъ же вѣрнымъ другомъ и помощникомъ къ достиженію нашихъ благихъ намѣреній.

XXIX.

Петергофъ, 4 (16) Іюля 1836 г.

Вчера былъ у насъ смотръ флоту и честь ботику Петра I-го; на рейдѣ было 26 лин. кораблей, 14 фрегатовъ, а всѣхъ 80 воен. судовъ: видъ величественный, и все было въ примѣрномъ порядкѣ. Возилъ съ собой иностранныхъ пословъ и, кажется, имъ понравилось. Сегодня отправляю сына Константина съ флотомъ въ море на 15 дней; и хотя ему еще только 9 лѣтъ, но оно нужно для подобнаго ремесла начинать съ самыхъ юныхъ лѣтъ; хотя и тяжело намъ, но должно другимъ дать примѣръ. Сегодня также училъ кадетъ, которые съ году на годъ лучше; а вечеромъ буду смотрѣть маневръ артиллеріи въ Красномъ Селѣ.

XXX.

Чембаръ, 30-го Августа 1836 г.

Ты уже узналъ, любезный мой отецъ-командиръ, о причинѣ, лишающей меня, къ крайнему моему сожалѣнію, возможности исполнить мою поѣздку къ тебѣ. Полагая, что ты вѣрно будешь безпокоиться о моемъ положеніи, спѣшу тебя увѣрить, что переломъ ключицы мнѣ никакой боли не производитъ; мучаетъ же лишь одна тугая перевязка, но и къ ней начинаю привыкать; впрочемъ, ни лихорадки, ни другихъ какихъ либо послѣдствій отъ нашей кувыркколегіи во мнѣ не осталось, и такъ себя чувствую здоровымъ, что могъ бы сейчасъ ѣхать далѣе, еслибъ на бѣду мою не поступилъ въ команду къ Арендту, который толкуетъ, что необходимо остаться на покоѣ для совершен-

наго срощенія кости, которое дорогою могло бы разстроиться. Сверхъ того, лишенный способа сѣсть на лошадь, не было бы мнѣ возможности явиться предъ войсками какъ слѣдуетъ и присутствовать при маневрахъ. При томъ и срокъ сбору войскъ истекъ бы ранѣе, чѣмъ я бы могъ поспѣть; и такъ ничего бы мнѣ не оставалось, какъ, скрѣпясь сердцемъ, отказаться отъ смотровъ.

XXXI.

С.-Петербургъ, 4 (16) Февраля 1837 г.

Здѣсь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимаетъ публику и служитъ пищей разнымъ глупымъ толкамъ. Онъ умеръ отъ раны за дерзкую и глупую картель, имъ же писанную, но, слава Богу, умеръ христіаниномъ. Много хлопотъ намъ надѣлала преглупѣйшая статья въ Варшавской Польской газетѣ, что̀ прошу унять (впередъ; подозрѣваю, не Козловскій ли это затѣялъ [1])?

XXXII.

С.-Петербургъ, 22 Февраля (6) Марта 1837 г.

Мнѣніе твое о Пушкинѣ я совершенно раздѣляю [2]), и про него можно справедливо сказать, что въ немъ оплакивается будущее, а не прошедшее. Впрочемъ, всѣ толки про это дѣло, какъ и все на свѣтѣ, проходятъ; а судъ идетъ своимъ порядкомъ. Новаго въ политикѣ ничего нѣтъ; кажется, что наше дѣло идетъ на мировую. Отчего? Оттого-ли, что дѣло наше слишкомъ чисто, чтобъ придраться было можно, или же, что̀ вѣроятнѣе, они не могутъ начать спору—право не знаю.

XXXIII.

Ново-Черкасскъ, 21 Октября (3 Ноября) 1837 г.

Окончивъ благополучно мою поѣздку за Кавказъ, полагаю, что тебѣ любопытно будетъ имѣть понятіе объ общемъ впечатлѣніи, на меня произведенномъ тѣмъ, что̀ я въ короткое время успѣлъ видѣть или слышать. За Кавказомъ вообще христіане народъ предобрый, бла-

---

[1]) Во Всеобщей Газетѣ (Gazeta Powszechnia) появилась льстивая статья съ превыспренними похвалами самодержавію, какими полны современныя намъ нѣкоторыя Русскія газеты. Государь Николай Павловичъ тотчасъ почувствовалъ, что подобными изъявленіями только роняется здравое понятіе о верховной власти. Князь П. Б. Козловскій жилъ у князя Паскевича. Это былъ необыкновенно-умный толстякъ, нѣкогда министръ нашъ въ Сардиніи и тайный католикъ. П. Б.

[2]) Князь Паскевичъ писалъ Государю: „Жаль Пушкина, какъ литератора, въ то время, когда его талантъ созрѣвалъ; но человѣкъ онъ былъ дурной“. (См. Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка Имп. Ак. Наукъ. 1896, I, 66.)

годарный за всякое добро и способный ко всѣмъ будущимъ видамъ правительства. Армяне полезные, но великіе проныры и почти подобные Польскимъ Жидамъ; они намъ вѣрны по разсчету, ихъ надо вести твердо, справедливо, но безъ всякаго баловства. Татары храбрые, усердные, жадные наградъ, но «не введя насъ во искушеніе». Ихъ должно тоже вести справедливо и твердо. Новопріобрѣтенные Персіане, Курды и Турки смирны, благодарны за добро, но требуютъ еще большей осторожности въ обращеніи съ ними. Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ семъ краѣ столько различныхъ составныхъ частей, что ежели вездѣ нужны умные и честные исполнители, то тѣмъ паче здѣсь. Но, къ несчастію, убѣжденія, что сіе непремѣнное условіе къ общему благоустройству здѣсь исполнено, у меня нѣтъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, немногіе изъ управляющихъ поняли и свою обязанность или даже чистыми названы быть могутъ. Общая зараза своекорыстія, что́ всего страшнѣе, достигла и военную часть до невѣроятной степени, даже до того, что я вынужденнымъ былъ сдѣлать неслыханный примѣръ на собственномъ моемъ фл.-адъютантѣ. Мерзавецъ сей, командиръ Эриванскаго полка кн. Дадіанъ, обратилъ полкъ себѣ въ аренду и столь нагло, что публично держалъ стада верблюдовъ, свиней, пчельни, винокуренный заводъ, на 60 т. пудъ сѣна захваченный у жителей сѣнокосъ, употребляя на все солдатъ; въ полку при внезапномъ осмотрѣ найдено 534 рекрута, съ прибытія въ полкъ неодѣтыхъ, необутыхъ, частію босыхъ, которые всѣ были у него въ работѣ, то есть ужасъ! За то я показалъ, какъ за неслыханныя мерзости неслыханно и взыскиваю. При полномъ разводѣ, объявя его вину, велѣлъ военному губернатору снять съ него фл.-адъют. аксельбантъ, арестовать и съ фельдъегеремъ отправить въ Бобруйскъ для преданія суду, даромъ что женатъ на дочери бѣднаго Розена; сына же его, храбраго и добраго малаго, взялъ себѣ въ адъютанты.

Другой мерзавецъ, полицеймейстеръ въ Тифлисѣ, полковникъ Мищенко, пьяница, воръ, имѣлъ дерзость взять на себя содержаніе почты въ городѣ, держа полицію въ совершенномъ безпорядкѣ; я его отставилъ за нетрезвое поведеніе. Бѣдный Розенъ исполненъ благихъ намѣреній, но его непомѣрная слабость причиной большей части золъ; ибо хорошо дѣлаютъ тѣ только, кои изъ собственнаго подвига то дѣлаютъ, взыскивать же онъ не умѣетъ. Однако надо ему отдать справедливость, что на него лично никто не жалуется, но всѣ говорятъ про его слабость. Онъ произвелъ прекрасныя вещи; дороги, имъ проложенныя или пролагаемыя, точно Римскія работы; крѣпость Гумри меня изумила и годилась бы составлять часть Новогеоргіевска, какъ

выборомъ мѣста, расположеніемъ, такъ и изящностью работъ, при столь малыхъ способахъ. Край вездѣ покоенъ, такъ что всѣ ѣздятъ безъ конвоя, даже по самой границѣ и до Владикавказа. Доходы много поднялись, хотя при лучшемъ порядкѣ еще болѣе возвыситься должны; словомъ, повторяю, онъ дѣлалъ по крайнему разумѣнію, но его не переродишь, и порокъ его все портитъ. Стало, себя виню, что не умѣлъ лучше выбрать. Теперь жду твоего отвѣта; ибо онъ рѣшительно просится прочь. До отвѣта твоего пріостановлю разрѣшеніе объ отпускѣ Головина. На Линіи нашелъ я много порядка. Тишина съ году на годъ дѣлается прочнѣе; казачье линейное войско въ отличномъ видѣ, но обременено сверхъ силъ службой и терпитъ отъ сего много; нужно будетъ его усилить. Здѣсь видѣлъ я съ радостію плоды нашего Кавказско-горскаго гвардейскаго $^1/_2$ эскадрона и кадетъ изъ горцевъ; ибо всѣ служатъ весьма усердно при линейныхъ полкахъ. Многіе даже, переведя свои аулы на военную дорогу, совершенно ее обезпечили отъ набѣговъ. Стремленіе горцевъ по ихъ примѣру отдавать дѣтей къ намъ въ корпуса весьма замѣтно, и сомнѣнія нѣтъ, что лѣтъ черезъ 20 весь ближній разбродъ сихъ горскихъ народовъ нечувствительно сольется въ одно цѣлое съ линейными казаками. Считаю сіе дѣло первой важности и всячески оному помогать буду. Вельяминову долженъ я отдать справедливость въ томъ, что мысль мою совершенно постигъ и усердно принялся за исполненіе. Вотъ записка, которую ему далъ я въ руководство.

Одного боюсь, чтобы природная лѣнь его не повредила успѣху дѣла; но съ нимъ пріятно заниматься, и я вспомнилъ при томъ, что̀ ты мнѣ про него говорилъ. Депутаты были почти отъ всѣхъ сосѣдей, кромѣ Шапсуговъ и Натухайцевъ; рожи однихъ Аварцевъ мнѣ не понравились, прочіе видно, что рады были меня видѣть. Предъ самымъ моимъ отъѣздомъ прибыли двое извѣстныхъ знатныхъ Абадзеховъ, не депутатами, но однако съ согласія народа, съ тѣмъ, чтобы меня видѣть и узнать, чего хочу; одинъ изъ нихъ преумный старикъ. Мы говорили долго, и они были очень довольны слышаннымъ и увѣряли меня, что они и многіе давно готовы намъ покориться на сихъ условіяхъ, что у нихъ никакого порядка нѣтъ и что съ трудомъ разумные превозмогаютъ сумасбродное невѣжество, что они однако нынѣ надѣются болѣе успѣть, говоря, что отъ меня лично слышали и уполномочены мной вызвать охотниковъ ко мнѣ въ Петербургъ лично для объясненія. Посмотримъ, что̀ будетъ. Между тѣмъ приняты всѣ мѣры, чтобы съ будущей весны занять вновь три пункта; останутся еще три остальныхъ для 1839 года. Тогда окончательно весь берегъ будетъ нашъ.

За симъ, мой отецъ-командиръ, все тебѣ высказалъ. Да забылъ было сказать, что, выѣзжая изъ самаго Тифлиса, на первомъ спускѣ, Богъ насъ спасъ отъ явной смерти. Лошади понесли на крутомъ поворотѣ вправо, и мы бы непремѣнно полетѣли въ пропасть, куда уносныя лошади и правыя коренныя и пристяжная упали черезъ парапетъ, ежели бы Божія рука не остановила заднихъ колесъ у самаго парапета. Переднія колеса на него уже съѣхали; но лошади, упавъ, повисли совершенно на воздухѣ за одну шею, хомутами на дышлѣ, сломали его, и тѣмъ мы легко опрокинулись налѣво съ малымъ ушибомъ. Признаюсь, думалъ я, что конецъ мнѣ; ибо мы имѣли все время обозрѣть опасность и разглядѣть, что намъ не было иного спасенія, какъ въ Промыслѣ милосердаго Бога, такъ и сбылось. Ибо «живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится». Такъ я думалъ, думаю и буду думать. Прости мнѣ длинное письмо; съ тобой невольно разговоришься.

XXXIV.

Москва, 14-го Ноября 1837 г.

Кажется, съ помощію Божіею можно надѣяться, что чума въ Одессѣ далѣе не пойдетъ. Срамъ да и только, что она выпущена изъ хваленаго карантина. Славны бубны за горами. Надо Одессѣ военное строгое начальство, а не бабы, и г. Воронцовъ, при всѣхъ его отличныхъ достоинствахъ, крайне слабъ въ начальствѣ, и всѣ власти безъ силы оттого.

XXXV.

Москва, 1 (13) Декабря 1837 г.

Вчера познакомился я съ княгиней Голициной, урожденной Езерской; она не дурна и, кажется, довольно умна; я ее обласкалъ, какъ первую Польку, за Русскаго вышедшую; не думаю, чтобы многія послѣдовали ея примѣру. Я любовался успѣхами работъ по крѣпостямъ; точно весело читать, а еще веселѣе будетъ ими любоваться на мѣстѣ. Мѣры, тобой принимаемыя, къ постепенной отмѣнѣ Французскаго языка въ дѣлахъ, совершенно согласны съ моими желаніями; другое дѣло говорить, ибо съ людьми, которые другого языка не знаютъ, какъ Французскій, иначе объясняться нельзя; и то уже большой шагъ къ будущему.

XXXVI.

С.-Петербургъ, 3-го Генваря 1838 г.

Кругомъ я виноватъ передъ тобой, мой любезный отецъ-командиръ, что столь долго не отвѣчалъ на послѣднее твое письмо; но ты уже знаешь подробно несчастіе, насъ постигшее; съ той поры мнѣ точно не было времени приняться за перо. Надо благодарить Бога,

что пожаръ случился не ночью и что, благодаря общему усердію гвардіи, Эрмитажъ мы отстояли и спасли почти все изъ горѣвшаго дворца. Жаль старика, хорошъ былъ; но подобныя потери можно исправить, и съ помощію Божіею надѣюсь къ будущему году его возобновить не хуже прошедшаго, и надѣюсь безъ большихъ издержекъ. Усердіе общее и трогательное. Одно здѣшнее дворянство на другой же день хотѣло мнѣ представить 12 милліоновъ, тоже купечество и даже бѣдные люди. Эти чувства для меня дороже Зимняго дворца; разумѣется однако, что я ничего не принялъ и не приму: у Русскаго Царя довольно и своего; но память этого подвига для меня новое и драгоцѣнное добро.

XXXVII.

Царское Село, 21 Октября (2 Ноября) 1838 г.

Благодарю, любезный мой отецъ-командиръ, за твое письмо отъ 11 (23) числа и за пріемъ нашему гостю *), который благополучно къ намъ прибылъ.

Чтò далѣе будетъ, тебѣ напишу; покуда знакомство идетъ очень хорошо; и, ежели Богъ благословитъ, надѣюсь устроить счастіе дочери, прилично ея сану и достоинству нашего семейства, и пріобрѣсть пятаго вѣрнаго сына и слугу отечества. Новаго только то, что Англичане снова устраиваютъ намъ козни за Персидскія дѣла и, кажется, мутятъ и въ Царьградѣ. Пальмерстонъ на словахъ объявилъ Поццо, что никогда Англія не потерпитъ нашего вмѣшательства въ дѣла Турціи, хотя бъ изъ этого произошла война. Каковъ голубчикъ! Но такъ какъ это пустословіе, а не на письмѣ, такъ я какъ будто бы не знаю того, а самъ ихъ спрашиваю, чтò значатъ ихъ пакости въ Персіи, и хотя тономъ весьма положительнымъ, но довольно дружески, чтобы не могли придраться къ намъ При ихъ расположеніи никакъ нельзя ручаться, чтобъ со дня на день бомба не лопнула и не сдѣлали бы какой нестерпимой наглости. Одно препятствіе имъ, это неимѣніе войскъ; но для того они, вѣрно, выставятъ другихъ, и можетъ быть Французовъ; хотя не вѣрю, чтобъ разсчетливый Луи-Филиппъ въ сіе вдался, ибо гдѣ ему удалять свои силы, когда самъ чуть держится? Впрочемъ, чтò ни случись, мы готовы; вѣрно не заберу никого, но и вѣрно никому не дозволю и себя забирать; пусть пробуютъ!

---

*) Т. е. герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому.

XXXVIII.

Царское Село, 5 (17) Ноября 1838 г.

Мнѣ весьма пріятно знать, что мой молодой пятый сынъ заслужилъ отъ тебя столь добрый аттестатъ; точно, кажется, онъ все соединяетъ, что̀ можетъ по человѣчеству обѣщать счастіе нашей милой Мери; прочее въ рукахъ неисповѣдимыхъ, и должно съ покорностью предоставить его милосердію Божію. И здѣсь онъ всѣмъ нравится своей вѣжливостію, скромностію, пріятной наружностью и совершеннымъ приличіемъ во всемъ.

XXXIX.

Александрія, близъ Петергофа, 7 (19) Февраля 1839 г.

Вызовъ Скржинецкаго, пріемъ его въ службу вопреки Австріи и Пруссіи, по моему, не есть простое дѣйствіе Бельгіи, но явный признакъ, что подъ симъ именемъ нынѣ таится или является общая пропаганда съ характеромъ революціонно-католико-фанатическимъ. Самый выборъ Скржинецкаго не что иное. Отважность же отказать Австріи и Пруссіи, и то тогда, когда повидимому никогда союзъ пяти державъ не былъ единодушнѣе въ цѣли своей, есть дерзость, не въ характерѣ проныры и к.... и Леопольда, у котораго все расчетъ. Я полагаю, что этотъ ш.... а, чувствуя, что ему не удержаться, рѣшился испытать послѣдній ему предлагавшійся способъ, т. е. стать головой, вмѣсто Луи-Филиппа, всѣхъ революціонистовъ и этимъ оружіемъ намъ противоборствовать. Не знаю, какъ и въ какой мѣрѣ Англія и Франція захотятъ и возмогутъ принудить Бельгію покориться изреченному конференціей; но ежели сіе сбудется, то полагаю, не надолго, и предвижу всенеизбѣжную войну. Эта война будетъ необыкновенная, но ужасная свалка двухъ началъ: зла противъ добра. Сомнѣваюсь, чтобъ, при слабомъ устройствѣ Германіи, успѣхъ былъ на сторонѣ добра, и, признаюсь, опасаюсь большихъ несчастій и распространенія зла быстро и далеко. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда закричатъ къ намъ, требуя помощи. Въ ней отказу не будетъ; ибо, защищая добрую сторону, мы себя будемъ защищать. Но не иначе пойду на помощь, какъ съ тѣмъ, чтобъ другихъ заставить дѣлать по нашему, и потому не 50 т. поведу, но по крайней мѣрѣ 300 т.; иначе не пойду ни на шагъ, а буду ждать, чтобъ о насъ сломились. Обдумать и приготовить все для этого есть предметъ нынѣшнихъ моихъ попеченій.

Для безопасности края, всѣхъ извѣстныхъ говоруновъ, и въ особенности бывшихъ участниковъ революціи, нужно будетъ заблаговре-

менно вызвать и выслать во внутрь Россіи подъ строгій присмотръ и ничѣмъ не пренебречь; это можетъ упрочить спокойствіе края.

Теперь скажу тебѣ, что по ходу дѣла я полагаю, что гроза надъ Германіею не разразится ранѣе, какъ мѣсяца черезъ два; такъ что мы призваны быть можемъ не ранѣе, полагаю, какъ въ началѣ Іюня, и потому поспѣть можемъ рано что къ началу Августа на Эльбу, можетъ быть уже на Одеръ.

Дай Богъ, чтобы я ошибался, но полагаю лучше предвидѣть худшее, чѣмъ льстить себя обманчивыми надеждами.

XL.

С.-Петербургъ, 5 (17) Марта 1839 г.

Чернышовъ дѣлалъ разныя соображенія и подробную смѣту всѣхъ расходовъ по приведенію арміи въ военное положеніе. Все это вчера только кончено и тебѣ сообщится. И такъ у насъ будетъ все готово; но, приступя къ оному, другое я отложилъ, ибо обстоятельства приняли другой оборотъ, и ежели я не ошибаюсь, близкой войны намъ не угрожаетъ. Ежели же было бъ какое опасеніе, то наша роль начнется не ранѣе 4 или 5 мѣсяцевъ позже; ибо повторяю, что я не клочками введу наши войска, но гряну сразу со всею силою; иное намъ неприлично. Вчерашнія извѣстія изъ Парижа и Брюсселя, ничего еще рѣшительно не объясняя, дозволяютъ однако предполагать тихой развязки; вопросъ только, на долго ли? Что за мерзости въ Гишпаніи! Чортъ ихъ не разберетъ! Сына моего приняли въ Вѣнѣ весьма ласково во всѣхъ сословіяхъ, и онъ не нахвалится всѣми.

XLI.

Царское Село, 30 Сентября (12 Октября) 1839 г.

Съ самой нашей разлуки съ тобой, я кромѣ непріятнаго ничего не имѣлъ. Здоровье жены моей, которую предъ отъѣздомъ оставилъ поправляющуюся, видимо, къ несчастію, вновь столь разстроилось, что я долженъ былъ, внезапно оставя Москву, спѣшить къ ней сюда, въ жестокомъ безпокойствѣ найти ее опасно больною. Но милосердіемъ Божіимъ опасенія мои были напрасны, и я нашелъ ее, хотя еще въ постели, но почти безъ лихорадки, но сильно страдающею еще отъ нервически-простудной головной боли. Теперь ей лучше, и она третій день какъ перешла въ кабинетъ, но крайне слаба, и вся польза лѣченія нынѣшняго лѣта исчезла. Вслѣдъ за тѣмъ заболѣла дочь моя Ольга сильной простудой, и сегодня только послѣ 14 дневной сильной

лихорадки, при жестокомъ кашлѣ, ей кажется получше. Въ это же время лишились мы нашей почтенной генеральши Адлербергъ, бывшей моей первой наставницы и которую я привыкъ любить, какъ родную мать, чтó меня крайне огорчило. Наконецъ, сынъ заболѣлъ дорогой и, судя по первымъ признакамъ болѣзни, надо было опасаться повторенія прошлогодней. Я долженъ былъ согласиться дозволить ему сюда возвратиться и отказаться на сей разъ ѣхать въ Варшаву. Изъ всего этого заключить ты можешь, въ какомъ я расположеніи духа но чтò дѣлать, это воля Божія; надо терпѣть и покоряться, но очень, очень тяжело.

XLII.

С.-Петербургъ, 14 (26 Декабря) 1839 г.

Бруновъ въ Лондонѣ, и я скоро надѣюсь получить извѣстіе о благополучномъ заключеніи договора, который столько труда и времени стоилъ заключить, потому именно, что ничего не было легче. Но мы видимъ, что простое и прямое не всегда легко именно оттого, что просто и легко. Наша экспедиція въ Хиву отправилась; не знаю, какой будетъ успѣхъ, ибо вещь мудреная и въ особенности зимой; кромѣ стужи и бурановъ все надо везти съ собой; и, чтобъ вывесть въ полѣ до 5 т. войска, нужно было двинуть до 10000 верблюдовъ и 28 т. лошадей для предварительныхъ завозовъ продовольствія; изъ сихъ лошадей уже 8 т. пало. Ужасъ подумать! Ежели удастся, то вліяніе будетъ сильно и полезно; но жаль противнаго, а увѣрену быть нѣтъ никакой возможности.

XLIII.

С.Петербургъ, 23 Генваря (4 Февраля) 1840 г.

Экспедиція въ Хиву продолжала подвигаться, не смотря на холодъ, доходившій до 32°. Больныхъ немного въ отрядѣ, но много въ гарнизонахъ укрѣпленій, умершихъ же въ сіе время на 6 т. 34, чтò очень немного. Была уже встрѣча неожиданная съ Хивинцами; одна наша рота безъ артиллеріи имѣла дѣло цѣлые сутки съ 2 т. ихъ отрядомъ и счастливо отбила всѣ ихъ нападенія; предстояло труднѣйшее, т. е. переходъ черезъ хребетъ Усть-Юртъ. Отъ Брунова ничего не получилъ новаго, но все шло покуда хорошо. Злость Франціи на насъ все усиливается, и слова Сульта въ камерахъ сіе доказываютъ, что я имъ сильно отвѣчалъ.

XLIV.

Остроленка, 15 (27) Мая 1840 г.

Вели въ крѣпости у квартиры, гдѣ остановимся, поставить почетный караулъ; крѣпости салютовать, когда жена выйдетъ изъ кареты, но не ранѣе, дабы не пугать лошадей.

Въ Варшавѣ мы пріѣдемъ прямо къ собору, во время многолѣтія вели цитадели салютовать. Мы очень желаемъ остановиться не въ Бельведерѣ, но въ Лазенкахъ; буде сіе рѣшительно не невозможно, топить тамъ можно вверху вездѣ. Раухъ привезъ намъ весьма плохія извѣстія про почтеннаго короля; ждемъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда Тюмина съ позднѣйшими. Положеніе мое очень тяжело: удерживать жены не смѣю, но боюсь несчастія въ ея присутствіи, и тогда послѣдствія для ея слабаго здоровья меня пугаютъ. Но Богъ милосердъ и услышитъ молитвы наши и сохранитъ еще почтеннаго короля. Не хочу терять надежды.

XLV.

Берлинъ, 26 Мая (7 Іюня) 1840 г.

Богъ сподобилъ меня застать еще въ живыхъ почтеннаго короля и быть имъ еще узнаннымъ; и казалось, что это была послѣдняя ему пріятная минута, и черезъ 4 часа послѣ онъ скончался какъ праведникъ, безъ боли, безъ вздоха, безъ судорогъ, заснулъ! Мы всѣ, Русскіе, должны въ немъ оплакивать друга нашего Александра Павловича и искренняго друга Россіи, чтó онъ въ завѣщаніи подтвердилъ своимъ дѣтямъ. Вели сейчасъ надѣть трауръ въ арміи, сходно посылаемаго приказа. Жена моя перенесла ужасный сей ударъ съ удивительною твердостію духа, и съ помощію Божіей, надѣюсь, что оно худыхъ для нея послѣдствій имѣть не будетъ.

XLVI.

Потсдамъ, 29 Мая (10 Іюня) 1840 г.

Здѣсь все продолжаетъ быть въ порядкѣ, и кажется, при благоразуміи короля и преданности къ нему, можно того же надѣяться впредъ; такъ и чувства его, которыя мнѣ давно были извѣстны, выразились ясно вчера, когда онъ принималъ нашъ отрядъ кавалергардовъ; обласкавъ каждаго и увѣривъ всѣхъ въ наслѣдственныхъ чувствахъ къ Россіи и къ нашей арміи, онъ обнялъ старшаго унтеръ-офицера и рядоваго, въ знакъ искренности своихъ словъ.

Вчера по соизволенію его дежурили при немъ наши генералъ и флигель-адъютанты, сегодня стоятъ на часахъ наши кавалергарды; словомъ, все дѣлается, чтобы доказать, что потеря наша общая, и что память къ нему, общая въ насъ, залогомъ и будущей нашей дружбы и союза. Я держусь въ сторонѣ и никого не вижу, дабы показать тѣмъ, что я прибылъ для семьи, для покойнаго, а не для какого либо вліянія.

XLVII.

Сергіевское, близъ Петергофа, 29 Іюня (11 Іюля) 1840 г.

Съ возвращенія моего сюда мнѣ не было свободнаго времени отвѣчать тебѣ, мой любезный отецъ-командиръ, на два письма; одно полученное мною на пароходѣ при самомъ отплытіи изъ Киля; другое здѣсь, вскорѣ по пріѣздѣ. Я нашелъ здѣсь столько тяжелаго, грустнаго дѣла, что, при безъ того довольно мрачномъ расположеніи моего духа, съ трудомъ могъ заниматься и кончить все, чтò на меня навалили. Теперь, слава Богу, дѣла пришли въ обыкновенное правильное теченіе, и мнѣ нѣсколько полегче. Къ несчастію я нашелъ здѣсь мало утѣшительнаго, хотя много и было преувеличено. Четыре губерніи точно въ крайней нуждѣ; это Тульская, Калужская, Рязанская и Тамбовская; озимой хлѣбъ и четверто доли не воротитъ сѣмянъ; къ счастію, что яровыя хороши.

Требованія помощи непомѣрныя; въ двѣ губерніи требуютъ 28 милліоновъ; гдѣ ихъ взять? Всего страшнѣе, что ежели озимыя поля не будутъ засѣяны, то въ будущемъ году будетъ уже рѣшительный голодъ; на врядъ ли успѣемъ закупить и доставить вò время. Вотъ моя теперешняя главная забота. Дѣлаемъ, чтó можемъ; на мѣсто посланъ г. Строгановъ, распоряжаться съ полною властью. Петербургъ тоже можетъ быть въ нуждѣ, ежели изъ за границы хлѣба не подвезутъ. Чтобъ облегчить потребность казеннаго хлѣба сюда и не требовать всего количества съ низовыхъ губерній, я приказалъ было Чернышову тебя спросить, можно ли считать на Польшу; но дѣло это несбыточно на сообщенныхъ условіяхъ; развѣ на пробу заподрядить 20 т. кулей для доставки чрезъ Либаву? Годъ тяжелый; денегъ требуютъ всюду, и недоимки за полгода уже до 20 милліоновъ противу прошлаго года; не знаю право, какъ выворотимся.

Поѣздка моя въ Германію, какъ пишетъ Паленъ, привела Луи-Филиппа и Тьера въ тревогу; они вообразили, что я только за тѣмъ ѣздилъ, чтобъ соединить всѣхъ Германскихъ владѣтелей противъ Франціи и крѣпко негодуютъ.

XLVIII.

Царское Село, 2-го (14) Октября 1840 г.

Съ большимъ любопытствомъ читалъ я описаніе твоего пребыванія въ Берлинѣ Пріемъ короля таковъ, какого я ожидалъ; чтò прочіе о томъ думали, намъ дѣла нѣтъ: воля короля и твердая его рѣши-

мость дѣйствовать за одно съ анми для меня достаточны. Ты очень хорошо сдѣлалъ, что коснулся всѣхъ предметовъ и все привелъ въ ясность къ взаимному удовольствію. Касательно же могущей потребоваться отъ насъ помощи или нашего участія въ борьбѣ съ Франціею, я другого мнѣнія. Не говоря уже о томъ, можетъ ли быть или нѣтъ вѣроятія, чтобъ при нынѣшнемъ положеніи вещей была возможность ожидать нападенія Франціи на Германію, должно однако полагать, что силы западной Германіи и 4 Прусскихъ корпуса достаточны будутъ, дабы встрѣтить Французовъ и бороться съ ними съ мѣсяцъ или болѣе, до прихода остальныхъ Германскихъ силъ, т. е. Прусскихъ пяти корпусовъ и Австрійской арміи, которая, при всей ихъ безпечности, не можетъ же исчезнуть съ лица земли. Наше появленіе должно быть только въ одномъ случаѣ: недостатка сихъ первыхъ силъ или ихъ неудачи; но тогда наше появленіе должно быть достойно Россіи, оно должно быть огромно, грозно, непреодолимо, и съ помощію Божіею рѣшить дѣло однимъ ударомъ. Я рѣшительно и никогда не соглашусь на раздробленіе нашихъ силъ въ видѣ частной помощи.

XLIX.

Царское Село, 26-го Мая (7-го Іюня) 1842 г.

Ждемъ на дняхъ сестру жены съ мужемъ, потомъ принца Прусскаго, за нимъ короля, потомъ герцога Нассаускаго съ братомъ и моего племянника, младшаго сына Анны Павловны; такъ что скоро придется мнѣ пѣть: Князи людскіе собрашася... охъ тихъ-тихъ-тихъ-ти!

L.

С.-Петербургъ, 14-го (26-го) Генваря 1843 г.

Мнѣ уже часто предлагали отвѣчать на статьи и брошюры, издаваемыя за границей съ ругательствами на насъ. Не соглашался я на это по той причинѣ, что, кромѣ того, что считаю сіе ниже нашего достоинства, и пользы не предвижу: мы будемъ говорить одну истину, на насъ же лгутъ завѣдомо; потому не равенъ бой. Сильнѣе гораздо опроверженіе въ самихъ дѣлахъ, когда они доказываютъ ложь торжественно. Нынѣшнее усугубленіе злости возбуждается непонятными дѣйствіями Пруссіи. Ихъ неосновательность, опрометчивость и непонятныя противорѣчія самимъ себѣ поставили всѣхъ въ недоумѣніе, къ чему это вести должно; и приступаютъ къ намъ съ требованіемъ объясненія, въ томъ числѣ и по торговымъ дѣламъ. Чѣмъ бы признаться, что они въ требованіяхъ къ намъ ошиблись, имъ легче было вывернуться, давъ видъ, что будто они просили за всѣхъ, а мы сего не

хотѣли, согласясь для нихъ однихъ. Какъ же намъ тягаться съ подобнымъ образомъ дѣйствій? Мы идемъ чисто, прямой дорогой, а вотъ чѣмъ намъ платятъ. Потому и теперь не могу согласиться заводить полемику; пусть лаютъ на насъ, имъ же хуже. Придетъ время, и они же будутъ предъ нами на колѣняхъ, съ повинной, прося помощи. Папа съ дочерью обошелся какъ нельзя лучше, а Максу говорилъ, что въ Баваріи вредятъ католической вѣрѣ фанатизмомъ и нетерпимостью. Каково? И онъ на попятный дворъ.

LI.

С.-Петербургъ, 6-го (18-го) Марта 1843 г.

Вполнѣ раздѣляю мнѣніе твое на счетъ происковъ L. Philippe, хотя мало со мною соглашаются, ослѣпляясь его умомъ и безстыдной ловкостью; теперь Орловъ привезъ мнѣ новыя сему доказательства, ибо Австрійское правительство достовѣрно знаетъ, что онъ посылаетъ ежегодно въ Римъ отъ 10 до 12 м. франковъ для подкупа въ пользу революціонныхъ правилъ, а я ничуть не сомнѣваюсь, что быть можетъ онъ-то и причиной недоброжелательства папы къ намъ и всѣхъ затрудненій, симъ порожденныхъ. Орловъ привезъ тоже доказательства, что фанатизмъ въ Вѣнѣ превосходитъ воображеніе; легко вообразить, къ чему это ведетъ. Потеря короля Шведскаго для насъ чувствительна; очень желаю, чтобы сынъ наслѣдовалъ отцовскія чувства къ Россіи и всегдашнее благорасположеніе. Посылаю къ нему Макса, дабы убѣдить его не измѣнять нашихъ добрыхъ сношеній для обоюдной пользы и его спокойствія.

LII.

Царское Село, 1-го (13-го) Августа 1844 г.

Пораженный тѣмъ же тяжелымъ ударомъ, какъ и ты, любезный мой отецъ-командиръ, солью мою невыразимую скорбь съ твоею, ибо чувствовалъ заранѣе и теперь вполнѣ ощущаю то, что́ и твое отцовское сердце терпитъ *). На это словъ нѣтъ, и кто прошелъ чрезъ подобное, можетъ только смиряться предъ Богомъ и говорить отъ глубины растерзаннаго сердца: да будетъ воля Твоя! Медлилъ я отвѣчать на первое твое письмо, потому что не могъ духомъ собраться все это время, чтобы взяться за перо. Почти 9 недѣль ожиданія того, что́ третьяго дня совершилось, такъ сокрушило мою душу, что я съ

*) У князя Паскевича скончалась въ это время дочь его Александра Ивановна, бывшая въ замужествѣ за флигель-адъютантомъ Петромъ Александровичемъ Балашовымъ.—День кончины великой княгини Александры Николаевны—29 Іюля 1844 г. П. Б.

трудомъ исполнялъ часть только своихъ обязанностей; ибо все это время былъ занятъ другой—святою. Наконецъ, Богу угодно было прекратить страданія нашего ангела и призвать его къ Себѣ! И мы, хотя съ сокрушеннымъ сердйемъ, благодаримъ Господа, ибо Онъ ангелу далъ вѣрно ангельское мѣсто. Теперь въ грусти одно утѣшеніе—молитва и служба; я займусь по прежнему всѣми обязанностями, и авось Богъ подкрѣпитъ насъ. Какія плачевныя вѣсти сообщилъ ты мнѣ! Что́ за всеобщія пагубы! Несчастнымъ должно помочь немедля и во что бъ ни стало. Я желаю, чтобъ имя покойной моей дочери было связано съ благодѣяніемъ для Варшавскихъ бѣдныхъ, и велѣлъ Туркулу тебѣ о томъ донести.

Необходимо употребить всѣ усилія, чтобы исправить какъ наискорѣе поврежденія въ крѣпостяхъ и придумать какъ впредъ предотвратить; ибо нельзя ручаться, чтобъ не повторилось. Боюсь въ особенности за цитадельскую оборонительную казарму, ибо всегда находилъ расположеніе ея опаснымъ отъ обваловъ крутости. Нельзя быть довольно осторожну. Полагаю, что посадка сплошь до верху вѣрнѣе всего. Глупый выборъ Варшавскихъ канониковъ вѣрно плодъ происковъ или страха. Должно ли намъ согласиться, этотъ вопросъ не умѣю я рѣшить. Скверный духъ долженъ быть, но уступать ему не должно, и не уступимъ. Покуда покушеніе на короля Прусскаго кажется не плодъ какого нибудь заговора или общества, но легко быть можетъ, что есть послѣдствіе разврата мыслей, болѣе и болѣе обладающаго умами, вслѣдствіе неслыханныхъ мерзостей, ежедневно появляющихся вездѣ. Въ этомъ родѣ гаже les Mystères de Russie ничего еще не читывалъ. Прочти. Войскъ здѣсь я почти не видалъ, ибо не могъ отлучиться; надѣюсь 7-го (19-го) и 8-го (20-го) чиселъ собраться съ силами и увидѣть хоть одно ученье и одинъ маневръ.

LIII.

Гатчина, 18-го (30) Сентября 1844 г.

Миръ Французовъ съ Марокомъ на время исправилъ отношенія Франціи съ Англіею, удаливъ на время продлогъ къ разрыву; но довѣріе другъ къ другу исчезло совершенно, и миръ на волоскѣ; первый предлогъ достаточенъ будетъ къ войнѣ. Вотъ плоды мнимой дружбы! Германія крѣпко больна; дѣйствія короля Прусскаго ея не излѣчатъ, и изъ всего этого выведемъ одно заключеніе, что намъ должно быть готовыми. Дабы же быть готовыми, надо довершить внутреннее устройство и бдительно подавлять всякія попытки, даже отдаленныя, къ ниспроверженію законнаго порядка; съ этими людьми милосердію

нѣтъ мѣста. Тяжелый сей годъ лишилъ меня на дняхъ моего вѣрнаго Бенкендорфа, котораго службу и дружбу 19 лѣтъ безотлучно при мнѣ не забуду и не замѣню; всѣ объ немъ жалѣютъ.

LIV.

Гатчина, 5-го (17-го) Октября 1814 г.

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я описаніе твоихъ смотровъ и маневровъ и весьма радъ, что ты всѣми тобой осмотрѣнными войсками остался доволенъ. Должно всѣми силами стараться поддерживать это состояніе и въ особенности утверждать нравственность войскъ, безъ которой, какъ оно красиво ни будетъ, не будетъ оно надежно; нельзя довольно за симъ смотрѣть. Дурной духъ въ Польшѣ меня не пугаетъ болѣе прошедшаго, ибо я столько же твердо устою въ рѣшимости ни на волосъ не отступать отъ принятыхъ правилъ, и чѣмъ они будутъ хуже, тѣмъ я буду строже, и тѣмъ хуже для нихъ. Но ежели мы подадимъ малѣйшій видъ послабленія, отъ боязни du qu'en dirat-on? [1]), то все рѣшительно пропадетъ. Потому ни въ твоемъ, ни въ моемъ характерѣ бояться ихъ; напротивъ, мы будемъ вмѣстѣ служить опорой правому дѣлу и надеждой для благомыслящихъ, сколько ихъ ни мало. Впрочемъ, во всемъ буди воля Божія!

LV.

Гатчина, 29 Октября (11-го Ноября) 1844 г.

Осенью полагаю я ѣхать прямо въ Кіевъ смотрѣть 1-й корпусъ; но ежели бъ легче было собрать его въ Елисаветградъ или Вознесенскъ по смѣнѣ 4-мъ корпусомъ, то было бъ еще лучше; ибо я смотрѣть намѣренъ тамъ 2-й резервн. и сводн. кавал. корпуса, чтó составило бъ прекрасный сборъ войскъ при сильной кавалеріи, и на весьма удобномъ мѣстѣ; тогда бы 1-й корпусъ, послѣ смотра около 15-го Сентября, могъ бы прямо слѣдовать на свои новыя квартиры. Послѣ этого смотра намѣренъ я еще видѣть флотъ Черноморскій, а на обратномъ пути 1-й и 3-й резервн. кав. корпуса. Voilà ce que l'homme propose, Dieu disposera [2]); но я старѣю, и мнѣ спѣшить надо смотрѣть все, чтò можно, доколь силы еще дозволяютъ. Здѣсь все тихо и хорошо. Живемъ въ уединеніи, чтò согласно съ нашимъ душевнымъ расположеніемъ. Смотрѣлъ вчера въ Царскомъ Селѣ образцовыя войска и былъ ими весьма доволенъ. На дняхъ видѣлъ здѣсь партію Поль-

---

[1]) Чтò объ этомъ скажутъ?

[2]) Вотъ чтó человѣкъ предполагаетъ, а Богъ расположитъ.

скихъ рекрутъ; кромѣ непомѣрнаго числа брошенныхъ дорогой больныхъ, въ одномъ здѣшнемъ лазаретѣ изъ 360 человѣкъ оставлено 32 человѣка больныхъ гнилыми горячками, изъ коихъ 9 трудныхъ, а два бѣжали съ одной дневки въ Гатчинѣ.

На выворотъ, потомъ смотрѣлъ партію Польскихъ Евреевъ; 150 человѣкъ какъ пошли изъ Варшавы, такъ и пришли, ни одного ни больного, ни бѣглаго не имѣли съ самаго выступленія, глядятъ весело, живо, здорово, словомъ молодцами, тогда какъ тѣ чуть живыми! Обрати на это вниманіе. По слухамъ, конвойные маіоры крѣпко шалятъ; ежели изобличу, въ три дуги согну мошенниковъ, марающихъ мундиръ. Послалъ Ф.-а. строго изслѣдовать.

LV.

С.-Петербургъ, 25-го Ноября (7-го Декабря) 1844 г.

Все касающееся расположенія умовъ въ Царствѣ меня удивляетъ. Я это всегда предвидѣлъ и объявилъ впередъ депутаціи, ежели припомнишь; не вѣривъ имъ никогда, не могу признавать себя обманутымъ. Но взираю на сіе какъ новое не только право, но необходимость усугубить осторожности, строгой справедливости и пріисканія всѣхъ возможныхъ мѣръ, чтобы отнять всѣ способы намъ вредить. Весьма важно то, что болѣе и болѣе революціонный духъ фанатизма мнимо-католическаго ослѣпляетъ этихъ дураковъ до того, что они мнѣ помогаютъ наложить на нихъ намордникъ. Этотъ намордникъ, который непремѣнно на нихъ наложу, есть присоединеніе духовной дирекціи къ Римско-католической коллегіи здѣсь; я на это имѣю и власть, и силою заставлю себя слушать. Въ другой разъ тебѣ это объясню подробно, покуда о семъ никому ни слова. Что же касается до теперешнихъ открытій, желательно скорѣе кончить и сдѣлать примѣръ строгости.

LVI.

С.-Петербургъ, 20 Декабря 1844 г. (1 Генваря 1845 г.).

Мнѣніе твое насчетъ неисправимаго сумасбродства Поляковъ я раздѣляю въ полной мѣрѣ. Тогда, когда единство мѣръ противъ ихъ замысловъ могло бы быть соблюдаемо не только у насъ, но въ Австріи и Пруссіи, тогда можно было надѣяться, что время излечило бы ихъ отъ тщетныхъ покушеній, и чрезъ сто лѣтъ могли бы они перерождаться; но когда, вмѣсто того, видимъ мы совершенно противоположную систему съ ними въ Пруссіи, а въ Австріи все покоряется прегосподствованію католическаго фанатизма, предъ которымъ все мол-

читъ, все уступаетъ: тогда остается намъ одна горькая юдоль—бороться и силой удерживать покой и покорность; тогда должно намъ истреблять постоянно все, что̀ намъ вредно и опасно быть можетъ,—самая тяжелая и непріятная обязанность, но обязанность святая предъ нашимъ отечествомъ, драгоцѣнной кровью два раза покорившимъ Польшу. Не могу довольно повторить тебѣ, что при строжайшемъ правосудіи надо непоколебимо идти впередъ къ цѣли: истреблять всѣ способы намъ вредить. Во главѣ всего враждебнаго намъ ставлю духовенство и воспитаніе; первое должно сдѣлать послушнымъ вопреки всѣхъ препятствій, и я требую сего непремѣнно и постоянно; второе начато, должно продолжать и все болѣе утверждать на избранной стезѣ, и время увѣнчаетъ наши труды. Ни мнѣнія, ни угрозы, ни ругательства иностранныя не могутъ и не должны насъ пугать; съ нами Богъ, и никто же на ны, и съ твердымъ духомъ будемъ стоять за наше правое дѣло съ полной надеждой на Божію помощь. Слѣдствіе предоставь законному теченію и бери къ отвѣту всѣхъ виновныхъ; пощады быть не можетъ въ подобныхъ замыслахъ. Я былъ третьяго дня въ прекрасно устроенной Римско-католической Духовной Академіи; ректоръ очень хорошъ и говорилъ мнѣ съ ужасомъ про духъ духовенства въ Царствѣ, про дурное вліяніе, которое старались здѣсь пріобрѣсти пріѣзжавшіе епископы, и просилъ меня настоятельно не присылать въ академію учениковъ изъ Царства, не ручаясь за послѣдствія, ежели придутъ въ сообщеніе съ его учениками, которыми покуда доволенъ. Однако надо будетъ подумать, какъ сему помочь; ибо пора подумать о будущемъ духовенствѣ Царства и приготовить его такимъ, какимъ намъ надо.

LVII.

С.-Петербургъ, 30 Генваря (12 Февраля) 1845 г.

Ты знаешь уже, что̀ за несчастіе вновь насъ постигло! Непостижима воля Божія, а предъ ней должно намъ смиряться; но тяжело остающимся! По пріѣздѣ твоемъ нереговоримъ о многомъ, намъ угрожающемъ; политическій горизонтъ болѣе и болѣе чернѣетъ, и намъ должно готовиться на упорный бой, ежели не физическій, то на моральный, съ которымъ, можетъ быть, труднѣе бороться. Потому надо намъ усугубить усилія отстранить все, что̀ у насъ намъ угрожаетъ опасностью, и устроить все такъ, чтобы въ этомъ хотя быть съ свободными руками. Мнимая папская булла—скорѣе счастливое появленіе, потому что многимъ откроетъ глаза и разувѣритъ насчетъ мнимаго католическаго усердія, служащаго одной маскою чисто-революціоннымъ замысламъ, и потому ежели уступать намъ въ справедливыхъ нашихъ

намѣреніяхъ устранять все опасное опасеніемъ раздражать или пугать католиковъ, мы сами имъ служить будемъ, т. е. революціонному духу. Настало время, повторяю, гдѣ слѣдуетъ намъ поступать рѣшительно, довершая недовершенное и становясь твердой ногой тамъ, гдѣ мы покуда еще живемъ пришельцами; вотъ будетъ предметъ нашихъ занятій.

LVIII.

С.-Петербургъ, 6 (18) Апрѣля 1845 г.

Я всегда былъ мнѣнія того, что нѣтъ ни благодарности, ни еще менѣе вѣрности въ этихъ людяхъ; одинъ страхъ и убѣжденіе потерять все послѣднее, что̀ осталось, ихъ еще удерживаетъ. Доколь мы сильны не однимъ числомъ войскъ, но неумолимыми мѣрами сближенія съ Россіей, лишеніемъ ихъ всѣхъ особенностей, составляющихъ остатокъ ихъ мнимой народности, дотоль мы будемъ имѣть верхъ, хотя со временемъ и при постоянной настойчивости. Но лишь только мы ослабнемъ, или въ мѣрахъ сихъ, или вдадимся въ довѣрчивость къ нимъ, все пропадетъ, и гибель неминуема. Пруссаки дѣлаютъ свое, ругая насъ напропалую; и я увѣренъ былъ, что, ежели король не удовлетворитъ ихъ общему желанію, то непремѣнно припишутъ это моему вліянію и увѣщаніямъ. Это мнѣніе мнѣ похвальный листъ, ибо доказываетъ, что мой образъ мыслей нигдѣ не подверженъ сомнѣнію. Но про это мнѣ изъ Берлина ничего не пишутъ; кажется, какъ будто притихло покуда.

LIX.

Палермо, 25 Октября (7 Ноября) 1845 г.

Ты хорошо сдѣлалъ, что писалъ въ Берлинъ на счетъ дерзости журналовъ, хотя увѣренъ я, что все даромъ; потому что тамъ все такъ идетъ. Новая канальская выдумка Поляковъ о монахиняхъ произвела въ Римѣ желаемое ими дѣйствіе; баба, которую они нарядили въ сію должность, тамъ, и ей дѣлается формальный допросъ. Мы никогда не спасемся отъ подобныхъ выходокъ, ибо нынѣ иначе не воюютъ, какъ ложью. Здѣсь покуда все тихо и хорошо. Принимаютъ насъ во всѣхъ сословіяхъ какъ нельзя лучше, и простой народъ привѣтливъ до крайности.

LX.

С.-Петербургъ, 7 (19) Февраля 1846 г.

Искренно благодарю тебя, мой любезный отецъ-командиръ, за поздравленіе съ помолвкой нашей Оли. Слава Богу, что она нашла тоже себѣ по сердцу, достойнаго себѣ. Вовсе неожиданно намъ было подобное, и мы въ томъ видѣть хотимъ Божіе благословеніе. Будемъ на-

дѣяться на милость Его и впредъ. Кажется, эта свадьба, какъ ни говорятъ, не нравится ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ; но Богъ съ ними, не мѣшайся они только въ наши дѣла. Покуда Пруссаки, кажется, поиспугались тому, что у нихъ открылось: очень имъ здорово. Хотя не вѣрю истинно, а еще менѣе возможности исполнить замыслы у насъ, но не мѣшаетъ и намъ держать ухо востро, чтó, я думаю, и дѣлается.

LXI.

С.-Петербургъ, 16 (28) Февраля 1846 г.

Признаюсь тебѣ, хотя можетъ быть это и грѣшно, но я съ особенною радостію узналъ про новыя безумства Поляковъ; ибо они такъ кстати проявились, что, кажется, всѣмъ откроютъ глаза и докажутъ, наконецъ, какими единственными мѣрами можно съ ними управляться. Но чтó еще болѣе меня порадовало, это то, что мужики ихъ ловятъ и выдаютъ: вотъ намъ разительное доказательство, что народъ добръ, такъ и привыкъ, ежели не привязался, къ нашему порядку. Это лучшая для насъ гарантія. Хотя ты всегда былъ разрѣшенъ поступать съ подобными злодѣями по полевому уложенію, но для вящшаго сему еще подтвержденія посылаю тебѣ новый о семъ указъ, я его сообщаю и Австрійцамъ и Пруссакамъ не за тѣмъ, чтобы надѣялся нашимъ примѣромъ заставить ихъ столь же строго наказывать, ибо филантропическая трусость или трусливая филантропія (какъ это тебѣ угодно будетъ назвать) вѣрно имъ помѣшаетъ, но чтобъ доказать имъ, что я не перемѣняю своего образа дѣйствія, глядя на нихъ. Затѣмъ пусть дѣлаютъ, чтó они хотятъ, *надъ ними и трость* *). Воротился Состынскій изъ Берлина, и онъ говоритъ, что короля всѣ не терпятъ.

LXII.

С.-Петербургъ, 28 Февраля (12 Марта) 1846 г.

Новая попытка Дзялынскаго на Позенъ мнѣ служитъ только новымъ доказательствомъ дерзости и самонадѣянности каналій Поляковъ, а съ другой—безпечности и глупости Прусской полиціи, незнавшей, или не умѣвшей узнать, чтó подъ носомъ готовилось съ толикой дерзостью! Какъ послѣ того надѣяться на ихъ дѣятельное содѣйствіе къ разбору этого сложнаго дѣла и на усердіе преслѣдовать всѣ эти пагубные замыслы? Не знаю даже, будутъ ли своихъ каналій судить военнымъ судомъ.

Ежели Австрійцы глупо дали созрѣть всему заговору, ничего не хотя ни знать, ни видѣть, ежели съ обыкновенной своей мѣш-

*) Въ подлинникѣ подчеркнуто; а чтò это значитъ, недоумѣваемъ. П. Б.

котой и формами сбирали войска воевать на Краковъ, когда мы все кончили двумя батальонами; за то, при всемъ ихъ глупомъ важничаніи, объявили они штандъ-рехтъ, т. е. la loi martiale, и я увѣренъ, что за Меттернихомъ дѣло не станетъ, и съ канальями поступять они на чисто. Но повторяю, на Пруссаковъ ничуть не полагаюсь. Жаль, что не удалось Краковскихъ шельмъ переловить намъ; у нихъ половина уйдетъ или отпустятъ, и опять шельмы варить кашу будутъ по своему; врядъ ли не такъ будетъ. Изъ Вѣны мнѣ пишутъ, что мужики въ Галиціи душатъ не только помѣщиковъ, но и поповъ, а другихъ вяжутъ и представляютъ къ начальству. Какъ это имъ здорово, да и императрицамъ и фанатической партіи, дабы убѣдились, наконецъ, что за народъ эти попы, и правъ ли былъ я, что ихъ привожу къ порядку. Слава Богу, что у насъ все тихо; но будь остороженъ, чуть подозрительныхъ бери къ отвѣту, и воспользуемся симъ случаемъ, чтобы вновь очистить или дочистить край отъ столько сору, сколько можно; пора съ ними надолго кончить. Войскамъ дай возможный покой.

LXIII.

С.-Петербургъ, 3 (15) Марта 1846 г.

Вѣрю очень, что теперь Австрійцамъ не легко будетъ приводить народъ къ порядку, ибо сколько народное орудіе въ томъ случаѣ имъ ни было полезно, оно самое опасное, ибо выводитъ изъ порядка и послушанія, а тутъ и комунизмъ готовъ.

Этого-то примѣра я боялся для нашихъ на Волыни и Подолѣ и сейчасъ послалъ Бибикова съ строгимъ приказомъ отнюдь не дозволять никакой подобной попытки, ибо никогда не дозволю распорядковъ снизу, а хочу, чтобы ждали сверху. Мои правила тебѣ извѣстны давно. Ты и въ Польшѣ проучи мужиковъ, которые бы хотѣли предлогомъ воспользоваться чтобъ подобное затѣвать; они доноси, ежели подозрѣваютъ, но не распоряжайся сами. Согласно твоему желанію, отмѣняю сборъ отпускныхъ; хорошо, что не надо. Наконецъ, и Пруссаки штандъ-рехтъ объявили; пора было! Но прочти Берлинскую газету, въ которой сказано, что Поляки имѣли несчастіе быть атакованы нашей кавалеріей, прежде чѣмъ достигли границы Прусской: вездѣ явная злоба. Куда все это поведетъ, страшно подумать. Съ удовольствіемъ читалъ я записку объ совершенныхъ войсками переходахъ. Молодцы. Теперь, какъ все успокоилось, кажется не надо Полякамъ показывать, что ихъ боимся; они обезоружены. Чтб они большое предпринять могутъ? Потому и побереги войска и мало-по-малу вводи опять прежній обычный порядокъ въ службѣ гарнизонной. Все это не исключаетъ обыкновенной должной осторожности. Самъ для себя будь остороженъ.

LXIV.

Москва, 14 (26) Марта 1846 г.

Радуюсь очень, что наконецъ Австрійцы совершили надъ Черторижскимъ мѣру, которую по справедливости имъ слѣдовало исполнить тогда, когда уже у насъ онъ политически преданъ смерти, какъ государственный измѣнникъ; тогда бы, смѣло сказать можно, ничего бы теперешняго у нихъ не произошло. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь конечный ему и всей эмиграціи ударъ; не полагаю, чтобъ могли оправиться, хотя у Пруссаковъ найдутъ еще долго опору. Все, что Фонтонъ по сему пишетъ, очень любопытно; ихъ стыдъ, что опоздали и удивленіе нашей быстротѣ—прекрасно. По Краковскому дѣлу я съ тобой не согласенъ. Брать себѣ ничего не хочу. Дѣло рѣшено еще въ Теплицѣ, Краковъ долженъ быть Австрійскимъ, а не Прусскимъ; такъ этому и быть. Но ежели хотятъ австрійцы промѣняться и отдать мнѣ Галицію, взамѣнъ всей Польши по Бзуру и Вислу, отдамъ и возму Галицію сейчасъ: ибо нашъ старый край. Ты очень хорошо сдѣлалъ, что воли мужикамъ не даешь ихъ дѣло слушаться и, подъ предлогомъ усердія, не нарушать порядка и повиновенія. Накормить и помогать должно, сколько можно.

LXV.

С.-Петербургъ, 9 (21) Августа 1846 г.

Вчера получилъ я письмо короля очень дружеское, въ которомъ однако онъ проситъ меня, чтобъ переданныхъ намъ изъ Пруссіи подданныхъ нашихъ не казнить смертію и не ссылать въ Сибирь. На первое могу согласиться, на второе же нѣтъ. Самъ Іисусъ Христосъ изгналъ плетью изъ храма воровъ; не въ долгѣ ли мы очистить край нашъ отъ разбойниковъ? Далѣе хочетъ онъ предложить, чтобъ всѣ мы сложились, чтобъ отослать въ Америку всѣхъ бунтовщиковъ, т. е. дать имъ возможность или дорогой бунтовать, или изъ Америки воротиться когда захотятъ! Непонятно. Полагаю, что въ Галиціи еще долго не приведутъ въ порядокъ; ибо Метерниха не во всемъ слушаетъ; эрцъ-герцогъ такъ слѣпъ на Поляковъ, что явно ихъ защищаетъ, и его хотятъ смѣнить, на что фанатическая партія сердится, ибо она въ рукахъ Поляковъ. Словомъ, при этомъ порядкѣ вещей нельзя, чтобъ дѣло ведено было стройно къ концу.

LVI.

С.-Петербургъ, 22 Апрѣля (4 Мая) 1846 г.

Конецъ дѣлу Краковскому въ Берлинѣ столь удаченъ, что не могу ему нарадоваться и надивиться. Кажется, король, по словамъ его ко мнѣ, убѣдился и въ пользѣ и въ необходимости, и въ правѣ на-

шемъ въ семъ приговорѣ; но онъ опасается, что извѣстіе о семъ сломитъ шею Гизо и дастъ охоту другимъ, подъ этимъ предлогомъ, стараться нарушить всякій трактатъ; но, не отвергая возможности подобнаго, я замѣчаю, что Вѣнскій трактатъ противниками нашими уже нарушенъ былъ въ ихъ пользу отторженіемъ Бельгіи, здѣсь же мы не выходимъ изъ правъ нашихъ. Происходящее въ Галиціи урокъ добрый и доказываетъ еще разомъ болѣе, что никогда черни воли давать не должно, чтò у насъ отнюдь не попущу. Чернь должна слушаться, а не дѣйствовать по себѣ. Затѣмъ я и отправилъ сейчасъ Бабикова во-свояси, дабы у насъ не переняли, на чтò бы охотниковъ много было; но я-то не охотникъ до подобныхъ орудій. Оно, можетъ быть, отохотитъ Австрію отъ Галиціи и расположитъ къ обмѣну, когда время придетъ объ этомъ замолвить.

LVII.

Миноловицы, 18 (30) Мая 1846 г.

Спѣшу тебя увѣдомить, любезный отецъ-командиръ, что я прибылъ сюда утромъ въ 8-мъ часу, благодаря твоему Аниськову, нашелъ очень хорошо приготовленныя квартиры всѣмъ. Часъ спустя получилъ эстафету изъ Праги отъ эрцъ-герцога Стефана съ извѣщеніемъ о благополучномъ прибытіи моихъ въ Прагу; отъ жены же получилъ вечеромъ вчера письмо изъ Табора. П. Вильгельмъ Прусскій ѣздитъ съ нею. Про Нидерландскихъ положительнаго еще нѣтъ. Жена желаетъ, чтобъ принцъ Прусскій помѣстился въ павильонѣ, чтò ты занималъ, стало такъ этому и быть. Меня возили славно, въ особенности изъ Варшавы въ Радомъ прибылъ не съ большимъ въ 4 часа! 1-ю Карабинерную роту Кременчугскаго полка нашелъ здѣсь въ почетномъ караулѣ, въ должномъ порядкѣ; желательно бы было только бòльшаго щегольства въ правильности пригонки мундировъ, которые сшиты довольно грубовато. Погода вѣтренная, ночью было холодно; я велѣлъ покуда надѣть зимніе панталоны. Унгернъ-Штернбергъ говоритъ, что Австрійцевъ просто ненавидятъ; и все видитъ въ чернѣ,—увѣряетъ, что все готовится къ новой вспышкѣ: со стороны революціонной пропаганды, что тутъ новыхъ эмисаровъ ими всюду разослано. Все это быть можетъ, но удача имъ возможна только тогда, когда плошать или трусить будутъ сосѣди. Въ этомъ вся и задача. Дорóгой меня вездѣ ласково принималъ въ особенности простой народъ. Съ Горловымъ имѣлъ весьма любопытный разговоръ и велѣлъ ему, чтобъ тебѣ подробно донесъ о своихъ замѣчаніяхъ. Онъ мнѣ очень понравился; взглядъ его на дѣла самый правильный, и онъ настаиваетъ на необходимости вступиться за мужиковъ, которыхъ многіе помѣщики немилосердно притѣсняютъ по

какимъ-то старымъ обычаямъ. Выслушай его. Стоитъ того за это приняться самодержавной властію, когда здраваго разсудка, ни чести нѣтъ въ помѣщикахъ.

LXVIII.

Царское Село, 8 Ноября (20) 1846 г.

Любезный мой отецъ-командиръ. Саша тебѣ вручитъ это письмо. Можетъ быть, когда его получишь, уже тебѣ будетъ извѣстна роковая вѣсть изъ Вѣны! *) Въ *такомъ случаѣ* прошу тебя *сейчасъ* велѣть выбрать 1 офицера, 2 урядника и 8 казаковъ линейныхъ, самыхъ видныхъ и надежныхъ, и съ однимъ изъ твоихъ адъютантовъ пошли сейчасъ же въ Вѣну, для принятія тѣла и сопровожденія и караула при немъ, до Петербурга. Перевозъ Михайло Павловичъ поручаетъ г.-л. Бибикову, который сегодня же ѣдетъ въ Вѣну; вели командѣ быть въ его распоряженіи. Полагаю, что братъ согласится перевозку учинить безъ церемоніи, просто въ закрытой каретѣ; въ такомъ случаѣ ни встрѣчъ, ни церемоній нигдѣ быть не должно, и тѣло повезено будетъ по почтѣ. Но ежели братъ пожелаетъ, чтобъ перевозка дѣлалась церемоніально, то надо будетъ нарядить сотню казаковъ на границу и провожать такимъ же образомъ. На ночлегъ ставить роту въ караулъ, а въ Варшавѣ тѣло поставить въ соборѣ и принять архіерею; далѣе же вести тоже подъ конвоемъ казачей сотни до того мѣста, гдѣ отсюда вышлю принять другимъ конвоемъ, что̀ опредѣлится въ свое время. Но, повторяю, надѣюсь, что братъ согласится перевозку дѣлать просто, келейно и по почтѣ. Такъ какъ на дняхъ должно было быть объявлено въ Краковѣ присоединеніе къ Австріи, то легко быть можетъ, что будутъ безпорядки, и дорога будетъ не безопасна; въ такомъ случаѣ я прошу сыну не дозволять ѣхать тѣмъ путемъ, а обрати его на Шлезію; даже и въ такомъ случаѣ, ежели ты полагать будешь, что проѣздъ его черезъ Краковъ можетъ подать поводъ къ неприличнымъ изъявленіямъ. Горе наше велико и отразилось опять на здоровьи жены. Молю Бога, чтобъ ожидающія насъ тяжелыя сцены вновь не испортили пользу леченія въ Италіи, и боюсь этого. Новаго ничего; Франція и Англія нынѣ въ насъ ищутъ, ибо обѣимъ мы нужны, но я неподвиженъ и смотрю на нихъ съ презрѣніемъ. На Кавказѣ у Бебутова было славное дѣло, какого давно не было, и теперь все тихо.

LXIX.

Царское Село, 14 Ноября (26) 1846 г.

Письмо твое отъ 10 (22) получилъ сегодня утромъ, любезный отецъ-командиръ. Новое несчастіе, постигшее наше семейство, узнали

*) Кончина великой княжны Маріи Михайловны. П. Б.

мы третьяго дня вечеромъ, и то неполно, по телеграфу; а черезъ четыре часа позже прибылъ Ивановъ съ письмомъ брата. Несчастіе его точно душу раздираетъ. При тебѣ онъ нѣсколько отведетъ душу, ибо будетъ съ тѣмъ, кого такъ душевно любитъ и который испыталъ подобное намъ!

Слава Богу, что съ Краковымъ конецъ. Шуму и крику будетъ много; не полагаю, чтобъ было другое; впрочемъ, пусть суетятся, принять будемъ мы готовы. Ренневаль здѣсь очень испуганъ и говоритъ, что опасается, что Гизо не устоитъ. Я такъ не полагаю этого; но ежели бъ и было такъ, что намъ за дѣло, хоть бы и Тіеръ его замѣнилъ, не боюсь ни чуть. Пальмерстонъ тоже будетъ шумѣть и грозить: но потчи увѣренъ, что симъ и кончится. Положеніе Галиціи весьма ненадежно, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, и будетъ имъ худо, ежели не будутъ строже поступать и не облекутъ, кого послать хотятъ, полною властію. Увѣренъ, что пропаганда и эмиграція будутъ бѣситься и всячески искать будутъ новыхъ способовъ намъ вредить; надо быть осторожными. Въ Вильнѣ, съ присылки Іолшина, дѣло пошло гораздо лучше и, полагаю, будутъ еще важныя открытія; надо идти до корня. Бунтующихъ мужиковъ въ Бѣлостокѣ надо примѣрно наказать какъ и вездѣ, гдѣ затѣютъ выходить изъ повиновенія. Сокрушаетъ меня состояніе Радомской губерніи; нельзя ли бы было придумать новой шоссейной работы или нанять ихъ для Брестско-Кіевской. Боюсь, чтобы положеніе края вновь не отдалось на войско и прошу тебя всячески стараться обезпечить ихъ отъ нужды.

LXX.

С.-Петербургъ, 9 (21) Декабря 1846 г.

Сынъ вручилъ мнѣ письмо твое, мой любезный отецъ-командиръ, за которое душевно благодарю. Свиданіе съ М. П. было самое тягостное, и безъ жалости ни видѣть, ни слышать его нельзя; послѣ долгихъ колебаній онъ однако рѣшился выѣхать въ Новгородскій кадетскій корпусъ, дабы прождать тамъ, покуда всѣ ужасныя церемоніи не будутъ кончены; все это ляжетъ на насъ и не облегчитъ *наше* горе ужасными воспоминаніями. Женѣ уже это отдалось, и молю Бога, чтобы хуже не было. Къ дѣлу. Всѣ твои записки читалъ съ удовольствіемъ; остается желать только, чтобы все было успѣшно довершено. Сокращеніе издержекъ по администраціи, и въ особенности уменьшеніе числа чиновниковъ, считаю мѣрою полезною и даже необходимою. Предупредить безпорядки, отъ уменьшенія повинностей ожидаемые, очень желательно; но ежели и будутъ, то нѣсколько примѣровъ строгости все укротитъ. Главное забрать должно зачинщиковъ зла и подстрекателей.

По Краковскому дѣлу шуму и вранья много, но, кажется, тѣмъ и кончится, а что́ хорошо, то явная вражда между Англіей и Франціею, которая и при семъ обстоятельствѣ не могла быть предлогомъ для сближенія и взаимнаго противъ насъ дѣйствія.

LXXI.

С.-Петербургъ, 28 Декабря (9 Генваря) 1846 г.

Свѣдѣнія, которыя ты сообщаешь про готовящееся въ Пруссіи, совершенно подтверждаются со всѣхъ сторонъ; но, что́ всего хуже, король въ своемъ ослѣпленіи началъ теперь ссориться съ Австрійцами за подчиненіе Кракова общему Австрійскому тарифу; и такъ какъ Австрія весьма справедливо не соглашается на безсмысленныя требованія короля, то онъ выходитъ изъ себя, ругается въ пропалую, и право не знаю, до чего дойти можетъ. Я ему рѣшительно объявить долженъ былъ, что, находя его требованія совершенно несправедливыми, объявляю ему, что не могу допустить его неправильныхъ притязаній къ Австріи и, въ случаѣ серьезной ссоры, присоединяюсь къ Австріи, такъ какъ бы присоединился къ Пруссіи, ежели бы считалъ вину со стороны Австріи. Авось этимъ предупрежду крайности. Этотъ примѣръ безразсудства короля не одинъ; такихъ много и по всѣмъ дѣламъ, и легко вообразить, что изъ всего этого происходитъ просто срамъ и жалость. Здѣсь все тихо и хорошо. Брату лучше, и онъ теперь начинаетъ быть спокойнѣе духомъ, хотя часто очень грустенъ.

LXXII.

С.-Петербургъ, 5 (17) Февраля 1847 г.

И такъ вотъ, чего мы опасались, сбылось. Пруссія изъ нашихъ рядовъ выбыла и ежели еще не перешла въ ряды враговъ, то почти навѣрно полагать можно, что, чрезъ малое время и вопреки волѣ короля, станетъ явно противъ насъ, т. е. противъ порядка и законовъ!

Нетерпѣніе короля чванствовать передъ своими камерами побудило его безъ всякой причины ихъ теперь же созвать, какъ бы въ доказательство, что смѣется надъ нами и надъ тѣми, которые не переставали выставлять ему всю безразсудность его затѣй. Что́ изъ этого выйдетъ, одинъ Богъ знаетъ. Но одно уже положительно: насъ было *трое*, теперь мы много что *двое*; но за то отвѣчаю положительно, что я тверже и непоколебимѣе пребуду въ правилахъ, которыя наслѣдовалъ отъ покойнаго Государя, которыя себѣ усвоилъ и съ которыми съ помощію Божіею надѣюсь и умереть. Въ нихъ однихъ вижу наше спасеніе. Ежели же обратиться къ самому этому новому положенію

или конституціи, то въ ней столько странностей и даже противорѣчій, что мудрено и понять. Между тѣмъ Мейндорфъ уже пишетъ про неудовольствіе дворянства за преимущество, дарованное одной части изъ ихъ сословія безъ уважительной причины; стало, уже есть зародышъ неудовольствія даже въ высшемъ сословіи. Добрые люди находятъ, что все это лишнее и не постигаютъ пользы всему; а либералы смотрятъ на это какъ на первый будто шагъ въ ихъ смыслѣ, но отнюдь не какъ на конецъ того, чтó король даровать долженъ! Спрашиваю, кого же удовлетворилъ король? И самъ себя назвалъ въ *подчиненные*; стало, не онъ одинъ уже правитъ, а зависитъ отъ 600 человѣкъ. Гадко и грустно.

LXXIII.

С.-Петербургъ, 17 (29) Апрѣля 1847 г.

Извѣстія изъ Пруссіи все очень неопредѣлительны; говорятъ, будто король хочетъ весьма рѣшительно дѣйствовать; желалъ бы сего, но что-то плохо вѣрю и понять не могу, зачѣмъ было ему соглашаться на отвѣтный адресъ, который, послѣ словъ его, былъ неумѣстенъ и только-что далъ случай высказать много вздору и выказалъ, до какой степени духъ въ остатокъ уже испорченъ. Кажется, что безпорядки, бывшіе въ Берлинѣ, точно не политическаго свойства и, дѣйствительно, произошли отъ дороговизны; но статься можетъ, что это была только попытка, дабы удостовѣриться, какъ правительство примется; хорошо, что войско исполнило долгъ. Славянское общество, какъ кажется, мы успѣли захватить въ самомъ началѣ и строго съ нимъ покончимъ. Занимаютъ меня много твои Гомельскіе сосѣди, раскольники, которые съ той поры, чтó узнали, что появился въ Австріи лже-митрополитъ, какъ съ ума сошли, и дерзости ихъ начинаютъ выходить изъ мѣры; это преопасная струна и по развитію, и по богатству, которое имѣютъ въ рукахъ. Будемъ дѣйствовать весьма осторожно, но положительно съ дерзкими.

LXXIV.

Петергофъ, 10 (22) Іюля 1847 г.

Признаюсь тебѣ, что я не совсѣмъ раздѣляю мнѣніе твое насчетъ исхода сейма въ Берлинѣ; мнѣ кажется, что король, своими явными противорѣчіями между словъ и дѣлъ, въ конецъ себя уронилъ въ мнѣніи всѣхъ честныхъ и благомыслящихъ людей, говоря одно, дѣлая другое. Послѣдній отказъ его никого не успокоилъ, никого не удовлетворилъ и все оставилъ въ такомъ тяжкомъ недоумѣніи будущаго, что врядъ ли чтó можетъ быть хуже этого положенія. Между

тѣмъ, революціонная партія узнала свои силы, показывала много умныхъ говоруновъ и всю слабость такъ-называемой правительственной стороны, и что̀ всего хуже, она выставила всю неосновательность короля и прикрылась мнимой личиной привязанности къ нему. И подъ этой-то личиной готовится во всемъ краѣ грозная будущность порчею понятій, общаго мнѣнія массы народа, по сію пору чуждой еще подобныхъ мыслей, но неминуемо должной испортиться отъ непрестанной адской работы революціонистовъ. Старой Пруссіи нѣтъ, она погибла невозвратно; нынѣшняя ни то ни се, что то переходное, а будущее ужасно—вотъ мое убѣжденіе, отъ котораго желалъ бы, но не могу отойти.

LXXV.

Александрія, 10 (22) Августа 1847 г.

Про дѣла раскольничьи я серьезно говорю Австрійцамъ и объявилъ сегодня Колоредо, что, буде не получу должнаго и немедленнаго удовлетворенія, то велю Медему выѣхать изъ Вѣны. Надо ихъ разбудить, а я шутить не люблю дѣлами подобной важности.

LXXVI.

С.-Петербургъ, 27 Ноября (9 Декабря) 1847 г.

Вчера сынъ мой Константинъ присягалъ и поступилъ на дѣйствительную службу. Дай Боже, чтобъ онъ пригодился государству; ума у него довольно. Здѣсь глупыхъ толковъ много; покуда важнаго ничего, но мы остро слѣдимъ и не зѣваемъ. Холера держится въ Москвѣ по прежнему, но здѣсь ея нѣтъ, ни по дорогѣ. Зимы досель вовсе нѣтъ. Нева чиста, какъ среди лѣта, сырость непомѣрная, и свѣту нѣтъ.

*

Здѣсь приведены лишь сравнительно-немногія выдержки изъ драгоцѣннаго сборника этихъ писемъ, въ которомъ напечатано также нѣсколько донесеній князя Паскевича. Желательно, чтобы книга эта распространилась между Поляками и въ чужихъ краяхъ, чему долженъ способствовать переводъ ея на Французскій языкъ. Русскій читатель долженъ благодарить издавшихъ эту книгу за возможность ближе узнать и почтить императора Николая Павловича и его сподвижника. П. Б.

ИЗЪ ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ВЛАДИМИРА АЛЕКСѢЕВИЧА МУХАНОВА.

1861-й годъ*).

(*С.-Петербургъ*) *1 Февраля 1861.* Не желаю выходить изъ дому. Въ уединеніи такъ хорошо съ Макаріемъ Египетскимъ. Эта книга—окно въ жизнь духовную, въ которую она также и дверь. И. Д. Мухановъ пріѣхалъ изъ Москвы. Тамъ спокойно ожидаютъ эмансипаціи.

8 Февраля. Пристрастное мнѣніе защитниковъ новаго положенія о крестьянахъ о рѣчи князя Горчакова; они толкуютъ о мнимомъ его неуспѣхѣ. Съ интересомъ перечитываю драму Французской революціи. Говорятъ, въ Варшавѣ взяты три агента Наполеона.—Грозятъ голодомъ Россіи и начинаютъ опасаться обнародованія свободы.

10 Февраля. Князь Л. Кочубей разсказываетъ, что, продавъ домъ свой, намѣревается ѣхать изъ Петербурга съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться.

13 Февраля. Смерть А. А. Окуловой, воспитательницы великой княгини Ольги Николаевны, которая очень огорчена.

14 Февраля. Выносъ изъ Зимняго дворца тѣла Окуловой; отправляюсь прямо въ Конюшенную церковь, куда его перенесли.

15 Февраля. Б. Шернваль говоритъ, что лучшія бумаги Прусскія. П. А. Бартенева вела рѣчь о Дивѣевскихъ монахиняхъ и ихъ общинѣ; я подъ этотъ говоръ чуть не заснулъ, и мнѣ было совѣстно.—Отпѣваніе Окуловой въ присутствіи Государя и Государыни.

16 Февраля. Скончалась К. М. Мальцова, 90 лѣтъ отъ роду.—Указъ объ освобожденіи будетъ обнародованъ на первой недѣлѣ великаго поста.

18 Февраля. Отпѣваніе Мальцовой въ церкви Симеона, совершенное митрополитомъ Исидоромъ; у него голосъ хорошъ, но служеніе не такъ величественно, какъ у митрополита Московскаго. Въ церкви не было тѣсно, и все произошло въ большомъ порядкѣ.

---

*) См „Русскій Архивъ“ 1896 г. выпуска XI и XII-й.

19 Февраля. Мрачный графъ А. П. Толстой, который въ недоумѣніи, продолжать-ли службу въ настоящихъ обстоятельствахъ.—Исаковъ, кн. Щербатовъ и кн. Оболенскій, который поетъ арію, соч. кн. Л. Кочубея.

22 Февраля. Въ Пруссіи крестьяне освобождены съ надѣломъ землею, при выкупѣ одной части оной казною, другой подаренной помѣщиками крестьянамъ, и третьей, на которую выданы облигаціи. Вездѣ гдѣ крестьяне собственники, въ Ирландіи, Австріи, Баваріи—скудость; тамъ гдѣ фермеры (въ Англіи, Виртембергѣ и другихъ земляхъ Германіи)—богатство.

24 Февраля. Встрѣча съ Кошелевымъ. Разговоръ о Киреевской, о Хомяковѣ, о разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Онъ не одобряетъ такого значительнаго надѣла; понятіе о подаркѣ, по предложенію кн. Гагарина, введенное въ Сводъ и, наконецъ, утвержденное мнѣніе гр. Панина оставить у крестьянъ на пять лѣтъ находящуюся въ ихъ пользованіи землю.—Хлопоты у брата съ юбилеемъ князя Вяземскаго.

2 Марта. Ѣду съ братомъ поздравить кн. Вяземскаго, къ которому мы не вошли, выжидая герцога Мекленбургскаго, пріѣхавшаго также поздравить. Обиліе букетовъ. Изъ рѣчей знаменательны самого князя Вяземскаго, Плетнева и Погодина; потомъ графъ Сологубъ пропѣлъ прекрасные стихи, и были читаны еще лучшіе стихи Тютчева. Дамы тоже прислали адресъ.

3 Марта. Говорятъ, въ Воскресенье и не позже Вторника выдетъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Появленіе успокоительной статьи Погодина; онъ думаетъ, что все произойдетъ мирно. Княгиня Надина Трубецкая, либеральная дама, но сильно отстаивающая землю. Гр. Дм. Толстой, умно и здраво смотрящій на вещи, полагаетъ, что въ Россіи черезъ пять лѣтъ будетъ представительное правленіе.

5 Марта. Литургія въ Конюшенной церкви, гдѣ читали манифестъ. На улицахъ около печатныхъ объявленій мѣстами толпился народъ. Вездѣ все произошло тихо и прилично. Служащіе въ полиціи заявляютъ, что никакихъ безпорядковъ особенныхъ нѣтъ.

9 Марта. Князь Горчаковъ теряется въ Варшавѣ. Туда посылаютъ довѣренную особу, чтобы его совѣтомъ укрѣпить или, въ случаѣ надобности, смѣнить.

13 Марта. Братъ на вечерѣ у великой княгини Ольги Николаевны, гдѣ Государь говоритъ ему, что П. А. Мухановъ уѣхалъ изъ

Варшавы и что собравшаяся толпа перебила стекла въ вагонѣ, гдѣ думали его найти и не нашли.

18 Марта. Говорятъ, что Бахтину поручено написать новое образованіе Государственнаго Совѣта, гдѣ одна треть будетъ отъ правительства, а двѣ по выборамъ; также бюджетъ ограничится.

20 Марта. Визитъ прощальный къ графинѣ Шуваловой. Это одна изъ женщинъ самыхъ замѣчательныхъ, и я доволенъ, что знакóмъ съ нею. Извѣстія отъ П. А. Муханова при письмѣ къ кн. Горчакову, которымъ Государь остался доволенъ.

24 Марта. Государь писалъ кн. Горчакову въ Варшаву, что онъ оставитъ П. А. Муханову важное мѣсто, qu'il lui réserve une haute position et qu'il a fait preuve de zèle, d'esprit et d'expérience *). Павелъ Александровичъ обѣдалъ у насъ съ женою, красивою Полькой и получившей хорошее воспитаніе, и съ кузиною, скромною и молчаливой дѣвушкой. Разсказы его о Варшавскихъ смутахъ, гдѣ намѣстникъ князь Горчаковъ выказалъ свою слабость и неспособность. Мухановъ былъ также у Государя, который принялъ его ласково и обѣщалъ, что употребитъ его дѣятельно.

26 Февраля. Братъ уѣзжаетъ съ великой княгиней Ольгой Николаевной до границы, а можетъ быть и до Берлина.

27 Марта. П. А. Мухановъ приписываетъ Варшавскія событія Итальянскимъ дѣламъ и неблагопріятному вліянію нашей литературы.

Апрѣля 3. Тревога при мысли, какъ братъ проберется черезъ Царство Польское, разсѣвается телеграммой отъ него изъ Динабурга. Радость моя и слезы, пролитыя передъ иконами по сему случаю. Вечеромъ Полина Бартенева, а по утру сестра ея Нарышкина, которая говоритъ, что Польская аристократія эмигрируетъ въ Дрезденъ и что изъ Варшавы опять худыя извѣстія.

Апрѣля 5. Братъ обѣдаетъ у Государя, откуда возвращается съ кн. Горчаковымъ, который очень въ веселомъ расположеніи духа. Вечеромъ б. Шернваль. Съ нимъ интересный разговоръ о Финляндіи, получающей также права.

Апрѣля 14. Въ Пензенской губерніи 6000 крестьянъ въ имѣніи графа Уварова возстали, взяли въ плѣнъ ротнаго командира, надѣли кандалы на исправника и прогнали роту. Послали два батальона на подводахъ противъ возставшихъ поселянъ.

---

*) Онъ имѣетъ для него въ виду высокое положеніе, онъ доказалъ свое усердіе, умъ и опытность.

Апрѣля 23. П. А. Мухановъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Кн. Оболенскій, Поповъ. Первый не одобряетъ назначенія Муханова. Графъ Д. А. Толстой сокрушается о положеніи крестьянъ и говоритъ, что не рѣшается вести жену въ деревню.

Мая 10. Визитъ гр. В. Н. Панина. Разговоръ о Министерствѣ Просвѣщенія. Онъ утверждаетъ, что въ высшемъ преподаваніи ускользаютъ изъ вида православіе и самодержавіе, два главныя начала, на которыхъ зиждется общество.—Кн. Горчаковъ пріѣхалъ объявить, что предлагаютъ Министерство Нар. Просв. графу Путятину, но онъ еще не принимаетъ.

Мая 13. Баронъ Бюлеръ, ѣздившій въ имѣніе жены (Ряз. губ.), гдѣ крестьяне не хотѣли работать, нашелъ ихъ уже возвратившимися къ работамъ. Губернаторъ Муравьевъ (сынъ министра госуд. им.) въ началѣ дѣйствовалъ *неразумно*-снисходительно, но теперь поступаетъ твердо, и безпорядки въ губерніи уменьшаются. Впрочемъ многіе полагаютъ, что это только начало.

Мая 15. Миклашевскій покупаетъ револьверъ, чтобы ѣхать въ деревню. При такихъ предосторожностяхъ лучше бы совсѣмъ не ѣздить.

Мая 19. Мухановъ рано является съ извѣстіемъ о смерти кн. Горчакова, намѣстника Варшавскаго. Онъ былъ проникнутъ мыслію о долгѣ, но былъ не практиченъ.

Мая 25. Тучковъ, Московскій генералъ-губернаторъ, отказывается отъ мѣста намѣстника въ Варшавѣ. Начинаютъ говорить о Н. Н. Муравьевѣ (Карскомъ). Онъ неуживчивъ, но уменъ и распорядителенъ.

Мая 27. Пріѣздъ Ламберта, который говоритъ, что въ Варшавѣ положеніе очень натянутое. Эмисары Милославскаго дѣйствуютъ по командѣ ихъ начальника. При смерти князя Горчакова Поляки сняли трауръ.

Мая 28. Скалонъ говоритъ, что слухи о безпорядкахъ крестьянъ преувеличены. Недоразумѣніе происходитъ отъ того, что мировые посредники не вступали въ должность безъ утвержденія Сената, отъ чего происходила проволочка.

Мая 30. Говорятъ, что Калужское дворянство прислало въ Москву къ Государю депутацію съ просьбою о перемѣнѣ губернатора Арцымовича. Императоръ принялъ депутацію съ гнѣвомъ и сказалъ, что губернаторъ на счету лучшихъ начальниковъ губерній и что теперь Его Величество еще болѣе утверждается въ этомъ мнѣніи. Грустное

расположеніе по случаю инцидента Калужской депутаціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ вызванъ въ Москву и уже уѣхалъ.

Мая 31. Былъ у княгини Вяземской. По извѣстіямъ изъ Москвы, на выходѣ въ Кремлѣ было только три особы, не призванныя туда по должности. Дворъ живетъ въ Александріи очень уединенно.

Іюня 4. Государь, говорятъ, озабоченъ и задумчивъ въ Москвѣ. Полагаютъ, что Сухозанетъ останется въ Варшавѣ намѣстникомъ; по крайней мѣрѣ, этого боится его сожительница.

Іюня 6. Вечеромъ пріѣзжаютъ гр. А. П. Толстой, кн. Орловъ и б. Шернваль. Гр. Толстой дѣлаетъ самый благопріятный отзывъ о гр. Путятинѣ: умный, образованный, положительный, практическій, твердый и въ полномъ значеніи слова христіанинъ. При томъ Путятинъ не будетъ искать внушеній въ Мраморномъ и Михайловскомъ дворцахъ.

Іюня 10. Пріѣздъ двора изъ Москвы. Кн. Горчаковъ передъ обѣдомъ привезъ брату и мнѣ гостинцы изъ Москвы: Лукутинскія табатерочки для зажигательныхъ спичекъ. Вечеромъ опять былъ кн. Горчаковъ. Государь и Государыня жили уединенно въ Александріи и ѣздили вдвоемъ по окрестностямъ. Окружавшіе ѣздили въ Петровскій паркъ ежедневно и къ г-жѣ Нарышкиной (Ушаковой).

Іюня 12. Толки о Польшѣ, гдѣ ген. Сухозанетъ, кажется, останется долѣе, чѣмъ предполагали. У него бываютъ за обѣденнымъ столомъ Замойскій и другіе Поляки, неохотно ѣздившіе въ за̀мокъ намѣстника.

Іюня 14. Графъ Строгановъ, по случаю 50-го юбилея, получилъ Андреевскую ленту.

Іюня 15. Совѣтъ у Государя, гдѣ трактовали о желѣзныхъ дорогахъ. Большинство, съ которымъ согласился и Царь, рѣшило, что южной дороги не оставятъ за Французами. Мальцовъ и Жеребцовъ приглашены обѣдать у насъ вмѣстѣ съ кн. Горчаковымъ. Князь ничего не разсказываетъ о засѣданіи. Послѣ обѣда сыплятся въ изобиліи соблазнительные анекдоты, особенно со стороны Мальцова и Жеребцова; казалось, и безъ того много предметовъ для разговора.

Іюня 25. Обѣдаютъ Исаковъ и Унковскій, который въ Черниговской губерніи нашелъ между крестьянами въ ходу копіи «Крещеной Собственности», прокламацій и другихъ произведеній Герцена, а въ Калугѣ—крестьянъ враждебныхъ помѣщикамъ и vice versa, и оба со-

словія возстановлены противъ правительства, благодаря губернатору Арцымовичу, подбирающему въ сотрудники къ себѣ людей одного съ собою цвѣта, т. е. краснаго.

Іюля 4. Въ 10 ч., послѣ ранней обѣдни въ Казанскомъ соборѣ, ѣдемъ въ Петергофъ на пароходѣ. Обѣдаемъ у кн. Радзивилъ, съ графиней Игельстромъ, ея мужемъ и двоими Пушкиными. Въ Петергофѣ узнаю о дерзкомъ воззваніи къ возстанію, разосланномъ по малой почтѣ. Боже Царя храни!

Іюля 6. Прощаюсь съ добрымъ Елагинымъ, уѣзжающимъ въ Москву и потомъ въ Задонскъ по случаю открытія мощей Святителя Тихона.

Іюля 13. Посѣщаю Вяземскихъ, которые разсказываютъ о вечерѣ, данномъ ими наканунѣ по случаю дня рожденія князя и гдѣ были Государь и Государыня. Братъ проводитъ вечеръ на фермѣ у Императора и участвуетъ въ прогулкѣ въ Стрѣльну; обращеніе было самое благосклонное нынѣ, такъ же, какъ и вчера у Вяземскихъ *).

Сентября 2. (Эмсъ) Получаемъ депешу отъ кн. Горчакова о назначеніи брата товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.—Знакомство съ Ланскимъ, бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Старикъ мнѣ говоритъ про батюшку и дядей, что наше семейство всегда пользовалось особеннымъ уваженіемъ за благородство и возвышенность характера. Таковыхъ, прибавилъ онъ, зналъ я два семейства: ваше и Васильчиковыхъ.

Сентября 13. (Страсбургъ) По утру въ 10 ч. является П. П. Свиньинъ, какъ мы условились. Беремъ купе въ 3 мѣста и покойно ѣдемъ. Занимательные разсказы нашего спутника о его путешествіи въ Палестину и Испанію. Жаль только, что Святыя мѣста мало отвратили богомольца отъ жизни матеріальной. Обѣдъ въ Epernay (по 3 ф. 50 с. съ виномъ). Въ 9 ч. пріѣзжаемъ въ Парижъ. Въ Вестминстерѣ помѣщеній нѣтъ. Находимъ дорогую, но удобную квартиру въ улицѣ Castiglone, въ гостинницѣ Ливерпуль. Идемъ на бульваръ и не узнаемъ прежняго Парижа: въ улицахъ тихо и мертво.

Сентября 14. Были у Лонгевиля (для бѣлья), у портнаго Рузе и купили шляпы. Визиты къ послу гр. Киселеву, который бодръ; тамъ нашли Головнина, и потомъ пришелъ кн. М. Кочубей. Отъ посла зашли къ Убри.—П. Бартенева въ полутраурѣ, но не въ большой

*) Съ 24 Іюля по 4 Октября братья Мухановы провели время на водахъ, въ чужихъ краяхъ, и мы не приводимъ первыхъ тогдашнихъ отмѣтокъ. П. Б.

скорби по случаю смерти отца. Вмѣстѣ съ священникомъ осматриваемъ церковь, которая прекрасна; при насъ было много посѣтителей. Французы въ восхищеніи. Я. Н. Толстой, въ которомъ нѣтъ большой перемѣны.

Сентября 17. Литургія въ новой церкви, которую служитъ о. Васильевъ. Церковь полна. Посолъ стоитъ на первомъ мѣстѣ. Изъ знакомыхъ молодой Зубовъ, Олсуфьевъ и прочіе. Вдали стоитъ съ гордой осанкой противный Долгоруковъ (Bancal). Осматриваемъ домъ княгини Радзивилъ, Jardin d'Acclimatisation, каскаду въ Булонскомъ лѣсу и Parc de Monceau; все это прелесть. Обѣдаемъ и проводимъ остатокъ дня съ Я. Н. Толстымъ. Поутру встрѣчаю Соболевскаго и Лопухину.

Сентября 18. Священникъ Васильевъ разсказываетъ о свиданіи съ митрополитомъ Филаретомъ, котораго онъ цѣнитъ по достоинству, т. е. благоговѣетъ передъ нимъ.—Разговоръ съ Плетневымъ о современной литературѣ. Соболевскій разсматриваетъ бумаги и счеты Ротшильда по попечительству князя Голицына.

Сентября 20. Посѣщаю Плетнева. Жена его слабая и блѣдная. Вечеромъ иду къ Клементію Россету и нахожу его въ жалкомъ положеніи: онъ слѣпнетъ. Впрочемъ расположеніе его духа хорошо. Онъ раскаивается въ своей прошлой жизни и обращается къ христіанскимъ мыслямъ.

Сентября 22. У брата былъ въ моемъ отсутствіи кн. Н. Орловъ. Говорятъ, тестю его кн. Трубецкому не совсѣмъ хорошо за пріемъ, сдѣланный имъ Герцену.

(*С.-Петербургъ*) *Октября 6.* Здѣсь все вниманіе обращено на студентовъ и ихъ демонстраціи. Еще не знаютъ, когда опять откроютъ Университетъ. О графѣ Путятинѣ отзываются не совсѣмъ благопріятно.

Октября 8. Поздно вечеромъ заѣзжаетъ кн. Горчаковъ. Пришло извѣстіе о смерти Герстенцвейга. Дорого намъ обходится Польша. Занимательность книги Корфа все растетъ. Узнаю о смерти О. С. Нарышкиной, кончившей жизнь въ Парижѣ.

Октября 9. Гофманъ, очень довольный перемѣной службы. П. А. Мухановъ разсказываетъ, что гр. Ламбертъ проситъ увольненія и что опять посылаютъ въ Варшаву Сухозанета. Вечеромъ сидимъ съ Морицемъ, съ гр. А. П. Толстымъ и съ княжною С. И. Мещерскою. Читаемъ вмѣстѣ жизнь Сперанскаго съ возрастающимъ интересомъ.

Октября 11. Братъ разсказываетъ мнѣ подробности, переданныя ему гр. Блудовымъ о гр. Сперанскомъ, прежде ссылки надменномъ и

4*

благоволившемъ къ взяточникамъ. Худо что-то вѣрится. Визитъ къ А. М. Каратыгиной, живущей въ домѣ дочери Фонъ-деръ-Паленъ; хорошее и даже нѣсколько роскошное помѣщеніе.—Поутру передъ моимъ выходомъ со двора посѣтилъ меня достойный экономъ Троицкаго подворья. Бесѣда благочестиваго мужа принесла мнѣ пользу и удовольствіе.

(*Москва*) *Октября 15.* Слушали обѣдню у Маріи Сергѣевны *), гдѣ была княгиня Долгорукова, урожденная Давыдова. Все тотъ же разговоръ о студентахъ, которые, кажется, успокоиваются. Домъ кн. С. М. Голицына; грустно было войти въ его кабинетъ, оставшійся въ томъ видѣ, какъ былъ при немъ.

Октября 16. Ѣдемъ къ митрополиту; онъ слабъ и очень блѣденъ, потомъ оживляется, но интересная бесѣда прерывается посѣтителемъ, который тяжелъ своею напыщенною восторженностью.

Октября 17. Визитъ къ кн. Н. И. Трубецкому, который показываетъ нѣсколько телеграммъ относительно пріѣзда Государя; по послѣдней Императоръ будетъ между 6 и 8 часами; требуютъ ужинъ съ кулебякой и поросенкомъ съ кашею.—Отъ Трубецкаго отправились къ ген.-губернатору; братъ входитъ къ нему, а я иду къ Черткову, гдѣ нахожу б. Шепинга.—Я читаю описаніе путешествія Наслѣдника въ Нижній и Казань; у молодаго человѣка жажда науки. Статья написана въ демократическомъ тонѣ передовымъ изъ передовыхъ, Мельниковымъ.

Октября 18. Были у молодаго Голицына для открытія ящиковъ, въ которыхъ думали найти что-нибудь и нашли старую рухлядь. Визитъ къ кн. Н. И. Трубецкому, доброму родственнику, очень здраво судящему о дѣлахъ старшаго сына своего. Обѣдаемъ вчетверомъ безъ постороннихъ. Вечеромъ пріѣзжаютъ Н. С. Мухановъ, очень, кажется, довольный своей участью, и графъ Алексѣй Петровичъ Толстой, рѣшившійся оставить службу. Честолюбіе его оскорбилось тѣмъ, что о немъ не подумали при кончинѣ князя Горчакова, во время смутъ въ Царствѣ Польскомъ. Теперь онъ не расположенъ принять такое назначеніе, не желая быть палачемъ.

Октября 19. Посѣщаетъ насъ митрополитъ послѣ службы въ соборѣ. Потомъ кн. Долгоруковъ, Голицынъ (въ эксцентрическомъ экипажѣ) и гр. Закревскій. Разговоръ болѣе обращенъ былъ на безпорядки студентовъ. Государь разрѣшилъ генералъ-губернатору окончить печальную исторію по его усмотрѣнію, не теряя изъ виду, что въ настоящемъ случаѣ необходимы твердость и энергія.

Октября 20. Разговоръ о П. А. Мухановѣ. Ему ставятъ въ вину учрежденіе сельскихъ обществъ и уничтоженіе чиновъ. Не со-

*) Т. е. Мухановой, въ домѣ ея на углу **Мертваго переулка.** П. Б.

всёмъ удовлетворительное извѣстіе изъ деревни: крестьяне лѣниво работаютъ, и управляющій обращался къ мировому посреднику.

Октября 21. Визитъ прощальный къ митрополиту. Онъ говорилъ, что не одна зависть служила поводомъ, что подозрѣвали Сперанскаго и въ примѣръ ставилъ князя А. Н. Голицына.

Октября 24. Разговоръ объ Ив. Матв. Толстомъ, который, когда управлялъ министерствомъ, не писалъ собственноручно никогда, а поручалъ писать Вестману, ограничиваясь самъ подписью.

(*С.-Петербургъ*) *Октября 26.* Въ министерствѣ всё съ нетерпѣніемъ ожидаютъ вступленія брата въ должность.

Октября 27. Братъ поѣхалъ въ Царское Село представляться Государю, а я отправился въ Исакіевскій соборъ, гдѣ слушалъ часы, литургію и молебенъ съ акаѳистомъ Божіей Матери. Братъ возвращается въ 9-мъ часу. Государь принялъ его благосклонно.

Октября 30. Передъ обѣдомъ заѣзжаетъ П. А. Мухановъ; онъ не одобряетъ дѣйствій Віельпольскаго и почитаетъ его человѣкомъ двусмысленнымъ и подозрительнымъ. Братъ нынѣ вошелъ въ отправленіе своей должности товарища министра иностранныхъ дѣлъ.

Октября 31. Вечеромъ Морицъ и гр. Д. Толстой. Съ послѣднимъ разговоръ о книгѣ Корфа, о Сперанскомъ, котораго Толстой сильно подозрѣваетъ въ измѣнѣ.

Ноября 6. Вечеромъ П. А. Мухановъ привозитъ мнѣ замѣчанія, написанныя имъ для Сухозанета при отъѣздѣ послѣдняго въ Варшаву.

Ноября 9. Говорятъ, что Чевкинъ будетъ государственнымъ (первымъ) министромъ. Любопытно знать, на какомъ основаніи? Въ настоящихъ обстоятельствахъ сомнительная польза такого нововведенія. Вопросъ о министерствахъ, оставленныхъ въ сторонѣ, вопросъ о просвѣщеніи и о университетахъ. Жаль!

Ноября 12. Принимаю Дм. Лонгинова, ѣдущаго завтра въ Москву, и Бюлера, встревоженнаго крестьянскими дѣлами. Онъ утверждаетъ, что Унковскій (Тверскій) подбиваетъ его Рязанскихъ поселянъ.

Ноября 16. П. А. Мухановъ, съ которымъ говоримъ о дѣлѣ Михайлова, приговореннаго 5-мъ департаментомъ Сената къ 12 годамъ каторги. Дѣло поступило въ Государственный Совѣтъ.

Ноября 19. Обѣдня въ почтамтской церкви, куда поѣхалъ вмѣсто Конюшенной, ибо удержанъ былъ И. Д. Д., вышедшимъ въ отставку вслѣдствіе страннаго съ нимъ поступка министра народнаго просвѣщенія графа Путятина.

Ноября 20. Обѣдаю въ клубѣ, а братъ у кн. Горчакова съ б. М. Корфомъ, который читаетъ вступленіе, написанное гр. Сперанскимъ при проектѣ конституціи. — Вечеромъ приходитъ гр. Д. А. Толстой, который разсказываетъ, какъ онъ поступилъ директоромъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Ноября 22. Фрейлина кн. Долгорукова, говорятъ, выходитъ замужъ за Альбединскаго, который получилъ мѣсто въ Берлинѣ, а гр. Адлербергъ переходитъ въ Одессу къ графу Строганову въ товарищи.

Ноября 23. Вечеромъ сидѣлъ Н. М. Смирновъ, который встревоженъ мыслью, что въ Москвѣ опредѣлятъ подать адресъ Государю съ ходатайствомъ гарантій. Смирновъ думаетъ, что еслибы прожилъ Ростовцовъ, крестьянскій вопросъ разрѣшенъ былъ бы лучше. Его пренія въ Земскомъ Комитетѣ замѣчательны.

Ноября 25. Обѣдаетъ Россетъ, который намѣревается оставить службу и проводить лѣтнее время гдѣ-нибудь по сосѣдству съ Оптиной пустыней. О графѣ Ламбертѣ онъ говоритъ, что характеръ его не выработался въ борьбѣ съ жизнью: ему все давалось легко, и онъ никогда ни въ чемъ не встрѣчалъ сопротивленія.

Ноября 26. Гр. Путятинъ отправился въ Москву, никто не знаетъ зачѣмъ. Читаю дѣльную статью объ университетахъ профессора Чичерина противъ профессора Костомарова, который хочетъ, чтобы всѣ имѣли входъ въ университетъ.

Декабря 1. Вечеромъ б. Шернваль, ѣдущій въ Финляндію, и Дима Нарышкинъ, разсказывающій о положеніи Литвы, гдѣ поютъ въ церквахъ патріотическіе гимны и дѣйствуетъ революціонерный комитетъ, а правительство остается въ бездѣйствіи. Студенты опять волнуются уже третій день: собравшись, они отказали матрикулы и прибили помощника инспектора.

Декабря 6. Сегодня освободили студентовъ изъ крѣпости; они въ ужасной нуждѣ, и многіе посылаютъ деньги, чтобы удовлетворить ихъ первымъ потребностямъ.

Декабря 7. Тютчевъ сравниваетъ графа Путятина съ смерчемъ (une trombe). Лазаревъ находилъ у него всегда червячокъ. Il paraît que depuis, говоритъ Тютчевъ, le vermisseau a grandi *). Обѣдаютъ гр. Віельгорскій и кн. Вяземскій; первый очень признателенъ за обѣдъ и находитъ его прекраснымъ, а другой молчаливъ. Вечеромъ пріѣзжаетъ сынъ кн. Вяземскаго, попечитель Казанскаго учебнаго округа. Онъ очень хвалитъ Казанскихъ профессоровъ и говоритъ, что они содѣйствовали прекращенію безпорядковъ. Молодой Вяземскій очень пріятный и умный человѣкъ.

*) Кажется, что потомъ червячокъ выросъ.

Декабря 9. Противъ благонамѣреннаго профессора Чичерина запрещено писать, по крайней мѣрѣ печатать статьи: неловко. Сухозанетъ недобраго мнѣнія о графѣ Ламбертѣ.

Декабря 10. И Д и Павелъ Александровичъ Мухановы. Первый ѣдетъ въ Москву, а послѣдній кряхтитъ отъ пустоты кармана и объясняетъ измѣненіе отношеній своихъ съ покойнымъ намѣстникомъ кн. Горчаковымъ своею женитьбою и тѣмъ, что онъ не женился на одной изъ дочерей князя.—Читаю интересную рукопись о послѣднемъ десятилѣтіи царствованія императора Александра I въ дипломатическомъ отношеніи. Она писана, кажется, Матусевичемъ.

Декабря 11. Доканчиваю рукопись Матусевича. Слабая редакція, но твердая политика. Теперь напротивъ: прекрасная редакція, но безсиліе политическое; правда, не виноваты настоящіе дѣятели: имъ завѣщали эту политику ихъ предмѣстники, а сила обстоятельствъ не позволила измѣнить ее.

Декабря 12. Обѣдали у насъ кн. Трубецкой (Парижскій) и Игнатьевъ. Оба разсказывали, какъ они пролежали, первый въ Курской губерніи 4 часа ночью подъ снѣгомъ, а другой въ Киргизской степи не ѣлъ и не пилъ три дня во время бурана, гдѣ два Киргиза погибли. Разговоръ Игнатьева, человѣка ума наблюдательнаго и тонкаго, очень занимателенъ.

Декабря 14. Братъ былъ у Головнина, назначеннаго министромъ народнаго просвѣщенія, и у него былъ съ нимъ интересный разговоръ о министерствѣ. — Исаковъ очень здраво разсуждаетъ объ университетахъ. П. А. Мухановъ разсказываетъ ему свои труды по учебной части въ Варшавѣ. Графъ Д. А. Толстой внѣ себя отъ назначенія Головнина: что́ называется, и рветъ, и мечетъ. Онъ такъ сильно говорилъ противъ него и такъ невоздерженъ былъ въ выраженіяхъ, что, при этихъ преувеличеніяхъ, я невольно подумалъ: Qui dit tout, ne dit rien *).

Декабря 15. Съ сожалѣніемъ узналъ, что гр. А. П. Толстой просилъ увольненія и получилъ его. Кн. Урусовъ отказался замѣстить Толстаго, и теперь думаютъ объ Исаковѣ и Ахматовѣ. Послѣдній, недавно еще очень честолюбивый, удивляетъ меня своимъ отказомъ. Удаленіе Толстаго истинная потеря для Православія.

Декабря 16. Обѣдаетъ Игнатьевъ, который разсказываетъ, что въ Александріи корреспондентъ журнала «Siècle», при полученіи рескриптовъ объ эмансипаціи, на публичномъ обѣдѣ, потребовалъ шампанскаго и пилъ здоровье Государя, какъ достойнаго послѣдователя Fourier и другихъ соціалистовъ. Милютинъ хвастался, что помѣстилъ въ

*) Говоря все, не скажешь ничего.

основаніе положенія о крестьянахъ зерно будущаго развитія демократической конституціи Россіи.

Декабря 21. У насъ обѣдаетъ Россетъ, который не прочь отъ того, чтобы быть оберъ-прокуроромъ Синода; но достовѣрно, что на это мѣсто будетъ назначенъ Ахматовъ, котораго туда прочилъ уже императоръ Николай.

Декабря 22. Вечеромъ у брата кн. В. А. Долгоруковъ и Потаповъ. Братъ предлагаетъ Долгорукову Россета въ оберъ-прокуроры Синода.—Говорятъ, что Дмитрій Толстой будетъ сенаторомъ.

Декабря 25. Нынѣ вышли въ приказахъ увольненіе гр. Путятина отъ Мин. Нар. Просвѣщенія и назначеніе управляющимъ тѣмъ же министерствомъ Головнина; многіе ожидаютъ отъ него недобраго, другіе радуются.—Вечеромъ собрались Н. А. Мухановъ, Миклашевскій и гр. Д. А. Толстой, который показываетъ бумагу объ утвержденіи его гофмейстеромъ и назначеніи сенаторомъ. Онъ разсказывалъ свой разговоръ съ Головнинымъ. Трудно было такъ лавировать, чтобы не попасть въ сѣти хитреца.

Декабря 26. Братъ возвращается отъ кн. Вяземскаго, уѣхавшаго за границу.

Декабря 28. Вечеромъ братъ привезъ И. С. Мальцева. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ повторяетъ, что нѣтъ никакого средства выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ наши финансы. Хорошо, если время не оправдаетъ его словъ. Говорятъ, что мировые посредники въ Тверской губерніи явились къ губернатору съ просьбой измѣнить положеніе, ибо при немъ дѣло ни на волосъ не подвигается.

1862 годъ.

Января 11. Обѣдали съ А. Н. Муравьевымъ и Миклашевскимъ. Муравьевъ судитъ гораздо строже гр. Толстого, чѣмъ гр. Протасова. «Послѣдній, говоритъ онъ, имѣлъ систему, которой слѣдовалъ неуклонно, а первый—никакой, пребывая по большей части въ совершенномъ бездѣйствіи». Про новаго оберъ-прокурора Ахматова онъ думаетъ благопріятно, но полагаетъ, что онъ будетъ заноситься. Митрополитъ Московскій одобряетъ сей выборъ.

Января 12. Головнинъ обратилъ все вниманіе на устройство университетовъ и гимназій, и увѣренъ, что когда онъ ихъ приведетъ въ порядокъ, всѣ захотятъ отдавать въ его вѣдомство учебныя заведенія. Молодой министръ принимается усердно и дѣльно за свою часть. Въ совѣтѣ Государя онъ говорилъ немного, но что̀ сказалъ, сказалъ умно и скромно.—Въ крестьянскомъ комитетѣ рѣшено, что

помѣщики, желающіе устроиться съ крестьянами на основаніи Гагаринскаго надѣла, должны предварительно выкупить имѣніе, если оно взаложено, изъ кредитнаго учрежденія. Вмѣсто того, чтобъ облегчат сколько возможно, сдѣлки съ крестьянами, ихъ затрудняютъ и всегда въ ущербъ помѣщикамъ.

Января 13. Въ Москвѣ начались выборы, и засѣданія очень бурны и шумны. Многіе хотятъ уничтоженія правъ дворянства, а слѣдовательно самого сословія; другіе отстаиваютъ послѣднее. Пренія не могутъ быть правильны; они раздражительны. Сдается какъ-то, что положеніе дворянства измѣнится и, кажется, справедливость требуетъ, чтобы права этого сословія были распространены на прочія.

Января 16. Посѣщаю гр. А. М. Толстую, которую нахожу на софѣ лежащую и не совсѣмъ здоровую. Разговоръ о Головнинѣ. Графъ возвращается съ выборовъ и разсказываетъ, что тамъ ходилъ по рукамъ Московскій адресъ, въ которомъ требуютъ депутатовъ со всей Россіи, гласности бюджета, словеснаго суда, свободы слова и пр. и пр.

Января 22. Рейтернъ назначенъ министромъ финансовъ.

Января 23. Фонъ-Крузе посѣщаетъ; онъ привозитъ нѣкогда взятые имъ на коммиссію 500 франковъ. Разстройство дѣлъ отразилось на немъ.

Января 24. Разсказъ о процессѣ гр. Мордвиновой съ Татарами о Байдарской долинѣ, о которой покойный батюшка переписывался съ прежнимъ владѣльцемъ гр. Н. С. Мордвиновымъ. Тогда дѣло было въ Московскомъ Сенатѣ.

Января 25. Въ послѣднемъ засѣданіи Главнаго Управленія Цензуры предсѣдательствовалъ въ первый разъ новый министръ Головнинъ. Читали дѣло и потомъ отбирали голоса, начиная съ младшаго члена. Когда присутствующіе заводили между собой разговоръ, предсѣдатель его пресѣкалъ или такъ смотрѣлъ на разговаривавшихъ, что они прекращали рѣчь.

Января 27. На выборахъ сами дворяне возстали противъ поднесенія адреса Платонова Государю. Въ немъ требовалось правъ и гарантій. Люди, такъ называемые передовые, очень сильно говорили о несостоятельности проекта Платонова. Биржевые люди одобряютъ недавно изданный бюджетъ, находятъ его умѣреннымъ и видятъ въ сокращеніи арміи, когда оно будетъ допущено, возможность финансы привести въ порядокъ.

Января 29. Былъ у Бартеневыхъ, гдѣ нашелъ, молодого графа Шереметева, миловиднаго 16-тилѣтняго юношу. У насъ обѣдалъ сенаторъ Щербининъ изъ Москвы. Онъ долго состоялъ подъ начальствомъ кн. М. С. Воронцова и уважаетъ память покойнаго фельдмаршала, потомъ провелъ годъ на Кавказѣ съ Н. Н. Муравьевымъ, бывшимъ намѣстникомъ тамошняго края. Щербининъ слышалъ отъ Муравьева, что Государь, въ бытность въ Москвѣ, предлагалъ ему, послѣ назначенія его шефомъ полка, намѣстничество Царства Польскаго, которое заслуженный воинъ не рѣшился принять.

Января 30. Для брата день былъ хлопотливъ: онъ ѣздилъ на погребеніе бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго, оттуда въ Комитетъ Министровъ, потомъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, обѣдалъ у Государя и на балъ отправился къ гр. П. С. Строганову.

Февраля 1. П. А. Мухановъ и Россетъ.. Разсказы о Польской кампаніи. Графъ Сакенъ, при первомъ свиданіи, послѣ покоренія Венгріи, съ покойнымъ Государемъ Николаемъ I-мъ, хотя и осыпанный милостями послѣдняго, былъ очень разстроенъ расположеніемъ, въ которомъ нашелъ Императора, и сказалъ своему начальнику штаба графу Ламберту: «Государь произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Знаете, что онъ сильно возгордился». «То, чтó сдѣлалъ я съ Венгріею, ожидаетъ всю Европу», сказалъ мнѣ Государь. Я увѣренъ, что эта кампанія его погубитъ. Я старъ, а вы молоды и увидите, что это даромъ не пройдетъ. Богъ наказываетъ гордыхъ». Слова пророческія, которыя сбылись при жизни сказавшаго ихъ.

Февраля 7. Братъ отправляется на свадьбу Кассини, чиновника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, женившагося на Ниротморцевой, и который вѣнчался въ церкви Министерства.

Февраля 9. Сидѣлъ долго протоіерей Палисадовъ. Разговоръ шелъ объ университетскомъ преподаваніи, и какъ онъ читаетъ свой курсъ Богословія. Янышевъ взялъ было свысока, начитавшись Нѣмцевъ; но студенты откровенно сказали ему, что не понимаютъ, не бывъ приготовлены философскимъ образованіемъ къ высокому преподаванію. Онъ принужденъ былъ съ высоты сойти къ нимъ и совѣтовалъ своему преемнику стараться наблюдать простоту и быть доступнымъ. Только тогда аудиторіи и Янышева, и Палисадова были полны, когда они стали руководствоваться сими правилами. Снабдивъ протоіерея книгами, которыми онъ остался очень доволенъ, я принялся за чтеніе и уже не успѣлъ выйти.

Февраля 10. Братъ обѣдалъ у канцлера, который совсѣмъ ожилъ и сталъ приглашать гостей на свои Лукуловскіе обѣды. Тамъ говорили о нерѣшительности характера: является нѣсколько мыслей, и не знаешь, на которой остановиться; между тѣмъ обстоятельство, вызывающее дѣйствіе, не ожидаетъ, а требуетъ скораго по немъ исполненія. Въ примѣръ ставили дипломатовъ Титова и Фонтона.

Февраля 12. Обѣдаетъ у насъ С. С. Мухановъ, адъютантъ Лидерса, недавно пріѣхавшій изъ Варшавы, гдѣ соблюдается внѣшній порядокъ, но духъ очень дурной въ народѣ. Начальникъ штаба и военный генералъ-губернаторъ Крыжановскій безъ разсужденія забираетъ людей и сажаетъ ихъ въ крѣпость или отправляетъ на жительство въ Русскія губерніи. Церкви открыты, все происходитъ въ порядкѣ, и гимновъ патріотическихъ не поютъ. Въ театры, также открытые, ходятъ одни Русскіе. Маркиза Віельпольскаго полагаютъ человѣкомъ умнымъ и ищущимъ популярности, гордымъ и питающимъ глубокое презрѣніе къ своимъ соотечественникамъ. Онъ издалъ брошюрку объ избіеніяхъ, бывшихъ въ Галиціи, и послѣ изученія права за границею, возвратясь въ Варшаву, выигралъ нѣсколько важныхъ процессовъ безъ содѣйствія посторонняго, т. е. какого либо законника или повѣреннаго. При отъѣздѣ въ Петербургъ маркиза, ему кто-то сказалъ: «Vous devenez populaire» *). Dans ce cas, отвѣчалъ онъ, est-ce que je n'ai pas fait quelque grosse balourdise?

Февраля 13. Утромъ пріѣзжалъ прощаться съ братомъ бывшій министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ, уѣзжающій за границу. Онъ описывалъ настоящее положеніе мрачными красками и сказывалъ, что въ Черниговской губерніи крестьяне отказываются отъ взноса податей, что въ Тверской губерніи мировые посредники находятъ невозможность привести въ исполненіе положеніе и требуютъ его пересмотра. Съ ними, говорятъ, поступлено будетъ съ примѣрною строгостью. Муравьевъ полагаетъ, что съ каждымъ днемъ будетъ хуже, и что нельзя было думать, что безпорядокъ повсемѣстно распространится съ быстротою. По его мнѣнію, это только начало, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будутъ развиваться событія, сохраняя тотъ же характеръ неправильности.

Февраля 14. Разныя дамы Польскія, напримѣръ г-жа Калерджи и Скаржинская, всегда отличавшіяся патріотизмомъ, особенно первая, стараются поссорить генерала Крыжановскаго съ новымъ епископомъ

---

*) Васъ начинаютъ любить въ народѣ.—Въ такомъ случаѣ не сдѣлалъ ли я какую нибудь большую глупость?

Фелинскимъ. Молодой Мухановъ, адъютантъ Лидерса и приверженецъ г-жи Калерджи, обвиняетъ Крыжановскаго въ произволѣ и безразсудныхъ арестахъ, которымъ подвергаетъ онъ многихъ Поляковъ; но онъ является отголоскомъ особы, въ которую влюбленъ.

Февраля 16. Князь Воронцовъ, котораго я увидѣлъ въ первый разъ съ пріѣзда, представляетъ настоящее положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Въ разговорѣ его было много справедливаго. Не знаю только, до какой степени возможно Россіи въ настоящее время заключать заемъ, на какомъ бы то ни было основаніи, даже обязываясь платить 15%.—Графъ Шуваловъ (оберъ-гофмаршалъ) разсказывалъ объ обѣдѣ въ честь Севастопольцевъ; въ немъ участвовали Великіе Князья. Послѣ водки, питой при закускѣ, языки развязались, и начались спичи. На обѣдѣ были и солдаты, съ которыми Великіе Князья тринкировали.

Февраля 17. При дворѣ балъ, по желанію в. к. Маріи Николаевны, изъявившей сожалѣніе, что Марія Максимильяновна, дочь ея, не довольно веселилась на Масляницу. Балъ, начавшійся обѣдомъ, кончился въ 11-мъ часу вечера. Государь, танцуя съ молодой Марусей, упалъ, и всѣ присутствовавшіе тотчасъ разъѣхались. Передъ обѣдомъ посѣтилъ брата кн. Горчаковъ, и потомъ онъ уже пріѣхалъ съ бала, не зная о паденіи Государя, о чемъ намъ сказалъ кн. Л. В. Кочубей, пріѣзжавшій къ намъ позже.

Февраля 19. Является гр. А. П. Толстой отъ Государя, который сказалъ ему, что назначеніе губернатора Харьковскаго Ахматова въ оберъ-прокуроры Синода замедлилось, потому что не пріискали еще никого въ Харьковъ въ губернаторы. Позже мы узнали, что бывшій попечитель Петербургскаго университета кн. Григорій Щербатовъ отказался отъ принятія этого мѣста, и что намѣревались предложить его графу Бобринскому. Гр. Толстой былъ особенно веселъ, что̀ съ нимъ рѣдко случается, изъ чего мы заключили, что въ эту аудіенцію ему обѣщано было назначеніе въ члены Государственнаго Совѣта. Послѣ обѣда опять насъ посѣтилъ гр. Толстой, и позже кн. Кочубей, очень недовольный, что въ журналѣ «День» помѣщена статья, гдѣ на него нападаютъ за худое содержаніе вызванныхъ имъ изъ-за границы работниковъ для обработыванія полей. Онъ ѣздилъ жаловаться къ кн. В. А. Долгорукому, который совѣтовалъ ему отвѣчать на журнальную статью и показать несправедливость сдѣланныхъ на него нареканій.

Февраля 20. Кн. Горчаковъ пріѣхалъ послѣ своего доклада отъ Государя. Какъ всегда, онъ былъ очень уменъ и любезенъ. Я посѣ-

тилъ кн. Оболенскую, гдѣ нашелъ молодого г-на Сталя, и куда пришелъ потомъ гр. А. П. Толстой. Кн. Оболенская сказывала, что въ Москвѣ разъ въ недѣлю бываютъ литературныя утра въ Университетѣ подъ предсѣдательствомъ Погодина. Недавно, по нездоровью послѣдняго пришлось занять его мѣсто Аксакову, издателю журнала «День». Недовольный, что цензура не пропустила къ печати какой-то статьи въ его изданіи, онъ открылъ засѣданіе извѣстіемъ о томъ, присовокупя: «Впрочемъ подобныя дѣйствія продолжиться не могутъ; распоряженія правительства суть распоряженія умирающаго въ конвульсіяхъ». Эти слова были произнесены въ присутствіи и при стеченіи многочисленной публики. Вечеромъ сидѣлъ у насъ графъ Шуваловъ, который разсказывалъ о придворныхъ продѣлкахъ и приключеніяхъ.

Февраля 22. Встрѣчаю графа Віельгорскаго, идемъ въ магазинъ Русскихъ издѣлій, гдѣ не находимъ булавокъ, изображающихъ будто бы топоры по внушенію Герцена. Потомъ иду въ Исакіевскій соборъ, гдѣ поютъ превосходно. Въ полусумракѣ храма, вопль души глубоко покаянной Св. Андрея, при умилительномъ пѣніи, дѣйствовалъ благотворно и располагалъ къ сознанію грѣха, къ болѣе живому чувству своего недостоинства.—У насъ обѣдалъ М-ій, молодой человѣкъ, служащій въ конторѣ Великаго Князя Михаила Николаевича. Онъ разсказывалъ, что наше имѣніе не было куплено по настоянію управляющаго конторою Зальцмана, который такъ забралъ въ руки графа З., что онъ не смѣетъ пикнуть передъ нимъ. Потомъ онъ говорилъ о жизни своей въ Штутгардтѣ и въ Карлсруэ, гдѣ онъ пользовался добрымъ расположеніемъ Великой Княгини Ольги Николаевны и гросъ-герцогини Баденской. Смѣшно отзывался молодой гость о В. П. Титовѣ, добромъ и образованномъ министрѣ нашемъ въ Штутгардтѣ, но въ высшей степени разсѣянномъ и нерѣшительномъ.—Вечеромъ съѣхались Нарышкинъ, Колошинъ, Россетъ и П. А. Мухановъ. Вспоминали о Гогелѣ, директорѣ Пажескаго Корпуса, его твердости, оригинальности и отеческомъ расположеніи къ пажамъ. Послѣ рѣчь шла о настоящемъ положеніи Россіи и объ ошибкахъ, которыя произвели смуты въ Польшѣ.

Февраля 24. С. С. Мухановъ, адъютантъ генерала Лидерса, уѣзжающій завтра въ Варшаву. Лидерсъ нездоровъ вслѣдствіе неудовольствій, возникшихъ между нимъ и новымъ епископомъ Фелинскимъ. По пріѣздѣ епископъ долженъ былъ обратиться къ паствѣ въ воззваніи (mandement), утвержденномъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ удостовѣрился въ благоволеніи Государя къ Польшѣ, а въ исполнителяхъ Варшавскихъ нашелъ противное. Епископъ не рѣшился издать своего воз-

званія и приготовилъ другое, на обнародованіе котораго отсюда не послѣдовало соизволенія. Такимъ образомъ къ паствѣ не было никакого обращенія. Изъ Петербурга послѣдовало распоряженіе, чтобы воздержаться отъ арестовъ.

Февраля 25. Посѣтилъ насъ князь П. А. Урусовъ, служащій въ Кіевѣ по Министерству Государственныхъ Имуществъ. По его разсказамъ Поляки и Польки носятъ трауръ, поютъ патріотическіе гимны въ костелахъ, избѣгаютъ всякихъ собраній и съѣздовъ и не скрываютъ своего нерасположенія къ Русскимъ. Генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ окруженъ Поляками, которые дѣлаютъ, что̀ хотятъ. Чиновники, особенно Польскаго происхожденія, дерзки и не выносятъ самаго легкаго замѣчанія отъ начальниковъ, позволяя себѣ дѣлать имъ заносчивые и грубые отвѣты. Когда спокойствіе въ Варшавѣ, покоенъ и Кіевъ; иначе волненіе первой нарушаетъ миръ послѣдняго. Все это тѣмъ болѣе прискорбно, что большинство народонаселенія Русское и православное, а Поляки въ меньшинствѣ.

Февраля 26. Теперь идетъ рѣчь о проектѣ преобразованія народнаго просвѣщенія въ Царствѣ по предположенію маркиза Вельпольскаго. Мухановъ подалъ записку, въ которой жестоко критикуетъ проектъ. Въ коммиссіи нападаютъ на Польскаго маркиза, и онъ уже вынужденъ былъ сдѣлать нѣсколько уступокъ. Головнинъ говоритъ, что проектъ писанъ въ Польскомъ духѣ, при соблюденіи выгодъ одной Польши въ ущербъ пользамъ Россіи. Титовъ смотритъ на Польшу односторонне. Онъ хочетъ, чтобы, занимаясь народнымъ образованіемъ исключительно, не обращая вниманія на политическую сторону вопроса: взглядъ негосударственнаго человѣка. Мухановъ отражалъ его очень сильно. Есть умы, теряющіеся въ сферахъ отвлеченности, для которыхъ вопросы положительные недоступны: таковъ умъ Титова, впрочемъ умнаго, образованнаго и добраго человѣка.

Февраля 28. При дворѣ нравится Колошинъ, котораго пустила въ ходъ Мальцова, отрекомендовавъ его Великимъ Княгинямъ Маріи Николаевнѣ и Еленѣ Павловнѣ; потомъ былъ онъ приглашенъ на вечеръ къ Императрицѣ. Недавно дядя его И. С. Мальцевъ, тогда говѣвшій (это было на первой недѣлѣ великаго поста), жаловался на упадокъ акцій. Племянникъ обратился къ нему со слѣдующими словами: Mon oncle, comme vous faites vos devotions, vous auriez dû vous défaire de vos mauvaises actions en ma faveur *). Ѣздили къ княгинѣ С. И.

---

*) Дядюшка, вы говѣете; чтобы вамъ отдѣлаться отъ вашихъ плохихъ акцій (т. е. дѣйствій) въ мою пользу.

Мещерской, которую нашли съ Шумлянскою, живущей также въ Таврическомъ дворцѣ; княжна намъ обрадовалась и разсказала, какъ племянникъ ея кн. В. Мещерскій, женатый на Сипягиной, выстрѣлилъ въ медвѣдя, который повалился. Стрѣлокъ подошелъ къ нему, думая, что онъ убитъ. Животное встало и лапою повредило черепъ, носъ и лицо бѣдному охотнику; но тѣмъ еще не кончилось бы, еслибы генералъ Плаутинъ не спасъ Мещерскаго, выстрѣливъ въ медвѣдя и положивъ его наповалъ.

Марта 9. Графъ Нессельроде умираетъ. Въ продолженіе полувѣка, полнаго важныхъ событій, онъ былъ постояннымъ дѣятелемъ на поприщѣ внѣшней политики и участвовалъ во всѣхъ конгрессахъ и трактатахъ своего времени. Мнѣнія о немъ различны: одни его унижаютъ, другіе возвышаютъ; и тѣ и другіе впадаютъ въ крайность. Во всякомъ случаѣ нельзя ему отказать въ умѣ, нѣкоторой смѣтливости, плавной редакціи и навыкѣ къ дипломатическимъ совѣщаніямъ. Можетъ быть, въ немъ замѣчалась излишняя уклончивость и робость, несовсѣмъ умѣстныя въ главномъ представителѣ интересовъ Россіи въ Европѣ. Въ его нотахъ и депешахъ отражается эта черта характера, и многія изъ нихъ писаны въ тонѣ, не отвѣтствующемъ достоинству первокласной державы. Графъ Нессельроде отличный семьянинъ, заботливый и нѣжный къ своимъ дѣтямъ и внукамъ; онъ также всегда отличался гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ, столъ его прослылъ первымъ въ столицѣ, и при самыхъ многочисленныхъ занятіяхъ канцлеръ находилъ возможность удѣлять часъ или полтора времени для совѣщанія съ поваромъ Valerot, котораго искусство долго еще будетъ жить въ памяти Петербургскихъ гастрономовъ.

Марта 10. Нынѣ цѣлый день были посѣтители: Вестманъ, Гамбургеръ, молодой К. Н. Горчаковъ, Жеребцовъ, Миклашевскій, Гумаликъ и графъ А. В. Адлербергъ. Трое послѣднихъ обѣдали. Потомъ пріѣхали князь Горчаковъ и графъ Шуваловъ, оба послѣ обѣда у Государя, даннаго въ честь Бисмарка, Прусскаго посланника, котораго дворъ Берлинскій отзываетъ отсюда.

Марта 11. Въ 8 часовъ присылаютъ сказать изъ министерства, что графъ Нессельроде кончилъ жизнь. Поздно пріѣзжаетъ князь Горчаковъ.—Наканунѣ смерти канцлеръ пріобщился Св. Таинъ. Передъ совершеніемъ надъ нимъ таинства, онъ указалъ на красную книжку, гдѣ записывалъ свои погрѣшности (ses fautes, по его выраженію), и читалъ ее. Въ день своей кончины онъ всталъ съ постели, сѣлъ за письменный столъ и написалъ четыре прощальныхъ строки къ от-

сутствующей дочери баронессѣ Зеебахъ и потомъ продиктовалъ распоряженіе о похоронахъ, которое подписалъ по-русски. Распоряженіе писалъ г. Евреиновъ, который, управляя въ продолженіе долгихъ лѣтъ дѣлами графа, заслужилъ полное довѣріе и дружбу его. Канцлеръ много страдалъ и просилъ, чтобы искусственными средствами не поддерживали жизни, которая становилась очень мучительна. Онъ простился съ дочерью, зятемъ, сыномъ и внукомъ и благословилъ ихъ.

Марта 12. Устиновъ разсказывалъ, какъ онъ писалъ къ графу Нессельроде о союзѣ Франціи и Англіи противъ Россіи, заключенномъ за долгое время до Крымской войны. Канцлеръ не хотѣлъ, чтобъ объ этомъ была рѣчь, а между тѣмъ, по словамъ Устинова, было легкое средство отклонить опасность намъ угрожавшую. Средство заключалось въ складахъ оружія на берегахъ съ тѣмъ, чтобы вооружить, въ случаѣ надобности, христіанское народонаселеніе. Когда предложеніе не было принято, Устиновъ просилъ увольненія отъ должности совѣтника Константинопольской миссіи и получилъ его. Онъ говоритъ, что покойный канцлеръ не зналъ Востока и вовсе пренебрегалъ политикой нашей въ Азіи; притомъ онъ отказываетъ ему совершенно въ чувствѣ Русскомъ. По словамъ стараго дипломата все, что́ говорятъ о богатствѣ графа Нессельроде, преувеличено.—Графъ Шуваловъ, по случаю болѣзни барона Мейендорфа, думаетъ, что если мѣсто президента Кабинета будетъ свободнымъ, то хорошо бы брату занять его.—Передъ обѣдомъ заѣзжаетъ князь Горчаковъ, который утомленъ и грустенъ.—Часто вечера проводятъ у насъ Миклашевскій и Гумаликъ; одинъ задумчивъ и молчаливъ, а другой веселъ и забавенъ.

Марта 15. Уѣхали Кабалеровъ и Кесслеръ; да благословитъ Господь ихъ труды! Всѣ представляютъ уставныя грамоты. Почти вездѣ сопротивленіе отъ крестьянъ, и рѣдко гдѣ онѣ вводятся. Общія жалобы на уменьшеніе, даже на совершенное лишеніе доходовъ.—Похороны графа Нессельроде. Когда Государь былъ въ домѣ на другой день кончины графа, онъ очень плакалъ; и при жизни его Царь посѣтилъ его, и умирающій могъ еще сказать нѣсколько словъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ сталъ на колѣна предъ канцлеромъ, который благословилъ его. Великій князь поцѣловалъ у него руку. Наканунѣ смерти графъ продиктовалъ распоряженіе о похоронахъ, чтобы онѣ были какъ можно проще, а въ самый день кончины всталъ съ постели, но потомъ опять скоро легъ.

Марта 17. Пришло время общаго безденежья. Доходы не приходятъ, и жалобы слышатся отовсюду. Прежде, когда не было денегъ,

можно было ожидать ихъ, а теперь ничто не подаетъ къ тому повода. Кто служитъ — будетъ жить жалованьемъ, а кто имѣетъ капиталъ—процентами. Лишенный сихъ двухъ пособій находится въ тяжеломъ положеніи и долженъ искать силы въ молитвѣ и въ упованіи на Бога, чтобы съ благодушіемъ и покорностью переносить судьбу свою.

Марта 18. Великій князь Константинъ Николаевичъ, на время болѣзни графа Блудова, назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Многіе опасаются, говоря, что онъ такимъ образомъ забираетъ совершенно бразды правленія въ свои руки. Другіе замѣчаютъ, что, возвышаясь, онъ становится умѣреннѣе и вѣжливѣе. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же думать, что Великій Князь желалъ бы паденія престола и гибели своего рода. По убѣжденію, возрасту и духу времени, онъ долженъ быть либераленъ (можетъ быть, неумѣренно); но, занимаясь важными дѣлами, онъ необходимо войдетъ въ предѣлы либерализма, поставляемые благоразуміемъ и опытностью жизни, подчиненной не мечтательности воображенія, а практическимъ требованіямъ и условіямъ государственной дѣйствительности.

Марта 20. Графъ Д. Нессельроде, послѣ смерти отца, былъ у Императрицы и оттуда явился къ намъ... Открыто завѣщаніе канцлера, и найдено, что онъ отказалъ аренду въ 12 т. р. с. на 20 лѣтъ и богатое имѣніе, кажется, въ Оренбургской губерніи, дочери своей баронессѣ Зеебахъ.

Марта 21. Литургія въ почт. церкви. Возвратясь, принимаю пріѣхавшаго изъ Москвы Б. . . . . ., назначеннаго вице - губернаторомъ въ Саратовъ. Умный, просвѣщенный, искренній и благородный, онъ внушаетъ къ себѣ сочувствіе. Въ большой подробности Б. . . . разсказывалъ намъ свою дуэль съ Неклюдовымъ, котораго онъ убилъ. Ему не оставалось ничего иного дѣлать, какъ драться, конечно, только по обычаю, принятому въ обществѣ, но столь противному началамъ христіанскимъ. Объ Амурѣ говоритъ онъ, что страна плодородная, но не заселенная. Чехи Американскіе и Австрійскіе изъявили желаніе, въ числѣ 80000, переселиться во вновь пріобрѣтенный нами край, но въ Сибирскомъ комитетѣ мѣра переселенія встрѣтила сильное сопротивленіе со стороны министра финансовъ и другихъ членовъ.

Марта 23. Порфирій, ученый іеромонахъ, говоритъ, что въ древней Библіи, привезенной Тишендорфомъ съ Востока (текстъ Еврейскій) въ трехъ Евангелистахъ, упоминающихъ о вознесеніи Спасителя, вмѣсто «вознесенія» сказано «удалился». Окончательныя главы Евангелиста Марка совсѣмъ пропущены. Порфирій полагаетъ, что изданіе

Библіи принадлежитъ какой-то современной тогдашней ереси. Вотъ почему многія духовныя лица почитаютъ переводъ 70 толковниковъ (на Греческомъ языкѣ) правильнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ изданіемъ Св. Писанія. Еврейскаго подлинника, не искаженнаго переписчиками неумышленно или съ умысломъ, не сохранилось.

Апрѣля 19. Уже нѣсколько времени, почти въ продолженіе всей зимы, распространяютъ въ народѣ возмутительныя прокламаціи. Въ день Пасхи находили подобныя воззванія на окнахъ въ Зимнемъ дворцѣ *). Странно, что не могутъ отыскать тайнаго типографскаго станка, употребляемаго для отпечатанія прокламацій.

Апрѣля 22. Утромъ былъ баронъ Модестъ А. Корфъ, возвратившійся изъ Москвы не съ благопріятными впечатлѣніями. Онъ находитъ, что тамъ на каждомъ шагу несообразности: Арбатскіе и Тверскіе ворота, а воротъ нѣтъ, Кузнецкій мостъ, а моста нѣтъ. Властей также не оказывается: генералъ-губернаторъ, гражданскій губернаторъ, оберъ-полицiймейстеръ—не люди, а какія-то тѣни. Плохія мостовыя, на которыхъ экипажъ изъ одной ямы падаетъ въ другую; духовенство, кромѣ небольшого число священниковъ, пользующихся уваженіемъ и заслуженною репутаціею, ниже посредственности. Помѣщеніе самого митрополита не удовлетворило барона Корфа; кажется, оба они не хотѣли высказываться, оставались другъ противъ друга на стражѣ, и разговоръ такимъ образомъ между ними не имѣлъ ничего значительнаго. И митрополиту отъ пріѣзжаго пришлось узнать, что въ Кіевѣ отпускъ при окончаніи богослуженія происходитъ при закрытыхъ царскихъ вратахъ, и что на митрахъ въ томъ же городѣ изображенъ крестъ.— Послѣ явился графъ Хребтовичъ и завелъ разговоръ о займѣ, заключенномъ нашимъ правительствомъ въ Лондонѣ: 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ взяты Ротшильдомъ, а 15 милліоновъ тамошними банкирами и торговыми домами. Ротшильдъ сказалъ графу Хребтовичу, когда онъ былъ заграницею, что Княжевичу онъ не повѣритъ ни копейки.

Апрѣля 23. Посѣтилъ графиню Шувалову, которая, жалѣя о князѣ П. А. Вяземскомъ, приписываетъ его положеніе неправильному образу жизни, непомѣрному употребленію пищи и малому движенію; она утверждаетъ также, что ему повредило его самолюбіе. Захожу въ домъ Оболенской, гдѣ нахожу княгиню Куракину, урожденную графиню Гурьеву, которая въ горѣ по случаю предполагаемаго перемѣщенія ея духовника, іеромонаха Аполинарія, Сергіевской пустыни, въ другую обитель. Я старался, сколько могъ, ее успокоить, и она очень благодарна.

*) Графъ Д. Н. Блудовъ передавалъ намъ (осенью 1863 года), что не только на окнахъ, но и подъ тарелками при разговѣньи были листы „Колокола". П. Б.

Апрѣля 26. Посѣщаю старую графиню Сиверсъ. Она мнѣ разсказываетъ, какъ корабль, на которомъ былъ Павелъ Мухановъ, по просьбѣ послѣдняго къ капитану, присталъ къ острову Мадерѣ, и какъ больной Алексѣй Мухановъ, братъ его, имѣлъ утѣшеніе вмѣстѣ съ женою и матерью пріобщиться Святыхъ Таинъ отъ священника, привезеннаго къ нимъ съ корабля Павломъ.

Мая 25. У насъ была поутру монахиня, пріѣхавшая изъ Бона (на Рейнѣ), съ порученіемъ отъ княгини В. Ѳ. В. передать брату благодарность ея за содѣйствіе его для исходатайствованія у Государыни денежнаго пособія для больного ея мужа. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ князь въ Бонѣ, ему лучше. Метода леченія состоитъ въ удаленіи отъ больного близкихъ къ нему людей, какъ то жены, прислуги, и въ жизни болѣе правильной, чѣмъ та, которую онъ велъ, дѣлая изо дня ночь и изъ ночи день. Великая княгиня Елена Павловна нашла возможность видѣть бѣднаго князя.

28 Mai. Nous sortons ensemble et allons chez la princesse Radzivill, où je suis forcé, bien malgré moi, à accepter un dîner avec m-lle Kraevsky. Cette circonstance me contrarie beaucoup, et j'ai le mauvais goût de le faire voir à mon frère. Une fois que nous étions hors de chez la princesse dans la rue, je m'en veux à moi-même de me maîtriser si peu et de ne savoir pas renfermer en moi de pareilles contrariétés. Après avoir dîné, on vient nous avertir d'un grand incendie au Толкучій рынокъ. En effet, une colonne de fumée épaisse s'élevait dans l'air et couvrait une partie du ciel. La Banque, le Corps des Pages, le Ministère de l'Instruction Publique et celui de l'Intérieur étaient, disait-on, menacés. Nous fîmes une course aux îles. Des gens avec des figures effrayées se tenaient à la porte de la plupart des maisons, devant lesquelles nous passions, pour observer les progrès du nuage sinistre, qui ne faisait qu'augmenter. Notre course fut courte, et en revenant du pont Троицкій, nous appercevions les flammes de l'incendie. Nos gens sont venus nous dire, qu'une partie de l'édifice des deux ministères susmentionés avait brûlé. Plus tard nous apprimes, que c'était celui de l'Intérieur. Ce désastre était l'effet de la malveillance et avait été annoncé quelques jours d'avance.

Переводъ. Мы вышли вмѣстѣ *) и пошли къ княгинѣ Радзивилъ, гдѣ я, вопреки себѣ, принужденъ былъ участвовать въ обѣдѣ съ дѣвицею Краевскою. Это обстоятельство мнѣ весьма не по душѣ, и у меня дурная при-

*) Т. е. съ братомъ Николаемъ Алексѣевичемъ. Они жили, въ теченіи многихъ лѣтъ, на дворцовой набережной, въ домѣ Жеребцовой, по близости отъ дома княгини Радзивилъ (нынѣ Англійскаго Клуба). П. Б.

вычка заявлять о томъ моему брату. Какъ скоро мы вышли отъ княгини на улицу, я вознегодовалъ противъ самого себя за то, что такъ слабо владѣю собою и не умѣю сдерживать въ себѣ подобныя непріятности. Когда мы отобѣдали, пришло извѣстіе о большомъ пожарѣ на Толкучемъ рынкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, столпъ густаго дыма подымался въ воздухѣ и покрывалъ часть неба. Говорили, что опасность угрожала Банку, Пажескому Корпусу, домамъ Министерствъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ. Мы поѣхали кататься на острова. У большинства домовъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, стояли люди съ испуганными лицами, вышедшіе посмотрѣть на зловѣщія и все возраставшія облака дыма. Наша прогулка продолжалась не долго и, возвращаясь по Троицкому мосту, мы уже увидали пожарное пламя. Люди наши пришли сказать намъ, что сгорѣла часть зданій обоихъ помянутыхъ министерствъ; позднѣе мы узнали, что горѣло зданіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Это бѣдствіе было произведено злонамѣренностью, и его предсказывали нѣсколько дней назадъ [1]).

29 Мая—27 Іюня. Прошелъ мѣсяцъ смущенія, безпокойства и тревоги. Въ городѣ подкидывали объявленія о поджогахъ; сгорѣли Щукинъ и Апраксинъ дворы, и пожары прекратились тогда только, когда правительство объявило, что зажигатели будутъ предаваться военному суду и судиться въ 24 часа [2]). Въ нашей улицѣ также были извѣщенія, что и насъ ожидаетъ таже участь. Потомъ явились письменныя угрозы, что съѣстные припасы будутъ отравлены. Вмѣстѣ съ тѣмъ на площадяхъ и улицахъ находили возмутительныя прокламаціи, призывавшія народъ къ рѣзнѣ. Потомъ пришло извѣстіе о покушеніи на жизнь графа Лидерса, временнаго намѣстника Царства Польскаго, тяжело раненаго и котораго жизнь въ опасности. Наконецъ, телеграфъ увѣдомилъ о попыткѣ убить Великаго Князя Константина Николаевича. Провидѣніе чуднымъ образомъ сохранило его. Волненіе души было такъ сильно, что я не находилъ возможности приняться за перо, и теперь еще дѣлаю большое усиліе, чтобы выйти изъ бездѣйствія.

Іюля 28. Сегодня пріѣхали въ Петербургъ Японскіе посланники. Имъ былъ сдѣланъ блестящій пріемъ. Съ Англійской набережной до Дворцовой они ѣхали въ придворныхъ каретахъ, въ сопровожденіи гвардейскаго конвоя, и остановились рядомъ съ нами, въ запасномъ дворцѣ. На тротуарѣ подъ нашими окнами стоялъ почетный караулъ. Когда карета, въ которой сидѣлъ главный посланникъ, приблизилась, заиграла музыка при барабанномъ боѣ. Сколько можно было разсмо-

---

[1]) Сгорѣлъ, между прочимъ, архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ со множествомъ бумагъ историческаго значенія, по расколу и еврейству. Погибли также Записки митрополита Сестренцевича. Увѣряютъ что пожаръ именно въ этихъ мѣстахъ былъ преднамѣренъ еще Петрашевскимъ въ 1849 году. П. Б.

[2]) В. А. Кокоревъ предлагалъ тогда, чтобы въ банкахъ денежныя книги и векселя ежедневно отвозились въ Петропавловскую крѣпость на храненіе, а все производство денежныхъ взаимныхъ обязательствъ отпечатывалось вдвойнѣ на машинкахъ. П. Б.

трѣть, Японскія лица мало имѣютъ мужскаго и походятъ болѣе на женскія. Братъ былъ у нихъ въ мундирѣ и лентѣ, и они очень благодарили его за сдѣланный имъ пріемъ и за помѣщеніе, сказали они, даже слишкомъ роскошное. Не смотря на дождь, который продолжался съ ранняго утра цѣлый день, народъ толпился во множествѣ на улицахъ и особенно на Дворцовой набережной противъ запаснаго дворца.

29 Juillet. L'Impereur est revenu aujourd'hui à Péterhoff du voyage, qu'il a fait avec l'Impératrice dans les provinces de la Baltique. L'accueil qu'il y ont reçu a été admirable. Le prince Lieven, maréchal de la noblesse de la Livonie, je crois, a fait de grands frais, et sa réception a été splendide. Le comte Borch, grand-maître des cérémonies, aussi a reçu d'une manière brillante les augustes voyageurs. Les jeunes gens de leur propre chef montaient la garde autour de la maison, où la famille impériale était descendue, malgré les nuits froides. C'était un enthousiasme général. Au moment où on attendait l'Empereur, les Polonais et les Polonaises sont arrivés en deuil; on les a prié de se retirer, en leur disant que le deuil n'était pas de mise quand on se rejouissait tant de l'arrivée de l'Empereur.

Переводъ. 29 Іюля. Государь возвратился сегодня въ Петергофъ изъ путешествія съ Императрицею по Балтійскимъ губерніямъ. Ихъ принимали тамъ отлично. Предводитель Ливонскаго (кажется) дворянства кн. Ливенъ много потратился на блестящій пріемъ. Оберъ-церемоніймейстеръ графъ Борхъ принялъ также великолѣпно царственныхъ путешественниковъ. Молодые люди, по собственной охотѣ, не смотря на холодъ по ночамъ, охраняли домъ, гдѣ останавливалось царское семейство. Восторгъ всеобщій. Передъ пріѣздомъ Государя явились въ трауръ Поляки и Польки; ихъ попросили удалиться, сказавъ имъ, что одѣяніе ихъ неумѣстно въ то время, когда такъ радуются прибытію Государя.

Августа 24. Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, по внушенію Рижскаго архіепископа Платона, предложилъ Государю о необходимости улучшить бытъ духовенства и произвести значительныя перемѣны въ устройствѣ его: обстоятельство, оставшееся неизвѣстнымъ оберъ-прокурору Синода графу Толстому, бывшему тогда въ Москвѣ. Валуевъ, по возвращеніи послѣдняго, не видѣвшись съ нимъ, уѣхалъ въ Москву для свиданія съ митрополитомъ Филаретомъ, изъявившимъ согласіе на предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Графъ Толстой, узнавъ конфиденціально о дѣлѣ, прямо до него относящемся и начатомъ безъ его вѣдома, рѣшился просить увольненія, на которое послѣдовало соизволеніе Государя, съ назначеніемъ увольняемаго въ Государственный Совѣтъ.

Августа 25. Женевскій священникъ Поповъ, знавшій хорошо великую княгиню Анну Өедоровну, говоритъ, что она ходила по Воскресеніямъ и праздникамъ въ церковь, любила давать обѣды изъ 35 блюдъ и вообще отличалась гостепріимствомъ. Чувство религіозное было въ ней очень развито, хотя убѣжденія ея принадлежали къ протестантскимъ. Благотворительная въ высшей степени, она часто ѣзжала къ бѣднымъ, и за тѣми изъ нихъ, которые нуждались въ уходѣ, ходила сама. Кончина ея возбудила общее сожалѣніе въ кантонѣ, и бѣдные доселѣ оплакиваютъ ее. О великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ покойная отзывалась такъ. «Я все думала, говорила великая княгиня, что жизнь, въ началѣ трудная, можетъ измѣниться къ лучшему впослѣдствіи; но, видя, что положеніе мое съ каждымъ днемъ становилось хуже, я рѣшилась, наконецъ, когда оно сдѣлалось невыносимымъ, разойтись». Замѣчательно, что великій князь два раза посѣщалъ великую княгиню въ ея уединеніи, умоляя возвратиться къ нему. Въ томъ же смыслѣ писала къ ней императрица Марія Өеодоровна; но ни сынъ, ни мать не могли умолить оскорбленной супруги *).

Августа 26. Aujourd'hui j'ai eu le désagrément d'apprendre qu'une pauvre personne, élevée dans la maison de la princesse Repnine et connue de mes soeurs, étant adressée à moi, a été renvoyée par un de nos gens. De plus, il s'est permis une infidélité en ne lui remettant les cinq roubles, que je l'avais chargé de lui faire tenir. Ce jour-là je devais écrire la minute d'un papier et au moment où je me disposais à le faire, on me remit une lettre. C'était cette dame qui l'avait apportée. Je m'excusais de l'impossibilité de la recevoir, en la priant de vouloir agréer mon obole. J'eus la peine de savoir qu'on l'avait brusquement renvoyé, et que la pauvre femme entra chez un suisse de la maison voisine pour fondre en larmes. Ce cas m'a démontré qu'il ne fallait jamais admettre un tiers entre nous et l'indigent. Aussi, malgré les difficultés que cela peut avoir, je suis décidé à me conformer à l'avenir à ce principe. Cette leçon a été forte, et j'ai manqué pleurer moi-même.

---

*) Напротивъ, братъ великой княгини Анны Өеодоровны Бельгійскій король Леопольдъ, въ молодости своей состоявшій въ Русской службѣ и долго жившій въ Петербургѣ, утверждаетъ въ своихъ любопытныхъ Запискахъ (къ сожалѣнію у насъ мало извѣстныхъ), что сестра его конечно съумѣла бы ужиться съ своимъ супругомъ, человѣкомъ въ сущности добрымъ и весьма начитаннымъ, хотя иной разъ пылкимъ до чрезвычайности, но ихъ умышленно ссорило третье лицо изъ желанія сохранить больше власти надъ великимъ княземъ. П. Б.

Переводъ. 26 Августа. Сегодня имѣлъ я неудовольствіе узнать, что одна бѣдная особа, воспитанная въ домѣ княгини Репниной и знакомая моимъ сестрамъ, бывъ направлена ко мнѣ, была недопущена однимъ изъ нашихъ слугъ. Въ добавокъ онъ позволилъ себѣ обманъ, не передавъ ей пяти рублей, которые я ей послалъ. Я собирался писать на черно одну необходимую бумагу, когда мнѣ подали письмо, принесенное этою госпожею, извинился невозможностью принять ее и просилъ принять отъ меня мою лепту. Мнѣ горестно было узнать, что ее грубо выпроводили и что бѣдная женщина, зайдя къ швейцару сосѣдняго дома, заливалась слезами. Этотъ случай показалъ мнѣ, что никогда не слѣдовало допускать третье лицо между собою и нуждающимся, и на будущее время я стану слѣдовать этому правилу, хотя оно можетъ быть сопряжено съ затрудненіями. Урокъ былъ тяжекъ, и я самъ чуть не плакалъ.

Августа 27. Полковникъ Красовскій ѣздилъ за границу, гдѣ, посѣтивъ Гарибальди, Мадзини и другихъ выходцевъ, напитался ихъ правилами. Надѣвши зипунъ, онъ ходилъ по селеніямъ и возмущалъ крестьянъ. Такъ произвелъ онъ безпорядки въ имѣніяхъ графини Браницкой и князя Воронцова. Не ограничиваясь своимъ успѣхомъ между крестьянами, онъ обратился къ солдатамъ, которые хотѣли схватить его, но онъ побѣжалъ отъ нихъ. Солдаты пустились за нимъ въ погоню. Бѣглецъ гнался изъ улицы въ улицу, наконецъ вбѣжалъ въ домъ и съ поспѣшностью заперъ за собой на ключъ дверь. Пришла полиція, сошелся народъ и солдаты; всѣ требовали, чтобы открыли дверь: иначе войдутъ силою. Нечего было дѣлать. Дверь отворилась, и полковникъ явился на порогѣ въ мундирѣ. Народъ и солдаты закричали: «тотъ самый, что̀ былъ въ зипунѣ и подговаривалъ насъ на недоброе дѣло». Вошли въ квартиру, гдѣ и нашли только что снятый зипунъ. Возмутителя посадили подъ караулъ и послѣ производящагося слѣдствія предадутъ суду.

Изъ Тамбовской и Пензенской губерній получилъ извѣстія, что правильныя отношенія между крестьянами и землевладѣльцами начинаютъ устанавливаться. Статьи противъ Герцена, Каткова и другихъ произвели хорошее дѣйствіе, и вездѣ отзываются съ негодованіемъ о нарушителяхъ общественнаго спокойствія, какъ заграничныхъ, такъ и въ Россіи находящихся, разумѣя Чернышевскаго и другихъ.

Сентября 5. Пріѣзжаетъ князь Трубецкой, женатый на графинѣ Гудовичъ. У него въ Харьковскомъ и Калужскомъ имѣніяхъ пожары. Онъ неловко старается смягчить наши нападенія на Герцена и говоритъ, что напрасно Катковъ, говоря о Лондонскомъ выходцѣ, употребляетъ рѣзкія и жесткія выраженія; опровергаемъ его возраженія.

Сентября 7. Государь уѣхалъ въ Новгородъ для открытія памятника по случаю тысячелѣтія Россіи. Обѣдаемъ вдвоемъ и потомъ ѣдемъ

къ княгинѣ С. И. Мещерской, гдѣ находимъ молодого князя Мещерскаго (сына князя Петра, женатаго на Карамзиной) и правовѣда Гончарова, который разсказываетъ, какъ г-жа С. подстрекала своего сына-студента къ возстанію противъ начальства, за что онъ былъ выключенъ изъ Московскаго университета.

Сентября 10. У насъ обѣдаютъ князь Трубецкой и Гамбургеръ. Допрашиваю перваго о Головнинѣ, у котораго онъ наканунѣ обѣдалъ. Головнинъ говоритъ, что онъ много сдѣлалъ бы, но совершенно парализованъ коммиссіею, разбирающею дѣло пожаровъ и взводящею подозрѣнія на всѣхъ, можетъ быть и на него самого.

Сентября 17. Процессъ Льва Кочубея судили въ Государственномъ Совѣтѣ. Графъ Панинъ сильно говорилъ противъ Кочубея; князь Горчаковъ за него и увлекъ съ собою 17 голосовъ. Съ Панинымъ осталось 12 голосовъ.

Сентября 20. Ходилъ въ часовню Спасителя и оттуда къ вечернѣ къ Пантелеймону. Обѣдали у насъ князь Л. В. Кочубей и графъ Г. А. Строгоновъ. Разговоръ шелъ о внутреннихъ безпорядкахъ въ губерніяхъ и объ отсутствіи власти повсемѣстно; такъ говорилъ первый, и мнѣ казалось, что повѣствуемое имъ было преувеличено. Вечеръ употребляю на укладываніе и на чтеніе повѣсти «Отцы и дѣти», весьма занимательной и замѣчательной.

Сентября 21. Ѣдемъ проститься къ князю Горчакову, потомъ на Московскую желѣзную дорогу. Беремъ вагонъ, за который платимъ 150 рублей. Является старикъ Неклюдовъ, большой разскащикъ и говорунъ. Слушая его, я расположился ко сну и когда проснулся, нашего гостя уже не было. Наше съѣстное продовольствіе насъ, казалось, удовлетворило; но вечеромъ въ Окуловкѣ мы съѣли по котлеткѣ. Ночью къ намъ заходилъ Рибопьеръ *).

Октября 17. Вечеромъ ѣдемъ въ Таврической къ княжнѣ Мещерской, гдѣ находимъ молодого Гончарова. Князь В. Мещерскій написалъ «Тавріаду», пьесу въ стихахъ, которая очень понравилась въ Гатчинѣ; начинается сатиристическимъ очеркомъ жительницъ Таврическаго дворца и потомъ описываются тамошнія веселія зимою и участвующіе въ нихъ.

Октября 18. Приходитъ П. А. Мухановъ и разсказываетъ объ Освальдѣ, судимомъ за печатаніе и обнародованіе «Велико-Руссіи»,

---

*) Почти цѣлый мѣсяцъ братья Мухановы провели въ Москвѣ, на Остоженкѣ, въ Ильинскомъ переулкѣ, гдѣ, въ родовомъ Мухановскомъ домѣ, проживали ихъ сестры-дѣвицы. П. Б.

возмутительной прокламаціи. Онъ приговоренъ къ шести годамъ на каторжную работу.

Октября 30. Обѣдалъ князь Урусовъ. Онъ справедливо благоговѣетъ передъ благочестіемъ Императрицы. Онъ утверждаетъ, что графъ Панинъ имѣетъ твердыя убѣжденія, а о Замятинѣ, его преемникѣ, отзывается съ снисхожденіемъ. Вечеромъ является княжна С. И. Мещерская, утверждающая, что Таврическій дворецъ продаютъ.

Октября 31. Сегодня была во дворцѣ свадьба Свистуновой и барона Корфа, у котораго Государь обѣщалъ быть посаженнымъ отцемъ, но вмѣсто себя прислалъ Великаго Князя Михаила Николаевича. Свадьба была пышная, и приглашенныхъ много.

Ноября 11. Не могу согласиться, что иначе нельзя дѣйствовать въ Польшѣ, какъ сурово и строго. Къ диктатурѣ прибѣгать иногда, то есть во время важныхъ смутъ, необходимо, но принимать ее за нормальное положеніе края невозможно.

Ноября 16. Посѣтилъ княгиню Оболенскую; длинный разговоръ съ мужемъ ея о его проектѣ о цензурѣ, который составляетъ довольно плотный томъ; онъ вручилъ его мнѣ, прося сказать мое мнѣніе. Обѣдаютъ графъ Віельгорскій и Веневитиновъ, послѣдній разсказываетъ забавные анекдоты объ И. И. Дмитріевѣ. Читаю проектъ Оболенскаго; опасаюсь освобожденія отъ цензуры изданій въ 20 и болѣе листовъ.

Ноября 19. Довольно долго сидѣлъ у А. Н. Муравьева. Онъ показывалъ планы своего дома въ Кіевѣ и видовъ изъ него на Днѣпръ и Заднѣпровье, что-то въ родѣ вида съ Monte Pincio. На счетъ событій онъ сталъ спокойнѣе.

Ноября 20. Ѣздили къ княжнѣ С. И. Мещерской, которой не нашли дома, и къ графу Зубову; у него просидѣли до 10-ти часовъ. Послѣдній описывалъ мрачными красками свое пребываніе въ деревнѣ и вообще положеніе помѣщика въ Россіи. Молодой графъ Олсуфьевъ разсказываетъ о Калифорнійскомъ овсѣ и о трудности сбыта его съ рукъ, также о усмиреніи имъ возмутившагося войска.

Ноября 30. Пріѣзжаетъ графъ А. А. Бобринскій, умный и пріятный. Онъ отзывается благопріятно о Рейтернѣ, говоря, что не было такъ понимающаго дѣла министра со времени графа Канкрина. Отзывъ утѣшительный.

Декабря 1. Вечеромъ были князь Голицынъ, Гусевъ, юнкеръ П. А. Мухановъ и князь Горчаковъ, жалующійся на здоровье, но веселый

и разговорчивый. Говорили о правилѣ Государственнаго Совѣта, по которому члену онаго нельзя видѣться ни съ кѣмъ, у кого есть процессъ въ Совѣтѣ во все продолженіе предложеннаго къ слушанію дѣла; есть случаи, гдѣ трудно исполнить подобное распоряженіе.

Декабря 14. Былъ у Муравьева, гдѣ сидѣлъ съ братомъ его Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ, который въ опасеніи на счетъ новаго проекта цензуры. Онъ тоже думаетъ, что едва ли можемъ мы ограничиться карательной цензурой.

Декабря 26. Позже пріѣхалъ князь Оболенскій и показывалъ письмо Головнина, который оказывается вовсе несостоятельнымъ...

1864-й годъ.

24 Janvier. Au dernier bal de la cour, où il n'y a eu que 130 invités, on s'entretenait beaucoup de la nouvelle affligeante reçue dans la journée et qui annonçait la mort du gouverneur-général de Moscou, le général Toutchkow. L'Empereur en parla à mon frère avec regret et paraissait être frappé de la marche prompte de la maladie et de son dénouement fatal. Au fond, le télegraphe du matin annonça que le général était malade, et celui du soir apporta la nouvelle de sa mort. On regrette le général Toutchkow à cause de ses qualités de coeur et d'esprit. Honnête, loyal, bon, il était toujours prêt à venir au secours de la souffrance et de la misère, et le poste éminent qu'il occupait le mettait souvent à même d'exercer sa charité éclairée et sa bienfaisante protection. Sans être brillant dans la société à cause d'une timidité innée, il apportait la lucidité et le sérieux d'un esprit solide dans ses travaux de cabinet, tant dans les mémoires qu'il présentait sur différents sujets, qui rentraient dans la vaste administration confiée à ses soins, que dans les discussions verbales qu'il pouvait avoir dans son intimité. Ses qualités étaient encore rélevées par une grande modestie qui lui a fait souvent refuser des fonctions éminentes dont la confiance de son Souverain voulait le revêtir; il était toujours porté à croire que ses forces ne répondaient pas à la tâche qu'on voulait lui imposer. Sa famille perd en lui celui qui en était l'âme et la vie, Moscou un chef éclairé et bon, et l'Empereur un serviteur dont le dévouement était à toute épreuve.

Переводъ. 24 Января. На послѣднемъ придворномъ балу (куда приглашенныхъ было всего 130 человѣкъ) много говорили о кончинѣ Московскаго

генералъ-губернатора Тучкова (горестное извѣстіе о томъ пришло въ этотъ день). Государь выразилъ брату свое сожалѣніе; онъ, повидимому, пораженъ быстрымъ ходомъ болѣзни генерала Тучкова и роковою ея развязкою. Въ самомъ дѣлѣ, утромъ телеграмма о болѣзни его, а вечеромъ уже о кончинѣ. О немъ жалѣютъ по причинѣ сердечныхъ и умственныхъ его качествъ. Честный, справедливый, добрый, генералъ Тучковъ всегда былъ готовъ на помощь страданію и бѣдности, и высокое мѣсто, которое онъ занималъ, часто давало ему поводъ къ проявленію просвѣщенной доброты и благотворительнаго покровительства. По врожденной ему застѣнчивости онъ не блисталъ въ бесѣдѣ, но въ кабинетныхъ его трудахъ сказывались ясность и основательность твердаго ума; это видно и по запискамъ, которыя онъ подавалъ о разныхъ предметахъ обширнаго управленія, ввѣреннаго его заботамъ, и въ словесныхъ разбирательствахъ по дѣламъ негласнымъ. Его достоинства выигрывали еще отъ великой скромности, въ силу которой онъ не рѣдко отказывался отъ высокихъ должностей, къ которымъ призывало его довѣріе Государя; ему все казалось, что его способности не соотвѣтствуютъ дѣлу, которое хотѣли на него возложить. Онъ былъ душою и жизнью для своего семейства, просвѣщеннымъ и добрымъ начальникомъ для Москвы, беззавѣтно-преданнымъ слугою для Государя.

Января 25. Много лѣтъ тому назадъ (это было въ тридцатыхъ годахъ) нѣжная заботливость и отеческая попечительность брата, лучшаго друга моего, которымъ Провидѣнію угодно было украсить жизнь мою, привела меня за границу, болѣзненнаго и изнуреннаго долголѣтнимъ недугомъ. Счастливый случай свелъ насъ тамъ со врачемъ, отличавшимся яснымъ умомъ, опытностью въ своемъ дѣлѣ и, что̀ важнѣе всего, прекраснымъ сердцемъ и теплымъ участіемъ къ страданіямъ ближняго. Съ перваго времени нашего знакомства самоотверженіе его и любовь никогда намъ не измѣняли. По первому призыву, во всякое время, даже ночью, онъ съ поспѣшностью дружбы являлся къ намъ и неутомимыми усиліями, при милости Божіей, облегчалъ то того, то другаго отъ тяжкихъ и часто опасныхъ болѣзней. Когда мы приближались къ живописному Баденъ-Бадену, мы давали ему знать о днѣ и часѣ нашего пріѣзда, и онъ насъ ожидалъ или при входѣ гостиницы или являлся черезъ четверть часа по прибытіи въ нашъ номеръ. Врачъ нашъ былъ докторъ Гугертъ. Этотъ достойный человѣкъ по справедливости считался благодѣтелемъ Бадена, и граждане небольшаго городка всегда готовы были на всевозможныя пожертвованія, только бы сохранить имъ ихъ добрѣйшаго врача. Однажды, возвращаясь изъ Парижа, послѣ несчастнаго случая на желѣзной дорогѣ, гдѣ едва не лишился онъ жизни, Гугерта постигло воспаленіе легкихъ; но онъ, къ утѣшенію всѣхъ знавшихъ его, оправился отъ опасной болѣзни. Спустя годъ потомъ, былъ еще приступъ того же недуга и опять съ благопріятнымъ исходомъ. Недавно пришло извѣстіе, что опять другъ нашъ тяжело боленъ. Братъ спросилъ по телеграфу о немъ, и роковая де-

неша увѣдомила насъ о его кончинѣ. Трудно представить себѣ Баденъ безъ Гугерта. Миръ праху добраго друга и опытнѣйшаго въ дѣлѣ своемъ мужа!

26 Janvier. Un propriétaire du gouvernement d'Orel, m. Krivtzow, me disait que ceux des propriétaires dont les biens sont engagés dans les établissements de crédit et qui, de plus, avaient quelques dettes particulières, sont positivement des gens complêtement ruinés. La mise des fonds nécessitée par le nouveau mode d'économie rurale, amenée par l'émancipation, manque à la plupart des propriétaires. D'un côté ils n'ont pas de quoi acheter des machines et des instruments oratoires, et de l'autre la main-d'oeuvre étant très chère, toute espèce de travail doit cesser. En même temps il est difficile de réaliser sa fortune pour se livrer à l'exploitation de quelqu'autre industrie, les prix des terres étant tombées plus que de moitié au-dessous de leur valeur. On aurait pu obvier à cet inconvenient en révoquant un article du réglement du 19 Février qui ne permet l'acquisation des terres qu' aux nobles exclusimevent.

Переводъ. Помѣщикъ Орловской губерніи, г. Кривцовъ, сказывалъ мнѣ, что помѣщики, имѣнія которыхъ заложены въ кредитныхъ установленіяхъ и у которыхъ еще есть частные долги, положительно разорены вполнѣ. По новымъ условіямъ сельскаго хозяйства, наступившимъ вслѣдствіе эманципаціи, необходимы запасныя деньги, а ихъ нѣтъ у большинства помѣщиковъ. Съ одной стороны неимѣніе на что купить машинъ и земледѣльческихъ орудій, а съ другой дороговизна рабочихъ рукъ приводитъ къ прекращенію всякаго рода труда. Въ тоже время трудно обратить собственность въ деньги, для того чтобы извлекать доходъ какимъ-нибудь другимъ производствомъ, такъ какъ продажная цѣна земли сдѣлалась вдвое меньше стоимости ея. Это неудобство можно бы предотвратить отмѣною одной статьи въ Положеніи 19 Февраля, коею пріобрѣтать землю дозволяется исключительно дворянамъ.

На Финляндскомъ сеймѣ были попытки къ отдѣленію отъ Имперіи и даже нѣкоторые члены, говоря о своихъ соотечественникахъ, находящихся на службѣ въ Россіи, выражались такъ: «служащіе за границею или въ чужой землѣ». Императоръ Александръ I-й, несогласно съ выгодами Россіи, присоединилъ Выборгскую губернію къ Великому Княжеству Финляндскому. Дѣла торговыя ставятъ крестьянъ этой мѣстности въ частыя сношенія съ Петербургомъ и жителями окрестныхъ мѣстъ, куда они пріѣзжаютъ для сбыта своихъ произведеній. Финляндскіе сепаратисты, желая болѣе укрѣпить Выборгскую губернію въ союзѣ съ Великимъ Княжествомъ, распорядились такъ, что кто хочетъ по прежнему выѣзжать за границу губерніи, долженъ брать годовой паспортъ, стоющій 3 рубля серебромъ.

29 Января. Между тѣмъ Выборгская губернія наводнена дешевыми журналами, издающимися на мѣстномъ нарѣчіи съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать на сельское народонаселеніе и внушать ему болѣе и болѣе понятіе о сепаратизмѣ. Въ народѣ распускаютъ слухи о томъ, что земли, лѣса и всякія угодья будутъ окончательно отданы крестьянамъ, которымъ, и имъ только однимъ, должны принадлежать. Узнавъ, что въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи рубится на продажу дровяной лѣсъ, одинъ зажиточный крестьянинъ заявилъ въ конторѣ управляющему, чтобы остерегся, иначе можетъ подпасть подъ отвѣтственность. Странно, что все это происходитъ въ 40 верстахъ отъ Петербурга и не обращаетъ на себя вниманія нашихъ властей.—Въ Москву назначаютъ генералъ-губернаторомъ Офросимова, командира 3-го резервнаго корпуса. Онъ, говорятъ, человѣкъ простой, нелюдимъ, показывается рѣдко и тамъ, куда уже невозможно не явиться. Офросимовъ вдовъ и имѣетъ двухъ дѣтей.

3 Февраля. Есть и другой отзывъ, болѣе благопріятный. Оказывается, что Офросимовъ уменъ, добръ, хладнокровенъ и разсудителенъ. За женою взялъ онъ значительное имѣніе, слѣдовательно пользуются независимостью. Не разъ хотѣлъ онъ, по встрѣтившимся неудовольствіямъ, оставить службу, и надо было немало труда, чтобы измѣнить его намѣреніе. Наши высшіе сановники, которыхъ онъ, уже по назначеніи на новое мѣсто, посѣтилъ, остались очень довольны его взглядомъ на дѣла и управленіе.

Послѣ долгаго времени опять увидѣлъ я Ю. Ѳ. Самарина, и увидѣлъ съ удовольствіемъ. Жаль, что его дѣятельности не открыто болѣе обширное поприще: онъ много могъ бы принести пользы. Съ умомъ яснымъ онъ соединяетъ прекрасный даръ слова, выражая мысли свои съ особенною отчетливостью и глубокимъ знаніемъ предмета, о которомъ ведетъ рѣчь. Мысль положила печать свою на лице его; въ немъ замѣтны наблюдательность и большая сдержанность. Выслушавъ внимательно, онъ начинаетъ говорить, и рѣчь его, плавная, ясная и положительная, отличается силою убѣжденія. По крайней мѣрѣ такое дѣйствіе произвела она на меня. Очень ловко и справедливо защищаетъ онъ управленіе генерала Муравьева Западнымъ краемъ, вполнѣ одобряя систему его. Не такъ говоритъ онъ объ администраціи Царства Польскаго и находитъ, что переселеніе Поляковъ въ такомъ множествѣ изъ Царства въ Сибирь есть мѣра ненужная и не ведущая ни къ какой цѣли.

27 Мая. У Деляновыхъ *) умеръ единственный сынъ, красивый и милый ребенокъ. Можно себѣ представить горесть родителей; но она

*) У Ивана Давыдовича (нынѣ графа) и Анны Христофоровны (ур. Лазаревой). П. Б.

выражается тихо, кротко и не имѣетъ ничего потрясающаго, и, если можно, такъ сказать, судорожнаго. Въ этой скорби видна покорность Промыслу. Мнѣ всегда казалось, что чувство истиннаго христіанина, радостное или печальное, должно высказываться безъ порыва и страсти, а скромно и втихомолку. Все, что̀ совершается въ сокровенной глубинѣ нашей души, что̀ принадлежитъ святилищу ея, не можетъ не носить на себѣ характера нѣкоторой таинственности. Съ этими тайнами нашей внутренней природы не можемъ мы дѣлиться съ другими, развѣ съ испытаннымъ другомъ, котораго существо такъ сроднилось съ нашимъ, что составляетъ какъ будто что-то нераздѣльное и цѣлое.

29 Mai. Nous avons été au chemin de fer reconduire le prince Gortchakow, qui partait pour l'étranger, où il doit réjoindre à Kissingen l'Empereur. En allant à la gare, le vice-chancelier s'est arrêté à l'église de Kazan pour adorer l'image de la Vierge et se recommander à elle pendant son voyage: pieux usage, qu'on observait généralement autrefois en Russie et que, de nos jours, quelques personnes, amies de ces traditions, qui ont fait la force de notre patrie, observent encore. Cette invocation de la bénédiction céleste, au moment d'entreprendre un voyage ou quelqu'autre affaire importante, a quelque chose de rassurant et de touchant à la fois: nous accomplissons un acte d'humilité en reconnaissant notre impuissance, qui cherche un appui dans un pouvoir veillant sur toute la création depuis les infusoires jusqu'à cette multitude des mondes suspendue dans l'espace, et en même temps nous acquérons cette sécurité que donne la certitude qu'un oeil vigilant domine notre existence et qu'une sagesse supérieure, invoquée par nous, régle notre destinée. Une foule de monde attendait déjà l'homme d'état éminent pour lui exprimer ses voeux et ses sympathies.

Переводъ. 29 Мая. Мы ѣздили на желѣзную дорогу провожать князя Горчакова, отправившагося за границу для пребыванія съ Государемъ въ Киссингенѣ. На пути къ вокзалу вице-канцлеръ заѣзжалъ въ Казанскій соборъ помолиться у иконы Божіей Матери и препоручить себя ей во время путешествія: благочестивый обычай нѣкогда соблюдаемый повсюду въ Россіи; въ наши дни его держатся нѣкоторыя лица, вѣрныя этимъ преданіямъ, которыя составляютъ силу нашего отечества. Въ этомъ призываніи небеснаго благословенія, при начинаніи пути или какого другаго важнаго дѣла, есть что-то увѣрительное и вмѣстѣ трогательное. Мы совершаемъ дѣло смиренія, признавая нашу немощь, ища поддержки въ той силѣ, которая бодрствуетъ надъ всѣмъ твореніемъ отъ инфузорій до множества міровъ въ небесномъ пространствѣ, и въ тоже время мы пріобрѣтаемъ чувство надежности въ томъ, что бдящее око владѣетъ бытіемъ нашимъ, и призываемая нами высшая мудрость управляетъ нашею судьбою. Толпа народная дожидалась высокаго государственнаго человѣка, чтобы выразить ему свои пожеланія и сочувствіе.

2 Juin. M. Lazarew cause d'une manière interéssante; il est très pittoresque dans ses récits, et on l'écoute toujours avec plaisir. Aussi, pour ma part, je ne trouve pas qu'il parle trop. Ce n'est pas le cas de P. M., qui, l'ayant rencontré chez nous, après son départ, l'a accusé d'avoir bavardé. Les personnes qui parlent beaucoup sont contrariées de rencontrer ceux qui aiment à prendre une part large à la conversation. Chez les uns cet amour de la causerie est une vertu; ils animent la société par leurs aperçus fins, les anecdotes qu'ils content et surtout la manière dont ils narrent. D'autres, au contraire, tout en étant des gens d'esprit, s'appésantissent de préférence sur le même sujet et donnent ainsi un cachet d'uniformité à leurs entretiens. En général peu de personnes se distinguent par le don de la parole et surtout l'art de savoir traiter les sujets, même insignifiants, avec une grâce et un charme particuliers.

2 Іюня. Лазаревъ бесѣдуетъ занимательно; его разсказы живописны, и слушаешь его всегда съ удовольствіемъ. Что́ до меня, то я не нахожу, чтобы онъ говорилъ слишкомъ много. Это не П. М., который, встрѣтившись съ нимъ у насъ, обвинялъ его потомъ въ болтовнѣ. Словоохотливымъ людямъ непріятно, когда кто другой любитъ овладѣвать бесѣдою. У однихъ это говорливость есть достоинство; они оживляютъ общество тонкими замѣчаніями, анекдотами и въ особенности способомъ разсказа. Другіе, напротивъ, при всемъ умѣ своемъ, тяготятъ своею рѣчью, останавливаясь преимущественно на одномъ и томъ же предметѣ, и бесѣда съ ними отмѣчена бываетъ печатью однообразія. Вообще же немногіе отличаются даромъ слова и въ особенности искусствомъ говорить даже о ничтожныхъ предметахъ изящно и увлекательно.

5 Мая. Прусаки принимали Государя съ восторгомъ, и когда онъ ѣхалъ на смотръ, бывшій около Потсдама, они изъявляли чувство своего удовольствія шумными рукоплесканіями и громкимъ ура, а на пути еще въ столицу Пруссіи жители Кёнигсберга иллюминовали свой городъ. Свиданіе съ королемъ было радушное. О политикѣ рѣчь шла только въ общихъ выраженіяхъ. Кажется, мысль о присоединеніи герцогствъ *) слишкомъ укоренилась, чтобы правительство рѣшилось оставить ее Англія начинаетъ обнаруживать свое неудовольствіе, и если Пруссія не будетъ осторожна въ своихъ дѣйствіяхъ, то ей можетъ быть придется раскаяться. Здѣсь прошелъ слухъ, что князь Горчаковъ, по отъѣздѣ Императора изъ Киссингена, отправится пить воды въ Гомбургъ; говорятъ даже, что вице-канцлеръ многимъ еще здѣсь сообщалъ о такомъ намѣреніи. Что́ бы это было? Думаю, что слова его

*) Т. е. ограбленіе Даніи. П. Б.

были вынуждены предусмотрительностью, надѣюсь, излишнею. Впрочемъ ни за что нельзя ручаться. Ничто такъ невѣрно и не шатко, какъ положеніе министра при дворѣ. Чѣмъ болѣе онъ оказываетъ услугъ, тѣмъ болѣе возбуждается зависть его непріятелей, а зависть не дремлетъ.

15 Іюня. Христофоръ Якимовичъ Лазаревъ находился въ Перми по горнозаводскимъ дѣламъ. Тогда мѣсто губернатора занималъ тамъ Богданъ Андреевичъ Гермесъ, впослѣдствіи бывшій сенаторомъ въ Москвѣ, и котораго я видалъ у отца моего, сколько помнится, присутствовавшаго съ нимъ въ одномъ департаментѣ Сената. Однажды вечеромъ, когда у губернатора собралось нѣсколько гостей, вошелъ въ комнату человѣкъ худощавый, пріятной наружности, съ умнымъ выраженіемъ лица и, подошедъ къ Гермесу, сказалъ: «Государственный секретарь Сперанскій имѣетъ честь явиться подъ надзоръ вашего превосходительства». Губернаторъ смутился и не зналъ, что̀ ему дѣлать, потерявшись совершенно; но г-жа Гермесъ, разливавшая чай, налила тотчасъ чашку и, поднеся ее къ Сперанскому, сказала: «Вы съ дороги устали и, можетъ быть, озябли (время было зимнее). Неугодно-ли выкушать чаю и обогрѣться?» Пріѣзжій принялъ съ благодарностью, говорилъ мало и скоро ушелъ. Потомъ, ознакомясь болѣе съ Лазаревымъ, котораго отца онъ уважалъ, Сперанскій разсказалъ ему нѣкоторыя подробности, предшествовавшія отъѣзду его изъ Петербурга. Сущность разсказа была слѣдующая. «У меня былъ докладъ у Государя, говорилъ Сперанскій. Когда я вошелъ въ кабинетъ, Императоръ ходилъ по комнатѣ; но прежде чѣмъ войти туда, я встрѣтилъ на лѣстницѣ Французскаго посла Коленкура и обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами. Александръ обратился ко мнѣ такъ:—«Здравствуй, Михаилъ Михаиловичъ; много у тебя сегодня бумагъ?» «Довольно», былъ отвѣтъ.—«Хорошо, оставь ихъ здѣсь, я просмотрю ихъ послѣ». Потомъ, помолчавъ нѣсколько, Государь подошелъ ближе ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью: «Скажи мнѣ по совѣсти, Михаилъ Михаиловичъ, не имѣешь-ли ты чего на совѣсти противъ меня?»—При сихъ словахъ я совершенно смутился, и у меня затряслись ноги.—«Повторяю, сказалъ Александръ, скажи, если что̀ имѣешь».—«Рѣшительно ничего», отвѣчалъ вопрошаемый. Тогда Государь продолжалъ такъ: «Обстоятельства» требуютъ, чтобы на время мы разстались. Во всякое другое время я бы употребилъ годъ или даже два, чтобы изслѣдовать истину полученныхъ мною противъ тебя обвиненій и нареканій. Теперь же, когда непріятель готовъ войти въ предѣлы Россіи, я обязанъ моимъ подданнымъ удалить тебя отъ себя. Возвратись домой: тамъ узнаешь остальное. Прощай!»

20 Іюля (1 Авг.). Полковникъ Граве, спеціалистъ-инженеръ, состоящій при Варшавской желѣзной дорогѣ, объясняетъ, что маховозъ, спускаясь съ горы, вбираетъ въ себя силу и такимъ образомъ умѣряетъ движеніе, а поднимаясь на возвышенность и выпуская силу, усиливаетъ его. Онъ не сомнѣвается въ принципѣ, но не знаетъ положительно, до какой степени принципъ можно примѣнить къ дѣлу. Въ понятіи его маховозъ слѣдуетъ уподобить открытію Монгольфьера: можно въ воздушномъ шарѣ подняться на воздухъ на значительную высоту, наполнивъ шаръ водородомъ, но направить его невозможно; по крайней мѣрѣ доселѣ до того еще не дошли. Впрочемъ, о маховозѣ, по мнѣнію того же спеціалиста Граве, судить нельзя по опытамъ, дѣланнымъ на маломъ размѣрѣ въ манежѣ близъ Зимняго дворца; но какъ нужныя деньги для испытанія открытаго способа въ большемъ размѣрѣ (по смѣтѣ 18000 рублей серебромъ) уже собраны, то время скоро покажетъ степень примѣнимости маховоза къ желѣзнымъ дорогамъ.—Благодаря готовности г. полковника Граве быть полезнымъ, мы получили очень удобный вагонъ, гдѣ днемъ могли сидѣть въ покойныхъ креслахъ, обитыхъ сафьяномъ, а ночью лежать на прекрасныхъ диванахъ, которымъ обязаны укрѣпившимъ насъ сномъ. Послѣ грозы, при страшной молніи и сильныхъ раскатахъ грома, еще разразившейся въ городѣ, въ продолженіе большей части дня перепадалъ дождь. Къ вечеру облака разсѣялись, и погода опять настала теплая. Легко и пріятно было дышать чистымъ и мѣстами благовоннымъ воздухомъ, особенно оставивъ за собой пыль, духоту и шумъ нашей красивой столицы. Проѣзжая по тракту черезъ Западный край, нельзя не признать важной услуги, оказанной государственнымъ мужемъ, который, забывъ преклонныя лѣта, понесъ столько усилій и трудовъ, вполнѣ вознагражденныхъ усмиреніемъ и подавленіемъ мятежа; но нельзя также не сказать, что чувствуешь какое-то невыносимое бремя на сердцѣ, видя лѣса порубленные по дорогѣ, хозяйства разрушенныя и лица Польскаго происхожденія съ выраженіемъ глубокаго унынія и чего-то особенно-безотраднаго. Не встрѣтишь ни улыбки, не слышишь ни смѣха, ни пѣсни, и вмѣсто живыхъ людей однѣ бродятъ тѣни. Невольно придетъ въ мысль, что проѣзжаешь не по населеннымъ городамъ и селеніямъ, а какъ будто по обширному кладбищу.

22 Іюля. Въ 6 часовъ утра пріѣзжаемъ въ Берлинъ и останавливаемся въ Hôtel Royal. Скоро явился къ намъ баронъ Моренгеймъ*), который показался мнѣ менѣе желтымъ и желчнымъ противъ преж-

*) Пасынокъ Павла Александровича Муханова, нынѣ посолъ въ Парижѣ, тогда еще служившій въ Берлинѣ и оттуда перешедшій на службу въ Данію. П. Б.

няго. Много разсказовъ о происходившемъ въ Киссингенѣ. Тамъ, кажется, составилось что-то въ родѣ заговора противъ князя Горчакова съ тѣмъ, чтобы его свергнуть. Во главѣ стоялъ баронъ Будбергъ, нашъ посолъ въ Парижѣ. Наши министры, бывшіе въ Киссингенѣ, показывали явные и дотолѣ неслыханные знаки неподчиненности: одни являлись туда, не испросивъ разрѣшенія вице-канцлера; другіе уѣзжали, не предваривъ его. Всѣ, вовсе не стѣсняя себя, порицали политику нашего кабинета. Въ высшей сферѣ, особенная благосклонность со стороны Императрицы оказывалась барону Будбергу предпочтительно передъ княземъ Горчаковымъ, что̀ конечно служило поощреніемъ нашимъ посланникамъ въ ихъ хулахъ и порицаніяхъ. Мнѣнія ихъ могутъ выражаться свободно, но прежде, а не послѣ утвержденія Государемъ мѣръ, предлагаемыхъ ему министромъ иностранныхъ дѣлъ.

23 Іюля. За Бранденбургскими воротами, по дорогѣ, ведущей влѣво, мы видѣли рядъ прекрасныхъ дачъ, въ одной изъ коихъ посѣтили прекрасное семейство барона Моренгейма. На сей разъ я нашелъ хозяина болѣе спокойнымъ и менѣе желчнымъ, чѣмъ онъ былъ прежде, хотя, какъ помѣщикъ Западнаго края, онъ много потерпѣлъ отъ смутъ и отъ мѣръ, принятыхъ для ихъ укрощенія. Жизнь барона красится достойною подругою и прелестными малютками, изъ коихъ меньшая совершенный ангелъ. Лазаревъ и Моренгеймъ обѣдали съ нами. Послѣдній проводилъ насъ на желѣзную дорогу, и въ 8 часовъ мы пустились во Франкфуртъ.

1865-й годъ.

Января 3. Визитъ князю Горчакову, который былъ нѣсколько взволнованъ. Его положеніе становится не совсѣмъ твердо. Былъ у насъ графъ Бобринскій, который, видя трудности финансоваго положенія, не считаетъ его безысходнымъ; по этому случаю его посѣщеніе было отрадно. Завернулъ М. Д. Жеребцовъ, какъ всегда веселый и любезный.

Января 4. Обѣдали князь Воронцовъ и Жеребцовъ. Тяжелые разговоры о положеніи дѣлъ общественныхъ. Только и рѣчи, что о финансахъ, о предсѣдательствѣ великаго князя Константина Николаевича, о Катковѣ и пр. и пр. Какое тяжелое чувство и вмѣстѣ какую пустоту оставляютъ всѣ эти безплодныя іереміады! Найдутся-ли среди подобныхъ судій такіе, которые управили бы дѣломъ лучше? Едва-ли. У многихъ изъ нихъ въ своемъ углу, по хозяйству, почасту не совсѣмъ ладно.

Января 9. Вечеромъ былъ Ахматовъ, который привезъ все дѣло Американца Юнга, желающаго соединенія Англиканской церкви съ Православною, и письменные отзывы по сему вопросу митрополита Московскаго и другихъ лицъ, особенно заграничныхъ, нашего духовенства.

Января 12. Узнаю о кончинѣ графа Закревскаго, умнаго, твердаго и полезнаго сановника. Жаль, что, по слабости къ женѣ и дочери, онъ позволялъ себѣ неправильныя дѣйствія, которыя были причиной его увольненія.

Января 13. Сенатъ, которому предоставлено было разсмотрѣть дѣйствія Московскаго дворянства на выборахъ, гдѣ составленъ адресъ для вызова выборныхъ людей со всей Россіи, призналъ ихъ неправильными и уничтожилъ.

Января 14. Въ получаемомъ мною журналѣ «Вѣсть» напечатаны рѣчь графа Орлова-Давыдова, гдѣ высказаны рѣзкія истины, и адресъ Московскаго собранія дворянства, ходатайствующаго о созваніи выборныхъ людей всѣхъ сословій. Трудно вѣрится, чтобы все это цѣликомъ являлось въ газетѣ, когда существуетъ цензура.

Января 16. Разговоръ о движеніи Московскомъ на выборахъ. Завтра ожидаютъ графа Орлова-Давыдова, Голохвастова и Безобразова, ораторовъ, надѣлавшихъ столько шуму. Ихъ или не примутъ, или встрѣтятъ строго. И. Д. Мухановъ проситъ прочесть рѣчь графа Орлова-Давыдова и адресъ, и только что не учитъ ихъ наизусть.

Января 20. Отъ графа Толстаго слышалъ, что сватъ его, графъ Орловъ-Давыдовъ, очень недоволенъ, что его рѣчь въ Московскомъ дворянскомъ собраніи, на выборахъ произнесенную, безъ его вѣдома напечатали, и что Государь принялъ это дѣло къ сердцу.

Января 21. Принимаю графа Хребтовича, отъ котораго узнаю, что сестры его Бутенева и Титова, одна уже присоединилась, а другая готова присоединиться къ Православію. Слава Богу! Радуюсь за нихъ. Обѣдаетъ Цыцуринъ, который много разсказываетъ про Бибикова и его подвиги въ Кіевѣ. Можетъ быть, въ свое время онъ былъ полезенъ. Крутость въ мысляхъ его была болѣе необходимостью управленія, чѣмъ потребностью сердца, котораго движенія были добрыя.

Марта 19. Братъ обѣдаетъ у Государя; обѣдъ въ честь Испанскаго посла. Около 20 приглашенныхъ. Государь милостиво распрашиваетъ брата о здоровьи. Послѣдній сказалъ, что обязанъ скорымъ

облегченіемъ Цыцурину. Братъ всегда находитъ случай оказать добрымъ словомъ пользу ближнему. Во мнѣ этого нѣтъ, а пора бы поступать какъ онъ: не со вчерашняго дня живу съ нимъ. Вечеромъ сидитъ баронъ Бюлеръ, большой любитель орденовъ; да кто-же ихъ не любитъ?

Марта 20. У насъ обѣдалъ князь Урусовъ, который хорошо ладитъ съ своимъ положеніемъ. Всѣ имъ довольны: и президентъ его великій князь Константинъ Николаевичъ, и супруга послѣдняго и, что̀ важнѣе всего, Государь, который продолжаетъ его удостоивать своего довѣрія. Вечеромъ сидитъ у меня П. С. Мухановъ, съ которымъ мы пускаемся въ большіе толки объ Америкѣ и жизни моряковъ въ Морскомъ Корпусѣ, гдѣ они получаютъ воспитаніе, и потомъ въ морѣ.

Марта 30. Сегодня обѣдали у насъ князь Урусовъ и пріѣхавшій изъ Ниццы Тютчевъ, который говоритъ, что Наслѣдникъ очень нехорошъ, не разгибается, являетъ видъ утомленія, имѣетъ цвѣтъ лица нездоровый и находится въ положеніи критическомъ. Тютчевъ говоритъ съ особеннымъ умиленіемъ о покойной Императрицѣ, ея здравомъ сужденіи, добротѣ, справедливости и привлекательности обращенія. Оцѣнка его характера князя В. . . . меня поразила. Честолюбіе послѣдняго дѣлаетъ его несчастнымъ: теперь онъ только и думаетъ, какъ попасть въ Государственный Совѣтъ.

Марта 31. Утромъ явился Д. Головинъ, который очень созрѣлъ и становится дѣльнымъ малымъ. По его разсказамъ положеніе крестьянъ въ Западномъ краѣ было невыносимо. Теперь они нѣсколько приходятъ въ порядокъ, за то уменьшеніе оброковъ разоряетъ помѣщиковъ. Тотъ же юноша у насъ обѣдаетъ. Вечеромъ ѣдемъ въ Таврическій къ княжнѣ Мещерской, куда пріѣзжаетъ Калужскій губернаторъ Спасскій, очень симпатичный и съ пріятнымъ лицемъ. Утромъ онъ представлялся Государю, который подробно разспрашивалъ о губерніи.

Апрѣля 5. Послѣ обѣда записка отъ князя Горчакова, увѣдомляющая о трудномъ положеніи Государя Наслѣдника и о предстоящемъ отъѣздѣ на другой день въ 11 часовъ Государя въ Ниццу.

Апрѣля 6. Въ газетахъ телеграмма изъ Ниццы: у Великаго Князя Наслѣдника сильный приливъ къ мозгу; по желанію Императрицы больной сподобился причащенія Святыхъ Тайнъ.—Вмѣсто князя Урусова, отказавшагося отъ обѣда, за нашимъ столомъ сидитъ баронъ Корфъ, который привезъ извѣстіе, что Государь былъ въ Николаевскомъ Институтѣ, гдѣ, прослезившись, сказалъ воспитанницамъ, чтобъ

онѣ просили Бога о возстановленіи здоровья Наслѣдника, или чтобы по крайней мѣрѣ онъ еще засталъ его въ живыхъ. Братъ ѣздилъ провожать Государя на желѣзную дорогу. Императоръ благодарилъ его.

Апрѣля 8. Телеграммы о положеніи Государя Наслѣдника отчаянныя. Много толковъ въ городѣ и большое сочувствіе къ Великому Князю. Нашъ врачъ думаетъ, что еслибъ съ начала болѣзни былъ въ Ниццѣ Здекауеръ, никогда бъ она не приняла такихъ размѣровъ. Другіе обвиняютъ окружающихъ въ небрежности и малой заботливости о ввѣренномъ имъ молодомъ человѣкѣ.

Апрѣля 12. Извѣстіе о кончинѣ Государя Наслѣдника, сообщенное И. Д. Мухановымъ, пріѣхавшимъ отъ принца Ольденбургскаго. Панихида въ Исакіевскомъ соборѣ, гдѣ было огромное стеченіе сановниковъ и офиціальныхъ лицъ. Обѣдаетъ князь Урусовъ, котораго всегда слушаю съ интересомъ и пріятностью. Кіевскій митрополитъ сказалъ, что далъ знать, въ свою очередь, чтобы молились о Великомъ Князѣ, присовокупивъ, что Божьяго милосердія приступомъ не берутъ: видимый знакъ неблагопріятнаго расположенія духовенства. Давно ли все твердили о силѣ общественнаго мнѣнія, а теперь, говорятъ, косо смотрятъ на популярность и на лицъ, пользующихся ею.

Апрѣля 13. Братъ привозитъ отъ панихиды изъ дворца Тотлебена, который много говоритъ о противодѣйствіи Чевкина всѣмъ предпріятіямъ по желѣзнымъ дорогамъ, присовокупя, что представленія и опроверженія на проекты компаніи начальства путей сообщенія основаны на невѣрныхъ данныхъ; оно играетъ цифрами совершенно произвольно.

Апрѣля 14. Вечеромъ приходитъ баронъ Бюлеръ съ извѣстіемъ объ умерщвленіи Линкольна, президента Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и объ опасной ранѣ, нанесенной тамошнему министру иностранныхъ дѣлъ Севарту. Печальное время, въ которое государственные люди, твердо отстаивающіе интересы своей страны, имѣютъ въ противникахъ своихъ гнусныхъ убійцъ. Удары кинжала единственные аргументы негодяевъ.

Апрѣля 17. Утромъ были посѣтители: князь Кочубей, Жеребцовъ и другіе. Интереснѣе прочихъ оказался пріѣхавшій изъ Парижа графъ В. Н. Панинъ. Говоря о дочери, онъ много плакалъ, разсказывалъ объ операціи, которую дѣлали ему въ Парижѣ, и о наблюденіяхъ своихъ во Франціи, гдѣ ему говорили, что принцъ Наполеонъ, при своихъ разрушительныхъ началахъ, человѣкъ очень способный. Обѣдаемъ по случаю этого визита въ 7-мъ часу вдвоемъ.

Апрѣля 18. Историкъ Соловьевъ разсказываетъ, что, при первомъ свиданіи своемъ съ покойнымъ Наслѣдникомъ, онъ имѣлъ предчувствіе, что онъ не будетъ жить; онъ говорилъ о его способностяхъ и слабой физикѣ.

Апрѣля 19. Полученіе манифеста о кончинѣ Наслѣдника и о возведеніи въ это званіе Великаго Князя Александра Александровича. Сидитъ Шернваль. Непріятная статья въ газетѣ «Europe» о болѣзни и смерти Великаго Князя. Обѣдаетъ Муравьевъ, которому не поздоровилось за обѣдомъ: онъ страшно поблѣднѣлъ, нѣкоторое время лежалъ, жаловался на боль подъ ложечкою и скоро потомъ въ нашей каретѣ уѣхалъ.

Мая 5. Ходилъ въ Фурштатскую улицу къ графу Д. А. Толстому, не нашелъ его дома, но потомъ встрѣтилъ его на улицѣ и вернулся къ нему. Его призывалъ великій князь Константинъ Николаевичъ, говорилъ ему о предлагаемомъ ему мѣстѣ, присовокупя, что онъ надѣется, если послѣдуетъ его назначеніе въ оберъ-прокуроры Синода, то что онъ не будетъ plus papiste que le pape et plus royal que le roi. Узнаю отъ Толстаго о смерти Желтухина, котораго искренно жалѣю, какъ принадлежавшаго къ охранительной партіи. Это обстоятельство огорчитъ князя П. П. Гагарина и обрадуетъ нашихъ красныхъ.

1868-й годъ.

Іюня 6. Выѣхали изъ Петербурга за границу въ 6 часовъ. Въ Царскомъ Селѣ передано письмо отъ Императрицы къ принцу Гессенскому черезъ фрейлину Бартеневу.

Іюля 14. Провели день въ Висбаденѣ. Миклашевскій, гр. Колоредо, гр. Адлербергъ, кн. Урусовъ, Цыцуринъ.

Іюля 16. Ѣздили искать квартиры въ Наугеймъ; въ вагонѣ сидѣли съ Шуваловыми (Hasone), а на обратномъ пути съ занимательнымъ Прусскимъ графомъ Гацфельдомъ.

Іюля 17. Свиданіе съ графомъ Д. А. Толстымъ, который очень поправился.

Іюля 19. Толстой уѣзжаетъ въ Киссингенъ къ Государю. Обѣдаемъ въ Гомбургѣ и любуемся тамошнимъ паркомъ, богатствомъ и великолѣпіемъ заведенія и иллюминаціею. Тамъ нашли нѣсколько знакомыхъ, Н. М. Толстаго и графа Келера.

Іюля 27. Послѣ обѣда идемъ на желѣзную дорогу, гдѣ видимъ князя М. А. Горчакова. Онъ намъ объявилъ о смерти Демидовой, урож-

денной княжны Мещерской, красивой, умной и милой дамы. Жаль и мужа, и Авр. Карл. Карамзину, перенесшую столько испытаній.

Августа 21. Въ 10 часовъ утра уѣзжаемъ въ Баденъ. Вагонъ все время полнехонекъ, что́ брату непріятно. Дорогой встрѣчаемъ графа Петра А. Шувалова съ женой. Князь Горчаковъ встрѣчаетъ насъ на желѣзной дорогѣ. Обѣдаемъ у Mangin; хорошо, но дорого по случаю Французскаго вина. Князь Горчаковъ свѣжъ и веселъ, продолжаетъ говорить объ отставкѣ.

Августа 23. Братъ, Мальцевъ и я осматриваемъ Греческую церковь, сооруженную княземъ Стурдзою, безобразную снаружи и благолѣпную внутри. Фамильные портреты и памятникъ обнаруживаютъ тщеславіе настоящее и загробное.

Сентября 3. Приходятъ баронъ Плесенъ и князь Долгоруковъ съ извѣстіемъ о предстоящемъ пріѣздѣ въ Четвергъ Императора въ Баденъ. Послѣ обѣда заходимъ къ графинѣ Орловой-Денисовой, сказывающей, что побѣгъ принца... съ Акинѳіевой былъ единственной причиною послѣдней болѣзни князя Горчакова.

Сентября 4. Приходитъ священникъ, который переведенъ изъ Амстердама, гдѣ было скудно и стѣснительно; теперь же онъ благоденствуетъ. Онъ находитъ, что здѣсь и климатъ, и народъ лучше. Притомъ получаетъ болѣе значительный окладъ.

Сентября 12. Встрѣтили на улицѣ А. М. Веневитинову съ Рейнгардтомъ, которые пріѣхали для насъ. Разговоръ объ управленіи и управителяхъ недобросовѣстныхъ и несвѣдущихъ. Вечеромъ насъ посѣтилъ Данзасъ, только что пріѣхавшій изъ Уши́ съ извѣстіемъ, что князь Горчаковъ, по приглашенію королевы Ольги, отправился въ Фридрихсгафенъ на время тамъ пребыванія Государя Императора.

Сентября 14. Государь Императоръ проѣхалъ изъ Бадена черезъ Франкфуртъ въ Берлинъ. Комендантъ города, начальникъ полиціи и прочія власти ожидали его на станціи. Поѣздъ остановился только на 10 минутъ.

Сентября 18. Пріѣхали въ Берлинъ. Часть ночи и утра идетъ дождь и послѣ малаго промежутка продолжается цѣлый день. Приходятъ графъ Павелъ Андр. Шуваловъ, князь М. А. Горчаковъ, Убри, графъ Кузузовъ, и такимъ образомъ все утро проходитъ въ пріемѣ гостей. Обѣдаемъ въ гостиницѣ съ Горчаковымъ.

Сентября 19. Идемъ къ посланнику Убри, котораго не застаемъ. Въ канцеляріи миссіи находимъ графа Н. В. Адлерберга и Новицкаго [1]). Посѣщаемъ вмѣстѣ Кутузовыхъ; жена нездорова и измѣнилась, а мужъ все еще въ мечтахъ молодости.

(*С.-Петербургъ*) *Ноября 5.* Пріѣзжаетъ князь Горчаковъ. Военный министръ, говорятъ, во второй разъ уже просилъ увольненія. Въ Комитетѣ Министровъ сегодня опять разсужденіе о печати. Обѣдаютъ князь Л. В. Кочубей, Ил. Дм. Мухановъ и Кожуховъ. Вечеръ проводили у Шаховскихъ. Между министрами что-то не совсѣмъ мирно: Милютинъ и Шуваловъ не кланяются другъ другу.

Ноября 6. Были у оберъ-полицеймейстера Трепова, гдѣ видѣли Здекауера, который хорошо объяснилъ существованіе военныхъ поселеній и жалѣлъ объ ихъ уничтоженіи. У Губе, управляющаго Зимнимъ дворцемъ, отняли ногу вслѣдствіе ушиба. Домъ Воронцова-Дашкова на Англійской набережной сгорѣлъ. Хозяева и слуги были въ отсутствіи. Пожаръ начался отъ оставшагося огня въ каминѣ.

Ноября 8. Видѣлъ баронессу Модестъ Корфъ и посѣтилъ Долю Оболенскую, которая встрѣтила великую княгиню Елену Павловну, при ея возвращеніи изъ чужихъ краевъ, во дворцѣ ея высочества. При выходѣ ея изъ кареты пѣвчіе пѣли: «Тебе Бога хвалимъ», и тотчасъ отслужили молебенъ.

Ноября 14. Бесѣда къ княземъ Урусовымъ, опасающимся реакціи. Ему кажется, что Шуваловъ и Тимашевъ слишкомъ далеко идутъ въ реакціонномъ духѣ.

Ноября 20. Сидѣли у выздоравливающаго Россета, который не признаётъ, что онъ выздоравливаетъ. Тамъ сидѣлъ очень замѣчательный по своей умной и спокойной рѣчи Чижовъ, нѣкогда издатель хорошаго промышленнаго журнала.

Декабря 4. Были у Фонъ-Крузе, гдѣ сидѣлъ Пензенскій вице-губернаторъ Жемчужниковъ. Рѣчь о засѣданіи Сената, въ которомъ въ первый разъ находился Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Обѣдали съ Н. Жеребцовымъ и вечеръ сидѣли у Шуваловыхъ съ глухимъ Скарятинымъ [2]) который берется изъ южной Франціи и южной Италіи сдѣлать земли православныя. Это теперь его конекъ.

---

[1]) Николая Александровича, женатаго на графинѣ Аннѣ Владимировнѣ Адлербергъ, впослѣдствіи нашего военнаго агента въ Италіи. П. Б.

[2]) Александромъ Яковлевичемъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ построеніи нашей церкви въ Ниццѣ. П. Б.

Декабря 5. Сдѣлали нѣсколько визитовъ, не заставъ никого дома. Обѣдаемъ съ Н. Жеребцовымъ. Вечеромъ сидимъ съ графомъ Д. А. Толстымъ, который опять являетъ видъ болѣзненный и жалуется на здоровье. Онъ привозитъ мнѣ портретъ умершаго митрополита Виленскаго. *)

Декабря 16. Братъ приглашенъ къ столу Государя. Тамъ обѣдали Гриша Строгановъ и чета Голицыныхъ. Хозяева были очень милостивы, внимательны и привѣтливы. Я обѣдалъ съ Кабалеровымъ, а вечеръ у насъ провелъ графъ Д. А. Толстой, котораго озабочиваетъ коммиссія, подъ предсѣдательствомъ графа С. Г. Строганова, разсматривающая его отчетъ Государю.

Декабря 21. Сюда ожидаютъ Черногорскаго князя; его намѣрены принять прилично, но безъ особенныхъ изъявленій.

Декабря 22. Князь Горчаковъ пріѣзжаетъ отъ доклада отъ Государя. Канцлеръ не унываетъ, но не совсѣмъ увѣренъ въ успѣхѣ конференціи по дѣлу Греціи.

1869-й годъ.

Января 1. Сказываютъ, что въ Медицинской Академіи воспитанники выбиваются изъ порядка. Примѣръ этотъ худо дѣйствуетъ на студентовъ университета, которые не хотятъ отстать отъ своихъ образцовъ. Приняты мѣры дѣйствовать черезъ профессоровъ на молодежь.

Января 2. Министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ Сенатъ дѣло о журналѣ «Москва», что́, полагаютъ, сдѣлалъ онъ не совсѣмъ ловко. Если издатель, г. Аксаковъ, будетъ оправданъ, то такое рѣшеніе броситъ неблагопріятную тѣнь на министра, прекратившаго изданіе. Въ противномъ случаѣ Сенатъ заслужитъ нареканіе, ибо Аксаковъ можетъ сказать многое въ свою защиту. Впрочемъ, все это замѣчаетъ одинъ изъ близкихъ друзей издателя «Москвы», такъ что тутъ напрасно ожидать безпристрастія и, кажется, не трудно будетъ обвинителямъ доказать неправильное направленіе журнала «Москва».

Января 3. Есть люди, которые много говорятъ. На нихъ жалуются, по моему, не всегда справедливо. Если разсказываются воспоминанія, замѣчательные факты жизни современной и явленія міра научнаго, то бесѣда подобная занимаетъ слушателей. Иное дѣло злословіе и пересуды, составляющія истинную язву общества. Такъ привелось мнѣ слышать занимательнаго собесѣдника сегодня. Сидѣвшая возлѣ меня дама жаловалась на его обиліе рѣчи, а только что онъ вышелъ,

---

*) Котораго онъ ѣздилъ хоронить въ Вильнѣ и котораго Записки напечаталъ. П. Б.

она же сказала: «съ отъѣздомъ Т. водворилось молчаніе, и тихій ангелъ пролетѣлъ». Люди сходятся вмѣстѣ не для безмолвія и, что̀ касается до меня, немного говорящаго, люблю встрѣчать людей любознательныхъ и охотно, свободно бесѣдующихъ.

Le gouverneur-général Bezac vient de mourir. On n'était pas content de lui à Kiew, et les plaintes contre son administration affluaient ici en abondance. Le Ministère de l'intérieur et la Troisième Section en étaient encombrés. Au moment où il s'agissait de le remplacer, le bon Dieu l'a fait disparaître. Son successeur va être nommé; cela sera le général Dondoukow-Korsakow, jeune, capable, énérgique et peut-être un peu trop ardent. Il a fait ses preuves au Caucase, sous le général Nicolas Mouraview et plus tard dans le pays des cosaques du Don, où il remplissait les fonctions de chef d'état-major avec distinction. On dit même qu'il a préservé ce pays de grands malheurs, en s'opposant aux innovations inconsidérées qu'on voulait y introduire.

Переводъ. Умеръ генералъ-губернаторъ Безакъ. Имъ были недовольны въ Кіевѣ, и сюда присылались во множествѣ жалобы на его управленіе. Этими жалобами завалены Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и Третье Отдѣленіе. Въ то самое время, какъ надо было смѣщать его, Господь Богъ прибралъ его. Назначаютъ ему преемника; это будетъ генералъ Дондуковъ-Корсаковъ, молодой, способный, энергическій, можетъ быть, нѣсколько прыткій. Онъ проявилъ себя на Кавказѣ подъ начальствомъ генерала Муравьева, а позднѣе въ землѣ войска Донскаго, гдѣ онъ съ отличіемъ служилъ начальникомъ штаба. Говорятъ даже, что онъ предохранилъ этотъ край отъ большихъ бѣдствій, воспротивившись нелѣпымъ нововведеніямъ, которыя для него готовились. *)

Января 4. Здѣсь теперь князь Черногорскій. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ посѣтилъ Исакіевскій соборъ, потомъ явился къ государственному канцлеру князю Горчакову и отъ него поспѣшилъ въ Казанскій соборъ принести молитвенное благодареніе за благосклонный пріемъ, сдѣланный ему нашимъ сановникомъ. Это трогательно. Князь Черногорскій помѣщенъ въ прекрасномъ домѣ, для него нанятомъ. Онъ и свита его отличаются особенною простотою въ жизни, непритязательны и всѣмъ довольны.

Января 5. Узнали, что князь Вяземскій слегъ. Когда мы его видѣли, онъ жаловался на здоровье, былъ очень красенъ и казался утомленнымъ. Сильное желудочное разстройство изнурило его.

Января 7. Въ царствованіе императора Николая нѣкто Фонъ-Лярскій, какъ многіе, захотѣлъ разбогатѣть. Тогда строилась Московская желѣзная дорога и производились разныя другія публичныя работы. Лярскій взялъ подрядъ, не выполнилъ условій, и вѣдомство путей со-

*) См. его записку о томъ въ XII-мъ вып. „Русскаго Архива 1896 года. П. Б.

общенія находилось въ затрудненіи выдать ему деньги по контракту. Находясь въ родствѣ съ фрейлиною Н., пользовавшеюся большимъ кредитомъ, онъ обратился къ ней съ просьбою о ходатайствѣ у Государя. Велѣно разсмотрѣть претензію просителя въ Комитетѣ Министровъ; она простиралась до 950.000 рублей серебромъ. Комитетъ, при всевозможныхъ натяжкахъ, изъ уваженія къ сильному покровительству, не нашелъ возможнымъ заплатить Лярскому болѣе 5000 рублей серебромъ и остановился на этой цифрѣ. Дѣло представили на утвержденіе Государя, и послѣдовала слѣдующая резолюція: выдать 950.000 рублей и дать знать министру финансовъ для поднесенія указа къ подписанію.

Января 9. Вдобавокъ къ разсказу о дѣлѣ Лярскаго, долженъ сказать, что онъ не могъ выполнить условій контракта, потому что, по заключеніи этого акта, онъ уѣхалъ за границу, гдѣ оставался болѣе двухъ лѣтъ, и слѣдовательно не могъ самъ заниматься дѣломъ, за которое взялся. Между тѣмъ сопротивленіе графа Клейнмихеля по поводу суммы, составлявшей претензію Лярскаго, навлекло на него гнѣвъ императора Николая, котораго онъ четыре мѣсяца не видалъ. Въ послѣдствіи это расположеніе Государя измѣнилось, и онъ возвратилъ свою благосклонность любимцу. Въ то время, когда покойный графъ Левашовъ стоялъ во главѣ управленія коннозаводства, на него доставленъ былъ Государю доносъ черезъ фрейлину Н. Тогда умеръ князь Васильчиковъ, и Левашову, какъ старшему, слѣдовало занять въ Государственномъ Совѣтѣ мѣсто предсѣдателя; но онъ былъ назначенъ только исправляющимъ должность. Извѣстно, что нареканіе, сдѣланное на графа Левашова, глубоко оскорбило его. Однажды графъ Клейнмихель по нездоровью не выѣзжалъ нѣкоторое время, и тогда Императоръ посѣщалъ ежедневно больного. Разъ Государь, войдя къ графу, сказалъ: «Я пріѣхалъ отъ умирающаго Левашова. Во все время, что́ я у него оставался, онъ не благоволилъ взглянуть на меня, держа постоянно руку передъ лицемъ и скрывая такимъ образомъ черты свои отъ меня». (Оба инцидента о Лярскомъ и о Левашовѣ отъ самого графа Клейнмихеля слышалъ братъ мой Н. А.).

Января 10. Въ письмѣ къ военному министру Милютину графъ А. В. Адлербергъ изъявилъ желаніе Императора, чтобы его дочь поступила фрейлиною ко двору великой княгини Маріи Александровны. Министръ просилъ милости лично переговорить съ Императоромъ объ обстоятельствѣ, для него важномъ. Благодаря Государя за оказанную ему честь, Милютинъ сказалъ, что, находясь въ военной службѣ, онъ всегда можетъ получить назначеніе внѣ Петербурга и тогда не хотѣлъ бы разстаться съ дочерью; при томъ онъ изъявилъ желаніе, чтобы

ничего не было рѣшено относительно его дочери, прежде нежели узнаетъ ее Императрица. Государь при этомъ случаѣ сказалъ также военному министру: «Меня хотѣли съ вами поссорить; но это произошло отъ того, что вы не имѣли ко мнѣ полнаго довѣрія». Говорятъ, что великая княгиня Елена Павловна желала туже дѣвицу имѣть при своемъ дворѣ, но получила отказъ и теперь недовольна, что отецъ ея съ ней не объяснился лично по этому предмету, т. е. зачѣмъ ей отказалъ, а теперь расположенъ принять. Странная претензія!

1870-й годъ.

Января 2. Уже нѣкоторое время, какъ въ большой модѣ вазы и чашки Китайскія и Японскія. По мнѣ, уже не говоря о Севрскихъ произведеніяхъ въ томъ же родѣ, я нахожу, что вещи, приготовляемыя на нашей казенной придворной фабрикѣ, гораздо выше въ отношеніи изящества, вкуса и исполненія. Напримѣръ, нельзя отказать въ особенномъ превосходствѣ прекраснымъ вазамъ, украшеннымъ отличною живописью, которыя Государь посылаетъ на Пасху въ подарокъ первымъ сановникамъ и приближеннымъ къ нему лицамъ, между тѣмъ какъ искусство Китайское и Японское обличаетъ еще младенчество художества и походитъ болѣе на мараніе учениковъ. Обыкновенно говорятъ, что подобныя вещи еще болѣе возвышаютъ образцовыя произведенія искусства. Не знаю, почему нельзя вполнѣ изумляться красотѣ и совершенству Апполона Бельведерскаго и Венеры Медиційской, не поставивъ подлѣ орангутанга?

Января 10. Вечеръ у Шуваловыхъ. Живой разговоръ по случаю предостереженія, даннаго «Московскимъ Вѣдомостямъ.

Января 11. Посѣщеніе канцлера, куда пріѣзжаетъ Головнинъ, сожалѣющій о предостереженіи, данномъ Каткову. Князь Горчаковъ преклоняется передъ волею Государя и переходитъ къ другому разговору. Насъ посѣщаютъ княгиня Елисавета Васильевна Кочубей и графъ Панинъ, радующійся предостереженію.

Января 12. Молодому графу Орлову-Давыдову, уѣхавшему въ злой чахоткѣ въ Корфу, предписано врачами отправиться въ Алжиръ. Обѣдаемъ вдвоемъ. Вечеръ проводимъ у Шуваловыхъ съ Захаржевской, Нелидовой и графомъ Крейцомъ. Приходитъ первая статья Каткова послѣ даннаго ему предостереженія. Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, очень раздраженный противъ редактора «Московскихъ Вѣдомостей», полагая его врагомъ своего сына графа Петра Андреевича, ожидалъ, что изданіе прекратится и очень былъ раздосадованъ, что ожиданіе его не исполнилось.

Января 13. Ѣздили на похороны Екатерины Николаевны Нарышкиной [1]), урожденной Новосильцовой, въ Невскую Лавру. Тамъ былъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и находилось почти все высшее общество.— Не смотря на мое увѣщаніе, самое настоятельное, братъ ѣдетъ на балъ во дворецъ. Балъ, къ которому приглашено было до 2000, отличался блескомъ и великолѣпіемъ. Тутъ въ первый разъ появилась Великая Княжна, дочь Государева. Она похорошѣла и была одѣта просто и хорошо.

Января 15. Обѣдали съ Рейнгардтомъ, очень недовольнымъ послѣднимъ инцидентомъ «Московскихъ Вѣдомостей». Вообще онъ очень мало довѣряетъ правительственнымъ лицамъ, исключая князя Горчакова и графа Д. А. Толстого. Послѣдній провелъ съ нами остатокъ вечера. Онъ очень безпристрастенъ относительно Каткова и вовсе не намѣренъ отстаивать его своею грудью.

Января 20. Вечеръ проводимъ у Шуваловыхъ съ Нелидовой и Захаржевской [2]). Послѣдняя очень горячится, говоря о дѣлахъ Остзейскаго края и особенно объ одномъ тамошнемъ губернаторѣ, Галкинѣ.

Января 21. Вечеромъ поздно въ 12 часовъ Николай ѣдетъ на балъ къ графу С. Г. Строганову, гдѣ отличалась оригинальнымъ костюмомъ хозяйка дома, старая графиня. Впрочемъ праздникъ былъ оживленъ и блистателенъ.

Января 22. Приходитъ Баймаковъ, котораго мы знали, какъ смышленаго прикащика въ книжной лавкѣ Дюфура. Теперь онъ вмѣстѣ съ Жадимировскимъ держитъ банковую контору для продажи и покупки кредитныхъ бумагъ противъ Аничкова дворца, въ просторномъ помѣщеніи, куда мы заѣзжали передъ обѣдомъ.

Января 23. Братъ отправляется въ Опекунскій Совѣтъ, гдѣ графъ Григ. Ал. Строгановъ разсказываетъ, что стрѣляли по часовымъ, приставленнымъ къ Мстинскому мосту. Обѣдаютъ у насъ князь Орловъ, нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, князь А. Долгоруковъ и Миклашевскій. Орловъ сожалѣетъ о Брюсселѣ, гдѣ оставался десять лѣтъ и считаетъ Вѣнскій постъ самымъ труднымъ изо всѣхъ въ настоящее время.

Января 25. Является графъ Хребтовичъ и, разсказывая много интереснаго о прошломъ, утверждаетъ, что его тесть графъ Нессельроде, недовольный дѣйствіями Николая Дмитріевича Киселева въ Па-

---

[1]) Первой супруги Эммануила Дмитріевича Нарышкина. П. Б.

[2]) Урожденной графиней Тизенгаузенъ. П. Б.

рижѣ, предлагалъ императору Николаю Павловичу замѣнить его княземъ Горчаковымъ, на что не послѣдовало соизволенія.

Января 26. Обѣдаемъ у Шуваловыхъ съ Нелидовой и Милеромъ. Домой возвратились послѣ 11 часовъ. На этотъ разъ Нелидова не хвалила безусловно чиновниковъ Нѣмецкихъ и не порицала также Русскихъ, хотя за то досталось съ ея стороны архіерею, объѣзжавшему епархію въ Остзейскомъ краѣ.

Февраля 2. Братъ ѣдетъ ко двору по случаю присяги Великаго Князя Николая Константиновича. Говорятъ, что ** разстроился и продаетъ на вѣсъ свой серебряный сервизъ. Трудно управлять имѣніями, не наблюдая на мѣстѣ лично отъ времени до времени.

Февраля 12. Вчера долженъ былъ уѣхать за границу Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, но остался еще на мѣсяцъ, по случаю нервнаго удара, поразившаго генерала Философова. Обѣдаемъ съ Рейнгардтомъ, очень довольнымъ, что продалъ Англійскому обществу заводы Пашковыхъ въ Оренбургской губерніи. Я люблю Рейнгардта за его любовь къ Россіи. Утромъ у насъ сидѣлъ графъ Панинъ, сожалѣющій, что не принимаютъ строгихъ мѣръ противъ свободы печати.

Февраля 15. Много было посѣтителей: князь Горчаковъ, думающій, что законъ о печати невозможенъ, князь Оболенскій, полагающій, что проектъ объ усиленіи власти губернаторовъ чистая путаница; кн. С. Воронцовъ, который не такъ расположенъ къ критикѣ, какъ всегда, Пав. Ал. Мухановъ, графъ Крейцъ и М. Д. Жеребцовъ.

Февраля 16. Графъ Д. А. Толстой говорилъ о засѣданіи Соединеннаго Департамента Совѣта, куда онъ былъ призванъ для объясненія и гдѣ одержалъ побѣду надъ генераломъ Чевкинымъ.

Февраля 17. Пріѣхалъ П. А. Валуевъ, здоровый и румяный; зрѣніе у него поправилось. Онъ говорилъ о проектѣ объ усиленіи власти губернаторовъ, что онъ бы не желалъ подписать подъ нимъ свое имя. Докторъ Вальтеръ помѣшалъ мнѣ подолѣе попользоваться обществомъ Валуева, котораго плавную рѣчь пріятно слышать. Графъ А. П. Шуваловъ разсказывалъ, что у него былъ обморокъ съ холоднымъ потомъ. При немъ пріѣхалъ князь Горчаковъ.

Февраля 27. Пріѣзжаетъ князь Горчаковъ. Онъ не былъ призванъ въ комитетъ по Остзейскимъ дѣламъ, и дѣло объ адресѣ, оттуда присланномъ, рѣшилось безъ него. Обѣдаетъ князь Долгоруковъ, который что-то раздражителенъ и всѣмъ недоволенъ. Вечеромъ прі-

ѣзжаетъ Шаховскій*); онъ вовсе не относится благопріятно о Ригѣ. Отношенія установились добрыя съ Альбединскими, но затѣмъ мѣстопребываніе скучное, и Нѣмцы, съ которыми молодая чета въ ладахъ, очень тяжелы.

Марта 2. Пріѣхалъ князь Горчаковъ. Англичане все заступаются за Турокъ и просятъ дѣлать внушенія Черногорцамъ. Отказъ положительный съ нашей стороны. Обѣдаетъ Лазаревъ, и потомъ являются баронъ Корфъ и Н. Д. Жеребцовъ. Лазаревъ живописно ведетъ разсказы о фельдмаршалѣ Паскевичѣ, хорошемъ военачальникѣ, но слабомъ человѣкѣ.

Марта 4. Пріѣзжаетъ князь Д. А. Оболенскій въ мундирѣ и лентѣ отъ великаго князя Константина Николаевича съ извѣстіемъ, что получилъ мѣсто товарища министра государственныхъ имуществъ, Зеленаго. Наконецъ, онъ вознагражденъ за долгое и терпѣливое ожиданіе.

Марта 5. Былъ князь Горчаковъ, который продолжаетъ казаться веселымъ. Онъ разсказывалъ, что одинъ изъ молодыхъ графовъ К . . , служащій въ канцеляріи Государственнаго Совѣта, помѣшался и въ прихожей графа Петра Андреевича Шувалова далъ пощечину служителю и жандармамъ. Его посадили къ Штейну, пользующему отъ душевныхъ болѣзней. Послѣ обѣда является А. Васильчиковъ, который прежде былъ пріятнѣе, чѣмъ теперь.

Марта 8. Долгоруковъ и князь Д. А. Оболенскій, получившій изъ Министерства Финансовъ 20000 рублей серебромъ. Онъ представлялся Государю, милостиво его принявшему. Потомъ посѣтили насъ графъ Панинъ и князь Горчаковъ; оба очень были довольны, что встрѣтились. Князь Горчаковъ сказывалъ, что первая экспедиція князя Орлова изъ Вѣны вполнѣ его удовлетворила.

Марта 15. Братъ чувствовалъ холодъ ночью и кашлялъ. Я уговорилъ его не ѣздить въ малую церковь ко двору, куда онъ сбирался, опасаясь, чтобъ онъ тамъ не простудился. Приходятъ канцлеръ и Жомини. Ѣдемъ къ графинѣ С. А. Бобринской. Только что сѣли въ гостиной, пріѣхалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ; къ сожалѣнію, надо было уѣхать. Оттуда проѣхали къ княгинѣ Воронцовой, которую нашли съ молодыми принцами Лейхтенбергскими и съ молодою графиней Воронцовой-Дашковой въ ея прекрасномъ зимнемъ саду.

Марта 17. Обѣдаетъ князь С. Н. Урусовъ, очень озабоченный новыми положеніями о городскомъ управленіи и о печати. Зеленой

*) Князь Михаилъ Валентиновичъ, Эстляндскій губернаторъ. П. Б.

представлялъ въ товарищи князя Черкаскаго, но Государь предпочелъ князя Оболенскаго.

Марта 22. Князь Горчаковъ пріѣзжаетъ съ тревожнымъ извѣстіемъ о болѣзни графа Штакельберга, у котораго острый бронхитъ и карбункулъ на спинѣ. Въ случаѣ несчастія онъ предлагаетъ брату мѣсто посла въ Парижѣ.

Марта 28. Обѣдаемъ у Авр. Карловны Карамзиной съ Шернвалемъ. Портреты ея невѣстки, покойной молодой Демидовой. Вечеръ у Шуваловыхъ съ Нелидовой и Ниловымъ, который говоритъ, что его министръ, Зеленой, страдаетъ невыносимо отъ головныхъ болей. Графиня находитъ разговоръ брата наканунѣ очень занимательнымъ. Утромъ читаю прекрасное мнѣніе военнаго министра по поводу проекта Тимашева о усиленіи власти губернаторовъ. Мастерское произведеніе.

Апрѣля 1. Вечеромъ сидимъ у Шуваловыхъ съ Нелидовой и графомъ Д. Н. . . ., который вздыхаетъ, что въ Петербургѣ ѣдятъ, но не обѣдаютъ, и что рѣшительно нѣтъ уже соусовъ, въ чемъ онъ видитъ просто бѣду. Непомѣрное изліяніе сожалѣній по этому случаю, сопровождаемое вздохами!

Апрѣля 7. Вечернюю службу слушаемъ у Шуваловыхъ, гдѣ сильный споръ возникаетъ объ Остзейскомъ краѣ. Я вынесъ оттуда грустное впечатлѣніе: всѣ Русскіе говорили за Нѣмцевъ, а графъ Крейцъ, Нѣмецъ, защищалъ Русскіе начала и интересы; les rôles intervertis. Какъ глубоко не огорчиться!

Апрѣля 8. Въ засѣданіи Комитета Министровъ, куда призвали Валуева, проектъ о губернаторахъ былъ устраненъ.

Апрѣля 11. Насъ посѣщаютъ канцлеръ и графъ Шуваловъ, который по случаю предстоящаго назначенія графа А. В. Адлерберга министромъ двора рѣшилъ оставить мѣсто оберъ-гофмаршала. Обѣдаемъ съ Н. Жеребцовымъ. Кабалеровъ умираетъ. Совѣщаніе, какъ оградить интересы графини Сакенъ и Жеребцова. Передъ заутреней ѣдемъ къ Кабалерову, но видимъ его уже умершаго. Заутреня и обѣдня въ домовой церкви, гдѣ находимъ графиню Гендрикову, очень красивую и миловидную.

Апрѣля 12. Графъ Шуваловъ. Послѣдній, кажется, измѣнилъ свое рѣшеніе: по настоянію отца и сына Адлерберговъ и по совѣту своего сына, графа Петра, онъ колеблется снова и, вѣроятно, сохранитъ свое

мѣсто; по моему, поступитъ благоразумно. Вечеръ просидѣлъ у насъ графъ Д. А. Толстой. Отъ него узналъ я, что онъ писалъ рескрипты на имя Эм. Нарышкина и Галагана по случаю значительныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ ими для учрежденія новыхъ учебныхъ заведеній. Рескрипты написаны прекрасно.

Апрѣля 20. У князя Горчакова не скрывается неудовольствіе на графа Д. А. Толстого по случаю принятой Синодомъ мѣры относительно предполагаемаго религіознаго заявленія Православной церкви, вмѣстѣ съ патріархами восточными, въ виду Собора, созваннаго въ Римъ. На Востокѣ всякій религіозный вопросъ обращается въ политическій.

Апрѣля 21. Наканунѣ скончался второй сынъ Наслѣдника Престола, девятимѣсячный младенецъ. Родители очень огорчены. Пріѣзжаютъ оберъ-камергеръ *) и канцлеръ. Разговоръ о графѣ Штакельбергѣ, котораго болѣзненное состояніе внушаетъ безпокойство канцлеру. Рѣчь также шла и о покойной женѣ больнаго посла и о интригахъ противъ нея приближенныхъ императрицы Александры Ѳеодоровны, которая особенную оказывала благосклонность этой замѣчательной по своей красотѣ и любезности дамѣ.

Апрѣля 22. Похороны царственнаго младенца въ крѣпости, откуда заѣзжаетъ графъ Шуваловъ, пока у насъ сидитъ княжна С. И. Мещерская. Оберъ-гофмаршалъ любопытенъ видѣть ее и смотритъ въ щелку двери. Приходятъ также Павелъ Ал. Мухановъ и князь Горчаковъ, опять встревоженный худыми извѣстіями изъ Парижа о графѣ Штакельбергѣ. Обѣдаемъ съ Нордомъ, который говоритъ, что князь А. Ѳ. Орловъ оставилъ пять милліоновъ рублей, вырученныхъ продажею имѣній его жены, хлѣбною торговлею съ Громовымъ и разработкою золотыхъ розсыпей.

Апрѣля 23. Чувствую необходимость, по случаю малаго сна ночью, прилечь поутру, и меня будятъ князь Горчаковъ и братъ, войдя внезапно въ мою спальню. Еще при канцлерѣ пріѣзжаетъ князь Л. В. Кочубей, только что возвратившійся изъ Парижа, гдѣ всѣ въ страхѣ по случаю совершающихся тамъ событій. По словамъ того же лица, послѣ народнаго голосованія Наполеонъ прибѣгнетъ къ картечи. О Штакельбергѣ извѣстія, не подающія надежды на выздоровленіе.

Апрѣля 26. Братъ ѣдетъ въ департаментъ Государственнаго Совѣта, а ко мнѣ приходитъ хозяинъ дома, Жеребцовъ, съ извѣстіемъ

*) Т. е. графъ И. И. Хребтовичъ. П. Б.

о смерти князя Аренберга, Австрійскаго военнаго агента, котораго нашли задушеннаго въ постели. Оттуда, т. е. изъ дома, гдѣ совершено преступленіе, заѣхали къ намъ князь Горчаковъ, графъ Шуваловъ и Лазаревъ, который остался обѣдать. Воры, забирая вещи, увидѣли вдругъ Аренберга, бросились на него и задушили.

Апрѣля 27. Князь Горчаковъ говоритъ, что Флёри лучше Талейрана. В. Н. Карамзинъ, очень дѣльно занимающійся въ кассаціонномъ департаментѣ Сената и, можетъ быть, предназначенный когда нибудь быть министромъ юстиціи.

Апрѣля 28. Похороны князя Аренберга, на которыхъ присутствуютъ Государь, великіе князья и все высшее общество. Большой весенній парадъ. Князь С. Н. Урусовъ обѣдаетъ у насъ; на этотъ разъ онъ показался мнѣ утомленнымъ и мало говорилъ интереснаго. Онъ замѣтилъ, что въ послѣднее время графъ Петръ А. Шуваловъ очень созрѣлъ. Трудно въ вопросахъ политическихъ, по его мнѣнію, идти противъ общаго мнѣнія: потока нельзя побороть, но онъ увлекаетъ. Вечеръ проводитъ у насъ графъ Д. А. Толстой, недовольный дѣйствіями Игнатьева.

Мая 5. Вечеръ у насъ проводитъ графъ Д. А. Толстой. Мысль его о дѣйствіи на племена Славянскія, для которыхъ недовольно дѣлаютъ, правильна.

(*Берлинъ*) *Августа 12.* Обѣдаемъ съ Мельниковымъ и Суворовымъ; послѣдній разсказываетъ очень занимательно подробности о 14 Декабря 1825 года и о своемъ арестѣ. Рѣчь его одушевленна и жива. Характеръ Суворова благородный. Онъ говорилъ съ императоромъ Николаемъ смѣло, и Государь поступилъ съ нимъ великодушно, какъ слѣдовало со внукомъ героя, покрывшаго славою наше оружіе. Чай у Шуваловыхъ съ Тютчевымъ и Панинымъ.

Августа 22. Встали поздно, и первая вещь по пробужденіи была печатная телеграмма, которая начиналась крупными словами: Napoleon gefangen *)! Король Вильгельмъ увѣдомлялъ королеву Августу, что императоръ Французовъ сдался ему и находится въ Седанѣ. Передъ дворцомъ вижу непомѣрную толпу народа. Подаютъ королевскій экипажъ. При появленіи королевы громъ рукоплесканій оглушилъ меня. Изъ домовъ махали платками, шляпы летѣли вверхъ; всѣ сословія одинаково изъявляли свою радость, и цѣлый день народъ ходилъ по ули-

---

*) Наполеонъ взятъ въ плѣнъ.

цамъ, то съ музыкой, то съ пѣніемъ или съ оглушительнымъ ура. Вечеромъ иллюминація. Обѣдали у Шуваловыхъ съ Мальцовымъ и княземъ Горчаковымъ. Хребтовичъ пользуется благосклонностью королевы. Встрѣчаю у Шуваловыхъ Чевкина и Вердера, бывшаго посломъ въ Петербургѣ.

(*С.-Петербургъ*) *Августа 25*. Погода благопріятствуетъ. Въ Царскомъ Селѣ ожидаетъ своихъ родителей *) графиня Бобринская съ дѣтьми; одинъ изъ сыновей ея садится въ вагонъ Шуваловыхъ и ѣдетъ съ нами, милый юноша. Въ Псковѣ встрѣтили Назимова, погруженнаго въ горесть по случаю смерти жены. Въ Лугѣ обѣдаемъ безъ предварительнаго заказа обѣда и лучше, чѣмъ въ Вержболовѣ. Съ удовольствіемъ входимъ въ нашу опрятную красивую квартиру, гдѣ насъ встрѣчаетъ Голубцовъ и куда позже является баронъ Константинъ Корфъ. Газеты уже прежде пріѣзда сообщили подробности о Французскомъ переворотѣ.

Августа 30. Нездоровье не позволяетъ брату ѣхать въ Александро-Невскую Лавру, а мнѣ просто идти помолиться за Государя, котораго очень люблю, въ церковь. Является Дмитрій Оболенскій, говорящій, что трудно имѣть дѣло съ Альбединскимъ, который ничего не понимаетъ.

Сентября 2. Съ часовымъ поѣздомъ отправились въ Царское Село, гдѣ нашли князя Горчакова, очень озабоченнаго дѣлами. Событія такого рода, что сегодня нельзя предвидѣть, чтó будетъ завтра. Министры Республики просятъ отвратить отъ Франціи окончательное разореніе, обѣщая всякія для насъ блага, на чтó трудно считать. Обѣдаетъ братъ у канцлера, а я у Шуваловыхъ съ ихъ милыми малютками.

Сентября 5. Пріѣхали въ Москву около 10-ти часовъ послѣ ночи, братомъ не совсѣмъ хорошо, а мною очень порядочно проведенной. Сестеръ нашли здоровыми, благодаря Бога. Утромъ насъ посѣтили князь П. П. Трубецкой и Блюменталь. Обѣдали съ П. Н. Шуваловой и Якимовой. Вечеромъ пріѣхалъ графъ А. П. Толстой, испуганный новымъ положеніемъ Пруссіи и, какъ всегда, видящій все въ мрачномъ видѣ. Онъ очень недоволенъ внѣшнею политикой нашего кабинета.

Сентября 6. Были у службы въ домовой церкви Толстыхъ, на Садовой; прекрасно устроенная церковь и превосходная служба. Радушные хозяева; но понятія ихъ допотопныя, хотя и выраженныя всегда съ умною оригинальностью. Тамъ видѣли г-жу Жюльвекуръ и сына Ѳедоровой. Потомъ посѣтили князя П. И. Трубецкаго, у котораго съ полчаса посидѣли, и Блюменталя, очень хорошо помѣщеннаго,

*) Т. е. возвратившихся изъ чужихъ краевъ графа Андрея Петровича и графиню Ѳеклу Игнатьевну Шуваловыхъ. П. Б.

близъ Зоологическаго сада. Обѣдали съ Тат. Сем. [1]). Вечеръ у насъ проводилъ Блюменталь, теперь особенно занимающійся богословіемъ и переводомъ Исторіи Русской Церкви покойнаго преосвященнаго Филарета Харьковскаго.

Сентября 7. Обѣдаемъ съ Ѳединькой В., который все полнѣетъ и добрѣетъ, и при умѣ и знаніяхъ не можетъ ни о какомъ предметѣ сообщить положительно-опредѣленнаго мнѣнія. Онъ скажетъ напримѣръ: такъ думали древніе, могло бы быть такъ или иначе, и только, болѣе ничего.

Сентября 10. Вмѣстѣ съ братомъ посѣтили А. О. Смирнову. Она сильно не долюбливаетъ Нѣмцевъ и очень раздражена противъ Пруссаковъ по случаю ихъ успѣховъ; оригинально ея описаніе Нѣмецкихъ Евреевъ съ масляными пальцами, черными ногтями и сердоликовымъ кольцомъ на указательномъ перстѣ.

Сентября 20. Съ 2-мъ поѣздомъ отправились въ Царское Село и вошли прямо къ князю Горчакову. Онъ спокойнѣе и, кажется, не имѣетъ опасеній за Россію. Слушаю обѣдню изъ комнатъ графини Шуваловой. Потомъ вижу у графа Шувалова дочь его, графиню Бобринскую и его внучатъ. Возвращаемся къ князю Горчакову и идемъ съ нимъ гулять. Встрѣчаемъ Государя, который останавливается съ канцлеромъ, чтобы сказать ему, что послалъ къ нему интересное письмо королевы Августы къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, а брату и мнѣ сказалъ: «Bonjour, les deux frères! [2]). Обѣдаемъ у князя Горчакова съ Гамбургеромъ и барономъ Жомини. Передъ обѣдомъ явился Тьеръ, который очень постарѣлъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его во время президентства Наполеона III; онъ доволенъ пріемомъ въ Петербургѣ.

Сентября 25. Посѣщаемъ княгиню Кочубей (урожденная Кочубей), которая съ особеннымъ одушевленіемъ говоритъ о Пруссакахъ, и съ такимъ же презрѣніемъ о Французахъ. Конечно тутъ есть доля правды, и цивилизація Нѣмцевъ гораздо солиднѣе цивилизаціи за-Рейнскихъ ихъ сосѣдей; но состраданіе къ бѣдствіямъ послѣднихъ внушаетъ къ нимъ сочувствіе.

Сентября 26. Къ обѣду пріѣхали Подчаскіе, которые очень оцѣнили обѣдъ, особливо миловидная еще и по сіе время, бывшая графиня Потемкина, нѣкогда столь славившаяся своею красотою [3]). Въ раз-

[1]) Якимовой, двоюродной сестрою извѣстнаго Г. В. Грудева. П. Б.

[2]) Здравствуйте, два братца!

[3]) Елисавета Петровна Подчаская, ур. княжна Трубецкая, въ первомъ бракѣ за графомъ Сергѣемъ Павловичемъ Потемкинымъ. П. Б.

говорахъ о послѣднемъ ихъ пребываніи въ Эмсѣ, гдѣ нашъ Императоръ оставилъ очень благопріятное впечатлѣніе, и о королѣ Прусскомъ, который при отъѣздѣ своемъ очень былъ озабоченъ и тронутъ до слезъ, готовясь въ походъ противъ Французовъ.

Сентября 29. Братъ занимается съ Баймаковымъ нашими кредитными бумагами. Тихія и пріятныя утреннія занятія. Ѣдемъ къ В. А. Нелидовой, которая разсказываетъ намъ, какъ провела лѣто въ Петергофѣ. Потомъ посѣщаемъ князя П. И. Мещерскаго; онъ лѣчится отъ ревматизма электричествомъ. Обѣдаемъ съ Шернвалемъ, порицающимъ дипломатію Европейскую за то, что она безсильна прекратить войну своимъ вмѣшательствомъ.

Сентября 30. Обѣдали дома съ Варварой Аркадьевной Нелидовой? Государь получаетъ часто безыменныя письма, въ которыхъ его просятъ не благопріятствовать Нѣмцамъ, замѣнить ихъ на мѣстахъ Русскими и впередъ не давать имъ ходу. За чтò такая невзгода на Нѣмцевъ!

Октября 13. Насъ посѣщаетъ Игнатьевъ, посолъ Константинопольскій. По его словамъ, онъ пользуется большимъ кредитомъ въ Турціи. Достовѣрно, что была секретная конвенція между Турціею, Австріею и Франціею, чтобы, въ случаѣ успѣховъ послѣдней въ войнѣ съ Прусаками, первая возстала бы противъ насъ. Братъ ѣдетъ къ князю П. П. Гагарину, у котораго семейное горе: онъ лишился сына.

Октября 16. Въ часъ отправились въ Царское Село, сидя въ вагонѣ съ княземъ М. В. Шаховскимъ. У князя Горчакова присутствовали при разговорѣ о свободѣ печати министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева съ княземъ Черкаскимъ, Московскимъ городскимъ головою; разговаривающіе съ одинакимъ искусствомъ и умомъ поддерживали свое мнѣніе, излагая его ясно и остроумно. Обѣдали у Шуваловыхъ съ графомъ Д. Нессельродомъ и его сыномъ; послѣдній—милый и симпатичный молодой человѣкъ.

Октября 31. Братъ былъ приглашенъ на завтракъ къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ и потомъ присутствовалъ въ департаментѣ Государственнаго Совѣта. Я же ходилъ отыскивать Ивана Николаевича Рождественскаго*), духовника Марьи Сергѣевны Мухановой, къ которому имѣю порученіе. Въ адресномъ столѣ получилъ его адресъ.

Ноября 2. И. Н. Рождественскаго нашелъ дома и побесѣдовалъ съ нимъ довольно долго, исполнивъ данное мнѣ изъ Москвы порученіе. Обѣдали съ барономъ Корфомъ. По возвращеніи брата узнаю, что

*) Пріѣзжавшаго изъ Москвы для участія въ богословскихъ совѣщаніяхъ, которыми тогда занимался великій князь Константинъ Николаевичъ. П. Б.

завтра долженъ выйти въ Правительственномъ Вѣстникѣ важный государственный документъ.

Ноября 3. Нынѣ напечатанъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ важный документъ—отмѣненіе Парижскаго трактата [1]). Слава и честь Государю! Теперь нужно видѣть, какъ обойдется великое дѣло и чтò скажутъ державы, участвовавшія въ договорѣ.

Ноября 4. Въ часъ поѣхали въ Царское Село, куда ѣхали съ Прусскимъ министромъ княземъ Рейсомъ и съ Стремоуховымъ. Хорошія статьи въ Голосѣ и Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и недобросовѣстная статья въ Freie Presse. У канцлера нашли министра государственныхъ имуществъ Зеленаго. Неудовлетворительные отвѣты изъ Вѣны и Лондона по случаю отмѣны Парижскаго трактата, которому рукоплещетъ Русская печать. Обѣдаемъ у канцлера.

Ноября 10. Съ часовымъ поѣздомъ ѣдемъ въ Царское Село. У брата очень оживленный разговоръ съ Англійскимъ посломъ. Я бесѣдую съ г-жею Яшвиль [2]), прожившей нѣсколько лѣтъ въ Новочеркаскѣ въ званіи начальницы института; дама толковитая и умная. Обѣдаемъ у князя Горчакова, у котораго довольно сильный насморкъ. Передъ обѣдомъ у него былъ Государь. Пришелъ отвѣтъ Австрійскій на нашъ циркуляръ, въ томъ же смыслѣ чтò Англійскій. Политическій горизонтъ не проясняется, и мнѣ даже кажется, что еще болѣе обкладывается мрачными тучами.

Ноября 11. Принимаемъ графа Панина, очень веселаго и утверждающаго, что онъ навѣрно знаетъ, что войны не будетъ, но сказать тайны не можетъ; вѣроятно ему сказалъ что-нибудь положительное Государь.

Ноября 17. Графъ А. П. Шуваловъ, имѣющій необходимую потребность переговорить о настоящихъ событіяхъ, является поутру. Опасеній менѣе; но Австрія хочетъ знать, какіе будутъ поставлены вопросы прежде, чѣмъ приступить къ конференціи. Вечеромъ возвращается изъ Царскаго Села М. Д. Жеребцовъ и говоритъ: Бруновъ проситъ освободить его отъ предстоящей въ Лондонѣ конференціи по причинѣ его преклонныхъ лѣтъ и не чувствуя достаточно силъ для такого дѣла. Если онъ въ самомъ дѣлѣ останется твердъ въ своемъ намѣреніи, какое затрудненіе для нашего кабинета!

[1]) Государь нарочно подписалъ бумагу объ этомъ отмѣненіи *19 Октября*, въ день основанія Царскосельскаго Лицея, первымъ воспитанникомъ котораго былъ канцлеръ князь Горчаковъ. П. Б.

[2]) Анна Михайловна, дочь Михаила Өедоровича Орлова. П. Б.

Ноября 18. Былъ графъ А. П. Шуваловъ въ мундирѣ и лентѣ отъ Великаго Князя Михаила Николаевича, отъ котораго онъ, какъ и всѣ, въ восхищеніи. Послѣ Государя это перлъ семейства. Визитъ г-жи Вревской, которая разсказываетъ бурное плаваніе свое изъ Венеціи въ Александрію и пребываніе въ Іерусалимѣ. Ненависть Грековъ къ Русскимъ и ихъ корыстолюбіе непомѣрны.

Ноября 19. Послѣ докторовъ пріѣзжаетъ графъ Панинъ, очень веселый и довольный; потомъ является графъ П. С. Строгоновъ, любитель картинъ и искусствъ, пріятный гость, а вслѣдъ за нимъ баронъ Мейендорфъ (Эрнестъ). Тутъ же вошли князь Константинъ Горчаковъ и его жена. Обѣдали съ Шервалемъ. Многіе успокоились насчетъ циркуляра, но на конференціи нашихъ уполномоченныхъ ожидаютъ немалыя затрудненія, такъ что еще не время праздновать побѣду. Канцлеръ по случаю припадка подагры переѣхалъ въ городъ изъ Царскаго Села.

Ноября 21. Вечеръ провели вдвоемъ въ воспоминаніяхъ о прошломъ: какъ жили наши родители, какъ дѣтьми мы ѣздили съ ними въ Казань, укрываясь въ 1812 году отъ Французовъ, и отчего братъ не женился, когда многія невѣсты желали за него выйти.

Ноября 22. Изъ Москвы пришелъ адресъ, въ которомъ Дума благодаритъ Государя за циркуляръ и за призывъ всѣхъ сословій къ военной повинности, и проситъ разныхъ льготъ и правъ, что̀ причинило неудовольствіе Государю. Корреспондентъ «Indépendance Belge» высланъ изъ Петербурга.

Ноября 24. Дума Московская прислала адресъ, въ которомъ, благодаря Государя за циркуляръ и призывъ всѣхъ сословій къ военной повинности, ходатайствуетъ о дарованіи правъ политическихъ. Адресъ возвращенъ при выговорѣ генералъ-губернатору князю Долгорукову за принятіе онаго. Князь Гр. Ал. Щербатовъ желаетъ знать, что̀ въ адресѣ; отвѣчаю, что не знаю.

Ноября 25. Графъ Панинъ приноситъ учебникъ географіи Вержбиловича, гдѣ сказано, что чѣмъ образованнѣе народъ, тѣмъ умнѣе должна быть вѣра его. Онъ очень смущенъ этимъ фактомъ и проситъ указать на него министру народнаго просвѣщенія графу Толстому.

Ноября 27. Пріѣзжаетъ графъ Шуваловъ, который говоритъ, что канцлеръ не совсѣмъ въ добромъ расположеніи духа. Тоже замѣчаютъ и въ Императорѣ, но это по вопросамъ внутреннимъ. Имѣемъ случай

просмотрѣть адресъ Московской Думы, несвоевременный и тяжело написанный. Неодобреніе Катковымъ циркуляра повліяло на общественное мнѣніе въ Москвѣ.

Ноября 28. Всѣ единогласно порицаютъ адресъ Московской Думы. Императрица не приняла [1]) Московскаго голову князя Черкаскаго, который упалъ духомъ и погруженъ въ уныніе. Узнаемъ о кончинѣ А. П. Ахматова, о которомъ искренно сожалѣемъ.

Ноября 29. Послѣ духовныхъ упражненій дóма принимали графа Панина, всегда веселаго, а на этотъ разъ мрачнаго. Онъ говорилъ о возмутительномъ тостѣ за обѣдомъ на артилерійскомъ юбилеѣ и о учебникѣ, въ которомъ преподается новѣйшая исторія, имѣющая цѣлью ослабленіе личной власти. Позднѣе заѣзжаетъ графъ Шуваловъ. Императрица возвратилась изъ путешествія въ легкой простудѣ. Московскіе купцы [2]) очень огорчены, что Императрица ихъ не приняла, и думаютъ, не написать ли имъ контръ-адресъ тому, который послала Московская Дума.

Декабря 1. Приходитъ Крузе, недавно возвратившійся изъ-за границы. Онъ говоритъ, что въ Берлинѣ всѣ жалуются на продолжительность войны, и въ лавкахъ нельзя найти ни чернаго сукна, никакихъ другихъ матерій того же цвѣта: все раскуплено на трауръ.

Декабря 3. Въ городѣ много арестовъ въ Артилерійскомъ Училищѣ и въ Военной Академіи; между прочими называютъ артилерійскаго полковника Энгельгарта.

Декабря 5. Пріѣзжаетъ графъ Шуваловъ, который разсказываетъ, какъ у него, въ день его имянинъ, были Государь и Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Сходитъ къ намъ М. Д. Жеребцовъ. Обѣдаемъ съ братомъ его Николаемъ. О князѣ Черкаскомъ говорятъ, что послѣ Московскаго адреса онъ вѣроятно на нѣкоторое время, нельзя сказать навсегда, заглохнетъ. Эта исторія привела въ негодованіе Государя и огорчила Императрицу. Московскій генералъ - губернаторъ князь Долгорукій безпрестанно плачетъ и въ своемъ простодушіи говоритъ, что его обманули, тогда какъ онъ самъ читалъ адресъ.

Декабря 12. Свидѣлись съ княземъ Горчаковымъ, котораго не видали шесть недѣль. Онъ ожидаетъ благопріятнаго исхода отъ кон-

---

[1]) Проѣздомъ изъ Ливадіи въ Петербургъ. П. Б.

[2]) Одинъ изъ Московскихъ купцовъ Н. А. Н., въ засѣданіи Думы, отказавшись подписать этотъ адресъ, выразился гласно: „Это передовая статья запрещенной газеты“. Этимъ онъ намекалъ на участіе И. С. Аксакова въ составленіи адреса. П. Б.

ференціи. Пріѣхалъ также графъ Шуваловъ. Министръ военный представилъ мастерски написанный проектъ о необходимости имѣть постоянное ополченіе, чтó было отклонено Государемъ, послѣ мнѣнія, по сему предмету высказаннаго графомъ Петромъ Шуваловымъ.

Декабря 13. Является Нордъ благодарить, что выписываютъ его сына изъ Бордо сюда; а потомъ пріѣзжаетъ графъ Д. А. Толстой, который жалуется на множество дѣлъ и на нападенія на его отчетъ графа С. Г. Строгонова, требующаго независимости школъ, устраиваемыхъ земствомъ, отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Толстой ни подъ какимъ видомъ не уступаетъ.

Декабря 15. Канцлеръ отъ доклада у Государя пріѣхалъ къ намъ и сказалъ, что Императоръ распрашивалъ у него съ участіемъ о здоровьи брата и интересовался знать, чѣмъ онъ именно боленъ. Князь Горчаковъ, кажется, совершенно оправился. Графъ Шуваловъ за нимъ послѣдовалъ; онъ сомнѣвается, чтобы точно министръ юстиціи подалъ въ отставку.

Декабря 17. Пріѣхалъ графъ Панинъ; онъ говорилъ, что Франція должна сохранить Эльзасъ и Лотарингію, но что Прусаки должны взять крѣпости на Маасѣ и Мозелѣ, которыя обезпечиваютъ достаточно Германію.

Декабря 18. Князь Горчаковъ прислалъ два письма сына своего изъ Берлина, который описываетъ бриліантовую (60-ти-лѣтнюю) свадьбу фельдмаршала Врангеля, горячо любящаго Россію и къ ней расположеннаго; потомъ канцлеръ самъ пріѣхалъ, но пробылъ недолго.

21 Декабря. Уполномоченные на конференціи предъявляютъ новыя требованія, которыхъ нельзя принять. Богъ знаетъ, какъ это все кончится. Министръ Австрійскій Бейстъ отличается особеннымъ недоброжелательствомъ.

25 Декабря. Конференція отложена до пріѣзда Французскаго уполномоченнаго Жюля Фàвра. Бейстъ высказывается недоброжелательнѣе прочихъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ исхода.

Декабря 30. Печальное извѣстіе о кончинѣ Скарятина, смертельно ранившаго себя на царской охотѣ. Посѣтившіе насъ графъ Панинъ, князь Суворовъ и графъ Шуваловъ сообщаютъ нѣкоторыя подробности о несчастномъ событіи.

Декабря 31. Государь желалъ, чтобы въ его присутствіи вскрыли тѣло.

Декабря 23. Общее вниманіе, въ продолженіе цѣлой зимы и доселѣ, особенно обращено на Прусско-Французскую войну. Мы узнали о ней въ прошломъ Іюлѣ въ Карлсбадѣ. Первое извѣстіе получили банкиры, и скоро оно подтвердилось въ газетахъ. Произошла большая суматоха. Прусскіе офицеры, лѣчившіеся на водахъ, поспѣшили возвратиться къ мѣсту служенія. Рёдернъ, нѣкогда бывшій министромъ въ Петербургѣ, имѣя двухъ сыновей въ военной службѣ, отправился также въ Берлинъ вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ графомъ Г.-Кутузовымъ, состоящимъ военнымъ агентомъ при королѣ Прусскомъ. Графиня Анрепъ, не теряя времени, уѣхала въ свой замокъ на Рейнъ; тамъ она выставила бѣлое знамя и объявила, что принимаетъ подъ свой кровъ раненыхъ. На первыхъ порахъ было много толковъ о необходимости оставить Карлсбадъ, но все это кончилось одними толками, и тѣ, которыхъ обязанности службы не принуждали покинуть вóды, остались и продолжали лѣченіе. Люди, пристрастные къ Франціи и особенно одинъ Французъ, по имени Вижье, не сомнѣвались въ успѣхѣ Наполеона III. Онъ утверждалъ съ хвастливостью, свойственной его племени, что слава увѣнчаетъ оружіе его соотечественниковъ, и что они скоро будутъ въ Берлинѣ. Между тѣмъ начали приходить извѣстія о побѣдахъ Прусской арміи, которыя слѣдовали такъ быстро одна за другой, что приверженцы Французовъ и легкомысленный Вижье пріуныли. Возвращаясь, послѣ окончанія лѣченія въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, въ Россію, мы узнали въ Берлинѣ о плѣненіи императора Французовъ въ Седанѣ. Столица Пруссіи представляла любопытное зрѣлище. Всѣ школы были закрыты, и ученики съ преподавателями во главѣ своихъ колонъ ходили по улицамъ, неся національное знамя и оглашая воздухъ гимнами. Толпа такъ была велика Unter den Linden, что трудно было пробраться. Статуя Фридриха Великаго была покрыта знаменами и школьниками, на нее вскарабкавшимися. Я видѣлъ королеву Августу, ѣхавшую въ открытомъ ландо; народъ привѣтствовалъ ее громогласными ура, и она, видимо тронутая этими изъявленіями, раскланивалась направо и налѣво. Шумное выраженіе народной радости продолжалось цѣлый день, и долго за полночь слышались громкіе возгласы, крики и выстрѣлы изъ ружей и револьверовъ. Тоже ликованіе возобновилось и на слѣдующей день. Графъ Хребтовичъ, пользующійся особеннымъ благоволеніемъ королевы, и который посѣщалъ ее два и три раза въ день, приносилъ намъ свѣжія извѣстія изъ дворца и сообщилъ о переворотѣ въ Парижѣ и о провозглашеніи тамъ низложенія Наполеона, его династіи и республики. 23-го Августа мы оставили ликующій Берлинъ и 25-го пріѣхали въ Петербургъ. Въ обществѣ здѣсь, какъ и за границей, одни были за Прусаковъ, другіе за Французовъ. Безъ со-

мнѣнія торжество первыхъ въ настоящее время не представляло намъ опасности, тогда какъ успѣхи Французовъ, къ счастью не сопровождавшіе ихъ оружія, неминуемо возбудили бы въ Полякахъ ихъ несбыточныя мечты и надежды. Для многихъ въ будущемъ Пруссія представлялась пугаломъ, готовымъ все поглотить и, слѣдовательно, державою для насъ опасною. Если тутъ и есть доля справедливости, то все-таки близкая бѣда всегда грознѣе отдаленной. Притомъ наше воспитаніе, въ которомъ, къ сожалѣнію, преобладаетъ элементъ Французскій, располагаетъ большую часть нашей публики въ пользу Франціи; особенно наши дамы проклинали Прусаковъ и только-что не плакали о Французахъ, которые продолжали испытывать удары одинъ за другимъ отъ своихъ противниковъ. Конечно, нельзя было не питать сочувствія къ народу, обремененному всѣми ужасами, которые влечетъ за собой война, и особенно война несчастная. Возможное бомбардированіе Парижа также устрашало, и дѣйствительно мысль, что всѣ эти монументальныя зданія, музеи, библіотеки, дворцы, сады, парки, обречены гибели, не могла не производить безпокойства въ умахъ.

1871-й годъ.

Января 11. Общее вниманіе обращено нынѣ на несчастную кончину егермейстера Скарятина. 29-го Декабря Государь былъ на охотѣ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ раненый медвѣдь побѣжалъ по полянѣ въ лѣсъ. За нимъ бросился Скарятинъ, чтобы окончательно довершить звѣря. Вдругъ послышался крикъ роковой, затѣмъ слова: «убилъ, самъ, Государь, Государь». Императоръ поспѣшилъ къ мѣсту, откуда исходилъ вопль, но не нашелъ въ живыхъ бѣдной жертвы. Такъ разсказывали намъ пріѣхавшіе изъ Государственнаго Совѣта графъ Панинъ и князь Суворовъ, бывшій также на охотѣ. Государь приказалъ оберъ-егермейстеру графу Ферзену домашнимъ образомъ изслѣдовать дѣло и донести ему. Свѣдѣніе, доставленное этимъ путемъ, заключалось въ удостовѣреніи, что Скарятинъ, влача за собой ружье, самъ себя убилъ. По осмотрѣ тѣла оказалась рана, которая могла произойти отъ посторонняго ружья, а не отъ ружья несчастнаго охотника. Вскрытіе тѣла показало также, что пораженіе произведено разрывной пулей, повредившей пять реберъ и произведшей, какъ обыкновенно бываетъ съ подобными пулями, смерть мгновенную. Разрывныя пули были только у графа Ферзена и у его егеря. Между тѣмъ въ городѣ ходили слухи самые неблаговидные, слухи внушаемые въ случаяхъ такого рода недоброжелательствомъ, которое никогда не дремлетъ и всегда ищетъ себѣ поживы. Велѣно было произвести слѣдствіе болѣе подробное и

основательное. Два егеря оберъ-егермейстера утверждали, что охотникъ самъ поразилъ себя, и что они не видали, чтобы кто-нибудь стрѣлялъ. Тогда предсѣдатель коммиссіи, производившей слѣдствіе, сказалъ егерямъ, чтобъ они шли въ ближайшую комнату, гдѣ ихъ ожидаетъ священникъ, и подтвердили свои показанія цѣлованіемъ Евангелія и Креста.

Января 25. Генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ не подтверждаетъ этого инцидента, хотя онъ также участвовалъ въ слѣдственной коммиссіи. Егерь графа Ферзена сказалъ ему, что ежели его приведутъ къ присягѣ, то тогда онъ покажетъ, что онъ, графъ Ферзенъ, убилъ Скарятина. Тогда Ферзенъ поѣхалъ къ Государю и, наконецъ, открылъ истину, которую до того времени тщательно скрывалъ: такъ онъ послѣ самаго событія, съ соизволенія Государя, поѣхалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, и тамъ вмѣстѣ съ послѣднимъ составилъ для напечатанія въ Правительственномъ Вѣстникѣ короткое извѣстіе о несчастномъ событіи въ томъ смыслѣ, что Скарятинъ самъ виновникъ своей смерти. Продолжали распространяться слухи, что убили егермейстера Государь или кто-нибудь изъ Великихъ Князей.

Января 30. Егеря показали, что Ферзенъ обѣщалъ имъ, въ случаѣ соблюденія ими тайны, совершенную безнаказанность и что сдѣлаетъ ихъ счастливыми. При поднесеніи Императору донесенія слѣдственной коммиссіи высказалось мнѣніе, что изъ этого донесенія слѣдуетъ сдѣлать извлеченіе и напечатать его въ Правительственномъ Вѣстникѣ, но Государь повелѣлъ обнародовать все донесеніе вполнѣ. Въ тотъ же день графъ Ферзенъ получилъ разрѣшеніе ѣхать за границу, куда онъ поспѣшно отправился. Такъ кончилась жизнь придворная оберъ-егермейстера. Съ самаго начала своего служебнаго поприща онъ никогда не пользовался общимъ уваженіемъ, и молва о немъ шла всегда недобрая. Онъ не гнушался никакими средствами, чтобы достигнуть видовъ своего честолюбія и корысти. Замѣчательно, что̀ поразившій его ударъ разомъ лишилъ этого честолюбца всего, за что онъ держался такъ крѣпко въ продолженіе цѣлой жизни: милости монаршей, возможности щеголять своими обѣдами, привычки собирать по вечерамъ людей, ищущихъ большую игру и, наконецъ, той среды, въ которой онъ прожилъ до 71 года. Слѣдствіе обнаружило истину дѣйствій неблаговидныхъ Ферзена послѣ смерти Скарятина и развязала языки его современниковъ, изъ устъ которыхъ слышались печальные эпизоды этой жизни. Справедливость требуетъ присовокупить, что когда несчастіе постигло царедворца, многіе спѣшили показать

ему участіе и не покинуть его въ минуту разразившейся надъ нимъ бури, забывъ его прошлое: благовидная черта сочувствія Русскаго сердца къ бѣдѣ ближняго *).

Февраля 22. Всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія Лондонской конференціи по Черноморскому вопросу. Въ 1856 году союзныя державы, воевавшія съ Россіею, заключили съ нею миръ, на прочность котораго нельзя было разсчитывать. Ограничить господство наше и парализовать наши дѣйствія въ нашихъ водахъ и на нашихъ берегахъ было совершенно несогласно съ правилами благоразумной и проницательной политики. Такое покушеніе на независимость великаго государства отличалось увлеченіемъ страсти и недальновидностью Европейскихъ кабинетовъ. Рано или поздно, а Россія должна была требовать измѣненія статей трактата, ограничивавшихъ права ея въ Черномъ морѣ. Вполнѣ сознавая справедливость своего дѣла, Россія, съ приличнымъ ей достоинствомъ, возвратила султану его права и въ тоже время возстановила и свои въ водахъ Чернаго моря. Не смотря на частыя нарушенія Парижскаго трактата другими державами, поступокъ Россіи приняли Европейскіе кабинеты съ видимымъ неудовольствіемъ.

---

*) Братъ убіеннаго, нынѣ также покойный, Николай Яковлевичъ Скарятинъ составилъ для „Русскаго Архива" особую записку объ этомъ событіи, имѣвшемъ столь важное значеніе въ жизни Государя Александра Николаевича, который проявилъ и въ этотъ разъ свою чудесную душу. Позднѣе, встрѣтивъ графа Ферзена за границею, онъ подозвалъ его къ себѣ и простилъ ему вѣроломство его. П. Б.

ИЗЪ РАЗОРЕНОЙ МОСКВЫ.

Письма И. М Снегирева къ П. В. Побѣдоносцеву.

1. Милостивый государь Петръ Васильевичъ!

Сердечно радуюсь, что вы возвратились къ своему семейству въ добромъ здоровьѣ. О себѣ я вамъ скажу, что я нерѣдко подвергаюсь болѣзненнымъ припадкамъ; теперь съ Божіей помощью оправляюсь помаленьку. Болѣзнь моя не препятствуетъ употреблять возможное стараніе о храненіи порядка въ дѣлахъ, мнѣ ввѣренныхъ и ввѣряемыхъ. Желалъ бы искренно, чтобъ мое стараніе соотвѣтствовало сколько нибудь мнѣніямъ другихъ. Какія получены мною отъ васъ бумаги и какія получаются, храню въ шкафѣ, который купленъ для меня вмѣстѣ съ столомъ. По Комитету [1]) и Университету чрезвычайнаго ничего нѣтъ; развѣ впредъ чего не случится ли. Случилась забавная штука. Библіотека публичная вздумала требовать отъ Комитета свѣдѣнія, въ какомъ числѣ, экземпляровъ онъ можетъ доставить ей всѣ книги, вышедшія прежде 1810 года, т. е. прежде учрежденія библіотеки? Кому неизвѣстно изъ насъ, гдѣ теперь университетская библіотека, гдѣ книжные магазины, гдѣ дѣла Комитетовъ, гдѣ и все прочее?

Новостей много, слуховъ пустыхъ еще больше. Военные совѣтуютъ намъ, Московскимъ жителямъ, открывать театръ, сочинить трагедію или драму *Освобожденіе Москвы* или *Слава Россіи на развалинахъ Москвы и гибель прежнимъ учителямъ нашимъ Французамъ*, разыгрывать и громче аплодировать. Теперь же получаю извѣстіе, что Варшава занята нашими войсками и что Государь скоро будто воротится въ Петербургъ и что много знакомыхъ моихъ померло. Замѣчаютъ болѣзни, которыя существуютъ отъ употребленія платья, снимаемаго съ падали Французско-Нѣмецко-Итальянско-Польской. Это неосторожность. Однако сохрани насъ Боже отъ послѣдствій сей неосторожности! Профессоры Чеботаревъ и сынъ его, Антонскій, Мудровъ, Черепановъ пріѣхали въ Москву; однако, какъ я слышалъ, Антонъ Антоновичъ опять отправляется въ свою деревню. Г. попечитель [2]) скоро поѣдетъ въ Петербургъ, а оттуда намѣревается ѣхать въ под-

---

[1]) Т. е. по Цензурному Комитету, въ которомъ уже тогда служилъ письмоводителемъ извѣстный впослѣдствіи цензоръ и археологъ И. М. Снегиревъ. П. Б.

[2]) Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ. П. Б.

вѣдомыя университету губерніи; впрочемъ не знаю, рѣшится ли онъ на послѣднее. Прочіе профессора, говорятъ, останутся до весны.

Препорученіе всячески постараюсь исполнить, если будетъ благопріятствовать мнѣ случай. Жалѣю только, что вы не изволили означить при нѣкоторыхъ книгахъ времени изданія, формата и автора.

Предоставляя себѣ и напредки удовольствіе извѣщать васъ письмами и надѣясь, что и вы не лишите меня сего удовольствія, есмь съ моимъ почтеніемъ вашъ, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга Иванъ Снегиревъ.

Февраля 14 дня 1813. Москва.

II. Милостивый государь Петръ Васильевичъ!

Изъ письма вашего къ сожалѣнію моему вижу, что письмо мое или не дошло до васъ или запоздало. Поставлю для себя удовольствіемъ увѣдомить васъ о себѣ, что здоровьемъ поправляюсь. Въ разсужденіи новостей Университета, кажется, ничего чрезвычайнаго нѣтъ; развѣ только то, что попечитель уѣхалъ въ Петербургъ и, какъ говорятъ, пробудетъ въ отлучкѣ долго. Г. Страховъ скончался въ Нижнемъ. До сихъ поръ въ Цензурномъ Комитетѣ очень важныхъ дѣлъ не происходило. Касательно вашего отпуска Иванъ Андреевичъ [1]) послалъ къ вамъ письмо и поручилъ мнѣ удостовѣрить васъ, чтобы вы были спокойны, не взирая на публикацію въ 16 и 17 № газеты [2]). Нѣкоторыя для васъ книжки купилъ не дождавшись, по письму моему, объясненія, въ какомъ форматѣ онѣ и какого изданія. Цѣны на книги площадныя набиваютъ очень иностранцы и другіе. Всѣ скорѣе хотятъ поправить какимъ бы то ни было образомъ свое состояніе. И у насъ въ Москвѣ все дорожаетъ, особливо хлѣбъ и другіе необходимые жизненные припасы (о квартирахъ нечего говорить). Разоренньмъ крестьянамъ повелѣно выдать по 70 корней деревъ для постройки, а священникамъ Московскимъ по 400 р. Августинъ представлялъ было по 4000 р. Мы подали прошеніе на ряду съ прочими о сожженіи дома и разграбленіи имущества. Что-то будетъ? Дай Богъ всего намъ хорошаго и добраго. Покорнѣйше прошу меня не оставлять вашими письмами; онѣ послу-

---

[1]) Ректоръ Московскаго Университета Геймъ. П. Б.

[2]) „Московскія Вѣдомости“ 1813 года № 16 и 17-й, Февраля 22 и 23-го. Публикація Временной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Университета на основаніи предписанія министра народнаго просвѣщенія предлагала всѣмъ служащимъ въ Университетѣ, какъ по ученой, такъ и по хозяйственной части, немедленно явиться къ своимъ обязанностямъ, съ тѣмъ, что кто не явится въ теченіе мѣсячнаго срока и не представитъ отъ мѣстнаго начальства уважительныхъ причинъ неявки, тотъ будетъ исключенъ изъ списка служащихъ.

жать мнѣ утѣшеніемъ въ моей скукѣ и заботахъ. Письма доброжелательныхъ и почтенныхъ людей для меня утѣшительны и пріятны.

Марта 1-го 1813. Москва.

Папенька и маменька свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе.

Адресъ: Его высокоблагородію Павлу Антоновичу Шипову, коего прошу покорно вручить сіе письмо его высокоблагородію Петру Васильевичу Побѣдоносцеву. Въ Солигаличъ Костромской губерніи.

III. Милостивый государь Петръ Васильевичъ!

Мнѣ очень пріятно возобновить съ вами переписку и просить васъ не оставлять меня извѣстіями о здоровьѣ вашемъ. Признаюсь, что я, живучи въ погорѣлой и шумной столицѣ, нерѣдко завидую мирному сельскому убѣжищу вашему у новыхъ и почтенныхъ благодѣтелей вашего любезнаго семейства. У насъ въ Москвѣ стройка производится съ великою дѣятельностью; особенно размножаются съѣстные трактиры, лавочки и тому подобное. Одинъ нашъ погорѣлый храмъ Музъ стоитъ какъ повапленный гробъ! А такъ какъ повелѣно открыть его въ Августѣ, то на сей конецъ нанятъ домъ Заикина. Дѣлъ по Университету важныхъ мало; большая часть профессоровъ уединились въ деревни, чтобы тамъ подышать свѣжимъ воздухомъ; очень мало остается въ Москвѣ. Признаться, нечего и дѣлать имъ. Попечитель дожидается въ концѣ сего мѣсяца или въ началѣ слѣдующаго; дай Богъ, чтобы просвѣтители юношества были чѣмъ нибудь вознаграждены за претерпѣнные ими убытки, а за безпокойства мірскія вознаградятся они (несомнѣнно) въ будущей жизни. Есть люди въ столицѣ, которые громко возопіютъ: отъ просвѣтителей и отъ просвѣщенія сыръ-боръ горитъ. Дай Боже, чтобы это было неправда.

Въ Комитетъ нашъ поступаетъ довольно книгъ, но мало хорошихъ. Что̀ впредъ будетъ, не премину при удобномъ случаѣ васъ увѣдомить. Едва было я не позабылъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что неугодно ли чѣмъ пожертвовать (въ силу министерскаго предложенія) въ пользу библіотеки Университета!! А мы теперь празднуемъ перемиріе, послѣ блистательныхъ побѣдъ, храбрыми воинами нашими одержанныхъ; оно продолжится съ 23 Мая до 8 Іюля. Въ манифестѣ Прусскаго короля между прочимъ сказано, что это отнюдь клонится не къ миру, а къ возобновленію войны и для укрѣпленія силъ. Однако 28 Мая Бюловъ разбилъ Удинота. Желая вамъ спокойствія и пр.

Іюня 20 дня 1813. Москва.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА [1]).

I.

Пробывъ довольно долго въ С.-Петербургѣ, я намѣревался отправиться въ Москву, сдѣлалъ уже нѣсколько прощальныхъ визитовъ и, увѣдомивъ князя А. Н. Голицына [2]) о предстоящемъ скоромъ выѣздѣ, просилъ сообщить мнѣ, когда могу застать его, чтобы съ нимъ проститься. Князь Голицынъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ проситъ меня остаться еще нѣсколько времени въ Петербургѣ вслѣдствіе одного весьма важнаго дѣла, о которомъ онъ скоро сообщитъ мнѣ. Не получая нѣсколько времени никакого сообщенія отъ князя Голицына и спѣша возвратиться въ Москву, я вторично отнесся къ нему о необходимости для меня отправиться къ своей паствѣ. Тогда князь Александръ Николаевичъ пріѣхалъ ко мнѣ и, сообщивъ мнѣ объ отреченіи цесаревича великаго князя Константина Павловича отъ престола, сказалъ, что Государь Императоръ поручаетъ мнѣ составленіе духовнаго завѣщанія, для чего и будетъ мнѣ приказано, при возвращеніи моемъ въ Москву, заѣхать въ Царское Село.

Дня черезъ два или три пріѣхалъ ко мнѣ графъ Аракчеевъ и началъ мнѣ говорить о какомъ-то важномъ порученіи, которое будетъ мнѣ дано отъ Государя Императора. Положеніе мое было весьма неловкое. Князь Голицынъ сообщилъ мнѣ, чтобы порученіе, о коемъ онъ мнѣ упомянулъ, держалось въ величайшей тайнѣ; поэтому я не считалъ себя въ правѣ что либо отвѣчать Аракчееву, не смотря на то, что я зналъ, до какой степени графъ пользовался довѣріемъ

---

[1]) Эти разсказы были записаны покойнымъ Владимиромъ Алексѣевичемъ Мухановымъ и сохранились въ его бумагахъ, въ Музеѣ П. И. Щукина. Первый разсказъ относится къ 1822 году; передъ тѣмъ Филаретъ, еще архіепископъ, вступилъ въ управленіе Московскою паствою. П. Б.

[2]) Тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода и царевъ другъ. П. Б.

Государя. Тогда Аракчеевъ объявилъ мнѣ, что ему все извѣстно и сообщилъ мнѣ тоже, что̀ и князь Голицынъ.

Постигая всю важность такого порученія и найдя, что столь важный документъ не можетъ быть наскоро написанъ во время предстоявшаго мнѣ кратковременнаго пребыванія въ Царскомъ Селѣ, я немедленно приступилъ къ составленію проекта духовнаго завѣщанія. Затѣмъ мнѣ было повелѣно отправиться въ путь и заѣхать въ Царское Село. Государь Императоръ изволилъ меня принять и сообщилъ мнѣ свою волю. Черезъ нѣсколько времени я представилъ Государю помянутый проектъ, который былъ Государемъ прочитанъ, одобренъ и подписанъ. Завѣщаніе приказано было хранить въ Успенскомъ соборѣ. На конвертѣ предполагалъ я написать: «*въ минуту полученія извѣстія о кончинѣ Императора вскрыть этотъ конвертъ и объявить содержаніе онаго въ соборѣ*». Государь слово «минуту» замѣнилъ словомъ «мгновеніе».

Зашла рѣчь о томъ, какимъ образомъ я долженъ положить и хранить это завѣщаніе въ соборѣ. Я нашелъ необходимымъ предложить, чтобы при этомъ было два архіерея, которые должны были бы знать о существованіи этого конверта, дабы, въ случаѣ моей смерти, воля Государя была исполнена. Государь на это согласился. Я также считалъ нужнымъ, чтобы кто либо изъ довѣренныхъ Государя свѣтскаго званія лицъ былъ также объ этомъ предувѣдомленъ. На это Государь сказалъ, что объ этомъ будетъ предувѣдомленъ имъ самимъ генералъ-губернаторъ Московскій князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ.

На поляхъ написано карандашомъ: «Lisez et corrigez et gardez chez vous jusqu'à notre entrevue. 24 Декабря 1867» *).

II.

Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, обращаясь къ барону Модесту Андреевичу Корфу, сказалъ: «Когда мой отецъ вступилъ на престолъ, мнѣ было семь лѣтъ. Я кое-что помню самъ объ этой эпохѣ, слышалъ также и разсказы о ней; но вы бы меня весьма одолжили, описавъ для меня вступленіе на престолъ моего отца».

---

*) „Прочитайте и поправьте и берегите у себя до нашего свиданія“. Написано вскорѣ по кончинѣ митрополита Филарета († 19 Ноября 1867).

Баронъ Модестъ Андреевичъ исполнилъ волю Наслѣдника, который сказалъ Государю: «Я читалъ сегодня описаніе восшествія вашего на престолъ, составленное по моей просьбѣ Корфомъ». Государь пожелалъ имѣть это описаніе. Корфъ напечаталъ его въ числѣ 25-ти экземпляровъ. На экземплярѣ, который былъ представленъ Государю, было сдѣлано Его Императорскимъ Величествомъ нѣсколько краткихъ замѣчаній. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ описывалось приведеніе къ присягѣ жителей Москвы Государь изволилъ написать: «Не могу себѣ объяснить, почему митрополитъ Филаретъ, которому извѣстно было содержаніе духовнаго завѣщанія императора Александра, не распечаталъ и не объявилъ онаго».

Господинъ N. N., будучи въ Москвѣ, сообщилъ объ этомъ Филарету. Митрополитъ выслушалъ это съ нѣкоторымъ прискорбіемъ. Тогда господинъ N.N. замѣтилъ ему, что онъ могъ бы на это дать какое нибудь объясненіе. «Какое же я дамъ объясненіе, сказалъ митрополитъ, не видавши замѣтки Государя? Господинъ N.N. отвѣчалъ ему, что экземпляръ съ примѣчаніями Государя возвращенъ Наслѣднику и что митрополитъ могъ бы черезъ кого нибудь изъ знакомыхъ ему лицъ изъ числа приближенныхъ къ Наслѣднику, наприм. чрезъ гофмаршала Василія Дмитріевича Олсуфьева, испросить этотъ экземпляръ для прочтенія. Митрополитъ послѣдовалъ этому совѣту и написалъ къ Олсуфьеву. Черезъ нѣсколько времени получивъ экземпляръ этотъ, митрополитъ написалъ Государю письмо относительно сдѣланной Его Величествомъ замѣтки, объяснивъ подробно свои дѣйствія.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА КЪ ТЕЩѢ ЕГО Н. И. ГОНЧАРОВОЙ.

Милостивая государыня матушка Наталья Ивановна!

Какъ я жалѣю, что на пути моемъ изъ Петербурга не заѣхалъ я въ Ярополецъ; я бы имѣлъ и щастіе съ вами свидѣться, и сократилъ бы нѣсколькими верстами дорогу, и миновалъ бы Москву, которую не очень люблю, и въ которой провелъ нѣсколько лишнихъ часовъ. Теперь я въ Заводахъ, гдѣ нашелъ всѣхъ моихъ, кромѣ Саши [1]), здоровыхъ; я оставлю ихъ еще на нѣсколько недѣль и ѣду по дѣламъ отца [2]) въ его Нижегородскую деревню [3]), а жену отправляю къ вамъ, куда и самъ явлюсь какъ можно скорѣе. Жена хандритъ, что не съ вами проведетъ день вашихъ общихъ имянинъ. Какъ быть! И мнѣ жаль, да дѣлать нечего. Покамѣстъ, поздравляю васъ со днемъ 26 Августа и сердечно благодарю васъ за 27-ое [4]). Жена моя прелесть и чѣмъ долѣ я съ ней живу, тѣмъ болѣе люблю это милое, чистое, доброе созданіе, котораго я ничѣмъ не заслужилъ передъ Богомъ. Въ Петербургѣ видался я часто съ братомъ Ив. Ник., а Серг. Ник. и жилъ у меня почти до моего отъѣзда. Онъ теперь въ хлопотахъ обзаведенія. Оба, слава Богу, здоровы. Цѣлую ручки ваши и поручаю себя и всю семью мою вашему благорасположенію. А. Пушкинъ.

Это письмо любезно сообщено въ „Русскій Архивъ“ Петромъ Ивановичемъ Щукинымъ, изъ собранія автографовъ, хранящихся въ его прекрасномъ Музеѣ. На письмѣ не означено времени. Оно относится несомнѣнно къ концу Августа мѣсяца 1834 года и писано изъ имѣнія Гончаровыхъ, Полотняныхъ Заводовъ, гдѣ проводила лѣто супруга Пушкина съ двумя дѣтьми (Марьею и Александромъ) у брата своего Дмитрія Николаевича. Пушкинъ, жившій до того въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ безвыѣздно въ Петербургѣ, уѣхалъ къ ней туда по отпечатаніи „Исторіи Пугачовскаго бунта“ и за тѣмъ отправился одинъ въ Нижегородскую деревню своего отца Болдино. Наталья Николаевна привезла это письмо къ матери своей, проживавшей въ помѣстьи своемъ Ярепольцѣ, Волоколамскаго уѣзда. Отношенія Пушкина къ его тещѣ выясняются изъ другихъ писемъ его къ ней, въ VII-мъ томѣ его сочиненій, изд. П. О. Морозова, Спб. 1887. П. Б.

---

[1]) Это старшій сынъ поэта, Александръ Александровичъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ и почетный опекунъ. П. Б.

[2]) Сергѣй Львовичъ Пушкинъ въ это время предоставилъ сыну своему имѣнія свои въ управленіе и распоряженіе. П. Б.

[3]) Село Болдино, нынѣ принадлежащее внуку Сергѣя Львовича, Анатолію Львовичу Пушкину. П. Б.

[4]) Наталья Николаевна Пушкина родилась 27 Августа 1812 года, на другой день послѣ Бородинскаго сраженія. П. Б.

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ.

Записочка въ стихахъ.

По волѣ вашей къ вамъ
Мы будемъ завтра кушать;
Но больно какъ ушамъ
Французски рѣчи слушать
Отъ толь почтенныхъ дамъ,
Прекрасныхъ разумомъ, душою.
Пора намъ жить собою,
Своимъ языкомъ говорить
И Русь любить.

Г. Де.

Печатается съ подлинника, хранящагося въ Москвѣ, въ Музеѣ П. И. Щукина. П. Б.

О ПИСЬМАХЪ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ ГРАФУ П. Д. КИСЕЛЕВУ.

Въ XII-й книжкѣ „Русской Старины" 1896 года отпечатано нѣсколько писемъ князя П. А. Вяземскаго къ (графу) П. Д. Киселеву; изъ нихъ первое отъ 22 Марта 1809 года, когда князю Вяземскому не было и 17 лѣтъ возраста, уже дышитъ веселостью и блещетъ остроуміемъ. Къ сожалѣнію, Французскій подлинникъ письма этого не изданъ. Киселевъ (на четыре года старше князя Вяземскаго), блестящій кавалергардъ-красавецъ, пріѣзжалъ въ Москву къ родителямъ послѣ участія своего въ послѣдней войнѣ съ Наполеономъ и бытности ординарцемъ при королевѣ Луизѣ, жившей передъ тѣмъ въ Петербургѣ. Для молодого князя Вяземскаго, Киселевъ, по своей даровитости и связямъ при дворѣ и въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, былъ сущимъ кладомъ. Князь велъ уже самостоятельную жизнь (отецъ его скончался въ Апрѣлѣ 1807 года) и жилъ въ своемъ прекрасномъ доселѣ существующемъ домѣ съ обширнымъ садомъ, близъ Волконки (нынѣ князей Долгорукихъ), низъ котораго занималъ исторіографъ Карамзинъ, а хозяйкою въ домѣ была его супруга Екатерина Андреевна. Семья Киселевыхъ

жила въ обширномъ тоже домѣ на Тверской (не рядомъ съ ген.-губернаторскимъ домомъ, какъ сказано въ книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго, а на углу Глинищенскаго переулка, нынѣ домъ Спиридонова). Плещеевъ, пораженный ударомъ въ домѣ князя Вяземскаго—конечно Алексѣй Александровичъ, мужъ той Настасьи Ивановны (ур. Протасовой), на сестрѣ которой женатъ былъ первымъ бракомъ Карамзинъ; а Нелединская—жена поэта Екатерина Николаевна (ур. Щепотьева). Наконецъ, князь Вяземскій говоритъ о несостоявшемся бракѣ нѣкоего Маслова на княжнѣ Гагариной. Черезъ два года онъ самъ на ней женился.

Слѣдующія семь писемъ уже всѣ на Русскомъ языкѣ. Изъ нихъ два относятся къ 1827 году, когда кн. Вяземскій, безъ службы, въ опалѣ и подозрѣніи у правительства, участвовалъ статьями въ „Московскомъ Телеграфѣ“; а Киселевъ, женившись на гр. Софьѣ Станиславовнѣ Потоцкой, служилъ на Югѣ начальникомъ штаба второй арміи. Въ первомъ изъ этихъ двухъ писемъ забавныя строки о буквѣ *Ѣ* и о поздней женитьбѣ А. С. Шишкова. Упоминаемый далѣе Мухановъ—Александръ Алексѣевичъ, братъ того, чей дневникъ появляется въ „Русскомъ Архивѣ“. „Цензура надоѣла (пишетъ князь Вяземскій, 11 Декабря 1827 года), при выраженіи мысли своей мыслишь еще о томъ, какъ истолкуется это слово, эта запятая, глупцами, которые не понимаютъ намѣреній правительства, а только что кричатъ караулъ и тащатъ на съѣзжую свою при каждомъ движеніи пера—дѣло скучное, досадное и вредное для крови. Авось перемѣнятъ глупыхъ цензоровъ въ умѣлыхъ, и тогда я охотно примусь за работу съ бо̀льшимъ усердіемъ. Надо же что нибудь дѣлать и прорѣзать нѣсколько слѣдовъ бытія своего на родной почвѣ. Мой нравственный плугъ - перо“.—„Наша полубоярская столица теперь просто полупустая. Бригадиры и осетры перевелись, народъ и рыба помелѣли“.

Прошло еще слишкомъ четверть вѣка, и остальныя письма, 50-хъ годовъ, уже совсѣмъ иныя. Князь пишетъ новому графу *вы*. Онъ управляющій Государственнымъ Заемнымъ Банкомъ и, вынужденный по болѣзни просрочить свой заграничный отпускъ, прибѣгаетъ къ покровительству Киселева, который въ большой силѣ при дворѣ. Къ чести Киселева надо сказать, что онъ не забылъ пріятеля своей молодости и ходатайствовалъ въ его пользу передъ Государемъ. П. Б.

М. Н. КАТКОВЪ.

Историческая поминка. *)

Въ истекшемъ 1887 году Русская печать понесла великую потерю въ лицѣ редактора-издателя «Московскихъ Вѣдомостей», временно поднявшаго эту газету на степень самаго вліятельнаго въ Россіи и одного изъ самыхъ крупныхъ политическихъ органовъ въ цѣлой Европѣ. Конечно еще не настало время начертать полную и безпристрастную историческую оцѣнку его общественной дѣятельности, съ объясненіемъ какъ личныхъ побужденій и общихъ условій, такъ и послѣдствій этой дѣятельности. Но для современника, довольно близко ее наблюдавшаго, всегда возможно подвести нѣкоторые итоги, что̀ мы и постараемся сдѣлать въ настоящемъ краткомъ очеркѣ.

Публицистическая дѣятельность покойнаго Михаила Никифоровича Каткова представляетъ наиболѣе полное отраженіе той эпохи, въ которую онъ дѣйствовалъ. Сначала, въ періодъ «Русскаго Вѣстника» и «Современной Лѣтописи» (1856—1862), она представляетъ увлеченіе политическими идеями и формами западно-европейскими, преимущественно Англійскими, т.-е. увлеченіе парламентаризмомъ, фритредерствомъ, судомъ присяжныхъ, habeas corpus'омъ и тому подобными благами, о которыхъ такъ много мечтали, говорили и писали въ началѣ царствованія Александра II-го. Въ нашей новѣйшей исторіи это было время обманчивыхъ надеждъ и заблужденій, но вмѣстѣ и время благотворнаго оживленія, свѣжей юношеской энергіи, съ неудержимою силой проявлявшейся въ немногочисленныхъ кружкахъ Русской интеллигенціи и въ нарождавшейся тогда Русской полити-

---

*) „Историческая поминка" Д. И. Иловайскаго была напечатана нами спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины М. Н. Каткова. Она написана подъ живыми еще впечатлѣніями его дѣятельности, съ цѣлью дать ей по возможности разностороннюю оцѣнку и установить историческую точку зрѣнія, посреди тѣхъ крайностей, въ которыя впадали съ одной стороны панегиристы, съ другой противники нашего знаменитаго публициста. Но по тогдашнимъ обстоятельствамъ статья эта въ свѣтъ не появилась. Въ настоящемъ году истекаетъ десятилѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ М. Н. Катковъ отошелъ въ вѣчность. Слѣдовательно дѣятельность его становится вполнѣ достояніемъ исторіи П. Б.

ческой печати. Подъ вліяніемъ этого радужнаго настроенія совершались и приготовлялись важнѣйшія реформы прошлаго царствованія. Вмѣстѣ съ работою надъ освобожденіемъ крестьянъ, поднимались на поверхность общества космополитическія идеи равенства и братства народовъ, состраданіе къ народностямъ павшимъ или порабощеннымъ, состраданіе, простиравшееся до забвенія собственныхъ интересовъ. Но вотъ на сцену является Польскій мятежъ, который наноситъ первый и весьма чувствительный ударъ нашему навѣянному извнѣ космополитизму и пробуждаетъ Русское патріотическое чувство.

Волею судебъ, въ это именно время Катковъ, вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ товарищемъ профессоромъ Леонтьевымъ, беретъ въ свои руки ежедневную газету «Московскія Вѣдомости»; начинается второй самый замѣчательный и наиболѣе обильный по своимъ послѣдствіямъ періодъ его дѣятельности (1863—1875). Быстро, почти безъ перехода, онъ выступаетъ энергическимъ борцомъ противъ незаконныхъ Польскихъ притязаній за угнетенную въ Западномъ краѣ Русскую народность и за Русскую государственность. Всѣмъ еще памятно, какъ, поддержанный огромнымъ большинствомъ Русскаго общества, этотъ голосъ вдохнулъ вѣру и рѣшимость въ колеблющіяся Петербургскія сферы и взялъ верхъ надъ космополитическимъ вліяніемъ и малодушіемъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Эти лица успѣли было набросить тѣнь на образъ мыслей Каткова и подвергнуть его дѣятельность кратковременному запрещенію (1866 г.); но, благодаря главнымъ образомъ оберъ-прокурору Св. Синода, графу Д. А. Толстому, назначенному тогда министромъ народнаго просвѣщенія, публицистическая дѣятельность Каткова и Леонтьева не только возобновилась, но и пріобрѣла въ скоромъ времени вліятельное въ правительственныхъ сферахъ значеніе. Непосредственныя связи съ этими сферами теперь постепенно возрастали, по мѣрѣ того какъ высокодаровитый публицистъ все болѣе и болѣе отрѣшался отъ своего прежняго поклоненія Англійскимъ политическимъ учрежденіямъ и выступалъ горячимъ защитникомъ самодержавнаго отечественнаго строя. Однако его патріотическія усилія по вопросу обрусѣнія Западной окраины, выдвинутому на очередь бывшимъ Польскимъ мятежомъ, и борьба по сему поводу со вновь возобладавшими въ Петербургѣ анти-русскими теченіями, нельзя сказать, чтобы были успѣшны. За то вліятельное значеніе «Московскихъ Вѣдомостей» въ этотъ періодъ особенно наглядно сказалось въ вопросѣ о реформѣ средне-учебнаго образованія.

Помянутое выше космополитическое направленіе и увлеченіе западно-европейскими идеями способствовали насажденію на Русской почвѣ самыхъ крайнихъ теорій соціализма и коммунизма; легкомысленная часть молодежи начала усердно заниматься вопросами о пере

устройствѣ общества на началахъ анти-государственныхъ. Плоды этого крайняго направленія не замедлили выразиться въ нѣкоторыхъ анархическихъ движеніяхъ, приведшихъ къ покушенію 4 Апрѣля 1866 года. Какъ и Польскій мятежъ, подобныя движенія на многихъ произвели отрезвляющее дѣйствіе и способствовали реакціи общественнаго настроенія въ пользу консервативныхъ началъ. Во главѣ такого консервативнаго теченія стали «Московскія Вѣдомости». По своему высшему образованію, будучи спеціалистами-филологами, редакторы-издатели этой газеты ловко воспользовались обстоятельствами для проведенія своей завѣтной идеи о господствѣ древнихъ языковъ въ системѣ нашего школьнаго образованія. Съ неослабною энергіей и замѣчательнымъ постоянствомъ они повели атаку на межеумочную учебную систему, водворившуюся у насъ въ теченіе 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Вліяніемъ этой системы они объясняли теперь почти всѣ анормальныя явленія въ сферѣ учащейся молодежи и только строгую классическую школу изображали спасеніемъ отъ всѣхъ золъ съ этой стороны. Благодаря отчасти такой многообѣщавшей проповѣди, отчасти дѣятельному содѣйствію министра народнаго просвѣщенія графа Толстаго, усилія Московскихъ публицистовъ увѣнчались успѣхомъ: въ началѣ 70-хъ годовъ древніе языки получили полное преобладаніе въ нашихъ гимназіяхъ. Вскорѣ затѣмъ вѣрный сотрудникъ Каткова П. М. Леонтьевъ сошелъ въ могилу; наступилъ третій періодъ его публицистической и при томъ уже одиночной дѣятельности (1875—1887).

Этотъ послѣдній періодъ совпалъ съ новымъ появленіемъ Восточнаго вопроса на исторической аренѣ и съ нашею самоотверженною освободительною борьбою на Балканскомъ полуостровѣ. Предыдущая пропаганда классической школы, нечуждая многихъ натяжекъ и противорѣчій, а главное, школа эта, сама по себѣ въ высшей степени полезная и даже необходимая, но взятая слишкомъ съ формальной, трудной ея стороны и водворяемая не всегда симпатичными для Русскаго характера пріемами, сдѣлали издателя «Московскихъ Вѣдомостей» на нѣкоторое время лицомъ довольно непопулярнымъ. Новая Русско-Турецкая война дала ему случай выступить краснорѣчивымъ бойцомъ за освобожденіе Балканскихъ Славянъ и попасть въ тонъ возобладавшаго тогда у насъ патріотическаго настроенія. Въ это время «Московскія Вѣдомости» довольно вѣрно отражали разныя перипетіи, которыя испытывало Русское чувство: сангвиническія надежды, скорби о неудачахъ, побѣдное торжество и, наконецъ, горькое разочарованіе въ эпоху Берлинскаго конгресса. Одновременно съ этою войной возобновились анархическія движенія среди учащейся моло-

дежи; а по окончаніи ея открылся рядъ преступныхъ покушеній, завершившихся гнуснымъ дѣяніемъ 1 Марта. Тутъ ясно обнаружилось, какъ неосторожно было со стороны талантливаго Московскаго публициста связывать среднюю школу непосредственно съ политикой и, ради достиженія благой цѣли, давать обѣщанія, весьма рискованныя. Искусный публицистъ однако нашелся. Онъ ловко набросилъ тѣнь на такъ-называемую диктатуру сердца, съ ея мнимо-умиротворяющими мѣрами и незрѣлыми сужденіями о правовомъ порядкѣ. Въ тоже время онъ повелъ усиленную атаку на университетскій уставъ 1863 года и въ немъ указывалъ главный источникъ ненормальнаго развитія молодежи. Уставъ этотъ и безъ того успѣлъ обнаружить многія слабыя свои стороны; въ особенности самоуправленіе или собственно самопополненіе профессорской корпораціи не только не дало блестящихъ результатовъ, напротивъ, выдвинуло на профессорскую каѳедру немалое количество дѣятелей лжелиберальнаго и анти-національнаго направленія съ ихъ несомнѣнно-вреднымъ вліяніемъ на учащуюся молодежъ. А потому послѣдняя университетская реформа не встрѣтила особыхъ препятствій, хотя практичною и цѣлесообразною ее назвать нельзя. Но едва она совершилась, какъ новое гнусное покушеніе 1 Марта 1887 года вновь и ясно доказало, что есть какія-то подземныя силы, независимыя ни отъ какихъ уставовъ и ни отъ какой учебной системы, а равно неимѣющія связи и съ умиротворительными тенденціями. Если съ этой стороны обѣщанія, данныя Катковымъ, и надежды, имъ возбужденныя, не осуществились, за то въ теченіе третьяго періода своей дѣятельности онъ все болѣе и болѣе возбуждалъ сочувствіе общества своею горячею борьбою за Русскіе интересы на поприщѣ экономическомъ и политическомъ, ратуя въ особенности противъ вреднаго фритредерства, за покровительство народному труду, а также за полную нашу независимость или за чисто-Русское направленіе во внѣшней политикѣ. Въ тотъ же періодъ по отношенію къ нѣкоторымъ реформамъ предыдущаго царствованія онъ является діаметрально-противоположнаго направленія съ собственною дѣятельностью въ первомъ періодѣ и съ особою ядовитостью нападаетъ на наше преобразованное судопроизводство. Но такъ какъ общество Русское успѣло уже порядномъ разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ отъ земскаго и городскаго самоуправленія и отъ суда присяжныхъ, то отрицанія Каткова и съ этой стороны во многихъ находили себѣ сочувствіе.

Очертивъ въ кратцѣ постепенное и широкое развитіе публицистической дѣятельности Каткова, остановимся теперь на ея отношеніи къ наиболѣе важнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики и постараемся указать какъ на его многія и важныя заслуги, такъ и на

его нѣкоторые немаловажные промахи, имѣвшіе неблагопріятныя послѣдствія.

Первая по времени и очень важная заслуга—это энергическая борьба съ Польскими притязаніями на Западную Россію. Этимъ притязаніямъ давался съ его стороны постоянно сильный отпоръ, и, если въ дѣлѣ обрусѣнія административныя мѣры не всегда прилагались съ должною послѣдовательностью, за то Русское общественное мнѣніе, благодаря Московской публицистикѣ, усвоило о семъ предметѣ ясное и здравое понятіе, которое заступило мѣсто прежняго лжелиберальнаго тумана. Съ вопросомъ о Западной Руси сами собой связались вопросы, касающіеся обрусѣнія нашихъ западныхъ окраинъ вообще. И тутъ дѣятельность Каткова всегда и до конца имѣла въ высшей степени патріотическое, строго-національное направленіе, не смотря на всѣ неблагопріятныя для него вліянія. Онъ смѣло и рѣшительно боролся съ высокомѣрными притязаніями Нѣмецкаго элемента въ Балтійскихъ провинціяхъ, неуклонно указывая на прекращеніе его незаконнаго господства и на введеніе тамъ Русскаго языка, какъ на дѣло государственной необходимости. Онъ также рѣшительно нападалъ при случаѣ на искусственно, безъ всякой особой нужды, созданное отчужденіе отъ насъ Финляндіи, которая съ ея анти-русскимъ устройствомъ и анти-русскими привилегіями находится въ слишкомъ явномъ противорѣчіи съ нашимъ государственнымъ строемъ.

И Балтійскія, и Финляндскія привилегіи существуютъ до сихъ поръ; но важно то, что Русское общественное мнѣніе смотритъ на нихъ какъ на явленія анормальныя съ государственной точки зрѣнія и цѣнитъ по достоинству ихъ сепаратическія стремленія. Въ этомъ отношеніи большая доля заслуги принадлежитъ именно Каткову. Съ тою же энергіей и рѣшительностью онъ никогда не переставалъ громить и сепаратическія тенденціи украйнофиловъ, указывая на ихъ родство съ Польской интригой и преслѣдуя ихъ домогательства ввести въ школу областное нарѣчіе вмѣсто обще-русскаго языка.

Извѣстно, что консервативное направленіе, какъ и обрусѣніе западныхъ окраинъ, постоянно встрѣчали противодѣйствіе со стороны той части Русской печати, которая называла себя либеральною. Катковъ вѣрно и мѣтко указалъ, что эта печать только прикрывается либеральною маскою, что ея сущность представляетъ направленіе анти-національное, главная ея задача это отстаиваніе инородческихъ или иноземныхъ интересовъ въ подрывъ интересамъ Русскимъ.

Тѣмъ ярче бросалось въ глаза его отступленіе отъ строгаго національнаго направленія по отношенію къ вопросу Еврейскому. Повидимому онъ не понималъ или не желалъ понять всей важности для

насъ этого вопроса, при огромной массѣ Еврейскаго населенія въ Россіи и при его страшной эксплуататорской силѣ. Онъ горячо отстаивалъ Западную Россію отъ полонизма, но не хотѣлъ войти въ ея безвыходное положеніе отъ экономическаго бича, болѣе ужаснаго чѣмъ полонизмъ, т.-е. отъ еврейства. Онъ равнодушно смотрѣлъ на то, какъ эта туча надвигалась съ Запада на центръ и на Востокъ Россіи, угрожая нашему отечеству въ будущемъ участью Рѣчи Посполитой. Его слишкомъ пріязненныя отношенія или, точнѣе сказать, связи съ извѣстными крупными представителями Еврейской эксплоатаціи и явная поблажка широкой Еврейской колонизаціи по лицу Россіи приводили въ недоумѣніе многихъ почитателей его національнаго и православнаго направленія. Правда, въ своей газетѣ онъ обыкновенно не выступалъ усердно и послѣдовательно въ защиту этой колонизаціи и эксплуатаціи; но тамъ, гдѣ нельзя было пройти молчаніемъ какихъ-либо рѣзкихъ фактовъ, его газета брала фальшивыя ноты. Такъ, напримѣръ, случились извѣстные Еврейскіе погромы въ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ краяхъ и даже въ Поволжьѣ; несомнѣнная истинна, что подобные погромы являются какъ нелегальный протестъ темной стихійной массы противъ безпощадной экономической эксплоатаціи со стороны Евреевъ. Одна газета Каткова рѣшалась толковать эти факты агитаціей анархистовъ и соціалистовъ и тѣмъ парализовать вліяніе истинной точки зрѣнія на мѣры, которыя могли бы предупредить повтореніе и распространеніе такихъ печальныхъ для нашаго вѣка явленій. А въ ряду этихъ мѣръ первую и необходимѣйшую конечно представляетъ положеніе предѣла дальнѣйшему и повсемѣстному разливу еврейства. Русскій народъ извѣстенъ своимъ гостепріимствомъ, но нельзя же простирать его до самоотрицанія или самоуничтоженія. Если являются такіе гости, которые неуклонно завладѣваютъ домами хозяевъ и самихъ ихъ постепенно обращаютъ въ своихъ батраковъ, то простительно запирать двери предъ подобными гостями. Что это не фраза, а буквальная дѣйствительность, кромѣ Западной Россіи, съ особою наглядностью убѣждаетъ насъ примѣръ Русскаго населенія Галиціи, гдѣ существуетъ такъ называемая Еврейская равноправность. Нѣмецко-мадьярскому правительству Австрійской имперіи не только не жаль Русскаго населенія, но, можетъ быть, желательны даже его обнищаніе и обезличеніе. Совсѣмъ обратное отношеніе къ этому вопросу должно быть въ имперіи Русской.

Отъ Польскихъ притязаній и вообще инородческихъ отношеній на западныхъ окраинахъ перейдемъ ко второй важнѣйшей заслугѣ покойнаго публициста: къ водворенію въ Россіи классической или обще-европейской школы.

Полагаю, всѣмъ извѣстно, какъ вредно отозвался на Русскомъ общественномъ образованіи совершившійся въ концѣ сороковыхъ годовъ разгромъ Уваровской умѣренно-классической системы въ нашихъ гимназіяхъ. Этотъ разгромъ произведенъ былъ подъ впечатлѣніемъ западно-европейскихъ революціонныхъ движеній, не совсѣмъ справедливо приводимыхъ тогда Петербургскими консерваторами въ связь съ классической школой. Едва начавшійся и еще блѣдный разцвѣтъ нашего средняго, а вслѣдъ за нимъ и высшаго образованія былъ безжалостно принесенъ въ жертву ложнымъ взглядамъ на дѣло и замѣненъ какою-то смѣшанною системою, въ которой дано было мѣсто и языкамъ, и естественнымъ, и другимъ наукамъ—всего понемногу. Катковъ и его сотрудникъ Леонтьевъ съ страстной энергіей и замѣчательной силой слóва напали на это такъ-называемое реальное направленіе. Но оно нашло себѣ многочисленныхъ и усердныхъ защитниковъ, такъ что борьба въ печати шла долгая и упорная. Трудно сказать, какой былъ бы ея практическій исходъ, еслибы на министерскомъ посту не явился тогда графъ Д. А. Толстой, какъ извѣстно, товарищъ П. М. Леонтьева по воспитанію. Онъ рѣшительно принялъ сторону классической системы и провелъ ее въ жизнь, такъ что заслуга эта принадлежитъ ему, можетъ быть, въ бóльшей степени, чѣмъ нашимъ Московскимъ публицистамъ. Къ сожалѣнію, сіи послѣдніе, ради скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, повторили ошибку тѣхъ недальновидныхъ консерваторовъ, о которыхъ сказано выше, т. е. вопросъ о классической школѣ слишкомъ близко связали съ политикой, и какъ предшественники ихъ усмотрѣли въ ней источникъ революціоннаго яда, такъ они, въ свою очередь, выставили эту школу самымъ надежнымъ противоядіемъ. До нѣкоторой степени они были бы правы, еслибы дѣло шло о постепенномъ привитіи и приспособленіи данной школы къ Русской жизни и продолжительномъ ея воздѣйствіи на эту жизнь. Но требовать быстрыхъ и частью несимпатичныхъ мѣръ для немедленнаго и полнаго водворенія классической системы и обѣщать десятилѣтній срокъ для отрезвленія молодежи и прекращенія анархическихъ движеній—по меньшей мѣрѣ было рисковано; ибо неисполненіе обѣщаній грозило вызвать впослѣдствіи опасную реакцію противъ Европейской школы, чтò едва не случилось потомъ (при ближайшемъ преемникѣ графа Толстаго). Очевидно наши публицисты, увлекаясь доброю цѣлью, неясно понимали характеръ современной исторіи и тѣ сложныя причины, которыя вызывали анархическія явленія.

Когда же эти прискорбныя явленія не только не ослабѣли, а къ концу семидесятыхъ годовъ усилились, и когда послѣдовалъ цѣлый рядъ покушеній и убійствъ изъ-за угла, М. Н. Катковъ очутился, ко-

нечно, въ неловкомъ положеніи со своими неосторожно-данными обѣщаніями. Тогда пришлось прибѣгать къ разнымъ натяжкамъ и софизмамъ: вмѣсто простаго призыва къ водворенію разумной дисциплины среди учащейся Русской молодежи, началась безцѣльная и огульная травля этой молодежи, травля ни къ какому доброму результату не приведшая. Гнусное цареубійство все-таки совершилось. «Московскія Вѣдомости» ухватились за университетскій уставъ 1863 года и въ немъ отыскали причину золъ. Въ 1884 году они добились желательной для нихъ университетской реформы *). Отвѣтомъ на эту реформу послужило новое 1 Марта (1887), только по особой для Россіи благости Промысла неудавшееся. Новыя уловки, чтобы ослабить впечатлѣніе и спасти школьныя реформы. Прежде указывалось на то, что классическія гимназіи приготовляютъ хорошій матеріалъ, но университеты съ ихъ уставомъ 1863 года портятъ этотъ матеріалъ; теперь же, когда въ дѣло какъ нарочно замѣшались первокурсники, мы изъ заинтересованной сферы услышали такой доводъ, что именно сіи послѣдніе по своему легкомыслію могутъ поддаваться вліянію агитаторовъ, но что слушатели старшихъ курсовъ ведутъ себя гораздо солиднѣе. А для того чтобы еще вѣрнѣе спасти классическую школу отъ упрека въ неисполненныхъ обѣщаніяхъ, выдвинута на передній планъ мысль, и прежде высказываемая «Московскими Вѣдомостями», мысль о томъ, что къ высшему образованію слѣдуетъ допускать только достаточный классъ, какъ наиболѣе консервативный. (Ибо такъ водится въ Англіи;

*) Новая университетская реформа, какъ и гимназическая, совершилась въ смыслѣ подавляющаго господства классической филологіи надъ другими науками по отношенію къ словесному факультету, который главнымъ образомъ долженъ приготовлять гимназическихъ преподавателей по отдѣлу древнихъ языковъ, исторіи, географіи, Русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Но любопытно при этомъ слѣдующее: между тѣмъ какъ въ гимназіяхъ преподаватели древнихъ языковъ заняли слишкомъ привилегированное положеніе, въ университетахъ именно профессора филологическаго факультета, съ учрежденіемъ гонорара отъ слушателей и при неизбѣжной малочисленности сего факультета, поставлены въ жалкое отношеніе къ своимъ товарищамъ другихъ факультетовъ, всегда гораздо болѣе многочисленныхъ. Справедливость требовала общую сумму всего гонорара распредѣлить сообразно количеству часовъ и вообще профессорскаго труда, а не количеству обязательныхъ слушателей, нисколько независимому отъ профессорскаго краснорѣчія. Теперь стали обычными такіе вопіющіе факты: профессоръ любаго изъ трехъ другихъ факультетовъ получаетъ, напримѣръ, 3.500 рубл. гонорару, а его товарищъ-филологъ—35 рублей! Понятно, какія произойдутъ отъ сего невыгодныя для филологіи послѣдствія. Здѣсь наглядно сказываются неглубоко обдуманныя и несогласованныя съ Русскими условіями подражанія Нѣмецкимъ образцамъ.

но забывалось при семъ то обстоятельство, что въ Англіи другія соціальныя отношенія, другой государственный строй и что тамъ университетская жизнь развилась вдали отъ столицы или политическаго центра). А такъ какъ гимназія есть переходная ступень къ высшему образованію, то и выходитъ, что надобно затруднить доступъ въ нее бѣднымъ людямъ. До тѣхъ поръ всѣ думали, что Россія именно страдаетъ недостаткомъ людей съ высшимъ образованіемъ; теперь же вдругъ оказалось, что наоборотъ она страдаетъ излишкомъ этихъ людей. Такова сила софизмовъ. Таковы результаты, къ которымъ мы пришли вслѣдствіе первоначальной невѣрной постановки самого вопроса о классической школѣ.

Въ этой слишкомъ теоретической постановкѣ вопроса и въ дальнѣйшемъ его развитіи постоянно сказывался недостатокъ исторической подготовки и практической наблюдательности со стороны покойнаго публициста. А историческіе примѣры были у насъ подъ бокомъ. Германское юношество и при классической школѣ не избѣгло бурнаго періода съ революціонными попытками и политическими убійствами въ эпоху отъ Наполеоновскихъ войнъ до новѣйшаго времени. Отъ этого школа не подверглась тамъ частымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ, то въ ту, то въ другою сторону, и Нѣмецкое учебное вѣдомство не пришло къ такому выводу, что Германія страдаетъ отъ излишка солидно-образованныхъ людей. Но тамъ кромѣ древнихъ языковъ процвѣтало и преподаваніе другихъ важныхъ предметовъ; особенно процвѣтало тамъ историческое преподаваніе (начиная съ низшихъ школъ и кончая университетомъ); веденное въ патріотическомъ направленіи, оно подготовило чрезвычайный подъемъ національнаго самосознанія, ярко отражающійся въ политикѣ, въ литературѣ, въ искусствахъ, на театральной сценѣ и т. д. А когда явились талантливые государственные люди, воплотившіе въ себѣ такія возвышенныя патріотическія цѣли, какъ единство и величіе Германіи, то Нѣмецкая молодежь стала отличаться наилучшимъ духомъ въ государственномъ смыслѣ. Однако и при такихъ условіяхъ еще недавно нашлись изверги, покусившіеся на жизнь императора Вильгельма. Что касается до личной безопасности правителей, то никакіе уставы, никакія школы не могутъ представить надежнаго ручательства, когда дѣйствуютъ какія-либо темныя подземныя силы, преслѣдующія свои цѣли*).

*) И въ данномъ случаѣ, даже безъ прямыхъ документальныхъ открытій, однѣ внимательныя историческія наблюденія могли дать намъ ключъ къ нѣкоторому наведенію относительно подземныхъ силъ. Пользуемся случаемъ сообщить результаты собственныхъ наблюденій. Выстрѣлы Геделя и Нobи-

Самоотверженные, патріотичные государственные люди, искусная дѣятельная полиція, цѣлесообразныя предосторожности, мужественная

линга послѣдовали быстро одинъ за другимъ какъ разъ передъ открытіемъ Берлинскаго конгресса, на которомъ собирались парализовать плоды Русскихъ побѣдъ и Русской крови. Императоръ Вильгельмъ заявилъ себя недостаточнымъ противникомъ Россіи; кому-то понадобилось его устранить по крайней мѣрѣ отъ непосредственнаго вліянія на конгрессъ, и онъ дѣйствительно былъ устраненъ. Слѣдовательно причины выстрѣловъ имѣли отношеніе къ Восточному вопросу. Абдулъ-Азисъ былъ сверженъ и убитъ въ то время (весна 1876 года), когда Восточный вопросъ снова выступилъ на сцену и когда султанъ склонялся на сторону болѣе Русскаго, чѣмъ Англійскаго вліянія. Выстрѣлы Каракозова и Березовскаго произошли во время энергическаго наступательнаго движенія нашего въ Средней Азіи. Затѣмъ рядъ нелѣпыхъ демонстрацій и гнусныхъ покушеній у насъ совпадаетъ съ тою же эпохою возобновленія Восточнаго вопроса; а усилились онѣ особенно при натянутыхъ отношеніяхъ между Россіей и Англіей послѣ Берлинскаго конгресса и во время возобновленныхъ нами наступательныхъ дѣйствій въ Средней Азіи. Немедленно за взятіемъ Геокъ Тепе, когда можно было ожидать дальнѣйшихъ шаговъ въ томъ же направленіи, послѣдовало 1 Марта 1881. При новомъ фазисѣ Восточнаго вопроса (вслѣдствіе изгнанія Баттенберга) и во время новыхъ замѣшательствъ въ Афганистанѣ, которыми Россія легко могла воспользоваться, послѣдовало 1 Марта 1887 года. Предоставляю читателямъ выводить заключеніе о томъ, кто даетъ пріютъ всѣмъ врагамъ общественнаго порядка и кто могъ пользоваться ихъ связями съ существующими въ странѣ анархическими или анти-русскими горючими элементами, чтобы поджечь послѣдніе въ нужный для себя моментъ. Старая исторія, если вспомнимъ начало текущаго столѣтія, когда казацкіе полки отправлены были отыскивать сухопутную дорогу въ Индію. Недавно мнѣ пришлось случайно услыхать разсказъ одного почтеннаго Славянина изъ Австріи, что разъ въ 70-хъ годахъ проходилъ онъ съ кѣмъ-то по одному глухому переулку Вѣны. Тутъ спутникъ его указалъ на одинъ домъ и сообщилъ, что здѣсь сходятся нити разныхъ политическихъ махинацій противъ Россіи, и подъ покровительствомъ какого-то секретнаго бюро, па деньги, доставляемыя съ береговъ Темзы, выработываются агитаціонныя кампаніи для дѣйствій въ средѣ Русской учащейся молодежи. Понятно, что я повторяю только то, чтб слышалъ, а провѣрку предоставляю нашимъ дипломатическимъ агентамъ, столь склоннымъ къ пріятному far niente и легкой Французской causerie. Студенческіе безпорядки, происшедшіе въ Ноябрѣ и началѣ Декабря 1887 года, ясно показали свою связь съ заграничными политическими интригами противъ Россіи. Едва въ Нѣмецкой печати начались запугиванія якобы предстоящей Австро-Русской войною, какъ (для усиленія впечатлѣній) понадобилось кому-то грубое оскорбленіе двухъ студенческихъ инспекторовъ и, кромѣ того, безсмысленныя демонстраціи, поведшія къ временному закрытію Русскихъ университетовъ. А наивные люди, даже изъ профессорской среды,

рѣшимость и отсутствіе всякой поблажки для несомнѣнныхъ преступниковъ—вотъ тѣ средства, которыя только и могутъ принести пользу въ критическіе моменты, когда личная безопасность правителей подвергается испытанію. Безцѣльная, огульная травля молодежи только вносила обоюдное раздраженіе и сумятицу, и въ дѣйствительности никого и ничего не предохранила; мало того, происходившія вслѣдствіе жалкихъ студенческихъ движеній замѣшательства и отклоненіе отъ намѣченныхъ уже ближайшихъ задачъ національной политики служили подземнымъ силамъ поощреніемъ постоянно прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Эти именно чисто-политическія цѣли, а никакъ не разсчетъ на соціальные перевороты были тайными пружинами гнусныхъ покушеній, хотя исполнители ихъ едва ли знали, кому и чему въ сущности они служатъ орудіемъ. Вопросъ главнымъ образомъ шелъ не о сохраненіи существующаго государственнаго порядка, который не могла поколебать шайка тупоумныхъ недоучекъ, сама по себѣ ничтожная и заслуживающая полнаго презрѣнія; а вопросъ вращался около личной безопасности правителей, и вотъ куда должны были направляться цѣлесообразныя мѣры, каковыми мы отнюдь не считали новые школьные уставы и четверной за ними надзоръ (чиновниковъ, духовенства, дворянства и земства), учрежденіе новыхъ генералъ-губернаторовъ, дежурство дворниковъ и т. п. Редакція «Московскихъ Вѣдомостей» очевидно не постигала ясно различія этихъ вопросовъ. Съ ея стороны нѣсколько наивно было возлагать великія надежды на скорое отрезвленіе и патріотическій подъемъ духа въ нашей учащейся молодежи вслѣдствіе усиленныхъ ея занятій формальною или этимологическою стороной древнихъ языковъ подъ руководствомъ Славяно-австрійскихъ преподавателей, довольно чуждыхъ и Русскому патріотизму, и Русскому открытому, впечатлительному характеру, съ ихъ сухимъ и недостаточно теплымъ отношеніемъ къ нашимъ дѣтямъ. По нашему крайнему разумѣнію, едва ли настояла необходимость водворять классицизмъ не иначе какъ по Нѣмецкимъ источникамъ и въ подражательной Нѣмецкой формѣ, столь несимпатичной Русскому человѣку. Знаменитая Кіевская Академія и Московская Славяно-Греко-Латинская школа, а потомъ наши прежнія духовныя семинаріи и академіи черпали классицизмъ главнымъ образомъ не изъ Нѣмецкихъ источниковъ, и достигали блестящихъ результатовъ. *).

продолжали увѣрять, что тутъ нѣтъ якобы никакой иноземной политической подкладки.

*) Для меня лично вліяніе этой Нѣмецкой формальной стороны и малоразвитыхъ Австрійскихъ педагоговъ, теперь уже нерѣдко занимающихъ ди-

Недоброжелатели покойнаго публициста объясняли его привилегированное по отношенію къ цензурѣ положеніе и его вліятельное значеніе въ правительственныхъ сферахъ по преимуществу тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ изъ приверженца западноевропейскихъ формъ и учрежденій довольно скоро преобразился въ усерднаго сторонника существующаго отечественнаго строя и въ ревностнаго противника такъ-называемаго правоваго порядка. Это отчасти вѣрно. Но и многіе другіе писатели были извѣстны у насъ какъ поборники консервативныхъ началъ; однако никто изъ нихъ не достигъ такого значенія и вліянія: только сильный, убѣжденный талантъ М. Н. Каткова могъ явиться дѣйствительнымъ бойцомъ за нашу государственность въ эпоху великаго броженія умовъ и увлеченія иностранными политическими образцами. Поэтому его значеніе и вліяніе въ данномъ вопросѣ являются естественны и законны. А если онъ рано освободился отъ помянутаго увлеченія и не затруднился рѣзко перейти на правую сторону, тѣмъ болѣе чести его здравомыслію и мужественному характеру. Еще всѣмъ намъ памятно, какое обаяніе пріобрѣла у насъ на нѣкоторое время кличка либерала и сколько гражданскаго мужества надобно было имѣть тому, кто рѣшался идти противъ этого, хотя бы поверхностнаго и легкомысленнаго, но съ ногъ сбивающаго и умопомрачающаго теченія. Если въ настоящее время мы можемъ уже довольно спокойно, критически относиться къ сему явленію, то этимъ въ значительной степени обязаны именно необычайной и страстной энергіи, съ которою покойный громилъ нашу лже-либеральную печать. Особенную заслугу его въ этомъ отношеніи составляетъ постоянное,

---

ректорскія мѣста, наглядно сказывалось во время моихъ поѣздокъ по Россіи. Съ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, когда вновь введенная классическая система успѣла уже завладѣть нашими гимназіями, я замѣтилъ бросавшуюся въ глаза перемѣну въ общемъ типѣ и гимназическихъ преподавателей, и учащихся. Съ этого времени среди преподавательскаго состава я уже рѣдко находилъ прежнее радушіе, а равно какой-либо интересъ къ отечественной старинѣ и къ мѣстной исторіи. То и другое встрѣчалось болѣе въ средѣ педагоговъ реальныхъ и духовныхъ училищъ. На самихъ гимназическихъ воспитанникахъ, вмѣсто прежней живости и веселости, замѣчалась какая-то унылость или апатія. Я очень хорошо помню, что во время Уваровской классической системы, при суровой школьной дисциплинѣ Николаевской эпохи, далеко не было такого угнетеннаго настроенія и между дѣтьми, и между родителями, настроенія, которое не только не способствуетъ консервативному и патріотическому направленію, а на оборотъ подготовляетъ удобную почву для пропаганды анархизма и нигилизма, неразлучныхъ съ невѣжествомъ и грубостью нравовъ.

подтверждаемое фактами, указаніе на то, что наше лже-либеральное направленіе есть въ тоже время направленіе анти-національное, помогающее чуждымъ интересамъ противъ собственныхъ, чѣмъ оно и отличается отъ истиннаго, Европейскаго либерализма. Русскіе лже-либералы обыкновенно являлись отщепенцами тамъ, гдѣ дѣло шло о кровныхъ Русскихъ интересахъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что идея царской власти вошла въ кровь и плоть Русскаго народа и что сложившееся вѣками Русское самодержавіе покоится на прочныхъ началахъ, способныхъ выдержать всякія бури, даже временное отрицательное отношеніе къ нему самой власти, какъ это мы недавно видѣли на практикѣ. Какъ и 300 или 200 лѣтъ тому назадъ, Русскій народъ во всякое трудное для него время послѣ Бога возлагаетъ всѣ упованія на своего государя. Идея царя пользуется въ народныхъ представленіяхъ все тѣмъ же обаяніемъ. Необходимо однако прибавить, что въ наши времена всякихъ умственныхъ шатаній и злостныхъ агитацій, эта идея переживаетъ довольно трудную эпоху; нужна твердая и вмѣстѣ строго-національная, православная политика внѣ и внутри, чтобы охранять ее и укрѣплять; а для сего нужны чисто-Русскіе, патріотично-настроенные и даровитые государственные люди. Мы живемъ въ эпоху, когда гуманныя Европейскія понятія внесли свою смягчающую струю въ Русскія гражданскія отношенія стараго времени, т. е. когда на Руси настала такъ-называемая эпоха просвѣщеннаго абсолютизма. Но смягченный или просвѣщенный абсолютизмъ не долженъ означать ослабленіе или бездѣйствіе власти. Всѣмъ памятна горячая борьба М. Н. Каткова съ вліяніями парализующими и разслабляющими правительственныя сферы, его усилія вдохнуть въ дѣйствія власти бодрость, энергію и вѣру въ самоё себя, его призывъ къ порядку и возгласъ: «правительство идетъ!» и т. д.

Подобныя усилія въ значительной степени оправдывались теченіемъ нашей новѣйшей исторіи. Благія по своимъ цѣлямъ и въ высокой степени гуманныя реформы прошлаго царствованія, какъ показала ихъ практика, нерѣдко страдали излишнею подражательностію своимъ западнымъ образцамъ и были недостаточно согласованы съ условіями и потребностями Русской жизни. Задача власти состояла въ томъ, чтобы внимательно слѣдить за дѣйствіемъ преобразованныхъ учрежденій, исправлять всякую очевидную аномалію и развивать ихъ лучшія стороны, указанныя опытомъ.

Для примѣра возмемъ нашъ преобразованный уголовный процессъ или судъ присяжныхъ. Какъ ни много превосходитъ онъ прежній канцелярскій способъ съ его таинственностью, волокитой и при-

страстіемъ, но все же возлагавшіяся на присяжныхъ надежды далеко не исполнились. Столь часто являющіеся оправдательные приговоры для убійцъ, воровъ и мошенниковъ, показали, что задача огражденія общества отъ этихъ его враговъ находится въ рукахъ ненадежныхъ. Для тѣхъ, кто дорожитъ не отвлеченнымъ принципомъ суда присяжныхъ, а дѣломъ правосудія, ясно стало, что этотъ институтъ, не выросшій органически на нашей почвѣ, плохо къ намъ прививается. И Катковъ съ его жестокими нападками на чуждое нашей жизни учрежденіе естественно находилъ немало сочувствія въ средѣ честныхъ и здравомыслящихъ гражданъ. Жаль только, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ ограничивался одною отрицательною стороною, не давая себѣ труда выработать ясную, положительную программу. По моимъ личнымъ наблюденіямъ, главная причина зла заключается въ безотвѣтственности, которою обставлено новое судопроизводство и передъ правительствомъ, и передъ общественнымъ мнѣніемъ. Присяжные отвѣчаютъ только передъ своею совѣстью (гарантія недостаточная въ дѣлахъ общественныхъ), а роль коронныхъ судей въ сущности сводится къ тому, чтобы подводить статьи закона подъ обвинительные приговоры присяжныхъ или объявлять свободными оправданныхъ, хотя бы и несомнѣнныхъ, преступниковъ. Суть новаго улучшеннаго суда должна была заключаться въ гласномъ обвинительномъ процессѣ, и слѣдовало на первый періодъ ограничиться коронными судьями, которые были бы отвѣтственны за свои приговоры и передъ правительствомъ, и передъ общественнымъ мнѣніемъ. Тогда процентъ несправедливыхъ приговоровъ навѣрное былъ бы несравненно меньшій; они не подрывали бы уваженія къ суду и не служили бы поощреніемъ для убійцъ, воровъ и мошенниковъ.

При томъ разочарованіи, которое на ряду съ судомъ присяжныхъ постигло и вообще учрежденія, основанныя на принципѣ самоуправленія, каковы новыя городскія и земскія учрежденія, Катковъ къ концу своей дѣятельности находилъ все болѣе и болѣе людей, сочувствующихъ его подчасъ слишкомъ отрицательному отношенію къ нѣкоторымъ реформамъ прошлаго царствованія. Теперь не представляло уже особаго труда ратовать и вообще противъ сторонниковъ такъ называемаго «правового» или конституціоннаго порядка, когда въ самой Европѣ этотъ порядокъ оказался несостоятельнымъ въ борьбѣ съ антигосударственными явленіями и даже тамъ началъ терять свой прежній кредитъ. Но по сему поводу я позволю себѣ сдѣлать только одно замѣчаніе или собственно дополненіе. Защищая нашъ государственный строй вообще, покойный публицистъ въ тоже время неустанно и горячо боролся съ разными частными его проявленіями; выходило, что онъ съ одной стороны охраняетъ существующій порядокъ, а съ дру-

гой какъ бы постоянно его порицаетъ. Повидимому онъ и самъ не замѣчалъ такого противорѣчія въ своей публицистикѣ, и это противорѣчіе, нельзя сказать, чтобы было только кажущимся, Положимъ, онъ отстаивалъ общую государственную форму, но боролся съ разными правительственными лицами, неудовлетворительно исполнявшими свои задачи. Однако и ихъ дѣятельность нельзя разсматривать безъ связи съ общими принципами. Мнѣ кажется, что онъ уже слишкомъ сторонился отъ тѣхъ правительственныхъ пріемовъ, которые выработаны передовыми Европейскими націями и примѣненіе которыхъ у насъ нисколько не нарушаетъ основнаго принципа, т.-е. самодержавія, какъ не нарушили его и болѣе раннія заимствованія у Европы. Вмѣсто Московскихъ приказовъ и боярской думы Петръ учредилъ коллегіи и Правительствующій Сенатъ по иностраннымъ образцамъ; вмѣсто коллегій Александръ I-й устроилъ министерства, а высшее законодательное значеніе придалъ вновь учрежденному Государственному Совѣту. Всѣ эти учрежденія представляли несомнѣнные шаги впередъ при развитіи нашей государственной централизаціи въ Европейскомъ смыслѣ. Но уже давно чувствуются неудобства отъ недостатка болѣе тѣсной связи въ дѣйствіяхъ и направленіяхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. По моему крайнему разумѣнію, если Россія отъ чего наиболѣе страдаетъ, такъ именно отъ недостатка правильно распредѣленной отвѣтственности; то что мы выше говорили о судѣ присяжныхъ, распространяется и на другіе органы государственной жизни *). Въ данномъ

*) Для наглядности приведемъ слѣдующіе недавніе примѣры. Между тѣмъ какъ Германскій премьеръ одновременно повелъ противъ насъ наступленіе и въ сферѣ внѣшнихъ союзовъ, и на Берлинской биржѣ, и посредствомъ своихъ союзниковъ въ самой Россіи: въ отвѣтъ на это наступленіе съ нашей стороны мы доселѣ видѣли только одиночную борьбу финансоваго вѣдомства, тогда какъ вѣдомство дипломатическое (не говорю уже о другихъ вѣдомствахъ) продолжало держать себя пассивно и какъ бы въ сторонѣ. Понятно, что при такомъ разъединеніи мы всегда останемся въ проигрышѣ Извѣстно, что внѣшняя политика находится въ прямой зависимости отъ внутреннихъ отношеній. Далѣе, между тѣмъ какъ финансовое вѣдомство стремится къ покровительству Русской промышленности и урегулированію внутреннихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, артиллерійское, продолжая свои заграничные заказы, держитъ въ черномъ тѣлѣ отечественные заводы, а путей сообщенія оспариваетъ свои права на означенные тарифы. Наконецъ, не смотря на крайнюю нужду въ экономіи, всякое отдѣльное вѣдомство не желаетъ сообразоваться съ общегосударственными требованіями и попрежнему отстаиваетъ свои бюджетныя притязанія, свои сверхсмѣтные расходы. При такомъ порядкѣ вещей трудно разсчитывать на финансовое и экономическое процвѣтаніе внутри и успѣшную политику внѣ.

вопросѣ я касаюсь только общеевропейскаго правительственнаго пріема, независимаго отъ формы правленія (до того независимаго, что подобная организація встрѣчалась не только въ Европейскихъ абсолютныхъ монархіяхъ, но и въ восточныхъ деспотіяхъ; подходящіе примѣры находимъ и въ нашей исторіи XVIII столѣтія, въ лицѣ нѣкоторыхъ канцлеровъ и генералъ-прокуроровъ). Благодареніе Богу, у насъ нѣтъ высшихъ, парламентскихъ говорилень, по капризу которыхъ могли бы падать и безпрерывно мѣняться министерства; у насъ нѣтъ ни династическихъ, ни соціалдемократическихъ партій, и намъ не угрожаютъ съ этихъ сторонъ никакіе конфликты и компромиссы. У насъ всякое министерство пользуется и будетъ пользоваться какимъ-либо значеніемъ и прочностью постольку, поскольку сохраняетъ довѣріе Верховной власти и пока его сохраняетъ, не болѣе и не долѣе того; а между нашею доблестною арміей и ея Верховнымъ Вождемъ конечно немыслимо никакое посредство. Но опытъ ясно показываетъ, что внутренняя и внѣшняя политика все болѣе и болѣе усложняются, что вездѣ требуются крупные государственные таланты и что такимъ талантамъ трудно себя проявить.

Повторяю однако, что я ничего не совѣтую и ничего не предлагаю: я говорю только о томъ, къ чему, по моимъ наблюденіямъ, ведетъ насъ сама исторія. Въ послѣднее время—время разныхъ разочарованій—чаще и чаще раздаются голоса, призывающіе возвратиться къ порядкамъ Николаевской эпохи. Нѣтъ спора, что многое въ этой эпохѣ выигрываетъ при сравненіи съ нашимъ временемъ, и что въ особенности желательно было бы возстановить прежнюю государственную и общественную дисциплину; но ошибаются тѣ, которые думаютъ это сдѣлать старыми пріемами и способами. Они забываютъ напримѣръ, что Аракчеевщина привела къ 14 Декабря, а Николаевскій періодъ окончился Севастопольскимъ погромомъ, значительнымъ разстройствомъ государственнаго механизма, а главное антиправительственнымъ и антипатріотическимъ настроеніемъ интеллигентныхъ слоевъ (каковы бы ни были эти слои, не можетъ же государство въ наше время существовать безъ нихъ, или въ полномъ разрывѣ съ ними). Нельзя вездѣ и во всемъ общеевропейскіе пріемы замѣнять одними патріархальными отношеніями. Для наглядности приведу примѣръ изъ прошлой университетской жизни. Извѣстно, съ какимъ теплымъ чувствомъ Московскіе студенты сороковыхъ годовъ чтутъ память своего инспектора, Платона Степановича Нахимова; благодарныя воспоминанія и разсказы о немъ доселѣ встрѣчаются въ нашей литературѣ, съ явною заднею мыслью, что еслибы его преемники были таковы же, то, быть можетъ, не происходили бы и такъ называемыя студенческія исторіи, періодически повторяющіяся. Очевидное заблужденіе. Когда

студентъ попадался въ какой-нибудь обыкновенной житейской шалости или просто въ несоблюденіи формы, Платонъ Степановичъ добродушно журилъ его, грозилъ посадить въ карцеръ, говорилъ о томъ, какъ будетъ огорченъ графъ (С. Г. Строгановъ), если узнаетъ о поступкѣ студента, и т. д. Все это было конечно патріархально и трогательно; но что̀ сталъ бы дѣлать тотъ же Платонъ Степановичъ, когда легкомысленные юноши начали заниматься высшей политикой, переустройствомъ всего человѣческаго общества на новыхъ основаніяхъ, когда среди нихъ явились фанатики-агитаторы, пошла въ ходъ подпольная разрушительная работа съ тайными типографскими станками и динамитными аппаратами? Что̀ же значили бы тогда угрозы посадить въ карцеръ и даже жалкія слова о томъ, что онъ самъ, т.-е. Платонъ Степановичъ, за студенческіе проступки можетъ угодить въ Сибирь? Нѣтъ, тутъ уже требовались другіе люди. Конечно, первыми необходимыми условіями для нихъ должны быть патріотическое настроеніе, любовь къ молодежи и честный, благородный характеръ (ибо молодежь прежде всего чувствительна къ характеру). Затѣмъ, необходимо, чтобы эти люди сами прошли высшее образованіе, чтобы они при случаѣ способны были сказать мѣткое слово о высокомъ значеніи общественнаго порядка, о необходимости государственной и общественной дисциплины, о неразрывныхъ связяхъ Русскаго народа съ своимъ государемъ, о томъ, что наука сама по себѣ представляетъ благородную и высокую задачу для юношества, но наука, не затемненная антиправительственными или антинаціональными бреднями, и т. п. Злостныхъ агитаторовъ такія истины не образумятъ, но на массу молодежи они всегда произведутъ благое дѣйствіе. Разумѣется, слова словами, а на исполненіи законныхъ требованій всегда и неукоснительно должно настаивать и пріучать молодежь къ уваженію передъ закономъ. И такъ, другое время требуетъ иныхъ людей или, точнѣе сказать, иныхъ пріемовъ. Слѣдовательно нецѣлесообразно было бы въ наше время, безъ тщательнаго разбора, выдвигать патріархальные порядки Николаевской эпохи и возлагать на нихъ особыя надежды.

Объ отношеніяхъ этой прошлой эпохи къ потребностямъ современнымъ отчасти или не додумался или не досказался покойный М. Н. Катковъ; во всякомъ случаѣ онъ смотрѣлъ на Русскій государственный строй и его настоящее положеніе проще и практичнѣе, чѣмъ Славянофильская школа, которая постоянно носилась съ такимъ анахронизмомъ, какъ земскій соборъ Московскаго періода. Въ царствованіе Николая I-го министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Уваровымъ указано было на три столба Русской государственной жизни: *православіе*, *самодержавіе*, *народность*; но именно Нѣмецко-протестантскій элементъ, принимавшій слишкомъ близкое участіе въ нашей вну-

тренней и внѣшней политикѣ, не совсѣмъ гармонировалъ съ означенными тремя столбами. Для примѣра напомнимъ предписанную, въ угоду Нѣмецкимъ баронамъ, остановку крестьянскаго движенія въ Православіе въ нашихъ Балтійскихъ провинціяхъ, Нѣмца-протестанта Нессельроде, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, обязаннаго наблюдать интересы Православія на Востокѣ, а также и гусарскаго полковника графа Протасова, въ качествѣ оберъ-прокурора Св. Синода, едва ли отличившагося заботами о достоинствѣ и преуспѣніи православной церкви внутри Имперіи.

Обратимся къ заслугамъ Каткова относительно Русской промышленности. Кто изъ насъ въ молодости не былъ фритредеромъ подъ вліяніемъ свирѣпствовавшей тогда политико-экономической школы съ Семъ, Шевалье, Бастіа, Рошеромъ и т. п. писателями во главѣ? Я помню, что по выходѣ изъ университета только историческія занятія и собственныя наблюденія помогли мнѣ отдѣлаться отъ этого антиисторическаго направленія. Только впослѣдствіи я пришелъ къ тому простому выводу, что для такихъ высокоразвитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ, каковы Англія, Бельгія, Франція и отчасти Германія, фритредерское ученіе очень выгодно; но оно можетъ только гибельно дѣйствовать на нашу еще малоразвитую промышленность. И дѣйствительно, трудно вычислить теперь, во сколько милліардовъ рублей убытку обошлись намъ университетскіе профессора политической экономіи и послѣдователи quasi-экономическихъ теорій, стоявшіе во главѣ финансоваго вѣдомства. Стóитъ вспомнить безпримѣрный въ Европѣ фактъ, какъ построеніе желѣзнодорожной сѣти почти въ 20,000 верстъ не только не подняло Русскаго желѣзнаго производства, а почти убило его. Катковъ въ свое время не избѣжалъ этого вредоноснаго теченія. Мы еще живо помнимъ, какъ въ началѣ 60-хъ годовъ онъ носился съ Бельгійскимъ экономистомъ Густавомъ де-Молинари, однимъ изъ фритредерскихъ болтуновъ, и выписывалъ его въ Москву для поученія нашей публики посредствомъ публичныхъ лекцій. Впослѣдствіи онъ совершенно освободился отъ фритредерства и явился самымъ усерднымъ защитникомъ покровительственной системы; но тутъ ясно сказалось, какъ легко было уничтожить покровительство и какъ трудно его возстановить: ибо пришлось бороться не только съ остатками ложнаго внутренняго направленія въ видѣ нѣкоторыхъ quasi-экономистовъ и инороднических публицистовъ, но главнымъ образомъ съ иностраннымъ, преимущественно Германскимъ, вліяніемъ, которое ни за что не хотѣло отказаться отъ своихъ эксплуататорскихъ тенденцій по отношенію къ Россіи и умѣло находить себѣ поддержку въ самыхъ правительственныхъ сферахъ, однихъ склоняя на свою сторону, другихъ пугая боевыми пошлинами на нашъ хлѣбъ и тому по-

добными репрессаліями. Кое-что однако удалось сдѣлать на этомъ поприщѣ публицистамъ патріотическаго направленія, особенно въ послѣднюю эпоху. На ряду съ покровительствомъ народному труду посредствомъ пограничныхъ таможенныхъ пошлинъ, Катковъ боролся противъ безобразнаго желѣзнодорожнаго хозяйничанья и внутреннихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, которые подъ Нѣмецкимъ вліяніемъ обратились противъ Русской торговли и промышленности. Также усердно боролся онъ и противъ крайне-разорительныхъ внѣшнихъ займовъ; но эта борьба сопровождалась еще меньшимъ успѣхомъ вслѣдствіе того же Германскаго вліянія, которому такъ выгодно было усиливать нашу задолженность и финансовую зависимость отъ Нѣмецко-жидовскихъ банкировъ Берлина.

Всѣмъ памятно и постоянное горячее ратоборство М. Н. Каткова въ 50-хъ и 60-хъ годахъ за ускореніе построенія желѣзнодорожной сѣти вообще, начиная съ важнѣйшей Кіевской линіи. А въ 70-хъ годахъ онъ съ особою энергіей развивалъ необходимость линіи Сибирской и стоялъ за наиболѣе прямое и полезное ея направленіе отъ Нижняго-Новгорода на Казань и Пермь. (Извѣстно, что это направленіе хотя и было утверждено, однако къ сожалѣнію подверглось потомъ отмѣнѣ). Напомнимъ еще недавнюю и немаловажную для государственныхъ финансовъ заслугу по вопросу о нормировкѣ сахара.

По отношенію къ нашему финансовому положенію, любопытно слѣдующее обстоятельство. Когда Катковъ держался фритредерскихъ убѣжденій, онъ вѣрно смотрѣлъ на избытокъ у насъ бумажныхъ денегъ и, помнится, удачно острилъ по поводу слуха объ учрежденіи по сему случаю особой коммиссіи; чтобы прочесть напечатанную на кредитныхъ билетахъ фразу о немедленномъ размѣнѣ ихъ на золото по предъявленіи, для этого не стоитъ учреждать особую коммиссію, писалъ онъ въ то время. А впослѣдствіи, когда онъ сталъ ратовать за покровительство Русской промышленности, то, подъ какими-то вліяніями, измѣнилъ свой взглядъ на бумажныя деньги и сталъ проповѣдывать странную теорію о невредѣ какого бы то ни было ихъ избытка. Такимъ образомъ онъ какъ бы не понималъ связи чрезмѣрныхъ бумажныхъ выпусковъ съ финансовою распущенностью и проистекавшимъ отсюда разстройствомъ нашей денежной системы. Въ основу своихъ доводовъ М. Н. Катковъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, полагалъ ту ложную мысль, будто Русское государство есть нѣчто особое, неподчиняющееся общимъ историческимъ и экономическимъ законамъ. Также ошибочна была его проповѣдь о стѣсненіи Русскихъ путешественниковъ по Европѣ и обложенія ихъ паспортовъ чрезмѣрною пошлиною. Онъ видѣлъ только невыгодныя стороны этихъ путешествій и забывалъ ихъ пользу, въ общей суммѣ далеко превосходившую всѣ

невыгоды. Гораздо полезнѣе было бы и для нашихъ финансовъ, и для національныхъ интересовъ вообще, еслибы онъ обратилъ эту проповѣдь на стѣсненіе иноземной эксплуатаціи и обложеніе высокимъ процентомъ тѣхъ громадныхъ капиталовъ, которые безчисленные иностранцы наживаютъ въ Россіи и вывозятъ изъ нея.

Подобнымъ же образомъ прежнія здравыя разсужденія Каткова о пользѣ всесословной земской волости и несостоятельности настоящей крестьянской общины, съ ея круговою порукою, особымъ судбищемъ и разорительнымъ кабакомъ, впослѣдствіи замѣнились усерднымъ ратоборствомъ за отдѣльныя сословныя учрежденія, хотя бы они представляли уже значительный анахронизмъ для нашего времени. Также нельзя было сочувствовать и его неблагопріятному взгляду на высшее женское образованіе, которое въ общемъ развитіи націи могло бы принести значительную пользу. Особенно желательно распространеніе медицинской науки между женщинами. Понятно, что только подъ условіемъ хорошо организованныхъ правительственныхъ учрежденій можетъ процвѣтать высшее и спеціальное женское образованіе, какъ это устроено съ образованіемъ среднимъ.

По своему литературно-филологическому и отчасти философскому образованію, Катковъ болѣе чѣмъ кто-либо другой могъ быть цѣнителемъ на поприщѣ нашей изящной словесности. Но въ этомъ отношеніи заслуги его невелики. Владѣя двумя большими органами печати, «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Московскими Вѣдомостями» (а нѣкоторое время еще и третьимъ органомъ «Современною Лѣтописью»), онъ не оказывалъ достаточнаго вліянія на доброкачественность нашей литературы. Правда, многія хорошія произведенія этой эпохи нашли себѣ мѣсто именно въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но отдѣлъ критики въ немъ почти отсутствовалъ; а со стороны издателя незамѣтно было какихъ-либо усилій на этотъ счетъ, хотя у него не было недостатка ни въ знаніи дѣла, ни въ денежныхъ средствахъ для привлеченія къ нему подходящихъ людей. А между тѣмъ именно въ эту эпоху наша беллетристика и наша театральная сцена наводнились произведеніями того пошлаго и даже грязнаго направленія, которое прикрывалось названіемъ натуральной или реальной школы. Катковъ при случаѣ высказывалъ свое неодобреніе этому направленію, и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» мы читали дѣльныя разсужденія о театрѣ одного изъ его сотрудниковъ; но этого было слишкомъ недостаточно. Требовалась талантливая и неустанная борьба съ этимъ направленіемъ, заполонившимъ нашу литературу, т.-е. ту духовную пищу, на которой воспитывались молодыя поколѣнія. Требовалось сильное и острое слово, чтобы гнать съ театральной сцены всю эту пошлость и грязь, всѣ эти незрѣлыя, бездарныя и тенденціозныя творенія, въ которыхъ не-

возможно отличить добро отъ зла. Извѣстно, что сцена представляетъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ орудій общества какъ для нравственнаго развитія его, такъ и наоборотъ для его одичанія, и съ одними академическими разсужденіями тутъ далеко не уѣдешь. Мнѣ могутъ возразить, что я уже слишкомъ требовательно отношусь къ дѣятельности покойнаго публициста. Можетъ быть; но кому много дано, съ того много и взыщется. Справедливо упрекали и вообще «Московскія Вѣдомости» въ томъ, что, поднятыя на извѣстную высоту талантливыми передовыми статьями редакціи, онѣ не отличались богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія, въ чемъ не соотвѣтствовали своимъ матеріальнымъ средствамъ *).

Что касается до моего личнаго знакомства съ М. Н. Катковымъ, то оно продолжалось болѣе 30 лѣтъ. Еще будучи бѣднымъ Московскимъ студентомъ, около половины 50-хъ годовъ, я дѣлалъ иногда переводы изъ иностранныхъ изданій для «Московскихъ Вѣдомостей», которыя тогда М. Н. редактировалъ по найму отъ университетскаго начальства. Это были первые мои литературные заработки. Впослѣдствіи немалое количество моихъ статей было помѣщено въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Но съ середины 70-хъ годовъ приходилось иногда браться за перо и для того, чтобы возражать симъ послѣднимъ, не ради конечно желанія противорѣчить, а ради ихъ вліянія, при которомъ какая-либо не совсѣмъ вѣрная постановка вопроса могла имѣть нежелательныя послѣдствія. (Таково, напримѣръ, было назначеніе моихъ статей о классической школѣ; послѣ-

*) Изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ менѣе всего можно было узнать о ходѣ общественной жизни въ самомъ городѣ Москвѣ, за исключеніемъ реторичныхъ отчетовъ о торжественныхъ раутахъ и обѣдахъ, о концертахъ и т. п. или краткихъ извѣстій о пожарныхъ и другихъ несчастныхъ случаяхъ. Такъ, о совершавшемся на нашихъ глазахъ ожидовленіи Москвы газета эта не обмолвилась ни однимъ словомъ. Ратуя противъ внѣшнихъ займовъ вообще, она промолчала, когда Московское городское самоуправленіе, Богъ вѣсть зачѣмъ, учинило трехмиліонный заемъ въ Берлинѣ. Такъ, поднимая въ послѣднее время агитацію противъ слишкомъ высокой страховой преміи и стачки пожарныхъ акціонерныхъ обществъ, „Московскія Вѣдомости“ игнорировали тотъ вопіющій фактъ, что изъ 13-хъ нашихъ страховыхъ обществъ только одно общество Русское, а цѣлыхъ двѣнадцать обратились въ чисто-Нѣмецкія (съ примѣсью Евреевъ) по своему директорскому и служебному персоналу, и при томъ не только съ Германскими подданными во главѣ, но и съ офицерами Прусскаго ландвера въ своемъ составѣ, особенно на важныхъ по своему значенію мѣстахъ инспекторовъ, которые разъѣзжаютъ по всей Россіи для собранія всевозможныхъ свѣдѣній и составленія подробныхъ топографическихъ картъ.

дующіе факты, надѣюсь, достаточно ясно показали, на чьей сторонѣ была правда). Разумѣется, подобныя возраженія не способствовали особенно дружескому расположенію; но тождество общаго, Русскаго направленія, а равно мое постоянное уваженіе къ таланту и многимъ заслугамъ покойнаго публициста всегда поддерживали или возобновляли приличныя отношенія. Впрочемъ, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ едва ли я видѣлъ его болѣе трехъ-четырехъ разъ.

Первѣйшая и важнѣйшая заслуга Каткова заключалась въ томъ, что онъ, можно сказать, создалъ политическую печать въ Россіи и поднялъ ее на степень общественной силы, съ которою должны были считаться не только наши собственныя, но также и иностранныя оффиціальныя сферы. Помощью своего искуснаго пера и постепенно возраставшаго авторитета онъ дѣлалъ доступнымъ для Русской печати обсужденіе такихъ явленій и сторонъ нашей жизни, которыхъ помимо его печать прежде едва дерзала касаться. Въ этомъ отношеніи онъ долгое время служилъ какъ бы регуляторомъ для Русской печати, и многими сдѣланными ею завоеваніями она обязана именно Каткову.

Вполнѣ владѣя литературными пріемами, пользуясь надежными свѣдѣніями изъ хорошихъ источниковъ, онъ при томъ многое вѣрно отгадывалъ своимъ Русскимъ чутьемъ. Но, какъ мы уже замѣтили, недостатокъ основательной исторической подготовки, въ связи съ излишнею самоувѣренностью, иногда отзывался на его отношеніяхъ къ текущимъ вопросамъ. Поэтому нельзя сказать, чтобы онъ прозрѣвалъ ходъ событій и вообще былъ глубокимъ политикомъ, хотя и считалъ себя таковымъ (и обыкновенно свысока относился къ людямъ, которые указывали ему на уроки исторіи). Въ этомъ отношеніи иногда онъ дѣлалъ несомнѣнные промахи *). Но когда ходомъ событій вопросъ достаточно выяснялся и когда онъ становился на вѣрную точку зрѣнія, нельзя было не любоваться тѣмъ мастерствомъ, съ которымъ онъ умѣлъ защищать Русскіе интересы и бороться съ враждебными вліяніями. Тогда его острое и гибкое перо, подобно самой искусной шпагѣ, сыпало неотразимые удары и вонзалось въ наиболѣе чувствительныя стороны противниковъ. Какъ публицистъ или собственно какъ сти-

*) Притязанія на политическое глубокомысліе, напримѣръ, сказались и въ статьяхъ, относившихся къ той культурной борьбѣ, которую Германскій канцлеръ предпринялъ противъ Римской куріи. Катковъ не одобрялъ этой борьбы и опасался плачевныхъ отъ нея послѣдствій для Пруссіи. Опасенія его пока не оправдались. При семъ ему и въ голову не приходило, что когда канцлеръ вздумаетъ примириться съ папствомъ, то это примиреніе произойдетъ на счетъ православно-русскихъ и вообще Славянскихъ интересовъ.

листъ, онъ не имѣлъ себѣ равнаго между своими современниками, можетъ быть, въ цѣлой Европѣ. Извѣстно, что и Герценъ, при всемъ своемъ замѣчательномъ остроуміи, не вышелъ побѣдителемъ изъ схватки съ нашимъ знаменитымъ публицистомъ.

Въ заключеніе скажемъ о послѣдней его заслугѣ: о попыткѣ къ борьбѣ съ Нѣмецкимъ вліяніемъ, къ открытой борьбѣ съ могущественнымъ Германскимъ канцлеромъ.

Много было говорено въ нашей печати о долгомъ и вредномъ вліянія князя Меттерниха на внѣшнюю и частію внутреннюю политику Россіи, при помощи Нессельроде и Остзейскихъ представителей Русской дипломатіи. Но этотъ вредъ по своимъ размѣрамъ не можетъ сравниться съ тѣмъ, который принесло намъ дипломатическое вліяніе князя Бисмарка, съ особенною силою выступившее въ эпоху новой Русско-Турецкой войны и Берлинскаго конгресса. Уже тогда чувствовалась какая-то закулисная сила, которая то парализуетъ нашу рѣшимость и энергію, то лишаетъ насъ плодовъ, добытыхъ пѳтомъ и кровью. Истина, о которой наиболѣе дальновидные Русскіе патріоты и прежде догадывались, вскорѣ сдѣлалась общимъ убѣжденіемъ, а именно: разыгрывая по наружности роль друга Россіи, втайнѣ за ея спиною Берлинскій государственный мужъ подстрекалъ противъ нея Англію и Австро-Венгрію къ самымъ смѣлымъ требованіямъ, а потомъ ловко склонялъ Европейскіе вѣсы въ пользу этихъ требованій. Говорили о спасенной нами Австріи, которая во время Крымской кампаніи вздумала удивить міръ своею неблагодарностью; говорятъ о неблагодарности освобожденныхъ нами Румынъ, Грековъ и особенно Болгаръ. Но давно извѣстно, что въ политикѣ благодарности нѣтъ. Развѣ Италія, для освобожденія которой отъ Австрійскаго ига Франція предпринимала кровопролитную войну, развѣ эта Италія въ настоящее время тоже не удивляетъ Европу своею неблагодарностью? Но еще болѣе сама Пруссія, спасенная нашею кровью отъ Наполеона I, а потомъ возвеличенная и обратившаяся въ единую Германскую имперію при дѣятельномъ покровительствѣ и помощи Россіи, развѣ эта Пруссія не платитъ намъ теперь крайнею неблагодарностью? Ея усилія задушить нашу промышленность, поработить наши финансы, наводнить своими колонистами наши западныя окраины у всѣхъ на глазахъ. На вторженіе сосѣдей не только во внѣшнюю, но и въ самую внутреннюю нашу политику и на слишкомъ явное стремленіе при всякомъ удобномъ случаѣ втѣсниться между Русскимъ правительствомъ и Русскимъ народомъ давно съ прискорбіемъ взирали Русскіе патріоты. Нельзя сказать, чтобы Катковъ съ самаго начала раздѣлялъ ихъ дальновидность и ихъ опасенія. Иногда во внутреннихъ отношеніяхъ не чуждый разныхъ компромиссовъ, можетъ быть, отчасти ради сохра-

ненія своего привиллегированнаго положенія, и въ отношеніяхъ внѣшнихъ онъ долго ограничивался защитою Русской промышленности и финансовъ отъ Нѣмецкихъ притязаній и указаніями на усилившуюся Нѣмецкую колонизацію въ Западной Россіи; а на политическій союзъ съ Германіей смотрѣлъ съ довольно оптимистической точки зрѣнія. Очевидно, онъ обманывался на счетъ истиннаго значенія сего союза и не понималъ ясно ни тѣсной связи его съ широкою Нѣмецкою эксплоатаціей Русской имперіи, ни новаго (Австро-германскаго) фазиса Восточнаго вопроса, ни новыхъ политическихъ комбинацій, народившихся въ Европѣ за послѣднюю эпоху. Во время Русско-Турецкой войны онъ довѣрчиво повторялъ пресловутую фразу Бисмарка, что Пруссія ради Восточнаго вопроса не пожертвуетъ костями и одного Померанскаго гренадера. Даже въ началѣ послѣдняго Болгарскаго кризиса Катковъ склонялся на увѣренія Берлинскаго сфинкса, будто Германія не имѣетъ прямыхъ интересовъ на Востокѣ. (Вотъ что значилъ недостатокъ историческихъ свѣдѣній, хотя бы по отношенію къ эпохѣ Фридриха II). Онъ все еще по старой привычкѣ устремлялъ свои публицистическіе перуны противъ Австріи, не отдавая себѣ яснаго отчета, откуда взялась у этой разношерстной имперіи такая прыть, что она за послѣднія десять лѣтъ ведетъ открытую агрессивную политику противъ Россіи, тогда какъ для многихъ уже была внѣ всякаго сомнѣнія роль Берлина, который стоялъ за спиною Австро-Венгріи и изо всѣхъ силъ толкалъ ее къ захватамъ на Балканскомъ полуостровѣ и къ вызывающему съ нами тону, продолжая по наружности разыгрывать нашего друга и чуть ли не благодѣтеля. (Невольно приходитъ на память священникъ Веръ, коварный другъ Вандальскаго короля Гелимера, въ извѣстномъ историческомъ романѣ Феликса Дана). Во время Франко-Прусской войны Русское общественное сочувствіе было не на сторонѣ Нѣмцевъ; хотя Наполеоны столько согрѣшили противъ Россіи, однако народный инстинктъ подсказывалъ, что не отъ Французовъ грозятъ намъ будущія опасности. Наша внѣшняя политика, въ этомъ случаѣ, не согласовалась съ національными симпатіями. «Московскія Вѣдомости» во время этой войны, наравнѣ съ другими газетами, увлекались громомъ событій и не придумали никакихъ полезныхъ для Россіи совѣтовъ и разъясненій. Катковъ не только не думалъ пользоваться моментомъ для улучшенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ въ Славянскомъ и Русскомъ смыслѣ, но полагалъ этотъ моментъ неудобнымъ для возобновленія Восточнаго вопроса. Онъ не сознавалъ той огромной перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ державъ, которая совершалась передъ его глазами, хотя и считалъ себя глубокимъ политикомъ. Спустя не болѣе пяти лѣтъ, Восточный

вопросъ возобновился самъ собою, но уже при обстоятельствахъ гораздо менѣе для насъ благопріятныхъ. Извѣстно, что во время новой Русско-Турецкой войны и Берлинскаго конгресса наглядно сказалась правда помянутаго народнаго инстинкта. Напрасно думаютъ, что униженіе и разочарованіе, которыя вынесла Россія съ этого конгресса, касались только ея внѣшняго положенія. Увы, гораздо важнѣе были послѣдствія во внутреннихъ отношеніяхъ. Одни смутно, а другіе болѣе ясно начали сознавать, къ какимъ государственнымъ невзгодамъ вело насъ сосѣднее вліяніе и, между прочимъ, какъ вредно оно отразилось на духѣ нашей молодежи, которая нуждается въ живыхъ патріотическихъ примѣрахъ и непосредственномъ на нее воздѣйствіи. Въ нашихъ внутреннихъ отношеніяхъ пробѣжала какая-то тѣнь. При такихъ-то обстоятельствахъ, какъ бы пользуясь ими, усилилась подпольная работа адской интриги. Да, одинъ Берлинскій конгрессъ, омрачившій славу только-что совершенныхъ нашей арміей геройскихъ подвиговъ, причинилъ обаянію извѣстнаго основнаго принципа Русской государственности болѣе существенный ущербъ, нежели всѣ выходки и преступленія анархистовъ, и самымъ опаснымъ для сего принципа дѣятелемъ явился никто другой, какъ сосѣдній государственный мужъ съ его постоянными, назойливыми стараніями втѣсняться между Русскими правительственными сферами и кровными Русскими интересами. Говорю на основаніи тщательныхъ наблюденій, и я счелъ бы себя неисполнившимъ свой долгъ Русскаго гражданина и вѣрноподданнаго, если бы умолчалъ о такомъ великой важности фактѣ. Къ сожалѣнію, нашъ покойный публицистъ не замѣтилъ его или не оцѣнилъ по достоинству. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто безцѣльной травли молодежи и мысли объ излишествѣ для Россіи людей, получающихъ высшее образованіе, онъ, по всей вѣроятности, постарался бы обратить вниманіе правительственныхъ сферъ на опасности, которыми грозило это сосѣднее вліяніе.

Наконецъ, когда при видѣ извѣстнаго образа дѣйствій Австро-Германіи по отношенію къ Россіи въ вопросѣ о Болгарскомъ лжеправительствѣ, при самомъ безцеремонномъ вытѣсненіи нашего законнаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, Русское общественное мнѣніе достигло высшей степени негодованія, тогда только Катковъ сталъ выражать истинное для насъ значеніе Германскаго канцлера и дѣлать легкія противъ него вылазки. Но и въ это время онъ поддавался его маневрамъ наравнѣ съ другими органами нашей печати, напримѣръ, относительно поднятаго въ 1886 году Нѣмцами шуму о предстоящей будто бы войнѣ съ Франціей, тогда какъ въ дѣйствительности они

и не думали объ этой войнѣ, а хотѣли отвлечь наше вниманіе отъ Болгаріи, гдѣ готовились снова водворить Нѣмецкаго принца *).

Только послѣ удара его личному самолюбію (когда Бисмаркъ по поводу разоблаченій Англійской Синей Книги назвалъ Каткова лжецомъ), онъ выступилъ открыто противъ Германскаго канцлера и противъ предполагаемыхъ его союзниковъ въ самой Россіи. Эта, хотя и нѣсколько запоздалая, борьба чрезвычайно усилила общественное сочувствіе Каткову; ибо въ Россіи ничто не можетъ быть популярнѣе борьбы съ Нѣмецкимъ вліяніемъ, особенно въ послѣднее время, когда на всякую лишнюю уступку Нѣмцамъ коренное Русское общество готово было смотрѣть какъ на что-то близкое къ государственной измѣнѣ. Даже многіе прежніе противники Каткова стали на его сторону противъ общаго отечественнаго врага. Извѣстія о томъ, что Германскій канцлеръ, напуская на Россію своихъ рептилій, въ тоже время прибѣгаетъ къ своимъ Петербургскимъ союзникамъ, чтобы зажать ротъ патріотическимъ органамъ Русской печати—эти извѣстія еще болѣе возбуждали сочувствіе въ поднятой Катковымъ борьбѣ. Отвага, опытность, искусство Каткова въ подобныхъ случаяхъ и его привиллегированное въ печати положеніе заставляли возлагать на него большія надежды въ этомъ отношеніи. Его популярность быстро возрасла и широко распространялась не только въ Россіи, но и на крайнемъ Западѣ. Но вдругъ появились слухи о его болѣзни, о чрезвычайныхъ встрѣченныхъ имъ препятствіяхъ, о какой-то Нѣмецкой противъ него интригѣ, имѣвшей цѣлью подорвать его кредитъ въ высшихъ сферахъ и немало повліявшей на его больной организмъ. Вотъ посреди какихъ обстоятельствъ застигла его кончина, 20 Іюля 1887 года, на семидесятомъ году отъ роду. Она застигла его въ минуту наибольшаго общественнаго сочувствія. Рѣдкому общественному дѣятелю достается въ удѣлъ такая высокая награда.

Д. Иловайскій.

Москва, 1887, Декабрь.

---

*) Когда шумъ о войнѣ съ Франціей перестаетъ служить отвлекающимъ средствомъ, Берлинъ отыскиваетъ другія; напримѣръ, пытается выдвигать на сцену то призракъ Австро-Русской войны, то призракъ Польскаго вопроса, возбуждая въ Полякахъ обманчивыя надежды, и все для того, чтобы прикрывать совершающійся на нашихъ глазахъ неуклонный напоръ германизма на Востокъ и Юго-востокъ Европы, т. е. пресловутый Drang nach Osten. Въ случаѣ нужды, Берлинъ будетъ увѣрять, что ради союза и дружбы съ Россіею онъ готовъ пожертвовать для нея Австріей. Наивенъ будетъ тотъ, кто ему повѣритъ; ибо Германія не можетъ добровольно отказаться отъ дѣла германизаціи, для которой Австрія представляетъ такое удобное орудіе.

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ ИСТОРІИ И ОБЪ НАШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКѢ.

Нашъ отвѣтъ г-ну Бестужеву-Рюмину.

(Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ 1896. т. 1, кн. 1-я).

Для всякаго пишущаго Русской Исторіи, разумѣется, такой знатокъ ея какъ г. Бестужевъ-Рюминъ—критикъ самый желанный. Съ тѣмъ вниманіемъ, къ которому обязываетъ самое имя нашего ученаго, прочитали мы его замѣчанія на нашу книгу, почитаемъ обязанностью: отвѣчать на нихъ и, при всей ихъ, если не количественной, то качественной нещедрости, разберемъ всѣ до одного. Нѣкоторыя изъ нихъ касаются даже такихъ погрѣшностей, которыя составляютъ не вину автора, а недосмотръ типографскій. Съ нихъ и начинаемъ, а болѣе важныя замѣчанія прибережемъ къ концу.

Выписавъ наши слова по поводу недоразумѣнія, возникшаго между Черкасами и Юріемъ Долгорукимъ, о Половецкой добычѣ, нашъ критикъ замѣчаетъ, что возраженіе Черныхъ Клобуковъ «*мы головы свои складаемъ за Кіевскихъ князей*» однимъ этимъ и ограничивается въ Кіевской лѣтописи; такимъ образомъ, дальнѣйшее поясненіе: «дескать, и не скрываемъ, что захватили много добычи» и проч. принадлежитъ намъ лично. Совершенно справедливо. Поясненіе, начинающееся отъ слова «*дескать*» не слѣдовало вносить въ кавычки, какъ это сдѣлано по типографскому недосмотру; впрочемъ, уже сама эта частица *дескать* не указываетъ ли, что это внесено именно какъ объясненіе со стороны автора? Важность въ томъ, что Юрій, мало смысля въ Кіевскихъ порядкахъ, дѣйствительно обратился къ Черкасамъ съ неумѣстнымъ требованіемъ возвратить захваченную ими добычу, на что̀ и выслушалъ отказъ Черныхъ Клобуковъ съ рѣшительнымъ объясненіемъ, почему этого не водится въ Кіевѣ. Въ слѣдующемъ изданіи, такимъ образомъ, за исключеніемъ словъ: «*мы головы складаемъ*», все остальное слѣдуетъ вынести за кавычки, но и только. А тотъ фактъ, что «дикіе Половцы» никогда бы не обратились съ подобнымъ требованіемъ ни къ одному изъ мѣстныхъ *прирожденныхъ* Кіевскихъ князей, и что ни одинъ изъ такихъ князей, «голубившихъ» обыкновенно Черкасовъ, не допустилъ бы до своихъ ушей такого требованія, а кольми

паче не передалъ бы его какъ приказъ Чернымъ Клобукамъ для исполненія, этотъ фактъ остается въ полной силѣ.

Почти подобный же типографскій недосмотръ случился и съ цитатою подлинныхъ словъ Святослава: «*ту есть среда земли моей*»; а именно, здѣсь приложено слово: *Славянской*, которое и подлежало отличить либо курсивомъ, либо вообще инымъ шрифтомъ, какъ это всегда дѣлается, когда вносится въ подлинный текстъ добавочное пояснительное слово. А по недосмотру и оно напечатано общимъ шрифтомъ за-одно съ лѣтописными словами. Но умѣстно ли въ данномъ случаѣ самое прилагательное Славянской—это ужъ вопросъ особый, по которому едва ли мы измѣнимъ свое мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ смыслѣ могъ бы Святославъ выразиться о своихъ Дунайскихъ владѣніяхъ «*ту есть среда земли моей*», когда самъ же говорилъ про Кіевъ, сидя на Дунаѣ, «а *своя земля далече*, а Печенѣги съ нами ратны» и проч.? Вопросъ не праздный. Еще Карамзинъ, замѣтивъ, что завоеванная Святославомъ Болгарія «*не могла быть срединою его владѣній*», объясняетъ загадочное изрѣченіе Дунайскаго завоевателя слѣдующимъ образомъ: или развѣ «*онъ въ гордости своей мечталъ, что Греція, Венгрія и Богемія должны отъ него зависѣть*»? (И. Г. Р. т. I. прим. 394). А другой нашъ историкъ С. М. Соловьевъ, сказавъ «здѣсь очень важно для насъ выраженіе Святослава о Переявлавцѣ: «ту есть среда земли моей», предлагаетъ въ его объясненіе двѣ гипотезы. Либо Дунайскій завоеватель давалъ такое названіе здѣшнему владѣнію не въ политическомъ смыслѣ, а какъ торговому центру; либо, еще вѣроятнѣе, Святославъ считалъ своей землею одну Болгарію, а Русскую землю—владѣніемъ общимъ, родовымъ. (Ист. Рос. соч. Соловьева, первое изд., ч. 1, стр. 133). Насколько въ самомъ дѣлѣ вѣроятны эти догадки и кто лучше изъ двухъ историковъ объяснялъ выраженіе Святослава—отказываемся судить. Но что «Дунай и въ самомъ дѣлѣ искони вѣковъ слылъ средоточіемъ всего славянства», какъ сказано у насъ при описаніи Святославовыхъ походовъ—это несомнѣнно. Стóитъ лишь усвоить правильную точку зрѣнія, что и Олегъ, и Игорь, и Святославъ и Владиміръ, всѣ наши первые князья стремились занять тѣ земли, въ которыхъ звучалъ языкъ Славянскій и которыя оставались еще безгосударны, и всѣ походы изъ Кіева на Востокъ къ Яссамъ и Касогамъ даже до горъ Кавказа, а на Западъ къ Уличамъ и Тиверцамъ «оли до моря», въ При-дунавье—получатъ совершенно понятный историческій смыслъ. Въ смутной по тѣмъ временамъ Болгаріи собственные князья уже были принижены и оспаривались Греческою державой; къ тому же ихъ власть могла и не признаваться мѣстами на са-

мо́мъ Дунаѣ независимыми Славянскими племенами: мечу Русскихъ князей была здѣсь вольная дорога. Не надо забывать, что самъ Святославъ, хотя и воинъ по преимуществу, хвалился именно тѣмъ, что подчинилъ себѣ немало «сосѣдственныхъ народовъ *безъ труда*» и «покорялъ цѣлыя страны *безъ пролитія крови*» *). Разумѣется, эти сосѣдственныя страны и народы, покоренные имъ безъ кровопролитія и безъ труда, никакъ ужъ не Византія и не Хозарская держава, которыя тогда тѣснили Славянъ и съ которыми Русскимъ князьямъ приходилось воевать именно какъ съ утѣснителями Славянскаго языка, какъ съ прямыми своими противниками: чужеземными врагами. («*Азъ имъ противенъ, а вамъ нѣчему*»—выраженіе еще Олега).

Въ этой же цитатѣ, кромѣ прилагательнаго Славянской, ставятъ намъ въ укоръ выраженіе: *всѣ дары Юга.* Охотно соглашаемся, и это слѣдовало бы отличить особымъ шрифтомъ, какъ замѣну допущенную авторомъ; но самое выраженіе едва ли измѣнимъ и при второмъ изданіи. Что́ прикажете дѣлать? Въ подлинникѣ говорится здѣсь про вино и овощи; въ лѣтописи сказано по-старинѣ: «*овощева разноличныя*». Но кому же, при современномъ употребленіи Русскаго языка, придетъ въ голову разумѣть подъ *овощами* не морковь да рѣпу, мѣстныя произведенія отечественнаго огорода, а то̀ самое, на что и до сихъ поръ не имѣемъ выраженія, а зовемъ иностраннымъ словомъ: *дессертъ.* Ольгу, когда она была въ Цареградѣ, также, какъ извѣстно, угощали дессертомъ во дворцѣ: персики, абрикосы, гранаты, виноградъ, всѣ сласти южнаго климата, одинъ сортъ плодовъ лучше другаго—подавались за этимъ дессертомъ. И все это также обозначено постаринѣ словомъ: *овощи.* Не перечислять же было поименно всѣ эти сорта, которые для сѣвернаго жителя составляли рѣдкость и приманку; нельзя было и замѣнять ихъ метафорически однимъ чѣмъ-нибудь, хоть бы напримѣръ, виноградомъ. Послѣднее было бы особенно неумѣстно. Въ подлинникѣ сказано: «и ви̂на и овощи»; ясное дѣло, здѣсь говорится про виноградныя вина, что́ и заставило насъ подчеркнуть это: «виноградныя вина и всѣ дары Юга». А слово «виноградъ, винограды» опять-таки въ старинномъ употребленіи значило не то, что́ теперь. Сомнѣнія нѣтъ, что никто въ Кіевѣ не сѣялъ винограда въ XII-мъ вѣкѣ и никто не разводилъ виноградниковъ; а въ лѣтописи упоминается, что при нападе-

*) Исторія Льва діакона, перев. Д. Попова, Спб. 1820, стр. 93. „На другой день Святославъ созвалъ знаменитыхъ мужей на совѣтъ... вздохнувъ отъ глубины сердца, сказалъ: погибнетъ слава, сопутница Россійскаго оружія, безъ труда побѣждавшаго сосѣдственныхъ народовъ и безъ пролитія крови покорявшаго цѣлыя страны, если мы теперь постыдно уступимъ Римлянамъ".

нiи на Кiевъ Юрiя Долгорукаго были опустошены предмѣстья города и *«винограды присѣкоша»* (Патр. Ник. Лѣт. тоже изд., стр. 188). Не удаленiе отъ подлинника, а напротивъ приближенiе къ его истинному смыслу заставило насъ привести и это мѣсто словами современнаго Русскаго языка: «посѣкли плодовые сады и огороды» наша Русская Исторiя стр. 259). Такимъ образомъ, укоризну въ неправильной передачѣ словъ Святослава о сердцѣ его Славянскихъ владѣнiй мы ни въ какомъ смыслѣ внушительною не почитаемъ; кромѣ того одного, что вставленныя слова и допущенныя замѣны должны быть отличены особымъ шрифтомъ: это несомнѣнно.

Слѣдующая поправка, которую предлагаютъ намъ сдѣлать при второмъ изданiи, съ виду кажется важнѣе всѣхъ предыдущихъ. Гида, супруга Владимира Мономаха, названная у насъ глухо и неопредѣленно Шведскою принцессой изъ Варяговъ, была (повторяетъ вслѣдъ за Карамзинымъ нашъ критикъ) дочь Гаральда, павшаго въ битвѣ при Гэстингсѣ. Но такъ оно или не такъ, а для той цѣли, съ какою Гида поминается въ нашей книгѣ, это по-истинѣ важности не представляетъ. О бракахъ Владимира Мономаха мы вообще не говоримъ ни слова. Что онъ два раза вдовѣлъ на своемъ вѣку и былъ женатъ три раза, и на комъ именно, обо всемъ этомъ (при описанiи его собственнаго княженiя) мы даже не поминаемъ. О бракѣ же его съ Гидой упомянуто лишь вскользь и мелькомъ въ той главѣ, гдѣ рѣчь шла объ его отцѣ Всеволодѣ: о томъ именно, что Всеволодъ зналъ пять иностранныхъ языковъ и въ томъ числѣ могъ знать Шведскiй. Поставивъ на видъ, что еще самъ отецъ Всеволода зналъ этотъ языкъ (ибо Ярославъ Мудрый былъ женатъ на Шведской княжнѣ изъ Варяговъ) умѣстно было и добавить: «Самъ Всеволодъ женилъ Владимира Мономаха, взявъ ему невѣсту изъ Варяговъ-же; это была Шведская принцесса Гида». Такое неопредѣленное выраженiе, какъ *«Шведская принцесса»* упраздняетъ надобность дальнѣйшихъ справокъ объ ея нацiональности и не отнимаетъ у нея возможности быть дочерью Гаральда. Почему мы не упоминали о двукратномъ вдовствѣ и о трехъ бракахъ Мономаха, это ужъ касается чисто-авторскихъ соображенiй. Но почему мы не вдавались въ нарочитыя подробности о нацiональности Гиды, это, разумѣется, г. Бестужевъ-Рюминъ знаетъ и самъ. Саксонъ Граматикъ пишетъ про Гиду, что ее отдали въ бракъ «Waldemaro, qui et ipse Jarislavus a suis est appellatus»; а Торфей пишетъ, что Гида отдала руку «Waldemaro, filio Jarisleifi«. Разумѣется, честь и слава Карамзину, что онъ разобралъ путаницу этихъ сбивчивыхъ показанiй (И. Г. Р. ч. 2, прим. 45 и прим. 240) и дѣлаетъ весьма прав-

доподобную догадку о томъ, что Гида могла быть женою именно Мономаха; но при той цѣли повторяемъ, съ какою мы лишь вскользь упомянули о ней, не было и повода входить въ эти догадки.

Больше значенія имѣетъ въ нашихъ глазахъ сдѣланное намъ замѣчаніе о томъ, что своевольные Варяги были удалены Владиміромъ раньше его крещенія, а не послѣ; хотя, по справедливости говоря, едва ли мы, мимоходомъ упомянувъ объ этой «отсылкѣ Варяговъ въ Цареградъ», дали дѣйствительный поводъ нашему критику упрекать насъ въ запамятованіи хронологіи. Не споримъ, что въ нашемъ разсказѣ о своеволіи дружинниковъ-Варяговъ такъ сгруппированы нѣкоторыя фамильярныя подробности ихъ быта (не имѣющія впрочемъ никакой важности относительно хронологіи), что дѣйствительно можетъ показаться, будто мы впадаемъ въ анахронизмы, будто мы относимъ отсылку Варяговъ въ Цареградъ ко времени послѣ крещенія Владиміра, тогда какъ о томъ упоминается въ лѣтописи подъ 980-мъ годомъ. Или еще другой подобный же примѣръ: будто бы самый разсказъ о ропотѣ дружинниковъ противъ деревянныхъ ложекъ мы исключительно относимъ ко времени *до* принятія Владиміромъ христіанства, тогда какъ, напротивъ, разсказъ этотъ записанъ въ лѣтописи подъ 996-мъ годомъ (на что, впрочемъ, намъ даже и не указываетъ нашъ критикъ). Но такую группировку мелочныхъ чертъ и подробностей, не представляющихъ особенной важности (а относительно хронологіи никакой ровно), такое ихъ пріуроченіе къ одному мѣсту, гдѣ они служатъ къ болѣе яркому освѣщенію главной темы или даже для ея разъясненія мы почитаемъ обязанностью хорошо веденнаго разсказа и трудомъ весьма нелегкимъ. Безъ того, подобныя мелочи и подробности, ничѣмъ несвязанныя въ умѣ читателя, не остаются и въ его памяти, а тутъ же и забываются, какъ мимолетные безсвязные эпизоды. На страницѣ 51-й у насъ сказано: «Варяги, которые не приняли крещенія, пропали при Владимірѣ: одни ушли сами, другихъ отослали въ чужія земли; а крещеныхъ нельзя было и отличить въ остальномъ крестьянствѣ»? Гдѣ жъ тутъ въ самомъ дѣлѣ анахронизмы? На страницѣ 62-й говорится о пирахъ Владиміра раньше и послѣ его крещенія, и (собственно говоря) хронологія опять ни при чемъ. Оба раза говорится лишь объ отношеніи къ пришлымъ Варягамъ самого народа и «Краснаго Солнышка Владиміра», ставшаго народнымъ любимцемъ. Вотъ существенная и главная тема разсказа, въ освѣщеніе которой приводятся самые факты, а когда именно совершилась «отсылка»—тутъ важность не въ этомъ. Тѣмъ не менѣе однако мы весьма благодарны за указанную намъ въ этомъ мѣстѣ нѣкоторую

сбивчивость, если не темы, то текста разсказа, и при второмъ изданіи, разумѣется, ее исправимъ.

Аскольдъ и Диръ дѣлаетъ намъ замѣчаніе нашъ критикъ—князьями не были, въ доказательство чего и цитуетъ извѣстныя слова Олега: «*вы неста* и проч.», тѣже самыя, что́ приведены и нами. Но во 1-хъ, кто-же не знаетъ, что въ первоначальной лѣтописи лица, которыя зовутся въ однихъ мѣстахъ текста *мужами и свѣтлыми боярами*, въ другихъ мѣстахъ того-же текста прямо именуются еще *князьями*, *сущими подъ рукою единаго великаго князя*? А во 2-хъ; и это главное—только послѣ нами приведеннаго объясненія, кѣмъ же на самомъ дѣлѣ были эти таинственные Аскольдъ и Диръ? сами слова Олега дѣлаются наконецъ понятны и получаютъ свой полный смыслъ. Безъ того, снова здорово, остается не разгаданнымъ, въ чемъ заключалось самозванство этихъ пришлецовъ и въ чемъ именно уличилъ ихъ Олегъ, показавъ на всемъ народѣ младенца Игоря и всѣхъ поразивъ громовымъ словомъ: *се есть сынъ Рюриковъ*. Дѣло именно заключается въ томъ, что Аскольдъ и Диръ сами себя провозгласили Русскими князьями, то есть выдали себя не только за земляковъ Рюрика, но и за соплеменниковъ его. Такое ихъ самозванство, безъ сомнѣнія, и заставило древнюю лѣтопись въ ея лучшемъ спискѣ выразиться про нихъ: «не племени Рюрика, но боярина». Оно же самое, это самозванство, постоянно вводило въ обманъ и въ ошибку прочихъ «списателей», изъ которыхъ одни отказывали Аскольду и Диру даже въ боярствѣ («не племени его, *ни* боярина»), а другіе причисляли еще и самозванцевъ къ дѣйствительнымъ же Русскимъ князьямъ. Путаница объ этихъ пришлецахъ во всѣхъ лѣтописяхъ страшная; она же не прекращается до сихъ поръ и въ нашей «исторической наукѣ». Во всѣхъ сочиненіяхъ, даже строго-научныхъ (напр. Исторія Русской церкви Филарета Черниговскаго), гдѣ говорится объ Аскольдѣ и Дирѣ по утвердившемуся научному авторитету, они причисляются прямо къ *Русскимъ* варягамъ и зовутся *Русскими* князьями изъ *Русскихъ Варяговъ*. М. А. Максимо́вичъ, этотъ рѣдкій знатокъ Русской Исторіи, говоритъ прямо: «Аскольдъ и Диръ суть первые Русскіе князья въ Кіевѣ» (Собраніе соч. Максимовича. т. 1). А въ классическомъ изданіи Древнихъ Русск. памятниковъ П. Н. Батюшкова, въ самомъ послѣднемъ, уже посмертномъ его трудѣ («Бессарабія», изд. 1892 г.) читаемъ: «образуется Варяжское Русское владѣніе въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ, гдѣ первыми Варяжскими *князьями* являются Рюриковы *князья* Аскольдъ и Диръ». Со всею этою путаницей, начавшейся изстари и не прекратившейся до сихъ поръ, по необходимости и приходилось считаться въ нашей книгѣ. И, послѣ

всего, можно ли выразиться объ Аскольдѣ и Дирѣ точнѣе и осмотрительнѣе, какъ это сдѣлано въ разбираемой г-мъ Бестужевымъ-Рюминымъ «*Русской Исторіи отъ древнѣйшихъ временъ*»? Вездѣ, гдѣ объ этихъ пришлецахъ ведется прагматическій разсказъ прямо отъ автора, Аскольдъ и Диръ ни разу не титулуются князьями; а по поводу ходившаго о нихъ мнѣнія разъяснено опредѣленно: «Были въ Рюриковой дружинѣ знатные Варяги и не его рода, не Рюриковой крови, именно два славныхъ витязя Аскольдъ и Диръ; великіе бояре въ Варягахъ, они числились даже и князьями, однакожъ не Русскаго княжескаго рода», что́ и безукоризненно-вѣрно.

Объ Олегѣ-же дѣлаютъ намъ замѣчаніе, что напрасно мы его почитаемъ лишь опекуномъ Игоря, тогда какъ еще С. М. Соловьевъ «*блистательно*» доказалъ объ Олегѣ, что онъ вокняжился какъ старшій въ родѣ. Не знаемъ, о какихъ блистательныхъ доказательствахъ говоритъ нашъ критикъ въ пользу того мнѣнія, что еслибы даже Игорь не остался лишь двухъ лѣтъ при кончинѣ отца, все-таки вокняжился бы не онъ, сынъ Рюриковъ, а Олегъ. Авторъ такъ называемой «теоріи родоваго быта» не только не доказалъ этого блистательно, а никакъ не доказалъ. Но что̀ самъ Рюрикъ умирая передалъ княженіе сроднику Олегу, «*вдавъ ему сынъ свой на руцѣ, Игоря, бѣ бо дѣтескъ велми*» и послѣ того «*умершу Рюрикови*» Олегъ властвовалъ нераздѣльно съ Игоремъ, почитая самъ и внушая другимъ: «*се есть сынъ Рюриковъ*»—это не подлежитъ спору и извѣстно всѣмъ. Такъ говорится въ древней лѣтописи древнѣйшаго списка, въ спискѣ того вѣка, когда еще не баснословили о Рюрикѣ съ братьей, что они происходятъ отъ Августа Кесаря; когда и объ Олегѣ не приводили подробностей: шуринъ ли, племянникъ ли онъ былъ великому князю а писали глухо: «*отъ рода ему суща*». Что же касается до лѣтописей позднѣйшаго «списанія», можемъ указать для примѣра на текстъ слѣдующаго рода. «Въ лѣто 6370. Сѣде первый князь на Новѣградѣ Рюрикъ; а у него сынъ князь великый Игорь, а остася послѣ отца своего двою лѣтъ, и *дръжа подъ Игоремъ* великое княженье племянникъ Рюриковъ Олегъ (въ иныхъ *шуринъ*); и Смоленскъ и Кіевъ *Игорю Олегъ взялъ*, и Кіевское княженіе началося *ими*». (П. С. Р. Л. изд. Арх. Ком. т. 7. Лѣтопись по Воскресенскому списку. Спб. 1856 г. стр. 231). Извѣстно также, что въ подобныхъ же обстоятельствахъ, по случаю малолѣтства и Игорева сына, управляла за Святослава мать его княгиня Ольга. Однакожъ встарину говорили не обинуясь, что Игорю наслѣдовалъ сынъ его Святославъ также точно, какъ самъ Игорь наслѣдовалъ отцу своему Рюрику.

Кстати, и еще объ Олегѣ. Мы въ своей книгѣ сказали: «о смерти Олега долго хранилось въ Кіевѣ особое преданіе, памятное въ народѣ именно изъ-за спора двухъ здѣшнихъ вѣръ; языческой и христіанской» затѣмъ привели разсказъ объ Олеговомъ конѣ, и прибавили въ заключеніе: «Язычники хвалились такимъ разсказомъ въ доказательство правды своихъ волхвовъ и кудесниковъ; а христіане, напротивъ, осуждали ихъ суевѣріе, доказывая, что если порою и сбываются волхвованія, то, какъ при смерти Олега, всегда пустымъ случаемъ и ложью». Нашему критику крайне не понравилось это мѣсто; все это объявлено произвольнымъ и поставлено намъ на видъ, что ни откуда этого не видно. Отвѣчаемъ: это видно тутъ же, въ самой лѣтописи, именно при разсказѣ о конѣ Олега. Разсказъ этотъ вѣчно сопровождается длиннѣйшимъ и крайне перепутаннымъ во всѣхг спискахъ сказаніемъ о волхвахъ вообще и объ Аполонитенинѣ въ особенности; кромѣ того и собственными разсужденіями Нестора. Но весь смыслъ и того сказанія, и этихъ разсужденій сводится къ одному и остается одинъ и тотъ-же: лживыя и *мечтанныя* чудеса, если порой и допускаются, то изволеніемъ же Божіимъ, лишь на испытаніе вѣры православныхъ. Когда наша такъ называемая «скептическая школа» почитала долгомъ отвергать даже подлинность договоровъ Олега съ Греками, подписанныхъ въ Константинополѣ Сентября 2 дня 911 года; а напримѣръ подробности Древлянскаго похода Ольги прямо относила къ баснямъ въ доказательство зрѣлости Русской исторической критики: разумѣется, и происшествіе съ Олегомъ тѣже «скептики» называли легендою, заимствованною изъ Скандинавскихъ сагъ о рыцарѣ Орвар-Оддѣ. Тогда было простительно проглядывать и истинное значеніе Несторова разсказа объ Аполонитянинѣ; въ наши дни все подобное хотѣлось-бы почитать анахронизмомъ.

Говоря о Черныхъ-Клобукахъ, мы нерѣдко обозначаемъ ихъ «*зовомые Черкасы*». Намъ выразили удивленіе, откуда могли попасть Черкасы въ «*Русскую Исторію отъ древнѣйшихъ временъ*» и замѣчаютъ, что никакъ ужъ не изъ Кіевской лѣтописи. Не понимаемъ, почему слово «*Черкасы*» возбудило гнѣвъ нашего критика, и намъ велятъ его вычеркнуть изъ книги? Во всей такъ называемой Малороссіи это любимѣйшее слово, и пока не переведутся сами Малороссы, не переведется и оно въ живомъ народномъ употребленіи. Если, напримѣръ, всякая щирая Хохлушка бранитъ немилаго *Москалемъ* и всякій для нея, кто только облеченъ въ солдатскій мундиръ, непремѣнный *Москаль*,— то для своего милаго нѣтъ въ устахъ ея лучшаго привѣта, какъ *мой Козаче*! Или еще ласковѣй: *Черкасикъ*! Это фактъ. Нельзя-же въ самомъ

дѣлѣ, изучая Русскую народность, ссылаться на Греко-римскую и Романо-германскую ученость, а самый-то предметъ изученія, живой народъ Русскій, терять изъ виду и ту живую науку, которую изъ себя являетъ языкъ Русскій вовсе пропускать безъ вниманія. Когда-бы всѣ мы, встарь и нынѣ, грамотные Русскіе люди меньше хвалились своею мнимою образованностью, а больше любили родной обычай и соблюдали старозавѣтныя преданія предковъ: много-бы, еще издавна, выиграла наша весьма недавняя «историческая наука». Доброй половины тѣхъ недоразумѣній, которыя скопились въ ней теперь, не было-бы вовсе. Чтó за народъ «Варяго-Русь» (?!), такому, напримѣръ, диковинному вопросу нѣоткуда было-бы и взяться; а почти подобный - же вопросъ— по-каковски говорили Владимиръ Мономахъ и Андрей Боголюбскій, по малороссійски или по великороссійски? казался бы смѣшонъ донѣльзя.

Итакъ, что-же это за слово, Черкасы и имѣли-ли мы право внести его въ «Русскую Исторію отъ древнѣйшихъ временъ»? Всякій, кто только не мудрствуя лукаво читалъ и перечитывалъ наши лѣтописи, вѣроятно, замѣтилъ слѣдующій историческій фактъ. Исподволь подъ Кіевомъ, вообще въ предѣлахъ такъ называемой Малоросіи, скапливается мало по малу особое населеніе, отличное отъ Полянъ. Кромѣ туземныхъ Русскихъ людей, къ коимъ, наприм., можно отнести самого лѣтописца Нестора, этого несомнѣннаго Полянина, и такихъ же Русскихъ людей, каковы именно Владимиръ Мономахъ и Андрей Боголюбскій, тутъ еще набираются изъ степи, отъ Донецкихъ мѣстъ и Задонскихъ, даже отъ горъ Кавказа—Турпѣи да Берендѣи, Ковуи.. сбродъ не совсѣмъ единоплеменный. По своимъ именамъ это полу-азіаты (*Могутные* и Татраны, Шельбиры и *Ревуги*); по образу жизни—полуосѣдлые и полукочевые, полубродники и полуземледѣльцы; всѣ—въ полуподданствѣ у Кіевскихъ и Черниговскихъ державцевъ, а въ тоже время это еще и полудикая вольница. Потомъ (и чѣмъ позднѣе, тѣмъ больше) съ ними сливаются сами «*мирные*» Половцы, тѣ, которые русѣютъ. Это сбродъ разноименный, а однимъ словомъ: Черные-Клобуки. Замѣтивъ это, нельзя ужъ будетъ не обратить вниманія еще и на слѣдующее. Во всѣхъ-же лѣтописяхъ, разъ только выводятся эти самые Черные-Клобуки и приводятся ихъ подлинныя рѣчи, въ складѣ ихъ рѣчей обнаруживаются нѣкоторыя особенности и отличія. Разумѣется, на это можно лишь найти слабые намеки, не болѣе; но больше того мы ничего и не утверждаемъ. Разумѣется, лѣтописный языкъ нашихъ Галичскихъ, Волынскихъ, Кіевскихъ, Суздальскихъ и Новгородскихъ лѣтописцевъ, до такой степени еще не утвердившійся письменный

языкъ, что его неустойчивыхъ и колеблющихся формъ нельзя подвести подъ ранжиръ. Нельзя этотъ волнующійся въ живомъ разнообразіи языкъ, неуловимый въ безконечности соперничествующихъ формъ и оттѣнковъ, заковать въ тиски мертвенной грамматики языковъ мертвыхъ. Къ тому-же и вообще самъ Русскій языкъ — это вѣчно-неумолкающее море, въ которомъ сливаются неизсякаемые ручьи неисчисленныхъ живыхъ говоровъ и нарѣчій—слишкомъ-же еще богатырски-живъ, чтобы установить его разъ навсегда, подчинивъ строгимъ формамъ. Тѣмъ не менѣе, однако, въ любой-же изъ нашихъ лѣтописей всегда можно примѣтить хотя нѣкоторые черты и оттѣнки и «боярскаго» и «смердьяго» языка, и вольныхъ пахарей, *дѣлающихъ нивы свои*, и побирающихся церковниковъ и т. д.; наконецъ, можно прослѣдить нѣкоторыя же черты и оттѣнки племенныхъ разновидностей. Въ образецъ того, относительно Черныхъ-Клобуковъ, ограничимся лишь слѣдующимъ примѣромъ. Станетъ ли кто отрицать, что подобное, напримѣръ, изрѣченіе, какъ: «поѣзжайте въ свой Кіевъ» всякій теперь назоветъ не малоросійскимъ, а скорѣе Великорусскимъ; оно, впрочемъ, просто русское. Напротивъ, подобное-же изрѣченіе, но въ другой формѣ: «*поѣдьте у* свой Кіевъ» не всякій ли изъ насъ въ настоящее время назоветъ именно Малоросійскимъ, а ужъ никакъ не вообще Русскимъ. Эту самую фразу—«поѣдьте у свой Кіевъ»—какъ образчикъ не столько Кіевскаго говора вообще, какъ именно всего «Чернаго-Клобука», можно указать въ лѣтописи по Ипатскому списку, изд. Арх. Ком. Спб. 1871 г. на страницѣ 295-ой. Вотъ подобныя то отличія (хотя въ нѣкоторыхъ чертахъ и лишь въ слабомъ намекѣ, повторяемъ) и слышатся во всѣхъ лѣтописяхъ, какъ только дѣло идетъ о той племенной разновидности, ей-же было имя Черный Клобукъ. въ Патріаршей, или Никоновой лѣтописи Спб. 1862 г. и подъ 1151-мъ годомъ на стр. 191, вы прочтёте: «Изяславъ-же то слышавъ.. поима съ собою Вячеславль полкъ весь и *всѣ Черные Клобуки, еже зовутся Черкасы*». Раскройте также П. С. Л. изд. Арх. Ком. т. 7. Спб. 1856 г. и на стр. 56, подъ тѣмъ же годомъ, повторено слово въ слово «*всѣ Черные Клобуки, еже зовутся Черкасы*». Само наше выраженіе, такимъ образомъ, «*Черные Клобуки зовомые Черкасы*», которому такъ удивился нашъ критикъ, лишь вѣрный снимокъ съ лѣтописнаго. Мы не только не ставимъ его въ упрекъ себѣ, а готовы были бы даже имъ похвалиться. Къ сожалѣнію возможность на то у насъ отнята: пересматривая подробнѣе примѣчанія къ Исторіи Карамзина, мы нашли во 2-мъ томѣ примѣчаніе 218, гдѣ хотя не приводится лѣтописныхъ словъ, но сказано однакожъ «были извѣстны подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ или Черкасовъ». А въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ текста исторіогравъ говоритъ прямо: «были

извѣстны подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ или Черкасовъ». Итакъ, въ этомъ случаѣ даже первенство по употребленію того самаго выраженія, которое такъ удивило критика въ нашей книгѣ, увы! намъ не принадлежитъ. Вотъ, Карамзинъ не проглядѣлъ, значитъ, этого выраженія, хотя, по нашему мнѣнію, не довольно обратилъ на него вниманія.

Мы не дѣлаемъ ссылокъ и по возможности ихъ избѣгаемъ въ историческомъ разсказѣ; но развѣ это поводъ отрицать его вѣрность? Тѣмъ страннѣе показалось намъ обвиненіе, будто мы, не дѣлающіе ссылокъ, ссылаемся подчасъ на какіе-то чуть ли не апокрифы; мы ссылаемся, по увѣренію и по собственному выраженію г. Бестужева-Рюмина, «*на какія-то* (!) *древнѣйшія* (?) *лѣтописи*»... Когда же это и гдѣ? въ цѣлой книгѣ одинъ только разъ допустили мы глухую и неопредѣленную ссылку; но именно на этотъ разъ укорять еще въ ссылкѣ на *какія - то древнѣйшія лѣтописи* было бы наименѣе умѣстно.

Эта неопредѣленная и глухая ссылка допущена нами единственно при указаніи древней формулы: «*Старина прародителей великихъ князей и до сихъ мѣстъ: Государи великіе князья отъ отца къ сыну великое княженіе передавали*». Итакъ, слѣдовательно, ужъ не заподозрѣна ли сама формула, приведенная нами? Но ея подлинность несомнѣнна. Русскіе люди, странно потрясенные роковымъ событіемъ 16-го вѣка, прекращеніемъ на Московскомъ престолѣ многовѣковой національной Рюриковой династіи, именно въ то странное время и стали вдумываться въ минувшія судьбы своего отечества—больше, чѣмъ когда-либо прежде. Въ самую ту пору и образовалось въ народѣ то совершенно особенное и цѣльное воззрѣніе на всю нашу Исторію, по которому стали ее излагать на совершенно же особый образецъ. А именно: которые изъ великихъ князей, непрерывно отъ Рюрика до позднѣйшихъ временъ и въ преемственномъ порядкѣ отъ отца къ сыну вели *всю Русь* къ единству, они и стали выставляться на первый планъ въ Исторіи; а которые князья, хотя бы и числились великими, но скрылись съ глазъ въ Исторіи, не оставя въ ней яркаго слѣда, ни сами по себѣ, ни по своему захудалому потомству, тѣхъ опускаютъ мимо. И замѣчательно: изъ всѣхъ колѣнъ, поколѣній и линій Рюрикова потомства, именно та самая линія, которая произвела царей Московскихъ, одна она и отличается нерушимою цѣльностью такого непрерывнаго преемства. Въ «*Грамотѣ Утвержденной* объ избраніи царемъ Бориса Ѳедоровича Годунова» весьма живо и чрезвычайно наглядно изображается это «династическое древо» Государей, Великихъ Князей — преемство отъ

отца къ сыну Русскихъ державцевъ, съ подробнымъ исчисленіемъ историческихъ дѣяній каждаго изъ нихъ, а всѣхъ степеней отъ Рюрика до Θеодора Іоанновича приходится, такимъ образомъ, двадцать одна степень. (См. Акты Арх. Эксп., т. 8-й, Спб. 1836 г. стр. 16). Въ «*Утвержденной Грамотѣ* Михаила Θеодоровича» тотъ же родословный перечень Государей Великихъ Князей повторяется слово въ слово; а перечисленіе ихъ дѣяній—почти слово въ слово. (См. Собр. Гос. Грамотъ и догов., часть 1, Москва, 1813 г., стр. 599). Никто, разумѣется, изъ Русскихъ людей, ни во времена Бориса Годунова, ни Михаила Θеодоровича Романова не думалъ искать въ такомъ изображеніи «династическаго древа» какихъ-либо научныхъ теорій родоваго ли быта, вообще ли юридическаго быта древней Руси. Но всѣ въ томъ видѣли несомнѣнный историческій фактъ, совершившійся изволеніемъ и по опредѣленію высшихъ судебъ, а не по людской волѣ; а это, при изложеніи исторіи народа, самое главное. Стали ее и писать на этотъ общепринятый тогда образецъ. А что подобный образецъ вовсе не былъ измышленіемъ какихъ-либо досужихъ книжниковъ, наученыхъ Греческимъ и Римскимъ преданіямъ грамотѣевъ или искусныхъ въ витійствѣ риторовъ, а дѣйствительно соотвѣтствовалъ народному воззрѣнію, это очевидно. Такое же точно перечисленіе Русскихъ Государей, эта же самая лѣствица, въ двадцать одну степень, повторяется и въ самыхъ нашихъ лѣтописяхъ. Довольно будетъ указать для примѣра хоть на лѣтопись по Воскресенскому списку (П. С. Р. Л., томъ 7, Спб., 1856 г., стр. 239). Здѣсь, подъ заглавіемъ: «*Начало и корень великихъ князей Русскихъ въ кратцѣ*», эта лѣствица оканчивается Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ; поэтому двадцать степеней — знакъ, что это было писано еще ранѣе Θеодора Іоанновича, задолго до временъ патріарха Іова, что̀ и важно въ этомъ случаѣ.

Слѣдуя такому народному воззрѣнію, расположили и мы «*Русскую Исторію отъ древнѣйшихъ временъ*» именно по этому образцу. Нисколько не насилуя фактовъ, мы описываемъ тогдашнее безнарядье въ Русской землѣ отъ множества совмѣстныхъ князей во всей надлежащей полнотѣ; но тѣмъ не менѣе, однако, постоянно держимъ на первомъ планѣ тѣхъ государей великихъ князей, которые одни только и перечисляются въ томъ «династическомъ древѣ». Мы пристально слѣдимъ, какъ всякому изъ нихъ, въ свою очередь, выпадаетъ жребій участвовать въ этомъ непрерывномъ преемствѣ отъ отца къ сыну, въ верхъ до общаго родоначальника Рюрика, а въ низъ, передавая это преемство нисходящей линіи своего потомства. Весьма пріятно при этомъ, что такое смѣлое и рѣшительное выраженіе, какъ «отъ отца

къ сыну престолъ свой передавали», мы никакъ не могли взять на-свою собственную отвѣтственность, и должны были упомянуть, что оно приводится не какъ нами выдуманное, а какъ принятое изъ старины. Но въ старину оно и было общепринятымъ, по крайней мѣрѣ именно въ ту старину, когда всѣ Русскіе люди поражены были громовымъ ударомъ, что съ кончиною Ѳеодора Іоанновича «*царскій корень исшелъ*». Вѣнчаясь на царство въ Успенскомъ соборѣ, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ говорилъ патріарху: «Отъ прародителей Великихъ Князей старина ихъ и до сихъ мѣстъ: Великіе Князья сынóмъ своимъ давали великое княженьство». Въ отвѣтной рѣчи и патріархъ сказалъ ему почти слово въ слово: «Отъ прародителей Государей и Великихъ Князей всея Великія Россіи, старина ихъ и до сихъ мѣстъ: отцы Великіе Князья сынóмъ своимъ давали великое княженьство» (Акты Арх. Эксп., т. 2, Спб. 1836 г., стр. 54 и 55). Не то важно, что это изрѣченіе, обратившись въ стереотипное, повторяется потомъ и при вѣнчаніи Михаила Ѳеодоровича, но важно тò, что оно уже во времена Годунова составляло старозавѣтное преданіе, за которымъ утвердилась болѣе чѣмъ вѣковая давность. Раскройте *Чинъ вѣнчанія* Ѳеодора Іоанновича (Собр. Госуд. Грам., ч. 2, Москва 1819 г., стр. 75), и вы прочтете: «Старина наша то и до сѣхъ мѣстъ: цари и великіе князіи сынóмъ своимъ давали царство и великое княжьство великія Россіи». А зà-сто лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1498 году, почти то же слово произнесъ Іоаннъ III, вѣнчая сына своего Димитрія. «Отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша оттолѣ и до сѣхъ мѣстъ: отцы наши великіе князья сыновомъ своимъ первымъ давали великое княженіе» (Собр. Гос. Гр., тамъ же, стр. 27). Мы не видѣли никакой надобности приводить въ нашей книгѣ всѣ эти перечисленныя подробности; поэтому, приводя эту формулу, и оговорили только, что такъ сказано «*по одному древнему выраженію*». Правъ ли нашъ критикъ, называя это съ нашей стороны «ссылкою на какія-то древнѣйшія лѣтописи»? Конечно нѣтъ. Если «древнѣйшія лѣтописи» упомянуты тутъ иронически, это едва ли умѣстно по авторитетности приведенной формулы. А если «древнѣйшія лѣтописи» поминаются тутъ въ прямомъ смыслѣ, тогда это напраслина на насъ. Какія же могутъ быть лѣтописи древнѣе Несторовой? Иной древнѣйшей, развѣ ея, не знаемъ.

Мы вообще не дѣлаемъ ссылокъ и по возможности избѣгаемъ примѣчаній и полагаемъ, что въ этомъ правы. Перечисляетъ ли историкъ матерьялъ, находившійся передъ его глазами и источники, бывшіе у него въ рукахъ, или пишетъ исторію такъ, какъ будто вовсе обходился безъ нихъ, ручательство историческаго разсказа за вѣр-

ность—въ немъ самомъ, и нигдѣ кромѣ. Что такое историческій матерьялъ? Мы имъ окружены всюду. Но можно глядѣть и не видѣть. А историческіе источники? Можно и приводя ихъ толковать криво. Къ тому же они общеизвѣстны. Большею частью и лѣтописи, и другіе историческіе акты, еще при Карамзинѣ таившіеся подспудомъ, въ наши дни увидѣли свѣтъ и доступны даже гимназистамъ. Приводить ихъ крайности больше нѣтъ. А обременять «Исторію» разборомъ мнѣній и сомнѣній, существующихъ въ исторической наукѣ, наполнять свою книгу выписками изъ тетрадей, составляющихъ лишь матерьялъ подготовительныхъ работъ, значило бы писать «изслѣдованія», а не собственно такъ-называемую Исторію. Всѣ подобныя изслѣдованія хороши у автора въ кабинетѣ; пускай онъ ихъ и знаетъ про себя, а въ текстъ Исторіи ихъ не должно вносить. Тутъ должно излагать самыя событія, какъ можно болѣе придерживаясь подлинника, то-есть буквы и духа лѣтописей, а изслѣдованіямъ здѣсь ужъ не время и не мѣсто. Если подготовительныя работы автора были смышлёны, и его изслѣдованія вѣрны, это проявится само собою: сами излагаемыя по лѣтописи событія и будутъ свидѣтельствовать о томъ. Тогда и книга будетъ ясна для всѣхъ и общедоступна, ибо главнымъ образомъ это зависитъ отъ того: ясно ли разумѣетъ авторъ то̀ самое, о чемъ хочетъ вразумить читателей, или и для самого̀ автора предметъ толкованія остается теменъ? Соотвѣтствуетъ ли ученое убѣжденіе историка излагаемымъ по лѣтописи фактамъ—вотъ что̀ важно для него; прочее нѣтъ. Вѣрно или невѣрно покажется его «крайнее разумѣніе» всѣмъ такъ-называемымъ «*спеціалистамъ*»—это ужъ не его дѣло, а ихъ. Нѣкто, лучшій у насъ представитель исторической науки, и не *такъ-называемый*, а дѣйствительный знатокъ ея, въ своей глубоко-ученой книгѣ, цѣль которой и была «представить результаты, добытые Русскою историческою наукой въ полтораста лѣтъ ея развитія», свидѣтельствуетъ, на бѣду нашимъ ремесленникамъ науки, что это «*развитіе*» не очень, однако, развернулось въ полтораста лѣтъ. По его словамъ: «при настоящемъ состояніи нашей науки, профессоръ рѣдко можетъ быть увѣреннымъ, что его мнѣніе самое вѣрное». Сущая правда! И что слово это истинно, доказательство тому на-лицо. Укажите въ нашей исторической наукѣ хоть одинъ пунктъ, который бы не почитался спорнымъ. Нѣтъ еще ни одного вопроса, по которому не было бы двухъ діаметрально-противуположныхъ мнѣній. По каждому изъ нихъ эти непремѣнныя, взаимно себя исключающія, *да* и *нѣтъ*, и на каждый тезисъ *за̀* и *противъ* безъ конца. Если, напримѣръ, нашему скромному и, кажется, совершенно-безспорному заявленію о томъ, что Русскіе Варяги были никакъ не Свеи и не Мурмане, а именно *Русскіе*, кто-нибудь изъ кри-

тиковъ возразилъ бы цѣлыми системами и научно-обоснованными теоріями Скандинавомановъ, мы, съ своей стороны, противупоставили бы только всю же литературу нашихъ анти-скандинавистовъ и сыграли бы въ квитъ. Если точно также, съ своей точки зрѣнія, дѣлалъ намъ какія-нибудь возраженія послѣдователь такъ-называемой «теоріи родоваго быта», мы бы ему предложили справиться съ сочиненіями, напримѣръ, И. Д. Бѣляева и прочихъ защитниковъ такъ-называемаго «общиннаго начала» и «общиннаго быта» на Руси; а самимъ намъ опять только и оставалось бы умыть руки. И такъ далѣе, ни съ кѣмъ изъ опонентовъ не вступая въ споръ, переходили бы мы, отъ одного за другимъ, и къ прочимъ спорнымъ пунктамъ. Пускай, напримѣръ какой-нибудь спеціалистъ Славяно-русской миѳологіи сталъ бы намъ доказывать туземность Симы и Регли на Руси и въ подкрѣпленіе своихъ воззрѣній ссылался бы еще на авторитетъ С. М. Соловьева, что и онъ признавалъ у насъ древнее языческое богослуженіе и Русскихъ боговъ, и признавалъ даже въ такой степени, что, по его мнѣнію, «къ Русскимъ повѣрьямъ о вѣдьмахъ совершенно прилагаются выводы, сдѣланные Яковомъ Гриммомъ относительно Нѣмецкихъ вѣдьмъ». А мы, не споря съ спеціалистомъ Русской миѳологіи, сослались бы и съ своей стороны на авторитетъ, напримѣръ, г. Кавелина: «Не имѣемъ положительныхъ доказательствъ, что у нашихъ предковъ язычниковъ были боги; и по общему характеру и свойству ихъ языческихъ повѣрій, считаемъ невѣроятнымъ и неправоподобнымъ, что они были». И такъ далѣе, рѣшительно безъ конца, до самомалѣйшихъ спорныхъ вопросовъ, хотя бы о кожаныхъ деньгахъ. Скептикамъ, которые, отрицая кожаныя деньги, доказывали бы, что Вятичь (платилъ шиллингами, а Сѣверяне и Новгородцы Арабскими диргемами), каковыя диргемы постоянно и до сихъ поръ у насъ выкапываются изъ земли; въ крайнемъ, наконецъ, случаѣ допускались платежи скотомъ, но никакъ не кожаными деньгами, мы противупоставили бы исключительныхъ приверженцевъ этихъ денегъ, которые, напротивъ отрицали бы и шиллинги Вятичей, и диргемы Новгородцевъ, и даже уплату скотомъ, а допускаютъ лишь кожаную единицу денегъ и проч. и проч.

Это самое и увольняетъ отъ обязанности, казалось намъ, прилагать къ каждому слову пояснительныя примѣчанія и всему приводить ссылки. Ни о Варягахъ, ни о древле-языческомъ богослуженіи, ни о чемъ либо подобномъ, мы не дѣлали ни ссылокъ, ни примѣчаній потому именно, что обо всемъ этомъ еще со временъ Ломоносова у насъ цѣлая литература: на всякіе *да* можно найти и всевозможные *нѣтъ*, *за* и *противъ* безъ конца. Но есть и такія утвердившіяся мнѣнія въ на-

шей исторической наукѣ, которыя при всемъ томъ, что составляютъ недоразумѣніе, единогласно приняты за аксіомы, объ нихъ-же разногласія не было и нѣтъ. Какъ это могло случиться, по нашему мнѣнію, чрезвычайно просто. Допустимъ, вкрадется какая нибудь ошибка въ книгу того или другаго историка, а ученая критика ея не замѣтитъ. И вотъ тò самое, чему надлежало бы, какъ всякой ошибкѣ, пропасть безъ слѣда, пойдетъ въ прокъ: ошибку и станутъ потомъ повторять на всѣ лады, какъ мнѣніе утвердившееся въ наукѣ. А бываютъ образцы ошибокъ и еще хуже. Вдругъ, допустимъ-же, появится такое диковинное мнѣніе въ ученой литературѣ, что, казалось бы, его уже по самой экстравагатности и опровергать не стоитъ; а ученая критика объ немъ промолчитъ. Но пройдетъ много времени: этой самой диковинѣ уже начинаютъ приписывать научный авторитетъ. Случаевъ подобнаго рода, можетъ быть, сыщется и болѣе въ нашей исторической наукѣ; но мы держали себѣ на умѣ только два, въ своей книгѣ и помѣтили ихъ оба: одинъ ссылкою на самые источники, а другой длиннымъ подстрочнымъ примѣчаніемъ. То и другое не ускользнуло отъ вниманія нашего критика, и не понимаемъ, почему только поставлено намъ въ укоръ. Упрекнувъ насъ ссылкою на «*какія-то древнѣйшія лѣтописи*», нашъ критикъ отмѣчаетъ еще и тó, что, при отсутствіи вообще ссылокъ въ нашей книгѣ, мы невзначай помянули мниха Іакова. А въ числѣ исправленій, которые надлежитъ намъ сдѣлать при слѣдующемъ изданіи, указывается мелькомъ на то, что мы «*представляемъ Половцевъ Итларя и Китана простыми разбойниками*», давая тѣмъ ясно разумѣть, что съ научной точки зрѣнія это непростительно. Каемся и винимся: не безъ намѣренія, при описаніи Херсонскаго крещенія, сослались мы на мниха Іакова; не безъ намѣренія также и эпизоду съ Итларемъ и Китаномъ посвятили особое примѣчаніе. Только чѣмъ это могло не понравиться или даже показаться предосудительнымъ съ нашей стороны, рѣшительно не понимаемъ. Вѣдь этотъ самый эпизодъ и подалъ поводъ въ нашей исторической наукѣ къ одному очень немаленькому недоразумѣнію, которое давно-бы пора изъять изъ обращенія, а оно до сихъ поръ въ ходу, какъ мнѣніе утвержденное въ наукѣ, поддерживаемое всѣми и не опровергнутое никѣмъ.

Кто безпристрастно прочтетъ это мѣсто объ Итларѣ и Китанѣ въ подлинникѣ и пойметъ его въ томъ простомъ духѣ, въ какомъ оно писано, тому оно и не подастъ повода ни къ малѣйшему недоумѣнію. Тутъ нѣтъ мѣста ни сокрушенію о грѣхахъ, ни смущенію христіанской совѣсти о какомъ-либо вѣроломствѣ (а на все подобное древ-

ніе лѣтописцы были очень чутки) нѣтъ даже тѣни подозрѣнія ни въ клятвопреступленіи ни, кольми паче, въ пролитіи крови безвинно-пострадавшихъ. Все дышитъ въ этомъ разсказѣ лишь наивной радостью: какъ сами разбойники дались въ руки! Все происшествіе, отъ начала до конца, описано въ живыхъ краскахъ. Оно разсказано—не только безъ малѣйшей утайки, а съ явнымъ еще выставленіемъ на показъ даже фамильярнѣйшихъ его подробностей! съ явнымъ-же сочувствіемъ ко всѣмъ участникамъ этого дѣла, между которыми одинъ только чуть было не испортилъ всей удачи, одинъ только и тутъ еще вдругъ заколебался: не возьметь-ли онъ тѣмъ грѣхъ на душу,—и въ этомъ вся изумительность этого простодушнаго, ничего не потаившаго разсказа. Да и чего-жъ было таить лѣтописцу? Все это разсказано не въ укоръ тогдашнимъ князьямъ, Великому Кіевскому Святополку-Михаилу и Переяславскому Владиміру Мономаху,—а въ похвалу обоимъ за ихъ княжескую распорядительность и въ полное одобреніе ихъ рѣшительному поступку. Но изъ насъ, изъ русскихъ людей, обязанныхъ знить свою исторію не только потому что она родная, а даже для сдачи гимназическихъ и университетскихъ экзаменовъ, многіе ли ее знаютъ въ непогрѣшномъ подлинникѣ? Прочтите-же это самое мѣсто у профессоровъ нашей исторической науки, хоть бы въ сочиненіи озаглавленномъ «Русская Исторія въ жизнеописаніи ея главнѣйшихъ дѣятелей».- И что жъ такое? весь этотъ эпизодъ съ Итларемъ и Китаномъ представленъ въ такомъ видѣ, что не Итларь выходитъ разбойникомъ и не Китанъ а .... Владиміръ Мономахъ.

Правда, такой несоотвѣтственный лѣтописному разсказу невѣрный оттѣнокъ приданъ былъ всему этому эпизоду еще со временъ Карамзина. Раньше его, хотя Русскіе грамотные люди давно уже возмнились «*изъ небытія въ бытіе приведенными и къ обществу политическомъ народовъ присовокупленными*», однакоже до такихъ крайностей еще не доходило. Татищевъ напр. не дѣлаетъ этой ошибки; ея нововведеніе прямо относится къ позднѣйшей порѣ, когда всѣ мы, грамотные Русскіе люди, окончательно утратили способность понимать свою простодушную старину и простосердечный языкъ древнихъ лѣтописцевъ. Въ свое время, Исторіографъ нашелъ возможность оправдать столь «гнусный заговоръ» по его мнѣнію и «вѣроломный поступокъ» лишь гуманистическимъ соображеніемъ: «Долговременныя несчастія государственныя остервеняютъ сердца и вредятъ самой нравственности людей» (И. Г. Р. томъ 2-й) Но возвести въ перлъ созданія эту научную легенду о «*гнусномъ заговорѣ*» и довести ея конечные результаты до nec plus ultra суждено было въ нашей историче-

ческой наукѣ именно Н. И. Костомарову. Въ вышеупомянутой «Исторіи», въ главѣ Владиміръ Мономахъ приписывается такая похвала этому князю, которая хуже брани: «За Мономахомъ въ исторіи остается то великое значеніе, что, живя въ обществѣ, едва выходившемъ изъ самаго варварскаго состоянія, вращаясь въ такой средѣ, гдѣ всякій гонялся са узкими своекорыстными цѣлями, еще почти не понимая святости права и договора; одинъ онъ держалъ знамя общей для всѣхъ правды». А эта общая правда въ самомъ ея знаменосцѣ опредѣляется такъ: «Разсуждая безпристрастно, нельзя не замѣтить, что Мономахъ въ своихъ наставленіяхъ и въ отрывкахъ о немъ лѣтописцевъ является болѣе безупречнымъ и благодушнымъ, чѣмъ въ своихъ поступкахъ, въ которыхъ проглядываютъ пороки времени, воспитанія и среды, въ которой онъ жилъ. Таковъ напр. поступокъ съ двумя Половецкими князьями, убитыми съ нарушеніемъ даннаго слова и правъ гостепріимства».

Такъ говоритъ историкъ, слѣдуя прекрасному девизу: «Для историка правда выше всего» и *«разсуждая безпристрастно»*; а намъ кажется, что онъ говоритъ не совсѣмъ правду о «Половецкихъ князьяхъ», что онъ объ Итларѣ и Китанѣ разсуждаетъ пристрастно. Во первыхъ, это не князья а самозванцы; иное дѣло—первоначальные переговоры съ ними, когда въ началѣ принимали ихъ въ самомъ дѣлѣ за князей, и иное дѣло послѣ того какъ открылось ихъ самозванство; во всякомъ случаѣ это не тѣ «Ханы Половецкіе» какими числились въ ту пору Бонякъ или еще самъ Тугорканъ, тесть Святополка. А во вторыхъ, историкъ проглядѣлъ: въ чемъ именно могло заключаться то *«нѣкое оружье»*, съ которымъ и для котораго великій князь Святополкъ-Михаилъ (тогда уже зять главнаго Половецкаго хана Тугоркана) нарочно и спѣшно прислалъ изъ Кіева Славяту,—хотя очень развязно тутъ же и толкуетъ объ этомъ самомъ Славятѣ. Историкъ не замѣтилъ и того еще, что *«воровство»* Итларевой и Китановой *«чади»* выяснилось въ такой степени, что далѣе в. к. Святополкъ и самъ Мономахъ прямо требовали избіенія всѣхъ ихъ. А кто помнитъ тогдашніе счеты Половецкихъ ордъ между собою, тотъ не можетъ усумниться и въ томъ, что избіеніе Итларевой и Китановой челяди прямо входило въ расчеты самихъ Половцевъ, то есть не самозванныхъ а дѣйствительныхъ князей, такихъ именно хановъ, какъ Бонякъ или Тугорканъ. Мы не только не видимъ надобности измѣнять нашего примѣчанія объ Итларѣ и Китанѣ въ духѣ Карамзина и Н. И. Костомарова; а напротивъ того, въ виду сомнѣній, выраженныхъ теперь самимъ г-мъ Бестужевымъ-Рюминымъ, еще усилимъ это мѣсто. Если

въ самомъ дѣлѣ наша книга достигла бы втораго изданія, мы приведемъ еще больше соображеній и предложимъ новыя доказательства объ этихъ «дикихъ Половцахъ» Итларѣ и Китанѣ въ удостовѣреніе того, ктό они были.

Авторитетъ же Н. И. Костомарова заставилъ насъ при описаніи Владимирова крещенія въ Херсонѣ привести, вмѣстѣ со словами Нестора, нѣсколько строкъ Мниха Іакова. Есть книга въ нашей ученой литературѣ не безъ серьезныхъ достоинствъ и свидѣтельствующая о большой начитанности автора; но это столь диковинное произведеніе и въ немъ такой «духъ пылкій и довольно странный», что лучше не поминать. Въ ней презаносчиво весь Несторовъ разсказъ о крещеніи Владимира въ Херсонѣ объявленъ басней; а почему такъ—въ доказательство приводится путанная строчка изъ сочиненія, приписываемаго Мниху Іакову: такъ называемая «Похвала Владимиру». Такъ какъ авторъ не слыветъ авторитетомъ по Русской Исторіи, а спеціалистъ по исторіи церковной, то можно бы было и не слишкомъ считаться съ его личнымъ мнѣніемъ о томъ, гдѣ именно крестился Владимиръ. Но Н. И. Костомаровъ именно профессоръ той самой науки, о которой мы ведемъ рѣчь; имя его пользуется несомнѣннымъ авторитетомъ, масса его читателей и почитателей до сихъ поръ огромная. Въ недавнее время былъ напечатанъ біографическій очеркъ покойнаго профессора, въ которомъ авторъ очерка характеризуетъ знаменитаго историка съ его лучшихъ сторонъ; поклонники Н. И. Костомарова должны быть очень благодарны біографу за симпатичную о немъ статью. Но, характеризуя ученую безпристрастность и правдолюбіе историка, авторъ влагаетъ ему въ уста такой отзывъ о книгѣ вышеупомянутаго церковнаго историка (притомъ именно по вопросу о крещеніи Владимира въ Херсонѣ или индѣ), послѣ котораго нельзя ужъ оставить безъ возраженія эту новую гипотезу, явившуюся въ нашей исторической наукѣ, если не въ уваженіе авторитета церковнаго историка, то уже считаясь съ авторитетомъ самогό Н. И. Костомарова*).

*) *Изъ воспоминаній о Николаѣ Ивановичѣ Костомаровѣ, И. У. Палимсестова.* „Если нашъ историкъ и повергалъ, какъ выражаются, чтимыхъ Русскою землей кумировъ, то что же было дѣлать, когда мы не имѣемъ историческихъ данныхъ для поклоненія имъ, какъ кумирамъ? Для историка правда выше всего. Эти слова я лично слышалъ отъ Николая Ивановича. Передъ неопровержимыми документами нашъ историкъ смирялся и отступался отъ прежнихъ своихъ мнѣній. Извѣстно, что Николай Ивановичъ также вѣрилъ (и писалъ), что равноапостольный князь Владимиръ крестился въ Херсонесѣ Таврическомъ. Но когда вышелъ первый томъ исторіи Русской церкви профессора Моск. Дух. Ак. Голубинскаго, я спросилъ Николая Ивановича: кому же теперь вѣрить, гдѣ крестился Владимиръ? Онъ отвѣчалъ: „конечно, профессору Голубинскому; мы прежде такихъ

Такъ какъ, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ никто на себя не взялъ труда опровергнуть новоявившуюся «гипотезу» о баснословности Несторова разсказа по поводу Херсонскаго крещенія, а вдругъ еще нежданно - негаданно появилось столь вѣское свидѣтельство въ пользу этой «гипотезы», какъ указываемое нами: то мы и почли своею обязанностью, въ разсказѣ о крещеніи Владимира, сдѣлать по крайнему нашему разумѣнію *необходимую* ссылку. По своему обыкновенію, и при эпизодѣ Итляря съ Китаномъ, и при выпискѣ строкъ Мниха Іакова, мы отклонили полемику съ мнѣніями существующими въ исторической наукѣ, а, ограничиваясь сущностью, держались только буквы и духа самогӧ подлинника, то-есть лѣтописи. Мы не изъясняли и причинъ, побуждавшихъ насъ то приводить подлинную цитату, то дополнять текстъ подстрочнымъ примѣчаніемъ; но, разъ возникъ вопросъ о томъ, почему не сказать всей правды?

Мы исчерпали всѣ до одного замѣчанія нашего критика, которыя, не касаясь какихъ-либо спорныхъ пунктовъ по существу, требовали и отъ насъ лишь ссылокъ на строки источниковъ или простого объясненія, почему мы выразились такъ или иначе въ томъ или другомъ мѣстѣ. Переходимъ теперь и къ такимъ возраженіямъ, которыя уже оспариваютъ наши положенія по существу, много благодарные за то, что, при всей своей нещедрости на замѣчанія такого рода, нашъ критикъ однакоже хоть въ нѣкоторой степени не поскупился и на нихъ. Съ первыхъ страницъ «Русской Исторіи отъ древнѣйшихъ временъ» указывается цѣлымъ рядомъ историческихъ фактовъ на тӧ, что въ Кіевѣ издревлѣ велось христіанство, а въ Новгородѣ за тоже время не примѣчалось признаковъ тому ни малѣйшихъ Въ связи съ этимъ указывается еще и на тӧ, что *вѣра*, какъ остатокъ старозавѣтныхъ преданій, общихъ всему Славянству, когда оно еще сиднемъ сидѣло на Дунаѣ, эта вѣра у разсѣянныхъ племенъ, сидѣвшихъ на Руси, видоизмѣнялась мало по малу, въ зависимости отъ сосѣдей, которыми были окружены эти племена, и отъ прочихъ условій самой мѣстности, гдѣ кто сидѣлъ, такъ что, собственно говоря, въ здѣшней сторонѣ не было еще никакой вѣры. Все это излагается почти буквально по тексту лѣтописи; а если сводится къ общимъ заключеніямъ, то лишь къ такимъ именно, которыя и составляютъ логически-простое умозаключеніе. А какъ только пришли сюда званные Русскіе Варяги, и вся уп-

документовъ не знали, и при томъ это первый у насъ критическій умъ по исторіи". (Русское Обозрѣніе 1895 г. Іюль). Незнаемые документы—путанная строчка Мниха Іакова, и только; а критическій умъ едва-ли и самъ проститъ себѣ игривое произведеніе юности.

равляемая ими страна, и самъ здѣшній народъ, за одно съ ними, стали уже титуловаться Русью какъ государственнымъ проименованіемъ, начинается и такая новая вѣра на Руси, что воздвигаются идолы, ставятся кумирни. Начинается новизна и въ обрядахъ; наприм. принесеніе жертвъ идоламъ, даже человѣческою кровью, клятвоприношеніе передъ ними съ поверганіемъ мечей и щитовъ къ подножію кумировъ и т. п. Притомъ, у здѣшнихъ разсѣянныхъ племенъ прежде не было въ заводѣ «нареченныхъ боговъ», а теперь для нихъ нарицаютъ боговъ, и завелось довольно «*нареченныхъ боговъ*». Нѣкоторые принаровлены какъ будто къ мѣстнымъ нравамъ (таковъ напр. скотій богъ), прочіе-же прямо съ Балтійскаго поморья. Между послѣдними примѣтны даже такіе, о которыхъ и на ихъ старой селитьбѣ (Рюгенъ-Волинъ) подозрѣвается, полно и здѣсь, среди сбродныхъ племенъ, еще туземны-ли они, не занесены ли на берега Янтарнаго моря издревлѣ, со временъ Финикійцевъ? Что Русскіе Варяги наглядѣлись чужихъ вѣръ въ Сѣверномъ Поморьѣ, что вообще Варяги занесли много боговъ иноземныхъ, странствуя по всѣмъ морямъ ближнимъ и дальнымъ, это безспорный фактъ. Почему-же г. Бестужевъ-Рюминъ не признаетъ всѣхъ этихъ историческихъ фактовъ за таковые, и простое перечисленіе этихъ неоспоримыхъ фактовъ называетъ какимъ-то «домысломъ» съ нашей стороны? Вотъ, еслибы, въ отпоръ существующимъ въ нашей «исторической наукѣ» миѳологическимъ системамъ «*Славяно-русскихъ божествъ*», мы и съ своей стороны противупоставляли-бы какую нибудь миѳологическую систему, тогда согласны: это былъ-бы «домыселъ». И, прежде чѣмъ позволить себѣ вводить его въ прагматическую «Русскую Исторію», очень и очень надлежало бы подумать, какое право однакожъ имѣютъ вносить подобные домыслы въ исторію? Надо было-бы непремѣнно привлечь автора къ отвѣту, чтобы онъ доказалъ еще правду, а не мнимость домысла. Но мы ровно ничего не измышляли, а излагали сущую историческую дѣйствительность, засвидѣтельствованную неопровержимымъ текстомъ лѣтописи. Поэтому, и для рѣшенія нашего смиреннаго спора съ ученымъ возражателемъ, намъ нѣтъ надобности препинаться о Славяно-русской миѳологіи. Оставаясь въ той же тѣсной рамѣ, въ которой заключенъ нашъ собственный разсказъ о вѣрѣ здѣшнихъ разсѣянныхъ племенъ, разсказъ веденный по буквѣ и духу лѣтописи, мы и не выступимъ изъ этихъ скромныхъ предѣловъ. Оставаясь въ нихъ, въ тоже время однакожъ въ самомъ центрѣ спора, поставимъ только два вопроса нашему возражателю и попросимъ себѣ категорическаго на нихъ отвѣта. Нашъ первый вопросъ: кто приводился «*«на роту по Русскому закону, кляшася оружіемъ своимъ и Перуномъ богомъ своимъ»*»; кто приносилъ еще и на холму клятву идолищу Перу-

ну и прочимъ, повергая щиты и слагая оружіе къ подножію кумировъ, когда присягали въ вѣрности договору съ Греками? Не Олегъ-ли, не Игорь ли, и не вся ли пресловутая «Русь?» или... Вятичи и Родимичи, Поляне и Сѣверяне, Тиверцы и Дулебы? Вѣдь, они были-же вмѣстѣ съ княжіими дружинами собраны подъ Олеговы знамена? Что-то однакожъ ни у Вятичей, ни Уличей и Тиверцевъ подобнаго религіознаго культа не слыхать было. Нашъ второй вопросъ: Если въ Кіевѣ несомнѣнно еще при Аскольдѣ и Дирѣ велось христіанство, почему-же однако при Святославѣ напр. и во времена язычества Владимира, въ самомъ-же Кіевѣ, приходилось «втай» исповѣдывать христіанство? Не потому-ли, что за его исповѣдываніе вслухъ приходилось платить головою или по малой мѣрѣ подвергаться гоненіямъ? О замученномъ Варягѣ, пришедшемъ изъ Греціи и объ его сынѣ (на чьей крови потомъ Владимиръ поставилъ свой храмъ) прямо сказано, что они *втайнѣ исповѣдывали* христіанство; тоже повторяется о многихъ другихъ. О Святославѣ къ тому-же засвидѣтельствовано прямо, что онъ только для матери своей, послѣ того какъ Ольга крестилась, пересталъ гнать христіанъ въ Кіевѣ, хотя ихъ ненавидѣлъ по прежнему; а до того времени, значитъ, гналъ и очень. Если первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ будетъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что потомки Кія, Щека и Хорива еще со времени праотцовъ отличались многобожіемъ и строгой выработанностью религіознаго культа; что у Вятичей и Родимичей и у Дулебовъ клятвоприношенія съ поверганіемъ щитовъ и оружія къ подножію кумировъ и подобные обряды были во всеобщемъ употребленіи и искони составляли ихъ родной обычай, и что съ этой цѣлью между прочимъ Древляне и другіе воздвигали по своимъ селеніямъ идоловъ безъ числа, въ такомъ только случаѣ мы и возмемъ назадъ свое утвержденіе, что все подобное составляло «*Варяжскую новизну*». Также точно, если и на второй вопросъ намъ дадутъ отвѣтъ, что въ Кіевѣ приходилось держаться христіанскаго исповѣданія втайнѣ при язычникѣ Святославѣ и Владимирѣ не изъ страха передъ заведенною тутъ Варяжскою вѣрой и тѣмъ кумирослуженіемъ, ревностью къ которому отличался Владимиръ, а по другимъ совершенно невиннымъ причинамъ, тогда только опять согласимся мы и самое наше выраженіе «*Варяжская вѣра первыхъ князей*» признать неправильнымъ. Въ противномъ случаѣ оно вѣрно и непогрѣшимо, какъ нельзя болѣе, и остается въ силѣ.

Къ числу же «*домысловъ*» съ нашей стороны относитъ г. Бестужевъ-Рюминъ и скромное наше утвержденіе о томъ, что званые Русскіе Варяги были Новгородцамъ полу-чужіе и полу-свои; также и то́,

что уже самое названіе здѣшняго Славянскаго города *Новымъ* заставляетъ предполагать старую селитьбу гдѣ-то на сторонѣ. О Варяжскомъ морѣ, можно бы сказать, у насъ цѣлое море литературы. Охотникамъ туда пускаться—добрый путь. Давно пора оставить ихъ въ совершенномъ покоѣ, предоставивъ всѣмъ нашимъ скандинавоманамъ и антискандинавистамъ, сколько имъ впередъ угодно будетъ, вволю съигрываться въ квитъ. Что до насъ касается, намъ нѣтъ и надобности пускаться въ безпредѣльность. Рамы, въ которыя мы поставили и этотъ вопросъ, очень скромныя; также и онъ въ свою очередь не требуетъ длинныхъ объясненій. Мы полагаемъ, что слово Русь и слово Варягъ—наши Русскія живыя слова, употреблявшіяся искони и до сихъ поръ не вымершія въ народномъ употребленіи. Въ Новгородскомъ говорѣ, мѣстами и на Югѣ среди украинскихъ нарѣчій, до сихъ поръ всякій проворный удалецъ, особливо же съ оттѣнкомъ, что онъ легокъ на руку, зовется Варягомъ. А такія народныя поговорки, какъ *вырваться на Русь* въ смыслѣ вольной воли, или еще «Русскій» въ смыслѣ туземной сельщины-деревенщины — самыя употребительныя выраженія въ цѣлой Россіи. Не сомнѣваемся такимъ образомъ, что термины *Россъ* и *Россія* суть титла собственныхъ именъ, а нарицательными существительными никогда не бывали. Напротивъ того, Русь и Русскій обратились въ титла собственныхъ именъ лишь исподволь и мало по малу по историческимъ обстоятельствамъ, которыя не вовсе же неизслѣдимы въ нашей исторіи. Не сомнѣваемся и въ томъ еще, что Русскіе, то есть Славянскіе Варяги постоянно водились съ Норманнами; при этомъ не отказывались перенимать ихъ обычай, даже могли хвалиться и выставлять на показъ въ себѣ, что съ виду и по смѣшенію крови и по языку и по всѣмъ преданіямъ молодецкаго быта ихъ другъ отъ друга не отличишь (точь въ точь, какъ напр. наши *вольные казаки* среди Черкесовъ хвалятся именно тѣмъ, что ихъ отъ Черкесовъ не отличишь). Но всѣхъ подобныхъ домысловъ и многихъ другихъ, которые съ ними въ связи по вопросу о Русскихъ Варягахъ, мы и не дерзнули вносить въ прагматическое изложеніе «Исторіи». А можно ли болѣе осмотрительно и еще точнѣе выразить нашъ собственный тезисъ, нашу формулу о призванныхъ Варяжскихъ князьяхъ, какъ это сдѣлано въ разбираемой г-мъ Бестужевымъ-Рюминымъ книгѣ? Всю безконечную полемику по этому вопросу мы сводимъ въ одинъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, результатъ; сводимъ къ двумъ положеніямъ—не нашимъ, а Несторовой Лѣтописи. Вотъ эти два положенія нашего непогрѣшимаго лѣтописца: 1) Славянскій языкъ и Русскій—одно есть; 2) такъ звали себя эти Варяги (Русью), также точно какъ прочіе звались Свеями, Данами, Готами, Англянами, Мурманами.

Если изъ сихъ двухъ само собою вытекаетъ еще третье положеніе, это ужъ по логической необходимости, какъ простое умозаключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если и Русскій языкъ и Славянскій одинъ; притомъ Русскіе Варяги—не Свеи, не Даны, не Готы, не Англяне и не Мурманы, по необходимости они—Славяне. Пусть попробуетъ «историческая наука» опровергнуть этотъ неопровержимый тезисъ, и она безъ конца осуждена будетъ искать тó, чего нѣтъ. Этимъ и были заняты, этимъ продолжаютъ заниматься и до сихъ поръ, искатели какого-то небывалаго и нигдѣ ненаходимаго народа, которому даютъ и прозвище не только граматически-невозможное, но даже неподдающееся и произношенію на нашемъ языкѣ: «Варяго-Русь».

Въ заключеніе переходимъ къ самому главному и существеннѣйшему пункту всѣхъ нашихъ разногласій съ ученымъ критикомъ, къ его замѣчаніямъ, касающимся уже не какихъ либо второстепенностей и частностей нашей исторіи, а прямо сказать ея сущности. Менѣе всего ожидали мы выслушать себѣ укоръ въ томъ, будто мало обращено у насъ вниманія на «*единство*» Русской земли, и мы не довольно выставляемъ его на видъ своимъ читателямъ. Намъ болѣе чѣмъ странно показалось то, что для убѣжденія насъ въ такомъ, будто нами отвергаемомъ, «единствѣ», намъ вдругъ напоминаютъ о томъ, что Даніилъ-паломникъ возжегъ кадило въ Іерусалимѣ отъ всей Русской земли. Перелистуйте всю нашу книгу и укажите хоть одну страницу, гдѣ было бы выражено сомнѣніе о такомъ единствѣ. Только объ немъ именно, можно бы сказать, и толкуется въ цѣлой книгѣ. Съ первыхъ же страницъ, гдѣ еще не приступлено даже къ подробному перечисленію здѣшнихъ разсѣянныхъ Славянскихъ племенъ, уже предупомянуто объ нихъ. «Такъ здѣшнія Славянскія племена, хотя не были собраны въ одинъ народъ подъ одну державу, но, какъ пишетъ Несторъ, жили въ мирѣ, то-есть въ союзѣ между собой. Хотя каждое племя называлось своимъ именемъ, сидѣло отъ другихъ особо, жило и управлялось само о себѣ, все это былъ одинъ родъ и одинъ языкъ Славянскій» (стр. 11). Противупоставивъ ихъ родству разносмѣшеніе здѣшнихъ иноплеменниковъ, Чуди, Хозаръ и прочихъ, подтверждаемъ снова: «Вотъ только какіе народы и языки почитались чужими для здѣшнихъ Славянъ; а сами про себя они знали, что составляютъ одинъ родъ и одинъ языкъ Славянскій». Единство рода и языка скрѣпляется потомъ государственнымъ единствомъ; оно же, какъ извѣстно, можетъ простираться еще и на иноплеменныхъ. Какъ только этотъ историческій фактъ совершился, обращено должное вниманіе и на него. «Уже не одни Варяги, составлявшіе дружину князя, сошлись подъ его зна-

мена: сами Новгородцы, Кривичи, даже Чудь изъ Мери и Веси; .значитъ, Новгородцы, Кривичи и эти Финскія племена, во время Рюрика, уже привыкли почитать себя подъ державой Русскаго князя, однимъ народомъ—и на вопросъ, какого они государства? звались «Русью» (стр. 16). Наконецъ, при крещеніи Русской земли, когда весь народъ, кромѣ единенія по роду и языку и принадлежности къ одному государству, объединился еще высшимъ единеніемъ христіанскимъ—свидѣтельствуется о томъ въ полной силѣ. «Крещеныхъ нельзя было и отличить въ крестьянствѣ; однимъ этимъ словомъ «христіанство» или еще «православный» и сталъ себя съ тѣхъ поръ называть весь народъ Русскій. Даже новокрещены изъ Мери и Веси, какъ только обращались въ православіе, становились за одно со всѣмъ народомъ, всѣ были какъ родные. Русскій и православный, быть Русскимъ или быть православнымъ—съ тѣхъ поръ стало одно. Тогда по всей землѣ, отъ Новгородскихъ до Кіевскихъ мѣстъ, отъ Галича у Карпатскихъ горъ до При-Азовья, было одно движеніе и пробудилось одно сознаніе: «Всѣ мы братья по Христовой вѣрѣ да по Русской землѣ». Одинъ вездѣ народъ православный, одна земля Святорусская! слышалось изъ края въ край по всему обширному царству» (стр. 51). «И Кіевъ, купель крещенія всего Русскаго народа, главная сокровищница всѣхъ святынь царства, сдѣлался священнымъ городомъ Русской земли» (стр. 53). Что жъ можно сказать еще больше? Все это обратилось въ тотъ лозунгъ нашей исторіи, который потомъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ сквозь всю неё и носится, какъ гласъ народный. Не эти ли самыя слова повторяются даже наприм. въ XVII-мъ вѣкѣ въ народныхъ грамотахъ, когда города перекликались между собой, вставая поголовно на защиту Русской земли? Не призывалъ ли самъ Мининъ народъ на подвигъ именно этими словами: «Всѣ мы, помяните, въ единой купели крестилися. Всѣ мы братья по Христовой вѣрѣ да по Русской землѣ». Не сомнѣваемся въ прекрасномъ значеніи того кадила, которое Даніилъ-паломникъ возжегъ въ Іерусалимѣ; но намъ-то еще, какъ какому-то Ѳомѣ-невѣрному, зачѣмъ было и указывать на это? Довольно уже приведенныхъ выписокъ въ доказательство того, что у насъ больше собрано свидѣтельствъ объ «единствѣ», чѣмъ одно это кадило.

Съ такимъ крѣпкимъ, нерушимымъ и цѣльнымъ единствомъ, разумѣется, находилась въ неразрывной связи сама свобода народа, любящаго свой бытъ. Одно съ другимъ у Славянъ въ тѣсной связи: въ томъ ужъ, можно сказать, ихъ природное свойство. Достодолжное вниманіе обращено у насъ и на этотъ историческій фактъ. Нельзя выписывать всю книгу; нельзя однако не привести хоть слѣдующихъ строкъ.

«Быть всѣмъ, особо-каждому, главнымъ въ своей собственной семьѣ, чтобы каждый самъ могъ княжить въ родѣ своемъ, и чтобы въ тоже время семьи уживались мирно цѣлыми родами, а на верху одинъ бы про всѣхъ высился князь на цѣлый родъ-племя—таковъ былъ искони вѣковъ родной обычай Славянскій. Также точно: быть всѣмъ, каждой землѣ подъ щитомъ своего князя, о себѣ особо. И въ тоже время всѣмъ имъ вмѣстѣ, по старшему, по Кіевскому великому князю, составлять одинъ великій міръ всей земли Русской—таковъ и пошелъ вольный обычай у всѣхъ здѣшнихъ Славянскихъ племенъ; это и былъ ихъ вольный союзъ Славянскій». (стр. 66) Что касается, такимъ образомъ, до самихъ «государственныхъ формъ», которыя сложились на Руси и казались народу завѣтными и родными; каковъ былъ самъ здѣшній «государственный нарядъ», который всѣмъ народомъ былъ принятъ за свой, а не чужой, за собственный, а не заимствованный со стороны—обо всемъ этомъ, по буквѣ и по духу лѣтописи, у насъ сказано ясно и опредѣленно. «Семейная простота нравовъ, въ связи съ самимъ сельскимъ бытомъ и съ мірскимъ устройствомъ здѣшнихъ племенъ составляла ихъ отличительную особенность, можно бы сказать, ихъ природное свойство. У такого народа само и державство должно было устроиться мирно, на семейный образецъ. Послѣ крещенія, по сильному искони вѣковъ семейному чувству въ Русскомъ народѣ, само собою и *державство* сложилось на семейный образецъ. Оно освятилось христіанскимъ православнымъ завѣтомъ, которому неуклонно слѣдовалъ въ простотѣ душевной Владиміръ Святой и который мудрымъ Ярославомъ въ его завѣщаніи дѣтямъ былъ выраженъ точно и опредѣленно: быть великому князю всѣмъ прочимъ въ отца мѣсто. Отношенія князей между собою, можно бы сказать, были ничто иное, какъ приложеніе отношеній семейныхъ къ быту общественному. И самъ народъ, вся земля Русская, какъ нельзя болѣе сходились съ князьями въ томъ же семейномъ чувствѣ; только семейное чувство въ цѣломъ народѣ переходило естественно въ чувство племенное и областное: цѣлые роды-племена, подъ щитомъ особыхъ князей, сложились въ особыя области; и каждая была сама по себѣ отъ другихъ особо, но въ тоже время всѣ вмѣстѣ составляли одинъ великій міръ, одну землю Свято-русскую. Княженіе, однимъ словомъ, понималось на Руси не иначе, какъ тотъ-же семейный бытъ, только въ приложеніи къ наиобширнѣйшему союзу: къ цѣлому народу всей родины» (стр. 153). Но и всего этого еще не довольно. Самое сознаніе народа объ историческомъ результатѣ подобнаго единства, народное воззрѣніе на то̀, чѣмъ стала въ силу этого единства Русская земля, наприм. во времена Ярослава, высказано у насъ почти буквально лѣтописными сло-

вами. Первоначальное единство по крови и языку, скрѣпленное потомъ государственнымъ единствомъ и наконецъ восполненное и просвѣтленное христіанскимъ единеніемъ въ духѣ Православія—произвело то, что Русская держава, простиравшаяся отъ льдинъ Сѣвера до подошвы Кавказскихъ горъ и отъ степей Задонскихъ и Заволжинскихъ до Карпатовъ и городовъ Дунайскихъ—еще при Ярославѣ мудромъ по сознанію народа и по засвидѣтельствованію о такомъ народномъ сознаніи Несторомъ: «заняла видное мѣсто среди прочихъ государствъ тогдашней Европы: видимое дѣло, предстояли и ей великія судьбы въ общемъ кругѣ ихъ дѣйствій, надлежало и ей занять подобающее мѣсто въ мірѣ (стр. 84).

Если и послѣ такихъ многостороннихъ свидѣтельствъ съ нашей стороны о томъ, что Русскій народъ, какъ нельзя лучше, сознавалъ свое нерушимо цѣльно единство и придавалъ ему огромную важность, насъ еще упрекаютъ въ умолчаніи о томъ, очевидно, ужъ тутъ кроется какое-то недоразумѣніе со стороны самого критика, а никакъ не съ нашей. Выразумѣть въ чемъ оно состоитъ и вывести его наружу—помогутъ намъ два его указанія. Въ одной фразѣ, робкой до застѣнчивости и неопредѣленной почти до неясности, сказано, что въ выставляемомъ нами народѣ желательно было бы видѣть больше «сознанія единства Русской земли, хотя и безъ сознанія важнаго значенія центральной власти». И такъ *«центр[а]лизація»*—вотъ въ чемъ важность единства по мнѣнію самого критика. А дальше, упомянувъ о томъ, что мы не раздробляемъ Русскую Исторію на періоды, установленные наукой, намъ указываютъ еще на слѣдующее. «Авторъ не настаиваетъ на различіи временъ Варяжскихъ и Кіевскихъ отъ Владимірскаго, хотя и сознаетъ что собственно русское государство начинается во Владимірѣ». Довольно двухъ этихъ приведенныхъ фразъ и въ чемъ тутъ наконецъ animus спора—не остается и сомнѣнья. Не мыслимый при русскомъ самодержавіи и къ древне-русскому строю совершенно-неприложимый терминъ западной государственной науки *«централизація»* уже самъ собою указываетъ на характеръ недоразумѣнія нашего критика; а дальнѣйшія слова во второй фразѣ, и вовсе раскрываютъ сущность его. Мы дѣйствительно не видимъ въ древне-русскомъ государственномъ строѣ отъ Ярослава до Андрея Боголюбскаго какихъ-либо происшедшихъ измѣненій, столь существенныхъ для Русской Земли и русскаго народа, чтобы самую исторію за этотъ промежутокъ времени раздирать пополамъ. Это мы дѣйствительно думаемъ и говоримъ. Но съ прочимъ, что на нашъ-же счетъ относитъ критикъ, согласиться не можемъ. Намъ приписываютъ какое-то проти-

нарѣчіе: «*хотя* авторъ и сознаетъ, что собственно русское государство начинается во Владимірѣ». Никогда и нигдѣ мы не сознавали этого. Тутъ двойная опрометчивость со стороны нашего критика. Во-первыхъ, ни малѣйшаго противорѣчія въ нашихъ словахъ нѣтъ: это *хотя* здѣсь рѣшительно неумѣстно; а вовторыхъ, тутъ именно и сваливается нѣкоторое историческое недоразумѣніе,—какъ говорится по-русски—съ больной головы на здоровую. Кто въ нашей «*Исторіи*» читалъ строки въ томъ самомъ разумѣ, въ какомъ они написаны,—всѣ эти страницы о Рюрикѣ, Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ, Ярославѣ, Всеволодѣ и Мономахѣ—тотъ никакъ не скажетъ, что мы не признаёмъ «государственнаго наряда» въ той или другой «государственной формѣ» за эти двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ нашей исторіи, что будто бы мы начинаемъ признавать это лишь со времени Клязьминскаго Владиміра. Также точно, кто читалъ у насъ и страницы объ Андреѣ Боголюбскомъ, безъ заранѣе составленныхъ и съ дѣтства затверженныхъ теорій, тотъ замѣтилъ вѣроятно, что мы почитаемъ государственный строй, царившій наприм. при Владимирѣ Мономахѣ, гораздо болѣе могущественнымъ и соотвѣтствовавшимъ народному завѣту и чаянію, чѣмъ та «государственная форма», которая оказалась весьма хрупкою въ практикѣ самого Андрея Боголюбскаго. Государственная теорія, которой въ свое время слѣдовали на практикѣ Святой Владимиръ и Владимиръ Мономахъ вполнѣ соотвѣтствовала духу времени и самого народа, покрайней мѣрѣ, не въ примѣръ больше той «византійской теоріи», которою могъ соблазниться, но которой всѣхъ злыхъ и добрыхъ сторонъ не могъ даже и знать по своимъ временамъ Андрей Боголюбскій. Если мы ставили на видъ новизну въ его княженіи, то никакъ не въ томъ смыслѣ, что до него не было никакой «государственной формы» а съ его только времени и завелась она; а въ томъ смыслѣ, что существовавшую на Руси «государственную форму» онъ, Андрей, склоненъ былъ повернуть на «чисто-государственный образецъ», причемъ и добавлено въ объясненіе: «на образецъ такого государства, какъ хотя бы сама Греческая имперія». Сами современники упрекали его не за то, конечно, что онъ правилъ честно и грозно—(никогда величіе подобнаго правленія не было такъ благословляемо всѣми, какъ при его дѣдѣ Владимирѣ Мономахѣ)—а за то именно, что въ благословляемый народомъ завѣтъ могущественнаго «государственнаго наряда» онъ чуть было не внесъ «*чуждое начало*» и готовъ былъ пожалуй заимствовать чужой образецъ. Трагическая судьба этого, совершенно-одиноко стоящаго въ нашей исторіи, сумрачнаго какъ сама его родина, Сѣвернаго князя—лучше всего выразилась при его кончинѣ. Отвергнувъ гордую дружину изъ личной-же гордости, погибъ у себя

въ дому, въ своемъ затишьи отъ холопьяго бунта собственныхъ челядинцевъ; а все, къ чему вѣкъ стремился — по собственнымъ-же словамъ его панегеристовъ—разсѣялось безъ слѣда. Какой же тутъ поводъ раздроблять исторію рускаго народа на совершенно никому не нужные и ни къ чему не ведущіе періоды.

Когда подъ «государствомъ» разумѣютъ несовмѣстный съ Русскимъ самодержавіемъ политическій образецъ—древній-ли византійскій идеалъ или современный такъ-называемыхъ «полицей-штатовъ», все равно чуждый Русскому народу иноземный идеалъ—тогда и Русскую державу подъ князьями Дома Св. Владимира, пожалуй, «государствомъ», не назовутъ. Подобнаго идеала, подобнаго «чисто-государственнаго» образца, дѣйствительно, держава Св. Владимира не являла. Напрасно только нашъ критикъ съ ученой важностью внушаетъ: молъ, подобные государства не берутся въ исторіи вдругъ! Напротивъ того: подобные то государства и являются вдругъ, даже мгновенно: то по ярлыку татарскаго хана (довольно припомнить хоть завоевательныя времена Батыя), а то и по ниспавшему съ неба отечественному указу (наприм., Земщина и Опричнина Ивана Васильевича Грознаго). А вотъ иного рода «государственныя формы», зачавшіяся съ органическихъ клѣточекъ и изъ вѣка въ вѣкъ доискивающіяся сложиться въ организмъ болѣе совершенный, разумѣется, не вдругъ являются въ исторіи. За то ужъ этимъ немногимъ, воистину, великимъ государствамъ дается и жребій *поистинѣ великій* во всемірной исторіи: такого рода государственные организмы не могутъ взяться изъ ничего и не создаются по указу. Тысячелѣтняя исторія рускаго народа служитъ доказательствомъ тому. Едва наши соплеменники въ союзѣ съ прочими, отказавшись спорить между собой изъ-за власти, сказали другъ другу: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами» и призвали къ себѣ Русскихъ князей, сказавъ имъ: «придите княжить и володѣти нами», разумѣется, съ той поры у насъ народинѣ и образовалось государство,—а какіе будутъ его «государственныя формы»—это ужъ другой вопросъ. Сколько на пути къ совершенству предстояло имъ и предстоитъ многочастныхъ и многообразныхъ видоизмѣненій дабы очистились въ горнилѣ историческаго опыта и сквозь всѣ перипетіи слагающихся историческихъ обстоятельствъ вышли цѣлы и безпримѣсны—на это сама Исторія и даетъ отвѣтъ. Эти «государственныя формы», въ свою очередь, такое же историческое явленіе, какъ и все прочее; а не что-либо неизмѣнное въ вѣкахъ, о чемъ не мимо и слово: «Всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Форма видоизмѣняется не только изъ вѣка въ вѣкъ, а изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, именно прилаживаясь къ историческимъ обстоятельствамъ. И такое не останавливающееся въ исторіи явленіе «государственныя формы» въ болѣе со-

вершенный образецъ - въ уровень усложняющихся историческихъ обстоятельствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ удовлетвореніе исконныхъ запросовъ народной совѣсти и во исполненіе народныхъ чаяній — едва ли даже когда и достигнетъ искомаго совершенства, столь трудно достижимаго вообще на землѣ. Что касается до нашей родной исторіи, по крайней мѣрѣ, до исторіи «святой Руси» — кто же станетъ отрицать это, — она доискивается его даже днесь; а доищется ли полнаго приближенія къ искомому идеалу и послѣ насъ... кто же это знаетъ? какъ Богъ дастъ. Чѣмъ шире и выше завѣтъ народа и его чаяніе безпредѣльнѣй, разумѣется, тѣмъ больше подвергается на своемъ историческомъ пути и всяческимъ историческимъ испытаніямъ трудно-достижимый идеалъ. А у такого народа, который, просуществовавъ тысячу лѣтъ, тѣмъ не менѣе весь въ будущемъ, надо полагать, этотъ идеалъ не маленькій. Воображать, что историческое мірозданіе творилось и дни мѣнялись за днями только раньше насъ, а чуть мы «*изъ небытія въ бытіе приведены*» шабашъ: исторія вошла въ покой свой — это дѣтскій взглядъ. Дѣти не вшутку воображаютъ, что исторія была когда-то раньше, задолго до нихъ, а чуть взялись на свѣтъ они сами — нѣтъ больше прежней исторіи, а идетъ совсѣмъ другое. На самомъ же дѣлѣ, кто же изъ взрослыхъ сомнѣвается въ томъ, это не такъ. Если тотъ или другой народъ, просуществовавшій тысячу лѣтъ, еще весь въ будущемъ, надо полагать, этотъ народъ, хотя много погрѣшалъ и терпѣлъ много по грѣхамъ своимъ на всемъ пути своей исторіи, но не измѣнилъ однако ея коренному завѣту, нерушимо хранилъ въ нѣдрахъ своимъ вѣрность собственному историческому призванію, цѣленъ до сихъ поръ и вѣренъ самому себѣ. А когда такъ, то уже съ первыхъ строкъ и на первой же страницѣ исторіи такого великаго народа, должны заслуживаться тѣ самые завѣты, тѣ запросы народной совѣсти, которые были ему присущи искони вѣковъ и щемятъ душу этого народа даже сейчасъ. Если современному Русскому историку удалось бы разобрать и примѣтить, хоть единую іоту въ истинно-народныхъ чертахъ изучавшаго имъ народа; то есть удалось бы въ самомъ дѣлѣ еще съ первыхъ строкъ и на первыхъ же страницахъ родной старины услыхать тѣ самые запросы народной совѣсти, которые насъ, Русскихъ людей, дѣйствительно волнуютъ даже сейчасъ, худаго въ томъ не было бы. Такой историкъ, по нашему мнѣнію, оказалъ бы больше пользы своимъ соотечественникамъ, чѣмъ тѣ другіе историки, которые всю нашу древность въ теченіе первыхъ шести вѣковъ почитаютъ за какую-то непроглядную мглу и хаотическіе просели, откуда бы лишь выбраться скорѣй на свѣтъ и на торную дорогу эпохи Московскихъ Іоанновъ, а того лучше Петра, гдѣ уже по ихъ теоріи, вся наша исторія и вошла въ покой свой.

Если не ошибаемся, мы разобрали теперь всѣ замѣчанія нашего критика, кромѣ развѣ двухъ мелочей. Онъ намъ ставитъ на видъ, что тотъ или другой письменный памятникъ сохранился лишь въ какой-нибудь единственной лѣтописи, а мы утверждаемъ, что современники вовремя оно описывали его во множествѣ. Но вѣдь и слово о полку Егоревѣ, какъ всѣмъ извѣстно, достигло до насъ въ одномъ спискѣ. Однакожъ, по всей вѣроятности и, Слово о полку Игоревѣ и «Поученіе Мономаха» оттого и дошли до насъ хоть въ одномъ спискѣ, что ихъ противъ всего прочаго списывали во множествѣ. Еще какъ критикъ удивляется тому, что Святослава, о которомъ въ нашей исторіи затвержена формула: *«по Дунаю во семьдесять градовъ облада...»*, со времени котораго и повелись наши Дунайскіе города помапаемые при Владимирѣ равноапостольномъ, Ярославлѣ, Всеволодѣ, Владимирѣ Мономахѣ и т. д., этого самого Святослава мы зовемъ Дунайскимъ. Что тутъ удивительнаго, не понимаемъ; а что такое упоминаніе о немъ сохранилось и въ старинной письменности — постараемся и это указать, если только и въ самомъ дѣлѣ *«Русская Исторія отъ древнѣйшихъ временъ»* достигла бы втораго изданія.

Разборъ перечисленныхъ замѣчаній скажемъ въ заключеніи—составилъ для насъ трудъ не изъ самыхъ легкихъ. Мы могли бы, по совѣсти говоря, и вовсе уволить себя отъ него—въ виду, если не безспорнаго ученаго достоинства рецензіи, то легковѣсности ея страницъ. Но съ нашей стороны это не какая либо полемика въ защиту своей книги; объ ней даже и отзывъ рецензента вполнѣ сочувственный; о книгѣ сказано, что она представляетъ много серьезныхъ достоинствъ,—чего же больше? А мы почли своею обязанностью дать, по своему крайнему разумѣнію, категорическій отвѣтъ уважаемѣйшему историку—по причинамъ болѣе уважительнымъ. Въ наше разногласіе съ критикомъ не относится къ нему лично, а прямо къ той школѣ, которой онъ у насъ ex officio представитель. Самъ же онъ лично—(таково наше искреннее убѣжденіе; даже то, что онъ изъ первыхъ обратилъ лестное вниманіе на нашъ скромный и посильный трудъ свидѣтельствуемъ намъ о томъ) г. Бестужевъ Рюминъ выше традиціонной односторожности, утвердившейся въ этой школѣ. Но если для лучшаго представителя нашей исторической науки дѣйствительно дороги ея интересы, а родная старина близка его серду—позволимъ и о себѣ сказать: и для насъ этотъ предметъ не чужой.

Н. М. Павловъ.

ПАТРІОТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ НЕИЗВѢСТНАГО АВТОРА.

Лѣтъ десять тому назадъ я получилъ въ подарокъ отъ одного изъ моихъ сослуживцевъ рукописный сборникъ, конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, въ 4-ку, переплетенный въ темную кожу и чрезвычайно разнообразнаго содержанія. Въ немъ находятся выписки изъ большихъ историческихъ сочиненій, напр. изъ «Историческаго описанія Россійской коммерціи» Чулкова, отрывки изъ путешествій, молитвы и заговоры противъ болѣзней и смерти, стихотворенія, загадки, переводная повѣсть «О сговорѣ дѣвицы Сусанны»; наконецъ, разнаго рода практическія наставленія и совѣты. На первой страницѣ сборника выписанъ крупными буквами вензель «ВС′», вѣроятно, перваго владѣльца, а можетъ быть и составителя, сборника. Здѣсь же помѣщенъ еще и № 363. Статьи сборника писались въ разное время и разными лицами и, потомъ уже, были переплетены въ одну книгу. Это видно, во-первыхъ, изъ разныхъ почерковъ, коихъ можно въ сборникѣ насчитать до пяти, а во-вторыхъ, изъ приписокъ къ нѣкоторымъ статьямъ, гдѣ говорится, что такая-то статья (или стихотвореніе) переписана тогда-то и тѣмъ-то, при чемъ, иногда, указывается и источникъ, откуда она заимствована. Большинство статей сборника не представляетъ, однако, ничего новаго; но двѣ-три изъ нихъ не были извѣстны, по крайней мѣрѣ мнѣ раньше не попадались ни въ печати, ни въ рукописяхъ. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ на мой взглядъ печатаемое ниже стихотвореніе, во-первыхъ, по своей отдѣланной формѣ, а во-вторыхъ, по своему содержанію. О «геройскомъ подвигѣ», воспѣваемомъ въ немъ, мнѣ не удалось найдти какихъ либо указаній въ историческихъ изслѣдованіяхъ, такъ что, кажется, это стихотвореніе является единственнымъ документомъ, свидѣтельствующимъ о патріотическомъ поступкѣ Русскаго солдата. Имени автора также мнѣ не посчастливилось открыть.

Вкратцѣ, содержаніе стихотворенія или, вѣрнѣе, мотивъ его появленія, слѣдующій. Во время военныхъ дѣйствій при послѣднемъ раздѣлѣ Польши, Поляками были взяты въ плѣнъ и приведены къ

Польскому чиновнику для допроса тридцать Русскихъ солдатъ, въ томъ числѣ и одинъ егерь Екатеринославскаго корпуса. Терпѣливо сносилъ сей послѣдній разнаго рода оскорбленія и насмѣшки со стороны Поляка, чинившаго ему допросъ, но когда тотъ зашелъ уже слишкомъ далеко въ своемъ нахальствѣ, позволивъ себѣ непочтительно отозваться объ императрицѣ Екатеринѣ II: то егерь не выдержалъ, выхватилъ откуда-то пистолетъ и мѣткимъ выстрѣломъ уложилъ Поляка на мѣстѣ, за что, конечно, претерпѣлъ мученическую смерть. Стихотворенію предшествуетъ, въ сборникѣ, слѣдующее подробное заглавіе, занимающее отдѣльную, цѣлую страницу. Вотъ оно:

Геройскій подвигъ *).

Екатеринославскаго корпуса егеря
когда онъ, въ числѣ тритцати Россійскихъ воиновъ,
взятыхъ въ плѣнъ и приведенныхъ къ Польскому
чиновнику, за дерское его изреченіе во оскорбленіе
Высочайшаго имяни
Монархини Россійской
отмстилъ
убивъ его изъ пистолета.

Ниже сего заглавія, выписаннаго крупными буквами находится помѣта, тою же рукою: «писано Августа 25, 1794. С.-Петербургъ»; а, на слѣдующей страницѣ—и самое стихотвореніе:

Отличный мужествомъ и вѣрностію воинъ,
Какихъ ты почестей, наградъ, любви достоинъ!
Доколѣ твоего терпѣньи стало силъ,
Ты плѣнъ, ругательства, презрѣнье, стыдъ сносилъ,
Терпѣлъ хулы себѣ и поношенье войску,
Превыше всѣхъ клѣвѣть, являя честь геройску;
Но только рѣчь твоихъ коснулася ушей,
Во оскорбленіе Монархини твоей,
Гнѣвъ сердце воспалилъ, вся кровь твоя вскипѣла,
И казнь изъ рукъ твоихъ за дерзость изълѣтела.
Гдѣ ты пристойнѣе отважность могъ явить?
Гдѣ страхъ отмщенія удобнѣй могъ забыть?
То имя, что собой полъ-свѣта украшаетъ,
Почтеніе къ себѣ державамъ всѣмъ внушаетъ,

*) Какъ заглавіе, такъ и самое стихотвореніе печатается строка въ строку, съ соблюденіемъ правописанія подлинника и его пунктуаціи.

Съ которымъ каждый Россъ нигдѣ непобѣдимъ,
Которымъ славенъ онъ, и счастливъ, и любимъ,
То имя оскорблять Полякъ безъ-славный смѣетъ
Предъ Россомъ, кой его смирить всегда умѣетъ.
Я не хочу искать примѣра дѣлъ такихъ,
Герой! ты будешь самъ примѣромъ для другихъ.
Твой подвигъ превознесть хочу, но не дерзаю,
Предъ блескомъ онаго я лиру повергаю.
Увы! почто тебя на свѣтѣ больше нѣтъ?
Ты зрѣлъ бы какъ къ тебѣ признателенъ весь свѣтъ.
Ты смерть вкусилъ за честь, ты сердце успокоилъ,
Но оскорбитель твой руки твоей не стоилъ.

Сообщилъ **Алексѣй Станкевичъ.**

ДОСТОПАМЯТНАЯ ТАБАКЕРКА.

У графа С. Д. Шереметева случилось намъ видѣть большую металлическую круглую позолоченную табакерку. На крышкѣ ея изображена историческая картина очень искусно въ латахъ и шлемѣ съ развивающимися на немъ перьями. Вокругъ надпись: *Б. М. Екатерина II императ. и самодерж. Всеросс. Wechter* (имя художника). На днѣ табакерки съ наружной стороны изваяно: Екатерина въ креслѣ, поднявъ лѣвую руку. Два лица, изъ которыхъ одно въ шлемѣ съ перьями и съ копьемъ, а другое колѣнопреклоненное, подносятъ ей на подушкѣ корону и скипетръ. Возлѣ нихъ Ангелъ, указывающій рукою на небо. Въ облакахъ кто-то колѣнопреклоненный (долженствующій конечно означать Петра Великаго): голова въ лучахъ, въ правой рукѣ мечъ, а лѣвою указываетъ внизъ на Екатерину. Надъ нимъ надпись: *Се спасеніе твое.* Внизу изваянія: *Іюня 28 дня 1762 году.* На коврикѣ, гдѣ стоитъ двуглавый орелъ. Первый изъ подносящихъ подушку со скипетромъ и короною—Петръ III-й, ибо на немъ мантія царская, а на головѣ подобіе вѣнца; въ нагнувшемся надъ нимъ и поддерживающемъ его воинѣ позволительно видѣть Г. Г. Орлова. Екатерина сидитъ влѣво у колонны Коринѳскаго ордена. П. Б.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

Прочитавъ въ Ноябрьскомъ выпускѣ „Русскаго Архива", какъ Хомяковскіе крестьяне отыскивали себѣ будущаго помѣщика, передаю еще бытовую черту конца прошлаго столѣтія.

Бабка моя, 17 лѣтъ, и сестра ея 16-ти отъ роду, остались круглыми сиротами по смерти своего отца Старшая отличалась застѣнчивостію, а младшая была бойка и красива. Ближайшее участіе въ судьбѣ ихъ приняли на себя старухи изъ ихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Онѣ по очереди и попарно ходили ночевать въ барскій домъ, при посредствѣ двороваго грамотѣя разыскали и переселили въ барскій домъ дальнюю родственницу сиротъ, а потомъ стали заботиться, какъ бы лучше старшую боярышню выдать замужъ. Когда онѣ остановились на одномъ кандидатѣ, то, придя міромъ, съ рабскимъ прошеніемъ и слезнымъ моленіемъ, домогались, чтобы жениху дозволено было явиться съ визитомъ. Избранникомъ старухъ оказался сорокалѣтній бездѣтный вдовецъ Слѣпцовъ, красивый отставной гвардеецъ. Благодаря настоянію, меньшой сестры, которой любопытно было взглянуть на новаго человѣка, просьба старухъ была уважена.

Тогда и гостей принимали, и сами въ гости ѣздили съ большимъ парадомъ; по теперешнимъ мостамъ въ тогдашнихъ экипажахъ и не проѣхать бы, да и упряжныя тѣ лошади перевелись. Невѣста оставалась въ нерѣшительности и говорила о своемъ призваніи идти въ монастырь. Наконецъ, послѣ одного изъ посѣщеній гвардейца, когда старухи стали на колѣни, младшая сирота сказала старшей: „Да что же это у насъ будетъ? Слѣпцовъ у насъ всѣхъ утокъ поѣстъ!" И противъ такой неожиданности застѣнчивая барышня не устояла и дала согласіе на бракъ.

Если Хомяковскіе крестьяне не ошиблись, то и Новиковскіе не осрамились: молодые зажили счастливо. Это были мои дѣдъ и бабка. Дѣдъ умеръ около 70-ти лѣтъ, а бабка 87 лѣтъ, дождавшись раскрѣпощенія и послѣ семидесятилѣтняго управленія крестьянами.

Аркадій Слѣпцовъ.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ Ѳ. А. ООМА.

(„Русскій Архивъ“ 1896, вып. 6—9).

Въ XII-й книжкѣ „Вѣстника Европы“ 1896 года редакторъ его М. М. Стасюлевичъ, нѣкогда преподававшій Всеобщую Исторію покойному Цесаревичу Николаю Александровичу, напечаталъ „Необходимое объясненіе“, въ которомъ онъ опровергаетъ цѣлый разсказъ Ѳ. А. Оома о томъ, какъ графъ С. Г. Строгоновъ поручалъ профессору Французской словесности Швейцарцу Курьяру *сгладить впечатлѣніе, произведенное на Цесаревича* лекціями Стасюлевича о Французской революціи. Оказывается, что новѣйшую исторію (слѣд. и о Французской революціи) читалъ Наслѣднику не М. М. Стасюлевичъ, а С. М. Соловьевъ. Немудрено, что, за давностью времени, память измѣнила достопочтенному Ѳеодору Адольфовичу Оому, который впрочемъ нигдѣ не говоритъ, будто лекціи Стасюлевича содержали въ себѣ „апотеозъ Робеспьеровъ и Маратовъ“, напротивъ относится къ нему съ уваженіемъ и даже оканчиваетъ свои Воспоминанія строками прекрасной статьи М. М. Стасюлевича о царственномъ его слушателѣ. Изъ приведеннаго въ „Необходимомъ объясненіи“ письмá графа С. Г. Строгонова видно, что въ то время ходили про М. М. Стасюлевича *ложные толки, вызванные предубѣжденіями однихъ и недоброжелательствомъ другихъ.* Толки эти разсѣялись тогда же, и по кончинѣ Цесаревича императрица Марія Александровна поручила тому же Ѳ. А. Оому выразить профессору материнскую ея благодарность. П. Б.

ВЪ РЕДАКЦІЮ «РУССКАГО АРХИВА».

Въ 10-й книжкѣ „Русскаго Архива“ за 1896 г. помѣщена статья объ устройствѣ крипты подъ Успенскимъ соборомъ Троице-Сергіевой Лавры, причемъ поставленъ вопросъ, извѣстно-ли это Археологическому Обществу. Императорское Московское Археологическое Общество имѣетъ честь увѣдомить, что никакихъ работъ, съ вѣдома Общества, въ Лаврѣ не производилось.

Товарищъ предсѣдателя комиссіи по сохраненію Древнихъ Памятниковъ. К. Быковскій.

ПОПРАВКА.

Къ письмахъ преосвященнаго Иннокентія къ А. Г. Тройницкому („Р. Архивъ“ 1896 г. вып. 9) вкрались двѣ ошибки. А) На стр. 159 въ послѣдней строкѣ письмá подъ № 6 напечатано „Сидите и ждите какъ главнокомандующій“. Вмѣсто этого надо: *Судите и рядите какъ главнокомандующій.* Б) На стр. 160 напечатаны какъ бы заключеніемъ письмá отъ 17 Апрѣля 1853 четыре строки, которыя въ дѣйствительности составляютъ отдѣльную записку (безъ числа и года), чтó видно по цвѣту и формату бумаги.

Г. Тройницкій.

скаго къ братьямъ Воронцовымъ; кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову; Д. П. Трощинскаго, А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письма гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ съ руки гр. П. В. Заводовскаго.

XIII. Письма князя А. А. Безбородка (1776—1799).

XIV. Письма кн. Кочубея (1792—1812), гр. И. Маркова (1782—1805), кн. А. И. Вяземскаго (1795—1804), П. А. Левашова (1786—1791) И. П. Страхова (1785—1801).

XV. Письма А. Я. Протасова (1783—1798). Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ (1803—1807). Записка отъ С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи. Записка о жизни и дѣятельности Питта младшаго.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу (1759—1789), къ П. В. Завадовскому, гр. А. А. Безбородко. Переписка съ Екатериной второй для предотвращенія войны съ Англіею (1788—9) письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну (1798—1830).

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову (1791—1805). Д. И. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ (1794—1804). Н. Н. Новосильцова (1801—1805).

XIX. Переписка гр. С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ (1796—1805) и С.К. Грейгомъ.(1786—1826).

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову (1786—1816), В. С. Тамары (1775—1803), А. Я. Италинскаго (1787—1806), барона Грима (1793—1804), В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова (1800—20). Моск. оберъ-полиц П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову (1783—7).

XXII. Переписка гр. С. Р. и Л. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи (1796—1816).

XXIII. Письма Н. М. Логинова къ графу С. Р. Воронцову (1803—1823).

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма къ гр. А. Р. Воронцову, И. И. Голикова, А. В. Храповицкаго къ гр. С. Р. Воронцову, гр. П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича (объ отношеніяхъ къ Павлу Петровичу). Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Основательно изслѣдованныя и изысканныя причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова. О царствованіи Іоанна III, регенство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). La cour de Russie vis à-vis des puissances étrangères L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ (1754—1755). Rélation de la Révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Записка о Малороссіи. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышева Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897 года.

„Русскій Архивъ" въ 1897 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова").

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1897 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1891, 1892, 1893, 1894** и **1895-й** по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897

2.

Просимъ лицъ, возобновляющихъ подписку на „Русскій Архивъ" означать въ своихъ письмахъ, какую именно книгу „Архива Князя Воронцова" желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ въ 1897 году. (Содержаніе 26-ти книгъ «Архива Князя Воронцова» см. на оборотѣ).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1897.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ конторѣ „Русскаго Архива“ въ Москвѣ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, можно получать по уменьшенной цѣнѣ 26 книгъ этого историческаго изданія.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ „АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА“.

I. Бумаги императрицы Елисаветы Петровны. Прошенія родственниковъ ея. Письма Шуваловыхъ, князя и княжны Кантемиръ, матери Екатерины Великой. Дѣло о Шетарди. Снимки съ писемъ Елисаветы, Іоанны Елисаветы и князя Кантемира.

II. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Письма графа А. П. Бестужева-Рюмина. О Шетарди. Мнѣніе объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи. Переписка съ гр. Санти. Арестъ Ламберта. Письма гр. М. П. Бестужева-Рюмина. Перлюстрація писемъ касательно заговора маркиза Ботты. Бумаги барона Миниха. Прошенія и письма его и Бирона. Письма С. К. Нарышкина, генерала Кейта. Письма и прошенія къ импер. Елисаветѣ.

III. Собственноручный служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Елисаветинской Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. Мнѣнія графа Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій въ 1747 году. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ 1757 г. Доклады гр. Воронцова 1758 годъ. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографическое показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской (1782—1800). Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. (1744) Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. М. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Приложенъ планъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1746—1755). Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Прусаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. М. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину (1760—1761). Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV (1758). Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Приложенъ портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ (1791—1825).

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадов-

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ЕПИСКОПУ ВОРОНЕЖСКОМУ ТИХОНУ III-му [1]).

Преосвященный епископъ Воронежскій Тихонъ! Генералъ-поручикъ Щербининъ по волѣ моей отправился для открытія, съ помощію Божіею, въ будущемъ Декабрѣ правленія въ Воронежскомъ намѣстничествѣ по образу, отъ меня предначертанному. Я удостовѣрена, что ваше преосвященство не оставите ему въ семъ, на пользу отечества устрояемомъ, дѣлѣ пособствовать; паче же общимъ ко Всевышнему молитвамъ предводительствовать вашими пастырскими, да судъ, правда и благо, нами насаждаемые, возростятъ плодъ желаемый.

Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная Екатерина [2]).

Въ Санктъ-Петербургѣ.
Сентября 25 дня 1779 года.

На оборотѣ: Получено повелѣніе сіе высочайшее Октября 20-го дня чрезъ господина Николая Андреевича Щербинина при письмѣ Евдокима Алексѣевича [3]). Подлинное письмо хранится въ библіотекѣ Воронежской Духовной Семинаріи.

(*Сообщилъ священникъ Стефанъ Звѣревъ*).

ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ ГРАФАМИ Н. П. ШЕРЕМЕТЕВЫМЪ И С. Р. ВОРОНЦОВЫМЪ.

1799.

Письмо посла въ Лондонѣ графа Семена Романовича Воронцова къ оберъ-камергеру графу Н. П. Шереметеву.

Londres, ce Avril 1799.

Monsieur le comte.

J'ai reçu la lettre, que vous vous êtes donné la peine de m'écrire du 15 Mars, par laquelle vous me chargez de faire venir chez moi des danseurs et des danseuses, de négocier avec eux des engagements pour le théâtre, dont vous avez la direction, de m'informer de leurs moeurs et principes et de faire avec eux le contrat que vous m'avez envoyé

---

[1]) Это былъ Тихонъ Малининъ, управлявшій Воронежскою паствою съ 1775 по 1788 годъ. П. Б.

[2]) Подпись собственноручная. С. З.

[3]) Т. е. Щербинина же. П. Б.

signé, ne laissant en blanc que les noms. Vous me marquez aussi dans votre lettre que vous désirez que ce soit un certain Didelot et sa femme qui aient la préférence et que ce n'est qu'en cas qu'ils soyent engagés ici, que je fasse la même proposition à un certain Laborie et sa femme.

Je suis bien mortifié de ne pouvoir vous complaire dans ce que vous désirez de moi. Vos prédécesseurs dans la direction du théâtre, feu monsieur de Yelaguine, quand j'étais à Venise, et mons. le prince Youssoupoff, depuis que je suis en Angleterre, m'avaient endossé des commissions pareilles, et je m'en suis excusé, parce que je suis l'homme le plus inepte pour des affaires de cette espèce. J'aime la musique, mais je n'aime pas les ballets et n'y comprends goutte. Ma santé est si faible que, quoique j'aime la première, il n'y a pas 10 jours dans l'année où je puisse aller à l'opéra, à la fin de laquelle je sors sans attendre le grand ballet, qui termine le spectacle. Je fais venir chez moi de temps en temps des chanteurs et des chanteuses pour des concerts que je paye, mais je n'ai aucune liaison avec eux, ayant toujours détésté la société des gens de théâtre. Les négociations, les engagements et les contrats de cette espèce, que vous voulez que je fasse, ne se font jamais par des ministres: c'est l'affaire des banquiers, des négociants et des consuls, et j'aurais laissé ce soin à la maison de commerce, qui a eu ordre de m-r Livio de me remettre l'argent, si un passage de votre lettre ne m'eût retenu. C'est celui où vous me dites: *si d'après leurs moeurs et principes vous les jugez dignes de cette faveur.*

Jamais de ma vie je ne prendrai sur moi une responsabilité pareille; jamais je ne serai le garant des moeurs et des principes des gens de théâtre, et surtout quand ils sont Français. Où voulez-vous, monsieur le comte, que je puisse avoir ces informations? Il aurait fallu que j'eusse vécu avec eux, que je passasse ma vie dans les tavernes et les caffés, que ces gens fréquentent. Mon âge, ma naissance, mon grade, le poste que j'occupe, et mon caractère personnel ne me permettent pas de mener un tel genre de vie. Je dois vous avertir aussi que je vois de temps à autre dans les papiers de nouvelles que tel ou tel autre danseur ou musicien a été chassé hors de l'Angleterre pous ses principes et pour avoir été decouvert être un espion de la France, comme entre autres cela est arrivé au célèbre violon Viotti. Pour toutes ces raisons trouvez bon, monsieur le comte, que je me dispense d'une commission si audessus de ma capacité pour la bien remplir et si audessous de ma façon de penser. D'ici au mois d'Août vous aurez tout le temps nécessaire de vous adresser directement à quelque banquier, négociant ou quelque autre personne qui fréquente assiduement les théâtres. Quelle

qu'elle soit, elle sera un million de fois plus propre à vous satisfaire que celui qui a l'honneur d'être, monsieur le comte, de votre excellence le très-humble et très obéissant serviteur S. c. Woronzow.

P. S. Ne pouvant faire aucun usage du contrat que vous m'avez envoyé, par les raisons ci-dessus mentionnées, je vous le renvoi ci-inclus, monsieur le comte Ut in litteris S. c. Woronzow.

Переводъ.

Лондонъ, Апрѣль 1799 г.

Графъ. Я получилъ письмо отъ 15 Марта, которое вы потрудились мнѣ написать и въ которомъ вы поручаете мнѣ призвать къ себѣ танцовщиковъ и танцовщицъ, переговорить съ ними о наймѣ ихъ для театра, которымъ вы управляете, освѣдомиться о ихъ нравахъ и правилахъ и заключить съ ними условіе, которое вы мнѣ прислали съ подписью и оставленными свободными мѣстами для ихъ именъ. Вы мнѣ выражаете также въ вашемъ письмѣ желаніе, чтобы былъ подговоренъ нѣкто Дидло *) съ женой, предпочтительно, и чтобы только въ случаѣ если они наняты здѣсь, предложить тоже нѣкоему Лабори съ женой.

Я очень огорченъ, что не могу вамъ быть пріятнымъ въ томъ, чего вы отъ меня желаете. Ваши предшественники, директоры театра, покойный Елагинъ, въ то время какъ я былъ въ Венеціи, и князь Юсуповъ, съ тѣхъ поръ какъ я въ Англіи, мнѣ навязывали подобныя порученія, и я отъ нихъ отказывался, потому что я самый неспособный человѣкъ для дѣлъ такого рода. Я люблю музыку, но не люблю балета и ни капли въ немъ не смыслю. Мое здоровье такъ слабо, что, хотя я и люблю ее, но и десяти разъ въ году не могу попасть въ оперу, въ концѣ которой ухожу, не дожидаясь большого балета, оканчивающаго спектакль. Отъ времени до времени я призываю къ себѣ пѣвицъ и пѣвцовъ для концертовъ, за которые плачу; но, ненавидя всегда общество людей театра, я не имѣю никакой связи съ ними. Переговоры, наемъ и условія этого рода, которыя вы хотите, чтобы я совершалъ, никогда не дѣлаются министрами: это дѣло банкировъ, купцовъ и консуловъ, и я бы это поручилъ торговому дому, которому приказано г-номъ Ливіо передать мнѣ деньги, еслибы меня не остановило одно мѣсто въ вашемъ письмѣ, гдѣ вы мнѣ говорите: *если, судя по ихъ нравамъ и правиламъ, вы сочтете ихъ достойными этой милости.*

Никогда въ жизни я не возьму на себя такой отвѣтственности, никогда я не буду порукой нравовъ и правилъ людей театра, особенно если еще они Французы. Какъ бы вы хотѣли, графъ, чтобы могъ я получать эти свѣдѣнія? Я долженъ былъ бы съ ними жить, проводить мою жизнь въ кабачкахъ и кофейняхъ, которые посѣщаютъ эти люди. Мои лѣта, рожденіе, званіе, положеніе, которое я занимаю, и личныя свойства не позволяютъ мнѣ

*) Знаменитый впослѣдствіи Дидло, котораго Пушкинъ обезсмертилъ въ первой пѣснѣ „Евгенія Онегина“. П. Б.

вести подобный образъ жизни. Долженъ я также васъ предупредить, что отъ времени до времени я встрѣчалъ въ газетахъ, что то тотъ, то другой танцовщикъ или музыкантъ былъ выгнанъ изъ Англіи за свои правила и за то, что въ немъ открыли Французскаго шпіона, какъ между прочимъ случилось съ знаменитымъ скрипачемъ Віотти. Согласитесь послѣ всего этого, графъ, съ тѣмъ, что я уклоняюсь отъ порученія, которое столь выше моихъ способностей, чтобы его хорошо исполнить и столь ниже моего образа мыслей. До Августа вы еще отлично успѣете прямо обратиться къ какому нибудь банкиру, негоціанту или кому нибудь, кто усердно посѣщаетъ театры. Кто бы онъ ни былъ, онъ въ милліонъ разъ больше будетъ въ состояніи васъ удовлетворить, чѣмъ имѣющій честь быть, графъ, вашего сіятельства смиреннѣйшій и покорнѣйшій слуга С. гр. Воронцовъ.

P. S. Такъ какъ присланное вами условіе мнѣ не можетъ быть нужно по вышеупомянутымъ причинамъ, то я вамъ его при семъ прилагаю. Какъ (обычно) въ письмахъ: С. гр. Воронцовъ.

Черновой отвѣтъ оберъ-камергера графа Николая Петровича Шереметева графу С. Р. Воронцову.

Pavlowsky, le 1799.

Monsieur le comte.

Je vous demande mille et mille pardons de la liberté que j'ai prise, en remettant à vos soins une commission que vous jugez si audessous de votre façon de penser.

J'avais crû tout bonnement que, comme grand-chambellan, ayant été chargé par l'Empereur de la direction de ses théâtres, je ne pouvais mieux m'adresser qu'à ses propres ministres dans les pays étrangers, pour avoir des sujets capables de satisfaire le goût rare que S. M-té fait paraître pour les bons spectacles. J'avais crû également vous fournir par là une occasion de contenter notre Auguste Maître, qui mérite bien, je pense, que l'on s'occupe un instant de ses délassements, tandis qu'il est si sérieusement occupé de notre bonheur et de celui de toute l'Europe. Mais je vois que je me suis trompé dans mes calculs, et j'aurais commis un million de fois la même bévue, sans la leçon pleine de sens que je viens de reçevoir de votre part, dont je vous suis infiniment obligé.

Je n'ai pas prétendu non plus, monsieur le comte, vous rendre responsable des moeurs, ni des principes des individus que vous auriez jugé dignes d'être engagés au service de l'Empereur; car, comme il est impossible de lire au fond des coeurs, on ne peut en pareils cas que donner la préférence à ceux dont la conduite publique n'est pas notoirement scandaleuse; et je m'étais imaginé, qu'il n'était pas si mal aisé d'avoir là-dessus des renseignements suffisants, sans jamais en prendre sur soi aucune responsabilité, ni avilir sa dignité. C'est le vrai sens du passage que vous citez de ma lettre, et il ne puit en avoir d'autre.

En effet, un directeur des théâtres, qui par sa position est obligé d'avoir affaire à cette espece d'hommes, méprisés pour leur profession, mais toujours estimés pour leurs bonnes qualités, n'est lui-même tenu à une certaine responsabilité que jusqu'au scandale; et alors tant pis pour le coupable: il tombe dans les griffes de la police, qui ne sait pas lui faire grâce. Car, après tout, nous ne saurions connaître dans ces personnes que les talents qu'elles déploient sur les théâtres et le caractère qu'elles déployent dans nos antichambres, sans avoir avec elles d'autres liaisons capables de compromettre, comme vous le remarquez très sagement, notre âge, notre naissance, notre grade et nos charges. Nous serions bien exposés, s'il en était autrement.

Ainsi, monsieur le comte, veuillez bien me pardonner la peine que vous avez prise de me répondre, et croire qu'en cela j'ai agi dans toute la simplicité de mon coeur, engagé en mon particulier par l'intimité qui a regné entre mons-r votre frère et moi.

Je n'aurais pas manqué de m'adresser dans la suite ou à un consul, ou à un banquier, ou à quelque négociant, s'il n'avait plû à S. M-té de m'exempter de la direction de ses théâtres, qui depuis peu vient de passer à la charge du grand-maréchal de la cour.

J'ai l'honneur d'être avec une considération particulière, monsieur le comte, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur.

Переводъ.

Павловскъ, 1799.

Графъ, тысячу разъ прошу у васъ извиненія за ту смѣлость, съ которой я позволилъ себѣ сдѣлать вамъ порученіе, которое вы считаете настолько ниже вашего образа мыслей. Я просто думалъ, что, въ качествѣ оберъ-камергера, которому Государемъ поручено управленіе его театрами, чтобы добывать людей способныхъ удовлетворить рѣдкій вкусъ, который Е. В. проявляетъ къ хорошимъ представленіямъ, я могъ прежде всего обратиться къ его же министрамъ за границей. Я также думалъ доставить вамъ этимъ случай удовлетворить нашего Августѣйшаго Повелителя, который, думаю, вполнѣ заслуживаетъ, чтобы на минуту позаботились о его отдохновеніи, такъ какъ самъ онъ столь серьезно занятъ нашимъ счастіемъ и счастіемъ всей Европы*). Но я вижу, что ошибся въ своихъ разсчетахъ, и еще тысячу разъ сдѣлалъ бы такой же промахъ, если бы не разумный урокъ, который получилъ отъ васъ и за который я безконечно вамъ благодаренъ.

Я также не думалъ, графъ, сдѣлать васъ отвѣтственнымъ за нравы и правила людей, которыхъ вы бы сочли достойными быть приглашенными на службу къ Государю. Ибо, не имѣя возможности читать въ глубинѣ души, въ такихъ случаяхъ можно только отдавать преимущество тѣмъ, чье публич-

---

*) Тогда мы думали благодѣтельствовать Европѣ, спасая ее отъ Французской революціи. П. Б.

нос поведеніе, завѣдомо, не безчинно; и я воображалъ, что не трудно имѣть объ этомъ достаточныя свѣдѣнія, отнюдь не беря на себя какой бы то ни было отвѣтственности или уменьшая свое достоинство. Вотъ настоящій смыслъ приводимаго вами мѣста изъ моего письма; другого и не можетъ быть. Дѣйствительно, даже директоръ театровъ, принужденный по своей должности имѣть дѣло съ этого рода людьми, презираемыми за свое ремесло, но всегда уважаемыми за добрыя качества, не отвѣчаетъ только за безчинство ихъ; тогда тѣмъ хуже виновному: онъ попадаетъ въ руки полиціи, которая его сумѣетъ наказать. Потому что, всетаки, мы признаёмъ въ этихъ людяхъ только способности проявляемыя ими на театрѣ и свойства, которыя они высказываютъ въ нашихъ переднихъ, не имѣя другихъ съ ними сношеній, могущихъ быть какъ вы это очень умно замѣчаете, предосудительными для нашихъ лѣтъ, рожденія, чина и должности. Еслибы было иначе, мы бы очень подвергались этому.

Итакъ, графъ, соблаговолите простить мнѣ, что я васъ утрудилъ отвѣтомъ мнѣ, и вѣрить, что въ данномъ случаѣ я поступилъ по простотѣ сердечной, внутренно побуждаемый близкими отношеніями, бывшими между вашимъ братомъ [1]) и мною.

Я бы не замедлилъ обратиться къ консулу или банкиру или какому нибудь купцу, если бы Е. В. не было благоугодно уволить меня отъ управленія его театрами, недавно перешедшаго къ оберъ-гофмаршалу [2]).

Имѣю честь быть съ особеннымъ уваженіемъ, графъ, вашего сіятельства смиреннѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою [3]).

---

[1]) У графа Александра Романовича Воронцова былъ тоже свой домашній театръ во Владимирскомъ его помѣстьи, селѣ Андреевскомъ. П. Б.

[2]) Александру Львовичу Нарышкину. П. Б.

[3]) Напечатано съ подлинниковъ, сохранившихся въ архивѣ графа С. Д. Шереметева. П. Б.

ПИСЬМО ГРАФА А. Н. САМОЙЛОВА КЪ ЕГО СЫНУ.

Другъ мой Григорій Александровичъ. Привезшій мнѣ отъ тебя и отъ князя Петра Ивановича [1]) письма, хотя и обѣщалъ мнѣ, что предъ отправленіемъ своимъ въ армію онъ заѣдетъ ко мнѣ, но слова своего однакожъ не сдержалъ, а потому и письмо сіе я не чрезъ него къ тебѣ, мой другъ, посылаю. Я увѣренъ теперь въ жребіи твоемъ: когда ты будешь имѣть въ князѣ Петрѣ Ивановичѣ и въ Матвѣѣ Ивановичѣ [2]) покровителей своихъ, то ты не закоснѣешь, мой другъ, тогда. Служи какъ только внуку князя Таврическаго и какъ сыну моему прилично; отстерони теперь отъ себя всякаго рода занятія и устремись къ единой славѣ; прочее же все не уйдетъ отъ тебя. Вспомни, мой другъ, что нѣтъ тебѣ еще 19 лѣтъ; время много еще предстоитъ тебѣ, мой другъ. Основай прежде всего извѣстность свою въ геройской службѣ, потомъ любовь и забавы успѣютъ окружить тебя; будь не ребенокъ, а совершенный характеромъ человѣкъ. Богъ наградилъ тебя большою выгодою въ военной службѣ; ты не трусъ [3]), разсудка въ тебѣ довольно; ограничь себя однимъ только стремленіемъ къ славѣ, то далеко пройдешь, мой другъ. Отецъ мой началъ имя Самойловыхъ дѣлать извѣстнымъ [4]); я, можетъ статься, сдѣлалъ его таковымъ [5]); ты же старайся прославить его. Не досадуй на то, когда за подвиги твои ты ничего не получишь въ то время, когда другіе по обстоятельствамъ получатъ многое. Лучше сказать то, что я награжденъ меньше, чѣмъ заслужилъ, нежели въ душѣ своей чувствовать, что награжденіе оказанное заслуги твои переходитъ. Твое отъ тебя не уйдетъ, мой другъ. Меня очень безпокоитъ рана твоя; когда будетъ ей конецъ, увѣдомь меня, мой другъ о ней и пиши ко мнѣ почаще: ты долженъ знать, что письма твои сердцу моему приносятъ въ горестяхъ моихъ великое облегченіе.

Вѣрный другъ графъ Самойловъ.

---

[1]) Багратіонъ.

[2]) Платовъ.

[3]) Предводительствуя охотниками, молодой графъ Самойловъ первый взошелъ на стѣну Браилова, гдѣ былъ раненъ.

[4]) Николай Борисовичъ, сенаторъ.

[5]) Графскій титулъ, Андреевская лента, орденъ Георгія 2 ст. за штурмъ Очакова, должность генералъ-прокурора.

P. S. Ежели ты въ одномъ мѣстѣ съ Матвѣемъ Ивановичемъ[1]) то самъ письмо сіе вручи ему.

С.-Петербургъ,
Октября 2 дня 1809 го года.

*

На могилѣ графа Григорія Александровича Самойлова въ Бухарестѣ сдѣлана отцемъ его слѣдующая надпись:

«Здѣсь погребенъ графъ Григорій Александровичъ Самойловъ, свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго внукъ [2]).

По службѣ былъ онъ высочайшаго двора камеръ-юнкеръ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подпоручикъ и орденовъ святаго равноапостольнаго князя Владимира 4-й степени съ бантомъ и золотой шпаги съ надписью «за храбрость» кавалеръ, фамильный командоръ ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго.

Послушный сынъ, нѣжный братъ, твердый другъ. Онъ былъ кротокъ, но храбръ. Честь и слава были предметомъ его и былъ всѣми любимъ. 17-ти лѣтъ пріѣхалъ онъ въ Молдавскую армію, на восемнадцатомъ году отличилъ себя на приступѣ Браиловскаго ретраншамента, гдѣ, начальствуя шестьюдесятью передовыми стрѣлками, взошелъ на валъ и, не бывъ подкрѣпленъ, держался тамъ до тѣхъ поръ, пока осталось при немъ ихъ только семнадцать человѣкъ. Тутъ получилъ онъ пулею сильную рану въ правую руку. Отличалъ онъ себя потомъ, гдѣ ни случалось быть ему въ сраженіяхъ за Дунаемъ, и наконецъ, не смотря на тяжкую болѣзнь, которою былъ одержимъ, находился на правомъ же берегу рѣки сей въ сраженіи, бывшемъ 8-го числа Октября 1811-го года, подъ командою генералъ-лейтенанта Маркова.

Прохожій, который преданъ отечеству своему, кто любитъ и почитаетъ родителей своихъ и у кого друзья есть, почтите память сего юнаго воина и сожалѣйте о несчастномъ отцѣ его.

14-го числа Октября скончалъ онъ на двадцатомъ году возраста жизнь свою къ вѣчному огорченію отца, всей его родни и друзей которыхъ онъ успѣлъ нажить».

---

[1]) Т. е. съ Платовымъ. П. Б.

[2]) Т. е. внукъ родной его сестры, Марьи Александровны. П. Б.

ЯРОСЛАВСКАЯ СТАРИНА.

X *).

Волненія Демидовскихъ крестьянъ.

Вѣчно будетъ памятно всей сѣверной Россіи, а особенно Ярославцамъ, что знаменитый богачъ Александровскаго времени Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, въ 1803 году, пожертвовалъ 100,000 рублей и 3,587 душъ на основаніе въ Ярославлѣ такого училища, „которое имѣло-бы одинаковую степень съ университетами." Къ сожалѣнію, до такой степени Демидовское училище (нынѣ Юридическій лицей), не смотря на свое почти столѣтнее существованіе, еще не доросло; но, тѣмъ не менѣе, оно оказало и до сихъ поръ оказываетъ значительныя услуги великому дѣлу просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ: изъ среды „Демидовцевъ" вышло немало людей честныхъ и полезныхъ для государственной службы и общественной дѣятельности. Правда и то, что Демидовъ, жертвуя означенный капиталъ и болѣе трехъ тысячъ пятисотъ крестьянскихъ душъ, состоявшихъ за нимъ въ двухъ уѣздахъ (Углицкомъ и Романовскомъ), имѣлъ въ виду главнымъ образомъ просвѣщеніе „неимущаго дворянства Ярославской губерніи"; но въ тоже время онъ вовсе не стремился къ тому, чтобы сдѣлать изъ созданнаго имъ высшаго учебнаго заведенія училище исключительно-*сословное*. „Извѣстно мнѣ (писалъ Демидовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ прошеніи 29 Апрѣля 1803 г.), сколь великое число неимущаго дворянства въ губерніи Ярославской имѣетъ нужду въ такомъ заведеніи, въ которомъ-бы оно съ малыми средствами могло пріобрѣсть всѣ тѣ познанія, кои образуютъ разумъ и сердце.... И если сія всеподданнѣйшая просьба моя удостоится высочайшаго благоволенія, отдаю я въ пособіе оному (училищу, предполагавшемуся университету) нынѣже, какъ на содержаніе профессоровъ, такъ и другія по училищу надобности, за исключеніемъ нѣкотораго числа дворовыхъ, всѣ помянутыя 3,578 душъ... въ вѣчную и неподвижную пользу онаго, и сверхъ того 100,000 денегъ, желая, чтобы сумма сія, будучи положена въ какое-нибудь государственное мѣсто, осталась вѣчнымъ для него капиталомъ, и училище пользовалось-бы одними доходами, употребляя ихъ не иначе, какъ на содержаніе неимущихъ той губерніи дворянъ и *другихъ состояній людей*"... Изъ послѣднихъ словъ незабвеннаго Русскаго дворянина, въ жилахъ котораго текла простонародная, не аристократическая кровь, повторяемъ, ясно видно, что

*) См. „Русскій Архивъ" 1896 года.

П. Г. Демидовъ не желалъ основать свое училище на узкихъ сословныхъ началахъ, а потому на собираемыя съ пожертвованныхъ имъ вотчинъ деньги обучались лица всѣхъ свободныхъ состояній, впослѣдствіи даже сыновья мѣщанъ и крестьянъ (послѣ уничтоженія крѣпостного права).

Управленіе Демидовскими крестьянами, которые ежегодно платили оброку по 5 рубл. ассиг. съ души, ввѣрено было сначала директору училищъ Ярославской губерніи Хомутову, а затѣмъ, съ 18 Мая 1809 года, Совѣту „высшихъ" наукъ училища, по распоряженію графа А. К. Разумовскаго, тогдашняго попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ слѣдующемъ 1810 г. оброкъ былъ увеличенъ до 8 рубл. асс., а 7 Декабря 1816 года послѣдовалъ высочайшій указъ о передачѣ управленія этими вотчинами гражданскому начальству на тѣхъ-же основаніяхъ, на коихъ управлялись государственные крестьяне" *).

Всѣ эти измѣненія, едва-ли улучшавшія бытъ „Демидовцевъ", произошли *отчасти* по собственной ихъ винѣ, т. е. вслѣдствіе крестьянскихъ междуусобицъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласятъ нижеслѣдующіе очень любопытные документы, заимствованные изъ мѣстныхъ архивовъ. Говоримъ: „отчасти", ибо въ Демидовскихъ вотчинахъ крестьянское самоуправленіе, какъ бы оно хорошо и строго-законно ни велось черезъ „выборныхъ людей", бурмистровъ, все-таки могло смущать если не самихъ крестьянъ, то администрацію, а тѣмъ болѣе владѣльцевъ сосѣднихъ крѣпостныхъ людей въ Углицкомъ и Романовскомъ уѣздахъ. Администрація, въ лицѣ Ярославскаго губернатора кн. Н. М. Голицына и двухъ земскихъ исправниковъ, ежегодно, со времени открытія Демидовскаго „высшихъ наукъ училища", убѣждалась въ томъ, что принадлежавшіе ему мужики способны къ самоуправленію и весьма исправно платятъ подушную подать, по 5 рублей ассиг. въ годъ, въ пользу учащейся молодежи. Что-же касается господъ душевладѣльцевъ, которые взимали со всѣхъ крестьянъ вчетверо, а иногда и болѣе, чѣмъ платили „Демидовцы", то понятно, что эти господа видѣли въ нихъ опасныхъ сосѣдей и злорадствовали, когда между „Демидовцами" возникли смуты, обратившія на себя особое вниманіе министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго.

Судя по нашимъ документамъ, можно безъ ошибки сказать, что предшественникъ Разумовскаго, старый графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, относился къ крестьянскому самоуправленію въ Демидовскихъ вотчинахъ весьма благодушно; онъ давалъ ему большой просторъ, и при немъ всѣ мірскія дѣла —худо-ли, хорошо ли рѣшало народное вѣче, собиравшееся въ селѣ

---

*) См. статью К. Д. Головщикова „въ Ярослав. Губ. Вѣдомостяхъ" 1869 г. (подъ моей редакціей): *„Черты жизни и дѣятельности Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища и потомъ лицея."* Почтенный авторъ этой статьи, вѣроятно, не былъ знакомъ съ дальнѣйшей участью Демидовскихъ крестьянъ по архивнымъ документамъ, или онъ не воспользовался ими по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Л. Т.

Воскресенскомъ. Это вѣче (по современному—волостной сходъ) избирало для себя начальниковъ „бурмистровъ,“ назначало имъ жалованье, контролировало ихъ, учитывало каждую мірскую копѣйку, и если убѣждалось, что она истрачена не по правдѣ, несогласно съ приговорами вотчины, то виновные были удаляемы въ отставку. Большіе грѣхи бурмистровъ и старостъ, конечно, влекли за собой и большее наказаніе. Такъ, напримѣръ, бурмистры Каширинъ, Ярцовъ и Бородулинъ, а также староста Горошковъ, за время управленія Демидовскою вотчиною въ Углицкомъ уѣздѣ, по мнѣнію ея, „сильно разжирѣли на мірскихъ хлѣбахъ“ въ трехлѣтіе съ 1811-го по 1813-й годъ включительно. Всѣ названные крестьяне, обличаемые въ міроѣдствѣ, заключены были въ Угличскій тюремный замокъ, откуда они нашли возможность подать челобитье попечителю Московскаго учебнаго округа Голенищеву-Кутузову, а тотъ, со своей стороны, явился защитникомъ ихъ предъ министромъ гр. Разумовскимъ, которому онъ внушалъ, что подсудимые крестьяне совершенно напрасно заключены подъ стражу и черезъ то лишены всякой возможности принести оправданіе, въ каковомъ никакому подсудимому отказать нельзя. Далѣе, Голенищевъ-Кутузовъ утверждалъ, что „начеты учинены безъ ясныхъ уликъ и доказательствъ въ справедливости оныхъ“. Гр. Разумовскій поставленъ былъ въ затруднительное положеніе, кому вѣрить: мірскому сходу, или Голенищеву-Кутузову? Послѣдній могъ тоже жестоко ошибаться, характеризуя три тысячи крестьянъ, какъ опасныхъ бунтовщиковъ. Къ чести графа Разумовскаго слѣдуетъ отнести, что онъ не сразу повѣрилъ доносу Голенищева-Кутузова, которому вездѣ мерещились „либералы“, начиная съ исторіографа Карамзина и кончая .. „Демидовскими“ крестьянами! Въ видахъ изысканія истины, графъ Разумовскій поручилъ Голенищеву-Кутузову распорядиться освобожденіемъ подсудимыхъ (поименованныхъ выше бурмистровъ и старосты) на поруки, „съ тѣмъ, чтобы послѣ сего предоставлено было имъ право изобрать отъ себя шесть человѣкъ крестьянъ, заслуживающихъ довѣрія, равнымъ образомъ и вотчина съ своей стороны избрала-бы столько-же. Симъ двѣнадцати человѣкамъ (предписывалъ министръ народнаго просвѣщенія) и надлежитъ войти въ разбирательство сдѣланныхъ на подсудимыхъ начетовъ, принявъ со стороны ихъ оправданія, какія они представить могутъ и, сличивъ начеты и оправданія, дать мнѣніе свое, какіе изъ начетовъ признаютъ они правильными и почему равнымъ образомъ, какія статьи не считаютъ справедливымъ начетомъ и по какой причинѣ“ *). Казалось-бы, что запутанное, темное дѣло должно было окончательно разъясниться; но въ немъ произошла путаница: министръ требовалъ, чтобы избранные крестьяне, всѣ 12 человѣкъ, представили, „за общимъ подписаніемъ“, свое (какъ выразился графъ Разумовскій) разбирательство въ Совѣтъ Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища, „который, пріобщивъ свое мнѣніе, представитъ попечителю, а сей уже ему (мини-

*) Предложеніе графа Разумовскаго тайн. совѣтнику Голенищеву-Кутузову отъ 27 Марта 1815 г, за № 578.

стру), купно съ мнѣніемъ своимъ". Это министерское распоряженіе было объявлено вотчинѣ. Ей слѣдовало выбрать шесть чел. излюбленныхъ міромъ людей. Однако таковой выборъ не состоялся, и, не смотря на неоднократныя подтвержденія начальства, чтобы вотчина опомнилась, перестала упорствовать, иначе ей-же будетъ тяжелѣе,—крестьяне все-таки стояли на своемъ, т. е. не выдѣляли изъ своей среды шестерыхъ выборныхъ. Тогда гр. Разумовскій рѣшился въ послѣдній разъ обратиться къ новой примирительной мѣрѣ: онъ просилъ Ярославскаго губернатора поручить земскому исправнику Угличскаго уѣзда отправиться на мѣсто въ училищную вотчину и на мірскомъ сходѣ изъяснить слѣдующее:

1) „Сколь начальство прежде одобряло поведеніе вотчины, тоже начальство столько нынѣ имѣетъ причинъ быть недовольнымъ ею.

2) „Внушить, чтобы она съ точностью выполняла предписанія начальства; чтобы крестьяне оставили возникшія, съ нѣкотораго времени, взаимныя вражды и ссоры между ими, приводящія въ разстройство вотчину; чтобы жили они въ добромъ согласіи, какъ крестьяне единовотчинные и, такъ сказать, люди одного семейства, и не слушались дурныхъ совѣтовъ развратителей.

3) „Предупредить, что непослушаніе къ установленному начальству вредно общественному порядку, о сохраненіи котораго должно прилагать возможное попеченіе, и что въ противномъ случаѣ обязанностію начальства будетъ принять строгія мѣры къ возстановленію онаго".

Кромѣ этихъ мѣръ, исправнику поставлено было въ обязанность объявить, что крестьянинъ Ушаковъ (находившійся тогда въ Петербургѣ), за неповиновеніе его, лишенъ г. министромъ званія бурмистра, и что занявшій мѣсто его староста Шешинъ, „какъ дѣйствовавшій прежде съ нимъ вмѣстѣ, а нынѣ по его наставленіямъ, тоже, за неповиновеніе начальству, разжалованъ его сіятельствомъ графомъ Разумовскимъ изъ старость въ простое крестьянство". „Намѣсто Ушакова и Шешина (писалъ министръ) предоставляется крестьянамъ на томъ-же мірскомъ сходѣ избрать новаго бурмистра и старосту, людей добрыхъ правилъ и испытанной нравственности". Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало вновь министерское распоряженіе освободить изъ-подъ стражи подсудимыхъ крестьянъ и, отдавъ ихъ на поруки, сдѣлать „разбирательство" начетовъ на точномъ основаніи извѣстнаго уже намъ выборнаго суда изъ 12-ти человѣкъ. Письмо гр. Разумовскаго къ кн. Голицыну (отъ 30 Сентября 1815 г., за № 2867) кончалось весьма внушительными словами: „Замѣчая, что въ Демидовской вотчинѣ между нѣкоторыми крестьянами есть какъ-бы *условное согласіе* упорствовать въ исполненіи предписаній начальства, я прошу ваше сіятельство поручить земскому исправнику, что, буде бы внушенія его не подѣйствовали надъ непослушными, то принять строгія мѣры къ возстановленію въ вотчинѣ порядка и повиновенія

начальству и къ взысканію зачинщиковъ сего сопротивленія, которыхъ безъ взысканія оставить не должно".

11 Ноября, Угличскій земскій исправникъ Иванъ Сукинъ, получивъ губернаторскій ордеръ, отправился въ Демидовскую вотчину чинить судъ и расправу, согласно съ министерскимъ распоряженіемъ. Предварительно онъ „нарядилъ" (черезъ нарочно-посланныхъ) „собрать самый большой валовой сходъ"; но, какъ сейчасъ увидимъ, вотчина не очень-таки спѣшила исполнить графское и княжеское приказанія. „Сей сходъ (рапортовалъ исправникъ губернатору 15 Ноября, за № 12), собираясь, человѣкъ за человѣкомъ, скопился поутру въ Субботу (т. е. на 13 число) въ числѣ только 348-ми человѣкъ. Я, переписавъ имена ихъ и прочитавъ ордеръ вашего сіятельства, сталъ внушать всѣмъ крестьянамъ о принятіи новоизбранныхъ бурмистра и старосты (крестьянъ дер. Моркой Анисима Кририлова и Ивана Ефимова). Я говорилъ имъ такую рѣчь: „На сіе есть воля начальства, установленнаго верховною властью. Сколь священно-повиноваться ей! Сколь, напротивъ того, неистово (sic!) противиться желаніямъ оныхъ (?), *основаннымъ* единственно къ собственному всѣхъ и каждаго спокойствію!" И что́-же оказалось? Какъ подѣйствовала на „Демидовцевъ" сія рѣчь, правда, не совсѣмъ безупречная со стороны Русской граматики, но все-таки довольно-близко напоминавшая, по своему содержанію, министерскій приказъ? „Къ несчастію (продолжалъ рапортовать исправникъ Сукинъ), оные крестьяне принебрегли всѣ мои внушенія и закричали всѣ единогласно: „Не хотимъ смѣнять бурмистра Ушакова и старосту Шешина! Не допускаемъ исправлять ихъ должность и другихъ, вновь избранныхъ на тѣ мѣста, крестьянъ! Зачѣмъ только начальство собираетъ насъ на сходы? Совершенно напрасно, единственно изъ потачки нашимъ арестантамъ - міроѣдамъ!..." „Словомъ сказать, крестьяне не приняли ни одного убѣдительнаго внушенія моего и своимъ громкимъ крикомъ заставили меня молчать и слушать ихъ слова. Наконецъ нѣсколько поутихли. Тогда я паки склонялъ ихъ къ исполненію воли начальства, угрожая ихъ спокойствію (sic) и, во избѣжаніе затрудненія начальства, тѣмъ, что для умягченія такой ихъ жестокости наслана будетъ воинская команда, и примутся строгія, со стороны начальства, мѣры. Однако они ни сего не убоялись."

Другими словами сказать, миссія земскаго исправника въ Демидовскую вотчину потерпѣла рѣшительную неудачу, и онъ самъ посвѣшилъ убраться восвояси, удовольствовавшись лишь тѣмъ, что отобралъ отъ крестьянъ, въ подтвержденіе своего донесенія, „удостовѣрительный листъ", на которомъ сельскіе старосты всѣхъ „повытковъ", съ приложеніемъ печатей, изобразили „буйственныя" слова: „Мы дескать исполнять предписаній начальства не соглашаемся!" „Таковое удостовѣреніе (доносилъ губернатору исправникъ) *оригиналомъ* вашему сіятельству имѣю честь представить при семъ рапортѣ" *).

---

*) Въ архивномъ дѣлѣ этого „оригинальнаго документа мы не нашли". Вѣроятно онъ былъ отосланъ княземъ Голицынымъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Такимъ образомъ дѣло принимало не шуточный характеръ: пахло чѣмъ-то въ родѣ бунта. По крайней мѣрѣ о немъ намекалъ исправникъ. Чтобы окончательно удостовѣриться, до какой степени простирается дерзость крестьянъ, и не преувеличилъ-ли начальникъ земской полиціи видѣнное и слышанное имъ во время поѣздки въ Демидовскую вотчину, дальнѣйшее дознаніе по сему казусному дѣлу Ярославское Губернское Правленіе передало Угличскому уѣздному судьѣ Орлову. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на него возложено было еще другое дознаніе по спорному вопросу, возбужденному также гр. Разумовскимъ, объ увольненіи въ купечество крестьянина Ефима Бѣлоусова съ его семействомъ. Бѣлоусовъ былъ очень богатый мужикъ и велъ значительную торговлю въ Петербургѣ. Оттуда, благодаря личному ходатайству бывшаго своего барина П. Г. Демидова передъ гр. Разумовскимъ, Бѣлоусовъ хлопоталъ, чтобы Демидовская вотчина выдала ему увольнительное свидѣтельство для записки въ купечество. Но вотчина, вопреки министерскому распоряженію, „не исполнила сего и составила приговоръ, чтобы съ крестьянъ, просящихъ объ увольненіи, было взносимо за каждую ревизскую душу по 1500 рублей; сверхъ того, чтобы въ пользу вотчины представляемо было съ души мужескаго пола по 500 рублей, и буде вторая рекрутская очередь не очищена, то и за оную взимать тоже по 500 рублей съ души“. Какъ видно изъ находящихся въ нашихъ рукахъ документовъ, въ судьбѣ семейства Бѣлоусовыхъ принялъ горячее и, будемъ думать, вполнѣ безкорыстное участіе попечитель Московскаго учебнаго округа Голенищевъ-Кутузовъ. Онъ разъяснилъ вотчинѣ, во 1-хъ, что „состоявшая за симъ семействомъ земля (въ каковой вотчина имѣетъ недостатокъ) считается въ ея пользу; во 2-хъ, что подати за то семейство обязался платить до новой ревизіи (тогда уже наступившей) родственникъ Бѣлоусовыхъ крестьянинъ Никитинъ, въ чемъ и далъ надлежащую подписку; въ 3-хъ, что хотя вотчина и назначаетъ съ крестьянъ, просящихъ увольненія, за каждую ревизскую душу по 1500 рублей, а потому съ семейства Бѣлоусовыхъ (въ которомъ четыре ревизскія души, въ числѣ коихъ одинъ шестидесятилѣтній старикъ), пришлось-бы 6000 рублей, а если присовокупить къ тому и рожденнаго послѣ ревизіи одного малолѣтняго, то и тогда-бы причиталось только 7500 рублей; но Бѣлоусовы внесли болѣе, именно 10,000 рубл., да сверхъ того пожертвовали на вотчинную церковь 2,000 рублей“. „Неужели мало и сей жертвы?“ недоумѣвалъ благочестиво-настроенный антагонистъ Карамзина. Далѣе, онъ (Голенищевъ-Кутузовъ) разсуждалъ такъ: „Что касается до мірского приговора, состоявшаго въ томъ, чтобы бывшіе Демидовскіе крестьяне, увольняемые въ купечество, отправили и вторую рекрутскую очередь, платя за каждую душу въ міръ по 500 рублей, то постановленіе сіе начальствомъ (т. е. имъ-же, Голенищевымъ-Кутузовымъ) не утверждено и сдѣлано однимъ только вотчиннымъ выборнымъ мѣстомъ“. Выборное начало, вообще, было противно и ненавистно для попечителя Московскаго округа, и онъ всячески старался довести крестьянское самоуправленіе въ Демидовскихъ вотчинахъ до нуля, что ему и удалось

вполнѣ исполнить относительно крестьянъ Романовскаго уѣзда: тѣ совершенно покорно исполнили приказанія Голенищева-Кутузова, обратившагося такимъ образомъ въ богатаго вотчинника, располагавшаго судьбами тысячей людей. Угличскіе-же крестьяне оказались гораздо упорнѣе, устойчивѣе въ сохраненіи своихъ правъ, за что, какъ увидимъ далѣе, и поплатились немало.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что министръ гр. Разумовскій смотрѣлъ (по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ Демидовскихъ крестьянъ) глазами Голенищева-Кутузова. Согласно съ его взглядомъ, гр. Разумовскій писалъ Ярославскому губернатору, между прочимъ, слѣдующее: „Паипаче потому, что на увольненіе семейства крестьянина Бѣлоусова основатель училища изъявилъ утердительно свое согласіе, полагать дальнѣйшія препятствія исполненію въ семъ случаѣ воли его (которую, по благотвореніямъ его, и училище, и вотчина должны считать для себя *священною*) было-бы не у мѣста... Однакожъ и послѣ сего вотчина, упорствуя въ неповиновеніи своемъ предписаніямъ начальства и волѣ Павла Григорьевича (Демидова), не уволила семейства Бѣлоусовыхъ, но требуетъ съ каждый души по 500 рублей на вотчину и по стольку-же за вторую ревизскую очередь, и такимъ образомъ проволочила дѣло сіе до изданія нынѣ указа о новой ревизіи, по которому семейство Бѣлоусовыхъ должно быть приписано и въ крестьянство по прежнему, и послѣ — въ купечество, а потому числиться впредъ опять, до новой ревизіи, въ обоихъ окладахъ... Такое непослушаніе вотчины побуждаетъ меня отнестись къ вашему сіятельству и покорнѣйше просить, чрезъ Угличскаго земскаго исправника, понудить вотчину къ выдачѣ семейству Бѣлоусовыхъ увольнительнаго свидѣтельства, съ представленіемъ onaго въ Совѣтъ Ярославскаго Демидовскаго училища на дальнѣйшее распоряженіе", и. т. д. [1]).

Вмѣсто исправника, посланъ для разбирательства этого слишкомъ запутаннаго дѣла исправлявшій должность Угличскаго предводителя дворянства мѣстный уѣздный судья Орловъ. Этотъ почтенный человѣкъ, выражаясь канцелярскимъ языкомъ, „строго сообразовался съ распоряженіемъ губернскаго начальства", признавшаго, что въ данномъ случаѣ нельзя обойтись безъ помощи „военной силы" для приведенія въ повиновеніе крестьянъ Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища [2]). И вотъ эта „военная сила" отправилась въ походъ противъ бунтовщиковъ въ числѣ десяти рядовыхъ Угличской инвалидной команды съ однимъ унтеръ-офицеромъ. Къ этому воинству, которое начальникъ означенной команды, подпоручикъ Каракинъ проводилъ напутственною рѣчью, пожелавъ ему биться до послѣдней капли крови съ толпою „мятежниковъ", присоединились исправникъ Сукинъ и уѣздный стряпчій Макинъ подъ охраною нѣсколькихъ сотскихъ.

17 Января 1816 г., сей отрядъ, при барабанномъ боѣ, вступилъ въ село Воскресенское, гдѣ находилось Демидовское вотчинное правленіе. Усмирители предполагавшагося бунта увидали, къ своему удовольствію, что

[1]) Письмо гр. Разумовскаго къ кн. Голицыну отъ 14 Октября 1815 г., № 3015.
[2]) Указъ Ярославскаго Губ. Правленія отъ 8 Января 1816 г., № 360.

мужиковъ собралось только 112 человѣкъ, да и тѣ явились предъ начальствомъ, вопреки ожиданія, съ голыми руками, безъ всякаго оружія: ни одного топора, ни одной дубины! А у престарѣлыхъ воиновъ-инвалидовъ всетаки были заряжены ружья, правда, плохонькія, кремневыя, однако способныя выпалить въ толпу и учинить кровопролитіе. На таковаго страшнаго дѣла, слава Богу, не воспослѣдовало. Воинственный жаръ исправника былъ охлажденъ уѣзднымъ судьей Орловымъ, который, если вѣрить архивныхъ свидѣтельствамъ (а не довѣрять имъ мы не имѣемъ основанія), желалъ всемѣрно сообразовать строгій военный законъ, карающій народные бунты, съ заповѣдью, гласящей: „Не убей!“ И убійства не произошло...

— Православные! держалъ рѣчь Орловъ. Выслушайте меня спокойно, не крича, не безчинствуя, подобно тому, какъ вы дѣлали при первой поѣздкѣ къ вамъ господина земскаго исправника. Иначе будетъ плохо!.. Узнайте отъ меня, что о вашихъ безчинствахъ освѣдомленъ самъ его высокопревосходительство господинъ С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ Вязьмитиновъ, который грозитъ заарестовать вашихъ ходаковъ-подстрекателей Софрона Ушакова и Максима Шешина. Обоимъ имъ не сдобровать: отдадутъ ихъ подъ красную шапку, да и вамъ не поздоровится, если вы дерзнете противиться волѣ высшаго начальства...

— Нѣтъ, мы и не думали противиться. Мы покоряемся! закричала вся толпа.

Далѣе въ нашихъ архивныхъ матеріалахъ читаемъ такъ: „И всѣ люди сіи (приводимъ донесеніе Орлова Ярославскому Губернскому Правленію, отъ 24 Января 1816 г.) объявили, что они волѣ начальства не противятся нимало, но просили: такъ-какъ всѣхъ ихъ въ вотчинѣ находится съ малолѣтними и стариками 2404 души, то чтобы позволить имъ собрать всѣхъ крестьянъ взрослыхъ и толковыхъ до 400 человѣкъ.“ Это было дозволено. Народъ собрался. Судья Орловъ, повторивъ свою рѣчь, потребовалъ, чтобы „крестьяне вновь избранныхъ ими (въ первый, уже извѣстный намъ, пріѣздъ земскаго исправника) бурмистра и старосту къ исправленію сихъ должностей допустили, а одновотчинному крестьянину Бѣлоусову дали требуемое министромъ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскимъ увольнительное свидѣтельство“...

— Пишите сію минуту приговоръ! заявилъ на сей разъ расхрабрившійся исправникъ: того требуетъ Ярославское Губернское Правленіе въ силу предписанія столичнаго начальства. За неповиновеніе можете лишиться жизни: у солдатъ ружья заряжены и штыки отточены... „Тогда они (крестьяне), всѣ, павъ на колѣни, единогласно, какъ единосемейные (sic!), со слезами просили оставить ихъ въ покоѣ и бунтовщиками не считать, ибо они нисколько къ тому не сродны. При чемъ говорили: „Если будетъ милость начальства, то оставьте при насъ прежнихъ бурмистра и старосту, поелику мы (крестьяне) въ хорошемъ ихъ (т. е. вышеупомянутыхъ выборныхъ лицъ) распоряженіи увѣрены; а если наша Демидовская училищная

вотчина дошла до настоящаго замѣшательства, то единственно отъ возмущеній, бывшихъ до бурмистра Ушакова и Шешина". Далѣе крестьяне заявили, что особливо-де виновны въ томъ другіе бурмистры, именно: Дмитрій Ефремовъ Каширинъ, Алексѣй Савельевъ Яриловъ и Семенъ Кузьминъ Бородулинъ (изъ деревень Щербова и Большаго-Молодина), да староста дер. Хмѣльниковъ Иванъ Ивановъ Горошковъ: отъ нихъ-де всѣ смуты пошли. „А нынѣ, за ихъ тѣ смуты и возмущенія, они (крестьяне) имѣть таковыхъ въ своей вотчинѣ отнюдь не желаютъ и просятъ, ради спокойствія всего крестьянскаго міра, отъ оной навсегда удалить, куда начальству будетъ угодно... И, падая всѣ нѣсколько разъ на колѣни, просили со слезами себѣ защиты..."

Глубоко тронутый народнымъ горемъ и видя, что „бунтъ", выражаемый колѣнопреклоненіемъ и слезами, не слишкомъ опасенъ для Угличскаго уѣзда, господинъ уѣздный судья успокоилъ народъ:

— „Не бойтесь, ребята! Ручаюсь, что пальбы изъ ружей не будетъ. Это хорошо, что вы смиряетесь и указываете на зачинщиковъ. Я такъ и донесу о томъ Ярославскому Губернскому Правленію, вслѣдствіе его указа *), на его благоусмотрѣніе. Теперь, посовѣтовавшись между собою составьте надлежащій приговоръ, который и вручите мнѣ безотлагательно".

Крестьяне такъ и сдѣлали, „соблюдая всевозможную благопристойность въ своемъ поведеніи". Нѣтъ сомнѣнія, что и ополчившаяся на нихъ инвалидная команда была довольна таковымъ поведеніемъ и своею безкровною „викторіей". Приговоръ-же, „по существу", заключался въ слѣдующемъ:

Во 1-хъ) Демидовская училищная волость засвидѣтельствовала письменно, съ надлежащимъ рукоприкладствомъ, что она, выслушавъ сдѣланное ей убѣдительное внушеніе Ярославскаго Губернскаго Правленія и внявъ оному, повинуется вполнѣ волѣ начальства, почему рѣшительно старосту Шешина и бурмистра Ушакова отъ настоящихъ должностей увольняютъ. Во 2-хъ). Прежде избраннаго въ бурмистры крестьянина дер. Мокрой Анисима Кирилова, за слабостью его здоровья, нынѣ волость не признаетъ за способнаго, а потому на мѣсто его избираетъ вновь крестьянина дер. Ларюкова Семена Григорьева, который, по всѣмъ отношеніямъ, признанъ ими (т. е. крестьянами) за способнѣйшаго; но такъ-какъ онъ находится въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ на заработкахъ, то вытребовать его оттуда и допустить къ отправленію должности безъ малѣйшаго прекословія. Для скорѣйшаго же исполненія воли начальства, „Демидовцы" приговорили: послать за нимъ, т. е. за Семеномъ Григорьевымъ, въ означенный выше столичный городъ особаго нарочнаго, которому и вручить приговоръ съ засвидѣтельствованіемъ онаго въ присутственномъ мѣстѣ. Въ 3-хъ). Когда названный крестьянинъ пріѣдетъ изъ С.-Петербурга, тогда и волость безпрекословно сдастъ ему дѣла; а до того времени пусть, по прежнему, исправляетъ должность старосты

*) Отъ 16 Декабря 1815 г., за № 1655.

крестьянинъ Шешинъ: иначе-де, безъ него, въ вотчинѣ могутъ послѣдовать разныя другія неустройства, которыя-де намъ (крестьянамъ) крайне прискорбны; притомъ-же оный староста Шешинъ обязанъ, кромѣ другихъ вотчинныхъ дѣлъ, порѣшить „сдачею рекрутовъ, еще не вполнѣ поставленныхъ“. Затѣмъ слѣдовали разнообразныя печати и рукоприкладства за безграмотныхъ „Демидовцевъ“. Не въ обиду имъ будь сказано, вся ихъ вотчина, пожертвованная съ благою цѣлью просвѣтить въ Ярославлѣ благородное юношество, сама была почти поголовно безграмотна. Архивныя дѣла убѣждаютъ насъ въ несомнѣнной, хотя и печальной истинѣ, что не графы Заводовскій и Разумовскій съ ихъ преемниками, а сельскіе православные дьячки да старыя дѣвы (преимущественно придерживавшіяся „древней вѣры“) являлись главными проводниками грамотности среди „Демидовцевъ“. Въ написанной ими „бумагѣ“ Угличскій уѣздный судья Орловъ усмотрѣлъ существенную недомолвку, ибо крестьяне ни пол-слова не сказали о томъ, какъ они намѣрены поступить относительно семейства крестьянина Бѣлоусова.

— Увольте его, настаивалъ Орловъ: такова есть непремѣнная воля господина министра народнаго просвѣщенія гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. Вѣдь его сіятельство, яко главный вашъ начальникъ, уже разъяснилъ вамъ, что Бѣлоусовъ нисколько не долженъ вотчинѣ по рекрутскимъ повинностямъ и денежнымъ податямъ... Вѣрно-ли это?

— Не правда! Не вѣрно! зашумѣла толпа; онъ плутъ и обманщикъ, только путаетъ наши дѣла вотчинныя. Просимъ принять отъ насъ „оправданія“ и отсрочить выдачу увольнительнаго свидѣтельства Бѣлоусову до личнаго нашего съ нимъ разсчета. Когда онъ разсчитается, уволимъ..

— Но вѣдь Бѣлоусовъ уплатилъ вамъ 10,000 рублей и кромѣ того пожертвовалъ знатную сумму въ вашу церковь... Чего-же вамъ еще нужно?

— Все онъ лжетъ! Что́ намъ за дѣло, если онъ и наградилъ поповъ? А насъ-міранъ обижаетъ, о чемъ мы и господину министру нѣсколько разъ доносили.. Воля ваша, проливайте нашу кровь, бунтовать мы не станемъ и рады умереть за правду, только Бѣлоусова изъ вотчины не уволимъ, покуда онъ не разочтется съ нами въ точности.

Проливать кровь уѣздному судьѣ не захотѣлось, и онъ ограничился тѣмъ, что отобралъ отъ Демидовской вотчины „новое показаніе“. Въ немъ значилось слѣдующее: „Мы (такіе-то крестьяне) уволить семейство крестьянина Бѣлоусова въ купечество не согласны, по объясненнымъ отъ насъ въ донесеніяхъ г. министру народнаго просвѣщенія причинамъ, то-есть потому, что міръ не точію 10,000 рублей, но даже ни одной копѣйки въ общество свое не получалъ; а безъ оныхъ кто-же будетъ отправлять состоящія на немъ вторую рекрутскую очередь и другія повинности? Ибо онъ по вотчинѣ ихъ въ настоящую 7-ю ревизію въ счету будетъ; къ тому-же сами они, крестьяне, которые имѣли и имѣютъ изрядное состояніе, въ числѣ коихъ и Бѣлоусовъ, сдѣлали между собою добровольно для вотчины приговоръ, чтобы съ

крестьянъ, просящихъ объ увольненіи, за каждую ревизскую душу вносимо было по 1,500 рубл., да въ пользу вотчины по 500 рубл., а буде вторая рекрутская очередь не очищена, и за оную по 500 рубл. Сверхъ того, онъ (Бѣлоусовъ) и семейство его по вотчинѣ никакихъ должностей, какъ-то: старосты, старшины и сотскаго, пятидесятскаго, десятскаго и прочихъ, никогда не исправляли.

— Но за-то они отличались благочестіемъ великимъ, вставилъ свое слово земскій исправникъ Сукинъ: на церковь жертвовали; а вы что?

— Это, ваше благородіе, до вотчины не касается, убѣдительно отвѣчали „Демидовцы"; давалъ-ли Бѣлоусовъ попамъ, или не давалъ, это не наше дѣло... Міръ тутъ не причемъ.

„За симъ (читаемъ въ приговорѣ), посовѣтавшись между собою, мы договорились въ томъ, что сдѣланное Бѣлоусовымъ въ церковь пожертвованіе міръ на свой счетъ не принималъ и не пріемлетъ, потому-что сіе зависѣло отъ доброй его (Бѣлоусова) воли и единственно въ душевную его пользу". Приговоръ заключался слѣдующими словами: „Для сего мы и просимъ начальство Бѣлоусову приказать пріѣхать въ вотчину и учинить во всемъ, относящемся до прописанныхъ повинностей, разсчетъ, и когда онъ сіе сдѣлаетъ и удовлетворитъ вотчину въ полной мѣрѣ, тогда мы согласны его уволить."

Вѣроятно, у Бѣлоусова, богача-крестьянина, желавшаго вырваться изъ крестьянской среды для приписки въ купечество, была „сильная рука" въ тогдашнемъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Подразумѣваемъ здѣсь, конечно, не „руку" самого графа Разумовскаго: вмѣсто ея могли дѣйствовать и писать чиновныя особы средняго, такъ-сказать, ранга, видѣвшія въ Бѣлоусовѣ источникъ „доходовъ", едва-ли безгрѣшныхъ. Отъ главнаго-же радѣльца и заступника Демидовской вотчины, крестьянина Ушакова, особенныхъ выгодъ не обрѣталось. Между тѣмъ голосъ его на мірскомъ сходѣ могъ быть очень вліятеленъ...

И вотъ завязалась странная, можно сказать, единственная въ своемъ родѣ борьба между простымъ почти безграмотнымъ Угличскимъ мужикомъ и министромъ народнаго просвѣщенія.

Графъ А. К. Разумовскій писалъ губернатору, кн. М. Н. Голицыну такъ:

„Прошу ваше сіятельство поручить Угличскому Земскому Суду, дабы Ушаковъ, по прибытіи его въ Угличъ, понужденъ былъ немедленно сдать вотчинѣ надлежащій отчетъ по управленію оною въ суммахъ и бумагахъ, и обязать его подпискою, чтобы послѣ того въ вотчинныя дѣла онъ отнюдь не вмѣшивался и на мірскихъ сходахъ не присутствовалъ, что поручить также надзору помянутаго Суда. *Графъ Алексѣй Разумовскій*" *).

*) Письмо отъ 10 Января 1816 г., № 30-й.

Вмѣшалось въ это дѣло и другое важное лицо—Вязьмитиновъ, совмѣщавшій въ себѣ двѣ должности: главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ и министра полиціи. Онъ тоже, со своей стороны, писалъ кн. Голицыну: „Ваше сіятельство на предписаніе мое о внушеніи Угличской училищной волости, дабы она выдала требуемое отъ нея г. министромъ народнаго просвѣщенія свидѣтельство на записку крестьянина Бѣлоусова съ семействомъ въ купечество, представили только донесеніе правящаго должность Угличскаго дворянства предводителя, изъ коего видно, что крестьяне помянутой волости, при всѣхъ его убѣжденіяхъ, на увольненіе Бѣлоусова не согласились подъ предлогомъ якобы рекрутской очереди, имъ не очищенной; но вы не изъясняете вашего мнѣнія объ основательности таковаго ихъ отзыва и какія, по мѣстному усмотрѣнію, нужно принять мѣры къ понужденію вотчины въ выдачѣ увольнительнаго свидѣтельства семейству Бѣлоусова. Почему я и прошу васъ доставить мнѣ по сему предмету обстоятельное донесеніе“ [1]). Въ чемъ оно состояло, намъ не извѣстно: наша архивно-историческая „Ярославская старина“ о томъ умалчиваетъ. Но, судя по дальнѣйшему направленію и окончанію описываемой здѣсь исторіи, едва можно допустить, что донесеніе губернатора было въ пользу „Демидовцевъ“ вообще, а вожаковъ ихъ въ особенности.

Вскорѣ надъ всѣмъ этимъ злополучнымъ людомъ разразилась гроза уже далеко не въ видѣ Угличскихъ инвалидовъ-сотскихъ подъ предводительствомъ земскаго исправника: дѣло пошло выше и выше и, наконецъ, дошло до Царскаго престола черезъ Комитетъ Министровъ, которому гр. Разумовскій „представилъ“, что „крестьяне Угличской вотчины Демидовскаго высшихъ наукъ училища, не повинуясь начальству, *занимаются лишь ябедами*, а посему нуждаются въ принятіи противъ нихъ *наиболѣе строгихъ мѣръ*“. И мѣры были приняты.

Императоръ Александръ высочайше повелѣть соизволилъ [2]), для прекращенія всѣхъ ябедъ крестьянъ и возстановленія въ вотчинѣ послушанія къ начальству, исполнить слѣдующее:

„Бывшихъ вотчинныхъ бурмистра и старшину, крестьянъ Софрона Ушакова и Максима Шешина, какъ главныхъ виновниковъ, въ примѣръ другимъ, отдать въ солдаты, съ зачетомъ въ вотчинѣ за рекрутовъ. За тѣмъ именемъ Его Императорскаго Величества объявить вотчинѣ:

„1) Дабы она обратилась къ повиновенію начальству, и чтобы всѣ предписанія онаго, не имѣющія другой цѣли, кромѣ блага самихъ крестьянъ, непремѣнно и во всей точности были исполнены.

---

[1]) Предписаніе мин. полиціи Вязьмитинова Яросл. губ. кн. Голицыну отъ 16-го Марта 1816 г., № 297.

[2]) Приводимъ съ буквальной точностію предписаніе того-же Вязьмитинова отъ 5 Ноября 1816 г., № 1940.

„2) Чтобы на мѣсто Ушакова и Шешина тутъ-же изъ наличныхъ крестьянъ избраны были вновь бурмистръ и старшина, изъ людей честнаго и добраго поведенія, и—

„3) Чтобы производящееся въ вотчинѣ дѣло о разныхъ начетахъ на прежнихъ бурмистровъ, до Ушакова въ оной бывшихъ, предано было вѣчному забвенію.

„Вмѣстѣ съ симъ высочайше повелѣно также изслѣдовать, не былъ-ли дѣйствующимъ лицомъ при означенныхъ безпорядкахъ въ вотчинѣ писарь оной, крестьянинъ Левъ Пахомовъ?„

Злополучный Софронъ Ушаковъ въ то время находился въ С.-Петербургѣ. Министръ полиціи Вязьмитиновъ велѣлъ „немедленно арестовать его и отослать въ военное вѣдомство“, чтò и было въ точности исполнено, не смотря на то, что Ушаковъ имѣлъ болѣе 45 лѣтъ. Его ровесникъ Максимъ Шешинъ раздѣлилъ съ нимъ одинаковую часть, который не избѣгъ и „земскій“ (писарь) Левъ Пахомовъ. Это былъ 19-лѣтній юноша. Онъ, конечно, явился искупительною жертвою за чужіе грѣхи. Не могъ-же этотъ безусый грамотѣй, писавшій приговоры не по собственной своей волѣ, а по приказу „міра“, стоять во главѣ „Демидовцевъ“, которые и сами вскорѣ утратили свое мірское вѣче. На нихъ жестоко разгнѣвался императоръ Александръ I, и гнѣвъ его выразился въ слѣдующемъ документѣ:

„Указъ Е. И. В. самодержца Всероссійскаго, изъ Правительствующаго Сената, г. дѣйств. ст. совѣтнику, Ярославскому губернатору князю Голицыну.

„По именному Его Императорскаго Величества указу, данному Правительствующему Сенату сего Декабря (1816) года въ 7-й день, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: „Признавая настоящій порядокъ управленія вотчинами, приписанными къ Ярославскому Демидовскому высшихъ наукъ училищу, неудобнымъ, сообразно изъявленному согласію отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Демидова, отъ котораго вотчины сіи въ даръ училищу поступили, повелѣваю: управленіе означенными вотчинами отнынѣ предоставить мѣстному гражданскому начальству на такомъ точно положеніи, какъ управляются всѣ государственные крестьяне, съ тѣмъ, чтобы вотчины, училищу принадлежащія, оставались навсегда подъ именемъ крестьянъ Демидовскаго училища и на содержаніе онаго положенный на нихъ оброкъ вносили въ Казенную Палату, какъ то и нынѣ дѣлаютъ. Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить для приведенія сего въ дѣйство надлежащія распоряженія.“ Правительствующій Сенатъ приказали: „О должномъ по сему высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію исполненіи предписать вамъ, господину д. ст. совѣтн. Ярославскимъ Губернскому Правленію и Казенной Палатѣ, увѣдомивъ о семъ и управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Де-

кабря 21 дня 1816 года, № 29,046. Оберъ-секретарь *Титовъ.* Секретарь *Тимофей Крикуновскій.*

Такъ, „Демидовцы" потеряли право на самоуправленіе, не безъ согласія бывшаго ихъ владѣльца. Вскорѣ взимаемыя съ нихъ подати были значительно увеличены. Бѣлоусовы и К° восторжествовали надъ темнымъ народомъ, который совершенно справедливо утверждалъ, что отъ Ефима Бѣлоусова изъ 10,000 р., вотчина ни одной копѣйки не получила: вся эта сумма, хотя и была уплачена означеннымъ крестьяниномъ, когда онъ переписался въ купечество, но поступила отнюдь не на „мірскія" нужды, а на производившіяся въ 1815 году строительныя работы по училищному дому. Вотчина стала постепенно бѣднѣть. За то она явилась, какъ говорится, „золотымъ дномъ" для Ярославскаго чиновнаго люда.

XI.

Императоръ Николай Павловичъ

въ Ярославлѣ въ 1834 году.

Императоръ Николай Первый во время своего продолжительнаго царствованія посѣтилъ Ярославскую губернію всего три раза, именно въ 1831, 1834 и 1841 годахъ. Не касаясь перваго и послѣдняго изъ этихъ посѣщеній, мы сообщимъ здѣсь, преимущественно на основаніи архивныхъ документовъ, свѣдѣнія о пребываніи Императора въ Ярославлѣ въ Октябрѣ 1834 года.

Первое извѣстіе о намѣреніи его быть въ Ярославлѣ мѣстный губернаторъ Константинъ Марковичъ Полторацкій получилъ отъ графа А. Х. Бенкендорфа, который, какъ извѣстно, кромѣ III Отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи, командовалъ также Главною Императорскою Квартирою. Бенкендорфъ (изъ Петербурга, отъ 15 Августа 1834 г.) далъ знать Полторацкому, что „Его Величество изволитъ въ предстоящемъ путешествіи проѣхать по Ярославской губерніи", но когда именно, умолчалъ, предупредивъ только, что для проѣзда Государя нужно заготовить 53 лошади. Какой дорогой будетъ совершаться высочайшее путешествіе, и это для губернской администраціи, почему-то, составляло тоже неразрѣшенный своевременно вопросъ, конечно, безпокоившій ее. Рѣшено было, на всякій случай, исправить пути сообщенія по тракту отъ Вологды къ Ярославлю, а оттуда—чрезъ города Романовъ-Борисоглѣбскъ, Рыбинскъ, Угличъ, по Ростовскому тракту.

Къ счастію, недоразумѣніе по упомянутому вопросу продолжалось недолго: тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ (впослѣдствіи) графъ Д. Н. Блудовъ увѣдомилъ губернатора, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ Бенкендорфа, что „Государю Императору благоугодно предпринять путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву, Нижній-Новгородъ, Казань и Орелъ, и обратно въ С.-Петербургъ". При этомъ доставленъ былъ подробный марш-

руть со списком свиты Его Величества и росписаніемъ экипажей. Свиту составляли: графъ Бенкендорфъ, состоявшій при немъ флигель-адъютантъ Львовъ (извѣстный композиторъ, авторъ „*Боже Царя храни*"), генералъ-адъютантъ Адлербергъ, Прусской службы полковникъ Раухъ, лейбъ-медикъ Арендтъ, два флигель-адъютанта, управляющій военно-походною канцеляріею, три офицера фельдъегерьскаго корпуса, метръ-дотель Миллеръ и проч. Для всего этого люда, со включеніемъ въ составъ его лейбъ-кучера, магазейнъ-вахтера и т. д., требовалось на пути, въ городахъ, не менѣе 11-ти квартиръ.

Блудовъ объявилъ Полторацкому „къ немедленному и точному исполненію" слѣдующую высочайшую волю: 1) чтобы никакихъ встрѣчъ со стороны предводителей дворянства и земскихъ чиновниковъ не было; 2) чтобы по тракту слѣдованія Его Величества приняты были мѣры къ исправленію дорогъ, гатей и мостовъ, а также приготовлены были на переправахъ надежные паромы; 3) чтобы приготовлено было означенное въ „росписаніи" число лошадей и, сверхъ того, запасныхъ двѣ тройки. Губернатору вмѣнялось „въ непремѣнную обязанность" тщательно наблюсти, чтобы во время путешествія Императора по Ярославской губерніи не могло встрѣтиться какихъ-либо остановокъ и затрудненій, и чтобы „вообще путешествіе сіе совершилось съ возможнымъ удобствомъ и спокойствіемъ" [1]). Затѣмъ, спустя нѣсколько дней, тотъ-же министръ обязалъ губернатора увеличить число на станціяхъ „запасныхъ" лошадей въ надлежащемъ количествѣ. Для устройства-же станцій поскакали разъѣздный почтовый чиновникъ, титулярный совѣтникъ Нечай [2]), и фельдъегерскіе офицеры для наблюденія, все-ли находится въ порядкѣ, и, между прочимъ, имѣются-ли подставныя лошади [3]). Въ нихъ встрѣчался, вообще, большой недостатокъ, такъ-какъ во всей Ярославской губерніи числилось тогда не болѣе 416 почтовыхъ лошадей. Для дополненія числа ихъ, произведенъ былъ „конскій наборъ" въ четырехъ уѣздахъ, Ростовскомъ, Ярославскомъ, Романово-Борисоглѣбскомъ и Даниловскомъ при личномъ участіи въ этомъ дѣлѣ („имѣющемъ государственную важность") какъ дворянскихъ предводителей, такъ и земскихъ исправниковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что не всѣ дворяне, а только одни крупные вотчинники, имѣвшіе не менѣе сотни душъ, подлежали означенному „набору"; въ вознагражденіе за эту натуральную повинность, кромѣ прогоновъ, они были освобождены на 6 мѣсяцевъ отъ выставки подводъ, требовавшихся тогда по общему порядку земскихъ повинностей. Хлопотъ было вдоволь, особливо съ кучерами и форейторами: они избирались для каждой тройки господами-исправниками, послѣ надлежащаго строгаго экзамена, изъ ямщиковъ и другихъ людей. Все это были люди „искусные въ ѣздѣ, ловкіе и здоровые, одѣтые благопристойно: кучеръ съ форейторомъ въ одноцвѣтныхъ кафтанахъ или армякахъ, всѣ съ хорошими шляпами на головѣ (sic!), въ рукавицахъ

[1]) Предписаніе отъ 26 Августа 1834 г, № 4629.

[2]) Тоже, отъ 28 Августа, № 4682.

[3]) Блудовъ Полторацкому отъ того-же числа, за № 4699.

и сапогахъ" [1]). Губернаторъ Полторацкій составилъ чрезвычайно-точную и подробную инструкцію относительно порядка, который долженъ былъ соблюдаться каждымъ при сопровожденіи Его Величества. „Наблюдайте строже (писалъ Полторацкій подвѣдомственнымъ ему чинамъ), чтобы сбруя на всѣхъ лошадяхъ была исправная, благонадежная, въ хорошемъ видѣ и чистотѣ. Да чтобъ хомуты и особенно оголовки были сдѣланы въ пропорцію, чѣмъ особенно сохраняется ловкость и способность лошадей къ скорой ѣздѣ. Вся ременная сбруя должна быть смазана чистымъ дегтемъ; мочалъ-же и, вмѣсто ремней, веревокъ или узлами связанной сбруи и тому подобнаго отнюдь-бы не было" [2]).

Съ 2-го Сентября, на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ, по приказу губернатора, командированные имъ чиновники производили слѣдующія экзерциціи: выводились лошади шерстерками, два раза въ сутки, по утру и вечеромъ; шестерки, „содержимыя въ совершенномъ опрятствѣ и бережи", были пріучаемы къ выѣздкѣ при огняхъ; „на случай, если Его Величество изволитъ ѣхать въ ночное время, зажигались факелы у двухъ лучшихъ шестериковъ, дабы лошади огня не боялись". Устроены были также репетиціи поѣздовъ. Чиновники мчались по дорогамъ, сопровождаемые крикомъ: ура! Такъ они поступали, конечно, не по черезмѣрному честолюбію, а единственно вслѣдствіе приказанія своего начальства, которое предписывало имъ: „Имѣйте въ виду, что при пріѣздѣ Государя Императора на станцію, для перемѣны лошадей, или во время проѣзда черезъ селенія, народъ, восхищенный желаніемъ видѣть Его Величество, будетъ восклицать радостное: ура! То и на сей случай должны быть пріучены лошади первыхъ двухъ шестериковъ, чтобы не могли пугаться"....

Все было строго разсчитано и точно измѣрено. Напримѣръ, таже „инструкція" обязывала дѣлать слѣдующее: „на станціяхъ и перемѣнахъ лошадей (если перегонъ былъ болѣе 30-ти верстъ), въ день проѣзда Государя, всѣ шестерики должны стоять одинъ отъ другого въ 2-хъ саженяхъ, и каждая пара должна быть держима форейторомъ и кучеромъ, а для третьей пары, средней, нарядить исправнаго крестьянина, и всѣ шестерики, гдѣ произойдетъ перемѣна, должны стоять въ прямой линіи; а дабы не произошло сбивчивости, *то для каждаго шестерика вбить колышекъ* съ надписью, для кого шестерикъ стоитъ..." Чиновники земской полиціи „не смѣли" ни встрѣчать Государя, ни показываться ему на глаза безъ особеннаго требованія, наблюдая при томъ, чтобы и народъ, въ предупрежденіе помѣшательства не подбѣгалъ близко къ экипажамъ и не дѣлалъ тѣмъ безпокойства. Для зрителей заблаговременно назначены были мѣста [3]). Вся „ин-

[1]) Донесеніе Полторацкаго Блудову отъ 9 Октября, за № 5556.

[2]) Инструкція, данная чиновникамъ, отъ 28 Августа.

[3]) Это послѣднее распоряженіе послужило причиной одного комическаго случая въ Даниловскомъ уѣздѣ съ исправникомъ Пазухинымъ, о чемъ мы разскажемъ далѣе на основаніи архивныхъ и печатныхъ документовъ. Л. Т.

струкція" состояла изъ 13-ти §§; послѣдній заключалъ въ себѣ очень разумное правило, словно вчера написанное: „*Не должно быть никакихъ состязаній между чиновниками*, отъ почтоваго и губернскаго начальствъ назначенными; но предписывается *взаимное другъ другу оказывать полное вспомоществованіе и содѣйствіе*, дабы въ проѣздъ Его Величества ни остановокъ, ни замѣшательства не было, и чтобы сохранялась во всемъ тишина". И дѣйствительно, чиновный мірокъ сохранилъ „тишину": взаимныхъ ябедъ въ настоящемъ „дѣлѣ" не находимъ, кромѣ одной, касавшейся Даниловскаго исправника, который, будто-бы, плохо смотрѣлъ за дорожными мостами и мало собралъ народу для исправленія почтоваго тракта. „Донесеніе сіе не вѣрно, протестовалъ обвиняемый: мосты всѣ тверды и находятся въ такомъ точно положеніи, въ какое я ихъ привелъ недавно, для проѣзда графа Толь, за что̀ его сіятельство лично изъявилъ мнѣ свою признательность... Относительно же исправленія полотна дороги честь имѣю донести, что *многія сотни поселянъ*, собранныхъ мною, съ усердіемъ выполняютъ распоряженія мои на пути предстоящаго высочайшаго шествія обожаемаго Государя Императора" [1]).

Между тѣмъ, планъ сего „шествія" внезапно измѣнился. Графъ Бенкендорфъ писалъ изъ Москвы Полторацкому: „Милостивый государь Константинъ Марковичъ! Поспѣшаю увѣдомить ваше п-ство, что Государь Императоръ изъ Москвы изволитъ ѣхать завтрашняго числа, 16 Сентября, на Калугу и Орелъ. О дальнѣйшемъ-же слѣдованіи Его Величества я увѣдомлю васъ изъ Орла сколь возможно поспѣшнѣе; но, во всякомъ случаѣ, если Государь Императоръ изволитъ остаться въ намѣреніи совершить предположенный кругъ путешествія, то поѣдетъ изъ Орла на Тамбовъ, Пензу, Симбирскъ, Казань, Нижній-Новгородъ, Кострому, Ярославль и Москву" [2]). Со своей стороны, и Блудовъ извѣстилъ Полторацкаго, что „Государь Императоръ изволилъ перемѣнить свой маршрутъ и предположилъ 17 или 18 числа сего мѣсяца (Сентября) отъѣхать изъ Москвы чрезъ Калугу въ Орелъ, а изъ Орла—въ Казань. Его Величество изволитъ отправиться туда, если погода и дорога будутъ благопріятствовать, чрезъ Тамбовъ, Пензу и Симбирскъ, въ противномъ случаѣ—чрезъ Москву" [3]). На основаніи этихъ свѣдѣній, губернаторъ распорядился распустить всѣхъ лошадей съ возницами впредь до востребованія. Но чрезъ 10 дней, т. е. 26 Сентября, гр. Бенкендорфъ прислалъ изъ Орла новую эстафету, извѣщавшую, что Императоръ возвращается въ Москву и оттуда, вѣроятно, отправится въ дальнѣйшій путь чрезъ Ярославскую губернію. Все опять закипѣло на дорогахъ и станціяхъ. Оставался только неразрѣшеннымъ вопросъ, когда-же Государь пожалуетъ въ древній Ярославль? Неужели и на сей разъ послѣдуетъ отсрочка? Недоумѣніе это кончилось послѣ по-

[1]) Рапортъ отъ 29 Августа 1834 г., № 121.

[2]) Письмо гр. Бенкендорфа отъ 15 Сентября, № 224, полученное чрезъ сутки, 16-го числа, съ эстафетой.

[3]) Предписаніе отъ 19 Сентября, № 5,214.

лученія губернаторомъ Полторацкимъ письма гр. Бенкендорфа, [1]) съ категорическимъ извѣщеніемъ, что „Государь Императоръ 5 числа сего мѣсяца, *рано утромъ*, изволитъ отправиться въ Ярославль и Кострому изъ Москвы". Сопоставляя это время съ моментомъ пріѣзда Николая I въ Ярославль, равно въ часъ по-полуночи 6-го Октября, можно судить о быстротѣ ѣзды его съ береговъ Москвы - рѣки на „цвѣтущія берега красавицы и кормицы нашей Волги", которая, впрочемъ, въ ту пору цвѣла лишь въ пылкомъ воображеніи туземныхъ поэтовъ. Наступила уже осень, хотя и довольно теплая...

Всякая торжественная встрѣча была отмѣнена „предварительно" [2]); караулъ при „дворцѣ" (т. е. при губернаторскомъ домѣ) былъ *лично* отмѣненъ царственнымъ путешественникомъ, который милостиво обратился съ замѣчаніемъ:„ Дороги у тебя, Полторацкій, хороши. Спасибо. Но меня все-таки растрясло. Спать хочется. Прощай до утра!"... Въ 10 часовъ утра всѣ чиновники, дворянство и купечество съ депутаціями [3]) были представлены губернаторомъ Его Величеству. Купечество поднесло хлѣбъ-соль и живую рыбу (громадныхъ стерлядей).

— Шекснинская? освѣдомился Императоръ, обращаясь къ городскому головѣ Ивану Порфировичу Оловянишникову.

— Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Императорское Величество: тутошняго (здѣшняго) улова. Кушай въ здоровье, Батюшка, Царь-Надёжа!

— Спасибо! Одному мнѣ не съѣсть, улыбнулся Государь: хочу Императрицу угостить. Можно? Не уснутъ дорогой?

— Поди, чай, можно! добродушно подтвердилъ Оловянишниковъ.

Государь снова улыбнулся...

Послѣ сего „представленія" Императоръ отправился въ каѳедральный соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ архіепископомъ Авраамомъ, оттуда въ Спасскій монастырь, а потомъ въ казармы кантонистовъ. Далѣе была осмотрѣна устроенная губернаторомъ Полторацкимъ земляная дамба на Московскомъ трактѣ, при чемъ Государь обратилъ особенное вниманіе на каменную арку и остался доволенъ производствомъ работъ съ помощью какихъ-то „машинокъ". Оттуда онъ велѣлъ везти себя въ тюремный замокъ, изъ него-же въ Демидовскій лицей. На этотъ разъ „военная выправка" студентовъ, ихъ маршировка и ружейные пріемы удостоились Монаршаго одобренія. Слѣдуетъ замѣтить, что въ 1831 году, при первомъ осмотрѣ Демидовскаго лицея, Императоръ выразилъ свое крайнее неудовольствіе, убѣдившись, что студенты

---

[1]) Изъ Москвы, отъ 1 Октября, № 324.

[2]) Какъ это свѣдѣніе, такъ и дальнѣйшія подробности, основаны на донесеніи губернатора Полторацкаго министру внутр. дѣлъ (отъ 9 Октября, за № 5,645); нѣкоторыя-же черты заимствованы изъ дѣлъ Приказа Общественнаго Призрѣнія и, наконецъ, изъ воспоминаній старожиловъ. Л. Т.

[3]) Какія депутаціи разумѣлъ здѣсь Полторацкій, намъ неизвѣстно. Не цеховыхъ-ли ремесленниковъ? Л. Т.

мало, или вовсе не знакомы съ означенною „выправкою", почему и отдалъ приказъ: непремѣнно установить въ упомянутомъ высшемъ учебномъ заведенiи тотъ-же самый порядокъ, какой тогда существовалъ въ Ярославской школѣ военныхъ кантонистовъ [1]).—Конечно, Николай I не присутствовалъ при лекцiи господъ профессоровъ, одинъ изъ коихъ, именно Зиновьевъ, сочинилъ стихотворенiе: *На радостное прибытiе въ городъ Ярославль Его Величества Государя Императора Николая Перваго*", и доставилъ сей опытъ своей патрiотической музы Ярославскому губернатору, для напечатанiя въ Гречѣ-Булгаринской „*Сѣверной Пчелѣ*" [2]).—Обозрѣвъ лицей, Императоръ удостоилъ своимъ милостивѣйшимъ посѣщенiемъ гимназiю, школу для приготовленiя писцовъ, Домъ призрѣнiя ближняго и больницу. „По осмотрѣ всѣхъ оныхъ заведенiй (доносилъ Полторацкiй Блудову), Его Императорское Величество изволилъ остаться весьма довольнымъ, особенно въ Домѣ призрѣнiя ближняго, и всемилостивѣйше изволилъ изъявить полное свое удовольствiе"... Такъ писалъ губернаторъ министру; въ дѣйствительности-же отъ зоркаго взгляда Николая I не ускользнули кое-какiе недостатки въ осмотрѣнныхъ имъ благотворительныхъ учрежденiяхъ. Это мы узнаёмъ изъ оффицiальныхъ документовъ [3]). Между прочимъ, осмотрѣвъ отдѣленiе воспитанниковъ, приготовляемыхъ въ писцы, Императоръ замѣтилъ:

— Есть порядокъ, кромѣ столовой и классовъ. Тамъ должно быть опрятнѣе!

Обзоръ Дома призрѣнiя ближняго кончился вполнѣ благополучно.

— Здѣсь примѣрный порядокъ, милостиво отозвался Императоръ. Кто завѣдуетъ этимъ домомъ?

— Камеръ-юнкеръ Двора Вашего Императорскаго Величества Пономаревъ, отвѣчалъ губернаторъ.

— Представить его къ приличной наградѣ! Больницу и воспитательный домъ я нахожу въ недурномъ видѣ. Постройки только стары, хотя и порядочны. Новое больничное зданiе и домъ умалишенныхъ были-бъ хороши, но не похвалю за слишкомъ раннюю штукатурку стѣнъ: онѣ ужасно, нестерпимо сыры... Уничтожить этотъ недостатокъ!.. [4])

---

[1]) Этотъ „порядокъ", очень важный по тогдашнему взгляду на педагогику, установленъ былъ въ Лицеѣ, какъ видно изъ архивныхъ документовъ, штабсъ-капитаномъ Веймарномъ и другими офицерами Ярославскаго баталiона внутренней стражи. Л. Т.

[2]) Письмо губернатора Полторацкаго къ Н. И. Гречу, отъ 12 Октября 1834 г. № 5706.

[3]) Журналъ Ярославскаго Приказа общественнаго призрѣнiя 27 Октября 1834 г.

[4]) Послѣ отъѣзда Императора изъ Ярославля, министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ (19 Октября, за № 1097) потребовалъ, чтобы губернаторъ Полторацкiй „принялъ зависящiя отъ него мѣры, дабы въ отдѣленiи воспитанниковъ, приготовляемыхъ въ писцы, соблюдались должная чистота и опрятность," и чтобы камеръ-юнкеръ, титулярный совѣтникъ и кавалеръ Николай Ивановичъ Пономаревъ былъ представленъ къ наградѣ,

Къ царскому обѣденному столу удостоились приглашенія только три персоны: губернаторъ, внутренней стражи окружный генералъ-маіоръ Тришатный и отставной генералъ-маіоръ Ѳедоровъ. Въ 9 часовъ вечера Императоръ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ губернаторскую квартиру и балъ, данный гражданскимъ губернаторомъ, гдѣ съ хозяйкою и другими дамами удостоилъ пройти въ полонезѣ. Съ бала, въ половинѣ 11-го часа Императоръ возвратился въ свой „дворецъ.“ Городъ былъ иллюминованъ.

На другой день, раннимъ утромъ, Его Величество удостоилъ наградить денежнымъ пособіемъ „заслуженныхъ воиновъ“ (въ какомъ размѣрѣ, въ донесеніи не сказано) и затѣмъ отправился къ божественной литургіи, но не въ каѳедральный соборъ и не въ знаменитый Спасскій монастырь, какъ ожидало мѣстное бѣлое и черное духовенство,—нѣтъ, Николай I предпочелъ помолиться въ Петропавловской церкви военныхъ кантонистовъ; пѣніе ему понравилось. Оттуда онъ поѣхалъ на смотръ баталіона внутренней стражи, затѣмъ осмотрѣлъ шелковую фабрику городскаго головы Оловянишникова и домъ самого хозяина. Съ нимъ державный гость обошелся очень милостиво и, вообще, находился въ отличномъ расположеніи духа. Прежде чѣмъ возвратиться во „дворецъ“, Императоръ заѣхалъ на пожарный дворъ и приказалъ „звонить тревогу“. Пожарная команда заслужила царское спасибо, и Государь всемилостивѣйше удостоилъ наградить ее, по серебряному рублю, по фунту говядины и чаркѣ водки на человѣка. Послѣ завтрака, во 2-мъ часу по-полудни, Императоръ переправился черезъ Волгу въ богато-украшенной, нарочно для него устроенной шлюпкѣ *), и поѣхалъ благополучно въ Кострому черезъ Ярославскій и Даниловскій уѣзды. Въ послѣднемъ изъ нихъ съ царскимъ поѣздомъ произошелъ довольно-забавный случай, благодаря усердію, какъ говорится, „не по разуму“ со стороны мѣстнаго земскаго исправника Пазухина.

„по усмотрѣнію начальства“. Затѣмъ на Полторацкаго возлагалась обязанность „безъ промедленія времени“ распорядиться объ истребленіи сырости въ новомъ больничномъ зданіи, по строгому высочайшему повелѣнію, а также въ домѣ умалишенныхъ“.—Отдѣленіемъ воспитанниковъ, приготовляемыхъ въ писцы (относительно порядка и надзора за ихъ нравственностью, чистотой и опрятностью) завѣдывалъ смотритель, губернскій секретарь Ждановъ. Ему поставлено было „на видъ“ замѣчаніе, сдѣланное Его Императорскимъ Величествомъ, о неопрятности въ столовой и классахъ, и приказано: „впредь таковой неопрятности отнюдь не допускать, подъ личною его, за противное сему, строжайшею отвѣтственностью.“ Главный смотритель богоугодныхъ заведеній, титулярный совѣтникъ Жадовскій (если не ошибаемся, родной дядя покойной поэтессы Юліи Валеріановны Жадовской), тоже обязанъ былъ подпискою имѣть строгое и неослабное наблюденіе за порядкомъ. Камеръ-юнкеръ, тит. сов. Пономаревъ былъ представленъ къ слѣдующему чину; гражданскій-же губернаторъ Полторацкій лично былъ произведенъ Государемъ въ генералъ-лейтенанты, изъ тайныхъ совѣтниковъ съ переименованіемъ въ Ярославскаго военнаго губернатора. (Яросл. Губ. Вѣд. 1834 г., № 41 стр. 817). Л. Т.

*) Къ сожалѣнію, изъ донесенія Полторацкаго не видно, чтобы имъ сдѣлано было своевременное распоряженіе о сохраненіи этой шлюпки. Подобное ей судно, на которомъ въ 1798 г. переѣхалъ чрезъ Волгу, при городѣ Мологѣ, Императоръ Павелъ I, долго тамъ сохранялось; но не особенно давно и этотъ историческій памятникъ потерпѣлъ очень жалкую участь. Л. Т.

Это былъ чрезмѣрно тучный и слишкомъ *добродушный* господинъ. Его очень любили въ уѣздѣ мѣстные дворяне, знавшіе, что Пазухинъ хоть пороху и не выдумаетъ, но за-то въ честности рѣшительно никому не уступитъ. Яснѣе сказать, Пазухина грѣшно было упрекнуть въ томъ, что онъ питаетъ свое жирное чрево „безгрѣшными доходцами", по выраженію дѣльцовъ добраго стараго времени. Съ мужиками онъ обращался тоже любовно, хотя и уснащалъ свою рѣчь чрезвычайно-энергическими Русскими словцами. Одну изъ этихъ рѣчей Пазухинъ держалъ предъ народомъ въ деревнѣ Вороксѣ, гдѣ императоръ Николай Павловичъ долженъ былъ остановиться на нѣсколько минутъ для постава лошадей между станціями. Сущность рѣчи заключалась въ строжайшемъ приказѣ: когда изволитъ пожаловать Государь, не толпиться, подобно стаду глупыхъ барановъ, а стоять въ порядкѣ, на подобіе военныхъ поселенцевъ; при чемъ строго соблюдать, чтобы мужики не мѣшались съ бабьемъ, которое-де обязано занять лѣвый флангъ. Возглашать „ура", можно, но отнюдь не громко, въ полголоса, дабы (чего Боже спаси!) лошади не испугались и не опрокинули царской коляски. За послушаніе была обѣщана бочка водки, а за противное, т. е. за неумѣлое выраженіе народнаго восторга, Пазухинъ съ прибавленіемъ крѣпкихъ словечекъ громилъ мужиковъ, при Даниловскомъ земскомъ судѣ, такъ, что небо съ овчинку покажется.

— Сокрушу! вопилъ онъ, командуя. Ну, ребята, рослые мужики и парни, стройтесь на правый флангъ! Бабье и дѣвки, маршъ—налѣво!

Происходило „равненіе". Пазухинъ былъ имъ не доволенъ, чуть не плакалъ съ досады и ругалъ глупую, по его мнѣнію, толпу чрезвычайно энергично, не стѣсняясь даже прекраснымъ поломъ, который приводилъ его въ совершенное отчаяніе. Кафтаны и полушубки еще кое-какъ исполняли волю начальства, за то сарафаны проявляли дикую необузданность, соединенную съ лукавствомъ. Они смѣялись надъ исправникомъ, конечно изъ-подтишка и сравнивали его съ пивною бочкой:

— Ну, покатилась наша бочка, того гляди, лопнетъ!

Совсѣмъ измучился бѣдный Михаилъ Павловичъ Пазухинъ. Наконецъ, голову его осѣнила геніальная мысль, которую онъ и привелъ въ исполненіе: раздѣлилъ толпу по обѣ стороны дороги: бабы—налѣво, мужики—направо.

Вышло хорошо. Но этого было еще мало: потребовалось, чтобъ всѣ стояли чинно, вытянувшись въ рядъ.

— Ребята! скомандовалъ Пазухинъ. Смирно, такіе-сякіе! Бабы и дѣвки, молчать!... Есть у тебя, староста, въ деревнѣ толстые здоровые канаты?

— Найдутся, ваше высокоблагородіе, сколько угодно.

— Отлично. Подать мнѣ ихъ сюда!.. Ладно... Теперь вбейте колья въ землю и прикрѣпите къ нимъ покрѣпче канатъ; а когда пожалуетъ къ намъ

царскій поѣздъ, смотрите у меня, такіе-сякіе, стоять за канатомъ смирно, не горланить!

Сказано—сдѣлано. За нѣсколько часовъ до пріѣзда Государя, въ дер. Ворроксѣ былъ устроенъ означенный барьеръ, за которымъ въ извѣстномъ уже намъ порядкѣ размѣстилась толпа вѣрноподданныхъ крестьянъ, встрѣтившихъ Его Величество чуть слышнымъ слабымъ „ура“! Николай изумился и, быть можетъ, огорчился, видя такую необычайно-холодную встрѣчу.

— Что̀ это значитъ? вскричалъ Государь, замѣтивъ канатъ: кто сдѣлалъ такую глупость?

— Крестьяне, упавъ на колѣни, со страху, молчали и только послѣ вторичнаго, болѣе грознаго вопроса нашлось нѣсколько смѣльчаковъ, которые дали отвѣтъ, что не по собственной охотѣ, а по приказанію господина земскаго исправника они устроили этотъ канатъ.

— Позвать ко мнѣ исправника! раздался царскій голосъ.

А исправникъ, помня распоряженіе губернатора не показываться Его Величеству на глаза безъ августѣйшаго повелѣнія, стоялъ за народомъ. Услыхавъ-же означенное повелѣніе, исправникъ, насколько позволяла его тучность, подбѣжалъ къ экипажу, гдѣ сидѣлъ Царь съ графомъ Бенкендорфомъ, и отрапортовалъ:

— Имѣю счастіе всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что во ввѣренномъ мнѣ Даниловскомъ уѣздѣ все обстоитъ благополучно.

— Врешь! прервалъ Николай. Какъ ты смѣлъ отдѣлить Государя отъ его народа своимъ дурацкимъ канатомъ? И-не по твоему-ли распоряженію здѣсь меня такъ тихо встрѣчали?

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество. Я персонально воспретилъ громогласное „ура“, дабы не испугать коней Вашего Величества.

— Ты, я вижу, очень толстъ и очень простъ, усмѣхнулся Императоръ. Ну, ребята, прочь этотъ канатъ... Здорово!

— Ура! Ура! Ура! загремѣла, всякую стройность потерявшая, ликующая толпа сотнями голосовъ: будь здоровъ, Царь-Батюшка, съ Матушкой-Царицей и съ Дѣточками!

— Спасибо. Будьте и вы здоровы.

— Ура!

Народному восторгу не было границъ. Мужики сбросили съ себя полушубки и армяки, а бабы—сняли платки съ головы, чтобы устлать имп „царскій путь“. Нѣкоторымъ и удалось это сдѣлать; но Государь, улыбаясь благосклонно, приказалъ: „Одѣньтесь, холодно!“ Затѣмъ, обратясь къ исправнику, строго замѣтилъ:

— А тебя благодарить не за что́. Отправься въ Ярославль и доложи губернатору, что ты арестованъ мною на семь дней за устройство дурацкаго каната, съ публикаціею о томъ въ газетѣ. Понялъ?

— Понялъ, Ваше Императорское Величество... Такъ, значитъ, ровно на недѣлю, Ваше Величество.

— Нѣтъ, теперь—на восемь дней. Одинъ лишній день прибавляется тебѣ въ награду за умный вопросъ... Какъ твоя фамилія?

— Пазухинъ, Ваше Императорское Величество.

— Бенкендорфъ, запиши фамилію этого умника и увѣдомь Полторацкаго изъ Костромы. Боюсь, что этотъ умникъ перепутаетъ и увеличитъ себѣ наказаніе до восьми мѣсяцевъ...

И Государь, милостиво поклонившись народу, помчался далѣе, а Михаилъ Павловичъ Пазухинъ, ни мало не медля, отправился въ Ярославль, гдѣ невозмутимо отрапортовалъ губернатору, что онъ (Пазухинъ) удостоился вести разговоръ съ Августѣйшимъ Монархомъ, который приказалъ его посадить подъ арестъ.

— За что́? встревожился Полторацкій.

— За канатъ, ваше превосходительство. Нѣсколько разъ Государь Императоръ изволилъ назвать меня умникомъ, а въ концѣ концовъ всетаки приказалъ высидѣть восемь дней на гауптвахтѣ, съ публикаціей о томъ въ газетѣ...

Это вовсе не анекдотъ. Въ доказательство сего приводимъ слѣдующее письмо графа Бенкендорфа къ К. М. Полторацкому [1]).

„Милостивый Государь Константинъ Марковичъ! Государь Императоръ при проѣздѣ изъ Ярославля въ Кострому изволилъ замѣтить: 1) что лошади на первой станціи были приготовлены дурныя; 2) что въ деревнѣ Варокъ [2]), гдѣ устроена была между станціями подставка, *былъ протянутъ канатъ, для отдаленія находящагося тамъ народа*, и стоящій тутъ исправникъ Пазухинъ, бывъ подозванъ Его Величествомъ, доложилъ, что сіе распоряженіе сдѣлано имъ, за что̀ Государь Императоръ повелѣлъ означеннаго исправника арестовать *на восемь дней* и публиковать по губерніи о причинѣ, по которой онъ подвергъ себя сему наказанію. Увѣдомляя ваше превосходительство о сей высочайшей волѣ, для надлежащаго съ вашей стороны распоряженія, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть *Графъ Бенкендорфъ*". Разумѣется, губернаторъ не замедлилъ передать это оффиціальное письмо въ Губернское Правленіе, которое въ журналѣ

---

[1]) Изъ Костромы, отъ 8 Октября 1834 г., № 374.

[2]) Здѣсь описка: слѣдовало сказать „Ворокса". Эта деревня находится верстахъ въ 60-ти отъ своего уѣзднаго города, по Костромскому луговому тракту, близъ Шахромскаго озера. Л. Т.

своемъ 9-го Октября изобразило слѣдующія печальныя для Пазухина строки. „*Слушали* отношеніе шефа жандармовъ, графа Бенкендорфа, отъ 8 сего Октября, за № 374, послѣдовавшее на имя г. здѣшняго военнаго губернатора, съ изъясненіемъ въ немъ высочайшаго повелѣнія объ арестѣ Даниловскаго исправника Пазухина за неисправности, усмотрѣнныя Его Величествомъ на первой станціи при проѣздѣ изъ Ярославля въ Кострому и о прочемъ. *Приказали:* во исполненіе Высочайшей Его Императорскаго Величества воли, Даниловскому земскому исправнику предписать указомъ, дабы онъ, поручивъ исправленіе должности старшему дворянскому засѣдателю, для понесенія высочайше повелѣннаго восьмидневнаго ареста, съ полученія сего немедленно отправился, при запискѣ, для содержанія подъ арестомъ на гауптвахту, о чемъ къ командиру Ярославскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона отнестись и просить, по выдержаніи Пазухина подъ арестомъ срочнаго времени, Правленіе увѣдомить; а для припечатанія сего высочайшаго повелѣнія въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ передать въ редакцію съ отношенія графа Бенкендорфа копію. Подлинное-же отношеніе, для храненія при дѣлахъ его превосходительства г. военнаго губернатора, передать въ канцелярію, при копіи съ сей статьи журнала".

Эта въ своемъ родѣ знаменитая „публикація", появилась въ № 41 Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (отъ 12-го Октября), о чемъ Полторацкій и увѣдомилъ гр. Бенкендорфа, присовокупивъ, что исправникъ Пазухинъ уже выдержалъ восьмидневный арестъ, „за протянутый въ деревнѣ Вороксѣ канатъ, для отдаленія находящагося тамъ народа" *). Затѣмъ герой настоящей трагикомедіи благополучно возвратился въ гор. Даниловъ, гдѣ опять принялъ бразды правленія въ своемъ уѣздѣ. Благодушный старикъ очень любилъ разсказывать о своей встрѣчѣ и разговорѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, при чемъ всегда доказывалъ слушателямъ, что покойный великій Государь очень любилъ „благодѣтельную гласность", но иногда поступалъ какъ-то странно: пригрозитъ и въ тоже время приласкаетъ, назоветъ человѣка „у м н и к о м ъ", а затѣмъ, Богъ знаетъ что, за какой-то канатъ, протянутый съ благонамѣренной цѣлью, изволитъ посадить того-же „умника" подъ арестъ.... „Да, оканчивалъ Пазухинъ свой наивный разсказъ съ чувствомъ собственнаго достоинства: да, мудрый былъ Государь, царство Ему небесное, умѣлъ цѣнить людей!"

А. Трефолевъ.

*) 30 Октября, № 5937-й.

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА ДМИТРІЕВИЧА БУТУРЛИНА.

Воспоминанія, автобіографія, историческія современныя мнѣ событія и слышанныя отъ старожиловъ, портреты, впечатлѣнія, артистическія свѣдѣнія, литературныя замѣтки и фамильная лѣтопись.

(Начато въ с. Игнатовскомъ, Знаменскомъ тожъ, 7-го Сентября 1867 года.

ЧАСТЬ I.

Souffrir n'est rien, c'est tout que de déchoir.

Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!

Comme l'on fait son lit, on se couche.

(*Dictons de mon père*).

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice,
Nella miseria....

(*Dante, Inferno*).

I.

Мои предки, до и по полученіи графскаго титула, и періодъ отъ ранняго моего дѣтства до весны 1813 года.

Не знаю, право, зачѣмъ пишу эти Записки, а писать ихъ смерть хочется. Я ни государственный, ни политическій дѣятель, ни сановникъ (всего надворный совѣтникъ), и не участвовалъ ни въ какихъ замѣчательныхъ событіяхъ, кромѣ того что былъ субалтернъ-офицеромъ въ Турецкой войнѣ 1828 и 1829 годовъ и въ началѣ Польской войны 1831 года. Рѣдко вращался я даже въ кругу лицъ чѣмъ-нибудь извѣстныхъ, а если и былъ въ прикосновеніи съ ними, то мимоходомъ. Но все-таки захотѣлось мнѣ изложить мою жизнь, все, что̀ я видѣлъ, слышалъ, помню и ощущалъ, а также описать судьбы моего семейства, большинство котораго переброшено, какъ кажется, навсегда, на чужбину: этому событію совершилась, нынѣшнею осенью, горестная 50-ти-лѣтняя годовщина *).

*) Первоначальную мысль написать Записки подалъ мнѣ, тому уже давно, двоюродный мой братъ Николай Адріановичъ Динковъ; но свѣтскій вихрь отвлекалъ меня тогда отъ подобнаго рода занятій.

Быть-можетъ, чтеніе этихъ Записокъ займетъ кого-либо, и горькія житейскія мои испытанія, въ причинѣ которыхъ обвиняю одного себя, послужатъ ему предостереженіемъ. По примѣру блаженнаго Августина, передавшаго потомству свои погрѣшности (Les confessions de S-t Augustin), изложу чистосердечно и безъ утайки мою исповѣдь.

Да, проиграно, и единствено по моей винѣ проиграно, то, чтó одинъ Англійскій беллетристъ (кажется Теккерей), зоветъ «битвою жизни» (the battle of life). На моей сторонѣ были всѣ условія къ успѣху: свѣжія силы, свѣтская готовая обстановка, поддержка въ связяхъ, учебное развитіе, выработанное природными способностями, салонные таланты, не приносящіе, конечно, никакой существенной пользы, но тѣмъ не менѣе служащіе какъ бы паспортомъ и рекомендаціею въ то высшее общество, отъ одобрительной улыбки котораго зависитъ нерѣдко карьера юношей, вступающихъ въ это общество. Меня привѣтствовала, съ первыхъ моихъ шаговъ въ свѣтъ, богатая ожиданіями будущность; но не доставало мнѣ главнаго: не было силы характера, ни умѣнія управлять собою, чтобы создать свою, такъ сказать, автономію; не доставало стойкости, чтобы сладить съ пыломъ страстей и увлеченій. Въ гоньбѣ за мыльными пузырями «битва жизни» проиграна мною безвозвратно.

Замѣчу однакоже, не ради однако извиненія самого себя, что хотя я кругомъ виноватъ въ постигшихъ меня бѣдствіяхъ, но тѣмъ не менѣе не везло какъ-то мнѣ въ жизни. Иные въ случаяхъ подобныхъ тѣмъ, которые изложу я, дѣлали почти тоже самое, чтó и я, а между тѣмъ все сходило для нихъ съ рукъ безслѣдно; а надо мною тяготѣла какая-то планета. Подобно этому, мы каждодневно видимъ даровитыхъ и трудолюбивыхъ людей съ условіями къ успѣху въ ихъ предпріятіяхъ, и все-таки ничего не достигающихъ, неудача за неудачею ихъ преслѣдуетъ; а между тѣмъ, рядомъ съ ними, люди весьма посредственнаго умственнаго закала и неприлежные къ труду преуспѣваютъ; счастіе постоянно улыбается имъ и какъ бы спѣшитъ имъ навстрѣчу, даже когда они мало о томъ помышляютъ. А ко мнѣ примѣняется простонародная Итальянская поговорка: «Se mi metessi a fare il capellajo, nascerebbero gli uomini senza testa» *).

Прежде чѣмъ приступить къ собственно моей автобіографіи, необходимымъ считаю познакомить читателя съ моими предками.

*) Еслибы вздумалось мнѣ приняться за ремесло шляпника, то люди рождались бы безъ головъ.

Родоначальникомъ Бутурлиныхъ былъ Трансильванскій выходецъ Ратча, а первымъ графомъ Бутурлинымъ Александръ Борисовичъ, пожалованный въ фельдмаршалы и въ графское достоинство императрицею Елисаветою Петровною въ Семилѣтнюю войну. Онъ былъ прямодушный, хорошій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и усердный христіанинъ, но неособенно даровитый въ военномъ искусствѣ, а взысканъ былъ милостями дочери Петра, какъ ея когда-то фаворитъ. Сверхъ почестей она наградила его 40.000 десятинами въ Воронежской губерніи, Бобровскаго уѣзда; на этихъ земляхъ поселилось мало-по-малу отъ 10 до 12 тысячъ Малороссійскихъ выходцевъ, впослѣдствіи прикрѣпленныхъ къ землѣ Екатериною II, и изъ этого составилась слобода Бутурлиновка, съ селами, деревнями и хуторами, въ которыхъ насчитывалось, въ началѣ нынѣшняго вѣка, уже до 15.000 душъ крестьянъ. Графъ Александръ Борисовичъ былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Борисовнѣ Куракиной, принесшей ему въ приданое огромное состояніе. Кромѣ пяти или шести тысячъ душъ, которыми наслѣдовалъ ея сынъ дѣдъ мой, графъ Петръ Александровичъ, весьма значительная часть этого состоянія перешла къ дочери фельдмаршала, княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Долгоруковой (о которой сейчасъ буду говорить), а изъ материнскаго наслѣдства моего дѣда досталось отцу моему $2\frac{1}{2}$ тысячи душъ въ Костромской губерніи, Юрьевецповольскаго уѣзда, а сестрѣ его, Елисаветѣ Петровнѣ Дивовой, до 3.000 душъ.

Фельдмаршалъ Бутурлинъ скончался въ Москвѣ въ 1767 году и погребенъ въ лѣтней церкви упраздненнаго нынѣ Георгіевскаго монастыря, чтó на Большой Дмитровкѣ (рядомъ съ Благороднымъ Собраніемъ). Екатерина II-я, извѣстившись о его кончинѣ, собственноручно предписала тогдашнему Московскому главнокомандующему похоронить моего прадѣда со всѣми подобающими фельдмаршалу почестями. Надъ его могилою существуетъ и понынѣ огромный мавзолей въ формѣ пирамиды, съ длиннѣйшею надписью изъ мѣдныхъ выпуклыхъ буквъ *).

Объ его отцѣ, Борисѣ Бутурлинѣ, не имѣю никакихъ свѣдѣній, ни даже историческихъ общихъ указаній, и потому не знаю, родня ли ему былъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, извѣстный въ царствованіе Петра. Въ настоящее же время существуютъ три отдѣльныя отрасли Бутурлиныхъ, не имѣющія никакого между собою кровнаго родства. Изъ нихъ наша графская отрасль не старшая; но такъ какъ вѣроятно, что, до XVII вѣка, источникъ всѣхъ трехъ отраслей былъ одинъ и

*) Любопытная надпись эта напечатана въ „Р. Архивѣ“ 1895 года, II, 224. П. Б.

тотъ же [1]), то я скажу кстати объ одномъ общемъ нашемъ предкѣ Ѳомѣ Бутурлинѣ, болѣе прочихъ извѣстномъ. Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ документовъ XVI вѣка, и они относятся къ царствованію Іоанна IV Васильевича.

«Государства нашего 43 (годъ), а царствъ нашихъ Россійскихъ 31, Казанскаго 25, Астраханскаго 24, а се таковъ указъ Ѳомѣ Бутурлину.

«Память Ѳомѣ Аѳонасьеву Бутурлину. Государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи, велѣлъ ему съ дѣтьми боярскими и стрѣльцы ѣхати къ городу Чествину (sic). И Ѳомѣ Аѳонасьеву, пріѣхавъ въ городъ къ Чествину, осадити ему городъ Чествинъ, и изъ города въ городъ людей никакова человѣка не пропущати, а осадя городъ прислать ему вѣсть къ государю царю и великому князю, а самому Ѳомѣ быти у города государева» (. . . . . тутъ одно слово, котораго нельзя разобрать). А дѣтей боярскихъ съ Ѳомою изъ большаго полку 100 человѣкъ, и съ правыя руки 100 человѣкъ, изъ передоваго полку 100 человѣкъ, да голова стрѣлецкій Осифъ Созоновъ, а съ нимъ 500 человѣкъ стрѣльцевъ», и проч. [2]).

Въ VI томѣ «Древней Россійской Библіоѳики» (Новикова), въ статьѣ о присылкѣ папою Григорьемъ XIII-мъ посла Іезуита Антона Поссевина къ царю Іоанну IV Васильевичу, въ лѣто отъ сотворенія міра 7088 (отъ Р. Х. 1580), читается, что царь Іоаннъ принялъ посла Поссевина въ г. Старицѣ между Вязьмою и Москвою, и затѣмъ сказано въ текстѣ: «И послѣ того на третій день, былъ папинъ посолъ у великаго государя на дворѣ, на пріѣздъ. Посыланъ отъ великаго государя его посла звать Ѳома Аѳонасьевичъ Бутурлинъ, да Михаило Андреевичъ Безнинъ, да Елизарій Вылузгинъ»... О второй же аудіенціи, данной царемъ послу Поссевину, говорится: «И того дня посолъ у государя ѣлъ во столовой; а сидѣлъ въ кривомъ столѣ, а противъ его сидѣлъ Ѳома Бутурлинъ, Михайло Внуковъ, Елизарій Вылузгинъ Залѣшанинъ, Волховъ» и пр. Затѣмъ, обозначено поименно, кто сидѣлъ за боярскимъ столомъ, изъ чего казалось бы сомнительнымъ, чтобы Ѳома Бутурлинъ былъ бояриномъ; иначе, и его мѣсто было бы у боярскаго стола. Но съ другой стороны, такъ какъ въ этомъ документѣ онъ названъ «Афонасьевичемъ», то можно предполагать, что онъ былъ

---

[1]) Бутурлины происходятъ, какъ сказано выше, отъ выходца изъ Петроварадина Ратши, и вотъ почему въ нашемъ гербѣ находятся два Венгерца, поддерживающіе щитъ.

[2]) Изъ рукописей разрядной книги при царѣ Іоаннѣ IV, найденной въ библіотекѣ Тамбовской губерніи и уѣзда села Воронцова, имѣнія Елисаветы Александровны Болдыревой.

бояриномъ, потому что, будь онъ чѣмъ-нибудь другимъ (окольничимъ, постельничимъ или стольникомъ), о немъ писалось бы «Ѳома Аѳонасьевъ». Далѣе, въ томъ же документѣ читаемъ: «а послѣ стола, ѣздили посла потчивать на подворье съ меды (т. е. съ медами) Ѳома Бутурлинъ, да Михаило Безнинъ». А когда гетманъ Богданъ Хмѣльницкій съ Малороссійскимъ казачествомъ просилъ царя Алексѣя Михайловича въ 1654 г. о присоединеніи Малороссіи къ Московскому царству, то посланы были ближній бояринъ и дворецкій Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ другими боярами, стольниками и воеводами къ Хмѣльницкому и всему казачьему войску по сему дѣлу, «съ обѣщаніемъ великой милости государевой». (Сказаніе о томъ что́ случилось на Украинѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣла. Москва, 1847).

Возвращаюсь къ графамъ Бутурлинымъ. У фельдмаршала было трое дѣтей: графъ Петръ Александровичъ (а по настоящему Іона, такъ какъ онъ былъ крещенъ этимъ именемъ), графиня Екатерина Александровна и графиня Варвара Александровна. Графъ Петръ Александровичъ былъ женатъ на графинѣ Маріи Романовнѣ Воронцовой (сестрѣ графовъ Александра и Семена Романовичей Воронцовыхъ, княгини Екатерины Романовны Дашковой и графини Елисаветы Романовны Воронцовой, извѣстной фаворитки Петра III и вышедшей замужъ за Полянскаго). Графиня Екатерина Александровна Бутурлина вышла замужъ за князя Юрія Владимировича Долгорукова, а сестра ея графиня Варвара за его старшаго брата генералъ-поручика князя Василія Владимировича Долгорукова (бракъ бездѣтный). У князя Ю. В. Долгорукаго была одна только дочь, княжна Варвара Юрьевна, вышедшая замужъ за князя Алексѣя Ивановича Горчакова *).

По семейнымъ преданіямъ, дѣдъ мой графъ Петръ Александровичъ велъ свѣтскую, разсѣянную жизнь, немного запуталъ огромное свое состояніе и мало занимался службою, хотя вскорѣ послѣ своей женитьбы (а онъ женился очень молодымъ человѣкомъ) былъ назначенъ посланникомъ въ Мадридъ, по протекціи, вѣроятно, дяди его жены, Елисаветинскаго канцлера, графа Михаила Иларіоновича Воронцова (женатаго на графинѣ Скавронской). Княгиня Е. Р. Дашкова говоритъ въ письмахъ къ своему брату графу Александру Романовичу

*) У княгини Варвары Юрьевны Горчаковой была одна только дочь, княжна Лидія Алексѣевна, вышедшая замужъ за графа В. А. Бобринскаго и умершая бездѣтно. Княгиня Горчакова взяла на воспитаніе какую-то дѣвочку и, выдавъ ее замужъ въ концѣ 20-хъ годовъ, за Салтыкова, закрѣпила за нею все свое имѣніе; но такъ какъ оно было Бутурлинское, то съ нашей стороны возникъ процессъ, который мы однакоже проиграли.

(впослѣдствіи канцлеру), что сестра ихъ (а моя бабка), графиня Марія Романовна Бутурлина, не была счастлива съ своимъ мужемъ. Изъ донесеній Англійскаго посланника при Екатеринѣ II, лорда Каткарта къ своему правительству въ Ноябрѣ 1768 г. (помѣщенныхъ въ «Сборникѣ Русскаго Истор. Общества», томъ XIX за 1873 г.) видно, что графъ Петръ Александровичъ превосходно игралъ на Эрмитажномъ театрѣ во Французскихъ піесахъ «Женатый философъ», и «Аннета и Любенъ» (Annette et Lubin) и что всѣ роли были артистически сыграны сіятельными актерами и актрисами. Домъ графа Петра Александровича въ Москвѣ былъ на Солянкѣ, въ углубленіи двора, насупротивъ нынѣшняго зданія Опекунскаго совѣта *); а погребенъ онъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Пережила ли мужа графиня Марія Романовна, не знаю.

У графа Петра Александровича было двое только дѣтей: графиня Елисавета Петровна, родившаяся въ 1762 г., и нашъ отецъ, графъ Дмитрій Петровичъ, родившійся въ слѣдующемъ 1763 году. Тетка моя гр. Елисавета Петровна была фрейлиною при Екатеринѣ и вышла замужъ въ 1784 году за Адріана Ивановича Дивова. Отецъ мой и его сестра остались малолѣтними послѣ своего отца. Воспреемницею при купели моего отца была импер. Екатерина, лично или заочно, въ точности не знаю, но склоняюсь думать, что лично, потому что отецъ мой всегда носилъ на груди крестъ, возложенный на него при крещеніи его крестною матерью, тогда же записавшею его сержантомъ гвардіи. Оставшись сиротою малолѣтнимъ, онъ былъ взятъ на воспитаніе своимъ дядею (по матери) графомъ А. Р. Воронцовымъ и имъ былъ помѣщенъ въ Сухопутный Шляхетный Корпусъ. О его пребываніи въ Корпусѣ я слышалъ отъ него, что тѣлесныя наказанія не существовали тамъ, и что провинившагося въ чемъ-нибудь кадета сажали лишь подъ черный столъ. По выходѣ изъ Корпуса отецъ мой былъ опредѣленъ адъютантомъ къ князю Г. А. Потемкину; но по склонности его къ ученымъ занятіямъ военная служба не пришлась ему по вкусу, и не болѣе какъ черезъ шесть недѣль, онъ оставилъ ее. Къ этому времени относится разсказъ, помѣщенный въ Запискахъ Энгельгардта, что отецъ мой, вмѣстѣ съ сестрою своей Дивовой и съ фрейлиной Эльмптъ, составили сатиру, подъ названіемъ Каталога, надъ высшими лицами Петербургскаго общества, не пощадивъ даже самоё Императрицу, за чтò отецъ мой былъ будто бы отставленъ отъ службы, сестра его выслана въ Москву, а фрейлина Эльмптъ была наказана розгами. Между

*) Домъ этотъ принадлежалъ въ 30-хъ годахъ текущаго вѣка сенатору князю Александру Петровичу Оболенскому. Въ настоящее время весь дворъ застроенъ (Нынѣ Губонина. П. Б.).

прочимъ о графѣ Безбородкѣ было тамъ сказано: «Le ministre nouveau, relié en veau». Ничего я не слыхалъ объ этой исторіи въ моемъ семействѣ, и наведенныя мною о томъ справки у старшихъ членовъ нашего семейства не подтверждаютъ этого разсказа, и потому я сомнѣваюсь въ его подлинности. Отецъ же мой разсказывалъ мнѣ, что, увлекшись въ своей молодости либеральными теоріями, вызвавшими Французскую революцію, онъ умолялъ Императрицу отпустить его въ Парижъ, въ чемъ она ему отказала, и за что̀ онъ, разсердившись, оставилъ службу и переѣхалъ на жительство въ Москву.

О холостой жизни моего отца имѣю я весьма мало свѣдѣній. Изъ семейныхъ преданій знаю, что отецъ мой былъ до того пунктуаленъ во всѣхъ жизненныхъ своихъ привычкахъ (онъ звалъ это «le respect pour les heures», т. е. ува̀женіе къ часамъ), что на домашнихъ своихъ спектакляхъ (въ которыхъ онъ доходилъ до артистическаго совершенства), если кто изъ приглашенной публики опаздывалъ пріѣздомъ до поднятія занавѣса, то приглашенный лишался возможности присутствовать на этомъ спектаклѣ. При поднятіи занавѣса желѣзные ворота рѣшетки передъ дворомъ дома запирались, во избѣжаніе помѣхи отъ входа въ залу опоздавшихъ посѣтителей. Отецъ мой одинаково отличался въ буфовыхъ партиціяхъ Итальянскихъ оперъ (голосъ у него былъ басъ) и въ комедіяхъ; особенно былъ онъ хорошъ, какъ говорили, въ роляхъ Альсеста въ «Мизантропѣ» Мольера, и въ «Le Bourrou bienfaisant»: комедія, переведенная съ Итальянскаго, Гольдони. Онъ также распѣвалъ разные Французскіе и Итальянскіе романсы и шансонетки, аккомпа̀нируя себя на гитарѣ. Надо думать, что онъ былъ не изъ послѣднихъ щеголей своего времени, судя по тому, что онъ посылалъ свое бѣлье въ Парижъ для стирки: роскошь недешевая при тогдашнихъ плохихъ способахъ сообщенія съ чужими краями. Онъ прекрасно писалъ стихи по-французски: у меня хранится нѣсколько его стихотвореній, и я очень сожалѣю, что въ числѣ ихъ я потерялъ оду, посвященную моей матери въ первое время ихъ женитьбы. Не дорожилъ онъ особенно свѣтскими условіями своей среды, и семейное преданіе гласитъ, что однажды, прогуливаясь по городу съ однимъ изъ троюродныхъ его братьевъ князей Куракиныхъ, онъ остановилъ шедшаго по улицѣ разнощика съ свѣжими овощами, купилъ у него пучекъ зеленаго луку (до̀ котораго онъ былъ до конца жизни великій охотникъ) и принялся тутъ же его грызть, къ великой досадѣ чопорнаго кузена, краснѣвшаго за подобную плебейскую выходку. Вѣрный своей системѣ акуратности, онъ говаривалъ всегда, что почтовые дни существуютъ для отправки, а не для писанія писемъ, а что надо заготовлять ихъ нака-

нунѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ любимыхъ его поговорокъ. «Comme on fait son lit, on se couche. Que chacun fasse son métier, et les vâches seront bien gardées. Quand on a peur d'un mal, on a déjà le mal de la peur. La plus belle fille du monde ne peut donner, que ce qu'elle a. Jeunesse qui veille et vieillesse qui dort, travaillent tous deux pour la mort. Prenez toujours la bénédiction d'un évêque: si elle ne vous fait pas de bien, elle ne saurait vous faire du mal. Je préfère la poule aux poulets, то есть, предпочитаю моимъ дѣтямъ ихъ мать (что̀ однакоже не мѣшало ему быть нѣжнѣйшимъ отцемъ). Age, quod agis. Противъ праздности онъ говаривалъ: «faites des curedents, mais faites quelque chose. Rien ne doit déranger l'honnête homme qui dîne» [1]).

Въ Московскомъ своемъ домѣ въ Нѣмецкой Слободѣ [1]), отецъ мой занималъ иногда своихъ гостей опытами бѣлой магіи, физики и карточными фокусами, «à la Pinetti» [2]), въ особенно устроенномъ для того залѣ, носившемъ, до истребленія нашего дома пожаромъ въ 1812 году, названіе физическаго кабинета. При мнѣ всѣ эти аппараты давно уже не существовали, а научно-физическій свой кабинетъ, со

---

[1]) „Какъ стелится постель, такъ и спится". „Пусть всякій держится своего ремесла (или исполняетъ свое дѣло), и коровы охранятся какъ слѣдуетъ". „Кто заранѣе страшится какого нибудь бѣдствія, тотъ уже ощущаетъ бѣдствіе страха". „Самая красивая дѣвушка ничего болѣе не можетъ дать кромѣ того, чѣмъ одарила ее природа". „Просиживающая всѣ ночи молодость и предающаяся чрезмѣрному сну старость, обѣ ускоряютъ часъ смерти". „Подходите всегда къ благословенію епископа; если оно не принесетъ вамъ пользы, то конечно, не причинитъ вамъ никакого вреда". „Я предпочитаю насѣдку цыплятамъ". „Всегда исправно дѣлай то, что́ ты дѣлаешь". „Если нѣтъ у тебя никакого занятія, то, по крайней мѣрѣ, дѣлай зубныя перушки". „Ничто не должно обезпокоивать честнаго человѣка, во время его обѣда".

[1]) Домъ этотъ былъ не наслѣдственный, а купленный моимъ отцемъ еще до его женитьбы. Имъ же былъ проданъ отцовскій его домъ на Солянкѣ.

[2]) Пинетти былъ извѣстный фокусникъ въ концѣ прошлаго вѣка. О немъ разсказывали неимовѣрныя вещи. Такъ наприм.: онъ явился однажды къ императору Павлу въ часъ пополудня, вмѣсто назначеннаго ему времени въ 11 часовъ, и когда разсерженный за подобное неуваженіе Императоръ началъ упрекать Пинетти, тотъ вытащилъ свои карманные часы и показалъ, что у него ровно 11 часовъ. Императоръ, вынувъ въ свою очередь свои карманные часы, изумился, увидѣвъ, что и на нихъ было тоже самое. Находившіеся при этомъ царедворцы могли удостовѣриться, что и на ихъ часахъ было также 11 часовъ. Мало того, наружные стѣнные часы Зимняго дворца тоже самое показывали. Вслѣдствіе этой штуки Императоръ повелѣлъ фокуснику немедленно выѣхать изъ Петербурга, а полиціи донести ему объ исполненіи его приказанія. И вотъ, въ этотъ (или въ слѣдующій день) полиція донесла Государю, что въ одинъ и тотъ же часъ изо всѣхъ городскихъ заставъ выѣхалъ въ своемъ экипажѣ Пинетти (Слышалъ отъ моей матери).

всѣми инструментами, отецъ мой продалъ въ Московскій университетъ, еще до моего рожденія. Онъ и въ глубокой старости говаривалъ, что никогда не ложится спать, не почерпнувъ новаго какого нибудь свѣдѣнія, въ теченіе дня. Память у него была феноменальная, и онъ на любой почти предметъ могъ приводить мѣсто изъ Латинскихъ и Французскихъ классиковъ, въ прозѣ и въ стихахъ. Однажды, въ какомъ-то обществѣ, гдѣ находился мой отецъ, нѣкій Французъ прочелъ одно свое стихотвореніе. По окончаніи чтенія, отецъ мой началъ выговаривать поэту, что нечестно выдавать чужіе стихи за свои собственные. Французъ обомлѣлъ и сталъ увѣрять, что онъ только что передъ этимъ сочинилъ эти стихи. «Если такъ», сказалъ мой отецъ, «то извольте прочесть ихъ наизустъ». На это Французъ отозвался, что онъ не знаетъ наизустъ своихъ стиховъ. «А въ доказательство, что стихи эти мои, а не ваши», продолжалъ мой отецъ, «я ихъ прочту вамъ наизустъ», и дѣйствительно прочелъ ихъ безошибочно. Французъ еще пуще остолбенѣлъ, и присутствующіе уже начали было недовѣрчиво смотрѣть на него; но отецъ мой поспѣшилъ объяснить, что ему хотѣлось только помистифировать бѣднаго версификатора. Московскіе старожилы разсказывали мнѣ, что когда обращались къ моему отцу для какой нибудь исторической справки, то онъ, не вставая съ мѣста, указывалъ не только на автора, гдѣ можно было найти эту справку, но даже и въ какой части, даже означалъ мѣсто въ многотомной (до 40 тыс.) своей библіотекѣ, гдѣ находилось это сочиненіе, и на какой полкѣ. И въ старости онъ говаривалъ о своей памяти какъ о бюро съ ящиками: когда нужно было ему вспомнить подробности по какому нибудь предмету, то онъ принимался на вѣрняка умственно шарить въ одномъ изъ этихъ отдѣленій.

Отецъ мой былъ глубоко вѣрующій и набожный человѣкъ. Въ первой своей молодости онъ былъ масонъ и платилъ этимъ дань своему вѣку. Ревнитель и поборникъ Православія, въ чемъ укрѣпляло его изученіе первоначальной исторіи церкви, онъ не поддался вольтеріанизму, распространенному въ обществѣ, въ которомъ протекла его юность, и не впадалъ позднѣе въ мистицизмъ, которымъ замѣнился атеизмъ и виднымъ представителемъ котораго былъ другъ его князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Не долюбливалъ онъ іезуитовъ, и не могла поколебать его, какъ догматолога, окружавшая его, сначала въ Россіи, а позднѣе въ Италіи, Латинская пропаганда, хотя и находился онъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими лицами Французскаго и Итальянскаго духовенства. Онъ кончилъ праведную свою жизнь во Флоренціи, держа въ рукахъ крестъ съ мощами (нынѣ у меня

хранящійся) 7 (19) Ноября 1829 года, напутствованный посольскимъ нашимъ священникомъ іеромонахомъ Иринархомъ [1]), и по внезапномъ отъѣздѣ послѣдняго въ Римъ, многолѣтнимъ своимъ духовникомъ, священникомъ Ливорнской Греческой церкви, Іоакимомъ Валламонте (уроженцомъ Іоническихъ острововъ). При отъѣздѣ моемъ изъ родительскаго дома въ Россію, на службу, онъ письменно завѣщалъ мнѣ твердо хранить вѣрованіе нашихъ предковъ. Въ раннемъ моемъ дѣтствѣ меня всегда поражало, и теперь я какъ будто бы это вижу, какъ онъ, стоя на обычномъ своемъ мѣстѣ, на лѣвомъ клиросѣ нашей Бѣлкинской (въ Калужской губерніи) церкви, усердно, со сложенными руками, почти слезно, и съ поднятыми вверхъ глазами, повторялъ за діакономъ и въ полуслухъ, трогательныя слова сугубой эктеніи: «Еще молимся о плодоносящихъ и добродѣющихъ во святѣмъ и всечестнѣмъ храмѣ семъ, труждающихся, поющихъ, предстоящихъ людѣхъ, ожидающихъ отъ Тебе великія и богатыя милости».

Служилъ онъ отрывками, но умеръ однакоже, тайнымъ совѣтникомъ, дѣйствительнымъ камергеромъ и сенаторомъ; и, вещь удивительная, онъ не имѣлъ ни одного кавалерскаго креста. Не знаю, былъ ли и есть ли какой нибудь другой подобный этому примѣръ. Въ 1803 году, года два до кончины его дяди, канцлера графа Воронцова, отецъ мой получилъ назначеніе посланникомъ въ Римъ; совѣтникомъ при посольствѣ былъ назначенъ графъ Кассини, и даже домъ въ Римѣ былъ нанятъ заочно для моего отца, но посольство не состоялось по слѣдующей причинѣ.

При предшественникѣ моего отца находился секретаремъ посольства нѣкто Французскій эмигрантъ, шевалье де-Варнекъ (или Варнегъ), остававшійся при своемъ постѣ до пріѣзда новаго посланника. Наполеонъ настоятельно требовалъ отъ папскаго правительства выдачи ему этого Варнега, какъ Французскаго подданнаго, и какъ ни отговаривался Ватиканъ исполнить это требованіе, но по слабости своей онъ долженъ былъ уступить передъ угрозами повелителя Италіи. Императоръ Александръ, возмущенный этимъ попраніемъ всякаго народнаго права выдачею Русскаго чиновника, отозвалъ изъ Рима нашу миссію и прекратилъ дальнѣйшія сношенія съ папскимъ правительствомъ [2]). При канцлерѣ графѣ Н. П. Румянцовѣ (кажется въ 1809 году), отецъ мой былъ назначенъ посланникомъ при Баварскомъ дворѣ,

---

[1]) Нынѣ архіепископомъ. О немъ подробно буду говорить впослѣдствіи.

[2]) Случай этотъ подробно описанъ въ Histoire du Catholicisme romain en Russie, par le comte D. Tolstoi.

но не знаю по какой причинѣ, онъ туда не поѣхалъ. Позднѣе онъ былъ директоромъ всего Эрмитажа (тогда еще не раздѣленнаго, какъ нынѣ, на два отдѣленія) и продолжалъ носить это званіе чуть ли не до самаго нашего отъѣзда за границу, въ 1817 году, хотя жилъ въ Петербургѣ только въ зимнее время и почти не хаживалъ въ Эрмитажъ. Мать моя разсказывала мнѣ, что, въ первые годы ея замужества, она, съ помощію друзей своихъ, едва успѣла уговорить моего отца (тогда во временной отставкѣ), записаться куда нибудь на службу, въ избѣжаніе грозившей ему непріятности быть выбраннымъ капитаномъ-исправникомъ, такъ какъ служба по выборамъ была тогда обязательна для всѣхъ дворянъ, не находившихся на коронной службѣ [1]).

Свадьба моихъ родителей состоялась въ 1793 году, въ Бѣлкинѣ, имѣніи отца моей матери, графа Артемія Ивановича Воронцова, и объ этомъ событіи сохраняется по сю пору стѣнная надпись въ Бѣлкинской церкви [2]).

Мать моя, графиня Анна Артемьевна, родившаяся въ 1777 году, была троюродною сестрою моему отцу по его матери, такъ какъ его мать, графиня Марія Романовна, была дочь графа Романа Ларіоновича Воронцова, а отецъ моей матери, графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ, былъ сынъ графа Ивана Ларіоновича Воронцова, брата Елисаветинскаго канцлера, графа Михаила Ларіоновича. Этотъ графъ Иванъ Ларіоновичъ, прадѣдъ мой по матери, не особенно отличался по службѣ; онъ, молодымъ офицеромъ лейбъ-компаніи, участвовалъ въ возведеніи Елисаветы Петровны на престолъ 25 Ноября 1741 года; но былъ онъ хорошимъ хозяиномъ и построилъ въ нѣсколькихъ своихъ имѣніяхъ по каменному трехъ-этажному дому, съ каменными же флигелями, и по каменной просторной ригѣ, вездѣ по одинаковой архитектурѣ, и вездѣ также насадилъ березовыя аллеи въ двухъ рядахъ съ каждой стороны. Аллеи шли въ разныя направленія, отъ господской усадьбы тянулись съ версту и болѣе. Такія постройки извѣстны мнѣ въ Бѣлкинѣ, въ Воронцовѣ (Тамбовской губ.) и въ с. Филисовѣ, Костромской губерніи. Графу Ивану Ларіоновичу принадлежало также

---

[1]) Подумаешь, какъ времена перемѣнились съ тѣхъ поръ! Въ 1865 году я просилъ Калужскаго губернатора, г. Спасскаго, назначить меня исправникомъ въ Тарусѣ (такъ какъ съ 1863 года исправники сдѣлались коронными), желая въ одно и тоже время служить и заниматься хозяйствомъ въ имѣніи моей жены въ Тарускомъ уѣздѣ; но домогательство мое не удалось.

[2]) Имѣніе это, Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, принадлежитъ нынѣ г. Обнинскому.

извѣстное село Вороново, на старой Калужской дорогѣ. Преданіе гласитъ, что Екатерина, во время своего путешествія по Россіи въ 1787 году, посѣтила Вороново и, стоя у одного окна великолѣпныхъ храминъ хозяина, замѣтила, что газонная площадка передъ домомъ должна была представить, въ лѣтнее время, красивый зеленый коверъ. Въ теченіе вечера и всей ночи наряжена была графомъ Иваномъ Ларіоновичемъ поголовная барщина для свозки всей грязи съ этой площадки, такъ что на утро хозяинъ дома повелъ августѣйшую гостью къ тому же окну, изъ котораго она смотрѣла наканунѣ, и такимъ образомъ далъ ей возможность любоваться площадкою, покрытою лѣтнею зеленью. Въ ознаменованіе этого августѣйшаго посѣщенія сооруженъ былъ, на большой дорогѣ, насупротивъ господскаго дома, мраморный обелискъ, мною видѣнный въ 1833 году. Графъ Иванъ Ларіоновичъ былъ женатъ на дочери кабинетъ-министра Волынскаго, казненнаго по проискамъ изверга Бирона. Онъ слылъ щедрымъ человѣкомъ, помогавшимъ нуждающимся своимъ родственникамъ. Мать моя помнила въ своемъ дѣтствѣ однако престарѣлаго доѣзжачаго или стременнаго ея дѣда, обычною поговоркою у котораго было: «Богъ дастъ здоровья (или Богъ дастъ, будемъ живы), всѣ мы помремъ». Графъ Иванъ Ларіоновичъ обыкновенно пріѣзжалъ въ Бѣлкино только въ осеннее время, чтобы охотиться, и выстроенный имъ тамъ домъ не былъ приспособленъ, чтобы жить въ немъ зимою. Мать моя помнила, что когда охота ея дѣда собиралась выступать, то столѣтній стремянной или борзятникъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, засуетится бывало и закричитъ: «Аллонъ, аллонъ; а шеваль, а шеваль» (Allons, allons, à cheval, à cheval). Тогдашній владѣлецъ Бѣлкина, желая улучшить домашній бытъ своихъ крестьянъ, выстроилъ для нихъ рядъ каменныхъ домиковъ о двухъ этажахъ; но въ мое время крестьяне продолжали жить только въ двухъ или трехъ изъ этихъ домиковъ, да и то въ нижнемъ лишь этажѣ; а всѣ остальные представляли собою живописныя довольно развалины. Тѣмъ же владѣльцемъ были построены, въ посаженныхъ имъ проспектахъ, два каменные моста, для болѣе удобнаго проѣзда черезъ лощины во время весенняго напора воды.

У графа И. Л. Воронцова, было два сына и двѣ дочери. Графъ Артемій Ивановичъ (мой дѣдъ по матери), женатый на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Квашниной-Самариной, и графъ Ларіонъ Ивановичъ (отецъ умершаго въ 1855 г. графа Ивана Ларіоновича Воронцова-Дашкова, по прозвищу Ванишь Воронцовъ). Жена этого графа Ларіона Ивановича была по себѣ Ирина Ивановна Измайлова *). До-

*) Сестра ея, замужемъ за княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ,

чери моего прадѣда были графиня Анна Ивановна, вышедшая за мужъ за Василія Сергѣевича Нарышкина и графиня Авдотья Ивановна, умершая въ началѣ 20-хъ годовъ текущаго вѣка дѣвицею. Графъ Артемій Ивановичъ отдалъ еще при жизни въ приданое дочери своей (моей матери) вышепомянутое с. Бѣлкино, при которомъ числилось до 500 душъ и мельница на р. Протвѣ въ селѣ Кривскомъ [1]). Мать моя вышла замужъ, когда только что совершилось ей 16 лѣтъ отъ роду, а на слѣдующій (1794) годъ родился старшій мой братъ, графъ Петръ Дмитріевичъ. Объ устройствѣ ея брака хлопотала, по семейному преданію, ея тетка (и, кажется, крестная мать) Авдотья Ивановна Нарышкина. Вотъ что̀ я слышалъ по этому поводу. Отецъ мой часто посѣщалъ домъ двоюроднаго его дяди графа Артемія Ивановича Воронцова [2]) и обращалъ, быть можетъ, особенное вниманіе на миловидную свою кузину Анюту и вдругъ прекратилъ частыя дотолѣ свои посѣщенія. Зная правила моего отца, я увѣренъ, что это случилось, или отъ экстренныхъ его занятій дома, или отъ лѣни, къ чему онъ былъ иногда склоненъ. Но иначе разсуждала бойкая Анна Ивановна Нарышкина, руководившая во всемъ смиреннаго своего сожителя, Василія Сергѣевича Нарышкина. Она сочла любимую свою племянницу какъ бы оскорбленною прекращеніемъ визитовъ человѣка, котораго она считала уже женихомъ, и вотъ, въ одинъ прекрасный день, она, узнавши, что отецъ мой сидитъ въ Англійскомъ клубѣ, поѣхала туда и вызвала его къ крыльцу, подъ предлогомъ, что имѣетъ поговорить съ нимъ о чемъ-то, а для бо̀льшаго удобства попросила его сѣсть къ ней въ карету. Но едва онъ усѣлся, какъ похитительница закричала кучеру: «скорѣе домой», и увезла моего отца, въ чемъ онъ былъ, безъ шляпы и шинели, прямо въ домъ ея брата, гдѣ отецъ мой дѣйствительно не замедлилъ сдѣлать предложеніе черноглазой Анютѣ, второй изъ четырехъ дочерей графа Артемія Ивановича. Важная барыня была эта Анна Ивановна, и большая любимица, и въ своемъ, и въ нашемъ семействѣ. Сильно ее сокрушала неаристократическая замашка непритязательнаго ея супруга Василія Сергѣевича—читать апостолъ въ его Знаменской (деревенской) церкви. Кстати уже помѣщу анекдотъ объ этомъ В. С. Нарышкинѣ. Въ день переворота 28 Іюня 1762 года, Измайловскій полкъ, въ которомъ былъ онъ офице-

---

была прозвана „la princesse minuit“, отъ привычки спать днемъ, а ночью, вплоть до утра, дѣлать все то, что̀ другіе дѣлаютъ днемъ.

[1]) Мельницу эту купилъ въ 40-хъ годахъ, купецъ Аристарховъ и тамъ завелъ извѣстную свою писчебумажную фабрику, сгорѣвшую въ 50-хъ годахъ.

[2]) Тотъ самый домъ, что̀ теперь университетская клиника на Рождественкѣ. Гр. М. Б. (Нынѣ Строгановское училище. П. Б.)

ромъ, стоялъ въ сборѣ передъ дворцомъ и не участвовалъ въ Петергофскомъ походѣ. Княгиня Е. Р. Дашкова, сопровождавшая Екатерину верхомъ и въ Преображенскомъ, какъ и Императрица, мундирѣ, спохватившись, что она выѣхала безъ шляпы, подскакала къ Василію Сергѣевичу (мужу двоюродной своей сестры) и стала его умолять, чтобы онъ отдалъ ей свою шляпу. «Ишь ты какова̀!» молвилъ Нарышкинъ. «Баба нарядилась шутихою, да еще хочетъ, чтобы я оставался болваномъ, съ открытою головой!» Такъ и не далъ шляпы.

У В. С. Нарышкина было два сына и двѣ дочери: Иванъ Васильевичъ (котораго звали Жано́ до конца его жизни) и Дмитрій Васильевичъ, женившійся на графинѣ Натальѣ Ѳедоровнѣ Ростопчиной. Дочери были: Марія Васильевна, вышедшая за графа де-Бальмена, а по смерти его за Александра Дмитріевича Олсуфьева, и Прасковья Васильевна (а въ семействѣ Пашетъ), умершая нестарою еще дѣвицею. Дмитрій Васильевичъ былъ много моложе Ивана Васильевича, а гувернеромъ его былъ Французъ Прадель, перевоспитавшій много юношей высшаго Русскаго круга.

Сыновей у графа Артемія Ивановича Воронцова не было, а дочерей было четыре: Марія, Екатерина, Анна и Прасковья. Графини Марія и Екатерина Артемьевны умерли старыми фрейлинами, а графиня Прасковья Артемьевна вышла замужъ въ 1813 году, не задолго до кончины ея отца, за Тамбовскаго помѣщика Александра Ульяновича Тимофеева. Состояніе у графа Артемія Ивановича было довольно значительное, но онъ его разстроилъ подъ конецъ, и не иначе согласился отдать свою меньшую дочь за А. У. Тимофеева (сына откупщика), какъ съ условіемъ спасти отъ продажи за долги Тамбовское его имѣніе с. Воронцово и закрѣпить его за его дочерью. Старики и богачи Тимофеевы дали свое согласіе на это предложеніе, и сынъ ихъ (уже дворяниномъ) женился на графинѣ Прасковьѣ Артемьевнѣ. Знаменитое Вороново, гдѣ мать моя и ея сестры обыкновенно проводили лѣто дѣтьми, было продано графомъ Артеміемъ Ивановичемъ, по стѣсненнымъ его денежнымъ обстоятельствамъ, гр. Ростопчину. Въ Тамбовскомъ имѣніи графа Артемія Ивановича было до трехъ или болѣе тысячъ душъ; да еще было у него значительное имѣніе въ Костромской губерніи Нерехотскаго или Кинешемскаго уѣзда, с. Филисово*); также было у него имѣніе въ Рыбинскомъ уѣздѣ, но небольшое. Московскій его домъ былъ тотъ, гдѣ нынѣ Университетская клиника на Рожественкѣ, а отъ

*) Имѣніе это принадлежало въ 40-хъ годахъ генералу Павленко, женатому на сестрѣ Николая Гавриловича Рюмина.

него и отъ угла этой улицы, внизъ по Кузнецкому мосту до Неглиннаго проѣзда, все пространство также принадлежало графу Артемію Ивановичу. Въ Петербургѣ у него былъ тотъ домъ, гдѣ нынѣ Пажескій корпусъ.

Теперь поговорю объ отцовской моей роднѣ. Мужъ тетки моей, Елисаветы Петровны Дивовой, Адріанъ Ивановичъ, былъ корнетомъ въ Конной гвардіи при вступленіи Екатерины на престолъ и участвовалъ въ знаменитомъ ея походѣ въ Петергофъ, 28 Іюня 1762 года. Во время Чесменскаго морскаго сраженія, онъ состоялъ волонтеромъ при графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Орловѣ и получилъ Георгіевскій крестъ въ петлицу. Въ 1792 году онъ посланъ былъ въ Стокгольмъ, поздравить юнаго короля Густава IV съ восшествіемъ на престолъ. Сколько времени онъ тамъ оставался, не знаю; но тамъ родился, въ концѣ того же 1792 года, Николай Адріановичъ, который былъ крещенъ Римско-Католическимъ священникомъ, за неимѣніемъ православнаго. Адріанъ Ивановичъ Дивовъ умеръ въ 1814 году тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Старшій его сынъ Петръ родился въ 1785 году, второй Александръ въ 1788 году. Предки Дивовыхъ были Французы и носили фамилію «Дивошъ». Одинъ изъ нихъ переселился въ Россію, за долго до петровскаго еще времени. Въ царствованіе Павла, Адріанъ Ивановичъ Дивовъ, будучи уже сенаторомъ, подвергся императорскому гнѣву, безъ всякой видимой причины, и ему велѣно было выѣхать съ семействомъ изъ Петербурга, въ двадцать четыре часа, и впредь жить безвыѣздно въ Москвѣ, или у себя въ деревнѣ. Онъ бросился къ троюродному брату его жены, князю Алексѣю Борисовичу Куракину, генералъ-прокурору и въ фаворѣ при Павлѣ; и тотъ выхлопоталъ отмѣну этой мѣры, съ тѣмъ, чтобы А. И. Дивовъ, явился, какъ бы ни въ чемъ не бывало, во дворецъ къ первому царскому выходу, но чтобы онъ отнюдь не благодарилъ Императора за свое помилованіе. Угадываю, что вспышки Павла могли быть вызваны случайнымъ воспоминаніемъ о томъ, что Дивовъ участвовалъ, какъ конногвардеецъ, въ Петергофскомъ походѣ 1762 года. Въ концѣ 90-хъ годовъ, когда ужасы Французской революціи стали утихать и водворился консулатъ, Дивовы переселились въ Парижъ, и тетка моя, Елисавета Петровна, близко сошлась съ Жозефиною. Однажды, на семейномъ завтракѣ, къ которому та пригласила мою тетку, вошелъ мужъ ея Наполеонъ (уже пожизненный консулъ) и, подошедъ къ 7 или 8 лѣтнему Николаю Адріановичу, котораго взяла съ собою мать, спросилъ, какъ понравился ему только что окончившійся смотръ войскъ и не желаетъ ли онъ поступить въ ряды этого войска. «Смотръ очень мнѣ

понравился», отвѣчалъ мальчуганъ, «но я Русскій и желаю служить только моему отечеству».—«Очень хорошо и правильно ты мыслишь, отвѣчалъ Наполеонъ», поцѣловавъ въ голову юнаго патріота, «таковымъ всегда оставайся».

Возвратившись въ Москву, въ первые года текущаго вѣка, Дивовы продолжали держаться Парижскихъ модныхъ привычекъ и, между прочими, принимали утреннихъ посѣтителей, лежа на двуспальной кровати, и мужъ и жена, въ высокихъ ночныхъ чепцахъ съ розовыми лентами и съ блондами. Домашнимъ врачемъ у Дивовыхъ былъ Французъ Скюдери, практиковавшій въ Москвѣ съ полвѣка и сохранившійся еще бодрымъ старикомъ въ 56-хъ годахъ. Большой дружбы между теткою Дивовой и нашей матерью никогда не было, но не было и ссоръ. Послѣдняя была пятнадцатью годами моложе своей золовки; но кромѣ этого онѣ расходились во взглядахъ и привычкахъ. Тетка была вполнѣ свѣтская женщина (mondaine), безъ серіознаго направленія, и принимала много гостей, какъ въ городѣ, такъ и своемъ подмосковномъ Соколовѣ; а наша мать, хотя не вела затворническую жизнь, но была вся сосредоточена въ воспитаніи своихъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ себя помнить, тетка Дивова рѣдко бывала у насъ; но отецъ нашъ частенько ѣзжалъ къ ней по утрамъ. У Дивовыхъ жилъ до 1812 года нѣкій г. Лебрюнъ (Lebrun), котораго мы встрѣтимъ въ позднѣйшихъ этихъ разсказахъ. Онъ передалъ мнѣ, что когда онъ отправлялся съ визитомъ къ моей матери, то тетка моя насмѣшливо желала ему веселиться у ея невѣстки. «Oui, oui! Allez un peu chez ma belle-soeur; vous vorrez comme c'est amusant». Старшій сынъ Дивовыхъ, Петръ Адріановичъ, былъ уже на службѣ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1805 году, а второй, Александръ, направленный своими гувернерами - аббатами, склонился къ католицизму. Хотя онъ, какъ и старшій братъ, первоначально пошелъ по дипломатической части, и въ началѣ 1812 года былъ назначенъ секретаремъ при Вашингтонской нашей миссіи; но онъ тамъ покинулъ службу и поступилъ въ Іезуиты, а въ 1824 г. онъ вышелъ изъ этого ордена, какъ далѣе увидимъ. Меньшой изъ трехъ братьевъ, Николай Адріановичъ, поступилъ юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію, въ 1810 году, и подъ Бородиномъ былъ офицеромъ и ординарцемъ при убитомъ тамъ графѣ Кутайсовѣ. Когда семейство Дивовыхъ возвратилось изъ Парижа въ Россію, то Николай Адріановичъ, которому было тогда 9 или 10 лѣтъ, не умѣлъ, какъ самъ разсказывалъ, говорить по-русски.

Мать наша была такъ молода, выходя замужъ, что бабушка моя, графиня Прасковья Өедоровна Воронцова, сочла приличнымъ опредѣлить къ ней, въ качествѣ компаніонки, пожилую Француженку, мадамъ Ребрукъ. Такъ какъ эта дама знавала нашу мать еще дѣвочкою, хотя никогда не была ея гувернанткою (а таковою была Швейцарка мамзель Женвуà), то она долго не могла свыкнуться съ настоящимъ положеніемъ моей матери; на свѣтѣ уже были братъ и старшая моя сестра Марія, а мадамъ Ребрукъ, когда приходила утромъ здороваться съ моею матерью, все продолжала говорить «Bonjour, m-lle Annette; comment vont vos enfants?» [1]).

Состояніе нашего отца, когда онъ женился, заключалось въ слѣдующемъ. Въ слободѣ Бутурлиновкѣ съ деревнями было до 14 тыс. душъ. Въ Костромской губерніи, въ селѣ Малыхъ Порзняхъ съ деревнями, до 2500 душъ; въ Финляндіи до 2000 душъ, и подмосковное весьма хорошо устроенное имѣніе, с. Алешино. Еще до моего рожденія, отецъ нашъ продалъ Финляндское имѣніе, потому что (какъ сказывалъ мнѣ одинъ человѣкъ, со словъ моего отца) имѣніе это не приносило другаго дохода кромѣ 2-хъ тысячъ рублей и 2-хъ тысячъ рябчиковъ въ годъ; село же Алешино было продано г. Терскому, совершенно противъ желанія моей матери, которая всегда сожалѣла объ этомъ имѣніи [2]).

Мать моя разсказывала мнѣ, что, въ первые годы ея замужества, отецъ нашъ пустился въ откупныя дѣла съ г. Петрово-Соловымъ [3]), и дѣла ихъ пошли такъ дурно, что все состояніе нашего отца едва не лопнуло. Особенно запуталъ нашего отца какой-то Крупенниковъ, пользовавшійся его довѣріемъ. Однажды, въ Бутурлиновкѣ, этотъ или какой-то другой подобный ему агентъ, выбралъ время, когда мать наша уѣхала на нѣсколько дней въ Воронежъ, и уговорилъ ея мужа подписать какую-то бумагу, которая могла повести его къ окончательному разоренію. Отецъ нашъ долго колебался, подписать-ли ему эту бумагу или нѣтъ; но къ счастію, одинъ дворовый нашъ человѣкъ, преданный своимъ господамъ, Василій Колпаковъ (впослѣдствіи первый мой дядька) поскакалъ, не сказавъ никому, въ Воронежъ, и тамъ, ворвавшись въ одинъ домъ, во время бала, на которомъ нахо-

---

[1]) Здравствуйте, мамзель Аннеттъ; здоровы ли ваши дѣти?

[2]) Сынъ этого г. Терскаго служилъ одновременно со мною юнкеромъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку.

[3]) Жена этого г. Петрово-Соловова, урожденная княжна Щербатова, была убита на мѣстѣ въ Петербургѣ, въ началѣ 20-хъ годовъ, выброшенная изъ экипажа на всемъ скаку.

дилась наша мать, передалъ ей о грозившей опасности. Не медля ни минуты, она бросилась въ экипажъ, въ бальномъ, какъ была, нарядѣ, и прискакала во́-время (разстояніе отъ Воронежа до Бутурлиновки 160 верстъ), чтобы остановить мужа. При видѣ этого неожиданнаго препятствія, аферистъ-искуситель имѣлъ наглость предложить нашей матери какой-то богатый уборъ (ожерелье съ серьгами) и уговаривалъ ее не вмѣшиваться въ дѣла, о которыхъ-де она не имѣетъ, какъ женщина, никакого понятія.

Отъ нашего дѣда, графа Петра Александровича, перешелъ какъ бы по наслѣдству къ нашему отцу старикъ - живописецъ Гаетано Бацциготти, родомъ изъ Болоньи, привезенный нашимъ дѣдомъ изъ Италіи. Я его не помню, и онъ умеръ въ умопомѣшательствѣ еще до 1810 года; но я видалъ въ альбомахъ у нашихъ семейныхъ карандашные и масляными красками пейзажики его работы. Наброски эти представляли по большей части лунное освѣщеніе и были безъ всякихъ въ нихъ фигуръ, и это послѣднее обстоятельство г. Бацциготти всегда объяснялъ тѣмъ, что въ этой ночной порѣ всѣ добрые христіане находились на полуночной обѣднѣ, которая бываетъ у Латинянъ разъ только въ году, подъ праздникъ Рождества Христова [1]). Разсказывали также у насъ въ семействѣ, что Бацциготти переряжалъ единственнаго своего слугу въ разные костюмы, иногда даже вымазывалъ ему лицо сажею, чтобы онъ казался Негромъ, а посѣтители могли думать, что у него было нѣсколько людей прислуги. Но скорѣе можно полагать, что это было ничто иное, какъ свойственное Итальянцамъ буффонство.

Въ первыхъ годахъ столѣтія, часто бывалъ у насъ Шведъ Спренгпортенъ, квартировавшій въ нашемъ сосѣдствѣ. Онъ бросился изъ окна втораго этажа и разбился до смерти [2]).

Другой иностранецъ, часто бывавшій у нашихъ родителей, также въ началѣ текущаго вѣка, и гораздо болѣе извѣстный, чѣмъ Шведскій графъ, былъ молодой Французъ эмигрантъ, баронъ Де-Жерамбъ. Онъ въ войнахъ начала сего вѣка сформировалъ на свой счетъ полкъ черныхъ гусаръ, прозванный безпардоннымъ, потому что его гусары не брали Французовъ въ плѣнъ, а умерщвляли ихъ [3]). Онъ попался,

[1]) Ни особенной заутрени, ни литургіи подъ свѣтлый праздникъ у Латинянъ нѣтъ.

[2]) Послѣ написанія этихъ строкъ, старшая моя сестра, Марія Дмитріевна Дини, сообщила мнѣ изъ Флоренціи, что этотъ графъ Спренгпортенъ лишилъ себя жизни, чувствуя себя будто бы обезчещеннымъ, такъ какъ его отецъ измѣнилъ своему отечеству (т. е. Швеціи).

[3]) У нихъ на киверахъ была, кажется, Адамова голова съ двумя крестообразными костями.

наконецъ, въ плѣнъ, и Наполеонъ засадилъ его въ Венсенскую крѣпость, гдѣ онъ томился десять лѣтъ, до вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, въ 1814 году. Долголѣтнее заточеніе развило въ немъ глубокое духовное настроеніе, и по полученіи свободы, онъ передалъ своимъ родственникамъ почти все свое состояніе, довольно значительное и, оставивъ себѣ необходимую на прожитье часть, поступилъ въ траписты, наистрожайшій изъ всѣхъ Латинскихъ монашескихъ орденовъ. Впослѣдствіи онъ издалъ свое путешествіе въ Іерусалимъ и разныя сочиненія аскетическаго направленія.

Посѣщалъ также нашъ домъ до 1810 года другой эмигрантъ, маркизъ Де-Кенсонна (de Quinsonnat), женатый на княжнѣ Одоевской, которая, умирая, завѣщала все свое состояніе мужу, а имъ оно пожертвовано на основаніе въ одной изъ двухъ нашихъ столицъ пріюта для Французовъ, не имѣвшихъ средствь къ существованію.

Княгиня Е. Р. Дашкова желала, чтобы нашъ отецъ принялъ самъ, или для малолѣтняго тогда моего брата графа Петра Дмитріевича, все ея наслѣдство, съ прибавленіемъ фамиліи Дашкова къ нашей. Дашкова не любила своей дочери Щербининой и, по смерти своего сына князя Павла Михайловича вознамѣрилась заблаговременно лишить дочь слѣдуемаго ей наслѣдства. Чувство справедливости, свойственное нашему отцу, воспрепятствовало ему принять предложеніе его тетки въ ущербъ законной наслѣдницѣ, какъ за себя самого, такъ и за своего сына. Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ (отецъ князя Михаила Семеновича), къ которому обратилась по сему поводу княгиня Дашкова, сдѣлалъ тоже самое, что̀ и нашъ отецъ. Тогда только княгиня обратилась къ графинѣ Иринѣ Ивановнѣ Воронцовой (вдовѣ графа Ларіона Ивановича), которая дала свое согласіе отъ имени несовершеннолѣтняго своего сына, графа Ивана Ларіоновича, съ прибавкою фамиліи Дашкова. О причинахъ неумолимаго гнѣва княгини Дашковой на ея дочь я узналъ слѣдующее отъ моихъ семейныхъ. Единственный сынъ княгини князь Павелъ Михайловичъ, командовавшій въ чинѣ генерала какимъ-то полкомъ, расположеннымъ въ западныхъ губерніяхъ, влюбился въ бѣдную шляхтянку и, вопреки материнскаго запрета, женился на ней. Княгиня прокляла сына, а Щербинина вступилась за брата и не допустила его примириться съ матерью. Молодой князь Дашковъ, пріѣхавъ въ Москву, заболѣлъ и умеръ въ своемъ домѣ на Тверской, рядомъ съ Савинскимъ подворьемъ*). Однакоже мать, узнавши объ опасномъ положеніи сына, отреклась отъ произне-

*) Домъ этотъ, отдѣленный отъ улицы дворомъ, принадлежалъ въ 40-хъ годахъ Самаринымъ, потомъ откупщику Утину, а нынѣ Дашкевичу (теперь Толмачеву П. Б.).

сеннаго ею проклятія и поспѣшила навѣстить его, но не была допущена къ смертному одру сестрою больнаго. Это и побудило, вѣроятно, княгиню лишить свою дочь наслѣдства. По смерти сына, она немедленно выписала въ Москву молодую его вдову, начала всячески ее ласкать и безнамѣренно уморила новую свою фаворитку. Эта молодая женщина страдала страшными мигренями и, по совѣту своей свекрови, обложила голову горчишниками, которые притянули всю кровь къ головѣ, и она умерла отъ воспаленія въ мозгу. Домъ княгини Екатерины Романовны въ Москвѣ былъ на Большой Никитской *).

А до чего была скаредна, въ послѣдніе годы жизни, эксъ-президентъ Академіи Наукъ, можно судить потому, что когда она обѣдывала у нашихъ родителей (что́ случалось по Воскресеньямъ), то увозила съ собою остатки лимона, который непремѣнно ставили передъ ней; а когда она ѣзжала обѣдать у своей племянницы Елисаветы Петровны Дивовой, то при отъѣздѣ ея хозяева клали ей въ карету голову сахару и нѣсколько фунтовъ чая. Она скончалась въ Москвѣ, въ 1810 году, никѣмъ изъ родственниковъ не окруженная, и погребена въ Калужской губерніи Тарусскаго уѣзда, въ с. Троицкомъ, любимой и обыкновенной ея резиденціи, гдѣ иногда она живала и зимою. Родители мои, живя уже во Флоренціи, вспоминали о скукѣ, когда, по родственной обязанности, они гащивали у ихъ тетки, въ селѣ Троицкомъ.

Отецъ нашъ благоговѣлъ предъ своимъ воспитателемъ канцлеромъ графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ. Когда въ 1805 году ему дали знать, что дядя его опасно боленъ, то онъ поскакалъ къ нему въ с. Андреевское (Владимирской губ., Покровскаго уѣзда), и канцлеръ буквально скончался въ объятіяхъ племянника. Этотъ ударъ такъ поразилъ моего отца, что тутъ же съ нимъ сдѣлался первый пароксизмъ удушья, которое постепенно усилилось до того, что, по совѣту медиковъ, онъ переселился въ 1817 году въ теплый климатъ. Старикъ-канцлеръ уже нѣсколько лѣтъ передъ смертію жилъ безвыѣздно въ своемъ Андреевскомъ, куда посылались курьеры съ текущими дѣлами по Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Находился тогда при немъ другой его племянникъ, старшій сынъ Дивовыхъ, Петръ Адріяновичъ, записанный на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи о невыносимой скукѣ деревенской этой жизни. Канцлеръ былъ холостъ, и значительнымъ весьма его имѣніемъ наслѣдовалъ братъ его Семенъ Романовичъ, бывшій въ то

---

*) Нынѣ Музыкальная Консерваторія. П. Б.

время нашимъ посланникомъ въ Лондонѣ. Самая полная (какъ говорятъ) коллекція портретовъ графовъ и графинь Воронцовыхъ находится по сю пору въ с. Андреевскомъ (вошедшемъ нынѣ въ составъ Воронцовскаго маіората), а вторая подобная галлерея находится въ с. Воронцовѣ (Тамбовской губ. и уѣзда), въ нынѣшнемъ имѣніи двоюродной моей сестры, Елисаветы Александровны Болдыревой, урожденной Тимофеевой.

Кончаю перечень ближайшихъ нашихъ родственниковъ семействомъ Квашниныхъ-Самариныхъ. Петръ Ѳедоровичъ Самаринъ (братъ бабки моей графини Прасковьи Ѳедоровны Воронцовой, жены графа Артемія Ивановича) былъ женатъ на графинѣ Настасьѣ Петровнѣ Салтыковой, дочери извѣстнаго графа Петра Семеновича Салтыкова, побѣдителя Фридриха Великаго. У Петра Ѳедоровича Квашнина-Самарина было всего двѣ дочери: Елисавета Петровна, вышедшая замужъ за графа Григорія Ивановича Чернышова, и Анна Петровна дѣвица.

Теперь пора самому мнѣ выступить на сцену.

Я родился въ Москвѣ, 19 Марта*) 1807 года, въ родительскомъ домѣ, Лефортовской части, въ Нѣмецкой Слободѣ, рядомъ съ запущеннымъ старымъ Лефортовскимъ дворцемъ. Кромѣ этого дома, былъ еще у нашего отца другой, не очень большой, какъ думается мнѣ, насупротивъ церкви Ильи Пророка (улица эта зовется, кажется, въ Сыромятникахъ), въ которомъ жили всѣ тѣ, которые не могли помѣщаться въ Слободскомъ домѣ. Нѣмецкая слобода и прилегающія къ ней улицы составляли до 1812 года, Московскій «faubourg S-t Germain». Тамъ, съ обѣими Басманными улицами включительно, были хоромы тогдашней знати: князей Куракиныхъ и Голицыныхъ, графа Семена Романовича Воронцова, графа Мусина-Пушкина, Василія Сергѣевича Нарышкина, богача Николая Никитича Демидова, графа Разумовскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Домъ нашъ, съ пространнымъ садомъ, занималъ болѣе 4 десятинъ; садъ доходилъ до р. Яузы и примыкалъ однимъ бокомъ къ улицѣ и къ мосту, ведущимъ къ военному госпиталю. При домѣ тянулся рядъ оранжерей и теплицъ съ экзотическими растеніями, и объ этомъ садовомъ заведеніи упоминаетъ Англичанинъ Кларкъ въ своемъ путешествіи по Россіи, въ началѣ текущаго столѣтія. Въ коронацію Павла, когда наши родители были, вѣроятно, въ Петербургѣ, Слободской нашъ домъ былъ отданъ, на время, въ распоряженіе дворцоваго управленія, для помѣщенія въ немъ тѣхъ изъ государевой

---

*) Число это сдѣлалось знаменитымъ, семь лѣтъ позднѣе, по случаю вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ.

свиты, для которыхъ не было мѣста въ Головинскомъ и Лефортовскомъ дворцахъ.

Я былъ крещенъ священникомъ приходской нашей церкви Богоявленія, что на Разгуляѣ, Петромъ Дмитріевичемъ, человѣкомъ очень чтимымъ въ нашемъ семействѣ. Воспріемниками моими были (заочно, какъ надо полагать) графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ (двоюродный братъ моему отцу, а троюродный моей матери) и тетка моя, фрейлина графиня Марія Артемьевна Воронцова *) Раннія, четырехлѣтнія мои воспоминанія восходятъ до 1811 года, когда, зимою, я и сестра моя Софія, годомъ старше меня, мы глядѣли изъ окна одной изъ залъ отцовской библіотеки на появившуюся тогда комету. Отчетливо помню расположеніе всѣхъ комнатъ въ обоихъ этажахъ нашего дома и физическаго (упраздненнаго) кабинета, обращеннаго въ танцовальный залъ. Мать моя, впослѣдствіи, сомнѣвалась, чтобы я могъ хорошо помнить домъ, изъ котораго я выѣхалъ пятилѣтнимъ, и чтобы убѣдить ее, я нарисовалъ при ней весь планъ, почти безошибочно. И теперь какъ будто бы вижу висѣвшій въ столовой залѣ портретъ прадѣда моего, фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина, во весь ростъ и съ жезломъ въ рукѣ; онъ слѣдилъ какъ бы за нашими дѣтскими играми. По Субботамъ были у насъ всегда танцовальные вечера, чтобы потѣшать проживавшихъ у насъ барышень, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь; да и старшая сестра моя Марія была уже на возрастѣ. Въ числѣ этихъ барышень проживала временно у насъ Генріетта Рочфортъ, сестра воспитавшагося съ моимъ братомъ Осипа Осиповича Рочфорта, вышедшая замужъ позднѣе за Англичанина Леджера. На этихъ вечерахъ мы, дѣти, не бывали, такъ какъ насъ въ то время укладывали спать. Отецъ нашъ жилъ за библіотеками (такъ звались залы съ библіотекою, этихъ залъ было три), а спальня и кабинетъ нашей матери были во второмъ этажѣ, рядомъ съ нашимъ дѣтскимъ отдѣленіемъ. Всѣ пріемные аппартаменты были внизу; стѣны двухъ или трехъ изъ нихъ были обвѣшаны штофными шпалерами, окаймлены золотыми багетами; мебель и двери были также мѣстами позолочены. Домъ былъ въ углубленіи двора съ желѣзною рѣшеткою и съ двумя львами на воротныхъ столбахъ. Семейство наше состояло тогда изъ старшаго моего брата графа Петра Дмитріевича, родившагося въ 1794 году, и сестеръ, графинь Маріи Дмитріевны (род. въ 1795), Елисаветы Дмитріевны (род. въ 1804), Софіи Дмитріевны (род. въ 1806 г.) и изъ меня. Но кромѣ насъ были еще три сына старше меня, Александръ, Павелъ и Борисъ, умершіе

*) Она умерла во Флоренціи, въ глубокой старости, въ 1866 году.

младенцами. Вмѣстѣ съ братомъ моимъ воспитывался Англичанинъ Осипъ Осиповичъ Рочфортъ, поступившій вмѣстѣ съ нимъ же на службу, въ 1812 году [1]). Гувернеромъ ихъ былъ Французскій эмигрантъ г. Жиллè, умершій въ концѣ 40-хъ годовъ, статскимъ совѣтникомъ (о немъ придется мнѣ часто говорить). Въ раннемъ дѣтствѣ моего брата, первымъ его гувернеромъ или вѣрнѣе дядькою былъ изъ Московскихъ Англичанъ, г. Коардъ, а учителемъ Русскаго языка (и вѣроятно, Закона Божія) Евфимій Болховитиновъ, еще въ мірѣ, извѣстный іерархъ и писатель; онъ и жилъ нѣкоторое время у насъ въ домѣ. По поводу глубокой скорби, которой предался Болховитиновъ вслѣдствіе преждевременной кончины его жены, отецъ мой, очень любившій его и предвидѣвшій, быть можетъ, какую пользу этотъ молодой вдовецъ могъ принести нашей церкви, старался убѣдить его поступить въ монашество, и не мудрено, что при Петербургскихъ связяхъ моего отца съ высокопоставленными лицами, онъ могъ содѣйствовать къ возвышенію этого замѣчательнаго человѣка. Оба оставались впослѣдствіи въ дружескихъ между собою отношеніяхъ и переписывались. Позднѣйшимъ учителемъ Русскаго языка при моемъ братѣ былъ и жилъ у насъ въ домѣ г. Халчинскій, съ которымъ я встрѣчался въ Петербургѣ, когда онъ уже былъ въ чинѣ превосходительства и служилъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ [2]). Послѣднею гувернанткою при старшей моей сестрѣ, Маріи Дмитріевнѣ, была Англичанка, мадамъ Раунденъ, а при второй моей сестрѣ, Елисаветѣ Дмитріевнѣ, настоящей гувернантки никогда не было: ею занималась сама наша мать, а для надзора за нею оставалась, до конца ея воспитанія, подруга дѣтства нашей матери Екатерина Ивановна Леруà.

Изъ разсказовъ старшихъ я узналъ, что домашними медиками были у насъ въ Москвѣ Французы Помò и Метивьè, и Нѣмцы Френзе и Рейманъ. Въ ходу былъ и третій Французъ врачъ, Скюдери; о Русскихъ же врачахъ и помину тогда не было въ большинствѣ аристократическихъ домовъ; а уже славились тогда по Москвѣ профессора Мухинъ и Мудровъ. Таковъ былъ вѣкъ предпочтенія всему иностранному. Докторъ Рейманъ, весьма свѣдущій врачъ, былъ вывезенъ изъ за границы сыномъ гетмана графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, и долго жилъ у него въ домѣ, а послѣ 1812 года онъ пе-

---

[1]) Мать этого Рочфорта была воспитательницею дочерей графа Павла Александровича Строгонова и кончила жизнь въ этомъ семействѣ.

[2]) Извѣстный въ 40-хъ годахъ Петербургскій архитекторъ Штакеншнейдеръ былъ женатъ на его дочери.

реселился въ Петербургъ и пріобрѣлъ тамъ большую извѣстность въ домахъ высшаго общества. Въ романѣ «Война и Миръ» выведено, что докторъ Метивье былъ будто бы Французскимъ шпіономъ и внезапно исчезъ, при вторженіи Французовъ въ Россію. Какія данныя имѣлъ графъ Л. Н. Толстой въ подтвержденіе этого указанія, не знаю; но я ничего подобнаго не слыхалъ отъ современниковъ. Никого изъ этихъ врачей я не помню; но за то хорошо вспоминаю зубнаго лекаря Жоли, страшнаго для меня человѣка, потому что когда у насъ дѣтей портился зубъ, то мать наша, всегда настойчивая въ своей методѣ воспитанія, возила насъ, не спрашивая нашего согласія, къ этому господину, который безмилосердно исполнялъ свое дѣло. Въ Петербургѣ (позднѣе) таковымъ же былъ г. Сосротъ.

Мать наша, какъ и нашъ отецъ, была глубоко религіозна и питала особенную вѣру въ заступничество Божіей Матери, и въ этихъ чувствахъ она кончила праведную свою жизнь во Флоренціи, въ концѣ 1834 года. Въ ея дѣтствѣ, законоучителемъ ея былъ Серафимъ, бывшій много позднѣе Московскимъ архіепископомъ, а потомъ Петербургскимъ митрополитомъ. Чѣмъ былъ онъ, когда преподавалъ Законъ Божій моей матери, справиться не могу. Сохранилось въ дѣтскихъ моихъ воспоминаніяхъ, что привозили къ намъ на домъ въ Москвѣ, чудотворную Иверскую икону, или «Утоли моя печали» и что мы, дѣти, проходили подъ нею. Каждое первое число мѣсяца въ нашей дѣтской служили молебенъ съ водосвятіемъ и молебенъ Пресвятой Богородицѣ, и вотъ почему впечатлѣлось въ моей памяти, съ пятилѣтняго возраста, Евангеліе отъ Луки: «Во дни оны, возставъ же Маріамъ» и проч. Мать моя выучила меня, когда я былъ еще ребенкомъ, молитву Господню, Трисвятое, «Богородице, Дѣво радуйся» и пр., а также молитвамъ за усопшихъ.

Въ числѣ лицъ, жившихъ у насъ въ домѣ до 1812 года, помню Итальянца Перотти, учителя пѣнія. Отецъ мой въ своей молодости съ успѣхомъ пѣвалъ басовыя партиціи, какъ я уже говорилъ, и хотя въ описываемый мною періодъ онъ рѣдко уже пѣвалъ, но Итальянскій маестро продолжалъ жить у насъ, чтобы давать уроки *барышнямъ*, которыхъ было три: старшая моя сестра графиня Марія Дмитріевна, вышепомянутая Екатерина Ивановна Леруа, и воспитанница моей матери Надежда Андреевна Гольцъ. Однажды въ Бѣлкинѣ, гдѣ мы всегда проводили лѣто, эти барышни собрались пропѣть на имянины моей матери, 25 Іюля, обѣдню Бортнянскаго. Хотѣли сдѣлать ей сюрпризъ, и потому много было хлопотъ и возни, и онѣ ѣздили съ ихъ маестромъ, для репетицій, въ сосѣднюю отъ Бѣлкина церковь. Сюрпризъ

удался, но съ едва удерживаемымъ смѣхомъ исполнительницъ, потому что Итальянецъ, регентъ и въ тоже время басъ, въ пѣснѣ «Слава Отцу и Сыну» и проч., вмѣсто «и во вѣки вѣковъ, аминь», произносилъ «и во вѣки волковъ», а въ причастномъ стихѣ «Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ», нашъ Итальянецъ произносилъ «хвалите Его въ вишняхъ». Онъ поселился въ Москвѣ и умеръ отъ холеры въ 1830 или 1831 году. Я разъ встрѣтилъ его въ 1827 г. у княгини Зинаиды Александровны Волконской, на оперной репетиціи, въ которой она и я участвовали; но престарѣлый маестро былъ уже тогда безъ голоса.

Проживалъ также одно время у насъ въ Бѣлкинѣ другой Итальянецъ, Молинари, дававшій уроки нашей матери въ миніатюрной, на слоновой кости, живописи, въ которомъ искусствѣ мать наша дошла до замѣчательнаго совершенства. По разсказамъ старшихъ, надо полагать, что этотъ Молинари принадлежалъ къ кошачьей породѣ, потому что онъ однажды, изъ шутки или изъ-за пари, не знаю, выпрыгнулъ изъ окна втораго этажа каменнаго Бѣлкинскаго дома въ садъ и всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Много позднѣе 1812 года онъ открылъ кондитерскую въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, насупротивъ Аничкова дворца.

Я уже сказалъ, что отецъ нашъ былъ въ житейскихъ привычкахъ пунктуаленъ какъ заведенные часы. Въ Москвѣ, до 1812 года, онъ почти ежедневно отправлялся утромъ, въ назначенный всегда часъ, изъ нашего Слободскаго дома, на Кузнецкій мостъ, сперва къ книгопродавцу Рису [1]) и, потолковавъ съ нимъ о библіографическихъ новостяхъ, нерѣдко заѣзжалъ оттуда къ часовщику Ферріе (преемникомъ котораго былъ въ 20-хъ годахъ Аппольтъ), потомъ къ торговцу антикварныхъ и художественныхъ вещей, Итальянцу Осипу Карловичу Негри [2]), и у него иногда завтракалъ жаренымъ рябчикомъ мастерскаго стряпанія г-жи Негри. Магазины всѣхъ этихъ трехъ негоціантовъ были на Кузнецкомъ мосту. (Кстати замѣчу, что въ то время былъ дѣйствительно мостъ, называвшійся «Кузнецкимъ», при скрещеніи улицъ нынѣшняго Кузнецкаго моста съ Неглиннымъ проѣздомъ,

[1]) Въ это время или вскорѣ послѣ 1812 года, эта книжная лавка носила фирму Рисъ и Соссе̂, а въ 20-хъ и 30-хъ годахъ старикъ Рисъ продолжалъ торговать одинъ. Онъ дожилъ до глубокой старости, но совершенно уже ослѣпшимъ. Я его видѣлъ въ послѣдній разъ въ 1845 году. Одна изъ его дочерей вышла замужъ за виноторговца Филиппа Ивановича Депре, а другая за книгопродавца Урбена.

[2]) Онъ умеръ въ Петербургѣ въ 60-хъ годахъ. Я былъ у него въ Петербургскомъ его магазинѣ осенью 1862 года.

вдоль котораго протекала снаружи рѣчка Неглинная и съ обѣихъ сторонъ были набережныя). Нерѣдкимъ посѣтителемъ былъ также мой отецъ другаго извѣстнаго антикварнаго торговца Лухманова, на Лубянкѣ. Онъ впослѣдствіи сильно разбогатѣлъ и купилъ подмосковное село Касинô, гдѣ бываетъ стеченіе богомольцевъ, по случаю чудотворной иконы, находящейся въ церкви этого села. Пошелъ въ ходъ этотъ Лухмановъ съ легкой руки моего отца. Былъ онъ сущій бѣднякъ, и первые пять рублей на покупку какой-то вещи далъ ему мой отецъ. Были также у моего отца пріятели торговцы: Нюрембергскій Пирлингъ и Итальянецъ-оптикъ Діотти; послѣдній имѣлъ свой магазинъ на Маросейкѣ. И къ нимъ заѣзжалъ мой отецъ, чтобы поболтать. Кончалъ онъ обыкновенно свой утренній объѣздъ у своей сестры Елисаветы Петровны Дивовой, имѣвшей свой домъ на Большой Дмитровкѣ, рядомъ съ нынѣшнею Университетскою типографіею. Посидѣвъ опредѣленное по часамъ время у сестры, онъ возвращался домой къ обѣденному часу, въ 3 часа, а уже весьма рѣдко выѣзжалъ куда бы то ни было по вечерамъ.

Кстати объ Итальянской колоніи. До 1812 года, и даже позднѣе, до 1828 года, она была гораздо многочисленнѣе, чѣмъ нынѣ. Самый видный въ этой колоніи былъ не изъ торговаго сословія, а живописецъ и поэтъ Тончи (о немъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ). Кромѣ вышепомянутаго О. К. Негри, по части старинныхъ картинъ, былъ Бачи-Галуппи. Крупными виноторговцами были: Нольчини, Торріани и Джіуліани (послѣдняго изъ нихъ мы встрѣтимъ въ разсказѣ о Флорентинской нашей жизни съ 1817 года), также Дольфини (чѣмъ торговалъ онъ, не помню), Де-Доменичисъ, профессоръ Итальянской литературы при Московскомъ университетѣ, Кампіони скульпторъ, Монигетти, торговецъ гастрономическихъ припасовъ, Діотти оптикъ, Галли учитель Итальянскаго языка, Черфоліе торговецъ, Курти макаронный фабрикантъ, Морини и Томазини, а позднѣе Сапіенца, всѣ трое учителя пѣнія; Лелліо, Москетти кастратъ и также учитель пѣнія; прочихъ не помню. Потомство ихъ обрусѣло, а одинъ Нольчини переселился въ Смоленскъ, долго тамъ держалъ гостинницу и былъ даже городскимъ головою.

До 1812 года и послѣ, до самаго нашего переселенія во Флоренцію, мы проводили лѣто въ Бѣлкинѣ. Разстояніе отъ этого имѣнія до Москвы сто приблизительно верстъ; но на полу-пути купленъ былъ участокъ земли, не болѣе одной десятины, на которомъ построенъ былъ довольно помѣстительный домъ для нашего ночлега, такъ какъ въ то время, и бары, и средней руки помѣщики, не иначе путеше-

ствовали, какъ на своимъ лошадяхъ. Мѣсто это называлось Звѣрево; тутъ были постельное и столовое бѣлье, особое серебро, кухонная и прочая посуда и всѣ нужныя по хозяйству вещи. Отецъ ѣзжалъ въ деревню и обратно въ Москву (а позднѣе въ Петербургъ) всегда отдѣльно отъ нашего поѣзда. Его сопровождали оба его камердинеры и компаніонъ. Послѣднимъ былъ или библіотекарь его Французъ Шарль, или долго жившій у насъ въ домѣ живописецъ Милліарини, Римскій уроженецъ *), или докторъ, нанимаемый на лѣто.

Наступилъ 1812 годъ, и мы, какъ всегда, переѣхали на лѣто въ наше любимое Бѣлкино. Носившіеся съ весны слухи о грозившей Россіи опасности доходили, быть можетъ, и до нашей дѣтской; но въ возрастѣ, въ которомъ былъ я и сестры мои Софія и Елисавета (послѣдней шелъ всего 9-й годъ, а мнѣ было пять лѣтъ), опасность вещь непостигаемая, и не даромъ Суворовъ звалъ дѣтей «народомъ не боящимся царя». Въ Москвѣ, еще зимою, когда мы возвращались съ нашею нянькою-Англичанкою миссъ Саутъ (miss South), съ ежедневной нашей прогулки въ каретѣ, мать наша обыкновенно встрѣчала нашу «Маги» (какъ мы ее звали по сокращеніи ея имени Маргариты), съ свѣжими газетными извѣстіями о Бонапарте, имени, дѣйствовавшемъ на нашу Британку какъ пугало.

Въ Бѣлкинѣ мать моя посвящала свои досуги воздушному садоводству и живописи. Я уже говорилъ, до какого совершенства она дошла въ миніатюрной работѣ на слоновой кости; но она также хорошо писала и цвѣты акварелью, и писала ихъ прямо съ натуры. Былъ у нея еще вотъ какой талантъ. Будучи съ молодыхъ лѣтъ великою поклонницею г-жи Севинье, письма которой мать моя знала почти наизусть, она усвоила въ обширной своей корреспонденціи образцовый письменный слогъ этой разскащицы событій двора Людовика XIV. Вышиваніе по канвѣ цвѣтовъ было наилюбимѣйшимъ занятіемъ ея, до глубокой ея старости, и тутъ даже она выказывала себя великою артисткой. Не вышивала она цвѣтовъ раболѣпно съ рисунка, какъ дѣлаютъ всѣ женщины, а съ живыхъ цвѣтовъ, которые она группировала какъ ей хотѣлось, передъ глазами.

Во время Бородинской битвы, мы еще находились въ Бѣлкинѣ. Разстояніе отъ мѣста сраженія было такъ не далеко, что, какъ меня увѣряли, выстрѣлы были слышны, если припасть ухомъ къ землѣ. Войска наши, отступая къ Москвѣ, проходили близъ Бѣлкина, и я помню, что въ одну нашу прогулку мы видѣли батарею, стоявшую на

*) Онъ умеръ во Флоренціи въ 1865 или 1866 году, слишкомъ 80 лѣтъ отъ роду.

нашемъ полѣ. Это обстоятельство заставило наше семейство поспѣшить отъѣздомъ въ Воронежское наше имѣніе, и мы потянулись туда, прямо черезъ Тулу, на своихъ лошадяхъ и съ обозомъ. Испуганная приближеніемъ Французовъ наша миссъ Саутъ умерла скоропостижно въ каретѣ, въ отдаленности (какъ надо полагать) отъ какого нибудь большаго города, потому что пришлось везти ея тѣло въ каретѣ (конечно отдѣльной), до мѣста, гдѣ можно было прилично предать ее землѣ. Обстоятельство это съумѣли какъ-то скрыть отъ насъ дѣтей, и мы о немъ узнали много позднѣе. Эта неоцѣнимая няня до того любила и баловала меня, что однажды (какъ разсказывали мнѣ), когда мать моя готовилась высѣчь меня за что-то, Маги схватила ножъ и, подавая его моей матери, молвила: «Извольте лучше зарѣзать меня этимъ ножемъ». Я былъ самый капризный и несносный мальчишка. Разсержусь и разревусь, бывало, затопаю ногами, и ринусь на полъ, крича: «не подходи ко мнѣ, не гляди на меня»; а Маги все баловала меня, находила во мнѣ какое-то совершенство. Добрѣйшая эта женщина завѣщала мнѣ свои старинные золотые часы; но носить ихъ не дозволили мнѣ прежде 12 или даже 13 лѣтъ; за то я очень возгордился, когда надѣлъ ихъ въ первый разъ. Къ крайнему моему сожалѣнію, часы эти пропали какъ-то у меня позднѣе.

Въ слободѣ Бутурлиновкѣ съ селомъ Архангельскимъ, деревнями и хуторами, было уже въ 1812 году болѣе 14 тыс. душъ, при 40 тыс. десятинахъ земли. Когда начался наборъ милиціи, то крестьяне охотно, помнится мнѣ, поступали на службу. Все народонаселеніе тамошнее было изъ Малороссіянъ, а хохолъ и казакъ почти одно и тоже. Тогдашняя форменная шапка (а не фуражка) была высокая, изъ черныхъ смушекъ казацкаго покроя, съ тремя бляхами. Первая снизу была буква А, за нею царская корона, а надъ нею крестъ длинн016конечный. И мнѣ сшили точно такую шапку, въ которой я гордо парадировалъ. По прибытіи нашемъ въ Бутурлиновку, одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, у котораго не изгладилась еще семинарская его латынь, привѣтствовалъ моего отца на Цицероновскомъ нарѣчіи, и мой отецъ, немного подумавъ, свободно отвѣчалъ оратору на томъ же нарѣчіи. Почти подобное случилось и со мною въ 1833 г. при посѣщеніи церкви моего села Макаровскаго (Костромской губ.), но я не могъ выказаться такимъ классикомъ какъ былъ мой отецъ, и отвѣчалъ священнику по-русски. Кстати о Латинскомъ знаніи моего отца; я недавно узналъ изъ писемъ митрополита Евгенія (помѣщенныхъ въ «Русскомъ Архивѣ»), что отецъ мой сочинилъ прекрасную эпитафію для могилы Суворова. «Cineres hic, fama ubique» (Прахъ здѣсь, а слава повсюду); но эта эпитафія была замѣнена другою.

Изъ подробностей нашего пребыванія въ Бутурлиновкѣ сохранилась въ пятилѣтней моей памяти, что на праздникъ Рождества Христова мальчики ходили распѣвать по домамъ канту, изъ которой помню только отрывокъ:

Пастушекъ съ ягняткомъ,
Передъ тымъ Дытяткомъ,
На колѣны упадая,
Бога восхваляя.

***

А мы сымъ увеселымся,
Христу Богу поклонымся,
И на небо и на землю
И всему превышнёму.

Домъ въ Бутурлиновкѣ былъ одноэтажный и деревянный, но очень помѣстительный, съ ротондою или круглымъ фонаремъ на крышѣ. Фонарь этотъ носилъ названіе бельведера и былъ въ то время въ большомъ употребленіи, даже въ городскихъ постройкахъ [1]). А что до Бутурлиновскаго бельведера, то наврядъ-ли приходило кому нибудь желаніе взобраться на эту высоту, чтобы полюбоваться непривлекательною панорамою голой степи. Въ цвѣтникѣ, при самомъ спускѣ въ садъ, выдѣланы были изъ дерновыхъ пластовъ, затѣйливымъ садовникомъ-Нѣмцемъ, вензеля нашихъ родителей.

Пріѣхала къ намъ погостить двоюродная сестра и другъ нашей матери, графиня Елисавета Петровна Чернышова съ двумя старшими дочерьми, графинею Софіею и Александрою Григорьевнами. Имъ было отъ 13 до 15 лѣтъ. Послѣ нихъ пріѣхала Елисавета Ивановна Нарышкина съ пятилѣтнею дочерью Софіею. Она была жена двоюроднаго брата моей матери, Ивана Васильевича Нарышкина, сына упомянутой Анны Ивановны, сестры графа Артемія Ивановича Воронцова [2]). Иванъ Васильевичъ Нарышкинъ былъ въ то время адъютантомъ у графа Петра Александровича Толстаго, формировавшаго ополченіе въ Нижнемъ Новгородѣ. Тамъ же жили бѣжавшіе изъ Москвы супруги Дивовы, и тетка моя Елисавета Петровна Дивова слегла въ постель и

---

[1]) Образчикъ этихъ бельведеровъ можно видѣть и по сю пору въ Москвѣ надъ Румянцовскимъ музеемъ и надъ домомъ допожарной 1812 г. постройки, въ Фуркасовскомъ переулкѣ, между Лубянкой и Мясницкой.

[2]) Я не договорилъ, помнится мнѣ, что Иванъ Васильевичъ Нарышкинъ воспитывался у своего дяди (по матери) графа Артемія Ив. Воронцова, вмѣстѣ съ моею матерью и ея сестрами. Онъ поступилъ первоначально юнкеромъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ, а потомъ перешелъ въ Александрійскій гусарскій. Какъ будто бы предвидя, что и я буду служить въ гусарахъ, онъ, когда я родился, препровождая подарокъ по сему случаю къ своей кузинѣ-родильницѣ, подписалъ на немъ: „отъ гусара гусару на зубокъ“.

впала въ умопомѣшательство, отчасти отъ долгаго неполученія писемъ и извѣстій отъ любимаго сына «Коко», т. е. Николая Адріановича, находившагося въ дѣйствующей арміи. Она умерла въ Москвѣ, весною 1813 года. Много позднѣе, Е. И. Нарышкина разсказывала мнѣ, что когда привезенъ былъ при ней въ Нижній Сперанскій съ своею малолѣтнею дочерью, то онъ наводилъ на всѣхъ такой же страхъ какъ бы отъ присутствія чумнаго. Она не на шутку перепугалась, узнавъ отъ мужа, что неизвѣстный ей господинъ, стоявшій однажды рядомъ съ нею у обѣдни въ женскомъ монастырѣ, былъ никто иной какъ измѣнникъ Сперанскій, и до конца ея жизни (въ 1861 году) она не могла отдѣлаться совершенно отъ этого ложнаго мнѣнія. Вотъ какъ смотрѣли тогда на Сперанскаго!

Отецъ и мать Елисаветы Ивановны Нарышкиной были Англичане, фамиліи Метемъ, и настоящее имя дочери было не Елисавета, а Генріетта. Отецъ ея служилъ въ нашемъ флотѣ и умеръ въ малолѣтствѣ его дочери, а мать, оставшись безъ всякихъ средствъ, пошла въ няньки (тогда и позднѣе, спросъ на Англійскихъ нянекъ былъ всегда большой въ аристократическихъ семействахъ). Въ этой должности вдова Метемъ была и у насъ въ домѣ, но до моего рожденія. Когда она умерла, то родители мои взяли на воспитаніе пяти или шестилѣтнюю ея дочь, принявшую позднѣе православіе съ переименованіемъ ея имени въ Елисавету. Такъ звали ее по русски и въ оффиціальныхъ актахъ, но въ нашемъ семействѣ и даже въ обществѣ, когда говорили по-французски, продолжали звать ее Генріеттою Нарышкиной. Изъ этого ребенка вышла одна изъ самыхъ хорошенькихъ Московскихъ блондинокъ, и двоюродный братъ моей матери, Жанó Нарышкинъ, влюбился и женился на ней въ 1807 году.

Возвращаюсь къ событіямъ 1812 года.

Всѣмъ Воронежскимъ нашимъ имѣніемъ издавна управлялъ старый другъ моего отца, Екатерининскій полковникъ Лизандеръ, и хотя въ 1812 году онъ былъ уже уволенъ, но продолжалъ жить на покоѣ у насъ. Онъ помнилъ еще то время, когда неприкрѣпленные къ землѣ наши хохлы, соскучившись жить на одномъ мѣстѣ, или по какой нибудь другой причинѣ, разберутъ, бывало, свои хаты и переселятся на землю какого нибудь другаго помѣщика. Въ началѣ текущаго вѣка ушло къ землямъ Донскихъ казаковъ до 700 и 800 душъ изъ Бутурлиновки, и объ этомъ тянулся искъ съ нашей стороны, въ теченіе слишкомъ 30 лѣтъ; но никакого удовлетворенія мы не получили.

Братъ мой графъ Петръ Дмитріевичъ поступилъ съ весны 1812 года въ училище колонновожатыхъ, основанное въ Москвѣ Н. Н. Муравьевымъ, но въ теченіе кампаніи того года онъ уже былъ свитскимъ офицеромъ, а въ 1814 году адъютантомъ у князя Петра Михайловича Волконскаго. Съ братомъ моимъ поступилъ также въ колонновожатые и въ одно время съ нимъ поступилъ въ военную службу его гувернеръ Французъ Жиллѐ, въ Нижній Новгородъ, къ графу П. А. Толстому. Кстати о г. Жиллѐ. Его звали Реми, а отца его Гіацинтомъ; слѣдовательно, въ приблизительномъ переводѣ по русски, можно было его звать Еремеемъ Акинѳьевичемъ, а вмѣсто этого онъ поступилъ на службу съ именемъ Петра Ивановича. Вотъ какъ это было. Однажды, до 1812 года, священникъ Французской католической церкви Св. Людовика, аббатъ Сюрюгъ, будучи въ недоумѣніи, какъ ему написать по русски имя и отечество г. Жиллѐ на конвертѣ письма̀ къ нему, въ шутку и наобумъ написалъ: Петру Ивановичу. По окончаніи войны, въ 1814 году г. Жиллѐ поручено было вести обратно на родину команду Башкирцевъ и Калмыковъ (которыхъ звали Французы «les Amours du Nord», по ихъ вооруженію съ луками), и куріозно было видѣть Французскаго полу-маркиза, плоховато говорившаго по-русски, начальствующимъ надъ толпою дикихъ Азіатовъ, тоже едва говорившихъ по-русски. До поступленія въ гувернеры къ моему брату, г. Жиллѐ уже успѣлъ окончить воспитаніе молодаго Загряжскаго, сына крупнаго помѣщика Тамбовской губерніи и уѣзда, по сосѣдству съ селомъ Воронцовымъ. Елисавета Ивановна Нарышкина разсказывала мнѣ, что даже въ первой ея молодости она не иначе помнила г. Жиллѐ, какъ уже пожилымъ человѣкомъ.

Когда пришло извѣстіе о Московскомъ пожарѣ, истребившемъ извѣстную въ Европѣ библіотеку моего отца, онъ перекрестился и только сказалъ: «Богъ далъ, Богъ и отнялъ; да будетъ святая Его воля». Изъ всѣхъ драгоцѣнностей, оставшихся въ Московскомъ нашемъ домѣ, уцѣлѣли лишь столовые часы въ стоячемъ деревянномъ футлярѣ, работы Русскаго часовщика Елисаветинскаго времени. Они замѣчательны были сложнымъ механизмомъ, который показывалъ рельефно ежедневный ходъ луны и другихъ небесныхъ свѣтилъ; а уцѣлѣли они, конечно безъ футляра, только по тому, что смотритель нашего дома бросилъ ихъ въ прудъ, гдѣ они и оставались до 1814 года *). Москов-

*) Одинъ трудолюбивый и ученый часовщикъ изъ нашихъ дворовыхъ людей, Матѳей Леонтьевичъ, принялся ихъ исправлять и черезъ три или четыре года привелъ ихъ въ первое состояніе. По раздѣльному семейному нашему акту въ 1832 году, часы эти достались мнѣ; но такъ какъ они снова требовали значительной поправки, то я ихъ оставилъ въ Москвѣ у главнаго повѣреннаго моей матери и брата, Ивана Антоновича Ка-

скій пожаръ сопровождался, какъ извѣстно, грабежемъ, и этой участи не избѣгнулъ нашъ домъ, хотя въ немъ квартировалъ сначала какой то Французскій генералъ. Отецъ нашъ не вѣрилъ, не знаю почему, что часть его библіотеки сдѣлалась военною добычей; но участвовавшіе въ военныхъ дѣйствіяхъ того времени Н. А. Дивовъ и дальній нашъ родственникъ Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ (такой же почти ярый библіоманъ, какимъ былъ мой отецъ) разсказывали мнѣ впослѣдствіи, что по мѣрѣ занятія брошенныхъ Французскихъ бивуаковъ нашими войсками (или при отбитіи непріятельскихъ обозовъ), обоимъ этимъ господамъ попадались книги, на переплетѣ которыхъ былъ нашъ фамильный гербъ, находившійся всегда на всѣхъ книгахъ нашей библіотеки. И отъ другихъ лицъ я слышалъ, что подобныя книги встрѣчались у Московскихъ уличныхъ букинистовъ; но отецъ мой объяснялъ все это тѣмъ, что подобныя изданія были ничего болѣе какъ дубликаты, которые онъ самъ сбывалъ съ рукъ. Библіотека наша была богата и рѣдкими рукописями, и между ними находилась собственноручная переписка Французскаго короля Генриха IV съ его министромъ Сюлли. Всѣхъ же томовъ было до 40 тысячъ.

Всеобщая увѣренность, что Французы не будутъ допущены до Москвы, была до того сильна, что отецъ нашъ не разрѣшилъ смотрителю Московскаго нашего дома вывозить что̀ можно было, хотя прибыло заблаговременно для этого множество подводъ изъ Костромскаго нашего имѣнія. Когда же, по изгнаніи врага изъ предѣловъ отечества, составлена была, по высочайшему повелѣнію, Коммиссія для вознагражденія Московскихъ домовладѣльцевъ за претерпѣнныя ими утраты, то отецъ нашъ не захотѣлъ этимъ воспользоваться, не желая вѣроятно обременять государственную казну. А потеря наша простиралась до милліона рублей! Не матеріяльный одинъ уронъ, а столь неожиданно постигшее первопрестольную столицу бѣдствіе, глубоко потрясло графа Дмитрія Петровича, и онъ излилъ душевную свою скорбь въ двухъ журнальныхъ статьяхъ, единственныхъ, какъ думается мнѣ,

вецкаго, и по разнымъ причинамъ (а въ числѣ, ихъ была и та, что на ихъ починку истрачено было 300 рублей ассигн. а денегъ мнѣ обыкновенно не доставало) я не позаботился взять ихъ къ себѣ. Послѣ смерти г. Кавецкаго, въ 1853 году, часы эти перешли, какъ бы по наслѣдству, сначала къ его дочери Варварѣ Ивановнѣ Обнинской, и по ея кончинѣ къ ея сыновьямъ. Когда племянникъ мой, графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, пріѣхалъ въ Москву въ 1861 году, чтобы окончить счеты покойнаго его отца (а моего брата), съ наслѣдниками г. Кавецкаго, который оставался еще должнымъ моему брату и слѣдовательно, его сыну: то молодые Обнинскіе подарили эти часы моему племяннику, который, спустя нѣсколько лѣтъ, перевезъ ихъ въ свой Флорентинскій домъ. Не хлопоталъ я о нихъ, потому что едва-ли возможно было мнѣ доказать г.г. Обнинскимъ и моему племяннику, что часы эти принадлежали мнѣ.

написанныхъ имъ по русски и помѣщенныхъ въ журналѣ С. Н. Глинки «Русскій Вѣстникъ», или въ другомъ какомъ-то журналѣ того времени. Въ одной изъ этихъ статей, отецъ нашъ перефразировалъ пророчество (или плачъ) Іереміи, примѣнительно къ настоящему случаю, а другая статья заключала (на сколько помнится) размышленія на 136 псаломъ: «на рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ». Отецъ мой упорно повторялъ, что Французы, а никто другой, сожгли Москву. Конечно, сгоряча, всѣ Русскіе такъ думали; но не прошло трехъ-четырехъ лѣтъ, какъ мои родители увѣрились, что Москву сжегъ, или допустилъ сжечь, самъ графъ Ростопчинъ.

Современники вышепомянутаго аббата Сюрюга, а также и у насъ въ семействѣ, отзывались о немъ съ большимъ уваженіемъ и разсказывали слѣдующее. Въ Римско-католическихъ церквахъ принято молиться за государя того края, гдѣ находится церковь. Молитва эта состоитъ изъ возгласа по окончанія литургіи: «Domine salvum fac regem», или «Domine salvum fac imperatorem» *). Эту формулу, съ обозначеніемъ имени императора Александра Павловича, аббатъ Сюрюгъ продолжалъ пѣвать, даже когда Французы заняли Москву, и какъ ни добивалось временное ихъ начальство заставить аббата измѣнить эту формулу и молиться за Наполеона, онъ не согласился. За это непослушаніе его стали преслѣдовать, и онъ вынужденъ былъ скрыться, сначала на чердакѣ, а оттуда влѣзъ на крышку и, какъ кошка, перелѣзъ на сосѣднюю крышку, пока не добрался до безопаснаго мѣста, или убѣжалъ въ одинъ изъ сосѣднихъ городовъ. Не отрицая гражданской доблести въ подвигѣ этого аббата, замѣчу, что подвигъ этотъ объясняется отчасти тѣмъ, что Французское духовенство было изъ эмигрантовъ, то-есть роялисты.

Выше я упомянулъ мимоходомъ о живописцѣ и поэтѣ Тончи. Его вывезъ изъ Италіи, въ первыхъ годахъ текущаго вѣка, князь Станиславъ Понятовскій, братъ послѣдняго Польскаго короля, и онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Волынскихъ помѣстьяхъ этого князя. Оттуда Тончи переѣхалъ въ Москву, сдѣлался вхожъ въ домахъ тамошней знати, со многихъ изъ нихъ списалъ портреты, а писалъ онъ талантливо, и пристроился женитьбою на княжнѣ (или княгинѣ-вдовѣ) Гагариной. Это былъ человѣкъ экзальтированнаго настроенія и вѣрилъ въ привидѣнія. Французовъ онъ и прежде ненавидѣлъ, какъ угнетателей его родины, но когда ихъ войска начали приближаться къ Москвѣ, Тончи впалъ въ нервное раздраженіе, граничившее къ окончательному умопомѣ-

*) Господи, спаси короля или императора такого-то.

шательству, и въ этомъ состояніи онъ убѣжалъ (буквально, кажется, убѣжалъ, а не уѣхалъ) безъ оглядки во Владиміръ, и тамъ написалъ поэму въ честь Іоанна Богослова, помѣстивъ въ нее разсказъ о своихъ видѣніяхъ.

Заключу дошедшія до меня свѣдѣнія о томъ, что̀ происходило въ Москвѣ въ день вступленія Французовъ, эпизодомъ, переданнымъ мнѣ очевидцемъ, Серпуховскимъ помѣщикомъ, Петромъ Александровичемъ Нащокинымъ, недавно умершимъ. Передъ самымъ вступленіемъ нашей арміи въ Москву, 2-го Сентября, П. А. Нащокинъ, съ дозволенія генерала Дохтурова, при которомъ онъ былъ адъютантомъ, отправился съ однимъ пріятелемъ къ своему дядѣ Лунину, извѣстному гастроному того времени, домъ котораго былъ на Никитскомъ бульварѣ, съ лѣвой руки проѣзда отъ Никитскихъ къ Арбатскимъ воротамъ [1]). На бульварѣ эти господа наткнулись на Лунина, который преспокойно прогуливался взадъ и впередъ съ заложенными за спину руками. На вопросъ П. А. Нащокина, что̀ онъ дѣлаетъ, дядя ему отвѣчалъ: «Mon cher, je donne aujourd'hui un grand dîner, et en attendant, je marche pour gagner de l'appetit» [2]). «Какой тамъ», «dîner, mon oncle», воскликнулъ племянникъ. «Дѣло не до того, когда Французы идутъ у насъ по пятамъ». Дядя только пожалъ плечами и опять пошелъ себѣ шагать по бульвару. П. А. Нащокинъ поспѣшилъ къ нему въ домъ, гдѣ дѣйствительно онъ нашелъ столоваго дворецкаго, хлопотавшаго объ устройствѣ параднаго обѣда и слѣдившаго за накрываніемъ стола. «Слушай, обратился Петръ Александровичъ къ дворецкому. «Баринъ твой спятилъ съума: ты на него не гляди, а дѣлай то, что̀ я тебѣ приказываю. Ты сначала накорми какъ слѣдуетъ меня и моего товарища, а самъ укладывай поскорѣе серебро, и все что̀ можешь захватить поцѣннѣе, и улепетывай съ ними по добру-по-здорову изъ Москвы, потому что черезъ нѣсколько часовъ въ нее вступитъ Французъ». За тѣмъ оба офицеры принялись усердно истреблять заготовленныя для гостей деликатессы, орошая все это отборною мадерою и Токайскимъ виномъ, и возвратились къ своимъ мѣстамъ, а къ вечеру того дня передовые Французскіе отряды начали вступать въ не совсѣмъ еще опустѣлую столицу, черезъ Дорогомиловскую заставу.—Когда наши войска отступали къ Москвѣ, послѣ Бородинскаго побоища, то рота гвардейской пѣшей артиллеріи, въ которой служилъ тогда Н. А. Дивовъ, проходя черезъ Боровской уѣздъ, имѣла привалъ въ нашемъ Бѣлкинѣ, и артил-

[1]) Прекрасное зданіе это нынѣ принадлежитъ Министерству Финансовъ, П. Б.

[2]) Я сегодня, любезнѣйшій мой, даю большой обѣдъ; а теперь прохаживаюсь, дабы возбудить голодъ.

лерійскія лошади, нуждавшіяся, вѣроятно, кормомъ, гладко вытравили все яровое поле Бѣлкинской экономіи, за что̀ мать моя позднѣе поблагодарила своего племянника Дивова. Кома̀ндиромъ роты (нынѣ батареи) Его Величества Михаила Павловича, въ которой служилъ тогда Дивовъ, былъ полковникъ Александръ Ивановичъ Базилевичъ, а молодыми въ ней офицерами, товарищами Дивова, были Сергѣй Павловичъ Сумароковъ, князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ (выбывшій, впрочемъ, изъ роты при самомъ началѣ кампаніи 1812 года), его братъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, Дмитрій Андреевичъ Дунинъ-Борковскій и г. Ярошевскій. Бригаднымъ командиромъ былъ полковникъ Таубе.

Въ письмахъ одной изъ пріятельницъ нашей матери, имѣвшей болѣе чѣмъ мы въ Бутурлиновкѣ средствъ узнавать о ходѣ военныхъ событій, адмиралъ Чичаговъ прозванъ «спасителемъ Наполеона». Таковъ былъ и есть по сю пору общій о немъ отзывъ; но я не вполнѣ раздѣляю этотъ взглядъ. У Чичагова, во первыхъ, силы сопротивленія не были настолько значительны, какъ увѣрены были въ Россіи; а вовторыхъ, если онъ и оплошалъ, то кто въ этомъ виноватъ? Надѣюсь, что фельдмаршалъ Паскевичъ былъ компетентнымъ судьею въ подобномъ вопросѣ, и между тѣмъ вотъ что онъ однажды сказалъ у себя за столомъ въ Варшавѣ, когда рѣчь зашла о Березинской переправѣ: «Что̀ вы, господа, все нападаете на бѣднаго Чичагова? Еслибы мнѣ пришлось командовать флотомъ, то по всѣмъ вѣроятностямъ, я надѣлалъ бы еще болѣе глупостей, чѣмъ Чичаговъ».

Въ Бутурлиновкѣ, въ концѣ Марта или въ началѣ Апрѣля 1813 года, родилась меньшая моя сестра графиня Елена Дмитріевна; крестною ея матерью была (заочно) принцесса Амалія Баденская, сестра императрицы Елисаветы Алексѣевны, проживавшая нѣкоторое время въ Петербургѣ.

Когда мы получили тамъ извѣстіе, что тетка графиня Прасковья Артемьевна Воронцова (воспитавшаяся въ Смольномъ Институтѣ) вышла замужъ за А. Е. Тимоѳеева, то я съ пятилѣтнею наивностію спросилъ у моей матери, новый мой дядя Тимоѳеевъ тотъ ли самый къ которому есть посланіе апостола Павла?

(*Продолженіе будетъ*).

ВЕЛИКОЕ ОТСТУПЛЕНІЕ.

Изъ Записокъ Французскаго гвардейца Ж. Ф. Бургонья [1]).

(1812).

30-го Октября мы прибыли въ Вязьму, «городъ шнапса», названный такъ нашими солдатами, потому что, идя въ Москву, они нашли въ немъ запасы водки.

Императоръ останавливался тамъ; нашъ полкъ пошелъ впередъ.

Я позабылъ сказать, что передъ этимъ городомъ мы сдѣлали большую стоянку и что я уходилъ направо отъ дороги къ сосновому лѣсу, гдѣ встрѣтилъ знакомаго мнѣ унтеръ - офицера гвардейскихъ стрѣлковъ [2]).

Онъ воспользовался готовымъ костромъ, сварилъ въ котлѣ рису и предложилъ мнѣ его поѣсть. Съ нимъ была маркитантка, Венгерка, съ которой онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и у которой еще была повозка, запряженная парой лошадей и хорошо снабженная припасами, шубами и деньгами. Я оставался съ нимъ все время стоянки (болѣе часа). Въ это время одинъ Португалецъ унтеръ-офицеръ подошелъ къ намъ погрѣться. Я его спросилъ, гдѣ его полкъ. Онъ отвѣчалъ, что онъ разбрелся, но что ему съ отрядомъ поручено конвоировать отъ семи до восьмисотъ Русскихъ плѣнниковъ, которые, за неимѣніемъ пищи, принуждены ѣсть другъ друга, т. е. когда одинъ изъ нихъ умираетъ, его разрѣзаютъ на куски, дѣлятъ между собой и ѣдятъ. Въ доказательство своихъ словъ онъ предложилъ мнѣ показать это; но я отказался. Это происходило въ ста шагахъ отъ насъ. Нѣсколько дней спустя, мы узнали, что, не имѣя возможности кормить плѣнныхъ, принуждены были ихъ оставлять на волю.

---

[1]) Французскій подлинникъ этихъ Записокъ (Mémoires de J. F. Bourgogne), наглядно изображающихъ страшное время, въ память котораго, по приказанію Наполеона I-го, была выбита особая медаль (воинъ, гонимый Эоломъ), появился въ 1896 году въ „Nouvelle Revue rétrospective". Здѣсь только извлеченіе. П. Б.

[2]) Его звали Гинаръ; онъ былъ родомъ изъ Конде.

Въ концѣ концовъ, унтеръ-офицеръ, про котораго я только что говорилъ, лишился всего съ своей маркитанткой въ Вильнѣ; оба они попались въ плѣнъ.

1 Ноября, какъ и предшествующую ночь, мы ночевали близъ дороги у лѣса. Уже нѣсколько дней мы питались лошадинымъ мясомъ. Немного припасовъ, взятыхъ изъ Москвы, было съѣдено, и наши бѣдствія начались вмѣстѣ съ холодомъ, который уже давалъ себя сильно чувствовать. Что касается до меня, то у меня было еще немного рису, который я сберегалъ про черные дни, потому что предвидѣлъ впередъ еще болѣе тяжкія минуты.

Въ это время я еще былъ въ аріергардѣ, составленномъ изъ унтеръ-офицерофъ, по той причинѣ, что уже многіе солдаты начали отставать, чтобы отдохнуть и погрѣться у костровъ, брошенныхъ тѣми, кто шли впереди насъ. На пути, я замѣтилъ вправо вокругъ большаго костра нѣсколько человѣкъ изъ разныхъ полковъ; нѣкоторые были изъ гвардіи. Я былъ посланъ полковымъ адъютантомъ звать ихъ идти съ нами. Подошедъ къ нимъ, я узналъ Фламана, изъ легкихъ драгуновъ. Онъ жарилъ на концѣ сабли кусокъ лошадинаго мяся и мнѣ предложилъ поѣсть его. Я сказалъ ему слѣдовать за колонной; онъ мнѣ отвѣчалъ, что пойдетъ дальше, какъ только доѣстъ, но что онъ несчастенъ тѣмъ, что принужденъ идти пѣшкомъ въ верховыхъ сапогахъ, потому что наканунѣ въ битвѣ съ казаками, изъ которыхъ онъ убилъ троихъ, лошадь его вывихнула себѣ ногу, и онъ принужденъ былъ вести ее въ поводу. Къ счастью, человѣкъ, въ ту минуту меня сопровождавшій, былъ мнѣ свой; у него въ сумкѣ была пара моихъ сапогъ, которые я далъ бѣдному Фламану, такъ что онъ могъ обуться какъ пѣхотинецъ, для того чтобы идти дальше. Два дня спустя, я узналъ, что онъ былъ убитъ близъ лѣса, въ то время какъ собирался, вмѣстѣ съ такими же отсталыми, зажечь костеръ, чтобы отдохнуть.

2-го. Передъ Славковымъ мы увидѣли слѣва, близъ дороги, блокгаузъ или военную сторожку, въ родѣ большаго укрѣпленнаго сарая, занятаго военными разныхъ полковъ и ранеными. Кто былъ покрѣпче, тотъ пошелъ съ нами; другихъ уложили, сколько возможно, въ повозки; что касается до труднѣе больныхъ, то они были покинуты на волю непріятеля, такъ же какъ и врачи и хирурги, которые оставались для ухода за ними.

3-го Ноября мы, остановившись въ Славковѣ, весь день видѣли Русскихъ по правую отъ насъ сторону. Въ тотъ же день, другіе гвардейскіе полки, отдыхавшіе позади насъ, присоединились къ намъ.

4-го мы сдѣлали усиленный переходъ, чтобы прійти въ Дорогобужъ, «городъ капусты» мы его назвали такъ по множеству капусты тамъ видѣнной, когда мы шли въ Москву. (Въ этомъ же городѣ, 25 Августа, Императоръ приказалъ высчитать число пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, которые арміи могли выпустить на случай большой битвы). Въ 7 ч. вечера мы еще были въ 2 миляхъ отъ этого города; съ большимъ трудомъ мы добрались до него: снѣгу уже было такъ много, что онъ мѣшалъ намъ идти. Мы даже нѣкоторое время сбились съ дороги и, чтобы задніе ряды могли догнать насъ, болѣе двухъ часовъ били вечернюю зорю, пока не пришли на мѣсто города. За исключеніемъ нѣсколькихъ домовъ онъ сожженъ, какъ и многіе другіе. Было уже 11 часовъ ночи, когда нашъ бивакъ устроился, и мы еще нашли достаточно дерева изъ остатковъ построекъ, чтобы зажечь костры и хорошо погрѣться. Но у насъ уже ничего не было, и мы такъ устали, что никто не имѣлъ силъ пойти поискать лошадь, чтобы убить ее и затѣмъ съѣсть, такъ что мы рѣшили лечь отдохнуть. Одинъ ротный солдатъ принесъ мнѣ для спанья тростниковыя циновки; положивъ ихъ передъ огнемъ, я растянулся на нихъ, положилъ голову на свой мѣшокъ, ноги къ огню, и заснулъ.

Я проспалъ, вѣроятно, около часу, какъ вдругъ почувствовалъ по всему тѣлу невыносимое колотье. Безсознательно я сталъ тереть себя за пазухой и на другихъ частяхъ тѣла; каковъ же былъ мой ужасъ, когда я замѣтилъ, что былъ покрытъ червями! Я всталъ, и меньше, чѣмъ въ двѣ минуты, очутившись голъ, какъ ладонь, сбросилъ въ огонь рубашку и панталоны. Это было какъ будто пламя въ два ряда, такъ трещало въ огнѣ, и хотя на меня падалъ снѣгъ большими хлопьями, но я не помню, чтобы мнѣ было холодно: до того я былъ занятъ случившимся со мною. Наконецъ, я вытрясъ передъ огнемъ остальную мою одежду, которую не могъ бросить, и надѣлъ послѣднюю оставшуюся рубашку и панталоны. Въ тоскѣ, почти плача, я рѣшилъ усѣсться на свой мѣшокъ, подальше отъ проклятыхъ циновокъ, на которыхъ спалъ и, положивъ голову на руки, накрывшись своей медвѣжьей шкурой, провелъ остальную часть ночи. Занявшіе мое мѣсто ничего не ощущали: должно быть я все взялъ.

На слѣдующій день, 5 Ноября, мы ушли рано утромъ. Передъ отправленіемъ, въ каждомъ гвардейскомъ полку произвели раздачу ручныхъ мельницъ, чтобы молоть рожь, если она попадется; но такъ какъ нечего было молоть, и мельницы были тяжелы и ненужны, то мы отъ нихъ въ тѣже сутки отдѣлались. Это былъ грустный день, такъ какъ часть больныхъ и раненыхъ погибла. До этого дня они употреб-

ляли сверхестественныя усилія, надѣясь добраться къ Смоленску, гдѣ думали найти съѣстные припасы и размѣститься на квартирахъ.

Вечеромъ мы остановились близъ лѣса, и отданъ былъ приказъ огородиться на ночь. Минуту спустя, наша маркитантка, г-жа Дюбуа, жена цирюльника нашего отряда, почувствовала себя нехорошо и черезъ короткое время родила большаго мальчика. Шелъ снѣгъ, и было 20° морозу. Долженъ сказать, что въ этомъ случаѣ командующій нашимъ полкомъ, полковникъ Бодель, сдѣлалъ все возможное для облегченія этой женщины и отдалъ свой плащъ, чтобы накрыть навѣсъ подъ которымъ находилась г-жа Дюбуа, бодро перенесшая свое положеніе. Полковой хирургъ съ своей стороны оказалъ ей услуги; вообще все кончилось счастливо. Въ туже ночь наши солдаты убили бѣлаго медвѣдя, который тотчасъ былъ съѣденъ.

Проведя самую мучительную ночь, при сильномъ холодѣ, мы отправились въ дорогу. Полковникъ предложилъ свою лошадь г-жѣ Дюбуа; она держала новорожденнаго на рукахъ, завернутаго въ баранью шкуру, ее же накрыли солдатскими шинелями двухъ людей изъ отряда, умершихъ въ эту ночь.

Въ этотъ день, 6 Ноября, былъ такой туманъ, что ничего не было видно, и морозъ свыше 22°; губы у насъ слипались, внутри носа или вѣрнѣе въ мозгу промерзало; казалось, что идешь въ ледяной атмосферѣ. Цѣлый день, при необыкновенно сильномъ вѣтрѣ, шелъ снѣгъ, такими крупными хлопьями, какъ никто еще никогда не помнилъ; не видно было ни неба, ни идущихъ впереди.

Когда мы подошли къ скверненькой деревушкѣ [1]), то увидѣли промчавшагося нарочнаго, который спрашивалъ, гдѣ Императоръ. Черезъ нѣсколько времени мы узнали, что это былъ генералъ, привезшій извѣстіе о только-что происшедшемъ въ Парижѣ заговорѣ Малэ [2]).

Такъ какъ мѣсто, гдѣ мы остановились, было около лѣса, а дорога была очень узка и долго приходилось ждать, чтобы быть въ состояніи двинуться дальше, то люди столпились, и въ то время, какъ насъ собралось на краю дороги нѣсколько друзей, которые топтались на мѣстѣ, чтобы не замерзнуть, и разговаривали о своихъ бѣдствіяхъ и голодѣ, снѣдавшемъ насъ, я вдругъ почувствовалъ запахъ горячаго хлѣба. Сразу повертываюсь и сзади себя вижу человѣка, заверну-

---

[1]) Эта деревня называется Михайловка.

[2]) Заговоръ, имѣвшій цѣлью сверженіе Наполеона съ Французскаго престола. П. Б.

таго въ большую мѣховую шубу, изъ подъ которой выходилъ запахъ хлѣба, шибнувшій мнѣ въ носъ. Тотчасъ же я къ нему рѣзко обращаюсь и говорю: «Мил. гос., у васъ есть хлѣбъ; вы мнѣ его продадите!» Такъ какъ онъ хотѣлъ удалиться, то я его схватилъ за руку. Тогда, видя, что невозможно было отъ меня отдѣлаться, онъ вытащилъ изъ-подъ шубы еще совсѣмъ горячую лепешку, которую я схватилъ съ жадностью одною рукой, въ то время какъ въ другой я ему протягивалъ за нее пяти-франковикъ. Но, едва лепешка очутилась у меня въ рукахъ, какъ мои товарищи, стоявшіе близъ меня, бросились на нее какъ бѣшеные и ее у меня вырвали. На мою долю остался только кусочекъ, который я держалъ между большимъ и двумя первыми пальцами правой руки. Въ это время главный хирургъ (это былъ онъ) исчезъ. Онъ хорошо сдѣлалъ; его пожалуй бы убили изъ-за того, что́ у него оставалось. Весьма вѣроятно, что онъ однимъ изъ первыхъ пришелъ въ вышепомянутую деревушку, гдѣ ему посчастливилось найти муки и, въ ожиданіи нашего прибытія, онъ себѣ сдѣлалъ лепешки.

Въ продолженіе болѣе получаса, что̀ мы были въ этомъ положеніи, нѣсколько человѣкъ погибло на мѣстѣ, гдѣ мы стояли. Многіе пали изъ колонны, въ то время какъ она подвигалась. Вообще наши ряды начали рѣдѣть, а мы были еще только въ началѣ нашихъ бѣдъ! Останавливаясь, чтобы сыскать чего нибудь, мы выпускали кровь изъ лошадей брошеныхъ или которыхъ удавалось похитить незамѣтно; кровь собирали въ котелокъ, жарили ее и ѣли. Но часто случалось, какъ только поставятъ ее на огонь, надо уже было спѣшить ею насытиться, потому что подойдетъ приказъ двигаться дальше, или потому, что Русскіе очутятся слишкомъ близко. Въ послѣднемъ случаѣ не очень стѣснялись, и иногда я видѣлъ, что въ то время, какъ одна часть спокойно ѣстъ, другая мѣшаетъ Русскимъ приближаться. Но когда непріятельская сила преобладала и приходилось отступать, то котелокъ уносили, и каждый на ходу черпалъ руками и ѣлъ, такъ что лица бывали перепачканы кровью.

Случалось часто, что когда приходилось бросать лошадей, за неимѣніемъ времени ихъ взрѣзать, часть людей нарочно отставала и пряталась, чтобы ихъ не принудили идти съ полкомъ. Тогда они бросались на это мясо, какъ прожоры, и рѣдко эти люди появлялись вновь: они или попадали въ плѣнъ, или замерзали.

Въ этотъ день мы не такъ долго шли и, когда остановились, было еще свѣтло. Это было на мѣстѣ сгорѣвшей деревни, гдѣ не оставалось ничего кромѣ нѣсколькихъ стѣнъ, у которыхъ штабъ-офицеры устроили себѣ

бивакъ, чтобы подъ защитой отъ вѣтра провести ночь. Независимо отъ мученій, которыя мы перетерпѣвали, вслѣдствіе сильной усталости, голодъ давалъ себя ужасающимъ образомъ чувствовать. У кого еще немного оставалось ѣды въ видѣ риса или крупы, тѣ прятались, чтобы поѣсть. Пріятелей уже не было: каждый смотрѣлъ на другаго съ недовѣріемъ; къ лучшимъ товарищамъ начинали относиться враждебно. Мнѣ случилось совершить относительно моихъ истинныхъ друзей такую неблагодарность, о которой я не хочу умалчивать.

Въ этотъ день я, какъ и всѣ мои друзья, былъ снѣдаемъ голодомъ и кромѣ того еще, къ несчастью, и червями, которыхъ захватилъ съ собою день тому назадъ. У насъ не было ни куска конины; мы разсчитывали на приходъ нѣсколькихъ человѣкъ отставшихъ изъ отряда, для того, чтобы вырѣзать куски изъ падшихъ лошадей. Мучимый тѣмъ, что нечего было поѣсть, я испытывалъ ощущенія невыразимыя. Я былъ возлѣ одного изъ моихъ лучшихъ друзей (сержанта Пумó), который стоялъ у только что зажженнаго костра и смотрѣлъ во всѣ стороны, не найдется ли чего. Вдругъ я ему судорожно сжимаю руку и говорю: «другъ мой, еслибы я въ лѣсу встрѣтилъ кого бы то ни было съ хлѣбомъ, то онъ долженъ былъ бы мнѣ отдать половину». Потомъ, спохватившись, я прибавилъ: «Нѣтъ, я бы его убилъ, чтобы взять все!»

Едва я произнесъ это, какъ большими шагами пошелъ по направленію къ лѣсу, какъ будто на встрѣчу человѣку съ хлѣбомъ. Около четверти часу ходилъ я по опушкѣ и, сразу повернувъ въ противуположную сторону отъ нашего бивака, почти у опушки, увидѣлъ костеръ, у котораго сидѣлъ человѣкъ. Я остановился, чтобы за нимъ слѣдить, и замѣтилъ, что передъ нимъ на огнѣ стоялъ котелокъ, въ которомъ что-то варилось; потому что, взявъ ножикъ, онъ его туда опустилъ. Къ моему великому удивленію я увидѣлъ, что онъ вынулъ оттуда картофелину, которую немного помялъ и тотчасъ же положилъ обратно, вѣроятно, потому что она еще не сварилась.

Я хотѣлъ броситься на него; но, боясь, что онъ отъ меня убѣжитъ, я вернулся въ лѣсъ и, сдѣлавъ маленькій обходъ, подошелъ къ нему сзади на нѣсколько шаговъ, такъ что онъ меня не замѣтилъ. Но тутъ было много сухаго хворосту, и я подвигаясь зашумѣлъ. Онъ обернулся, но я былъ уже у котелка и, не давъ ему времени заговорить, сказалъ: «Товарищъ, у васъ картофель; вы мнѣ его продадите, или отдадите, или я утащу котелокъ!» Немного пораженный этою рѣшимостью (я приближался съ саблей), онъ мнѣ сказалъ, что это не

его, а Польскаго генерала, расположившагося на ночевку недалеко оттуда, а онъ у него слугою; и что онъ ему приказалъ сюда спрятаться, чтобы сварить картофелю про запасъ на завтра.

Такъ какъ я, не отвѣчая ему, счелъ своимъ долгомъ взять часть варева (не безъ того, чтобы предложить ему денегъ), то онъ мнѣ сказалъ, что картофель еще не готовъ, и какъ я ему видимо не повѣрилъ, онъ вынулъ и далъ мнѣ одну, чтобы я ее пощупалъ; я вырвалъ ее у него и сырьемъ проглотилъ. «Вы видите, сказалъ онъ, что картофель не съѣдобенъ; спрячьтесь на минутку, будьте терпѣливы; главное, старайтесь, чтобы васъ не замѣтили, пока онъ не будетъ готовъ: тогда я съ вами подѣлюсь».

Я сдѣлалъ, какъ онъ мнѣ сказалъ, спрятался за кустикъ, но такъ близко отъ него, что могъ не терять его изъ виду. Черезъ пять-шесть минутъ (не знаю, думалъ ли онъ, что я далеко), онъ всталъ и осмотрѣвшись схватилъ котелокъ и побѣжалъ, но не далеко, такъ какъ я его тотчасъ же остановилъ, грозя все отнять, если онъ мнѣ не дастъ половины. Онъ еще разъ мнѣ отвѣчалъ, что это для его генерала. «Хоть бы для Императора, но мнѣ нужно дать, сказалъ я ему; ибо я умираю съ голоду!» Видя, что онъ не отдѣлается отъ меня, онъ мнѣ далъ семь штукъ, а я ему далъ 15 франковъ и ушелъ. Онъ меня вернулъ и далъ еще двѣ картофелины недоваренныя; но я на это не обратилъ вниманія, съѣлъ одну, а остальныя положилъ въ охотничью сумку. Я разсчитывалъ этимъ прожить три дня, съѣдая ихъ по двѣ въ день съ кускомъ конины.

Идя и думая о своемъ картофелѣ, я сбился съ пути и замѣтилъ это только благодаря крикамъ и проклятіямъ пяти человѣкъ, дравшихся какъ собаки; возлѣ нихъ лежала лошадиная ляжка, предметъ ихъ распри. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ меня, подошелъ и говорилъ, что онъ съ товарищемъ, оба фурлейты, убили съ другими за лѣсомъ лошадь и что когда они возвращались со своей добычей, которую отнесли на бивакъ, на нихъ напали трое изъ другого полка и хотѣли у нихъ отнять ее и что, если я имъ помогу, они со мною подѣлятся. Боясь въ свою очередь за свой картофель, я ему отвѣчалъ, что не могу остановиться, но чтобы они постояли еще минуту, пока я имъ не пришлю кого нибудь на помощь.

Вскорѣ я встрѣтилъ двухъ людей нашего полка и разсказалъ имъ про это; они пошли туда. На другой день я узналъ, что они нашли только одного человѣка, убитаго большою сосновой палкой, ко-

торая валялась рядомъ вся въ крови. Должно быть, трое зачинщиковъ воспользовались тѣмъ, что одинъ изъ людей просилъ моей помощи, чтобы отдѣлаться отъ оставшагося.

По приходѣ на мѣсто, гдѣ находился полкъ, нѣкоторые изъ товарищей спрашивали меня, не нашелъ ли я чего; я имъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Затѣмъ, занявши мѣсто у огня, я устроился, какъ дѣлалъ каждый день: вырылъ себѣ мѣсто, т. е. свою снѣжную постель и постлалъ подъ себя, за неимѣніемъ соломы, свою медвѣжью шкуру, положилъ голову на мѣшокъ и накрылся подбитой горностаемъ накидкой. Я приготовился провести ночь, но передъ сномъ я еще долженъ былъ съѣсть картофелину, что́ я и сдѣлалъ, спрятавшись подъ накидкой и стараясь дѣлать при этомъ какъ можно меньше движеній, изъ боязни, чтобы не замѣтили, что я что-то ѣмъ. Затѣмъ, утоливъ жажду щепоткой снѣга, я кончилъ свою трапезу и заснулъ, стараясь держать въ рукахъ сумку съ своей ѣдой. Просыпаясь ночью нѣсколько разъ, я заботливо запускалъ туда руку и считалъ свои картофелины. Такъ я провелъ ночь, не дѣлясь съ своими друзьями, умиравшими съ голоду, тѣмъ немногимъ, что̀ мнѣ послала судьба. Съ моей стороны это эгоизмъ, котораго я себѣ никогда не прощу.

Еще не били утреннюю зорю, а я уже проснулся и сидѣлъ на своемъ мѣшкѣ, предвидя ужасный день, такъ какъ поднялся вѣтеръ. Я продѣлалъ дыру въ медвѣжьей шкурѣ, просунулъ въ нее голову, такъ что медвѣжья голова приходилась мнѣ на груди, а остальная шкура закрывала мѣшокъ и спину, но была такъ длинна, что хвостъ волочился по землѣ. Наконецъ пробили зорю, затѣмъ выступленіе, и мы отправились, хотя еще не разсвѣтало. Число мертвыхъ и умирающихъ, оставленныхъ нами на бивакѣ, было ужасающее. Дальше было еще хуже, потому что по дорогѣ мы должны были переходить черезъ трупы, оставленные предшествующими намъ корпусами. Тѣмъ кто шли за нами, было еще тяжелѣе: они видѣли бѣдствія всѣхъ шедшихъ впереди. Послѣдними были корпусы маршаловъ Нея и Даву, затѣмъ Итальянская армія, предводительствуемая принцемъ Евгеніемъ.

Мы шли около часу, пока не разсвѣло, и такъ какъ достигли предшествовавшихъ намъ отрядовъ, то сдѣлали маленькую стоянку. Матушка Дюбуа, наша маркитантка, хотѣла воспользоваться этой минутой отдыха, чтобы покормить грудью своего новорожденнаго младенца; но вдругъ она испускаетъ горестный крикъ: ея ребенокъ былъ мертвъ и затвердѣлъ какъ дерево. Стоявшіе близъ нея утѣшали ее, говоря, что это счастье для нея и ребенка и, не смотря на ея стоны, у нея вырвали ребенка, котораго она прижимала къ груди. Его от-

дали сапёру, который удалился на нѣсколько шаговъ отъ дороги съ отцемъ ребенка. Сапёръ вырылъ прикладомъ яму въ снѣгу; отецъ стоялъ на колѣняхъ, держа ребенка на рукахъ. Когда яма была готова, онъ его поцѣловалъ и положилъ въ могилу; затѣмъ его зарыли, и все было кончено.

Черезъ милю, около большого лѣса, мы остановились для продолжительной стоянки. На этомъ мѣстѣ ночевала часть артиллеріи и кавалерія; тамъ лежало много издохшихъ и разнятыхъ на части лошадей и большое количество еще живыхъ и на ногахъ, но до того закоченѣлыхъ, что они не двигались, когда ихъ убивали, а убитыя въ ночь или павшія отъ усталости и изнуренія до такой степени замерзли, что не возможно было ихъ рѣзать. Во время этого бѣдственнаго похода я замѣтилъ, что насъ всегда вели, насколько возможно, вслѣдъ за кавалеріей и артиллеріей и назначали намъ стоянку на слѣдующій день тамъ, гдѣ они провели ночь, чтобы мы могли кормиться оставленными лошадьми. Въ то время какъ полкъ отдыхалъ и каждый занимался приготовленіемъ себѣ скверной пищи, я съ своей стороны, какъ эгоистъ, пошелъ втихомолку въ самую чащу лѣса, чтобы одному поѣсть картофелинъ, которыя у меня все время были въ сумкѣ и которыя я наистарательнѣйше пряталъ. Но каково было мое разочарованіе, когда я хотѣлъ откусить и не могъ: это былъ кусочекъ льду! Мои зубы скользили и не могли отломить ни крошки. Тутъ я пожалѣлъ, что не подѣлился ими наканунѣ съ друзьями, и подошелъ къ нимъ, держа еще въ рукахъ закоченѣвшую картофелину, красную отъ крови съ моихъ губъ.

Они спросили, что̀ со мною. Въ отвѣтъ я имъ показалъ картофель, который держалъ въ рукѣ, и тотъ, который у меня былъ въ сумкѣ; но только что я его показалъ, какъ его у меня растащили. Они также обманулись, попробовавъ откусить; видно было, какъ они бросились къ огню, чтобы его оттаять, и онъ растаялъ, какъ ледъ. Въ это время другіе подошли ко мнѣ и спрашивали, откуда я взялъ картофелю; я имъ указалъ на лѣсъ; они туда побѣжали, но, поискавъ, вернулись, говоря, что ничего не нашли. Они были ко мнѣ добры: сварили полный котелокъ лошадиной крови и позвали меня ея поѣсть, что̀ я и сдѣлалъ, не заставивъ себя просить. Я всегда упрекалъ себя за свой поступокъ. Они всегда думали, что я нашелъ картофель въ лѣсу; я ихъ никогда въ этомъ не разубѣждалъ.

Но это только цвѣточки того, что̀ мы увидимъ дальше.

Послѣ часоваго отдыха, колонна двинулась дальше и прошла лѣсъ, гдѣ то тутъ, то тамъ попадались мѣста, въ нѣсколько домовъ, населенныхъ Жидами. Иногда эти жилища по величинѣ и постройкѣ похожи на наши сараи, съ тою разницей, что они выстроены изъ дерева и крыты имъ же. На каждомъ концѣ по большой двери; они служатъ почтовымъ дворомъ, и экипажъ въѣзжаетъ въ одну, мѣняетъ лошадей и выѣзжаетъ въ другую дверь. Они находятся почти всегда на разстояніи трехъ миль одна отъ другой, но большей части изъ нихъ уже не было: ихъ сожгли, когда мы въ первый разъ проходили.

*

Подойдя къ концу лѣса, когда мы приближаясь къ Гарѣ, ничтожной деревушкѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ домовъ, я замѣтилъ, вблизи одинъ изъ тѣхъ почтовыхъ домовъ, о которыхъ я говорилъ. Тотчасъ же я обратилъ на него вниманіе сержанта отряда, Альзасца, по имени Матеръ, которому я предложилъ провести тамъ ночь, если будетъ только возможно придти туда первымъ, чтобы каждому достало мѣста. Мы побѣжали, но дворъ такъ былъ полонъ офицерами, солдатами и лошадьми, что намъ, не смотря на все что̀ мы ни дѣлали, невозможно было найти мѣста: какъ увѣряли, тамъ было болѣе 800 человѣкъ. Пока мы ходили туда и сюда, высматривая, нельзя ли какъ нибудь войти, императорская колонна, а равно и нашъ полкъ, насъ опередили. Тогда мы рѣшили ночевать подъ лошадьми, привязанными къ двери. Ночевавшіе по близости неоднократно приходили рубить дверь, для костровъ и защиты, а также и за соломой, которая была навалена за перегородкой, составлявшей нѣчто въ родѣ амбара. Тамъ было также множество сосновыхъ дровъ, сухихъ и смолистыхъ.

Часть соломы послужила ложемъ для находившихся тамъ и, хотя они лежали другъ на другѣ, но развели маленькіе костры, чтобы грѣться и жарить конину. Они не позволяли разрушать ихъ жилища, и грозили выстрѣлами тѣмъ, кто приходилъ отрывать бревна. И даже тѣ, которые за этимъ влѣзали на крышу и уже брали часть ея, принуждаемы были сойти оттуда, чтобы не быть убитыми.

Было, должно быть, одиннадцать часовъ ночи. Часть этихъ несчастныхъ спала, другіе грѣли свои члены у огней. Послышался неопредѣленный шумъ: это занялся огонь въ двухъ мѣстахъ амбара, въ серединѣ и на противуположномъ концѣ отъ двери, у которой мы лежали. Когда ее захотѣли открыть, лошади привязанныя внутри и испуганныя пламенемъ, задыхаясь отъ дыма, стали на дыбы, такъ что, не смотря на всѣ усилія, люди не могли съ этой стороны прочистить

себѣ выходъ. Пробраться въ другую сторону было невозможно черезъ огонь и дымъ.

Смятеніе было полное. Находившіеся на томъ концѣ амбара, гдѣ огонь былъ только съ одной стороны, бросились толпою къ двери, близъ которой мы снаружи лежали, и такимъ образомъ еще больше мѣшали ее раскрыть. Изъ боязни, какъ бы кто еще не вошелъ, они крѣпко заперли дверь бревномъ, положеннымъ поперекъ. Меньше чѣмъ въ двѣ минуты, все запылало; огонь, начавшійся въ соломѣ, на которой люди спали, скоро перешелъ на сухое дерево, находившееся надъ ихъ головами; тѣ которые, какъ мы, лежали у двери, хотѣли ее открыть, но это было безполезно, такъ какъ она открывалась изнутри. Тутъ мы были свидѣтелями картины, которую трудно описать. Слышался только глухой ужасающій вой: несчастные, поражаемые пламенемъ, испускали ужасные крики. Они взбирались одинъ на другаго, чтобы найти выходъ сквозь крышу, но когда проникъ воздухъ, пламя разгорѣлось, такъ что, когда кто нибудь полусгорѣвшій, съ одеждой въ огнѣ и обожженными волосами, появлялся сверху, огонь, стремительно появлявшійся и колеблемый вѣтромъ, отбрасывалъ ихъ назадъ въ бездну. Тогда ничего не слышно было кромѣ яростныхъ криковъ; огонь становился движущимся пламенемъ, благодаря судорожнымъ усиліямъ несчастныхъ, боровшихся со смертію. Вообще это была адская картина.

Со стороны нашей двери можно было спасти семь человѣкъ, вытаскивая ихъ изъ щели, образовавшейся отъ оторванной доски. Первымъ былъ офицеръ нашего полка. И у него уже были обожжены руки и платье разорвано; остальные были еще въ худшемъ состояніи. Невозможно было еще кого нибудь спасти. Нѣсколько человѣкъ спрыгнули съ крыши, но на половину обгорѣвшіе, такъ что сами просили, чтобы ихъ пришибли прикладомъ ружья. Тѣхъ, которые находились тамъ, откуда мы спасли семерыхъ, нельзя было вытащить, такъ какъ они были поперекъ щели и уже задохлись отъ дыма и тяжести лежавшихъ на нихъ людей; пришлось ихъ оставить съ другими на сожженіе.

При свѣтѣ этого пожарища, солдаты отставшіе отъ разныхъ отрядовъ, стоявшихъ на бивакѣ кругомъ, умиравшіе отъ холоду, прибѣжали не для помощи (было слишкомъ поздно, да и все время почти невозможно помочь), но занять мѣсто, погрѣться и пожарить на концѣ штыка или сабли кусокъ конины. Казалось, что этотъ ужасный случай былъ промысломъ Божіимъ. Общее мнѣніе, что помѣстившіеся въ этомъ амбарѣ были самые богатые въ арміи, что они въ Москвѣ

больше всѣхъ нашли алмазовъ, золота и серебра. Не смотря на ихъ слабость и жалкое состоянiе, они присоединились къ болѣе сильнымъ и, подвергаясь опасности въ свою очередь изжариться, вытаскивали трупы и искали, не найдутъ ли какого вознагражденiя за свои труды. Другiе говорили: «По дѣломъ имъ; еслибы они намъ позволили разобрать крышу, этого бы не случилось!» А другiе, протягивая руки къ огню и какъ будто не зная, что нѣсколько сотенъ ихъ товарищей, а можетъ быть и родныхъ, грѣли ихъ своими трупами, говорили: «какой славный огонь!» И тряслись уже не отъ холоду, а отъ удовольствiя.

Еще до разсвѣта, мы съ товарищемъ отправились къ своему полку.

Мы шли молча, по морозу, который усилился противъ вчерашняго, мимо мертвыхъ и умирающихъ, думая о томъ что̀ видѣли. Вотъ поровнялись мы съ двумя армейскими солдатами; они кусали мерзлую конину и увѣряли насъ, что видѣли иностранныхъ солдатъ, принадлежащихъ къ нашей армiи (Кроатовъ), которые вытащили изъ горѣвшаго амбара совсѣмъ изжаренный трупъ, рѣзали его и ѣли. Думаю, что въ продолженiе этого рокового похода подобное случалось не разъ, хотя самъ я ни разу того не видѣлъ. Для чего бы эти почти умирающiе люди говорили намъ про это, если бы это не была правда? Тогда не время было лгать. И я самъ, если бы не имѣлъ конины для пропитанiя, принужденъ бы былъ ѣсть человѣческое мясо. Надо испытать муки голода, чтобы понять это положенiе: за неимѣнiемъ человѣчины, съѣлъ бы дьявола, если бы онъ былъ изжаренъ.

Съ самаго нашего выступленiя изъ Москвы мы каждый день видѣли слѣдомъ за колонной гвардiи красивую Русскую карету, запряженную четырьмя лошадьми; но уже два дня какъ ихъ оставалось только двѣ, потому ли что ихъ убили или увели, чтобы съѣсть, или потому что онѣ пали. Въ этой каретѣ сидѣла молодая еще женщина, вѣроятно вдова, съ двумя дочерьми, пятнадцати и семнадцати лѣтъ. Эта женщина, жившая въ Москвѣ, по происхожденiю, говорили, Француженка, уступила настоянiямъ гвардейскаго штабъ-офицера, который ихъ повезъ во Францiю. Можетъ быть, этотъ офицеръ хотѣлъ жениться на барынѣ, такъ какъ уже былъ пожилой; во всякомъ случаѣ эта несчастная и интересная семья подвергалась, какъ и мы, самому сильному холоду и всѣмъ ужасамъ бѣдственнаго положенiя, которое она, должно быть, еще мучительнѣе насъ чувствовала.

Начинало свѣтать, когда мы подошли къ мѣсту, гдѣ ночевалъ нашъ полкъ. Общее движенiе армiи уже началось; уже два дня, какъ

полки стали уменьшаться втрое, и можно было ожидать, что часть людей идущихъ съ отрядомъ погибнетъ въ продолженіе зачинающагося дня. Слѣдомъ ѣхали или вѣрнѣе тащились повозки, которымъ нашъ полкъ долженъ былъ служить Арьергардомъ. тутъ я опять замѣтилъ карету съ несчастнымъ семействомъ. Она выѣзжала изъ перелѣска на дорогу; нѣсколько сапёровъ сопровождали ее, также какъ и штабъ-офицеръ, повидимому очень разстроенный. Выѣхавъ на дорогу, карета остановилась какъ разъ тамъ, гдѣ я стоялъ; я услышалъ жалобы и стоны. Штабъ-офицеръ открылъ дверцу, вошелъ въ карету, немного поговорилъ и, минуту спустя, передалъ трупъ двумъ сапёрамъ, которымъ велѣлъ стать къ каретѣ; это была одна изъ дѣвушекъ только что умершая. На ней было сѣрое шелковое платье и сверху такая же шуба, отдѣланная горностаемъ. Она и мертвая была еще прекрасна, хоть и худа. Не смотря на наше равнодушіе къ печальнымъ явленіямъ, мы были тронуты; я же прослезился, особенно при видѣ плачущаго офицера. Когда сапёры переносили эту молодую дѣвушку на фуру, любопытство заставило меня заглянуть въ карету. Я увидѣлъ мать и другую дѣвушку; одна упала на другую. Казалось, что онѣ безъ чувствъ; наконецъ, вечеромъ того же дня онѣ перестали страдать. Кажется, что онѣ всѣ три были погребены въ одной ямѣ, вырытой сапёрами, недалеко отъ Валутина. Чтобы покончить съ этимъ, разскажу, что подполковникъ, вѣроятно упрекавшій себя въ этомъ несчастіи, искалъ смерти въ битвахъ, которыя мы выдерживали при Красномъ и въ другихъ мѣстахъ. Онъ умеръ отъ горя, въ Январѣ, спустя нѣсколько дней послѣ нашего прибытія въ Ельбингенъ.

Этотъ день, 8 Ноября, былъ ужасенъ. Мы поздно пришли на позицію, и такъ какъ на слѣдующій день мы должны были прійти въ Смоленскъ (гдѣ, говорили, назначены намъ квартиры), то надежда тамъ отдохнуть и найти съѣстные припасы побуждала многихъ, не смотря на чрезвычайный холодъ и всевозможныя лишенія, дѣлать сверхъестественныя усилія, чтобы не отстать и, вслѣдствіе этого, не погибнуть.

Прежде чѣмъ придти на мѣсто, гдѣ мы должны были остановиться на бивакѣ, надо было перейти черезъ глубокій ровъ и вскарабкаться на противоположный берегъ. Мы увидѣли нѣсколько человѣкъ гвардейской артиллеріи, остановившихся съ своими пушками въ этомъ рву, за неимѣніемъ силъ подняться на берегъ. Съ ними были пушкари изъ гвардіи короля Прусскаго; они, какъ и мы совершили кампанію, причисленные къ нашей артиллеріи. На этомъ самомъ мѣстѣ около своихъ пушекъ они устроили себѣ бивакъ и, какъ могли, разложили костры, чтобы провести ночь, въ надеждѣ на другой день быть въ со-

стояніи продолжать путь. Нашъ полкъ вмѣстѣ со стрѣлками помѣстился справа отъ дороги, и мнѣ кажется, что именно на высотахъ Валутина, 19 Августа того же года, произошла битва, въ которой былъ убитъ храбрый генералъ Гюдэнъ.

Меня прикомандировали въ караулъ къ маршалу Мортье. Его жилищемъ былъ сарай безъ крыши. Все-таки ему сдѣлали навѣсъ, чтобы, насколько возможно, предохранить отъ снѣга и холода. Нашъ полковникъ и главный адъютантъ помѣстились тамъ же. Оторвали нѣсколько бревенъ изъ огорожи сарая и зажгли для маршала огонь, у котораго мы и грѣлись. Едва мы устроились и принялись жарить кусокъ конины, какъ къ намъ явился человѣкъ, у котораго голова обвязана платкомъ, руки тряпками и платье обожжено. Подойдя, онъ началъ кричать: «Ахъ, полковникъ! Какъ я несчастенъ, какъ я страдаю!» Обернувшись, полковникъ его спросилъ, откуда онъ и что́ съ нимъ. «Ахъ, полковникъ, отвѣчалъ онъ, я всего лишился и обгорѣлъ!» Полковникъ, узнавъ его, отвѣчалъ: «Тѣмъ хуже для васъ; вы должны были оставаться въ полку. Уже нѣсколько дней какъ вы не показывались? Что̀ вы дѣлали? Вамъ слѣдовало показывать примѣръ и умереть, какъ мы, на своемъ посту. Слышите ли вы?» Но бѣднякъ ничего не слышалъ. Это былъ офицеръ, котораго мы спасли изъ горѣвшаго амбара, въ прошлую ночь, и у котораго, думали, много золота и драгоцѣнностей, взятыхъ въ Москвѣ въ видѣ добычи. Но все было потеряно: его лошадь и чемоданъ пропали. Маршалъ, полковникъ и всѣ бывшіе тутъ разговаривали о сгорѣвшемъ амбарѣ. Говорили про штабъ-офицеровъ, которые тамъ заперлись со своими слугами и тамъ погибли, и такъ какъ знали, что я видѣлъ этотъ разгромъ, то меня распрашивали о подробностяхъ.

Было около девяти часовъ. Ночь была необыкновенно темная, и уже нѣкоторые изъ насъ, такъ же какъ остальная часть нашей несчастной арміи, расположившаяся кругомъ насъ, начинали забываться сномъ, прерываемымъ холодомъ и муками усталости и голода. Костеръ каждую минуту потухалъ. Думали о слѣдующемъ днѣ, когда мы придемъ въ Смоленскъ, гдѣ, какъ говорили, должны были кончиться наши бѣдствія, потому что тамъ мы должны были найти припасы и остановиться на квартирахъ.

Я только-что кончилъ свой печальный ужинъ, состоявшій изъ куска лошадиной печенки, и напился талаго снѣгу. Маршалъ такъ же съѣлъ кусокъ, зажареный ему его слугою, но приправилъ ее кускомъ сахара и сверхъ этого выпилъ каплю водки: какъ видите, ужинъ не очень вкусный для маршала, но ужъ и это было роскошью въ томъ несчастномъ положеніи, въ которомъ мы находились.

Я долженъ разсказать про одинъ самоотверженный поступокъ въ эту несчастную ночь, когда, казалось, всѣ самыя ужасныя стихіи ада устремились на насъ.

Принцъ Эмиль Гессенъ-Кассельскій находился со своимъ полкомъ въ нашей арміи. Его маленькій отрядъ состоялъ изъ нѣсколькихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ. Онъ, какъ и мы, расположился на ночь слѣва отъ дороги, съ оставшимися несчастными солдатами, въ числѣ пяти или шести сотъ человѣкъ, изъ которыхъ было еще около полутораста драгуновъ, почти всѣ пѣшіе, такъ какъ лошади ихъ пали или были съѣдены. Эти молодцы, сами погибая отъ холода и не будучи въ состояніи оставаться на одномъ мѣстѣ, въ такую отвратительную погоду и ночь, пожертвовали собою для спасенія своего молодаго князя, который былъ, кажется, не старше 20 лѣтъ: они его помѣстили по середкѣ, чтобы защищать отъ вѣтра и холода. Закутавшись въ свои большія бѣлыя шинели, они простояли всю ночь и плотно прижимались другъ къ другу; на слѣдующее утро третья часть изъ нихъ умерла и была засыпана снѣгомъ. Болѣе десяти тысячъ погибло въ другихъ отрядахъ.

. . . . Я услышалъ позади себя шаги и увидалъ человѣка, въ которомъ узналъ Баденскаго солдата; онъ несъ на плечѣ боченокъ, какъ мнѣ показалось, съ водкой. Я его окликнулъ, онъ мнѣ не отвѣчалъ; я хотѣлъ идти за нимъ; онъ ускорилъ шаги, и я тоже. Онъ сошелъ съ довольно крутого пригорка; я хотѣлъ сойти такъ же, но мои ноги были слабѣе его. Я упалъ и, скатившись сверху до низу, очутился въ одно время съ нимъ у погреба, который открылся отъ моего толчка и въ который я попалъ прежде солдата, при чемъ зашибъ себѣ плечо.

Не успѣлъ я опомниться и осмотрѣться, какъ меня вывели изъ оцѣпененія нестройные крики на разныхъ языкахъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Итальянскомъ: человѣкъ двѣнадцать лежало на соломѣ вокругъ зажженнаго костра. Въ нихъ я тотчасъ же узналъ общество грабителей и воровъ, которые сговорились между собою и всегда шли впереди арміи изъ боязни встрѣтить непріятеля и быть принужденными сражаться, приходя первыми въ дома, если таковые находились, или ночуя въ уединенныхъ мѣстахъ. Когда армія приходила къ ночи очень утомленная, они выходили изъ скрытыхъ мѣстъ, бродили вокругъ биваковъ, ловко воровали лошадей и чемоданы офицеровъ и рано утромъ нѣсколькими часами прежде отряда шли дальше. Такъ они дѣйствовали каждый день. Вообще это была одна изъ тѣхъ шаекъ, которыя образовались со времени первыхъ сильныхъ морозовъ, бывшихъ причиною нашихъ бѣдствій; въ настоящее время ихъ было уже много, а впослѣдствіи они еще размножились.

Еще ошеломленный своимъ паденіемъ, я не успѣлъ подняться, какъ одинъ изъ бывшихъ въ глубинѣ погреба всталъ и зажегъ пучекъ соломы, чтобы меня разсмотрѣть, такъ какъ невозможно было узнать по моей одеждѣ (особенно потому, что я былъ наполовину скрытъ медвѣжьей шкурой), какого я полка. При видѣ на моей шапкѣ императорскаго орла, онъ насмѣшливо вскричалъ: «А, королевская гвардія! Вонъ!» Другіе повторили: «Вонъ, вонъ!» Оглушенный, но не запуганный ихъ криками, я всталъ и просилъ ихъ оставить меня у нихъ до разсвѣта, разъ уже случаемъ, или вѣрнѣе счастіемъ, меня закинуло къ нимъ. Утромъ я бы отъ нихъ ушелъ; но человѣкъ, который тогда всталъ и который, вѣроятно, былъ начальникъ, судя по саблѣ, висѣвшей у него съ боку и старательно выставляемой на видъ, повторилъ, чтобъ я уходилъ, и за нимъ всѣ закричали разомъ: «Вонъ, вонъ!» Одинъ Нѣмецъ хотѣлъ меня схватить, но я его ударилъ въ грудь такъ, что онъ растянулся и упалъ на лежавшихъ людей. Я положилъ руку на саблю, такъ какъ ружье мое я потерялъ въ то время, какъ катился съ вала. Увидя это, человѣкъ съ саблей захлопалъ въ ладоши, говоря, что Нѣмцу, капустной головѣ, не подобаетъ трогать Француза. Видя, что человѣкъ съ саблей принялъ мою сторону, я объявилъ, что останусь до разсвѣта у нихъ и лучше дамъ имъ убить себя, чѣмъ пойду умирать на дорогѣ отъ холоду. Одна женщина (ихъ тамъ было двѣ) хотѣла заступиться за меня; но ей приказали молчать и сопровождали это приказаніе проклятіями и самыми грязными словами. Тутъ опять начальникъ сталъ меня выгонять, прося избавить его отъ непріятности насильно выпроводить меня, такъ какъ тогда онъ расправится со мною по своему и пошлетъ меня на ночь туда, гдѣ находится мой полкъ. Я его спросилъ, почему онъ и его товарищи не тамъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это не мое дѣло, что онъ не обязанъ давать мнѣ отчетъ, что онъ у себя и мнѣ отъ того нельзя у нихъ остаться ночевать, что я имъ мѣшаю по обычаю идти въ городъ и, пользуясь неурядицей и недостаткомъ караула при полковыхъ повозкахъ, собирать добычу. Я просилъ, какъ милости, позволенія остаться еще немного, чтобы погрѣться и поправить себѣ обувь, послѣ чего обѣщалъ уйти. Такъ какъ мнѣ никто не отвѣчалъ, то я повторилъ свою просьбу; человѣкъ со шпагой сказалъ, что онъ согласенъ на это съ условіемъ, что я уйду черезъ полчаса. Онъ поручилъ меня барабанщику, который, повидимому, былъ у него правой рукой.

Желая воспользоваться временемъ, я спросилъ, нѣтъ ли чего съѣстнаго, а особенно водки, я бы купилъ: «Еслибъ у насъ было, мы бы оставили себѣ», отвѣчали мнѣ.

Однако нѣчто подобное было въ боченкѣ, который, я видѣлъ, при-

несъ Баденецъ. Я понялъ, какъ онъ на своемъ языкѣ разсказалъ, что взялъ этотъ боченокъ у маркитантки своего полка, спрятавшей его передъ приходомъ арміи въ городъ. Изъ всего этого было явно, что человѣкъ этотъ былъ вновь пришедшій солдатъ гарнизона, только наканунѣ соединившійся съ другими и рѣшившійся, какъ и они, оставить полкъ и жить добычей.

Барабанщикъ, которому было поручено выпроводить меня, поговоривъ таинственно съ другими, спросилъ меня, есть ли у меня золото въ обмѣнъ пяти-франковиковъ, для покупки водки. «Нѣтъ, отвѣчалъ я, у меня только пяти-франковики». Женщина, бывшая возлѣ меня, та самая, что̀ хотѣла заступиться за меня, сдѣлала видъ, что, нагнувшись, ищетъ чего-то возлѣ двери на полу. Приблизясь ко мнѣ, она сказала такъ, чтобъ ее не могли услышать: «Спасайтесь; вѣрьте мнѣ, они убьютъ васъ. Я съ ними съ Вязьмы и противъ своей воли. Пожалуста, приходите завтра утромъ съ вооруженною силою и спасите меня!» Я спросилъ ее о другой женщинѣ, тутъ же находившейся; она мнѣ сказала, что это Жидовка. Я собирался еще ее разспросить, какъ чей-то голосъ изъ глубины погреба приказалъ ей замолчать и спросилъ, что̀ она мнѣ говорила. Она отвѣчала, что говоритъ мнѣ, что я могу достать водки у Жида на Новомъ Рынкѣ. «Молчи, болтунья!» отвѣчали ей. Она замолчала и ушла въ глубину погреба.

Послѣ совѣта, даннаго мнѣ этой женщиной, я убѣдился, что не ошибся и нахожусь въ настоящемъ разбойничьемъ притонѣ. Поэтому я не дожидался, чтобы меня выпроводили, всталъ и, дѣлая видъ, что выбираю мѣсто, гдѣ бы лечь, подошелъ къ двери, отворилъ ее и вышелъ. Меня позвали назадъ, сказавъ, что я могу у нихъ спать до разсвѣта. Но я, не отвѣчая имъ, поднялъ свое ружье, которое нашелъ около двери, и искалъ выхода, чтобы выйти изъ углубленія, въ которомъ находился; но я ничего не нашелъ. Тогда, боясь долго оставаться въ такомъ положеніи, я собирался постучать въ дверь погреба, чтобы спросить, какъ мнѣ выйти; въ это время Баденецъ вышелъ, должно быть, чтобы посмотрѣть, не время ли отправляться на добычу. Онъ меня опять спросилъ, не хочу ли я вернуться; я ему отвѣчалъ отрицательно и попросилъ указать мнѣ дорогу въ слободку. Онъ мнѣ сдѣлалъ знакъ слѣдовать за нимъ и, пройдя мимо нѣсколькихъ развалившихся домовъ, поднялся по лѣстницамъ. Я шелъ за нимъ; когда же мы поднялись на валъ и вышли на дорогу, онъ, подъ предлогомъ показать мнѣ, куда я долженъ идти, заставилъ меня сдѣлать нѣсколько обходовъ; но я замѣтилъ, что это дѣлалось для того, чтобы я забылъ мѣсто погреба, которое я тѣмъ не менѣе намѣревался запомнить, такъ какъ на утро собирался, взявъ нѣсколько солдатъ, вернуться туда, чтобы спасти женщину, просившую у меня помощи, и также опро

сить ихъ по поводу нѣсколькихъ чемодановъ, которые я замѣтилъ въ глубинѣ этого проклятаго погреба.

Придя на конецъ улицы, я увидѣлъ освѣщенное зданіе, откуда неслись, не прерываясь, торжественные звуки. Я прямо подошелъ къ нему и, обойдя нѣсколько разъ кругомъ, увидѣлъ, что мнѣ мѣшаетъ низенькая стѣна, служившая оградой зданію, оказавшемуся церковью.

Чтобы не утомлять себя отыскиваніемъ входа, я рѣшаюсь перелѣзть черезъ стѣну и, чтобы удостовѣриться въ томъ, что она не высока, изслѣдую противоположную сторону ружьемъ. Удостовѣрившись въ томъ, что она не выше трехъ-четырехъ футовъ, я влѣзаю и соскакиваю на другую сторону. Мои ноги ступаютъ на что-то выпуклое, отчего я падаю на колѣни; встаю, не убившись, иду нѣсколько шаговъ и чувствую, что почва неровная. Чтобы не упасть, я опираюсь на ружье. Вскорѣ я замѣчаю, что нахожусь посреди множества труповъ, едва покрытыхъ снѣгомъ. Въ то время какъ я иду, спотыкаясь и опираясь на свое ружье, мои ноги вязнутъ и задерживаются между ногъ и рукъ тѣхъ, по которымъ я иду и которые расположены одинъ возлѣ другого, какъ бы за тѣмъ, чтобы осталось мѣсто еще для другихъ. Слышатся заунывные звуки. Мнѣ кажется, что это похоронная служба. Холодный потъ меня охватываетъ; я не знаю, что̀ я дѣлаю, куда иду. Неизвѣстно, какъ я очутился у задней стороны церкви, гдѣ хоры. Придя немного въ себя, я, не смотря на продолжающійся адскій шумъ, иду впередъ, опираясь рукой въ стѣну, и подхожу къ открытой двери, изъ которой валитъ густой дымъ. Я вхожу и попадаю къ людямъ, которыхъ принимаю за тѣни: такъ они окружены дымомъ. Одни не переставая поютъ, другіе играютъ на органѣ. Вдругъ огонь ярко вспыхиваетъ, дымъ разсѣевается; я оглядываюсь, гдѣ я и съ кѣмъ; одинъ изъ поющихъ подходитъ ко мнѣ и восклицаетъ: «Это мой сержантъ!» Онъ узналъ меня по медвѣжьей шкурѣ, а я узналъ солдат нашего отряда. Судите о моемъ удивленіи, когда я ихъ увидалъ въ такомъ веселомъ настроеніи. Я ихъ хотѣлъ разспросить, но тутъ одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и подалъ полную серебряную кружку водки. Тогда я догадался, откуда у нихъ такое веселье: они всѣ куликнули!

Одинъ изъ нихъ, болѣе трезвый, разсказалъ мнѣ, что, придя на мѣсто, они были на работѣ и, проходя мимо нѣсколькихъ оставшихся зданій, увидѣли, какъ два человѣка, которыхъ они приняли за Жидовъ, съ фонаремъ выходили изъ погреба; тотчасъ же они сговорились, послѣ раздачи ѣды, вернуться туда и посмотрѣть, не найдутъ ли они тамъ чего нибудь съѣстнаго и затѣмъ провести ночь въ церкви, которую они запримѣтили. Пришедши туда, они дѣйствительно нашли въ погребѣ боченокъ съ водкой, мѣшокъ рису и немного сухарей, также

и десять шинелей или шубъ, обшитыхъ мѣхомъ и шапокъ, между которыми одну раввина. Оттого-то я ихъ и принялъ не за то, чѣмъ они оказались на самомъ дѣлѣ.

...Шесть человѣкъ сопровождали повозку, въ которую запряжена была несчастная лошадь; въ ней лежало нѣсколько труповъ, ихъ свозили позади церкви туда, гдѣ были трупы, по которымъ я шелъ, такъ какъ земля была слишкомъ тверда, чтобы вырывать ямы, а трупы пока не портились, благодаря морозу. Эти люди разсказали намъ, что если такъ продолжится дальше, то не будутъ знать, куда ихъ дѣвать, потому что уже всѣ церкви обращены въ больницы и наполнены больными, за которыми не было средствъ ухаживать; что осталась только еще одна эта пустая церковь, куда они съ нѣкотораго времени и складывали мертвыхъ; что съ тѣхъ поръ, какъ начала возвращаться великая армія, имъ недоставало средствъ, чтобы перевозить всѣхъ людей, которые умирали черезъ нѣсколько времени по прибытіи.

Принцъ Невшательскій, будучи военнымъ министромъ, видя, что Императоръ не даетъ приказанія уходить и что вся армія этимъ волнуется за невозможностью оставаться дальше въ такомъ плачевномъ положеніи, собралъ нѣсколько музыкантовъ и приказалъ имъ играть передъ окнами дома, гдѣ жилъ Императоръ на слова: Où peut-on être mieux qu'au sein de sa famille? (Можетъ ли гдѣ нибудь быть лучше, чѣмъ въ кругу своей семьи?). Только что они начали, какъ Императоръ показался на балконѣ и приказалъ играть: Veillons au salut de l'Empire! (Позаботимся о спасеніи Имперіи!), что́ музыканты и исполнили какъ могли, будучи въ такомъ жалкомъ состояніи.....

.... Императоръ сталъ посреди гренадеровъ и стрѣлковъ и произнесъ подходящую къ обстоятельствамъ рѣчь, въ которой говорилъ, что Русскіе насъ поджидаютъ у перехода черезъ Березину и поклялись, что ни одинъ изъ насъ ея не перейдетъ. При этомъ онъ вынулъ шпагу и, возвысивъ голосъ, вскричалъ: «Поклянемся и мы лучше умереть, сражаясь съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ не увидѣть больше Франціи!» Всѣ тотчасъ же произнесли эту клятву. И разомъ всѣ медвѣжьи шапки очутились на концахъ ружей и сабель и раздался крикъ: «Да здравствуетъ Императоръ!» Подобную же рѣчь у насъ произнесъ маршалъ Мортье; ему отвѣчали съ тѣмъ же воодушевленіемъ. Въ другихъ полкахъ происходило тоже.

Это была торжественная минута при тѣхъ несчастныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились, и на мгновеніе мы забыли наши лишенія: еслибы тутъ очутились Русскіе сильнѣе насъ, мы бы ихъ безъ сомнѣнія побили.

ИЗЪ ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ В. А. МУХАНОВА.
1836—1855 *).

1836.

2 Décembre. Les vieillards sont des mémoires ambulants, des annales vivantes. Rien ne peut se comparer à l'intérêt inspiré par un homme, témoin de grands événements et que le hasard a mis à même de se trouver en contact avec le génie ou la célébrité. Un pareil interlocuteur, surtout s'il a le don de la parole, est plus précieux que le livre le plus remarquable sur l'époque. Le comte P. Tolstoy, s'étant trouvé près de deux ans en qualité d'ambassadeur de Russie à Paris sous l'Empire, appartient au petit nombre de ces vieux qu'on ne se lasse jamais d'entendre causer sur un temps que la grandeur des événements et l'éclat des personnages, qui y ont pris part, rendent également mémorables.

Arrivé à son poste après la paix de Tilsit (1807), il devait jouer un rôle humiliant et à cause de ce traité honteux, et pour se conformer aux instructions du cabinet de S-t Pétersbourg. On fit à l'envoyé de Russie une réception pleine de bienveillance et de bonté. A Fontainebleau il eut un appartement à côté de celui de Napoléon; on lui donna une garde d'honneur que commandait Bessières. A Paris l'ambassadeur logea à l'hôtel qui était préparé pour la reine de Naples. Napoléon, ayant vu un jour notre compatriote dans un fauteuil au spectacle, lui offrit le lendemain une loge à côté de la sienne. Après avoir passé huit mois à Paris, le comte Tolstoy adressa une note au cabinet des Tuilleries pour demander l'évacuation du territoire prussien. L'Empereur, se trouvant à la chasse avec notre envoyé, l'aborda avec la phrase suivante: «Il paraît, monsieur l'ambassadeur, que des considérations personnelles vous font dévier des instructions de votre cour. L'Angleterre aussi peut y être pour quelque chose». Le comte répondit à cette sortie que jamais les appas de l' Angleterre et de la

---

*) См. выше, стр. 45.

France ne motiveront sa conduite, et que d'ailleurs il n'en devait compte qu'à son Souverain et Maître. Cette réponse mécontenta Napoléon au point qu'il jeta son chapeau de fureur et s'en alla de côté; l'envoyé de Russie n'avait rien de mieux à faire, qu'à s'éloigner aussi de son côté. Mais bientôt il fut rappellé par l'Empereur, qui, en relevant son chapeau, cria à l'ambassadeur: «Monsieur le comte, c'est ici le rendez-vous de la chasse».—Napoléon se plaignait souvent contre ses soeurs. «Elles ne sont contentes de rien, disait-il un jour; ce matin encore il y a eu une qui a reçu un trône et, malgré cela, on dirait à les voir que je leur ai enlevé l'héritage de leurs parents».—On était à la chasse, quand le comte Tolstoy, se tenant à côté de Macéna, vit une grive sur un arbre à quelques pas de là; au moment où il la visait, un coup de feu vint lui effleurer son habit sur le dos, et porta directement sur l'oeil de Macéna. Bientôt arriva Berthier, qui engagea le comte Tolstoy de continuer la chasse et annonça que l'Empereur, à cause de l'accident, ne tarderait pas à venir s'excuser auprès du maréchal. Ce dernier, qui fut borgne toute la vie, ne pardonna jamais ce malheur à Napoléon. Un jour, s'approchant de notre envoyé, il lui demanda: «Monsieur l'ambassadeur, n'auriez-vous pas de pain pour nourrir des troupes et du fer pour les armes?» Dans les premières dépêches qui furent expédiées pour Pétersbourg, on fit mention de ce propos.

Переводъ. 2 Декабря. Старики—ходячіе мемуары, живыя записи событій. Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ любопытствомъ, какое возбуждаетъ человѣкъ, бывшій свидѣтелемъ великихъ событій и находившійся, по волѣ судьбы, въ соприкосновеніи съ геніемъ или какой либо знаменитостью. Такой собесѣдникъ, особенно если онъ краснорѣчивъ, драгоцѣннѣе самой замѣчательной книги о той эпохѣ. Графъ П. Толстой, бывшій около двухъ лѣтъ Русскимъ посломъ въ Парижѣ во время Имперіи, принадлежитъ къ немногому числу такихъ старцевъ. Ихъ все бы слушалъ, когда они разсказываютъ о томъ времени, которое, и по величію событій, и по блеску дѣйствовавшихъ въ нихъ лицъ, одинаково достопамятно.

Когда онъ прибылъ на мѣсто своего служенія послѣ Тильзитскаго мира (1807), ему пришлось играть унизительную роль по поводу и этого постыднаго трактата, и предписаній изъ Петербурга, съ коими нельзя было не сообразоваться. Пріемъ Русскому послу сдѣланъ былъ очень благосклонный. Помѣщеніе въ Фонтенбло отвели ему рядомъ съ Наполеоновымъ; къ нему приставлена почетная охрана подъ командой Бессьера. Въ Парижѣ посолъ нашъ жилъ въ отелѣ, приготовленномъ для королевы Неаполитанской. Наполеонъ, увидя разъ нашего соотечественника въ спектаклѣ сидящимъ въ креслѣ, предложилъ ему на другой день ложу рядомъ со своей. Послѣ восьмимѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ, графъ Толстой обратился въ Тюльерійскій кабинетъ съ нотою о

выводѣ войскъ изъ Прусскихъ владѣній. Императоръ, будучи на охотѣ съ нашимъ посломъ, подошелъ къ нему съ такими словами: „Повидимому, личныя соображенія заставляютъ васъ отступать отъ предписаній вашего двора, г. посланникъ. Быть можетъ, и Англія тутъ кое при чемъ". На эту выходку графъ отвѣчалъ, что никогда угожденіе Англіи или Франціи не можетъ руководить его дѣйствіями, и что вообще отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ онъ даетъ только своему Государю и Повелителю. Такой отвѣтъ до того разсердилъ Наполеона, что онъ съ досады сбросилъ съ головы шляпу и отошелъ въ сторону; Русскому посланнику ничего не оставалось, какъ въ свою очередь удалиться. Но вскорѣ онъ былъ позванъ императоромъ, который, поднимая свою шляпу, кричалъ ему: „Графъ, здѣсь сборъ всѣмъ охотникамъ!"—Наполеонъ часто жаловался на своихъ сестеръ. „Онѣ ничѣмъ не довольны", говорилъ онъ однажды. „Не далѣе какъ нынче утромъ одна изъ нихъ получила тронъ и, не смотря на это, глядя на нихъ, можно подумать, что я завладѣлъ наслѣдствомъ ихъ родителей". Будучи на охотѣ и стоя рядомъ съ Массеною, графъ Толстой увидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ на деревѣ пѣвчаго дрозда; въ самое то время, какъ онъ прицѣлился, раздался выстрѣлъ, и пуля, слегка задѣвъ его платье на спинѣ, попала прямо въ глазъ Массенѣ. Вскорѣ прибылъ Бертье и, предлагая графу Толстому продолжать охоту, объявилъ, что императоръ, по поводу этого случая, тотчасъ явится, чтобы извиниться передъ маршаломъ. Этотъ послѣдній, оставшійся кривымъ на всю жизнь, никогда не могъ простить Наполеону своего несчастія. Однажды, подойдя къ нашему посланнику, онъ спросилъ его: „Г. посланникъ, нѣтъ ли у васъ хлѣба для войскъ и желѣза для оружія?" Въ первыхъ же депешахъ, посланныхъ въ Петербургъ, было сообщено объ этомъ.

Мысль идти на Парижъ не принадлежитъ Дибичу или кому другому изъ нашихъ генераловъ. Рѣшеніе это принято было вслѣдствіе бумаги, которую прислалъ Талейранъ въ главную квартиру и въ которой онъ писалъ, что Парижане ожидаютъ союзныхъ войскъ съ нетерпѣніемъ, и что они тамъ будутъ приняты, какъ спасители. Графъ Н. А. Толстой видѣлъ сію бумагу и утверждаетъ, что безъ оной, судя по тому страху, подъ вліяніемъ котораго находилась тогда главная квартира, никогда не рѣшились бы на сію важную мѣру.

Декабря 4. Есть люди, сохраняющіе всегда младенческую чистоту сердца. Никогда дурная мысль не касается ихъ свѣтлаго ума; если въ обществѣ слышатъ они злословіе, то всегда являются защитниками порицаемаго. Подобное явленіе и утѣшительно, и рѣдко. Не нужно прибавлять, что число *чистыхъ и простыхъ сердцемъ*, сихъ драгоцѣнныхъ перловъ, сихъ избранниковъ Неба, весьма невелико. Къ нимъ принадлежалъ Н. М. Карамзинъ. Подумать о комъ неблагопріятно было для него чувство невыносимое. Сей знаменитый мужъ никогда не могъ выразить тяжелую истину своему личному противнику. Когда Шиш-

ковъ напалъ на слогъ Карамзина, пріятели создателя нашей прозы просили его возражать на критику. Онъ долго не соглашался, наконецъ взялся за перо, написалъ двѣ строки и разорвалъ бумагу... Но въ случаяхъ, гдѣ дѣло шло не о немъ собственно, простодушный младенецъ являлся великимъ гражданиномъ. Въ 1819 году Императоръ Александръ, всегда особенно хорошо расположенный къ исторіографу, сообщилъ ему мысли свои о будущей судьбѣ Польши. Извѣстно, что покойный Государь намѣревался воскресить Польское королевство, включивъ въ предѣлы его самый Смоленскъ. Государь требовалъ по сему предмету мнѣнія Карамзина, который отвѣчалъ, что будетъ имѣть счастье представить оное письменно. Говорятъ, что еслибъ незабвенный писатель ничего болѣе не написалъ, кромѣ своего письма о Польшѣ, то симъ прекраснымъ подвигомъ уже заслужилъ бы безсмертіе. «Пріобрѣтеніе губерній, которыя предполагается присоединить къ Польшѣ, стоило крови Россіи. Нѣтъ власти, могущей дерзнуть на отторженіе ихъ отъ отечества; ибо самодержавіе имѣетъ границы. Впрочемъ, если бы подобная мысль привелась когда въ исполненіе, то край, отдѣленный такимъ образомъ отъ Россіи, снова залился бы кровью, а Государь, нынѣ обожаемый своими подданными, сдѣлался бы имъ ненавистенъ, какъ державный преступникъ». Вотъ содержаніе бумаги, хранящейся въ семействѣ знаменитаго мужа; списокъ съ оной есть также у А. И. Тургенева. Теплота душевная, благородное негодованіе, высокій патріотизмъ и несравненный, единственный языкъ составляютъ достоинства сего письма, прекраснаго памятника гражданскаго мужества Карамзина. Поццо-ди-Борго, по желанію Императора, также доставилъ въ то время письменное мнѣніе свое о томъ предметѣ, весьма сходное въ доводахъ и доказательствахъ съ произведеніемъ отечественнымъ, но холодное, излившееся изъ пера души не-Русской. (Отъ Д. В. Давыдова, который говоритъ, что у Карамзина было *голубиное сердце*).

Талейранъ однажды сказалъ: On ne doit jamais suivre le premier mouvement, car il peut quelquefois être bon»; а въ другой разъ онъ же такъ выразился: «Dieu a donné la parole à l'homme pour déguiser sa pensée» *). Не странно ли видѣть здѣсь имя Талейрана рядомъ съ именемъ Карамзина? Непорочность и коварство сердца встрѣчаются вмѣстѣ вездѣ, и въ памятной книжкѣ, и въ блестящей гостиной. и въ кабинетѣ царскомъ.

*) Никогда не надо держаться первоначальнаго побужденія, такъ какъ иной разъ оно можетъ быть благожелательно.—Богъ далъ человѣку слово, чтобы онъ прикрывалъ имъ свою мысль.

Декабря 18. Когда Русскіе вошли въ первый разъ въ Парижъ, Французы окружали нашихъ офицеровъ съ крикомъ: «nous voulons avoir pour roi votre Empereur» [1]). На отвѣты соотечественниковъ, что Государь не будетъ на сіе согласенъ, вѣтренники прибавляли: «Et bien, le Grand-Duc Constantin» [2]) (Отъ Д. В. Давыдова).

1837.

18 Января 1837. Княжна В. Репнина замѣчательна оригинальностью ума, милою обходительностью и простотою въ обращеніи. Было время, когда я ходилъ съ нею ежедневно часа по два. Это продолжалось довольно долго, и не только никогда не ощущалъ я минуты скуки, но всегда съ новымъ удовольствіемъ помышлялъ о бесѣдахъ, которыя имѣлъ или предполагалъ имѣть съ нею. Княжна Репнина принадлежитъ къ числу немногихъ лицъ, часто однимъ выраженіемъ или двумя-тремя словами изображающихъ человѣка такъ отчетливо, такъ удачно, какъ не придется другому объяснить того въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ. Смуглое лицо и черные, живые глаза любезной собесѣдницы особенно выразительны.

20 Февраля. Графъ С. Г. Строгоновъ, попечитель здѣшняго университета, бывши въ 1829 г. за границею, долженъ былъ, по порученію Государя, узнать причину холодныхъ отношеній Меттерниха съ Татищевымъ. Покойный императоръ Францъ сказалъ ему на аудіенціи: «Мы сосѣди Турціи и въ ладахъ съ нею. Вы въ томъ же положеніи и непрестанно на нее жалуетесь. Признаюсь, начинаю думать, что вы не чужды видамъ честолюбія».

10 Décembre. Vendredi. Il est rare (pour moi surtout) d'assister à une réunion composée toute de gens aimables et spirituels. Le charme d'une conversation intéressante et toujours soutenue est d'un plaisir indicible. Жуковскій, Віельгорскій (Michel), Д. Давыдовъ, Черкасовъ, Погодинъ, Nicolas Трубецкой и Paul Мухановъ étaient nos convives. Віельгорскій et Давыдовъ animaient et mettaient en train la société. Черкасовъ choisissait mal les sujets, qu'il abordait. Paul Moukhanoff parlait littérature avec Joukovsky. Pogodine pendant tout le temps était trés silencieux. Les questions les plus intéressantes qu'on a agitées étaient: 1) La nature de la Suisse et de l'Italie et le caractère de leur habitants; j'en ai rapporté quelque chose dans mon journal russe. 2) Des anecdotes sur l'empereur Paul. 3) Les romans de Marivaux que

---

[1]) Мы хотимъ имѣть королемъ вашего Императора.
[2]) Ну такъ великаго князя Константина.

Joukovsky ne place pas très haut. La soirée s'est terminée à 3 heures, et je me suis retiré à 2.

Переводъ. 10 Декабря. Пятница. Рѣдко удается (для меня особенно) быть въ обществѣ, состоящемъ все изъ любезныхъ и умныхъ людей. Невыразимое удовольствіе заключается въ прелести любопытныхъ и неумолкаемыхъ разговоровъ. Жуковскій, Віельгорскій (Михаилъ), Д. Давыдовъ, Черкасовъ, Погодинъ, Николай Трубецкой и Павелъ Мухановъ были нашими сотрапезниками. Віельгорскій и Давыдовъ оживляли и возбуждали наше общество. Черкасовъ неудачно выбиралъ предметы, которыхъ онъ касался. Павелъ Мухановъ говорилъ съ Жуковскимъ о литературѣ. Погодинъ все время былъ очень молчаливъ. Самые любопытные предметы, коихъ касались, были слѣдующіе: 1) Природа Швейцаріи и Италіи и характеръ ихъ жителей; я кое-что занесъ изъ этого въ мой Русскій дневникъ. 2) Анекдоты объ императорѣ Павлѣ. 3) Романы Мариво, которые Жуковскій ставитъ не очень высоко. Вечеръ окончился въ 3 часа; а я удалился въ 2 часа.

Декабря 17. Бѣдный Кристинъ *) умираетъ. Жалко его; но лѣта преклонныя, и нельзя было ожидать, чтобы онъ протянулъ. Въ 1828 году я съ нимъ познакомился и тогда видался часто. Онъ человѣкъ умный, начитанный и очень любезный. Кристинъ разсказывалъ не охотно, опасаясь повторяться, какъ старики; но когда, сдаваясь на желаніе пріятелей, заводилъ рѣчь о минувшемъ, разсказъ его былъ прекрасенъ и отличался живостью и жаромъ. Бывши свидѣтелемъ событій важныхъ, онъ зналъ много такихъ сокровенностей, о которыхъ память исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ. По настоянію друзей однажды онъ принялся было писать свои Записки и, описавъ мастерски молодость и первую любовь, не сталъ продолжать, ибо воспоминаніе сего времени стоило ему многихъ слезъ. Но чтò въ Кристинѣ было выше самой любезности, остроумной и блестящей, это сердце доброе и сострадательное. Онъ всегда готовъ былъ на услугу знакомымъ, на помощь бѣднымъ. Люди любятъ его, какъ отца; ибо нѣтъ милостей, которыхъ бы онъ не имѣлъ къ нимъ, и по распоряженіямъ, сдѣланнымъ по его завѣщанію, онъ останется ихъ благодѣтелемъ и за предѣлами жизни. Все высокое и благородное находило отголосокъ въ сердцѣ человѣка, о которомъ память будетъ долго жить для всѣхъ знавшихъ его.

1840.

27 Mars. Je viens de lire dans les journaux la nouvelle de la mort de m. Paul Démidoff, décédé à Mayence. Je crois que sa femme, malgré tout ce qu'on a dit de la bizarrerie de son mari, doit être at-

---

*) Читатели „Русскаго Архива" (1882 - 1884) помнятъ любопытную переписку Кристина съ княжною Туркестановой и его письма къ графинѣ С. А Бобринской. П. Б.

terée par cet événement. A peine y a-t-il six ans qu'elle avait perdu son fiancé, au moment où elle devait s'unir à lui pour toujours. Elle a pu ne pas aimer son mari, et tout en l'épousant reporter ses regrets vers le passé; mais il est bien pénible de songer qu'il suffit de lier sa destinée à celle d'un autre pour se le voir enlevé. Cette personne accomplie paraît avoir tout pour le bonheur: esprit, bonté, pureté de coeur, beauté, richesse. Dieu veuille qu'avec tous ces avantages elle trouve un homme digne d'elle et qui la rende heureuse; elle le mérite bien, et j'espère que pour tout ce qu'elle a souffert, elle ne tardera pas à être satisfaite de son sort. Ce qu'elle aurait de mieux à faire serait de s'établir dans son pays. Là, éloignée des grandeurs de Pétersbourg, entourée de sa famille, unie à un compatriote, homme de bien, elle aurait coulé une existence tranquille et douce avec tous les moyens moraux et matériels, que lui donne son heureux naturel et sa fortune considérable, qu'elle va avoir, pour répandre autour de soi le bonheur.

Переводъ. 27 Марта. Я только что прочелъ въ газетахъ о смерти Павла Демидова въ Майнцѣ. Я думаю, что жена его *), не смотря на все то. что̀ разсказывалось о чудачествахъ ея мужа, должна быть удручена этимъ событіемъ. Едва минуло шесть лѣтъ, какъ она потеряла своего жениха въ то самое время, какъ должна была соединиться съ нимъ навсегда. Она могла не любить своего мужа и, выходя за него, переносить свои думы въ прошлое; но тяжело сознавать, что достаточно соединить свою судьбу съ другимъ, чтобы увидать его похищеннымъ. Эта женщина совершенство; она, кажется, обладаетъ всѣмъ для счастія: умна, добра, чиста сердцемъ, красива, богата. Дай Богъ ей со всѣми этими преимуществами найти человѣка достойнаго ея и который сдѣлалъ бы ее счастливой; она этого вполнѣ заслуживаетъ, и я надѣюсь, что, за все выстраданное ею, судьба не замедлитъ вознаградить ее. Самое лучшее, что̀ ей слѣдуетъ сдѣлать, это—поселиться на своей родинѣ. Тамъ, вдали отъ Петербургскаго величія, окруженная своей семьей, выйдя за соотечественника, хорошаго человѣка, она повела бы жизнь спокойную и мирную. Со всѣми нравственными и матеріальными средствами, которыми располагаетъ она, благодаря своей счастливой природѣ и богатству въ будущемъ она могла бы осчастливить всѣхъ вокругъ себя.

Августа 21. Жуковскій женится; невѣстѣ его 18 лѣтъ, а ему, говорятъ, болѣе шестидесяти. Чего ожидать отъ такого брака? Можетъ быть, безплоднаго раскаянія; ибо трудно предположить счастіе въ подобномъ союзѣ. Но кто знаетъ? Быть можетъ также, что молодая жена полюбитъ поэта, его душу, сердце, умъ, и будетъ счастлива. Кому неизвѣстна пламенная страсть юной Нѣмки, никогда не видавшей Гёте

*) Аврора Карловна, ур. Шернваль, лишившаяся въ 1834 году жениха своего, Александра Алексѣевича Муханова, нынѣ вдова Андрея Николаевича Карамзина. П. Б.

и знавшей его только по сочиненіямъ? Переписка ея съ творцомъ Вертера не есть одно выраженіе удивленія къ генію; нѣтъ, она часто напоминаетъ огненныя страницы новой Элоизы. Сколько сокровищъ любви въ изліяніяхъ этого дѣвическаго сердца? По созданіямъ Гёте юная мечтательница составила себѣ идеалъ его; въ ея живомъ воображеніи величаво и прекрасно долженъ былъ отразиться образъ великаго поэта. Въ склонности невѣсты Жуковскаго можетъ быть менѣе глубокаго чувства любви, нежели уваженія къ достоинствамъ, снискавшимъ ему заслуженную извѣстность, или къ свойствамъ души чистой и ясной.

8 Septembre. Hier j'ai été chez Kozlovsky. Deux personnes s'y trouvaient en visite. On débatait une question politique. Le traité du 15 Juillet était commenté, interprêté, expliqué par le prince K. avec beaucoup d'esprit, mais peu de profondeur. Il en parlait en homme de société, mais pas en diplomate. La guerre, selon lui, si elle éclatait, pourrait très bien être comparée à un duel entre deux individus au sujet d'un pantalon ou d'une place au bal. Cette manière de considérer une question de haute gravité avec tant de légéreté ne m'a pas peu surpris. Au moment où les Anglais et les Français renforcent leurs marines et où ces derniers voyent une offense patente dans l'isolement où les parties contractantes les ont laissées, il n'y a pas moyen de soutenir que rien ne donne lieu à la guerre, et de répondre avec assurance que la paix ne sera point troublée. Se fondant sur la théorie d'Adam Smith au sujet du commerce entre les voisins, l'opinion de K. est que l'alliance entre la France et l'Angleterre doit exister. Ma timidité naturelle m'a empêché de le combattre, comme je l'aurais voulu; mais il me paraît que l'histoire seule suffit pour renverser cet argument. De plus, je crois que les besoins mutuels des peuples et les objets de consommation qui leur sont indispensables servent de base aux alliances entre eux, plutôt que le plus ou moins de distance qui les sépare. Le maréchal P., d'après l'opinion de K., est un grand génie militaire. Son esprit est peu accessible à toute espèce de sujets, excepté la guerre et tout ce qui s'y rapporte. Une question de finance, d'industrie, une branche de connaissances humaines exigent les plus grands développements pour être comprises de lui; mais du moment qu'il s'agit d'analyser les campagnes des grands capitaines de l'antiquité et des temps modernes, il devient admirable par la lucidité, la clarté et la justesse de son jugement. De fortes études dans sa partie et une grande richesse de mémoire jettent beaucoup d'intérêt sur ses conversations relatives aux écrivains militaires.

Переводъ 8 Сентября. Вчера я былъ у Козловскаго. Тамъ было двое гостей; говорили о политикѣ. Князь К. очень умно, но не глубоко разбиралъ, обсуждалъ и объяснялъ трактатъ 15-го Іюля; онъ говорилъ о немъ, какъ свѣтскій человѣкъ, но не какъ дипломатъ. Войну, по его мнѣнію (если она вспыхнетъ), легко сравнить съ дуэлью между двумя противниками по поводу панталонъ или мѣста на балѣ. Эта манера разсматривать важный вопросъ съ такою легкостію немало меня удивила. Въ то время, когда Англичане и Французы усиливаютъ свои флоты и когда эти послѣдніе видятъ явную обиду въ томъ, что сговорившіяся державы оставили ихъ въ одиночествѣ, нѣтъ возможности утверждать, что ничто не поведетъ къ войнѣ и съ увѣренностію ручаться, что миръ не будетъ нарушенъ. Основываясь на теоріи Адама Смита о торговлѣ между сосѣдями, союзъ Франціи съ Англіею по мнѣнію К. долженъ существовать. Моя природная застѣнчивость помѣшала мнѣ его опровергнуть, какъ мнѣ того хотѣлось; но мнѣ кажется, что и исторіи достаточно, чтобы опровергнуть его доводы. Въ добавокъ я думаю, что взаимныя между народами нужды и необходимые предметы потребленія скорѣе служатъ основаніемъ для союзовъ, нежели раздѣляющія ихъ пространства. Фельдмаршалъ П.[1]), по мнѣнію К., есть великій военный геній. Умъ его мало воспріимчивъ ко всему кромѣ войны и того, что къ ней относится. Вопросы финансовой, промышленной или какой другой отрасли человѣческаго знанія, чтобы быть поняты имъ, требуютъ съ его стороны большихъ усилій; но какъ только вопросъ коснется разбора военныхъ дѣйствій великихъ полководцевъ древности или новѣйшихъ временъ, онъ становится поразителенъ по ясности и безошибочности своего сужденія. Обширныя познанія по этой части и богатѣйшая память значительно усугубляютъ интересъ его бесѣды о военныхъ писателяхъ.

Октября 24. Молодая княжна Б.[2]), въ отчаянномъ положеніи. Докторъ говоритъ, что она можетъ кончить жизнь этими днями, можетъ также протянуться три мѣсяца. Мать въ горести своей волнуется и съ ужасомъ и слезами говоритъ объ отсутствіи Русскаго священника. Конечно утѣшительно исполнить христіанскую обязанность передъ смертью, но больная врядъ-ли чувствуетъ опасность своего положенія; а мать, казалось бы, должна покориться необходимости, тѣмъ болѣе, что въ молодыхъ лѣтахъ дочь ея совсѣмъ не можетъ быть обременена тяжкими грѣхами. Что же касается до печальнаго обряда погребенія, если оный совершится по положенію католической церкви, то сего довольно для спокойствія родителей. Всѣ мы христіане и Греки, и Католики, и Протестанты. Съ умиленіемъ смотрю здѣсь на церкви, гдѣ по Воскресеньямъ въ 9 часовъ отправляется служба католическая, а въ часъ пополудни служба протестантская: вѣротерпимость, дѣлающая честь

[1]) Паскевичъ.

[2]) Княжна Надежда Петровна Вяземская († 1840 въ Баденъ-Баденѣ). П. Б.

нашему времени. Признаюсь, тяжело было бы умереть, думая, что никакая молитва не произнесется, никакой христіанскій обрядъ не совершится при преданіи тѣла землѣ, что имя Спасителя не благословить отошедшей тѣни, не осѣнитъ свѣжей могилы; но зная, что таже святая вѣра (т. е. христіанская безъ различія церквей или вѣроисповѣданій), дарованная намъ для нашего спасенія, озаритъ свѣтлымъ лучемъ предсмертныя минуты мои и мракъ моей гробницы, я бы поблагодарилъ Бога и покойно закрылъ глаза.

25 Octobre. La princesse Wiasemsky m'a paru plus calme. Sa position est bien pénible, elle est continuellement dans l'attente de la fin de sa fille. La grande-duchesse Hélène, ayant appris qu'elle est gênée pour ses affaires d'argent, lui a fait demander ce qu'elle pouvait faire pour la tirer de cet embarras momentané. Cette princesse s'intéresse aussi beaucoup au malheureux sort de la pauvre demoiselle Kozlovsky. C'est remplir dignement une haute position que d'employer les dons dont le Ciel vous a gratifié et les ressources qu'il a mis en votre pouvoir à venir en aide aux souffrants et aux affligés.

Переводъ. 25 Октября. Княгиня Вяземская показалась мнѣ спокойнѣе. Положеніе ея очень тяжело; она постоянно находится въ ожиданіи кончины своей дочери. Великая княгиня Елена, узнавши, что она стѣснена въ денежныхъ дѣлахъ своихъ, велѣла спросить: не можетъ ли она чего нибудь сдѣлать, чтобы выручить ее изъ этого временнаго затрудненія. Эта принцесса также очень занята несчастной судьбой бѣдной дѣвицы Козловской. Тотъ достойно занимаетъ высокое положеніе, кто дары, дарованные ему Небомъ вмѣстѣ со средствами имъ данными, употребляетъ на помощь страждущимъ и огорченнымъ.

1841.

Janvier 1. Paris. Je fus engagé à passer la soirée du Mardi chez la comtesse Rasoumovsky, qui réunit chez elle les Russes se trouvant ici. L'appartement n'est pas grand, mais il est joliment arrangé. La maîtresse de la maison reçoit tout le monde avec une grâce et une cordialité parfaites. C'est une de ces aimables vieilles que chaque jour deviennent plus rares. Il y a eu une cinquantaine de personnes dans ces deux pièces. En fait de dames imposantes, la princesse Lieven avec son port de reine, se distinguait par l'élégance de la mise; la comtesse Nesselrode, toujours bonne et égale par son affabilité, ce qui valait mieux. Notre ambassadeur comte Pahlen faisait la belle causette avec toutes ces grandes dames, qui étaient au nombre de six. Pour les jolies personnes il n'y avait que la comtesse Appony, née Benckendorf, madame Stolipine, née Troubetzkoy, la jeune marquise Tertsy et la dé-

licieuse comtesse Borch. Cette dernière a beaucoup embelli depuis Bade. Je crois qu'il est difficile de prospérer quand le sort ne vous favorise pas, et c'est pourquoi il m'est impossible de croire aux femmes qui se plaignent d'être malheureuses, quand je les vois gagner tous les jours en grâce et en beauté. Mademoiselle S*** ne m'a fait aucun effet; sa vue ne m'a donné non seulement un semblant d'émotion, mais je m'aperçus que mes regards ne se sont dirigés vers elle en tout que deux fois pendant environ une heure, que je passais chez la comtesse Rasoumovsky. Un peu avant minuit je rentrai.

Le lendemain j'allai chez quelques personnes avec mon frère, mais très heureusement nous ne les trouvâmes pas. Le dîner duquel nous a convié la veille la princesse Troubetzkoy a eté animé par la causerie aimable de Nicolas Floresco, le neveu de la princesse: une figure noble, un jugement sain et de bons sentiments.

Переводъ. 1-е Января. Парижъ. Я получилъ приглашеніе провести вечеръ Вторника у графини Разумовской [1]), которая собираетъ у себя находящихся здѣсь Русскихъ. Помѣщеніе невелико, но оно красиво убрано. Хозяйка дома принимаетъ всѣхъ съ отмѣнной лаской и сердечностью. Это одна изъ тѣхъ любезныхъ старушекъ, коихъ съ каждымъ днемъ встрѣчаешь все рѣже. Въ двухъ комнатахъ собралось до пятидесяти человѣкъ. Изъ почтенныхъ дамъ княгиня Ливенъ, съ ея величественной осанкой, выдавалась своимъ наряднымъ туалетомъ; графиня Нессельроде, всегда ласковая и ровная въ своемъ обращеніи, что́ гораздо лучше. Посланникъ нашъ графъ Паленъ занималъ пріятной бесѣдой этихъ важныхъ дамъ, которыхъ было до шести. Что касается красавицъ, были только графиня Аппони, урожденная Бенкендорфъ [2]), Столыпина, урожденная Трубецкая [3]), юная маркиза Терци, да очаровательная графиня Борхъ, которая очень похорошѣла по пріѣздѣ изъ Бадена. Полагаю, что трудно процвѣтать, когда судьба вамъ не благопріятствуетъ; вотъ почему я не могу вѣрить женщинамъ, жалующимся на свое несчастіе, когда я вижу, какъ онѣ съ каждымъ днемъ все хорошѣютъ. Дѣвица С** не произвела на меня никакого впечатлѣнія; при видѣ ея я не только не почувствовалъ ни малѣйшаго смущенія, но въ продолженіе почти цѣлаго часа, проведеннаго мною у графини Разумовской, я замѣтилъ, что не болѣе двухъ разъ взглянулъ на нее. Домой я вернулся передъ полуночью.

На другой день я отправился къ нѣкоторымъ лицамъ вмѣстѣ съ братомъ; но, къ счастію, мы ихъ не застали. Обѣдъ, на который мы наканунѣ

[1]) Вдова графа Льва Кирилловича, у которой, еще слишкомъ четверть вѣка послѣ этой записи, собиралось лучшее общество въ Петербургскомъ домѣ ея на Сергіевской улицѣ. П. Б.

[2]) Донынѣ здравствующая графиня Анна Александровна. П. Б.

[3]) Съ 22 Августа 1851 года княгиня Воронцова (Марья Васильевна). П. Б.

приглашены были княгиней Трубецкой, былъ очень оживленъ милой бесѣдой Николая Флореско, племянника княгини, человѣка съ благородной наружностью, здравымъ сужденіемъ и добрыми чувствами.

1 8 4 2.

2 Janvier. J'ai rencontré un instant J. Tolstoy; nous avons fait un petit bout de chemin ensemble, mais bientôt je l'ai quitté. Il paraît que le cercle restreint où il se trouve commence à le rendre moins intéressant. Quand il voit quelqu'un, il fait plutôt des questions et conte peu lui-même; car tout ce qu'il peut conter a trait au passé, et dans un temps où toute chose se sait, le passé en grande partie n'est ignoré de personne. A tout prendre, c'est un homme, dont la société offre de l'intérêt sous le rapport des connaissances qu'il peut avoir sur la France, ou moins pour les vingt dernières années. Il ne l'a presque pas quitté pendant ce laps de temps et, s'étant trouvé en rapport avec des personnes à même de savoir beaucoup, il en a tiré profit, secondé qu'il était par une mémoire heureuse.

2 Января. Встрѣтился на минуту съ Я. Толстымъ *); прошли немного вмѣстѣ, но скоро я его оставилъ. Какъ видно, ограниченный кружокъ, въ которомъ онъ вращается, дѣлаетъ его менѣе занимательнымъ. При встрѣчѣ съ кѣмъ-либо онъ скорѣе спрашиваетъ, чѣмъ разсказываетъ самъ; потому что все, что́ онъ можетъ разсказать, относится къ прошедшему; а въ наше время, когда все извѣстно, прошедшаго почти никто не знаетъ. Вслѣдствіе этого, онъ представляетъ интересъ только въ томъ отношеніи, что обладаетъ многими свѣдѣніями относительно Франціи, по крайней мѣрѣ, за послѣднія 20 лѣтъ. За все это время онъ почти не покидалъ ея и, находясь въ сношеніи съ людьми много свѣдущими, при счастливой памяти, извлекалъ изъ нихъ свѣдѣнія.

14 Juillet. L'empereur Paul promenait un jour en traîneau et causait avec la personne qui l'accompagnait. Tout à coup le souverain interrompe sa conversation, et se retournant vers l'aide-de-camp de service A. Benckendorf (aujourd'hui chef des gendarmes) il lui dit: A mon retour au palais, vous vous rendrez chez le comte Pahlen (gouverneur général de Pétersbourg) et vous lui transmettrez l'ordre que demain à pareille heure il y aie un boulevard planté, à commencer du Pont de Police jusqu' à celui d'Anitchkoff. L'aide-de-camp croyait avoir mal entendu l'Empereur, qui en attendant poursuivit sa conversation avec

---

*) Это Яковъ Николаевичъ Толстой, нѣкогда, въ царствованіе Александра Павловича, пріятель Пушкина и участникъ Петербургскихъ холостыхъ пировъ. Въ бумагахъ князя Паскевича должно находиться немало его писемъ изъ Парижа. П. Б.

son compagnon. Arrivé au château, Paul eut soin de répéter son ordre à Benckendorf, qui partit comme une flèche chez le comte Pahlen. Celui-ce ne témoigna aucune surprise à la réception d'une pareille injonction et fit dire au Souverain que tout sera. Le lendemain Paul dit à l'aide-de-camp de la veille que, malgré que ce n'était plus son tour de le suivre, qu'il le ferait encore, puisqu'il ne suffisait pas de transmettre des ordres, mais qu'il fallait encore s'assurer de leur exécution. Quel ne fut pas l'étonnement du jeune officier, quand il vit cette nouvelle avenue d'arbres qu'on avait passé toute la nuit à planter?

Переводъ. 14 Іюля. Однажды императоръ Павелъ Петровичъ, катаясь въ саняхъ и разговаривая съ сопровождавшимъ его лицомъ, вдругъ прервалъ свою рѣчь и, обращаясь къ дежурному адъютанту А. Бенкендорфу (нынѣ шефу жандармовъ) сказалъ ему: По возвращеніи моемъ во дворецъ, вы поѣдете къ графу Палену (генералъ-губернатору Петербурга) и передадите ему приказъ, чтобы завтра, къ этому часу, начиная отъ Полицейскаго моста до Аничкова дворца былъ насаженъ бульваръ. Адъютантъ думалъ, что онъ ослышался, а Императоръ продолжалъ прерванный имъ разговоръ со своимъ собесѣдникомъ. По пріѣздѣ во дворецъ, Павелъ Петровичъ нарочно подтвердилъ Бенкендорфу свой приказъ, и тотъ стрѣлою помчался къ графу Палену. Этотъ послѣдній не выразилъ никакого удивленія, при полученіи подобнаго приказа, и велѣлъ сказать Государю, что все будетъ исполнено. На другой день Павелъ, обращаясь ко вчерашнему адъютанту, говоритъ ему, что, не смотря на то, что сегодня и не его очередь быть въ свитѣ, но что онъ оставляетъ его еще, такъ какъ недостаточно передать приказъ, но надо еще и убѣдиться въ его исполненіи. Каково же было удивленіе молодаго офицера, когда онъ увидалъ эту новую аллею изъ деревьевъ, насаждавшихся въ продолженіе цѣлой ночи?

19 Juillet. Le prince Michel Galitzine épouse la princesse Dolgorouky*). C'est un beau parti. D'un côté la beauté, de l'autre la richesse, et de tous les deux de grands noms. Le mariage est surtout un bien pour une jeune personne, dont la mère est aussi gravement malade que celle de la princesse D. Rester orphéline au début de la vie, manquer de protection dans le monde et avoir recours à celle des autres pour faire des apparitions là ou se porte la foule brillante, est ce qu'on appelle du malheur pour une jeune fille. Le bon prince Serge doit être aux anges de ce mariage; il tenait à ce que sa race se perpétue. Ce besoin de l'homme de se survivre, pour ainsi dire, dans les siens lui est naturel, mais c'est surtout une nécessité qui se fait sentir dans les grandes familles.

*) Марья Ильинишна, нынѣ графиня Остенъ-Сакенъ, дочь князя Ильи Андреевича и Екатерины Александровны (ур. княжны Салтыковой) Долгоруковыхъ. П. Б.

Переводъ. 19 Іюля. Князь Михаилъ Голицынъ женится на княжнѣ Долгорукой. Это прекрасный союзъ. Съ одной стороны красота, съ другой богатство, и съ обѣихъ сторонъ знатныя имена. Бракъ этотъ особенно пріятенъ для невѣсты, мать которой такъ серіозно больна. Остаться сиротой при самомъ вступленіи въ свѣтъ, не имѣть покровительства въ обществѣ и прибѣгать за помощью къ другимъ для выѣздовъ въ свѣтъ, гдѣ блестящая толпа, вотъ что̀ считается несчастіемъ для молодой дѣвушки. Добрый князь Сергѣй [1]) долженъ быть въ восхищеніи отъ этого брака: онъ очень настаиваетъ на томъ, чтобы родъ ихъ не прекращался; эта потребность человѣка переживать самого себя въ своихъ близкихъ вполнѣ понятна въ немъ; особенно чувствуется она въ знатныхъ семьяхъ.

22—24 Octobre. Nous sommes arrivés à Pétersbourg le soir; un joli appartement dans la Petite Millione était tout prêt pour nous recevoir. Bien disposé, chaud, propre, il réunissait tous les avantages et ne laissait rien à désirer; pourtant je ne tardais pas à apprendre que dans cette maison il n'y avait ni remise, ni écuries; cela m'a été d'autant plus contrariant que je trouvais nos chambres commodes et confortables. Le lendemain de notre arrivée nous revîmes Gontzaroff [2]); il témoigna beaucoup de plaisir à cette occasion; pour ma part je fus tout aussi content que lui. La matinée s'écoula à faire des visites. C'est par hasard que nous vîmes Zouboff; il était arrivé la veille. Nous passâmes aussi chez les Wiasemsky; la princesse pleura en me revoyant. Ce jour nous dinâmes chez S-t George, restaurateur très couru ici et que j'ai trouvé plus cher que bon. Nous vîmes aussi la comtesse Nesselrode: cette dame nous acceillit avec bonté, témoigna de l'interêt à tous les deux, s'étendit sur l'effet que fait l'étranger sur les Russes et qu'elle trouve déplorable, et nous engagea à revenir. Dans son sens à elle, ces paroles ne manquaient pas d'un fond de vérité; mais un côté de la question d'une haute importance lui échappait complétement. Un matin mon frère reçut un billet d'A. Vénévitinoff, qui nous engageait à faire un dîner avec lui et Viasemsky; l'invitation fut acceptée. Au nombre des convives se trouvaient aussi les deux frères Karamzine, dont l'un André est très distingué, et le cadet Woldemar, avec beaucoup d'esprit aussi, m'a paru parfois paradoxal. Le soir nous allâmes chez les Gontzaroff, où il y avait beaucoup de monde; j'y trouvais Sophie Karamsine, bonne et ancienne connaissance et je parlais avec madame Pouchkine, veuve du poête, remarquable par sa beauté et la régularité suave de ses traits. Bientôt le bruit des conversations particulières et de la causerie générale m'assourdit au point que je vis avec plaisir arriver le moment

[1]) Дядя жениха, бездѣтный Московскій вельможа Сергій Михаиловичъ. П. Б.

[2]) Иванъ Николаевичъ Гончаровъ, братъ Н. Н. Пушкиной, женатый (въ первомъ бракѣ) на родственницѣ Мухановыхъ, княжнѣ Мещерской. П. Б.

du départ. J'ai beau faire qu'il m'est bien pénible de m'arranger du monde; ces causeries prolongées, roulant toujours sur des riens futiles et jointes à l'état de gêne où me met cette quantité de femmes inconnues, me fatiguent excessivement et me détendent tout-à-fait les nerfs.

Переводъ. 22—24 Октября. Въ Петербургъ мы прибыли вечеромъ. Небольшая квартира на Малой Миліонной была совсѣмъ готова, чтобы принять насъ. Хорошо расположенная, теплая и чистая, она соединяла всѣ удобства и не оставляла желать ничего лучшаго, хотя я вскорѣ узналъ, что въ этомъ домѣ нѣтъ ни каретнаго сарая, ни конюшни; это было мнѣ тѣмъ непріятнѣе, что комнаты наши я находилъ очень удобными и покойными. На другой день нашего пріѣзда мы свидѣлись съ Гончаровымъ; онъ выразилъ по этому случаю большое удовольствіе; я съ своей стороны былъ тоже очень доволенъ. Утро прошло въ визитахъ; случайно мы встрѣтили Зубова, пріѣхавшаго наканунѣ. Были также у Вяземскихъ; княгиня заплакала, увидя меня. Въ этотъ день мы обѣдали у Сенъ-Жоржа, очень посѣщаемаго здѣсь ресторатора; но я нашелъ его не столько хорошимъ, сколько дорогимъ. Мы видѣли также графиню Нессельроде; дама эта приняла насъ съ добротою, обоимъ выразила свое вниманіе, распространялась о томъ вліяніи, какое оказываютъ чужіе края на Русскихъ и которое она находитъ плачевнымъ, и затѣмъ пригласила насъ бывать у нея. Въ томъ смыслѣ, какъ она понимаетъ, слова ея имѣли правдивое основаніе; но одна очень важная сторона вопроса отъ нея совершенно ускользала. Однажды утромъ братъ мой получилъ записку отъ А. Веневетинова, который приглашалъ насъ пообѣдать съ нимъ и Вяземскимъ. Приглашеніе было принято. Въ числѣ сотрапезниковъ были также два брата Карамзины, изъ которыхъ Андрей очень представителенъ, а младшій, Владиміръ, тоже съ большимъ умомъ, показался мнѣ иногда парадоксальнымъ. Вечеромъ мы отправились къ Гончаровымъ, гдѣ было много народа. Тамъ я нашелъ Софью Карамзину, добрую, старую знакомую, разговаривалъ съ г. Пушкиной, вдовой поэта, замѣчательной по ея красотѣ, правильности и мягкости чертъ лица. Но скоро шумъ отдѣльныхъ разговоровъ и общей болтовни оглушилъ меня въ конецъ, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что подошло время нашего отъѣзда. Какъ я ни стараюсь, но меня страшно тяготитъ свѣтская жизнь: эта продолжительная болтовня о ничтожныхъ, ничего незначущихъ предметахъ, вмѣстѣ со смущеніемъ, которое я чувствую въ обществѣ многихъ незнакомыхъ мнѣ женщинъ, все это меня страшно утомляетъ и въ конецъ разслабляетъ мои нервы.

5 Ноября. Веневетиновъ, коротко знающій Михаила Николаевича Муравьева, утверждаетъ, что онъ принадлежитъ рѣшительно къ малому числу людей очень примѣчательныхъ. Умъ проницательный и свѣтлый, способность обнимать предметъ быстро во всей полнотѣ его, обширная начитанность и множество фактовъ, вѣрно хранимыхъ счастливою памятью, составляютъ въ высокой степени отличительныя черты

сей организаціи, щедро одаренной природою. Муравьевъ неутомимо трудолюбивъ; онъ особенно занимается изученіемъ финансовъ и знаетъ обстоятельно теорію и исторію сей науки. Говорятъ даже, что по сей причинѣ графъ Канкринъ, опасавшійся его, желалъ его удаленія изъ своего министерства. Въ бесѣдѣ Муравьевъ обворожителенъ; стòитъ только поговорить съ нимъ часъ или два, чтобы оцѣнить и полюбить его. Люди, занимающіе мѣста нѣсколько важныя, обращаются къ нему за совѣтомъ. Въ жизни домашней онъ является добрымъ семьяниномъ, нѣжно любящимъ жену и дѣтей, но мало заботящимся о соблюденіи собственныхъ выгодъ.

5 Декабря. Смѣна графа Эссена*) породила толки. Причиною ея, говорятъ, 17000 дѣлъ нерѣшенныхъ и 4000 пропавшихъ въ Управѣ Благочинія. Примѣръ былъ необходимъ, и опала справедлива. Напрасно, по мнѣнію нѣкоторыхъ, поступили поспѣшно и не совсѣмъ поберегли заслуженнаго старика. Если виноватъ, то зачѣмъ беречь его? Не надобно было такъ долго терпѣть сего чиновника, а если терпѣли и награждали, врядъ ли можно такъ грозно карать, присовокупляютъ другіе. Терпѣли, не зная вины; удаляютъ, когда все выведено на свѣжую воду. Нѣтъ сомнѣнія, что это увольненіе полезно: многіе остерегутся.

1843.

1 Janvier. L'opinion publique est vivement préoccupée ici par la nomination du Grand-Duc Héritier comme chef de l'infanterie de la garde. On craint des collisions pour lui avec son oncle le Grand-Duc Michel. On croit ces craintes d'autant plus fondées que le général Arbouzoff, dont l'Héritier prend la place, vient d'être attaché à S. A. I. et nommé en même temps aide-de-camp général. Or, le caractère d'Arbouzoff n'offre pas ces garanties de conciliation et de loyauté si désirables pour remplir dignement la mission élevée dont il a été chargé. On attribue la nomination de cet officier général aux services éminents qu'il a eu l'occasion de rendre lors du quatorze décembre 1825, de funeste mémoire; c'est donc un acte de la reconnaissance impériale.

Переводъ. 1 Января. Общественное мнѣніе очень занято здѣсь назначеніемъ Великаго Князя Наслѣдника шефомъ гвардейской пѣхоты. Опасаются столкновеній, могущихъ возникнуть у него съ дядей, великимъ княземъ Михаиломъ; эти опасенія тѣмъ болѣе вѣроятны, что генералъ Арбузовъ, мѣсто котораго занимаетъ Наслѣдникъ, назначенъ состоять при его императорскомъ

*) Петербургскаго генералъ-губернатора. П. Б.

высочествѣ и въ тоже время сдѣланъ генералъ-адъютантомъ, а характеръ Арбузова не представляетъ достаточнаго ручательства къ соглашенію и добросовѣстному исполненію возлагаемыхъ на него столь высокихъ обязанностей. Назначеніе этого генерала приписываютъ тому, что онъ оказалъ важныя услуги въ дѣлѣ 14-го Декабря, злополучной памяти; и такъ это знакъ царской благодарности.

2 Janvier. Le Grand-Duc Michel, à son dernier départ pour l'étranger, eut l'idée d'aller incognito de Bade à Strasbourg; il ne croyait pas même impossible de pousser plus loin et de faire une tournée en France. M. André, chargé d'affaires de L. Philippe à Pétersbourg, en eut vent et en écrivit à m. Guizot. Ce ministre s'empressa de rédiger un office, qu'il adressait au préfet de Strasbourg, où il donnait l'ordre à ce fonctionnaire de recevoir le Grand-Duc, tout en respectant son incognito, avec les plus grands égards; avant d'expédier le papier, Guizot crut devoir le porter à la connaissance du roi. Louis-Philippe dit à son ministre qu'il garderait l'office et le lui ferait tenir plus tard. Quelques heures s'étaient écoulées quand le ministre reçut le papier avec l'annotation suivante: «Si le Grand-Duc Michel de Russie arrivait à la frontière en conservant ses titres et qualités, le préfet serait tenu de remplir à l'égard de l'auguste voyageur tout ce que l'étiquette lui imposait et tout ce que la courtoisie et la politesse les plus raffinées peuvent lui inspirer. Si, au contraire, S. A. I. voulait garder son incognito, les autorités auraient à lui déclarer qu'il ne pouvait entrer en France». La princesse Lieven, instruite du fait, en fit part à un des nombreux Russes qui se trouvaient alors à Paris. Ce dernier crut de son devoir de porter à la connaissance du Grand-Duc les ordres donnés par Louis-Philippe au sujet de S. A. I.

Переводъ. 2 Января. Великій князь Михаилъ имѣлъ намѣреніе, въ послѣднюю свою поѣздку за границу, отправиться инкогнито изъ Бадена въ Страсбургъ; онъ находилъ даже возможнымъ проѣхать далѣе и поѣздить по Франціи. Г. Андре, повѣренный въ дѣлахъ Людовика-Филиппа въ Петербургѣ, прослышалъ объ этомъ и написалъ къ Гизо. Этотъ министръ поспѣшилъ послать письменный приказъ префекту Страсбурга, гдѣ приказывалось ему принять Великаго Князя со всѣми подобающими ему почестями, не раскрывая его инкогнито. Но прежде чѣмъ послать эту бумагу, Гизо счелъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія короля. Людовикъ-Филиппъ отвѣчалъ, что онъ оставитъ у себя этотъ приказъ и затѣмъ пришлетъ ему обратно. Черезъ нѣсколько часовъ министръ получилъ бумагу съ такой помѣтой: „Если Русскій великій князь Михаилъ пріѣдетъ на границу, сохраняя свой титулъ и значеніе, префектъ обязанъ будетъ исполнить по отношенію къ августѣйшему путешественнику все, что̀ предписывается этикетомъ и все, что̀ внушатъ ему чувства долга и вѣжливости самой изысканной. Если-

же, напротивъ, его имп. высочество захочетъ сохранить свое инкогнито, то пограничныя власти должны объявить ему, что онъ не можетъ въѣхать во Францію". Княгиня Ливенъ, узнавъ объ этомъ, сообщила одному лицу изъ многочисленныхъ Русскихъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ; а этотъ послѣдній счелъ своей обязанностью довести до свѣдѣнія Великаго Князя о распоряженіи Людовика-Филиппа на его счетъ.

3 Janvier. Ce soir toute la famille impériale, exepté le Grand-Duc Michel, se trouvait aux Italiens. Le prince de Hesse, promis de la fille de l'Empereur, est d'un extérieur très agréable, d'une taille moyenne, il est beau fait, et son sourire est bienveillant. Je l'ai trouvé un peu trop vif dans ses mouvements, mais cela tient à son âge, et il est certain que l'exemple de nos princes donnera à sa tenue ce calme si plein de dignité qui les distingue. L'Impératrice avait un bien joli chapeau avec une plume; elle se retournait souvent pour parler à l'une des filles de la grande duchesse Hélène et le fesait avec cette grâce et cette aménité qu'on lui connaît. L'Empereur arriva tard; il écoutait avec plaisir et attention la belle musique de Donizetti. La Lucia d'un bout à l'autre me paraît parfaite, mais la fin du second acte, où les chevaliers menacent de frapper Edgard, qui pour sa part demande la mort afin de punir sa maîtresse, est pleine de beautés sublimes. Le duo entre Edgard et Lucia est le cri de deux âmes désésperées s'exhalant, par des flots d'harmonie et par tout ce que la passion a de plus délirant et l'amour de plus plaintif.

Переводъ. 3 Января. Сегодня вечеромъ, вся царская фамилія, кромѣ вел. кн. Михаила, была въ Итальянской оперѣ. Принцъ Гессенскій, женихъ дочери Государя, очень пріятной наружности, средняго роста, хорошо сложенъ и съ ласковой улыбкой. По моему, онъ нѣсколько быстръ въ своихъ движеніяхъ; но это зависитъ отъ лѣтъ, и нѣтъ сомнѣнія, что примѣръ нашихъ великихъ князей дастъ его манерамъ то полное величія спокойствіе, которое ихъ такъ отличаетъ. На Императрицѣ была прекрасная шляпа съ перомъ; она часто оборачивалась, чтобы поговорить съ одной изъ дочерей великой княгини Елены, и дѣлала это съ той граціей и нѣжностью, которыя такъ всѣмъ извѣстны. Государь пріѣхалъ поздно; онъ съ удовольствіемъ и внимательно слушалъ прекрасную музыку Доницетти. *Лючія* отъ начала до конца кажется мнѣ совершенствомъ; но конецъ 2-го дѣйствія, гдѣ рыцари угрожаютъ Эдгару, который, въ свою очередь, проситъ, чтобы его убили, желая этимъ наказать свою возлюбленную, это мѣсто полно дивныхъ красотъ. Дуэтъ между Эдгаромъ и Лючіей—это вопль двухъ отчаявшихся душъ, это цѣлое море гармоническихъ звуковъ; тутъ и безуміе страсти, и стоны любви.

10 Janvier. Quand une alliance de famille est sur le point d'être conclue, il est d'usage que la cour du pays d'où est le promis envoye

un délégué pour signer le contract du mariage. Le prince régnant de Hesse, tout en déclarant qu'il n'avait rien à dire contre l'union du jeune prince Frédéric avec la Grande-Duchesse de Russie, s'opposa à l'envoi d'un employé diplomatique ou autre pour la signature du contract. Cette déviation aux formalités reçues et observées en pareil cas blessa l'Empereur. Le comte B. osa lui remarquer à cette occasion que le prince de Hesse gardait rancune pour un fait qui s'est passé lors d'un des voyages de Sa Majesté Impériale à l'étranger, et que le chef de la gandarmerie s'empressa de rappeler à l'Empereur. A l'arrivée de Sa Majesté à Foulda une garde d'honneur, ayant à sa tête le prince lui-même, stationnait devant la maison préparée pour l'auguste voyageur. Le Souverain, contrarié de cette manifestation à laquelle il ne s'attendait point, n'accepta pas la garde d'honneur et ne reçut pas son chef. C'est avec regret que l'Empereur se ressouvint de cet événement.

Переводъ. 10 Января. Передъ тѣмъ, какъ заключить брачный договоръ, обычай требуетъ, чтобы отъ двора жениха посланъ былъ делегатъ для подписи этого договора. Владѣтельный принцъ Гессенскій, объявивъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ брака молодого принца Фридриха съ Русской великой княжной, не захотѣлъ однако посылать кого бы то ни было для подписи брачнаго контракта. Это отступленіе отъ всѣми принятыхъ и соблюдаемыхъ правилъ въ данномъ случаѣ оскорбило Государя. Графъ Б. осмѣлился тогда замѣтить, что вѣроятно принцъ Гессенскій не забылъ обиды, нанесенной ему во время путешествія его величества въ чужіе края; и шефъ жандармовъ поспѣшилъ напомнить Государю этотъ случай: по пріѣздѣ его величества въ Фульду, почетный карaулъ, во главѣ котораго стоялъ самъ принцъ, былъ помѣщенъ противъ дома, приготовленнаго для августѣйшаго путешественника. Государь, недовольный такой оглаской, которой онъ вовсе и не ожидалъ, отказался отъ почетнаго караула и не принялъ его шефа. Государь съ сожалѣніемъ вспомнилъ объ этомъ случаѣ.

1844.

25 Janvier. On prétend qu'il s'agit d'emprunt pour la Russie; c'est ce que déclare Rothschild. La réduction de l'armée a été démandée depuis longtemps par Vassiltchikoff et Tchernicheff, enfin Kankrine vient d'obtenir un diminution considérable.—On dit que Pérovsky, le nouveau ministre de l'intérieur, déploye beaucoup d'activité. Ce fonctionaire, quand il était à la tête des apanages, avait introduit dans ce département la discipline militaire; à son apparition les employés devaient se lever. Chaque ministre considère sous un point de vue à lui la partie qu'il est appelé à gérer. Ainsi Zakrefsky fesait une grande attention aux encriers et aux armoires de ses chancelleries.

Переводъ. 25 Января. Предполагаютъ, что дѣло идетъ о Русскомъ займѣ; такъ объявляетъ Ротшильдъ. Сокращеніе арміи давно испрашивалось Васильчиковымъ и Чернышовымъ; наконецъ, Канкрину удалось достигнуть значительнаго уменьшенія.—Говорятъ, что Перовскій, новый министръ внутреннихъ дѣлъ, оказывается очень дѣятельнымъ. Этотъ дѣлецъ, когда онъ стоялъ во главѣ департамента удѣловъ, ввелъ тамъ военную дисциплину: при его появленіи служащіе должны были вставать. Каждый министръ смотритъ съ своей точки зрѣнія на ввѣренную его управленію часть. Такъ Закревскій обращалъ большое вниманіе на чернильницы и шкапы своихъ канцелярій.

30 Novembre. Le grand-duc Michel revint d'Angleterre. Il a été frappé de l'opulence et de la pompe de la cour. Au moment où il entrait dans l'avenue de Windsor, on voyait quelqu' un sur le perron; le prince croyait que c'était un chambellan qui venait à sa rencontre, tandis que la personne qui l'accompagnait prétendait que c'était le prince Albert. Effectivement, le mari de la Reine vient se jeter dans les bras du Grand-Duc. Victoria elle-même accourut sur le palier qui précédait le perron. Les manifestations de satisfaction et de joie furent vives de part et d'autre. La magnificence déployée par la cour a surpris l'auguste voyageur au point qu' après la cour d'Angleterre il trouvait la nôtre un peu bourgeoise. L'étiquette était grave, et on l'observait avec grand scrupule. A huit heures du matin on se rendait chez la Reine pour déjeuner; ensuite on se retirait pour faire ses affaires; à deux heures nouveau déjeuner plus copieux et plus abondant que le premier; les équipages éttaient prêts, on allait promener dans le parc et aux environs, à huit heures le dernier repas. Pendant les six jours que les voyageurs sont restés à Vindsor, on servait chaque fois un nouveau service en or massif d'une richesse éblouissante. Comme le frère de l'Empereur avait avec lui un lieutenant-général m. Lanskoy et un général major le prince Élie Dolgorouky, le maître des cérémonies prévient le Grand-Duc que, d'aprés l'étiquette observée à la cour d'Angleterre, le dernier, comme prince, devait prendre le pas sur l'autre, ce qui fut dès lors positivement et définitivement arrêté une fois pour toutes. A dîner on portait le premier toast à la Reine et le second à l'Empereur. Puis la Reine, ainsi que les dames de la suite, se retiraient, et alors le prince Albert proposait un toast en l'honneur du Grand-Duc, et celui-ci rendait la politesse. Le costume obligé pour le soir était bas de soie, souliers, culotte, cravatte et gilets blancs, et le cordon par-dessus le gilet. La Reine a beaucoup goûté le Grand-Duc; elle l'a trouvé naturel, aimable et commode, selon son expression. Les grands fonctionnaires n'approchent leur souveraine qu' avec les plus grands signes de déférence et de respect, ainsi par exemple à un mou-

vement léger de la tête lord Liverpool et autres dignitaires de la plus haute aristocratie, gens riches à millions, accourent auprès de Victoria les mains jointes et s'inclinant pour prendre ses ordres. Au moment du dîner l'orchestre jouait le God Save the Queen, ensuite arrivait un highlander (montagnard écossais) avec un vêtement d'étoffe bariolée, appelé plaid, sa cornemuse sous le bras et soufflant par le porte-vent de toute la force de ses poumons. Ce musicien à jambes nues fesait la tour de la table et puis disparaissait; à l'air étonné qu' eut le Grand-Duc, la Reine lui dit qu' en sa qualité de souveraine d'Écosse, il était d'usage que ce pays ait aussi son représentant dans son orchestre. Dans les conversations qu'elle eut avec l'auguste voyageur, Victoria se pressait beaucoup de lui faire part de son opinion sur le roi des Français. Le Grand-Duc ne se prononçait pas, la Reine revenant toujours sur ce sujet, il finit par lui dire qu'il considérait Louis-Philippe comme un des plus grands souverains, mais qu'on devait regretter qu'il ait usurpé la couronne. La Reine s'empressa de rendre cette conversation à la reine Amélie dans une lettre, et le Prince était encore à Windsor quand arriva la réponse de Paris. On ecrivait que le roi, en apprenant le propos qu'avait tenu le Prince, observa que c'était juste; car, étant le premier sujet de l'Empereur, le Grand-Duc ne pouvait s'exprimer autrement. La pipe et les cigares sont banies des châteaux royaux en Angleterre; mais comme la Reine vint à apprendre que le Grand-Duc avait l'habitude de fumer, elle le pria d'avoir des cigares *dans son appartement*. Elle sut aussi que le Prince avait un chien qu' il aimait beaucoup et qui était très attaché à son maître; elle le fit chercher, et Dragon ne tarda pas à faire éclater sa joie: il sauta d'abord sur le Grand-Duc, alla ensuite caresser la Reine et finit par se coucher aux pieds du prince de Galles qu'il lécha. Depuis l'intelligent animal fut des soirées de Windsor (Le prince Élie Dolgorouky).

Переводъ. *30 Ноября.* Великій князь Михаилъ возвратился изъ Англіи. Онъ былъ пораженъ роскошью и великолѣпіемъ двора. Въ ту минуту, когда онъ входилъ въ аллею Виндзора, кто-то стоялъ на крыльцѣ. Великій Князь думалъ, что то былъ придворный, вышедшій къ нему навстрѣчу; а лицо, сопровождавшее его предполагало, что это никто иной какъ принцъ Альбертъ, и дѣйствительно супругъ королевы бросился обнимать Великаго Князя. Сама королева Викторія сбѣжала на площадку передъ крыльцомъ. Знаки удовольствія и радости были самые живые съ обѣихъ сторонъ. Великолѣпіе двора поразило августѣйшаго путешественника до такой степени, что послѣ Англійскаго двора нашъ дворъ онъ нашелъ нѣсколько мѣщанскимъ. Правила этикета были очень строги и важны и соблюдались съ величайшей точностью. Въ 8 ч. утра всѣ шли къ королевѣ завтракать; по-

томъ расходились каждый по своимъ дѣламъ; въ 2 ч. новый завтракъ, обильнѣе перваго; экипажи были готовы; ѣхали кататься въ паркъ и по окрестностямъ; въ 8 ч. послѣдній столъ. Въ продолженіе шести дней, чтó путешественники оставались въ Виндзорѣ, каждый разъ подавался новый сервизъ изъ массивнаго золота ослѣпительной роскоши. Такъ какъ съ братомъ Государя были генералъ-лейтенантъ Ланской и генералъ-маіоръ князь Илья Долгоруковъ, то церемоніймейстеръ предупредилъ Великаго Князя, что, по этикету, соблюдаемому при Англійскомъ дворѣ, Долгоруковъ, будучи княземъ, долженъ стоять выше Ланскаго, чтó съ тѣхъ поръ и было рѣшительно и окончательно установлено разъ навсегда. За обѣдомъ первый тостъ былъ за Королеву, а второй за Императора. Потомъ Королева, какъ и дамы ея свиты, удалялись, а принцъ Альбертъ предлагалъ тостъ въ честь Великаго Князя, а этотъ отвѣчалъ тѣмъ же. Вечерній туалетъ обязательно былъ таковъ: шелковые чулки, башмаки, панталоны, жилетъ и галстухъ бѣлые съ орденской лентой поверхъ жилета. Королевѣ очень понравился Великій Князь. Она находила его простымъ, любезнымъ и покладливымъ (commode) по ея выраженію. Царедворцы не иначе подходятъ къ своей Королевѣ, какъ со знаками величайшей почтительности и уваженія; такъ напримѣръ при малѣйшемъ движеніи головы ея, лордъ Ливерпуль и другія лица изъ высшей аристократіи, люди обладающіе милліонными богатствами, устремляются къ королевѣ Викторіи съ поклонами и сложенными на груди руками выслушать ея приказанія. Во время обѣда оркестръ игралъ гимнъ „God save the Queen", потомъ появлялся highlander, Шотландскій горецъ въ одеждѣ изъ пестрой матеріи, называемой plaid, со своимъ духовымъ сельскимъ музыкальнымъ инструментомъ (cornemuse) подъ мышкой и начиналъ играть, напрягая всѣ силы своихъ легкихъ. Этотъ музыкантъ съ голыми икрами обходилъ вокругъ стола и затѣмъ исчезалъ; замѣтя удивленіе на лицѣ Великаго Князя, Королева сказала ему, что ей, какъ Шотландской королевѣ, вмѣняется въ обычай имѣть въ своемъ оркестрѣ представителя и этой страны. Въ разговорахъ съ августѣйшимъ путешественникомъ, Викторія очень настаивала, чтобъ онъ сообщилъ ей свое мнѣніе о Французскомъ королѣ. Великій Князь не высказывался, но Королева то и дѣло возвращалась къ этому предмету. Тогда Великій Князь сказалъ ей, что онъ смотритъ на Людовика-Филиппа, какъ на одного изъ величайшихъ государей; но что слѣдуетъ сожалѣть о томъ, что онъ насильственно завладѣлъ короной. Королева поспѣшила въ письмѣ передать этотъ разговоръ королевѣ Амаліи, и Великій Князь былъ еще въ Виндзорѣ, когда получился отвѣтъ изъ Парижа. Писали, что король, узнавъ мнѣніе Великаго Князя, замѣтилъ, что оно было справедливо; потому что, будучи первымъ изъ подданныхъ Императора, Великій Князь и не могъ выразиться иначе. Трубка и сигары изгнаны изъ королевскихъ замковъ въ Англіи; но такъ какъ Королева узнала, что у Великаго Князя была привычка курить, то она просила его имѣть сигары въ *своихъ комнатахъ*. Она узнала также, что у него была собака, очень имъ любимая, которая была къ нему сильно привязана; она послала за ней, и *Драгунъ* не заставилъ ждать стремительнаго выраженія своей радости: прежде всего онъ бросился на Великаго Князя, по-

тожъ подошелъ съ ласкою къ Королевѣ и кончилъ тѣмъ, что разлегся у ногъ принца Вельскаго, лизнувъ его предварительно. Съ тѣхъ поръ умное животное присутствовало на всѣхъ Виндзорскихъ вечерахъ (Князь Илья Долгорукій).

7 *Décembre.* Monsieur de Séverine, notre ministre en Bavière, est en congé à Pétersbourg. Lors de sa présentation à l'Empereur, Sa Majesté aborda avec mécontentement l'affaire de la Grèce, et s'exprima en termes défavorables sur le compte de monsieur Katakasi, notre envoyé près de cette cour et qui fut, comme on le sait, destitué à la suite de la révolution qui éclata dans ce pays. L'Empereur témoigna à monsieur de Séverine le désir de connaître son opinion au sujet du ministre démissionnaire; le diplomate se permit de dire à Sa Majesté que, tout en désapprouvant la conduite de m. Katakasi et son attitude dans les événements d'Athènes, il ne pouvait s'empêcher de le considérer comme l'être le plus infortuné de l'Empire à cause de la haute désapprobation qu'il avait eu le malheur d'encourir. «Ces sentiments pour la personne de m. Katakasi sont d'autant plus fondés, continuait m. de Séverine, que ce diplomate pendant six ans ne s'était pas lassé d'avertir son cabinet qu' une révolution en Grèce était imminente: de plus, m. Katakasi a sauvé le roi Othon, et quand, poursuivait le ministre, Votre Majesté, animé des sentiments d'humanité qui la caractérisent, reconnaît le dévouement d'un matelot, qui à Cronstadt tire de l'eau un homme qui se noye, elle appréciera certainement la conduite de celui qui a eu le bonheur de sauver un roi». Jusque là aucune voix ne s'était élevée en faveur du fonctionnaire destitué; à m. de Séverine appartient l'honneur d'avoir pris cette noble initiative pour la défense d'un malheureux collégue écrasé de tout le poids de la colère manifeste et éclatante de son maître. L'Empereur revint de sa prévention et dit que m. Katakasi, étant père de famille, il ne l'abandonnerait point. M. Séverine observe que la nomination de m. Katakasi au poste d' Athènes est un acte difficile à justifier: il pouvait remplir les fonctions de drogman près d'un ministre, mais ne jamais être ministre lui-même. «Quand on est à un poste où il y a péril, encore faut-il savoir mourir», a dit l'Empereur à Séverine. Aussi, répondit le ministre, Votre Majesté a eu à son service des employés et agents diplomatiques qui ont su succomber avec honneur. L'envoyé fesait allusion à l'infortuné Griboédoff.

Переводъ. 7 Декабря. Северинъ, нашъ министръ въ Баваріи, находится теперь въ отпуску, въ Петербургѣ. Во время представленія его Императору, Его Величество выразилъ свое неудовольствіе по поводу событій въ Греціи

и въ очень нелестныхъ выраженіяхъ отозвался о г. Катакази, нашемъ повѣренномъ при этомъ дворѣ, который, какъ извѣстно, и былъ отставленъ вслѣдствіе вспыхнувшей тамъ революціи. Государь пожелалъ узнать мнѣніе Северина объ отставленномъ министрѣ. Дипломатъ позволилъ себѣ высказать Его Величеству, что хотя онъ и не оправдываетъ поведенія г. Катакази и его отношеній къ событіямъ въ Аѳинахъ, но тѣмъ не менѣе онъ долженъ признать, что человѣкъ этотъ достоинъ полнаго сожалѣнія, какъ самое несчастное въ Имперіи лицо, на которое обрушилось высочайшее неодобреніе. „Чувство это имѣетъ тѣмъ болѣе основанія, продолжалъ Северинъ, что Катакази, въ теченіе шести лѣтъ, не переставалъ предупреждать свое правительство о готовящейся въ Греціи революціи; кромѣ того онъ спасъ короля Оттона; а если Ваше Величество, подъ вліяніемъ свойственнаго вамъ чувства человѣколюбія, признали заслуживающимъ похвалы подвигъ матроса, спасшаго въ Кронштадтѣ жизнь утопавшаго человѣка, то нѣтъ сомнѣнія, что вы также оцѣните и поведеніе того, кому посчастливилось спасти короля“. До сихъ поръ ни одинъ голосъ не возвышался въ защиту отрѣшеннаго министра, и Северину первому принадлежитъ честь почина въ этомъ благородномъ порывѣ заступленія за своего несчастнаго сотоварища, подавленнаго всею тяжестью обрушившагося на него монаршаго гнѣва. Тогда Государь, отставъ отъ своего предубѣжденія, сказалъ, что такъ какъ Катакази отецъ семейства, то онъ его не покинетъ. Северинъ замѣчаетъ, что назначеніе Катакази на постъ въ Аѳины трудно оправдать: онъ могъ быть сдѣланъ драгоманомъ при какомъ либо другомъ министрѣ, но быть самому министромъ онъ никогда не могъ. „Когда находишься на опасномъ посту, надо умѣть и умирать“, сказалъ Государь Северину. „Потому-то и были на службѣ В. В. такіе повѣренные и дипломатическіе агенты, которые умѣли умирать съ честью“, отвѣчалъ Северинъ, намекая этимъ на несчастнаго Грибоѣдова.

20 Décembre. Paris. Nous avons été faire quelques visites dans la matinée. Madame Svétchine seule nous reçut. Cette dame, que je vis pour la seconde fois, est d'une cinquantaine d'années; elle a le regard vif, la repartie prompte et saillante et un air réfléchi. Tout ce qu'elle dit pourrait au besoin être imprimé: tant l'expression est toujours convenante et le mot propre. La réputation de supériorité dont cette dame jouit m'a intimidé au point que je me bornais à écouter ce qu'on disait, sans prendre aucune part à la conversation. On a parlé de cette qualité que possédent les Anglais de ne pas se dénationaliser; en effet, ils ont beau rester hors de leur pays qu'ils conservent toujours leur type sans la moindre altération. Ainsi l'habitant de la Nouvelle Hollande ou du Canada ne diffère en rien de l'insulaire de la mère-patrie; il en est de même des Anglais, qu'on voit sur le continent.—J'allais le soir chez les Kozlovsky; il y a eu quelques personnes, et entre autres

monsieur de Balzak. Il est petit, un peu gros et a beaucoup de feu dans les yeux. Le fameux romancier est légitimiste. La plus grande plaie de la France, selon lui, est le morcelement de la propriété; il est allé au point de dire que bientôt il sera difficile de trouver du lait à Paris, car la propriété finira par see subdiviser en parties beaucoup trop petites. C'est évidement de l'exagération; mais l'écrivain a parlé avec beaucoup de raison du mal que la révolution de 1830 a fait à la France. Il s'occupe à faire un livre sur ce sujet et croit qu'il n'y a de salut pour la France que dans un changement complet; il voudrait un prince légitime sur le trône avec un pouvoir fort, vigoureux, qui réside en lui-même et non dans les chambres, dont il faudrait faire le quatrième pouvoir, c'est à dire les annuler, ou au moins diminuer considérablement leur influence. Balzak se propose toujours d'aller en Russie; ses travaux littéraires l'ont empêché jusqu' à present de réaliser ce projet. Il croyait que les majorats existaient chez nous.

Переводъ. 20 Декабря. Парижъ. Утромъ мы сдѣлали нѣкоторые визиты. Одна г-жа Свѣчина приняла насъ. Я вижу ее во второй разъ; ей около 50 лѣтъ; взглядъ у нея живой, рѣчь быстрая и стремительная и наружность положительная. Все, что она говоритъ, могло бы быть напечатано: на столько выраженія ея обдуманы и точны. Слыша отзывы объ ней, какъ о важной дамѣ, я былъ до того смущенъ, что только слушалъ о чемъ говорили, не принимая самъ участія въ бесѣдѣ. Говорили о свойствѣ Англичанъ быть всегда самими собой; дѣйствительно, гдѣ бы они ни жили, они всегда и вездѣ остаются неизмѣнны, такъ что житель Новой Голландіи или Канады ничѣмъ не отличается отъ островитянина, обитателя Великобританіи; тоже можно сказать и объ Англичанахъ, живущихъ на материкѣ.—Вечеромъ я пошелъ къ Козловскимъ; тамъ былъ уже кое-кто и между прочими Бальзакъ. Это человѣкъ небольшого роста, немного тучный, съ огненнымъ взглядомъ, знаменитый романистъ и легитимистъ. Величайшая язва Франціи, по его мнѣнію, это—раздробленность владѣній; онъ договорился до того, что, кажется, скоро и молока трудно будетъ достать въ Парижѣ, потому что собственность кончитъ тѣмъ, что раздробится на слишкомъ болѣе мелкія части. Это, очевидно, преувеличеніе; но писатель говоритъ съ большимъ основаніемъ о томъ злѣ, которое причинила Франціи революція 1830 года. Онъ занятъ теперь изданіемъ книги объ этомъ предметѣ и думаетъ, что для Франціи нѣтъ другаго спасенія, какъ полный переворотъ; онъ желалъ бы видѣть на тронѣ такого государя, который имѣлъ бы сильную и твердую власть въ самомъ себѣ, а не въ палатахъ, изъ коихъ слѣдовало бы сдѣлать четвертое учрежденіе, т. е. совсѣмъ ихъ уничтожить или, по крайней мѣрѣ, значительно сократить ихъ вліяніе. Бальзакъ все собирается поѣхать въ Россію; но его литературныя занятія до сихъ поръ мѣшали осуществленію этого намѣренія. Онъ думалъ, что у насъ маіораты.

22 Décembre. L' absence de m. Kisséleff le jour de l'an aux Tuilleries préoccupe la presse et les oisifs de salon. Le comte de S-t P. est venu en parler aujourd'hui. Peut-être qu'on donne de l'importance à un fait tout simple. Comme si un diplomate ne pouvait jamais tomber malade? S'il est dans les usages de diplomatie de lire le discours, avant de le prononcer en présence du roi, dans une réunion des ambassadeurs et envoyés, au nom de qui il doit être prononcé: il se peut aussi que ce même usage exige que la réponse du roi soit communiquée d'avance au corps diplomatique, et alors la susceptibilité du chargé d'affaires de Russie s'explique tout naturellement. Il est bien possible aussi que m. Casimir Périer, chargé d'affaires de France à S-t Pétersbourg, avait manqué sur un point quelconque d'étiquette; dans ce cas la conduite de m. Kisséleff ne serait qu'une mesure de représaille.

Переводъ. 22 Декабря. Отсутствіе Киселева на новогоднемъ представленіи въ Тюльери занимаетъ и печать, и праздное общество. Графъ С. Пр. приходилъ сегодня поговорить объ этомъ; можетъ быть, что значеніе придаютъ дѣлу самому простому. Какъ будто дипломатъ не можетъ никогда заболѣть? Если въ обычаѣ у дипломатовъ читать рѣчь, прежде ея произнесенія предъ королемъ, въ собраніи посланниковъ и пословъ, отъ имени коихъ она должна быть произнесена: то очень, можетъ-быть, что тотъ же обычай требуетъ, чтобъ и отвѣтъ короля заранѣе былъ сообщенъ дипломатическому корпусу, и тогда обидчивость Русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ объясняется весьма просто. Возможно также, что и г. Казимиръ Перье, Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ, поступилъ въ чемъ-нибудь противъ этикета; въ такомъ случаѣ образъ дѣйствій г. Киселева есть ничто иное, какъ отместка.

24 Décembre. Aujourd'hui a paru dans la feuille officielle une explication du Ministère au sujet de l'absence du chargé d'affaires de Russie le jour de l'an aux Tuilleries. D'après cette note, le comte de Pahlen a été rappelé, pour ne pas prononcer de discours en qualité de doyen du corps diplomatique; alors Casimir Périer, chargé d'affaires de France, s'est obstenu de paraître le 6 (18) Décembre au Palais d'hiver, ce qui nécessairement devait avoir pour résultat une représaille de la part de notre chargé d'affaires à Paris; aussi m. Kisséleff n'est pas allé à la cour le 1 Janvier.

Переводъ 24 Декабря. Сегодня въ офиціальномъ листкѣ появилось министерское разъясненіе по поводу отсутствія на новогоднемъ пріемѣ въ Тюльери Русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. По этому сообщенію видно, что графъ Паленъ, какъ старшина дипломатическаго корпуса, былъ отозванъ для того, чтобы не пришлось ему произносить рѣчь; тогда и Казимиръ Перье, Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ, воздержался отъ появленія на пріемѣ въ Зимнемъ дворцѣ 6 (18) Декабря, что естественнымъ образомъ должно

было вызвать отместку со стороны нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ; вотъ почему г. Киселевъ не явился ко двору 1 Января.

25 Décembre. J'ai été à la messe, où il y avait pas mal de monde. On était préoccupé de l'affaire de Kisséleff. D'après des lettres qu'on vient de recevoir, l'absence de l'ambassadeur de France le 6 (18) Décembre a fait sensation. Tous les dîners où devaient se trouver des personnages diplomatiques ont été contremandés; on m'en a cité deux: ceux du prince Alexandre Lobanoff et du comte Laval. On dit même que l'Empereur avait donné l'ordre à tous les Russes se trouvant à Paris de quitter cette ville, mais qu'il l'a retiré à la prière du comte Nesselrode. Tout le tort est aux Français: le départ du comte Pahlen s'est fait avec convenance et même avec le consentement de m. Guizot. Nous étions donc en règle, et certes ce n'est pas notre gouvernement qui a pris l'initiative. Il serait bien curieux et intéressant de savoir ce qu'il y a au fond de tout cela et quel est le-dessous des cartes; car il est impossible de croire que le départ de notre ambassadeur soit la vraie raison du différent qui vient d'éclater entre les deux cabinets. Il est évident que ce n'est qu'un prétexte.

Переводъ. 25 Декабря. Я былъ у обѣдни, гдѣ было немало народа. Всѣ были заняты случаемъ съ г. Киселевымъ. Судя по только что полученнымъ письмамъ, отсутствіе Французскаго посла на пріемѣ 6 (18) Декабря произвело впечатлѣніе. Всѣ обѣды, на коихъ должны были находиться дипломаты, были отмѣнены; мнѣ сообщили о двухъ такихъ обѣдахъ: у князя Александра Лобанова и у графа Лаваля. Говорятъ также, что Государь отдалъ приказъ, чтобы всѣ Русскіе, живущіе въ Парижѣ, выѣхали оттуда; но потомъ отмѣнилъ его по просьбѣ графа Нессельроде. Вся вина на сторонѣ Французовъ: отъѣздъ графа Паленъ произошелъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ этикета и даже съ согласія г. Гизо. Итакъ, мы не нарушили правила; слѣдовательно, починъ сдѣланъ не нашимъ правительствомъ. Любопытно было бы знать, что̀ таится въ основѣ всего этого; потому что нельзя же предположить, чтобъ отъѣздъ нашего посла былъ истинной причиной разногласія, происшедшаго между двумя кабинетами. Очевидно, это только предлогъ.

27 Décembre. Hier je me suis mal senti; c'est pour la première fois que cela m'arrive depuis que je suis séparé de mon frère. Cela lui épargne une inquiétude; c'est bien donc qu'il soit absent. Son amitié pour moi se révelait toujours et de toutes les manières; il n'était pas tranquille tant qu'il ne voyait pas mes souffrances diminuer. Il est impossible d'avoir un coeur plus aimant, plus devoué, plus ami. Maintenant que je songe à ce caractère, je ne puis concevoir comment j'ai pu avoir l'idée de me séparer de lui. Au fond il y a eu de l'ingratitude. A la mort de mon père il a quitté le service, ou bien il a quitté

Pétersbourg, ce qui revient au même pour être toujours près de moi, et depuis nous sommes restés ensembles. Je ne puis dire tous les sentiments tendres et affectueux dont il m'entourait. Aussi, malgré que je ne sois pas dans l'isolément, pourtant depuis le départ de Nicolas je végète. Quand je jette un coup d'oeil sur les trois mois que dure notre séparation, je n'ai pas eu un moment de véritable gaieté et de satisfaction.

Переводъ. 27 Декабря. Вчера мнѣ нездоровилось; это первый случай съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ братомъ. Это избавляетъ его отъ тревоги, и такъ его отсутствіе къ лучшему. Его дружба ко мнѣ проявлялась всегда и во всѣхъ случаяхъ; онъ до тѣхъ поръ не успокоивался, пока не видѣлъ, что страданія мои уменьшились. Невозможно имѣть болѣе любящее, болѣе преданное сердце, лучшаго друга. Теперь, когда я думаю объ этомъ характерѣ, я не могу постигнуть, какъ могло мнѣ придти въ голову разстаться съ нимъ. Въ основѣ была неблагодарность. По смерти батюшки, онъ бросилъ службу или, вѣрнѣе, Петербургъ; но и то и другое для того, чтобы всегда быть со мною, и съ тѣхъ поръ мы не разлучались. Я не могу передать всѣхъ нѣжныхъ чувствъ его привязанности, коими онъ окружалъ меня. Вотъ почему теперь, хотя я и не нахожусь въ полномъ одиночествѣ, тѣмъ не менѣе съ отъѣзда Николая я не живу, а прозябаю. Когда я оглянусь на три мѣсяца нашей разлуки, я не нахожу за это время ни одной минуты истинной радости и удовлетворенія.

14 Février. Le comte Gourieff fesait l'éloge du comte de Médem, notre ministre à Vienne. Le comte de Nesselrode lui observa que le talent de ce diplomate était incontestable, mais qu'il péchait par trop de promptitude. Toute la diplomatie, continuait le vice-chancelier, peut se résumer en ces mots: partir du point de vue des autres pour les ramener à son point de vue à soi; or, le comte de Médem a pour la plupart le tort de vouloir partir de son point de vue pour y faire arriver la personne avec laquelle il est en conférence.

Le prince Alexandre Obrénovitch, fils de l'ancien chef de Serbie, prince Miloch, se propose de venir en Russie. Il est riche à millions et comme il n'espère plus épouser une princesse de sang, il voudrait s'allier à une famille puissante à Pétersbourg. L'arrivée de ce prince est certainement une bonne nouvelle pour nos jeunes personnes. La rigueur et la ténacité du froid commencent à exercer une influence funeste: on cite plusieurs morts, entre autres celle de Miatléff. La veille encore il se portait tout-à-fait bien et était sorti. Ces cas ont beau se réitérer qu'il est toujours difficile de ne pas être frappé à une pareille nouvelle.

Переводъ. 14 Февраля. Графъ Гурьевъ очень расхваливалъ графа Медема, нашего министра при Вѣнскомъ дворѣ. Графъ Нессельроде замѣтилъ

ему, что таланта въ этомъ дипломатѣ нельзя конечно отвергать; но что онъ грѣшитъ чрезмѣрной торопливостью. Вся дипломатія, продолжалъ вице-канцлеръ, можетъ быть выражена словами: начать съ точки зрѣнія другихъ для того, чтобы привести ихъ на свою точку зрѣнія; слѣдовательно въ большинствѣ случаевъ графъ Медемъ неправъ, начиная съ изложенія своихъ мыслей, къ которымъ онъ хочетъ привлечь своего собесѣдника.

Князь Александръ Обреновичъ, сынъ стараго основателя Сербской династіи князя Милоша, намѣревается пріѣхать въ Россію; онъ милліонеръ и такъ какъ не надѣется болѣе вступить въ бракъ съ принцессой крови, то желалъ бы породниться съ какой-нибудь знатной фамиліей въ Петербургѣ. Пріѣздъ этого князя, конечно, пріятная новость для нашихъ молодыхъ дѣвицъ. Жестокіе и продолжительны морозы начинаютъ оказывать свое пагубное вліяніе: называютъ уже много умершихъ, между прочими и Мятлева [1]). Наканунѣ еще онъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и выѣзжалъ. Какъ бы часто ни повторялись подобные случаи, но всегда трудно бываетъ воздержаться отъ удивленія при такой вѣсти.

1855.

9 Ноября. Молодой Киреевскій [2]) два раза на улицѣ встрѣтилъ императора Наполеона [3]) и два раза видѣлъ его въ театрѣ. При появленіи властителя Франціи зрители вставали съ мѣстъ своихъ въ ложахъ и креслахъ, а когда императоръ уѣзжалъ, то его провожали громкими ура. Однажды нашъ соотечественникъ вздумалъ ѣхать въ Saint-Cloud. Онъ взялъ мѣсто въ шестимѣстной повозкѣ, именуемой patache. Пріѣхавъ къ рѣшеткѣ парка, кучеръ остановился, и объявилъ, что кто хочетъ прогуляться пѣшкомъ, можетъ выйти изъ экипажа и пройти черезъ паркъ къ другому выходу, гдѣ уже будетъ ожидать повозка. Желающихъ принять предложеніе кучера не оказалось, кромѣ Киреевскаго, который обрадовался случаю пробѣжать по парку, но при входѣ былъ остановленъ часовымъ. «Нельзя войти», громко сказалъ послѣдній. «Почему нельзя?» спросилъ путешественникъ. «Какой любопытный! Еще спрашиваетъ, почему нельзя», возразилъ часовой. «Извѣстное дѣло почему: не велѣно». Киреевскій убѣдительно просилъ пропустить его, указывая на повозку, уже вдали уѣзжавшую. «Императоръ ходитъ по парку, сказалъ часовой, и если я васъ пропущу, то и вамъ, и мнѣ будетъ бѣда. Развѣ вы пойдете лѣвой стороной парка по тропинкѣ, тогда я могу согласиться на вашу просьбу; тамъ нельзя встрѣтить императора».

---

[1]) Иванъ Петровичъ Мятлевъ, извѣстный писатель-остроумецъ. П. Б.

[2]) Не изъ писателей. Разсказъ относится къ началу нынѣшняго вѣка. П. Б.

[3]) Перваго. П. Б.

10 Ноября. Молодой человѣкъ благодарилъ часоваго за снисхожденіе и пустился по тропинкѣ. Жаръ былъ палящій, тропинка лежала на открытомъ солнцѣ, а вправо, по тому же направленію, украшала паркъ прекрасная аллея старыхъ каштановъ. Обратясь и замѣтя, что уже часоваго не видать, путешественникъ съ тропинки поворотилъ въ аллею. Онъ радовался прохладѣ и съ безпечностью своихъ лѣтъ наслаждался прогулкой. Ему особенно пріятно было, что онъ промѣнялъ невыносимый зной на отрадную тѣнь вѣковыхъ деревъ. Вдругъ онъ увидалъ въ аллеѣ, не въ далекомъ отъ него разстояніи, идущаго къ нему навстрѣчу императора. Онъ былъ въ мундирѣ съ звѣздою Почетнаго Легіона, въ треугольной шляпѣ. У Киреевскаго пріостановилось дыханіе, ноги затряслись, и онъ только что не упалъ въ обморокъ отъ страха. Въ самомъ дѣлѣ, онъ могъ строго поплатиться за свою смѣлость, особенно когда бы узнали, что онъ Русскій. Императоръ шелъ медленно, наклонивъ голову и погруженный въ размышленія. Надлежало укрыться такъ, чтобы онъ не видалъ дерзкаго ослушника, проникнувшаго въ паркъ. Примѣтя въ сторонѣ дерево, котораго пень отличался непомѣрной окружностью, онъ поспѣшилъ стать за него. Когда императоръ былъ на одной чертѣ съ великаномъ, укрывавшимъ нашего соотечественника, онъ поднялъ голову, вынулъ изъ кармана табакерку, ударилъ по ней пальцемъ, понюхалъ табаку и потомъ вдругъ повернулся и, измѣнивъ направленіе, пошелъ назадъ ко дворцу. Киреевскій перекрестился и, немного погодя, пустился, сколько силъ было, бѣжать къ воротамъ, гдѣ стояла повозка. Можно себѣ представить его счастье, когда онъ попалъ на мѣсто свое въ скромный patache. Его неизбѣжно ожидала тюрьма или смерть, если бы онъ не укрылся.

11 Ноября. Такъ протекала жизнь молодаго путешественника среди развлеченій жизни Парижской. Онъ посѣщалъ театры, гульбища, музеи и пользовался гостепріимствомъ нѣкоторыхъ соотечественниковъ, когда надъ нимъ разразился ударъ, вовсе для него неожиданный. Однажды по утру, лишь только онъ всталъ, пришелъ полицейскій комисаръ требовать, чтобы Киреевскій немедленно явился въ полицію. Тамъ ему объявили, что онъ военно-плѣнный, что нашъ посолъ ночью выѣхалъ отъ Американскаго посла изъ Парижа и что онъ, Киреевскій, въ качествѣ военно-плѣннаго, будетъ отправленъ на жительство въ городъ Буржъ, гдѣ и останется, сколько будетъ нужно, по усмотрѣнію правительства. Очевидно было, что за разрывомъ послѣдуетъ война, и нашъ соотечественникъ не прежде воротится въ отечество, какъ по заключеніи мира. Такъ сбылось предсказаніе министра полиціи Балашова. Пріѣхавъ въ Буржъ, подъ надзоромъ полицейскаго чиновника,

нашъ плѣнный находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Кошелекъ его опустѣлъ, и онъ ожидалъ денегъ изъ Россіи; при новыхъ условіяхъ, въ которыя онъ былъ внезапно поставленъ, трудно было получить ихъ. Но въ мірѣ не безъ добрыхъ людей. За Киреевскимъ прислалъ Буржскій епископъ. Киреевскій, получившій позволеніе выходить свободно изъ квартиры, но обязанный честнымъ словомъ не употребить сего права во зло, пошелъ къ епископу. Почтенный старецъ объявилъ ему, что, сочувствуя вполнѣ его положенію, онъ предлагаетъ ему считать его домъ своимъ и знать, что онъ всегда найдетъ свой кувертъ за епископскимъ столомъ. Нашъ соотечественникъ воспользовался благодѣтельнымъ предложеніемъ. Ласковое и добродушное обращеніе епископа служило единственнымъ утѣшеніемъ плѣннику. Тамъ пробылъ онъ до перваго занятія Парижа союзными войсками. Тогда онъ ушелъ изъ Буржа въ главную квартиру въ Парижъ, откуда генералъ Сакенъ отправилъ его къ родителямъ въ С.-Петербургъ.

17 Ноября. Обратимся опять къ бѣдному Киреевскому, оставшемуся 22 лѣтъ отъ роду военноплѣннымъ во Франціи. Когда онъ пришелъ въ префектуру полиціи, ему объявили, что онъ долженъ представиться къ министру полиціи герцогу Ровиго (Савари). Было 8 часовъ утра, а министръ принималъ не ранѣе часу по полудни. Впрочемъ къ герцогу входили и часто выходили отъ него чиновники и просители. Наконецъ вывели красивую верховую лошадь, и министръ проходилъ по залѣ, чтобы ѣхать прогуляться въ Булонскій лѣсъ. Киреевскій почтительно ему поклонился. «Что́ вамъ надобно?» спросилъ Савари.—«Я Русскій».—«Вы Русскій», спросилъ съ изумленіемъ министръ, «какъ же вы здѣсь въ Парижѣ? Чего вы желаете?»—«Если бы в. пр-во были столь благосклонны, чтобы разрѣшить мнѣ возвращеніе въ Россію, снисходя къ моей молодости, по неопытности которой разрывъ Франціи съ моимъ отечествомъ застигъ меня здѣсь».—«Г. Дюре», сказалъ министръ слѣдовавшему за нимъ письмоводителю: «займитесь дѣломъ этого молодаго Русскаго, приготовьте его бумаги и отправьте его изъ Парижа». При сихъ словахъ Савари, съ хлыстикомъ въ рукѣ, вышелъ изъ комнаты. Дюре пригласилъ плѣннаго слѣдовать за нимъ по узкой лѣсенкѣ, и когда они вошли въ небольшую комнату, письмоводитель заставилъ Киреевскаго сѣсть, сказавъ ему: «О возвращеніи въ Россію вамъ нечего и помышлять, въ Парижѣ вы оставаться не можете, и слѣдовательно вамъ остается избрать одинъ изъ провинціальныхъ городовъ Франціи для вашего пребыванія. И такъ скажите, куда бы вы желали отправиться на жительство?» У нашего соотечественника были знакомые въ Бордо; при томъ онъ надѣялся оттуда,

можетъ быть, уйти на какомъ нибудь кораблѣ. Нашъ плѣнникъ назвалъ Бордо. «Да, возразилъ Дюре, я знаю, что Русскіе любятъ напитокъ, носящій это имя».—«Позвольте, сказалъ Киреевскій, вамъ замѣтить, что не великодушно шутить надъ человѣкомъ, который по положенію своему не можетъ отразить вашей шутки, какъ она того заслуживаетъ».

18 Ноября. «Не сердитесь, сказалъ съ неудовольствіемъ Дюре; вы въ Бордо не поѣдете» и, взявъ перо, сталъ писать. Потомъ письмоводитель запечаталъ написанное и, отдавая Киреевскому, присовокупилъ: «Вы отправитесь въ Буржъ и не оставайтесь болѣе сутокъ въ Парижѣ. Когда будете дома, распечатайте пакетъ и прочтите бумагу». Поспѣшивъ домой, плѣнникъ прочелъ слѣдующее: ôtage russe envoyé à Bourge et tenu de se présenter à la mairie de chaque ville sur son passage *). Время терять не слѣдовало, и Киреевскій пустился въ контору дилижансовъ. По счастью, дилижансъ отходилъ въ 6 часовъ по полудни въ Буржъ. Путешественникъ взялъ билетъ и пошелъ кой къ кому проститься передъ отъѣздомъ. Къ назначенному часу онъ явился въ контору. У него спросили паспортъ. Прочтя бумагу, всѣ были въ крайнемъ изумленіи. Пришло время отъѣзда, и дилижансъ тронулся. Въ каждомъ городѣ плѣнникъ отправлялся въ mairie; одинъ разъ пришлось идти ночью, городъ погруженъ былъ въ глубокій сонъ; разбудили мера, который, вышедъ заспанный, спросилъ у посѣтителя: «Скажите, чтò такое? Чтò вы совершили преступленіе или какой заговорщикъ?» Киреевскій объяснилъ дѣло. Тогда меръ улыбнулся, сказавъ: «Почему же и васъ, и насъ такъ тревожатъ? Чтò же мнѣ съ вами дѣлать? Я право не знаю.»—«Дайте мнѣ только бумаги, перо и чернильницу: я напишу, что въ такомъ-то часу, проѣзжая черезъ городъ, являлся въ mairie». По пріѣздѣ въ Буржъ у плѣнника оставалось только нѣсколько франковъ. Онъ не могъ ума приложить, какъ выйти изъ затруднительнаго обстоятельства и наконецъ рѣшился написать къ банкиру въ Парижъ. Объяснивъ свое положеніе, онъ просилъ убѣдительно банкира положить ему пенсію въ мѣсяцъ, какую заблагоразсудитъ, съ тѣмъ, что деньги, по его требованію, будутъ ему высылать изъ Петербурга со всевозможною точностью. Банкиръ назначилъ 160 франковъ, которые высылалъ аккуратно. Въ Буржѣ уже находились два Русскіе: Левашовъ, прожившій 15 лѣтъ въ Парижѣ отлагая отъѣздъ день за день (онъ принужденъ быъ также отправиться въ провинцію), другой, нѣкто Мартосъ, архитекторъ, который не могъ вынести пребыванія на чужой сторонѣ, получилъ тоску по родинѣ и

*) Русскій заложникъ, посланный въ Буржъ и обязанный въ каждомъ городѣ на пути своемъ представляться въ полицію.

вслѣдъ за тѣмъ впалъ въ злую чахотку, низведшую его преждевременно въ могилу.

19 Ноября. Когда Мартосъ былъ въ опасности, Киреевскій уговорилъ его исповѣдаться и пріобщиться. «Здѣсь нѣтъ православнаго священника», возразилъ больной. «Въ настоящемъ случаѣ, отвѣчалъ землякъ, можно очистить душу покаяніемъ при пособіи католическаго священника». Умирающій не любилъ Французовъ и просилъ, чтобы привели Испанскаго священника. Исполнивъ долгъ христіанина, онъ отдалъ душу Богу. Духовенство не соглашалось предать тѣло землѣ на кладбищѣ, утверждая, что Мартосъ долженъ быть похороненъ за оградою. Это сопротивленіе происходило отъ неудовольствія, почему не Французскій, а Испанскій священникъ былъ приглашенъ для напутствованія Мартоса. Киреевскій принесъ жалобу Буржскому епископу, который, не одобривъ дѣйствій духовенства, приказалъ похоронить тѣло на кладбищѣ и въ наказаніе священнику, подавшему поводъ къ затрудненію, приказалъ ему самому совершить обрядъ погребальный. Замѣчательно, что, во время переговоровъ объ этомъ дѣлѣ, тѣло оставалось въ той небольшой комнатѣ, гдѣ жили оба пріятеля уже нѣсколько времени вмѣстѣ, и когда одинъ изъ нихъ кончилъ жизнь, другой продолжалъ ночевать тамъ, гдѣ стоялъ покойникъ. По молодости лѣтъ, сонъ его вовсе не смущался присутствіемъ умершаго пріятеля. Въ другомъ мѣстѣ у меня сказано по ошибкѣ, что въ Буржѣ Русскій плѣнникъ пользовался гостепріимствомъ тамошняго епископа. Благоволилъ къ нему не епископъ, а каноникъ Эсконкизъ (Escoiquiz), извѣстный воспитатель Фердинанда VII-го, въ послѣдствіи бывшій министромъ и который далъ своему прежнему воспитаннику несчастный совѣтъ ѣхать въ Баіону для свиданія съ Наполеономъ. Въ Баіонѣ каноникъ сильно отстаивалъ и защищалъ права Фердинанда и произнесъ, по отзыву самого Наполеона, рѣчь въ родѣ Цицероновыхъ. Впрочемъ извѣстно, что краснорѣчіе его не имѣло успѣха: надлежало покориться силѣ. И такъ Эсконкизъ, сосланный тогда изъ Парижа за происки и интриги свои съ послами и министрами различныхъ дворовъ, жилъ тогда въ Буржѣ.

20 Ноября. Слѣпой обожатель Наполеона, поддаваясь все болѣе своему ослѣпленію, онъ ввелъ въ ошибку своего воспитанника и ввергнулъ королевство въ бездну бѣдствій. Надменный и честолюбивый, поверхностнаго образованія, не обладая практическимъ знаніемъ человѣческаго сердца и еще менѣе двора и иностранныхъ правительствъ, онъ возмечталъ, что ему можно изъ своего Толедскаго каноника управлять цѣлой монархіей и подчинить своему ограниченному уму обширный и могущественный геній императора Французовъ. Впрочемъ

Эсконкизъ отличался гостепріимствомъ, добротою и ласковымъ обращеніемъ со всѣми, особенно съ нашимъ соотечественникомъ, котораго положеніе внушало канонику къ нему сочувствіе. Жизнь провинціальнаго города всегда единообразна, но въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ молодой человѣкъ тогда вездѣ находилъ веселіе. Въ то время не знали преждевременнаго разочарованія, и на зарѣ жизни никто не смотрѣлъ на міръ сквозь туманное стекло поэзіи Байрона. Нашъ плѣнникъ, кромѣ дома каноника, гдѣ его считали домашнимъ человѣкомъ, посѣщалъ вечерà префекта, гдѣ собиралось общество Буржа и иногда появлялись лица, пріѣзжавшія изъ Парижа. Тамъ между сими послѣдними Киреевскій не разъ видѣлъ извѣстнаго Mathieu de Montmorency, который принималъ участіе въ войнѣ за независимость Америки, былъ когда-то пламеннымъ приверженцемъ революціи, потомъ, испугавшись страшныхъ послѣдствій ея, искалъ убѣжища въ Копетѣ у г-жи Сталь, испыталъ преслѣдованіе Наполеона, находился на Веронскомъ конгрессѣ съ Шатобріаномъ, занималъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, наконецъ, назначенъ былъ воспитателемъ герцога Бордоскаго и скоро послѣ, въ Великую Пятницу, скоропостижно кончилъ жизнь въ 1826 году на молитвѣ въ церкви S-t Thomas d'Aquin.

21 Ноября. Въ царствованіе императрицы Екатерины Великой судили дѣло въ Сенатѣ. Одинъ изъ тяжущихся былъ бѣднякъ, и право было на его сторонѣ; другой богачъ, который закупилъ судей. Большинство объявило мнѣніе въ пользу послѣдняго. Повытчикъ, черезъ руки котораго шло дѣло, предавался страсти къ вину, но былъ человѣкъ справедливый и принималъ особливое участіе въ невинныхъ, которыхъ злая неправда вызывала на судъ. Бѣднякъ возбудилъ все его состраданіе и надѣялся, что Императрица, къ которой дѣло должно было идти на утвержденіе, будетъ на сторонѣ правой. Случилось иначе: или по множеству скопившихся дѣлъ или по довѣренности къ большинству, Государыня (чтó съ ней рѣдко бывало), не прочтя дѣло, утвердила подписью своею мнѣніе большинства. Приговоръ сошелъ отъ Императрицы и опять не миновалъ рукъ повытчика. Бывъ, по обыкновенію, въ нетрезвомъ видѣ, нашъ чиновникъ схватилъ перо, и въ порывѣ досады, написалъ подъ подписью Государыни: «На одну тебя я надѣялся, что ты спасешь невиннаго отъ лихоимства, но обманулся въ своей надеждѣ. Такъ всѣ дары Божіи: умъ, сердце, совѣсть насъ оставляютъ, когда мы впадаемъ въ сластолюбіе». О случившемся донесено было генералъ-прокурору.

22 Ноября. При первомъ докладѣ, генералъ-прокуроръ, по окончаніи своей работы, доложилъ Государынѣ, что по несчастію сенатскій повытчикъ пролилъ чернила на приговоръ, утвержденный высо-

чайшей подписью, почему и осмѣливается испрашивать у Государыни соизволенія вновь поднести приговоръ Сената къ ея подписанію. «Покажите мнѣ залитую чернилами бумагу», сказала Императрица. При сихъ словахъ генералъ-прокуроръ поблѣднѣлъ. «Въ такомъ случаѣ я долженъ открыть Вашему Величеству всю истину, возразилъ послѣдній. Не чернила, а дерзость неслыханная всему причиною. Но бумаги я никогда не рѣшусь показать Вамъ».—«Тогда я повелѣваю вамъ представить мнѣ оную», важно произнесла Императрица. Дѣлать было нечего. Прочтя дѣло, при слѣдующемъ докладѣ Императрица спросила у генералъ-прокурора. «Гдѣ повытчикъ, и что̀ вы съ нимъ сдѣлали?»—«Содержится въ крѣпости», былъ отвѣтъ. «По прочтеніи дѣла, сознаюсь, что, не прочитавъ его, подписала приговоръ несправедливый. Ни пьянство, ни даже сумасшествіе не могли подать поводъ къ тому, что̀ произошло; тутъ видимо дѣйствовалъ Промыселъ Божій. Освободите повытчика изъ крѣпости, выдайте ему годовое жалованье и имѣйте его на будущее время въ виду, какъ чиновника, который не убѣгаетъ опасности изъ любви къ правосудію».

*

Оканчивая здѣсь печатаніемъ выдержки изъ Дневниковъ В. А. Муханова, поблагодаримъ вмѣстѣ съ читателями Петра Ивановича Щукина, въ прекрасномъ Музеѣ котораго сохранились эти Дневники. Со временемъ, изданные вполнѣ, они представятъ собою любопытную лѣтопись за цѣлые почти полвѣка нашей общественной жизни. Писаны они погодно (1834—1875) по большей части въ небольшихъ книжкахъ, прекраснымъ почеркомъ. П. И. Щукинъ пріобрѣталъ ихъ у букинистовъ, въ разное время (оттого и напечатаны они въ „Русскомъ Архивѣ“ не въ хронологическомъ порядкѣ). Не отысканы до сихъ поръ книжки за слѣдующіе годы: 1838, 1839, 1845, 1853, 1857, 1863, 1866, 1867, 1872 и 1873. Въ этомъ послѣднемъ году, В. А. Мухановъ, послѣ того какъ скончался въ Петербургѣ старшій братъ его Николай, переселился на житье въ Москву, гдѣ и кончилъ жизнь 26 Ноября 1876 года (род. 14 Іюля 1807 г.). Оба брата были холостяки; сестры ихъ также умерли дѣвицами. Читатели, конечно, оцѣнили высоконравственное настроеніе, которому неизмѣнно вѣренъ былъ этотъ *человѣкъ благоволенія*. П. Б.

ЕЩЕ ЗАМѢТКА О НОМЕНКЛАТУРНОЙ ТЕОРІИ Г. ФИЛЕВИЧА.

Въ Октябрьской книгѣ „Русскаго Архива“ за прошлый 1896 годъ помѣщена моя замѣтка о (докторской) диссертаціи г. Филевича, т. е. о его Карпатской теоріи происхожденія Руси, основанной на современной географической номенклатурѣ. Авторъ этой теоріи не замедлилъ своимъ отвѣтомъ, который появился въ № IX „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій“ за тотъ же 1896 годъ.

Само собой разумѣется г. Филевичъ ни въ чемъ виновнымъ себя не призналъ и на всѣ мои критическія замѣчанія отвѣчаетъ полнымъ ихъ отрицаніемъ. Пріемы его въ этомъ отношеніи довольно любопытны.

Во-первыхъ, онъ съ нѣкоторою ядовитостію отрицаетъ, чтобы Карпатская теорія могла назваться его „собственною“, ссылаясь на тождественные взгляды Надеждина и Рэслера. Да, онъ дѣйствительно воспользовался ихъ мыслями о географической номенклатурѣ; но, сколько мнѣ извѣстно, никто до него еще не пытался построить на этомъ основаніи цѣлую, систематическую теорію происхожденія Руси. Слѣдовательно, его отрицаніе въ данномъ случаѣ есть только игра словами.

Далѣе, авторъ не признаетъ моего упрека въ отсутствіи „ясныхъ, точныхъ тезисовъ въ концѣ книги“, и ссылается на стр. 272 и 373, гдѣ приведены какіе-то сбивчивые и довольно таки невразумительные выводы: при общемъ безпорядочномъ изложеніи не знаешь, куда ихъ отнести и откуда они вытекаютъ. Слѣдовательно, мой упрекъ въ отсутствіи ясныхъ, точныхъ (и по возможности мотивированныхъ) тезисовъ *въ концѣ* книги, какъ это обычно въ ученыхъ диссертаціяхъ, этотъ упрекъ остается во всей силѣ.

Моего указанія, что авторъ номенклатурной теоріи не въ состояніи „выдѣлить чисто-Русскихъ названій изъ массы Славянскихъ вообще“—этого указанія г. Филевичъ какъ бы не понялъ; онъ считаетъ его „не только невѣрнымъ, но даже весьма страннымъ“. А между тѣмъ оно просто означаетъ, что въ тѣхъ же мѣстахъ могли еще прежде Руси обитать другія Славянскія племена. Не говоря уже о современныхъ сосѣднихъ Ляхахъ, Словакахъ и Лемкахъ, напомню ему древнихъ Сербовъ и Хорватовъ. Послѣднихъ не только Константинъ Багрянородный, но и Русская лѣтопись указываетъ въ томъ краю.

Я замѣтилъ, что Русское племя вмѣстѣ со своими географическими названіями, конечно, могло болѣе сохраниться въ Карпатскихъ горахъ, чѣмъ въ степныхъ мѣстахъ Придонья и Приазовья, гдѣ въ теченіе долгаго періода происходилъ прибой Турко-Татарскихъ ордъ. Г. Филевичъ очевидно не беретъ въ толкъ этого простого замѣчанія и продолжаетъ на томъ же номенклатурномъ основаніи строить болѣе глубокую стародавность Карпатской Руси, по отношенію къ Приазовской и Придонской. При чемъ говоритъ слѣдующее: „По справкѣ съ картой окажется, что полоса чистаго Славянскаго языка земли занимаетъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи сравнительно весьма незначительное пространство; уже на правомъ берегу Припяти слышатся звуки Литовскіе, къ Востоку отъ Днѣпра тоже не-Славянскіе". Тутъ мы видимъ явное преувеличеніе, вслѣдствіе предвзятой идеи и недостатка справочныхъ свѣдѣній. Приглашаю г. Филевича справиться, напримѣръ, съ Книгой Большаго Чертежа относительно пространства къ Востоку отъ Днѣпра, т. е. между Днѣпромъ и Дономъ. Тамъ онъ найдетъ массу Славяно-русскихъ названій рѣчекъ, урочищъ и т. п. А эта Книга принадлежитъ тому времени, когда господство Татарскихъ ордъ въ той сторонѣ еще не совсѣмъ кончилось, и надо удивляться, какъ много географическихъ и топографическихъ названій тамъ сохранилось, не смотря на долгій Турецко-татарскій періодъ. Указываю именно на данное пространство, потому что настаиваю на большей стародавности Руси, обитавшей между Дономъ и Днѣпромъ, сравнительно съ Русью Карпатскою.

Въ концѣ своей прошлой замѣтки я сдѣлалъ оговорку относительно привычки моихъ противниковъ ссылаться на первыя мои статьи о происхожденіи Руси и игнорировать послѣдующія. Г. Филевичъ повторяетъ тотъ же самый пріемъ, съ прибавленіемъ явнаго искаженія моихъ словъ. Напримѣръ, онъ говоритъ: „Названіе Поляне, по этой системѣ (осмысленія народныхъ именъ), находится въ связи съ названіями рѣкъ Пола, Полистъ, Полота". Между тѣмъ у меня сказано: „У насъ есть рѣки Пола, Полистъ, Полота и т. п; имѣютъ ли онѣ связь съ именемъ Полянъ, мы не знаемъ". Притомъ, какія бы у меня ни были неудачныя сближенія въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, общаго моего вывода о существованіи системы осмысленія въ народныхъ именахъ г. Филевичъ опровергнуть не можетъ.

Указанное игнорированіе возбужденнаго мною вопроса о первоначальномъ текстѣ лѣтописной легенды г. Филевичъ думаетъ обойти общими ничего недоказывающими, хотя и язвительными, фразами (въ родѣ того, что и до меня знали объ этомъ вопросѣ, но молчали), да еще мимоходными ссылками на Соловьева и Соболевскаго; слѣдовательно отъ сего вопроса прямо уклоняется. Тутъ замѣчательны какъ пріемъ ссылокъ, такъ и выходящія отсюда умозаключенія. Соловьевъ и Соболевскій сторонники Норманской теоріи происхожденія Руси; г. Филевичъ заявляетъ себя ея противникомъ, стало-быть, ихъ авторитета въ данномъ вопросѣ не признаетъ; а между тѣмъ въ самой существенной части вопроса голословно на нихъ ссылается. Отсюда, какъ и изъ другихъ случаевъ, можетъ вообще возникнуть сомнѣніе на счетъ его

умѣнья отличать существенное отъ несущественнаго. За то онъ съ большимъ апломбомъ, въ опроверженіе первоначальнаго текста, ссылается на воображаемые „политическіе союзы“ и ихъ „этнографическій составъ“ въ эпоху такъ-называемаго призванія (16). По поводу одного неточнаго выраженія, изъ котораго видно, что г. Филевичъ списки начальной лѣтописи смѣшиваетъ съ лѣтописными сводами, я замѣтилъ, что „начальная лѣтопись извѣстна только одна Сильвестрова (или такъ-называемая Несторова), которая и вошла во всѣ своды“. Г. Филевичъ на сіе заключеніе отвѣчаетъ двумя фразами: „только одинъ г. Иловайскій (такъ) полагаетъ“; „это по истинѣ беспримѣрная твердость убѣжденій“ (стр. 16). Стало-быть, по его мнѣнію, начальныхъ лѣтописей извѣстно нѣсколько? Если онъ сіе утверждаетъ, то покорнѣйше прошу его сообщить свое открытіе и указать еще хотя бы одну начальную лѣтопись кромѣ Несторовой (которую я, по даннымъ въ моихъ *Розысканіяхъ* основаніямъ, отношу къ Сильвестру). При чемъ снова повторяю, что послѣдняя глава его диссертаціи, посвященная вопросу о лѣтописи, по моему крайнему разумѣнію, представляетъ непроходимый сумбуръ, съ кучею досужихъ домысловъ, чужихъ и своихъ собственныхъ.

Неточность въ ссылкахъ и голословіе г. Филевича способны бросить тѣнь на его профессорскую добросовѣстность. Вотъ еще примѣръ, относящійся все къ тѣмъ же первымъ моимъ статьямъ: будто бы у меня „легенда о Рюрикѣ очень характерно объясняется тѣмъ, что Выдубецкій игуменъ Моисей поусердствовалъ благодѣтелю монастыря Рюрику Ростиславичу и произвольно украсилъ его именемъ первую страницу Русской исторіи“. Никакого такого объясненія легенды о Рюрикѣ у меня нѣтъ, а предлагаются соображенія о цѣльности Выдубецкаго свода, который начинается и кончается Рюрикомъ. „Имѣемъ ли право предположить, — говорю я — что Выдубецкій монастырь нѣсколько поусердствовалъ своему благодѣтелю, выдвигая въ лѣтописи на передній планъ *уже существовавшій домыселъ о призваніи Варяговъ, украшенный именемъ его благодѣтеля?*“ Далѣе я повторяю, что это только моя *догадка*, и надобно ждать болѣе точнаго анализа Русскихъ лѣтописей. Искаженія и неточности моего антагониста доходятъ иногда прямо до перевиранія того, что я говорю. Напримѣръ, я упрекаю его въ томъ, что онъ владѣетъ слишкомъ недостаточною ученою подготовкою, „чтобы трактовать вопросъ о происхожденіи Руси во всемъ его объемѣ и со всѣхъ его сторонъ“. Ибо въ своей диссертаціи онъ дѣйствительно касается почти всѣхъ его сторонъ, но въ высшей степени поверхностно и непослѣдовательно. На этотъ упрекъ онъ отвѣчаетъ: „Г. Иловайскій требуетъ непремѣнно разсмотрѣнія вопроса во всемъ его объемѣ и со всѣхъ его сторонъ“ (7). Гдѣ же я этого требую отъ г. Филевича? Наоборотъ, я прямо совѣтую ему не разбрасываться, не бродить по поверхности всего вопроса, а „сосредоточиться хотя бы на Угорской Руси и сколько-нибудь выяснить ея историческія судьбы“. Пожалуй, существуетъ особая статья г. Филевича объ Угорской Руси („Варш. Универс. Изв.“ 1894 г.), построенная все на той же номенклатурной основѣ,

но безъ выясненія историческихъ судебъ этой Руси и съ устраненіемъ вопроса о Ругахъ.

По сему послѣднему вопросу я поставлю въ примѣръ покойнаго Чешскаго слависта Шемберу, одного изъ главныхъ авторитетовъ г. Филевича, собственно его сочиненіе Zàpadni Slované v pravéku („Западные Славяне въ глубокой древности"). Онъ также пошелъ главнымъ образомъ отъ современной географической номенклатуры и сталъ доказывать, что Славяне не въ V или VI вѣкѣ пришли въ области Средняго Дуная, какъ это полагаютъ, а еще задолго до Р. Х., т. е. во времена доисторическія. Утверждалъ онъ сіе на томъ основаніи, что никакіе писатели до VI вѣка включительно не говорятъ о переселеніи Славянъ въ эти страны. Вотъ тутъ-то и заключается его капитальная ошибка. Исторію Славянскаго племени онъ, какъ и другіе слависты, смѣшивалъ съ исторіей названія „Славяне", которое дѣйствительно встрѣчается не ранѣе V вѣка. По дѣло въ томъ, что Подунайскіе Славяне на глазахъ исторіи прибыли въ эти страны, только не подъ именемъ Славянъ, а подъ именемъ Сарматъ, о переселеніи которыхъ въ Среднее Подунавье въ I и II вв. по Р. Х. существуютъ свидѣтельства Греко-римскихъ писателей. Хотя главное свое положеніе Шембера не доказалъ; за то его сочиненіе и по прошествіи тридцати слишкомъ лѣтъ остается очень любопытнымъ, благодаря многимъ частностямъ, напримѣръ, благодаря исполненному эрудиціи трактату о Бояхъ и Баэмахъ. Вотъ эту-то черту я и ставлю въ примѣръ г. Филевичу по поводу непріятныхъ ему Руговъ. Вмѣсто изслѣдованія о Ругахъ, онъ вновь голословно и неудобопонятно повторяетъ свое мнѣніе о какомъ-то удивительномъ перерожденіи Болгаръ въ Славянъ „при воздѣйствіи Русскаго Юга". Очевидно система научныхъ аналогій недоступна его пониманію, а существованіе историческихъ законовъ для перехода одной народности въ другую остается ему неизвѣстно, хотя о томъ и другомъ достаточно говорится въ моихъ *Розысканіяхъ*.

Вообще ни на чемъ онъ не останавливается и никакого матеріала для ученой бесѣды не даетъ, а на протяженіи нѣсколькихъ страницъ говоритъ обо всемъ по нѣскольку строкъ.

Таковъ отвѣтъ г. Филевича на мою критическую замѣтку, отвѣтъ, надѣюсь, вполнѣ ее подтверждающій: недостатокъ серьезной подготовки, вдумчивости и логики съ лихвой возмѣщается у него обиліемъ полемическаго задора и самомнѣнія.

Д. Иловайскій.

ПИСЬМО И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА КЪ П. В. ПОБѢДОНОСЦЕВУ.

Милостивый государь Петръ Васильевичъ!

Чувствительно благодаренъ за ваше дружеское воспоминаніе обо мнѣ. Письмо ваше я на дняхъ получилъ черезъ любезнаго и почтеннаго Василія Алексѣевича Плавильщикова. Много обязали меня, умноживъ четырьмя знакомыми вашими число сускрибентовъ на мою книгу. Деньги, полученныя вами отъ сей подписки, прошу подержать у себя до пріѣзда моего въ Москву, куда стремлюсь душою уже столь давно и куда надѣюсь въ скоромъ времени отправиться. Слава Богу, дѣла мои принимаютъ счастливый оборотъ. Въ Сентябрѣ отчаивался я о полученіи какого либо мѣста по моему желанію; а нынѣ представляется ихъ мнѣ нѣсколько. Отъ г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа представленъ я въ директоры училищъ по Херсонской губерніи; но такая даль меня испугала, и я попыталъ поискать мѣста директора по Пензенской губерніи, ближе къ Москвѣ, гдѣ все родное и любезное сердцу живетъ. Самъ министръ рекомендовалъ меня попечителю Казанскаго округа М. Л. Магницкому. Къ этому еще помогло мнѣ письмо бывшаго моего начальника, почтеннаго Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго, и я на дняхъ представленъ въ директоры Пензенской. Кажется, пристань близка! А меня такъ уже начинали безпокоить бури на треволненномъ Петербургскомъ морѣ, что я ожидалъ совершеннаго крушенія моего утлаго челна.

Не могу дождаться минуты, когда лично буду въ состояніи изъяснить вамъ и почтеннѣйшей Еленѣ Михаиловнѣ чувства истиннаго почтенія и совершенной преданности, съ коими честь имѣю быть и пр.

И. Лажечниковъ.

22 Октября 1820 (Спб.).

P. S. Поздравляю васъ съ новорожденнымъ сыномъ и желаю ему всякаго счастья, характера и сердца родителей его, и чтобы онъ, выростя, любилъ меня, какъ я люблю ихъ. *Теска* по имени пускай будетъ имъ и по чувствіямъ!

25-ти рублевую ассигнацію я получилъ черезъ Василія Алексѣевича, за что̀ много благодаренъ.

Что касается до подписки на мою книгу въ Москвѣ, то не знаю, за что̀ г. Ширяевъ былъ ко мнѣ такъ недоброжелателенъ, что не сдѣлалъ настоящей подписки черезъ «Московскія Вѣдомости». Хотя онъ *что-то* и пропечаталъ въ нихъ на концѣ длиннаго объявленія о другихъ книгахъ, но какъ будто нехотя!... Въ Петербургѣ, напротивъ, я посчастливѣе, не смотря, что и имѣю здѣсь менѣе знакомыхъ.

Книга моя уже готова. Имѣю случай посвятить ее императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и за тѣмъ немного мѣшкаю выпускомъ ея.

На дняхъ случилось здѣсь маленькое рѣдкое между Русскихъ происшествіе. Л.-г. Семеновскій полкъ, доведенный дурными поступками своего командира Шварца до ропота, ожесточенный имъ, вышелъ нѣсколько изъ границъ своей должности, за что̀ разосланъ въ Кронштадтъ, въ Выборгъ и въ здѣшнюю крѣпость, а Шварцъ, какъ говорятъ, военнымъ судомъ выключенъ изъ службы. Впрочемъ солдаты не выходили изъ повиновенія своихъ начальниковъ, не дѣлали никакихъ обидъ и не нарушили ничѣмъ спокойствія жизни, такъ что не всѣ изъ послѣднихъ извѣстны о семъ происшествіи. Ожидаютъ Государя Императора для рѣшенія сего случая.

ЕРМАКЪ.

Трагедія А. С. Хомякова.

Выпущенные цензурою стихи*).

Дѣйствіе III, явл. 4-е, стр. 71.

Не весели погибелью своею
Свирѣпаго и дикаго безумца,
Гонителя угодниковъ Христовыхъ,
Вѣнчаннаго врага земли родной.

Далѣе было:

Ужель ее, какъ жертву кровопійцѣ,
Ты беззащитно хочешь самъ нести?

Стр. 72. Пропущено:

Съ дружиною кромѣшниковъ крамольныхъ,
Съ бездушною толпою палачей.

Явленіе 7-е, стр. 80:

Гдѣ Новоградъ разрушенъ до основы,
Гдѣ средь убійствъ въ расхищенномъ Торжкѣ
Опричники потѣшно пировали.
Несчастные, лишенные всего
Свирѣпою опалой Іоанна,
Они къ тебѣ какъ къ Небу прибѣгутъ.

Явленіе 8-е, стр. 82:

Чтобъ Іоаннъ сказалъ съ свирѣпымъ смѣхомъ:
„Вы видите ль, онъ покорилъ Сибирь;

---

*) „Ермакъ“ написанъ А. С. Хомяковымъ еще въ царствованіе Александра Павловича, напечатанъ въ Москвѣ въ 1832 году, игрался на Петербургской сценѣ три раза: 27 Августа, 10 и 17 Сентября 1827 г. Пушкинъ такъ отозвался о „Ермакѣ“: „Ермакъ идеализированный—лирическое произведеніе въ формѣ драмы. Ермакъ, лирическое произведеніе пылкаго юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи“.

„Но я смѣюся надъ его безсильемъ!“
Сказалъ, и стая кровожадныхъ псовъ
Ему хвалу надъ плахою завыла.

Явленіе 9, стр. 84:

Россія! Многимъ ей обязанъ ты?
Законами, которыхъ мечъ кровавый
Какимъ нибудь Скуратовымъ врученъ!
Ермакъ.
И я за то Россіи долженъ мстить,
Что Небо ей послало Іоанна?
Она злодѣями растерзана, попранна,
И мнѣ ли кровь ея за то пролить?
Нѣтъ! На ея страданья, на желѣзы,
На раны тяжкія ея,
Есть у меня стенанья, горесть, слезы;
Но нѣтъ меча противъ нея.

Дѣйствіе V-е, явл. 3-е, стр. 135:

Надъ всякимъ царствомъ есть хранитель тайный,
Могущій духъ, иль злобный, иль благой.
И духъ сей жертвы требуетъ кровавой,
Чтобъ примириться съ властію чужой.
Престолъ Казани! За твое паденье
Россіи мститъ жестоко Іоаннъ.

КОЛЛАРЪ И ХОМЯКОВЪ.

Замѣтка по поводу составленнаго г. В. Лясковскимъ жизнеописанія А. С. Хомякова.

Не одинъ читатель скажетъ сердечное спасибо «Русскому Архиву» за напечатаніе жизнеописанія А. С. Хомякова. Давно, давно уже пора была возстановить передъ нами образъ этого человѣка: онъ не только увлекалъ неотразимостью діалектики и многосторонностью познаній, но и сіялъ особенно обаятельнымъ свѣтомъ духовной красоты, которая и теперь еще свѣтится изо всѣхъ его сочиненій. Безъ сомнѣнія, сдѣланный г. Лясковскимъ очеркъ не останется послѣднимъ. Многое, чтò въ немъ только намѣчено, будетъ изслѣдовано обстоятельнѣе, и передъ глазами читателя возникнетъ не только общій обликъ писателя, но возстановятся всѣ частности и подробности. Да позволено будетъ мнѣ, какъ почитателю Хомякова, прибавить къ этой будущей полной картинѣ одну маленькую черточку по поводу извѣстнаго стихотворенія «Орелъ».

«Стихотвореніе «Орелъ», говоритъ г. біографъ Хомякова, впервые стяжало ему громкую славу между Славянами». Этого мало, оно нашло себѣ и отзвукъ въ стихотвореніяхъ величайшаго изъ Чешскихъ поэтовъ, знаменитаго пѣвца «Дочери Славы», Яна Коллара. Думаемъ, что читателямъ небезъинтересно будетъ прочесть сонетъ, посвященный имъ Хомякову. Но прежде, чѣмъ привести его здѣсь, считаемъ нужнымъ напомнить о самомъ Колларѣ.

Имя Коллара, не впервые появляется на страницахъ «Русскаго Архива». Въ 1873 году было помѣщено здѣсь письмо его къ Надеждину съ просьбою о пособіи на напечатаніе послѣдняго сочиненія его о Славянахъ въ Сѣверной Италіи. Но тѣмъ не менѣе едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что имя Коллара слишкомъ мало извѣстно нашему обществу. Напечатанный въ «Отечественныхъ Запискахъ» 40-хъ годовъ переводъ статьи его «О Славянской взаимности», да десятокъ сонетовъ, переведенныхъ Бергомъ и Бенедиктовымъ въ «Поэзіи Славянъ» Гербеля; вотъ, кажется, все, чтó мы о немъ знаемъ. А между тѣмъ это былъ рѣдкій человѣкъ не только по своему высокому поэтическому дарованію, силѣ и убѣжденности воззрѣній, но и по особенной ему свойственной нравственной чистотѣ. На перо просится для него названіе — Чешскій Хомяковъ: такъ близко напоминаютъ они другъ друга.

«Любовь, правда и смиреніе (писалъ Хомяковъ) однѣ только могутъ доставить народу, такъ же, какъ и человѣку, милость отъ Бога и благоволеніе отъ людей». Колларъ какъ бы ему отвѣчаетъ: «Наивысшее правило въ моей жизни слѣдующее: работай надъ самимъ собою и на службѣ, и въ частномъ быту, до конца жизни стремись къ возможному нравственному совершенству и черезъ это уже только вліяй на другихъ и особенно на свой народъ» (Cestopis, str. IV). Въ мірѣ Западнаго Славянства, гдѣ такъ непріятно поражаетъ насъ обиліе мелкаго политиканства, Колларъ является блестящимъ исключеніемъ. Онъ поражаетъ своей открытостью, пламеннымъ усердіемъ къ правдѣ и въ тоже время чисто-Славянской мягкостью и добродушіемъ. Ни тѣни (не говорю уже недостойнаго) даже сомнительнаго поступка не лежитъ на его свѣтлой памяти. Его идеалы тѣже, что́ у нашихъ лучшихъ писателей—идеалы чистой нравственности.

Но не этимъ однимъ только онъ приближается къ Хомякову: ихъ роднитъ еще общность воззрѣній на великое будущее Славянскаго племени. Колларъ былъ родомъ Словакъ. Эта народность издавна подвергалась, какъ и теперь подвергается, особенно яростному напору народнаго Мадьярскаго фанатизма, а потому искони высылала наиболѣе убѣжденныхъ борцовъ за всеславянскую идею. Шафарикъ и Штуръ были Словаки. Одаренный живою впечатлительностью, Колларъ рано почувствовалъ гнетъ мадьярства и рано сталъ искать противъ него опоры въ сознаніи общеплеменнаго Славянскаго единства. Уже въ Іенѣ, куда онъ чуть не пѣшкомъ пришелъ слушать лекціи въ тамошнемъ университетѣ, его наибольшимъ удовольствіемъ было бродить по берегамъ Салы, ища слѣдовъ жившихъ тамъ нѣкогда Славянъ и въ воспоминаніяхъ о славномъ прошломъ находить отраду отъ горестей настоящаго. Въ 1837 году въ Пештѣ, этомъ средоточіи мадьярства, гдѣ пришлось ему въ должности Лютеранскаго пастора прожить чуть не всю свою жизнь, онъ издалъ свою знаменитую записку «О Славянской литературной взаимности», гдѣ, указывая на гибельные плоды разрозненности, онъ призывалъ всѣхъ Славянъ къ совмѣстной духовной работѣ, приглашая мелкія народности отказаться отъ созданія своихъ особыхъ литературъ и примкнуть къ одному изъ четырехъ главныхъ Славянскихъ племенъ—Русскому, Польскому, Чешскому и Сербо-Хорватскому. Но главнѣйшимъ трудомъ Коллара является его поэма Slavy Dcera (Дочь Славы): рядъ сонетовъ въ пяти пѣсняхъ, черезъ которыя всѣ, перемѣшиваясь съ воспоминаніями личной жизни, красной нитью проходитъ идея Славянскаго единства. Тутъ и скорбь о прошломъ, о воображаемомъ отечествѣ всѣхъ Славянъ—Славіи, и укоры настоящимъ распрямъ и разрозненности, и призывы къ лучшему

будущему. Въ этихъ вдохновенныхъ призывахъ, исполненныхъ мощи, пыла и убѣжденной вѣры въ свое слово, слышится что-то Хомяковское.

Славяне, братья милые Славяне!
Вы любите кровавый споръ да брани.
Скажите мнѣ: какой въ тѣхъ браняхъ прокъ?
Возьмемъ отъ кучи угольевъ урокъ:
Въ одну семью съединены заранѣ,
Они горятъ и блещутъ на таганѣ
И къ верху искры мечутъ въ потолокъ;
Но что жъ одинъ бы сдѣлалъ уголекъ?
Отъ скалъ Аѳона вплоть до Поморянъ,
Отъ Песья поля до поля Коссова,
Отъ козаковъ къ землямъ Дубровничанъ,
Оттоль до града гордаго Петрова,
Отъ Балтики къ Полудню, до Азова,
Отъ стѣнъ Китая до полярныхъ странъ
Раскинулись владѣнія Славянъ,
И слышно всѣмъ намъ родственное слово.
Соединимся жъ всѣ мы безъ изъятья:
Сербъ, Русскій, Чехъ, Болгаръ, Полякъ,
Одинъ къ другому кинемся въ объятья:
Одна хоругвь, одинъ да будетъ стягъ!
Забудемъ все, что̀ было; будемъ братья—
И дрогнетъ супротивный врагъ!

Нѣсколько лѣтъ спустя точно также восклицалъ и Хомяковъ:

Вспомнимъ: мы родные братья,
Дѣти матери одной,
Братьямъ братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Обращаясь взоромъ къ Славянскому будущему, Колларъ такъ рисовалъ свой идеалъ:

И, если-бъ всѣ Славяне предо мной
Металлами явились, ихъ собранье
Я бъ сплавилъ, слилъ—и въ статуѣ одной
Великое бъ представилъ изваянье!
И Русскій бы узрѣлся головой,
А туловищемъ—Ляхъ при томъ сліяньѣ;
Изъ Чеховъ вышли бъ руки, складъ плечной,
Изъ Сербовъ ноги: крѣпкое стоянье!
Меньшія же всѣ отрасли Славянъ
Пошли бы въ одѣянье, въ складки, въ тѣни.
Въ оружіе воздвигся бъ великанъ,
И вся Европа, преклонивъ колѣни,

Взирала бы! А онъ — превыше тучъ —
Міръ попиралъ бы, грозенъ и могучъ!

*

Чрезъ сотню лѣтъ, о братья, что-то будетъ
Изъ насъ Славянъ? Что̀ будетъ въ свой чередъ
Съ Европою? Въ нашъ токъ воды прибудетъ,
И жизнь Славянъ не весь-ли міръ зальетъ?
Славянскимъ русломъ знаніе польется,
И въ моду быть Славянскій весь вполнѣ
Надъ Сеною и Лабою введется...
О, лучше бы тогда родиться мнѣ
И вольной жизни плыть по океану!
Но — я еще тогда изъ гроба встану!

Въ этихъ стихахъ весь пламенный Колларъ. Славянство, мысль о которомъ никогда и нигдѣ не оставляла его, было для него жизнью, и это придавало его поэзіи неотразимую мощь. Много мечтательнаго, много романтическаго заключалось въ поэмѣ Коллара; но не мечтою была его твердая вѣра въ великую будущность Славянства. «Но я еще тогда изъ гроба встану!» Тутъ слышится какое-то проникновеніе грядущаго. Это та самая вѣра, которая переполняла и Хомякова, когда онъ думалъ о будущихъ судьбахъ славянства:

Пронесется мракъ ненастный,
И ожиданный давно
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно.
Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ—побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной!

Ожидая, что славянство явитъ собою новую эру въ исторіи человѣчества, Колларъ съ особенной надеждой при этомъ обращалъ свои взоры на дальній Сѣверъ — къ Россіи. Его Русскія симпатіи ведутъ свое начало со временъ самаго ранняго дѣтства. Послѣ первой Французской войны черезъ его родину, деревню Мошовцы въ Турчанскомъ округѣ, тянулась, возвращаясь домой, Русская конница-казаки. Жители со страхомъ ожидали приближенія «дикихъ и свирѣпыхъ Москалей», и при извѣстіи о ихъ прибытіи въ деревню, мальчикъ забился въ уголъ и боялся показаться имъ на глаза. Но когда онъ увидѣлъ добродушныя, веселыя лица, услышалъ оживленный казацкій говоръ, и раздались передъ нимъ разудалые звуки Русской пѣсни, напоминавшія ему что-то родное, Словацкое, онъ осмѣлился и подошелъ поближе къ солдатамъ. Тѣ взяли его на руки, цѣловали, гладили, дали Рус-

скихъ денегъ, а казацкій атаманъ (hejtman) Иванъ Даниловъ одѣлъ его по военному, препоясалъ своею саблею, посадилъ на коня и провезъ по деревнѣ. Мальчикъ былъ въ восторгѣ и послѣ не могъ безъ негодованія говорить о Мадьярахъ, которые распускали нелѣпые слухи о «Русскихъ людоѣдахъ».—Не знаемъ, когда онъ выучился Русскому языку, но уже въ Іенѣ студентомъ онъ зналъ его хорошо и любилъ по Воскресеньямъ съ семьею любимой имъ дѣвушки, дочери лютеранскаго пастора, родомъ изъ Сербскихъ Лужицъ, ходить въ недалекій Веймаръ слушать въ тамошнемъ православномъ храмѣ Славянскую обѣдню. Воспоминанію объ этомъ посвященъ одинъ изъ трогательнѣйшихъ сонетовъ первой пѣсни «Дочери Славы». «Злые люди (жалуется здѣсь Колларъ) давно уже погубили тутъ Славянскую рѣчь, и мы любили, бывало, въ Воскресенье ходить на службы Божіи въ Веймаръ. Русскіе къ вѣну за своей царевной присоединили тамъ одинъ чудный даръ: дали славянству прекрасный храмъ и фару. Тамъ лелѣяли мы нашъ слухъ и душу сладкогласными (uchotěšný) звуками Славянской рѣчи, которые съ восторгомъ хвалитъ и самъ Нѣмецъ. Тамъ я, стоя за своей милой, а она за своей матерью, горячо и благоговѣйно молились въ кругу нашихъ Русскихъ братьевъ и сестеръ» (Slavy Dcera, Znělka 62). Умилительное зрѣлище представлялъ собою этотъ человѣкъ, будущій лютеранскій пасторъ, вмѣстѣ съ семьею своей любимой дѣвушки (тоже лютеранки) возносившій въ православномъ храмѣ жаркую молитву къ Богу за великое будущее Славянской семьи. Точно на яву готовъ былъ исполниться тотъ сонъ Хомякова, о которомъ такъ чудно-поэтически разсказалъ онъ въ своемъ стихотвореніи:

Беззвѣздная полночь дышала прохладой. .

Завѣтной мечтой Коллара было увидѣть Россію. Окончивъ курсъ въ Іенскомъ университетѣ, онъ уже готовъ былъ пуститься въ дорогу; но трудность столь дальняго пути безъ якихъ средствъ удержала его, и ему такъ и не пришлось исполнить своего желанія. Но онъ узналъ Россію и полюбилъ издали въ сочиненіяхъ нашихъ лучшихъ писателей. Въ 4-ой пѣснѣ «Slavy Dcera», описывая Славянскій рай, и въ 5-ой изображая Славянскій адъ, Колларъ выводитъ цѣлый рядъ Русскихъ дѣятелей, и въ его оцѣнкѣ ихъ, точно также, какъ въ «объясненіяхъ» къ сонетамъ, составляющихъ цѣлый особый томъ, высказывается и вдумчивое изученіе, и вѣрное пониманіе нашей жизни. Только близкій человѣкъ могъ такъ понять и прочувствовать подвигъ Москвы 1812 года:

Краса всего полуночнаго края,
Мать Руси всей, и сердце, и глава,

Стоитъ золотоверхая Москва,
Крестами блеща и играя.
Вдругъ занялася пламенемъ она.
Ревётъ пожаръ отъ края и до края,
Дома, чертоги, хаты пожирая,
И запылалъ дворецъ Растопчина....
Погибли созиданія столѣтій!....
Скажи, зачѣмъ ты свѣточъ сей зажгла?
„Чтобы яснѣй вселенная прочла
Исторію мою при этомъ свѣтѣ
И знала бъ, чѣмъ для Руси я была,
И каковы мои родныя дѣти!“

Лютеранинъ и больше поэтъ, чѣмъ философъ, не могъ Колларъ придти къ сознанію того религіознаго призванія Россіи, въ которое вѣрилъ Хомяковъ; но онъ высоко ставилъ ее, какъ руководительницу славянства и, какъ Хомяковъ, особенно цѣнилъ ее сердце—Москву.

Таковъ былъ Колларъ. Неудивительно, что среди нашихъ поэтовъ онъ съ особеннымъ сочувствіемъ останавливался на Хомяковѣ, съ которымъ роднили его общность стремленій, чаяній и надеждъ. Понятно, почему въ своемъ Славянскомъ раѣ онъ не въ примѣръ прочимъ отвелъ ему особо выдающееся мѣсто, посвятивъ ему вмѣстѣ съ Сербскимъ поэтомъ Утѣшеновичемъ отдѣльный сонетъ. Сонетъ этотъ не былъ еще, кажется, переведенъ на Русскій языкъ. Приводимъ его въ переводѣ, сдѣланномъ по нашей просьбѣ однимъ молодымъ поэтомъ. Обращаясь къ стражамъ Славянскаго Геликона, Колларъ приглашаетъ ихъ открыть входъ для новыхъ избранниковъ славы.

Откройте настежъ двери золотыя,
О стражи Геликона! Дорогіе
Идутъ къ вамъ гости изъ далекихъ странъ,
Пѣвцы могучей Руси и Балканъ.
Какъ сладко зрѣть побѣги молодые
И пышный всходъ мной брошенныхъ семянъ!
Пѣвцы за цѣлость ратуютъ Славянъ,
Мои они питомцы удалые.

*

Утѣшеновичъ милый, Хомяковъ!
За „Іеку“ [1]) и „Орла“ своихъ сыновъ
Въ васъ чтитъ сама мать Славія святая.

*

Гремитъ пѣснь ваша выше облаковъ,
Какъ огнь Везувія до звѣздъ взлетая
И небо громомъ слова сотрясая!

---

[1]) „Іека од Балкана“ стихотвореніе Утѣшеновича.

Это стихотвореніе кажется намъ не только любопытнымъ, какъ дань признательности, принесенная Западнымъ Славянствомъ дѣятельности Хомякова, но и не лишеннымъ значенія для жизнеописанія нашего писателя. Оно невольно возбуждаетъ вопросы, каковы были взаимныя отношенія Коллара и Хомякова и на какихъ основаніяхъ Колларъ называетъ Хомякова своимъ «ученикомъ» (mé školy zdárné zákové). Не слѣдуетъ ли къ тѣмъ явленіямъ, которыя имѣли вліяніе на образованіе воззрѣній Хомякова и которыя такъ искусно подобраны г. Лясковскимъ въ первой главѣ его очерка, отнести и поэзію Коллара? Своеобразность Хомяковскаго міросозерцанія отъ этого, конечно, нимало не пострадаетъ, но будетъ уясненъ важный для біографа ходъ развитія его идей. Что касается до Коллара, то мы знаемъ, что до 40-хъ годовъ изо всѣхъ произведеній Хомякова онъ зналъ только одно стихотвореніе «Ключъ», которое ему очень нравилось своей «живою образностью, горячею любовью автора къ народу и чисто-Славянскимъ его духомъ». Только въ 1841 году, встрѣтившись въ Загребѣ съ покойнымъ Срезневскимъ, онъ узналъ отъ него, что «послѣ смерти Пушкина особенно выдѣляется въ Русской поэзіи молодой (mladík) Хомяковъ»; и тогда же услышалъ «одно изъ самыхъ новѣйшихъ его произведеній, которое еще нигдѣ не напечатано» [1]), стихотвореніе «Орелъ». Отзвукомъ этой бесѣды со Срезневскимъ и явилось напечатаніе этого стихотворенія Латинскими буквами въ «Путешествіи» Коллара, а позднѣе приведенный нами выше сонетъ. Но этимъ вопросъ не рѣшается. Надо знать, когда Хомяковъ узналъ Коллара. Слышать о немъ онъ могъ отъ своихъ Московскихъ знакомыхъ, напр., отъ Погодина, но могъ познакомиться съ нимъ или по крайней мѣрѣ съ его произведеніями и значительно раньше, во время перваго своего заграничнаго путешествія. Первыя три пѣсни «Slavy Dcera» вышли еще въ 1824 г. въ Пештѣ. Изслѣдовать этотъ вопросъ дѣло нашихъ славистовъ. Но какъ бы онъ ни былъ рѣшенъ ими, ясно и несомнѣнно одно: Колларъ и Хомяковъ—созданія одного и того же народнаго Славянскаго духа. Это двѣ натуры родственныя.

Родственна нѣкоторымъ образомъ была и судьба ихъ: одному пришлось весь вѣкъ бороться съ равнодушіемъ своего собственнаго общества, другому всю жизнь выдерживать натискъ воинствующаго мадьяризма. Ихъ укрѣпляла непреклонная вѣра въ правду своихъ идеаловъ, и какая же радость наполняла сердце Коллара, когда онъ

---

[1]) Cestopis, 1862, str. 48. Подъ стихотвореніемъ „Орелъ" въ изданіи стихотвореній Хомякова стоитъ въ скобкахъ годъ 1832. Не надо ли отнести его къ позднѣйшему времени?

находилъ отголосокъ своихъ идей, какъ нашелъ его въ стихотвореніи Хомякова; съ какимъ восторгомъ принималъ онъ все, въ чемъ видѣлъ залогъ ихъ осуществленія! Закончимъ воспоминаніемъ объ одной изъ такихъ свѣтлыхъ минутъ въ жизни Коллара, описанію которой онъ посвятилъ цѣлую главу въ своемъ путешествіи по Италіи. Пріѣхавъ къ озеру Гарда, онъ со своими спутниками отправился на Островъ Sirmione (Лат. Sirmio, Серб. Сремъ), и тутъ неожиданно, безъ всякихъ приготовленій, устроилось у нихъ Славянское торжество. Благовонная Итальянская ночь приносила имъ дыханіе лимонныхъ и гранатовыхъ деревьевъ; на небѣ сіялъ полный мѣсяцъ, и ярко свѣтились звѣзды; о берегъ съ плескомъ ударяли волны озера. Они были на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда жилъ и пѣлъ Катуллъ. Все настраивало душу на поэтическій ладъ. Коллару невольно пришли на мысль стихи Катулла ad Sirmionem, и онъ ихъ прочелъ, и затѣмъ кто-то затянулъ Чешскую пѣсню. За ней послѣдовала Сербская, Русская, Польская, Словацкая. Мѣстные жители, въ которыхъ Колларъ хотѣлъ видѣть потомковъ Славо-Вендовъ, стоя вокругъ съ факелами, сперва съ изумленіемъ смотрѣли на своихъ гостей, а потомъ сами присоединились къ ихъ хору, и далеко раздались по воздуху дивные звуки Славянской пѣсни. Затѣмъ одинъ изъ спутниковъ началъ пѣть славу Италіи, Катуллу, озеру Гарда, «Славо-Вендамъ», Славіи, Добровскому, всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Славы и поименно вспомнили всѣхъ Славянскихъ дѣятелей.

Изъ нашихъ они помянули между прочимъ Погодина:

Sláva mu, sláva mu,
Pogodinu našemu!
At' žije, at' žije
Pogodin naš, at' žije!

Думалъ-ли Погодинъ, сидя на своемъ Дѣвичьемъ полѣ, что тамъ далеко, подъ кровомъ благоухающей Итальянской ночи, разносится ему слава? Колларъ была въ восторгѣ и писалъ, что это была одна изъ блаженнѣйшихъ минутъ его жизни. Мечты, скажетъ читатель. Да, мечты, но мечты свѣтлыя и прекрасныя. А кто знаетъ, можетъ быть, дѣйствительно этотъ братскій праздникъ на берегу Гардскаго озера былъ однимъ изъ провозвѣстниковъ того будущаго, въ которое такъ глубоко вѣрили Колларъ и Хомяковъ и о которомъ мечтали и два другихъ великихъ Славянскихъ поэта, бесѣдуя о временахъ грядущихъ,

Когда всѣ народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся?

Читатель.

ПИСЬМО А. С. ХОМЯКОВА КЪ Л. М. МУРОМЦОВУ (1858).

Вотъ, вы тамъ гуляете себѣ въ Италіи, веселясь и потѣшаясь, радуясь особенно поправленію здоровія Катерины Николаевны (чему я очень и очень сочувствую), а мы брошены единымъ словомъ Царя въ самую глубь и кипѣніе жизни общественной, гражданской, политической и всякихъ жизней кромѣ жизни покойной. Впрочемъ, зная меня, вы легко угадаете, что это никакъ не ропотъ съ моей стороны. Дадеся ми Царь по сердцу моему. Великій ловецъ предъ Господомъ, какъ Нимвродъ, и великій освободитель людей, какъ Маккавей. Вы знаете, что я все это умѣю цѣнить. Батюшка вашъ очень сочувствуетъ этому послѣднему качеству, но увы! грѣхъ сказать, чтобы такое сочувствіе было общимъ. Н. П. Шишковъ нисколько не приходитъ въ восторгъ, и это настроеніе довольно общее. Какъ это понять? Стоитъ ли дворянство за рабство? Нисколько, или по крайней мѣрѣ слабо; а просто оно растерялось, не знаетъ какъ за дѣло взяться: нужно подумать, а мы отъ всякой думы серьезной такъ отвыкли, что съ перваго приступа голова болитъ, и мы вымѣщаемъ свою досаду фрондёрствомъ. Народъ очень хорошъ: никогда не былъ такъ послушенъ и тихъ, вовсе не отъ равнодушія, ибо онъ сильно заинтересованъ и безпрестанно объ этомъ говоритъ, но по какому-то чувству, которое я иначе не могу опредѣлить какъ словомъ историческаго чувства. Таковъ долженъ быть характеръ народовъ великихъ и, не смотря на это и на важность минуты, дворяне не очнутся. Кто винтуетъ, кто засѣкаетъ по прежнему: просто гадко! Дворъ старается парализовать добрыя намѣренія Государя; мнимые аристократы хотятъ выбарышничать невозможные барыши, надувая народъ и Царя; а за всѣмъ тѣмъ, я увѣренъ, что переломъ будетъ не къ болѣзни, а къ здоровію.

Говорятъ, Катеринѣ Николаевнѣ стало гораздо лучше и почти безъ леченія; я радъ и нисколько не дивлюсь. Всѣ подозрѣнія на счетъ грудной болѣзни я считалъ вовсе неосновательными, и слѣд. развлеченіе, природа, можетъ быть, освѣжающая волна морская, наконецъ что нибудь въ Европѣ должно было подѣйствовать цѣлительно.—Про себя вы ничего не говорите; но я увѣренъ, что и вамъ очень не скучно въ этой негодной Европѣ, противъ которой я всячески протестую по своему Славянофильскому званію, но отъ которой я и не прочь.

Прощайте, укрѣпляйтесь здоровіемъ, запасайтесь веселіемъ и не забывайте преданнаго вамъ домосѣда. Вашъ отъ души А. Хомяковъ.

АРХИМАНДРИТЪ ГАВРІИЛЪ.

Въ „Русскомъ Архивѣ" и „Русской Старинѣ" сообщалось не разъ о знаменитомъ авторѣ „Исторіи Философіи" (Казань, 1839 г.) и „Философіи Правды" (Казань, 1843 г.) архимандритѣ Гавріилѣ, бывшемъ профессорѣ Богословія и Философіи въ Казанскомъ университетѣ (въ мірѣ Василіи Николаевичѣ Воскресенскомъ).

Это былъ по истинѣ достопамятный Русскій человѣкъ. Обширныя познанія, глубокая мысль и замѣчательное краснорѣчіе соединялись въ немъ съ полною безпечностью, довѣрчивостью и, пожалуй, лѣнью, при дѣтской къ тому добротѣ.

Судьба его несчастна. Поступивъ въ монахи, какъ говорилъ онъ, не по призванію, а по давленію на него, не помню какого именно, митрополита, онъ скоро понялъ, что стѣны монастыря не могутъ дать простора его живой, размашистой природѣ. Въ Симбирскѣ, будучи ректоромъ Семинаріи, онъ допустилъ большіе безпорядки, по неумѣнію распоряжаться и по довѣрчивости къ людямъ. Ревизія ректора Московской Духовной Академіи архимандрита Филарета *) доказала положительную неспособность архимандрита Гавріила къ управленію Семинаріей.

Въ Казани свободное время, уединенная монастырская жизнь и, быть-можетъ, примѣръ трудившихся для науки товарищей-профессоровъ подвинули его къ ученымъ занятіямъ, и онъ подарилъ нашу ученую литературу двумя крупными трудами: „Исторія Философіи" и „Философія Правды", изъ которыхъ первый заключается въ VI томахъ. Но потомъ онъ какъ бы впалъ въ апатію и довольно небрежно относился къ своимъ обязанностямъ. Томительное для него однообразіе монастырской жизни, отсутствіе общенія съ людьми, стоявшими болѣе или менѣе близко къ нему по образованію, съ которыми могъ онъ видаться только въ минуты между лекціями, наводили на него скуку, которую онъ прогонялъ на лекціяхъ, разсказывая студентамъ забавные случаи или слушая отъ нихъ таковые же. Гавріилъ опустился: шутовство къ лицу ученаго не шло. Но его знанія были столь обширны, а способности такъ велики, что ему все давалось легко; онъ какъ съ полки бралъ все готовое, а между тѣмъ никогда не задавалъ себѣ труда пригото-

*) Позднѣе архіепископа Черниговскаго.

виться къ проповѣди или лекціи. И сколько разъ попечитель округа [1]) его помощникъ [2]), а чаще всего ректоръ Университета И. М. Симоновъ уходили въ слезахъ изъ его аудиторіи.

Такое небрежное отношеніе Гавріила къ порученному ему дѣлу духовнаго просвѣщенія юношества не понравилось строгому и бдительному архіепископу Григорію [3]). Когда я съ послѣднихъ каникулъ, перейдя на 4-й курсъ, вернулся въ Казань, то съ прискорбіемъ узналъ, что Гавріилъ смѣненъ молодымъ магистромъ-священникомъ и отправленъ въ отдаленный Сибирскій монастырь.

Какъ ни было жаль архимандрита Гавріила, но нельзя не сознаться, что преосвященный Григорій былъ правъ. Всеобщій недостатокъ духовнаго образованія, несомнѣнно, принесъ величайшій вредъ, оторвавъ не одно поколѣніе отъ его народной почвы, и оправдались слова графа В. Н. Панина о томъ, что „въ высшемъ преподаваніи ускользаютъ изъ виду православіе и самодержавіе, два главныя начала, на которыхъ зиждется общество“.

Но съ Гавріиломъ было поступлено жестоко: его, старика, послали въ Сибирскіе снѣга и тундры и лишили пенсіи, не поставивъ даже ему въ заслугу его ученые труды.

И странная сказалась здѣсь иронія судьбы: читалъ Богословіе ученый, владѣвшій всѣмъ для того, чтобы предметомъ этимъ не только занять, но увлечь своихъ слушателей, и ничего не сдѣлалъ. Замѣнилъ его другой, быть можетъ имѣвшій желаніе быть полезнымъ, но читалъ предметъ, какъ псалтырь и, убилъ всякую охоту имъ заниматься.

И. Д. Павловскій въ замѣткѣ своей („Русская Старина“ 1879 г., стр. 14) утверждаетъ, что Гавріилъ былъ посланъ миссіонеромъ въ Сибирь и умеръ на пути къ Байкалу въ 1849 году. Возражая въ свое время противъ этой замѣтки въ „Русскомъ Архивѣ“, я пояснилъ, что еще въ 1851 году я слушалъ его лекціи въ Казанскомъ университетѣ, и Гавріилъ изъ Сибири писалъ бывшему своему слушателю Василію Ивановичу Овчинникову, служившему тогда за оберъ-прокурорскимъ столомъ, что онъ зябнетъ, и просилъ похлопотать о переводѣ его въ Россію. Это письмо, подаренное потомъ мнѣ почтеннымъ и нынѣ покойнымъ Овчинниковымъ, служитъ опроверженіемъ неправильныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ авторомъ замѣтки, такъ какъ писано оно Гавріиломъ 12 Сентября 1861 года изъ Архангельскаго монастыря Владимирской губерніи, куда былъ онъ переведенъ по ходатайству Василія Ивановича (который позднѣе управлялъ канцеляріею оберъ-прокурора Св. Синода). Архимандрита Гавріила не покидаетъ юморъ, когда у него „течетъ слеза“, а отсутствіе жизненныхъ средствъ заставляетъ почти голодать.

---

[1]) Ген.-майоръ В. П. Молоствовъ.

[2]) Н. И. Лобачевскій, извѣстный математикъ.

[3]) Григорій Говорковъ, впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій.

Письмо архимандрита Гавріила къ В. И. Овчинникову.

Ваше высокородіе, милостивѣйшій государь Василій Ивановичъ!

14 Августа пріѣхалъ я въ Архангельскій. Благодарю, благодарю покорнѣйше; за что, знаетъ сердце, молчитъ языкъ, течетъ слеза.

Здѣсь я пророкъ, не въ натурѣ, а по тому тонкому расположенію ко мнѣ народа, отъ котораго также течетъ слеза. Когда бы Господь не лишилъ въ вѣчности нѣкоей части награды меня за то, что много и не по достоинству получаю чести здѣсь!

Стѣны толсты, колокола крупны, за трапезой 23 человѣка. Въ четыре мѣсяца всѣхъ жалованьевъ и доходовъ получилъ 70 р. По праздникамъ на водку и чай одной братіи станетъ, а закуски имъ и мнѣ не будетъ. Пѣніе у насъ доброе. Исполать!

Потери! Потери кромѣ прочихъ: пенсіи: а) соборнаго іеромонаха, b) магистра, c) Анны 2 степени, d) профессорская по университету; затѣмъ, что блаженный митрополитъ Григорій отозвался, что онъ не признаетъ необходимымъ, чтобы второклассный архимандритъ получалъ пенсію, e) за 35 лѣтъ службы сорокалѣтней монастыря втрое лучшаго по чести и доходамъ и имѣющаго мало братіи.

Нельзя ли получить должность какую нибудь при монастырѣ настоящемъ или и лучшій монастырь по доходамъ?

Какъ я радъ, что увидалъ ваше имячко въ «Духовной Бесѣдѣ» съ чѣмъ усерднѣйше васъ поздравляю. Господь да сохранитъ васъ въ благоденствіи и долгоденствіи на многая лѣта!

Поклонъ, благодарность всѣмъ!

Адресъ мой: Владимирской губерніи города Юрьева-Польскаго въ Архангельскомъ монастырѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ, всегдашнею преданностью и любовію честь имѣю быть и пр. усерднѣйшій доброжелатель и богомолецъ архимандритъ Гавріилъ.

12 Сентября 1861 г.

(*Сообщено Н. С. Листовскимъ*).

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГУБЕРТИ.

Смерть моего отца, Николая Васильевича Губерти, потрудившагося для Русской библіографіи, не могла остаться незамѣченной среди еще немногочисленнаго кружка библіографовъ. Благодаря труду, изданному имъ, его имя небезъизвѣстно лицамъ работающимъ въ области книговѣдѣнія, а также интересующимся литературою прошлаго вѣка и собирателямъ книжныхъ рѣдкостей того времени. Какъ тѣ, такъ и другіе не разъ заглянутъ въ страницы его «Матеріаловъ для библіографіи» и помянутъ добрымъ словомъ умершаго собрата, съ пользою потрудившагося на одномъ съ ними поприщѣ. Настоящая біографическая замѣтка дастъ возможность всѣмъ тѣмъ, кому это интересно, поближе познакомиться съ личностью покойнаго библіографа, а мнѣ— почтить немногими строками память отца.

Отецъ мой родился 16 Мая 1818 года въ г. Коломнѣ, въ дворянской семьѣ. Его отецъ подполковникъ Василій Яковлевичъ Губерти, участникъ Бородинскаго сраженія, гдѣ онъ былъ раненъ въ грудь на вылетъ *), служилъ въ Коломнѣ городничимъ. Мать (Елена Адріановна) была дочь Адріана Моисеевича Грибовскаго, бывшаго статсъ-секретаря императрицы Екатерины II. Воспитаніе отецъ получилъ въ домѣ родителей, которые, обладая хорошими средствами, имѣли возможность приглашать для занятій съ своими дѣтьми учителей и гувернеровъ, людей образованныхъ и знавшихъ свое дѣло. Благодаря хорошему выбору преподавателей и строгому надзору матери, женщины по тому времени прекрасно образованной, научныя познанія отца моего были несомнѣнно выше курса современныхъ ему гимназій, не говоря уже о Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, которые онъ зналъ основательно. Это знаніе языковъ принесло ему большую пользу въ его библіографическихъ занятіяхъ. Любовь къ чтенію и книгамъ проявилась у отца еще въ раннемъ дѣтствѣ. Въ одномъ изъ имѣній дѣда его, Грибовскаго, селѣ Щуровѣ, Зарайскаго уѣзда Рязанской губ., находилась обширная библіотека, заключавшая въ себѣ выдающіяся произведенія Русской, Французской и Нѣмецкой литературъ конца прошлаго и 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ селѣ Щуровѣ

*) Прострѣленный атласный жилетъ дѣда сохраняется у брата моего.

отецъ мой до 17-ти лѣтняго возраста, каждый годъ проводилъ, вмѣстѣ съ родными, лѣтніе мѣсяцы и постоянно могъ пользоваться чтеніемъ серьезныхъ книгъ, которыми была богата библіотека. Нерѣдко онъ получалъ отъ родителей книги въ подарокъ за прилежаніе, въ дни рожденія, именинъ, въ праздники. «Книга—говорилъ отецъ—всегда была для меня лучшимъ подаркомъ»... Немудрено, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, въ душѣ будущаго библіографа пробудилась любовь къ книгамъ, любовь, прошедшая красной нитью чрезъ всю его жизнь, подвинувшая его на путь библіографическихъ занятій и угасшая съ послѣднимъ его вздохомъ.

Незадолго до смерти, страдая отъ болѣзни, онъ все еще интересовался книгами, читалъ, на сколько позволяли ему силы, и не разъ поручалъ мнѣ купить ту или другую книгу его интересовавшую.

Въ 1835 году, 17-ти лѣтъ, отецъ былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ, по выдержаніи экзамена въ артиллерійскомъ отдѣленіи военно-ученаго комитета, опредѣленъ на службу юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію; черезъ два года произведенъ въ прапорщики съ опредѣленіемъ въ гренадерскій короля Фридриха-Вильгельма Карла Прусскаго полкъ и, прослуживъ въ немъ около 10 лѣтъ, въ 1844 году вышелъ въ отставку съ чиномъ штабсъ-капитана. Въ 1848 г. отецъ женился на Аннѣ Михайловнѣ Павловской, только что окончившей тогда курсъ въ Московскомъ Екатерининскомъ Институтѣ. Пріобрѣтать книги отецъ началъ уже по выходѣ изъ военной службы и въ это-же время пристрастился къ коллекціонированію древнихъ Русскихъ монетъ; кромѣ того онъ покупалъ старинныя гравюры, портреты и народныя лубочныя картинки [1].

Въ концѣ 60-хъ годовъ, свою нумизматическую коллекцію, состоявшую изъ нѣсколькихъ сотъ монетъ удѣльныхъ великихъ князей и царскихъ, отецъ продалъ и, покончивъ такимъ образомъ съ нумизматикой, отдался исключительно библіографіи, какъ предмету, по его мнѣнію, болѣе живому и интересному Книги отецъ покупалъ, большею частью, у Московскихъ букинистовъ и у торговцевъ книжными рѣдкостями—Шибанова, Силина и Большакова; попадались ему рѣдкія книги и на рынкѣ у Сухаревой башни, гдѣ иногда удавалось покупать ихъ баснословно дешево. Напримѣръ за такую книгу, какъ Карманный Календарь государя великаго князя Павла Петровича, за

[1]) Въ числѣ картинъ я помню каррикатуры Теребенева на войну 12-го года, полный комплектъ; рѣдкій портретъ императора Константина Павловича и миніатюрный акварельный В. К. Михаила Павловича, рисованный извѣстнымъ жанристомъ Ѳедотовымъ, купленъ отцомъ за 5 р. ассигн. у самого художника, тогда офицера Финляндскаго полка.

1761 годъ, онъ заплатилъ всего 2 рубля [2]). Въ большинствѣ-же случаевъ, отецъ платилъ за книги далеко не дешево, а за старопечатныя и рукописи высокія цѣны, такъ какъ они покупались у такихъ знатоковъ, какъ Силинъ, Большаковъ и Шибановъ.

При покупкѣ книгъ, особенно гражданскихъ, отецъ всегда обращалъ вниманіе на степень ихъ сохранности; экземпляровъ въ плохомъ видѣ, съ обрѣзанными полями, онъ избѣгалъ, а «дефектныхъ» не покупалъ вовсе, если только они не представляли особой книжной рѣдкости. Поэтому, въ его библіотекѣ всѣ экземпляры, за немногими исключеніями, были въ прекрасномъ или хорошемъ видѣ. Отецъ обращался съ книгами, мало сказать, бережно, но съ величайшею осторожностью, какъ будто съ какими-нибудь хрупкими вещами... Въ его шкапахъ переплетенные томы никогда не стояли плотно одинъ къ другому, но всегда между ними было небольшое разстояніе, для того, чтобы не терлись переплеты, когда приходилось вынимать и ставить на мѣсто книги. Тѣ же, которыя помѣщались въ сундукахъ и комодахъ, были тщательно завернуты, каждая отдѣльно, въ бумагу. Точно также всѣ до одной книги отецъ завертывалъ при переѣздѣ на другую квартиру, укладывая ихъ въ сундуки собственноручно, безъ посторонней помощи. Въ такихъ случаяхъ отецъ былъ настоящимъ мученикомъ при его чрезмѣрной мнительности и аккуратности.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, когда библіотека его, кромѣ рукописей и старопечатныхъ книгъ, достаточно пополнилась рѣдкими гражданскими книгами, онъ задумалъ свой библіографическій трудъ, озаглавленный имъ. «Матеріалы для библіографіи. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ Русскихъ книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ 1725 — 1800». Принявшись за трудъ, отецъ каждый день посвящалъ нѣсколько часовъ занятіямъ, приготовляя выпуски своихъ «Матеріаловъ». Особенно успѣшно шла у него работа въ лѣтнее время, ранними утрами, когда, вставши въ 5 или 6 часовъ, онъ писалъ при полной тишинѣ, въ своемъ кабинетѣ, стоя за конторкой. Писалъ онъ на отдѣльныхъ листахъ, затѣмъ дѣлалъ поправки, иногда перечеркивалъ цѣлыя страницы и переписывалъ съизнова. Приготовивъ, такимъ образомъ, черновую работу, онъ переписывалъ уже набѣло, безъ поправокъ и помарокъ, очень мелкимъ, но четкимъ почеркомъ. Къ 1878 г., 1-й выпускъ съ Обозрѣніемъ 200, а вскорѣ и второй съ Обозрѣніемъ 220 книгъ были имъ

[2]) Календарь этотъ находится у извѣстнаго Московскаго библіофила П. П. Носова; библіотека, купленная имъ у отца въ прошломъ году, сгорѣла, но календарь случайно уцѣлѣлъ.

окончены и, благодаря содѣйствію секретаря Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, покойнаго Н. А. Попова, печатались въ «Чтеніяхъ» Общества съ 1878 по 1881 годъ, и въ послѣднемъ году оба выпуска изданы Обществомъ для автора, отдѣльно, въ количествѣ 600 экземпляровъ. Увидя свой трудъ въ печати и слыша о немъ лестные отзывы компетентныхъ лицъ, отецъ съ большой энергіей принялся за составленіе 3-го выпуска, и въ 1885 году онъ былъ уже готовъ въ рукописи [1]). Къ сожалѣнію отца, послѣдній выпускъ не могъ быть напечатанъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи, такъ какъ, по мнѣнію новаго секретаря Общества г. Барсова, сочиненіе это не подходило къ программѣ журнала. Отецъ долго не рѣшался, боясь неудачи, подать свой трудъ въ Академію Наукъ на полученіе преміи, но по настоянію покойнаго Д. А. Ровинскаго, наконецъ рѣшился, и три выпуска (3-й въ рукописи) были имъ посланы въ Петербургъ. Согласно отзыву адъюнкта Академіи Л. Н. Майкова, которому былъ порученъ разборъ представленнаго сочиненія, 26 Сентября 1889 г., автору была присуждена премія имени графа Уварова.

Надъ составленіемъ «Матеріаловъ для Библіографіи» отецъ трудился не менѣе 15 лѣтъ, и срокъ этотъ едвали можно назвать продолжительнымъ, если принять во вниманіе различныя обстоятельства, прерывавшія его работу на болѣе или менѣе продолжительное время. Случавшееся нездоровье, перемѣны квартиръ, послѣ чего онъ долго не могъ разобраться съ книгами, неспокойное состояніе духа, мѣшавшее сосредоточиться въ занятіяхъ, и наконецъ переписка набѣло черновыхъ рукописей отнимали у него много времени. Въ 1891 году смерть матери моей, прожившей съ отцомъ 43 года, сильно подѣйствовала на него, какъ нравственно, такъ и физически; горе и болѣзнь замѣтно стали разрушать его до того времени еще крѣпкій организмъ; онъ сталъ слабѣть, почти лишился ногъ и въ продолженіе четырехъ лѣтъ безвыходно просидѣлъ дома. При слабости физической, его интеллектуальныя способности сохранились почти до послѣднихъ дней его жизни. Привыкшій къ умственнымъ занятіямъ и все еще интересуясь любимымъ своимъ предметомъ, библіографіей, онъ года за два до кончины началъ писать довольно широко задуманную статью подъ заглавіемъ: «Будущее библіографіи, какъ самостоятельной науки, и ея теорія» [2]). Но работа его подвигалась медленно, часто прерывалась, вслѣдствіе ухудшенія болѣзни; затѣмъ онъ снова, слабѣющей рукой

[1]) Эта рукопись возвращена ему Академіей и теперь хранится у меня.

[2]) Начатая статья занимаетъ 25 страницъ тетрадки въ 4 долю листа и написана мелкимъ, убористымъ почеркомъ.

брался за перо, но окончить статью уже не могъ. Въ 1895 году, по просьбѣ дочери его, а моей сестры Елены Николаевны Умановой, отцу была назначена пенсія (480 въ годъ изъ фонда для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ), но не долго онъ ею пользовался, всего лишь десять мѣсяцевъ... 29 Апрѣля 1896 г. отца не стало. Всю почти свою библіотеку, состоявшую изъ рукописей, старопечатныхъ и гражданскихъ книгъ, обстоятельства заставили его продать въ разныя руки, но все же остаться вовсе безъ книгъ онъ не могъ; слишкомъ онъ любилъ ихъ, слишкомъ сроднился съ ними; не видѣть около себя книгъ для него было бы также тяжело, какъ не видѣть близкихъ ему людей, не видѣть дневнаго свѣта... Онъ оставилъ себѣ небольшое количество книгъ изъ гражданскаго отдѣла и всѣ сочиненія по библіографіи. Послѣ онъ не переставать пополнять ихъ, и въ послѣднее время у него было до 500 томовъ.

Разбирая послѣ смерти отца бумаги, я нашелъ въ массѣ писемъ, замѣтокъ и выписокъ изъ разныхъ книгъ, сохраненныя имъ, какъ воспоминаніе, тетрадки, рисунки, письма и сочиненія дѣтскихъ лѣтъ его и братьевъ. Онъ часто любилъ вспоминать о раннемъ дѣтствѣ, какъ о лучшей и счастливой порѣ своей жизни. Даль давно минувшихъ дѣтскихъ лѣтъ была озарена для него тихимъ, немеркнувшимъ свѣтомъ; картины дѣтства неизгладимо запечатлѣлись въ его памяти, воспоминанія о далекомъ прошломъ согрѣвали ему душу. Помнилъ онъ сказки, что разсказывала ему старуха-нянька, помнилъ мотивы романсовъ и арій, которые пѣвала его мать, аккомпанируя себѣ на клавикордахъ, помнилъ дѣтскія игры съ братьями... Особенно бывали живы эти воспоминанія, когда отцу приходилось навѣщать брата своего, Дмитрія Васильевича Губерти, постоянно живущаго въ селѣ Щуровѣ. Въ послѣдній разъ я ѣздилъ туда съ отцомъ въ 1892 г., и въ послѣдній разъ онъ, уже 74-хъ лѣтній старикъ, ослабѣвшими ногами бродилъ по комнатамъ обширнаго дома и по саду, вспоминая, какъ, 60 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, по этимъ же комнатамъ, по этому же саду онъ бѣгалъ ребенкомъ. Я всегда любилъ слушать его воспоминанія дѣтства; его разсказы были такъ живы и образны. Не задолго до смерти, отецъ просилъ сжечь послѣ него всѣ дѣтскія бумаги, что и было исполнено, но случайно нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли и теперь я не рѣшаюсь предать огню эти, исписанные дѣтскимъ почеркомъ, пожелтѣвшіе листки: онъ слишкомъ дорожилъ ими, и они такъ живо воскрешаютъ въ душѣ моей образъ покойнаго отца.

Н. Губерти.

КНЯЗЬ В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ О СЕБѢ САМОМЪ.

На меня нападаютъ за мой энциклопедизмъ, смѣются даже надъ нимъ. Но мнѣ не приходилось еще ни разу сожалѣть о какомъ либо пріобрѣтенномъ знаніи. Мнѣ совѣтуютъ удариться въ какую-нибудь спеціальность, но это противно моей природѣ. Каждый разъ, когда я принимался за какую нибудь спеціальность, предо мною возставали цѣлыя горы разныхъ вопросовъ, которымъ отвѣтъ я могъ найти лишь въ другой спеціальности. Это движеніе по разнымъ путямъ, невозможное для тѣла, весьма возможно для духа. Нѣтъ! Никогда я не жалѣлъ о томъ. Свѣдѣнія изъ разныхъ частей группируются для меня въ разные образы, имѣющіе свою жизнь и свое движеніе, точно такъ же какъ простыя тѣла группируются въ сложныя, имѣющія свой особый характеръ, свои особыя свойства. Сколько разъ понятныя мнѣ явленія природы служили мнѣ нитью для разрѣшенія метафизическихъ, административныхъ и житейскихъ задачъ. Конечно такое разнообразіе направленій осложняетъ жизнь, но доставляетъ много не всѣмъ доступныхъ наслажденій. Мнѣ весело, что я могу говорить съ химикомъ, съ физикомъ, съ музыкантомъ, даже немножко съ математикомъ, съ юристомъ, съ врачемъ на ихъ языкахъ; мнѣ забавно, когда на медицинскихъ экзаменахъ старые врачи съ удивленіемъ говорятъ: «mais ce n'est pas des questions de laïque que vous adressez aux élèves». И здѣсь не одна потѣха для самолюбія. Мнѣ также весело умѣть говорить на этихъ языкахъ, какъ человѣку, знающему иностранныя языки, путешествовать: онъ вездѣ дома, вездѣ можетъ удовлетворить своей любознательности, вездѣ легко ему понять то, что̀ для другихъ навѣки остается темнымъ, какъ мнѣ, когда я смотрю съ отчаяніемъ на Китайскую книгу. Фурье очень удачно раздѣлилъ людей на solitones и omnitones: это-роды людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою особенность, не переходящую въ другой родъ; солитонисты необходимы въ мірѣ, но они лишь приготовляютъ кормъ для омнитонистовъ, какъ работная пчела для матки, которая одна оплодотворяетъ. Les hommes d'action doivent être omnitones.

(Изъ Отчета Императорской публичной библіотеки за 1884-й годъ).

О ЗАПАСНОМЪ ДВОРЦѢ ВЪ МОСКВѢ.

Въ дни смутъ, которыми омрачились конецъ царствованія Александра Николаевича и начало царствованія Александра Александровича, одинъ изъ состоявшихъ при Московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Владимирѣ Андреевичѣ Долгоруковѣ чиновниковъ завѣдывалъ подземною Москвою. Этотъ чиновникъ или отъ кого-то слышалъ, или гдѣ-то вычиталъ, что зданіе нынѣшняго Дворцоваго Запаснаго Дома въ старину было занято Іезуитскою школою, что церковь Святителя Николая на Мясницкой была католическою, и что, наконецъ, старинный домъ (противъ церкви) боярина и начальника Посольскаго Приказа Льва Кириловича Нарышкина (гдѣ теперь отдѣленіе чернорабочей больницы) былъ занятъ Іезуитскою коллегіей, откуда существовалъ подземный ходъ въ названную школу. Все это чиновникъ счелъ обязанностью сообщить своему начальнику. Сколько мы ни старались увѣрить, согласно документамъ, что въ этой мѣстности ничего подобнаго не было, да притомъ и никакой надобности не представлялось сообщаться черезъ подземный путь, когда возможность была ходить по землѣ, такъ какъ эти заведенія (если только они были) существовали съ разрѣшенія правительства но возникло дѣло, и составлена была коммиссія, которая, разумѣется, ничего не отыскала.

Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ сообщить исторію возникновенія Дворцоваго Запаснаго Дома.

Вмѣсто сгорѣвшаго дворцоваго каменнаго Запаснаго Двора, что на Бережкахъ, Старый Житный дворъ на мѣстѣ нынѣшняго Запаснаго дворца, бывшій въ вѣдѣніи Государственной Военной Коллегіи, по имянному Ея Императорскаго Величества повелѣнію отданъ, 2 Марта 1753 г., въ вѣдомство Главной Дворцовой Канцеляріи.

Строенія стараго Житнаго Двора состояли изъ одного каменнаго корпуса, длиною 23 и шириною 5 сажень, и каменной ограды съ двумя по краямъ башнями; въ нихъ помѣщался Генеральный Григсъ-рехтъ и колодники, переведенные послѣ въ Штабный дворъ Бутырскаго пѣхотнаго полка. Впослѣдствіи уже построены зданія, теперь существующія, въ которыхъ помѣщались: выведенная въ 1752 г. изъ Кремля Главная Дворцовая Канцеля-

рія, Архивъ ея и Казначейство; а по сгорѣніи въ 1753 г. каменнаго Запаснаго двора, чтó на Бережкахъ, здѣсь производились: сидѣнія водокъ и спирта, дѣло восковыхъ свѣчъ, факеловъ и прядей, устройство провѣсной рыбы, продѣлъ Смоленскихъ и другихъ крупъ и муки, вареніе меду, приготовленіе квасовъ и кислыхъ щей, печеніе хлѣбовъ ситныхъ и басмановъ [1]), копченіе дровъ, помѣщеніе инструментовъ для названныхъ производствъ и квартиры должностныхъ лицъ [2]).

За тѣснотою приходской Трехъ-Святительской церкви здѣсь устроены были двѣ церкви: теплая св. Севастіана и дружины его, въ память дня рожденія (18 Декабря) императрицы Елисаветы Петровны, освященная въ 1762 г., и холодная священномученика Іаннуарія, въ память дня рожденія (21 Апрѣля) императрицы Екатерины II, освященная 18 Апрѣля 1763 г., въ присутствіи самой Государыни, Московскимъ митрополитомъ Тимоѳеемъ [3]).

Въ настоящее время зданіе это передано Московскому дворянству. Въ указѣ Государя Императора Александра III на имя министра императорскаго двора, отъ 6 Января 1890 г., изображено: „Въ видахъ вспособленія дворянству Московской губерніи въ воспитательныхъ его заботахъ, принадлежащій дворцовому вѣдомству Запасный дворцовый домъ въ Москвѣ (чтó у Красныхъ воротъ) передать въ распоряженіе Московскаго дворянства для помѣщенія учрежденнаго имъ Института благородныхъ Дѣвицъ имени Императрицы Екатерины II-й“.

Проектъ перестройки этого зданія составленъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Императорской Академіи Художествъ Н. В. Никитинымъ.

А. Мартыновъ.

---

[1]) Слово *басманъ*, согласно Словарю В. И. Даля, значитъ „казенный хлѣбъ“. Въ Архивѣ Московской Дворцовой Конторы (реестръ 6-й, томъ 2-й, дѣла №. 405, годъ 1732) читаемъ: „Изъ Дворцовой Канцеляріи отпускалось, сверхъ повседневнаго наряду, для иноземца егеря Бема, да Калмычкѣ дѣвочкѣ 7-ми лѣтъ, которая была пожалована княжнѣ Варварѣ Черкаской, столовыхъ припасовъ въ два дни: хлѣбъ ситной 1, да въ день баранины 2½ фунта, говядины 6 фунтовъ, поросенка одного, курицу Русскую одну, молока кружку, *басмановъ* два“. Здѣсь-же въ хлѣбенной слободѣ жили дворцовые пекаря и *басманники*, давшіе названіе двумъ улицамъ, *Старой* и *Новой Басманной*.

[2]) См. Архивъ Московской Дворцовой конторы, опись 13, дѣла №. 303.

[3]) См. опись ненапумерованная, дѣло № 17, годъ 1849-й, тамъ-же.

РАЗСКАЗЪ ЕВГЕНІИ ВЕЧЕСЛОВОЙ О ВАРШАВСКОЙ РѢЗНѢ 1794 ГОДА *).

Спустя четыре года послѣ прибытія моего въ Россію къ отцу моему, я получила приглашеніе отъ г-жи Чичериной ѣхать съ нею въ Варшаву, гдѣ она, по дѣламъ своимъ, должна была увидѣться съ мужемъ, командовавшимъ однимъ изъ драгунскихъ полковъ, расположенныхъ на границѣ. Я охотно согласилась на ея предложеніе. Послѣ продолжительнаго путешествія, *въ Апрѣлѣ 1794 года*, мы пріѣхали въ Варшаву, гдѣ г-жа Чичерина не застала своего мужа, но рѣшилась ожидать его. Черезъ недѣлю послѣ нашего пріѣзда, 17 Апрѣля, въ три часа ночи, мы были пробуждены необыкновеннымъ шумомъ на улицѣ. Одѣвшись на-скоро, мы обѣ подошли къ окну. Въ это время пламя зажженнаго вблизи насъ дома Русскаго посланника Игельштрома освѣтило толпы вооруженныхъ людей, бѣжавшихъ по улицамъ. Въ испугѣ, г-жа Чичерина, оставя мнѣ двухъ дѣтей своихъ, выбѣжала изъ дому. Тщетно ожидая ея возвращенія, я, наконецъ, рѣшилась искать ее и едва могла найти въ квартирѣ хозяйки дома, куда она зашла въ безпамятствѣ (считая ее за сумасшедшую, эта дама дала ей у себя убѣжище). Но и тутъ мы оставались недолго: выгнанныя изъ дому мужемъ хозяйки, офицеромъ Польскихъ гусаръ, мы не имѣли бы никакой надежды на спасеніе, еслибы жившій въ этомъ домѣ стекольщикъ, Прусскій подданный, не укрылъ насъ у себя въ чуланѣ.

Здѣсь мы пробыли три дня, пока прошли первые порывы ярости Поляковъ, и тогда нашъ избавитель, не смѣя скрывать насъ далѣе въ городѣ, наполненномъ шпіонами-Евреями, уговорилъ насъ отдаться въ плѣнъ Полякамъ; но, для большей безопасности, совѣтовалъ мнѣ, какъ иностранкѣ, идти впереди съ дѣтьми и кричать по польски, что я Англичанка. При выходѣ нашемъ на улицу, мы были поражены ужасной картиной; грязныя улицы были загромождены мертвыми тѣлами, буйныя толпы Поляковъ кричали: «руби Москалей!»

---

*) Извлечено изъ XCVIII-го тома Сборника Императорскаго Историческаго Общества. Евгенія Вечеслова (ур. Лайонъ), няня императора Николая Павловича, скончалась въ 1842 году. П. Б.

Одинъ маіоръ Польской артиллеріи въ туже минуту успѣлъ отвести г-жу Чичерину въ арсеналъ; а я, имѣя на рукахъ двухъ дѣтей, осыпанная градомъ пуль и оконтуженная въ ногу, въ безпамятствѣ упала съ дѣтьми въ канаву, на мертвыя тѣла. Не помню уже, какимъ образомъ я очутилась въ томъ же арсеналѣ, гдѣ была г-жа Чичерина и гдѣ скрывалось до 30-ти Русскихъ дамъ, и въ числѣ ихъ княгиня Гагарина съ двумя сыновьями*), генеральша Хрущова съ дѣтьми, г-жа Багговутъ, Языкова и другія. Здѣсь мы провели двѣ недѣли почти безъ пищи и вовсе безъ теплой одежды. Такъ встрѣтили мы Свѣтлое Христово Воскресеніе и разговѣлись сухарями, которые находили около мертвыхъ тѣлъ.

Наконецъ, одинъ нечаянный случай облегчилъ нашу участь. Противъ нашихъ оконъ Поляки осматривали карету одного путешественника; узнавъ отъ часоваго Польской милиціи, что это былъ Англичанинъ, графъ Макартс, я обратилась къ нему съ просьбой помочь намъ въ нашемъ ужасномъ положеніи. Онъ вошелъ къ намъ въ комнату и такъ былъ тронутъ зрѣлищемъ, ему представившимся, что вышелъ отъ насъ со слезами на глазахъ и въ туже минуту поѣхалъ къ Англійскому посланнику ходатайствовать за насъ. Въ тотъ же вечеръ намъ прислали три огромныя фуры съ соломой, бѣльемъ, теплыми одѣялами и другими необходимыми вещами, и мы, благодаря попеченіямъ графа Макарте, послѣднюю недѣлю пребыванія нашего въ арсеналѣ не имѣли уже такой нужды. Отсюда мы были переведены въ Брюлевскій дворецъ, и хотя, по приказанію Костюшки, содержаніе наше было довольно хорошо, но жизнь не была еще внѣ опасности. Предъ нашими окнами, въ глазахъ своего семейства, былъ повѣшенъ князь Четвертинскій и съ нимъ 18 Поляковъ, преданныхъ Россіи. По словамъ нашихъ часовыхъ, таже участь ожидала и насъ.

Черезъ 4 мѣсяца мы были переведены въ домъ, принадлежавшій королевской фамиліи, въ которомъ содержались въ плѣну члены Русскаго посольства: бар. Ашъ, Бюлеръ и другіе. Здѣсь мы пробыли до первыхъ чиселъ Ноября, когда Суворовъ, послѣ штурма Праги, вступилъ въ Варшаву. Тутъ я въ первый разъ видѣла этого необыкновеннаго человѣка. Все время нашего заключенія мы были постоянно въ такомъ страхѣ, что даже когда Польскіе часовые насъ оставили и явились наши избавители, то всѣ дамы спрятались въ послѣднюю комнату и оставили меня одну говорить съ вошедшими офицерами. Увидя странный костюмъ старика, я, не смотря на его отвѣтъ, что онъ Русскій,

---

*) И четырьмя дочерьми, изъ которыхъ старшая—впослѣдствіи княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская, супруга поэта. П. Б.

не хотѣла впускать; но стоявшіе позади его Чичеринъ и Горчаковъ (какъ я узнала послѣ) сдѣлали мнѣ знакъ, чтобы я не противилась ему: это былъ самъ Суворовъ. Войдя въ огромную залу и увидя себя въ зеркалахъ, которыми были украшены всѣ стѣны, онъ схватилъ себя за голову и, прыгая, закричалъ: «Помилуй Богъ! Я 20 лѣтъ не видалъ себя въ зеркалѣ!» Послѣ этой сцены, Суворовъ вошелъ въ комнату, гдѣ находились дамы, и поздравилъ ихъ съ освобожденіемъ отъ плѣна.

Такъ кончилось наше семимѣсячное заключеніе. Впослѣдствіи этотъ случай доставилъ мнѣ счастіе быть представленной императрицѣ Екатеринѣ II, которой угодно было назначить меня на службу ко двору.

Слыша этотъ и другіе разсказы своей нянюшки, которую назначила къ нему Екатерина, будущій императоръ съ раннихъ лѣтъ имѣлъ возможность почувствовать нерасположеніе къ Полякамъ и отвращеніе къ уличному мятежу. П. Б.

ПЕРВОЕ МОЕ УЧАСТІЕ ВЪ ДВОРЯНСКОМЪ СОБРАНІИ.

(1866).

Въ теплую весеннюю ночь разбуженъ былъ я экстренной повѣсткой изъ нашего уѣзднаго города Сердобска. Выраженія ея были зловѣщи, но и неопредѣленны, съ требованіемъ немедленной явки въ городъ. Заря ужъ занималась, запрягли лошадей, и я поѣхалъ немедля.

Такія же повѣстки разосланы были и всему уѣздному дворянству, такъ что, непозднимъ еще утромъ, къ нашему городскому клубу стали подъѣзжать разноколиберные экипажи помѣщиковъ. Нашъ предводитель, случайно бывъ въ Саратовѣ, оттуда и прислалъ эстафету своему кандидату. Сей послѣдній не успѣлъ еще прибыть въ собраніе, и дворяне, съ встревоженными, блѣдными лицами, ходили по залѣ, опредѣленно не зная, къ чемъ дѣло. Наконецъ, кандидатъ объявилъ намъ о покушеніи Каракозова и пригласилъ въ Соборъ на молебствіе съ тѣмъ, чтобы вновь собраться для подписанія всеподданнѣйшаго адреса, проектъ котораго имъ полученъ изъ Саратова.

Нѣкоторые поѣхали, а бо́льшая часть, какъ и я, пошли пѣшкомъ, не разъ по пути слыша о себѣ нелѣпые возгласы отъ мѣстныхъ обывателей.

По возвращеніи, стали читать проектъ адреса. Къ сожалѣнію въ немъ находилось выраженіе: «мы размечемъ самый домъ, въ которомъ злодѣй родился». Я рѣшился замѣтить о неудобствѣ этого выраженія; ко мнѣ присоединился мѣстный законникъ (дворянинъ), такъ называе-

мый «Мышка» (на лбу у него было пятно съ волосами мышинаго цвѣта). Онъ сослался на одну ст. X-го тома Свода Законовъ. Но, какъ проектъ былъ присланъ изъ губерніи, то большинство захотѣло его подписать, а, чтобы примириться съ закономъ, разсуждали такъ: если дворяне не имѣютъ права на разметаніе, то этого можно достигнуть добровольнымъ соглашеніемъ.

Рѣшили пригласить въ собраніе брата преступника, который служилъ тогда въ городѣ докторомъ. Долго не шелъ будущій Владимировъ; два раза за нимъ посылали, а время шло... Наконецъ онъ явился. Никогда еще не видалъ я болѣе растеряннаго лица какъ у него: стоялъ какъ пьяный, вздрагивая и на всѣ вопросы шевелилъ губами, или отвѣчалъ такимъ шепотомъ, что нельзя было разобрать. Видя его положеніе, я сказалъ дворянамъ, что еслибъ онъ и согласился разметать упомянутый домъ, то все-таки это будетъ недостойная комедія.

Къ моему заявленію присоединилось нѣсколько человѣкъ, и вновь пошелъ споръ: шумѣли дворяне, шумѣли и предъ открытыми окнами кучерá, которымъ цѣлые день пришлось высиживать на козлахъ, галдѣли и уличные зѣваки. Кончилось тѣмъ, что какъ меня, такъ и еще человѣкъ трехъ, заперли для редактированія новаго проекта. Не прошло однако еще и получаса, какъ уже отощавшіе дворяне, по одиночкѣ, стали стучаться, освѣдомляясь о нашей успѣшности. Случалось мнѣ по двое сутокъ безперерывно и безъ сна ѣздить на перекладной, и на охотахъ обходиться безъ пищи; но никогда не испытывалъ я тогдашней истомы. Наконецъ, проектъ вручили кандидату, который и сталъ его читать громкимъ басомъ; водворилась мертвая тишина, притихли и на улицѣ, откуда, при нѣкоторыхъ фразахъ адреса, даже слышалось сдержанное одобреніе; въ залѣ нѣкоторые дворяне всхлипывали.

Потомъ.... даже ощущеніе голода во мнѣ пропало. Не помню, какъ доѣхалъ я назадъ ночью и, не снимая даже шапки, повалился на постель. Бабка моя, съ нетерпѣливымъ любопытствомъ желавшая узнать отъ меня новость, два раза присылала меня будить, но безъ успѣха. А адресъ нашъ остался не напечатаннымъ: или въ губерніи обидѣлись за нашу критику, или министръ *въ визиткѣ* *) не одобрилъ. Отъ нашего уѣзда было послано восемь человѣкъ депутатовъ. По возвращеніи ихъ, почти всѣ они были мною переспрошены о рѣчи сего министра, но ни одинъ не могъ и приблизительно передать ея содержаніе: его не было. По тому времени это было новое искусство.

А. Слѣпцовъ.

---

*) П. А. Валуевъ. П. Б.

ДВѢ ЦЕНЗУРЫ.

I.

25 Іюня 1851 года митрополитъ Московскій Филаретъ произнесъ въ Успенскомъ соборѣ, въ день рожденія императора Николая Павловича, слово на текстъ апостола Петра «яко свободни, а не яко прикровеніе имуще злобы свободу, но яко раби Божіи, всѣхъ почитайте, братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтите» *). Содержаніе проповѣди заключалось въ разъясненіи того, какъ можно согласить повиновеніе царю съ свободою, когда эти направленія представляются противуположными: свобода хочетъ расширить человѣческую дѣятельность, а повиновеніе ограничиваетъ ее. Все дѣло, по мысли проповѣдника, зависитъ отъ того, какъ понимать свободу: «ибо едвали есть въ языкахъ человѣческихъ слово, которое столько было бы подвержено неправому пониманію и злоупотребленіямъ, какъ слово *свобода*. Нѣкоторые подъ именемъ свободы хотятъ понимать способность и невозбранность дѣлать все, что́ хочешь». Это митрополитъ называетъ «мечтою и мечтою не просто несбыточною и нелѣпою, но беззаконною и пагубною». Истинная свобода, по его опредѣленію, «это дѣятельная способность человѣка, не порабощеннаго грѣху, не тяготимаго осуждающею совѣстью, избирать лучшее, при свѣтѣ истины Божьей, и приводить оное въ дѣйствіе при помощи благодатной силы Божіей». Это свобода «христіанская внутренняя, а не внѣшняя, нравственная и духовная, а не плотская, всегда благодѣлающая и никогда не мятежная, которая можетъ жить въ хижинѣ также удобно, какъ въ домѣ вельможескомъ или царскомъ, которою подвластный, не переставая быть подвластнымъ, можетъ пользоваться столько же, какъ властелинъ, которая и въ узахъ и въ темницѣ не нарушима, какъ то можно видѣть въ христіанскихъ мученикахъ».

---

*) Митрополитъ Филаретъ зналъ, что въ скоромъ времени прибудетъ въ Москву императоръ Николай Павловичъ для празднованія двадцатипятилѣтія своего царствованія: къ этому празднованію по всѣмъ министерствамъ готовились отчеты за четверть вѣка. Небезъизвѣстенъ былъ духовный витія и о тогдашнемъ настроеніи Государя. П. Б.

Эту проповѣдь, содержаніе коей здѣсь вкратцѣ передано, Московскій военный генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій препроводилъ къ попечителю Московскаго учебнаго округа (бывшаго въ тоже время предсѣдателемъ Цензурнаго Комитета) генералъ-адъютанту Назимову для напечатанія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Назимовъ однако затруднился своею властью разрѣшить ее къ печати и обратился для сего, препровождая экземпляръ «слова», къ министру народнаго просвѣщенія князю П. А. Ширинскому-Шихматову, которому писалъ слѣдующее: «Имѣю честь покорнѣйше просить васъ почтить сообщеніемъ вашихъ мыслей объ этомъ замѣчательномъ произведеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить мнѣ напечатаніе онаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». По отзыву всѣхъ просвѣщенныхъ людей, имѣвшихъ счастіе слышать это назидательное слово изъ устъ знаменитаго архипастыря, оно должно быть признано образцовымъ твореніемъ не одного духовнаго краснорѣчія, но и истинной христіанской философіи; поэтому желательно, чтобы, въ видахъ общей пользы, оно могло скорѣе явиться въ печати».

Но и министръ народнаго просвѣщенія не взялъ на себя смѣлости разрѣшить въ печать это слово митрополита Филарета, ибо въ немъ говорилось о «свободѣ». Онъ взошелъ къ самому Государю Николаю Павловичу 9 Іюля 1851 г. съ всеподданнѣйшимъ докладомъ слѣдующаго содержанія:

«Попечитель Московскаго учебнаго округа довелъ до моего свѣдѣнія, что Московскій военный губернаторъ препроводилъ къ нему для напечатанія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ, *съ соблюденіемъ правилъ цензуры*, слово, произнесенное преосвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ въ Успенскомъ соборѣ 25 минувшаго Іюня. Представляя мнѣ экземпляръ этого слова, генералъ-адъютантъ Назимовъ проситъ разрѣшенія напечатать оное по желанію графа Закревскаго. Хотя я и нахожу, что слово преосвященнаго митрополита Филарета опредѣляетъ истинную свободу человѣка правильно и согласно съ ученіемъ христіанскимъ, и потому не усматриваю съ своей стороны затрудненія къ напечатанію онаго, при всемъ томъ, по важности самаго предмета и по уваженію къ лицу проповѣдника, я считаю долгомъ всеподданнѣйше представить означенное слово на предварительное благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества».

На этомъ докладѣ рукою Николая Павловича написано: «Можно».

II.

Секретное письмо С.-Петербургскаго генералъ-губернатора князя Суворова къ министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву отъ 7 Ноября 1863 года № 2895-й.

«Милостивый государь Петръ Александровичъ.

«Содержащемуся въ здѣшней крѣпости литератору Писареву, преданному, по высочайшему повелѣнію, суду Правительствующаго Сената, разрѣшено во время содержанія подъ стражею продолжать свои литературныя занятія. Написанныя Писаревымъ статьи, по заведенному порядку, представляются мною предварительно на разсмотрѣніе въ Сенатъ и, по полученіи отзыва, что къ напечатанію оныхъ препятствій со стороны Сената не встрѣчается, рукописи поименованнаго подсудимаго возвращаются ему черезъ коменданта. Затѣмъ въ отношеніи напечатанія сочиненій Писарева соблюдается общій порядокъ, установленный цензурными правилами.

«На этомъ основаніи въ прошломъ мѣсяцѣ препровождена была мною въ Правительствующій Сенатъ статья Писарева «Мысли о Русскихъ романахъ». Сенатъ далъ мнѣ знать, что въ ней не находится обстоятельствъ до дѣла о Писаревѣ относящихся; но сочиненіе это, содержащее въ себѣ по преимуществу разборъ романа литератора Чернышевскаго «Что̀ дѣлать» и преисполненное похвалъ этому литературному произведенію, съ подробнымъ развитіемъ заключающихся въ немъ матеріалистическихъ воззрѣній и соціальныхъ идей, по мнѣнію Сената, въ случаѣ напечатанія онаго, можетъ имѣть вредное вліяніе на молодое поколѣніе, проникнутое этими идеями.

«Препровождая рукопись Писарева къ коменданту С.-Петербургской крѣпости для передачи по принадлежности, долгомъ считаю о вышеизложенномъ отзывѣ Правительствующаго Сената сообщить вашему превосходительству для соображенія при разсмотрѣніи цензурою статьи поименованнаго подсудимаго подъ заглавіемъ «Мысли о Русскомъ романѣ».

*

Статья не увидала свѣта. Но вообще двойная цензура, которой подвергались сочиненія Писарева, писанныя имъ въ Петропавловской крѣпости, была повидимому благосклонна къ молодому узнику, не взирая даже на то, что къ одиночному заключенію привело его зло-

употребленіе словомъ[1]). «Духъ времени», столь рѣзко противуположный Николаевской эпохѣ боязливой къ печатному слову (даже митрополита Филарета), коснулся цензуры въ обѣихъ ея инстанціяхъ, и изъ Петропавловской крѣпости хлынула волна матеріализма на столбцы «Русскаго Слова», гдѣ имъ захлебывалась молодежь. Біографъ Писарева Е. А. Соловьевъ [2]) свидѣтельствуетъ, что «какъ это ни изумимительно, однако таковъ фактъ, что лучшая статья Писарева написана здѣсь», въ Петропавловской крѣпости, гдѣ былъ написанъ и Чернышевскимъ его романъ «Что̀ дѣлать», попавшій на столбцы «Современника» съ разрѣшенія самого III-го Отдѣленія.

Филаретъ и Чернышевскій! Какая пропасть между этими именами! Однако съ небольшимъ десять лѣтъ только отдѣляютъ эпоху, въ которую правительство не рѣшалось дозволить къ печати слово Филарета, поучавшаго, что истинная высшая свобода заключается не въ безграничномъ своеволіи, которое пагубно, а въ разумномъ подчиненіи, — отъ «новой эпохи», когда дозволялась въ печати проповѣдь именно безграничнаго своеволія и неподчиненія никакимъ авторитетамъ.

Князь **Н. Шаховской.**

---

[1]) Писаревъ отбылъ пятилѣтнее заключеніе въ Петропавловской крѣпости за крайнерѣзкую „возможную только въ подпольной печати“ статью объ извѣстной брошюрѣ Шедоферотти, разбиравшей письмо Герцена къ Русскому посланнику въ Лондонѣ.

[2]) Д. И. Писаревъ. „Его жизнь и литературная дѣятельность“. (Изд. Павленкова, стр. 86—87).

ЗАМѢТКИ.

I.

Въ XII-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ стр. 635, въ примѣчаніи сказано: „Немногимъ извѣстно, что надѣлавшее столько шума письмо о Кавказской арміи написано было совершенно частнымъ образомъ и что разгласилъ его самъ А. П. Ермоловъ, чего вовсе не желалъ преданный ему Н. Н. Муравьевъ?“ Это не совсѣмъ вѣрно.

Дѣло было такъ. Н. Н. Муравьевъ, пріѣхавъ въ кр. Грозную (штабъ начальника лѣваго фланга Кавказской линіи) и войдя въ домъ, занятый генераломъ бар. Врангелемъ, увидалъ въ одной комнатѣ нѣсколько Персидскихъ ковровъ, и обратился къ генералу съ вопросомъ:

— Что̀ это, ковры казенные?

— Да-съ, казенные.

— Ну, и вѣрно особый смотритель для нихъ полагается?

— Нѣтъ-съ, не полагается.

Вопросы были съ иронiей, а отвѣты съ раздраженіемъ...

За тѣмъ отъ предложеннаго обѣда Н. Н. Муравьевъ отказался подъ предлогомъ поста.

Должно быть, эти злополучные ковры, десятокъ горшковъ съ красивыми комнатными растеніями, да потолки и камины съ лѣпными украшеніями особенно возмутили Спартанскія наклонности Муравьева. Весь вечеръ онъ что-то писалъ, а на другое утро адъютантъ его Клавдій Ермоловъ показалъ письмо Николая Николаевича къ его отцу Алексѣю Петровичу, надѣлавшее столько шума и вызвавшее рѣзкій отвѣтъ князя Д. И. Мирскаго. Въ заключеніе своего письма Муравьевъ прибавлялъ: „Я очень доволенъ службой сына вашего; посылаю его съ важнымъ порученіемъ въ Кизляръ; увѣренъ, что исполнитъ хорошо“. Отдавая письмо Клавдію Ермолову для прочтенія, Н. Н. Муравьевъ, на вопросъ: ваше высокопревосходительство, это секретъ? отвѣчалъ: „Вовсе нѣтъ, можешь читать кому хочешь“. И такимъ образомъ, въ тотъ же день письмо было нами прочитано въ Грозной и списаны копіи съ него. Былъ впослѣдствіи слухъ, что А. П. Ермоловъ не одобрялъ письма Муравьева.

Я очевидецъ, и память мнѣ не измѣнила до сихъ поръ; да впрочемъ, болѣе подробный разсказъ можно найти во II томѣ моихъ „Двадцать пять

лѣтъ на Кавказѣ", писанныхъ около 20 лѣтъ тому назадъ. И трудно допустить, чтобы А. П. Ермоловъ разглашалъ письмо, написанное въ доказательство полнѣйшаго къ нему довѣрія и уваженія Муравьева, нанося ему этимъ очевидный вредъ. Это было бы ужъ слишкомъ некрасиво...

II.

Въ „Русской Старинѣ" (Декабрь 1896 г.) напечатано нѣсколько писемъ разныхъ лицъ къ А. П. Ермолову, въ томъ числѣ отъ Н. Н. Муравьева и отъ Николая Ивановича Вольфа.

Первыя, отъ 19 Ноября и 23 Декабря 1859 г., заключаютъ въ себѣ кое-какія замѣчанія и намеки по поводу Кавказскихъ дѣлъ. Очевидно, еслибы Алексѣй Петровичъ былъ виновенъ въ разглашеніи письма Муравьева о Кавказской арміи, то едвали бы послѣдній чрезъ четыре года послѣ этого продолжалъ писать Ермолову вообще, а съ намеками и критическими замѣчаніями о Кавказѣ въ особенности.

Читая письма Н. И. Вольфа, я, по Персидскому методу краснорѣчія, могъ только *приложить палецъ удивленія ко лбу изумленія!...* А вѣдь ген. Вольфъ былъ умный, образованный человѣкъ. Я не повѣрилъ бы, если бы самъ не читалъ, чтобы личныя враждебныя чувства могли до того затуманить здравый смыслъ и водить перомъ, да еще въ письмѣ къ такому человѣку, какъ А. П. Ермоловъ, который, безъ сомнѣнія, не переставалъ до самой смерти интересоваться Кавказскими дѣлами, слѣдить за ними и хорошо знать, что̀ и какъ происходитъ на бывшемъ театрѣ его дѣятельности.

„Для меня собственно прошлый годъ (1858), пишетъ г. Вольфъ, немного радостей принесъ и поразилъ меня жестокимъ ударомъ, смертью единственнаго моего друга, барона И. А. Вревскаго, котораго, надѣюсь, буду оплакивать не одинъ я, но и весь Кавказъ (?!); ибо онъ былъ изъ тѣхъ генераловъ, которые воспитывались въ преданіяхъ вашей школы и сохранили духъ внушенный нами Кавказскому корпусу *) (?!). Онъ былъ храбрый и правдивый воинъ, берёгъ своихъ солдатъ, билъ горцевъ не на бумагѣ, а въ бою, и Шамиль три дня праздновалъ смерть этого рыцаря безъ страха и упрека (?!). Одержанные имъ успѣхи были не изъ числа такихъ, которые ведутъ за собою лишь разстройство всѣхъ войскъ тамошней арміи и новыя требованія огромныхъ суммъ и подкрѣпленій изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ свѣжихъ войскъ, т. е. такихъ побѣдъ, которыя напоминаютъ старую Французскую поговорку: „encore une victoire pareille, et nous sommes perdus".

Такъ писалъ Вольфъ *за шесть мѣсяцевъ* до взятія Гуниба, препровожденія Шамиля въ Калугу и окончанія войны на Восточномъ Кавказѣ! Если

---

*) Бар. Вревскій былъ произведенъ въ офицеры изъ Школы гвардейскихъ юнкеровъ въ 1833 году, затѣмъ изъ Академіи генеральнаго штаба вышелъ, если не ошибаюсь, около 1840 г. Послѣ онъ пріѣхалъ на Кавказъ, а къ этому времени преданій Ермоловской школы оставалось уже очень мало, а духа его командованія исчезъ всякій слѣдъ.

панегирикъ барону Вревскому, хотя онъ и не совсѣмъ соотвѣтствуетъ истинѣ (кромѣ храбрости, въ которой никто не сомнѣвался), можно еще извинить ослѣпленной дружбою, то въ остальномъ—это непростительная, тенденціозная неправда по отношенію такихъ трехъ лицъ, какъ главнокомандующій князь Барятинскій, начальникъ его штаба Д. А. Милютинъ и генералъ Н. Н. Евдокимовъ, благодаря которымъ Россія избавилась отъ полувѣковой, безпрерывной войны, и битія горцевъ на бумагѣ, и напрасной гибели солдатъ и денегъ безъ всякихъ почти результатовъ; однимъ словомъ, отъ той системы, въ которой баронъ Вревскій, правду сказать, не составлялъ исключенія.

Въ другомъ письмѣ, отъ 13 Февраля 1861 г., Н. И. Вольфъ не помнитъ, что такъ неудачно ошибался передъ покореніемъ Восточнаго Кавказа и, все въ томъ же порывѣ враждебности къ кн. Барятинскому, говоритъ: „Портреты кн. Циціанова и вашъ (т. е. Ермолова) глядятъ на наши горы и упрекаютъ новѣйшее поколѣніе придворныхъ полководцевъ, изнуряющихъ всѣ силы Россіи, чтобы покорить эти горы, но напрасно!?! Покореніе только на бумагѣ (?!), а дерутся больше прежняго; убыль въ десять разъ больше нежели 10-ть лѣтъ назадъ и т. д.“

И это написано, когда только что взялись за Западный Кавказъ, только что передали дѣло въ руки графа Евдокимова и двинули ему войска съ Восточнаго Кавказа, съ которыми онъ въ три года, овладѣвъ горами и берегомъ Чернаго моря, горцевъ вытѣснилъ въ Турцію, а громадный край превратилъ въ мирную Кубанскую область. И все это писалъ генералъ, членъ Военнаго Совѣта, самъ бывшій начальникъ штаба на Кавказѣ и отлично знавшій страну.

Не правъ ли я, что такъ затемнять здравый смыслъ могла только враждебность, о причинахъ которой интересующіеся Кавказскими дѣлами могутъ узнать подробно изъ моей „Біографіи фельдмаршала князя Барятинскаго,“ томъ 1-й, стр. 285—288?

А. Зиссерманъ.

Январь 1897 г.
Лутовиново.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано*:	*Надо*:
145	Пищущаго Русской исторіи	Пишущаго о Русской исторіи.
154	Неисчисленныхъ	неисчислимыхъ
155	Странно	Страшно
—	Странное время	страшное время
160	но пройдетъ	не пройдетъ
161	непогрѣшномъ	непогрѣшимомъ
170	мирно	миромъ
172	исторіи, что будто бы	исторіи; что будто бы
174	дѣлѣ, кто же изъ взрослыхъ сомнѣвается въ томъ, что не такъ	дѣлѣ, кто же изъ взрослыхъ сомнѣвается, что это не такъ.

скаго къ братьямъ Воронцовымъ; кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову; Д. П. Трощинскаго, А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письма гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ съ руки гр. П. В. Заводовскаго.

XIII. Письма князя А. А. Безбородка (1776—1799).

XIV. Письма кн. Кочубея (1792—1812), гр. И. Маркова (1782—1805), кн. А. И. Вяземскаго (1795—1804), П. А. Левашова (1786—1791) И. П. Страхова (1785—1801).

XV. Письма А. Я. Протасова (1783—1798). Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ (1803—1807). Записка отъ С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи. Записка о жизни и дѣятельности Питта младшаго.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу (1759—1789), къ П. В. Завадовскому, гр. А. А. Безбородко. Переписка съ Екатериной второй для предотвращенія войны съ Англіею (1788—9) письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну (1798—1830).

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову (1791—1805). Д. И. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ (1794—1804). Н. Н. Новосильцова (1801—1805).

XIX. Переписка гр. С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ (1796—1805) и С.К. Грейгомъ (1786—1826).

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр С. Р. Воронцову (1786—1816), В. С. Тамары (1775—1803), А. Я. Италинскаго (1787—1806), барона Грима (1793—1804), В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова (1800—20). Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову (1783—7).

XXII. Переписка гр. С. Р. и Л. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи (1796—1816).

XXIII. Письма Н. М. Логинова къ графу С. Р. Воронцову (1803—1823).

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма къ гр. А. Р. Воронцову, И. И. Голикова, А. В. Храповицкаго къ гр. С. Р. Воронцову, гр. П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича (объ отношеніяхъ къ Павлу Петровичу). Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Основательно изслѣдованныя и изысканныя причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова. О царствованіи Іоанна III, регенство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). La cour de Russie vis à-vis des puissances étrangères L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ (1754—1755). Rélation de la Révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Записка о Малороссіи. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышева Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

Цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающіе не менѣе 10 книгъ пользуются уступкою 10%.

П О Д П И С К А

Н А

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1897 г. издается двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова“).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1897 году съ пересылкой и доставкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1891, 1892, 1893, 1894** и **1895**-й по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897.

3.

Стр.

Просимъ лицъ возобновляющихъ подписку на „Русскій Архивъ“ означать въ своихъ письмахъ, какую именно книгу „Архива Князя Воронцова“ желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ въ 1897 году.

(Содержаніе 26-ти книгъ „Архива Князя Воронцова“ напечатано въ 1-мъ и 2-мъ выпускахъ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года).

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій переулокъ, собственный домъ.
1897.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

ПАМЯТНИКОВЪ НАРОДНАГО ПѢСНОТВОРЧЕСТВА

Русскихъ въ связи отчасти съ Славянскими и Общенародными *),

предпринятое (и частъю начатое уже) **П. А. БЕЗСОНОВЫМЪ**,

обнимаетъ въ предначертанномъ планѣ:

Отдѣлъ I. **„Стихи“** („духовные“): а) въ **шести** „прежнихъ“ томахъ (объемистыхъ выпускахъ I-го разошедшагося изданія 1860 г. и дал., подъ назв. „Калѣки-Перехожіе“), изданіе **второе** съ дополненіемъ **новыхъ** образцовъ; б) въ **шести** такихъ же выпускахъ содержанія „дальнѣйшаго“, доселѣ напечатаннаго; всего **двѣнадцать** томовъ въ 8⁰ больш. формата, отъ 10 печ. листовъ и болѣе.

Отд. II. **„Дѣтскія пѣсни“** съ дополненіемъ содержанія противу I-го разошедшагося изданія 1868 г. въ 1-мъ томѣ (возрастъ малолѣтній съ колыбели), а далѣе во 2-мъ и 3-мъ томахъ меньш. формата (впервыя возрастъ средній и старшій), всего **три** тома (малолѣтки, подростки и взрослыя дѣти).

Отд. III. **„Пѣсни“** (разныя и вообще, за исключеніемъ вышепоименованныхъ и особо отдѣленныхъ — „Былевыхъ, Безъимянныхъ, Казацкихъ, Солдатскихъ“ и т. д.): такъ-называемый „Пѣсенникъ“, но цѣльный и общій изъ произведеній „оригинальныхъ“. Нѣсколькими объемистыми „выпусками“ въ 8⁰ д. больш. форм., а въ цѣломъ **пять** томовъ.

---

*) Подробное изложеніе самаго вопроса, благовременности и средствъ предпринятаго изданія помѣщено въ Моск. Вѣдом. 1896 г. №№ 302, 304, 310, 313 и 317, подъ заглав. „Къ вопросу“ и т. д., а также въ оттискахъ сей самой статьи.

(См. на 3-ей стр. обертки).

РУСАЛКА

А. С. ПУШКИНА.

—

ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ.

По современной записи

Д. П. ЗУЕВА.

„Русалка“ начата Пушкинымъ въ 1828—1829 годахъ, а первую сцену ея онъ дописалъ 12 Апрѣля 1832 г., какъ видно по черновымъ его рукописямъ. По кончинѣ Пушкина „Русалка“ найдена въ его бумагахъ недоконченною и напечатана въ первый разъ въ „Современникѣ“ 1837 года. Тутъ и во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина всего *пять* сценъ и 17 стиховъ *шестой* сцены.

Окончаніе этой шестой сцены и еще три сцены, довершающія чудесную драму, считались вовсе не написанными, либо утраченными, какъ и нѣкоторыя другія произведенія Пушкина, о которыхъ остались только отмѣтки въ его бумагахъ или въ воспоминаніяхъ его пріятелей.

Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежалъ Эдуардъ Ивановичъ Губеръ (р. 1814, ум. 1847), переводчикъ Гётева Фауста. Пушкинъ любилъ его начинавшее проявляться дарованіе и въ Ноябрѣ 1836 года читалъ у него свою „Русалку“ вполнѣ. На этомъ чтеніи присутствовалъ Дмитрій Павловичъ Зуевъ, нынѣ маститый старецъ, въ то время еще отрокъ, преисполненный поклоненіемъ генію великаго поэта, твореніями котораго и доселѣ услаждаются дни его. Д. П. Зуевъ одаренъ чудесною памятью, которая въ молодыя лѣта его отпечатлѣвала въ себѣ цѣлыя страницы прослушаннаго или прочитаннаго. По возвращеніи отъ Губера онъ записалъ для себя послѣднія сцены „Русалки“, наиболѣе поразившія его и навсегда врѣзавшіяся въ его воспоминаніе. Онѣ были дважды прочитаны великимъ поэтомъ, по неотступной просьбѣ 14-лѣтняго юноши, поддержанной Э. И. Губеромъ. Д. П. Зуевъ помнитъ также, что А. С. Пушкинъ признавалъ хоръ Русалокъ „*Туманной росою окрестность полна*“, „*Разговоръ охотниковъ въ лѣсу*“ и въ особенности „*Сонъ княгини*“ лучшими мѣстами своей драмы.

Д. П. Зуевъ сообщилъ свою дорогую запись, хранившуюся у него слишкомъ полвѣка, Борису Николаевичу Чичерину, который любезно передалъ ее, съ согласія Д. П. Зуева, въ „Русскій Архивъ“.

Быть можетъ, сцены эти представляютъ лишь геніальный набросокъ того, что̀ вышло бы у поэта при окончательной отдѣлкѣ... Но бываетъ, что картина, набросанная сразу великимъ художникомъ и поражающая своею жизненностью, вѣрностью и тономъ колорита, ослабѣваетъ при заключительной отдѣлкѣ подробностей.

Для полноты перепечатываемъ и то что̀ до сихъ поръ было извѣстно изъ „Русалки“.

П. Б.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

БЕРЕГЪ ДНѢПРА.—МЕЛЬНИЦА.

МЕЛЬНИКЪ и ДОЧЬ.

Мельникъ.

Охъ, то-то всѣ вы, дѣвки молодыя,
Всѣ глупы вы! Ужъ если подвернулся
Къ вамъ человѣкъ завидный, не простой,
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить.
А чѣмъ? Разумнымъ, честнымъ поведеньемъ:
Заманивать то строгостью, то лаской;
Порою исподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать, а пуще
Беречь свою дѣвическую честь—
Безцѣнное сокровище. Она
Что̀ слово: разъ упустишь, не воротишь.
А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
То все-таки, по крайней мѣрѣ, можно
Какой нибудь барышъ себѣ, иль пользу
Роднымъ да выгадать; подумать надо:
„Не вѣчно жъ будетъ онъ меня любить
И баловать меня“. Да нѣтъ! Куда
Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! Кстати ль?
Вы тотчасъ одурѣете: вы рады
Исполнить даромъ прихоти его,
Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ
У милаго дружка; а милый другъ
Глядь—и пропалъ, и слѣдъ простылъ; а вы
Осталися ни съ чѣмъ... Охъ, всѣ вы глупы!
Не говорилъ ли я тебѣ сто разъ:
„Эй, дочь, смотри, не будь такая дура;
Не прозѣвай ты счастья своего,
Не упускай ты князя, да спроста
Не погуби самой себя“. Что жъ вышло?
Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
Чего ужъ не воротишь.

Дочь.

Почему же
Ты думаешь, что бросилъ онъ меня?

Мельникъ.

Какъ почему? Да сколько разъ, бывало,
Въ недѣлю онъ на мельницу ѣзжалъ?
А?... Всякій Божій день, а иногда
И дважды въ день; а тамъ все рѣже, рѣже
Сталъ пріѣзжать, и вотъ девятый день,
Какъ не видали мы его. Что̀ скажешь?

Дочь.

Онъ занятъ. Мало ль у него заботы?
Вѣдь онъ не мельникъ: за него не станетъ
Вода работать! Часто онъ твердитъ,
Что всѣхъ трудовъ его труды тяжелѣ.

Мельникъ.

Да, вѣрь ему! Когда князья трудятся?
И что̀ ихъ трудъ? Травить лисицъ и зайцевъ,
Да пировать, да обирать сосѣдей,
Да подговаривать васъ, бѣдныхъ дуръ.
Онъ самъ работаетъ—куда какъ жалко!
А за меня вода!... А мнѣ покою
Ни днемъ, ни ночью нѣтъ; а тамъ посмотришь:
То здѣсь, то тамъ нужна еще починка,
Гдѣ гниль, гдѣ течь. Вотъ если бъ ты у князя
Умѣла выпросить на перестройку
Хоть нѣсколько деньжонокъ: было бъ лучше!

Дочь.

Ахъ!

Мельникъ.

Что̀ такое?

Дочь.

Чу! Я слышу топотъ
Его коня... Онъ! Онъ!

Мельникъ.

Смотри же, дочь,
Не забывай моихъ совѣтовъ, помни...

Дочь.

Вотъ онъ, вотъ онъ!

(Входитъ князь. Конюшій уводитъ его коня).

Князь.

Здорово, милый другъ!
Здорово, мельникъ!

Мельникъ.

Милостивый князь,
Добро пожаловать! Давно, давно
Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
Пойду тебѣ готовить угощенье *(Уходитъ).*

Дочь.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я страхомъ не пугала?
То думала, что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ;
Что боленъ ты; что разлюбилъ меня...
Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ
И любишь все по-прежнему меня.
Не правда ли?

Князь.

По-прежнему, мой ангелъ!
Нѣтъ, больше прежняго.

Она.

Однако ты
Печаленъ. Что̀ съ тобою?

Князь.

Я печаленъ?
Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я веселъ
Всегда, когда тебя лишь вижу.

Она

Нѣтъ!
Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
Спѣшишь и кличешь: гдѣ моя голубка?
Что̀ дѣлаетъ она? А тамъ цѣлуешь
И вопрошаешь: рада ль я тебѣ
И ожидала ли тебя такъ рано?
А нынче—слушаешь меня ты молча,
Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи.

Ты чѣмъ-нибудь встревоженъ вѣрно? Чѣмъ же?
Ужъ не сердитъ ли на меня?

Князь [1]).

Я не хочу притворствовать напрасно.
Ты права: въ сердцѣ я ношу печаль
Тяжелую, и ты ее не можешь
Ни ласками любовными разсѣять,
Ни облегчить, ни даже раздѣлить.

Она.

Но больно мнѣ съ тобою не грустить
Одною грустью. Тайну мнѣ повѣдай.
Позволишь—буду плакать, не позволишь—
Ни слезкой я тебѣ не досажу.

Князь.

Зачѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ
Блаженства прочнаго: ни знатный родъ,
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто бѣды не можетъ миновать [2]).
И мы—не правда ли, моя голубка?—
Мы были счастливы! По крайней мѣрѣ
Я счастливъ былъ тобой, твоей любовью;
И что̀ впередъ со мною ни случится,
Гдѣ бъ ни былъ я, всегда я буду помнить
Тебя, мой другъ; того, что̀ я теряю,
Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ!

Она.

Я словъ твоихъ еще не понимаю,
Но ужъ мнѣ страшно. Намъ судьба грозитъ,
Готовитъ намъ невѣдомое горе—
Разлуку, можетъ быть...

Князь.

Ты угадала:
Разлука намъ судьбою суждена.

---

[1]) *Тутъ въ рукописи было два стиха, потомъ зачеркнутые:*
Отъ сокола не скрыться вороненку,
Отъ глазъ любви душѣ не утаиться.

[2]) *Дальше въ рукописи было, но зачеркнуто карандашемъ:*
Кто разъ сказалъ: я *счастливъ*, тотъ ужъ вѣдай,
Что близокъ, близокъ счастію конецъ...

Она.

Кто насъ разлучитъ? Развѣ за тобою
Идти вослѣдъ я всюду не властна?
Я мальчикомъ одѣнусь; вѣрно буду
Тебѣ служить дорогою, въ походѣ
Иль на войнѣ; войны я не боюсь,
Лишь видѣла бъ тебя. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю!
Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь,
Или со мной пустую шутку шутишь...

Князь.

Нѣтъ, шутки мнѣ на умъ нейдутъ сегодня;
Вывѣдывать тебя не нужно мнѣ;
Не снаряжаюсь я ни въ дальній путь,
Ни на войну; я дома остаюсь;
Но долженъ я съ тобой навѣкъ проститься.

Она.

Постой, теперь я понимаю все.
Ты женишься? *(Князь молчитъ)*. Ты женишься?

Князь.

Что̀ дѣлать?...
Сама ты разсуди. Князья не вольны,
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по разсчетамъ
Иныхъ людей, для выгоды чужой...
Твою печаль утѣшитъ Богъ и время!
Не забывай меня! Возьми на память
Повязку. Дай, тебѣ я самъ надѣну.
Еще привезъ съ собою ожерелье—
Возьми его. Да вотъ еще; отцу
Я это посулилъ—отдай ему.
(Даетъ ей въ руки мѣшокъ съ золотомъ).
Прощай!

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я—
Не помню что̀...

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебя
Я все готова... Нѣтъ, не то... Постой...

Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

Князь.

Несчастная! Какъ быть? Хоть для него
Побереги себя! Я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя.
Со временемъ, быть можетъ, самъ пріѣду
Васъ навѣстить. Утѣшься, не крушися.
Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.
(Уходя). Ухъ, кончено! Душѣ какъ будто легче.
Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо.

(Уходитъ. Она остается неподвижною).

Мельникъ (*входитъ*).

Не угодно ль будетъ
Пожаловать на мель... Да гдѣ же онъ?
Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
Повязка! Вся въ каменьяхъ дорогихъ!
Такъ и горитъ! И бусы!... Ну, скажу,
Подарокъ царскій. Ахъ онъ, благодѣтель!...
А это что? Мѣшочекъ! Ужъ не деньги ль?...
Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? Али ты
Отъ радости нежданой одурѣла,
Иль на тебя столбнякъ нашелъ?

Дочь.

Не вѣрю,
Не можетъ быть. Я такъ его любила...
Или онъ звѣрь? Иль сердце у него
Косматое?

Мельникъ.

О комъ ты говоришь?

Дочь.

Скажи родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Отравой опоили?

Мельникъ.

Что̀ съ тобою?

Дочь.

Родимый, онъ уѣхалъ! Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай бы онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по локоть; пускай бы тутъ же
Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!

Мельникъ.

Чтò съ нею?

Дочь.

Видишь ли—князья не вольны,
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Берутъ жену себѣ... А вольно имъ,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говорить: „тебя я повезу
Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу,
И наряжу въ парчу и въ бархатъ алый!“
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвочекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься
И до зари за мельницей сидѣть!
Имъ любо сердце княжеское тѣшить
Бѣдами нашими! А тамъ прощай:
Ступай, голубушка, куда захочешь;
Люби, кого замыслишь!

Мельникъ.

Вотъ въ чемъ дѣло!...

Дочь.

Да кто же, кто невѣста? На кого
Онъ промѣнялъ меня? О, я узнаю!
Я доберусь; я ей скажу, злодѣйкѣ:
Отстань отъ насъ! Ты видишь: двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ...

Мельникъ.

Дура!
Ужъ если князь беретъ себѣ невѣсту,
Кто можетъ помѣшать ему? Вотъ, то-то!
Не говорилъ ли я тебѣ...

Дочь.

И могъ онъ,
Какъ добрый человѣкъ, со мной прощаться

И мнѣ давать подарки! Каково?
И деньги! Выкупить себя онъ думалъ!
Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить.
Чтобъ не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены!...
Да, бишь, забыла я: тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель! (*Отдаетъ ему мѣшокъ*).

Мельникъ (*въ слезахъ*).

До чего я дожилъ!
Что̀ Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ
Такъ горько упрекать отца родного.
Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
Одна отрада въ старости моей:
Какъ было мнѣ тебя не баловать?
Богъ наказалъ меня за то, что слабо
Я выполнилъ отцовскій долгъ.

Дочь.

Охъ, душно!
Холодная змѣя мнѣ шею давитъ...
Змѣей, змѣею онъ меня *),
Не жемчугомъ опуталъ... (*Рветъ съ себя жемчугъ*).
Такъ бы я
Разорвала тебя, змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу мою!

Мельникъ.

Ты бредишь, право бредишь.

Дочь (*снимаетъ съ себя повязку*).

Вотъ вѣнецъ мой,
Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я отреклася
Ото всего, чѣмъ прежде дорожила!
Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ!
(*Бросаетъ повязку въ Днѣпръ*).
Теперь все кончено... (*Бросается въ рѣку*).

Старикъ (*падая*).

Охъ, горе, горе!

12 Апрѣля 1832 года С. П. Б.

---

*) *Стихъ четырехъ-стопный. Въ рук. первоначально было:* Змѣею подколодной онъ меня.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

СВАДЬБА. МОЛОДЫЕ СИДЯТЪ ЗА СТОЛОМЪ. ГОСТИ. ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

Сватъ.

Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравствуй, князь съ княгиней молодой!
Дай Богъ вамъ жить въ любови да совѣтѣ,
А намъ у васъ почаще пировать.
Что жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли?
Что жъ, бѣлыя лебедушки, притихли?
Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

Хоръ.

Сватушка, сватушка,
Безтолковый сватушка!
По невѣсту ѣхали,
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Вереѣ молилися:
Верея ль, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати.
Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся:
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Краснымъ дѣвушкамъ норовится.

Сватъ.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!
На, на, возьмите, не корите свата.
(*Даритъ дѣвушекъ*).

Одинъ голосъ.

По камушкамъ, по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка;
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки,
Двѣ рыбки, двѣ малыя плотицы.
А слыхала ль ты, рыбка-сестрица,

Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вечоръ у насъ красная дѣвица утопилась;
Утопая, милаго друга проклинала?

Сватъ.

Красавицы! Да это что за пѣсня?
Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.
Кто выбралъ эту пѣсню? А?

Дѣвушки.

Не я,
Не я, не мы...

Сватъ.

Да кто жъ пропѣлъ ее?
(*Шопотъ и смятеніе между дѣвушками*).

Князь.

Я знаю кто.
(*Встаетъ изъ за стола и говоритъ тихо конюшему*)
Вѣдь мельничиха здѣсь.
Скорѣе выведи ее. Да свѣдай,
Кто смѣлъ ее впустить?
(*Конюшій подходитъ къ дѣвушкамъ*).

Князь (*про себя*).

Она, пожалуй,
Готова здѣсь надѣлать столько шуму,
Что со стыда не буду знать, куда
И спрятаться...

Конюшій.

Я не нашелъ ея.

Князь.

Ищи! Она, я знаю, здѣсь. Она
Пропѣла эту пѣсню.

Гость.

Ай да медъ!
И въ голову, и въ ноги такъ и бьетъ.
Жаль, горекъ: подсластить его бъ не худо...
(*Молодые цѣлуются. Слышенъ слабый крикъ*).

Князь.

Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Что̀?

Конюшій.

Я не нашелъ ея нигдѣ.

Князь.

Дуракъ!

Дружко (*Вставая*).

Не время ль намъ княгиню выдать мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмелемъ?

(*Всѣ встаютъ*).

Сваха.

Вѣстимо, время. Дайте жъ пѣтуха.

(*Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ, осыпаютъ хмелемъ и ведутъ въ спальню*).

Сваха.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

(*Молодые уходятъ въ спальню. Всѣ расходятся, кромѣ свахи и дружка*).

Дружко.

Гдѣ чарочка? Всю ночь
Подъ окнами я буду разъѣзжать;
Такъ укрѣпиться мнѣ виномъ не худо.

Сваха (*Сваха наливаетъ ему чарку*).

На, кушай, на здоровье.

Дружко.

Ухъ, спасибо!
Все хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда!

Сваха.

Да, слава Богу,
Все хорошо: одно не хорошо...

Дружко.

А что̀?

Сваха.

Да не къ добру пропѣли эту пѣсню
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.

Дружко.

Ужъ эти дѣвушки! Никакъ нельзя имъ
Не попроказить. Статочно ли дѣло
Мутить нарочно княжескую свадьбу! *)

---

*) *Въ рукописи далѣе слѣдовало: слышенъ крикъ.*

Ба! Это что? Да это голосъ князя...

(*Дѣвушка подъ покрываломъ переходитъ черезъ комнату*).

Ты видѣла?

Сваха.

Да, видѣла.

Князь (*вбѣгаетъ*).

Держите!
Гоните со двора ее долой!
Вотъ слѣдъ ея, съ нея вода течетъ!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

СВѢТЛИЦА.

КНЯГИНЯ и МАМКА *).

Княгиня.

Чу! Кажется, трубятъ. Нѣтъ онъ не ѣдетъ.
Ахъ, мамушка! Какъ былъ онъ женихомъ,

Дружко.
Юродивая, можетъ статься. Слуги,
Смѣясь надъ ней, ее, знать, окатили.

Князь.
Ступай, прикрикни ты на нихъ. Какъ смѣли
Надъ нею издѣваться и ко мнѣ
Впустить ее? (*Уходитъ*).

Дружко.
Ей Богу, это странно.
Кто тамъ? (*Входятъ слуги*). Зачѣмъ пустили эту дѣвку?

Слуга.
Какую?

Дружко.
Мокрую.

Слуга.
Мы мокрыхъ дѣвокъ
Не видѣли.

Дружко.
Куда жъ она дѣвалась?

Слуга.
Не вѣдаемъ.

Сваха.
Охъ, сердце замираетъ.
Нѣтъ, это не къ добру.

Дружко.
Ступайте вонъ,
Да никого, смотрите, не впускайте.
Пойти-ка мнѣ садиться на коня.
Прощай, кума!

Сваха.
Охъ, сердце не на мѣстѣ.
Не въ пору сладили мы эту свадьбу!

*) *Начало сцены сохранилось еще въ слѣдующемъ варіантѣ (въ автографѣ. среди бумагъ покойнаго А. С. Норова)*, представляющемъ опытъ драматической сцены складомъ народной пѣсни:

— Княгиня-княгинюшка,
Дитя мое милое,
Чтó сидишь не весело,
Головку повѣсила?
Ты не вѣсь головушку,
Не печаль меня старую,
Свою няню любимую.
— Ахъ нянюшка, нянюшка, милая моя!
Какъ мнѣ не тужить, какъ веселой быть?
Какъ была я въ дѣвицахъ, мужъ любилъ меня;
Вышла за него—разлюбилъ меня.
Бывало, дружокъ мой супротивъ меня сидитъ,
Сидитъ цѣлый день и съ мѣста нейдетъ,
Сидитъ да глядитъ, не смигиваетъ.
А нынче дружокъ мой ни свѣтъ, ни заря
Разбудитъ меня, да самъ на коня.
Весь день по гостямъ разгуливаетъ,
Пріѣдетъ—не молвитъ словечушка мнѣ
Онъ ласковаго, привѣтливаго.

Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,
Съ меня очей, бывало, не сводилъ;
Женился онъ—и все пошло не такъ!
Теперь меня ранехонько разбудитъ
И ужъ велитъ себѣ коня сѣдлать,
Да до ночи, Богъ вѣдаетъ, гдѣ ѣздитъ.
Воротится—чуть ласковое слово
Промолвитъ мнѣ, чуть ласковой рукой
По бѣлому лицу меня потреплетъ.

Мамка.

Княгинюшка! Мужчина, что̀ пѣтухъ:
Кури-куку, махъ, махъ крыломъ—и прочь!
А женщина что̀ бѣдная насѣдка:
Сиди себѣ да выводи цыплятъ.
Пока женихъ—ужъ онъ не насидится,
Не пьетъ, не ѣстъ, глядитъ не наглядится;
Женился—и заботы настаютъ:
То надобно сосѣдей навѣстить,
То на охоту ѣхать съ соколами,
То на войну нелегкая несетъ;
Туда, сюда—а дома не сидится.

Княгиня.

Какъ думаешь? Ужъ нѣтъ ли у него
Зазнобы тайной?

Мамка.

Полно, не грѣши.
Да на кого тебя онъ промѣняетъ?
Ты всѣмъ взяла: умомъ, красою ненаглядной,
Обычаемъ и разумомъ. Подумай,

— Дитя мое дитятко, не плачь, не тужи,
Не плачь, не тужи, сама разсуди:
Удалъ добрый молодецъ что̀ вольный пѣтухъ—
Махъ-махъ крыломъ, запѣлъ, полетѣлъ;
А красная дѣвица что насѣдочка—
Сиди да сиди, да цыплятъ выводи.
— Ужъ нѣтъ ли у него зазнобы какой?
Ужъ нѣтъ ли на меня разлучницы?
— Полно, ты милая, сама разсуди:
Ты всѣмъ-то взяла, всѣмъ-то хороша,
Красотой, умомъ-разумомъ,
Тихимъ ласковымъ обычаемъ,
Лебединой походочкой,
Соловьиной поговорочкой.

Родимая: ну, въ комъ ему найти,
Какъ не въ тебѣ, сокровище такое?*)

Княгиня.

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда бъ
Умѣла вновь я мужа привязать...
А! Полонъ дворъ охотниками. Мужъ
Домой пріѣхалъ. Что жъ его не видно?
(*Входитъ ловчій*).
Что̀ князь, гдѣ онъ?

Ловчій.

Князь приказалъ домой
Отъѣхать намъ.

Княгиня.

А гдѣ жъ онъ самъ?

Ловчій.

Остался
Одинъ въ лѣсу на берегу Днѣпра.

Княгиня.

И князя вы осмѣлились оставить
Тамъ одного? Усердные вы слуги!
Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите!
Сказать ему, что я прислала васъ!
(*Ловчій уходитъ*).
Ахъ, Боже мой! Въ лѣсу ночной порою
И дикій звѣрь, и лютый человѣкъ,
И лѣшій бродитъ. Долго ль до бѣды!
Скорѣй зажги свѣчу передъ иконой.

Мамка.

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

*) *Это мѣсто было написано въ рукописи такъ:*

.... Подумай:
Ну, въ комъ ему найти какъ не въ тебѣ,
Сокровище такое?

Княгиня.

Я слыхала,
Что будто бы до свадьбы онъ любилъ
Какую-то красавицу, простую,
Дочь мельника.

Мамка.

Да, такъ и я слыхала,
Тому давно, годовъ ужъ пять и больше.
Но дѣвушка, какъ слышно, утопилась;
Такъ нечего объ ней и поминать.

Княгиня.

Коль ужъ одну любилъ онъ и покинулъ,
Такъ и меня покинуть можетъ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДНѢПРЪ, НОЧЬ.

Русалки.

Веселой толпою,
Съ глубокаго дна,
Мы ночью всплываемъ.
Насъ грѣетъ луна!...
Любо намъ порой ночною
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать [1]).

Одна.

Тише! Птичка подъ кустами.
Встрепенулася во мглѣ [2]).

Другая.

Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ по землѣ (*Прячутся*).

Князь.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила...
Знакомыя, печальныя мѣста!
Я узнаю окрестные предметы:
Вотъ мельница... Она ужъ развалилась;
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
Сталъ жерновъ; видно, умеръ и старикъ!
Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
Тропинка тутъ вилась—она заглохла...
Давно, давно сюда никто не ходитъ.
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ; неужели
Разросся онъ кудрявой этой рощей?
Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный! Здѣсь она
Обнявъ меня, поникла и умолкла...
Возможно ли?...

(*Идетъ къ дверямъ; листья сыплются*).

---

[1]) *Въ рук. слѣдовало еще*: Слушать ухомъ ненасытнымъ Шумы разные земли.
[2]) *Въ рук.*: Тише, тише! Подъ кустами что-то дрогнуло во мглѣ.

Что это значитъ? Листья,
Поблекнувъ, вдругъ свернулися и съ шумомъ,
Какъ дождь, посыпалися на меня!
Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ,
Какъ дерево проклятое.
(*Входитъ старикъ въ лохмотьяхъ и полунагой*).

Старикъ.

Здорово,
Здорово, зять!

Князь.

Кто ты?

Старикъ.

Я здѣшній воронъ.

Князь.

Возможно ль? Это мельникъ!

Старикъ.

Что за мельникъ!
Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей.
Онѣ въ песку Днѣпра рѣки зарыты,
Ихъ рыбка-одноглазка сторожитъ.

Князь.

Несчастный, онъ помѣшанъ! Мысли въ немъ
Разсѣяны какъ тучи послѣ бури.

Старикъ.

Зачѣмъ вечоръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждалъ меня?

Старикъ.

Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.
Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ—
Ни слова не скажу я.

Князь.

Бѣдный мельникъ!

Старикъ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ подъ мышекъ
И въ воздухѣ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю; то клюю
Корову мертвую, то на могилѣ
Сижу да каркаю.

Князь.

Какая жалость!
Кто жъ за тобою смотритъ?

Старикъ.

Да, за мною
Присматривать не худо: старъ я сталъ
И шаловливъ. За мной, спасибо, смотритъ
Русалочка.

Князь.

Кто?

Старикъ.

Внучка.

Князь.

Невозможно
Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умрешь, иль звѣрь тебя
Заѣстъ. Не хочешь ли пойти въ мой теремъ
Со мною жить?

Старикъ.

Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ (*Уходитъ*).

Князь.

И этому все я виною! Страшно
Ума лишиться! Легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы, смерть равняетъ
Съ нимъ каждаго; но человѣкъ, лишенный

Ума, становится не человѣкомъ.
Напрасно рѣчь ему дана: не правитъ
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнаётъ; онъ людямъ въ посмѣянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ...
Старикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
Раскаянья всѣ муки растравилъ.

Ловчій.

Вотъ онъ. Насилу-то его сыскали.

Князь.

Зачѣмъ вы здѣсь?

Ловчій.

Княгиня насъ послала:
Она боялась за тебя.

Князь.

Несносна
Ея заботливость! Иль я ребенокъ,
Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки?
(*Уходятъ. Русалки показываются надъ водой*).

Русалки.

Что, сестрицы, въ полѣ чистомъ
Не догнать ли ихъ скорѣй?
Плескомъ, хохотомъ и свистомъ
Не пугнуть ли ихъ коней?
Поздно, волны охладѣли,
Пѣтухи вдали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна *).

Одна.

Подождемъ еще, сестрица.

Другая.

Нѣтъ, пора, пора, пора!
Ожидаетъ насъ царица,
Наша строгая сестра (*Скрываются*).

---

*) *Въ рукописи зачеркнуто*:

Поздно. Рощи потемнѣли,
Холодѣетъ глубина,
Пѣтухи въ селѣ пропѣли,
Закатилася луна.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

ТЕРЕМЪ РУСАЛОКЪ. РУСАЛКИ ПРЯДУТЪ ОКОЛО СВОЕЙ ЦАРИЦЫ.

Старшая русалка.

Оставьте пряжу, сестры. Солнце сѣло.
Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно!
Плывите вверхъ, подъ небомъ поиграть,
Да никого не трогайте сегодня:
Ни пѣшехода щекотать не смѣйте,
Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать
Травой и тиной, ни ребенка въ воду
Заманивать разсказами о рыбкахъ (*Входитъ Русалочка*).
Гдѣ ты была?

Дочь.

На землю выходила
Я къ дѣду. Онъ вечоръ меня просилъ
Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;
А что такое деньги, я не знаю.
Однакоже я вынесла ему
Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ.
Онъ очень былъ имъ радъ.

Русалка.

Безумный скряга!
Послушай, дочка: нынче на тебя
Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
Придетъ мужчина. Стереги его
И выдь ему навстрѣчу. Онъ намъ близокъ.
Онъ—твой отецъ.

Дочь.

Тотъ самый, что тебя
Покинулъ и на женщинѣ женился?

Русалка.

Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣе приласкайся
И разскажи все то, что̀ отъ меня
Ты знаешь про свое рожденье, также
И про меня. И если спроситъ онъ,
Забыла ль я его или нѣтъ: скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

Дочь.

О, поняла!

Русалка.

Ступай же. (*Одна*). Съ той поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Днѣпра рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Прошло ужъ восемь долгихъ, долгихъ лѣтъ;
Я каждый день о мщеньи помышляю,
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

БЕРЕГЪ.

Князь.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила!...
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную, повѣсть.
Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ!... И я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!...
Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось опять его сегодня встрѣчу,
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться....
(*Русалочка выходитъ на берегъ*).
Что̀ я вижу!
Откуда ты, прелестное дитя?*)

Русалочка.

Откуда?.. Матушка послала. Знаешь,
Что̀ въ теремѣ прозрачномъ, въ глубинѣ
Днѣпра рѣки, Царицею русалокъ,
Все о тебѣ кручиняся живетъ,
Съ минуты той, какъ ты ее покинулъ.

*) Все нижеслѣдующее печатается впервыя. П. Б.

Князь.

Дитя!..

Русалочка.

Постой, не то я позабуду,
Что̀ велѣно тебѣ пересказать,
Напомнить: какъ она тебя любила...
Какъ обманулъ... какъ дѣдушка во всемъ
Мирволилъ вамъ... Какъ ночкою сидѣли
Забывшися, до позднихъ пѣтуховъ,
За мельницей... Еще про дубъ какой-то,
Гдѣ въ первый разъ ее ты приласкалъ...
Еще... Еще? Запомнить не съумѣла...
Не гнѣвайся! Прости, что позабыла,
И поцѣлуй! Тебя поцѣловать
И приласкать она меня просила.
Пойдемъ же къ ней въ нашъ теремъ водъ прозрачныхъ.

Князь.

Но кто же ты?

Русалочка.

Не знаешь?... Дочь твоя,
Русалочка. Припомни, говорила
Прощаясь мать: „Нельзя чтобы на вѣкъ
„Разстались вы; что шутку шутишь; что
„Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся"...
— Ахъ, въ кустикѣ тамъ птенчикъ встрепенулся!...
— Но кинулъ ты, уѣхалъ, и она
Въ Днѣпръ бросилась, русалкой вольной стала,
Въ Днѣпрѣ меня, малютку, родила,
Сребристою волною спеленала,
Русалочкой, княжною, назвала
И за тебя любила и ласкала.

Князь.

Дочь! Боже, дочь русалка! Иль схожу
И я съ ума, какъ старый, бѣдный мельникъ!

(Беретъ дочь на руки и цѣлуетъ).

Мельникъ.

Я здѣсь. Что̀ надобно?... А, зять, здорово!
Зачѣмъ пришелъ?... Не ласкою ль обманной,

Какъ дочь мою, и внучку погубить
Замыслилъ?... Прочь! Будь проклятъ!... Прочь, оставь!
Не оскверняй невинныхъ устъ ребенка
Нечистыхъ устъ твоихъ нечистой лаской.
У ворона—я воронъ—клювъ остеръ,
И когти есть; онъ защитить съумѣетъ:
Онъ крыльями могучими собьетъ
И острыми когтями сердце вырветъ:
Онъ очи выклюетъ, княжія очи!
И дочери, на дно рѣки пошлетъ
Подарочекъ. Пусть тѣшится подаркомъ!

(Бросается на князя.—Борьба).

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

ТѢЖЕ и ДОЧЬ МЕЛЬНИКА.

Русалочка.

Мама! Мама! Злой дѣдка обижаетъ!...
Скорѣе, мама, помоги! *(Дочь мельника появляется надъ водою).*

Дочь мельника.

Уйди!
Дочь не берёгъ, о внучкѣ не печалься.
Прочь съ глазъ! Продавецъ дочери проклятый!

Мельникъ.

Дочь прокляла!... Я проклятъ... бѣдный воронъ!

(Съ крикомъ, карканьемъ убѣгаетъ въ лѣсъ).

Дочь мельника *(Царица русалокъ про себя).*

Печаленъ онъ, и сѣдина въ кудряхъ:
Знать и ему не радостно жилося *(Обращаясь къ Князю).*
Что скажешь, князь?... Какъ приглянулась дочь?
Красавица, красавцемъ зачатая—
Тобой! Въ тебя рожденная лицемъ.
И я, ты помнишь ли?... была когда-то
Румяная, что утро на зарѣ;
Уста какъ жаръ пылали, ярче звѣздъ
Блестѣли очи, страстью зажигаясь,—
Когда любились мы... Ахъ, страшно вспомнить!...
Румянецъ ты укралъ, покрылъ позоромъ;

Отъ слезъ угасли очи, горькихъ слезъ!...
Уста поблекли, жаждой поцѣлуя
Палящею, ревнивою томясь,
И день и ночь проклятья повторяя.
И день и ночь такъ долго, много лѣтъ
Ждала тебя, безумно мстить хотѣла
За твой обманъ, за свой дѣвичій стыдъ,
За ревности сердечныя страданья,
За ночи, князь, съ разлучницей моей,
За ласки страстныя ея объятій!...
Увидѣла, забыла оскорбленья,
Замолкла месть поруганной любви...
Простила все! Не нагляжусь!... Какъ прежде,
Любовью жаркою и страстной сердце бьется,
И ждутъ уста твой поцѣлуй желанный,
Истомный, сладкій, прежній поцѣлуй!...
Но, поцѣлуй мой—смерть. Прощай, бѣги,
Будь счастливъ, князь, съ подругой молодою,
Меня и дочь на вѣки позабудь!...
Будь счастливъ!... (*Скрывается съ Русалочкой подъ волнами*).

Князь.

Нѣтъ, не разлучусь съ тобою,
Жить безъ тебя, безъ нашего ребенка
Не въ силахъ... Лучше смерть въ твоихъ объятьяхъ!...
(*Бросается въ Днѣпръ*).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

БЕРЕГЪ ДНѢПРА, БЛИЗЪ ОПУШКИ ЛѢСА. СВѢТАЕТЪ. РУСАЛКИ ВЫПЛЫВАЮТЪ НАДЪ РѢКОЙ.

ОХОТНИКИ, посланные для розыска Князя. РУСАЛОЧКА.

Хоръ русалокъ.

Туманной росою
Окрестность полна.
Смолкъ шумъ надъ землею,
Не ропщетъ волна...

Одна русалка.

Звѣзды меркнутъ, и блѣднѣе
Свѣтитъ мѣсяцъ золотой...

Другая русалка.

Волны стали холоднѣе.
Ночь встрѣчается съ зарей...

Хоръ.

Огоньки зажглись, блуждаютъ...
Вѣтерокъ пахнулъ свѣжѣй;
Соловьи зарю встрѣчаютъ
Пѣснью страстною своей.
Предъ разсвѣтными лучами
Намъ привольнѣе играть,
Пѣну гребнемъ надъ волнами
Пылью радужной взбивать...

Одна русалка.

Слушать звуки пробужденья
Здѣсь, надъ нами, тамъ – вдали...

Другая русалка.

Говоръ листьевъ, птичекъ пѣнье,
Шумы разные земли.

Одна русалка.

Тише, тише, за лѣсною
Чащей слышенъ звукъ роговъ...

Другая русалка.

Пронесемтесь надъ рѣкою,
И чаруя красотою,
Пѣсней страстной, огневою
Заманимъ къ себѣ ловцовъ.

(*Уплываютъ. Охотники выходятъ изъ опушки лѣса*).

Старшій охотникъ, любимецъ князя.

Княгиня вѣщимъ сердцемъ угадала,
Знать, княжую погибель: ни слѣда,
Ни голосу. Сказать, что въ воду канулъ!

Одинъ изъ охотниковъ.

Не говори... Не въ добрый часъ догадка.
О дочери, чай, мельника слыхалъ?
Красавица, какихъ и не бывало!
Слюбился князь, не праздною оставилъ,
Какъ подъ вѣнецъ пошелъ съ княжною....

Любимецъ князя.

... Ну?

Одинъ изъ охотниковъ.

А дѣвушка съ стыда, да съ горя, въ воду—
Погибла! А старикъ сошелъ съ ума,
Покинулъ мельницу и страшный ходитъ,
Какъ воронъ каркаетъ и дочь зоветъ.

Любимецъ князя.

Сказки! Непраздною... погибла... важность!
По твоему чтожъ? Цѣлый вѣкъ любиться
Съ немилою голубкой долженъ князь?...
По моему, сама подговорилась:
Князь молодъ и горячъ, красавецъ безотказный,
Богатъ и щедръ. Должна быть рада дура!
Не конюхъ, князь ее бабенкой справилъ.
Вотъ ты не князь, а на своемъ вѣку
Чай не съ одной дѣвчоночкой спознался?.
Такъ и женись на всѣхъ!?.. Быль не укоръ
Для молодца; охотой отдалася,
Не силой взялъ. Самъ знаешь поговорку:
„Насильно милъ не будешь". И молчи,
И не болтай пустаго, ты не баба!

(*Изъ чащи лѣса подходятъ другіе охотники*).

Одинъ изъ пришедшихъ.

Ну что?

Первый охотникъ.

Ну, ничего. Ждать свѣта надо.
Поможетъ Богъ, при солнышкѣ, найдемъ.
Гдѣ-жъ ночью отыскать... Скажи спасибо,
Что сами на лицо, не затерялись.

Одинъ изъ охотниковъ.

Ну вотъ скажи! Быть должно не далече.
Послышался мнѣ княжій голосъ, съ нимъ
Какъ голосокъ ребенка, ласковый, привѣтный,
То старческій со злобой угрожалъ,
То женскій голосъ слышался неясно...
Я побѣжалъ на слухъ, но никого
Не видѣлъ. Знать, то лѣшій хороводилъ

Съ русалками. Ихъ часъ, теперь, какъ разъ
Передъ разсвѣтомъ, тѣшиться гулянкой.

Другой охотникъ.

Идти хоть на рѣку купаться; сонъ
Такъ и томитъ... Водицей освѣжиться.

Любимецъ князя.

И то, пойдемъ... Чу! Съ нами Крестъ Господень!..
Какъ страшно каркаетъ проклятый воронъ,
Не доброе пророчетъ злой вѣщунъ.

(Русалочка выходитъ на берегъ).

Къ рѣкѣ! Скорѣй къ рѣкѣ! Глядите, братцы!
Сказать, малютка вышла изъ воды
И манитъ насъ рученкою своею.
Чего робѣть! Почти что разсвѣло.
Ужели намъ ребенка испужаться?!...

Охотникъ *(подбѣгаетъ къ Русалочкѣ).*

Зачѣмъ звала, малютка?

Русалочка.

Князь велѣлъ
Отдать кольцо вѣнчальное княгинѣ;
Сказать, что къ ней онъ болѣ не вернется,
Что въ теремѣ подводномъ будетъ жить
Съ царицею русалокъ, что вольна
Княгиня тѣмъ кольцомъ съ другимъ вѣнчаться,
Что слугамъ шлетъ прощанье вѣковое
И о душѣ молиться проситъ ихъ.
Но какъ молиться, я того не знаю...

Любимецъ князя.

Хватайте дѣвочку!... Ребята, тутъ
Не съ прòста!... Господи, помилуй князя!...

(Охотники бросаются на Русалочку, она расплывается волною, исчезаетъ).

Одинъ изъ охотниковъ.

Что̀ дѣлать?... Какъ княгинѣ доложить?...
Знать, Божья воля!... Жаль всѣмъ сердцемъ князя.

Другой.

Пойдемъ! Чего стоять?.. Коня поищемъ.
Дорòгою поговоримъ, какъ быть.

Первый.

Сюда! Вотъ слѣдъ коня; здѣсь гдѣ нибудь
Пасется онъ, бѣды своей не чуя,
Не чуя, что его хозяинъ добрый
На вѣки загубилъ крещеный образъ!...
Чтò падаешь?... Споткнулся? Это что?...
Трупъ мельника!... Ну òтъ часу не легче!
Скорѣй домой, чтобъ съ нами не стряслася
Бѣда. Скорѣй къ княгинѣ поспѣшимъ.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

СВѢТЛИЦА ТЕРЕМА.

КНЯГИНЯ, МАМКА, ОХОТНИКЪ. ЛЮБИМЕЦЪ КНЯЗЯ.

Княгиня.

Ахъ, мамушка, мнѣ страшно!... Вѣщій сонъ
Привидѣлся. Не даромъ сердце ноетъ...
Князь не придетъ. Погибъ онъ смертью лютой!

Мамка.

Княгинюшка, напрасною тоской
Ты Бога не гнѣви; пошлетъ Онъ радость:
Вернется твой соколикъ дорогой,
Промѣшкался охотой не впервыя.

Княгиня.

Нѣтъ, мамушка, не слышать мнѣ рѣчей
Привѣтныхъ милаго; ни ласки нѣжной,
Ни поцѣлуевъ мнѣ его не знать;
Не приголубить мнѣ, въ опочивальнѣ,
Сердечнаго на трепетной груди!...
Не даромъ вся душа тоской изныла,
Не даромъ видѣла я страшный сонъ!

Мамка.

Христосъ съ тобой! Спокойся, страшенъ сонъ,
Да милостивъ Господь! Не каждый въ руку.
Ну разскажи... Помыслимъ, разгадаемъ...

Княгиня.

Мнѣ снилося: я золото считала,
Низала жемчугъ, въ яхонты рядилась

Кровавые, блестящіе, большіе...
И, дѣвичій вѣнокъ булавкой черной
Надъ русою косою приколола. .
Изъ водныхъ струй сотканною фатой
Покрылась и, блистая красотой,
Съ улыбкою въ храмъ Божій я вступила.
Хоръ пѣвчихъ „со святыми упокой!"
Пропѣлъ и мнѣ, и князю. Въ ноги намъ
Не аксамитъ, а зеркало, какъ ледъ
Холодное, постлали предъ налоемъ;
И свѣчи, воска бѣлаго, съ цвѣтами
И золотомъ, зажгли и дали въ руки;
Вѣнцы надѣли, кольца обмѣняли,
Три раза вкругъ налоя обвели
И пѣли: „Со святыми упокой
Рабовъ твоихъ, Владыко, въ царствѣ свѣта!"
Замолкли... Вмигъ въ рукахъ погасли свѣчи,
И тамъ, внизу, на зеркалѣ зажглись.
Я вижу: князь вѣнчается съ другою,
Красавицей, подводною жилицей...
Я вскрикнула!... проснулась...

Мамка.

Вѣщій сонъ!
Молись Христу, голубушка родная:
Онъ властенъ дать и радость и печаль.

Княгиня.

Шумъ на крыльцѣ!... Охотники вернулись...
Одни! Гдѣ князь?!... Смерть, чуетъ сердце смерть!..

(*Охотникъ, любимецъ князя, быстро входитъ*).

Охотникъ.

Князь повелѣлъ отдать тебѣ, княгиня.

(*подаетъ кольцо*).

Княгиня.

Кольцо?... Кольцо!!... Охъ сердце!!!

(*Падаетъ на руки мамки*).

Мамка.

Умерла!
Въ сонмъ Ангеловъ прими ее, Всевышній!

***

При всемъ художественномъ совершенствѣ своемъ, „Русалка“ и въ тѣхъ сценахъ ея, которыя вошли въ собранія сочиненій А. С. Пушкина, и въ окончаніи, нынѣ появляющемся благодаря счастливой памяти Д. П. Зуева, есть произведеніе посмертное, не вполнѣ приготовленное къ печати. Читатели знаютъ, напримѣръ, что первые два стиха VI-й сцены суть повтореніе стиховъ въ сценѣ IV-й, чего Пушкинъ не допустилъ бы въ окончательной отдѣлкѣ. Замысливъ и начавъ эту драму въ 1828 и 1829 годахъ, Пушкинъ, по своему обычаю, отложилъ ее въ сторону, и только черезъ три года вновь за нее принялся. Къ этому же послѣднему времени относится его, тоже не конченный „Янышъ Королевичъ“, похожаго съ „Русалкою“ содержанія, такъ что послѣдніе два стиха могъ бы сказать и герой „Русалки“:

Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ.

Оканчивалъ и отдѣлывалъ „Русалку“ Пушкинъ не задолго до своей кончины. Вѣроятно готовилъ онъ ее для своего „Современника“, и вновь заманить его къ отложенной на время драмѣ могъ Жуковскій, въ это время печатавшій свою тоже „Русалку“, т. е. Ундину. А. С. Смирнова, со словъ Жуковскаго, положительно говоритъ, что за нѣсколько дней до поединка Пушкинъ расказывалъ друзьямъ о своей „Русалкѣ“, виновной въ смерти отшельника (т. е. о балладѣ) и о другой „Русалкѣ“, своей лирической драмѣ; „за тѣмъ передалъ имъ конецъ драмы“*). Вотъ современное свидѣтельство о томъ, что драма был конечна.

Но полной рукописи „Русалки“ не оказалось потомъ въ бумагахъ Пушкина. Можетъ быть, своеручный конецъ ея и удастся найти академику Л. Н. Майкову, который для академическаго изданія сочиненій Пушкина отыскиваетъ и находитъ подлинныя его рукописи. Тогда увидимъ, на сколько во всѣхъ подробностяхъ вѣрна была чудная память Д. П. Зуева. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что если бы Пушкинъ отдѣлывалъ и готовилъ къ печати „Русалку“ въ промежутокъ времени между Ноябремъ мѣсяцемъ 1836 года, когда слышалъ ее изъ устъ его Д. П. Зуевъ, и двадцатыми числами Января 1837 года, то онъ удержалъ бы многое изъ нынѣ появляющихся въ свѣтъ 237 стиховъ.

---

*) См. Записки А. О. Смирновой въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1897 г., I, 139.

Самъ Пушкинъ держалъ бумаги свои въ большомъ порядкѣ. По кончинѣ его многіе пожелали получить себѣ на память о немъ его автографы. Къ Жуковскому бумаги Пушкина поступили уже послѣ того, какъ побывали въ рукахъ чиновниковъ III-го Отдѣленія, которые особенно поусердствовали вслѣдствіе строгаго выговора, полученнаго графомъ Бенкендорфомъ отъ Государя Николая Павловича по поводу Пушкинскаго поединка.

За тѣмъ, Пушкинскія рукописи очутились въ распоряженіи г. Тарасенка-Отрѣшкова, злоупотреблявшаго, какъ извѣстно, оказаннымъ ему довѣріемъ. Наконецъ, немало рукописей этихъ ушло въ Парижъ къ г. Онегину...

Не мудрено, стало быть, что полная „Русалка" затерялась, и только теперь, черезъ столько лѣтъ по кончинѣ великаго творца ея, появляется вполнѣ на свѣтъ Божій.

Пользуемся случаемъ, чтобы привести слѣдующее мѣсто изъ Дневника, веденнаго въ Москвѣ В. А. Мухановымъ, который получалъ свѣдѣнія изъ Петербурга отъ своего брата. П. Б.

1 Февраля 1837 г. Пушкинъ дрался на дуели и смертельно раненъ. Онъ получалъ долго безъименныя письма, оскорбительныя для чести его, сталъ подозрѣвать сочинителя оныхъ, Голландскаго посланника барона Экерна и, потерявъ терпѣніе, самъ въ свою очередь написалъ бранное письмо, но только подписавъ оное, къ низкому Голландцу. Посланникъ послалъ за Д'Антесомъ, не за долго до того имъ усыновленнымъ вслѣдствіе 500 т. рублей, полученныхъ старымъ Экерномъ отъ Голландскаго короля, и объявилъ ему, чтобы онъ кончилъ это. Д'Антесъ въ отвѣтъ вынулъ изъ кармана вызовъ Пушкина.

2 Февраля. Khomiakoff pense avec raison que Pouchkie était las de la vie, et qu'il a saisi la première occasion pour s'en défaire, un libelle n'étant pas, selon lui, une offense pour laquelle on se bat. La froideur de la Russie pour le poète[1]), l' état de gêne où il se trouvait pour la fortune, ses démêlées avec le ministre [2]), amenèrent la malheureuse catastrophe.[3]).

---

[1]) „Современникъ" Пушкина не имѣлъ и *двухъ сотъ* подписчиковъ. П. Б.

[2]) Графомъ С. С. Уваровымъ. П. Б.

[3]) Хомяковъ справедливо думаетъ, что Пушкинъ усталъ жить и воспользовался первымъ случаемъ прекратить свое существованіе, такъ какъ, по мнѣнію Хомякова, полученіе пасквильнаго письма не есть такая обида, изъ за которой дерутся на смерть, Несчастная катастрофа произошла вслѣдствіе равнодушія Россіи къ поэту, его стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствъ и ссоры съ министромъ.

ПАМЯТИ А. П. БОГОЛЮБОВА.

26-го Октября 1896 г. скончался въ Парижѣ *Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ*. Въ лицѣ его искусство Русское потеряло выдающагося, по таланту и по неоскудѣвавшему стремленію къ изученію природы, мариниста, общество Русскихъ художниковъ въ Парижѣ — лицо, служившее, по смерти *И. С. Тургенева*, живымъ центромъ, объединявшимъ его, а всѣ хотя случайно имѣвшіе съ нимъ личныя отношенія — человѣка въ лучшемъ смыслѣ слова, отзывчиваго на всякія нужды ближнихъ, готоваго и умѣвшаго каждому подать руку помощи и заботившагося гораздо болѣе о пользѣ другихъ, чѣмъ о себѣ самомъ.

Родился *Алексѣй Петровичъ* въ с. Померанье, Новогородской губерніи, 16 Марта 1824 года. Отецъ его былъ ветераномъ 1812 года и умеръ въ чинѣ полковника.

„Родъ нашъ по отцѣ, хотя и не темный, но и не очень бойкій, разсказываетъ самъ *Алексѣй Петровичъ* въ имѣющихся у меня собственноручныхъ его Запискахъ. Старики *Боголюбовы* говорили, что мы были когда-то съ прибавленіемъ къ фамиліи—*Полозовы*, что встарь предки наши были думные дьяки; но всему этому я не вѣрю, ибо грамоты сгорѣли въ Московскомъ архивѣ во время пожара 1812-го года“ [1]).

По матери своей, *Алексѣй Петровичъ* былъ роднымъ внукомъ извѣстнаго *Александра Николаевича Радищева*, память котораго онъ свято чтилъ всю жизнь.

„Когда умеръ мой отецъ [2]), продолжаетъ онъ въ тѣхъ же Запискахъ, то покойная моя матушка оставила свѣтъ, т. е. не постриг-

---

[1]) Извѣстный по „Русскому Архиву“ въ первую половину нынѣшняго вѣка Варѳоломей Филиппoвичъ Боголюбовъ былъ близкимъ родственникомъ нашему, о чемъ онъ самъ говорилъ намъ, при чтеніи своихъ Записокъ въ Парижѣ въ Апрѣлѣ 1896 года. *П. Б.*

[2]) 8-го Іюля 1830 г.

лась, а только оставила свѣтскія знакомства и удалилась въ Смольный монастырь, гдѣ была воспитана, и занялась нашимъ воспитаніемъ. Какъ помню, она была очень хороша собой, и кто зналъ ее изъ почтенныхъ людей, то отдавалъ [ей] полное уваженіе за свѣтлый разумъ и кротость души. Въ ея воспитаніи я теперь еще вижу врожденную мысль моего дѣда объ этомъ священномъ долгѣ родителей, и если мы съ братомъ [1]) вышли [въ] люди, то, конечно, ей за это обязаны, а не корпуснымъ офицерамъ".

Чтобы понять, о какой „врожденной мысли дѣда", говоритъ здѣсь Алексѣй Петровичъ, вспомнимъ то мѣсто въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву", гдѣ Крестицкій дворянинъ, разставаясь съ своими сыновьями, говоритъ имъ о своихъ отношеніяхъ къ нимъ и, между прочимъ, о томъ, что происхожденіе не налагаетъ на нихъ какихъ-либо обязательствъ по отношенію къ родителямъ.

„Мать ваша, говоритъ онъ тамъ, равнаго со мною была мнѣнія о ничтожествѣ должностей (т. е. обязанностей) вашихъ, отъ рожденія проистекающихъ. Не гордилася она предъ вами, что носила васъ во чревѣ своемъ, не требовала признательности, питая васъ своею кровію; не хотѣла почтенія за болѣзни рожденія, ни за скуку воскормленія сосцами своими. Она тщилася благую вамъ дать душу, яко же и сама имѣла, и въ ней хотѣла насадить дружбу, но не обязанность, не должность или рабское повиновеніе" [2]).

Еще живя у матери, *Алексѣй Петровичъ* обнаруживалъ большую склонность и способность къ рисованію. Вскорѣ, въ 1835 г., его отдали въ Александровскій Малолѣтній Кадетскій Корпусъ, откуда въ 1837 г. онъ былъ переведенъ въ Морской корпусъ, и выпущенъ во флотъ въ 1841 году. Будучи еще въ корпусѣ, по своему живому, впечатлительному характеру и благодаря способности быстро схватывать главныя характерныя черты каждаго лица, *Алексѣй Петровичъ* сталъ рисовать карикатуры и скоро такъ пристрастился къ этому, что карикатуръ его не избѣгъ никто изъ окружавшихъ его въ то время, не исключая и начальства, за что ему едва не пришлось дорого поплатиться. Уже во время выпуска изъ Корпуса, на самомъ экзаменѣ, сидя на передней скамейкѣ, Алексѣй Петровичъ не устоялъ отъ соблазна изобразить въ карикатурѣ всѣхъ своихъ экзаменаторовъ. Онъ уже оканчивалъ свой рисунокъ, когда его вызвали къ доскѣ. Спѣша окончить послѣднюю фигуру (именно, директора Корпуса *Крузенштерна*), молодой художникъ не слыхалъ, какъ его вызвали. Видя, что онъ

---

[1]) Николаемъ Петровичемъ Боголюбовымъ, авторомъ книги: „Исторіи Корабля".

[2]) Читатель съ прискорбіемъ вспоминаетъ, что сочинитель этихъ строкъ былъ проклятъ отцомъ своимъ и кончилъ самоубійствомъ. *П. Б.*

что-то чертитъ на бумагѣ, инспекторъ протягиваетъ къ нему руку, беретъ его рисунокъ и подаетъ директору. *Крузенштернъ* вспылилъ и тутъ же отправилъ его подъ арестъ, лишивъ права экзаменоваться. Въ то время братъ будущаго художника, *Николай Петровичъ*, былъ уже мичманомъ, въ офицерскихъ классахъ. Узнавъ о бѣдѣ, постигшей *Алексѣя Петровича*, онъ немедленно ѣдетъ къ дядѣ своему, полковнику *Аѳанасію Александровичу Радищеву*, служившему въ то время предсѣдателемъ Управы Благочинія (впослѣдствіи губернаторомъ въ Подольской и Ковенской), прося его заступиться за юношу. Тотъ немедленно отправляется къ Крузенштерну и проситъ его простить виновнаго.

— Вѣдь учился онъ все время хорошо, экзамены у него идутъ тоже хорошо, онъ можетъ быть полезнымъ офицеромъ; а лишивши его выпуска, вы его этимъ не заставите заниматься, а напротивъ это ожесточитъ его, онъ вовсе броситъ занятія, и дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что его придется выпустить въ простые матросы, а это убьетъ мою сестру. *Крузенштернъ* смягчился и, подойдя къ находящемуся тутъ же *Николаю Петровичу*, сказалъ:

— Только по просьбѣ вашего дяди и для васъ, такъ какъ я все время былъ доволенъ вашими занятіями и вашимъ поведеніемъ, я его прощаю и, обратясь къ стоявшему у дверей Алексѣю Петровичу, отпустилъ его. Но только что тотъ ушелъ, онъ послалъ снова вернуть его.—Сейчасъ же, сказалъ онъ ему, дайте мнѣ подписку, что до тѣхъ поръ, пока вы не надѣнете офицерскихъ эполетъ, изъ подъ руки вашей не выйдетъ ни одной карикатуры.

Въ 1849 году герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, тогдашній президентъ Академіи Художествъ, отправлялся лѣчиться на островъ Мадеру. Лучшимъ въ то время пароходомъ считался „Камчатка", на которомъ въ чинѣ лейтенанта служилъ Алексѣй Петровичъ. Однажды онъ сидѣлъ на кожухѣ и рисовалъ съ натуры. Герцогъ, увидя его работу, очень заинтересовался ею.

— Вы очень хорошо рисуете, замѣтилъ онъ.

— Самоучкой, Ваше Высочество, отвѣчалъ *Боголюбовъ*.

— Отчего же вы не учитесь? Вы желали бы учиться? спросилъ герцогъ.

— И очень бы желалъ, но я человѣкъ бѣдный *), живу только

*) Въ Кронштадтѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ двоими товарищами, и у нихъ была одна теплая шинель на всѣхъ, такъ что приходилось пользоваться ею по очереди. Чтобы успокоивать хотя свой глазъ, когда уходилъ одинъ изъ товарищей, унося на себѣ шинель, *Алексѣй Петровичъ* нарисовалъ такую же шинель на стѣнѣ, подъ тѣмъ гвоздемъ, гдѣ висѣла эта уника.

жалованьемъ и не имѣю никакой возможности посвятить себя этому занятію.—Въ такомъ случаѣ напомните мнѣ о себѣ, когда я возвращусь въ Россію.

Черезъ годъ, по возвращеніи герцога въ Петербургъ, *Алексѣй Петровичъ* не замедлилъ явиться къ нему. Тотъ доложилъ о немъ Государю, который помнилъ Боголюбова по имѣвшемуся уже у него въ то время рисунку Кронштадтской гавани при Мартовскомъ солнцѣ, когда все вокругъ покрыто сильнымъ инеемъ. Боголюбовъ причисленъ былъ къ Академіи, съ оставленіемъ на службѣ во флотѣ. Все это, какъ и многое далѣе, я передаю со словъ его старшаго брата, *Николая Петровича*, любезно сообщившаго мнѣ эти свѣдѣнія, а также и имѣвшуюся у него переписку нашего художника.

Поступивъ въ 1850 г. вольноприходящимъ ученикомъ въ Академію Художествъ, *Алексѣй Петровичъ* пользовался тамъ, главнымъ образомъ, совѣтами профессоровъ *М. Н. Воробьева* и *Б. И. Виллевальде.*

Въ то время въ Гостинномъ дворѣ торговалъ нѣкто *Михайло Кузинъ.* Однажды Алексѣй Петровичъ скомпоновалъ картинку, представляющую бурю со спасающимся на мачтѣ человѣкомъ, и отнесъ ее къ этому *Кузину.* Тотъ далъ ему за нее пять рублей. Это были первыя заработанныя на художественномъ поприщѣ деньги, и Алексѣй Петровичъ былъ въ восторгѣ отъ такого заработка. Послѣ *Кузинъ* самъ сталъ заказывать ему подобныя же картинки, называя ихъ „панданчиками“, и платилъ ему за нихъ уже по десяти рублей, постепенно возвышая эту цѣну до пятидесяти рублей. Дальше повышать плату онъ отказался, говоря, что на такой товаръ у него нѣтъ покупателей, и будущій знаменитый маринистъ, скопившій впослѣдствіи цѣлое состояніе отъ своихъ картинъ, съ удовольствіемъ въ то время писалъ для своего мецената всевозможные виды Венеціи днемъ, виды Венеціи ночью, виды Венеціи утромъ, не видавши ея на самомъ дѣлѣ ни днемъ, ни ночью, ни утромъ.

На другой же годъ по поступленіи въ Академію, за два вида Кронштадтской гавани и картину „Наводненіе въ Кронштадтской гавани въ 1824 г.“, *Боголюбовъ* былъ пожалованъ высочайшими подарками, а еще черезъ годъ получилъ 2-ю золотую медаль за представленныя имъ три картины: „Видъ Смольнаго монастыря съ Охты“, „Бой брига „Меркурій“ съ двумя Турецкими кораблями“ (эпизодъ изъ Турецкой войны 1828 г.) и „Отбытіе Е. И. В. Герцога Лейхтенбергскаго изъ Лиссабона“.

Въ 1853 г. за работы по программѣ (три вида г. Ревеля и видъ С.-Петербурга отъ взморья въ лѣтнюю ночь), онъ получилъ 1-ю золотую медаль, съ правомъ поѣздки на казенный счетъ за границу.

Въ это время одинъ помѣщикъ, *Юзефовичъ*, заказалъ ему картину, видъ на Неву съ Троицкаго моста. Алексѣй Петровичъ работалъ ее въ мастерской скульптора барона *П. К. Клодта*. Въ это время туда ходилъ одинъ любитель *Самойловъ*, которому очень хотѣлось имѣть какую нибудь работу уже входившаго тогда въ славу *Боголюбова*. Не надѣясь выпросить ее у художника даромъ и не желая платить за нее денегъ, онъ придумалъ очень остроумный способъ. По знакомству съ барономъ *Клодтомъ* онъ устроился въ той же мастерской, рядомъ съ *Боголюбовымъ*, будто занятый собственною работою. Затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько мазковъ по своей картинѣ, онъ обращается къ довѣрчивому сосѣду:

— Скажите, пожалуйста, кажется у меня это не такъ выходитъ?

Разсчетъ его оказался вѣренъ. Пылкій художникъ не выдержалъ:

— Что вы, развѣ это такъ?! вотъ какъ нужно. А это что такое?! Вотъ какъ, вотъ какъ! и, взявъ кисть, началъ все ему передѣлывать. Затѣмъ, опять повторяется таже исторія, и въ результатѣ оказалось, что всю картину написалъ ему *Боголюбовъ*. Тогда Самойловъ забралъ картину и совсѣмъ пересталъ показываться въ мастерской.

Между тѣмъ собственная картина *Алексѣя Петровича* тоже подвигалась къ концу и удалась, какъ нельзя лучше. Увидя ее, баронъ *Клодтъ* пришелъ въ восторгъ: Для кого вы ее пишете? Алексѣй Петровичъ сказалъ.

— На вашемъ мѣстѣ я бы не отдалъ ему. Вы можете ему написать другую, а эта у васъ такъ хороша, что я совѣтовалъ бы вамъ поднести ее Государю.

Алексѣй Петровичъ такъ и сдѣлалъ. На слѣдующее же утро онъ везетъ картину къ графу *Адлербергу*, прося его представить Императору.

Чрезъ нѣсколько дней, разсказываетъ *Николай Петровичъ*, сидимъ мы за чаемъ, вдругъ является изъ дворца курьеръ. Оказывается, Государь остался очень доволенъ картиною, велѣлъ спросить, сколько художникъ желаетъ получить за нее, и вмѣстѣ выразить желаніе, чтобы единственное на картинѣ судно, представленное подъ Французскимъ флагомъ, было замѣнено Русскимъ судномъ.

Тогда уже приближалась Севастопольская война. Услыхавъ это замѣчаніе, Алексѣй Петровичъ перепугался, какъ бы ему за это не лишиться возможности ѣхать за границу, и поскорѣе поѣхалъ къ конференцъ-секретарю Академіи *В. И. Григоровичу* съ просьбою, чтобы тотъ доложилъ объ этомъ великой княгинѣ *Маріи Николаевнѣ*, бывшей тогда, по смерти герцога *Лейхтенбергскаго*, президентомъ Академіи, увѣ-

ряя, что флагъ Французскій попалъ тутъ совершенно случайно, потому что показался ему красивымъ пятномъ.

Чрезъ нѣсколько дней опять является курьеръ, уже отъ великой княгини *Маріи Николаевны*, съ запиской, въ которой она успокоиваетъ художника, говоря, что Императоръ нисколько не сомнѣвается въ его вѣрноподданническихъ чувствахъ, а только желаетъ, чтобы флагъ, который *кажется* (и слово *кажется* подчернуто) Французскимъ, былъ передѣланъ на Русскій.

Мало того, вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе о назначеніи *Боголюбова* художникомъ Главнаго Морскаго Штаба Его Величества.

Осенью 1853 года *Боголюбовъ* былъ отправленъ на казенный счетъ за-границу. Объѣхавъ почти всю Европу, въ Женевѣ онъ пользовался совѣтами знаменитаго *Калама*, въ Парижѣ—*Изабэ*, и въ Дюссельдорфѣ два года учился у *Андрея Ахенбаха*. Къ послѣднему онъ сохранилъ до конца жизни чувства уваженія и благодарности, тогда какъ *Калама* не ставилъ высоко.

Уже въ 1888 г., къ которому относится мое личное знакомство съ покойнымъ художникомъ, онъ говорилъ мнѣ:

— „Я долженъ сказать про себя, что я обязанъ *Андрею Ахенбиху* тѣмъ, что онъ научилъ меня умѣть смотрѣть, умѣть подмѣтить одну черту, одну точку, которая сразу дѣлаетъ картину. Я не люблю *Калама* за то, что у него все зализано: что̀ первый планъ, что дальніе“.

Весну 1856 г. *Боголюбовъ* проработалъ въ Италіи, написалъ тамъ „Видъ Сорренто“, „Римскую ночь“, „Видъ острова Капри въ бурю“, „Вечеръ въ Неаполѣ“, а осенью отправился на Дунай и въ Синопъ собирать этюды для картинъ, заказанныхъ ему императоромъ *Николаемъ Павловичемъ*.

Въ 1858 г., за нѣсколько видовъ Константинополя, окрестностей Рима и Шильонскаго замка, присланныхъ имъ изъ-за-границы, *Боголюбовъ* получилъ званіе академика, а черезъ два года, пробывъ всего за-границей семь лѣтъ, онъ вернулся въ Петербургъ. Академія дала ему званіе профессора, заявила благодарность Совѣта *) за особенные успѣхи, такъ какъ (сказано въ постановленіи Совѣта) до того времени ни одинъ изъ пенсіонеровъ Академіи, при возвращеніи въ Россію, не привозилъ такого большого количества отличныхъ этюдовъ и картинъ, доказывающихъ, кромѣ таланта, особенные труды и стараніе совершенствоваться.

Въ Ноябрѣ 1860 года *А. П. Боголюбовъ* устроилъ въ пользу вдовъ и сиротъ художниковъ особую выставку привезенныхъ имъ картинъ и

*) *Булаковъ*. Наши художники, стр. 43.

этюдовъ. Изъ числа этихъ картинъ семь были заказаны ему Государемъ. Капитальнѣйшимъ изъ его произведеній этого времени былъ „Синопъ“. Затѣмъ обращали на себя всеобщее вниманіе „Взятіе парохода Первазъ-Бахре“, „Буря въ проливѣ Сенъ-Велери“ и „Кермесъ въ Амстердамѣ“, находящаяся теперь въ Эрмитажѣ.

Императоръ *Александръ II* удостоилъ художника благодарности и пожаловалъ орденомъ Владиміра 4-й степени за исполненіе упомянутыхъ заказанныхъ ему картинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „приказалъ мнѣ, разсказываетъ Боголюбовъ въ своихъ воспоминавіяхъ *) разрабатывать въ картинахъ нашу славную боевую морскую исторію, начиная съ Петра Великаго. Вотъ почему, замѣчаетъ онъ, живя долго внѣ отечества, я прежде всего хотѣлъ ознакомиться съ Россіей, нетороплиbo плавая по Волгѣ и Каспійскому морю, и посѣщалъ тѣ мѣста, гдѣ прославлялъ себя геній Великаго Царя. Какъ разъ въ это время, продолжаетъ онъ далѣе, покойный великій князь Наслѣдникъ Цесаревичъ *Николай Александровичъ* предпринялъ долгую поѣздку по Россіи. Попечитель Его Высочества, графъ *Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ*, пригласилъ меня въ этотъ вояжъ, вмѣстѣ съ профессорами *К. П. Побѣдоносцевымъ* и *И. К. Бабстомъ*“.

По смерти Цесаревича *Николая Александровича*, графъ *Перовскій*, состоявшій попечителемъ наслѣдника *Александра Александровича*, пригласилъ *Боголюбова* въ его свиту для новаго путешествія по Россіи.

Результатомъ этихъ путешествій явились двадцать четыре картины, до двухъ сотъ рисунковъ видовъ мѣстностей съ натуры, которыя посѣтили Ихъ Высочества, и множество этюдовъ. Въ числѣ этихъ картинъ были: „Видъ Нижняго Новгорода съ колокольнаго базара“, исполненный въ 1863 г. для Наслѣдника Цесаревича *Николая Александровича,* повтореніе этой картины и „Видъ Казани въ разливъ“ для *В. А. Кокорева* и „Видъ Скутари“ для *Хлудова.* Кромѣ того, Боголюбовъ нарисовалъ 120 листовъ атласа Финляндскихъ береговъ для Гидрографическаго Департамента Морского Министерства.

Въ промежуточные между поѣздками мѣсяцы Алексѣй Петровичъ исполнилъ еще немало картинъ, изъ которыхъ упомяну: „Бомбардированіе Петропавловска въ Камчаткѣ“, „Абордажное дѣло со Шведами въ устьяхъ Невы 6 Мая 1703 г.“, „Походъ Петра I на Дербентъ 1722 г.“, „Гренгамское морское сраженіе 27 Іюля 1720 г. подъ командою адмирала князя *Голицына* въ Финскомъ заливѣ“, „Крушеніе Фрегата Александра Невскаго у береговъ Ютландіи“, „Выходъ на бе-

---

*) Воспоминанія о въ Бозѣ почившемъ императорѣ Александрѣ III профессора живописи А. П. Боголюбова. СПБ. 16°. 1895 г.

регъ изъ буруновъ великаго князя *Алексѣя Александровича* и его свиты (собственность великаго князя *Алексѣя Александровича*) и „Молебствіе ночью послѣ крушенія" (пріобрѣтена императоромъ *Александромъ II*). Въ этотъ же промежутокъ времени онъ занимался живописью съ великимъ княземъ *Алексѣемъ Александровичемъ*.

Изъ работъ, привезенныхъ имъ изъ его путешествій, въ 1863 г. онъ устроилъ выставку въ Академіи художествъ, въ пользу семейства художника *А. Е. Бейдемана*.

По рекомендаціи Ѳ. А. Оома, Государыня Цесаревна, нынѣ вдовствующая Императрица *Марія Ѳеодоровна*, пожелала, чтобы *Боголюбовъ* руководилъ ея занятіями по части искусства, и по закрытіи упомянутой сейчасъ выставки, нашъ художникъ сопровождалъ Августѣйшую Чету въ ихъ путешествіи по Россіи, а лѣтомъ 1870 г., въ свитѣ великаго князя *Владимира Александровича*, побывалъ въ Голландіи, Бельгіи и Германіи.

Своими высокими душевными качествами *Алексѣй Петровичъ* пріобрѣталъ всегда уваженіе и привязанность тѣхъ, съ кѣмъ судьба ставила его въ болѣе или менѣе близкія отношенія. Такъ было и съ Августѣйшею Четою, которая всегда оказывала ему самое благосклонное участіе. Ниже мы увидимъ, до чего благосклонно относится къ нему почившій Императоръ; такою же благосклонностью проникнуты были и отношенія къ нему его Августѣйшей Ученицы. И эту благосклонность онъ употреблялъ только на добро ближнимъ, къ чему всегда былъ склоненъ, какъ, можетъ быть, уже замѣтили читатели по благотворительной цѣли всѣхъ его предшествовавшихъ выставокъ.

Въ доказательство моихъ словъ, приведу здѣсь примѣръ, который разсказываетъ самъ *Боголюбовъ* въ своихъ Воспоминаніяхъ.

„Однажды, говоритъ онъ, пришелъ я къ Государынѣ Цесаревнѣ подъ вліяніемъ грустнаго событія, которое не могъ переломить въ себѣ, что скоро было замѣчено Ея Высочествомъ.

— Вы сегодня не Алексѣй Петровичъ, котораго я всегда привыкла видѣть, сказала мнѣ съ участіемъ Великая Княгиня.

— Извините меня, Ваше Высочество, я, точно, разстроенъ печальнымъ событіемъ, случившимся сегодня въ академическомъ подвалѣ подо мною съ однимъ изъ бѣдняковъ, служителемъ. Сестра его жены, вдова, живущая поденною работою и имѣющая двухъ малолѣтнихъ дѣтей, внезапно умерла, оставивъ своихъ сиротъ человѣку, обремененному своей семьей и не имѣющему никакихъ средствъ къ ихъ содержанію. Конечно, я пришелъ на помощь, чтобы предать покойницу землѣ, но теперь надо озаботиться о бѣдныхъ дѣтяхъ. Есть у меня душевный Русскій человѣкъ и благотворительный купецъ *В. Ѳ. Громовъ*; постараюсь призвать его къ этому христіанскому дѣлу.

Выслушавъ меня внимательно, Ея Высочество не промолвила ни слова и продолжала работать. Такое затишье со стороны Великой

Княгини я счелъ неблагопріятнымъ и сталъ себя упрекать мысленно, что сдѣлалъ une boulette и поступилъ безтактно. Но вотъ, шумно и радостно вошелъ въ мастерскую Наслѣдникъ Цесаревичъ. Не давъ Его Высочеству сказать ничего, кромѣ обычныхъ привѣтствій, Государыня Цесаревна обратилась къ Августѣйшему супругу со слѣдующими словами: Нашъ Алексѣй Петровичъ сегодня очень грустенъ; надо его порадовать, а потому дай слово, что ты исполнишь со мною вмѣстѣ доброе дѣло.

— Да въ чемъ тутъ суть? спросилъ Великій Князь.

— Это узнаешь сейчасъ; только скажи свое „да".

— Съ удовольствіемъ; но что это за таинственность?

— Теперь передайте вашъ разсказъ мужу, сказала, улыбаясь, Цесаревна.

Я повторилъ снова мою подвальную исторію. Цесаревичъ, видимо, ею интересовался, и когда я кончилъ, то Великая Княгиня сказала: — Ну, теперь ступайте къ *Ѳедору Адольфовичу Оому* (къ секретарю Ея Высочества) и скажите, что я беру младшую дѣвочку.

— А отъ меня скажите *Василію Васильевичу Зиновьеву* (гофмаршалу), что я беру старшую.

И всѣ весело пошли къ завтраку".

Но черезъ пять лѣтъ занятія эти должны были прерваться тяжкою болѣзнью, постигшею нашего художника.

„По обыкновенію, разсказываетъ онъ самъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ, я явился въ Аничковскій Дворецъ въ одиннадцать часовъ утра и пристально слѣдилъ за работой Великой Княгини, какъ вдругъ глаза мои помрачились, все пошло кругомъ, и я сдѣлался блѣденъ. Ея Высочество сейчасъ же позвонила, приказавъ подать холодной воды и полотенце. Я положилъ себѣ его на голову, думая, что это дурнота случайная. Вскорѣ вошелъ Великій Князь и далъ мнѣ совѣтъ скорѣе отправиться къ доктору *Гиршу*, не дожидаясь завтрака. Шатаясь, я добрался до квартиры *Густава Ивановича*, который, осмотрѣвъ меня, отвезъ домой, и тутъ же я призналъ въ себѣ нервный мозговой ударъ съ разрывомъ и изліяніемъ. Четыре съ половиною мѣсяца я былъ между жизнью и смертью; каждый день ко мнѣ являлся (изъ дворца) ѣздовой, чтобы узнать о моемъ здоровьѣ. Наконецъ, въ апрѣлѣ я могъ съ трудомъ выходить, а потому, поспѣшивъ откланяться моимъ благодѣтелямъ, съ грустью покинулъ родину и поѣхалъ въ Римъ. Такъ закончилась, къ великому моему сожалѣнію, замѣчаетъ онъ, моя профессорская обязанность при Государынѣ-Цесаревнѣ».

«Когда я оставлялъ моихъ благодѣтелей, разсказываетъ онъ далѣе, Наслѣдникъ Цесаревичъ сказалъ: — Пишите мнѣ, что̀ встрѣтите интереснаго по художеству, да и пріобрѣтайте, что̀ найдете достойнымъ».

Съ этихъ поръ начинается новая художественная обязанность *Алексѣя Петровича* служить посредникомъ при пріобрѣтеніи всякихъ художественныхъ сокровищъ его Августѣйшимъ Покровителемъ. Но здоровье позволило ему только черезъ годъ написать первое письмо Великому Князю и выслать при этомъ небольшую картину *Жерома*, «*Наполеонъ I* въ Египтѣ передъ пирамидами». Въ отвѣтъ на это *Боголюбовъ* получилъ первое собственноручное письмо Наслѣдника Цесаревича, помѣченное $^{2}/_{14}$ Мартомъ 1872 г.

«Добрѣйшій и милѣйшій Алексѣй Петровичъ! пишетъ Великій Князь. Начинаю мое письмо, прося у васъ прощенія, что такъ долго не отвѣчалъ; но ваши письма пришли какъ разъ на масляницу, и вы сами знаете, что на этой недѣлѣ немного свободнаго времени. Благодарю васъ очень, очень за ваши хлопоты по доставленію эскизовъ и каталога коллекціи г-жи *Гселя*. Я воспользовался этимъ счастливымъ случаемъ и устроилъ совершенно, какъ вы предлагали. Я ассигновалъ сумму въ восемнадцать тысячъ талеровъ и перевелъ ихъ на Вѣну для покупки пяти картинъ: *Жерома*, двухъ *Петенкофенъ* и еще двухъ, имя которыхъ позабылъ теперь, потому что каталогъ я послалъ *Владиміру* [1]) на просмотръ. Я надѣюсь, что мнѣ удастся купить эти картины, и я былъ бы очень радъ".

„*Василій Васильевичъ* [2]) написалъ обо всемъ этомъ *Новикову* [3]) въ Вѣну и получилъ уже отвѣтъ. Я въ особенности просилъ постараться купить картину *Жерома* и одну *Петенкофена*, ту, которой вы прислали мнѣ эскизъ, --Цыганскій таборъ. *Мейсонье* я вовсе не приказалъ покупать, потому что мнѣ не нравится сюжетъ, и это вовсе не его жанръ. Объ результатѣ покупки картинъ я вамъ сейчасъ же напишу. На ваше второе письмо я вамъ отвѣчу въ другой разъ, такъ какъ я еще ничего не рѣшилъ, что̀ купить и что̀ заказать".

„Къ 26-му Февраля я получилъ отъ Цесаревны въ подарокъ двѣ чудныя огромныя вазы *Клуазоне*, и отъ Государя и Императрицы тоже два большихъ блюда *Клуазоне* и двѣ вазы *Кракле*, такъ что моя коллекція прибавляется по немногу".

„Жду съ нетерпѣніемъ фотографіи съ картинъ Русскихъ художниковъ, которыя вы обѣщали выслать. Фотографіи статуй я получилъ. Теперь довольно объ этихъ вещахъ толковать".

„У насъ погода порядочная, и морозовъ почти не бываетъ. На улицахъ снѣгу уже давно нѣтъ, и ѣздимъ всѣ на колесахъ".

„Императрица все еще не поправляется и очень слаба, такъ что *Боткинъ* [4]) рѣшительно настаиваетъ, чтобы она выѣхала изъ Петербурга. Императрица рѣшилась ѣхать въ Крымъ, и если силы ей позволятъ, то поѣдетъ отсюда въ Субботу на второй недѣлѣ. И Государь съ *Ольгой Николаевной* [5]) тоже ѣдутъ въ Крымъ и къ Страстной вернутся обратно".

---

[1]) Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

[2]) Гофмаршалъ Василій Васильевичъ Зиновьевъ.

[3]) Русскій посолъ при Вѣнскомъ дворѣ.

[4]) Лейбъ-медикъ С. П. Боткинъ.

[5]) Великая Княгиня Ольга Николаевна.

„Когда увидите нашего милаго *Барятинскаго*, то передайте ему отъ меня и Цесаревны нашъ усердный поклонъ. Дай Богъ ему совершенно поправиться и вернуться къ намъ здоровымъ; но надо ему еще хорошенько отдохнуть и оставаться совершенно спокойнымъ“.

„Если увидите *Николая Максимиліановича* *), то и ему передайте, пожалуйста, мой искренній поклонъ“.

„Еще разъ благодарю васъ отъ души за ваши два любезныя письма и въ особенности за ваши хлопоты. Я боюсь, что вы слишкомъ много бѣгаете и пишете, и что вамъ нужно было бы спокойнѣе вести жизнь.

„Отъ всей души желаю вамъ всего лучшаго, а въ особенности здоровья и силы“.

„Цесаревна поручила мнѣ вамъ передать ея усердный поклонъ“.

Вашъ отъ души „*Александръ*“.

Я привелъ здѣсь это письмо вполнѣ, какъ образецъ того, какъ просто и сердечно относился почившій Монархъ къ своему подданному. Простотою и задушевностью отношеній къ окружающимъ благоговѣніе къ такимъ лицамъ возбуждается еще сильнѣе, такъ какъ къ величію положенія присоединяется тутъ и величіе души.

Подобныя письма *Алексѣй Петровичъ* получалъ нерѣдко, и всѣ сберегалъ, какъ святыню, чтобы потомъ передать ихъ на вѣчное храненіе въ Радищевскій музей. Въ нихъ Августѣйшій его Покровитель давалъ ему разныя порученія по части художественныхъ пріобрѣтеній всякаго рода, а нерѣдко и высказывалъ свои мнѣнія о томъ или другомъ художественномъ произведеніи, при чемъ взгляды его на искусство удивляли *Боголюбова*, по собственному его признанію, необыкновенною своеобразностью и вѣрностью.

„Будучи ученикомъ знаменитаго *Изаббе*, которому въ эту пору было восемьдесятъ лѣтъ, разсказываетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ нашъ художникъ, я просилъ Его Высочество сдѣлать честь посѣтить маститаго художника и тѣмъ его осчастливить. Надо было видѣть непритворную радость почтеннаго человѣка, когда вошелъ къ нему Великій Князь.

— Отецъ мой, сказалъ Изаббе, имѣлъ счастіе писать портреты императора *Александра I* и *Николая I*; онъ обожалъ Россію, и я счастливъ видѣть внука ихъ, который меня осчастливилъ. Я счастливъ также, что васъ сопровождаетъ мой ученикъ, который вамъ напомнилъ о своемъ учителѣ.

— Я знаю васъ давно, г. *Изаббе*; знаю, по работамъ, и вашего отца, миніатюры котораго всегда предо мною на Петергофской моей дачѣ—Александріи, а въ Петербургѣ мой кабинетъ украшаютъ двѣ вашихъ марины; я любуюсь ими постоянно.

---

*) Герцога Лейхтенбергскаго.

Кромѣ *Изаббе*, Его Высочество посѣтилъ мастерскія скульптора *Поля Дюбуа*, *Бонна*, *Ж. Поля*, *Лорьиса*, *Бугеро*, *Жерома*, *Детайля* и *Деневилля*. Вмѣстѣ съ Государыней Цесаревной онъ посѣтилъ *Делуара* и знаменитаго *Мейсонье*. Кто зналъ этого геніальнаго художника, тотъ зналъ его гордость и напыщенность; но при пріемѣ Ихъ Высочествъ любезность *Мейсонье* была изумительна. Бесѣдуя съ Великимъ Княземъ о формахъ первой имперіи, великій мастеръ вынулъ изъ портфеля рисунокъ извѣстнаго художника *Жерико*, гдѣ съ глубокимъ знаніемъ былъ исполненъ костюмъ и бѣлый конь „Бьюти" императора *Александра I*. Онъ сказалъ:—Съ этого матеріала я написалъ картину изъ жизни Императора въ Елисейскомъ дворцѣ съ окружавшею его свитою. Добросовѣстность изысканій при созданіи картинъ поразила Ихъ Высочества, когда мастеръ показалъ имъ свои работы мускулатуры лошадей, вылѣпленныхъ изъ воска, и сотни вырѣзокъ конныхъ солдатъ; онъ накладывалъ ихъ одна на другую для полученія правильной постановки лошадиныхъ ногъ, когда приходилось изображать полкъ кавалеристовъ въ развернутой линіи.

Пишу эти подробности, замѣчаетъ *Боголюбовъ*, чтобы показать исполненное глубокаго уваженія, граничащее съ благоговѣніемъ, вниманіе художника къ Августѣйшимъ Посѣтителямъ, такъ какъ простые смертные никогда не видѣли отъ него такихъ откровеній о своемъ трудѣ, да и проводовъ до экипажа, стоявшаго у воротъ его отеля.

Посѣщая мастерскую баталиста *Деневилля*, Его Высочество заказалъ ему картину „Чердакъ осажденнаго дома во Французской деревнѣ", которую я постоянно видѣлъ въ Гатчинскомъ Его Величества дворцѣ. Отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ художниковъ Великій Князь пріобрѣлъ картины, составляющія его дворцовую галлерею.

Посѣщая со мною почтеннаго пейзажиста *Добиньи*, Великій Князь очень восхищался его этюдами. Готовыхъ картинъ не было, а потому Цесаревичъ заказалъ ему пейзажъ при истокахъ рѣки Сены. Въ это же время была пріобрѣтена картина „Константинополь" извѣстнаго *Зіема*, у продавца *Дюранъ Рюэля* и, кромѣ того, „Лошадиная бойня" *Бонвена* (Bouvin). Глядя на выборъ этихъ двухъ картинъ, замѣчаетъ *Боголюбовъ*, я душевно радовался самобытному вкусу Великаго Князя, такъ какъ „Бойня" можетъ быть оцѣнена только просвѣщеннымъ любителемъ и знатокомъ.

При посѣщеніи торговцевъ, *Жерома*, *Пети*, *Дюранъ-Рюэля*, *Арнольда*, *Триппа* и *Гугиля*, были пріобрѣтены картины *Геннера*, *Шаплена* и *Жерома*. Зайдя въ магазинъ извѣстнаго бронзовщика *Барбедьена*, Его Высочество выбралъ много прекрасныхъ, художественныхъ работъ Французскихъ мастеровъ и осмотрѣлъ художественную коллекцію хозяина дома. Музеи Лувръ, Люксембургъ, Клюни, Garde Meuble, Гобеленовая фабрика, Севръ, вновь строющаяся опера—все это было осмотрѣно, а также и Академія Художествъ, гдѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ любовался знаменитою фреской *Поля Делароша* „Hémicicle" и прекрасною коллекціей стараго Французскаго готика. Но самое благодатное вліяніе на Великаго Князя произвело посѣщеніе коллекціи первоклассныхъ древностей нашего соотечественника *Базилевскаго*".

Благодаря радушному, гостепріимному и сердечному отношенію *Алексѣя Петровича* къ окружающимъ, вокругъ него собрался многочисленный кружокъ Русскихъ художниковъ, жившихъ въ Парижѣ,

или пріѣзжавшихъ туда на болѣе или менѣе продолжительное время. Еще съ осени 1874 г. для вечерняго отдохновенія отъ работъ онъ назначилъ у себя Вторники. Вечера эти, на которыхъ присутствовали жены художниковъ и дѣвицы, прибывшія изъ Россіи, для усовершенствованія въ пѣніи, имѣли самый разнообразный характеръ: тутъ занимались рисованіемъ, чтеніемъ, музыкой и пѣніемъ. Извѣстные наши литераторы, графъ *А. К. Толстой* и *И. С. Тургеневъ* стали посѣщать эти Вторники, а за ними явились и любители искусства. Въ этомъ году какъ разъ во Вторникъ пришелся и канунъ Новаго Года. Желая ознаменовать его чѣмъ нибудь пріятнымъ для гостепріимнаго хозяина, общество приготовило ему разные сюрпризы, которые начались тѣмъ, что друзья его художники прислали ему по картинѣ своей работы, чѣмъ *Боголюбовъ* былъ очень тронутъ и не замедлилъ отдарить каждаго своими акварельными этюдами. Въ половинѣ девятаго пестрая толпа, въ Русскихъ національныхъ костюмахъ, пройдя по комнатамъ съ пѣніемъ хоромъ пѣсни: „Слава на небѣ солнцу высокому, слава", вошла въ залу и поднесла хозяину хлѣбъ-соль. Затѣмъ начался хороводъ съ пляской. Кромѣ того было спѣто нѣсколько Русскихъ хоровыхъ пѣсенъ: „Какъ по морю, морю синему", „Солнце на закатѣ", „Сѣни", а г. *Шакуло*, пріѣхавшій изъ Россіи для усовершенствованія въ пѣніи, подъ руководствомъ извѣстнаго *Реже*, пропѣлъ соло нѣсколько Малороссійскихъ пѣсенъ. Вообще вечеръ отличался самымъ разнообразнымъ характеромъ. Послѣ представленій вожака съ медвѣдемъ, козой и барабаномъ, Бедуинъ съ Альмеей исполнили свои дикіе характерные танцы, а Мефистофель, освѣщенный краснымъ огнемъ, спѣлъ двѣ аріи изъ Фауста; кромѣ того было разсказано весьма талантливо нѣсколько народныхъ сценъ. Въ двѣнадцать часовъ, при взаимныхъ поздравленіяхъ, поднялся занавѣсъ, и зрители увидѣли живую картину, представляющую апоѳеозъ искусства. Внизу помѣщались великіе представители искусства: Гомеръ, Рафаэль, Микель-Анджело, Шекспиръ и Бетховенъ; надъ ними, въ облакахъ, богини музыки, поэзіи, живописи и скульптуры; всю эту группу вѣнчалъ геній съ распростертыми крыльями и съ лаврами въ рукахъ, а надъ геніемъ изъ тумана виднѣлся щитъ съ буквами *А. Б.* Картина эта произвела всеобщій восторгъ художественностью композиціи, характерной гриммировкой лицъ, красивыми костюмами и эффектнымъ освѣщеніемъ.

Эти Вторники были какъ бы предвозвѣстниками еще болѣе тѣснаго сплоченія Русской колоніи въ Парижѣ, которому дала послѣдній толчекъ послѣдняя Турецкая война. „Паденіе Плевны, разсказываетъ самъ *Алексѣй Петровичъ*, сплотило насъ всѣхъ. Мы сдѣлали лотерею,

собрали пять тысячъ франковъ и послали въ Общество Краснаго Креста, за что̀ получили высочайшую благодарность. Ободренные этимъ, мы рѣшили учредить общество взаимной помощи, безплатно помѣщавшееся въ домѣ *Горація Осиповича Гинцбурга*, состоявшаго въ числѣ учредителей и много способствовавшаго матеріально и нравственно нашему упроченію. Во главѣ правленія стали: какъ президентъ—посолъ *князь Орловъ* и какъ предсѣдатель комитета—нашъ генеральный консулъ *Кумани*. Казначеемъ поставленъ былъ баронъ *Г. О. Гинцбургъ*, а секретаремъ *И. С. Тургеневъ*".

Когда вскорѣ пріѣхалъ въ Парижъ, во второй разъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, то посѣтилъ выставку, наскоро собранную въ помѣщеніи общества, и принялъ на себя званіе Почетнаго Покровителя. При этомъ все, что̀ только было на выставкѣ непроданнаго и сколько нибудь замѣчательнаго, Великій Князь пріобрѣлъ для себя.

Я говорилъ выше про то впечатлѣніе, какое произвела на Государя Наслѣдника коллекція древностей *Базилевскаго*. По вступленіи своемъ на престолъ, онъ пожелалъ пріобрѣсти ее, и въ этомъ случаѣ *Алексѣю Петровичу* выпало на долю исполнить самое важное изъ всѣхъ подобныхъ порученій. При этомъ, вмѣсто просимыхъ владѣльцевъ коллекціи шести милліоновъ франковъ, ему удалось пріобрѣсти ее за пять съ половиною милліоновъ франковъ, каковая цѣна была уплочена изъ собственныхъ суммъ *Государя Императора*, а собраніе передано въ Эрмитажъ, который, благодаря такому приращенію, сдѣлался однимъ изъ первоклассныхъ музеевъ древностей, смѣло могущимъ соперничать съ извѣстнѣйшими музеями Европы.

Перейду теперь къ разсказу объ одномъ изъ симпатичнѣйшихъ и славныхъ дѣлъ нашего художника, къ устройству Радищевскаго музея.

Еще во время своей жизни въ Дюссельдорфѣ, *Боголюбовъ* познакомился съ однимъ талантливымъ, хотя и не первокласснымъ художникомъ, *Михелисомъ*. „Средства, которыя пріобрѣталъ своими работами, разсказываетъ А. Пыпинъ *), *Михелисъ* употреблялъ на покупку разнаго художественнаго bric à brac, такъ что его мастерская и квартира были наполнены сверху до низу, какъ лавка антиквара. Потомъ онъ женился и перебрался со всѣмъ своимъ добромъ въ свой родной городъ Ульмъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ *Боголюбовъ* встрѣтилъ *Михелиса* больнымъ и истощеннымъ въ Киссингенѣ. Этимъ временемъ *Михелисъ* испыталъ тяжелыя личныя утраты, потерялъ жену и двухъ дѣтей и остался одинокимъ и больнымъ. Свой разсказъ обо всемъ этомъ *Михелисъ* заключилъ изложеніемъ своего плана—устроить въ окрестностяхъ Ульма музей и рисовальную школу, гдѣ онъ самъ будетъ учи-

*) ***А. Пыпинъ***. „Радищевскій музей" А. П. Боголюбова. Вѣстникъ Европы 1881 г. кн. I, стр. 411 и слѣд.

телемъ, а потомъ все это передать на попеченіе центральнаго кунстъ-ферейна, т.-е. художественнаго общества. Эта мысль глубоко заняла и нашего художника. Онъ началъ съ тѣхъ поръ собирать картины, мѣняться съ товарищами и иностранными художниками на свои работы и выработалъ въ себѣ любовь къ художественнымъ древностямъ, которая обратилась потомъ въ страсть".

Когда собраніе это достигло достаточныхъ размѣровъ, *Алексѣй Петровичъ* рѣшилъ послужить имъ на пользу художественнаго просвѣщенія въ своемъ отечествѣ и устроить музей именно въ Саратовѣ.

„Мысль объ учрежденіи музея и школы въ родномъ моемъ городѣ Саратовѣ, говоритъ онъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, меня всегда занимала, тѣмъ болѣе, что дѣдъ мой, извѣстный литераторъ Екатерининскаго вѣка, былъ Саратовскимъ помѣщикомъ и именитымъ дворяниномъ".

Кромѣ того, говоритъ онъ еще въ одной своей запискѣ, „независимо отъ личныхъ чувствъ привязанности къ родной губерніи, во мнѣ созрѣло убѣжденіе, что именно Саратовъ, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ центральныхъ пунктовъ нашего края, представляетъ особенныя удобства и удовлетворяетъ дѣйствительнымъ потребностямъ въ затѣянномъ мною предпріятіи".

Мысль свою, однажды, онъ рѣшился повергнуть на обсужденіе Его Величества и, получивъ одобреніе, рѣшился дѣйствовать.

Въ Декабрѣ 1877 г., чрезъ члена Государственнаго Совѣта, *Константина Петровича Побѣдоносцева*, имъ было сдѣлано слѣдующее заявленіе тогдашнему губернатору Саратовской губерніи *М. Н. Галкину-Врасскому*:

„Професоръ *Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ* отдаетъ теперь же все свое художественное имущество, состоящее изъ картинъ, акварелей, медалей, древнихъ бронзъ, маіоликъ и т. д. городу Саратову, съ тѣмъ, чтобы городомъ было выстроено приличное помѣщеніе для устройства Музея съ присоединенной къ нему школой рисованія, которому было бы присвоено названіе: *Музея Александра Николаевича Радищева*, роднаго его, *Боголюбова*, дѣда и Саратовскаго уроженца. Послѣ же смерти *Алексѣя Боголюбова* и роднаго его брата *Николая*, все его имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, поступаетъ на содержаніе означеннаго музея и школы".

Въ отвѣтъ на это предложеніе, городская Дума, 11 Января 1878 г. постановила *): устроить на средства города новое каменное зданіе для музея и школы рисованья. Проектъ этого зданія, по порученію *Алексѣя Петровича*, былъ сдѣланъ профессоромъ архитектуры *И. В. Штромомъ*, и 24 Апрѣля 1882 г. удостоился высочайшаго одобренія. 1-го Мая 1883 г. состоялась закладка зданія, а 29 Іюня 1885 г. музей былъ открытъ.

*) Саратовскій Листокъ 1885 г. № 138

„Первоначальная моя коллекція, говоритъ *Боголюбовъ*, была, конечно, весьма незначительна; но Государь Императоръ оказалъ щедрую помощь новому учрежденію. Онъ далъ мнѣ право выбрать изъ складовъ Эрмитажа дубликаты картинъ древней школы. Императорскіе заводы: фарфоровый, гранильные и стеклянные снабдили меня своими дубликатами всякаго рода и разныхъ эпохъ; Императорскій кабинетъ отпустилъ излишніе мраморы и другіе предметы. Когда же состоялась покупка Голицынской галереи въ Москвѣ, то Государь снова велѣлъ передать въ Радищевскій музей все, что оказалось непригоднымъ для Эрмитажа, такъ что я получилъ дорогія картины, прекрасный фаянсъ и фарфоръ Русскій и Louis XV со множествомъ мелкихъ бронзъ и Японскихъ рѣдкостей. Итакъ, благодаря щедрому покровительству Монарха, въ Россіи открылся первый губернскій художественно-промышленный музей. Оставалось учредить школу, и я снова имѣлъ счастіе пользоваться указаніями Его Величества, чтобы подчинить ее центральной школѣ *барона Штиглица* и держать какъ филіальное отдѣленіе, для чего мною были пожертвованы, по моей смерти, двѣсти тысячъ рублей, которые, по высочайшему повелѣнію, приняты Государственнымъ Банкомъ на вѣчное пользованіе процентами въ размѣрѣ восьми тысячъ рублей. Благодаря рѣшенію предсѣдательницы учрежденій барона *Штиглица*, *Н. М. Половцовой,* и предсѣдателя совѣта училища, *А. А. Половцова*, открытіе Боголюбовской школы обезпечивалось, по моей смерти, выдачею этой суммы совмѣстно съ городомъ Саратовомъ: но, по урегулированію всего, оставалось, чтобы городъ Саратовъ обязался вѣчно прибавлять къ ней девять сотъ рублей. Сумму эту я хотѣлъ тоже обезпечить взносомъ капитала, но Его Величество изволилъ сказать мнѣ:—Этого не дѣлайте, а предоставьте городу быть всегда помощникомъ вашей благотворительности, не лишая его должнаго интереса и попеченія о музеѣ и вашей школѣ“.

Въ день открытія музея, *Алексѣй Петровичъ* имѣлъ счастіе получить изъ Петербурга слѣдующую телеграмму отъ Государя Императора:

„Благодарю сердечно за телеграмму и радуюсь освященію Радищевскаго музея, которому отъ души желаю успѣха и процвѣтанія на пользу художества и искусства въ Россіи“.

Но, конечно, исполненіемъ порученій Августѣйшаго своего Покровителя и устройствомъ музея и школы не ограничивалась дѣятельность *Алексѣя Петровича.* Въ теченіе этого времени онъ продолжалъ неутомимо работать и на почвѣ такъ горячо любимаго имъ искусства.

Въ 1871 г. онъ написалъ для Русской посольской церкви въ Парижѣ большую картину „Хожденіе Іисуса по водамъ“. Въ томъ же году Академія избрала его своимъ членомъ Совѣта, какъ художника многосторонне образованнаго, изучившаго все, что есть въ Европѣ замѣчательнаго въ художественномъ отношеніи и въ администраціи различныхъ школъ, музеевъ и выставокъ *). Въ 1873 г. Академія пору-

*) *Булгаковъ*. Наши художники. Спб. 1889.

чила ему наблюденіе за успѣхами ея пенсіонеровъ и заботу объ ихъ нуждахъ и пріобрѣла отъ него цѣнное собраніе художественныхъ матеріаловъ, состоящее изъ 225 этюдовъ масляными красками, семи картинъ, до восьми сотъ рисунковъ сепіей и акварелью, а также литографій, гравюръ и фотографій. Въ томъ же году онъ написалъ, по заказу Государя императора Александра II, большую картину: „Петровскій двухсотлѣтній юбилей на рѣкѣ Невѣ“, фигуры въ которой были исполнены профессоромъ *К. Ѳ. Гуномъ*. Картина эта изображала отправленіе съ Невы ботика императора Петра I. Затѣмъ, по порученію Морского Министерства, онъ исполнилъ четыре небольшихъ картины для Черноморской Императорской яхты „Ливадія“, изображающія порты: Севастополь, Одессу, Ялту и Керчь, и для Русской посольской церкви въ Парижѣ „Проповѣдь Іисуса къ народу съ лодки“, а также „Ледоходъ на взморьѣ Петербурга“—для всемірной выставки въ Вѣнѣ, гдѣ, по назначенію Совѣта Академіи, былъ представителемъ Русскаго художественнаго отдѣла и былъ выбранъ членомъ международнаго жюри. Въ 1875 г. онъ написалъ для *М. С. Мазурина* „Пожаръ въ Кронштадтѣ“ (видъ съ Ораніенбаумскаго берега) и для *П. М. Третьякова* „Невское взморье въ лѣтнюю ночь“.

Въ 1876 г. имъ была написана на лавѣ для Наслѣдника Цесаревича *Александра Александровича* „Яхта Держава“ и на холстѣ „Англійскій лоцъ-ботъ въ бурю“. Въ слѣдующемъ году онъ написалъ четыре картины изъ исторіи Русскаго флота при Петрѣ I, именно: „Просѣка на Гангеудскомъ перешейкѣ, для перетаскиванія галеръ передъ Гангеудской битвой“, „Прорывъ Русскаго галернаго флота черезъ Шведскій“, „Гангеудскій бой“ и „Первое сраженіе Русскаго корабельнаго флота, подъ командою *Сенявина*, около острова Эзеля, со Шведскимъ флотомъ, гдѣ были взяты корабль, фрегатъ и бригантина“. Императоръ *Александръ II*, осмотрѣвъ эти картины, остался ими доволенъ и заказалъ художнику двѣ новыя, изображающія взрывы Турецкихъ мониторовъ въ Мачинскомъ рукавѣ, въ виду Браилова.

Въ 1878 г. *Боголюбову* снова пришлось исполнять обязанности члена художественнаго жюри на всемірной выставкѣ въ Парижѣ, за что онъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона.

Изъ позднѣйшихъ работъ укажу одну изъ лучшихъ его картинъ: „Дѣло лейтенанта *Скрыдлова* съ Турецкимъ пароходомъ на Дунаѣ подъ Рущукомъ“ и картину „Хожденіе Іисуса Христа по водамъ“, написанную для православнаго храма въ Копенгагенѣ.

Всѣхъ работъ его перечислять здѣсь я не буду, точно также нисколько не задаюсь цѣлью характеризовать его художественную дѣятельность или опредѣлять художественное значеніе. Это дѣло потом-

ства. Дѣло современниковъ заботиться сохранить только матеріалы для подобной работы, и въ этомъ только отношеніи я и приношу здѣсь свою лепту. Правда, самъ художникъ оставилъ послѣ себя Записки, которыя должны быть необыкновенно интересны, и по самой личности автора, и по тому положенію, какое онъ занималъ, и наконецъ даже по обширности и разнохарактерности его знакомства*). Сколько крупныхъ свѣтилъ современнаго искусства были съ нимъ или въ дружескихъ отношеніяхъ, или вели большую переписку! Тутъ встрѣчаются такія имена, какъ И. С. Тургеневъ, И. Н. Крамской, Мейсонье, оба Ахенбаха, Жеромъ, Бонна̀, Бугеро. Деневилль, Лоранъ, Детайль и множество другихъ. А сколько Русскихъ художниковъ были имъ прямо облагодѣтельствованы и, можно сказать, поставлены на ноги! Многіе изъ нихъ, только, къ сожалѣнію, далеко не всѣ, и доселѣ хранятъ къ нему чувство самой горячей признательности. Авторъ завѣщалъ передать свои Записки въ Императорскую Публичную Библіотеку, съ тѣмъ, чтобы только по истеченіи 22-хъ лѣтъ они были изданы, для чего оставилъ капиталъ въ двѣ тысячи рублей, изъ которыхъ одна тысяча должна быть отдана лицу принявшему на себя редактированіе Записокъ, а остальныя деньги употреблены на самое изданіе.

Мои личныя воспоминанія о Боголюбовѣ ограничиваются нѣкоторыми его художественными взглядами, которые мнѣ пришлось слышать отъ него въ бесѣдахъ съ нимъ. За точность передачи ихъ я могу вполнѣ ручаться, такъ какъ я записывалъ ихъ тотчасъ же послѣ каждой бесѣды.

— Мои мнѣнія очень крайнія, характеризовалъ онъ ихъ самъ. Я совершенно не принадлежу къ здѣшнимъ художникамъ (т. е. къ Русскимъ). Они всѣ кричатъ, что прежде всего въ картинѣ идея. А что̀ такое эта идея? Какая, напримѣръ, идея въ ихъ смыслѣ можетъ быть хотя въ пейзажѣ? А между тѣмъ и въ пейзажѣ идея есть. Если я смотрю на картину, и мнѣ что-то такое вспоминается, я смотрю дольше, и чѣмъ дольше въ нее всматриваюсь, тѣмъ больше тѣснится во мнѣ воспоминаній: то я говорю, что въ картинѣ идея есть.

Иногда художникъ набросаетъ все нѣсколькими штрихами, а выйдетъ картина. Вотъ сейчасъ передъ вами ничего не было, и понять ничего нельзя было, а онъ провелъ еще одну-двѣ черты, гдѣ-то ткнулъ кистью, и разомъ все получило смыслъ, все ожило. А здѣсь, говорятъ, мазня. Требуютъ только прокламаціи какихъ-то соціальныхъ взглядовъ, какого-то Русскаго искусства. А какое это Русское искусство?

---

*) Весною 1896 г. А. П. Боголюбовъ читалъ ихъ мнѣ въ Парижѣ и обѣщалъ прислать выдержки изъ нихъ въ „Русскій Архивъ". П. Б.

Нѣтъ его и не можетъ быть. Есть искусство общеевропейское—такъ! Я сколько разъ спорилъ объ этомъ и со *Стасовымъ*. Я говорю, почему, напримѣръ, теперь вездѣ читаютъ въ переводахъ *Тургенева*, *Достоевскаго*? Потому что у нихъ настоящее искусство, дѣйствующее на каждаго человѣка, а не какое-то квасное Русское чувство. Также и живопись. Нужно, чтобы всякій могъ любоваться картиною, а не только Русскій. Можно брать и изъ Русской, и изъ крестьянской жизни, — есть, вѣдь, и тамъ и чувство, и красота, есть и материнская любовь, и горе, и мало ли еще что; но надо выбрать это такъ, чтобы оно дѣйствительно было достойно искусства. А то напишутъ какого нибудь нализавшагося пьяницу и довольны: обличительно, говорятъ! Или какъ *Перовъ* нарисовалъ двухъ дѣвицъ, а передъ ними дворникъ, одной рукой показываетъ имъ дорогу, а другой чешется. Развѣ это искусство — это гадость, это неумѣнье смотрѣть! Я долженъ сказать про себя, что я обязанъ *Андрею Ахенбаху* тѣмъ, что онъ научилъ меня умѣть смотрѣть, умѣть подмѣтить именно ту черту, ту точку, которая сразу дѣлаетъ картину.

Вотъ тоже NN. Прихожу я нынче въ Третьяковскую галлерею. Тамъ какая-то барышня копируетъ его картину. Я посмотрѣлъ, невыдержалъ и сдѣлалъ ей нѣкоторыя замѣчанія.

— Вы, должно быть, художникъ? обращается она ко мнѣ.

— Да, и скажу вамъ откровенно: что̀ вамъ за охота тратить время и труды на подобную работу?! Погода теперь прекрасная, пошли бы вы за городъ, и хоть что нибудь нарисовали своего: было бы гораздо полезнѣе.

— Развѣ вы не уважаете этой картины?

Вотъ вамъ и разсужденіе! Она даже и понять не могла, что на однихъ копіяхъ, даже и съ хорошихъ вещей, далеко не уйдешь: прежде всего нужно изучать природу.

Точно также и при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній возьмите себѣ за правило прежде всего смотрѣть, согласно ли все съ природой, или нѣтъ? Если вы не читаете на Нѣмецкомъ языкѣ, вы много можете найти полезнаго на Французскомъ; на Русскомъ у насъ пока ничего нѣтъ. Иногда, впрочемъ, встрѣчаются дѣльныя замѣчанія въ письмахъ *Крамскаго*, но и то не всегда. Иногда онъ хулилъ такія вещи, которыя уже давно всѣми признаны за прекрасныя; а это тоже не всегда можно дѣлать, особенно вамъ, человѣку еще молодому. Вотъ *Рѣпинъ*, въ молодости — не понравилась ему Мадонна Рафаэля, онъ возьми, да и напиши объ этомъ *Стасову*, а *Стасовъ* это письмо опубликовалъ. Что же, всѣ стали пальцами показывать на бѣднаго *Рѣпи-*

на: вотъ, дескать, человѣкъ, который хулитъ Рафаэля, говоритъ, что его Мадонна дрянь; а тотъ такъ, это по молодости сказалъ, не понялъ ея. Вообще съ авторитетами нужно обращаться осторожнѣе. Съ какой стати вдругъ сталъ бы я, напримѣръ, бранить Николая Чудотворца, а всѣ привыкли его уважать? Да если бы онъ и вправду былъ не святой, такъ въ силу того, что всѣ считаютъ его святымъ и такъ почитаютъ, ужъ сколько вышло хорошаго, и многіе, быть можетъ, сами стали чрезъ это святыми; а я вдругъ стану его развѣнчивать?! А вообще прежде всего нужно умѣть во всемъ найти, что̀ есть хорошаго, а дурное найти всегда легко.—

Вотъ наиболѣе характерныя изъ тѣхъ мнѣній, которыя мнѣ пришлось слышать отъ покойнаго Алексѣя Петровича.

Въ 1891 г. нашъ художникъ отпраздновалъ свой 50-ти-лѣтній юбилей. Празднество продолжалось два дня.

Во Вторникъ, 8-го Января, въ Парижской Православной церкви, которой художникъ посвятилъ одни изъ первыхъ трудовъ своей кисти, собрались многочисленные его почитатели, и былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, по окончаніи котораго Русскій посолъ при Парижскомъ Дворѣ баронъ *Моренгеймъ* прочелъ слѣдующее письмо Великаго Князя генералъ-адмирала *Алексѣя Александровича*:

„Алексѣй Петровичъ. 8-го сего Января исполнится пятьдесятъ лѣтъ вашей художественной дѣятельности, посвященной главнымъ образомъ воспроизведенію морской стихіи и славныхъ страницъ исторіи нашего флота. Въ воздаяніе полезныхъ трудовъ вашихъ, Государю Императору благоугодно было всемилостивѣйше пожаловать вамъ въ этотъ знаменательный для васъ день орденъ святой Анны I-ой степени. Поздравляя васъ съ этою Монаршею милостію и препровождая знаки пожалованнаго ордена, считаю для себя удовольствіемъ выразить вамъ отъ имени флота искреннюю благодарность за полезную дѣятельность вашу и пожелать вамъ ея продолженія еще на многіе годы. Генералъ-адмиралъ *Алексѣй*".

По возвращеніи домой, Алексѣй Петровичъ нашелъ свою мастерскую богато убранною живыми цвѣтами, въ корзинахъ, въ вазахъ и въ букетахъ. Это устроили дамы, съ супругою посла во главѣ.

Въ семь съ половиной часовъ, въ Hôtel Continental, въ залитомъ электричествомъ громадномъ банкетномъ залѣ, былъ роскошно сервированъ обѣдъ на 75 кувертовъ. Такъ какъ многіе изъ явившихся на обѣдъ не присутствовали въ церкви, то прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, баронъ *Моренгеймъ* снова прочелъ письмо Генералъ-Адмирала, затѣмъ поздравительныя телеграммы отъ Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы, отъ Государя Наслѣдника Цесаре-

вича изъ Индіи, отъ королевы Виртембергской *Ольги Николаевны*, отъ великаго князя *Петра Николаевича*, принцессы *Евгеніи Максимиліановны* и принца *Александра Петровича Ольденбургскихъ*, отъ герцога *Лейхтенбергскаго Евгенія Максимиліановича* и его супруги и отъ великой герцогини *Анастасіи Михаиловны*.

Вслѣдъ за этимъ посолъ вручилъ юбиляру отбитую въ честь его медаль, работы пенсіонера Академіи *Васютинскаго*, изображающую съ одной стороны поясной портретъ художника съ надписью вокругъ: „Профессоръ живописи А. П. Боголюбовъ", а съ другой, поверхъ Римской цыфры L, висящую на якорѣ палитру, съ кораблемъ, плывущимъ на всѣхъ парусахъ по серединѣ, и лавровую вѣтку, а вокругъ съ надписью: „художникъ-маринистъ" „1841—1891" и портретъ, рѣзанный на деревѣ художникомъ *Мультановскимъ*. Затѣмъ были прочитаны 83 телеграммы и 35 поздравительныхъ писемъ, въ томъ числѣ отъ исторіографа Русскаго флота *Веселаго*, отъ *Зеленыхъ*, *Посьета* и „передвижниковъ". За обѣдомъ на каждомъ кувертѣ лежала описанная выше медаль.

Говорено было, конечно, немало рѣчей, и въ отвѣтъ на одну изъ нихъ юбиляръ сказалъ:

„Едва справляясь съ моими нервами, какъ могу я выразить окружающимъ меня милымъ друзьямъ свою благодарность? Стою ли я такого чествованія? Вся моя жизнь держалась тройною вѣрою:—вѣрою въ Бога, въ Царя и въ добрыхъ людей. Богъ послалъ мнѣ существованіе, любовь къ искусству и возможность отдаться ему. Цари ободряли мое служеніе ему. Добрые люди оцѣнили его превыше заслугъ. Богу я молюсь, Царю беззавѣтно преданъ; вамъ, окружающіе меня добрые люди, по родному обычаю, позвольте поклониться земнымъ поклономъ".

Послѣ обѣда въ залѣ появился рояль, за который сѣлъ г. *Щуровскій* и грянулъ народный гимнъ. Пѣніе продолжалось долго.

Предъ отходомъ гостей юбиляръ пригласилъ всѣхъ присутствующихъ въ слѣдующій Четвергъ къ себѣ на обѣдъ.

Обѣдъ происходилъ въ той же залѣ; но на этотъ разъ всѣ были запросто, во фракахъ, безъ орденовъ, и трапеза носила семейный характеръ.

Въ числѣ другихъ тостовъ *Алексѣй Петровичъ* провозгласилъ тостъ за Великаго Князя *Алексѣя Александровича*, какъ за виновника своего торжества, который, притомъ, далъ ему средства „образовать двухъ лихихъ послѣдователей, въ лицѣ *Беггрова* и *Гриценка*, которые будутъ продолжать службу, увѣковѣчивая славу Русскаго флота своею кистью".

Н. А. Римскій-Корсаковъ, какъ морской агентъ, въ своемъ привѣтствіи высказалъ, что *Алексѣй Петровичъ* всегда былъ любимъ во флотѣ, и что люди пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ всегда его считали хорошимъ товарищемъ и веселымъ человѣкомъ, а теперь всѣ питаютъ глубокое уваженіе къ его художеству и къ его трудамъ по части славы флота. Обѣдъ со всевозможными спичами протянулся болѣе двухъ часовъ.

„Пора было уже и вставать, разсказываетъ самъ юбиляръ въ письмѣ къ брату, и тутъ я сказалъ уже просто:

— Господа! По русски говорю: ужъ очень я вами доволенъ; славно вы меня поутѣшили; но хочу я васъ отдарить всѣхъ моею работою, а потому *А. А. Харламовъ* *) раздастъ вамъ билетики, а вы получите, по нумерамъ, кто два, а кто и три рисунка моей работы. Трудно было угодить всѣмъ, недовольные будутъ — безъ этого нельзя; а потому я васъ отношу ко времени императрицы *Екатерины* и къ старому Петербургу, когда на тоняхъ уловъ красной рыбы доставлялся ко Двору, почему и было написано (это я еще помню): „будь счастливъ, окромя осетра и стерляди“. И такъ и вы дѣйствуйте: будьте довольны сигомъ, судакомъ, лещомъ, а пожалуй и уклейкой, а ежели ужъ кто будетъ совсѣмъ недоволенъ, то приходи ко мнѣ: за раздачей двухъ сотъ рисунковъ, у меня еще осталось ошметокъ штукъ тридцать-двадцать, и выбирайте.

Общій хохотъ, ура, апплодисменты. Встали и послѣдній тостъ выпили за здоровье распорядителя *А. А. Харламова.*

Въ аванзалѣ посолъ опять собралъ всѣхъ вокругъ меня и говоритъ: — Вы, Алексѣй Петровичъ, отдарили насъ всѣхъ; такъ и отъ насъ примите на память эту золотую палитру. Она васъ прославила, возвысила, и дай Богъ, чтобы еще долго служила вамъ для дорогого всѣмъ вашего таланта.

И точно, дали мнѣ палитру, въ экранѣ въ фунтъ (здѣшній) золота, съ надписью всѣхъ почитателей.

Тутъ, братъ, я былъ глубоко тронутъ этимъ умнымъ подаркомъ и трепетно сказалъ:

— Благодарю, господа! А толковые же были люди, кто устроилъ этотъ подарокъ! Она точно, моя кормилица, послужила мнѣ вѣрно. Хорошо, что у меня есть Радищевскій музей, основанный вмѣстѣ съ гор. Саратовомъ; пусть она тамъ лежитъ вѣчно, и настоящему и грядущему поколѣнію напоминаетъ, читая ваши имена, что далеко отъ милой родины нашлись люди, которые меня такъ славно возвеличили!

*) Бывшій распорядителемъ на обоихъ обѣдахъ.

Опять пѣнье, плясъ—до 12 часовъ".

Это было почти шесть лѣтъ тому назадъ. И послѣ того до самаго послѣдняго дня А. П. Боголюбовъ чувствовалъ себя вполнѣ бодро и неутомимо продолжалъ работать. Послѣднее время онъ былъ занятъ исполненіемъ заказанныхъ ему картинъ, изображающихъ „торжественную встрѣчу Ихъ Императорскихъ Величествъ въ водахъ Франціи".

Вечеромъ онъ былъ въ гостяхъ у Л. С. Полякова и вернулся оттуда даже веселѣе и живѣе, чѣмъ былъ послѣдніе мѣсяцы, когда онъ не могъ еще оправиться отъ незадолго передъ тѣмъ постигшаго его горя. А на слѣдующее утро, 26 Октября, слуга его, войдя около девяти часовъ въ его комнату, нашелъ уже его бездыханнымъ, какъ будто уснувшимъ: такъ было спокойно выраженіе его лица.

Черезъ три дня тѣло его было торжественно перевезено въ церковь. Масса вѣнковъ была возложена на гробъ, отъ Русскаго посольства, отъ консульства, отъ кружка Русскихъ художниковъ въ Парижѣ, отъ Русскаго благотворительнаго общества, отъ Императорской Академіи Художествъ, и множество другихъ.

Въ церемоніи участвовали Великій Князь *Алексѣй Александровичъ*, герцогъ *Лейхтенбергскій*, баронъ *Моренгеймъ*, секретарь посольства *Гирсъ*, генеральный консулъ *Карцевъ*, многочисленные представители Русской колоніи и многіе изъ Французскихъ художниковъ, въ томъ числѣ *Pavis de Chavannes, Detaille, Gérême, J.-P. Laurens* и др., явившіеся отдать послѣдній долгъ всѣми уважаемому собрату.

Батальонъ 28-го линейнаго полка съ музыкой и со знаменами сопровождалъ печальную процессію, отдавая честь кавалеру ордена Почетнаго Легіона.

Такъ тихо и славно закончилъ свою многополезную жизнь *Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ*.

Миръ праху твоему, честный труженикъ, славный художникъ и образцовый гражданинъ!

Въ честь А. П. Боголюбова слѣдовало бы переименовать устроенный имъ въ Саратовѣ прекрасный Музей—*Боголюбовскимъ*, тѣмъ болѣе, что самъ онъ образомъ мыслей и дѣятельностью вовсе не походилъ на своего дѣда, плачевной памяти. П. Б.

А. Новицкій.

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА ДМИТРІЕВИЧА БУТУРЛИНА [1]).

Съ наступленіемъ весны, мы возвратились въ Бѣлкино тѣмъ же путемъ черезъ Тулу, не проѣзжая черезъ Москву, и заѣхали по дорогѣ къ другу моей матери Еленѣ Петровнѣ Толстой, въ ея имѣніе село Курбатово, въ Скопинскомъ уѣздѣ [2]). Въ Бѣлкинѣ отецъ нашъ предавался вполнѣ любимымъ своимъ занятіямъ по садоводству, въ чемъ онъ былъ такимъ же свѣдущимъ охотникомъ, какъ по библіофильству. На большую площадку, называемую выставкою, выносились на лѣто изъ двухъ большихъ оранжерей померанцевыя и лимонныя деревья громаднаго роста, въ соотвѣтствующихъ имъ кадкахъ. Отъ установленной этими деревьями площадки шла такая же въ двухъ рядахъ аллея. Всѣхъ было болѣе 200, а толщина нѣкоторыхъ штамбовъ была въ человѣческую ляжку, и всѣ кончались правильною шарообразною кроною. Эта часть сада была довольно отдалена отъ дома и звалась „le côteau", то есть покатъ; потому что она находилась на склонѣ и за склономъ пригорка, отдѣленнаго отъ прочей части сада рукавомъ большаго пруда, а этотъ прудъ отдѣлялъ всю усадьбу отъ деревни. На этой площадкѣ собиралось каждый день въ 8-мъ часу вечера все общество для чаепитія. Подобную коллекцію померанцевыхъ деревьевъ я видалъ только въ Останкинѣ и Кусковѣ. Не упускалъ нашъ отецъ новостей и по цвѣтоводству. Подборъ Голландскихъ тюльпановъ былъ роскошный. Между 1813 и 1816 годами отецъ нашъ сталъ выписывать только что входившія въ моду георгины, которыя назывались тогда даліями. Онѣ были еще тогда простыя, а о махровыхъ сортахъ помину не было. Тоже и камелія махровая была рѣдкостію.

---

[1]) См. выше, стр. 213.

[2]) Имѣніе это было куплено впослѣдствіи Татьяною Львовною Миллеръ, женою Миллера, бывшаго Московскимъ полицеймейстеромъ, въ 30-хъ годахъ.

Лѣтомъ 1813 года постигли насъ семейныя утраты. Дѣдъ мой графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ, пріѣхавши погостить въ Бѣлкино, занемогъ простудою отъ неумѣреннаго употребленія ледяной воды въ жаркіе дни и умеръ. Статный былъ еще онъ мужчина, крѣпкаго сложенія, и бодръ не по лѣтамъ. Онъ причесывалъ назадъ довольно еще густые и кудреватые волосы, и отпускалъ ихъ длиннѣе чѣмъ тогда носили. Нога у него была аристократически-мала въ сравненіи съ высокимъ его ростомъ, а въ молодости онъ отличался въ верховой ѣздѣ и фехтованіи. Онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и дѣйствительнымъ камергеромъ *). Одновременно почти съ дѣдушкою скончалась сестра моя Софія, дитя много обѣщавшее, и отъ потери ея мать наша оставалась много лѣтъ неутѣшною. Этимъ же лѣтомъ умерла гостившая въ Бѣлкинѣ двоюродная сестра нашей матери, Пашетъ Нарышкина (Прасковья Васильевна), дѣвушка лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Всѣ трое похоронены въ Боровскомъ Пафнутьевомъ монастырѣ. Со времени зимняго нашего пребыванія въ Бутурлиновкѣ у меня стали перемеживаться не то дядьки, не то гувернеры, разныхъ національностей, хотя я не выходилъ изъ подъ женскаго присмотра въ дѣтской. Сначала Англичанинъ Фичвикъ, потомъ Швейцарецъ Тугутъ, потомъ Французъ Эгенъ (m-r Héguin), и послѣдній мой туторъ (до отъѣзда нашего за границу въ 1817 году) Англичанинъ Эльмерсъ. Почему всѣ они такъ недолго оставались у насъ въ домѣ, не знаю. Французъ Эгенъ, котораго я очень полюбилъ, отпросился въ 1815 году или въ началѣ 1816 года въ Москву на короткое время и тамъ померъ. Обстоятельство это тщательно скрывали отъ меня, и я, случайно узнавъ о томъ полгода позднѣе, горько плакалъ.

Патріотическое чувство, пробужденное отечественною войною, въ офранцуженномъ высшемъ тогдашнемъ обществѣ, отозвалось и въ нашемъ семействѣ. Мать моя сама взялась обучать меня чтенію по русски и основнымъ правиламъ Закона Божьяго, а два года позднѣе, церковной грамотѣ началъ я учиться у Бѣлкинскаго нашего священника Ѳедора Васильевича Богословова. Позднѣе Русскому языку и писанію учила меня старшая моя сестра Марья Дмитріевна, достойная дочь нашего отца въ научномъ отношеніи.

Была въ то время (т. е. въ 1813 году) пѣсня очень въ ходу, сочиненія (на сколько помнится мнѣ) Державина: „Грянулъ внезапно

---

*) Такъ какъ въ то время камергерство давало чинъ 4-го класса, а камеръ-юнкерство 5-го, то эти преимущества были отняты позднѣе, и обѣ эти придворныя должности стали обозначаться „въ званіи камергера", и въ „званіи камеръ-юнкера".

громъ надъ Москвою", съ припѣвомъ въ каждомъ куплетѣ: „Ай Донцы, молодцы!" Ее мы часто пѣвали въ нашей дѣтской съ горничными дѣвушками, а также и другую: „Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки и кричитъ пардонъ"...

Для Англійскаго языка взятъ былъ ко мнѣ ровесникъ мой Эдуардъ Кордъ, и съ этой же цѣлью поступила къ намъ въ домъ компаніонкою второй моей сестры, Елисаветы Дмитріевны, сестра этого мальчика, Шарлотта. Послѣдняя пробыла у насъ года два, но братъ ея остался до нашего переѣзда за границу. Оба они были дѣти Московскаго учителя Англійскаго языка.

У меня были звонкій и высокій голосъ сопрано, музыкальная память и вѣрный слухъ, и я съ семилѣтняго возраста становился уже на клиросъ, вмѣстѣ съ другимъ моимъ компаніономъ карликомъ Ѳедоромъ Искрою изъ Бутурлиновскихъ хохловъ. Хотя ему уже было за 20 лѣтъ, но онъ сохранялъ дѣтскій дискантовый голосъ. Ѳединька Искра всегда читывалъ положенный при концѣ литургіи псаломъ XXXIII: „Благословлю Господа на всякое время". Какъ я порядочно уже читалъ по церковному, когда мнѣ было восемь лѣтъ, то я сунулся было прочесть этотъ псаломъ вмѣсто него, но оробѣлъ и заикнулся на первомъ стихѣ. Ѳединька выхватилъ у меня изъ рукъ книгу и дочиталъ псаломъ и потомъ безжалостно сталъ трунить подъ моею неудачею. Какъ я обходился съ нимъ за пани-брата, такъ и онъ, и оба мы были на ты. Да и вообще чваниться съ прислугою строжайше было намъ запрещено. Не только что офиціанты и лакеи не давали намъ титула сіятельства, но болѣе почетные изъ нихъ, какъ напр. камердинеры нашего отца, столовой дворецкій и буфетчикъ и конечно наши няни и старшая горничная нашей матери, называли насъ запросто, „Маша", „Соня", но никогда не забывались передъ нами.

Съ ранняго моего дѣтства, если атестація поведенія была хороша въ теченіи всей недѣли, то по Воскресеньямъ мы хаживали *наверхъ* (дѣтская въ Бѣлкинѣ была внизу) пить чай вмѣстѣ съ матерью и старшими сестрами. Въ будни чаю намъ не давали, а завтракали мы, какъ только встанемъ, габеръ (овсяннымъ)-супомъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, и ѣдали мы его съ большою охотою. Помню, что, вытверживая символъ вѣры, я понималъ слова „чаю воскресенія мертвыхъ", какъ относящіяся къ этому допущенію пить чай по воскреснымъ днямъ.

Вставали мы аккуратно въ 8 часовъ и завтракали, а дѣтскій нашъ обѣдъ былъ въ 1 часъ пополудни; въ 4 часа *гутé*, состоявшій изъ одного сладкаго блюда; ужинали въ 8 часовъ, а ложились спать

въ 9 часовъ, даже лѣтомъ, при денномъ свѣтѣ. Обѣдать съ большими я допущенъ былъ, когда мнѣ минуло 18 лѣтъ. Я подчиненъ былъ этому порядку до 15-ти лѣтняго возраста, съ тою лишь разницею, что когда мы жили во Флоренціи, ужинъ мой, вмѣсто мясного, состоялъ изъ миски парного молока съ хлѣбомъ, и такая же миска утромъ, вмѣсто прежняго губеръ-супа. До шестилѣтняго возраста меня выпускали бѣгать по саду, въ лѣтній теплый дождь, голенькимъ, а въ болѣе старшемъ возрастѣ, до 9 лѣтъ, я и компаніонъ мой Эдуардъ бѣгали также по дождю, но уже въ длинной ночной сорочкѣ. Это воздушное купанье было для насъ наслажденіемъ. Вся эта гигіеническая система имѣла для насъ самыя плодотворныя послѣдствія, и ея плоды я ощущаю нынѣ, въ старости. Тѣлесныя наказанія у насъ не водились, но держали насъ строго. Наше дѣтское сборное мѣсто лѣтомъ въ Бѣлкинѣ было подъ огромнымъ вязомъ, по сію пору существующимъ, но уже безъ макушки! Окружность его была въ три человѣка въ обхватъ, и существовало преданіе, что онъ посаженъ былъ Борисомъ Годуновымъ, который владѣлъ нѣкогда этимъ помѣстьемъ, и что подъ этимъ лѣснымъ исполиномъ зарытъ былъ кладъ. Макушка его выглядывала въ то время изъ за нѣсколькихъ верстъ въ округѣ, какъ маякъ. Вязъ этотъ стоялъ отдѣльно на квадратной площадкѣ, насупротивъ самаго дома, а съ трехъ боковъ площадки начинался регулярный стриженный садъ (à la Louis XIV) изъ старыхъ липъ, посаженныхъ Бѣлкинскимъ основателемъ, графомъ Иваномъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ. Этотъ садъ шелъ прежде уступами до большого пруда, отдѣлявшаго всю господскую усадьбу отъ деревни. Главная аллея развѣтвлялась съ обѣихъ сторонъ боковыми аллеями, также стриженными какъ и главная, а иныя изъ нихъ (внутреннія) до того густо заросли сверху, что солнце не проникало черезъ зеленый сводъ. Не доставало лишь фонтана и статуй, чтобы придать этой части сада дворцовую грандіозность.

Все окружавшее нашихъ родителей облагораживалось моральнымъ ихъ вліяніемъ; оно отозвалось и на нашемъ священникѣ отцѣ Ѳедорѣ: онъ сдѣлался непохожъ на сельскихъ обыкновенныхъ поповъ. Въ нашей атмосферѣ онъ перевоспитывался; по обхожденію съ нимъ моихъ родителей онъ понялъ высокое значеніе своего сана (правда, что натура была у него умная и воспріимчивая). Эта шлифовка настолько окрѣпла въ немъ, что такимъ онъ остался до конца жизни. Онъ часто обѣдывалъ у насъ и бесѣдовалъ наединѣ съ нашимъ отцемъ, въ его кабинетѣ, а старшіе оффиціанты, столовый дворецкій, буфетчикъ и отцовскіе оба камердинеры (всѣ грамотѣи), указывали отцу Ѳедору,

какъ служатъ столичные священники, и онъ много воспользовался ихъ совѣтами. Онъ получалъ, кромѣ доходовъ отъ церковной земли и луговъ, изъ вотчинной конторы по 500 рублей въ годъ, и по тогдашней дешевизнѣ, подобный окладъ былъ весьма значителенъ. Черезъ полвѣка я встрѣчался съ этимъ священникомъ (изъ Бѣлкина онъ переведенъ былъ въ 40-хъ годахъ въ казенное большое село Малоярославскаго уѣзда, (Недѣльное), и, онъ вспоминая „благодѣтелей" (какъ онъ всегда звалъ нашихъ родителей), обыкновенно кончалъ словами CXXXVI псалма: „Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя... Прильпни языкъ мой гортани моему".

При барской обстановкѣ нашего дома всегда находились у насъ на лѣтнее время свой медикъ и учителя рисованія и музыки. Въ послѣднемъ званіи былъ у насъ одно время Чехъ Ерлычекъ, котораго я встрѣтилъ въ 1830 году плацъ-маіоромъ въ Могилевѣ. Изъ первыхъ учителей рисованія, которыхъ помню, былъ Александръ Тимофеевичъ Виноградовъ. воспитанникъ Академіи Художествъ, что однакоже не мѣшало ему быть настолько плоховатымъ въ своемъ искусствѣ, что даровитый нашъ буфетчикъ, Иванъ Бѣшенцевъ, острякъ и самоучка, поэтъ и рисовальщикъ, написалъ акварельную каррикатуру этого художника, сидящимъ съ палитрою въ рукѣ передъ мольбертомъ, на которомъ была начатая имъ картина осла. Этотъ Бѣшенцевъ былъ ярый поклонникъ Озерова и его исполнителя на сценѣ Яковлева, и декламировалъ наизустъ цѣлыя тирады изъ „Эдипа въ Аѳинахъ" и „Дмитрія Донскаго". Его же акварельной кисти была толстая книга каррикатуръ всѣхъ насъ семейныхъ, въ свойственныхъ намъ позахъ, костюмахъ и занятіяхъ, а также всей нашей родни и вообще всѣхъ знакомыхъ, перебывавшихъ у насъ въ домѣ, съ самаго начала вѣка до 1816 года. Сходства были поразительны, и мать наша такъ дорожила этимъ семейнымъ архивомъ, что выписала его во Флоренцію. Этого Бѣшенцева я выставилъ какъ образчикъ облагороженнаго крѣпостнаго нашего люда. Одинъ только изъ прислуги испивалъ коекогда рюмочку: это былъ старшій камердинеръ отца Андрей Антоновичъ Кашинцевъ (прошу замѣтить, что у насъ не принято было звать этихъ людей Андрей Антоновъ, Иванъ Петровъ, а всегда съ отчествомъ); но онъ сейчасъ же уходилъ спать въ свою комнату, и на эту его слабость смотрѣли сквозь пальцы, ради долголѣтней его службы, съ того времени, когда отецъ нашъ былъ выпущенъ изъ кадетскаго корпуса. Однажды, еще до моего рожденія, эти дворовые люди сыграли на домашнемъ театрѣ у насъ оперетку „Мельникъ", піесу бывшую тогда въ ходу, и въ ней главную роль игралъ сказанный Андрей Ан-

тоновичъ. Не засталъ я уже нашу прислугу въ пудрѣ и въ косахъ, но высшіе оффиціанты были съ самаго утра во фракахъ (тогда синихъ съ бронзовыми пуговицами) и въ бѣлыхъ галстухахъ, съ выходившими у иныхъ изъ за жилетовъ жабо. Черные галстухи не допускались въ то время, даже у прислуги въ хорошихъ домахъ. Нечего и говорить, что о тѣлесныхъ наказаніяхъ у насъ слуха не было. Помню лишь, что когда любимый отцовскій старшій садовникъ Шабановъ и токарь Барабановъ (товарищъ по этому ремеслу съ своимъ господиномъ, часто упражнявшимся на токарномъ станкѣ) запивали черезъ чуръ, то имъ надѣвалась, ради позора на шею, рогатка. Одинъ молодой дворовый, Григорій Некрасовъ, выказавшій особенную наклонность къ архитектурѣ, былъ отданъ въ ученіе по этой части къ какому-то извѣстному тогда зодчему, и онъ настолько преуспѣлъ, что подъ его вѣдѣніемъ строились въ Бѣлкинѣ всѣ домики для гостей и прочія постройки. Кстати разскажу про отца этого доморощеннаго зодчаго. Старикъ Некрасовъ имѣлъ привычку всякую Субботу, безразборчиво, сѣчь своихъ малолѣтнихъ дѣтей, и когда нашъ отецъ попытался было однажды убѣдить его въ неразуміи его системы, Некрасовъ отвѣчалъ: „Эхъ, батюшка, ваше сіятельство; ужъ не можетъ того быть, чтобы пострелята эти въ чемъ бы нибудь не провинились въ цѣлую недѣлю; но разница только въ томъ, что иногда я знаю, иногда не знаю, въ чемъ ихъ вина“.

Наши *большіе* (какъ мы ихъ называли) обѣдали въ 3 часа. Супъ ставился на боковой столъ за двѣ или три минуты до пробитія часовъ, и тогда столовый дворецкій, Михаилъ Александровичъ Клеевъ (единственный не изъ дворовыхъ, а Кіевскій гражданинъ), становился за дверью, ведущею въ гостиную, и ровно когда начинался часовой бой, онъ громогласно провозглашалъ: „Кушать поставлено, ваши сіятельства“, и затѣмъ отходилъ къ боковому столу, чтобы разливать супъ. Очень красивый, высокій и представительный былъ этотъ Клеевъ, хотя уже съ легкою сѣдиною. Выдумывалъ онъ свою кулинарную номенклатуру, и въ *меню*, который всегда подавался нашей матери съ вечера, можно было встрѣтить „бифштексъ изъ судака“.

Домашній ежедневный костюмъ моего отца состоялъ, лѣтомъ и зимою, изъ длиннополаго, широкаго сюртука, толстаго бѣлаго пике съ такими же пуговицами; суконный же сюртукъ онъ надѣвалъ только для выѣздовъ въ городѣ. Во фракѣ я всего одинъ разъ его видѣлъ во Флоренціи, по случаю посѣщенія въ 1819 году великаго князя Михаила Павловича. Шляпы другой не нашивалъ онъ, какъ низкую и съ

широчайшими полями; думается мнѣ, что такой формы шляпы онъ нарочно заказывалъ, потому что, кромѣ него, никто такихъ не носилъ.

Къ своему Бѣлкину мать моя прикупила, еще до моего рожденія, отъ помѣщика Ланскаго сельце Самсоново, числящееся въ Малоярославецкомъ уѣздѣ. Земли при всѣхъ имѣніяхъ, состоявшихъ съ чрезполосною деревнею Шемякино, въ 500 душахъ, было достаточно; но почва, какъ почти вездѣ въ Калужской губерніи, глиниста, и безъ сильнаго удобренія хлѣбъ плохо родился. Все-таки 500 душъ что̀ нибудь да значило; но, по размашистому маштабу тогдашнихъ вельможныхъ состояній, о Бѣлкинѣ говорили у насъ, какъ о сущей бездѣлушкѣ: „un petit coin de terre“ [1]), и болѣе ничего. А сколько помѣщиковъ въ послѣдніе годы до освобожденія крестьянъ считались богатыми при тѣхъ же условіяхъ! Впрочемъ надо и то сказать, что содержаніе многочисленной дворни съ ихъ семействами, на половину, если не болѣе, изъ престарѣлыхъ и малолѣтнихъ, поддержка оранжерей, обширнаго сада съ подстриженными липами, другаго сада, называвшагося Англійскимъ, и пр., поглощало весь почти доходъ имѣнія [2]). Крестьяне же были настолько избалованы господами, что въ неурожайный годъ имъ привозили на прокормленіе и посѣвъ даровой хлѣбъ изъ Бутурлиновки. Если не качествомъ почвы, то было богато Бѣлкино лѣсами, нетронутыми съ незапамятныхъ временъ. Мать моя не продавала и не дозволяла рубить ни единаго бревна, кромѣ необходимаго для топки. Покупщикъ этого имѣнія въ 1840 году Илья Антоновичъ Кавецкій выручилъ, пожалуй, заплаченныя (и недоплаченныя) деньги продажею однихъ лѣсовъ, и не пощадилъ онъ даже березовыхъ аллей, тянувшихся въ разныя направленія отъ господской усадьбы, на нѣсколько верстъ.—Въ раннемъ моемъ дѣтствѣ Бѣлкинскимъ прикащикомъ былъ нѣкій Иванъ Ильичъ Иноземцевъ. Это отецъ знаменитаго впослѣдствіи Московскаго врача. Иванъ Ильичъ былъ вывезенъ, молодымъ мальчикомъ, изъ Азіятской Турціи, но изъ Персіи, дѣдомъ нашимъ, графомъ Петромъ Александровичемъ; но при какихъ обстоятельствахъ, не знаю. Фамилія дана была ему обозначающая нерусское происхожденіе, и онъ выросъ въ домѣ нашего дѣда и перешелъ къ намъ. Когда открылась Московская Медицинская Академія (это было, кажется, въ 1815 или въ 1816 году), то отецъ мой

[1]) Небольшой уголокъ земли.

[2]) Бѣлкинская колонія дворовыхъ доходила до 60 душъ, а Бутурлиновская (въ 30-хъ годахъ) отъ 700 до 800!

опредѣлилъ туда болтавшагося по Бѣлкину Ѳединьку Иноземцева, и изъ этого мальчугана вышелъ всѣмъ извѣстный Ѳедоръ Ивановичъ, помнившій до конца жизни, кто были первые его благодѣтели. Между 1813 и 1816 годами мать моя взяла къ себѣ 9 или 10 лѣтнюю черномазую дочь этого Ивана Ильича Иноземцева, Елисавету, въ качествѣ, не то воспитанницы, не то въ подмогу старшей горничной Аннѣ Степановнѣ. Эта дѣвочка оставалась у насъ въ домѣ до нашего отъѣзда изъ Петербурга за границу въ 1817 году; но что̀ стало изъ нея впослѣдствіи, не знаю.

Изъ Бѣлкина мы выѣхали въ Петербургъ по зимнему установившемуся пути, въ кибиткахъ. Отецъ мой заблаговременно уѣхалъ туда съ обыкновеннымъ своимъ дорожнымъ компаніономъ, живописцемъ Милліарини. Это было единственный разъ, что̀ мы путешествовали въ зимнее время. Я сидѣлъ или, точнѣе сказать, лежалъ на перинахъ между старшей моею сестрою Маріею Дмитріевною и Екатериною Ивановною Леруа, также лежавшими во все время пути. Теперь невозможно было бы мнѣ выдержать столь долго подобное положеніе. Въ Твери и Новгородѣ были гостинницы, содержавшіяся иностранцами (въ первомъ изъ этихъ городовъ содержателемъ былъ Итальянецъ), какъ и въ Москвѣ, а Русская предпріимчивость не простиралась еще до этой части; а такъ какъ мы ѣхали на своихъ лошадяхъ и съ ночлегами (конечно съ поваромъ и кухонною посудою), то гдѣ не было гостинницъ, мы останавливались на ночь въ купеческихъ домахъ уѣздныхъ городовъ. Надо полагать, что обаяніе титулованныхъ особъ дѣйствовало тогда сильно на купеческое сословіе, и оно было готово стѣсняться въ своихъ жилищахъ ради чести принимать у себя сіятельныхъ и превосходительныхъ путешественниковъ; или, быть можетъ, тутъ дѣйствовала корысть.

Зиму съ 1813 на 1814 годъ, мы провели въ Петербургѣ, въ домѣ Роговикова, у самой почти Гагаринской пристани *). Въ салонахъ господствовалъ тогда, какъ извѣстно, Французскій элементъ, крупными представителями котораго были эмигранты-роялисты, поступившіе къ намъ на службу. Изъ нихъ помню бывавшихъ у насъ въ домѣ графа Модена, графа Армана Сенъ-При и маркиза де-ла Туръ д'Овернь (послѣдній впрочемъ, хотя и былъ въ душѣ роялистъ, но поступилъ на службу къ Наполеону и былъ у насъ плѣнникомъ). Часто бывалъ

*) Въ этомъ домѣ помѣщалась, въ началѣ 60-хъ годовъ, канцелярія Герольдіи.

также у насъ (но позднѣе) молодой графъ Родольфъ де-Местръ, офицеръ нашей гвардіи и сынъ пресловутаго писателя и ультрамонтана, графа Іосифа де-Местра, тогда посланника при нашемъ дворѣ отъ Піемонтскаго безземельнаго короля. Бывалъ также у насъ Іезуитъ патеръ Журданъ, тихій и скромный человѣкъ, котораго мы дѣти полюбили, потому что онъ приносилъ намъ шеколадныя лепешки. Сила ордена Лойолы была тогда въ своемъ апогеѣ въ Петербургѣ, благодаря покровительству оказанному его членамъ двумя царствованіями. Думается мнѣ, что подготовка къ позднѣйшему переходу въ латинство моей матери и старшей сестры Маріи Дмитріевны началась въ эту именно зиму. Отецъ нашъ рѣдко засиживался по вечерамъ въ салонѣ моей матери; онъ рано ложился, рано вставалъ и большую частью дня занимался въ своемъ кабинетѣ. Выѣзжалъ онъ только по утрамъ, да и кругъ короткихъ его знакомыхъ ограничивался княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицинымъ (котораго онъ въ шутку честилъ названіемъ „папы", такъ какъ князь былъ одновременно министромъ духовныхъ дѣлъ и оберъ прокуроромъ Св. Сунода), Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ (тогда директоромъ Императорской Публичной Библіотеки), Петромъ Васильевичемъ Мятлевымъ, графинею Софіею Владимировною Строгоновой и графомъ Павломъ Викторовичемъ Кочубеемъ.

Хотя насъ дѣтей не возили въ театръ, но помню, какой энтузіазмъ произвело въ высшемъ обществѣ появленіе на сценѣ патріотическихъ піесъ „Незванные гости" и оперетки „Казакъ стихотворецъ", первыхъ въ этомъ родѣ. Ложи на эти спектакли брались на расхватъ той же самой знатью обѣихъ столицъ, которая за четыре года передъ тѣмъ относилась съ крайнимъ равнодушіемъ къ Русскому театру, хотя на афишахъ красовались имена старшей Семеновой, Яковлева, Шушерина, Сандукова и тому подобныхъ. Аристократическій восторгъ (особенно женскій) сберегался для госпожъ Филисъ, Андріё, Жоржъ, Марсъ и Дюшенуа.

Военныя дѣйствія продолжались за границей, и родители наши не могли не тревожиться о судьбѣ моего брата, участвовавшаго въ этой кампаніи, хотя онъ часто писалъ домой. Въ тогдашнемъ моемъ возрастѣ я не могъ раздѣлять эти опасенія. Меня гораздо болѣе занимало, что Англійская нянька малютки моей сестры Елены, мадамъ Гибсонъ, придумала кресло-качалку (rockingchair), и въ одинъ прекрасный день шлепнулась съ сестрою на рукахъ, но безъ всякихъ вредныхъ для обѣихъ послѣдствій.

О занятіи Парижа нашими войсками я узналъ по тому только, что Петербургъ былъ ярко иллюминованъ и насъ возили ночью по улицамъ смотрѣть на эту иллюминацію. Въ концѣ Апрѣля или Мая того 1814 года мы уѣхали на все лѣто въ Бѣлкино, и по обыкновенію, длиннымъ поѣздомъ, на своихъ лошадяхъ и въ громадныхъ каретахъ: чтобы влѣзать въ нихъ, откидывались три ступеньки, сложенныя одна въ другую. Впрочемъ, будь эти экипажи запряжены даже почтовыми, а не своими лошадьми, то и тогда на врядъ ли ѣзда наша могла быть быстрѣе, такъ какъ добрая половина всего пути до Москвы была устлана кругляками, отъ которыхъ кареты подпрыгивали и конечно часто ломались.

Въ Москвѣ мать наша повезла вторую мою сестру Елисавету и меня на пепелище бывшаго нашего Слободскаго дома. Помню, какъ матушка, роясь въ грудѣ развалинъ и перегорѣвшаго мусора, подбирала обломки любимыхъ Севрскихъ чашекъ, темно-синихъ, но превратившихся въ черный колеръ; а сестра побѣжала въ свой садикъ, уже одичавшій, и срывала цвѣтущіе нарцизы. Въ числѣ вещей, остававшихся въ нашемъ домѣ весною 1812 года, было нѣсколько пудовъ столоваго серебра, и если бы оно сгорѣло, то слитки попадались бы въ пеплѣ; но ни соринки серебра не нашлось. Это и есть одно изъ доказательствъ, что пожаръ сопровождался грабежомъ. Домъ нашъ такъ и остался въ развалинахъ, а по смерти нашего отца братъ мой и я продали стѣны и всю мѣстность за 12 тысячъ рублей ассигнаціями.

На обратномъ пути въ Бѣлкино изъ Петербурга, мать наша ѣздила съ нами, меньшими дѣтьми, къ своей теткѣ Настасьѣ Петровнѣ Самариной, въ ея имѣніе с. Брыково Звенигородскаго уѣзда. Помню, что тамъ въ саду я въ первый (и чуть-ли не единственный) разъ видѣлъ вѣковой Сибирскій кедръ съ обильными и весьма вкусными орѣшками. Оттуда по дорогѣ въ Москву мы заѣзжали въ Воскресенскій монастырь и въ Саввинскую обитель, для поклоненія преподобному Саввѣ Звенигородскому, гдѣ мы благоговѣли передъ каменнымъ ложемъ и такимъ же изголовіемъ подвижника. Отмѣчаю это наше паломничество въ доказательство, какъ мало еще тогда проникла Латинская пропаганда въ религіозныя убѣжденія моей матери.

Лѣтомъ этого же самаго 1814 года пріѣхалъ къ намъ въ Бѣлкино Французскій аббатъ Переңъ (Perrin), для совершенія бракосочетанія воспитанницы моей матери Надежды Андреевны Гольцъ съ Полякомъ Антономъ Антоновичемъ Кавецкимъ, тогда городничимъ въ Боровскѣ, веселаго и общежительнаго нрава человѣкомъ и большимъ шутникомъ. Приказанія своимъ подчиненнымъ онъ давалъ на распѣвъ и съ прибаутками. Когда онъ получалъ замысловатый указъ изъ Гу-

бернскаго Правленія, то выбиралъ самаго безтолковаго, но словоохотнаго изъ своихъ писцевъ и засаживалъ его написать экспромптомъ рапортъ на указъ, зная навѣрное, что Губернское Правленіе ничего не пойметъ изъ этой чепухи. Канцелярская отчетность была этимъ соблюдена, а болѣе ничего не требовалось. Какъ образчикъ его юмора, помню слѣдующую прибаутку, съ которою онъ обращался, также на распѣвъ, къ одной изъ его свояченицъ: „мейнъ швейстеринъ, садись на перину, рисуй картину похожую на Катерину". Фарсерство было тогда въ модѣ, но А. А. Кавецкій умѣлъ быть и дѣловымъ человѣкомъ, и довольно быстро выдвинулся на службѣ. Широкое его хлѣбосольство и нерасчетливыя привычки жизни были причинами, что онъ почти ничего не оставилъ своимъ дѣтямъ, кромѣ хорошаго даннаго имъ воспитанія. До своей женитьбы онъ держалъ при себѣ въ Боровскѣ шута, обвѣшеннаго бумажными орденами и звѣздами и съ широкою лентою черезъ плечо изъ плетеной соломы. Я его очень боялся, такъ какъ никогда не видалъ шутовъ до того времени.

Для брачнаго обряда дѣвицы Гольцъ съ А. А. Кавецкимъ устроена была у насъ временная Латинская каплица въ только что оконченномъ большомъ деревянномъ домѣ. Аббатъ Перенъ остался гостить у насъ въ Бѣлкинѣ на все лѣто и, соображая мои воспоминанія о томъ времени, подозрѣваю, что и онъ участвовалъ въ пропагандѣ и послѣдовавшемъ позднѣе прозелитствѣ въ женскомъ нашемъ персоналѣ. Какъ всѣ его собратія, онъ былъ пріятный членъ общества, веселаго нрава, но имѣлъ вотъ какую странную привычку. Чтобы освѣжить ноги въ лѣтній зной, онъ, бывало, разуется и, засучивъ панталоны, начнетъ прохаживаться до колѣнъ въ водѣ въ мелкихъ частяхъ пруда, читая все время свой требникъ (bréviaire), который Латинскіе священники обязаны читать ежедневно. Онъ былъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что, въ разгаръ Французской революціи, онъ одинъ спасся въ тюрьмѣ Консіержери (Conciergerie), спрятавшись въ темномъ уголкѣ за дверью, тогда какъ всѣ прочіе заточенные тамъ священники убивались по выходѣ ихъ поочередно изъ тюремныхъ вратъ.

Приходилъ иногда къ нашему отцу оригинальный пѣшій гость изъ Москвы, Французъ Грозелье, жившій когда-то у насъ поваромъ. Отправляясь изъ Москвы въ Бѣлкино, онъ заявлялъ Французскимъ своимъ друзьямъ, что идетъ навѣстить „son ami le comte Boutourlin", и съ тростью въ рукахъ и узелкомъ за спиной, предпринималъ стоверстное путешествіе, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ. И не ошибался Грозелье въ пріемѣ, ожидавшемъ его у его „друга графа Бутурлина", который всегда былъ обходителенъ съ каждымъ, купцемъ, лавочникомъ и ремесленникомъ, если они держали себя прилично; съ

ними онъ сиживалъ, бывало, въ своемъ кабинетѣ. И въ общежитіи, и въ политическихъ взглядахъ графъ Дмитрій Петровичъ держался либеральнаго направленія. Была и другая спеціальность у этого вателя: въ Московской Французской церкви св. Людовика онъ всегда пѣвалъ на страстной недѣлѣ плачъ Іеремія пророка (les lamentations), какъ установлено въ Латинской церкви, на вечерняхъ трехъ первыхъ дней Страстной седьмицы *). Позднѣе я узналъ, что этотъ Грозелье открылъ, немного прежде или немного послѣ 1820 года, гаденькій ресторанъ (une guinguette) въ Калугѣ, и хотя кормилъ очень дурно, но потѣшалъ гостей своихъ другимъ способомъ. На стѣнахъ висѣли двуличныя гравюры: съ одной стороны онѣ изображали Наполеоновскія побѣды, а съ другой казни Людовика XVI и Маріи Антоанеты и прочія горестныя приключенія этого семейства. Узнавая первоначально, къ какой политической партіи принадлежалъ его потребитель, Грозелье поворачивалъ свои гравюры. Сынъ этого оригинала, совершенно уже обрусѣвшій, сокративъ, не знаю почему, свою фамилію въ Грозье, имѣлъ въ 40-хъ годахъ булочную у Арбатскихъ воротъ.

Навѣщалъ, хотя изрѣдко, своего друга, моего отца, въ Бѣлкинѣ, Калужскій архіерей Евгеній (Болховитиновъ).

По роскошному нынѣшнему убранству дачъ и помѣщичьихъ усадьбъ средней даже руки, можно бы думать, что въ этомъ родѣ могло быть жилище, въ которомъ семейство наше проводило каждое лѣто съ самаго начала текущаго вѣка; но ничего подобнаго въ Бѣлкинской обстановкѣ не было. Постараюсь описать то, что́ помню. Въ большой гостиной разставлены были огромный и жесткій диванъ съ высокою прямою спинкою изъ какого-то желтоватаго дерева, безъ всякой рѣзьбы, и съ обѣихъ сторонъ дивана и вдоль стѣнъ стояла дюжина, или не много болѣе, такихъ же тяжеловѣсныхъ креселъ, гладкой работы. Вся эта мебель была обита бѣлой холстинкой съ синими полосами. Между двумя окнами и дверью, ведущею на балконъ, были два комодца съ

---

*) Въ Италіи, солистское пѣніе Іеремієва плача всегда предоставляется какому нибудь артисту-тенору, безъ акомпаньемента органа, и пѣніе это (полуречитативъ), выходитъ очень эффектно и потрясаетъ слушателя. Вечерняя эта служба зовется „les ténèbres“, потому что оканчивается въ полномъ мракѣ. Но и тутъ примѣшивается, какъ часто бываетъ въ Латинскихъ церковныхъ обрядахъ, театральность, доходящая въ настоящемъ случаѣ до неприличія. Передъ престоломъ стоитъ на ножкѣ треугольникъ, облѣпленный двѣнадцатью свѣчами, и по мѣрѣ окончанія пѣнія клириками каждаго изъ двѣнадцати псалмовъ, входящихъ въ эту службу, гасится одна свѣча на этомъ треугольникѣ. Когда же потушатъ и послѣднюю свѣчу, то начинается оглушительный стукъ палками о полъ и лавки, чѣмъ попало, всѣми присутствующими на этой службѣ, и дѣлается это, если не ошибаюсь, въ воспоминаніе землетрясенія, когда распятый Спаситель испустилъ духъ.

бронзовыми ручками и съ краями того же металла, неизящной работы, и съ мраморною доскою. По стѣнамъ висѣли два-три столѣтніе канделябра изъ какого-то состава, не то финифтинаго, не то фарфороваго, представлявшаго цвѣточныя вѣтви. Канделябры эти могли, пожалуй, имѣть нѣкоторую антикварную цѣнность, но они были почернѣвшіе отъ времени и мухъ. Окна были безъ занавѣсей и драпировки, но съ наружными обвѣтшавшими отъ солнечныхъ лучей „жалузи". Стѣны были обтянуты шпалерами тусклаго темножелтоватаго цвѣта, и на этомъ фонѣ наклеены въ три ряда, покрытые лакомъ, гравированные виды Венеціи, современные строителю дома, графу Ивану Ларіоновичу Воронцову. Рядомъ съ гостиной былъ кабинетъ нашей матери, въ которомъ она часто занималась миніатюрною на слоновой кости живописью, въ чемъ доходила до рѣдкаго совершенства. Здѣсь стѣны были тоже обвѣшаны шпалерами, не желтаго, а бѣлаго цвѣта, и на нихъ наклеены были также въ три ряда старинные гравированные ландшафты, работы Итальянца Цукарелли, и уличные Итальянскіе сюжеты прошлаго столѣтія. Столовый залъ былъ въ два свѣта, т. е. занималъ вышиною два этажа, и былъ весь расписанъ аль фреско, музыкальными эмблемами и разными орнаментами, а на потолкѣ была живопись въ большомъ кругѣ, представлявшая миѳологическій какой-то сюжетъ. Залъ этотъ былъ явнымъ подражаніемъ заламъ Итальянскихъ виллъ, и никакая святотатственная рука не дотрогивалась до него со времени его постройки, съ половины XVIII вѣка. Складной въ три отдѣленія столъ, стоявшій по серединѣ зала, былъ также антикъ въ своемъ родѣ. Онъ былъ топорной работы, и на черномъ его фонѣ расписаны были масляными красками сгруппированные не безъ вкуса плоды и букеты; но все это почернѣло и отчасти истерлось отъ дѣйствія времени. У одной стѣны зала былъ большущій каминъ, въ родѣ тѣхъ, подъ трубою которыхъ южные жители становятся, чтобы согрѣваться. Единственною роскошью въ домѣ были паркеты во всѣхъ пріемныхъ трехъ комнатахъ. Мебель въ кабинетахъ отца и матери моей была сборная, но преимущественно окрашена бѣлою краскою и лакирована и обита зеленымъ сафьяномъ съ мѣдными гвоздиками. Въ нашей дѣтской другихъ свѣчей не жгли кромѣ сальныхъ. Подобная скромная обстановка происходила не отъ скупости, а отъ незатѣйливости тогдашнихъ привычекъ: не ощущалось потребности элегантнаго комфорта, а жилось просто. Но въ этой простотѣ была теплая семейная жизнь, и всѣмъ, малымъ и большимъ, господамъ и слугамъ, жилось счастливо и весело; да и никому въ голову не приходило, что по житейскимъ нашимъ средствамъ слѣдовало жить иначе. Да, въ этой неказистой гостиной, на этой жесткой мебе-

ли собирался кружекъ утонченно-образованныхъ людей разныхъ націоналыюстей и свѣтскаго положенія. Въ этомъ ареопагѣ, строго хранившемъ всѣ прежнія традиціи, разбиралась по ниточкѣ современная политика, литература, и не исключались научные вопросы. Члены его, мужскіе и женскіе, были люди много читавшіе, и потому ихъ бесѣды не отзывались пустословіемъ салонной обыкновенной болтовни. И сколько перелетныхъ птицъ залетало къ намъ въ Бѣлкино! Графы Эмануилъ и Арманъ Сенъ-При, маркизъ де-ла Мезонфортъ (впослѣдствіи посолъ Людовика XVIII при Тосканскомъ дворѣ) и другіе извѣстные эмигранты и туристы. Изъ Русскихъ посѣтителей Бѣлкина были молодой тогда Рибопьеръ (еще не графъ) и князья Ѳедоръ и Сергѣй Сергѣевичи Голицыны, а до 1812 года бывали графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и графъ де-Бальменъ. Мать моя была то, что́ зовется полунощницею: лишь бы нашлись собесѣдники, и послѣ ужина она охотно засиживалась хоть до разсвѣта. Въ угодность ей, всегда оставался въ гостиной бывшій гувернеръ моего брата, г. Жиллѐ, а чтобы не заснуть на стулѣ, Французъ нашъ придумалъ держать подъ своимъ носомъ трубочку изъ бумаги. Когда голова наклонялась у него отъ дремоты, онъ натыкивался носомъ на трубочку и просыпался.

Настала, наконецъ, счастливая для нѣжныхъ родителей минута: снова обнять любимаго сына, послѣ двухлѣтней съ нимъ разлуки и столькихъ пережитыхъ тревогъ! Въ Іюнѣ пріѣхалъ къ намъ въ отпускъ изъ Парижа братъ мой, и въ слѣдъ за нимъ сейчасъ помянутый П. И. Жиллѐ, вышедшій въ отставку или перешедшій на гражданскую службу. Разсказамъ о Парижѣ и объ общемъ энтузіазмѣ, произведенномъ между Французами Русскимъ царемъ, не было конца.

Всѣ Французскіе роялисты, бывшіе у насъ на службѣ, получили отъ возстановленнаго на престолъ Людовика XVIII по кресту Св. Людовика. Дѣти тѣ же обезьяны, и я, сочувствуя общему окружавшему меня восторженнему настроенію, прицѣпилъ къ курточкѣ бѣлый этотъ крестикъ на алой ленточкѣ, и гордо пародировалъ въ немъ. Бурбонисты, туземные и Русскіе, честили Наполеона узурпаторомъ, теряли изъ виду его гуманитарную заслугу въ томъ, что онъ покончилъ съ революціонною гидрою, и ставили ему въ укоръ, что не онъ возстановилъ Бурбонскую династію. Доктрина эта доходила до смѣшнаго. Извѣстно что преподаватели современной исторіи дѣтямъ Бурбонской династіи объясняли имъ, что Наполеонъ Бонапартъ былъ „le généralissime des troupes de sa majesté Louis XVIII*)".

На одномъ оффиціальномъ пріемѣ всего дипломатическаго кор-

*) Генералиссимусъ войскъ его величества Людовика XVIII-го.

пуса, акредитованнаго при Наполеонѣ. онъ, подходя поочередно къ каждому изъ этихъ дипломатовъ, прошелъ мимо нашего посланника графа Марков̂а, не сказавъ ему ни слова, и продолжалъ обращаться ко всѣмъ остальнымъ представителямъ, стоявшимъ ниже Русскаго. Графъ Марков̂ъ, не дождавшись конца пріема, сдѣлалъ на лѣво кругомъ и вышелъ изъ зала. Наполеонъ, замѣтивъ его движеніе, закричалъ фурьеру, стоявшему у дверей залы: „L'ambassadeur de Russie se sent indisposé; conduisez le aux lieux d'aisance", т. е. „Русскій посолъ чувствуетъ себя нездоровымъ; отведите его въ ретирадное мѣсто". (Расказано мнѣ Н. А. Дивовымъ, находившимся тогда въ Парижѣ съ его родителями).

Въ разсказахъ о Французскихъ эмигрантахъ мнѣ передано было объ одномъ изъ нихъ, пріютившемся въ Англіи. Бѣдный этотъ шевалье или маркизъ, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, избралъ себѣ такую спеціальность. На обѣдахъ у Лондонскихъ лордовъ онъ являлся въ черномъ фракѣ (или кафтанѣ Версальскаго покроя), въ бѣломъ галстухѣ и жаб̂о, при шпагѣ, въ чулкахъ до колѣнъ и башмакахъ и, отвѣсивъ поклонъ сидѣвшей за столомъ аристократической компаніи, подходилъ къ боковому (запасному) столу. Тамъ онъ вынималъ изъ кармана два флакона съ уксусомъ и Прованскимъ масломъ и принимался заготовлять салатъ. Получивъ за свой трудъ гинею, онъ снова раскланивался и уходилъ. Онъ взошелъ въ большую моду и нажилъ себѣ деньги.

По случаю вензеля имп. Александра, замѣнившаго, по распоряженію Парижскаго муниципалитета, заглавную букву имени Наполеона на публичныхъ зданіяхъ, говорили: „Napoléon avait des *ennemis* (des N. mis) partout, l'empereur Alexandre a trouvé des *amis* (des A mis) partout".

Нѣкто Французъ Масонъ, издавшій въ началѣ текущаго вѣка пасквильное сочиненіе о царствованіяхъ Екатерины, надѣлавшее много шуму въ свое время [1]), надѣявшись, вѣроятно, что въ 1814 году всѣ забыли о его книгѣ, подалъ прошеніе императору Александру о назначеніи ему пенсіона (или временной награды) за то, что онъ обучалъ верховой ѣздѣ Государя (еще Великимъ Княземъ) и Великаго Князя Константина Павловича. Вмѣсто отвѣта на его просьбу, Государь послалъ отъ своего имени Масону экземпляръ его сочиненія о Россіи [2]).

Артиллерійскій офицеръ князь Ухтомскій, выходя однажды изъ партера одного изъ Парижскихъ театровъ, вмѣстѣ съ Н. А. Дивовымъ,

---

1) „Mémoires secrets sur la Russie" par Masson, 2 vol.

2) Слышано отъ моей матери.

держалъ свою шляпу съ султаномъ (какъ была тогда офицерская городская форма) такъ низко, что концы перьевъ дотрогивались до полу. „Voyez un peu cet officier", насмѣшливо и громко замѣтилъ одинъ стоявшій тутъ Французъ, „qui traîne ces plumes de coq par terre". — „Vous vous trompez, monsieur", отвѣчалъ на это князь Ухтомскій, „ce ne sont pas des plumes de coq, mais celles de vos aigles impérieux, que nous avons plumés en 1812" [1]).

Солдатики наши такъ привыкли спать на пуховикахъ, проходя черезъ Германію, что, когда военныя дѣйствія перешли въ 1813 и 1814 годахъ на Французскую территорію, они, стоя на квартирахъ, преслѣдовали хозяекъ криками: „Бетъ, мадамъ, бетъ". Бѣдныя Француженки, не зная какъ отдѣлаться отъ нихъ, ходили жаловаться начальникамъ: „Nous avons beau leur donner tout ce que nous pouvons, ils courent après nous en nous criant que nous sommes des *bêtes*"; а это было единственно потому, что солдаты затвердили Нѣмецкое названіе кровати „бетъ", между тѣмъ какъ у Французскихъ крестьянъ тюфяки (paillassons) набиты соломою, а не пухомъ [2]).

Отрѣжетъ, бывало, Французская хозяйка хорошій ломоть своего пшеничнаго хлѣба и спроситъ у постояльца-солдата: „Comme ça, monsieur?—„Нѣтъ", отвѣчаетъ тотъ: „Комса, да еще полъ-комсы".

А долженъ быть тупоуменъ Французскій крестьянскій людъ. Братъ мой гр. Петръ Дмитріевичъ разсказывалъ мнѣ, что когда, на маршѣ, офицеры наши распрашивали у поселянъ о дорогѣ или о разстояніи до какого нибудь мѣста, тѣ коверкали нарѣчіемъ и жестикулировали, какъ люди воображающіе себѣ, что ихъ не поймутъ. „Да отвѣчайте же на чистомъ Французскомъ языкѣ, на которомъ мы съ вами говоримъ, скажутъ наши офицеры"—„Ахъ и въ самомъ дѣлѣ", отвѣтятъ они, „вы говорите по французски!"

Въ числѣ постоянныхъ жильцевъ въ Бѣлкинѣ, близкихъ къ нашей матери, была Софья Филипповна Жеребцова. Мужъ ея, Дмитрій Александровичъ, былъ внучатымъ братомъ нашей матери, по женскому съ его стороны колѣну, а жена его была дочь Альзаскихъ эмигрантовъ Дорреръ, давно поселившихся въ Москвѣ. Софія Филипповна была ревностная папистка. Она обратила въ свое вѣроисповѣданіе всѣхъ почти своихъ дѣтей и подъ конецъ своего мужа [3]). Полагаютъ, что эта Софія

---

1) „Взгляните-ка на этого офицера, который волочитъ свои пѣтушиныя перья по полу".—„Вы ошибаетесь, милостивый государь, перья эти не пѣтушиныя, а вашихъ императорскихъ орловъ, которыхъ мы общипали въ 1812 году".

2) Этому былъ очевидецъ братъ мой графъ Петръ Дмитріевичъ.

3) Дочь ея, Анна Дмитріевна, также католичка, вышла замужъ въ 1835 году за Поляка Шеміота, служившаго по горной части.

Филипповна подѣйствовала на переходъ нашей матери въ латинство, но я не раздѣляю этого мнѣнія: г-жа Жеребцова не была достаточно начитана и вкрадчива, чтобы съ успѣхомъ подвизаться въ дѣлѣ пропаганды. Скорѣе могло быть наоборотъ.

Дмитрій Александровичъ Жеребцовъ былъ человѣкъ не серіознаго умственнаго склада, но пріятный въ обществѣ и музыкантъ. Въ молодости онъ состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Лондонѣ и сдѣлался полу-англоманомъ. Помню довольно удачный его переводъ по русски Англійскаго національнаго гимна, „God save the King", на тотъ же напѣвъ.

Храни. Господь, храни,
Царя драгіе дни,
Господь храни!
Побѣдами вѣнчай,
И славой украшай
Твой образъ на земли.
Господь храни
Перводержавную,
Русь православную,
Господь храни!

Имѣй авторъ этихъ стиховъ значеніе при дворѣ или въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ, то, пожалуй, этотъ переводъ пошелъ бы въ ходъ, какъ позднѣйшій гимнъ Жуковскаго-Львова. Правда, что г. Жеребцовъ находился нѣкоторое время при дворѣ великой княгини Екатерины Павловны въ Твери, но онъ не составилъ себѣ никакой карьеры. Позднѣе онъ наслѣдовалъ отъ своего дяди изрядное весьма имѣніе въ Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, куда и переселился съ своимъ семействомъ. Тесть и теща его Дорреры, напоминавшіе Филемона и Бавкиду, дожили до глубокой старости. Оригиналенъ отзывъ старика Доррера о Русскомъ человѣкѣ. „Le tchéloveck, voyez vous, madame", говаривалъ онъ моей матери, „est un être, qui *peut* tout faire, qui *sait* tout faire et qui ne *veut* rien faire [1]).

Зиму 1815 на 1816 годъ мы провели въ Петербургѣ, въ домѣ Шевича на Кирочной улицѣ, насупротивъ деревяннаго одноэтажнаго дома, занимаемаго всемогучимъ временщикомъ, „безъ лести преданнымъ", какъ онъ самъ себя величалъ. Эта личность, заслужившая проклятія всей Россіи, внушаетъ мнѣ слѣдующія о немъ размышленія. Ошибочно было бы сравнивать Аракчеева съ другимъ позднѣйшимъ временщикомъ, графомъ П. А. Клейнмихелемъ. Императоръ Александръ, безпрерывно занятый Европейскими войнами, а позднѣе конгрессами, мах-

[1]) Человѣкъ, видите, сударыня, есть существо, которое *можетъ* все дѣлать, *умѣетъ* все дѣлать и *не хочетъ* ничего *дѣлать*.

нулъ какъ бы рукою на внутренній, немилитарный строй Россіи, а послѣ 1814 года облекъ своего любимца, хотя не оффиціальною, но въ дѣйствительности неограниченною почти властью. Никакого подобнаго значенія не имѣлъ никогда графъ Клейнмихель, кругъ дѣятельности котораго вращался лишь по управленію путей сообщеній и строительной части, и надо сознаться, что благотворные слѣды этой дѣятельности видны по сю пору. Этого нельзя сказать объ Аракчеевѣ. Графа Клейнмихеля не любили за строгую его служебную взыскательность; онъ то и дѣло отдавалъ подъ судъ своихъ подчиненныхъ, выключалъ изъ службы (иныхъ, быть можетъ, безвинно) и выставлялъ на публичное посмѣшище нажившихся неправильными путями инженеровъ ироническими о нихъ печатными приказами. Онъ даже, какъ я слыхалъ, эксплуатировалъ будто бы попадавшихся ему подъ руку способныхъ людей и, воспользовавшись ихъ познаніями, выбрасывалъ ихъ изъ службы; но этимъ только и ограничивалась его власть. Аракчеевъ же ссылалъ, если вѣрить преданію, въ отдаленныя мѣста, по наушничеству на нихъ Государю, или даже по имѣвшимся у него бланкамъ, тѣхъ лицъ, которыя навлекали на себя его гнѣвъ. Русская моя няня разсказывала мнѣ въ то время, что графъ Аракчеевъ будто бы замуровалъ какого-то человѣка. Конечно это басня, но она даетъ мѣрило мнѣнія сложившагося тогда объ Аракчеевѣ. Извѣстно, что въ управленіи военными поселеніями онъ нарушалъ иногда коренные государственные законы и нарушалъ ихъ безнаказанно. Онъ дѣлалъ невозможнымъ для офицеровъ военныхъ поселеній всякій переходъ въ другую какую нибудь службу, а когда не могъ болѣе удерживать ихъ у себя, то, при увольненіи, давалъ имъ волчій поспортъ, т. е. такую аттестацію, съ которою бѣдняки эти не могли быть нигдѣ болѣе приняты на службу. И напрасно иные ставятъ ему въ похвалу (а въ томъ числѣ ветеранъ нашей литературы, князь П. А. Вяземскій), его безпредѣльную преданность личности Государю: если бы онъ внезапно лишился фавора Государя, куда бы ему дѣваться?

Во дворцѣ жили сестры моей матери. Старшая изъ нихъ, графиня Марья Артемьевна, взята ко двору еще въ царствованіе Павла, а позднѣе состояла при Елисаветѣ. Сестра ея, графиня Екатерина была сначала при великой княгинѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ, удаленной изъ Россіи съ такимъ позоромъ. По отъѣздѣ ея въ чужіе края она продолжала жить при дворѣ и, сохраняя неизмѣнную преданность къ августѣйшей изгнанницѣ, ѣздила къ ней въ Швейцарію. До конца своей жизни (въ 1836 году) графиня Екатерина Артемьевна продолжала получать полный фрейлинской свой окладъ. Насъ дѣтей часто возили во дворецъ къ теткамъ. Подъѣздъ ихъ былъ насупротивъ самой середины малаго манежа, тамъ,

гдѣ нынѣ перестиль съ гранитными каріатидами, ведущій въ новый Эрмитажъ. Лѣстницы и безконечные корридоры, ведущіе къ аппартаменту нашихъ тетокъ, были безъ печей и отзывались сыростію, гнилью и даже зловоніемъ. Стѣны были выкрашены сѣрой клеевой краскою, эта загрунтовка была обрызгана красными, черными и бѣлыми крапинками, и все это вмѣстѣ было раздѣлено бѣлыми линейками на ровные четвероугольники и должно было представлять постройку изъ гранитныхъ плитъ. Изъ оконъ Эрмитажа, обращенныхъ къ Невѣ, случалось намъ смотрѣть на Іорданское водосвятіе. Положительно помню, что, не взирая на зимнюю стужу, не только Императоръ выстаивалъ все время церковной церемоніи въ одномъ мундирѣ, но и обѣ Императрицы всходили туда съ непокрытыми головами, въ парадныхъ нарядахъ, и помнится мнѣ, чуть ли не съ открытыми шеями. Быть можетъ, что у нихъ на плечи были накинуты шубы. При императорѣ Александрѣ крещенскій парадъ (всегда послѣ водосвятія) отмѣнялся, если было болѣе 17 градусовъ мороза; но и эта температура была достаточна, чтобы причинить бѣдственныя послѣдствія между офицерами и солдатами, которымъ приходилось выдерживать эти морозы въ парадной формѣ безъ шинелей и безъ калошъ. А иные полки, расположенные въ отдаленности отъ Зимняго дворца, выходили изъ казармъ въ 7-мъ часу утра и возвращались не ближе 4-го или 5-го часа пополудни. Непонятно, какъ офицеры могли безвредно выдерживать это. При Николаѣ Павловичѣ оказано было имъ великое благодѣяніе отмѣною Крещенскаго парада, если было болѣе 9 градусовъ.

Тетка графиня Марія Артемьевна была палата остроумія и презабавная разсказщица. Въ первое время своего нахожденія при дворѣ (при Павлѣ), она и другія молодыя фрейлины умоляли приставленную къ нимъ въ родѣ наставницы (такъ ее звали „la gouvernante des demoiselles d'honneur“) ѣхать съ ними въ театръ, гдѣ давалась Французская піеса, бывшая тогда въ ходу La Coquette corrigée. „Не поѣду“, порѣшила наставница: „кокетки вы всѣ, а *корриже* вамъ не сдѣлаться, и потому сидите дома“. Въ глубокой уже своей старости она разсказывала мнѣ (въ 1863 году), что въ ночь 11 на 12 Марта 1801 года она и прочія фрейлины оставались еще въ Зимнемъ дворцѣ, куда наканунѣ пріѣзжалъ Императоръ, шутилъ съ ними на счетъ ихъ нежеланія переходить въ Михайловскій замокъ и далъ имъ на это недѣльную отсрочку.

По Воскресеніямъ мы иногда ѣздили съ нашей матерью къ обѣднѣ въ Зимній дворецъ и потомъ ходили по Эрмитажу, номинальнымъ директоромъ котораго все еще числился нашъ отецъ, хотя онъ и не заглядывалъ никогда туда. Для насъ пускали въ ходъ механическаго зо-

лотаго павлина, который распускалъ хвостъ подъ музыку, и рядомъ съ нимъ сидѣлъ металическій пѣтухъ, издававшій хриплое ку-ку-рику. Это и нынѣ существуетъ. Коллекція картинъ обогатилась незадолго передъ тѣмъ покупкою Мальмезонской галлереи, принадлежавшей развѣнчаной Французской императрицѣ Жозефинѣ. Заходили мы также на половину императрицы Маріи Ѳеодоровны (во время ея отсутствія), гдѣ насъ очень потѣшали Китайскія, въ человѣческій почти ростъ, фарфоровыя фигуры, стоявшія въ пріемной комнатѣ на полу, въ два ряда, и которыя начинали кланяться отъ давленія пружины у порога при входѣ.

Въ эту зиму братъ мой перешелъ изъ адъютантовъ въ Главный Штабъ, называвшійся тогда чертежною. Онъ пристрастился было къ пѣнію, хотя у него никакого голоса не было. Его учитель пѣнія, маэстро Даллока все удивлялся (будто бы), въ первое время его пріѣзда въ Петербургъ, отчего извощики знали его фамилію. Дѣло въ томъ, что на окликъ его извощику „подавай", тотъ спрашивалъ, „далеко, баринъ"? что̀ дѣйствительно было схоже съ фамиліею Даллока.

Къ обѣимъ старшимъ моимъ сестрамъ хаживалъ учитель танцованія (вѣроятно изъ эмигрантовъ), мосье Бильé. Такъ какъ музыка для этого урока необходима, то Французъ вытаскивалъ изъ кармана узенькую скрипку, какихъ я никогда болѣе не видывалъ, и все наигрывалъ на ней монотонную модуляцію „vive Henri Quatre", но съ разными варіяціями на эту тему. Что пѣсня эта могла быть тогда въ модѣ въ Парижѣ, при реакціи легитимизма, еще понятно; но странно покажется нынѣшнему поколѣнію, что въ тогдашнемъ высшемъ Русскомъ обществѣ, эта пѣснь была въ ходу *). Еще помню одну даму, вышивавшую на канвѣ Бурбонскій гербъ трехъ лилій, для обивки салазокъ Русскаго охотника кататься съ горъ.

Начитавшись, много позднѣе, у Французскихъ авторовъ иного совершенно лагеря, что Бурбонская реставрація была навязана Французамъ союзными государями, и что эта династія вовсе не была популярна, я однажды спросилъ у моего брата, участвовавшаго въ занятіи Парижа въ 1814 году, дѣйствительно-ли это было такъ. Но онъ положительно утверждалъ, что это вымыселъ враждебной Бурбонамъ партіи, и что какъ сами Бурбонскіе принцы, такъ и виновники ихъ возвращенія были встрѣчены Парижскимъ народонаселеніемъ съ величайшимъ энтузіазмомъ. Подтвержденіе этого я прочелъ въ „Замогильныхъ Запискахъ" Шатобріана. Не досказалъ я, что въ описываемое мною

*) Г-жа Хомутова въ своихъ Запискахъ 1867 и 1891 г., помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ", говоритъ, что гвардейскіе солдаты пѣвали эту пѣсню по французски.

время были въ модѣ дѣтскія съ перомъ шляпы „à la Henri IV"; такую, къ великому моему удовольствію, и я также носилъ.

Въ нашемъ семействѣ въ употребленіи былъ Англійскій языкъ. Мать моя объясняла мнѣ много позднѣе, что причиною выбора этого языка, на которомъ ни она, ни нашъ отецъ не говорили, было то, что въ то время не было лучшихъ книгъ для дѣтскаго возраста, какъ Англійскія. Даже Французскихъ было мало, и онѣ были не на столько удовлетворительны какъ Англійскія, а о Русскихъ нечего и говорить. Правда, была у насъ „Дѣтская Библіотека", изъ которой помню стихотвореніе, начинавшееся:

Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько,

И еще какая-то другая книжка съ разсказами о прилежныхъ дѣтяхъ, но эти книжки не имѣли ничего привлекательнаго для насъ. „Дѣтская Библіотека" была безъ всякихъ гравюръ, а разсказы, хотя и съ гравюрами, но лубочной работы, и въ добавокъ оба эти изданія напечатаны на синей бумагѣ, въ родѣ нынѣшней оберточной. Англійскія же книжки, напротивъ, были изящно изданы и съ раскрашенными картинками, а иныя служили замѣной игрушекъ. Тамъ на примѣръ, было описаніе приключеній одного мальчика въ отдѣльно вырѣзанныхъ при текстѣ картинкахъ, представлявшихъ костюмы всѣхъ случаевъ его жизни, и для всѣхъ этихъ костюмовъ служила одна и таже головка, которая вставлялась во всѣ туловища. Сначала мальчикъ былъ изъ нищихъ, потомъ постепенно переходилъ въ школьника, ремесленника, лакея богатаго дома, купеческаго прикащика, и наконецъ, превращался въ богато одѣтаго молодого человѣка. Выписывалось для насъ изъ Англіи по цѣлому ящику подобныхъ книжекъ и поучительныхъ игрушекъ, и мы ждали съ нетерпѣніемъ ихъ прибытія. Во время лѣтняго нашего пребыванія въ Бѣлкинѣ, такъ какъ учителей Русскаго и Французскаго языковъ съ нами тамъ не было, то старшая моя сестра, графиня Марія Дмитріевна, замѣняла обоихъ учителей для меня, и она же слѣдила за утренними и вечерними моими молитвами. Она отличалась талантомъ писать портреты въ натуральную величину, сухими красками, пастелью. Два портрета ея работы, мой, когда мнѣ было 8 или 9 лѣтъ, и сестры Елисаветы въ 12 лѣтнемъ возрастѣ, находятся по сю пору у двоюродной моей сестры Надежды Александровны Гавришенко, къ которой они перешли по наслѣдству отъ ея матери Прасковьи Артемьевны. Въ дѣтствѣ сестра Марія Дмитріевна и Николай Адріяновичъ Дивовъ такъ были похожи другъ на друга, что тетка Дивова забавлялась одѣвать сестру въ платья Николая Адріяновича, и сходство между ними еще болѣе поражало. При этомъ надо добавить, что было

большое сходство между нашимъ отцомъ и его сестрою Елисаветой Петровной Дивовою.

На лѣто мы возвратились въ Бѣлкино. Къ ученію меня еще не сильно принуждали, и привольная, негородская жизнь опять развертывалась тамъ со всѣми деревенскими ея прелестями: скитаніемъ по лѣсамъ гурьбою за грибами и за орѣхами, съ пѣснями и игрою въ горѣлки съ горничными дѣвушками и дѣвочками, уженіемъ карасей въ прудахъ, и пр. А уже какое было удовольствіе забраться на обмолоченные скирды, стоявшіе за ригою, и съ нихъ спускаться, какъ бы съ ледяной горки! Вотъ та жизнь, о которой я столь часто вздыхалъ позднѣе, въ душныхъ Тосканскихъ виллахъ, безъ зеленаго прутика вокругъ (кромѣ пепельныхъ оливковыхъ деревьевъ), безъ луговъ и безъ всякаго даже птичьяго пѣнія кромѣ воробьинаго щебетанія! Наступила осень, и не знаю по какой причинѣ рѣшено было провести всю предстоявшую зиму въ Бѣлкинѣ. Но такъ какъ большой каменный домъ не предназначался никогда для подобнаго случая, то съ начала лѣта 1815 года приступлено было къ постройкѣ большаго деревяннаго двухъ-этажнаго дома, съ двумя при немъ оранжереями въ видѣ крыльевъ. Планъ былъ начертанъ нашей матерію, а постройка производилась подъ надзоромъ крѣпостнаго нашего архитектора Григорія Некрасова. Талантливая во многомъ наша мать не гналась за симетріею въ архитектурѣ, а за удобствомъ для житья, и потому къ этому зимнему дому пристроенъ былъ съ одной стороны длинный одноэтажный корпусъ, раздѣленный стѣною, во всю его длину. Первое изъ этихъ двухъ отдѣленій составлялъ большой залъ, и въ немъ помѣщалась Бѣлкинская библіотека нашего отца, которая, прежде и послѣ 1812 года, всегда оставалась тамъ въ лѣтнемъ каменномъ домѣ, но она не была особенно многочисленная. Этотъ залъ служилъ и кабинетомъ моему отцу; а вторая часть этого же корпуса, паралельная съ первою и называвшаяся „мастерскою“, дѣлилась на три комнаты. Въ первой изъ нихъ стоялъ билліардъ, и она же была наша дѣтская, рекреаціонная; во второй комнатѣ были токарня и слесарня, а въ третьей—столярня.

Съ нами провели всю зиму Жеребцовы и наѣзжали двоюродной братъ моей матери Нарышкинъ съ женою и двумя дѣтьми: осмилѣтнею дочерью Софіею [1]) и груднымъ младенцемъ Алексѣемъ. Нарышкины жили постоянно въ своемъ имѣніи Тарускаго уѣзда, въ селѣ Знаменскомъ (Игнатовскомъ тоже), отъ Бѣлкина въ 60 верстахъ.

---

[1]) Она поступила позднѣе въ Петербургѣ въ Екатерининскій институтъ, гдѣ и скончалась въ 20-хъ годахъ. Сестра ея, впослѣдствіи моя теща, скончалась въ Игнатовскомъ въ Декабрѣ 1861 года, на 75 или 76-мъ году отъ роду.

Отецъ нашъ, лишенный всякаго моціона въ зимнее время, самъ работалъ на этихъ трехъ станкахъ, вмѣстѣ съ слесаремъ Барабановымъ и столяромъ Андріяномъ. Всѣ трое попали въ карикатурную книжку буфетчика Ивана Бѣшенцова. Домъ строился на-скоро, и въ 30-хъ годахъ слѣду отъ него не оставалось.

Изъ Боровска пріѣзжала гостить къ намъ жена городничаго Надежда Андреевна Кавецкая. Каждое изъ этихъ семействъ жило въ отдѣльномъ домѣ, и эти дома, вмѣстѣ съ двумя большими господскими, съ ихъ флигелями и службами, представляли нѣчто въ родѣ маленькой колоніи.

У Нарышкиной была пріятельница Вѣра Андреевна Гольцъ, сестра Н. А. Кавецкой. Эта Вѣра Андреевна долго была компаніонкою при княгинѣ Софіи Григорьевнѣ Волконской, которая, въ первое время своего замужества за княземъ Петромъ Михайловичемъ, такъ страстно любила его, что не хотѣла разлучаться съ нимъ даже въ военное время. Она и ея подруга Гольцъ находились постоянно при нашихъ войскахъ, останавливались для ночлега въ ближайшемъ къ бивуакамъ городѣ или селеніи, и Вѣра Андреевна разливала по вечерамъ чай, къ которому ежедневно пріѣзжалъ государь Александръ Павловичъ. Такъ какъ дѣвица Гольцъ часто переписывалась съ своимъ другомъ, Генріеттою Нарышкиной, то Государь, въ порывѣ обычной ему любезности съ женщинами, взялся отправлять ея письма черезъ своихъ курьеровъ и собственноручно доставлялъ ей отвѣты на нихъ. Заинтересованный однакоже оживленною перепискою этою (или притворяясь таковымъ), онъ сталъ приставать къ Вѣрѣ Андреевнѣ, чтобы она дала ему подробныя свѣдѣнія объ этой неизвѣстной ему корреспонденткѣ, грозя въ противномъ случаѣ распечатывать ея письма. Вѣра Андреевна была настолько наивна, что принимала царскую шутку за настоящую монету, волновалась и говорила Государю, чтобы онъ отнюдь этого не дѣлалъ.

Такъ какъ Бѣлкинская церковь во имя св. Бориса и Глѣба была съ однимъ алтаремъ и безъ печей, а намъ предстояло зимовать въ деревнѣ, то еще лѣтомъ 1815 года приступлено было, одновременно съ постройкою зимняго деревяннаго дома, къ пристройкѣ теплаго каменнаго придѣла къ церкви, а освященіе его состоялось въ самомъ началѣ этой же зимы. Мѣстныя иконы новаго придѣла были написаны Милліарини.

Домашній нашъ бытъ не измѣнился противъ столичнаго; а мы дѣти даже выиграли, потому что въ продолженіи всей зимы пользовались такимъ удовольствіемъ, какого не имѣли въ Петербургѣ, а именно катаніемъ съ горъ на салазкахъ. Оно устроено было съ высокаго берега на одномъ изъ прудовъ, рядомъ съ домомъ; мы часто

сами поливали нашу гору, чтобы она дѣлалась ровнѣе. Близъ этого мѣста было Іорданское водосвятіе 6 Января 1816, и мы всѣ въ первый разъ участвовали въ церковномъ шествіи, а хоругви и образа несли высшіе въ нашемъ домѣ оффиціанты (они же постоянно пѣвали на клиросѣ). Въ предъидущія зимы мы только этимъ зрѣлищемъ любовались, слѣдя изъ оконъ за церемоннымъ царскимъ шествіемъ на Невскую Іордань, и потому я никогда не ощущалъ еще того, чтò во мнѣ возбудила эта Бѣлкинская семейная, такъ сказать, церемонія. Заблаговременное крашеніе яицъ къ свѣтлому празднику разноцвѣтными шелками и гарусомъ доставляло намъ особенное удовольствіе; въ немъ принимали участіе и взрослые изъ нашего семейства, и обычай этотъ долго держался у насъ даже послѣ переселенія во Флоренцію, когда всѣ признаки Русской жизни стали постепенно исчезать и замѣнились иностранными (а точнѣе сказать, космополитическими) привычками. Всеобщій восторгъ произвело, какъ теперь помню, артистическое произведеніе хромаго Нѣмца г. Форлона, поднесенное нашей матери. Онъ выпустилъ желтокъ изъ большаго гусинаго яица и расписалъ его масляными красками. На темно-кофейномъ фонѣ съ золотыми орнаментами были исполнены въ кружкахъ на одномъ Воскресеніе Христово, а съ противуположной стороны Флорентинская Рафаелевская Мадонна со св. Младенцемъ, извѣстная подъ именемъ „Делла Седжіа". Захотѣлось и мнѣ подражать Форлону, и я по нѣскольку разъ принимался рисовать акварельными красками также Воскресеніе Христово. Катаніе красныхъ яицъ съ лубка продолжалось у насъ во всю Святую недѣлю, выписаны были для насъ фигурныя разныя яица, и мы провели этотъ праздникъ также весело, какъ и въ Петербургѣ; развѣ только что не доставало катанія въ каретѣ по Исакіевской площади.

Нуженъ былъ управляющій для нашей Бутурлиновки, и для этого взятъ былъ, по рекомендаціи Антона Антоновича Кавецкаго, братъ его Иванъ Антоновичъ. Онъ былъ вдовецъ и имѣлъ одну только дочь Варвару, однихъ почти со мною лѣтъ, которую мать моя взяла на воспитаніе, а позднѣе помѣстила на свой счетъ въ Петербургскій Екатерининскій институтъ. Такъ какъ Варенька Кавецкая не подходила въ подростки даже для второй моей сестры Елисаветы Дмитріевны, то она какъ разъ попала въ товарки ко мнѣ и моему компаніону Эдуарду, и мы иногда даже одѣвали ее мальчикомъ.

Было также у насъ и гулянье на 1 Мая въ нашей Марьиной рощѣ. Тотчасъ за оградою ботаническаго сада съ цвѣтниками и оранжереями начиналась длинная и довольно глубокая живописная долина окаймленная по обѣимъ сторонамъ густою и чистою березовою рощею.

Ее звали „Марьиною", или просто „la vallée". Въ длину долины были разбиты клумбы сирени и другихъ кустарниковъ, а на одномъ покатѣ или на холмѣ возвышалась большая бесѣдка съ крышею, въ родѣ домика изъ двухъ комнатъ, обитыхъ обоями, съ перистилемъ и фронтономъ, и къ ней вела широкая съ перилами лѣстница. Тутъ все общество пивало чай. По бокамъ долины, подъ вѣтвистыми и темноствольными дубами, устроены были дерновые диваны подъ крышею (des reposoirs), а въ лѣсной чащѣ, на противуположной вершинѣ описанной бесѣдки, стоялъ Эрмитажъ. Это была круглая постройка изъ березовыхъ неочищенныхъ стволовъ и корявыхъ сучьевъ съ корою, и изъ того же матеріала была вся внутренняя мебель. Долина эта тянулась на двѣ версты и оканчивалась рѣкою Протвою близъ с. Кривскаго.

Марьина роща съ ея долиною была любимымъ мѣстомъ нашей матери. Съ нея смастерилъ кое-какъ акварельный рисунокъ нашъ архитекторъ Некрасовъ, а много позднѣе, когда отецъ мой купилъ домъ во Флоренціи, то по этому эскизу Флорентинскій стѣнной живописецъ, нѣкто Гори, расписалъ клеевыми красками, подъ моимъ наблюденіемъ, одну изъ стѣнъ въ кабинетѣ моей матери.

Погода 1 Мая 1816 г. стояла лѣтняя. Деревья одѣлись, и соловьи соперничали другъ передъ другомъ съ обѣихъ высотъ долины; по молодой муравѣ водили хороводы крестьянскія дѣвушки и молодицы, а намъ сказывали, что готовится *сюрпризъ*. Поднявшись по высокой лѣстницѣ, ведущей къ вышеописанной бесѣдкѣ, мы увидали, что бесѣдка была обращена въ кондитерскую и въ кофейную (да и чуть-ли не съ вывѣскою), а за прилавкомъ стоялъ въ традиціонномъ костюмѣ кухмейстера аристократическаго дома, съ бѣлымъ на головѣ колпакомъ Дмитрій Александровичъ Жеребцовъ (мужъ Француженки Софіи Филипповны) и всѣхъ угощалъ, чѣмъ кто хотѣлъ. Тутъ было и мороженое, и лимонадъ, и чай съ печеніями, и кофе и проч., и около него суетилась импровизированная его прислуга. Заготовлены были тутъ и груды пряничныхъ коньковъ, сладкихъ рожковъ и орѣховъ для киданія деревенскимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ. Угощеніе крестьянъ, и взрослыхъ, и малыхъ, входило также въ программу Бѣлкинскаго нашего лѣтняго житья, и скажу безъ хвастовства, что память о насъ, прежнихъ тамошнихъ владѣльцахъ, сохранилась, какъ я еще недавно могъ удостовѣриться, до третьяго поколѣнія между Бѣлкинскими крестьянами. Да, вельможи былаго времени, подобные моимъ родителямъ, были люди сердобольные, щедрые и не безъ оттѣнка либерализма въ сношеніяхъ съ своими крестьянами. Лошадка-ли, коровушка-ли пала, мужичекъ и баба вертятся около господскаго крыльца, авось улучатъ случай увидѣть барина и барыню; а увидятъ ихъ и раскажутъ о своемъ

горѣ, отказа никогда не было въ пособіи для покупки нужной скотинки. Но нельзя однакоже не сознаться, что вельможное это поколѣніе было мало знакомо съ внутреннимъ бытомъ, нуждами и духомъ Русскаго мужика. Предоставляя свои имѣнія въ неограниченное распоряженіе управляющихъ, которые безотчетно наказывали крестьянъ тѣлесно, крупные помѣщики наѣзжали изрѣдка на короткое время въ свои имѣнія и представляли изъ себя какъ-бы совершенно другую національность, чѣмъ были крестьяне. Но тѣмъ не менѣе, крестьяне любили даже заочныхъ своихъ господъ - вельможъ и сваливали всѣ притѣсненія на управляющихъ, а изъ послѣднихъ иностранцы были иногда свирѣпѣе въ наказаніяхъ, чѣмъ Русскіе управляющіе, въ чемъ я имѣлъ случай удостовѣриться. Чтобы пріобрѣсти привязанность мужика, достаточно владѣть отрицательными только качествами: не оказывая ему никакихъ особенныхъ благодѣяній и ограничиваясь непритѣсненіемъ его понапрасну, услышишь о себѣ отзывъ: „Отецъ онъ родной, и курицы не обидитъ". И это я также знаю на опытѣ.

Лѣтомъ этого года старшіе наши устроили сюрпризомъ для нашей матери домашній спектакль ко дню ея именинъ 25 Іюля. И мнѣ дана была маленькая роль въ этой піесѣ, сочиненной старшей моею сестрою Маріею Дмитріевною. Театръ былъ устроенъ въ каменной ригѣ, а декораціи писалъ вышепомянутый г. Форлонъ. Дѣло не обошлось безъ хлопотъ, бѣготни и шушуканій. Сама виновница готовящагося сюрприза не могла не догадаться, что въ маленькомъ нашемъ мірѣ совершалось что-то необычайное, и тѣмъ болѣе, что она должна была проходить мимо этой самой риги къ вечернему чаю на померанцовой выставкѣ отцовскаго сада. Услужливые лазутчики доносили намъ, что мать моя, проходя мимо риги, отворачивала голову или приставляла ладонь къ лицу, чтобы не видать что̀ дѣлалось около риги и въ самой ригѣ, ворота которой были всегда открыты настежъ. Главнымъ актеромъ въ піесѣ былъ мой гувернеръ Французъ г. Эгенъ.

Рысканье по лѣсамъ за грибами, ягодами и орѣхами продолжалось вплоть до осени и ежедневно, если не препятствовала погода. Послѣ обѣда *большихъ*, все общество (кромѣ отца, проводившаго почти весь день до ночи въ садоводствѣ) и мы дѣти усаживались въ огромнаго размѣра открытую линейку, купленную когда-то изъ брака придворныхъ экипажей Екатерининской, а можетъ быть, даже и Елизаветинской эпохи, и была о ней легенда, что въ ней катались когда-то придворные чины женскаго пола на Петергофскихъ иллюминаціяхъ. Не смотря однакоже на эти археологическія данныя, линейка держала себя въ весьма добромъ еще состояніи; но какова она была на ходу, о томъ знала кряхтѣвшая четверня лошадей. Рощей было много въ Бѣл-

кинѣ, но самая живописная по мѣстности, послѣ Марьиной рощи, была Миловская; тамъ въ устроенный бассейнъ билъ ключъ въ видѣ фонтана, который извилисто бѣжалъ ручейкомъ подъ тѣнью ольхъ до его впаденія въ р. Протву. Въ Миловѣ иногда пивали чай, а не то переѣзжали для этого въ сосѣднее сельцо Самсоново, прикупленное матерью нашею къ своему Бѣлкину отъ Малоярославецкаго помѣщика Ланскаго *). Въ Самсоновѣ стоялъ необитаемый деревянный домикъ о четырехъ или пяти комнатахъ, жилище прежняго владѣльца. Внутреннія стѣны были неоштукатурены и ничѣмъ не обиты; кое-какая скудная мебель, въ главной комнатѣ на стѣнѣ, какъ украшеніе, грубо гравюрованныя святцы въ черной рамкѣ безъ стекла, и весь домъ отзывался затхлостію отъ запертыхъ дверей и оконъ. Отправляясь на поиски грибовъ, всякій изъ насъ имѣлъ висящую на рукѣ корзинку, а передъ отъѣздомъ изъ дому, дамы наши справлялись другъ у дружки, не забыла-ли кто изъ нихъ своего *ридикюля*.

Родители наши не поддерживали знакомства съ сосѣдями. Исключеніе изъ этого составляли Екатерина Григорьевна Болтина (урожденная княжна Вяземская, сестра графини Маріи Григорьевны Разумовской) и семейство Ефимовичевыхъ, жившее постоянно въ своемъ имѣніи с. Спасскомъ на р. Протвѣ, въ 6 верстахъ отъ Бѣлкина; да и съ ними мои родители не видались болѣе двухъ-трехъ разъ во все лѣто. Всѣ члены семейства Ефимовичевыхъ, во главѣ которыхъ была бабушка третьяго поколѣнія, Прасковья Семеновна, были лилипуты, и дѣдушка мой графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ прозвалъ ихъ перепелками. О нихъ ходилъ анекдотъ, что на одномъ гуляньѣ въ Москвѣ, хотя все семейство забилось въ карету, публика удивлялась, за чѣмъ это разъѣзжаетъ пустой экипажъ Ефимовичевыхъ. Позднѣе, одна изъ дочерей Прасковьи Семеновны, Софья Ивановна, вышла замужъ за генерала Александра Ивановича Мамонова, а другая за Рунича.

Капитанъ исправникомъ Малоярославецкаго (или Боровскаго) уѣзда былъ въ то время Янко-Доровскій, и хотя онъ рѣдко показывался у насъ, но когда мы жили въ Петербургѣ, то родители наши посылали въ праздничное время за его двумя сыновьями, находившимися въ Инженерномъ училищѣ.

Хочется мнѣ добавить два-три слова объ отношеніяхъ, существовавшихъ между всѣми нами и нашею прислугою. Не слыхалъ я никогда, чтобы мой отецъ обозвалъ кого либо дуракомъ. Вспылитъ, бывало, но черезъ двѣ минуты все проходило, и тутъ же онъ подзоветъ для какого

*) Это отецъ извѣстнаго впослѣдствіи агронома. Говорятъ, что отъ 40 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей г. Ланской получалъ до 12 тыс. рубл. сер. въ годъ.

нибудь приказанія провинившагося человѣка.—„Ей ты, голубчикъ, поди-ка сюда"; всѣмъ имъ онъ говорилъ голубчикъ. Боже избави, чтобы мы дѣти осмѣлились сказать бранное слово кому нибудь, а если кто изъ насъ поднялъ бы руку въ запальчивости, то велѣно было этимъ же и намъ отплатить. Сопровождавшіе моего брата въ походѣ за границу въ 1813 и 1814 гг. берейторъ Илья Степановъ и другой изъ крѣпостныхъ нашихъ людей, Климъ, не подумали воспользоваться возможностью остаться во Франціи. Тоже самое было съ одною молодою дѣвушкою Меланіею (сестрою берейтора Ильи), которая, будучи отдана въ ученіе въ Парижѣ въ модный магазинъ еще до 1812 года, возвратилась оттуда къ своимъ господамъ въ 1815 году, хотя уже съ названіемъ мамзель Меланй.

Въ началѣ этого лѣта (1816 года), пріѣхала къ намъ изъ Петербурга тетка моя графиня Марія Артемьева Воронцова съ своею восмилѣтнею воспитанницею, Анною Антоновною Станкеръ. Дѣвочка эта была дочь троюродной сестры нашей матери Анны Юрьевны Пушкиной. вышедшей замужъ по любви за Поляка Антона Станиславича Станкера, человѣка ничего не имѣвшаго кромѣ красивой наружности. Анна Юрьевна умерла въ малолѣтство своей дочери и трехъ сыновей *). Сыновья остались на попеченіи моей матери, которая помѣстила ихъ сначала въ частный пансіонъ въ Петербургѣ; двое старшіе изъ нихъ, Дмитрій и Александръ, поступили, въ 1817 или 1818 году, во вновь открытый въ Одессѣ Ришельевскій лицей, а меньшой, Николай, менѣе способный своихъ братьевъ, былъ отданъ въ Кадетскій корпусъ. Дмитрій Александровичъ Станкеръ проложилъ было себѣ хорошую карьеру. но она неожиданно сразу оборвалась. Второй его братъ, Александръ былъ способнѣе всѣхъ троихъ и недурной поэтъ, и также хорошо было пошелъ, женившись на племянницѣ статсъ-секретаря Вилламова, но умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Третьяго, Николая, я видалъ армейскимъ пѣхотнымъ офицеромъ въ Турецкую войну 1828 года. Отецъ ихъ вторично женился въ 20-хъ годахъ на княжнѣ Козловской, отъ которой имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей.

При Анночкѣ Станкеръ находилась въ Бѣлкинѣ гувернанткою Швейцарка дѣвица Каролина Ланцъ, весьма достойная и пріятная особа. Чтобы доставить маленькой нашей Петербургской гостьѣ удовольствіе собирать грибы (а гдѣ и какъ они росли, она о томъ не имѣла понятія). намъ дѣтямъ внушалось, чтобы мы, наткнувшись на подберезникъ

*) Анны Юрьевны я не засталъ. но въ 40-хъ годахъ я знавалъ роднаго ея брата, Александра Юрьевича Пушкина. помѣщика Костромской губерніи. совѣстнаго судью въ Костромѣ.

или бѣлый, булочный грибъ, не срывали нашей находки, а подозвали бы для этого маленькую Станкеръ. Куда неохотно подчинялись мы подобнымъ наставленіямъ!

Тетка наша привезла въ Бѣлкино новость о высылкѣ Іезуитовъ изъ Петербурга: мѣра поразившая столичныхъ нашихъ прозелитокъ и полу-прозелитокъ, къ числу которыхъ сама она принадлежала. Разъ я ѣхалъ съ матерью и теткою въ каретѣ, изъ Бѣлкина въ Москву (осенью 1816 года); разговоръ между ними завязался объ изгнаніи Іезуитовъ, и на мой вопросъ, зачѣмъ ихъ выгнали, тетка моя, не давъ времени моей матери отвѣчать, сказала мнѣ, что я слишкомъ молодъ, чтобы понять это. А я сожалѣлъ, быть можетъ, о добромъ патерѣ Журданѣ, баловавшемъ меня шоколадными лепешками. Я отношу первоначальную склонность моей тетки къ католичеству къ первымъ еще годамъ столѣтія, когда она сблизилась съ принцесою Тарантъ, бывшею прежде при особѣ несчастной Маріи-Антоанетты и въ Россіи взятою къ нашему двору. Сочувствіе нашего двора къ Бурбонскимъ страдальцамъ высказалось также назначеніемъ въ придворные парикмахеры нѣкоего Леонарда, бывшаго куафёра королевы Маріи Антоанетты. Портретъ принц. Тарантъ со стриженными подъ гребешокъ волосами и съ оплывшимъ отъ жира лицемъ, всегда висѣвшій въ кабинетѣ тетки моей, казался мнѣ пугаломъ. Кажется, что Римская церковь причислила ее къ лику блаженныхъ; я слыхалъ, что когда говорили о ней, то ее называли „la bienheureuse princesse de Tarente“. Изъ разсказовъ тетки видно, что эта Француженка считалась авторитетомъ въ извѣстномъ Петербургскомъ женскомъ кругу и помогла, быть можетъ, отступничеству не одной моей тетки, а въ числѣ видныхъ дамъ и Софьи Петровны Свѣчиной и графини Ростопчиной. По смерти уже этой эмигрантки, послѣдовали, какъ полагаю, совращенія княгини Гагариной, молодыхъ (еще не замужнихъ) графинь Прасковьи и Елисаветы Николаевенъ Головиныхъ, двухъ дочерей графа Ростопчина, графини Шуваловой (урожденной княжны Щербатовой и пр.). Строго судить этихъ женщинъ, право, нельзя. Къ доказательствамъ ихъ невѣдѣнія своего отечества приведу разговоръ, слышанный мною въ моемъ юношествѣ. Бесѣда шла между двумя дамами, перешедшими въ католичество, и одна изъ нихъ сообщала другой, что тогдашній папа Пій VII говорилъ, что ничего не могло бы быть легче, какъ возсоединеніе Русской и Римской церквей, буде только пожелаетъ его императ. Александръ Павловичъ, чему обѣ дамы вполнѣ вѣрили. Само самою разумѣется, что для достиженія этой цѣли, Римскій первосвященникъ былъ готовъ оставить нетронутою всю обрядовую часть нашей церкви, дозволилъ бы, пожалуй, и нашъ догматъ о происхожденіи Св. Духа отъ одного Отца, причащеніе мі-

рянъ подъ обѣими видами и допущеніе младенцевъ къ св. причастію, лишь бы онъ былъ признанъ главою церкви. А вотъ другой примѣръ, какъ знали исторію Русской церкви. Одна дама высказала однажды при мнѣ странную мысль, что „при отдѣленіи Восточной церкви отъ Римской, Кіевъ изъ всѣхъ Россійскихъ городовъ оставался послѣднимъ въ его вѣрности „Римскому сѣдалищу". Она же вѣровала, что, при крещеніи Россіи, Константинопольская церковь было еще подчинена Римской, и что потому, вновь возникшая Россійская церковь зависѣла, „хотя косвенно", отъ Рима. Правда, что Латыняне считаютъ окончательное раздѣленіе обѣихъ церквей не при Фотіи, а при Михаилѣ Келуларіи, т. е. въ XI вѣкѣ; но тѣмъ не менѣе, развѣ мыслимо допустить, что цѣлый народъ можетъ зависить отъ невѣдомой ему власти, какою бы она ни была? Касательно же совращенія тетки моей, то она сама разсказывала, что главною причиною тому было, что *она недостаточно знала Русскій языкъ, чтобы объясняться на немъ съ Русскимъ своимъ духовникомъ*. Положимъ, что остроумная тетка моя никогда не лазила въ карманъ за словечкомъ и охотно отдѣлывалась подъ часъ шуточками отъ серьознаго вопроса, но все-таки я готовъ допустить, что въ этихъ ея словахъ большая доля правды.

Въ большинствѣ семействъ высшаго общества обѣихъ столицъ наставниками дѣтей были Французскіе аббаты. Одна современница разсказывала мнѣ, что почти не принято было въ обществѣ звать ихъ по ихъ фамиліямъ, а только по фамиліи тѣхъ, у которыхъ они проживали; напримѣръ, „l'abbé des Divoff, l'abbé des Rasoumoffsky". Диковскій аббатъ былъ Дрежель, сдавшій свою должность аббату Барбьè, а Разумовскій аббатъ былъ Буавень (Boivin), человѣкъ весьма почтенный, котораго я знавалъ въ 1824 г. въ Одессѣ. Читаешь и не вѣришь, что само правительство поощряло созданіе разсадника для распространенія Римскаго католичества. Въ біографіи недавно умершаго графа Александра Николаевича Толстаго читаемъ, что когда онъ воспитывался въ Петербургскомъ Іезуитскомъ Коллегіумѣ, мать его, умная и дѣловая барыня, открыла въ числѣ горькихъ курьезовъ, происходившихъ въ этомъ училищѣ, что Русскій священникъ-законоучитель допускался къ преподаванію своего предмета всего одинъ разъ въ недѣлю, да и то въ Субботу вечеромъ, передъ окончаніемъ всѣхъ классныхъ занятій. Понятно, съ какимъ невниманіемъ утомленные недѣльными занятіями воспитанники, ждавшіе воскреснаго отдыха, относились къ этому уроку. Всѣ воспитанники обязаны были каждое утро присутствовать при краткой Латинской обѣднѣ (la messe basse) въ Іезуитской церкви и даже участвовать въ службѣ, какъ причетники (servir la messe), отвѣчая на возгласы священнодѣйствовавшаго, переносить служебную книгу

(le missel) съ одного края престола на другой и звонить въ указанное время ручнымъ колокольчикомъ. И всѣ эти Iезуитскія ухищренія терпѣлись высшимъ учебнымъ начальствомъ и Святѣйшимъ Сvнодомъ!!! А въ Запискахъ Державина читаемъ, что графъ Кочубей въ бытность его (въ 1802 г.) министромъ внутреннихъ дѣлъ, предложилъ дозволить Iезуитамъ вводить Римско-католическое исповѣданіе и даже преклонять къ этому, черезъ миссіонеровъ, Магометанскіе и идолопоклонническіе народы въ Астраханской, Оренбургской и Сибирскихъ губерніяхъ. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, обращался съ просьбою къ графу де-Местру, чтобы онъ потрудился составить письменную программу для воспитанія Русскаго юношества!! Не забыть мнѣ никогда этого Римскаго духовнаго воинства, благодаря которому почти все мое семейство сдѣлалось какъ бы изгнанническимъ.

Графиня Екатерина Алексѣевна Уварова (рож. графиня Разумовская), жена министра народнаго просвѣщенія, изъ себя выходила, когда она должна была исповѣдоваться у своего духовника: она сильно тревожилась мыслію, что онъ не пойметъ ея, потому что она не знала названій иныхъ грѣховъ по-русски, и сама не понимала тѣхъ названій грѣховъ, на которыхъ ей указывалъ ея духовникъ. Одинъ ея родственникъ даже увѣрялъ, что она приказывала своему лакею „чтобы положили лошадей на карету": буквальный переводъ Французской фразы „faites mettre les chevaux à la voiture". Графиня утверждала, что это былъ одинъ только на нее поклепъ, въ чемъ я готовъ вѣрить ей; но все-таки вспомнишь поневолѣ Французскую поговорку, что „l'on ne prête qu'aux riches". Не смотря на офранцуженное свое настроеніе, графиня Уварова не сбилась однакоже съ пути и до конца жизни оставалась православною.

Рядомъ съ этою женскою прозелитскою тенденціею, въ мужскомъ вельможномъ и даже невельможномъ мірѣ возникъ Германскій мистицизмъ, и даже у иныхъ духовныхъ лицъ. Одно изъ ученій мистицизма состояло въ стремленіи возвратиться къ обрядовой простотѣ первоначальной церкви (simplification du culte) и возстановить внѣшнюю церковь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она представлялась, какъ полагали, въ первые два вѣка христіанства. Направленіе это вело прямо къ протестанству, какъ подрывавшее церковный авторитетъ, и оно подвергало каноническія и соборныя постановленія оспариванію. Къ этой школѣ принадлежитъ послѣдній, какъ я думаю, ея представитель, оставшійся въ живыхъ, бывшій недавно Рязанскимъ архіеписко-

помъ. преосвященный Иринархъ. Кстати разскажу, что князь Александръ Николаевичъ Голицынъ однажды препирался съ какимъ-то архіереемъ о „своей внутренней церкви". Остроумный его оппонентъ возразилъ ему: „Да полно, церковь-ли это у васъ, князь, а не одна ли только колокольня?" Я слышалъ, что Платонъ раздѣлялъ въ нѣкоторой степени протестантское направленіе: въ его учебникѣ богословія, написанномъ имъ для великаго князя Павла Петровича, упоминается только о двухъ вмѣсто семи таинствахъ, и даже у самого Филарета (митрополита) въ его молодости выглядывали протестантскія воззрѣнія: въ первомъ изданіи его Катихизиса ничего не сказано про ученіе о церковномъ преданіи, признаваемомъ въ нашей, какъ и въ Римской, церкви. Я слышалъ отъ моей матери, что Платонъ въ своей Виѳанской домовой церкви устроилъ придѣлъ почти безъ иконостаса (на столько низка была перегородка, поставленная вмѣсто иконостаса) и что онъ совершалъ иногда у себя литургію не по чину архіерейскому, а одинъ, какъ бы простой священникъ. Въ подтвержденіе дѣйствительности послѣдняго ничего не могу сказать, но въ бытность мою въ Виѳаніи (гдѣ утверждаютъ, что все сохраняется въ томъ же видѣ, какъ было въ день кончины Платона), я дѣйствительно удостовѣрился, что въ домовой его церкви (перенесенной впрочемъ съ прежняго ея мѣста, послѣ сломки до тла прежней его церкви, безъ всякой, какъ говорятъ, необходимости) иконостаса въ строгомъ смыслѣ нѣтъ, а вмѣсто его служитъ довольно рѣдкая вызолоченная рѣшетка, вышиною въ два аршина, а за ней повѣшена во всю ширину придѣла (а не за одними царскими вратами), шелковая голубая занавѣсь. На этой рѣшеткѣ прикрѣплены двѣ только (помнится мнѣ) мѣстныя иконы, да и тѣ небольшія.

Пора однакоже возвратиться къ прерванному разсказу о Бѣлкинской жизни нашей лѣтомъ 1816 года. Тетка М. А. Воронцова осталась у насъ до конца лѣта и вмѣстѣ съ нами поѣхала осенью въ Петербургъ. Дорогой, на одномъ постояломъ дворѣ, случилось со мною приключеніе, о которомъ не стоило бы упоминать, если бы оно не служило доказательствомъ, какъ строго требовалась отъ насъ вѣжливость съ нашею прислугою. Когда я сталъ обуваться, карликъ Ѳединька, мой полу-камердинеръ и полу-компаніонъ, настаивалъ, чтобы я надѣлъ шерстяные чулки (такъ какъ была уже осень), а не бумажные, какъ я хотѣлъ. Я ему закричалъ: „что ты умничаешь", и болѣе ничего; но я произнесъ эти слова съ раздраженіемъ. Графиня Марія Артемьевна донесла моей матери, что „le petit donne des airs" (мальчикъ дозволяетъ себѣ важничать). Ну и досталось мнѣ за это! По дорогѣ въ Петербургъ я всегда ждалъ съ нетерпѣніемъ проѣзда черезъ Тверь

и Валдай, потому что въ первомъ изъ этихъ городовъ карету нашу окружали торговки съ полужидкою красною пастилою въ ящикахъ, а во второмъ съ баранками и кренделями. Промышленность эта, какъ и Пожарскія котлеты въ Торжкѣ и вкусная форель въ Яжелбицахъ, исчезла съ желѣзною дорогою.

Въ Петербургѣ мы занимали домъ Демидова на Гороховой улицѣ, черезъ одинъ или два дома отъ Каменнаго моста на Екатерининскомъ каналѣ.

Въ Мартѣ 1817 года мнѣ минуло 10 лѣтъ, но къ ученію меня тогда еще не принуждали. Русскому языку насъ училъ жившій для этого у насъ въ домѣ нѣкто г. Левицкій (не авторъ-ли онъ Русской грамматики, изданной около этого времени или немного позднѣе?), а Французскому и Географіи, г. Жиллѐ, который, послѣ кампаній 1813 и 1814 годовъ, перешелъ въ лѣсное вѣдомство и носилъ обще-армейскій мундиръ съ краснымъ воротникомъ. Въ Демидовомъ домѣ рекреаціонная наша комната была длинная галлерея съ оранжерейными сплошными рамами, а въ концѣ ея двѣ ступеньки вели въ глухую полу-ротонду съ огибавшимъ ее диваномъ, расписанную клеевыми красками въ подражаніе внутренности бесѣдки съ колоннами, а въ промежуткахъ ихъ пестрѣлись кусты яркихъ розъ, сирени и другихъ растеній, всѣ въ полномъ цвѣтеніи. Тогда еще были въ ходу аляпистыя (по большей части) изображенія по стѣнамъ густаго лѣса въ настоящемъ почти размѣрѣ и разные ландшафтные виды. У помѣщиковъ средней руки этими сюжетами расписана была обыкновенно столовая, и въ большинствѣ, конечно, случаевъ кистью своихъ доморощенныхъ живописцевъ-самоучекъ.

Дѣтскими моими товарищами были: Владимиръ Сергѣевичъ Толстой, сынъ Елены Петровны, друга моей матери; оба сына князя П. М. Волконскаго, Дмитрій и Григорій, старшіе сыновья графа (тогда еще не князя) Виктора Павловича Кочубея, Андрей (вскорѣ послѣ умершій) и Левъ; троюродный мой братъ, баронъ Павелъ д'Огеръ, сынъ генерала Жомини (онъ былъ много моложе насъ, и потому и также по его росту, мы его звали, „le petit Jomini"), князь Василій Николаевичъ Репнинъ, оба братья Станкеры (учившіеся во Французскомъ пансіонѣ Курнана), Оттонъ Брей, сынъ тогдашняго Баварскаго посланника *), двое сыновей Грека г. Калерджи, и молодые Алексѣй и Эма-

*) Въ 40-хъ годахъ онъ самъ былъ Баварскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Его жена была Неаполитанка, княжна Дентичи.

нуэль Сенъ-При. Подругою въ дѣтскихъ моихъ играхъ была также графиня Ольга Павловна Строгонова (впослѣдствіи графиня Ферзенъ), а по воскреснымъ днямъ мы нерѣдко проводили вечера у ея матери, графини Софіи Владиміровны. Великолѣпный этотъ дворецъ (у Полицейскаго моста), твореніе Растрелли, казался мнѣ, по наружной и внутренней его отдѣлкѣ, не уступавшимъ самому Эрмитажу. Подругами второй моей сестры Елисаветы были княжна Александра Петровна Волконская (впослѣдствіи Дурнова), Матильда Бетанкуръ (прелестная блондинка, дочь начальника инженерной части и путей сообщенія), три дочери графа Модена *) и Антоанетта Больвильеръ. Кто были родители послѣдней, и какое свѣтское положеніе они занимали въ Петербургѣ, не упомню.

Хотя мы дѣти не имѣли доступа въ гостиную, когда были вечерніе гости, и ложились спать по прежнему въ девять часовъ, но по природной у дѣтей наклонности разузнавать что̀ дѣлается и говорится у нашихъ „большихъ“, могу приблизительно сказать о кругѣ ихъ знакомства. Мать моя была особенно дружна съ графинею Маріею Васильевною Кочубей (урожденной Васильчиковой), съ которой она считалась въ дальнемъ родствѣ. Мать моя и ея сестры не иначе звали графиню Кочубей, какъ Машею, а воспитательницу ея, Наталью Кириловну Загряжскую (урож. графиню Разумовскую), какъ ma tante. Наталья Кириловна пользовалась полувѣковымъ значеніемъ въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ (наравнѣ съ княгинею Голицыною, „la princesse Voldemar“, иначе „la princesse Moustache“, матерью Московскаго генералъ-губернатора кн. Д. В. Голицына), и потому не мѣшаетъ сказать два слова о ней. Она, будучи еще фрейлиной, находилась на лодкѣ съ Петромъ III, когда несчастный Императоръ пытался спастись, переправляясь изъ Петергофа въ Кронштадтъ, въ 1762 году. А какъ властна была Наталья Кириловна въ своемъ кружкѣ!...

Мать моя была также на короткой ногѣ, со времени первой ея молодости, съ Екатериною Алексѣевною Уваровой (позднѣе графиней) и съ княгинею Софіею Григорьевною Волконской (о ней не иначе говорили, какъ Софи) и часто видалась съ г-жей Тамара, Итальянкою, замужемъ за Грекомъ, бывшимъ на службѣ въ Россіи. Помню, что старикъ Тамара, будучи въ обществѣ, то и дѣло что грызъ кусочекъ ревеню, постоянно находившійся у него въ карманѣ. Бывали нерѣдко

---

*) Старшая изъ нихъ, Алина, вышла замужъ за Андрея Ивановича Пашкова, вторая, Софія, за князя Шаховскаго, а третья, Адель, не помню за кого. Была еще четвертая дочь, ребенокъ въ 1817 году.

у насъ князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ (сослуживецъ моему брату графу Петру Дмитріевичу по Главному Штабу и женившійся позднѣе на княжнѣ Маріи Аркадьевнѣ Суворовой), графъ Моденъ, генералъ-адъютантъ Уваровъ, прославившійся своимъ Французскимъ говоромъ, Андрей и Александръ Ивановичи Сабуровы (родные племянники моего дяди Александра Ульяновича Тимофеева и тогда молодые офицеры въ лейбъ-гусарскомъ полку), князь Николай Григорьевичъ Репнинъ (братъ княг. С. Г. Волконской), и его жена, ур. графиня Разумовская (Репнины, впрочемъ. не постоянно тогда жили въ Петербургѣ), Левъ и Василій Алексѣевичи Перовскіе (также сослуживцы моего брата по Главному Штабу, иначе *чертежной*). Но особенно часто бывали у насъ и гостили иногда въ Бѣлкинѣ князья Өедоръ и Сергѣй Сергѣевичи Голицыны. Оба братья были даровитыми музыкантами; князь Өедоръ восхищалъ всѣхъ сладкозвучнымъ теноровымъ голосомъ, а князь Сергѣй Сергѣевичъ былъ недюженный композиторъ романсовъ, изъ которыхъ производилъ тогда фурор:

„Мой другъ, хранитель, ангелъ мой,
„О ты, съ которымъ нѣтъ сравненья" и пр.

Слова были, какъ полагаю, Нелединскаго или Ханыкова, и даже теперь, по прошествіи болѣе полувѣка, музыкальная эта композиція поражаетъ своею мелодіею. Французскій переводъ этого романса

„Je t'aime tant, je t'aime tant,
„Je ne saurais assez le dire",

былъ сдѣланъ двоюроднымъ моимъ братомъ Петромъ Адріяновичемъ Дивовымъ.

Кромѣ женъ почти всѣхъ названныхъ здѣсь лицъ, часто бывала у насъ Марія Павловна Сумарокова, рыжеволосая и зрѣлая уже тогда дѣвица. Помнится мнѣ, что она недурно пѣвала романсы, акомпанируя себя на фортепіанѣ, и жила она издавна въ домѣ вышеупомянутаго князя Өедора Сергѣевича Голицына. Въ составъ общества моей матери входили также Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ и жена его Аглая, графъ Лаваль, женатый на богачкѣ Козицкой, графъ Литта (Итальянецъ), женатый на графинѣ Скавронской (послѣдней изъ этого рода), и графъ Ксаверій де-Местръ.

Отецъ мой ограничивалъ по прежнему близкое свое знакомство. Многіе однакоже навѣщали его въ его кабинетѣ, въ числѣ ихъ нумизматъ Келлеръ и гравёръ Англичанинъ Сандерсъ, издававшій тогда Картинную Галлерею Эрмитажа и поселившійся позднѣе во Флоренціи.

Приведу образчикъ Французскаго говора курчаваго генерала Уварова. Въ наше время его плохое знаніе этого языка прошло бы мало замѣченнымъ, но тогдашнее общество ставило какъ бы въ преступленіе своему сочлену неумѣніе выражаться правильно на Расиновомъ и Вольтеровомъ языкѣ. На одномъ смотру послѣ Тильзитскаго мира, въ честь Наполеона, Французскій императоръ, пораженный видомъ и выправкою кавалергардскаго полка, спросилъ имя полковаго командира. „Je. sire“, выскочилъ съ отвѣтомъ Уваровъ. „Tu“, шутливо подхватилъ Наполеонъ. „Il“. довершилъ въ свою очередь Александръ Павловичъ. указывая на своего генералъ-адъютанта, такъ что повторились всѣ три первыя мѣстоименія грамматики. Онъ же, въ военное время, обратился однажды къ своему адъютанту или ординарцу съ приказаніемъ: „Donnez-moi ma pipe“, а такъ какъ ему подали курительную трубку. „Non, pas celle-là“. отвѣчалъ онъ. „mais ma pipe pour l'oeil“. Сказываютъ также, что, собравъ офицеровъ своего полка и удивленный ихъ молчаніемъ послѣ того какъ онъ изложилъ дѣло, о которомъ желалъ знать ихъ мнѣнія. онъ выразился будто бы: „Что такое господа? Я слышу молчаніе“. Когда, въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка. графъ Головкинъ отправлялся посломъ въ Китай, то генералъ Уваровъ спросилъ его. „Vous partez donc pour le Kitai“. А графъ Головкинъ. также хорошо говорившій по-русски, какъ Уваровъ по-французски. отвѣчалъ ему: „Да, я ѣду въ Хину“ (en Chine).

Приблизительно назвать также могу составъ дипломатическаго корпуса въ началѣ 1817 года. Посломъ короля Людовика XVIII былъ герцогъ де-Ноайль (duc de Noailles), бывавшій по вечерамъ у моей матери. Англійскимъ—лордъ Каткартъ, а секретаремъ при немъ состоялъ г. Странгвейсъ (Strangways), въ обществѣ прозванный Стренжвейсъ (Strange-ways). что̀ значитъ со странными манерами. Австрійскимъ посланникомъ былъ графъ Лебцельтернъ, женатый на дочери вышеупомянутаго графа Лаваля [1]). Его я никогда не видалъ и на врядъ ли бы зналъ объ его существованіи, если бы онъ не имѣлъ привычки безсознательно дѣлать гримасы. какъ и я самъ въ дѣтствѣ, и мнѣ все твердили, что я сдѣлался вторымъ графомъ Лебцельтерномъ. Неаполитанскимъ представителемъ былъ герцогъ де Серра-Капріола, женившійся въ Петербургѣ на княжнѣ Вяземской, дочери Екатерининскаго генералъ-прокурора [2]). Сардинскимъ былъ, съ самаго начала вѣка,

---

[1]) Этотъ графъ Лаваль не только не имѣлъ ничего общаго съ древнею фамиліею графовъ Лавалей-Монморанси, но оспаривали и его титулъ, и самую его фамилію. Въ 40-хъ годахъ онъ былъ главнымъ начальникомъ иностранной цензуры.

[2]) Дочь герцога Серра-Капріола вышла замужъ за графа Степана Θедоровича Апраксина.

графъ Іосифъ де-Местръ. Въ письмѣ къ кому-то изъ заграничныхъ своихъ корреспондентовъ онъ весьма сдержанно и безъ всякаго раздраженія говоритъ объ изгнаніи Іезуитовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что эта правительственная мѣра наноситъ вредъ господствующей въ Россіи церкви: ибо „*Іезуиты охраняли ее отъ протестантскихъ захватовъ*". Каковъ парадоксъ! Сынъ его, графъ Родольфъ, вышелъ изъ нашей службы въ 1817 году и поступилъ въ Сардинскую. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ сватался за старшую мою сестру Марію Дмитріевну (которой было уже 22 года), но почему-то этотъ бракъ не состоялся, развѣ потому, что не имѣлась еще тогда въ виду наша эмиграція изъ Россіи. Предметомъ моей дѣтской зависти были Андрей и Александръ Ивановичи Сабуровы, когда они пріѣзжали къ намъ въ полной формѣ лейбъ-гусарскаго полка *).

По отголоскамъ до насъ дѣтей доходившимъ о разговорахъ у *большихъ*, узнавалъ я, что критиковали часто все, что̀ ни дѣлалось въ Россіи: но это никакъ не мѣшало этому обществу, а преимущественнѣе дамамъ, находиться подъ обаяніемъ личности Императора. Въ глазахъ ихъ Александръ одинъ олицетворялъ всю Россію; онъ былъ идеаломъ совершенства, и всю внутреннюю неурядицу ставили въ вину однимъ его министрамъ и фаворитамъ. Гордіевъ узелъ весьма легко такимъ образомъ разсѣкался.

Изъ подъ наставничества Французскихъ эмигрантовъ и эмигрантокъ Русское юношество поступало въ родительскіе салоны съ воззрѣніями, привычками и свѣдѣніями вовсе не-русскими. А что̀ до современныхъ мнѣ, любой мальчикъ или дѣвочка умѣли разсказать, какъ менестрель Блондель освободилъ Англійскаго короля Ричарда Львиное Сердце изъ полона Германскаго императора, или о томъ, какъ несчастный малолѣтній дофинъ, сынъ Людовика XVI, посаженъ былъ въ тюрьму „du Temple" и оттуда отданъ въ ученіе злому Парижскому сапожнику по имени Симону; или какъ Англійскіе малолѣтніе принцы. Карлъ и Яковъ Стюарты, укрылись на дубѣ отъ преслѣдовавшихъ ихъ Кромвелевскихъ шаекъ; но о томъ, что былъ нѣкогда на Руси мужикъ Сусанинъ, положившій свою жизнь для спасенія родоначальника царствующаго нынѣ дома, наврядъ ли одинъ или много, два изъ пятидесяти дѣтей, слыхали тогда. Да и о героѣ Куликовской битвы были у нихъ, пожалуй, темныя лишь понятія; развѣ что читывали въ театральныхъ афишахъ, что въ такой-то день дана будетъ трагедія г. Озерова „Дмитрій Донской". Спѣшу однако оговорить, что я, будучи

---

*) Андрей Ивановичъ Сабуровъ. милліонеръ, умеръ въ 1866 году. Александръ Ивановичъ живъ.

восьми лѣтъ, читалъ съ моею матерью Французскую исторію Россіи Левека, а позднѣе 10 или 11 лѣтъ, во Флоренціи, началъ читать Карамзинскую съ Русскимъ моимъ учителемъ г. Ивановымъ. Это по части исторіи; а что̀ до всеобщей исторіи церкви, дѣтямъ извѣстно было, что въ среднихъ вѣкахъ появились въ нѣдрахъ Римской церкви два ересіарха, Лютеръ и Кальвинъ, основатели многолюдной секты; но не слыхивали они, что немного ранѣе того времени былъ Московскій и всея Руси митрополитъ Исидоръ, предатель православной церкви, въ угодность папѣ. Одна дама высшаго этого круга повторяла стихъ изъ какой-то Французскій трагедіи:

La patrie est aux lieux, où l'âme est engagée *).

Вотъ плоды Петровской реформы! Цѣлое столѣтіе прошло, прежде чѣмъ вызваны были въ жизнь Русскія воззрѣнія.

Мать моя, какъ и прочія дамы ея круга, обожала императора Александра съ увлеченіемъ и энтузіазмомъ, нынѣ непонятными. Однажды, зимою съ 1816 на 1817 г., когда я гулялъ съ нею по Фонтанкѣ, намъ повстрѣчался Государь, совершавшій то, что̀ аристократическія его поклонницы звали „la promenade de l'Empereur". Зная заранѣе его маршрутъ, онѣ старались попасть на встрѣчу ему. Государь ежедневно почти ходилъ отъ Зимняго дворца по всему Невскому проспекту и, пройдя Аничковъ мостъ, поворачивалъ на лѣво по набережной Фонтанки до Прачешнаго моста, а оттуда по Невской набережной, мимо Лѣтняго сада, возвращался во дворецъ. Въ описываемый случай, онъ остановился разговаривать съ моею матерью и, замѣтивъ, что я стоялъ съ открытой головою, собственноручно надѣлъ мнѣ на голову мою шляпу съ перомъ (à la Henri IV). Помню, какъ я этимъ гордился. Во время подобной-ли прогулки, или гдѣ нибудь на вечерѣ во дворцѣ, не знаю, но извѣстно мнѣ изъ позднѣйшихъ разсказовъ моей матери, что онъ ей сказалъ (конечно по французски): „Знаю, что мужъ вашъ меня не любитъ; но за что, не знаю". Если дѣйствительно мой отецъ недолюбливалъ Александра Павловича (чего, впрочемъ, утвердительно сказать не могу), то угадываю, что это могло быть вслѣдствіе живой симпатіи его къ особѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны, не особенно счастливой. Однажды въ семейномъ нашемъ кругу зашла рѣчь о событіи 11 Марта 1801 года, и помню, что отецъ мой воскликнулъ съ негодованіемъ: „А убійцы остались безъ наказанія!" Правдивость была отличительною чертою моего отца.

По поводу энтузіазма, возбуждаемаго и дома, и за границей

---

*) Отечество тамъ, гдѣ занята душа.

императоромъ Александромъ вспоминаю начало теперь забытой оды слѣпца поэта Делиля, которую оду и мы пѣвали:

J'ai vu la gloire de ce prince,
Sortir avec lui du berceau.

Разсказывали въ то время, что какая-то барыня, удостоившаяся царскаго поцѣлуя на пухленькой ея ручкѣ (извѣстно, что Государь былъ рыцарски любезенъ съ прекраснымъ поломъ), въ продолженіи нѣсколькихъ дней не хотѣла умывать этой счастливѣйшей длани.

По воскреснымъ днямъ и большимъ праздникамъ мать наша возила насъ къ обѣднѣ въ Зимній дворецъ, а иногда въ домовую церковь графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго въ его домѣ съ обширнымъ прекраснымъ Англійскомъ садомъ на Фонтанкѣ, между Семеновскимъ и Чернышовымъ мостами, а садъ доходилъ до Владимирской площади. Домъ графа Разумовскаго былъ деревянный, длинный, одноэтажный съ подъѣзднымъ передъ нимъ дворомъ и со службами по бокамъ. Все это вмѣстѣ имѣло видъ болѣе помѣщичьей усадьбы, нежели городскаго жилища вельможи, а въ саду былъ даже порядочный весьма прудъ. Въ домѣ была отборная картинная галлерея, изъ которой отчетливо врѣзалась въ моей памяти картина славнаго тогда Француза Жерарда, изображавшая странствующаго слѣпца Велизарія во весь ростъ, съ умирающимъ отъ укушенія змѣи мальчикомъ, съ его вожакомъ, лежавшимъ на плечѣ нищенствующаго Велизарія. Картина эта была гравирована. Графъ А. К. Разумовскій былъ отецъ четырехъ братьевъ Перовскихъ и графини Анны Алексѣевны Толстой, матери даровитаго нынѣшняго нашего поэта, графа Алексѣя Константиновича Толстаго.

Бывали мы также съ матерью раза два у обѣдни у князя Александра Николаевича Голицына, въ его домѣ, также на Фонтанкѣ, но гораздо ниже Разумовскаго дома, насупротивъ Михайловскаго замка. Помню, что вся церковь освѣщалась единственнымъ окномъ въ глубинѣ алтаря, и въ этомъ почти мракѣ слышались голоса невидимыхъ пѣвцевъ, изъ за глухой гдѣ-то стѣны. Все это носило отпечатокъ таинственности, и я теперь догадываюсь, что оно имѣло аллегорическое значеніе, соотвѣтствовавшее настроенію хозяина храмины — мистика. Этимъ хотѣлъ онъ, быть можетъ, выразить, что единственный свѣтъ происходитъ изъ свѣтила церкви, а хвала Творцу раздается голосами невидимыхъ существъ, обитающихъ въ воздушномъ пространствѣ. Въ моемъ юношествѣ я не обращалъ вниманія на это прозвище „папы", данное моимъ отцемъ князю А. Н. Голицыну, какъ оберъ-прокурору Синода и министра духовныхъ дѣлъ, но теперь понимаю болѣе глубо-

кое и грустное его значеніе, какъ примѣняющееся къ казенщинѣ церковной нашей администраціи, граничащей съ цезаро-папизмомъ. Часто упоминаемый мною графъ де-Местръ говоритъ гдѣ-то въ своихъ письмахъ, что были въ то время въ Петербургѣ люди, которые полагали, что князь А. Н. Голицынъ духовникъ Императора.

Въ дополненіе въ характеристикѣ тогдашнихъ обычаевъ высшаго общества упомянуть слѣдуетъ, что на курившаго молодаго человѣка смотрѣли почти также, какъ мы теперь смотримъ на пьяницу. Роковой, много значущій тогда приговоръ, „mauvais genre, il pue la pipe“, раздавался надъ нимъ. Мать моя сильно негодовала на роднаго племянника Дивова, офицера гвардейской пѣшей артиллеріи, за то, что онъ курилъ, да и то только у себя дома, въ кругу товарищей. А такъ какъ табачный запахъ проникалъ въ мундиръ, то курящая молодежь, предпочитая свой товарищескій кругъ, все болѣе и болѣе удалялась отъ салоннаго общества, и это-то самое удаленіе ставилось въ упрекъ. Куреніе въ обществѣ получило право гражданства не прежде какъ съ 30-хъ годовъ, да и то не повсемѣстно. А когда я гостилъ съ моимъ наставникомъ г. Слоономъ у тетки графини Чернышовой въ ея Орловскомъ имѣньи г. Тагинѣ, лѣтомъ 1825 года, то она, узнавъ, что я курю у себя въ комнатѣ и на воздухѣ, очень журила меня за то, и на мою ссылку на куреніе, какъ на облегчающее средство экспекторацій мокротъ, накоплявшихся у меня по утрамъ, тетка отвѣчала: „Такъ ты лучше уже прими рвотное“. Въ томъ же году, когда я возвратился во Флоренцію и привезъ запасъ ароматическаго Турецкаго табаку, съ трудомъ вывезеннаго изъ Россіи, то мать моя отняла у меня весь этотъ запасъ, хотя мнѣ уже шелъ тогда 19-ый годъ.

Во время этого нашего пребыванія въ Петербургѣ, часто бывала у насъ Француженка графиня Разумовская, урожденная баронесса де-Мальцанъ. Она была первая и единственная признанная въ Россіи законная жена графа Григорія Кириловича Разумовскаго, женившагося на ней въ послѣднихъ еще годахъ прошлаго столѣтія. Онъ покинулъ ее и женился (должно быть гдѣ-то за границей), въ 1805 году, на другой, имени которой не знаю*). Отъ этого, втораго, непризнаннаго въ Россіи брака, была у него дочь Елисавета, взятая на воспитаніе теткою ея, графинею Маріею Григорьевною Разумовскою (урожденною княжною Вяземскою и женою графа Льва Кириловича Разумовскаго), и ею выданная замужъ за Датчанина барона Мольтке. Отъ этого же непризнаннаго въ Россіи брака было у графа Григорія Кириловича два

---

*) За второй свой бракъ графъ Григорій Кириловичъ Разумовскій подвергся эпитиміи, указомъ Сунода.

сына, которые поселились въ Австріи, приняли тамошнее подданство и были тамъ признаны какъ графы Разумовскіе. Одинъ изъ нихъ поступилъ тамъ въ военную службу. Покинутая мужемъ Француженка графиня Генріетта Разумовская поселилась въ Парижѣ, гдѣ ее звали „la comtesse Rose musquée" *).

Въ Іюнѣ или Іюлѣ мѣсяцѣ 1817 года привезена была въ Петербургъ высоконареченная невѣста Николая Павловича, Прусская принцесса Луиза Шарлотта, на церемоніальный въѣздъ которой мы смотрѣли изъ оконъ дома Католической церкви, что̀ на Невскомъ проспектѣ. Спустя нѣсколько времени, тетка Марія Артемьевна разсказывала намъ подробности церковной церемоніи обращенія въ православіе этой принцессы Александры Θеодоровны, и говорила, что новая Русская великая княжна была восхитительно хороша, съ распущенными по плечамъ волосами, въ длинной сорочкѣ и со свѣчей въ рукѣ.

Я уже говорилъ, что со времени кончины канцлера графа Александра Романовича Воронцова, въ 1805 году, отецъ нашъ началъ страдать припадками астмы, которые усилились до такой степени, что, по совѣту медиковъ, онъ долженъ былъ рѣшиться переѣхать на жительство въ теплый климатъ, и вотъ почему, вмѣсто того, чтобы отправиться намъ на лѣто въ Бѣлкино, какъ мы всегда дѣлали, съ весны 1817 года начались приготовленія къ отъѣзду въ Италію. Трудно опредѣлить, какъ думали въ то время наши родители о срокѣ своего отсутствія изъ Россіи; предполагаю, однакоже, что въ первое время нашего переселенія во Флоренцію вопросъ не былъ еще рѣшеннымъ. Позднѣе, когда опытъ доказалъ плодотворное дѣйствіе климата на здоровье моего отца, родители перестали мало по малу думать о возвращеніи въ отечество. Одно однакоже вѣрно: если бы нашъ отецъ продолжалъ оставаться въ Россіи, то на врядъ ли бы жизнь его продлилась двѣнадцать лѣтъ, какъ случилось во Флоренціи.

Передъ самымъ нашимъ выѣздомъ изъ Петербурга, отецъ мой былъ пожалованъ въ сенаторы; но онъ только одинъ разъ надѣлъ красный мундиръ, чтобы поѣхать во дворецъ поблагодарить Государя за оказанную ему милость. Братъ мой продолжалъ служить въ *чертежной* (т. е. въ Главномъ Штабѣ). О занятіяхъ тамъ разсказывали, что для практики, или за неимѣніемъ особенно важной работы, пришло̀сь молодымъ людямъ однажды чертить планъ Сициліи. Братъ мой, отличавшійся веселымъ нравомъ и услужливостію, былъ общимъ фаворитомъ въ Петербургскомъ обществѣ и неутомимымъ танцоромъ на балахъ, гдѣ почти всегда дирижировалъ танцами.

---

*) Подобно тому, какъ звали въ Парижѣ графа Ростопчина „le comte Rose-tonchien".

Старшій изъ двоюродныхъ моихъ братьевъ Диловыхъ, Петръ Адріяновичъ, продолжалъ службу по дипломатической части; онъ былъ секретаремъ Парижскаго посольства, когда нашими представителями тамъ были князь Тюфякинъ *) и князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, и оставался секретаремъ послѣ реставраціи Людовика XVIII, но до званія посланника или министра онъ никогда не дошелъ. Около 1820 года онъ женился въ Парижѣ на женщинѣ низкаго свѣтскаго положенія и уже немолодой, за что отецъ мой вознегодовалъ на него. Дѣтей, ни прежде, ни послѣ этого брака, у Петра Адріяновича не было, и онъ вскорѣ послѣ женитьбы разъѣхался на всегда съ своею женой, передавъ ей во владѣніе купленную имъ дачу въ Шантильи (въ окрестностяхъ Парижа).

Были въ тѣ времена балы каждое Воскресеніе у доживавшаго свой вѣкъ въ Москвѣ, графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго, въ его домѣ Нескучнаго сада, чтò теперь Александринскій дворецъ. Молодой Дивовъ отправлялся каждое Воскресеніе утромъ (изъ родительскаго дома (въ концѣ Большой Дмитровкѣ, черезъ домъ отъ Страстнаго бульвара) и, захвативъ съ собою князя Ѳедора Сергѣевича Голицына (пѣвца и одного изъ первыхъ Московскихъ львовъ), оба дѣлали рядъ визитовъ, начиная съ нашего дома и прочихъ въ аристократической Нѣмецкой слободѣ съ Басманными улицами включительно; оттуда они заѣзжали къ знакомымъ въ центрѣ города, а вечеромъ мѣняли уставшихъ лошадей, для чего подстава ожидала ихъ у Никитскихъ (или Арбатскихъ) воротъ, и они направляли дальнѣйшій свой путь къ Калужской заставѣ (черезъ Крымскій бродъ), на балъ къ графу А. Г. Орлову. На этихъ балахъ, ужинъ, сервированный до 11 часовъ непремѣнно, весь состоялъ изъ домашней провизіи, ветчины, баранины, куръ, гусей и пр., приправленный домашними напитками, квасами, настойками, наливками и медами; иностранные виноградные напитки были исключены. Если при боѣ 11 часовъ ужинъ не кончался, то хозяинъ дома уходилъ на хоры къ музыкантамъ, и оттуда самъ трубилъ изъ рога сигналъ гостямъ разъѣзжаться по домамъ. чтò раболѣпно исполнялось ими.

„Вотъ какъ жили
Наши дѣды и отцы“.

Безцеремѣнность хозяина не уступала нещекотливости гостей. Попробовалъ бы кто выкинуть подобную штуку въ наше время? Это почище выходки Сергѣя Павловича Сумарокова (тогда еще не графа),

*) Остроты Парижанъ не оставляли въ покоѣ и князя Тюфякина. О немъ говорили, qu'en Russie *tout faquin* est prince (всякій шутъ—князь).

отпустившаго оркестръ прежде настоящаго конца бала, то-есть во время ужина, когда у него были нѣкоторые члены Императорской фамиліи, и къ немалому „désappointement“ великой княгини Маріи Николаевны, пожелавшей еще танцовать послѣ ужина*).

Александръ Адріяновичъ Дивовъ, поступившій въ Вашингтонѣ въ Іезуитскій коллегіумъ, занимался тамъ (на сколько я могъ понять изъ его разсказовъ, хотя онъ неохотно говорилъ о Іезуитской своей жизни) элементарнымъ преподаваніемъ Англійскаго языка.

Въ семействѣ Дивовыхъ былъ на интимной ногѣ иностранецъ амфибической національности, Левъ Андреевичъ Лебрюнъ (Lebrun), съ которымъ мы повстрѣчаемся много позднѣе. По его фамиліи онъ казался Французомъ, а мать его была Итальянка; самъ же онъ родился въ Римѣ и воспитывался въ Мюнхенскомъ кадетскомъ корпусѣ. Какихъ лѣтъ и по какому случаю попалъ онъ въ Россію и въ нашу службу, не знаю: но въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ настоящаго онъ былъ офицеромъ въ Переяславскомъ конно-егерскомъ полку и ординарцемъ при Суворовѣ въ Тульчинѣ, гдѣ находилась тогда главная квартира. Послѣ Отечественной войны онъ перешелъ въ штатскую службу чиновникомъ при князѣ Н. Г. Репнинѣ, тогда Малороссійскимъ генералъ-губернаторѣ, а впослѣдствіи онъ служилъ при Эрмитажѣ помощникомъ директора одного изъ двухъ отдѣленій Эрмитажа, г. Лабинскаго, и умеръ въ 1853 или 1854 году.

Такъ какъ разсказъ мой приближается ко времени разставанія нашего съ отечествомъ и со всею нашею роднею, то не будетъ неумѣстнымъ перечислить здѣсь съ кѣмъ мы находились въ родствѣ болѣе отдаленномъ, чѣмъ то, о которомъ я говорилъ въ 1-й главѣ. Начну съ семейства Полянскихъ. Графиня Елисавета Романовна Воронцова, извѣстная любимица Петра III и сестра графовъ Семена и Александра Романовичей, княгини Е. Р. Даниловой и моей бабки графини Маріи Романовны Бутурлиной, была замужемъ за Александромъ Александровичемъ Полянскимъ. У нихъ были сынъ Александръ и дочь. Первый женился на дѣвицѣ Рибопіеръ, а дочь вышла за Голандца барона д'Огеръ. У этаго А. А. Полянскаго, женатаго на Рибопіеръ, было два сына и три дочери; изъ послѣднихъ Елисавета вышла замужъ за Зыбина, Екатерина за Леонтьева, а Софія за Устинова. Баронесса д'Огеръ, будучи еще фрейлиной, участвовала въ хорѣ пѣвицъ на празднествѣ, данномъ княземъ Г. А. Потемкинымъ въ его домѣ, что̀ нынѣ Таврическій дворецъ. У нея было трое дѣтей: сынъ Павелъ и двѣ дочери,

*) Добродушная и привѣтливая со всѣми, императрица Александра Ѳедоровна (не бывшая на этомъ балѣ) приказала поблагодарить Сергѣя Павловича за это его распоряженіе, благодаря которому балъ кончился не очень поздно.

изъ которыхъ Александра Васильевна вышла замужъ за Синявина, а Елисавета Васильевна за барона Мейндорфа. Баронесса д'Огеръ имѣла привычку повторять послѣднія слова фразъ или послѣдніе слоги словъ, и о ней разсказывали, будто бы однажды, въ разговорѣ о своемъ мужѣ съ императоромъ Александромъ, она выразилась: „Le baron—ron gagne beaucoup à etre connu—nu", въ дополненіе чего злые языки присовокупляли: „et la baronne d'Hoguère—guères".

Роднею также считались намъ по нашей матери, а также и по графинѣ Е. И. Чернышовой (Квашниной-Самариной), два брата князья Черкасскіе-Бековичи, и вотъ почему. У Петра Ѳедоровича Квашнина-Самарина, кромѣ его сестры графини Прасковьи Ѳедоровны Воронцовой (моей бабки по матери), была еще другая сестра, вышедшая за Овцына. У этой г-жи Овцыной была дочь Варвара Николаевна, которая вышла замужъ за князя Дмитрія Александровича Черкасскаго-Бековича; слѣдовательно она приходилась двоюродною сестрой моей матери и графинѣ Чернышовой. Изъ двухъ сыновей этой княгини Варвары Николаевны Черкасской князь Петръ Дмитріевичъ женился на Маріи Семеновнѣ Аладьиной и былъ въ 50-хъ годахъ Симбирскимъ губернаторомъ, а другой (имени котораго не помню) былъ совершенно слабоумный и умеръ бездѣтнымъ. По семейнымъ преданіямъ знаю, что вышеупомянутому г. Овцыну дано было прозвище „дядюшка-бычекъ", по причинѣ любимой имъ темы разговора о какомъ-то особенно породистомъ его бычкѣ. И онъ также попалъ въ семейную нашу карикатурную книгу даровитаго нашего буфетчика Ивана Бѣшенцова.

Исленевы также считались троюродными моей матери съ Воронцовской стороны. Одна изъ нихъ воспитывалась у княгини Е. Р. Дашковой и вышла замужъ за Малиновскаго (того самаго, что̀ былъ директоромъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ).

Ни одна изъ моихъ сестеръ не попала во фрейлины, хотя старшей было въ 1817 году болѣе двадцати лѣтъ: обстоятельство довольно замѣчательное. Я узналъ позднѣе (отъ посторонней хотя особы, но въ правдивости которой не имѣю повода сомнѣваться), что кто-то изъ вліятельныхъ при дворѣ и родственныхъ намъ лицъ хлопоталъ о томъ, но что Александръ Павловичъ отозвался, что заслуги родителя нашего не на столько значительны, чтобы дочь его удостоилась этаго почета. А вѣдь нашъ отецъ былъ тайный совѣтникъ, камергеръ, сенаторъ и не вчерашняго графскаго рода, не говоря уже о томъ, что онъ пріобрѣлъ Европейскую извѣстность своею ученостію и библіографическими занятіями, назначенъ былъ два раза въ посланники и былъ директоромъ Эрмитажа. Впрочемъ, въ доказательство разборчивости, съ которою назначались тогда фрейлины, приведу примѣръ графини

Натальи Викторовны Кочубей (вышедшей впослѣдствіи за графа Александра Григорьевича Строгонова), получившей шифръ не ранѣе какъ въ 1818 году, между тѣмъ какъ ея отецъ былъ уже министромъ въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и послѣ того, какъ молодая графиня уже давно выѣзжала въ свѣтъ. Кстати добавлю, что шифръ былъ врученъ ей самимъ Императоромъ на утреннемъ его визитѣ у графини Маріи Васильевны Кочубей. Вотъ какъ цѣнилось тогда это придворное званіе, а въ послѣдующемъ царствованіи мало того, что внучка князя Н. М. Волконскаго, княжна Софія Дмитріевна (нынѣ княгиня Репнина) была сдѣлана фрейлиною еще въ колыбели, но тоже званіе получила (какъ я слышалъ) дочь какого-то танцмейстера, чуть-ли ни за одно хорошенькое ея личико. А быть можетъ также, что сестра моя была обойдена за неособенное расположеніе ея отца къ особѣ Императора.

Я упоминалъ о графинѣ Софіи Владимировнѣ Строгоновой, но мало говорилъ о ея дочеряхъ. Изложеніе дальнѣйшихъ о нихъ свѣдѣній, хотя и нарушаетъ хронологическій порядокъ моего разсказа, но оно необходимо для полноты моихъ Записокъ, такъ какъ я приступаю къ разсказу о переселеніи нашего семейства во Флоренцію. Наставницею меньшихъ графинь Строгоновыхъ (Елисаветы и Ольги Павловнъ) была старая Англичанка г-жа Рочфортъ, мать Осипа Осиповича, воспитаннаго вмѣстѣ съ моимъ братомъ, Александра Осиповича (впослѣдствіи бывшаго очень долго цензоромъ), Адольфа, тогда мальчика однихъ со мною лѣтъ и часто бывавшаго у насъ, и Генріетты, вышедшей за мужъ за Англичанина Леджерса. Графиня Наталья Павловна вышла замужъ за барона (впослѣдствіи графа) Сергѣя Григорьевича Строгонова. За графиню Аделаиду Павловну сватался въ 1820 или 1821 году мой братъ графъ Петръ Дмитріевичъ, но она отказала и предпочла князя Василія Сергѣевича Голицына (изъ такъ называемыхъ Голицыныхъ-Куликовъ); графиня Елисавета Павловна (по семейному прозвище Бабетинька) вышла за свѣтлѣйшаго князя Ивана Дмитріевича Салтыкова (сына слѣпца), а меньшая графиня Ольга Павловна бѣжала тайкомъ изъ дома, чтобы обвѣнчаться (въ 1829 г.) съ молодымъ офицеромъ конно-гвардейскаго полка графомъ Ферзеномъ, и вскорѣ умерла въ родахъ.

Дополню кстати біографію хорошенькой собою Генріетты Рочфортъ, проживавшей одно время въ нашемъ семействѣ. Въ нее влюбился по уши сѣдовласый бывшій наставникъ моего и ея брата, Н. Н. Жилле и такъ настойчиво началъ преслѣдовать ее своею нѣжностію, что молодая дѣвушка не знала, какъ выйти ей изъ этого положенія. Съ одной стороны противно было ей сдѣлаться женою пятидесятилѣтняго ея обожателя, а съ другой не хотѣлось огорчить отказомъ

человѣка, котораго она привыкла почитать, и она ничего лучшаго не могла придумать, какъ уѣхать въ Англію, къ своимъ родственникамъ, хотя не самымъ близкимъ, тогда какъ мать и братья ея оставались въ Россіи. Тамъ она вскорѣ вышла замужъ по любви за одного соотечественника, Леджерса, но счастія съ нимъ не нашла и, возвратившись одна въ Россію, открыла (позднѣе) въ Петербургѣ женскій пансіонъ.

Вижу, что часто перескакиваю съ одного предмета къ другому, безъ всякой между ними связи; но что же дѣлать? Всего вдругъ припомнить не могу, а то, о чемъ вспомню по мѣрѣ какъ пишу, не помѣщается уже въ надлежащее мѣсто. Такъ на примѣръ, по поводу романическаго приключенія бѣдной моей дѣтской товарки графини Ольги Павловны Строгоновой съ графомъ Ферзеномъ, приключенія, произведшаго немалый скандалъ въ высшемъ обществѣ, мнѣ хочется сказать, что семейные скандалы были въ немъ рѣдкими исключеніями. О поразительномъ примѣрѣ графини Салтыковой, рожденной княжны Куракиной, бросившей своего мужа и при его жизни вышедшей замужъ за Петра Александровича Чичерина, говаривали еще по прошествіи десяти и болѣе лѣтъ. Были тогда уваженіе къ приличіямъ и стыдливость, и нравственное это направленіе держалось, какъ я слышалъ отъ современниковъ, вліяніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, женщины строгихъ правилъ. Распущенность въ высшемъ обществѣ началась не ближе какъ въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годахъ, и со скорбію приходится замѣтить, что этотъ поворотъ совпадаетъ со временемъ, когда прежнее офранцуженное общество стало перерождаться въ Русское.

Для дальнѣйшаго моего воспитанія выписанъ былъ изъ Англіи съ весны, черезъ дядю моего отца, графа Воронцова, поселившагося въ Англіи еще съ XVIII вѣка, гувернеръ изъ католиковъ г. Слоанъ. Намѣренно или случайно выборъ палъ на человѣка Латинскаго исповѣданія, не знаю; но личность эта выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ людей, и не мѣшаетъ заранѣе познакомить съ нею читателя. Онъ и по настоящее время въ живыхъ *), пользуется во Флоренціи всеобщимъ уваженіемъ и имѣетъ весьма значительное состояніе, пріобрѣтенное неусыпною дѣятельностію, при благопріятствовавшихъ ему обстоятельствахъ. Я много обязанъ этому человѣку: онъ вкоренилъ во мнѣ тѣ основныя понятія справедливости (житейскаго, такъ сказать правосудія), чест-

---

*) Это было написано въ 1867 году. Къ несчастію, Слоанъ почти скоропостижно скончался въ Октябрѣ 1871 года, оставивъ духовное завѣщаніе, по которому наслѣдникъ его обязывается продолжать платить мнѣ пенсіонъ въ 6000 франковъ (около 1720 р. сер.) до конца моей жизни. Онъ былъ однихъ лѣтъ съ моимъ братомъ, т.-е. родился въ 1794 году (Позднѣйшее примѣчаніе).

ности, уваженія къ самому себѣ, составляющія отличительную черту людей его націи, а нынѣ, въ общей нашей старости (говорю общей, хотя я на тринадцать лѣтъ моложе его), когда игрою судьбы я обѣднѣлъ, а онъ разбогатѣлъ, онъ подалъ мнѣ руку помощи самымъ деликатнымъ образомъ. Изъ боязни оскорбить мое самолюбіе, онъ черезъ двоюродную мою сестру и моего друга, Надежду Александровну Гавришенко, просилъ позволенія обезпечить меня значительнымъ ежегоднымъ денежнымъ пособіемъ, на томъ-де основаніи, что родители мои первоначальною дали ему возможность пуститься въ предпріятія, увѣнчанныя столь блистательнымъ успѣхомъ. Я съ надлежащею благодарностію принялъ предложеніе (это было осенью 1862 года), считая гордость неумѣстною въ моихъ обстоятельствахъ.

Въ продолженіе моего воспитанія, г. Слоанъ постоянно силился доказать мнѣ, что взгляды и причины нашихъ дѣйствій должны всегда истекать изъ логическихъ началъ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ его ученія. Въ виллѣ Арена близъ Ливорно, гдѣ мы провели часть лѣта 1819 года, съ семействомъ Мальцовыхъ, рабатки дорожекъ въ цвѣтникѣ были усажены кустами ароматической лаванды, одну вѣтку которой я сорвалъ, какъ вещь вполнѣ незначущую. Наставникъ мой остановилъ меня, напоминая, что вещь эта была чужая; а на мое возраженіе, что порчи са̀ду отъ срыванія одной вѣтки не могло быть, что по множеству подобныхъ кустовъ похищеніе мое равнялось почти уменьшенію капли воды въ морѣ, онъ отвѣчалъ: „Все такъ, но дѣло тутъ въ основномъ началѣ. Вообразите себѣ, что здѣсь прошелъ бы отрядъ солдатъ и что каждый изъ нихъ, разсуждая какъ вы, сталъ бы обрывать лаванду; много ли бы осталось отъ нея въ саду?“ Не знаю, найдетъ ли кто этотъ выводъ преувеличеннымъ; но по мнѣ логика эта вполнѣ вѣрна. Была также у него поговорка, что не всѣмъ намъ дано совершать необыкновенныя дѣла и что мы должны исполнять обыкновенныя наши обязанности необыкновенно исправно *). Великій наблюдатель и мудрецъ бывалъ онъ въ наукѣ общежительности. Одна изъ свѣтскихъ его аксіомъ была, что если мы желаемъ, чтобы общество оставалось довольно нами, надо намъ вести себя такъ, чтобы наши собесѣдники оставались бы довольными самими собою. Немудренно, что съ такимъ кодексомъ онъ имѣлъ большіе успѣхи въ высшемъ обществѣ. А что воспитаніе мое было направлено немного односторонне, схоластично,

*) We are not called to do extraordinary things, but we are bound to do ordinary things extraordinary well.

по примѣру воспитанія сыновъ Британскихъ лордовъ, готовившихся къ парламенту, винить наставника моего не слѣдуетъ. Какъ его самаго воспитывали въ его коллегіумѣ, такъ направлялъ онъ и меня. Правда, что при моемъ вступленіи въ общество я былъ космополитомъ съ тщательнымъ свѣтскимъ образованіемъ, а не Русскимъ человѣкомъ, но это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ семейной нашей обстановки, да еще на чужбинѣ. Оттѣнки ничего не значатъ въ сравненіи съ основными правилами, и я до гроба буду благословлять память этого человѣка за многое и многое, и особенно за то, что онъ, самъ будучи истиннымъ-католикомъ (хотя и не фанатикомъ), не внушалъ воспріимчивой моей душѣ никакихъ прозелитическихъ тенденцій и даже не употреблялъ *никогда* слова схизматикъ, говоря о нашемъ вѣроисповѣданіи; а потрясти мои религіозныя понятія ему предстояла всегда возможность. Конечно, тутъ на стражѣ стояла хорошо извѣстная ему непоколебимость моего отца въ преданности къ нашей церкви; но посмотрѣлъ-ли бы на это Французскій аббатъ изъ наставниковъ въ Россіи въ началѣ столѣтія? Личность этого человѣка обрисуется сама по себѣ въ дальнѣйшей моей хроникѣ, а пока довольствуюсь настоящимъ о немъ очеркомъ.

Доведя мой разсказъ до послѣднихъ дней семейной жизни въ отечествѣ, я какъ-то, съ намѣреніемъ или безсознательно, замѣшкиваюсь и прицѣпляюсь къ лишнимъ, быть можетъ, и маловажнымъ подробностямъ; а все это происходитъ отъ того, что, приступая къ періоду заграничной семейной нашей жизни, я какъ будто бы вторично покидаю любимый родной край, на неопредѣленное время.

По случаю выѣзда изъ Россіи отецъ нашъ упросилъ своего знакомаго, статсъ-секретаря Ѳедора Александровича Голубцова, взять на себя завѣдываніе всѣми нашими имѣніями и дѣлами, на что онъ согласился, хотя особенно короткихъ отношеній между ними не было. Главная контора всѣхъ имѣній учредилась въ Петербургѣ, куда всѣ управляющіе должны были относиться. Костромскимъ имѣніемъ очень долго до того завѣдывалъ Кинишемскій купецъ-старообрядецъ съ окладистою бородой и представительной наружности, Мокей Леонтьевичъ. Отецъ мой очень любилъ его, и когда Мокей Леонтьевичъ бывалъ въ Бѣлкинѣ, то отецъ мой сажалъ его рядомъ съ собою въ кабинетѣ и бесѣдовалъ съ нимъ по нѣскольку часовъ. Въ то самое время когда Ѳ. А. Голубцовъ принялъ на себя завѣдываніе нашихъ имѣній, Мокей Леонтьевичъ просился объ увольненіи его, на старости лѣтъ, отъ управленія

Костромскимъ имѣніемъ. Соглашаясь на его просьбу, отецъ нашъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ старика поселиться на всю остальную свою жизнь въ Порзнѣ, столь долго имъ управляемой съ пользою владѣльцу и съ благомъ для крестьянъ. Въ своемъ о томъ письмѣ отецъ мой говорилъ между прочимъ: То что́ будетъ для меня Италія (т.-е. мѣсто беззаботнаго отдохновенія) будетъ, надѣюсь, для тебя моя Порзня". Управляющимъ туда былъ назначенъ даровитый буфетчикъ, рисовальщикъ и поэтъ, Иванъ Петровъ Бѣшенцовъ. Въ Бутурлиновку поступилъ съ предъидущаго еще (1816) года Кавецкій. Домашній нашъ учитель рисованія, г. Милліарини, не послѣдовалъ тогда за нами въ Италію, а оставался въ Петербургѣ до 1819 года, уже женатымъ съ 1815 или 1816 года, на дочери какого-то Русскаго (кажется) фабриканта. Между 1816 и 1817 г. онъ написалъ картину по данной ему программѣ Академіею Художествъ на степень академика, смерть Моисея, и эскизъ отъ нея остался въ Бѣлкинѣ, гдѣ я его видалъ много позднѣе у г.г. Обнинскихъ. Настоящей картины я не видалъ и не знаю, хранится ли она въ Академіи, но, судя по эскизу, картина эта не должна быть лишена нѣкотораго достоинства.

Дѣтскій мой компаніонъ Эдуардъ былъ отправленъ обратно въ Москву къ своему отцу, которому мать моя назначила ежегодное денежное пособіе за давнопрошедшее его нахожденіе дядькою при моемъ братѣ, во время его малолѣтства.

ПИСЬМА Н. Ф. ПАВЛОВА КЪ А. А. КРАЕВСКОМУ [1]).

I.

1837 Іюня 19-го. Москва.

Я давно сбирался къ вамъ писать, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, но по лѣни, свойственной Московскому жителю, все откладывалъ до удобнаго случая. Теперь накопилось много, о чемъ нужно мнѣ отнестись къ вамъ, и меня до того расшевелили здѣсь, что я радъ поговорить о себѣ. Знаю, что вы чрезвычайно заняты, что вамъ некогда слушать и что бездѣльная просьба должна быть вамъ тяжела: но пожалуйста не откажите. Сдѣлайте милость, если Тургеневъ (А. И.) еще въ Петербургѣ, то дайте ему знать, что статья о письмахъ Карамзина, которыя купилъ Плюшаръ и которую я написалъ, не пропущена, почему, знаетъ Богъ, но только не пропущена. Журнальное объявленіе, статейка на нѣсколькихъ страницахъ оказалась виновною только развѣ въ томъ, что не совсѣмъ пошла; но, искренно говорю, мнѣ въ умъ не приходило, что можно даже сдѣлать ее богопротивной. Первый, кому она не понравилась, это былъ г. Б . . . . нъ [2]), извѣстный въ обществѣ Московскихъ старухъ тѣмъ, что въ немъ цѣлый годъ сидѣлъ чортъ, почему его отчитывали, а за это онъ теперь отпѣваетъ насъ. Впрочемъ я, какъ христіянинъ, прощаю его: онъ, вѣроятно, еще не выздоровѣлъ. Погодинъ въ объявленіи о журнальныхъ новостяхъ пишетъ между прочимъ: *Павловъ издаетъ еще три повѣсти;* г. Б . . . . нъ зачеркиваетъ красными чернилами эту фразу, вредную для общественнаго спокойствія. Погодинъ говоритъ: *Кирѣевскій приготовляетъ къ из-*

---

1) Москвичъ, въ то время сдѣлавшійся извѣстнымъ своими повѣстями, Николай Филипповичъ Павловъ (род. въ 1800 г., ум. 29 Марта 1864 г.), пишетъ начинавшему тогда свою дѣятельность издателю „Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду“ молодому А. А. Краевскому, который получилъ образованіе тоже въ Москвѣ, гдѣ его мать Фонъ-деръ-Паленъ держала пансіонъ. П. Б.

2) Б . . . . нъ былъ стороннимъ цензоромъ въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ.

данію собранныя имъ Русскія пѣсни; г. Б....нъ опять начинаетъ путешествіе по бумагѣ красными чернилами. Ему твердятъ, да это не тотъ Кирѣевскій; г. Б....ну все равно: онъ требуетъ, чтобъ приложили свидѣтельство о рожденіи и крещеніи; нѣтъ, онъ не требуетъ ничего, а просто вычеркиваетъ. Завтра на него принесутъ жалобу; не знаю, пропустятъ ли наши имена. Я съ своей стороны приму мѣры, чтобъ узнать, до какой степени подозрителенъ я г. Б....ну съ братіей и до какой степени законны ихъ поступки со мной. Не позволить напечатать подъ половиной повѣсти: *продолженіе впредь*, не позволить упомянуть имени, да этому я не повѣрилъ бы, если-бъ не видѣлъ самъ; да это такая ужъ безсмыслица, которую мы люди своими обыкновенными средствами объяснить не умѣемъ: должны по неволѣ признать бѣсовское навожденіе. Впрочемъ, можно и перестать писать. Изъ чего отдавать себя на поруганіе какому-нибудь Б....ну, который однимъ почеркомъ пера сравниваетъ васъ, гражданина, право, мирнаго, съ государственнымъ преступникомъ, чье имя не должно смѣть показываться въ люди? Тамъ, гдѣ я вижу дѣйствія разума, гдѣ есть логика, тамъ я смиренно преклоняю голову передъ цензоромъ, тамъ я радъ душевно, что есть цензура: безъ нея, страшно вздумать, какой бы мы вздоръ понесли! Кто ѣздалъ по Россіи и читалъ на станціяхъ по стѣнамъ стихи и прозу, на которые нѣтъ цензуры, тотъ пойметъ, что любовь къ отечеству заставляетъ меня видѣть въ цензорѣ второе провидѣніе, которое бережетъ насъ отъ стыда передъ чужими. Если бъ я могъ понять г. Б....на, я бы вѣрно сталъ обожать и его; если бъ я только зналъ, что мнѣ можно подписать свое имя подъ статьей, я позволилъ бы ему зачеркнуть всю статью. Но я у него теперь въ такой опалѣ, въ какой находятся только люди, приговоренные къ смертной казни. Слава Богу, что я не имѣю надобности писать изъ хлѣба: вѣдь онъ рѣшительно уморилъ бы меня съ голоду. Ему все мерещутся черти. Право, счастливы вы въ Петербургѣ! Что̀ можетъ быть невиннѣй нашей Московской жизни, патріархальнѣй нашихъ нравовъ; а подите, увѣрьте г. Б....на, что мы не Асмодеи, не Мефистофели, что, право, не совратится съ пути истины ни одна христіянская душа, если бъ онъ пропустилъ все, что̀ мы думаемъ и чувствуемъ. Жаль, а дѣлать нечего, и придется по милости г. Б....на бросить проклятое ремесло писателя и потянуться за другими, т. е. пахать землю, фабришничать и читать, только бъ вырваться изъ этого омута,

где съ вами я
Купаюсь, милые друзья.

Я думаю это отреченіе докажетъ, наконецъ, что у меня нѣтъ, не было и не будетъ намѣренія разбойничать и душегубствовать перомъ. Если бъ

г. Б....нъ не находился въ болѣзненномъ состояніи, то ему бы можно было растолковать, что и мода на это прошла, что этимъ и эффекта не произведешь, что люди опомнились; но скорѣй можно попасть въ министры, чѣмъ доказать, что дважды два четыре тому, кто усомнился хоть разъ.

Простите, полно съ Б...ин(ым)ъ. Теперь о другомъ. Есть какой-то А. А. Павловъ, моя другая бѣда, мое второе несчастіе. Недавно въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ" [1]) разбирались его повѣсти, но обо мнѣ ни слова: не упомянули даже, что онъ не я. Положимъ, что кто прочелъ насъ обоихъ, тотъ не смѣшаетъ; но злодѣй наполняетъ Московскія газеты объявленіями о своихъ повѣстяхъ и романахъ: это спекуляція Логинова [2]). Въ нѣкоторыя губерніи требовались очень мои повѣсти; такъ, можетъ быть, расчитываютъ на имя. Нельзя ли однажды навсегда оградить меня? Не прошу себѣ хвалы, а ему брани; прошу только различать насъ: я подписываюсь Н. Пав., онъ А. или А. А. или А. П-въ.

Наконецъ, позвольте на третьемъ листѣ поговорить съ вами о третьемъ.

Вы, вѣроятно, знаете уже, что я женатъ. Жена моя [3]) также занимается литературой, но пишетъ на иностран(ныхъ) языкахъ. Въ 1833 году изданы въ Лейпцигѣ ея переводы въ стихахъ на Нѣмецкой съ Русскаго многихъ изъ нашихъ поэтовъ, т. е. мелкихъ стихотвореній и отрывковъ изъ поэмъ. Теперь она перевела на Французской въ стихахъ Іоанну д'Аркъ Шиллера; изъ этого перевода нѣсколько сценъ было напечатано въ Revue Germanique, въ декабрьской книжкѣ 1835 года. Еще есть у нея переводы на Французской мелкихъ стихотвореній съ Англійскаго, Нѣмецкаго, Польскаго, Русскаго. Мнѣ хочется, до изданія этихъ переводовъ особо, напечатать кое-что въ Revue Étrangère [4]). Нельзя ли уладить это? Кажется, что издатели должны быть довольны. Если Revue Germanique принялъ сцены, посланныя по почтѣ, безъ всякой протекціи, то это есть ужъ достаточное ручательство. Впрочемъ, сколько мы всѣ можемъ здѣсь судить, эти переводы истинно хо-

---

[1]) Въ № 21 („Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду") былъ помѣщенъ разборъ сочиненія А. Павлова: „Вечеръ у моего сосѣда", а въ № 22-мъ разборъ повѣсти „Русскій Богатырь", подписанный буквами А. А. П.

[2]) Логиновъ—Московскій книгопродавецъ.

[3]) Вторая жена Н. Ф. Павлова, Каролина Карловна, рожденная Янишъ: она извѣстна, какъ даровитая переводчица. Въ 1863 г. вышли въ Москвѣ отдѣльною книжкою ея стихотворенія

[4]) Этотъ журналъ издавался въ Петербургѣ. П. Б.

роши: это говоритъ мужъ, который держится системы, что женъ не должно баловать. Точность переводовъ изумительна. Если издатели Revue Étrangère согласятся, то не худо бы сдѣлать приличную выноску. Извините меня, мой добрый Андрей Александровичъ, что обременяю васъ и длиннымъ письмомъ, и скучными просьбами; но Андросовъ [1]) увѣрилъ меня, что вы примете ихъ благосклонно. Будьте здоровы и веселы.

Преданный вамъ Н. Павловъ.

P. S. Статья, скажите Тургеневу, оставлена въ Комитетѣ, слѣдовательно похоронена совершенно. Не умѣю разрѣшить задачи, кто оказался болѣе непріятенъ: она, онъ или я. Чѣмъ выше поднималась, тѣмъ больше не нравилась. Поклонитесь Одоевскому и Невѣрову [2]).

2.

Октября 26 дня 1838. Москва.

Отъ души радъ, что вы дѣйствуете, подвизаетесь и не унываете за дѣло правды. Я былъ все нездоровъ. Межевичу [3]) отвѣчалъ, что вручаю вамъ мое имя въ полное распоряженіе и буду участвовать [4]). Здѣсь сколько я ни говорилъ, что надо писать, надо подавать голосъ; но повѣрьте, что здѣсь въ воздухѣ такая лѣнь, такая апатія! Притомъ же есть причины, которыя заключаются и не въ насъ. Впрочемъ я еще кое-что дѣлалъ, а теперь сбираюсь дѣлать больше. У меня готовы еще три повѣсти, между ними Маскарадъ. Мнѣ хочется издать ихъ особой книжкой. Недѣли черезъ три или черезъ мѣсяцъ я явлюсь въ Петербургъ, если совершенно непредвидѣнныя обстоятельства не удержатъ меня. Въ головѣ много статей; начата большая повѣсть. Въ вашей программѣ я желалъ бы сдѣлать одну поправу: не говорите, пожалуйста, что критика будетъ писаться отъ полноты убѣжденія, искренняя и ничего въ этомъ родѣ. Ужъ это всѣ говорили. Отъ этихъ выраженій публика не получаетъ никакого особеннаго мнѣнія, а только смотритъ на писателя свысока. Сказать „я буду искрененъ“ легко; но, вѣдь,

[1]) Андросовъ, Василій Петровичъ, авторъ Хозяйственной статистики Россіи и Статистической записки о Москвѣ и редакторъ „Московскаго Наблюдателя“.

[2]) Януарій Михайловичъ Невѣровъ помѣщалъ статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“, былъ впослѣдствіи попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, а затѣмъ членомъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія.

[3]) Василій Степановичъ Межевичъ былъ съ 1843 года по 1846 г. редакторомъ „Репертуара и Пантеона“, а въ 1849 году редакторомъ „Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи“.

[4]) Т. е. въ „Отечественныхъ Запискахъ“, которые Краевскій началъ издавать съ 1839 года. П. Б.

слову никто не вѣритъ; а разъ какъ никто не вѣритъ, то оно и не нужно. Мнѣ кажется. что всякій разъ, какъ мы вступаемъ въ разговоръ съ публикой, то должны наблюдать тѣже правила, какія наблюдаемъ въ разговорахъ между собой: вѣдь мы не божимся другъ другу, что говоримъ отъ убѣжденія. Кто смѣетъ въ этомъ сомнѣваться? Я и не подозрѣваю того, что кто-нибудь не повѣритъ мнѣ. „Будетъ критика по такой-то да такой-то части“, вотъ и все. Образъ дѣйствія, отличный отъ другихъ, т. е. выраженія съ нѣкотораго рода Англійскимъ достоинствомъ сдѣлаетъ больше впечатлѣнія. Впрочемъ, благоговѣю передъ вашей программой: объемъ ея пугаетъ воображеніе и уничтожаетъ насъ, Москвичей. Правда, что она, какъ я писалъ Межевичу, немножко слишкомъ благонамѣренна, добродѣтельна; ну да, безъ шутокъ, дѣло доброе, прекрасное. Я предлагалъ здѣсь затѣять что-нибудь подобное, преобраз(овать) „Наблюдат(еля)“; ну да скорѣе верблюдъ влѣзетъ въ ухо игл(ы). Андросовъ даетъ свое имя, но, по нездоровью и лѣни, не знаетъ, будетъ ли писать. Венелинъ готовъ участвовать; отъ него вы можете имѣть много чрезвычайно любопытнаго. Онъ это лѣто все трудился.

Н. Павловъ.

Мельгуновъ посылаетъ вамъ статью для „Лит(ературныхъ) Прибав(леній)“. Ради Бога напечатайте. Ему отъ Бул(гарина) житья нѣтъ.

3.

Апрѣля 3-го, 1839. Москва.

Поздравляю васъ, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, съ прошедшими праздниками. Какъ-то вы провели ихъ? Судя по книжкамъ вашего журнала, я думаю, что не на гуляньяхъ, а въ кабинетѣ. Когда это вы успѣваете? Я твердо убѣжденъ, что если будете такъ продолжать, то на будущій годъ одолѣете другихъ. Вотъ вамъ стихи: два стихотворенія Хомякова и четыре неизвѣстной. *Къ неизвѣстному поэту*, и его. и ея. напечатайте рядомъ какъ они написаны [1]). Есть тутъ и къ Ю(рію) И(вановичу) Венелину [2]). Бѣдный, унесъ съ собою въ могилу томовъ 10, которые были у него въ головѣ и отъ которыхъ онъ такъ многаго надѣялся для Русской исторіи. Въ Субботу на Страстной прислали за мною отъ него, что очень занемогъ, а между тѣмъ утромъ ходилъ пѣшкомъ въ университетскую больницу, гдѣ сдѣлался съ нимъ припадокъ

---

[1]) Стихи „Неизвѣстному поэту“—вой—и „Ему же“ А. С. Хомякова напечатаны одно вслѣдъ за другимъ въ III-мъ томѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1839 года, словесность стр. 133—135. Это посланія къ Милькѣеву. Первое изъ нихъ принадлежитъ К. К. Павловой. П. Б.

[2]) Это стихотвореніе не было напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

эпилепсіи. Я тотчасъ къ нему, застаю на ногахъ; онъ узналъ меня, началъ говорить. Служанка сказала мнѣ, что онъ пріѣхалъ изъ больницы съ провожатымъ и въ дверяхъ квартиры упалъ опять въ припадкѣ эпилепсіи. Я послалъ за докторомъ, который черезъ нѣсколько минутъ явился; хотѣлъ пустить кровь и, ожидая цирюльника, сѣлъ писать рецептъ, какъ вдругъ опять припадокъ. Представьте мой ужасъ! До сихъ поръ видъ Венелина въ эту минуту преслѣдуетъ меня; я никогда не видывалъ эпилепсіи и подумалъ, что это ударъ. Кричу „поскорѣй цирюльника", бѣгу на улицу какъ сумасшедшій. Но когда опять я очутился въ комнатѣ, то докторъ сидѣлъ покойно и махалъ мнѣ рукой: «не безпокойтесь, это не ударъ, а падучая болѣзнь». Къ вечеру или вечеромъ пріѣхалъ братъ покойнаго, самъ докторъ при Павловской больницѣ [1]), перевезъ его къ себѣ; но тамъ, вслѣдствіе пяти припадковъ, сдѣлался ударъ, отъ котораго передъ самой заутреней и отправился несчастный Венелинъ.

Жалко его какъ ученаго, жалко какъ и человѣка. Ему отдали мы послѣдніе знаки уваженія. Я разослалъ билеты всѣмъ почти литераторамъ, историкамъ и разнымъ другимъ; всѣ съѣхались на похороны въ церковь Павловской больницы. Гробъ его изъ церкви въ Даниловъ монастырь несли на рукахъ студенты, литераторы и историки. Я принялъ мѣры, чтобъ бумаги его уцѣлѣли. Надо теперь издать, что̀ напечатано у него въ двухъ типографіяхъ, въ университетской и у Семена: 2-я часть Болгаръ и Скандинавоманія. Деньги можно достать, чтобъ заплатить за печать. Братъ, или лучше дальній родственникъ Венелина, такое получилъ о немъ теперь высокое мнѣніе, что вѣроятно всякую бумажку сочтетъ сокровищемъ и сбережетъ. Впрочемъ, онъ и добрый человѣкъ. Не думаю однакожъ, чтобъ что-нибудь отыскалось въ бумагахъ. Онъ мнѣ говаривалъ, что пишетъ по мѣрѣ того, какъ печатается. Еще жертва обстоятельствъ! Судьба поставила его въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ нуждаться въ покровителяхъ, да искать-то ихъ не умѣлъ, а если они находились сами, то не умѣлъ ими пользоваться. Я не знаю души, такъ ребячески чистой. Не смотря, что тѣло свое онъ волочилъ часто въ грязи и подвергалъ его этому униженію, которое у другихъ отражается и на духовную сторону, переходитъ мало по малу на сердце и на голову, Венелинъ сохранялъ все благородство̀ чувствъ, характера и всю непорочность мысли. Я всегда говорилъ про него какъ про человѣка геніальнаго и до сихъ поръ убѣжденъ въ этомъ [2]). Хотѣлось что что-нибудь написать о немъ для васъ.

[1]) Единоутробный братъ Венелина, докторъ Мольнаръ. П. Б.

[2]) Отрывокъ изъ этого письма, начиная со словъ: „Въ Субботу на Страстной"

Славное дѣло Альманахъ Владиславлева [1]). Скажите ему пожалуйства, что я непремѣнно доставлю статью, только хочется статью хорошенькую; готоваго ничего нѣтъ, а между тѣмъ у меня теперь процессъ въ общемъ собраньи Пр(авительствующаго Сен(ата), который отнимаетъ много времени. Нельзя ли попросить Владиславлева, чтобъ онъ отсрочилъ мнѣ немного,—ну какъ это требуетъ въ Маѣ—хоть бы въ уваженье того, что мнѣ лѣзутъ въ голову все такіе нездоровые сюжеты, что не годятся быть пожертвованы въ пользу больницы? Надѣюсь, что въ этомъ Альманахѣ не будетъ именъ Булгарина, Сенковскаго, Зотова и особенно Полеваго. Чтò это Полевой? Помилуйте! Самый гнусный классъ въ Россіи — это классъ купцовъ; можно ли про нашего Москвича писать «почтенный и добродѣтельный»? Это изъ рукъ вонъ.

Слышу, что мои повѣсти печатаются. Ради Бога попросите Врасскаго [2]), чтобъ не было ошибокъ: я къ ошибкамъ чувствителенъ какъ ребенокъ. Да чтобъ abs(atz'ы) были надѣланы въ приличныхъ мѣстахъ. Вы, надѣюсь, знаете этотъ типографскій знакъ; у насъ онъ означаетъ: начать съ красной строки. Венеціянскаго Купца я доставлю къ лѣту и приготовлю для васъ кое-что, и непремѣнно сдержу свое слово. Теперь честному литератору надо поддерживать ваше предпріятіе, которое вы сами ведете истинно хорошо. Есть нѣкоторыя литературныя мнѣнія; ихъ странно немного видѣть въ вашемъ журналѣ, ну да не всѣмъ же быть одного мнѣнія?

Что вы не печатаете Мельгунова? A propos: у меня лежитъ рукопись Я. Сабурова (вы знаете его по статьямъ) «Путешествіе по Голландіи». Отрывки изъ этого путешествія были помѣщены въ разныхъ журналахъ. Кое-что есть и ненапечатанаго. Я было продалъ ее Глазунову, да Глазуновъ разстроился въ дѣлахъ и возвратилъ мнѣ. Сабуровъ съ талантомъ, статьи его нравились, а рукопись не дорога. Не знаете ли, чтò съ нею можно сдѣлать? Какъ хорошо разсказана *Бела* [3])! Лучше Марлинскаго. Поклонитесь всѣмъ, кому слѣдуетъ, княгинѣ Одоевской [4]). Жму вамъ руку отъ всего сердца.

Н. Павловъ.

до словъ: „убѣжденъ въ этомъ“ напечатанъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ 1839 года № 15, стр. 324, при чемъ сказано, что письмо получено „изъ Москвы отъ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ нашихъ литераторовъ“.

[1]) „Утренняя“ Заря. П. Б.

[2]) Борисъ Алексѣевичъ Врасскій былъ женатъ на Зинаидѣ Степановнѣ Ланской, сестрѣ княгини Ольги Степановны Одоевской. П. Б.

[3]) „Бэла“, разсказъ М. Ю. Лермонтова, помѣщенъ во 2-мъ томѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1839 года, словесность, стр. 167—212.

[4]) Ольгѣ Степановнѣ, супругѣ князя Владимира Ѳедоровича Одоевскаго.

Пожалуйста, отвѣчайте. Адресъ мой: на Срѣтенскомъ бульварѣ, въ домѣ Янишъ [1]), бывшемъ графини Ростопчиной.

4.

7-е Іюня 1839.

Поздравляю васъ отъ всего сердца съ выступленіемъ въ наше братство женатыхъ. Журналъ журналомъ, жизнь жизнью, и вы сдѣлали доброе дѣло. Я радуюсь за васъ, потому что желаю вамъ добра, а желая вамъ добра, стараюсь хватать все, что̀ только попадется замѣчательнаго для „Отечест(венныхъ) Записокъ". Хомяковъ написалъ піэсу, я ее тотчасъ въ карманъ и прилагаю здѣсь [2]). Въ Симбирскѣ Языковъ Н. М. собралъ Русскія пѣсни, очень любопытныя; я вцѣпился и въ нихъ. Вотъ и онѣ [3]). Кстати же къ нимъ посылаю три піэсы неизвѣст(ной) переводч(ицы)—вой [4]); къ одной изъ нихъ она написала примѣчаніе по французски. Переведите его и напечатайте въ выноскѣ. Пусть все это покажетъ мое искреннее участіе, которое я *скоро докажу* и личнымъ, положительнымъ, а не отрицательнымъ поступкомъ. Ради самого Бога объявите мнѣ, почему не являются до сихъ поръ мои повѣсти? Прежде ихъ появленья я никакъ не соглашусь печатать Венеціянскаго Купца; да и не можете ли вы сдѣлать мнѣ величайшую милость, отложить его до книжки Августа? Я хочу исправить его съ Нѣмецкой аккуратностью и приступилъ уже, да встрѣтилось столько дѣлъ! Процессъ, перестройка дома, а болѣе всего повѣсть для Владиславлева, которую хочется и слѣдуетъ поскорѣе написать. Впрочемъ, если вы не сжалитесь надо мной, то пишите приказъ: я употреблю всѣ силы и выполню, а если помилуете, то кромѣ того, что Венец(іянскій) Купецъ будетъ напечатанъ въ Августѣ, я свое промедленіе заглажу чѣмъ-нибудь пріятнымъ для васъ. Только торопите Врасскаго. Я жду повѣстей съ каждой почтой, а ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Что̀ это онъ дѣлаетъ? Здѣсь думаютъ, что

---

1) Нынѣ А. В. Андреева. Про него вспоминала впослѣдствіи К. К. Павлова: „и домъ тотъ, съ уютнымъ покоемъ, и тихіе тѣ вечера". Тутъ собирался тогдашній умственный кружокъ Москвы. П. Б.

2) Это стихотвореніе, начинающееся словами: „Гордись! тебѣ льстецы сказали" напечатано въ VI томѣ „Отечественныхъ Записокъ" 1839 года, словесность, стр. 143—144. Стихотвореніе это имѣло отношеніе къ внѣшнему могуществу Россіи при Николаѣ Павловичѣ. Тогда именно собирались цѣлыя полчища для открытія памятника на Бородинскомъ полѣ и зараждалась та гордыня, которая потомъ отозвалась такъ гибельно на судьбахъ нашего отечества. П. Б.

3) Напечатаны въ V томѣ „Отечественныхъ Записокъ" 1839 года, словесность, стр. 159—156.

4) Стихотворенія—вой (т.-е. К. К. Павловой), числомъ пять, напечатаны въ V и VI томахъ „Отечественныхъ Записокъ" 1839 года.

повѣсти мои обманъ, что онѣ никогда не выдутъ. Мельгуновъ ѣдетъ въ чужіе краи, а потому книгу, о которой вамъ писалъ, не выдаетъ; слѣдовательно всѣ статьи и повѣсти, которыя у него есть вновь написанныя, могутъ быть помѣщены въ Запискахъ; да только ему бы, кажется, хотѣлось чего-нибудь на дорогу. Какъ этотъ вашъ журналъ смотритъ на путешественниковъ? Вникаетъ ли въ ихъ нужды? Отдайте, пожалуйста, нелѣпому Одоевскому прилагаемое письмо. Обнимаю васъ.

Н. Павловъ.

P. S. Не худо бы сказать въ примѣчаньи, что въ переводахъ—вой сохранена мѣра подлинника.

P. S. Какой милый человѣкъ вашъ Панаевъ [1])! Я радъ, что узналъ его короче.

5.

20 Іюля 1839.

Вотъ первое дѣйствіе Венец(іянскаго) Купца. Черезъ два дни посылаю еще два, а потомъ черезъ день или также черезъ два остальныя. Они переписываются. Ну, достался мнѣ этотъ Купецъ! Я все откладывалъ поправлять, а какъ началъ, то не радъ былъ жизни: все показалось скверно. Нѣсколько лѣтъ разницы сдѣлало меня гораздо взыскательнѣе. Впрочемъ, теперь кажется хорошо. На 2-й страницѣ, послѣ словъ Саланіо *на картѣ пристани*, есть пробѣлъ; тутъ у Шекспира стоитъ *piers*. Это значитъ какой-то у пристаней частоколъ или une jetée de pont; спросите, ради Бога, моряка и вставьте [2]); если же не пріищите Русскаго слова, то оставьте такъ. На страницѣ 5-й, также у Саланіо, послѣ словъ *хохочутъ какъ попугаи, когда слушаютъ*, есть также пробѣлъ. Тутъ у меня стояло *волынку* [3]); но волынка не то: тутъ надо инструментъ, который по французски la cornemuse, по нѣмецки Sackpfeifer, по англійски bagpiper. Я не знаю Русскаго, живу на дачѣ, не съ кѣмъ было и посовѣтоваться. Пожалуйста пріищите какую-нибудь равносильную дудку, а не то поставьте волынку. Сверхъ этого я желалъ бы, чтобъ вы отъ себя сдѣлали выноску объ этомъ переводѣ въ такомъ смыслѣ: это ужъ точно съ Англійскаго, близко до невозможности. Я думаю, что надо переводить Шекспира для Русскихъ прозою, чтобъ короче познакомить съ нимъ, а то въ стихахъ переводчикъ по неволѣ прибавляетъ своего духа. Шекспира обороты иногда неестественны,

[1]) Панаевъ, Иванъ Ивановичъ, извѣстный литераторъ. Онъ и А. А. Краевскій были женаты на родныхъ сестрахъ Брянскихъ.

[2]) Напечатано: „на картѣ пристани, мосты и морскіе пути“.

[3]) Это слово оставлено въ печати.

выисканы, иногда мысль насилуетъ, такъ сказать, языкъ, и между тѣмъ всегда выраженіе оригинально, сильно и полно поэзіи. Это насиліе, даже порядокъ словъ, я старался сохранить, сколько это позволялъ Русскій языкъ. Можетъ быть, это и ошибка; можетъ быть, найдутся фразы, которыя по русски могли бы быть лучше; ну, да я умѣлъ бы сгладить, но не хотѣлъ: хотѣлъ передать только духъ и силу. Впрочемъ вы увидите по самому переводу и достоинство его, и значенье. Если найдете нужнымъ растолковать это публикѣ, такъ растолкуйте. Пожалуйста пришлите мнѣ экземпляръ моихъ повѣстей съ первой почтой, чтобъ взглянуть. Я никому не только не дамъ, но и не покажу. Жму вамъ руку отъ всего сердца.

Н. Павловъ.

6.

Августа 21 (1839).

Я слышалъ, что мой Купецъ не поспѣлъ. Пожалуйста, чтобъ не было опечатокъ. Написано съ поправками очень связно. Прилагаю стихи для „Отечествен. Записокъ“: *Военная пѣснь клана Макгрéгоръ* и *Сонетъ* [1]); а другіе, *Розабелла* [2]), *Шотландская Пѣснь* и *Предѣлъ родной*, отдайте отъ меня г. Владиславлеву въ его Утреннюю Зарю. Я еще пришлю ему маленькую піэску. Теперь о статьѣ, которую я обѣщалъ для него. Пожалуйста возьмите на себя трудъ сказать, что я непремѣнно пришлю къ 1-му Октября. Альманахъ выдетъ въ Ноябрѣ, и если моя статья будетъ напечатана и въ самомъ концѣ, вѣдь это не бѣда. У меня начата была для него повѣсть, да такъ расплылась, что не годится; да и несносные жары лишали всякой возможности мыслить, я же такой человѣкъ, что люблю всякое дѣло пригнать къ самому концу. Теперь пишу коротенькую повѣсть не повѣсть, а обо всемъ, только въ юмористическомъ родѣ, немного въ духѣ чиновника; не знаю, будетъ ли прилично. Дѣло въ томъ, что одинъ генералъ пріѣзжаетъ съ генеральшей въ губернскій городъ, гдѣ они и поселяются; къ нимъ въ отпускъ является студентъ-сынъ изъ Московскаго университета. Генеральша весь городъ мучаетъ причудами и вдругъ нападаетъ на собакъ, что онѣ безпокоютъ ее ночью. Начинается избіеніе собакъ. Между тѣмъ въ сосѣдствѣ есть одна ужасная собака, которая адскимъ лаемъ приводитъ въ ужасъ весь околодокъ. Собака принадлежитъ маіору, у котораго есть дочь, а дочери норовитъ студентъ втереть какъ нибудь Шиллера. Генеральша относится къ властямъ, пристаетъ къ мужу, а маіоръ не даетъ собаки; студентъ-сынъ защищаетъ ее по законамъ Гегелевской

[1]) Эти два стихотворенія напечатаны въ V и VI томахъ „Отечественныхъ Записокъ“ 1839 года.

[2]) „Розабелла“ появилась въ VII томѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1839 года.

философіи: „оставьте собаку жить, все прекрасно, ничто не нарушаетъ гармоніи, солнце свѣтитъ, человѣкъ мыслитъ, собака лаетъ". По городу разные толки. Легитимисты утверждаютъ, что надо убить собаку; члены коалиціи, что не надо убивать; а умѣренные думаютъ сослать въ деревню; но сослать нельзя, потому что у маіора нѣтъ деревни. Вы теперь видите, какого рода будетъ эта повѣсть. Прошу васъ убѣдительно написать мнѣ *съ первой почтой*, прилично ли это. Ахъ, когда-то мнѣ удастся написать все, что̀ я задумалъ: столько готовыхъ плановъ! Нынѣшнее лѣто стройка да Африканской зной много помѣшали мнѣ. Жду отъ васъ отвѣта. Надѣюсь, что вы напишите мнѣ искренно о моихъ собакахъ.

Н. Павловъ.

P. S. Къ пѣснѣ Макгрѐгора приложено замѣчанье по французски; пожалуйста переведете [1]).

Эту повѣсть я могъ бы прислать къ 15-му Сентября [2]). Если же неприлично, то пришлю что нибудь къ 1-му Октября. Только слово свое выполню непремѣнно. У Владиславлева еще много времени. Вѣроятно, онъ и картинокъ не получилъ еще изъ Лондона. Такое мнѣ наказанье: такъ я не привыкъ писать, когда вижу передъ собой тотъ роковой день, прежде котораго должно дописать. Теперь здѣсь еще затѣвается альманахъ, и ко мнѣ пристаютъ съ повѣстью, предлагая свое согласіе на всякія условія.

7.

30 Августа 1839.

Сію минуту получилъ я ваше письмо. Благодарю за прежнее, очень милое и пріятное чрезвычайно. Объ журналѣ напишу вамъ мое мнѣніе искренно и подробно. Вотъ стихи для „Отечественныхъ"—вой, а мои куплеты и романсъ отдайте въ Утреннюю Зарю [3]). Романсъ былъ напечатанъ съ нотами, музыка Глинки, а больше нигдѣ. Я было отдалъ его въ альманахъ Вяземскаго, да этотъ альманахъ не состоялся; слѣдовательно Владиславлевъ можетъ напечатать. Повѣсть о собакахъ

---

[1]) Примѣчаніе это слѣдующее: „Кланъ Макгрѐгоръ, въ Шотландіи, былъ лишенъ покровительства законовъ, и со всѣми членами этого общества поступаемо было чрезвычайно жестоко; имъ даже запрещено было называться ихъ стариннымъ, славнымъ именемъ".

[2]) Повѣсть Павлова не появилась ни въ Утренней Зарѣ на 1840 годъ, ни въ Утренней Зарѣ на 1841 годъ.

[3]) „Куплеты пѣтые к. З. А. В...ю въ Москвѣ, на вечерѣ у г. Соймонова" и „Романсъ" напечатаны въ альманахѣ Владиславлева Утренняя Заря на 1840 годъ, стр. 305 и 431.

выходитъ хорошенькая. Ради Бога скажите ему, что я пришлю ее около 15-го Сентября, днями двумя раньше или позднѣе; но если пришлю, то чтобъ была напечатана, ибо я пишу именно для него. Да напечатаетъ ли онъ стихи—вой [2])? Вѣдь, мѣсто въ альманахѣ есть. Устройте, пожалуйста, эти мнѣ дѣла. Вступленье въ повѣсть пришлется вамъ. Какъ отправлю статью къ Владиславлеву, то скажу: нынѣ отпущаеши раба Твоего! Жму вамъ руку отъ всего сердца.

Н. Павловъ.

P. S. Ради Бога надъ стихами Хомякова не ставьте *Къ Россіи*. Не слѣдуетъ. Онъ осердится [3]).

8.

25 Декабря 1839. Москва.

Стройте прочное зданіе „Отечественныхъ Записокъ", но ради Бога не стройтесь, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ; а то вмѣсто Августа вамъ придется перейти въ новое жилье къ концѣ Декабря и перейти въ половину, съ безпорядкомъ: цѣлую осень и ползимы вы будете чуть-чуть не безъ письменнаго стола; дьяволы-работники покажутъ вамъ, чтó такое настоящій адъ; вамъ не только некогда будетъ дописать нѣсколько страницъ повѣсти, но вы не сберете мыслей, хоть и станете сбираться каждый день, чтобъ написать письмо къ своему собрату, который прежде васъ, искони, раздѣляетъ съ многими благородными людьми честь гоненій доносчика Булгарина. Съ чего начать? Накопилось много. Я было думалъ, благодарить ли васъ или нѣтъ, за отзывъ „Отечественныхъ Записокъ". Самолюбіе, дурное самолюбіе заставляетъ всегда видѣть въ похвалахъ чувство справедливости; но пришлось благодарить, потому что вы вѣроятно съ бóльшимъ удовольствіемъ отдаете справедливость доброму пріятелю, чѣмъ человѣку совершенно постороннему. Это въ законахъ души человѣческой. Такъ благодарю за эту слабость. Въ разборѣ были двѣ ошибки. Княжна не вашъ еще Булгаринъ, только вдесятеро вреднѣе его [3]). Здѣсь Ширяевъ [4]) монополистъ: въ провинціяхъ пріобрѣлъ довѣріе и продаетъ чтó ему угодно; многіе присылаютъ деньги и просятъ выслать что-нибудь хоро-

---

[1]) Стихи—вой не были напечатаны въ Утренней Зарѣ.

[2]) Стихотвореніе Хомякова: „Гордись! тебѣ льстецы сказали" явилось подъ тремя звѣздочками, вмѣсто заглавія: Къ Россіи („Отеч. Зап". 1839. т. VI, словесность, стр. 143—144).

[3]) Говорится про „княжну" въ повѣсти Н. Ф. Павлова „Милліонъ"? П. Б.

[4]) Московскій книгопродавецъ.

шенькаго, а тотъ и высылаетъ что́ хочетъ. Ширяевъ, говорю, подсовываетъ провинціалу Библіотеку, а провинціалъ сморщился: „чортъ ее побери“, сказалъ, „дайте Отеч(ественныя) Зап(иски)“. Это ужъ хорошо. Надо непремѣнно въ Москвѣ открыть также контору. Въ Москвѣ она будетъ даже больше на виду, чѣмъ въ Петербургѣ. Ширяева же ничѣмъ не расположите къ себѣ: это такая грубая и злая скотина. Представьте, что лѣтъ восемь тому назадъ я производилъ слѣдствіе [1]) надъ его пріятелемъ, у котора́го онъ покупалъ въ долгъ бумагу, купцомъ Усачевымъ. Усачевъ былъ виноватъ, слѣдствіе было произведено въ этомъ смыслѣ, и Ширяевъ теперь всякій разъ надрывается, какъ бы ему лопнуть да сдѣлать мнѣ вредъ. Вотъ плоды службы! Предлагали 25 т(ысячъ), которыя, разумѣется, во имя какой-то чести, не были взяты. Что́ изъ этого вышло? Усачевъ деньги все-таки заплатилъ, онъ все-таки остался правъ, а я оказался въ дуракахъ: произвелъ слѣдствіе по пустякамъ, вооружилъ тогда Обольянинова [2]), потому что былъ тутъ замѣшанъ одинъ мерзавецъ-предводитель, а съ Обольяниновымъ и все почти Московское дворянство, да наконецъ нажилъ еще врага для повѣстей, хоть повѣсть отъ слѣдствія находится въ огромномъ разстояніи. Впрочемъ, не смотря на Ширяева, продаются, я слышу, хорошо. Много, много Врасскій сдѣлалъ ошибокъ и въ книгѣ, и въ дѣйствіи. Аксаковъ сказывалъ мнѣ, что въ Петерб(ургѣ) три раза посылалъ покупать въ книжныя лавки, и ни въ одной не было. Насилу нашли.

Скажите, отъ чего У. Заря прислана всѣмъ, кромѣ меня? Вѣдь Влад. было нужно имя; я ему далъ двѣ моихъ піэсы; положимъ, что стихи, ну да все равно. Вы же мнѣ писали, что особенной надобности не настоитъ и что у него много статей. Я истинно для него писалъ; да, право, такое было стеченье обстоятельствъ, что бездѣлицы не могъ кончить. Впрочемъ слово намѣренъ былъ сдержать, и если ему надо, то дамъ для будущаго года. Но если онъ не прислалъ ко мнѣ съ намѣреньемъ, если онъ осердился и хотѣлъ *уколоть меня*, въ такомъ случаѣ прошу васъ купить мнѣ альманахъ, выслать съ первой почтой (я деньги перешлю тотчасъ же) и попросить его, чтобъ онъ извинилъ меня, что я стихи считаю за прозу и полагаю, что квитъ съ нимъ. Неужьли онъ послѣ того, что я просилъ Панаева сказать ему, не имѣлъ сожалѣнія къ писателю, который далъ слово, да потомъ мучился совѣстью, что не могъ сдержать? А, право, виноваты *вы*: вы написали мнѣ отпущенье, отсро-

---

[1]) Н. Ф. Павловъ нѣкогда служилъ, кажется, въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи. „Игралъ и юриста“, сказано про него въ одномъ стихотвореніи С. А. Соболевскаго. П. Б.

[2]) Генералъ отъ инфантеріи Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, бывшій Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

чили, сказали: *знаю, какъ всякая отсрочка пріятна душѣ человѣческой.* Но нечего дѣлать: я каялся, терзался. Богъ съ нимъ, пусть его сердится: я самъ буду теперь каменный, *чье бы письмо* ни получилъ, и обѣщать ничего не буду. „Сѣверная Пчела“ не могла похвалить меня; я ждалъ брани, потому принялъ ее равнодушнѣе, чѣмъ свойственно моему характеру. Впрочемъ, представьте: это первая брань; по сихъ поръ меня все хвалили въ печати. На дняхъ выйдетъ, разумѣется, брань Полевого, а онъ, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ, прихаживалъ ко мнѣ съ братомъ да попрашивалъ стишковъ и напечаталъ тогда, выписавъ посвященіе Маріи Стюартъ: *Въ доказательство сильныхъ, благородныхъ чувствъ и блестящаго таланта* и проч. Но всякое время переходчиво. Булгаринъ видитъ во мнѣ стараго врага, Шевырева, новаго Мельгунова и новѣйшаго *васъ*; а то опрокинуться на меня съ такимъ остервененіемъ, кажется, и не за что бы. Я радъ, что ужъ не холодная брань,

Пѣна у рту бьетъ клубами,
Кровью грудь обагрена*).

Онъ начинаетъ доносомъ, что я принадлежу къ юной Франціи и Германіи, вѣроятно, съ задней мыслью, что вотъ-де, не смотря на такое богопротивное направленье, его хвалятъ въ „Отечес(твенныхъ) Запис(кахъ)“. Да что жъ во мнѣ юнаго? Рѣшительно ничего. Въ чемъ я подражаю Бальзаку и въ чемъ Алфреду-де-Виньи? У этого послѣдняго есть докторъ; одно лицо и я назвалъ докторомъ. У этихъ же докторовъ, кромѣ докторства, нѣтъ никакого сходства. Здѣсь люди знающіе находятъ, что и съ Бальзакомъ у меня нѣтъ сходства, потому что повѣсть Бальзака нападаетъ на исключительныя черты общества, большею частію, а у меня всѣ повѣсти, кромѣ Маскарада, на массы. Кто не выходитъ замужъ за деньги? Какой Андрей Ивановичъ, *хоть честныхъ и больше*, не сдѣлаетъ изъ денегъ и изъ креста что̀ дѣлаетъ мой? Какой помѣщикъ не проиграетъ человѣка, когда проиграется; какой полковникъ не отдуетъ палками, когда приревнуетъ и будетъ обманутъ солдатомъ? Это мнѣніе принадлежитъ не собственно мнѣ. Желалъ бы я очень, чтобъ всѣ мѣста, выписанныя Булгаринымъ, были *для сравненія* выписаны точнѣе и подробнѣе; да желалъ бы, чтобъ теорія его *„если выставляешь взяточника, выставь и честнаго чиновника“*, теорія, за которую и гимназиста слѣдовало бы оставить безъ обѣда, была опровергнута. Бѣлинскій этого дѣла мастеръ. Я, право, думалъ, что Булгаринъ отъ злонамѣренности прикидывается невѣждой, а онъ просто неучъ, ничего не читалъ.

---

*) Кажется, это Кишиневскіе стихи Пушкина. П. Б.

Если вы заблагоразсудите возразить въ „Лит(ературныхъ) Приб(авленіяхъ)“, то прошу васъ напечатать особо и приложить къ „Отечест(веннымъ) Зап(искамъ)“, а также прислать мнѣ. Я самъ считаю неприличнымъ и непристойнымъ возражать, и если желаю возраженія, такъ только для того, что по увѣренію многихъ „(Сѣверная) (Пчела)“ имѣетъ еще вѣсъ въ захолустьяхъ, и отъ этого можетъ произойти вредъ моему издателю. Впрочемъ, мы поквитаемся съ Булгаринымъ. Я еще не осердился, а осержусь, такъ придумаю что-нибудь достойное его и себя.

Вотъ вамъ обо всемъ, мой почтенный Андрей Алекс(андровичъ). Напишите мнѣ откровенно о положеніи вашего журнала. Не надо ли стиховъ? Возьмите у Владиславлева, которые онъ не напечаталъ. Жду Хомякова. Стану вамъ собирать. На дняхъ оглянусь и посмотрю, не могу ли дать вамъ прозы. Да кстати: Шевыревъ немного претендовалъ на „От(ечественныя) Зап(иски)“, что ему ничего не заплатили [1]). Но это не бѣда. Онъ теперь можетъ вамъ что-нибудь прислать. Я это сдѣлаю. Только напишите ему коротенькую цидулку: я вложу въ свое письмо, и вы получите отъ него статью. Наканунѣ новаго года напомните обо мнѣ у Одоевскаго? Поздравьте его и княгиню. Напишите же, что́ говорятъ о моихъ повѣстяхъ откровенно. Окулова [2]) пишетъ сюда къ сестрамъ, что читали Государыня, Великія Княгини, и что нравятся. Это мнѣ утѣшеніе въ гоненьяхъ отъ мерзавца Булгарина и еще пущаго если возможно, мерзавца Полевого. Обнимите Панаева. Желаю всѣхъ благъ въ будущемъ году.

Н. Павловъ.

P. S. Сейчасъ въ одномъ домѣ на вечерѣ, по написаньи ужъ моего письма, пристали ко мнѣ съ тѣмъ, что я долженъ непремѣнно, несмотря на возраженія другихъ, если возразители найдутся, отвѣчать отъ себя только нѣсколько строкъ Булгарину, именно противъ пункта *нелитературнаго: противъ юной Франціи и юной Германіи*. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, это отвратительная вещь: неужьли до того общественное мнѣніе развратилось у насъ, что мерзавца не беретъ ни малѣйшій страхъ, когда онъ печатаетъ клевету и ложный доносъ? Можетъ быть, я и напишу строкъ десять; только не хочется. Какъ вы думаете: надо ли? Сдѣлайте милость; увѣдомьте, сколько Врасскій напечаталъ экземпляровъ, да ради Бога возьмите у него 15 и отправьте ко мнѣ съ первой

---

[1]) Шевыревъ помѣстилъ въ III томѣ „Отечественныхъ Записокъ“ статью: „Дорожные эскизы на пути изъ Франкфурта въ Берлинъ“.

[2]) Анна Алексѣевна Окулова фрейлина. Ея сестры: Дарья Алексѣевна Шипова и дѣвица Варвара Алексѣевна. П. Б.

почтой. Я ужъ писалъ къ нему, что, если такое требованье неумѣренно, то я за эти 15 плачу деньги; покупаю ихъ только по той цѣнѣ, по какой уступаетъ онъ книгопродавцамъ. Мнѣ нельзя же не подарить тѣмъ, которые мнѣ дарятъ, а съ 10-ю я не могъ управиться. Ожидаю отъ васъ отвѣта съ нетерпѣніемъ. Какая превосходная піэса будетъ у васъ! Лермонтова Терекъ [1]).

9.

28 Декабря 1839.

Прилагаю здѣсь нѣсколько строкъ: напечатайте ихъ, пожалуйста, и въ „Лит(ературныхъ) Приб(авленіяхъ)" и въ „Отеч(ественныхъ) Запискахъ", да нѣсколько экземпляровъ особо тиснуть; ихъ пришлите мнѣ. Жена подбила это сдѣлать, хоть я самъ не вижу большаго вреда отъ клеветы доносчика Булгарина и, какъ вы сами замѣтите, не осердился еще на него. Впрочемъ, напечатайте въ такомъ только случаѣ, когда *сами одобрите.* Покажите Одоевскому, и я желалъ бы, к(нязю) Вяземскому. Полагаюсь на ваше рѣшенье. Я уже писалъ къ вамъ, что хорошо бы выписать цѣликомъ мѣста̀, выставленныя въ „Сѣверной Пчелѣ" и тиснуть рядомъ съ ея цитатами. Ваше возраженіе въ такомъ родѣ было бы нужно для провинцій. Впрочемъ, какъ заблагоразсудите.

Что это, какъ распорядился Врасскій? Прислалъ сюда экземпляры и не написалъ Полевому ни слова, на какихъ условіяхъ. Вѣдь кромѣ публики покупаютъ книгопродавцы; имъ надо дѣлать уступку, а какую можно, этого Полевой не знаетъ [2]); потому что ему неизвѣстно, сколько уступитъ Врасскій. Прикащикъ Полевого сказывалъ мнѣ, что если бъ прислали сначала, то было бы уже продано 500 экземп(ляровъ). Благодарю, благодарю и за „Лит(ературныя) Приб(авленія)", которыя я только что получилъ. Жаль только, что Бѣлинскій обвиняетъ меня за развязку Милліона. Тутъ дѣло въ крикѣ души: *дайте*; взяла, или не взяла, все равно. Что взяла, то кажется ясно; а что отвернула руку— очень естественно. Душа сорвалась съ крючка, вскрикнула, а рука посовѣстилась, содрогнулась и выполнила условія свѣта, привычки воспитанія. Княжна не взяла денегъ рукою, но деньги остались у нея на столѣ. Что касается до [3]) недостатка драмы, то едва ли у меня не больше истины. Наша драма вся въ душѣ, а не въ жизни. Зачѣмъ натягиваться и путать происшествія, когда самая жизнь не предлагаетъ ихъ? Впрочемъ, пишу теперь подъ вліяніемъ минуты, не за тѣмъ,

---

[1]) „Дары Терека". Это стихотвореніе напечатано въ VII томѣ „Отечественныхъ Записокъ" 1839 года.

[2]) Говорится про Ксенофонта Полеваго, у котораго была книжная лавка. П. Б.

[3]) Въ подлинникѣ: то.

чтобъ защищать себя, а чтобъ сказать нѣсколько мыслей, которыя пришли въ голову. Прекрасно, прекрасно, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ. Кто писалъ Утро Журналиста? Мнѣ показалось очень умно и очень кстати. Славные стихи, славный номеръ! Только статья объ Очеркахъ истинно велика [1]): ужъ очень много въ ней всего, чего хочешь; притомъ же Ѳедоръ Николаевичъ Глинка пригласилъ Бѣлинскаго къ себѣ на вечеръ; Глинка живетъ у Сухаревой башни, а Бѣлинскій, чтобъ пріѣхать къ нему, отправился съ Арбата на Поклонную гору. Я люблю и самъ, по случаю чего-нибудь, поговорить обо всемъ: ну да ужъ это изъ рукъ вонъ. И чего тутъ нѣтъ, а меня винитъ, что я люблю высказать любимую мысль! Нѣсколько мыслей, очень простыхъ, которыя и слѣдовало сказать Русскимъ читателямъ, растянуто на такое множество страницъ; припутаны Алеко, Ричардъ, вся имперія и проч. Помните, вы писали мнѣ, что не обидитесь никакимъ ежевымъ замѣчаньемъ; я теперь дѣлаю эти замѣчанья и дѣлаю въ выгодахъ вашихъ и въ выгодахъ журнала, въ благоденствіи котораго мы всѣ принимаемъ живое участіе. Ради Бога воздерживайте нашу Московскую ученость: она очень хороша, Бѣлинскій съ большимъ талантомъ, но кто-нибудь передастъ ему Нѣмецкую идею, онъ и пойдетъ работать надъ ней, да съ такимъ упорствомъ, что ужъ ничего больше и не признаетъ и не видитъ. Притомъ же, въ этой статьѣ есть ужъ противорѣчіе первой, о которой я не могу вспомнить равнодушно. Еще разъ повторяю, ради Бога, чтобъ ваше дѣло, которое вы истинно славно ведете, не портили другіе. Вчера обѣдалъ я у Орлова [2]), гдѣ нѣсколько человѣкъ, воспитанныхъ по французски, объявили мнѣ, что ужъ подписались. Кажется, дѣло пойдетъ на тотъ годъ хорошо.

Я сегодня убѣдился, что есть изъ чего писать и издавать. Заѣзжаю въ лавку Полевого взять жур(налы), а мнѣ вмѣстѣ съ ними подаютъ письмо, адресованное изъ Ефремова: письмо отъ неизвѣстной. Она пишетъ, что живетъ въ захолустьѣ, гдѣ никто не думаетъ о литерат(урѣ), что она осталась сиротой, — ее призрѣла какая-то благодѣтельница, — и что какимъ-то чудомъ ей попались мои пер(выя) повѣсти. Описываетъ вліяніе, какое онѣ на нея произвели, что она лучше узнала себя, полюбила больше людей и природу, и проч. А наконецъ проситъ мои новыя повѣсти; говоритъ, что если она скажетъ

---

[1]) Разборъ сочиненія Ѳ. Глинки „Очерки Бородинскаго сраженія" занимаетъ 40 страницъ въ отдѣлѣ Критики VII-го тома „Отеч. Записокъ" 1839 года.

[2]) Михаила Ѳеодоровича. Орловъ былъ флигель-адъютантомъ императора Александра Павловича, членомъ „Арзамаса" и былъ уважаемъ Москвичами, какъ человѣкъ образованный и просвѣщенный.

своей благодѣтель(ницѣ) „купите“, то та не пойметъ ея и заставитъ употребить деньги на ничтожную обнову; называетъ меня своимъ учителемъ и другими именами, которыя совѣстно выписывать. Какъ написано это письмо, такъ истинно нельзя читать безъ умиленья, съ ошибками въ правописаніи, но съ удивительнымъ чувствомъ, съ удивительнымъ тактомъ сердца неиспорченнаго, природы свѣжей. Такъ вотъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, вотъ награда нашимъ трудамъ, которая лучше всѣхъ похвалъ блистательнаго свѣта и, хоть вы журналистъ, лучше грома всѣхъ журналовъ. Есть же ду́ши, которыя въ тиши Россіи читаютъ насъ и на которыхъ мы производимъ непосредственное вліяніе. Издавать журналъ въ Россіи—дѣло великое. Въ чужихъ краяхъ журналы дѣйствую(тъ) большею частію только на политическія мнѣнья или ученыя, а у насъ еще прямо на сердце. Сколько перепортили Гречь и Булгаринъ! Какъ я показалъ письмо молодому Аксакову *), тотъ разсердился на меня, затопалъ ногами: „да помилуйте“, вскрикнулъ, „это только Шиллеру писали“. Моей незнакомкѣ, по нѣкоторымъ подробностямъ письма, должно быть 21 или 22 года. Надо узнать, хороша ли она.

Милостивый государь.

Покорнѣйше прошу нѣсколько строкъ, приложенныхъ здѣсь, помѣстить въ издаваемыхъ вами журналахъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ честь имѣю быть и проч.

Въ 85-мъ нумерѣ Сѣверной Пчелы г. Булгаринъ напечаталъ критику на мои новыя повѣсти: Маскарадъ, Демонъ, Милліонъ. Опровергать литературныя мнѣнія Сѣверной Пчелы и ея литературный взглядъ на мои произведенья я не имѣю надобности и не позволю себѣ. Быть судьею въ своемъ дѣлѣ не должно. Авторъ печатаетъ книгу съ самолюбивымъ желаньемъ, чтобъ всякій прочелъ ее; такъ пусть же въ наказаніе за это самолюбіе всякій и судитъ, какъ ему угодно. Но въ критикѣ Сѣверной Пчелы есть небольшое вступленье, куда, разумѣется нечаянно, безъ умысла, брошена мысль изъ другой сферы: изъ сферы не чисто литературной; тамъ сказано, что мои *первыя повѣсти обратили вниманіе читающей публики не изяществомъ, не приближеніемъ къ натурѣ, а содержаніемъ, почерпнутымъ изъ той самой пропасти, изъ которой писатели такъ называемыхъ юной Франціи и юной Германіи добываютъ основы человѣческой природы* и проч., *и что я подражаю этой уже*

*) Константину Сергѣевичу Аксакову.

падшей, *неистовой* школѣ. *Юной* въ обѣихъ мѣстахъ—и передъ Франціей, и передъ Германіей—напечатано курсивомъ. Вотъ противъ этого я считаю за нужное возразить: въ этомъ убѣдительно прошу гг. читателей и нечитателей не вѣрить на слово Сѣверной Пчелѣ. Это неправда. Говорю „неправда" и не употребляю выраженія болѣе точнаго отъ того только, что каждый писатель долженъ наблюдать уваженіе къ необходимымъ приличіямъ печати.

Н. Павловъ.

P. S. Нельзя ли изъ тѣхъ экземпляровъ, которые я покупаю у Врасскаго, отдать одинъ кн(язю) Вяземскому отъ меня? Вамъ и Одоевскому подарилъ, вѣрно, издатель. Каковъ Гречь! Что́ онъ говоритъ о Мельгуновѣ! Помилуйте, у васъ стыдъ весь потеряли!

10.

29 Декабря.

Нѣтъ, Андрей Александровичъ, *не печатайте моего возраженія*. Я раздумалъ. Не хочу связываться и остаюсь при своемъ мнѣніи, что подлости Булгарина не сдѣлаютъ мнѣ вреда. Письмо было запечатано, такъ лѣнь переписывать. Извините, что прочтете.

P. S. Статья Іакинѳа очень хороша и какъ кстати помѣщена *).

Н. Павловъ.

(*Изъ Отчета Императорской Публичной Библіотеки за 1892-й годъ извлечено съ любезнаго дозволенія А. Ѳ. Бычкова*).

---

*) „Мѣры народнаго продовольствія въ Китаѣ". Она напечатана въ VII томѣ „Отечественныхъ Записокъ" 1839 года.

ИЗЪ ДНЕВНИКА М. С. РЕБЕЛИНСКАГО.

М. Н. Правдинъ, преподаватель исторіи въ Уфимской мужской гимназіи, лѣтомъ 1896 года, любезно доставилъ мнѣ гдѣ-то добытые имъ старые дневники титулярнаго совѣтника Михаила Семеновича Ребелинскаго, сначала Уфимскаго, а потомъ Оренбургскаго жителя, служившаго секретаремъ (въ Оренбургской „палатѣ суда и расправы по гражданскому департаменту":

Дневники эти, на старинной синей бумагѣ, представляютъ собой простую домашнюю записную книжку въ осьмую долю писчаго листа и толщиной около $1^1/_2$ вершковъ, переплетены въ толсто склеенную сахарную бумагу съ корешкомъ изъ подошвенной кожи; крышки сверху покрыты синей оберточной бумагой. Всѣ листы въ ней разграфлены на семь графъ; въ первой прописывались „имена дней" (т. е. дни недѣли), во второй „числа", въ третьей „что̀ происходило" съ показаніемъ года и мѣсяца. Четвертая и пятая графы озаглавлены „приходъ": „рубли", „копѣйки"; въ шестой и седьмой вносился „расходъ".

Въ дневникахъ своихъ Ребелинскій, изо дня въ день, записывалъ все, что̀ только видѣлъ и слышалъ и что̀ находилъ для себя достопамятнымъ. Тутъ и состояніе погоды, и случаи въ его семьѣ, у родныхъ и даже у знакомыхъ, въ родѣ напримѣръ, того, „что у Ѳедоры Матвѣвны было косорасплетье живущей у нея дѣвицы Пелагеи Петровой" (9 Января 1792 г.), или „день (1 Января 1792 г.) былъ столь непогоденъ, что сказать не можно, ибо вѣтеръ сильный со снѣгомъ на морозѣ. Ввечеру былъ у тестя на имянинахъ, гдѣ былъ Данила Степ. Жулябинъ съ Маврой Васильевной". Но кромѣ того, Ребелинскій заносилъ въ свои дневники и описаніе такихъ событій, которыя должны принадлежать исторіи, и не только мѣстной.

Дневники Ребелинскаго начинаются съ 1792 года и кончаются 1801-мъ годомъ, т. е. обнимаютъ собой далеко еще не изслѣдованный періодъ Русской жизни именно: конецъ царствованія Екатерины II, все царствованіе Павла I и начало царствованія Александра Благословеннаго. Въ дневникахъ особенно любопытны нѣкоторые взгляды провинціи и ходившіе въ то время слухи о извѣстномъ сватовствѣ Шведскаго короля къ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, о кончинѣ Екатерины, вступленіи на пре-

столъ Павла и его распоряженіяхъ. Историку любопытно знать и прослѣдить, какъ принималъ къ сердцу тѣ или другія событія народъ и вообще провинціальные жители. Но еще любопытнѣе въ дневникахъ описаніе шагъ за шагомъ сенаторской ревизіи Оренбургской губерніи. Изъ этихъ данныхъ человѣку съ талантомъ нетрудно сочинить сцену въ родѣ Гоголевскаго „Ревизора". П Ю.

Въ Уфѣ.

1792 годъ.

Январь. Понедѣльникъ **12-го.** День теплый со снѣгомъ, въ который пріобрѣтены мною табакерка и самоваръ (за) 95 коп. Воскресенье **25-го.** Полученъ къ губернатору манускриптъ (?) о мирѣ, и въ сей день былъ о семъ молебенъ.

Февраль. 10. Въ сей день полученъ имянной указъ о бытіи Осипу Андреевичу [1]) Смоленскимъ и Псковскимъ генералъ-губернаторомъ.

Апрѣль 20. Вода въ великой прибыли, а въ Стерлитамакѣ слышно было, что потопило до 200,000 пуд. въ амбарахъ соли. **22.** Вода на Бѣлой еще прибываетъ.

Май 10. Полученъ указъ объ отставкѣ (князя) Мещерскаго. Казанскаго намѣстника.

Іюнь 23. Умеръ губернскій стряпчій Иванъ Ильичъ Нагаевъ.

Іюль 26. Полученъ манифестъ и былъ молебенъ о рожденіи великой княжны Ольги Павловны; у губернатора былъ обѣдъ.

Ноябрь 6. Сегодня видѣлъ полученный съ нынѣшней почтой изъ Сената указъ объ отставкѣ губернскаго прокурора Тимашева, а на мѣсто его быть секундъ-маіору Княжевичу. У губернатора былъ маскарадъ.

Въ заключеніе дневника этого года Ребелинскій пишетъ: „Благодарю Бога моего, Создателя и Творца моего, что управилъ въ семъ прошедшемъ году дни для меня благосклонные и къ благополучію жизни моей довольные. Господи Боже мой! Пробавь дни живота моего и въ семъ наступающемъ году, дабы провелъ я его такъ, какъ угодно святой волѣ Твоей; а хотя и угодно будетъ Тебѣ, Создателю моему,

---

[1]) Барону Игельстрому. У г. Новикова въ „Сборникѣ Матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства" (1879, стр. 20) неправильно показано, что баронъ Игельстромъ смѣненъ въ 1793 году.

[1]) Въ этомъ году, 12 Декабря, Ребелинскій былъ опредѣленъ секретаремъ въ Палату гражданскаго суда. Ему было всего 24 года отъ роду. Подъ дневникомъ значится еще: „во всемъ году въ приходѣ 280 руб. 20 коп.; въ расходѣ 281 руб. 41 коп., да долгу не заплочено 50 рублей.". Таковы были тогда потребности, и дешевизна (о которой заботилась сама Государыня), что можно было прожить на 300 рублей съ женою и двумя дѣтьми.

угасить свѣтильникъ жизни моей, то того единаго отъ Тебя прошу, чтобъ я удостоился быть въ число избранныхъ Твоихъ".

1793.

Май 3. Слышно, что съ почтою при письмѣ прислана копія съ объявленія Кречетникова о раздѣленіи Польши.

Іюнь 6. Полученъ манифестъ объ обрученіи Александра Павловича, великаго князя, съ принцесою, по міропомазаніи нареченною Елисаветою Алексѣевною.

Августъ 15. Получено два указа: 1-й) О учиненіи торжества о мирѣ съ Туркомъ 2-го Сентября; 2-й) О не ношеніи тростей съ оружіемъ.

Сентябрь 2. Сего числа происходило торжество о мирѣ. Полевой батальонъ былъ у собора [1]), и при многолѣтіи стрѣляли изъ ружей 3 раза.

Ноябрь 17. Пришла почта, съ коею полученъ указъ о наборѣ рекрутъ съ 500 одного или 400 рубл. деньгами. **21.** Избавленіе отъ оспы великой княгини Маріи Өедоровны.

Декабрь 9. Былъ на комедіи, которая была въ домѣ генералъ-губернаторскомъ: представляли Нѣмцы. **26.** Полученъ указъ о продажѣ вина по 4 рубля ведро.

1794.

Январь 10. Въ сей день присягали дворяне въ выборѣ судей въ будущее трехлѣтіе. **11.** Была баллотировка у дворянства, купечества и мѣщанства. **13.** Рожденіе Елисаветы Алексѣевны. У губернатора былъ маскарадъ.

Іюль 9. Полученъ указъ, чтобъ Французскихъ товаровъ не продавать.

Сентябрь 15. Жалованья получилъ 82 р. 10 к. въ треть.

Октябрь 2. Получено извѣстіе о рекрутскомъ наборѣ съ 500 пять человѣкъ. **4.** Въ разсужденіи прекраснаго времени слышно, что яблони, вишни и клубника нѣкоторою частію цвѣли. **6.** Въ вечерню выѣхалъ въ Кагинскій Демидова [2]) заводъ. **15.** Освященіе церкви Іоанна Богослова [3]), и во время оной церемоніи была пушечная пальба. Послѣ того народное угощеніе и обѣдъ, на коемъ припасено было говядины 40 пудъ, баранины 10 пудъ, пироговъ 2125, вина 43, пива 280 ведръ, и крестьяне пили весь день. **16.** Вторичное потчиваніе крестьянъ. **24.**

---

[1]) Смоленскій соборъ въ Уфѣ, нынѣ церковь св. Троицы.

[2]) Ивана Демидова.

[3]) Въ Кагинскомъ заводѣ.

Новости таковы, что опредѣленъ намѣстникъ сюда Вязьмитиновъ [1]). О Чичаговѣ полученъ указъ, чта онъ прощенъ. Губернаторъ здѣшній оставленъ. **25**. Слышно, что Суворовъ разбилъ Поляковъ, положа ихъ на мѣстѣ 16,000.

Ноябрь 1. Полученъ указъ о бытіи здѣсь генералъ-губернатору Вязьмитинову, и что губернаторъ Пеутлингъ отставленъ [2]).

Декабрь 11. Новости таковы, что Суворовъ, Репнинъ и Салтыковъ пожалованы въ фельдмаршалы. **18**. Новости, что Варшава взята и Суворовъ пожалованъ въ генералъ-фельдмаршалы. **31**. Въ церквахъ благодарственный молебенъ о взятіи Варшавы.

1795.

Январь 26. Прибылъ новый начальникъ.

Февраль 5. Генералъ-губернаторъ ходилъ по присутственнымъ мѣстамъ.

Мартъ 18. Полученъ указъ объ учрежденіи Вознесенскаго намѣстничества.

Апрѣль 4. Указъ о бытіи губернаторомъ князю Ивану Михайловичу Баратаеву.

Май 11. Въ селѣ Чесноковкѣ освящали церковь. **16**. Слухъ, что крѣпость Нижнеозерная выгорѣла, 100 дворовъ.

Іюнь 6. Получено письмо, что Табынская крѣпость 1-го числа сего мѣсяца выгорѣла вся, и осталось дворовъ съ шесть. **24**. Съ сего времени появилась чума, которая съѣла язвою людей. Сдѣлается вдругъ опухоль и потомъ синее пятно.

Іюль 7. Въ полдень пріѣхалъ вице-губернаторъ Коптевъ. **26**. Появившаяся чума прекратилась, ибо стало о ней не слышно. Во все время ея дѣйствій, умершихъ [3]) отъ нея не было, ибо потрафили пользовать. Пользовали же такъ: появившееся пятно накалывали и натирали нашатыремъ съ табакомъ или съ чеснокомъ.

Августъ 19. Полученъ указъ, чтобъ при ревизіи изъ крестьянъ въ купцы не записывать.

Октябрь 3. Мука ржаная въ нынѣшнемъ году продавалась 60, 65 и 75 коп., пшеничная 90 к. и 1 рубль. **24-го** полученъ указъ о невыпускѣ пушекъ и другихъ воинскихъ снарядовъ за границу.

Ноябрь 4. Ночью часу въ девятомъ видна была молнія.

---

[1]) Сергѣй Козьмичъ, впослѣдствіи главнокомандующій въ Петербургѣ и министръ полиціи.

[2]) Генералъ-поручикъ Александръ Андреевичъ Пеутлингъ былъ Уфимскимъ губернаторомъ съ 1790 года.

[3]) Должно быть только въ Уфѣ.

Декабрь 19. По полуночи въ седьмомъ часу загорѣлась отъ печи въ 1-й экспедиціи стѣна, отчего сгорѣла вся связь, въ которой были помѣщены Казенная Палата, Намѣстническое правленіе, Приказъ Общественнаго Призрѣнія и прокурорская. Дѣлъ вытаскано очень мало.

1796.

Февраль 24. Новости получены, что великій князь Константинъ Павловичъ обрученъ на принцессѣ Бранденбургской [1]) Аннѣ Ѳедоровнѣ.

Мартъ 2. Получено свѣдѣніе, что великій князь Константинъ Павловичъ 15-го Февраля вѣнчанъ на принцессѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ.

Апрѣль 19. Новости токмо, что графъ Платонъ А. Зубовъ пожалованъ свѣтлѣйшимъ.

Іюнь 14. Слухъ прошелъ, что Шведскій король будетъ въ Питеръ для сочетанія бракомъ съ великою княжною Александрой Павловной. **16.** Прошелъ слухъ, что Россійскими войсками взятъ Персидскій городъ Дербентъ.

Іюль 26. Цѣна на хлѣбъ стала упадать, ибо продавать начали пшеничную (муку) по 85 и 80 коп. за пудъ, ржаную по 50, 40 и по 35 коп., а всю зиму до сегодня продавалась первая по 1 р. 25 к., послѣдняя 75 и по 70 коп.

Августъ 24. Получены изъ Питера письма, что король Шведскій къ 15 Августа будетъ въ Петербургѣ, однакожъ не подъ своимъ именемъ. **28.** Возвѣщено публикѣ отъ вице-губернатора Коптева, что онъ просваталъ своячину за капитана флотскаго г. Всеволожскаго. (Свадьба была 29 Сентября).

Октябрь 15. Указъ о рекрутскомъ наборѣ съ пяти сотъ пять человѣкъ. **16.** Запрещено въ лавкахъ продавать бальзамъ Рижскій (по указу). **29.** Слышно, что Шведскій король просилъ приданова за княжной Александрой Павловной Лифляндію, но ему въ томъ отказано, потому что Россійскій дворъ давать онаго не можетъ, а дается ей одинъ милліонъ триста тысячъ рублей.

Ноябрь 21. Пополудни въ 3 часу полученъ манифестъ о кончинѣ вѣчной славы достойной императрицы Екатерины II и о восшествіи на престолъ императора Павла Петровича, коему въ сей день и присягали (въ Уфѣ).

Декабрь 2. Новости слышны стали до сего еще въ Россійскомъ государствѣ небывалыя, а именно: Санктъ-Петербургскому и Москов-

---

[1]) Т. е. Кобургской.

скому архіереямъ пожалованы андреевскія ленты, а Казанскому и Тобольскому — Александровскія; гвардія сравнена съ артиллеріею, т.-е. однимъ только чиномъ преимущественнѣе армейскихъ. **8-го**. Полученъ указъ объ отмѣнѣ рекрутскаго набору. **16**. Полученъ указъ, чтобъ здѣшнему генералъ-губернатору быть военнымъ губернаторомъ въ Черниговѣ. **22**. Ген.-губернаторъ выѣхалъ (изъ Уфы). **25**. Прошелъ слухъ, что въ Казани украдено 23 человѣка (sic), а куда неизвѣстно.

1797.

Январь 9. Новости, что намѣстничества не будутъ, а будутъ губерніи, и Уфимская губернія переводится въ Оренбургъ. Подать провіантомъ сложена, а вмѣсто того по 15 коп. собирать велѣно деньгами. **12**. Партикулярно присланъ экземпляръ о коронаціи, которая будетъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. **16**. Стало извѣстно, что Россійскіе законы будутъ состоять изъ трехъ токмо книгъ. **19**. Получены вновь изданные Сенатомъ штаты, по коимъ прибавлено два департамента (?). Губернскій прокуроръ получилъ ордеръ, чтобъ въ присутственныхъ мѣстахъ не писать *высокопарныхъ словъ*. **20**. Извѣстно стало, что померъ генералъ-фельдмаршалъ Румянцевъ. **23**. Новости тѣ, что намѣстничество здѣшнее будетъ существовать до 1-го Мая 1797 года. О Вятскомъ происшествіи (?) дѣло рѣшено, и 95 человѣкъ велѣно, отрѣша, никуда не опредѣлять; а 13, лиша чиновъ, послать на поселеніе; 15 послать велѣно въ ссылку [1]. **27**. Новости: изъ гвардіи прапорщиковъ въ „штатскую" службу велѣно выпускать въ губернскіе секретари, а сержантовъ—въ губернскіе регистраторы.

Февраль 2. Получены указы, чтобъ заштатныхъ церковниковъ поверстать въ военную службу. Малолѣтнимъ по совершеннолѣтіи дано два года просить цо дѣламъ объ апелляціи. По духовенству былъ благодарственный молебенъ, что они избавлены отъ тѣлеснаго наказанія. **15**. Полученъ указъ о новыхъ деньгахъ, у коихъ на одной сторонѣ надпись: „Не намъ, не намъ, но имени Твоему". **16**. Полученъ штатъ Оренбургской губерніи, на которую положено суммы 70,700 рублей. **22**. Полученъ указъ о выдраніи изъ указной книги 762 года [2]) съ 13 по 21 листовъ.

Мартъ 1. Получены указы: 1) объ уничтоженіи вольныхъ типографій и 2) учреждена контора для покупки золота и мѣди для преобра-

---

[1]) Въ чемъ заключалось это „Вятское происшествіе" намъ неизвѣстно.

[2]) Эти приснопамятные манифесты Екатерины Великой о восшествіи ея на престолъ въ теченіе почти семидесяти лѣтъ держались подъ спудомъ и появились снова на свѣтъ только въ 1-й книгѣ нашего сборника „Осмнадцатый вѣкъ". П. Б.

щенія ассигнацій въ монету. **31**. Стало извѣстно, что Государь къ 15 Мая будетъ въ Казань.

Апрѣль 28. Полученъ указъ, чтобъ быть губернскимъ городомъ Оренбургу.

Май 2. Новости токмо тѣ, что многіе въ день коронаціи, т.-е. 5-го Апрѣля, пожалованы деревнями, деньгами и чинами. **17**. Полученъ указъ, коимъ повелѣно за преступленія дворянъ, купцовъ, поповъ и дьяконовъ наказывать тѣлесно. **23**. Сего числа начали увязывать архивныя дѣла для отправленія въ Оренбургъ.

Іюнь 1. Изъ Палаты отправленъ въ Оренбургъ первый транспортъ. **5**. Вышелъ послѣдній съ дѣлами транспортъ. **6**. Пополудни въ 1 часу выѣхалъ я со своимъ семействомъ въ Оренбургъ. **13**. Путешествіе до Оренбурга завершилось въ 2 часа дня. **15**. Пріѣхалъ въ Оренбургъ д. с. с. Жулябинъ[1]) и сказывалъ, что въ прошедшій Четвергъ (т.-е. 11-го числа) въ Уфѣ сгорѣла отъ молніи Троицкая церковь.

Въ Оренбу[redacted]гѣ.

Іюль 25. Ѣздили на Мѣновой дворъ, который отстоитъ отъ Оренбурга въ трехъ верстахъ за Ураломъ, окруженъ каменною стѣною, въ которой внутри сдѣланы лавки, коихъ болѣе тысячи пятисотъ; при самомъ въѣздѣ для директора домъ, подъ коимъ сдѣланы ворота, въ кои въѣзжаютъ на тотъ дворъ; лавки жъ оныя покрыты желѣзомъ, однакожъ почти цѣлая половина уже брошена и стоятъ безъ крыши. Среди самаго двора сдѣланы квадратно во всѣ стороны лавки, въ коихъ торгуютъ Бухарцы. Сверхъ того была и церковь, но въ бывшее въ 1772 году (?) неустройство[2]) раззорена и стоитъ безъ всякаго поправленія. А за мѣновымъ дворомъ выстроены каменныя двѣ мечети, очень изряднаго фасону[3]). Киргизцы пригоняютъ барановъ, быковъ и лошадей и мѣняютъ Россійскимъ купцамъ; а Бухарцы привозятъ разные Азіятскіе товары и также частію мѣняютъ, а большею частію продаютъ за наличныя деньги. Я купилъ у Бухарца шелковый халатъ, заплатилъ 10 рубл.; но запрашиваютъ сначала всегда втрое. **26**. Получены экземпляры о межеваніи земель въ здѣшней губерніи, и начать оное весною 1798 года. **27**. Стало извѣстно, что Государь 6-го Іюля отбылъ въ Ревель для осмотрѣнія эскадры.

---

[1]) Предсѣдатель судебной палаты.

[2]) Т.-е. во время Пугачевскаго бунта.

[3]) Весьма характерно: мечети изряднаго фасону, а церковь православная стоитъ разрушена, и никто не заботится о ней. Вновь перестроенъ Мѣновой дворъ только при кн. Г. С. Волконскомъ въ 1805—1810 гг.

Августъ 17. Полученъ указъ, коимъ велѣно на солдатскія казармы давать Оренбургскимъ гражданамъ дрова.

Сентябрь 20. Съ почтою получено, чтобъ купцовъ исключенныхъ изъ общества отдавать въ рекруты.

Ноябрь 5. Полученъ указъ, чтобъ гостинныхъ дворовъ вновь не строить, а лавки купцамъ имѣть по домамъ. **24**. Полученъ указъ о бытіи Оренбургскимъ вице-губернаторомъ Иркутскому геберискому прокурору Ѳедорову. **25**. Вчера отправленная отсюда почта съѣхалась съ двумя неизвѣстными людьми на седьмой верстѣ отъ города, которые (т.-е. люди) почтальона подстрѣлили изъ ружья въ плечо картечью и потомъ разломали ему голову и оставили на мѣстѣ безъ чувствъ; а почту всю увезли, съ коей, сказываютъ, было денегъ 14,000 руб.[1]). Почта пропавшая найдена, и участники въ семъ злодѣйствѣ пойманы; они изъ Кургалинскихъ[2]) купцовъ два человѣка.

Декабрь 17. Новости тѣ, что здѣсь велѣно по воинской части учредить ордонансъ-гаусъ. **25**. Слухи, будто губернія паки въ Уфѣ будетъ.

1798.

Январь 13. Новости: прибавлено на расходы палатные[3]) и жалованіе служащимъ слишкомъ 5,000 рубл., сложены недоимки по 1797 г. **18**. Гербовую бумагу велѣно продавать двадцати копѣечную по 30 коп., сорока копѣечную—по 60 к., двухрублевую—по 4 рубля и такъ далѣе все вдвое. На купеческія капиталъ прибавлено по полушкѣ съ рубля, съ крестьянъ здѣшней губерніи 10,000 (?) на содержаніе полковыхъ подъемныхъ лошадей по 13 коп Учреждена вексельная бумага, кото-

---

1) По поводу этого случая въ дѣлахъ Оренбургскаго центральнаго архива находимъ высочайшій рескриптъ отъ 25 Декабря 1797 года изъ Петербурга:

„Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи и Оренбургскій военный губернаторъ, баронъ Ильгестромъ. Вамъ, конечно, уже извѣстно происшествіе, случившееся съ отправленною изъ Оренбурга въ Москву 24-го минувшаго Ноября почтою, *которая въ шести верстахъ отъ Оренбурга разбита, посланныя съ ней деньги до двенадцати тысячъ похищены, и почтальонъ, провожавшій ее, смертельно израненъ*. Вслѣдствіе чего нахожу нужнымъ предписать вамъ, чтобъ вы всемѣрное приложили стараніе розыскать сіе дѣло подробно, открыть злодѣевъ, переловить ихъ, деньги возвратить почтѣ и виновныхъ по всей строгости законовъ наказать; а между тѣмъ какъ въ поимкѣ грабителей, такъ и вообще къ искорененію воровъ употребить Уральскихъ казаковъ и чрезъ разъѣзды ихъ обезопасить дороги, дабы оныя совершенно очищены были отъ подобныхъ приключеній. Ожидая объ успѣхѣ въ томъ вашего донесенія, пребываю вамъ благосклонный ПАВЕЛЪ“.

2) Т.-е. Каргалинской (или Сейтовской) Татарской слободы, извѣстной по „Исторіи Пугачевскаго бунта“. Слобода эта находится въ 18 верстахъ отъ Оренбурга,

3) Судебной палаты.

рая будетъ продаваться по 1 рублю, по 2 рубля и по 3 рубля листы; о чемъ указъ изданъ 18 Декабря 1797 года. **24**. Въ сей день пріѣхалъ курьеръ для повѣстки полку, гдѣ былъ шефъ Игельстромъ, чтобъ онъ готовился къ походу въ Казань для встрѣчи Государя.

Февраль 1. Новости: духовенству прибавлено жалованіе. **10**. Получили военный и гражданскій губернаторы имянныя повелѣнія, увѣдомляющія о рожденіи великаго князя въ 28-е число Генваря, коему наречено имя Михаилъ. **16**. Муфтій за избраніе Киргизскаго хана[1]) награжденъ четырьмя тысячами рубл., собольею шубою, и прибавлено жалованіе противу Крымскаго муфтія.

Мартъ 10. Выступилъ Рыльскій полкъ въ походъ для встрѣчи Государя Императора Павла Петровича въ Казань. **17**. Военный губернаторъ Игельстромъ выѣхалъ въ Казань для встрѣчи Государя. **23**. Въ 1-мъ часу вскрылся на Уралѣ ледъ.

Апрѣль 9. Сгорѣлъ кабакъ, „Разгуляй" называемый. **18**. Съ протопопомъ ходилъ въ казенный садъ[2]), отстоящій отъ города верстахъ въ двухъ, идучи въ Сакмарскіе ворота.

Май 5. Полученъ указъ, чтобъ съ даваемыхъ подорожень брать въ казну сверхъ указанныхъ прогонъ по копѣйкѣ на версту на каждую лошадь и подорожнымъ быть печатнымъ.

Май 31. Изъ Казани увѣдомляютъ, что Государь въ Казань пріѣхалъ 24 числа въ шесть часовъ по утру.

Іюнь 8. Возвратился изъ Казани военный губернаторъ баронъ Игельстромъ, и прошли слухи, что Государь пожаловалъ на выстройку церкви Казанской Божьей Матери 50 тысячъ[3]), да на выстройку Казанскаго гостиннаго ряду на десять лѣтъ безъ процентовъ 200 тысячъ рублей. Уфимскій полкъ весьма (Государю) понравился, почему многіе того полку чиновники жалованы кавалеріями. Повсемѣстно отмѣненъ вычетъ у офицеровъ за бѣглыхъ солдатъ. Сюда въ Рыльскій полкъ опредѣленъ шефомъ генералъ Бахметевъ[4]). **9**. Полученъ указъ, коимъ запрещено продавать трехцвѣтныя ленты. **22**. Полученъ указъ, коимъ дано знать, что опредѣленъ въ нашъ департаментъ[5]) предсѣдатель стат. сов. Ланской[6]).

---

[1]) Султана Айчувака, пятаго сына перваго хана Малой Киргизской орды Абулхаира. Должность муфтія учреждена была въ Уфѣ въ 1788 г. для Приволжскихъ и Пріуральскихъ Магометанъ.

[2]) Нынѣ архіерейскій садъ въ Оренбургѣ.

[3]) Очевидно въ г. Казани

[4]) Генералъ-маіоръ.

[5]) Т.-е. гражданской Оренбургской Судебной Палаты

[6]) Иванъ Васильевичъ.

Іюль 27. Новости съ почтою получены: 1) запрещено въ праздничные дни сидѣть и торговать въ лавкахъ, 2) не велѣно носить фраковъ, а вмѣсто нихъ Нѣмецкіе кафтаны съ одинокимъ (?) стоячимъ воротникомъ, 3) не носить также круглыхъ шляпъ и со шнуромъ и съ отворотами сапоговъ и всякаго рода жилетовъ, вмѣсто коихъ употреблять камзолы, 4) не навертывать на шею толсто косынокъ, а повязывать *субтильно*, 5) слугамъ шить такую же ливрею, какова положена по классамъ.

Августъ 31. Полученъ указъ, коимъ дано знать, что выгнатъ изъ службы „Браславскій" [1]) городничій за ношеніе круглой шляпы и фрака.

Октябрь 15. Полученъ указъ о наборѣ рекрутъ съ пятисотъ одного. **25**. Военный губернаторъ баронъ Игельстромъ уволенъ въ отставку, а на его мѣсто опредѣленъ Рыльскаго полка шефъ Николай Николаевичъ Бахметевъ, коему велѣно завѣдывать и гражданскою частью. **31**. Въ сей день Киргизскаго хана приводили къ присягѣ, а послѣ того была ружейная и пушечная пальба.

Ноябрь 10. Съ сею почтою полученъ въ Оренбургскомъ духовномъ правленіи указъ съ приложеніемъ экземпляровъ, что Вологодской епархіи въ городѣ Тотьмѣ въ Спасо-Суморинѣ монастырѣ обрѣтенъ гробъ и въ немъ лежащее, покрытое схимою тѣло, погребенное въ 1568 году, у коего голова, руки, весь корпусъ и одежды цѣлы; по усмотрѣннымъ же вышитымъ на схимѣ литерамъ открылось, что тѣло сіе есть преподобнаго Ѳеодосія Суморина, бывшаго Тотемскаго Суморина монастыря начальника и основателя. А потому на поднесенный отъ Сѵнода докладъ, послѣдовалъ имянной Его Императорскаго Величества указъ, въ которомъ изображено: „Утверждаясь на рапортѣ, полученномъ нами отъ Святѣйшаго Сѵнода, о явленіи чудотворныхъ мощей Вологодской епархіи, въ Тотемскомъ Спасо-Суморинскомъ монастырѣ, преподобнаго Ѳеодосія Тотемскаго, ознаменовавшихся благодатію въ исцѣленіи недуговъ всѣхъ съ твердымъ усердіемъ къ нимъ прибѣгающимъ, пріемлемъ мы явленіе сихъ святыхъ мощей знакомъ отличнаго благословенія Господа на царство наше и, возсылая за то наше теплое моленіе и благодареніе Благодѣтелю въ вышнихъ, препоручаемъ Святѣйшему Сѵноду учинить о семъ знаменательномъ явленіи оглашеніе повсемѣстное въ государствѣ нашемъ по обрядамъ и преданіямъ церкви и святыхъ отцевъ. Почему празднованіе сему нововявленному чудотворцу совершать на память преставленія его, Генваря 28-го".

1799.

Январь 14. Присланъ сюда надворный совѣтникъ Бугъ съ нарочнымъ фельдъегеромъ на житье, а по какому дѣлу — неизвѣстно [2]). **21**.

---

[1]) Должно быть „Брестскій" (см. „Рус. Стар." 1895, Апрѣль, 178).

[2]) Въ чемъ провинился Бугъ (или Букъ), нельзя ничего почерпнуть изъ архив-

Замерзло два солдата, стоящіе на часахъ. **26**. Полученъ указъ, чтобъ иностранную золотую и серебряную монету выпускать и за границу.

Февраль 8. Въ газетахъ напечатано, что таковая холодная зима, какова нынѣ, была въ 1399 году.

Мартъ 28. Получено повелѣніе, чтобъ полкъ Бахметева (т.-е. Рыльскій) выступилъ въ походъ. **29**. Стало извѣстно, что 20 Февраля было обрученіе великой княжны Александры Павловны съ его королевскимъ высочествомъ эрцъ-герцогомъ Австрійскимъ, палатиномъ Венгерскимъ Іосифомъ, братомъ его величества императора Римскаго.

Апрѣль 6. Новости, что Императорскій Воспитательный Домъ отдалъ на 4 года откупъ карты по 140 тыс. рублей въ годъ. **26**. Полкъ (Рыльскій) вышелъ въ походъ въ Казань.

Май 4. Новости: велѣно здѣсь уничтожить пограничный судъ и экспедицію, а вмѣсто ихъ учредить комиссію, состоящую изъ пяти человѣкъ. **8**. Военный губернаторъ возвратился назадъ, и полкъ будетъ обратно. **11**. Стали говорить, что будто будетъ сюда великій (князь) наслѣдникъ Александръ Павловичъ, а потому и всѣ тѣ войска, которыя назначены въ Казань, обратятся сюда жъ. **26**. Пишутъ изъ Уфы, что въ 40 верстахъ отъ оной на 18 число шла туча съ градомъ, который былъ вѣсомъ отъ фунта до двухъ, клингами (?) и яйцами, чѣмъ повредило мѣстами ржаной хлѣбъ, одну гору съ лѣсомъ обнажило, прибило въ одной деревнѣ 40 овецъ.

Іюнь 6. Полученъ манифестъ объ обрученіи великой княжны Елены Павловны съ его свѣтлостью принцемъ Фридрихомъ-Людовикомъ Макленбургъ-Шверинскимъ, которое послѣдовало 5-го Мая. **10**. Послѣ полудня, въ пятомъ часу, шла туча съ градомъ и съ прежестокою бурею, такъ что въ городѣ многія оконницы вырвало, которая и прошла стороной, и въ городѣ дождя совсѣмъ почти не было. **23**. Въ письмахъ изъ Уфы увѣдомили, что на 18 число въ 11 часу пополудни былъ пожаръ, отчего сгорѣло: весь гостинный дворъ, бывшій губернаторскій домъ, выходъ винный, трактиръ и сверхъ того слишкомъ 20 дворовъ обывательскихъ. Отчего сіе случилось — неизвѣстно, а полагаютъ болѣе, что отъ поджогу, ибо сначала загорѣлись лавки.

Іюль 30. Объявлено отъ полиціи, что получено повелѣніе не но-

---

выхъ источниковъ. Только въ дѣлахъ Оренбургскаго центральнаго архива имѣется о немъ такой высочайшій рескриптъ на имя Оренбургскаго военнаго губернатора (отъ 30 Января 1799 г.): „Господинъ генералъ-маіоръ Бахметевъ. Повелѣваю вамъ имѣть строгое смотрѣніе за тѣмъ, чтобы находящійся у васъ *надворный совѣтникъ Букъ не имѣлъ ни съ кѣмъ переписки, задерживая какъ отъ него, такъ и къ нему доходящія письма*. За симъ пребываю вамъ благосклонный ПАВЕЛЪ".

сить большихъ низкихъ пуколь. **31**. Полученъ указъ объ отставкѣ г.-пр. Лопухина и что на мѣсто его опредѣленъ Беклешовъ.

Августъ 16. Былъ благодарственный молебенъ и читана въ церквахъ реляція о побѣдѣ надъ Французскимъ генераломъ *Манюнольдомъ*, одержанной графомъ Суворовымъ-Рымникскимъ. **28**. Получены экземпляры о наборѣ рекрутъ съ 350 душъ по одному.

Сентябрь 4. Извѣстно стало, что графъ Суворовъ пожалованъ княземъ. **20**. Въ газетахъ напечатано, что фельдмаршалъ графъ Суворовъ пожалованъ княземъ[1]) съ наименованіемъ Италійскимъ, коему велѣно въ гвардіи и въ войскахъ отдавать честь такъ, какъ Государю. Сардинскій король пожаловалъ его своимъ фельдмаршаломъ и свойственникомъ королевскимъ, распространяя сіе на все его потомство.

Октябрь 7. Въ городѣ сдѣлалось повѣтріе, отъ коего стали страдать лихорадкою съ кашлемъ и болью въ груди и головѣ, чѣмъ и я цѣлую недѣлю былъ боленъ. **28**. Стало извѣстно, что гражданскій губернаторъ князь Иванъ Михайловичъ Баратаевъ выключенъ изъ службы за неотводъ лѣсу для дровъ на казармы.

Ноябрь 2. Стало извѣстно, что опредѣленъ въ Оренбургъ гражданскимъ губернаторомъ Иванъ Онуфріевичъ Курисъ. **9**. Стало извѣстно, что отправляются 16 челов. сенаторовъ для инспекціи гражданскихъ дѣлъ, изъ коихъ сюда будетъ Лопухинъ. **20**. Начался трехдневный звонъ о бракосочетаніи въ 12 день Октября в. княжны Елены Павловны. **23**. Начался трехдневный звонъ о бракосочетаніи въ 17 день Октября в. княжны Александры Павловны. **24**. Стало извѣстно, что графъ Суворовъ пожалованъ генералиссимусомъ. **25**. Новости—великому князю Константину Павловичу прибавленъ титулъ Цесаревича. **26**. Стало извѣстно, что въ Казань опредѣленъ архіерей Серапіонъ Московскій, и велѣно именоваться Казанскимъ и Симбирскимъ, а не Свіяжскимъ. **28**. Дворянамъ для выборовъ въ губернскіе города съѣзжаться не велѣно, а производить выборы въ уѣздныхъ городахъ

Декабрь 1. Въ 8 часу пополуночи пріѣхалъ гражданскій губернаторъ Курисъ. **15**. Въ 10 часу пополуночи въ соборѣ[2]), отъ неосторожнаго потушенія свѣчъ, сгорѣлъ иконостасъ. **28**. Въ Казенной палатѣ получено росписаніе на 1800 годъ, изъ коего видно, что по имянному указу велѣно учредить въ Оренбургѣ епархію[3]), а въ Уфѣ возобновить преж-

---

[1]) Извѣстія, такъ называемыя „партикулярныя", въ провинціи получались раньше, чѣмъ газеты.

[2]) Очевидно въ Введенскомъ (зимнемъ) соборѣ въ Оренбургѣ, такъ какъ въ другомъ Преображенскомъ соборѣ служба происходитъ только лѣтомъ.

[3]) Оренбургско-Уфимскую. До того же Оренбургскій край въ духовномъ отношеніи подчинялся Казанской епархіи.

ній мужскій Успенскій монастырь, который перевесть изъ Коломны; указъ же оной состоялся 16 Октября.

1800.

Январь 9. Въ сей день, при свидѣтельствѣ въ кладовой инженерной команды, не явилось 16,800 руб. **11**. Воры, похитившіе деньги, открылись изъ часовыхъ. **16**. Вновь пожалованный преосвященный [1]) пріѣхалъ уже въ Казань на 8 число Генваря и оттуда прямо проѣдетъ въ Уфу, гдѣ и будетъ имѣть пребываніе. **27**. Изъ Уфы увѣдомили, что преосвященный 21 Генваря туда прибылъ и остановился по просьбѣ брата [2]) въ батюшкиномъ домѣ [3])

Февраль 11. Выѣхалъ въ Уфу для свиданія съ родственниками. **15**. Въ 11 час. пополуночи пріѣхалъ въ Уфу, остановился въ домѣ батюшки и не токмо удостоился видѣть преосвященнаго, но въ тотъ же день вмѣстѣ обѣдалъ. **19**. Преосвященный служилъ въ тепломъ (?) соборѣ. **28**. Слышно, что генералъ-прокуроръ отставленъ, а на мѣсто его опредѣленъ Обольяниновъ. Въ 12 час. выѣхалъ въ Оренбургъ (и 1-го Марта прибылъ туда).

Мартъ 9. Стало извѣстно, что въ Уфѣ открыта Оренбургская Духовная Консисторія. **16**. Отъ преосвященнаго изъ Уфы получилъ письмо. **19**. Получено повелѣніе, чтобъ не носить статскимъ чинамъ никакого платья, кромѣ мундировъ. **26**. Стало извѣстно, что въ трехъ полкахъ будетъ одинъ шефъ, а не въ каждомъ.

Апрѣль 1. Куплена дѣвка Степанида за 110 руб. **3**. Прибавлено ассесорамъ и секретарямъ Палатскимъ по сту руб. жалованія. Камерная часть упразднена. При губернаторѣ положенъ секретарь. **17**. Получено повелѣніе, чтобъ полки гарнизонные убавить и въ четырехъ батальонахъ оставить токмо 2 батальона. **30**. На Страстной недѣлѣ до Четверга, а на Пасхѣ съ Середы велѣно имѣть присутствіе.

Май 20. Сенаторы увѣдомили, что они изъ Казани паки отправляются въ Вятку для произведенія нѣкоторой комиссіи. **21**. Полученъ указъ, коимъ запрещено отставныхъ воинскихъ офицеровъ опредѣлять въ статскую службу.

Іюнь 10. Полученъ указъ, чтобъ уѣздныхъ судей, исправниковъ и засѣдателей опредѣлять отъ короны, а не по выборамъ отъ дворян-

---

[1]) Т.-е. Оренбургскій Амвросій Келембетъ, рукоположенный изъ архимандритовъ Новгородскаго Антоніева монастыря.

[2]) Священника Петра Ребелинскаго.

[3]) Т.-е. отца автора дневниковъ.

ства **22**. Состоялся указъ, коимъ не велѣно семинаристовъ выпускать ни въ какое званіе [1]).

Іюль 8. Сенаторы и инспекторы сегодняшній день пріѣхали въ Бугульму. **15**. Гражданскій губернаторъ [2]) переведенъ губернаторомъ въ Волынскъ, а оттуда сюда Глазенапъ [3]). **16**. Пополудни въ 6-мъ часу пріѣхали инспекторы-сенаторы Матвѣй Григорьевичъ Спиридовъ и Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ; остановились въ Тимашевскомъ домѣ [4]). **17**. Гг. сенаторы сегодняшній день ходили по городу, однакожъ не въ видѣ сенаторовъ (?), а въ Нѣмецкихъ кафтанахъ инкогнито и на рынкѣ торговали хлѣбъ, дрова, калачи и прочее; а одинъ изъ нихъ смотрѣлъ нѣкоторыя и землянки **18**. Гг. сенаторы сегодня были и свидѣтельствовали Губернское Правленіе; но довольны ли остались онымъ, — неизвѣстно, а кушали у бывшаго гражданскаго губернатора Куриса. **19**. Сенаторы никуда не выѣзжали, какъ токмо послѣ обѣда ходили по улицамъ пѣшкомъ. **20**. Сенаторы свидѣтельствовали дѣла въ департаментахъ 1-мъ и 2-мъ палаты суда и расправы, изъ коихъ въ 1-мъ были

---

[1]) При этомъ приложенъ слѣдующій указъ Св. Сvнода.

„По имянному Его Императорскаго Величества высочайшему указу, данному сего мѣсяца (должно быть Мая) 27-го дня, члену Сvнода преосвященному Амвросію, архіепископу С.-Петербургскому и кавалеру, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: „Преосв. Амвросій, архіеписк. С.-Петерб., Узнавъ, что изъ Тверской семинаріи по требованію нѣдѣльному С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора князя Мещерскаго уволено десять человѣкъ семинаристовъ для опредѣленія въ статскую службу, повелѣваю вамъ сдѣлать преосвященному Тверскому выговоръ, подтвердя ему при томъ, чтобъ впредъ безъ особаго моего повелѣнія изъ сего званія въ другія отнюдь не поступали; вы-жъ имѣете неослабной надзоръ надъ тѣмъ, чтобъ сія воля моя по всѣмъ епархіямъ равномѣрно исполнялась“ Сверхъ сего, на томъ же указѣ собственноручно Его Императорскаго Величества рукою написано: „Предпишите всѣмъ епархіямъ—семинаристовъ не обращать безъ воли моей въ другое какое званіе, о чемъ каждый разъ Сvноду меня спрашиваться“. Св. Прав. Сvнодъ приказали: во исполненіе сего имяннаго Его Императорскаго Величества высочайшаго указа повелѣнной выговоръ преосв. Павлу, епископу Тверскому, предоставить сдѣлать помянутому синодальному члену, преосвященному С.-Петербургскому и кавалеру, выговоръ; а дабы отнынѣ впредъ какъ изъ сей семинаріи, такъ изъ всѣхъ духовныхъ академій и семинарій, никто изъ учащихся духовнаго званія ни подъ какимъ видомъ въ другое какое званіе обращаемъ не былъ, то о непремѣнномъ и точномъ по сему имянному Его Императорскаго Величества высочайшему указу повсемѣстно исполняли, предписать указами“.

[2]) Дѣйст. ст. сов. Курисъ.

[3]) Объ этомъ губернаторѣ совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній въ мѣстныхъ изданіяхъ, а у г. Новикова въ „Сборн. матеріал. Уфимск. дворян.“ онъ даже не показанъ. Вообще данныя „Сборника“ этого, какъ и „Памятн. книжекъ по Оренбург. и Уфимской губерніямъ“, во многомъ разнятся съ дневниками Ребелинскаго.

[4]) На Губернской, нынѣ Николаевской, улицѣ.

3 часа, а во 2-мъ полчаса. Откуда поѣхали кушать къ военному губернатору, а вечеромъ ѣздили въ загородный казенный домъ. **21**. Сенаторы свидѣтельствовмли Приказъ Общественнаго Призрѣнія и были въ его школахъ. **22**. Сенаторы обѣдали у военнаго губернатора, а у обѣдни не были [1]). **23**. Свидѣтельствовали дѣла въ Казенной палатѣ и денежную казну въ казначействахъ и потомъ кушали дома. **24**. Сенаторы свидѣтельствовали дѣла въ Уѣздномъ Судѣ, кушали дома. **26**. Сенаторы свидѣтельствовали дѣла въ Пограничной Комиссіи. **27**. Свидѣтельствовали дѣла въ Магометанскомъ духовномъ собраніи, кушали у муфтія [2]). **28**. Кушали у коменданта [3]). **29**. Кушали дома. **30**. Ѣздили въ Каргалу для свидѣтельства Ратуши, откуда къ вечеру возвратились обратно. **31**. Кушали дома и никуда не выѣзжали.

Августъ. **1**. Гг. сенаторы кушали дома и никуда не выѣзжали. **2**. Кушали у купца Карелина [4]) и были въ мыльнѣ. **3**. Никуда невыѣзжали и кушали дома, какъ токмо г. Лопухинъ ходилъ по улицамъ. **4**. Кушали у полицеймейстера и просидѣли до ночи. **5**. Кушали у муфтія. **6**. Кушали у купца Карелина, а ужинали у вице-губернатора. **7**. По полуночи въ 10-мъ часу выѣхали. Сказываютъ, что усмотрѣли они, что губерніи въ Оренбургѣ быть не удобно, а способно быть ей въ Уфѣ, о чемъ-де и сдѣлали Государю донесеніе.

11-го. Священникъ Усовичъ выѣхалъ въ Уфу въ семинарскіе учители [5]). **16**. Сего дня освящали вновь поправленную Троицкую церковь [6]).

---

[1]) Царскій день: тезоименитство Маріи Ѳеодоровны и Маріи Павловны.

[2]) Резиденція муфтію назначена была Уфа: но изъ этого вытекаетъ, что онъ жилъ въ Оренбургѣ, гдѣ было и магометанское духовное собраніе. Очевидно, съ переводомъ въ 1797 году присутственныхъ мѣстъ изъ Уфы въ Оренбургъ и онъ переѣхалъ сюда и оставался здѣсь до 1802 г., когда губернскія присутств. мѣста гражданскаго вѣдомства снова были переведены въ Уфу.

[3]) Комендантомъ былъ ген.-м. Николай Петровичъ Лебедевъ.

[4]) Тотъ самый Карелинъ, который при князѣ Волконскомъ построилъ Оренбургскіе мѣновой и гостинный дворы.

[5]) Объ учрежденіи въ Уфѣ Духовной Семинаріи нѣтъ свѣдѣній. По этому же указанію можно судить, что она учреждена въ 1800 г.

[6]) Церковь Св. Троицы въ Оренбургѣ замѣчательна по своей несчастной исторіи. Во время осады Пугачевымъ Оренбурга, доведенные голодомъ до крайности, жители въ Ноябрѣ 1773 года надумали соорудить храмъ Св. Троицы и поставили сначала деревянную церковь, освященную въ слѣдующемъ 1774 году. Въ 1783 году, вслѣдствіе тѣсноты, ее сломали и, увеличивъ, выстроили на томъ же мѣстѣ каменную. Въ 1787 г. она была повреждена пожаромъ и возобновлена, судя по настоящимъ дневникамъ, только въ 1800 году (хотя мѣстный историкъ покойный Р. Г. Игнатьевъ, не на чемъ не основываясь, указываетъ возобновленіе это въ 1801 г. (см. „Оренб. Лист." 1886, № 16). Во время бывшаго въ 1879 году пожара также обгорѣла, но на слѣдующій годъ была исправлена. Съ 1883 г. въ ней ежегодно, совершается 29 Марта

17. Получены указы: 1) Отмѣненъ на нынѣшней годъ рекрутскій наборъ, 2) велѣно полковника Донскова 1-го *), лиша чиновъ и дворянства, отобравъ патенты, наказать кнутомъ нещадно за измѣну. **24**. Новости: вице-губернаторъ Ѳедоровъ и 1-го департамента председатель (?) пожалованы 1-й въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 2-й въ статскіе совѣтники. Арміямъ, подъ предводительствомъ генерала Голенищева-Кутузова, велѣно выступить въ 24 часа, поелику-де политическія дѣла открываютъ разрывъ союза съ Англіей.

Октябрь 2. Получены изъ Петербурга письма, что представленіе сенаторское о разсужденіи перевода губерніи въ Уфу Государь отдалъ въ Сенатъ съ тѣмъ, чтобъ оной представилъ при своемъ докладѣ, который яко-бы уже приготовленъ и скоро будетъ поднесенъ.

Ноябрь 20. Присланъ указъ, чтобъ здѣшнему вице-губернатору Ѳедорову быть Смоленскимъ губернаторомъ, а на мѣсто его опредѣленъ д. с. с. и предсѣдатель Пермской палаты суда и расправы Яковлевъ. Выключеннымъ и отставнымъ велѣно объявить, что кто желаетъ опредѣлиться, тѣ бъ явились въ Петербургъ. **29**. Въ 8 часу ночи загорѣлся отъ худой трубы Магистратъ, у коего сгорѣлъ верхъ, а потому все изъ него вытаскали.

Декабрь 12. Получены указы: 1) Здѣшнему вице-губернатору Яковлеву быть Орловскимъ гражданскимъ губернаторомъ; 2) велѣно отобрать отъ заводовъ приписныхъ крестьянъ, а оставить токмо по 58 человѣкъ съ тысячи душъ. **30**. Получ. указъ, что Е. И. В-во, на всеподданнѣйше поднесенный докладъ Сената 1-го департамента о переводѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ изъ Оренбурга въ Уфу высочайшаго соизволенія оказать не благоволилъ.

1801.

Январь 14. Получ. указъ, коимъ не велѣно дѣтей личныхъ дворянъ опредѣлять въ службу безъ доклада Государю. **15**. Пріѣхалъ вице-губернаторъ Кривошеевъ. **20**. Гражданскій губернаторъ получилъ кавалерію Іоанна Іерусалимскаго. **27**. Торговыя бани положить велѣно въ оброкъ.

Февраль 3. Новости: оброчныя статьи велѣно отдавать изъ оброка отъ одного на двѣнадцать лѣтъ, и Гатчинскихъ батальоновъ отставные солдаты пожалованы однодворцами. 6. Продана дѣвка Наташка за 140 р. **10**. Съ почтою получено, что Грузія принята подъ Россійскую державу и сравнена съ древними Россіянами. Велѣно въ Оренбургѣ и въ ближай-

---

паннихида по убіеннымъ защитникамъ Оренбургскимъ во время Пугачевской осады (съ 5 Октября 1773 г. по 29 Марта 1874 года).

*) Уральскій войсковой атаманъ.

шихъ къ нему крѣпостяхъ заготовить провіанту на два мѣсяца для двадцати пяти тысячь войскъ, но для чего не извѣстно. **18**. Съ почтою получено повелѣніе заготовить по тракту для слѣдующаго съ Дона вой ска фуражъ [1]). 24. Полученъ уставъ о банкротахъ.

Мартъ 3. Новости, съ Французами открыта комерція. **26**. Въ ночи на 26-е число въ 11 часу полученъ съ курьеромъ манифестъ о кончинѣ 11-го на 12-е число Марта Государя Императора Павла Петровича скоропостижно отъ апоплексическаго (?) удара, который (т. е. Государь) царствовалъ весьма строго четыре года, четыре мѣсяца и шесть дней, (умеръ) 46 лѣтъ отъ роду,—и о возшествіи на престолъ Государя Александра Павловича, коему отъ роду 23 года. Въ сей день о первомъ была въ соборѣ панихида, а въ вѣрности послѣднему принимали присягу.

Апрѣля 11. Почта получена и стало извѣстно: 1) указъ, чтобъ съ воинскими чинами и мѣстами сношеніе имѣть на прежнемъ основаніи, т. е. указами, 2) указъ о прощеніи бѣглыхъ, которые выйдутъ изъ-заграницы. 3) Указъ, что выключенные, всѣ безъ изъятія отставляются, 4) въ приказахъ, чтобъ не быть вахтъ-параду; 5) полки гвардіи именовать по прежнему, т. е. Семеновскій, Преображенскій и проч. Одѣты всѣ они уже въ прежніе мундиры, и великій князь Константинъ Павловичъ конной гвардіи подполковникъ. 6) *Секретаревъ* [2]) и съ нимъ въ регистрѣ 160 человѣкъ прощены и велѣно жить, гдѣ похотятъ. 7) Генераловъ Сибирскова (?) и Турченинова велѣно изъ ссылки возвратить, имѣнія, чины и кавалеріи отдать и жить имъ, гдѣ похотятъ. 8) Ротгаузы и ордонансъ-гаузы, которые велѣно было учредить при Нижнихъ земскихъ судахъ, отставить.—Партикулярно увѣдомляютъ: у Санктъ-Петербургской крѣпости найдена надпись такова: „*Сей домъ отъ постою, по милости Александра Перваго, освобождается*". **17**. Съ почтою получено, что въ уѣздные суды и нижніе земскіе (суды) судей, исправниковъ и засѣдателей велѣно выбирать по выбору дворянства, а опредѣленныхъ

---

[1]) Здѣсь говорится о предполагавшемся походѣ на Индію Донскихъ казаковъ, который, однако, вполнѣ не осуществился, хотя гг. Арсеньевъ въ статьѣ „Атаманъ Платовъ завоеватель Индіи" („Истор. Вѣст." 1893, Октябрь) и Черновъ „Терпи, казакъ!" („Нов. Слово" 1894, Мартъ) и старались доказать, что Донскіе казаки перешли Оренбургъ и зашли далеко въ Киргизскія степи. Поэтому я статьей своей „На Индію" (Русская Старина" 1894, Декабрь), на основаніи архивныхъ документовъ, опровергнулъ ошибочное мнѣніе, и доказалъ, что казаки Донскіе не были и не могли быть въ это время въ Оренбургѣ. Однако это не помѣшало нѣкоему г. М. Ж. писать еще, что походъ былъ и казаки Донскіе дошли до „*с. Мечетнаго, Вольскаго уѣзда, Саратовской губерніи*" (sic). Право, есть же у людей страсть опровергать то, въ чемъ самъ себѣ противорѣчишь!

[2]) Секретаревъ, бывшій камердинеръ Екатерины, сосланный въ Оренбургъ.

отъ герольдіи всѣхъ велѣно смѣнить. **23**. Съ почтою получено токмо то, что полевые полки велѣно переименовать по прежнему, т. е. по городамъ, а не по шефамъ. **29**. Получено съ почтою: 1) утверждена на вѣчныя времена дворянская грамота, 2) также подтверждено городовое положеніе. 3) уничтожена вовсе тайная экспедиція.

Май 8. Новости: сельскимъ попамъ повелѣно работать самимъ, а не прихожанамъ. **13**. Солдатамъ всей арміи не велѣно пудриться. **20**. 2-го департамента палаты Суда и Расправы предсѣдатель Ланской въ отставку съ полнымъ жалованіемъ.

Іюнь 16. Получено, что Государь Императоръ обще съ супругою короноваться изволитъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Будучи въ Сѵнодѣ, (Государь) изволилъ указать, чтобъ за преступленія поповъ и дьяконовъ тѣлесно не наказывать.

Іюль 7. Новости: 1) велѣно въ соляные и винные пристава опредѣлять отъ короны, а не изъ купечества, 3) учредить велѣно паки адресъ-календарь, а ординарной (календарь?) всѣмъ тѣмъ, что́ было въ немъ до 1796 года дополнить, а Мальту (?) изъ онаго и изъ числа губернскихъ городовъ исключить [1]).

Сентябрь 15. Гражданскій губернаторъ Глазенапъ выѣхалъ въ отпускъ. Изъ Москвы увѣдомляютъ, что Государь въ оную пріѣхалъ. **26**. Партикулярно удѣдомили, что высочайшая коронація была 15-го Сентября. **30**. Новости, что коронація дѣйствительно 15-го Сентября была. При оной изданъ въ 11 пунктахъ милостивый манифестъ. Увѣдомляютъ партикулярно, что будто губерніи велѣно перевесть въ Уфу [2]).

Октябрь 7. Новости: 1) пограничными губерніями управлять военнымъ губернаторамъ, въ томъ числѣ и Оренбургскою; 2) возобновлено пять губерній, въ томъ числѣ и Пензенская; 3) ассесоры въ палатахъ упразднены, а вмѣсто ихъ отъ дворянства и купечества по два засѣдателя; 4) возобновлены губернскіе и уѣздные стряпчіе; 5) учредить велѣно Совѣстный Судъ; 6) въ уѣздные и земскіе суды засѣдатели отъ поселянъ; 7) возобновлены паки по городамъ уѣзднымъ—землемѣры; 8) Палаты именовать гражданскою и уголовною; 9) секретарей въ уѣздныхъ судахъ избирать и опредѣлять тѣхъ судовъ судьямъ, съ утвержденіемъ Губернскаго Правленія. **14**. Новости, чтобъ у солдатъ быть курткамъ и панталонамъ.

Сообщилъ **П. Юдинъ**.

---

1) Далѣе, по причинѣ болѣзни Ребелинскаго, идетъ перерывъ.

2) Переводъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ изъ Оренбурга въ Уфу состоялся лѣтомъ 1802 года.

ВОПРОСЪ О ХАНСКОЙ БАСМѢ [1]).

Лѣтописи наши не даютъ намъ почти никакихъ свѣдѣній относительно унизительныхъ обрядовъ, съ которыми Золотоордынскіе послы принимались вообще Русскими князьями, данниками хана и Московскими великими князьями въ частности. О томъ мы имѣемъ только свидѣтельства иноземныя и притомъ относящіяся ко времени паденія или послѣ паденія Татарскаго ига. Самое старшее свидѣтельство принадлежитъ Длугошу, т. е. второй половинѣ XV вѣка. Онъ пишетъ слѣдующее: „Князь пѣшій встрѣчаетъ пріѣзжающихъ въ его резиденцію пословъ Татарскаго хана, даже незнакомыхъ, приходящихъ за данью или по другой надобности; подаетъ имъ сосудъ съ кобыльимъ молокомъ и капли его, падающія на гриву коня, слизываетъ губами. Татарину, читающему ханское письмо въ Русскомъ переводѣ, онъ подстилаетъ подъ ноги наилучшую шубу, подбитую соболями, и самъ со всѣми молодыми князьями, боярами и ближними своими долженъ на колѣняхъ слушать чтеніе“ (Lib. XIII). Писавшій по слуху и непріязненный Москвѣ, Длугошъ очевидно преувеличилъ унизительность этихъ обрядовъ, которые, если даже и существовали въ такомъ видѣ, то вѣроятно въ первыя, самыя тяжкія времена ига. Нѣсколько позднѣйшее сравнительно съ Длугошемъ, но идущее изъ такого же источника, свидѣтельство Литвина Михалона повторяетъ почти тоже, только съ нѣкоторыми варіантами: „Прежде—говоритъ онъ—Москвитяне были въ такомъ рабствѣ у Татаръ Заволжскихъ, что между прочимъ ихъ князь выходилъ за городъ на встрѣчу всякому ханскому послу и ежегодно пріѣзжавшему сборщику податей, и пѣшій велъ его лошадь подъ уздцы до дворца. Посолъ садился на княжескомъ престолѣ, а князь, преклонивъ колѣна, выслушивалъ посольство“. (Архивъ Истор.-Юридич. Свѣдд. Калачова. II., полов. 2-я, М. 1854. стр. 33). Герберштейнъ говоритъ только, что Иванъ III выходилъ навстрѣчу посламъ за городъ и выслушивалъ ихъ стоя, когда они сидѣли; но что потомъ, по убѣжденію своей супруги Софьи, онъ сказывался больнымъ, чтобы не встрѣчать самому пословъ.

Въ этихъ свидѣтельствахъ, какъ видимъ, ничего не говорится о хан-

---

[1]) Читано въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. 21 Января 1897 г.

ской басмѣ. Откуда же взялся извѣстный разсказъ объ этой басмѣ, постоянно повторяемый историками, повѣствующими о свержении Татарскаго ига? Онъ заимствованъ изъ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“, которая издана была въ Петербургѣ въ 1791 году; но написана она еще въ XVI в. Вотъ что тамъ говорится: „Царь Ахматъ воспріимъ царство Златыя Орды по отцѣ своемъ Зеледеи Салтане царе, и посла къ нему, къ великому князю Ивану, къ Москвѣ, послы своя по старому обычаю отецъ своихъ съ басмою, просити дани и оброковъ и за прошлая лѣта. Великій же князь ни мало убояся страха Царева, но пріимъ басму лица его, и поплевавъ на ню, и излама ея, и на землю поверже, и потопташа ногами своими, и гордыхъ пословъ его всѣхъ избити повелѣ, единого отпусти жива“ и пр. (стр. 36). „Скиѳская исторія“ Лызлова, составленная въ концѣ XVII вѣка, тоже упоминаетъ о басмѣ; но Лызловъ очевидно пользовался существовавшей во многихъ спискахъ рукописью „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“. Изъ того же источника брали этотъ эпизодъ авторъ „Ядра Россійской исторіи“, Татищевъ въ своей „Исторіи Россійской“ и нѣкоторые другіе писатели XVIII вѣка. Щербатовъ, разсказывая о прибытіи пословъ Ахмата съ дерзкимъ требованіемъ даней, неуплаченныхъ за прежніе годы, о басмѣ при этомъ совсѣмъ не упоминаетъ, а говоритъ только о разорваніи ханской грамоты Иваномъ III; хотя, напримѣръ, Лызловымъ онъ несомнѣнно пользовался; но очевидно подъ басмою онъ тутъ разумѣлъ именно ханскую грамоту.

Собственно за Русской исторіей закрѣпилъ весь этотъ эпизодъ нашъ знаменитый исторіографъ. Карамзинъ не преминулъ соединить вышеприведенное свидѣтельство Длугоша съ извѣстіемъ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“, и начерталъ картину пріема Татарскихъ пословъ, присоединивъ къ ней еще домыселъ автора „Ядра Россійской исторіи“ о томъ, что на мѣстѣ встрѣчи пословъ построили потомъ церковь Спаса на Болвановкѣ, такъ какъ басма истолковывалась этимъ авторомъ въ смыслѣ деревяннаго ханскаго изображенія или болвана (Карамзина, Т. VI. 58 и 89. прим. 131 и 208). Въ примѣчаніи (208) онъ даетъ еще слѣдующее объясненіе: „У насъ несправедливо толковали, что *басма* есть ханская грамота съ печатью; грамоты хановъ назывались *ярлыками*, а печать *нишаномъ*. *Басма* собственно значитъ *тисненіе*, *изображеніе*, *снимокъ* отъ глагола *басмакъ*, такъ изъясняемаго въ Латин. словарѣ. „Basmak calcare, premere, impressionem facere“. Возраженіе исторіографа противъ толкованія басмы ханскою грамотою, вѣроятно, имѣло въ виду Исторію Россійскую Щербатова, и „Словарь Академіи Россійской“, гдѣ мы находимъ прямо такое толкованіе.

Приблизительно въ такомъ же видѣ затѣмъ повторяли этотъ эпизодъ послѣдующіе Русскіе историки или писавшіе Русскую исторію, за исключеніемъ Арцыбашева, т. е. Полевой, Штраль (Geschichte des Russischen Staates), Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ и Костомаровъ. Полевой по сему случаю въ примѣчаніи дѣлаетъ вопросъ: что́ такое басма? И отвѣчаетъ вышеприведеннымъ объясненіемъ Карамзина; но онъ сомнѣвается относительно связи басмы съ церковью Спаса на Болвановкѣ (V. 499). А. Соловьевъ пе-

редаетъ вообще извѣстія объ унизительныхъ обрядахъ посольскаго пріема, сопровождая ихъ словами „будто", т. е. подвергаетъ ихъ нѣкоторому сомнѣнію (V, втор. изд. 107). Костомаровъ („Русская исторія въ жизнеописаніяхъ"), приводя въ примѣчаніи извѣстіе о басмѣ, растоптанной Иваномъ III, и убіеніи пословъ, просто считаетъ это извѣстіе недостовѣрнымъ. Одинъ Арцыбашевъ въ своемъ „Повѣствованіи о Россіи" совсѣмъ пропустилъ эпизодъ съ басмою и встрѣчею пословъ, вѣроятно потому, что о нихъ нѣтъ ничего въ Русскихъ лѣтописяхъ, а онъ близко держался лѣтописей и неособенно уважалъ твореніе знаменитаго исторіографа.

Эпизода о басмѣ касались и нѣкоторые Русскіе археологи или описатели старины; но въ объясненіи ея они болѣе или менѣе слѣдовали за Карамзинымъ.

Такъ Иванчинъ Писаревъ, въ описаніи Андроникова монастыря, ханскою басмою или болваномъ объясняетъ названіе „Болванской" дороги, которая шла съ Юга черезъ Коломну на Москву; ибо по ней пріѣзжали ордынскіе послы (стр. 65). Самый большой путеводитель по Москвѣ, изданный въ 1827 — 1831 гг. въ четырехъ томахъ, Замоскворѣцкую церковь Спаса на Болвановкѣ объясняетъ встрѣчею на томъ мѣстѣ ханской басмы, которую въ народѣ называли просто „болваномъ" (III. 295). Но Басманная часть города или бывшая Басманная слобода, по его толкованію, будто бы получила свое названіе отъ принадлежности Басманову, извѣстному любимцу Ивана Грознаго (IV. 28).

Послѣднее толкованіе очевидно невѣрно, потому что, напримѣръ, Старая Басманная улица называлась прежде „Старые Басманники", что прямо указываетъ на обитавшихъ здѣсь дворцовыхъ басманниковъ. Этотъ фактъ приведенъ въ Историко-археологическомъ описаніи Москвы извѣстнаго археолога А. А. Мартынона. Текстъ его принадлежитъ не менѣе извѣстному Московскому археологу Снегиреву, который повторяетъ, что *басма* въ Турецко-татарскихъ языкахъ означаетъ оттискъ, отпечатокъ; отъ нея произошло уже Русское *басмить*, дѣлать оттискъ; оттуда на старинныхъ нашихъ образахъ извѣстенъ *басменный* окладъ изъ серебра, золота и мѣди. Оттуда же и названіе *басманомъ* круглаго хлѣба, на верхней коркѣ котораго басмились разныя фигуры. Дворцовые пекари такого хлѣба назывались *басманники*; вотъ отъ этихъ-то басманниковъ, по его объясненію, и получила названіе Басманная дворцовая слобода („Москва". I. втор. изд. 78 и 170). Относительно Болвановки это изданіе Мартынова повторяетъ тѣже объясненія, основанныя на ханской басмѣ. Но кромѣ Замоскворѣцкаго урочища *Болвановья* оно указываетъ еще *Болваново* Заяузское, входящее въ предѣлы Таганки, и говоритъ, что Таганскіе ворота прежде назывались *Болвайскими*. Оно указываетъ при семъ на Годуновскій чертежъ Москвы, гдѣ въ этой мѣстности обозначено Bolbanische gorod; что можно толковать словами и городъ, и ворота (168). Во всякомъ случаѣ для даннаго вопроса важно тутъ указаніе на двѣ Болвановки: уже это раздвоеніе подрываетъ легенду о связи басмы съ одною только мѣстностію. Очевидно, мы имѣемъ

дѣло съ позднѣйшимъ домысломъ; въ дѣйствительности народъ связывалъ эти мѣстности съ какими либо иными болванами, а не съ басмою.

Покойный предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества графъ А. С. Уваровъ въ своихъ работахъ коснулся и вопроса о басмѣ, которой даетъ подобное же толкованіе. Его замѣтка о ней помѣщена въ Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества, во 2-мъ томѣ (1869 г.) въ „Матеріалахъ для Археологическаго Словаря“.

Какъ мы видимъ, за весьма немногими исключеніями, наши историки и археологи повторяли Карамзинское толкованіе, т. е. принимали басму въ смыслѣ ханскаго изображенія, въ родѣ портрета, бюста и т. п., вообще въ смыслѣ какого-то болвана по народному выраженію; по крайней мѣрѣ никакого другого толкованія и не попытались представить. Какъ исключеніе изъ этого положенія, мнѣ извѣстна пока только одна попытка другого толкованія, принадлежащая покойному Троицкому архимандриту Леониду. Въ томѣ X Извѣстій Петербургскаго Археологическаго Общества (1884 г.) онъ помѣстилъ ярлыкъ Ахмата Ивану III, 1476 г. Тутъ ханъ приказываетъ себѣ заплатить дань „60.000 алтынъ вешнею, да 60.000 алтынъ осеннею“. „А на себѣ бы еси носилъ *Батыево знаменіе*, у колпака верхъ вогнувъ ходилъ“,—прибавляетъ ярлыкъ. Вотъ это-то „Батыево знаменіе“, по мнѣнію отца архимандрита, будто бы и была пресловутая ханская басма. Но такое толкованіе несовсѣмъ удобопонятно, и трудно его принять.

Теперь обращусь къ другому толкованію, которое по моему разумѣнію заслуживаетъ особаго вниманія.

Повидимому, всѣмъ нашимъ историкамъ и археологамъ, за послѣднее пятидесятилѣтіе касавшимся вопроса о басмѣ, осталось неизвѣстно то, что́ сообщаетъ о ней Нарбутъ въ VIII томѣ своихъ Dzieje narodu Litewskiego, вышедшемъ въ 1840 году [1]). Тамъ у него въ приложеніяхъ есть Dodatek XI, спеціально посвященный данному вопросу. Нарбутъ сообщаетъ, что какой-то любитель старины, знакомый съ письменностію Литовскихъ Татаръ, нашелъ въ одной ихъ рукописи, написанной Арабскими буквами на Татарскомъ языкѣ съ примѣсью Литовско-русскаго нарѣчія, слѣдующее объясненіе интересующаго насъ предмета.

„Ханская басма была ничто иное какъ деревянный ларчикъ, двѣнадцати дюймовъ въ длину и пяти въ ширину, наполненный растопленнымъ воскомъ, который окрашивался въ тотъ или другой цвѣтъ, смотря по желанію хана. На этой восковой массѣ, пока несовсѣмъ застывшей, оттискивалась ханская стопа прямо давленіемъ босой ноги. На такой оттискъ клалась подушечка, сшитая изъ дорогой матеріи и набитая, пропитанною запахомъ мускуса, хлопчатою бумагою. Ларчикъ закрывался высокою крышкою и завертывался въ шелковую матерію, затканную золотомъ и

---

[1]) Въ своей „Исторіи Россіи“ я при первомъ изданіи второго тома также упустилъ изъ виду сообщеніе Нарбута, и вкратцѣ воспользовался имъ только при второмъ изданіи.

серебромъ. Для пути его вкладывали въ кожанный мѣшокъ, который вьючился на богато убранаго и покрытаго пурпуровою попоною верблюда. Этого верблюда велъ особо для того назначенный чиновникъ, а для стражи и почета его окружали двѣнадцать ханскихъ знаменоносцевъ или улановъ".

Далѣе Нарбутъ въ подтвержденіе этого объясненія указываетъ на нѣсколько камней, о которыхъ онъ слышалъ, что на нихъ виденъ отпечатокъ человѣческой стопы. Эти камни встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы и Бѣлоруссіи. Отсюда онъ заключаетъ, что они тоже представляютъ собою родъ басмы и означали предѣлы Монгольскихъ владѣній. Послѣднее его соображеніе для насъ уже не имѣетъ значенія. Но приведенное сейчасъ объясненіе басмы заслуживаетъ нашего вниманія, хотя Нарбутъ по своему обыкновенію не указываетъ въ точности своего источника. Ссылка его на то, что слово *башмакъ*, какъ названіе извѣстной обуви, заимствовано у Татаръ и происходитъ конечно отъ басмы—эта ссылка, на нашъ взглядъ, дѣйствительно подкрѣпляетъ объясненіе басмы какъ оттиска ханской стопы.

Въ дополненіе къ этому объясненію, съ своей стороны напомню обычай восточныхъ, т. е. Азіатскихъ, деспотовъ повергать на землю побѣжденнаго и плѣннаго государя или предводителя и наступать на него ногою въ знакъ своей полной надъ нимъ власти. Откуда и у насъ сохраняется выраженіе „быть подъ пятою", т. е. быть подъ игомъ. Мало того, употребляется еще выраженіе „быть подъ башмакомъ", когда говорится о подчиненіи мужа своей женѣ, такъ какъ башмакъ у насъ сдѣлался принадлежностію собственно женской обуви. Восковой оттискъ ханской стопы, по этимъ соображеніямъ, дѣйствительно могъ служить символомъ ханскаго господства и, слѣдовательно, требовалъ особыхъ себѣ почестей со стороны подвластныхъ хану владѣтелей.

Итакъ, если мы примемъ вообще извѣстіе о ханской басмѣ, привозимой въ Москву, за достовѣрное, то, конечно, объясненіе, сообщенное Нарбутомъ, представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ объясненіе ея какимъ-то ханскимъ изображеніемъ или болваномъ. И тѣмъ болѣе, что Татарскіе ханы того времени, какъ мусульмане, уже въ силу Корана не могли допускать своихъ портретовъ или изваяній. На это обстоятельство также указываетъ Нарбутъ.

Но главный вопросъ заключается въ томъ: можно ли самое извѣстіе о ханской басмѣ считать достовѣрнымъ? Мы уже видѣли, что нѣкоторые отрицали или только сомнѣвались въ этой достовѣрности. Но одно дѣло отвергнуть голословно какое либо свидѣтельство, другое дѣло научнымъ образомъ доказать его недостовѣрность. Если о басмѣ ничего не упоминаютъ наши лѣтописи, этого аргумента еще недостаточно. Онѣ не упоминаютъ о многихъ фактахъ, о которыхъ мы узнаемъ изъ другихъ источниковъ; при томъ ненадобно забывать ихъ оффиціознаго характера, вслѣдствіе котораго факты, непріятные княжескому или народному самолюбію, пропускались. Такъ онѣ совсѣмъ не упоминаютъ и вообще о тѣхъ ун

зительныхъ обрядахъ при пріемѣ Татарскихъ пословъ въ Москвѣ, о которыхъ свидѣтельствуютъ иноземцы. Въ данномъ случаѣ для насъ кажется важнымъ обстоятельствомъ, что иноземцы, свидѣтельствующіе объ унизительныхъ обрядахъ, точно также какъ и лѣтописи совсѣмъ не упоминаютъ при этомъ о басмѣ. Именно: Длугошъ, Михалонъ и Герберштейнъ. Особенно важно умолчаніе Герберштейна, который лично былъ въ Москвѣ при сынѣ Ивана III и получалъ свѣдѣнія о его времени отъ стариковъ, еще помнившихъ это время. Возможно конечно, что Русскіе не все ему охотно разсказывали, и самое его свидѣтельство, какъ мы видѣли, отличается отъ Длугоша и Михалона, т. е. неповторяетъ тѣхъ же унизительныхъ подробностей о встрѣчѣ пословъ.

Такимъ образомъ извѣстіе о басмѣ, столь распространенное въ нашей исторіографіи и археологіи, восходитъ только къ одному источнику, т. е. къ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ"; другого подтвержденія ему пока не имѣемъ. Неизвѣстный авторъ этой исторіи говоритъ о себѣ, что онъ 20 лѣтъ пробылъ въ Казанскомъ плѣну; онъ описываетъ паденіе Казани какъ современникъ и почти очевидецъ. (Вопросъ о томъ, кто именно былъ этотъ авторъ, доселѣ невполнѣ разъясненъ, хотя, основываясь на Татищевѣ, его считали священникомъ Іоанномъ Глазатымъ). Если его показаніе о себѣ вѣрно, то онъ былъ современникомъ Герберштейна, и слѣдовательно какъ туземецъ могъ еще лучше его знать подробности о времени Ивана III. Во всякомъ случаѣ авторъ жилъ въ XVI вѣкѣ, ибо имѣются списки его Исторіи уже конца XVI вѣка [1]). Но къ сожалѣнію, вообще его разсказы не отличаются полною достовѣрностію, обилуютъ разными домыслами и прикрасами. Если разберемъ его извѣстіе о басмѣ, то убѣдимся, что самъ онъ имѣлъ о ней какое-то смутное представленіе. „Пріимъ басму лица его" говоритъ онъ. Если басма по татарски значитъ оттискъ, отпечатокъ, то получимъ „оттискъ его, т. е. ханскаго лица"; въ такомъ смыслѣ, какъ мы видѣли, и было истолковано это выраженіе. Но что́ такое оттискъ или отпечатокъ лица? Портретъ сюда могъ бы подходить, если бы тогда у Татаръ извѣстно было граверное искусство. Сюда скорѣе всего подходило бы понятіе о маскѣ, напримѣръ, восковой. Но опять, сколько извѣстно, мы не имѣемъ никакихъ подтвержденій, чтобы ханы позволяли снимать восковыя маски съ своего лица? При томъ же слово *башмакъ* въ качествѣ обуви связываетъ басму, какъ отпечатокъ, не съ лицомъ, а со стопою. Очевидно, авторъ Казанской Исторіи, самъ получилъ свое свѣдѣніе о басмѣ въ видѣ какого то смутнаго преданія, а яснаго представленія о ней не имѣлъ. Притомъ и его показаніе объ избіеніи Татарскихъ пословъ уже совсѣмъ не согласуется съ осторожнымъ характеромъ Ивана III, и едва ли можетъ быть принято.

---

[1]) См. С. М. Шпилевскаго „Древніе города и другіе Булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи". Казань. 1877. Здѣсь цѣлое второе приложеніе посвящено разбору этой „Исторіи" на ея составныя части.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ и соображеній, мы можемъ только тогда принять его извѣстіе о ханской басмѣ за достовѣрное, когда получимъ подтвержденіе тому изъ какого либо другого самостоятельнаго источника; а до того времени не можемъ считать его достовѣрнымъ. Конечно помянутая ссылка Нарбута на какую то Арабско-татарскую рукопись могла бы послужить такимъ подтвержденіемъ, если бы самая эта ссылка была обставлена болѣе точными указаніями съ возможностію ихъ провѣрки. Поэтому я позволю себѣ обратиться преимущественно къ знатокамъ Татарскихъ языковъ, исторіи и Татарско-мусульманскихъ обычаевъ съ вопросомъ: неизвѣстны ли имъ такіе факты, которые могли бы или подтвердить, или отвергнуть пресловутое извѣстіе о ханской басмѣ? Не существовало ли въ Татарскихъ и вообще Азіатскихъ государствахъ кагого либо если не тождественнаго, то аналогичнаго явленія сравнительно съ нашимъ сказаніемъ о басмѣ или съ ея объясненіемъ у Нарбута? Послѣднее слово въ данномъ вопросѣ, по моему мнѣнію, принадлежитъ именно таковымъ знатокамъ. А я не рѣшаюсь отвергнуть извѣстіе неизвѣстнаго автора XVI вѣка о басмѣ и ссылку Нарбута, пока не истощены всѣ средства исторической науки, чтобы рѣшить вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ*).

Д. Иловайскій.

---

*) На мое обращеніе отозвались двое изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи Археологическаго общества ученыхъ. Достоуважаемый профессоръ Турецкой литературы въ Лазаревскомъ Институтѣ, С. Е. Саковъ въ дополненіе къ моему реферату привелъ одну аналогію изъ быта Османскихъ Турокъ, гдѣ нѣчто подобное представляетъ отпечатокъ руки, какъ символъ власти. Вообще онъ склонялся къ тому, чтобы признать объясненіе басмы, предложенное въ ссылкѣ Нарбута, заслуживающимъ вѣроятія. Д. Ф. Кобеко, выдающійся членъ Петербургскаго Археологическаго Общества, заявилъ, что, по случайному совпаденію, онъ самъ занимался тѣмъ же вопросомъ спеціально, и его изслѣдованіе должно скоро появиться въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія названнаго Общества. По его мнѣнію многочисленные списки „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ представляютъ варіанты даннаго извѣстія, которые указываютъ на испорченность его текста. Такимъ образомъ онъ совсѣмъ отвергаетъ фразу „басму лица его“; а вмѣсто нея ставитъ другое слово, которое сближаетъ это извѣстіе съ помянутымъ выше ярлыкомъ Ахмата и толкованіемъ архимандрита Леонида. О степени достовѣрности какъ такого толкованія, такъ и другого чтенія въ текстѣ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ можемъ судить конечно только тогда, когда будемъ имѣть предъ собою полное изслѣдованіе.

ИЗЪ МОЕЙ СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Въ 1845 г. коллежскій совѣтникъ Александръ Петровичъ Озеровъ, вслѣдствіи продолжительнаго отпуска генеральнаго консула Н. А. Аничкова, управлялъ Генеральнымъ Консульствомъ въ Тавризѣ, будучи старшимъ секретаремъ при посольствѣ въ Персіи. Посланникомъ тогда былъ графъ Александръ Ивановичъ Медемъ.

Во время управленія Озерова, бѣжалъ изъ Закавказья въ Карадагскую область, съ шайкою вооруженныхъ нукеровъ, полковникъ Русской службы Солейманъ, ханъ Шекинскій, которому шахъ Персидскій отвелъ во владѣніе участокъ земли, на нашей границѣ. Бѣглый ханъ, усиливъ свою шайку туземцами, промышлялъ разбоемъ, контрабандою и пристанодержательствомъ. Персидское правительство отказывало намъ въ выдачѣ его, но подъ рукою сообщило, что оно не воспрепятствуетъ арестованію его, если мы приведемъ оное въ дѣйствіе собственными средствами.

Озеровъ получилъ высочайшее повелѣніе, при секретно-обѣщанномъ содѣйствіи тогдашняго правителя Адербиджана Беглинъ-мирзы (дяди шаха) задержать Солейманъ хана и препроводить его на нашу границу въ Нахичевань, подъ вѣрнымъ конвоемъ.

Озеровъ вызвалъ Солеймана (послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ схватить его подкупомъ) въ генеральное консульство, подъ предлогомъ, что имѣетъ сообщить ему, какъ Русскому офицеру и кавалеру нѣскольскихъ орденовъ, всемилостивѣйшую волю Государя Императора. Солейманъ-ханъ явился, польщенный учтивымъ приглашеніемъ, но взялъ съ собою человѣкъ десять вооруженныхъ нукеровъ.

При воротахъ консульства ему было объявлено, что на основаніи трактатовъ свита его можетъ быть, на основаніи закона, впущена внутрь консульства только обезоруженной, что́ и было исполнено командою казаковъ, составляющихъ охрану консульства. Ихъ помѣстили въ Фарашъ-хане [1]), угостили кальянами и кофеемъ.

[1]) Фараши—вооруженные служители консульствъ, подобно кавасамъ въ Константинополѣ.

Когда Озеровъ, пригласивъ въ комнаты Солейманъ-хана, прочелъ ему высочайшее повелѣніе и, попросивъ у него оружіе (шашку, кинжалъ и пистолетъ) объявилъ ему, что онъ арестованъ, то встрѣтилъ отъ него сопротивленіе. Солейманъ выхватилъ было шашку; но Озеровъ, запасшійся заранѣе заряженнымъ пистолетомъ, приставилъ его ко лбу плѣнника, который тотчасъ же смирился и, напившись крѣпкаго пунша, пошелъ спать.

Между тѣмъ, въ городѣ произошло смятеніе. Народъ, узнавъ, что въ консульствѣ, вопреки священному у мусульманъ праву гостепріимства, задержанъ укрывавшій подъ защиту шаха ханъ Шекинскій, кинулся безпорядочными толпами къ консульству и, конечно, команда изъ шести казаковъ съ хорунжимъ, неохотно подкрѣпляемая стражею тайно высланною Пеглинъ-мирзою и спрятанною въ стѣнахъ консульства, не была бы въ силахъ удержать напоръ толпы и защитить служащихъ въ консульствѣ отъ участи Грибоѣдова.

Но къ счастію Озерова и его подчиненныхъ, онъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ престарѣлымъ и глубоко уважаемымъ за мудрость святость| муштаидомъ Адербиджана.

Дѣло происходило съ наступленіемъ ночи. Муштаидъ, прямо изъ мечети, во главѣ народа, самъ явился къ воротамъ консульства, чтобы требовать выдачи Солейманъ-хана.

Озеровъ приказалъ поднять флагъ генерально-консульскій на площадкѣ балаганъ-хане (сторожка надъ воротами) и вышелъ туда, въ сопровожденіи персидскаго переводчика, мусульманина. Народъ кипѣлъ и наполнялъ, съ фонарями, факелами и оружіемъ, всю улицу, облегавшую консульство.

Озеровъ пригласилъ муштаида взойти на площадку и объявилъ ему, что, исполняя долгъ присяги, вѣрности и чести, онъ становится безоружный подъ защиту Русскаго флага и затѣмъ, возлагаетъ всю отвѣтственность и послѣдствія на правительство и народонаселеніе Тавриза. Тогда престарѣлый муштаидъ въ глазахъ народа обнялъ Озерова и, обратившись въ толпу, которая тотчасъ же смолкла, сказалъ нѣсколько успокоительныхъ словъ, относясь съ похвалою къ вѣрному слугѣ Русскаго Царя, котораго никакія угрозы не поколеблютъ въ исполненіи его долга, представилъ при этомъ, какое страшное возмездіе ожидаетъ Тавризъ, если народъ посягнетъ на флагъ и представителя Русскаго Падишаха. Броженіе улеглось, все уялось, народъ тихо разошелся.

Между тѣмъ, самъ правитель заперся въ своемъ дворцѣ и только вслѣдствіи повторенныхъ настояній чрезъ Персидскаго секретаря консульства и внушеній муштаида рѣшился выслать съ трудомъ набран-

ный ночью отрядъ вооруженныхъ всадниковъ, для конвоированія плѣннаго Солейманъ-хана.

Сей послѣдній, въ туже ночь, въ страшную зимнюю вьюгу, при наскоро составленномъ отрядѣ изъ казаковъ и принцевыхъ нукеровъ, былъ отправленъ въ Джухверинскій карантинъ и благополучно былъ сданъ ожидавшему его тамъ отряду.

Озеровъ самъ вынужденъ былъ проводить его за округъ города, и весь отрядъ чуть не сбился съ дороги отъ свирѣпствовавшей срашной снѣжной мятели.

Проѣзжая по городу, отрядъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ еще толпился народъ, былъ сопровождаемъ ругательствами, и даже нѣсколько камней было брошено толпою.

А дабы совершенно усмирить Солейманъ-хана и не дать ему возможности возможности воспользоваться сочувствіемъ толпы, чтобы попытаться бѣжать, надо было прибѣгнуть къ его слабости къ горячимъ напиткамъ, благодаря которымъ онъ былъ посаженъ и привязанъ къ стременамъ, если не въ безчувственномъ, то въ безсознательномъ состояніи. Это опасеніе основано было на томъ, что въ недавнее время родной братъ Солейманъ-хана, также задержанный въ Тавризѣ, убилъ на дорогѣ сопровождавшаго его офицера и бѣжалъ въ Мекку.

За таковое удачное арестованіе преступника, среди враждебнаго народонаселенія, Озеровъ былъ удостоенъ Монаршаго благоволенія и вознагражденъ первымъ во время службы своей орденомъ Анны 2-й степени, чтó, при тогдашнихъ строгихъ правилахъ постепенности въ наградахъ, должно было считаться особеннымъ отличіемъ.

По ходатайству Озерова и просьбѣ муштаида, Солейманъ-ханъ не былъ подверженъ намѣстникомъ Кавказа всей строгости военныхъ законовъ, а только сосланъ во временное изгнаніе, съ подверженіемъ надзору полиціи, въ г. Воронежъ, впослѣдствіи помилованъ и возвращенъ на родину, гдѣ скоро скончался отъ невоздержной жизни.

Донесеніе о семъ находится въ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ дѣлахъ Намѣстничества Кавказа.

Хаджи-Искендерфъ.

РАЗЪЯСНЕНІЕ ПО ПОВОДУ РАБОТЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ ВЪ ПОДЦЕКОВЬИ УСПЕНСКАГО СОБОРА ТРОИЦКОЙ ЛАВРЫ.

Сообщеніе, напечатанное въ 10-ой тетради „Русскаго Архива" за 1896-й годъ, касательно передѣлокъ и работъ, произведенныхъ въ подцерковьи Успенскаго Собора въ Троицкой Лаврѣ, съ цѣлью предоставить соборную крипту мірянамъ для погребенія умершихъ; въ свое время вызвало въ средѣ ревнителей родной старины вполнѣ понятный ропотъ и недоумѣніе. Въ I-й книжкѣ „Русскаго Архива" за 1897-й годъ, появилась замѣтка, доставленная товарищемъ предсѣдателя коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, состоящей при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, К. Быковскимъ, сообщающая, что съ вѣдома Археологическаго Общества никакихъ работъ въ Лаврѣ не производилось. Намѣстникъ Лавры архимандритъ Павелъ, на сдѣланный ему запросъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, сообщаетъ, что „въ Лаврскомъ Успенскомъ Соборѣ никакихъ работъ (?) прошлымъ лѣтомъ не производилось, и лишь въ подвальномъ этажѣ, гдѣ погребаются Московскіе святители, выровнена земля и покрыта асфальтомъ, для бо́льшаго приличія, а также откосы колоннъ, по которымъ безобразно торчали бутовые камни, облицованы кирпичемъ, чѣмъ не только не причинено никакого поврежденія зданію, а напротивъ, придана столбамъ бо́льшая устойчивость. Нелѣпые слухи, распространяемые газетами, будто здѣсь предполагаются мѣста для погребенія богатыхъ людей, совершенный вымыселъ. Подвальный этажъ Успенскаго Собора Лавры служитъ мѣстомъ погребенія Московскихъ архипастырей-митрополитовъ, какъ настоятелей Лавры, и — больше ни для кого".

Само собою разумѣется, что тревожные слухи о передѣлкахъ въ подцерковьи Собора не могли бы возникнуть, если бы о предполагаемыхъ работахъ своевременно сообщено было, согласно высочайшему указу, Императорскому Московскому Археологическому Обществу, на обязанности котораго, между прочимъ, лежитъ забота о сохраненіи древнихъ памятниковъ.

Слава Богу, что слухи о передѣлкахъ въ криптѣ Успенскаго Собора оказались, хотя и невымышленными, но только преувеличенными, и древній церковный памятникъ не потерпѣлъ искаженія, которому такъ много и такъ часто подвергались наши древнія церковныя постройки.

(Сообщилъ дѣйствительный членъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества В. К. Попандопуло).

Всѣ **три** означенныхъ „отдѣла“ изданія ведутся **одновременно** и снабжены изслѣдованіемъ, объясненіями и примѣчаніями издателя: первые **два** еще съ „нотами“ напѣвовъ и „рисунками“ или „снимками“ лицъ пѣвшихъ; **третій** же безъ оныхъ, но съ варіантами и примѣчаніями еще обильнѣйшими („ноты“ къ сему отдѣльнымъ выпускомъ **по особой подпискѣ** впредъ).

Открывается нынѣ „ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПОДПИСКА“, при благосклонномъ пріемѣ ея въ **редакціи** *Моск. Вѣдом.* (равно какъ въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, въ случаѣ ихъ согласія на то и вызова), или же по прямому адресу и по присылкѣ предплаты „профессору *Петру Алексѣевичу Безсонову* въ Харьковѣ“. **Порознь**, а) за I отдѣлъ („стихи“, 12 томовъ) **двѣнадцать** руб.; за II (3 тома, „Дѣтскія пѣсни“) **три** руб.; за III („Пѣсни“ 5 томовъ) **пять** руб. за **каждый** отдѣлъ порознь—по желанію; за **всѣ** же **три** отдѣла вмѣстѣ уменьшенная цѣна **пятнадцать** (15) руб. съ предплатою наличными **вполнѣ** и **безъ разсрочки**, причемъ сообщаются точные **адресы** (подписавшихся и уплатившихъ), по которымъ **отъ издателя** доставляются „квитанціи“, а по мѣрѣ выхода томовъ—самые „экземпляры“ СЪ РАСХОДАМИ ТОГО ОТЪ САМАГО ИЗДАТЕЛЯ (тоже наблюдается при подпискѣ въ „большихъ книжныхъ магазинахъ“ Москвы, Петербурга и Харькова, или въ разныхъ (сверхъ „редакцій“) „казенныхъ учрежденіяхъ“, о чемъ благоволятъ таковыя, съ ходомъ подписки, адресами и деньгами, сообщать издателю).

Съ начала всего ближе имѣютъ выйти въ свѣтъ: 7—9 выпуски I отдѣла („Стиховъ“, частью уже отпечатанныхъ) и I-й выпускъ того же съ дополненіями противу „прежняго“ I-го изданія, равно какъ 1-й („дополненный“) и дальнѣйшіе 2-й и 3-й выпуски „Пѣсней дѣтскихъ“, КАКЪ ОБРАЗЦЫ.

Скорость выхода зависитъ отъ сравнительнаго **успѣха** сей „предварительной подписки“, а при благопріятныхъ ея условіяхъ, тотъ же **текстъ** произведеній предполагается выпустить въ изданіи **болѣе дешевомъ** (и обильномъ экземплярами) безъ нотъ, рисунковъ и научныхъ примѣчаній.

Издатель ***П. Безсоновъ.***

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1897 года.

„Русскій Архивъ" въ 1897 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова").

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1897 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1891, 1892, 1893, 1894** и **1895-й** по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897

4.

Стр.

Просимъ лицъ, возобновляющихъ подписку на „Русскій Архивъ", увѣдомлять какую именно книгу „Архива Князя Воронцова" желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ въ 1897 году. (Содержаніе 26-ти книгъ «Архива Князя Воронцова» помѣщено на обертках 1-го и 2-го выпусковъ «Русскаго Архива» сего года).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1897.

ДНЕВНИКЪ ВАСИЛЬЕВА.

99-й выпускъ „Памятниковъ древней письменности“ (Спб. 1896. XV и 124 стр.) занятъ дневникомъ нѣкоего поручика Васильева (род. 1736 г.), съ 1 Января 1774 (въ Варшавѣ) по 13 Августа 1777 года (въ Москвѣ). Васильевъ былъ дворянинъ Московскій, и ему принадлежало имѣніе Осташово. Служилъ онъ при генералахъ Ив. Ив. Веймарнѣ и Аврамѣ Ивановичѣ Романусѣ, въ Нарвскомъ карабинерномъ полку, а потомъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ. Нѣкоторыя записи его любопытны. На стр. 66—68 курьезенъ акростихъ въ честь героя тѣхъ лѣтъ, графа П. А. Румянцова.

4 Ноября 1774 г., привезенъ бунтовщикъ и народный воръ казакъ Емельянъ Пугачовъ по полуночи въ 9 часу утра и посаженъ у Воскресенскихъ Воротъ, въ покояхъ Монетнаго двора.

5. Среда. Великіе въ Москвѣ стали переговоры о проклятомъ злодѣѣ Пугачовѣ и о его варварскихъ дѣлахъ; всякъ кто слышалъ таковое варварство, безъ слезъ быть не можетъ.

Число 6. Четвертокъ. Слышалъ Нарвскаго пѣхотнаго полку отъ адъютанта Чиженкова, что того полку капитанъ Петръ Дмитріевичъ Базаровъ, будучи противъ проклятаго злодѣя Пугачова съ командою, имъ проклятымъ злодѣемъ захваченъ и мучительской смерти преданъ. Сему страстотерпцу, мученику и моему другу подаждь, Господи, вѣчную память!

Въ день казни Пугачева, 10 Января 1775 г. Васильевъ отмѣчаетъ:

Число 10. Суббота. Казненъ воръ и злодѣй самозванецъ Емелька Пугачовъ, на Болотѣ четвертованъ, а потомъ голова отрублена и на шестъ воткнута, и прочимъ его единомышленникамъ тоже учинено.

Число 12. Понедѣльникъ. Пугачова трупъ и прочихъ на Болотѣ и съ эшафотомъ сожгли.

Любопытно, что 18 лѣтъ спустя, когда въ Петербургъ пришло извѣстіе изъ Парижа объ иной казни, тоже на площади народной, другой лѣтописецъ, статсъ-секретарь Храповицкій записалъ: „Замѣчательное стеченіе чиселъ. 10 Генваря 1775 года въ Москвѣ казненъ Пугачовъ“. Самъ ли Храповицкій объ этомъ подумалъ или то были слова Екатерины, не означено; но въ дневникѣ его часто приводятся отзывы Государыни, которая на другой день послѣ полученія этого извѣстія „слегла въ постель и больна, и печальна“.

1775-й годъ былъ временемъ полнаго торжества Екатерины: и внутри все успокоилось, и миръ послѣ первой войны ея царствованія блистательно заключенъ. Она пріѣхала торжествовать его въ Москву, гдѣ и провела болѣе 11 мѣсяцевъ, почти безвыѣздно. До того она уже семь лѣтъ не была въ Москвѣ, которая тогда еще продолжала быть главнымъ городомъ Россіи и населеніемъ своимъ превосходила Петербургъ слишкомъ въ три раза. Московскій губернаторъ графъ Ѳ. А. Остерманъ 19 Генваря выѣзжалъ въ Тверь на встрѣчу Государынѣ. Петровскаго подъѣзднаго дворца тогда еще не существовало, и

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ *).

1817—1842.

Эти письма—живыя, хотя случайныя и отрывочныя, но въ тоже время драгоцѣнныя, свидѣтельства отношеній между лицами, нынѣ уже вполнѣ отошедшими въ глубь прошедшаго и сдѣлавшимися достояніемъ исторіи. Читатели недавно познакомились съ необыкновенно-привлекательною личностью императрицы Александры Ѳеодоровны по ея „Воспоминаніямъ“ въ „Русской Старинѣ“ прошлаго 1896 года. Въ вѣнкѣ славы, украшающемъ царственное чело ея, другъ просвѣщенія любуется нижеслѣдующими прекрасными листками, которыми знаменуется, какъ относилась она къ одному изъ лучшихъ людей Русской земли, сначала учителю своему, потомъ наставнику ея Первенца и наконецъ домашнему человѣку и другу ея и ея семьи. П. Б.

I.

Мнѣ очень непріятно, что я не могу видѣть васъ, какъ обыкновенно, но *живописецъ* пріѣдитъ сегодня ко мнѣ, потому что вчера былъ (несогласіе) недоразумѣніе. Басни, Лудмила, Рыцарь Тоггенбургъ, долженъ имѣти терпѣніе даже завтра. Вы смѣять ли на эту записочку?

Я позволю и прошу вамъ (васъ), мнѣ сказали завтра, какъ многи пороки я сдѣлала. Александра. *На оборотѣ*: Господиномъ Жуковскомъ.

19(7) Февраля 1818 годъ.
Москва. Четвергъ.

Тоже съ поправками самой Александры Ѳеодоровны.

Мнѣ очень непріятно, что я не могу видѣть васъ, какъ обыкновенно. Живописецъ пріѣдитъ сегодня ко мнѣ, потому что вчера было недоразумѣніе. Басни, Людмила, рыцарь Тоггенбургъ должны имѣть терпѣніе до завтра.

Вы будите смѣяться надъ етою записочкою. Я позволяю и прошу васъ мнѣ сказать завтра, какъ много ошибокъ я здѣлала. Александра.

*) Съ подлинниковъ, хранящихся у сына его Павла Васильевича и съ его позволенія, за которое приносимъ ему живѣйшую благодарность свою и читателей. П. Б.

2.

Середа 26 Ноября (1819).

Я очень несчастлива. Завтра мнѣ совсѣмъ невозможно взять урокъ, потому что я буду танцовать нынче вечеромъ во дворцѣ.

—

Бала не было; теперь я еще несчастливѣе: мы въ траурѣ [1]), и вотъ на нѣсколько недѣль [2]) не будетъ ни бала, ни театра; но я надѣюсь, что Пятницы во дворцѣ не разстроются.

Суббота, 29 Ноября 1819 года.

3.

Я слышала, что вы больны; этого мнѣ очень жаль, и я надѣюсь, что вы получше сегодня. Вы вѣрно знаете, что наши дѣти были очень нездоровы. Бѣдный Саша имѣлъ много жару, потому онъ (отъ чего) очень слабъ; но, слава Богу; теперь онъ опять веселъ, хотя не такъ какъ прежде.

Нынче вечеромъ будетъ собраніе во дворцѣ, первое какъ въ Гачинѣ, съ горами и игрушками (играми) и прочее и прочее. Какъ глупый (о), что вы не можете пріедитъ (хать). Милый голосъ, ni jamais ni toujours васъ проситъ. Прощайте, Василій Андреевичъ.

Сколько ошибокъ!!?!!?

4.

(*Въ Берлинѣ*).

Мнѣ очень жаль, что вы нездоровы были и что вы не были вчера на балѣ, который веселъ очень былъ. Скажите мнѣ, какъ вы теперь, и былъ ли докторъ у васъ. Я видѣла Гуфланда; но тогда я не знала, что вы не будете для урока, и я не говорила съ нимъ объ васъ. Вотъ *Лалла Рукъ*, и *Пери*, и *Нурмааль*, и *Зеликигинда*, которыхъ я вамъ посылаю для того, чтобы вы имѣли пріятныхъ гостей въ вашемъ уединеніи. Прощайте, Василій Андреевичъ. Мамзель Вилдерметъ [3]) вамъ кланяется. А.

---

[1]) По комъ именно носился тогда при дворѣ трауръ, намъ неизвѣстно. П. Б.

[2]) Сначала было написано и зачеркнуто: „для многихъ недѣль.“ Здѣсь сохранено правописаніе подлинниковъ; въ скобкахъ собственноручныя поправки. Молодая ученица уже въ то время писала по-русски много лучше чѣмъ когда либо свекровь. П. Б.

[3]) Швейцарка, которая была одною изъ воспитательницъ Александры Ѳеодоровны; она сдѣлалась другомъ и В. А. Жуковскаго. П. Б.

5.

Спа, 31/19 Юля 1821.

Я получила письмо ваше въ Веймарѣ, гдѣ я часто думала объ васъ, особенно когда я познакомилась со вдовою и дочерью моего любимѣйшаго стихотворца Шиллеръ, и когда я была въ домѣ Гёте.

Какъ жаль, что вы не со мною сдѣлали путешествіе по Рейнѣ; вы лучше другаго человѣка можете понимать моя счастіе въ ту время.

Здѣсь я получила два письма ваша изъ Дрезденъ и изъ Карлсъбада.

Описаніе вашего путешествія по Саксонской Швейцаріи и чувства ваши при осмотрѣ превосходныхъ твореній живописи мнѣ очень понравились.

Теперь вы вѣрно въ настоящей Швейцаріи, гдѣ природа еще гораздо величественнѣе, чѣмъ въ Саксоніи и на Рейнѣ; но я довольна тѣмъ, что́ я видѣла; ето для меня будетъ сокровищу для всей жизни моей. Когда вы увидите въ первый разъ Нидервалд, діе Рохусъ - Капелле унд Бингенъ, тогда вспомните обо меня.

Спа вовсе не пріятенъ, окресности не живописны, и общество очень малочиственно. Долина *Емса* узка, горы высоки, но весьма зеленыя, и рѣка довольно широка. Я тамъ была очень счастлива. Батюшка мой и братъ были тамъ нѣсколько дней, Фритцъ также оставался въ Спа все время съ нами; онъ и Николай Павловичъ вамъ кланяються.

Мы выѣзжаемъ 5-го Августа (н. ст.) и ѣдемъ Кобленцъ, гдѣ мы два дней останемся съ Марій Павловной и Анна Павловна и послѣ прямо въ Берлинъ черезъ Кассель, гдѣ мы прiѣдемъ 15-го или 17/5 Августа, и уже 29/17 Августа я оставлаю этотъ городъ и мою фамилію!!!!!!†

Es muss aber geschieden werden.

Прощайте, Василій Андреевичъ. Александра.

Василій Алексѣивичъ*) очень сердится на васъ.

6.

Скоропостижно.

Я получила и читала ваш*а* писмо съ большимъ удовольствіемъ, особливо то, что вы мнѣ писали о Берлинѣ. Графиня Бранденбургъ и герцогиня Дессау обѣ мнѣ говорили объ вашемъ посѣщеніи.

*) Перовскій. П. Б.

Ваша новыя ученица *) должна быть очень мила, я только прошу васъ не совсѣмъ забыть вашей старой. Поклонитеся отъ меня Шарлотѣ и скажите ей, что я много думаю о томъ времяни, когда она она будитъ здѣсъ моею сестрою и товарищемъ, на всю жизнъ.

Саша нéздоровъ съ нѣкотораго времяни, и это насъ безпокоило. Марья все такая же малинькая и смѣшная шутиха какъ прежде. Ваша Олга очень здорова, мы очень довольны ею. *Надписъ*: Васильевичу.

7.

Nous allons à $11^1/_2$ chez mad. Kleist pour entendre chanter plusieurs morceaux du *Messie*. Elle vous a invité; faites moi dire si vous pourrez y venir. Comment vous va aujourd'hui?

Переводъ. Въ $11^1/_2$ мы отправляемся къ г-жѣ Клейстъ слушать пѣніе многихъ отрывковъ Мессіи. Она васъ пригласила; сообщите мнѣ, можете ли вы туда быть. Какъ вы себя чувствуете сегодня?

8.

Pétersbourg, le 13 Avril 1823.

Varette vous a déjà écrit que je vous priai de rester aussi longtems à Dorpat que votre présence peut être nécessaire et servir de consolation. Sûrement, consolation n'est pas le mot que j'aurais du employer: pleurer ensemble n'est pas une consolation, mais un soulagement, une espèce de douceur dans la plus horrible douleur, qui ne peut véritablement finir qu' avec la vie.

Votre lettre m'a touché jusqu' aux larmes; je sens si bien tout ce que vous avez du éprouver, vous, après 10 jours d'absence, sans l'avoir vue ni souffrir, ni finir. Il me semble dass dies das grösste Unglück, das gröste Schmerz ihres Lebens gewesen ist und immer bleiben wird. Das schöne ist dahin, das kommt nicht wieder.

La santé d'Alexandrine et de son enfant n'ont pas souffert, à ce que Varette m'assure.

Ne ferez-vous point vos dévotions ensemble dans la semaine sainte? C'est pourtant là le remède le plus efficace dans les peines de la vie; c'est dans le sein de la religion qu'on trouve seule cette *espérance* si nécessaire à nos coeurs à la mort d'un être bien aimé.

Vos amis de Berlin demandent de vos nouvelles; le sort de Loulou n'est point encore fixé; j'ai pris deux billets de lotterie pour Mutter Kleist et sa fille.

---

*) Будущая великая княгиня Елена Павловна, въ то время принцесса Шарлота. П. Б.

Nicolas me charge de vous faire ses compliments. Adieu; après Pâques je vous reverrai, peut-être; ainsi déjà à Gatchina, si c'est au mois de mai. *Надпись:* A monsieur, monsieur de Joukofsky.

Переводъ. С. П. б. 13 Апрѣля 1823.

Варетта [1]) вамъ уже писала о томъ, что я просила васъ оставаться въ Дерптѣ столько времени, сколько присутствіе ваше тамъ необходимо и можетъ служить утѣшеніемъ[2]). Правда, слово *утѣшеніе* я употребила невѣрно: потому что плакать вмѣстѣ есть не утѣшеніе, а успокоеніе, нѣчто смягчающее то ужасное горе, которое дѣйствительно можетъ кончиться только съ жизнію. Письмо ваше тронуло меня до слезъ; я такъ живо чувствую все, чтó вы должны были испытывать; вы, вслѣдствіе 10-тидневнаго отсутствія, не могли видѣть ни страданій ея, ни кончины. Мнѣ кажется, что это есть величайшее несчастіе, величайшая мука вашей жизни и таковою всегда останется. Прекрасное скрылось и никогда не вернется.—Здоровье Александрины [3]) и ея ребенка не пострадало, какъ увѣряетъ меня Варетта.—Не будете ли вы вмѣстѣ говѣть на страстной недѣлѣ? А вѣдь это самое дѣйствительное лѣкарство въ житейскихъ невзгодахъ; только въ религіи и находишь ту *надежду*, которая такъ необходима нашему сердцу при потерѣ дорогаго намъ существа.—Ваши Берлинскіе друзья спрашиваютъ о васъ; судьба Лулу еще не опредѣлилась; я взяла два лотерейныхъ билета для матушки Клейстъ и ея дочери.—Николай поручаетъ мнѣ передать вамъ его привѣтствія. Прощайте; послѣ Пасхи я васъ, можетъ быть, опять увижу, уже въ Гатчинѣ, если это будетъ въ Маѣ мѣсяцѣ.

На особомъ листкѣ рукою Государыни.

Alexandre Nicolaewitz.

Ce jeune Prince ressemble beaucoup à feu l'Emper. Alexandre. Il est passionné pour les exercices militaires. Il a pour instituteur principal m. Joukofsky, qui met tout son ambition à faire de son élève *un Russe* dans toute la force de ce mot. S'il réussit, comme tout l'annonce, à faire de ce jeune homme un véritable Moscovite, on peut prédire que la prophétie, faite par Napoléon sur le rocher de S-te Hélène, ne tardera pas à se vérifier, «qu'il règne en Russie un czar à barbe, et toute l'Europe est à lui».

Переводъ. Александръ Николаевичъ.

Этотъ юный Князь очень похожъ на покойнаго императора Александра; у него страсть къ военнымъ упражненіямъ. Главный воспитатель

[1]) Фрейльна Варвара Павловна Ушакова, дочь одного изъ воспитателей императора Николая Павловича. П. Б.

[2]) Послѣ кончины Марьи Андреевны Мойеръ 23 Марта 1823 года. П. Б.

[3]) Александра Андреевна Воейкова. П. Б.

его г. Жуковскій, который все свое честолюбіе полагаетъ въ томъ, чтобы изъ воспитанника своего сдѣлать *Русскаго* въ полной силѣ этого слова. Если ему удастся (какъ это все предвѣщаетъ) сдѣлать изъ этого юноши настоящаго Москвича, то можно предсказать, что пророчество, сдѣланное Наполеономъ на скалѣ Св. Елены, не замедлитъ оправдаться: „въ Россіи царь съ бородой, и вся Европа ему подвластна“.

Письмо великаго князя Александра Николаевича.

Милый, любезной мой Василій Андреевичъ!

Мы пріѣхали 18 Іюля въ Петровской дворецъ, а Папа пріѣхалъ 19-го Іюля; 25-го ч. былъ торжественный въѣздъ въ Москву. Я сидѣлъ съ Мама въ каретѣ.

Дядя Константинъ пріѣхалъ сюда, всѣ ему были очень рады. Вчера Папа и Мама короновались; слава Богу, Мама выдержала эту длинную церемонію. Нѣсколько дней назадъ я началъ учиться у г. Жиля исторію. Надѣюсь, что Ваше здоровіе поправится и желаю, чтобы вы пріѣхали какъ можно скорѣе; буду стараться, чтобы вы были мною довольны. Обнимаю васъ отъ искренняго сердца и всегда буду вамъ преданнымъ. Александръ.

Москва
23 Августа 1826.

9.

Faites moi le plaisir de vous intéresser pour le fils de mon valet de chambre Ienichew, qui désire être placé au théatre Allemand de Pétersbourg, et parlez en, en mon nom, à monsieur Maïkof*).

Alexandrine.

Переводъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, займитесь сыномъ моего слуги Енишева, который желаетъ поступить на Петербургскій Нѣмецкій театръ, и поговорите о томъ отъ моего имени съ Майковымъ. Александра.

10.

Moscou, à la villa Orlowa, ce 31 Août 26.

Il me faut absolument écrire pourtant une fois à notre cher Жуковскій, à cet ami véritable, qui prend un intérêt si vrai à tout ce qui arrive à la famille Anitchkoff. Je me parais si ingrate à mes yeux de ce que je n'ai pas répondu plutôt à vos bonnes lettres. C'est avec tant de plaisir que j'ai vue par vos lettres d'Ems que les eaux vous faisaient du bien; je suis impatiente maintenant d'avoir de vos nouvelles

*) Майковъ былъ тогда директоромъ театровъ. П. Б.

d'Egra, ce qui décidera de votre hyver. Que ni *vous*, ni la *Wildermeth*, ni *Cécile*, ces coeurs si fidèles, n'ont pu assister à notre couronnement, me fera de la peine toute la vie. C'était une cérémonie non seulement auguste, mais *touchante* au delà de toute expression. Cela ne peut se rendre: il a fallu en être témoin, car tous les étrangers et les indifférents ont été saisis et entraînés par le *singulier* de ce courounement. L'Empereur et nous tous, qui avions du passer par tant d'angoisses avant de parvenir à ce terme; le frère *aîné*, qui assistait son frère cadet sur le thrône, sur lequel lui aurait du être placé selon toutes les loix humaines et qui à côté de lui se comportait avec une simplicité et une modestie sans ostentation, qui est, je crois, unique dans l'histoire. Tout mon être s'élevait vers Dieu, mille sentiments confus remplissaient mon âme d'une félicité douce, mais mélancolique; je ne saurai le rendre autrement. Cela restera à jamais une journée mémorable dans ma vie! Et j'aurais désiré que ceux que j'aime et qui me comprennent eussent assistés à cette cérémonie. Mon frère Charles était là, comme le représentant de toute ma famille; il était bien saisi, mais il a pensé, Dieu sait pourquoi, à Lalla-Rookh.—Саша pleura amérement pour ce thrône, où lui sera couronné *un jour*, et j'ai prié Dieu de ne pas me *laisser voir ce jour!* Maman, qui voit un troisième couronnement! C'est bien là, un malheur! Mary a versé des larmes de loin, en me voyant à genoux devant l'Empereur, qui posa la couronne sur ma pauvre tête!! Ce Kremlin éblouissant pendant la journée la plus pure, retentissant des cris d'enthousiasme de cet excellent peuple russe! C'était beau! Mais il aurait fallu le voir vous-même. Peut être qu'un poête voit avec l'âme intérieurement aussi distinctement qu' avec les yeux.

Mary, jouant dans ma chambre, me charge de ses compliments pour vous. Que vous n'ayez pas non plus pu jouir de la joie que la vue de ce cher enfant produit partout où il se montre dans sa ville natale. Il s'est beaucoup fortifié encore dans cette charmante habitation de la comtesse Orloff; l'air est si pure, si sain ici. J'en ai bien senti l'influence salutaire sur mon faible corps, affaibli par toutes les angoisses mortelles du 14 Déc. et du 13 Juillet! Il y a de quoi, il faut l'avouer. Moi, qui ne vous ai pas écrit depuis la mort de Karamsine! L'Empereur sent vivement sa perte, il dit que personne ne le remplacera jamais. C'était *l'amour pur du bien*, qui guidait toutes les actions de cet homme extraordinaire par sa simplicité.—Je n'ai vu Dmitrief qu'aux grandes présentations.

Maintenant les fêtes commencent; demain un grand bal masqué. Je ne sais comment mes forces suffiront à ces fatigues. Mais depuis

que j'ai supporté si heureusement le jour du couronnement, je suis comme débarassée d'un grand poids, et le reste me paraît une bagatelle.

Les études vont bien; autant que j'ai vu de m-r Gilles, il me plaît. A Sarsko-Selo j'assistai quelques fois aux leçons, mais ici j'ai du *végéter*, et je passai ma journée assise sur un balcon, buvant du lait d'ânesse, lisant ou travaillant, mais éloignée de toute agitation et présentation.

L'Empereur vous dit mille choses et vous prie de soigner votre santé.

Vous aurez à me conter bien des choses intéressantes de votre voyage, de vos connaissances.—J'adresse cette lettre à Berlin; bientôt vous devez vous y trouver.

Adieu, pensez à moi à Berlin, saluez la Kleist, la Wildermeth, les Gneisenau et revenez chez nous, s'il se peut. Александра.

Надпись: A monsieur, monsieur de Joukofsky à Berlin ou à Dresde.

Переводъ. Москва, дача Орловой, 31 Августа 26 [1]).

Нужно же мнѣ наконецъ написать нашему милому Жуковскому, этому истинному другу, который такъ искренно принимаетъ участіе во всемъ, чтó происходитъ въ семьѣ Аничкова дворца. Я сама себѣ кажусь такой неблагодарной, что раньше не отвѣчала на ваши добрыя письма. Съ какимъ удовольствіемъ увидѣла я изъ вашихъ Эмскихъ писемъ, что воды вамъ помогаютъ; теперь я съ нетерпѣніемъ жду вашихъ новостей изъ Эгры; отъ нихъ рѣшится ваша зима. То, что ни *вы, ни Вильдерметъ*, ни *Сесиль*[2]), эти столь вѣрныя сердца, не могли присутствовать на нашей коронаціи, будетъ мнѣ тягостно всю мою жизнь. Церемонія эта была не только величественна, но невыразимо *трогательна*; передать этого невозможно: надо было самому быть свидѣтелемъ ея, потому что даже всѣ иностранцы и равнодушные были охвачены и увлечены *необычностью* этого коронованія. И Государь, и всѣ мы должны были пережить столько тревогъ, прежде чѣмъ дошли до конца. Старшій братъ находился у трона своего меньшаго брата, у трона, на который онъ самъ долженъ былъ быть возведенъ по всѣмъ законамъ человѣческимъ; но въ его присутствіи не было ничего показнаго: онъ держалъ себя съ такой простотой и скромностью, которыя, я думаю, не имѣютъ себѣ подобныхъ въ исторіи. Я всѣмъ моимъ существомъ возносилась къ Богу; тысячи смутныхъ ощущеній наполняли мою душу сладостнымъ, но тихимъ блаженствомъ; иначе я не умѣю этого выразить. Этотъ день останется навсегда памятнымъ въ моей жизни! И мнѣ такъ хотѣлось, чтобы тѣ, кого я

[1]) Т. е. нынѣшній Александрискій дворецъ въ Москвѣ, въ Нескучномъ, подаренный графинею А. А. Орловою императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ. П. Б.

[2]) Подруга дѣтства Александры Өеодоровны, графиня Цецилія Владиславовна Гуровская, позднѣе баронесса Фредериксъ. П. Б.

люблю и кто меня понимаетъ, присутствовали при этой церемоніи. Мой братъ Карлъ былъ тутъ въ качествѣ представителя всей моей фамиліи; онъ былъ очень взволнованъ, но, Богъ знаетъ, почему, думалъ въ это время о Лалла-Рукъ. Саша горько плакалъ объ этомъ тронѣ, на которомъ онъ *нѣкогда* будетъ коронованъ, и я молила Бога о томъ, чтобы Онъ не допустилъ меня *дожить* до этого дня! Мама присутствуетъ на третьей коронаціи. Это большое несчастіе! Мари издали проливала слезы, видя меня на колѣнахъ предъ Императоромъ, возлагавшимъ корону на мою бѣдную голову. Этотъ Кремль, такой ослѣпительный въ самый ясный изъ дней, весь звучалъ отъ криковъ восторга чуднаго Русскаго народа! Какъ это было дивно хорошо! Но надо было все это видѣть самому. Быть можетъ, поэтъ также отчетливо видитъ внутренними душевными очами, какъ и тѣлесными.

Мари, играющая у меня въ комнатѣ, поручаетъ мнѣ передать вамъ ея привѣтъ. Какъ жаль, что вы не можете видѣть той радости, какую производитъ это милое дитя вездѣ, гдѣ бы оно ни показывалось въ своемъ родномъ городѣ. Онъ очень окрѣпъ въ этомъ прекрасномъ жилищѣ графини Орловой; воздухъ здѣсь такъ чистъ, такъ здоровъ. Я сама испытала его цѣлебныя свойства на моемъ слабомъ тѣлѣ, столь разбитомъ всѣми смертельными тревогами 14-го Декабря и 13-го Іюля! *) Да и есть отъ чего, надо въ этомъ сознаться. Я не писала вамъ со смерти Карамзина! Государь живо чувствуетъ его потерю и говоритъ, что никогда никто его не замѣнитъ. *Чистая любовь къ добру* руководила всѣми дѣйствіями этого необыкновеннаго человѣка по его простотѣ.—Дмитріева я видѣла только на большихъ представленіяхъ.—Теперь начинаются празднества; завтра большой маскарадъ. Не знаю, хватитъ ли моихъ силъ на всѣ эти утомительные дни. Но съ тѣхъ поръ, какъ я такъ счастливо перенесла день коронаціи, я чувствую себя какъ бы облегченной отъ большой тяжести, и все остальное мнѣ кажется легкимъ.

Занятія идутъ хорошо; съ тѣхъ поръ, какъ я увидала г. Жиля, онъ мнѣ нравится. Въ Царскомъ Селѣ я иногда присутствовала на урокахъ; здѣсь я должна прозябать, и мой день проходилъ въ томъ, что я сидѣла на балконѣ, пила ослиное молоко, читала или работала, но была удалена ото всѣхъ волненій и пріемовъ.

Государь посылаетъ вамъ тысячу привѣтствій и проситъ васъ беречь свое здоровье.

Вы разскажете мнѣ много любопытныхъ вещей изъ вашего путешествія, о вашихъ знакомствахъ. Письмо это посылаю въ Берлинъ; скоро вы должны быть тамъ.

Прощайте, вспомните обо мнѣ въ Берлинѣ, поклонитесь г-жѣ Клейстъ, г-жѣ Вильдерметъ, г-дамъ Гнейзенау и, если можно, возвращайтесь къ намъ. Александра. Г-ну Жуковскому въ Берлинъ или Дрезденъ.

---

*) День казни Декабристовъ. П. Б.

Письмо великаго князя Александра Николаевича.

Вы меня, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, спрашиваете: вспомнилъ ли я объ васъ въ новый годъ? Не только въ новый годъ, но каждый день вспоминаю объ васъ и съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего возвращенія. Вы увѣрены, что я исполняю всѣ ваши на меня надежды; но я былъ бы радъ, еслибы могъ исполнять половину оныхъ. Радуюсь, что Карлъ Карловичъ пишетъ обо мнѣ много хорошаго, чувствую однако что мнѣ еще во многомъ должно исправляться; но я постараюсь быть лучше. Очень радъ, что ваше здоровье поправилось, это даетъ мнѣ надежду скорѣе съ вами увидѣться. Я исполнилъ ваши порученія, поцѣловалъ Мери и Олю, кланялся Юліи Ѳеодоровнѣ и обнялъ Карла Карловича. Прощайте, милой мой Василій Андреевичъ, помните и любите меня столько, какъ я васъ люблю. Александръ.

С.-Петербургъ
31-го Генваря 1827.

11.

Elagin, le 30 Août 27.

Je désire que vous trouviez quelque mots de ma main à Berlin, pour que mon souvenir vous soit bien présent dans ce cher endroit et pour qu'à votre arrivée ici vous me revoyez avec bonté: car j'ai beaucoup à me reprocher de vous avoir écrit si peu. Je vous fais un peu éprouver ce que vous donniez si souvent à sentir à vos amis de Berlin. Vous y verrez, je suppose, mad. Voeykoff et serez effrayé de sa terrible mine. Que Dieu lui fasse retrouver sa santé et la conserve à ses enfants!

Depuis la mort de votre ami vous ne m'avez plus écrit. C'était un terrible coup et pour vous, et pour son pauvre frère; votre santé en aurait éprouvé un violent secousse, et Ems aura eu beaucoup à faire pour vous remettre.

Vous trouverez encore la bonne Wildermeth chez moi, mais je crains qu'elle devra me quitter pour l'hyver.

Саша a célébré hier son jour de nom, jour si cher par les souvenirs de celui, qui portait le même nom. Il y a aujour'hui deux ans que je le vis pour la dernière fois sur cette terre.

Саша a pour la première fois accompagné son père à Newsky; après cela il a joué toute la journée au jardin avec 20 cadets, choisis pour bonne conduite et jolies tournures.

Vous arrivez pour le tems de l'exposition à Berlin; si un tableau vous plaît particulièrement et si vous croyez qu'il en vaille la peine,

je vous prie de l'acheter: un beau Friedrich ou Schinckel ou ce que vous voulez. Le prince royal pourra guider votre choix.

Adieu, mon bon et cher Joukofsky. Revenez bientôt, vous serez reçu par nous tous comme un membre de la petite famille d'Anitchkoff. Александра.

Надпись: A monsieur, monsieur de Joukofsky à Berlin.

Переводъ. Елагинъ, 30-го Августа 27.

Мнѣ хочется, чтобы вы нашли въ Берлинѣ нѣсколько словъ, написанныхъ моей рукой, для того, чтобы память обо мнѣ была у васъ живѣе въ этомъ дорогомъ для меня мѣстѣ и чтобы, по возвращеніи сюда, вы съ бо́льшимъ радушіемъ свидѣлись со мной, такъ какъ я сильно упрекаю себя въ томъ, что мало пишу вамъ. Я даю вамъ нѣсколько почувствовать тоже, что̀ чувствовали ваши Берлинскіе друзья. Предполагаю, что вы увидите тамъ г-жу Воейкову, которая испугаетъ васъ своимъ ужаснымъ видомъ. Да исцѣлитъ ее Господь и сохранитъ для ея дѣтей!

Со смерти вашего друга *) вы мнѣ уже не писали. Это былъ страшный ударъ, какъ для васъ, такъ и для его бѣднаго брата; здоровье ваше должно было сильно пошатнуться отъ этого, и Эмсу предстоитъ много труда возстановить его.

Добрую Вильдерметъ вы найдете еще у меня; но я боюсь, что зимой она должна будетъ меня покинуть.

Саша праздновалъ вчера день своего Ангела, этотъ день дорогой по воспоминаніямъ о томъ, кто носи́лъ это имя. Сегодня исполнилось два года, какъ я въ послѣдній разъ видѣла его на землѣ.

Въ первый разъ Саша сопровождалъ своего отца въ Невскую Лавру; послѣ этого онъ цѣлый день игралъ въ саду съ двадцатью кадетами, выбранными за хорошее поведеніе и умѣющими прилично держать себя.

Вы пріѣдете въ Берлинъ къ самой выставкѣ; если какая нибудь картина особенно вамъ понравится и вы найдете ее стоющею, прошу васъ купить ее: хорошую картину Фридриха или Шинкеля или что̀ сами захотите. Наслѣдный принцъ можетъ руководить вашимъ выборомъ. Прощайте, дорогой и милый мой Жуковскій. Возвращайтесь скорѣе; вы будете всѣми нами приняты, какъ членъ маленькой Аничковской семьи. Александра.

Господину Жуковскому въ Берлинъ.

12.

Je voulais vous parler de ce papier et vous prier de le traduire en Russe, pour qu'on pût le montrer à un prêtre. Vous aurez peut-être des idées plus heureuses encore, et alors vous pourrez ajouter

*) Сергѣя Ивановича Тургенева. П. Б.

quelques pensées. A Dorpat vous trouverez, peut-être, le tems de vous en occuper. Adieu, bon voyage. A.

Перевод. Я хотѣла поговорить съ вами объ этой бумагѣ и попросить васъ перевести ее на Русскій языкъ для того, чтобы можно было показать ее священнику. У васъ, можетъ быть, явятся мысли болѣе счастливыя, и тогда вы можете нѣчто прибавить. Въ Дерптѣ вы, можетъ быть, найдете время заняться этимъ. Прощайте, счастливаго пути. А.

Записка императрицы Александры Ѳеодоровны о преподаваніи Закона Божія.

Je désirerais que les leçons de la religion commencent *chaque fois* aux instituts des demoiselles par une prière, tenue par le prêtre lui-même à haute voix. Cela ne devant jamais être la même prière, ni les mêmes paroles; mais le fond de la prière doit toujours être le même, celui d'invoquer l'assistance de Dieu pour qu'Il permette à Son serviteur d'enseigner dignement la sainte religion, pour qu'Il donne à ses paroles la douce puissance de pénêtrer jusqu'aux coeurs de ses jeunes écolières, pour que ses paroles mettent le germe dans leurs âmes, qui, tout petit au commencement, produira dans la suite un grand arbre, sous l'ombre duquel on trouvera un refuge contre les dangers et les chagrins de ce monde. Après la prière, l'instruction, qui suivra, ne doit être sèche et froide. Excepté l'explication de la lithurgie et le cathéchisme proprement dit, qu'elles doivent apprendre par coeur, le reste de l'instruction doit être basé sur l'Écriture Sainte elle-même.

Je désirerais aussi qu'elles apprennent plusieurs passages de la Bible, tous par coeur, qui chaque fois auparavant doivent leur être expliqués. Ces passages formeront comme un trésor dans leur mémoire, dans lequel elles pourront puiser dans bien des occasions.

Переводъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы урокъ закона Божія начинался *каждый разъ* въ женскихъ институтахъ съ молитвы, громко произносимой самимъ священникомъ. Это не должна быть каждый разъ одна и таже молитва, одни и тѣже слова; но суть молитвы должна быть всегда одна, т. е. призываніе Бога на помощь, да благословитъ Онъ служителя Своего достойно преподавать правила святой вѣры, да даруетъ Онъ мощь слову его проникать въ сердца юныхъ воспитанницъ, чтобы слово это пустило ростокъ въ ихъ душахъ, сперва едва замѣтный, но могущій потомъ разростись въ большое дерево, подъ тѣнью котораго онѣ найдутъ убѣжище противъ опасностей и скорбей міра сего. Слѣдующее за молитвой преподаваніе не должно быть ни сухо, ни холодно. Только объясненіе литургіи и катехизисъ онѣ должны учить наизусть; остальное же преподаваніе должно быть основано собственно на Священномъ Писаніи.

Мнѣ бы хотѣлось также, чтобы онѣ выучивали побольше мѣстъ изъ Библіи наизусть, которыя должны имъ быть предварительно объяснены. Мѣста эти образуютъ какъ бы сокровище въ ихъ памяти, изъ коего онѣ могутъ почерпать во многихъ случаяхъ.

Тоже въ изложеніи В. А. Жуковскаго.

Я бы желала, чтобы законоучитель во всѣхъ институтахъ, для дѣвицъ учрежденныхъ, начиналъ каждый свой классъ молитвою, которую самъ читалъ бы вслухъ, и весьма было бы хорошо, когда бы въ сихъ молитвахъ всякій разъ одна и таже главная мысль была выражаема другими словами, внушаемыми обстоятельствами, чтобы въ ней все было просто, неприготовлено и говорило чувству. Содержаніемъ такой молитвы должно быть всегда призываніе Бога на помощь, чтобы Онъ научилъ его достойнымъ образомъ изъяснить святой законъ Его, чтобы кроткая убѣдительность его наставленій проникла въ сердца молодыхъ учеництъ и чтобы слова его остались въ нихъ спасительнымъ сѣменемъ, изъ коего впослѣдствіи могло бы произрасти прекрасное дерево, дарующее вѣрное убѣжище отъ опасностей и горестей жизни. Самое же преподаваніе не должно быть ни сухо, ни холодно. Имъ должна быть изъясняема литургія, катехизисъ должны онѣ знать наизусть; остальное же преподаваніе должно быть основано на самомъ Святомъ Писаніи. Я бы также желала, чтобы воспитанницы выучили наизусть избранные тексты изъ Библіи, какъ изъ древняго, такъ и изъ новаго завѣта. Всѣ сіи тексты должны быть имъ предварительно истолкованы. Симъ способомъ память ихъ накопитъ сокровище на цѣлую жизнь *).

*) Записка эта можетъ быть отнесена къ 1829 году, когда императрица Александра Ѳеодоровна приняла въ свое вѣдѣніе благотворительныя учрежденія покойной своей свекрови. Жуковскій встрѣтилъ ее на улицѣ, когда она въ первый разъ для того ѣхала въ одинъ изъ институтовъ, и это подало ему поводъ написать прекрасные стихи:

Блескомъ утра озаренный,
Свѣтоносный, окрыленный,
Ангелъ встрѣтился со мной.
Взоръ его былъ грустно-ясенъ,
Ликъ задумчиво-прекрасенъ;
Надъ главою молодой
Кудри легкіе летали,
И короною сіяли
Розы бѣлыя на ней, и т. д.

Тутъ 4 и 5 стихами изображена наружность Государыни. О любви къ бѣлымъ розамъ сама она упоминаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. Припомнимъ, что, встрѣчая на прогулкѣ И. А. Крылова, она дарила ему бѣлыхъ розъ. П. Б.

13.

P. ce 8 Février 1833.

Depuis longtems j'ai voulu vous écrire, répondre à votre lettre à l'occasion de la naissance de mon enfant, qui a eu le bon esprit d'être un petit garçon, à la grande surprise de tout le monde. Votre lettre (et celle à Sacha) peint votre joie et vos inquiétudes avant la bonne nouvelle, ce qui ne m'étonne pas; car je connais trop bien votre amitié pour moi, vos sentimens qui vous lient à nous tous et vous identifie à nos joies, comme à nos peines. Oui! Ceci était bien de la joie et en reste une et me pénêtre de bonheur de succès d'avoir 4 fils: bonheur bien doux maintenant, bien grave pour l'avenir, quand on pense à ce que ces 4 grands-ducs de Russie doivent devenir un jour pour être dignes de leur patrie, du nom de Russe, et pour justifier la joie qui entoura leurs bercaux.

La bonne Wildermeth m'a envoyé une de vos lettres à elle. Ne nommez pas cela une indiscrétion, car elle m'a beaucoup intéressée cette lettre; par là je connais votre genre de vie. Je me représente votre maison, votre ménage, je vous suis à vos occupations (qui me paraissent durer trop d'heures de suite, ce qui pour un malade comme vous le force à être trop assis), j'entends les cris de la demi-douzaine d'enfants qui vous entoure, je jouis surtout de vos promenades, de la belle nature, du doux climat dans votre vallon, tandis que le reste de la Suisse gèle et se tourmente par les *ouragans* de la saison et la maladie monâle de notre siècle.

Notre excellent Merder va bientôt nous quitter; vous sentez quel chagrin cela sera pour votre Alexandre et pour nous tous. Je trouve l'état de sa santé bien allarmant; je ne crois pas trop à ce que les médecins disent. Dieu donne que je me trompe! Oh, que je serais heureuse de me tromper.

Soignez vous doublement, mon cher Joukofsky, et ne hâtez en rien votre cure, pour qu'elle soit véritablement utile; vous vous rencontrerez sûrement quelquepart au Carl Carlowitz. On est fort content de Sacha, qui se prépart en examen devant son père. Il est considérablement plus grand que moi, ce qui me rend glorieuse tout en me vieillissant.

Mary et Oli vous disent mille choses. Adini vous fait dire «que Passek est si gros qu'il ne peut plus sauter sur les chaises»; ce sont ses propres paroles que je vous mande avec ses compliments.

Adieu. Il est tems que je vous quitte. Ne m'oubliez pas, écrivez moi et soignez vous, mon cher Joukofsky, car vous êtes bien nécessaire. Alexandra.

П. 8 Февраля 1833.

Переводъ. Давно хотѣла я написать вамъ, въ отвѣтъ на ваше письмо по случаю рожденія моего ребенка, который къ общей радости вздумалъ появиться на свѣтъ маленькимъ мальчикомъ. Ваше ко мнѣ и къ Сашѣ письма выражаютъ и радость вашу, и ваши тревоги до полученія доброй вѣсти, и это меня нисколько не удивляетъ, такъ какъ очень хорошо знаю вашу дружбу ко мнѣ, ваши чувства, связывающія васъ со всѣми нами и пріобщающія васъ какъ къ радостямъ, такъ и къ горестямъ нашимъ. Да! Это была дѣйствительно радость и остается таковою, наполняя меня счастіемъ имѣть четырехъ сыновей, счастіемъ пока только сладостнымъ, а впослѣдствіи очень серьезнымъ, когда подумаешь о томъ, чѣмъ должны стать эти четыре великіе князя Русскіе, чтобы быть достойными и своего отечества, и имени Русскаго, а равно и оправдать ту радость, которая окружала ихъ колыбели.

Добрая Вильдерметъ прислала мнѣ одно изъ вашихъ писемъ къ ней. Не называйте этого нескромностью, такъ какъ письмо это было для меня очень любопытно: изъ него я узнала вашъ образъ жизни. Я представляю себѣ вашъ домъ, ваше хозяйство, слѣжу за вашими занятіями (которыя, кажется мнѣ, длятся слишкомъ много часовъ подрядъ, что̀ заставляетъ васъ, больнаго, подолгу сидѣть), слышу крикъ полудюжины дѣтей, васъ окружающихъ, радуюсь особенно вашимъ прогулкамъ, чудной природѣ, мягкому климату вашей долины, въ то время какъ остальная Швейцарія замерзаетъ и страдаетъ отъ *ураганов*ъ въ это время года и болѣзни нашего вѣка.

Нашъ чудный Мердеръ скоро насъ покинетъ; вы чувствуете, какое это горе будетъ для вашего Александра и для всѣхъ насъ. Я нахожу состояніе его здоровья очень плачевнымъ и не особенно вѣрю тому, что̀ говорятъ врачи. Дай Богъ, чтобы я ошибалась! О, какъ я буду счастлива, если ошибусь.

Берегите себя вдвойнѣ, дорогой мой Жуковскій, и не сокращайте ни въ чемъ вашего леченія; надо, чтобы оно было дѣйствительно полезно, вы вѣроятно встрѣтитесь гдѣ нибудь съ Карломъ Карловичемъ.—Сашею очень довольны, онъ готовится къ экзамену передъ своимъ отцомъ. Онъ значительно выше меня ростомъ, что̀ меня хотя и старитъ, но тѣмъ не менѣе дѣлаетъ мнѣ честь.

Мари и Оли посылаютъ вамъ тысячу привѣтствій. Адини проситъ сказать вамъ, что „Пассекъ такъ толстъ, что не можетъ болѣе прыгать по стульямъ"; я передаю вамъ ея собственныя слова вмѣстѣ съ ея привѣтствіемъ.

Прощайте. Пора мнѣ васъ оставить; не забывайте меня, пишите мнѣ и берегите себя, мой милый Жуковскій, такъ какъ вы очень нужны. Александра.

14.

A monsieur Joukofsky.

Vingt années de révolue, mon cher Joukofsky, depuis que nous nous connaissons; je tenais à vous offrir une marque de mon souvenir reconnaissant, et voici mon portrait qui vous demande hospitalité. C'est une bonne partie de la vie que vingt années; aussi cela ne peut être qu'avec émotion, qu'on regarde ceux, qui ont passé près de nous et avec nous, ce passée, qui est passée pour toujours, mais qui, avec ses évènements tristes ou heureux, s'est gravée dans la mémoire de ceux qui ont la mémoire du coeur. N'est-ce pas vous, qui connaissez ma manière de penser, vous savez si je suis sincère? Ainsi, quand je vous parle de ma *reconnaissance*, c'est que je dis vrai. Alexandra.

Pétersbourg,
ce 31 Décembre 1837.

Переводъ. Господину Жуковскому.

Двадцать лѣтъ протекло, дорогой мой Жуковскій, съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились, и я хотѣла бы дать вамъ знакъ моей благодарной памяти; поэтому, вотъ вамъ мой портретъ, пріютите его. Двадцать лѣтъ немалая часть жизни, потому-то и смотришь на людей, съ нами и около насъ проведшихъ это время, не иначе, какъ съ нѣжностью. Время это прошло безвозвратно; но оно со всѣми его радостями и горестями запечатлѣлось въ памяти тѣхъ, кто одаренъ памятью сердца. Вы знаете мой образъ мыслей и знаете, насколько я искренна. И такъ, когда я говорю о моей *благодарности*, то говорю правду. Александра.

Петербургъ,
31 Декабря 1837.

15.

St. Pétersbourg, ce 12 (24) Mars 1842.

Si vous n'êtes pas horriblement fâché contre moi, mon cher Joukofsky, vous montrez plus de générosité et de grandeur d'âme que je n'en mérite. Mais d'un autre côté, vous me connaissez trop bien, pour douter un instant de moi, et pour ne pas vous dire «*Elle se tait, mais elle n'oublie pas*». Не правда ли? Мой старый другъ Василій Андреевичъ меня слишкомъ хорошо знаетъ и слишкомъ долго. Voilà que vous et moi, nous célébrerons nos *leçons d'argent* au mois de Septembre; je crois. 25 ans!!! Mon Dieu, c'est la vie entière cela!

J'ai à vous remercier de plusieurs bonnes, mais courtes lettres, pour un charmant cadeau, ce livre de prière avec, qui m'a enchanté et pour lequel je ne puis assez vous dire: merci.

Je sais que vous avez vu mon frère le roi Fritz et qu'il vous a traité avec la même vieille amitié comme toujours. Je voudrais savoir comment va la santé de votre femme et s'il n'y a pas de Festungen?

Notre gentille Цесаревна sera bientôt à la moitié de sa grossesse. Sacha est bien heureux de la voir ainsi, et tous les deux attendent avec des battements de coeur, mais avec confiance en Dieu, le moment décisif au mois d'Août. Et vous ne serez pas là pour chanter l'enfant de *celui* que vous avez chanté à son *entrée* dans la vie!

Êtes-vous paresseux? Je suis sûre que oui, et je prie votre femme de vous gronder pour cela. Quoique ce soit un repos sur vos lauriés, c'est pourtant dommage de vous endormir trop tôt. Que lisez-vous ensemble? Comment votre journée se passet-elle, comment en est la distribution?

Ma santé s'est soutenue assez bien cet hiver, qui était étonnamment doux et gai, ce qui convient mieux à ma constitution que les froids secs. Alexandre est bien occupé. Il ne perd pas son tems celui-là, grâce à son père, qui ne fait et n'entreprend rien, pour ainsi dire, sans l'en instruire, le consulter ou en le mettant dans les comités exécutifs et délibérants. Constantin apprend que c'est un charme, et les petits commencent aussi à se donner plus de peine.

Il faut finir. Adieu donc, mon cher Василій Андреевичъ. Soyez heureux autant que je vous le désire et pensez à vos amis absents, à vos amis russes. A.

Петербургъ, 12 (24) Марта 1842.

Переводъ. Если вы не очень сердитесь на меня, милый мой Жуковскій, то выражаете болѣе человѣколюбія и величія души, чѣмъ я заслуживаю. Но съ другой стороны вы меня слишкомъ хорошо знаете и ни минуты не усомнитесь во мнѣ, а скажете: „*Она молчитъ, но не забываетъ*“..... И вотъ мы съ вами отпразднуемъ наши *серебряные уроки*, кажется, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. 25 лѣтъ!!! Боже мой, да это цѣлая жизнь!

Я должна поблагодарить васъ за многія, хотя и коротенькія, письма и за хорошенькій подарокъ молитвенника, который меня восхитилъ и за который не нахожу словъ благодарить васъ.

Знаю, что вы видѣлись съ моимъ братомъ, королемъ Фридрихомъ, и что онъ отнесся къ вамъ съ той же старой дружбой, какъ всегда. Хотѣлось бы мнѣ знать, какъ здоровье вашей жены, и нѣтъ ли крѣпостей *)?

*) Т. е. беременности?

Наша миленькая Цесаревна будетъ скоро на половинѣ своей беременности. Саша очень счастливъ, видя ее въ такомъ положеніи, и оба съ замираніемъ сердца, но съ надеждой на Бога, ожидаютъ рѣшительной минуты въ Августѣ мѣсяцѣ. А васъ не будетъ тутъ, чтобы воспѣть дитя *того*, кого вы воспѣвали при его *появленіи* на свѣтъ! Не лѣнивецъ-ли вы? Я увѣрена, что да, и прошу вашу жену побранить васъ за это. Хотя это и отдыхъ на лаврахъ, а все-таки жаль, что вы такъ рано почили. Какое у васъ совмѣстное чтеніе? Какъ проходитъ вашъ день, какъ онъ распредѣленъ?

Мое здоровье довольно хорошо выдержало эту зиму, которая была удивительно мягкая и пріятная, что́ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ моей природѣ, чѣмъ сухіе морозы. Александръ очень занятъ; онъ не теряетъ времени, благодаря своему отцу, который ничего не дѣлаетъ и не предпринимаетъ, не наставивъ, такъ сказать, его, не посовѣтовавшись съ нимъ, или назначаетъ его въ исполнительные и совѣщательные комитеты. Константинъ учится прелесть какъ, и маленькіе тоже начинаютъ болѣе стараться.

Пора кончить. И такъ прощайте, милый мой Василій Андреевичъ. Будьте счастливы такъ, какъ я вамъ того желаю, и вспоминайте вашихъ отсутствующихъ друзей, Русскихъ друзей. А.

16.

1842. Pétersbourg, ce 21 Nov. (3 Déc).

Je me réjouis, je remercie Dieu avec vous. Je félicite le nouveau père et la jeune maman! Oh, wie glückseelig muss die Mutter sein! Mon cher Василій Ардреевичъ, vous savez donc maintenant par vous-même ce que c'est que le первый крикъ младенца. Vous l'avez chanté le 17 Avril 1818, et la *même année* que cet enfant d'alors a eu son premier enfant, vous aussi, vous avez pressé sur votre coeur votre premier enfant. Voilà de bien singulièrs approchements! Il y a 4 ans de cela qu'une prophétie pareille vous aurait parue fabuleuse. Adieu, adieu!

Merci de ce que votre fille se nomme Alexandra!

1842. Петербургъ, 21 Ноября (3 Дек.).

Переводъ. Я радуюсь, я благодарю Бога вмѣстѣ съ вами. Поздравляю новаго отца и молодую мать. О, какъ счастлива должна быть мать! Милый мой Василій Андреевичъ, и такъ вы испытываете теперь на самомъ себѣ, что̀ значитъ первый крикъ младенца. Вы воспѣли его 17-го Апрѣля 1818 г., и въ *тотъ же годъ* это тогдашнее дитя имѣетъ теперь своего перваго младенца. И вы также прижали къ своему сердцу вашего перваго ребенка. Вотъ удивительныя совпаденія! Четыре года тому назадъ подобное пророчество показалось бы вамъ сказочнымъ. Прощайте, прощайте!

Благодарю за то, что дочь ваша названа Александрой!

*

Александра Θеодоровна восемь слишкомъ лѣтъ пережила своего друга Жуковскаго. До послѣднихъ мѣсяцевъ жизни сохраняла она живую душу, теплое сердце и любовь къ поэзіи. Лѣтомъ 1859 года, уже совсѣмъ больная, жила она нѣсколько времени въ Швейцаріи и очень часто принимала къ себѣ находившаго тамъ же Θ. И. Тютчева, стихами котораго восхищалась: Тютчевъ многократно читывалъ ей и произведенія чуждой музы, и любимаго ею Шиллера онъ посвятилъ ея памяти свои стихи: Memento.

Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Александра Θеодоровна говоритъ: „Я принялась серьозно за уроки Русскаго языка. Въ учителя мнѣ былъ данъ Василій Андревичъ Жуковскій, въ то время извѣстный уже поэтъ; но человѣкъ онъ былъ слишкомъ поэтичный, чтобы оказаться хорошимъ учителемъ. Вмѣсто того, чтобы корпѣть надъ изученіемъ граматики, какое нибудь отдѣльное слово рождало идею, идея заставляла искать поэму, а поэма служила предметомъ для бесѣды; такимъ образомъ проходили уроки. Поэтому Русскій языкъ я постигала плохо и, не смотря на мое страстное желаніе изучить его, онъ оказывался на столько труднымъ, что я въ продолженіи многихъ лѣтъ не имѣла духу произносить на немъ цѣльныхъ фразъ“.

Позднѣе Государыня совершенно свободно читала по русски, любила читать сама и слушать Русское чтеніе. Одна изъ Русскихъ ея чтицъ передавала намъ, что, слушая, она даже иногда поправляла не совсѣмъ правильное произношеніе. О любви ея къ Русской словесности сохранилось немало свидѣтельствъ. А. О. Смирнова передаетъ въ своихъ „Запискахъ“ какъ тонко цѣнила она поэзію Пушкина, который прекрасно изобразилъ появленіе ея на одномъ придворномъ вечерѣ:

И въ залѣ яркой и богатой,
Когда въ умолкшій тѣсный кругъ,
Подобно лиліи крылатой,
Колеблясь входитъ Лалла-Рукъ,
И надъ поникшею толпою
Сіяетъ царственной главою,
И тихо вѣетъ, и скользитъ
Звѣзда, Харита межъ Харитъ....

Что то глубокое, внутреннее, непоказное и въ тоже время, когда было надобно, душесильное жило въ этой женщинѣ, прекрасной супругѣ, прекрасной матери. Оттого-то любили ее беззавѣтно лица, имѣвшія возможность или даже только случай узнать ее. Покойный Плетневъ не могъ безъ восхищенія говорить о ней. Она прекрасно жила, прекрасно умирала (20 Октября 1860 въ Царскомъ Селѣ).

Помѣщаемъ воспоминаніе объ императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ одной воспитанницы Московскаго Николаевскаго Института. П. Б.

На этихъ дняхъ довелось мнѣ прочесть письмо покойной императрицы Александры Θеодоровны къ лицу, близко стоявшему къ царской

семьѣ, письмо удивительное по глубинѣ чувства. Возвращая его владѣльцу, я сказала, что за одно это письмо можно полюбить покойную Государыню. Какъ сейчасъ вижу эту добрую, ласковую старушку съ болѣзненно-трясущейся головой. Или мы были слишкомъ еще дѣти въ то время, или они, владыки необъятной Имперіи и сто-мильоннаго ея населенія, входя въ общеніе съ нами, дѣтьми, становились просты и ласковы, какъ бываютъ родители съ малолѣтними дѣтьми, но только страха передъ Ихъ Величествами мы не ощущали. Помню одинъ пріѣздъ Ея Величества къ намъ въ Московскій Николаевскій Сиротскій Институтъ вмѣстѣ съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, кажется, передъ Крымской войной. Мнѣ было тогда не болѣе 10—12 лѣтъ. Въ иностранныхъ языкахъ всѣ мы въ ту пору были довольно слабы, и вотъ выбрали изъ нашего класса двухъ или трехъ дѣвочекъ съ болѣе чистымъ выговоромъ и велѣли намъ выучить къ пріѣзду Государыни Французскіе и Нѣмецкіе стихи. Въ день пріѣзда Ихъ Величествъ собрали весь Институтъ въ двѣ рекреаціонныя залы; въ *голубой* были собраны старшіе классы, а мы, мелюзга,—въ *зеленой* или гимнастической. Помню, какъ вошли къ намъ Ихъ Величества. Государь Николай Павловичъ, стройный, высокій, съ просѣдью, съ свѣтлымъ взоромъ и доброй улыбкой, однимъ взглядомъ окинулъ насъ всѣхъ, но взглядомъ такимъ, отъ котораго всѣ мы готовы были, разстроивъ ряды, броситься къ нему навстрѣчу, окружить его, теребить, цѣловать руки, обнять и повиснуть у него на шеѣ. Однимъ словомъ, мы почувствовали, что вошелъ добрый отецъ къ дѣтямъ. И когда впослѣдствіи, да и теперь, случалось и случается читать и слышать, что это былъ строгій, взыскательный и требовательный человѣкъ, какъ-то не вяжется это съ тѣмъ дѣтскимъ впечатлѣніемъ и воспоминаніемъ. Государыня Александра Ѳеодоровна шла тихо, останавливаясь и терпѣливо выслушивая затверженныя ей привѣтствія. Вотъ дошла очередь и до меня. По заранѣе данному мнѣ наставленію, когда Государыня приближалась ко мнѣ, я сдѣлала шагъ впередъ и съ мѣста въ карьеръ затрещала, не переводя духа и не соблюдая знаковъ препинанія, вызубренное мною стихотвореніе: „De ta tige détachée pauvre feuille desséchée"... Съ доброй улыбкой слушала Царица мое нескладное привѣтствіе, и эта улыбка ободряла меня; даже болѣзненное трясеніе ея головы казалось мнѣ знакомъ ободренія (мы еще не знали тогда, что это явленіе болѣзненное, и я принимала его за ободрительное киваніе). Когда я кончила, Государыня ласково потрепала меня по щекѣ, говоря: „Bien, bien, mon enfant, très bien", взяла меня даже двумя пальцами за носъ и потомъ опять потрепала по щекѣ; въ это время я успѣла схватить ласкающую меня руку, крѣпко прижала ее къ губамъ, и благодарная теплая слеза сироты-ребенка упала на ласкающую руку Царицы-Матери.

Да будетъ ей вѣчная благодарная память!

О. Б.

БАРОНЪ О. А. ИГЕЛЬСТРОМЪ ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ.

(1784—1792 и 1796—1798).

I.

Хотя имя Осипа Андреевича Игельстрома не разъ появлялось на страницахъ Русской и даже заграничной повременной печати, тѣмъ не менѣе жизнь, личность, судьба его и особенно служебная карьера до сихъ поръ не выяснены и не описаны; а между тѣмъ его обширная и разносторонняя дѣятельность длинной нитью проходитъ почти черезъ все царствованіе Великой Императрицы и переходитъ въ царствованіе императора Павла I.

По уцѣлѣвшимъ какимъ-то чудомъ отъ пожаровъ и всесокрушающаго времени въ Оренбургскихъ архивахъ немногимъ бумагамъ Игельстрома постараюсь пополнить прежнія свѣдѣнія о немъ и исправить появившіяся въ печати неточности, которыя особенно касаются времени его управленія Уфимско-Оренбургскимъ краемъ.

Извѣстно, что управленіе Оренбургскимъ краемъ, обширнымъ и отдаленнымъ, благодаря географическому положенію его, часто подвергалось измѣненіямъ, и соотвѣтственно имъ мѣнялись и его названія. Первое время (съ 1735 года) приблизительно до 1738 года, при ст. сов. Кириловѣ, образователѣ этого края, онъ именовался «*Извѣстною*», потомъ «*Оренбургскою экспедиціею*». При тайномъ сов. Татищевѣ (съ 10 Марта 1738 по 1739 г.) и князѣ Урусовѣ (1739 по 1741 г.) «*Оренбургскою коммиссіею*», и главный начальникъ края назывался «командиромъ». Въ это время въ составъ его входили Самара, Алексѣевскъ *), Бузулукъ, основанный въ 1736 г., и Оренбургъ съ его уѣздомъ, начиная отъ этого города по линіи почти до Сибирскихъ слободъ затѣмъ, образованная въ 1738 году Исетская провинція съ крѣпостью Челя-

*) Г. Самара основанъ въ 1586 г., а пригородъ Алексѣевскъ, названный такъ въ честь царевича Алексѣя Петровича, въ 1700 году. Самара и Алексѣевскъ ранѣе находились въ зависимости отъ Казанскаго Приказа.

бинской, названной такъ по имени владѣвшаго будто бы этимъ мѣстомъ Башкира Селяба или Челяба. Послѣ перенесенія г. Оренбурга на третье мѣсто *) при сліяніи р. Сакмары съ Ураломъ, по представленію тайн. сов. И. И. Неплюева, высочайшимъ указомъ 15-го Марта 1744 года повелѣно было Оренбургскій край именовать «Оренбургскою губерніею», а главнаго начальника края «губернаторомъ». По этому указу къ губерніи были причислены города Уфа, Бирскъ, Мензелинскъ, Оса (Пермской губ.) и Табынскъ. Вѣдомству новаго губернатора были подчинены всѣ крѣпости бывшей Оренбургской коммиссіи, потомъ Уфимская провинція со всѣми, какъ сказано въ указѣ, «Башкирскими дѣлами», и Исетская провинція съ «Зауральными Башкирами». Его же вѣдѣнію подчинены Киргизъ-кайсацкій народъ и всѣ пограничныя дѣла, «кои донынѣ въ пограничной коммиссіи находятся» и, наконецъ, Яицкіе казаки, бывшіе ранѣе въ подчиненіи у Астраханскаго губернатора, и Ставропольскіе Калмыки. Послѣ этого управленіе краемъ было перенесено изъ Самары въ Оренбургъ.

Но въ 1779 году распредѣленіе Россіи по губерніямъ было признано неудобнымъ. Повелѣно было въ составѣ нѣсколькихъ областей учредить намѣстничества, которыя бы въ свою очередь подчинялись еще особымъ генералъ-губернаторамъ. По этому распредѣленію Оренбургскій край былъ наименованъ Уфимскимъ намѣстничествомъ изъ двухъ областей: губерніи Уфимской и провинціи Оренбургской. Въ первую вошли уѣзды: Уфимскій, Бирскій, Мензелинскій, Стерлитамакскій, Бугульминскій, Белебеевскій, Бугурусланскій и Челябинскій. (Слободы Бугульма и Бугурусланъ, Чувашское селеніе Белебей и крѣпость Челябинская возведены были на степень городовъ). Послѣднюю составили уѣзды: Оренбургскій, Верхнеуральскій, Бузулукскій и Сергіевскій. Три уѣздныхъ города образовались изъ крѣпостей Верхнеуральской и Бузулукской и пригорода Сергіевска. Сюда же была причислена и крѣпость Троицкая, переименованная въ 1782 г. въ уѣздный городъ. Уральское войско, съ городами Уральскомъ и Гурьевымъ, отдѣлены къ Астраханской губерніи. Города Самара и Алексѣевскъ и Ставропольское Калмыцкое войско вошли въ составъ Симбирскаго намѣстничества, которое, впослѣдствіи, вмѣстѣ съ Уфимскимъ намѣстничествомъ, соединилось въ особое генералъ-губернаторство Симбирско-Уфимское.

*) Оренбургъ основанъ 15-го Августа 1735 года на устьѣ р. Ори Кириловымъ, въ другой разъ перенесенъ 1 Августа 1741 г. на урочище Красную горку и наконецъ 19 Апрѣля 1743 года заложенъ на настоящемъ его мѣстѣ.

Пограничная линія, отдѣлявшая первое намѣстничество отъ втораго, шла по тому же направленію, по которому въ 1732 году была проведена такъ называемая «Новая Закамская линія», предназначенная для защиты восточныхъ границъ Россіи, начиная отъ редута Кинельскаго (близъ Алексѣевска) до р. Качуи, на границѣ съ Казанской губерніей [1]). Объ этомъ распредѣленіи сохранилось письмо Казанскаго губернатора князя Платона Мещерскаго къ Оренбургскому губернатору генералъ-поручику Рейнсдорпу, 27 Октября 1779 года изъ Казани.

Въ слѣдующемъ 1780 году, 16 и 17 Декабря, послѣдовало открытіе Симбирскаго намѣстничества. Первымъ намѣстникомъ (онъ же и губернаторъ Симбирскій) былъ назначенъ генералъ-маіоръ Александръ Дмитріевичъ Карповъ. Затѣмъ 17-го Мая 1782 года состоялось открытіе Уфимскаго намѣстничества и новой губерніи Уфимской, а немного позднѣе, 24 Мая, въ г. Оренбургѣ, открылась и Оренбургская область. Тогда же намѣстникомъ Уфимскимъ былъ опредѣленъ генералъ-поручикъ Акимъ Ивановичъ Апухтинъ, а губернаторомъ Оренбургской области генералъ-маіоръ князь Матвѣй Аѳанасьевичъ Хвабуловъ. Одновременно съ этимъ управленіе всѣмъ краемъ, подъ именемъ Симбирскаго и Уфимскаго генералъ-губернаторства, поручено бывшему Астраханскому, а потомъ Оренбургскому губернатору (съ 1781 г.), генералъ-поручику Ивану Варѳоломеевичу Якоби [2]).

Но онъ не долго пробылъ въ этомъ званіи. Въ Іюлѣ 1783 года Якоби уѣхалъ изъ Уфы въ Петербургъ и больше назадъ не возвращался [3]). Вмѣсто него былъ назначенъ генералъ-поручикъ Апухтинъ который занималъ эту должность до конца 1784 года, когда по именному высочайшему рескрипту послѣдовало назначеніе начальникомъ края барона О. А. Игельстрома. Сама Императрица такъ писала ему объ этомъ:

«Господинъ генералъ-поручикъ баронъ Игельстромъ. Опредѣливъ васъ въ должность генералъ-губернатора Симбирскаго и Уфимскаго, увѣрена я, что вы сіе назначеніе пріимете знакомъ моего особливаго къ вамъ благоволенія и довѣренности. Я желаю, чтобъ вы поспѣшили

---

[1]) См. Рычковъ. Топографія Оренбург. губер. 1887, 312. (Сличи нашу ст. „Курганы и подземныя пещеры въ Самарской губерніи. Историч. Вѣст.". 1894, VII, 169—170).

[2]) Род. 1726 г., † 1803 г. Новиковъ въ „Сборникѣ Матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства" (1879, стр. 20) неправильно называетъ Якоби Уфимскимъ и „Сибирскимъ" генералъ-губернаторомъ.

[3]) У Новикова, какъ и въ „Памят. книжкѣ Оренб. губер." на 1895 г. почему-то показано, что Якоби оставался генералъ-губернаторомъ до 1784 года.

сюда прибытіемъ вашимъ, дабы за полученіемъ нужныхъ наставленій могли вы тотчасъ отправиться въ намѣстничествы, вамъ поручаемыя. Пребываю всегда вамъ благосклонная. Екатерина».

Рескриптъ этотъ данъ былъ въ С.-Петербургѣ, Сентября 1 дня 1784, и на немъ существуетъ помѣтка (внизу): «Полученъ въ Таврической области при Кара-су-базарѣ».

Получивъ въ управленіе Оренбургскій край, населенный разнородными племенами, б. Игельстромъ, согласно полученныхъ отъ Императрицы инструкцій, обратилъ особенное вниманіе на слабо еще подчиненный намъ Киргизъ-Кайсацкій народъ, требовавшій усиленнаго наблюденія за его дѣйствіями и заботъ къ обузданію его грабежныхъ набѣговъ. Къ несчастію, для пріученія этихъ Азіатовъ къ Русс ой власти и Русскимъ законамъ, были приняты такія вредныя мѣры, которыя больше озлобляли, чѣмъ привлекали ихъ на сторону Россіи. Не узнавъ быта, нравовъ и обычаевъ этого народа, его взглядовъ и вѣрованій, почему-то находили нужнымъ навязывать Киргизамъ чуждое имъ Мусульманское вѣроисповѣданіе, устраивали мечети и посылки въ Киргизскія орды Татарскихъ муллъ. Такъ думалъ не только б. Игельстромъ, но и сама Императрица, которая въ своемъ рескриптѣ, отъ 4 Сентября 1785 года, писала ему:

«Господинъ генералъ-поручикъ баронъ Игельстромъ. Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 6 Августа, что построенныя для подданныхъ нашихъ Магометанскаго закона мечети въ крѣпости Троицкой и въ Оренбургѣ открыты, не сомнѣваемся, что таковое сооруженіе мѣстъ для публичной молитвы привлечетъ и прочихъ по близости кочующихъ и обитающихъ къ границамъ нашимъ; а сіе и можетъ послужить со временемъ способомъ къ воздержанію ихъ отъ своевольствъ, лучше всякихъ строгихъ мѣръ. Въ слѣдствіе того нужно есть: 1) При помянутыхъ мечетяхъ построить Татарскія школы, по примѣру Казанскихъ, и тутъ же завести караванъ-сараи или гостинные дворы. 2) Мечети обвести каменнымъ заборомъ, освѣдомясь у Татаръ, какъ то пристойнѣе по ихъ обычаю. 3) Гдѣ же вновь слѣдуетъ построить мечети, и особливо въ такихъ мѣстахъ, кои удобнѣе другихъ посѣщаемы быть могутъ, стараться оныя такъ расположить, чтобъ хотя и до тысячи пятисотъ человѣкъ въ нихъ вмѣститься могло, считая, напримѣръ, пространство ихъ до двадцати или до двадцати пяти сажень. О людяхъ потребныхъ для Татарскихъ школъ не оставите снестися съ нашимъ генераломъ и Казанскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Мещерскимъ. Пребываемъ въ прочемъ вамъ благосклонны. Екатерина».

Мало этого, въ слѣдующемъ именномъ повелѣніи, отъ 27 Ноября того же 1785 года, на имя барона Игельстрома Императрица добавляла:

«Снабденіе разныхъ родовъ Киргизскихъ моллами немалую пользу въ дѣлахъ нашихъ принести можетъ, почему вы и старайтесь опредѣлить оныхъ изъ Казанскихъ Татаръ, людей надежныхъ, давъ имъ потребныя наставленія къ удержанію Киргизцовъ въ вѣрности къ намъ и къ удаленію ихъ отъ набѣговъ и хищничества въ границахъ нашихъ. Симъ молламъ вы можете, при посылкѣ ихъ, произвесть небольшую денежную дачу; а при томъ, по мѣрѣ вѣрности и тщанія въ исполненіи на нихъ возлагаемаго по службѣ нашей, обнадежить и бо́льшимъ награжденіемъ» [1]).

Увы, это была грубая ошибка со стороны Русскаго правительства. Ожидать пользы отъ муллъ Магометанскихъ, да еще изъ Казанскихъ Татаръ, право, «было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно». Вся исторія Казани до 1552 года, а потомъ послѣдующія интриги Казанскихъ ахуновъ, муллъ и мурзъ и ихъ происки при неоднократныхъ Башкирскихъ волненіяхъ, ясно показывали это.

Киргизы, если и исповѣдывали Магометову вѣру, то были чужды присущему ей фанатизму и въ дѣлахъ внѣшнихъ отправленій, т. е. обрядовыхъ особенностей, были почти что «tabula rasa». Они до сихъ поръ еще не понимаютъ смысла Магометанскаго исповѣданія, не исполняютъ предписанныхъ этой вѣрой обычаевъ и ежедневныхъ богомоленій съ различными омовеніями; многіе изъ нихъ даже не знаютъ, кто такой былъ Магометъ, что́ такое Аллахъ и по прежнему именуютъ Бога языческимъ именемъ «*Худай*», т. е. высшее существо. Явившіеся къ нимъ въ степь фанатики-муллы, да еще по предписанію Русскаго начальства, были противны имъ, прежде всего по тому, что муллы эти стали вводить свои узаконенія и требовать неуклоннаго исполненія различныхъ обрядностей, сопряженныхъ съ исповѣданіемъ Магометанской вѣры. Самымъ ненавистнымъ и тягостнымъ нововведеніемъ для жителя степей, привыкшаго къ вольной волюшкѣ, было требованіе «*намаза*» [2]), который долженъ совершаться пять разъ въ день. Потомъ не менѣе тягостная «*ураза*» (постъ), продолжающаяся цѣлый мѣсяцъ, во время которой правовѣрные не должны ни пить, ни ѣсть въ теченіе всего дня, отъ восхода до захода солнца И это

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1886, XI, 349.

[2]) Намазъ—молитва съ омовеніемъ совершается 1) передъ восходомъ солнца 2) спустя часа четыре передъ завтракомъ, 3) въ полдень, 4) при закатѣ солнца и 5), въ полночь.

было верхомъ посягательства на свободу и жизнь Киргиза. Попробуйте ка лѣтомъ при 60 градусной жарѣ пробыть безъ питья! «Нѣтъ, говорятъ Киргизы, этотъ законъ писанъ не для насъ».

Но еще больше вооружало Киргизовъ противъ этихъ ставленниковъ Русской власти, а съ ними вмѣстѣ и противъ Россіи, то, что муллы не ограничивались проповѣдываніемъ своей вѣры; они облагали ихъ различнаго рода сборами и поборами и за совершеніе надъ ними различныхъ священнодѣйствій требовали пешкеша (подарковъ).

Проникнутые духомъ фатизма и ненависти къ Русскимъ, муллы Татарскіе больше враждебно настраивали Киргизовъ противъ ненавистнаго имъ Русскаго правительства, чѣмъ вселяли въ нихъ довѣріе и чувство признательности къ Россіи. Это особенно сильно проявилось въ то время, когда, по настоянію того же Игельстрома, высочайшимъ указомъ 22 Сентября 1788 года, повелѣно было учредить въ г. Уфѣ «духовное собраніе Магометанскаго закона» съ муфтіемъ во главѣ, коему положено «имѣть въ вѣдомствѣ своемъ всѣхъ духовныхъ чиновъ того закона, въ разныхъ губерніяхъ проживающихъ, исключая Таврической области, гдѣ особое есть духовное правленіе» [1]).

Тотчасъ по прибытіи въ Уфу, муфтій этотъ показалъ, какъ можно надѣяться Русскому правительству на вѣрность Татарскихъ муллъ. Онъ явился не только противникомъ Русской власти, но еще и ревностнымъ возбудителемъ ордынцевъ противъ распоряженій и дѣйствій на пользу ихъ пограничнаго начальства. Какъ видно изъ письма (отъ 9-го Апрѣля 1791 года) барона Игельстрома на имя правителя Уфимскаго намѣстничества генералъ-маіора Пеутлинга, муфтій этотъ въ 1790 году [2]) писалъ въ орду къ одному изъ вліятельныхъ Киргизскихъ родоначальниковъ Сырыму-батырю, подбивая какъ его, такъ и другихъ Киргизскихъ старшинъ; «представить жалобу Ея Императорскому Величеству на главное пограничное начальство въ томъ, что оно якобы Киргизское общество довело до крайняго состоянія, и дабы жалоба сія не была кѣмъ либо остановлена, отправить оную чрезъ Оренбургъ; но если и тамъ остановятъ ее, муфтій обѣщалъ имъ въ такомъ случаѣ самъ писать къ высочайшему Ея И. В-ва двору».

---

[1]) По справкѣ высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 1 Декабря 1826 г. Въ „Памятн. Книжкѣ Оренб. губер.“ на 1895 г. стр. 32, неправильно показано, что должность муфтія утверждена въ 1782 году.

[2]) Значитъ, всего черезъ годъ, такъ какъ Магометанское духовное правленіе открылось въ Уфѣ въ слѣдующемъ 1789 году. Первымъ муфтіемъ назначенъ бывшій ахунъ Сеитовскаго посада Мухаметъ-Джанъ Гуссеиновъ, которому 25 Января 1798 г. Павелъ пожаловалъ соболью шубу за усердіе (Русск. Арх. 1886, XII, 491).

Что за смыслъ было писать подобное письмо, что за притѣсненія испытывали Киргизы отъ пограничнаго начальства, къ сожалѣнію, въ дѣлахъ архивныхъ не находится указанія. Можетъ быть, это была обыкновенная и постоянная жалоба ордынцевъ на препятствія мѣстныхъ властей для перепуска Киргизскаго скота съ степной на внутреннюю сторону линіи, чего дѣйствительно нельзя было допускать постоянно въ ущербъ пограничнымъ жителямъ и въ виду еще опасности со стороны тѣхъ же Киргизовъ, которые, пользуясь этимъ случаемъ, безпрепятственно угоняли у окрестныхъ жителей скотъ и захватывали въ плѣнъ поселянъ.

Во всякомъ случаѣ, вникать въ дѣла пограничнаго начальства или въ нужды ордынцевъ было не въ обязанностяхъ муфтія. Къ счастію нашему, Киргизы не послушались его подговоровъ и не только не вышли изъ повиновенія мѣстному начальству, но еще выдали его.

Одинъ изъ ихъ старшинъ, засѣдавшій въ Оренбургскомъ пограничномъ судѣ, титулярный совѣтникъ Нурмухаммедъ-Ходжа, будучи лѣтомъ того же года въ ордѣ, увидѣлъ письмо муфтія у Сырыма-батыря и, по пріѣздѣ въ Оренбургъ, не замедлилъ сообщить о томъ Пеутлингу. Тотъ въ свою очередь объ этомъ написалъ находившемуся въ то время въ Петербургѣ барону Игельстрому и, кромѣ того, донесъ непосредственно гофмейстеру графу А. А. Безбородко, и послѣдній довелъ дѣло до свѣдѣнія Государыни.

Поступки муфтія признали «непристойными»; но, какъ теперь нельзя еще обвинить его въ чинимомъ на него доносѣ, пока онъ самъ признается (?) въ ономъ, или когда старшина Нурмухаммедъ по учиненному имъ обѣщанію доставитъ изъ орды подлинное къ Сырыму муфтіево письмо, то привесть дѣло сіе въ ясность. Въ виду этого, по высочайшему повелѣнію, Уфимскому намѣстническому правленію (10 Апрѣля 1791 г.) барономъ Игельстромомъ было предложено: «обслѣдовать въ точности старшины Нурмухаммеда объявленіе, и какъ онъ старшина, такъ равно и господинъ муфтій люди еще въ законахъ не свѣдущіе, такъ, по приведеніи въ ясность помянутаго объявленія, кто изъ нихъ виновнымъ окажется, того, призвавъ къ себѣ въ полномъ собраніи членовъ правленія *), препоручить господину губернскому прокурору прочитать и истолковать ему указы о ложныхъ доносахъ и развратныхъ въ народѣ разглашеніяхъ, состоящіеся 1763 г. Іюня 4-го, 1764 г. Марта 16-го и 1772-го годовъ Апрѣля 5-го числъ. При чемъ господа присутствующіе правленія объявили бы тому виновному, что

*) Намѣстническаго.

преступленіе его прощается ему единственно по увѣреніямъ, что онъ еще не свѣдущъ въ законахъ, и сію бы сдѣланную ему милость старался онъ впредъ заслуживать ревностнымъ обращеніемъ въ службѣ Ея И. В-ву, остерегаясь всячески впадать въ подобныя погрѣшности подъ страхомъ строгаго по законамъ сужденія. Теперь же подтвердить господину муфтію, что долгъ его есть управлять дѣлами только по духовному его сану, а до свѣтскихъ отнюдь не касаться; развѣ когда начальство употребить его по онымъ заблагоразсудитъ, чтобы иногда посредствомъ совѣтовъ и наставленій его вывесть чернь изъ какого либо заблужденія».

Такъ кончилось дѣло, безъ всякаго хотя бы малѣйшаго для примѣра муфтію наказанія. А попробуй тоже самое сдѣлать Русскій человѣкъ, къ нему врядъ ли бы отнеслись столь милостиво, особенно въ то суровое время. Мы ужъ черезчуръ и даже до сей поры смотримъ снисходительно на туземцевъ во вредъ себѣ и въ соблазнъ коренному Русскому населенію... И слишкомъ велико наше неумѣніе управляться съ вѣроисповѣдными дѣлами, безъ всякой системы и послѣдовательности, отвергая сегодня то, чтó вчера подтверждали, и подтверждая то, чтó завтра будетъ отвергнуто.

Первый ошибочный урокъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ еще въ 1745 году Оренбургскимъ губернаторомъ И. И. Неплюевымъ, во вредъ Россіи православной и въ пользу татарства. Въ то время, когда предшественники его, Татищевъ и князь Урусовъ, всѣми мѣрами старались обрусить новый Оренбургскій край путемъ переселенія жителей изъ центральныхъ (Русскихъ) областей Россіи, онъ вдругъ исходатайствовалъ у государыни Елисаветы Петровны повелѣніе на переселеніе въ Оренбургскій край 200 семей Казанскихъ и Вятскихъ Татаръ, «людей добропорядочныхъ и торги производить могущихъ». Татары эти были поселены близъ границъ съ Киргизской степью, въ 18 верстахъ отъ нынѣшняго Оренбурга, на рѣчкѣ Каргалѣ и получили въ надѣлъ *60 тысячъ* (!) десятинъ самой удобной и хлѣбородной земли. Имъ дано было право имѣть у себя не только мечети, но и свои Татарскія школы, съ непремѣннымъ условіемъ не принимать въ свое общество никого изъ Русскихъ, а только туземцевъ Магометанскаго закона [1]), какимъ правомъ и до сей поры пользуется это поселеніе, извѣстное подъ именемъ Каргали или Сеитовскаго посада. Но Неплюевъ вскорѣ понялъ свою ошибку, увидѣвъ, что поселенные имъ

[1]) См. грамоту императрицы Елисаветы Петровны Сеитовскому посаду отъ 8 Августа 1745 г. (Оренбург. Губерн. Вѣдомости 1870 г. № 41).

Татары были не столько пособниками нашей торговли съ Зауральскими племенами, сколько зловредными пропагандистами. Дабы разъ навсегда положить предѣлъ болѣе тѣсному сближенію Татаръ съ Киргизами, 11-го Мая 1747 года былъ изданъ высочайшій указъ на имя Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ: «Киргизъ-Кайсакамъ изъ Башкиріи и изъ Казанскихъ и Оренбургскихъ Татаръ въ замужество невѣстъ не отдавать; также Башкирцамъ и Татарамъ на Киргизъ Кайсатскихъ жениться не позволять».

Такимъ образомъ еще при Елисаветѣ Петровнѣ было признано нежелательнымъ даже родство и свойство Киргизовъ съ Татарами; и вдругъ, чрезъ 40 лѣтъ послѣ этого, при Екатеринѣ II, явилась для чего-то надобность посылать въ Киргизскую степь тѣхъ же Татаръ, и кѣмъ же? Учителями и наставниками въ вѣрѣ и укрѣпленіи ихъ въ вѣрности къ Русскому престолу. Возможно ли послѣ этого было ожидать, что Киргизы послушаются ненавистныхъ имъ наставниковъ?

Однако такая явная аномалія нисколько не помѣшала барону Игельстрому всѣми мѣрами стараться омагометанить ордынцевъ. Дивія, если не сказать болѣе, стремленія его дошли до того, что при учрежденіи въ 1786 году для Киргизовъ особаго пограничнаго суда въ Оренбургѣ и трехъ Киргизскихъ расправъ въ самой ордѣ «для разбора дѣлъ объ Азіятцахъ», онъ также нашелъ нужнымъ и, главное, «*полезнымъ*» натолкать туда руководителями все тѣхъ же Магометанскихъ муллъ, о чемъ и вошелъ къ Государынѣ съ особымъ представленіемъ. Но Императрица по всей вѣроятности не знала, да и не могла знать, всѣхъ обстоятельствъ дѣла и поэтому вполнѣ согласилась съ доводами своего сподвижника, что̀ всего яснѣе видно изъ слѣдующаго именнаго повелѣнія, даннаго тому же барону Игельстрому 3-го Іюня 1786 года:

«Заведеніе расправъ въ народѣ Киргизскомъ мы почитаемъ полезнымъ; но на первое время довольно, когда оныя изъ ихъ самихъ, сходно мнѣнію вашему, составлены будутъ; а развѣ для однихъ письменныхъ дѣлъ употребить изъ вѣрныхъ духовныхъ Магометанскаго закона Казанскихъ или другихъ Татаръ; но и тутъ надобна осторожность, чтобъ не подвергнуть ихъ опасности по своевольству Киргизовъ. Впрочемъ, жалованье симъ расправамъ, назначаемое вами, довольно сильно будетъ утверждать Киргизовъ въ принятіи и сохраненіи ихъ [1]). Расправамъ онымъ быть подъ апелляціею Пограничнаго Суда, въ Оренбургѣ учреждаемаго» [2]).

---

[1]) Изъ ниже приводимыхъ писемъ и рескриптовъ видно будетъ, какая сумма была ассигнована на расходы по удержанію „Киргизцовъ отъ своевольствъ".

[2]) „Русскій Архивъ", 1886, XI, стр. 355.

Интереснѣе всего выясняется изъ этого рескрипта, что правительство, завѣдомо зная ненависть ордынцевъ къ Татарскимъ мулламъ, нарочно прибѣгало къ подкупамъ и подачкамъ, чтобы защитить и «не подвергнуть ихъ опасности по своевольству Киргизовъ». Право, невольно приходится удивляться такимъ распоряженіямъ могущественной и сильной державы!...

Расправы были учреждены въ трехъ главныхъ Киргизскихъ родахъ: Алимуллинскомъ, Байуллинскомъ и Семиродскомъ *). Имъ даны были особыя инструкціи, подписанныя самимъ Игельстромомъ и, видимо, имъ же составленныя. Въ дѣлахъ архивныхъ сохранилась одна изъ нихъ (Алимуллинскаго рода), и намъ кажется, нелишнимъ будетъ привести ее здѣсь не только, какъ документъ къ исторіи Киргизскаго народа, но и какъ характеристику довольно курьезнаго учрежденія, этого дѣтища, возлелѣяннаго плохо знавшимъ и понимавшимъ Киргизскій народъ Нѣмцемъ генералъ-губернаторомъ.

„Правилы

для наблюденія и исполненія расправѣ, учрежденной по высочайшему соизволенію Ея Императорскаго Величества Киргискайсацкой Меньшей орды въ Аллимуллинскомъ родѣ.

1) Должность расправы состоитъ въ томъ, чтобъ отправлять для Киргизцовъ рода Аллимуллинскаго, въ которомъ сей установленъ, правосудіе какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ, и потому расправа должна принять отъ всякаго Киргизца, къ роду Аллимуллинскаго причисляющагося, обиду чувствующаго или споръ, или искъ въ имѣніи, или другомъ чемъ имѣющаго жалобу, входить по оной въ разбирательство и изслѣдованіе дѣла и доставить правой сторонѣ полномѣрное удовольствіе. 2) Расправѣ надлежитъ имѣть бдѣніе, дабы въ родахъ тѣхъ, которые состоятъ въ ея вѣдомствѣ, то-есть принадлежатъ роду Аллимуллинскому, сохранены были благочиніе, добронравіе и порядокъ. 3) Расправѣ подчинены всѣ рода, въ Аллимуллинскомъ родѣ счисляющіеся, и начальники оныхъ, которые должны всѣ опредѣленія ея безотговорочно и безъ отлагательства времени производить въ дѣйство и исполнять; сама же расправа подчинена здѣсь нынѣ въ Оренбургѣ существующему Пограничному Суду, почему должна исполнять всѣ его требованія. Въ разсужденіи случающихся тяжбъ и исковъ, по коимъ расправа, будучи первоначальное въ родѣ Аллимуллинскомъ мѣсто имѣетъ отыскивать вину всякаго въ родѣ Аллимуллинскомъ, происшествіями какой ссоры; когда же случится, что расправа при разбирательствѣ какого ни есть дѣла въ приступленіи къ его рѣшенію будетъ имѣть недоразумѣніе, тогда должна сдѣлать Пограничному Суду о томъ свое донесеніе и требовать отъ

*) Расправы открыты одновременно 20 Октября 1786 года. Кромѣ того при ханѣ Малой орды тогда же былъ учрежденъ „ханскій совѣтъ“, или „Киргизскій диванъ“, состоящій изъ двухъ султановъ и по двое старшинъ отъ трехъ главныхъ Киргизскихъ родовъ (всего шесть старшинъ). Позднѣе указомъ 18-го Мая 1791 года была учреждена еще расправа Кердаринская. На расправы отпускалось „деньгами по четыреста по сороку рублей, да хлѣбомъ по двѣсти четвертей въ годъ“.

онаго недоразумѣнію своему разрѣшенія. 4) Расправа должна обнародовать всѣ предписанія мои, яко главнаго начальника здѣшняго края, и здѣсь состоящаго Пограничнаго Суда, производить оныя въ дѣйство и назидать, чтобы все предписанное, полезное и нужное повсюду исполняемо было; въ случаѣ же неисполненія, расправа должна по состоянію дѣла, не смотря ни на какое лицо, проводить всякаго къ исполненію предписаннаго. 5) Расправа должна имѣть бдѣніе, чтобы Киргизцы изъ родовъ, составляющихъ всѣ вообще Аллимуллинскій родъ, не дѣлали подбѣги къ границамъ здѣшнимъ для захвата людей, отгона скота и другихъ грабительствъ и чтобы никто не удержалъ и не укрывалъ у себя захваченныхъ со стороны здѣшней людей, похищенный скотъ и прочее имущество, и буде гдѣ явится таковой нарушитель установленнаго порядка, расправа должна судить онаго, сдѣлать приговоръ о наказаніи его, совершить оное надъ нимъ, взыскать съ него все похищенное имъ и возвратить оное куда принадлежитъ. 6) Когда здѣсь существующій Судъ Пограничный по разбирательствѣ найдетъ преступниковъ въ чемъ-либо изъ Киргизцовъ и приговоритъ оныхъ къ наказанію, расправа имѣетъ наказать ихъ въ присутствіи того рода старшины, котораго они, въ страхъ прочимъ. 7) Расправа должна находиться въ срединѣ рода Аллимуллинскаго и имѣть, ежели будутъ дѣла, ежедневно, кромѣ праздничныхъ и торжественныхъ дней, засѣданія, почему члены оной, то-есть предсѣдатель и засѣдатели должны находиться безотлучно вмѣстѣ. 8) Расправа, состоя по высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію подъ аппеляціею Оренбургскаго Пограничнаго Суда по дѣламъ, въ ней производимымъ, должна имѣть переписку съ онымъ судомъ рапортами, то-есть донесеніями; отъ суда онаго имѣютъ быть указы ей посылаемы* *).

Безспорно по существу цѣль устройства въ ордѣ расправъ была благая. Правительство хотѣло дать Киргизскому народу какъ бы свое общественное управленіе, такъ какъ на избранныхъ ими самими въ расправу старѣйшинъ возлагалось не только веденіе и разборъ дѣлъ, касающихся всевозможныхъ преступленій, но имъ ввѣрялась еще административная и полицейская власть. Но народъ Киргизскій былъ еще настолько дикъ, что врядъ ли могъ что-либо понять изъ этой путанной инструкціи и слушаться бумажныхъ постановленій Расправъ, въ которыхъ къ тому же, рядомъ съ ихъ выборными старѣйшинами, засѣдали и ненавистные имъ Русскіе ставленники—Татарскіе муллы. Ордынцы уважали только силу и слушались только родовитыхъ старшихъ. Даже во время своего собственнаго управленія, до принятія въ въ 1734 году подданства Россіи, у нихъ не было никакихъ выборныхъ, а власть старѣйшинъ (т. е. представителей родовъ) переходила въ каждомъ родѣ по наслѣдству отъ старшаго къ старшему. Киргизами управляли султаны, біи, батыри знатные—наслѣдственные родоначальники. Съ учрежденіемъ же Расправъ явилась возможность получить власть совсѣмъ незнатному и неродовитому Киргизу, такъ какъ ордынцы, не признавая надъ собой власти этихъ учрежденій, за подарки

*) „Правилы" эти не напечатаны нигдѣ.

и угощеніе выбирали въ нихъ кого попало. Оттого получалось то, что въ засѣдатели Расправъ этихъ шли такіе люди, которые совершенно не имѣли никакого представленія о правахъ человѣческихъ и своихъ обязанностяхъ. Выборные эти стремились лишь къ тому, чтобы быть на службѣ и получать чины, ордена и прочія наружныя отличія, до чего особенно охочи Киргизы. Трехлѣтнее состояніе въ ордѣ Расправъ яснѣе всего показало это.

При перемѣнѣ въ 1790 году на новое трехлѣтіе судей въ Расправахъ этихъ, баронъ Игельстромъ въ ордерѣ своемъ на имя Пеутлинга [1]), предлагая ему «благовременно озаботить себя написаніемъ ко всѣмъ главнымъ трехъ первыхъ родовъ старшинамъ, чтобъ они учинили выборъ новымъ судьямъ», «объяснивъ сперва имъ причину... и коснувшись нѣкоторымъ образомъ пользы и важности сего предмета», — просилъ при этомъ «подтвердить имъ, чтобы вновь ими избранные были *не низкаго происхожденія, поведенія добропорядочнаго,* въ состояніи сохранить довѣренность (?), коею общество ихъ удостаиваетъ, и чтобы для основательнаго сужденія каждый имѣлъ себѣ отъ роду не менѣе двадцатипяти лѣтъ», съ тѣмъ, чтобы потомъ выборные эти явились къ Пеутлингу и въ Оренбургскій Пограничный Судъ «для испытанія».

Но, не смотря на эти «дополненія и разъясненія», «къ пользѣ Киргизовъ служащія», Расправы, какъ чуждыя духу народа, недолго просуществовали въ ордѣ. Послѣ Игельстрома, по представленію Оренбургскаго военнаго губернатора генералъ-маіора Н. Н. Бахметева, высочайшимъ указомъ 19 Марта 1799 года какъ онѣ, такъ и Пограничный Судъ [2]) въ Оренбургѣ были уничтожены, а вмѣсто послѣдняго

[1]) Отъ 14-го Іюня того же 1790 г., № 916 изъ Выборга, куда, какъ увидимъ ниже, Игельстромъ уѣхалъ въ 1789 году. Извѣстно, что онъ велъ дипломатическіе переговоры съ Швеціей и 3-го Августа 1790 г. заключилъ Верельскій миръ. („Русская Старина" 1893, Августъ, стр. 223. Слич. „Русскій Архивъ" 1886, XII, стр. 480).

[2]) Какъ видно изъ указа Сената Оренбургскому военному губернатору Бахметеву отъ 14-го Февраля 1799 г., Пограничный Судъ имѣлъ особенныя полномочія въ противность общимъ узаконеніямъ. Въ немъ разбирались и осуждались „преступленія, Киргизцами, Башкирцами и прочими на границѣ или внутри той или другой стороны сдѣланныя... Дѣла сіи не идутъ по дистанціямъ, но, начинаясь въ Пограничномъ судѣ, оканчиваются въономъ съ апробаціи военнаго губернатора, и сей Судъ приговоры свои приказываетъ исполнить уѣздной полиціи на мѣстѣ преступленія, не давая о томъ знать гражданскому губернатору и губернскому правленію, считая себя отъ правительствъ и начальствъ, въ губерніи учрежденныхъ, независимымъ. Съ самого своего учрежденія къ прокурорамъ ни о чемъ и никакихъ свѣдѣній не доставлялъ". По просьбѣ Оренбургскаго губернскаго прокурора Богинскаго, Сенатъ указомъ этимъ предписалъ военному губернатору „о производствѣ дѣлъ" въ Пограничномъ Судѣ доставлять свѣдѣнія и прокурору.

учреждена была особая коммиссія пограничныхъ дѣлъ, гдѣ, кромѣ переводчиковъ, да одного султана и двухъ старшинъ изъ Киргизовъ, остальные чины были Русскіе. Такой порядокъ управленія Киргизами, видимо, былъ цѣлесообразенъ. Онъ продержался три царствованія, и только въ 1859 году Оренбургская Пограничная Коммиссія была переименована въ «Область Оренбургскихъ Киргизовъ» и передана изъ вѣдѣнія Азіатскаго Департамента Иностранныхъ Дѣлъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

II.

Хотя баронъ Игельстромъ числился и *номинально* управлялъ Оренбургскимъ краемъ до 1792 года, но пробылъ онъ въ Уфѣ всего четыре года. Въ 1789 году онъ уѣхалъ въ Петербургъ и больше назадъ не возвращался.

Въ теченіе этихъ несчастныхъ четырехъ лѣтъ баронъ надѣлалъ такихъ бѣдъ и непоправимыхъ ошибокъ, какихъ другой лучшій начальникъ не могъ бы сдѣлать во всю жизнь. Будучи плохимъ администраторомъ, и при томъ еще плохимъ военнымъ человѣкомъ, онъ, видимо, производилъ всѣ свои распоряженія съ маху, очертя голову, не справляясь и не вдумываясь, можно и нужно ли провести то или другое узаконеніе, полезно ли оно будетъ для народа и будетъ ли имѣть какое-либо существенное значеніе, какъ рычагъ въ борьбѣ съ непокорными племенами. Очевидно, баронъ Игельстромъ ничуть не задумывался надъ этимъ весьма важнымъ при всякомъ управленіи вопросомъ. У него была единственная и никому и ни къ чему ненужная страсть писать и писать, давать инструкціи и дѣлать наставленія, и при томъ непремѣнно письменно, «на бумагѣ» «отъ такого-то числа», «за № такимъ-то». Эта канцелярская привычка побудила его и передъ самымъ отъѣздомъ изъ Уфы написать много длиннѣйшихъ писемъ къ различнымъ начальствующимъ края, а правителю Уфимскаго намѣстничества, Александру Александровичу Пеутлингу, кромѣ письма отъ 7-го Декабря 1789 г. (№ 1732), онъ настрочилъ пространнѣйшій ордеръ (отъ 8 Декабря, № 318), какъ управлять краемъ, съ кѣмъ и какъ сноситься и что̀ писать, хотя Пеутлингъ, человѣкъ уже поживиій и неглупый, и безъ него зналъ, что̀ и какъ при случаѣ нужно было сдѣлать.

По своему содержанію ордеръ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія и, какъ курьезъ, достоинъ того, чтобы его привести дословно.

«Имѣя счастіе получить высочайшее Ея Императорскаго Величества именное повелѣніе, всемилостивѣйше меня удостоивающее позволеніемъ прибыть мнѣ въ столицу Ея Величества, и поспѣшая туда отправиться, предназначаю отбытіе мое изъ здѣшняго мѣста прямо въ Санктпетербургъ сего мѣсяца 10 дня. По поводу чего на все время моего въ здѣшнемъ краю небытія, препоручая в. п-ву въ полное завѣдываніе и управленіе всѣ дѣла, касательныя до Киргизскаго народа и до пограничности, имѣю относительно сего предложить вамъ слѣдующее:

1) Дабы ваше превосходительство всегда имѣли достаточныя свѣдѣнія о дѣлахъ, до Киргизкайсацкаго народа принадлежащихъ и по части пограничной, я, давши знать о семъ моемъ вамъ препорученіи Оренбургской Экспедиціи Пограничныхъ Дѣлъ и тамошнему Пограничному Суду, предписалъ первой—о всѣхъ Киргизкайсацкихъ и пограничныхъ обстоятельствахъ и происшествіяхъ въ надлежащее время доносить вашему превосходительству, а послѣднему—всѣ производящіяся въ ономъ дѣла къ вамъ представлять на ревизію, и чтобы испрашивали вашихъ разрѣшеній, которымъ и имѣете ваше превосходительство дѣлать свои предписанія [1]).

2) Отъ его свѣтлости *высокоповелительнаго* (sic) господина генерала-фельдмаршала и многихъ орденовъ кавалера Потемкина Таврическаго отъ 19 дня Августа минувшаго 1785 года въ ордерѣ мнѣ объявлено, что Ея Императорскому Величеству благоугодно, дабы обо всемъ по Оренбургской линіи происходящемъ увѣдомлять его свѣтлость, что́ я наблюдая всегда въ точности, рекомендую вашему превосходительству какъ его свѣтлости, такъ равно и Государственной Военной Коллегіи по Секретной Экспедиціи ежемѣсячно доносить о линейныхъ обстоятельствахъ [2]).

3) Поелику обязанности мои въ разсужденіи Киргизкайсацкаго народа и по части пограничной суть единообразны съ обязанностями всѣхъ сосѣдственныхъ господъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, или правящихъ должность ихъ, и генералитетомъ войсками ко-

---

[1]) Изъ этого вытекаетъ, что главнымъ начальникомъ края надъ Уфимской губерніей, Оренбургской областью и Киргизскою степью оставался Игельстромъ, за исключеніемъ, какъ увидимъ ниже, Симбирскаго намѣстничества.

[2]) Какъ видно изъ письма барона Игельстрома отъ 31-го Іюля 1791 года, онъ представлялъ князю Потемкину (при донесеніи отъ 28 Января 1786 г.) „подробное описаніе о Киргизскомъ народѣ, касательно до образа правленія Киргизкайсаковъ, до связи ихъ между собою и сосѣдними народами, мѣстоположенія, по коему кочевьемъ своимъ располагаются, числа ихъ душъ, ихъ обрядовъ и обычаевъ, раздѣленія ихъ на разные роды и кто какимъ родомъ управляетъ, чѣмъ чиновники отличаются отъ черни, также какое у нихъ въ употребленіи оружіе, откуда достаютъ принадлежащіе къ тому припасы, въ чемъ состоитъ ихъ богатство, недостатки и проч.“ Къ сожалѣнію въ дѣлахъ архивныхъ не сохранилось этого донесенія.

мандующимъ, то дабы въ полной мѣрѣ сохраняема была безопасность здѣшняго края, ваше превосходительство имѣете всегдашній долгъ о всѣхъ Киргизкайсацкихъ и пограничныхъ обстоятельствахъ такихъ, которыя включаютъ въ себѣ важность и для отвращенія которыхъ или произведенія въ дѣйство потребны вамъ будутъ соединенныя тѣхъ сосѣднихъ главныхъ начальниковъ силы и пособіе, сноситься съ ними заблаговременно, какъ то: съ его сіятельствомъ главнокомандующимъ Кавказскою арміею г-номъ генералъ-аншефомъ и кавалеромъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ, съ командующимъ Сибирскимъ корпусомъ г-номъ генералъ-маіоромъ и кавалеромъ Густафомъ Густафовичемъ Страдманомъ, съ правящимъ должность Саратовскаго и Воронежскаго генералъ-губернатора г-номъ генераломъ-порутчикомъ и кавалеромъ Василіемъ Алексѣевичемъ Чертковымъ или губернаторомъ тамошнимъ, также съ гг. Астраханскимъ комендантомъ и Кавказскимъ губернаторомъ.

4) По случаю отсутствія изъ Троицка Троицкой пограничной таможни директора надворнаго совѣтника Мирзаханова, отправленіе дѣлъ съ Киргизцами Средней орды и по части пограничной, тамъ отъ меня ему порученное, до его возвращенія возложено мною на тамошняго коменданта г. подполковника и кавалера Карштена, почему имѣете ваше превосходительство требовать отъ него г. подполковника Карштена свѣдѣнія о тамошнихъ Киргизскихъ и пограничныхъ обстоятельствахъ и по онымъ чинить ваши ему предписанія, увѣдомляя въ тоже время объ оныхъ Экспедицію Пограничныхъ Дѣлъ.

5) По высочайшему Ея Императорскаго Величества благоизволенію всегда находиться долженствуютъ и находятся при мнѣ отъ народа Киргизскаго три депутата изъ лучшихъ по ордѣ людей, каковые теперь суть: Ширгазы-султанъ *), сынъ Каипа-султана, и старшины: титулярный совѣтникъ Буранбай-мурза и Джанузакъ-мурза, изъ которыхъ на лицо теперь находится одинъ только первый изъ нихъ, которой и въ Санктпетербургѣ при мнѣ безотлучно быть имѣетъ; прочіе же два по даннымъ отъ меня имъ порученіямъ отпущены мною въ орду: первый, то есть Буранбай-мурза, для собранія разграбленныхъ Киргизцами въ настоящемъ году у Бухарскихъ и Хивинскихъ купцовъ товаровъ, а послѣдній Джанузакъ-мурза, чтобъ отыскать и возвратить захваченныхъ въ нынѣшнемъ лѣтѣ Киргизскими ворами съ разныхъ по линіи мѣстъ Россійскихъ людей; возвращеніе же обоихъ ихъ изъ орды предназначено мною будущею весною. И потому, какъ скоро они оттуда возвратятся, благоволите ваше превосходительство принять ихъ въ свое вѣдомство и принадлежащее имъ жалованіе съ перваго числа Сентября мѣсяца сего года истребовать отъ Уфимской Казенной Палаты для удовольствованія ихъ онымъ, также содержать

---

*) Впослѣдствіи Ширгазы, „бывшій въ Финляндской арміи волонтеромъ, за усердную и ревностную его службу“, награжденъ секундъ-маіорскимъ чиномъ (Изъ письма Игельстрома Пеутлингу, 5 Декабря 1790 г.).

ихъ соотвѣтственно ихъ занятіямъ, а объ успѣхахъ данныхъ имъ отъ меня порученій меня увѣдомить.

6) О благосостояніи линіи имѣете ваше превосходительство Ея Императорскому Величеству доносить каждонедѣльно, какъ равно и меня о томъ увѣдомлять, также относиться ко мнѣ о всѣхъ Киргизкайсацкихъ и пограничныхъ обстоятельствахъ такихъ, существенность коихъ можетъ касаться до пользы здѣшней стороны и общаго спокойствія.

7) Для руководствованія вашего превосходительства по дѣламъ, относящимся до Киргизскаго народа и по части пограничной и для согласнаго съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества благонамѣреніемъ исполненія оныхъ препровождаю у сего засвидѣтельствованныя копіи со всѣхъ имянныхъ повелѣній, полученныхъ мною во все время начальствованія моего здѣшнимъ краемъ [1]), а также для знанія, кто въ Киргизкайсацкой Меньшей ордѣ главные и частные родовые начальники и въ Расправахъ, по ордѣ учрежденныхъ, предсѣдатели и засѣдатели, имянные имъ списки, съ ознаменованіемъ родовъ, надъ коими они начальствуютъ [2]).

8) Для письменнаго производства по Киргизкайсацкимъ дѣламъ и по части пограничной оставляю я при вашемъ превосходительствѣ стата моего отъ намѣстничествъ адъютанта г. капитана Кабрита, коему отъ меня и оставляемыя мною здѣсь дѣла, до сего относящіяся, отданы. Также оставляю при вашемъ превосходительствѣ секретной моей канцеляріи трехъ писарей и двухъ переводчиковъ, которымъ всѣмъ именной списокъ прилагаю у сего» [3]).

—

Отъѣздъ барона Игельстрома въ Петербургъ, посреди другихъ военныхъ и дипломатическихъ порученій въ войну съ Швецій, нисколько не помѣшалъ ему, нося отвѣтственное званіе Симбирско-Уфимскаго генералъ губернатора и главнокомандующаго войсками Оренбургскаго корпуса, заправлять и этимъ отдаленнымъ краемъ и дѣлать по нему тѣ или другія распоряженія, пересылая ихъ изъ Петербурга или Выборга съ нарочными въ Уфу и Симбирскъ.

Но насколько былъ удобенъ такой способъ управленія обширнымъ краемъ, требующимъ особенныхъ заботъ и наблюденій, трудно сказать, хотя съ другой стороны по дѣламъ архивнымъ видно, что между Пеутлингомъ и Игельстромомъ шла дѣятельная переписка.

---

[1]) За исключеніемъ вышеприведенныхъ (въ 1-й главѣ) высочайшихъ повелѣній, другихъ въ Оренбургскомъ архивѣ не осталось. По всей вѣроятности ихъ можно найти въ Уфимскомъ губернскомъ архивѣ. Впрочемъ, большинство изъ нихъ напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886, выпускъ X.

[2]) Списковъ этихъ не имѣется при ордерѣ.

[3]) Тоже.

Впрочемъ, въ это время обстоятельства сложились именно такъ, что требовали многаго писанія.

Уже при Игельстромѣ, вслѣдствіе его неумѣлыхъ распоряженій, между Киргизами замѣчались недовольство и ропотъ, но съ отъѣздомъ его въ Петербургъ опасное броженіе умовъ стало увеличиваться. На Уралѣ появился какой-то Магометанинъ, именовавшій себя пророкомъ Шихъ-Мансуромъ [1]), посланнымъ будто бы Аллахомъ защитить правовѣрный народъ отъ Русскихъ. Онъ разсылалъ вліятельнымъ Киргизскимъ родоначальникамъ свои «святыя письма» и подговаривалъ ихъ «во имя Бога» къ возстанію противъ Россіи.

О замыслахъ этихъ и проискахъ новоявленнаго пророка ничего не знали ни въ Уфѣ, ни въ Оренбургѣ. (Впрочемъ, можетъ быть, и знали, но не придавали имъ особеннаго значенія). Первымъ возбудилъ это дѣло Кавказскій губернаторъ генералъ-маіоръ Сергѣй Аѳанасьевичъ Брянчаниновъ, который въ Январѣ 1790 года получилъ чрезъ своего «комфидента» отъ Киргизскаго муллы Абдулъ-Керима свѣдѣнія «о предпріятіяхъ Киргизъ-Кайсацкихъ впадать злодѣйски въ наши границы». Вскорѣ такія же свѣдѣнія получены и «отъ командующаго учрежденной противъ Киргизовъ со стороны рѣки Волги кордонною стражею» подполковника Персидскаго и отъ Гурьевскаго коменданта.

Сообщая объ этомъ Пеутлингу [2]), Брянчаниновъ, между прочимъ, писалъ, «что хотя я симъ увѣдомленіямъ и не довѣряю, однакожъ, въ расужденіи нынѣшняго времени и поощренія отъ Порты Оттоманской, безъ надлежащаго примѣчанія онаго оставить не должно», и поэтому онъ просилъ Уфимскаго намѣстника «опредѣленнымъ на постахъ по р. Уралу приказать движенія Киргизовъ замѣчать, а въ случаѣ какой либо дерзости и воспрепятствовать».

Конечно, Пеутлингъ съ своей стороны принялъ всѣ мѣры предосторожности для ограж деиія пограничной линіи и разослалъ по всѣмъ крѣпостямъ строжайшія предписанія слѣдить за дѣйствіями ордынцевъ. Но этимъ не ограничился Брянчаниновъ и въ свою очередь послалъ донесеніе въ Петербургъ къ высочайшему двору «о вредныхъ по его предположенію слѣдствіяхъ, могущихъ произойти со стороны Киргизскаго народа, возмущаемаго извѣстнымъ лжепророкомъ Мансуромъ».

Помня дѣйствія Киргизовъ въ бывшій Пугачевскій мятежъ, Государыня обратила особенное вниманіе на донесеніе это и чрезъ графа

[1]) Данныя объ этомъ Киргизскомъ лже-пророкѣ впервые появляются въ печати.

[2]) Письмомъ отъ 17 Января, 1790 г., № 69, изъ Екатеринограда.

Безбородко потребовала отъ барона Игельстрома (бывшаго въ то время въ Выборгѣ) немедленнаго объясненія [1]). Уже 2-го Іюня баронъ Игельстромъ отвѣчалъ графу Безбородкѣ:

«О присылкѣ къ Киргизскимъ старшинамъ отъ упоминаемаго лжепророка писемъ имѣю я уже отъ правителя Уфимскаго намѣстничества г-на генерала-маіора Пеутлинга, отъ 13-го и 20-го числа Марта мѣсяца, извѣщенія, а отъ него же и Кавказскій г-нъ губернаторъ получилъ о томъ увѣдомленіе, по которому отъ сего, какъ вижу я, вступила и нынѣшняя Ея Императорскому Величеству реляція. Полагая, что г. Пеутлингъ, извѣстя меня о семъ, сдѣлалъ также и Ея Императорскому Величеству или вашему сіятельству донесенія [2]) и почитая сіе обстоятельство не весьма важнымъ, паче по тому, что по увѣренію г. Пеутлинга оныя письма не дошли до рукъ Киргизскихъ старшинъ, я почелъ излишнимъ приступить къ чиненію особливаго отъ себя о томъ донесенія [3]). Теперь, извѣщаясь отъ вашего сіятельства, что отъ г. Пеутлинга не вступили къ высочайшему двору о семъ происшествіи донесенія, имѣю честь препроводить къ вашему разсмотрѣнію всѣ его касательно того ко мнѣ отнесенія [4]) подлинниками. Изъ нихъ ваше сіятельство изволите усмотрѣть, какъ тѣ письма открыты, и что г. Пеутлингъ, для предупрежденія непріязненныхъ отъ нихъ слѣдствій, не упустилъ принять нужныя мѣры; да и при отправленіи въ концѣ Марта мѣсяца муфтія [5]) въ Киргизскую орду не оставилъ онъ, между прочими на него возложеніями, сдѣлать ему наставленіе доказать Киргизскимъ старшинамъ, что всѣ внушенія Шиха-Мансура противны закону Магометанскому и устраиваютъ имъ погибель, вмѣсто благодѣйствія.

Я сумнѣваюсь при томъ, чтобъ сіи письма были дѣйствительно отъ Шиха-Мансура, а полагаю болѣе, что они сочинены именемъ его и, можетъ быть, уже и разсѣяны бѣглымъ изъ Уральскаго войска Татариномъ Хасаномъ-муллою, о которомъ многократныя сдѣланы отъ меня донесенія. Сей бездѣльникъ, возненавидя свое отечество и придерживаясь особливой въ законѣ Магометанскомъ секты, почти уже два года шатался по Киргизской ордѣ, стараяся разными способами возмутить весь народъ тамошній, въ чемъ до сего времени однако не успѣлъ и никогда, надѣюсь, не успѣетъ. Нѣтъ сумнѣнія, чтобъ вну-

---

[1]) Письмо Безбородко къ Игельстрому отъ 30 Мая 1790 г. изъ Царскаго Села.

[2]) Изъ письма гр. Безпородко видно, что отъ „Пеутлинга въ полученіи ничего подобнаго" еще не имѣлось

[3]) Между тѣмъ, какъ ниже увидимъ, среди Киргизовъ начались уже волненія и если бы Игельстромъ жилъ въ Уфѣ, а не въ Петербургѣ, то могъ бы самъ это видѣть и слышать.

[4]) „Отнесеній" этихъ въ дѣлахъ архивныхъ не сохранилось.

[5]) Тотъ самый муфтій Мухаметъ-Джанъ Гуссеиновъ, который писалъ „возмутительное" письмо къ батырю Сырыму. На такого человѣка трудно было надѣяться, чтобы онъ могъ что нибудь сдѣлать въ пользу Россіи и уговорить Киргизовъ. И на самомъ дѣлѣ, онъ ничего не сдѣлалъ, а, кажется, еще больше возбудилъ Киргизовъ противъ Русскихъ. Странно было посылать въ степь такого человѣка, который уже былъ замѣченъ въ противозаконныхъ поступкахъ.

шенія его или, положимъ, и Шиха-Мансура остались совсѣмъ бездѣйствительны. Непремѣнно найдутся нѣкоторые, кои почтутъ ихъ истинными и спасительными и по поводу ихъ сдѣлаются поползновенными и на разныя дерзости; однако общаго въ Киргизской ордѣ возмущенія такія соблазненія никогда вовлечь не могутъ: ибо Киргизской народъ, по внутреннему своему состоянію, отъ единодушія весьма удаленъ, а дѣйствуютъ и поступаютъ всякой изъ нихъ по тѣмъ мыслямъ, кои рождаются въ его головѣ, дая вольный бѣгъ страстямъ своимъ и располагая по мѣрѣ оныхъ свои дѣянія [1]). Слѣдовательно, въ которую сторону корысть, честолюбіе или какіе другіе виды влекутъ его, туда и уклоняется, а всеобщаго стремленія къ единому предмету нынѣ еще быть не можетъ. Въ разсужденіи сего весьма неправильно, что г. Кавказской губернаторъ поводомъ происшедшихъ въ прошедшую зиму отъ Киргизцовъ шалостей полагаетъ внушенія Шиха-Мансура. Киргизцы безъ таковыхъ побужденій всегда были, суть и долгое время останутся еще поползновенными на воровства и грабительства, и оныя не прежде пресѣкутся, какъ когда будутъ они включены въ тѣсные предѣлы и устроится между ими порядокъ, заставляющій повиноваться опредѣленнымъ частнымъ начальникамъ [2]).

Теперь же нѣтъ еще никакой возможности удержать ихъ отъ кражи людей и другихъ шалостей, коихъ нельзя ставить на счетъ всеобщій, но производятся они своевольными, невнемлющими никакихъ увѣщаній; а воръ всегда находитъ способы успѣвать въ своемъ предпріятіи, и нѣтъ возможности уберечься отъ онаго.

Въ прочемъ, способы для отвращенія всеобщаго отъ Киргизскаго народа безпокойствія, къ которому, однако, смѣло утверждаю я, никогда они приступить не въ состояніи, суть съ одной стороны явленіе имъ разныхъ приласканій, защищеніе ихъ отъ притѣсненій и скорое удовлетвореніе всѣхъ справедливыхъ ихъ требованій, съ другой—держаніе противу нихъ оружія въ такой всегда готовности, чтобъ то имъ видно было, и какъ скоро уже дерзости ихъ до нестерпимости возрастутъ, дать имъ силу онаго возчувствовать [3]), на что число войскъ, въ Оренбургскомъ краю состоящее, весьма достаточно, и Астраханская область, въ кою страшится впаденія Киргизовъ г. генералъ-маіоръ Брянчаниновъ, довольно сильно заграждена, имѣя къ сторонѣ Киргизской степи впереди себя новый учрежденный кордонъ, по которому, съ согласія Саратовскаго генералъ-губернатора и прежняго Кавказскаго губернатора, назначено отъ меня содержать войска болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, передъ онымъ линію Нижне-Уральскую, охраняемую Уральскимъ войскомъ, считающимъ въ себѣ служащихъ казаковъ до четырехъ тысячъ человѣкъ, а въ случаѣ нужды можетъ выставить до десяти тысячъ, да къ боку часть Оренбургскаго корпуса.

---

[1]) Съ этимъ мнѣніемъ до нѣкоторой степени нельзя не согласиться.

[2]) Дѣйствительно, Киргизы тогда только смирились, когда Россія, овладѣвъ Туркестаномъ, стѣснила ихъ своими владѣніями въ широкомъ просторѣ дѣвственной степи.

[3]) Къ сожалѣнію ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ при Игельстромѣ не дѣлалось.

Почему прежде подхода къ Астрахани [1]) и обнаруживанія явнаго всеобщаго возмущенія, Киргизцамъ предлежитъ напередъ опрокинуть все Уральское войско, потомъ кордонъ Астраханской, а наконецъ и часть Оренбургскаго корпуса, для успѣянія въ чемъ нужно, чтобъ вся орда сѣла на конь, что̀ не можетъ произойти такъ скрытно, чтобъ не можно было благовременно предпринять противу того надлежащія мѣры [2]), изъ коихъ въ такомъ случаѣ наиполезнѣйшее то, чтобъ позволить Башкирцамъ и Уральскимъ казакамъ дѣлать въ Киргизской ордѣ баранту [3]) послѣ коей ни у единаго Киргизца не останется лошади: сего страшатся они безмѣрно, и по единому сему обстоятельству никогда не приступять ко всеобщему мятежу, развѣ будутъ увѣрены, что Башкирцы присоединятся къ нимъ. И такъ главнѣйшія безпокойствіи, могущія при нынѣшнихъ Киргизцахъ состояніи произойти отъ нихъ, состоятъ только въ томъ, что воровскія скопища, прокравшись чрезъ Нижную-Уральскую линію и Астраханскій кордонъ, могутъ дѣлать набѣги къ Волгѣ и раззорять тамошнія колоніи, чему были уже и примѣры; но о недопущеніи оныхъ къ тому Уральское войско и кордонъ Астраханскій должны имѣть неусыпное бдѣніе, и ежели то случится, ничто иное, какъ оплошность ихъ будетъ тому виною.

Въ оказаніи Киргизцамъ ласки разумѣю я то, чтобъ знатнѣйшихъ изъ старшинъ и лучшихъ людей начальнику держать всегда подъ рукою, обращаться со всѣми съ кротостью, производить въ чины желающихъ и ищущихъ оные принять и отъ времени до времени одарять заслуживающихъ то̀, хотя нѣсколько, и какъ они всѣ вообще до подарковъ крайне лакомы, то явленіе имъ видовъ, что корыстолюбіе ихъ можетъ удовольствоваться, есть наилучшій способъ для недопущенія ихъ завести между собою единодушной связи. При отъѣздѣ моемъ изъ тамошняго края, предложилъ я г. Пеутлингу, между прочимъ, то правиломъ, и онъ, конечно, будетъ держаться его. Но какъ на Киргизскіе расходы ежегодно отпускаемая сумма, состоящая въ пяти тысячахъ рублей, недостаточна на всѣ случающіеся расходы, я открываю изъ нѣкоторыхъ его извѣщеній относительно отправленія въ орду муфтія, что онъ наблюдаетъ великую экономію, опа́саяся употребить излишнее противу положенія. Въ разсужденіи сего осмѣливаюсь вашему сіятельству покорнѣйше представить испросить у Ея Императорскаго Величества на Киргизскіе расходы прибавочной суммы къ положенной и въ произвольномъ ея употребленіи разрѣшить г. Пеутлинга, дабы не имѣлъ онъ надобности воздерживаться отъ чиненія Киргизцамъ подарковъ, имѣющихъ для нихъ великую притягательную силу».

---

[1]) Между тѣмъ ниже увидимъ, что опасенія Брянчанинова были не напрасны

[2]) Однако, когда бѣжали Калмыки въ 1771 г. и во время Пугачевскаго бунта, наши власти не успѣли принять во̀ время этихъ мѣръ.

[3]) Безсмысленнѣе этой мѣры ничего не могло быть, ибо это повело бы къ всеобщей рѣзнѣ. О барантѣ въ степи еще при Неплюевѣ просили Башкирцы и казаки, но онъ не допустилъ ея.

Затѣмъ на имя генералъ-прокурора и государственнаго ассигнаціоннаго банка директора, д. т. с. князя Вяземскаго, 25-го Іюня того же года, послѣдовалъ высочайшій рескриптъ (въ Царскомъ Селѣ): «Князь Александръ Алексѣевичъ! По недостатку суммы, опредѣленной на Киргизскіе расходы, повелѣваемъ отпускать въ распоряженіе Уфимскаго губернатора изъ тамошнихъ доходовъ ежегодно по двѣ тысячи рублей, начиная съ 1-го Генваря нынѣшняго года. Пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина».

Такимъ образомъ, возбужденная Брянчаниновымъ переписка, надѣлавшая такъ много бумажнаго шума въ Петербургѣ, привела къ совершенно неожиданнымъ послѣдствіемъ. Не будь донесенія Кавказскаго губернатора, можетъ-быть, баронъ Игельстромъ не рѣшился бы просить еще 2.000 рублей на совершенно безполезное дѣло «Киргизскаго благоустройства». Высказанные имъ взгляды на Киргизовъ и особенно на мѣры къ удержанію ихъ въ должномъ повиновеніи, увы, во многомъ противорѣчили истинному положенію вещей и даже впослѣдствіи его собственнымъ распоряженіямъ.

Въ объясненіи своемъ графу Безбородко, для удержанія Киргизовъ въ должномъ подчиненіи Россіи, онъ находилъ нужнымъ дѣйствовать на нихъ ласками, подачками и подкупами, раздачей чиновъ и отличій, въ случаѣ волненій въ степи, предлагалъ посылать туда казаковъ и Башкирцевъ для баранты. Между тѣмъ, пять мѣсяцевъ спустя, въ своемъ письмѣ (отъ 14-го Ноября 1790 г.) на имя Пеутлинга, Игельстромъ порицалъ дѣйствія Оренбургской Пограничной Экспедиціи, которая «оправдала и одобрила поступокъ Башкирцовъ, самовольно перешедшихъ въ Киргизскую степь и отогнавшихъ у Киргизцовъ скотъ безъ всякаго разбора». И къ этому онъ добавилъ, что «какъ таковое попущеніе, самовластіе и упорство заслуживаютъ по всей справедливости строгаго взысканія», то рекомендовалъ Пеутлингу, «если которые члены Экспедиціи отважутся впредъ на подобный поступокъ, во всемъ *противорѣчущій порядку* и тѣмъ способамъ, какіе приняты и соблюдаются къ сохраненію въ тамошнемъ краю спокойствія, т. е. самовольно одобрятъ и подпишутъ таковое дѣло,—предать ихъ уголовному суду для поступленія съ ними по законамъ». Слѣдовательно, не только будутъ наказаны барантачи, но если бы, паче чаянія, ихъ оправдала Экспедиція, то и та должна быть наказана.

Нѣтъ никакого сомнѣнія послѣ этого, что слова у Игельстрома не вязались съ дѣломъ.

Въ Іюнѣ онъ увѣрялъ и успокоивалъ Императрицу, что на границѣ все обстоитъ благополучно, что Киргизы никоимъ образомъ не могутъ бунтовать, а въ Сентябрѣ (27-го) того же года писалъ Пеутлингу:

«Ея Императорское Величество, получа отъ вашего превосходительства донессенія, относящіяся до шалостей Киргизцовъ, а особливо старшины Каратау-бея, высочайше указать мнѣ изволила, чтобъ я, къ отвращенію оныхъ и для удержанія въ томъ краю спокойствія, преподалъ вашему превосходительству мои мысли. Я же, разсматривая всѣ ваши, м. г. мой, вступающія ко мнѣ донесенія по дѣламъ орды, ввѣреннымъ теперь вашему управленію, съ самого начала отбытія моего изъ тамошняго мѣста до сихъ поръ, не вижу въ нихъ ничего противорѣчащаго пользѣ, но что во всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ поступаете точно по тѣмъ самымъ правиламъ, которыя отъ меня вамъ предложены къ наблюденію, въ дополненіе коихъ не нахожу теперь иного вамъ сообщить, какъ только то, что я, одобряя сдѣланную нынѣ Уральскаго войска атаманомъ полковникомъ Донсковымъ экспедицію, признаю полезнымъ и нужнымъ, чтобъ, при умноженіи отъ Киргизцовъ шалостей, умножить по онымъ и подобныя экспедиціи съ тѣмъ однакоже, чтобы при сихъ поискахъ до пребывающихъ въ тишинѣ и благомысліи отнюдь не касаться, какъ только до виновныхъ. Дабы же правило сіе соблюсти въ точности, то рекомендую приказать предпринимать экспедиціи сіи*) на нѣсколько уже недѣль, а не дней; для того что собирающіяся на злодѣяніе толпы Киргизцовъ всегда отправляютъ напередъ все свое имѣніе и подвластныхъ во внутренность степи, и отрядъ, высылающійся для ихъ поисковъ и наказанія, долженствуетъ непремѣнно доходить до кочевья ихъ улусовъ. Надобно однакоже при семъ случаѣ брать въ предосторожность то, чтобъ отряжаемыя для поиска воровъ команды не слишкомъ далеко пускались отъ границы въ степь, дабы, вмѣсто намѣреваемой пользы, не подвергнуть иногда ихъ опасности; но чтобы также отъ сихъ поисковъ не родился иногда съ нашей стороны грабежъ и непримиримое изъ того междоусобіе, такъ нужно и ваше превосходительство не оставьте всячески изъ вида не упустить того, чтобы таковые поиски и захваты самихъ же воровъ, или единомышленниковъ, чрезъ Уральцевъ ли, или другіе по линіи отряды, предпринимать не по предписаніямъ Оренбургской Пограничной Экспедиціи, но съ точнаго вашего повелѣнія; ибо вамъ единственно есть долгъ, какъ начальника, соображаясь съ теченіемъ времени и обстоятельствъ, вести въ томъ разсчетъ, что такое предпринимаміе можетъ ли быть вмѣстно или нѣтъ, и потомъ надобно иногда будетъ остановить его на нѣкоторое время; а при всемъ томъ, чтобъ и начальники тѣхъ командъ, которыя будутъ вами отряжаться въ степь,

---

*) Слѣдовательно, до этого времени, во время своего управленія, онъ и не думалъ наказывать Киргизцовъ посылкой въ степь войскъ, хотя грабежи ихъ, какъ видно изъ ордера Пеутлингу 8-го Декабря 1789 г., были и тогда, и очевидно, что проектируемые имъ ласки и подарки не всегда достигали цѣли.

были люди безпристрастные. При всякой поимкѣ Киргизцовъ благоволите ваше превосходительство наблюдать всячески разборъ между точными ворами и тѣми, кои только однихъ съ ними улусовъ, и первыхъ, какъ разбойниковъ и нарушителей покоя, тотчасъ отсылать въ Оренбургскій Пограничный Судъ для законнаго ихъ тамъ сужденія, послѣднихъ же задерживать ли подъ стражею или возвращать въ орду, предоставляется собственному вашему разсмотрѣнію; а посему точно имѣете поступить и съ тѣми самыми Киргизцами, которые, при недавно бывшей экспедиціи, захвачены въ плѣнъ полковникомъ Донсковымъ. Что же принадлежитъ до старшины Каратау-бея, предводителя нынѣ производимыхъ Киргизцами шалостей, такъ какъ онъ главнымъ старшиною сдѣланъ по выбору Байуллинскаго рода, въ которомъ онъ находится, то благоволите ваше превосходительство, снявъ съ него сіе достоинство, о непризнаніи его болѣе въ ономъ разослать по всѣмъ Киргизскимъ Расправамъ и родамъ циркулярныя повелѣнія и листы, съ прибавленіемъ того, чтобъ отнюдь никто изъ вѣрноподданныхъ не попускалъ ему въ злодѣяніи, но всякой всемѣрно старался бы его изловить и, какъ нарушителя клятвы и спокойствія, тотчасъ представить въ судебное мѣсто.

Усмотрѣлъ я въ одномъ изъ сдѣланныхъ вами примѣчаній на журналѣ муфтія, что ваше превосходительство, въ размѣнъ возвращенныхъ нынѣ Киргизцами нашихъ людей, приказали освободить такое же количество Киргизцовъ, содержавшихся у насъ подъ стражею. Одобряя сіе ваше распоряженіе, предлагаю и впредь держаться, съ тѣмъ, однакоже, наблюденіемъ, чтобы размѣны сіи не могли производимы быть иначе, какъ съ точнаго вашего разсмотрѣнія и предписанія, почему и не оставьте ваше превосходительство предварительно предложить отъ себя Оренбургской пограничной экспедиціи и Уральскаго войска атаману г. полковнику Донскову, дабы они при таковыхъ размѣнахъ не приступали къ онымъ сами собою, но всегда испрашивали вашего на то разрѣшенія.

Изъяснивъ такимъ образомъ способствующія, по мнѣнію моему, къ воздержанію Киргизцовъ отъ шалостей мысли мои, представленныя отъ меня Ея Императорскому Величеству на благоусмотрѣніе и по высочайшей Е. В. волѣ вамъ симъ преподанныя, рекомендую вашему превосходительству имѣть ихъ въ своемъ наблюденіи, и какіе будутъ изъ того успѣхи, не оставлять меня вашимъ увѣдомленіемъ, такъ какъ до сего времени о томъ меня увѣдомляли. Что же касается до мѣръ, какія принять вы долженствуете по случаю смерти Нурали-хана *), ваше превосходительство въ непродолжительное время отъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества лица будете имѣть на то повелѣніе».

---

*) Нурали, второй ханъ Малой Киргизской орды, сынъ Абулхаиръ-хана, умеръ лѣтомъ 1790 года. На мѣсто его выбранъ былъ второй братъ его Эрали-султанъ.

Какъ видно изъ настоящаго письма, при сравненіи его съ объясненіями, данными графу Безбородко, и съ ордеромъ Пеутлингу, дѣйствія и взгляды барона Игельстрома являются діаметрально противоположными. Онъ видѣлъ одно, а говорилъ другое, думалъ то, что̀ опровергалъ на дѣлѣ, и дѣлалъ то, чему, казалось, не сочувствовалъ. Странная манера управленія! Послѣ этого невольно приходится удивляться, что̀ за цѣль была барону Игельстрому обманывать Императрицу и увѣрять ее, что на линіи въ Оренбургскомъ краѣ все обстоитъ благополучно и Киргизы никоимъ образомъ не могутъ прорваться чрезъ кордоны въ глубь страны, хотя это всегда легко могло случиться и даже случилось въ слѣдующемъ 1791 году.

Если до 1790 года и царило только относительное (но не полное) спокойствіе въ ордѣ и на границѣ (не считая набѣговъ мелкихъ отдѣльныхъ шаекъ), то лишь благодаря тому, что ханъ Киргизскій Нурали, въ видѣ почетнаго аманата [1]), жилъ въ то время (съ 1786 г.) въ г. Уфѣ, подъ надзоромъ ближайшаго пограничнаго начальства, и оттуда управлялъ ордой согласно съ видами Русскаго правительства, за что правительство отпускало ему содержаніе съ семьей и свитой 4.000 рублей [2]), кромѣ, конечно, тѣхъ суммъ, которыя отпускались на Киргизскіе расходы [3]).

Однако братъ его, султанъ Эрали, сильно недовольный такими дѣйствіями пограничнаго начальства, чтобы выместить на комъ-нибудь злобу и досадить Русскимъ, откочевалъ отъ Орской крѣпости въ глубь степи на урочище Аксакалъ-Барби близъ р. Сыръ-Дарьи, гдѣ, чувствуя себя въ безопасности отъ Русскаго правосудія, въ томъ же 1786 году подговорилъ приверженныхъ ему Киргизовъ Кунетскаго рода и произвелъ съ ними грабежъ проходившаго въ Бухару Русскаго каравана съ товарами на сумму 5646 рублей; затѣмъ въ 1789 году тѣми же Киргизами были ограблены Бухарскіе и Хивинскіе караваны, шедшіе въ Оренбургъ и, наконецъ, его шайкою захвачено было съ линіи нѣсколько Русскихъ людей.

Объ этомъ зналъ Игельстромъ [4]), но, очевидно, не докладывалъ Государынѣ. По крайней мѣрѣ, послѣ смерти, лѣтомъ 1790 г. Нурали, избранный на его мѣсто ханомъ Малой орды Эрали не только былъ

---

[1]) Т. е. заложникъ.

[2]) Согласно именнаго высочайшаго повелѣнія кн. Вяземскому 31 Іюня 1786 г. (см. въ ордерѣ Пеутлингу изъ экспедиціи государств. доходовъ отъ 20 Марта 1790 г. № 363),

[3]) См. выше въ объяснительномъ письмѣ б. Игельстрома графу Безбородкѣ.

[4]) Изъ письма б. Игельстрома Пеутлингу 5 Января 1792 г.

признанъ въ этомъ званіи высочайшей властью (21 Февраля 1791 г.), но всѣ Русскіе чиновники, хлопотавшіе объ этомъ его избраніи, получили въ награду чины и ордена [1]). Даже Пеутлингу пожалованъ орденъ Св. Князя Владимира 2-й ст. «съ опредѣленіемъ полнаго по настоящему чину (генералъ-маіора) жалованія со дня пожалованія, 3-го Ноября 1791 г. [2]). Посланные же въ Петербургъ къ высочайшему двору, по этому случаю, отъ Киргизскаго народа и Эрали депутаты, кромѣ цѣнныхъ подарковъ, награждены были чинами: султанъ Артукъ премьеръ-маіоромъ, трое старшинъ Ильдюбай-мурза, Хошукай и Алтай—поручиками, а состоящій при нихъ за переводчика казачій хорунжій Абдулла-шифъ Генберовъ—прапорщикомъ [3]), находящійся же при этихъ депутатахъ Оренбургскаго драгунскаго полка капитанъ Петръ Киндяковъ—секундъ-маіоромъ [4]).

Пока происходили, послѣ смерти Нурали, приготовленія къ выборамъ и самое избраніе новаго хана, нѣкоторые изъ Киргизскихъ батырей, недовольные существующими порядками, пользуясь этимъ благопріятнымъ случаемъ, усилили свои грабежныя нападенія на Русскія границы. Особенно дерзостью и захватами отличалась шайка старшины Байуллинскаго рода Каратау-бея. Но, благодаря во время предпринятымъ мѣрамъ и посылкѣ въ степь казачьяго отряда, грабежи на нѣкоторое время были прекращены. Полковникъ Донсковъ съ своими казаками не только успѣлъ настичь Каратау-бея, разсѣять его шайку и захватить многихъ мятежниковъ, но отбилъ много скота и взялъ въ добычу столько имущества, что его хватило на удовлетвореніе нѣкоторыхъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ дерзкихъ набѣговъ Каратау-бея, который съ нѣсколькими приверженцами едва успѣлъ спастись бѣгствомъ.

Однако этимъ не кончились волненія въ степи. На смѣну Каратау явился новый предводитель, главный старшина Киргизъ-Кайсаковъ Тарханъ Сырымъ-батырь [5]). На первый разъ неудовольствіе его проявилось подачей въ Апрѣлѣ 1790 года жалобы, вмѣстѣ съ другими знатными ордынцами, на директора Оренбургской таможни Сумароцкаго за его якобы притѣсненія Киргизцамъ и сборъ излишнихъ за привозимый ими на Оренбургскій мѣновой дворъ товаръ пошлинъ.

---

[1]) Указъ Сената Пеутлингу 8 Ноября 1791 г., № 4455.

[2]) По письму б. Игельстрома Пеутлингу 4 Ноября 1791 г.

[3]) Интересно, что въ то время чинъ армейскаго прапорщика былъ выше чина казачьяго хорунжаго, какъ извѣстно, до 1884 года также ровнявшагося прапорщику и корнету.

[4]) Указъ Сената 21 Февраля 1791 г., № 2323.

[5]) Тотъ самый, которому муфтій Гуссеиновъ писалъ письмо.

Мѣстное начальство письмами и увѣреніями старалось успокоить Сырыма и его товарищей, но ничего для уменьшенія таможеннаго сбора не предпринимало. Это на первый взглядъ очень незначительное обстоятельство подлило больше масла въ огонь злобы безпокойнаго ордынца, уже издавна грызшаго зубы на Русскіе порядки, и по линіи вскорѣ начались грабежи.

Уже въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1790 года Киргизы стали собираться шайками и, раздѣлившись на двѣ партіи, производили свои грабежные набѣги. Одна изъ нихъ Якаминъ-Аглыева рода, состоявшаго изъ шести отдѣленій, дѣйствовала противъ Гурьева и Уральскаго городковъ, другая—Бай-Оглыева рода (изъ двѣнадцати отдѣленій) производила грабежи по рѣкѣ Волгѣ и близъ Астрахани.

Войсковой атаманъ Уральскаго войска полковникъ Донсковъ, видя такія дѣйствія ордынцевъ, въ началѣ 1791 года, адресовался въ степь къ султану Ишиму, какъ «нѣкоторые опыты усердія къ здѣшней сторонѣ показывающему», и просилъ отъ него «извѣстія о злоумысленныхъ собраніяхъ Киргизцовъ». Но не успѣло еще посланное съ нарочнымъ письмо Донскова дойти по назначенію, какъ самъ Ишимъ, чрезъ «походнаго» полковника Солодовникова, прислалъ къ нему три подлинныхъ на Татарскомъ языкѣ возмутительныхъ письма Сырыма-батыря къ старшинамъ и Киргизамъ трехъ родовъ: Кыньскаго, Табыновскаго и Кердаліевскаго, отобранныя Ишимомъ отъ пойманнаго Киргиза Екзека. Въ письмахъ этихъ Сырымъ побуждалъ Киргизовъ «откочевать отъ здѣшнихъ границъ въ степь къ мѣсту Моголъ-жару *) которое лежитъ отъ Каспійскаго моря въ полуденной странѣ, близъ предѣловъ Трухменіи» «для произведенія въ дѣйствіе покоренія подъ его правленіе всего кочующаго въ тѣхъ краяхъ при Сыръ-Дарьѣ и урочищѣ Бузачи народа». При этомъ онъ требовалъ, чтобы всѣ Киргизы вооружались и шли къ нему; кто же не исполнитъ этого требованія, то «у таковыхъ лошадей и прочій принадлежащій къ кочевью скотъ нашими джигитами (т. е. наѣздниками) взятъ будетъ».

Киргизы заволновались пуще прежняго. Подъ покровительствомъ Сырыма явились новые мятежники, старшины Китинскаго рода Наурзалій и Ударай и батырь Кутлубай и Черкесскаго рода батырь Ярккышъ-бай. Зная хорошо, что въ случаѣ пораженія они могутъ скрыться въ степь подъ объявленную защиту Сырыма, а въ случаѣ удачи без-

*) Въ письмѣ Донскова написано „Моголъ“, въ письмѣ же Сырыма „Мункалъ-Жаръ“.

препятственно сбывать ему награбленное добро и плѣнниковъ, они не только съ азартомъ продолжали грабежи на Нижне-Уральской линіи, но доходили до Саратовскихъ предѣловъ. Въ Мартѣ 1791 года Саратовскій губернаторъ Нефедьевъ писалъ Пеутлингу, что шайки Киргизовъ появились на Узеняхъ, грабятъ окрестныхъ жителей и угоняютъ скотъ и лошадей. Барантачи дѣйствовали налетомъ, неожиданно, такъ что многіе изъ жителей не знали о ихъ появленіи, и потому не было предпринято необходимыхъ мѣръ предосторожности отъ захвата разбойниковъ.

21 Марта 1791 года, трое Саратовскихъ казаковъ Никита Лебедчиковъ, Павелъ Кожевниковъ и Михайла Баклановъ, на одной лошади, въ саняхъ, выѣхали изъ форпоста, чтò близъ рѣчки Алтаты, вверхъ по р. Большому Узеню, рыбки наловить къ празднику. Только что они расположились становъ и раскинули свои снасти и багры, какъ на нихъ нежданно-негаданно напало пять человѣкъ Киргизовъ, связали ихъ и вмѣстѣ съ лошадью и санями угнали въ степь.

На форпостѣ «ждать-пождать», а рыбаковъ нѣтъ и нѣтъ. Форпостный хорунжій, опасаясь, не случилось бы чего нибудь съ ними, поспѣшилъ послать на мѣсто ловли небольшую команду. Но пріѣхавшіе казаки нашли тамъ только уздечку конскую, снасти и немного разбросанной рыбы. По берегу рѣки, направляясь вверхъ къ Узенскому плесу, шли конскіе слѣды. Посланные сообразили, что рыбаковъ «сцапали» Киргизы и сейчасъ же донесли о случившемся на форпостъ. Начальникъ сего послѣдняго по горячимъ слѣдамъ отправилъ погоню. Казаки доѣзжали до Большаго Узенскаго сырта, верстъ на сто отъ форпоста, но Киргизовъ все таки не нашли. Они точно въ воду канули.

Такъ прошло дней пять-шесть въ напрасныхъ поискахъ; вдругъ, 26-го числа, въ г. Узени (нынѣ Новоузенскъ) къ тамошнему коменданту секундъ-маіору Мантейфелю, явился одинъ изъ захваченныхъ Киргизами казаковъ Михайла Баклановъ и привезъ ему три засѣдланныхъ Киргизскихъ коня, ружье, саблю и лукъ со стрѣлами.

— Кто ты такой? Откуда? съ удивленіемъ спросилъ его комендантъ. Тутъ Баклановъ разсказалъ ему, какъ захватили его съ товарищами Киргизы, какъ поволокли ихъ съ собой къ р. Камышъ-Самарѣ, гдѣ они раздѣлились на двѣ партіи. Трое изъ нихъ съ двумя другими казаками направились дальше въ степь, а двое съ Баклановымъ остались на урочищѣ Чертанзинскомъ покормить лошадей и сварить

себѣ салмы *). Передъ ѣдой, пока кипятился котелокъ, Киргизы вздумали побриться (побрить голову одинъ другому). Этимъ и воспользовался Баклановъ, и какъ не былъ связанъ, то потихоньку и незамѣтно отъ нихъ взялъ валявшійся близъ огня топоръ, поднялся и сначала хватилъ имъ по головѣ одного (который брилъ), а съ другимъ ему уже не было труда расправиться. Послѣ этого онъ собралъ всѣ ихъ пожитки и благополучно возвратился домой. Два же другіе казака, не смотря на то, что свободно могли управиться съ троими Киргизами, такъ и пропали безслѣдно.

Уральскимъ атаманомъ Донсковымъ были усилены кордоны на Нижне-Уральской линіи, и въ погоню за хищниками даже посылались казачьи команды; но это мало помогало дѣлу. Набѣги кочевниковъ не перемежались весь 1791 годъ. Даже когда пограничное начальство, во избѣжаніе грабежей, воспретило Киргизамъ перепускъ скота на внутреннюю линію, въ Ноябрѣ и Декабрѣ того же 1791 г. разбойническія партіи ихъ рыскали по Саратовскимъ и Астраханскимъ степямъ, о чемъ сообщалъ Пеутлингу Нефедьевъ. «На 8-е число Декабря въ ночи, человѣкъ до 25-ти оныхъ злодѣевъ напали на Средне-Тургунскій Калмыцкій форпостъ и угнали у Калмыкъ 27 лошадей». Въ силу необходимости пограничное начальство «для пресѣченія зловредныхъ поступковъ безпокойнаго Киргизца Меньшей орды Сырыма съ воровскою толпою», принуждено было «учинить разныя огряды войска». Но послѣдовавшее изъ Петербурга, отъ 2-го Декабря 1792 г., письмо графа А. Н. Самойлова къ Пеутлингу прекратило въ зародышѣ эту вполнѣ цѣлесообразную мѣру. Графъ почему-то находилъ нужнымъ и таковую посылку войскъ теперь остановить, а чтобъ тотъ дерзостный Киргизецъ Сырымъ не могъ ничего вреднаго сдѣлать по границѣ въ близъ лежащихъ отъ кочевья его мѣстахъ, а наиболѣе захвата Россійскихъ людей, на таковой случай распорядить воинскія стражи такимъ образомъ, чтобы опаснѣйшія мѣста, гдѣ долженъ быть людямъ переѣздъ, ограждены были тѣми стражами, сдѣлавши между ними потребную связь, съ наблюденіемъ сего, доколѣ прибудетъ туда опредѣленный къ командованію тамошнимъ корпусомъ генералъ-маіоръ Рекъ»...

Хуже этого распоряженія врядъ ли что можно было придумать. По всему видно, что баронъ Игельстромъ самъ не имѣлъ понятія о недостаткахъ управляемаго имъ края и поэтому въ Петербургѣ далъ о немъ превратныя свѣдѣнія, почему и послѣдовало такое распоряже-

*) Салма—кушанье Киргизовъ; въ простой водѣ варится круто скатанное тѣсто, нарѣзанное (вѣрнѣе нарванное руками) въ видѣ голушекъ

ніе отъ графа Самойлова, тогда какъ на границѣ нашей съ Киргизской степью не было такихъ особенныхъ «опаснѣйшихъ» мѣстъ, гдѣ люди имѣли бы единственный переѣздъ и который легко можно было бы защитить и оборонять. Тамъ вся пограничная полоса земли, начиная отъ устья Урала до Сибирскихъ слободъ, на протяженіи 2000 верстъ сплошь, представляла открытое пространство къ сторонѣ степи, не защищенное никакими естественными преградами и поэтому совершенно свободное для дерзкихъ и неожиданныхъ Киргизскихъ вторженій. Чтобы вполнѣ защитить въ то время Оренбургскую линію отъ ихъ набѣговъ, когда они рыскали близъ границъ нашихъ и днемъ, и ночью, то тамъ, то тутъ: надо было содержать такое войско, чтобы покрайней мѣрѣ приходилось по одному солдату или казаку на каждую сажень линіи...

III.

Хотя начало Киргизскихъ ордъ не имѣетъ тѣсной связи съ біографіей О. А. Игельстрома, но одно не очень значительное обстоятельство (требованіе имъ въ 1791 году съ нихъ ясака) даетъ намъ право, при описаніи происхожденія и времени обложенія Ордынцевъ ясакомъ этимъ, отчасти коснуться и перваго устройства ордъ Киргизскихъ и ихъ подданства Россіи.

Широко развернувшаяся въ ширь и даль необъятная степная равнина между р. Ураломъ и отрогами Алтайскаго кряжа, извѣстнымъ подъ именемъ «Сибирскихъ дивановъ», начиная отъ Губерлинскихъ горъ до Каспійскаго и Аральскаго морей, издавна являлась для Россіи одной изъ привлекательныхъ мѣстностей, чрезъ которую лежалъ единственный удобный путь въ Средне-Азіятскія страны: въ Хиву, Бухару и Индію, славившіяся своими богатствами. Еще Петръ Великій думалъ завязать торговыя сношенія съ родиной знаменитыхъ маговъ и говорилъ о Киргизской степи и ея обитателяхъ, что «хотя оная Киргизъ-Кайсацкая орда степной и легкомысленный народъ, токмо всѣмъ Азіятскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и врата».

Разбросанные далеко по необозримому пространству почти дѣвственной пустыни, Киргизъ-Кайсаки, какъ мы ихъ именуемъ, или «*Сара-касаги*» *), какъ они сами себя называютъ, составляя одинъ «легкомысленный» народъ, дѣлились на три самостоятельныя владѣнія или орды: Малую, Среднюю и Большую, съ своими владѣльцами или ханами въ каждой.

Малая или Меньшая орда располагалась ближе къ Русскимъ границамъ по лѣвой сторонѣ р. Урала, начиная отъ р. Ори до р. Эмбы

*) Сара—степной, касакъ—казакъ, степной казакъ, или скорѣе, степной воръ. Это названіе наводитъ на мысль, что имя нашихъ казаковъ произошло отъ Киргизовъ.

и впаденія ея въ Каспійское море. Въ зимнее время она доходила даже до устьевъ р. Сыръ-Дарьи, впадавшей въ Аральское море, и занимала пространство нынѣшнихъ областей Тургайской и Уральской.

Средняя орда кочевала зимой по рр. Сара и Большому Тургаямъ, по лѣвой сторонѣ озера Аксакала, на урочищѣ Кара-Кумы, что близъ Сыръ-Дарьи, а лѣтомъ удалялась въ верховья Тобола, Иртыша, Ишима и другихъ, впадавшихъ въ нихъ рѣкъ, т. е. приблизительно на протяженіи областей Семипалатинской и Акмолинской до границъ губерніи Томской.

Большая орда, не смотря на свое громкое названіе, на самомъ дѣлѣ по численности была гораздо меньше каждой изъ двухъ первыхъ. Кочевья ея шли дальше къ Югу по рр. Сыръ-Дарьѣ, Чирчику и Каля-су, близъ гг. Ташкента и Туркестана, находившихся во власти Зюнгорскихъ Калмыковъ.

Мысль о принятіи Киргизцами подданства Россіи возникла послѣ пораженія ихъ Зюнгорскими Калмыками, отбросившими Киргизовъ сѣвернѣе Аральскаго моря. Первымъ ходатаемъ въ этомъ дѣлѣ явился извѣстный законодатель Киргизскій ханъ Тяука (или Тявка), который въ 1718 году просилъ Петра Великаго принять его съ народомъ Киргизскимъ въ Русское покровительство *). Великій преобразователь, хотя обѣщалъ исполнить просьбу хана, но, занятый войной съ Турціей и Швеціей, не могъ исполнить своего обѣщанія и, умирая, надолго оставилъ этотъ вопросъ открытымъ. Лишь въ 1730—1734 годахъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, благой починъ этотъ осуществился. На этотъ разъ первымъ изъявилъ желаніе принять Русское подданство ханъ Малой Киргизской орды Абулхаиръ, хитрый, властолюбивый и жадный. Чтобы спасти Киргизскій народъ отъ окончательнаго порабощенія Калмыкамъ и, кромѣ того, соединить разрозненныя орды подъ свою власть, онъ въ 1730 году, чрезъ Башкирскаго старшину Алдаря, просилъ Уфимскаго воеводу бригадира Бутурлина о принятіе въ подданство Россіи всего Киргизскаго народа. Русское правительство потребовало прислать по этому случаю въ Петербургъ выборныхъ. И Абулхаиръ, желая, мнимой властью придать больше важности своему ходатайству, отправилъ туда (въ 1733 г.) не только уполномоченныхъ отъ Малой и Средней ордъ, но уговорилъ ѣхать двухъ Киргизовъ Большой орды, Алдарая и Параелды, хотя орда эта, будучи подъ властью Зюнгорцевъ, никоимъ образомъ не могла помышлять о Русскомъ подданствѣ, безъ согласія своего владѣльца. Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ грамо-

---

*) Киргизцы Оренбургскаго вѣдомства въ XVIII столѣтіи („Оренб. Листокъ“ 1880 № 19).

тами ханамъ Малой и Средней ордъ *), отъ 10-го Іюля 1734 года, также была послана высочайшая грамота батырямъ Большой орды, а потомъ 17-го Іюля 1739 г. и самому хану Юлбарсу, на принятіе ими подданства Русскаго; но все-таки Киргизы этой орды принять его не могли и не приняли. Лишь во время управленія Оренбургскимъ краемъ барона Игельстрома, 4 000 кибитокъ Киргизовъ Большой и Средней ордъ, подъ начальствомъ султана Большой орды Чурыкая, отдѣлились отъ своихъ Сырдарьинскихъ родичей и перешли въ предѣлы Россіи. По указу императрицы Екатерины II, отъ Февраля 1789 года, имъ были отведены подъ ихъ кочевья земли Семипалатинской области, близъ Усть-Каменогорской крѣпости (теперь г. Усть-Каменогорскъ). И этимъ было положено начало подданства Большой орды Россіи.

Въ 1793 году перешли Сибирскую границу еще 100 кибитокъ султана этой орды Шугура, а въ 1819 году, признали надъ собой власть Русской державы еще нѣсколько тысячъ Киргизовъ сѣверной части Большой орды, подъ начальствомъ султана Аюки, сына хана Средней орды Аблая.

Постоянныя междоусобія среди султановъ орды этой изъ-за власти, притѣсненія со стороны другихъ народовъ и переходы ихъ то подъ защиту Россіи, то Калмыковъ, то Китая и, наконецъ, Коканцевъ, въ концѣ концовъ привели къ тому, что часть Киргизовъ Большой орды была покорена Китайцами (такъ-называемые теперь «*Дикокаменные*» Киргизы въ Китайскомъ Туркестанѣ) и понынѣ находятся въ подданствѣ Поднебесной имперіи. Другая часть подчинилась выросшему, послѣ 1764 года, на развалинахъ Зюнгорскихъ Калмыковъ, Коканскому ханству, покоренному потомъ, съ 1853 по 1865 годъ, подъ власть Россіи. И такимъ образомъ, Большая орда окончательно подчинилась Русскому государству только чрезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ посланной имъ въ 1734 году грамоты Анны Іоанновны.

Когда состоялось первое принятіе Киргизцовъ въ Русское подданство, ханъ Малой орды Абулхаиръ далъ обѣщаніе, что, при построеніи Русскаго города на Ори, онъ «приведетъ Киргизцовъ въ полную покорность», дабы они не дѣлали грабежныхъ набѣговъ на наши границы, освободитъ всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ и бѣдныхъ людей, и кромѣ того, изъявитъ согласіе платить Россіи ясакъ (дань) лисицами и корсаками. Но, какъ видно изъ двухъ неизданныхъ дневниковъ перваго Оренбургскаго губернатора И. И. Неплюева, ни Абулхаиръ,

---

*) Подробностей о принятіи подданства Киргизцами этихъ двухъ ордъ мы не касаемся, такъ какъ это уже описано Рычковымъ въ его „Исторіи Оренбургской“ и „Топографіи Оренбургск. губ.“ и есть также у г. Вишневскаго въ монографіи „Неплюевъ и Оренбургскій край“.

ни сынъ его Нурали-ханъ не исполняли данныхъ обѣщаній. Особенно же въ послѣднее время вопросъ о сборѣ съ Киргизцовъ ясака забылся и никѣмъ не поднимался. 16-го Ноября 1791 года, баронъ О. А. Игельстромъ писалъ А. А. Пеутлингу объ этомъ изъ Петербурга.

Какъ того требовалъ Игельстромъ, Экспедиція не замедлила исполнить его желаніе. Но, не смотря на тщательныя розысканія въ архивѣ, необходимыхъ для выясненія этого вопроса документовъ не нашлось. Въ имѣвшихся же тамъ проектахъ Кирилова «о изысканіи къ пользѣ и прибыткамъ коронныхъ средствъ», представлявшихся на высочайшее разсмотрѣніе, и въ приложенномъ къ нимъ мнѣніи переводчика Иностранной Коллегіи Тевкелева, по поводу принятія Абулхаира съ народомъ въ Россійское подданство, «о обѣщанномъ ханомъ ясакѣ отнюдь не упоминается», лишь была «ссылка на журналъ Тевкелева, веденный имъ въ бытность въ 1731 году въ ордѣ» и представленный прямо въ Иностранную Коллегію. Но что́ значилось въ журналѣ этомъ, Пограничная Оренбургская Экспедиція не знала. Въ данныхъ послѣдующаго времени, отысканныхъ въ архивѣ пограничныхъ дѣлъ, хотя и было подтвержденіе объ обѣщаніи Абулхаира платить ясакъ, но въ какомъ количествѣ и съ какого времени, неизвѣстно. Въ дѣлѣ *) сохранились только два письма Абулхаира къ Государынѣ по этому поводу и отвѣтная на нихъ грамота Императрицы. Какъ видно по надписи на обоихъ письмахъ, они были получены сначала Кириловымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ 29 Сентября 1734 года, на пути его слѣдованія въ Уфу, а затѣмъ уже пересланы Императрицѣ, которая отвѣчала Абулхаиру особой грамотой.

Изъ грамоты этой до нѣкоторой степени выясняется, что обѣщанный Абулхаиромъ сборъ ясака съ Киргизцовъ былъ прощенъ Анной Іоанновной, по крайней мѣрѣ за время до 1734 года. Далѣе же, какъ доносила Экспедиція Пограничныхъ Дѣлъ, «ясакъ съ Киргизцовъ, за бывшимъ въ 1735 году Башкирскимъ бунтомъ, который продолжался до 1741 года, не бранъ». Судя по возбужденной барономъ Игельстромомъ перепискѣ, не бранъ былъ онъ и до 1791 года. Въ дальнѣйшихъ дѣлахъ мѣстныхъ архивовъ нельзя почерпнуть точныхъ данныхъ, взимался ли ясакъ послѣ этого времени и что̀ было сдѣлано съ затронутымъ по этому поводу Игельстромомъ вопросомъ; а между тѣмъ это очень важно знать, и намъ позволительно надѣяться, что люди, имѣющіе возможность пользоваться документами Государственнаго Архива, не откажутся точнѣе выяснить это обстоятельство, весьма существенное въ исторіи нашихъ пріобрѣтеній на Востокѣ.

---

*) Тургайскайскій Областной Архивъ за 1791 г., № 284.

IV.

Давно Россія имѣла намѣреніе завязать торговыя сношенія съ Среднеазіатскими ханствами; но единственной страной, понимавшей пользы своего народа и государства, была Бухара, не чуждавшаяся пріѣзда въ ея предѣлы чужестранцевъ. Остальныя же страны, а особенно Хива, совсѣмъ не допускали къ себѣ Европейцевъ.

Начались наши сношенія съ Бухарой съ 1620 года, когда къ Бухарскому хану Имамъ-Кули былъ отправленъ отъ царя Михаила Ѳедоровича посломъ дьякъ Иванъ Даниловичъ Хохловъ, который не только былъ принятъ дружелюбно въ тогдашней резиденціи ханской г. Самаркандѣ и благополучно воротился въ Москву, но слѣдомъ за нимъ Имамъ-Кули въ томъ же году послалъ въ Астрахань своего приближеннаго Едема. И съ этого времени почти каждогодно послы Бухарскіе пріѣзжаютъ въ Россію, иногда даже съ подарками къ высочайшему нашему двору. Наконецъ, въ архивныхъ дѣлахъ встрѣчаются указанія, что, по примѣру другихъ пословъ, Бухарскіе посланцы по долгу жили въ Петербургѣ, особенно въ концѣ прошлаго столѣтія. Такъ, напримѣръ, Екатерину II въ 1775 году въ Москвѣ, въ числѣ другихъ, сопровождали Турецкій посолъ и Бухарскій посланникъ Ирназаръ Максютовъ.

Съ тою же цѣлію было прислано въ 1789 году Бухарское посольство во главѣ съ Бухарскимъ тостабой Нурмухаметомъ. Но при немъ не оказалось «написанныхъ по формѣ» вѣрительныхъ грамотъ, вслѣдствіе чего въ слѣдующемъ году «за этими грамотами», въ сопровожденіи двухъ офицеровъ Русской службы, капитана Діянова (Татарина) и депутата отъ Киргизскаго народа секундъ-маіора султана Ширгазы, въ Бухару были отправлены двое чиновниковъ изъ свиты посланника: караванъ-баши Дось-Мухаммедъ и юзъ-баши *) Бабакуль.

По предложенію вице-канцлера графа Остермана, отправленіе ихъ изъ Петербурга было возложено на барона Игельстрома, который снабдилъ ихъ деньгами «на путевое довольствіе до первыхъ Киргизскихъ улусовъ» въ одинъ только путь. На обратный же путь, «для переѣзда отъ границы до Санктпетербурга», предписано было Пеутлингу [1]) выдать «изъ состоящей въ Оренбургской экспедиціи пограничныхъ дѣлъ экстраординарной суммы». Посольство выѣхало изъ Петербурга 30-го Ноября и уже 23-го Декабря было въ Уфѣ, откуда, черезъ г. Орскъ, его направили далѣе въ степь на Бухару.

Болѣе года о немъ не было никакихъ извѣстій; думали даже, что оно погибло въ степи, благодаря вѣроломству Азіятцевъ, и только въ

*) Сотникъ, отъ словъ юзъ-сто, баши—голова, т. е. начальникъ ста.

[1]) Письмо Игельстрома Пеутлингу отъ 30-го Ноября 1790 г. № 44 изъ Петербурга

концѣ 1791 года оно прибыло, наконецъ, въ Петербургъ. Посланные Бухарцы привезли къ высочайшему двору нашему три грамоты отъ Бухарскаго эмира, которыя долженствовали уполномочить Нурмухамета въ качествѣ особаго Бухарскаго посланника. Но, по просмотрѣ ихъ, онѣ оказались всетаки написанными не согласно съ существовавшими въ то время въ дипломатическомъ мірѣ «формами». Снова началась переписка. Графъ И. А. Остерманъ писалъ Игельстрому:

По обратномъ сюда прибытіи капитана Діянова и ѣздившихъ съ нимъ во свояси Бухарцевъ, находящійся здѣсь тамошній чиновникъ Нурмухаметъ токсаба вручилъ мнѣ три, по Азіятскомуо быкновенію въ мѣшкахъ вложенныя, бумаги, кои для свѣдѣнія вашего превосходительства слѣдуютъ здѣсь въ переводахъ и копіяхъ [1]). По поднесеніи же тѣхъ бумагъ и переводовъ Ея Императорскому Величеству, удостоился я получить высочайшее повелѣніе, вслѣдствіе котораго и поставляю за долгъ вамъ, м. г. мой, сообщить, что хотя оному чиновнику въ свое время учинены были извѣстныя примѣчанія объ оказавшихся въ привезенной имъ грамотѣ недостаткахъ, да для лучшаго по сему предмету объясненія самому правительству Бухарскому и туда нарочно посыланы были помянутый капитанъ Діановъ съ письмомъ вашимъ [2]), а отъ него токсабы Бухарцы, къ свитѣ его принадлежащіе, однако и тутъ не только предъявилъ онъ для акредитованія себя ожидаемой здѣсь новой къ Ея Императорскому Величеству грамоты Государя его, но еще явствуетъ и изъ бумагъ, имъ представленныхъ, что въ отечествѣ его послѣдовала перемѣна въ правленіи, которое обстоятельство, по наблюдаемому издревле между разными государствами обычаю и само по себѣ требуетъ, чтобъ онъ снабденъ былъ новою вѣрющею грамотою. И какъ по таковымъ причинамъ не можетъ онъ здѣсь быть признанъ посланникомъ, то Ея Императорское Величество, соизволяя, чтобъ онъ съ свитою своею обратно отправленъ былъ въ Бухарію, предоставляетъ учинить сіе отправленіе вашему превосходительству, яко начальнику прилеглаго къ той сторонѣ края здѣшней имперіи. Для отвращенія же всякихъ превратныхъ въ отечествѣ его извѣщеній и толкованій о прямыхъ причинахъ, возбраняющихъ принять его здѣсь въ званіи посланника, угодно всемилостивѣйшей Государынѣ, чтобъ ваше превосходительство изъяснили ихъ отъ себя въ письмѣ или иномъ по благоусмотрѣнію вашему отверстомъ видѣ, который бы ему токсабѣ, при выѣздѣ его изъ предѣловъ Россійскихъ, врученъ былъ и въ коемъ бы помѣщено было обнадеживаніе, какъ объ неотъемлемомъ Ея Императорскаго Величества благоволеніи и доброжелательствѣ къ владѣнію и области Бухарской, такъ и о томъ, что, ежели тамошнее правительство, въ поспѣшествованіи доброму согласію и торговому сношенію своему съ имперіею здѣшнею, похочетъ содержать въ Оренбургѣ своего повѣреннаго человѣка, снабженнаго для того письмомъ къ вамъ, яко начальнику тамошней губерніи, и имѣть отъ васъ взаимно такую же особу: то сіе распоряже-

[1]) Къ сожалѣнію, этихъ копій нѣтъ въ Оренбургскихъ архивахъ.

[2]) Съ письмомъ Игельстрома „къ тамошнему аталыку (?)“ отъ 30 Ноября 1790 г.

ніе изволитъ Ея Величество принять за благо, и что, ежели бъ нужда потребовала для какихъ либо представленій и переговоровъ прислать и сюда къ высочайшему двору посланника отъ владѣтеля Бухарского, то и таковой посланникъ будетъ здѣсь принятъ охотно и съ подобающею званію его почетомъ, когда только будетъ снабженъ надлежащею вѣрющею грамотою. А дабы уже на будущее время предупредить всякое о таковыхъ грамотахъ недоразумѣніе, можете вы, м. г. мой, въ томъ же, даемомъ отъ васъ письменномъ видѣ, изъяснить, что, въ разсужденіи должнаго уваженія къ высочайшему Ея Императорскаго Величества достоинству и по соображенію съ прежними примѣрами, здѣсь необходимо требуется, чтобъ въ присылаемыхъ къ Ея Величеству отъ Бухарскаго владѣльца грамотахъ употребляемъ былъ принадлежащій Ея Величеству титулъ Императрицы и Императорскаго Величества, чтобъ въ тѣхъ грамотахъ изображено было священное имя Ея Величества, чтобъ они въ окончаніи укрѣпляемы были подписью или печатью владѣльца Бухарскаго и чтобъ въ нихъ точно обозначаемо было то званіе, въ коемъ посылаемая особа акредитуется. Для вящаго же убѣжденія тамошняго правительства, что въ сихъ требованіяхъ нѣтъ ничего новаго, и для образца можете ваше превосходительство къ рѣченному письменному виду пріобщить копію съ послѣдней изъ двухъ грамотъ, кои привезены сюда посланникомъ Ирназаромъ Максютовымъ въ двоекратную его въ Россіи бытность и признаны здѣсь достаточными; съ сихъ обѣихъ грамотъ копіи, купно съ переводами, я имѣю честь вамъ, м. г. мой, при семъ доставить».

Конечно, по письму этому баронъ Игельстромъ въ точности исполнилъ желаніе Императрицы и отъ себя написалъ «объявленіе» «степенному Бухарскія области чиновнику таксабѣ Нурмухаммету». Тутъ изложены не только всѣ мысли, выраженныя письмомъ Остермана, но даже вполнѣ удержаны всѣ его выраженія. Лишь въ заключеніе своего письма Игельстромъ добавилъ:

«Изъяснивъ вамъ всѣ обстоятельства, которыя препятствовали признать васъ посланникомъ при высочайшемъ Ея Императорскаго Величества дворѣ, и увольняя васъ по волѣ всемилостивѣйшей моей Государыни къ своему государю и въ отечество, я остаюсь въ полномъ увѣреніи, что вы, по прибытіи туда, не оставите своему государю и правительству изъяснить точныя причины, которыя не допустили васъ принятымъ быть повѣренною особою, и что со всѣмъ тѣмъ, въ знакъ неотъемлемаго Ея Императорскаго Величества благоволенія къ Бухарскому вашему владѣльцу и правительству, вы здѣсь по высочайшей ея милости и щедротамъ не только съ отличными почестями приняты и во время пребыванія вашего въ столицѣ Ея Императорскаго Величества щедро и подобно посланнику содержаны были, но и при отпускѣ васъ по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, сколько въ воздаяніе похвальнаго вашего по бытности здѣсь поведенія, столько же и въ знакъ продолженія высокомонаршаго благоволенія къ вашему государю и правительству, я васъ и всю вашу свиту съ знатнымъ денежнымъ награжденіемъ и со всею по-

честью, приличною сановному человѣку, въ обратной путь отправилъ *). При разставаніи же съ вами, я поставляю себѣ пріятнымъ долгомъ васъ увѣрить о моемъ къ вамъ нелестномъ благорасположеніи, которое вы отличными своими качествами и поведеніемъ отъ меня заслуживаете и что я есмь непремѣнный вамъ доброжелатель» и пр.?

О днѣ выѣзда посланника изъ Петербурга Осипъ Андреевичъ заранѣе (23 Января) увѣдомилъ Уфимскаго намѣстника Пеутлинга, «чтобъ благовременно принять попеченіе о пріуготовленіи для него и свиты его подводъ и прочаго, что̀ къ пути потребно, какъ по сю сторону Уфы, такъ и по тракту отъ оной къ Оренбургу, дабы не послѣдовало никакой въ переѣздѣ его остановки».

Токсаба выѣхалъ изъ Петербурга 29-го Января. При немъ въ качествѣ пристава и въ видѣ почетнаго конвоя были назначены Суздальскаго пѣхотнаго полка капитанъ Эссенъ съ тремя нижними чинами и однимъ переводчикомъ.

Передъ выѣздомъ, баронъ Игельстромъ далъ Эссену ордеръ-«инструкцію» (25 Января, № 5), какъ посла этого сопровождать и что̀ для него и свиты его искупить, дабы ни въ чемъ недостатка не было.

«По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, писалъ Игельстромъ, отправляя изъ здѣшней столицы обратно въ отечество свое Бухарскаго чиновника токсабу Нурмухаммета со свитою его въ препровожденіи вашемъ до границы и назначая къ выѣзду его отсюда двадцать девятый день сего Генваря мѣсяца, предлагаю вашему благородію изъ принятой вами на путевое содержаніе онаго чиновнике и свиты его суммы, двухъ тысячъ пятисотъ осьмнадцати рублей семидесятъ осми копѣекъ, искупя все къ пути его потребное такъ, чтобъ въ назначенный для выѣзда день болѣе ничто васъ остановить не могло, отправиться въ предлежащій путь и продолжать оной чрезъ Москву, Казань и Уфу по тому же самому маршруту, какъ и сюда слѣдовали, и для того, приобщая здѣсь примѣрное исчисленіе какія для подъему какъ онаго чиновника самого, такъ и свиты его, также и для васъ съ переводчикомъ и прочими военнослужащими чинами, при васъ находящимися, повозки искупить вы должны.

1-е. Для чиновника токсабы полозы подъ карету его, естли же онъ взять ее съ собою не похочетъ, а пожелаетъ здѣсь продать, то вмѣсто полозовъ, лучшій и прочный зимній возокъ.

2-е. На покупку девяти повозокъ для его и вашей свиты, изъ коихъ первая караванъ-башѣ и сотнику (Бабакулю) лучшая въ 60 руб.; а прочія восемь также хорошія и прочныя, циновками крытыя; одна другимъ двумъ сотникамъ въ 50 руб., третья пятидесятникамъ двумъ въ 50 руб., четвертая одному десятнику съ переводчикомъ въ 40 руб., пятая и шестая четыремъ служителямъ Бухарцамъ въ 30 руб. каждая; седьмая повозка приставу капитану Ессену съ однимъ денщикомъ въ

*) Письмо это вручено было токсабѣ капитаномъ Эссеномъ на границѣ въ Орской крѣпости.

40 руб., осьмая и девятая унтеръ-офицеру съ другимъ пристава денщикомъ и двумъ казакамъ въ 30 руб. каждая, а всего 360 рублей.

3-е. На дорожныя тѣхъ повозокъ починки и на другія случится могущія надобности въ запасъ 150 рублей.

4-е. На платежъ прогоновъ въ слѣдованіи отъ Санктпетербурга чрезъ Москву, Казань, Уфу и Оренбургъ до Орской крѣпости, по исчисленному разстоянію, означенному въ примѣрной смѣтѣ, данной капитану Діанову, при проѣздѣ его въ Бухарію, за 2513 верстъ, въ томъ числѣ за 74 по 4 коп., а за 1839—по 2 коп. за версту, на 22 лошади, изъ коихъ четыре для кареты самого чиновника, всемилостивѣйше здѣсь*) ему пожалованной, а для 9-ти прочихъ повозокъ по двѣ лошади,—1006 руб. 28 коп.

5-е. На содержаніе въ пути оному чиновнику и его свитѣ изъ оклада, каковой здѣсь имъ производился, выдать впередъ за три мѣсяца (съ 15 Генваря по 15-е Апрѣля) 900 рублей.

6-е. Находящемуся при немъ приставу капитану Эссену, переводчику, унтеръ-офицеру и двумъ казакамъ кормовыхъ денегъ на 50 дней—102 руб. 50 коп.

Итого на всѣ сіи расходы 2518 руб. 78 коп.

Такимъ образомъ Бухарское посольство это, помимо расхода на его содержаніе въ Петербургѣ въ теченіе почти двухъ лѣтъ, стоило Русскому правительству при одномъ только отправленіи около шести тысячъ рублей. Великая Русская имперія умѣла награждать и привѣчать Азіятцевъ. Между тѣмъ отправлявшіеся въ Бухару наши посольства не получали и десятой доли того, чтò мы имъ давали.

V.

Отправленіе Бухарскаго посольства было послѣднимъ распоряженіемъ барона Игельстрома по Оренбургскому краю, въ качествѣ Симбирскаго и Уфимскаго генералъ-губернатора. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ Февраля 1792 года [1]) онъ былъ назначенъ Смоленскимъ и Псковскимъ генералъ-губернаторомъ и, не заѣзжая въ Уфу, прямо изъ Петербурга проѣхалъ въ Псковъ, новую свою резиденцію.

Здѣсь онъ пробылъ недолго. Въ слѣдующемъ 1793 году мы видимъ его уже Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, и въ этой должности онъ былъ назначенъ командующимъ войсками въ Варшавѣ, гдѣ при немъ, 6-го Апрѣля 1794 года, произошло повальное избіеніе Русскихъ. Екатерина, послѣ этого случая, разочаровалась въ немъ. Игельстромъ былъ смѣненъ и въ плоть до воцаренія Павла Петровича жилъ въ Ригѣ безъ должности [2]). Новый императоръ вспомнилъ о немъ, вызвалъ его въ Петербургъ и произвелъ въ генералы отъ инфантеріи.

---

*) Т. е въ Петербургѣ.

[1]) Въ Оренбургскихъ архивахъ не имѣется точныхъ свѣдѣній объ этомъ назначеніи. Лишь въ Дневникахъ Уфимскаго старожила М. С. Ребелинскаго подъ 10 Февраля 1792 г. указывается о полученіи въ этотъ день въ Уфѣ именнаго указа „о бытіи О. А.

Высочайшимъ указомъ 2 Декабря 1796 года было упразднено Уфимское намѣстничество, и Оренбургскій край по прежнему названъ *Оренбургской губерніей.* По новому распредѣленію уѣздные города Сергіевскъ и Белебей сдѣланы заштатными; центръ управленія перенесенъ изъ Уфы въ Оренбургъ, и тѣмъ же указомъ назначенъ былъ управлять баронъ Игельстромъ подъ именемъ Оренбургскаго военнаго губернатора, съ присвоеніемъ ему званія командующаго «Оренбургскою дивизіею» и «Рыльскаго мушкатерскаго полка шефа» [1]).

Какъ въ первый періодъ управленія Оренбургскимъ краемъ (1784—1792), такъ и теперь ничѣмъ особеннымъ не проявилась дѣятельность барона Игельстрома. На первыхъ же порахъ своего управленія, ему снова пришлось столкнуться съ Бухарцами и ихъ двумя посольствами.

Послѣ высылки въ 1792 году изъ Россіи Нурмухамета-токсабы, Бухарское правительство не прекратило сношенія съ могущественной Русской державой и, по прошествіи четырехъ лѣтъ, вновь отправило въ Россію своихъ посланцевъ. Двое изъ нихъ Исергапъ-иманъ Бердіевъ и Абдулла Абдулкаримовъ прибыли въ Оренбургъ 31-го Января 1797 года и объявили Экспедиціи Пограничныхъ дѣлъ, что «отправлены отъ Бухарскаго первенствующаго министра [2]) Шахъ-Мурата съ листомъ къ высочайшему Императорскому двору» и при этомъ «сказывали, что того листа на границѣ никому вручить отъ ихъ министра не приказано, а повелѣно поднести оный въ собственныя Императорскія руки» [3]).

Смоленскимъ и Псковскимъ генералъ-губернаторомъ". Затѣмъ имѣется письмо Игельстрома къ Неутлингу отъ 2-го Марта изъ Пскова и, наконецъ, указъ Военной Коллегіи (отъ 21 Февраля № 1675) на имя Игельстрома уже какъ Смоленскаго и Псковскаго генералъ-губернатора. Въ указѣ этомъ Игельстромъ, между прочимъ, по прежнему именуется „Оренбургскаго драгунскаго полку шефъ". Слѣдовательно, при новомъ назначеніи онъ не лишился этого почетнаго званія. Указъ данъ вслѣдствіе рапорта Игельстрома, что „Ставропольскаго Калмыцкаго войска войсковой атаманъ и арміи премьеръ-майоръ Ѳедоръ Болотковъ со вступленія его во управленіе войска сего съ прошедшаго 1779 года, имѣя неусыпное попеченіе о приведеніи онаго въ лучшее благоустройство и порядокъ, всемѣрно старался Калмыкамъ внушать, сколь для нихъ выгодно и спокойно домашнее обзаведеніе и хлѣбопашество, по сему многіе изъ нихъ уже обзавелись домами и производятъ немалое хлѣбопашество, служащіе жъ снабдены всѣ пристойною аммуниціею и оружіемъ, чего всего при прежнихъ начальникахъ не было". Вслѣдствіе этого, по рекомендаціи Игельстрома, повелѣно было за ревностнѣйшую службу Болоткова наградить чиномъ арміи подполковникомъ и оставить въ томъ войскѣ атаманомъ.

[1]) См. „Русскій Архивъ" 1886, XI, 480

[2]) Въ „Памятн. книжкѣ Оренбург. губ." на 1895 г. стр. 34, неправильно указано, что Игельстромъ назначенъ въ 1797 году. Въ „Русскомъ Архивѣ" 1886, XI, 480, напечатанъ рескриптъ отъ 10 Декабря 1796 г., гдѣ баронъ Игельстромъ называется уже „Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ".

[3]) По Бухарски „*аталыкъ*". Въ одномъ донесеніи Пограничной Экспедиціи онъ названъ Шахъ-Муратъ, въ другомъ Шагъ-Мухаметъ.

Экспедиція донесла о томъ Оренбургскому военному губернатору, испрашивая «на сіе его резолюцію». Баронъ Игельстромъ, «руководствуясь прежними высочайшими по этому поводу указами и особенно письмомъ отъ 15 Января 1792 г. (см. выше), вице-канцлера Остермана, предписалъ Экспедиціи, что «ежели оные посланники листа не покажутъ, то не будутъ допущены къ высочайшему Ея Императорскаго Величества двору». Въ силу необходимости, послѣднимъ ничего не оставалось дѣлать, какъ исполнить требованіе начальника края.

Въ представленныхъ Бухарцами бумагахъ оказались: одна грамота на имя Государыни Екатерины II, подписанная ханскимъ намѣстникомъ Максумомъ Даніаловымъ, и два письма отъ его министра Уткуръ-бека Шахъ-Мухаметева къ Россійскимъ министрамъ [1]).

По переводѣ документовъ этихъ на Русскій языкъ, въ нихъ, какъ и прежде, не было обозначено фамилій посылаемыхъ Бухарскимъ правительствомъ уполномоченныхъ, а въ грамотѣ «такого Ея Величеству титула, какого по формѣ, отправленной къ нимъ въ 1792 году съ Нурмухаметомъ, требуется, не изображено, ниже и священнаго имени Ея Величества не упомянуто, кромѣ нѣкоторыхъ *иперболическихъ* выраженій, отъ Магометанскихъ владѣтелей обыкновенно употребляемыхъ» [2]).

«Во имя всемилостиваго Бога.

Хвала буди Богу, Господу всѣхъ тварей, и миръ и благословеніе на апостолѣ его Мухамметѣ, съ фамиліею и со всѣми пре...никами его. По изъявленіи хвалы Творцу міра Богу, да будетъ донесено Ея Величеству монархинѣ сущей, въ достоинствѣ царицѣ Савской, героинѣ, побѣдительницѣ свѣта, вѣнцовъ, великихъ царей маргаритѣ, областей и провинцій, купно же и законовъ государямъ царствующей, счастливо и могущественно Имперіей управляющей, многихъ славныхъ странъ госпожѣ, въ счастливой скиніи обитающей, сильнѣйшей и безсомнѣнной монархинѣ, подобной въ силѣ Джамшиду, въ служителяхъ Феридону, въ знаменитости Хошрафу, въ страхѣ Марсу, въ славѣ и чести Бярхису, самодержицѣ и обладательницѣ многихъ странъ, царскаго титула благолѣпіе, многихъ сокровищъ и благополучія умножительницѣ, книги оглавленію, князей красотѣ, съ тонкостію и ревностію дипломовъ (?) своихъ издательницѣ, войско безчисленное умножающей, сильной, счастливой и побѣдоносной государынѣ, сего зелено-цвѣтнаго вертограда (?) розѣ, судебнымъ палатамъ книги уставовъ и указовъ монаршескихъ дарующей.

---

[3]) Изъ рапорта Экспедиціи Пограничныхъ дѣлъ барону Игельстрому 2-го Февраля 1797 года.

[1]) Въ дѣлахъ архивныхъ нѣтъ этихъ писемъ, за исключеніемъ перевода съ грамоты.

[2]) Рапортъ Экспедиціи Игельстрому 23 Марта 1797 года. Какъ образёцъ Магометанскаго краснорѣчія приводимъ эту грамоту цѣликомъ.

Невѣрной еретикъ Ака-Мухаметъ-ханъ, съ намѣреніемъ присвоенія во владѣніе свое городовъ, выѣхавъ, сперва направилъ путь свой на христіанъ Тефлисцовъ, то есть Грузинцовъ, которыхъ, взявъ, мужескъ полъ побилъ, а женъ и дѣвицъ большихъ и малыхъ всѣхъ городовъ, въ видѣ плѣнниковъ и рабовъ, въ пространное Персидское государство разсѣялъ, священные же храмы Духа Божія Господа Іисуса (надъ которыми да будетъ миръ и благословленіе) превратилъ и раззорилъ. При такомъ прислюченіи поношенія и презрѣнія, что сдѣлалось монархинѣ и ея министрамъ христіанскимъ, а паче когда сей еретикъ ворвется и законъ (со) свѣтомъ христіанскимъ въ нестройность приведетъ и съ землею сравнитъ, при семъ случаѣ надлежитъ знаменитой въ свѣтѣ монархинѣ употребить милость, которую и можетъ произвесть въ дѣйство. Ежели онъ, еретикъ Ака-Мухамметъ-ханъ, въ вашу христіанскую сторону вступитъ, тогда сей бѣдный [1]), по сходству состоянія своего, помощь учинить можетъ. Когда оной еретикъ Ака-Мухамметъ-ханъ христіанъ Тефлискихъ побѣдилъ, тогда всѣмъ ихъ сокровищемъ овладѣлъ, отколь возвратясь, большую часть Персіи подъ власть свою получилъ, гдѣ (надъ) сокровищемъ Надиръ-Шаха восгосподствовалъ, и тѣмъ многую силу пріобрѣлъ. А понеже сей сожалѣнія достойной [2]) ему Ака-Мухамметъ-хану противоборствовать не въ силахъ, того ради стыдъ и безчестіе свое возлагаетъ на ваше величество, прося дозволенія сему бѣдному имѣть васъ матерью, а ему быть сыномъ, да благоволитъ ея величество дать ему вооруженнаго войска по меньшей мѣрѣ до десяти тысячъ и пушекъ до пятидесяти, съ принадлежностью, т. е. съ ядрами и порохомъ. Ежели онъ, еретикъ Ака-Мухамметъ-ханъ въ вашу имперію вступитъ, тогда сей бѣдный можетъ употребить себя въ воспященіе (?) его, а буде покусится онъ итти въ Скифское государство, въ такомъ случаѣ можете ваше величество остаться по послѣдней мѣрѣ во охраненіи своихъ христіанъ; а сей бѣдный благодатію существующаго Бога будетъ защищать Скифское государство, купно съ имуществомъ и душами Мусульманскими. Сей бѣдный Имперіи вашего величества правилъ и обрядовъ не знаетъ; то ежели въ семъ писаніи найдется недостатокъ и предосужденіе, да удостоенъ будетъ прощенія. Писано въ 4 день, то есть въ Субботу, а имянно 26 числа Октября 1796 года». На оборотѣ листа приложена чернильная печать съ именемъ намѣстника ханскаго Максума Даніалова [3]).

Должно быть положеніе Бухаріи въ то время было въ очень сильной опасности, что, помимо этого посольства, слѣдомъ за нимъ 6 Мая того же года прибыли въ Оренбургъ еще два бухарскихъ послан-

---

[1]) Т. е. авторъ этой грамоты. Туземцы всегда въ письмахъ изъ вѣжливости называютъ себя въ третьемъ лицѣ.

[2]) Тоже самое.

[3]) Странно въ письмѣ этомъ то, что авторъ то самъ предлагаетъ помошь Россіи, то проситъ у ней помощи войскомъ противъ какого-то еретика Ака-Мухаммета. Кто былъ этотъ „еретикъ“, трудно понять. Должно быть это былъ владѣлецъ Хивы и Усть-Уртскихъ Туркменъ, одинъ изъ безпокойныхъ и воинственныхъ сосѣдей Персіи и Бухары.

ника: Мухамметь-Юсуфъ-Бикъ-Мухамметь-Аминевъ и Абдулла-бекъ Чау-Мухаметевъ. Наконецъ, чрезъ Каспійское море на Астрахань, съ такимъ же порученіемъ былъ отправленъ еще одинъ посолъ мулла Пеклеванъ-Кули-Корчій, которому, благодаря незнанію Астраханскимъ начальствомъ о существованіи распоряженія 1792 г. по пріему и удостовѣренію туземныхъ посланниковъ, свободно удалось пробраться до Петербурга, гдѣ Корчій, хотя также не былъ признанъ посломъ, однако благосклонно былъ принятъ Павломъ и «удостоился получить отъ щедротъ Его Императорскаго Величества дары толико изящнѣйшіе». Но было ли ему обѣщано со стороны Россіи какое-либо пособіе противъ еретика Ака-Мухамета, того изъ дѣла не видно.

Хотя остальныя два посольства, пріѣхавшіе въ Оренбургъ, были задержаны Игельстромомъ и не допущены въ Петербургъ, тѣмъ не менѣе отобранныя отъ нихъ бумаги были препровождены къ высочаёшему двору, и оттуда высланъ былъ имъ «отвѣтный отъ Россійскаго министерства къ тамошнему хану листъ».

Послы эти, впредь до отправленія ихъ въ обратный путь 14 Іюля, жили насчетъ Русскаго правительства: имъ былъ отведенъ въ Оренбургѣ особый домъ, при нихъ безотлучно находился Русскій переводчикъ и дежурили нижніе чины для посылокъ; кромѣ жалованія, каждодневно на содержаніе ихъ отпускались особыя деньги изъ суммъ Пограничной Экспедиціи.

Какъ дорого обходилось Русскому правительству содержаніе этихъ посольствъ видно изъ слѣдующаго высочайшаго рескрипта, даннаго государственному казначею.

«Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и государственный казначей баронъ Васильевъ. Изъ числа требуемыхъ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ на утвержденіе въ ханскомъ достоинствѣ избраннаго отъ Меньшей Киргисъ-Кайсацкой орды Айчувакъ-султана пятнадцати тысячъ и издержанныхъ на ея щетъ для Бухарскихъ посланцовъ двѣнадцати тысячъ девяти сотъ девяти рублей шестидесяти пяти копѣекъ съ половиною *), а всего двадцати семи тысячъ девяти сотъ девяти рублей шестидесяти пяти копѣекъ съ половиною, повелѣваемъ первыя отпустить, а вторыя возвратить къ Оренбургскую для пограничныхъ дѣлъ Экспедицію изъ доходовъ, казначейству для остаточныхъ суммъ принадлежащихъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ».

Въ Павловскомъ,
Іюня 21 дня 1798 года.

---

*) Какъ видно изъ письма Васильева на имя Игельстрома, отъ 28 Іюня 1798 г. сумма эта израсходована за время 1793 г. по 1797 годъ.

На этотъ разъ въ обратный путь Бухарскіе послы были отправлены безъ всякаго Русскаго конвоя, только для свободнаго проѣзда черезъ Киргизскую степь имъ данъ былъ отъ Игельстрома открытый листъ, а затѣмъ въ орду была послана «обвѣстительная» грамота.

«Почтеннымъ Киргизкайсацкой Меньшей орды Дюрткаринскаго и Чиклинскаго родовъ старшинамъ Букунбай-мурзѣ, Карабулатъ-батырю, Динянчію-батырю и протчимъ почетнымъ людямъ.

«Возвращая присланныхъ сюда отъ Бухарскаго двора по нужнымъ дѣламъ курьеровъ Исергапа и Мухамметь-Юсупа съ ихъ товарищами обратно въ Бухарію, съ отвѣтнымъ отъ Россійскаго министерства къ тамошнему хану листомъ, слѣдуемыхъ чрезъ кочевья Киргизкайсацкой Меньшей орды Дюрукаринскаго и Чиклинскаго отдѣленій, удостовѣряюсь я, что сихъ родовъ почетные старшины, мурзы, біи и батыри, по вѣрноподданнической ихъ обязанности къ высочайшему Его Императорскаго Величества престолу и прямому усердію, не оставятъ сихъ присланцовъ отъ одного улуса до другого, яко нужныхъ курьеровъ, препровождать на Киргизскихъ лошадяхъ или верблюдахъ безъ отлагательнаго удержанія, пріемля же ихъ присланцевъ во всѣхъ мѣстахъ ласково, оказывать лучшую благопристойность и дорожное успособствованіе; а какъ сдѣлано симъ курьерамъ отъ меня приказаніе, чтобъ они съ тракту о поспѣшномъ слѣдованіи дѣлали ко мнѣ донесенія, то благоволить, почтенныя старшины, біи, батыри, вручаемыя отъ нихъ посланцовъ письма неукоснительно доставлять мнѣ».

Такъ неудачно кончилась попытка Бухарскаго эмира получить отъ Россіи помощи войскомъ и втравить ее въ войну съ «еретикомъ Ака-Мухамметомъ». Но кто знаетъ, исполни въ то время Русское правительство просьбу эмира, можетъ-быть, уже тогда мы могли завладѣть Хивой, Бухарой и другими Средне-азіатскими ханствами, что́ совершилось лишь черезъ 80 слишкомъ лѣтъ и послѣ цѣлаго ряда неудачъ и непомѣрныхъ расходовъ. Увы, мы Русскіе не умѣемъ и почему-то не можемъ пользоваться благопріятными случаями въ международной политикѣ...

Какъ въ первое свое командованіе Оренбургскимъ краемъ, такъ и во-второе, ничѣмъ особеннымъ не проявилъ свою дѣятельность баронъ Игельстромъ для пользы населенія ввѣренной ему губерніи. Въ концѣ концовъ и Павелъ разочаровался въ немъ.

31 Марта 1797 года въ Оренбургѣ было получено частное извѣстіе, что Государь 15 Мая этого года намѣренъ посѣтить Казань. Къ счастью, или къ несчастью, однако слухъ этотъ не оправдался. Лишь въ слѣдующемъ году, 24-го Января съ нарочно-посланнымъ въ Оренбургъ курьеромъ получено было предписаніе готовить полки Оренбургской дивизіи въ походъ въ Казань для встрѣчи Государя. Поэтому распоряженію 10-го Марта изъ Оренбурга выступилъ Рыльскій мушкатерскій полкъ, а изъ Уфы—Уфимскій мушкатерскій, шефомъ коего

былъ, впослѣдствіи прославившійся себя, генералъ-маіоръ графъ Ланжеронъ [1]). Слѣдомъ за ними, 17-го Марта выѣхалъ въ Казань и самъ начальникъ края, баронъ Игельстромъ.

Государь прибылъ въ Казань 24-го Мая въ шесть часовъ утра. Встрѣча, сдѣланная ему горожанами, видимо, произвела на него благопріятное впечатлѣніе; онъ былъ добръ и милостивъ, пожертвовалъ 50.000 рублей на постройку церкви Казанской Божьей Матери и затѣмъ далъ «на выстройку Казанскаго Гостиннаго ряда, на десять лѣтъ безъ процентовъ 200 000 рублей» [2]). На смотру Уфимскій полкъ съ своимъ шефомъ очень понравился Императору, такъ что «многіе того полку чиновники жалованы кавалеріями» [3]). За то Рыльскій мушкатерскій полкъ барона Игельстрома своей невыправкой и безпорядкомъ не заслужилъ императорскаго одобренія. Государь настолько остался недоволенъ имъ, что, вмѣсто Игельстрома, тутъ же назначилъ шефомъ его генералъ-маіора Николая Николаевича Бахметева.

Послѣ такого пріема, Игельстромъ воротился въ Оренбургъ (8-го Іюня) сумрачный и невеселый. Дни его были сочтены. Черезъ четыре мѣсяца (10-го Октября) въ Оренбургѣ былъ полученъ указъ, которымъ онъ увольнялся прямо въ отставку, а на его мѣсто былъ назначенъ шефъ Рыльскаго полка Бахметевъ, «коему велѣно завѣдывать и гражданскою частью» [4]).

Но Игельстрому, должно-быть, очень не хотѣлось разставаться съ этой почетной должностью. Не смотря на свое увольненіе, онъ надѣялся умилостивить Павла и въ концѣ Октября послалъ ему донесеніе. Увы, напрасное стараніе! Императоръ въ рескриптѣ отъ 2 Ноября 1798 года лаконически отвѣчалъ ему:

«Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Игельстромъ. Отставивъ васъ отъ службы и назначивъ уже на мѣсто ваше генералъ-маіора Бахметева, съ удивленіемъ получилъ еще отъ васъ донесеніе» [5]).

Въ силу необходимости пришлось барону Игельстрому покинуть насиженное мѣсто и уѣхать изъ Оренбургскаго края, которому онъ не принесъ никакой пользы...

П. Юдинъ.

---

[1]) Шефомъ Рыльскаго полка, какъ указано выше, былъ баронъ Игельстромъ.

[2]) Дневники Ребелинскаго, запись 8 Іюня 1798 года.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же

[5]) „Русскій Архивъ" 1886, XI, 491.

ПИСЬМА Н. Ф. ПАВЛОВА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Замѣчено, что дружба возникаетъ иногда не отъ сходства, а отъ разницы въ положеніи, свойствѣ и нравѣ. Въ такихъ случаяхъ два лица восполняютъ собою другъ друга. Таковы были Степанъ Петровичъ Шевыревъ и Николай Филиповичъ Павловъ, съ которымъ читатели наши познакомились уже по его письмамъ къ Краевскому въ предъидущемъ выпускѣ „Русскаго Архива" сего года. Шевыревъ—сынъ Саратовскаго губернскаго предводителя дворянства; отецъ Павлова—простолюдинъ, а мать Грузинка, вывезенная въ Россію графомъ Зубовымъ послѣ Персидскаго похода. Шевыревъ получилъ тщательное домашнее воспитаніе и учился въ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ; Павловъ былъ, можно сказать, самоучкою, обучаясь въ Театральной Школѣ. Шевыревъ бралъ усидчивостью и желѣзнымъ трудолюбіемъ; Павловъ ловилъ познанія на лету. Разница въ дарованіяхъ была большая. Образъ жизни, привычки, все у нихъ было несхоже. И тѣмъ не менѣе они подружились на всю жизнь. П. Б.

Изъ Москвы въ Баварію.

1.

20 Октября ст(араго) с(тиля) 1839.

Всѣ донесенія твои въ Университетѣ получены. Рихтеръ [1]) увѣряетъ, что администрація библіотеки не виновата въ томъ, что ты не получаешь отвѣта. Библіотекарь возвращаетъ Голохвастову [2]) каждый день по одному каталогу изъ присланныхъ тобой и вчера отдалъ двѣнадцатый [3]). Скорѣе, Рихтеръ говоритъ, никакъ нельзя. Онъ ужасно боится, чтобъ ты не обвинилъ его. Всѣ дивятся твоей работѣ и трудолюбію, а я тоже дѣлаю со всѣми.

Окуловы виноваты, что домъ твой [4]) еще не отданъ; впрочемъ я

---

[1]) Александръ Вильгельмовичъ Рихтеръ былъ помощникомъ библіотекаря въ библіотекѣ Московскаго университета.

[2]) Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ былъ въ это время помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа.

[3]) Рѣчь идетъ о библіотекѣ барона Молля, заключавшей въ себѣ слишкомъ 30 т. томовъ. Молль уступилъ ее нашему правительству за пожизненную пенсію, которою пользовался въ продолженіе 20 лѣтъ. Пріемъ библіотеки и отправленіе ея изъ Дихау близъ Мюнхена въ Москву были поручены Шевыреву.

[4]) Домъ этотъ—близъ Тверской, въ Дехтярномъ переулкѣ, нынѣ Внуковой. Сколько добра получали изъ этого дома въ теченіи многихъ лѣтъ студенты Московскаго универ-

надѣюсь отдать непремѣнно. Нанималъ было охотно *Бакунинъ*, да ты знаешь какіе они дурные плательщики; такъ я требовалъ съ него три четверти денегъ впередъ и просилъ дорого. Не найметъ ли Пашкова? Свидѣтельство отъ Поля [1]) посылаю, а Кроненбергъ [2]) въ Петербургѣ. Отъ Погодина получилъ тысячу руб(лей), а остальные онъ обѣщалъ отдать по справкѣ съ банкирами, сколько приходится.

Вещи, которыя накупила ваша дѣвушка, не бывали еще, а жена уже начала было хлопотать о сбытѣ. Что̀ Мельгуновъ [3]) не пишетъ мнѣ? Вѣрно вы уже сноситесь съ нимъ. Каковъ онъ?

Гоголь здѣсь [4]), и онъ немножко гримасничаетъ. Аксаковы и я постарались, чтобъ его вызвали въ Ревизорѣ. Загоскинъ [5]) нарочно далъ піесу. Гоголь сидѣлъ въ бенуарѣ у Чертковой [6]). Послѣ втораго дѣйствія стали вызывать. Хоть въ театрѣ было немного, но публика приняла единодушное участіе въ вызовѣ, а Гоголь посидѣлъ, посидѣлъ, да и уѣхалъ, не показавшись. Загоскинъ лѣзъ на стѣны. Если бъ публика не вызвала Гоголя, мы бы назвали ее публикой Вандаловъ да Готтентотовъ; теперь она узнала о его пріѣздѣ, кричала, и тутъ виновата. На другой день, разумѣется [7]), по внушенью Погодина, а можетъ быть и нѣтъ, Гоголь написалъ извинительное письмо, въ которомъ говоритъ, что онъ былъ разстроенъ, что у него есть семейныя отношенія, какое-то горе, которое помѣшало ему выдти. Этого письма въ ходъ не пустили, и умно сдѣлали. Повѣсти мои поступили въ продажу [8]) нѣсколько дней тому назадъ. Здѣсь ихъ еще нѣтъ. Публиковано въ Петербургѣ. Кабинетъ мой еще не готовъ, и я шатаюсь, какъ тѣнь, по всему дому и не имѣю пріюта. Этотъ проклятый кабинетъ сто́итъ мнѣ дорого, къ тому же нынѣшній годъ нѣтъ и доходовъ; очень естественно, что мнѣ хочется пополнить этотъ недостатокъ въ карманѣ. Задумана и начата большая повѣсть. Одну нельзя будетъ напечатать, такъ хочется выдать что-нибудь въ родѣ альманаха. Если ты, по твоимъ разсчетамъ, не будешь въ большомъ убыткѣ, то сдѣлай

ситета, книгами, совѣтами, указаніями, доставленіемъ уроковъ, переводовъ и, наконецъ, денежною помощью! П. Б.

[1]) Андрей Ивановичъ Поль, профессоръ хирургіи въ Московскомъ университетѣ.

[2]) Кроненбергъ, Московскій врачъ.

[3]) Николай Александровичъ Мельгуновъ, литераторъ.

[4]) Гоголь пріѣхалъ въ Москву 26 Сентября 1839 года.

[5]) Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ, бывшій въ то время директоромъ императорскихъ Московскихъ театровъ.

[6]) Елисаветы Григорьевны, рожденной графини Чернышевой, бывшей въ замужествѣ за губернскимъ предводителемъ Московскаго дворянства Александромъ Дмитріевичемъ Чертковымъ.

[7]) У котораго на Дѣвичьемъ полѣ Гоголь тогда жилъ. П. Б.

[8]) Новыя повѣсти: Маскарадъ, Демонъ, Милліонъ.

одолженіе: дай статью, а не статейку, ради Бога, побольше и какъ можно поскорѣе. Это дѣло серьезное, а не пустой проектъ. Ты пишешь такъ мелко, что можно переслать и по почтѣ. Мельгунову я писалъ; не знаю, что́ будетъ отъ него. Не оставь и совѣтами для моего изданья. Погодинъ не будетъ выдавать журнала. «Отечественныя Записки» употребляютъ всѣ усилія, чтобъ устоять. Размѣры ихъ широки. На будущій годъ онѣ, я думаю, расплатятся, и долгъ тебѣ, надѣюсь, не пропадетъ. Ты на нихъ не сердись: все таки это люди порядочные, гдѣ еще можно печататься. Сбираюсь издать баллады Валтера-Скотта, перевед(енныя) въ стихахъ женой, и прекрасно, на Русскомъ. Вышелъ романъ Загоскина «Тоска по родинѣ»; точно ребенокъ 12-ти лѣтъ писалъ: все еще нападаетъ на тѣхъ, которые говорятъ, что мы не идемъ впередъ. Кто это говоритъ? Жду грозы отъ «Пчелы» и отъ Библіот(еки), потому что въ «Отечест(венныхъ) Запискахъ» былъ напечатанъ въ прошломъ мѣсяцѣ мой Венеціянской Купецъ [1]). Обнимаю тебя отъ всего сердца; радуюсь, что вы всѣ здоровы, и отъ души желаю поскорѣй увидѣться. Грустно, что мы разбрелись по бѣлому свѣту. Жена кланяется. Н. Павловъ.

Не имѣешь ли ты чего сказать противъ моей аккуратности? Какое ужасное происшествіе съ Топорниными [2])!

P. S. Чрезвычайно замѣчательна рѣчь Морошкина: *Объ Уложеніи* [3]). Онъ выросъ удивительно.

2.

24 Декабря ст. с. 1839.

Ну, любезный другъ, у меня какъ гора съ плечъ: домъ твой отдалъ помѣсячно, съ 27 Нояб(ря), по 300 р(ублей) въ мѣсяцъ. Это, кажется, хорошо и очень по нынѣшнему времени: мало пріѣзжихъ изъ деревень, и много отдается домовъ. Только расходы какъ-то велики на жалованье, на то да на се. Сейчасъ говорилъ объ этомъ съ Анто-

---

[1]) Венеціанскій Купецъ былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 года, т. V, словесность, стр. 257—347. Въ примѣчаніи редакціи было сказано слѣдующее: „Представляя публикѣ переводъ „Венеціанскаго Купца“, котораго до сихъ поръ не имѣла еще Русская литература и который сдѣланъ однимъ изъ первоклассныхъ литераторовъ нашихъ, Н. Ф. Павловымъ, нужнымъ считаемъ замѣтить, что, сколько мы знаемъ, подобнаго перевода Шекспира у насъ еще не было, и убѣждены, что этотъ переводъ можетъ служить образцомъ того, какъ должно переводить у насъ великаго поэта“.

[2]) Топорнины, родственники С. П. Шевырева, воспитывались въ пансіонѣ М. П. Погодина. Они были убиты своими людьми.

[3]) Рѣчь объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи была произнесена Өедоромъ Лукичемъ Морошкинымъ на торжественномъ актѣ Московскаго университета. Морошкинъ читалъ въ Университетѣ исторію Россійскаго законодательства, законы гражданскіе и Россійское практическое судопроизводство.

номъ; онъ, разумѣется, человѣкъ вѣрный, однакожъ черезъ нѣскол(ько) дней мы примемся съ нимъ повѣрять его счеты.

Бакунинъ проѣхалъ черезъ Москву и мнѣ не показался. Надѣюсь поймать его на обратномъ пути и вытребовать деньги. Довольно о дѣлахъ. Благодарю, другъ, за статью: истинно любопытная и занимательная статья. Только ужъ не поскупись, пришли еще что-нибудь. Нѣтъ ли стиховъ? Я слышалъ, на тебя нашло вдохновенье. Если даже серьезная статья, она будетъ прилична, а теперь, какъ ты возишься съ Еврейс(кимъ) языкомъ, не безъ серьезныхъ же статей проводишь время. Ради Бога помоги. Альманахъ мой собирается; но, во первыхъ, никого еще нѣтъ, Хомяковъ не пріѣзжалъ; во вторыхъ, Мельгуновъ спрашиваетъ еще что́ прислать; въ третьихъ, у меня повѣстца не кончена за кабинетомъ, въ который я перешелъ уже и который съ эффектомъ и съ удобствомъ, но для этой повѣстцы нужно только нѣсколько страницъ. Надо бы мнѣ еще статью написать. Такимъ образомъ я надѣюсь устроить альманахъ; впрочемъ это будетъ не альманахъ, а такъ книга, которую назову Богъ знаетъ еще какъ. Добудь у Тютчева [1]) стиховъ. Мои повѣсти расхвалены въ Отечест(венныхъ) Запис(кахъ) и Литер(атурныхъ) Приб(авленіяхъ) и разруганы въ Сѣверной Пчелѣ, а также будутъ разруганы въ Сынѣ Отечества: Полев(ой), Булг(аринъ) и Гречъ составляютъ теперь одно созвѣздіе. Ты не можешь представить, до чего ужъ дошла наша литература. Напримѣръ, Булг(аринъ) начинаетъ свою критику тѣмъ, что повѣсти мои, первыя, понравились публикѣ не изяществомъ, не приближеньемъ къ натурѣ, а содержаніемъ, которое я черпаю.... Впрочемъ прилагаю здѣсь С(ѣверную) Пчелу: ты увидишь, какъ его подлая душа хочетъ перевесть литератур(ный) вопросъ на другую почву и обвиняетъ меня въ *юной* Фр(анціи) и *юной*-Герм(аніи). Клеветникъ не понимаетъ или, лучше, не хочетъ понимать, что мы любимъ Россію больше его, что наше сердце не такъ скоро приметъ эти юныя мнѣнія, какъ его сердце: вѣдь, ему стоитъ дать лишь рубль, такъ онъ пойдетъ въ лакеи къ Франціи, Англіи, Германіи и кому угодно. Гречъ читаетъ публич(ныя) лекціи о языкѣ [2]); на нихъ стекается много публики, потому что мин(истръ) просв(ѣщенія) бываетъ тамъ каждый разъ. Вотъ тебѣ и Греча фраза: «тотъ самый лжеисторикъ Русс(кой) литературы въ чужихъ

[1]) Ѳ. И. Тютчевъ служилъ тогда въ Мюнхенѣ. П. Б.

[2]) Н. И. Гречъ началъ свои чтенія о Русскомъ языкѣ 1-го Декабря. Слушателей на первомъ чтеніи было до трехъ сотъ человѣкъ, „а въ томъ числѣ нѣкоторые изъ первостепенныхъ сановниковъ, академики, литераторы и любители Русскаго слова изъ высшаго общества". На второмъ чтеніи, бывшемъ 8 Декабря, присутствовалъ министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ (см. Сѣверная Пчела 1839 года, №№ 276 и 283).

краяхъ, который ославилъ Ломоносова пьяницей, утверждаетъ въ своемъ пасквилѣ, что Карамзинъ, въ Путешествіи своемъ, не понималъ тогдашнихъ великихъ вопросовъ и движеній времени [1]). Понималъ и очень понималъ! Онъ не поддавался на удочку якобинизма и проч.; онъ не зналъ, до конца своей жизни, той величественной отваги, съ какою невѣжество и дерзость, неопытность и самонадѣянность толкуютъ и проч.». Это неудивительно, что Гречъ и Булгаринъ таковы. Съ ними нечего дѣлать; но мнѣніе, какъ мнѣніе-то развратилось, что можно клеветать, доносить ложь на людей публично и не бояться, что отворотятся отъ васъ или всѣ разомъ плюнутъ на васъ, и отъ этого огромнаго плевка рожа ваша своротится на сторону?! Я, разумѣется, пострадалъ за ваши грѣхи. Во мнѣ Бул(гаринъ) видитъ стараго врага Шевырева, новаго Мельгунова и новѣйшаго Краевскаго.

Отеч(ественныя) Записки улучшаются съ каждымъ номеромъ и завоевываютъ мнѣніе. Выписали Бѣлинскаго. Вотъ ужъ онъ въ двухъ статьяхъ такую околесную напуталъ, что я счелъ за долгъ писать Краевскому. От(ечественныя) Записки надо поддерживать. Это одинъ совѣстливый журналъ, одинъ, который еще можетъ защитить благород(наго) человѣка. Впрочемъ я здѣсь немного какъ будто сержусь на Булг(арина), а, правду сказать, не осердился: меня подбиваютъ другіе сердиться. Мнѣ самому кажется, что его клевета пройдетъ безъ всякаго вниманія. Кто ее послушаетъ? Онъ, говорятъ, у всѣхъ потерялъ всякое довѣріе; а чтобъ утѣшиться отъ его критикъ, у меня есть чѣмъ: Окулова [2]) пишетъ, что Государыня изволила читать мои повѣсти, что ей понравились, что она давала ихъ В(еликой) Кн(ягинѣ) Маріи Николаевнѣ. В(еликая) К(нягиня) Елена Павловна читала также. Представь, Булгаринъ объявляетъ о полномъ компактномъ изданіи его сочиненій и говоритъ: «*мой портретъ*, чрезвычайно схожій, гравируется въ Англіи лучшимъ художникомъ». Ей Богу, умора! *Мой портретъ*! Этого еще не бывало и у Готтентотовъ, чтобъ кто-нибудь предлагалъ угостить публику своимъ чрезвычайно схожимъ портретомъ [3]). Впрочемъ, можетъ быть, онъ красавецъ: я, слава Богу, никогда его не видалъ. Впрочемъ, полно о немъ. Гадко, что голова и душа могутъ заниматься такъ долго такими мелочами жизни. Лучше скажу тебѣ, что на дняхъ, по милости лит(ературы), я получилъ такое на-

---

[1]) См. эту фразу въ Чтеніяхъ о Русскомъ языкѣ Н. Греча, ч. 1, стр. 126. Гречъ взялъ ее изъ „Literarische Bilder aus Russland von H. König. Говорится про Н. А. Мельгунова.

[2]) Фрейлина Анна Алексѣевна Окулова.

[3]) Къ подобному же способу зазыва прибѣгалъ въ наши дни одинъ издатель, тоже Польскаго происхожденія. П. Б.

слажденіе чистое, что безъ всякаго преувеличенія перенесся въ неразочарованные годы, снова повѣрилъ всему прекрасному: вся наша огромная Россія предстала мнѣ населенная кое-гдѣ теплыми душами, которыя въ глуши, въ тѣни, невѣжества питаютъ насъ и отъ насъ получаютъ свои мысли и чувства. Заѣзжаю въ лавку Полеваго взять журналы. Вмѣстѣ съ ними подаютъ мнѣ письмо, адресованное изъ Ефремова для передачи мнѣ. Письмо не подписано. Какая-то незнакомка пишетъ, что осталась сиротой, долго была жертвой нищеты; наконецъ одна старушка призрѣла ее, узнавъ, что она проис(ходитъ) отъ чест(ныхъ) и благород(ныхъ) родителей. Тутъ она получила страсть къ чтенію, которое ограничивалось сначала священ(ными) книгами, какъ вдругъ какимъ-то чудомъ попались ей мои первыя повѣсти. Это вдругъ преобразило ее,—тутъ описываетъ перемѣну свою, что она лучше полюбила Бога, лучше узнала себя и лучше полюбила своихъ братьевъ-людей. Замѣтьте, С(тепанъ) П(етровичъ), вліяніе нашихъ поповѣстей: стало быть, онѣ изящны, если впечатлѣніе ихъ нравственно. Наконецъ, говоритъ незнакомка, попался мнѣ листокъ, гдѣ я увидѣла опять знакомое имя, т. е. мое. Просить свою благодѣтельницу купить новыя повѣсти нельзя: «не пойметъ меня»; а потому рѣшилась отнестись ко мнѣ. Называетъ меня своимъ благодѣтелемъ, своимъ учителемъ и благодаритъ за вторую жизнь. Какъ написано это письмо, такъ, право нельзя читать безъ чувства! Разумѣется, мое чувство растрогано самолюбіемъ; ну да другіе, не я, согласны въ этомъ. Есть много ошибокъ въ правописаніи; но столько, истины, такъ просто: въ письмѣ на четырехъ стр(аницахъ) попалось только два книжныхъ выраженія. Признаюсь, эта незнакомка заставила меня такъ сладко задуматься, что я спросилъ у себя: не лучше ли я, чѣмъ воображаю, т. е. душа моя, а не талантъ? По нѣкоторымъ подробностямъ письма видно, что ей только 20 или много 21 годъ; надо узнать, хороша ли она? Начавъ читать письмо, я думалъ: а, хвалитъ первыя повѣсти, такъ въ концѣ, вѣроятно, проситъ на бѣдность. Кромѣ этого есть и еще письма, хоть похвал(ьныя), но въ другомъ родѣ, отъ другихъ людей. Стало быть, С(тепанъ) П(етровичъ), мы не даромъ пишемъ; стало быть, надо писать. Такъ пиши же, ради Бога, въ мой альманахъ. Мельгуновъ хотѣлъ обо мнѣ писать въ От(ечественныхъ) Запискахъ; теперь это было бы хорошо, ну да отъ него вѣкъ не дождешься ничего. Впрочемъ, онъ такъ безпристрастенъ! Прощай, другъ, долго я болталъ о себѣ; но ты, вѣдь, не свѣтъ. Жена кланяется. Обнимаю тебя. Н. Павловъ.

3.

22 Марта ст. с. 1840. Москва.

Спасибо, другъ, отъ всего сердца за твое послѣднее письмо, гдѣ ты вспомнилъ о насъ въ Новый годъ. И мы помнимъ тебя, очень помнимъ. Я истинно жду-не дождусь тебя. Теперь ты съ своими. Долго же былъ безъ нихъ. Вотъ что значитъ трудъ! То ли мы лѣнивцы? У насъ всегда жена возлѣ, а сынъ на глазахъ. Перейдемъ отъ нѣжности къ дѣлу. Денегъ 3000 ру(блей) ас(сигнаціями) я вчерашній день перевелъ тебѣ черезъ Петербургъ. Ценкеръ предложилъ мнѣ такой низкій курсъ, что я, соблюдая твои выгоды, возроптал ъ, вознегодовалъ и бросился искать средства другаго. Къ счастью, понадобились деньги Юнкеру; я ему отдалъ, а онъ написалъ въ Петерб(ургъ) къ брату, чтобъ тотъ купилъ на биржѣ вексель и отправилъ къ тебѣ въ самый день полученія письма. Онъ увѣрилъ меня, что такимъ образомъ ты даже скорѣе получишь; впрочемъ, если и опоздаетъ вексель дня три-четыре, я полагалъ, что это не такая бѣда, чтобъ потерять 100, а можетъ быть и 150 ру(блей). Юнкеръ не возметъ съ меня ничего за коммиссію. Я послалъ бы и прежде, да думалъ, что не слѣдуетъ векселю лежать безъ тебя долго на Мюнхенской почтѣ. Вексель будетъ на Парижъ: это всего выгоднѣй. Отъ брата твоего получилъ я 20000 ру(блей) ас(сигнаціями), да отъ Кошелева 800 ру(блей). Процентовъ, о которыхъ ты писалъ, я отъ брата твоего не получалъ, хоть и увѣдомилъ его, что они нужны. Капиталъ твой я, кажется, на дняхъ помѣщу и очень выгодно: по 10%. Такъ какъ деньги не мои, то я не смѣю взять меньше, а такъ какъ не ты самъ даешь, а другой, то и тебѣ не совѣстно взять. Помѣщу ихъ къ Кривцову за поручительствомъ его жены. Дѣла ихъ въ хорошемъ положеніи; его я знаю, и онъ занимаетъ едва ли не для брата, котораго дѣлами управляетъ. Сомнѣнья не можетъ быть никакого. Такимъ образомъ, когда ты получишь отъ брата проценты, то убыль, сдѣланная въ капиталѣ посылкою 3000 ру(блей), вознаградится съ лихвою. Не знаю, какъ еще я улажу съ Кривцо(вы)мъ, но проценты намѣренъ приписать, потому что у тебя есть еще въ виду много полученій: съ Бакунина, который не возвращался еще изъ южныхъ губерній, куда посланъ для продовольствія крестьянъ!!!, съ Данилевскаго, съ брата; слѣдовательно, капиталъ этотъ будетъ цѣлъ. Жилица прожила въ домѣ только 3 мѣсяца, и получено 900 ру(блей). Теперь домъ пустъ; за это ужъ пеняй на Окуловыхъ: если бъ они во-время отказали, то домъ былъ бы отданъ на годъ. Вотъ, другъ, отчетъ тебѣ. Доволенъ ли ты имъ? Дѣла твои, по моему, въ удовлетворительномъ положеніи, а что нѣкоторыя деньги

ты не въ срокъ получилъ, тѣмъ лучше: это впереди. Ахъ, еще надо мнѣ взять съ Погодина чего онъ не доплатилъ; ну да, право, этотъ Погодинъ живетъ въ чужихъ краяхъ [1]).

Въ Журналѣ М(инистерства) Н(ароднаго) П(росвѣщенія) напечатаны извлеченія изъ твоихъ писемъ, гдѣ ты приводишь слова Шеллинга о Гегелевой филос(офіи) [2]). Молодые гегелисты ужасно напали, т. е. на словахъ; подъ предлогомъ, что не слѣдовало писать объ этомъ къ такимъ лицамъ, скрывается у нихъ мысль: какъ можно возражать противъ нашего Далай-Ламы! У насъ здѣсь развелось нѣсколько юношей, изъ которыхъ ни одинъ не прочелъ 10 строкъ Гегеля, но которые вѣруютъ въ него, какъ первые христіане въ Божест(веннаго) Учителя. Ну, да ужъ я же имъ наговорилъ! Помилуйте, господа, вы отвергаете вѣру: «надо дойти до истины путемъ разума»; да почему же вы-то не идете этимъ путемъ? Вѣдь, когда вы, не читавъ Гегеля, утверждаете, что въ немъ истина, чтó вы дѣлаете, какъ не вѣруете? Хомяковъ прочелъ Логику, все помнитъ и безъ всякаго чувства состраданія уничтожаетъ все, чтó попадается ему на пути философіи, и професс(оровъ), и учениковъ. У меня на вечерѣ (у меня Четверги) загонялъ Крюкова [3]) на первомъ положеніи Seyn und Nicht-Seyn. Хомяковъ написалъ нѣсколько прелестныхъ піесъ. Представь, что Краевскій, имѣя нужду въ чернорабочемъ, выписалъ Бѣлинскаго, а тотъ, какъ Москвичъ, заговорилъ тамъ объ идеяхъ. Петербургцы вытаращили глаза, да и пустили козла въ огородъ. Отдѣлалъ же онъ двѣ книжки журнала! Написалъ почти все одинъ, но ужъ чего ни написалъ! Я пришелъ въ ужасъ, отправилъ къ Одоевскому грозно-справедливое письмо, которое, кажется, подѣйствовало, впрочемъ еще не совсѣмъ: въ отвѣтѣ ко мнѣ Краевскій защищаетъ Бѣлин(скаго). Они его еще не разгадали [4]). Чтó дѣлается въ литературѣ! Да пріѣзжай поскорѣй. Полевой завладѣлъ Петерб(ургскою) сценой: его Парашу Сибирячку давали 17

---

[1]) Т. е. на краю Москвы, на Дѣвичьемъ полѣ. П. Б.

[2]) Эти извлеченія изъ писемъ Шевырева къ министру народнаго просвѣщенія изъ Мюнхена отъ 14—26 Октября и 8—20 Ноября 1839 года напечатаны въ XXV томѣ Журнала, отд. IV, стр. 1—14.

[3]) Дмитрія Львовича Крюкова, профессора Римской словесности въ Московскомъ университетѣ.

[4]) На вечерѣ у Свербеева (жившаго на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ нынѣ Столпаковой и Толстой) Т. Н. Грановскій тоже защищалъ уѣхавшаго въ Петербургъ Бѣлинскаго и, въ доказательство его невмѣняемости, разсказалъ, какъ однажды, послѣ долгаго спора съ нимъ, Бѣлинскій вдругъ влѣзъ на столъ и началъ снимать висѣвшую въ углу икону. Чтó ты дѣлаешь? Не тронь: это благословеніе моей матери! Но Бѣлинскій сбросилъ икону на полъ и сталъ топтать ногами. „Собака!“ воскликнулъ послѣ этого разсказа А. С. Хомяковъ и такъ ударилъ кулакомъ по столу, что стаканы съ чаемъ задребезжали (Слышано отъ одного изъ свидѣтелей). П. Б.

разъ къ ряду. Ну да ужъ и піеса! Какъ жена моя стала по-русски писать! Она кланяется тебѣ, Софьѣ Борисовнѣ [1]) и цѣлуетъ твоего сына, о чемъ въ эту минуту и проситъ написать, потому что сидитъ возлѣ меня. Альманахъ мой отложенъ до осени: сбираю матеріалы. Обнимаю тебя и жду. Если тебѣ еще понадобятся деньги, то напиши: къ тому времени, можетъ, чтó получится; но во всякомъ случаѣ я буду знать, какъ распорядиться. Н. Павловъ.

P. S. Не видалъ ли Мельгунова? Жду отъ него отвѣта. Наконецъ перещеголялъ я его аккуратностью.

Изъ долговой ямы.

Въ теченіи многихъ лѣтъ Шевыревъ и Павловъ жили въ Москвѣ, и переписки между ними не было. Шевыревъ работалъ изо всѣхъ силъ (лекціи въ Университетѣ, статьи въ Москвитянинѣ, исторія Русской древней словесности и пр.); а Павловъ, разбогатѣвъ женитьбою, предался всяческому комфорту и карточной игрѣ. Супруга его и ея отецъ пожаловались на него графу Закревскому. Павловъ заключенъ былъ въ Московскую долговую яму близъ Иверской часовни („мужа мамзель Янишъ въ яму посадила") и за тѣмъ самоуправно высланъ въ Пермь, подъ предлогомъ найденныхъ у него запрещенныхъ книгъ. П. Б.

4.

Я изнемогаю и тѣломъ, и душой. Сегодня еще меня спрашивали по новой бумагѣ моего тестя [2]). Все вздоръ, но меня приводитъ въ ужасъ это отсутствіе всякаго человѣческаго чувства въ моемъ семействѣ. И сынъ мой понимаетъ [3]). Суди, какъ тяжко должно быть мнѣ. Я чувствую, что нахожусь передъ какой-нибудь болѣзнью. Еслибъ тесть могъ сдѣлать, чтобы меня сослали въ каторжную работу, то былъ бы очень радъ. Теперь слѣдствіе окончено, и я слышу, что поговариваютъ, что здѣсь не мѣсто содержаться. Выбираютъ части. Это мой конецъ: тогда простите друзья!—Неужели Хомяковъ не писалъ обо мнѣ Блудовой? [4]) Неужели Веневитиновъ [5]) не можетъ черезъ Вьельгорскаго [6]) выхлопотать письмо отъ Марьи Николаевны? Неужели Черт-

[1]) Жена С. П. Шевырева, ур. Зеленская.

[2]) Скопидома К. К. Яниша, имѣніями котораго Павловъ, женившійся вторымъ бракомъ на его единственной дочери, управлялъ по довѣренности. Тутъ столкнулись бережливость и роскошь. П. Б.

[3]) Единственный сынъ, Ипполитъ Николаевичъ, въ то время малолѣтній. П. Б.

[4]) Графинѣ Антонинѣ Димитріевнѣ, знакомство которой съ Хомяковымъ началось съ 1849 года, когда Государь пріѣхалъ въ Москву на освященіе Кремлевскаго дворца. П. Б.

[5]) Членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ Алексѣй Владим. Веневитиновъ.

[6]) Графъ Михаилъ Юрьевичъ Вьельгорскій, оберъ-шенкъ и членъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній.

ковъ [1]) не можетъ попросить Ермолова? [2]) Я правды добьюсь, да до тѣхъ поръ меня уморятъ. Нѣтъ, господа, еслибъ кто изъ васъ попалъ подъ такое гоненіе, я бы поднялъ всѣхъ святыхъ на ноги. Ты, я думаю, въ этомъ увѣренъ. Полуденскій [3]) у меня еще не былъ. Вѣроятно, я уже исключенъ. — Сижу и повторяю себѣ: за что? за что? Дѣло о книгахъ и о письмѣ пойдетъ въ Петербургъ. Какъ представятъ, такъ и будетъ. Надо бы и тамъ замолвить словечко. Повѣрьте, что мое дѣло—всѣмъ дѣло общее, всѣмъ, кто хоть на волосъ любитъ правду.

Изъ Перми въ Москву.

5.

24 Апрѣля (1853) Пермь.

Я только вчера пріѣхалъ; труденъ и горекъ былъ мой путь. Свѣтло-Христово Воскресеніе встрѣтилъ я, увязшій въ грязи, окруженный Чувашами, которые не знали, кто Христосъ.

Но
Къ чему разсказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы?

Въ Перми я не нашелъ письма́ ни отъ кого, даже отъ сына, и вотъ второй день хожу, какъ шальной, то на почту, то съ почты. Богъ далъ мнѣ любящее сердце, и это составляло до сихъ поръ мое счастіе. Теперь эта способность любить есть причина такихъ душевныхъ страданій, что я даже о нихъ понятія не имѣлъ. Я оторванъ отъ всего, къ чему привыкъ, что́ люблю, и даже цѣлый мѣсяцъ не имѣю ни о комъ извѣстія. Страшно сказать, что́ я чувствую. Удивляюсь, какъ здоровье переноситъ все.

Пиши мнѣ ради Бога. Поклонись Софьѣ Борисовнѣ и увѣдомь о ея здоровьѣ. Въ Москвѣ холера; что дѣлается со всѣми съ вами, съ кѣмъ я проводилъ всю жизнь? Не ослабѣвай въ твоемъ участіи и дѣйствуй, сколько можно. Здѣсь прилагаю я оффиціальное письмо. Если мои или, лучше ничьи [4]) (ибо у нихъ къ человѣку нѣтъ никакого сочувствія) дадутъ за вещи, кромѣ книгъ, двѣ или даже полторы тысячи серебромъ, то возьми. Богъ съ ними, пусть обсчитываютъ меня! Мнѣ надо запасаться деньгами. Если мое изгнаніе продолжится, то кости мои лягутъ въ Пермской землѣ; ибо того, что́ я чувствую, нельзя выносить долго. Будь здоровъ. Н. Павловъ.

---

[1]) Александръ Дмитріевичъ, предсѣдатель Московскаго Общ. Исторіи и Древностей.
[2]) Алексѣя Петровича. Сынъ Ермолова женатъ былъ на дочери Черткова. П. Б.
[3]) Сергѣй Петровичъ Полуденскій, библіотекарь Московского университета.
[4]) Т. е. жена, тесть и теща. П. Б.

P. S. Ради Бога справься по каталогу Смирдина, что́ есть печатнаго о Пермской губерніи, возьми у Базунова на мой счетъ и вышли съ первой почтой. Писать ко мнѣ можно легко. Что́ мой сынъ?

6.

Милостивый государь Степанъ Петровичъ.

Я представилъ чрезъ господина подполковника Бакунина его сіятельству Московскому военному генералъ-губернатору списокъ нѣкоторыхъ вещей изъ принадлежащихъ мнѣ, оставшихся въ домѣ тестя моего, статскаго совѣтника Яниша. Покорнѣйше прошу васъ эти вещи продать и вырученныя деньги переслать ко мнѣ, по жительству моему, въ городъ Пермь.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Н. Павловъ.

24 Апрѣля 1853 года.

Два стихотворенія *).

Что̀ домовъ, что̀ колоколенъ
Въ безпорядочной Москвѣ!
Вижу, коршунъ вьется воленъ
Въ лучезарной синевѣ.
Утро зимнее прелестно!
Слышу благовѣстъ церквей.
Отъ чего же сердцу тѣсно
У окна тюрьмы моей?
Иль ея четыре стѣны
Возбудили прежній пылъ?
Нѣтъ, свобода, даръ безцѣнный,
Я давно къ тебѣ остылъ.
Ты являлася межъ нами
Въ человѣческихъ чертахъ,
А живешь за облаками,
Въ неизвѣданныхъ странахъ.
Но за тьмою этихъ зданій,

---

*) Это и слѣдующее стихотвореніе написаны Павловымъ во время его нахожденія подъ арестомъ и въ ссылкѣ. — Были еще и другіе стихи, въ которыхъ онъ сравниваетъ себя съ Наполеономъ III-мъ:

Онъ вытерпѣлъ всю горечь срама,
Насилье, по міру трезвонъ
И, посидѣвъ въ заклепахъ Гама,
Сѣлъ на Французскій тронъ...
Онъ даже герцогиню Теба
Въ порфиру нарядилъ.
А я....

Въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ Н. Ф. Павловъ умѣлъ сохранять не только бодрость, но и веселость духа. Даровитость его была удивительная, и подъ ея обаяніемъ находились всѣ, съ кѣмъ онъ ни сближался. П. Б.

Этихъ улицъ безъ конца,
Есть предметъ моихъ страданій—
Сынъ далекій отъ отца.
Но зачѣмъ на эту груду
Безобразную домовъ,
Гдѣ напрасно отовсюду
Блещетъ золото крестовъ,
Изъ чистѣйшаго эфира
Солнце шлетъ лучи свои,
Съ лона благости и мира,
Съ неба правды и любви?

*

Въ тебѣ, столица скучная,
Временъ былыхъ завѣтъ,
Къ неправдѣ равнодушная,
Какъ солнца вѣчный свѣтъ;
Въ твои жилища скромныя,
Широкой Руси мать,
Умѣлъ я бури темныя
Со всѣхъ концовъ скликать.
Не я жъ одинъ подъ тучею
Удары принималъ:
Ея стрѣлою жгучею
Никто, сраженъ, не палъ.
И съ силою упорною
Въ неправедномъ бою,
Теперь подъ злобой черною
Опять одинъ стою.

7.

9 Мая 1853. Пермь.

Любезный другъ Степанъ Петровичъ, я къ тебѣ уже писалъ, но отъ тебя нѣтъ еще ни строки. Помни, что мнѣ одно занятіе здѣсь: Московскія письма.

Со мною обходятся чрезвычайно хорошо. Губернаторъ славный старикъ [1]). Я у него очень часто обѣдаю. Встрѣтилъ здѣсь давнишняго знакомаго, Вердеревскаго [2]), который впрочемъ уѣхалъ. Онъ давалъ мнѣ обѣдъ, на которомъ племянникъ его пѣлъ мой романсъ и сказывалъ, какъ они въ Лицеѣ прятали подъ подушки мои повѣсти и проч(ее). Но мнѣ грустно, глубоко грустно: такъ сильно, такъ сильно

---

[1]) Тайный совѣтникъ Илья Ивановичъ Огаревъ.

[2]) Вердеревскій, Василій Евграфовичъ, былъ предсѣдателемъ Казенной Палаты.

оскорблена душа! Живу на постояломъ дворѣ, за неимѣніемъ гостиницъ, въ одной комнатѣ, и не чувствую нисколько ни малѣйшаго неудобства, хотя всѣ уговариваютъ нанять квартиру. Написалъ два листа Слѣпого, но не могу продолжать. Мысль, гдѣ я и что̀ со мной дѣлается, безпрестанно вертится въ головѣ. Читать также не могу, потому что начинаютъ сильно болѣть глаза, а здѣсь нѣтъ даже и глазнаго доктора. Можетъ-быть, за мои нетяжкія прегрѣшенія придется быть нищимъ и ослѣпнуть. На такую ли я будущность имѣлъ право? Еслибъ голосъ мой могъ только дойти до Государя, онъ вѣрно бы оказалъ милосердіе: ибо онъ милостивъ, ибо онъ хотѣлъ наказать меня, а не погубить вмѣстѣ съ сыномъ. Наказанъ я уже довольно. Прилагаю здѣсь стихи: они вылились изъ души; я ихъ послалъ къ Хомякову, но онъ уже не въ деревнѣ ли? Если такъ, то перешли къ нему [1]). Здѣсь письма въ Москву лежатъ по недѣлѣ, дожидаясь (почты) Сибирской, которая опаздываетъ за рѣками. Неужели графу Закревс(кому) не стало еще меня жаль, и неужели онъ до сихъ поръ не удостовѣрился, какимъ людямъ далъ вѣру? Пишу съ этой почтой къ Веневитинову, но уже ни на что и ни на кого не надѣюсь. Одно только мнѣ полезно въ моемъ дѣлѣ: я лучше узналъ себя и получилъ къ себѣ больше уваженія. Сына моего везутъ въ Дерптъ, къ Нѣмцамъ; каково моему сердцу?

Поблагодари Погодина за Москвитянина, котораго я вчера получилъ. Правда ли, что Н(иколай) Александровичъ [2]) долженъ пріѣхать? Удивительно, какой я сталъ сердечкинъ: мнѣ ничего не надо кромѣ людей, которыхъ я люблю и къ которымъ привыкъ. Истинно такъ. Только это одно лишеніе и чувствую. Благодарю Бога изъ глубины души, что Онъ одарилъ меня способностью любить: она заставляетъ меня много страдать, да всѣ эти страданія какъ-то возвышаютъ человѣка въ его собственныхъ глазахъ. Пиши мнѣ на мое имя просто въ Пермь: письмо дойдетъ безъ всякихъ затрудненій. Здѣсь люди добрые и на меня смотрятъ нежестоко; затруднительно мнѣ, что дѣлаютъ тьму приглашеній, хотя общество самое маленькое. Что̀ мои вещи? Что̀ прыганье столовъ [3])? Что̀ твои занятія? Какія для меня надежды? Какъ здоровье Софьи Борисовны? Не забывай меня: я тебя очень люблю. Н. П(авловъ).

Не дастъ ли мнѣ кто совѣта что̀ дѣлать, чтобъ выйти изъ моего положенія?

---

[1]) Эти стихи на день рожденія А. С. Хомякова были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1877 года. П Б.

[2]) Мельгуновъ.

[3]) Въ это время Москва сильно занималась верченьемъ столовъ, противъ чего возсталъ митрополитъ Филаретъ.

8.

18 Іюня 1853. Пермь.

Любезный другъ Степанъ Петровичъ, что̀ это значитъ? До сихъ поръ я отъ тебя не получилъ ни одной строки, а писалъ къ тебѣ нѣсколько писемъ, твердо полагая, что тебѣ хочется знать, что̀ со мной дѣлается. Ко мнѣ всѣ писали, и многіе пишутъ, одинъ ты ни слова. Это мнѣ очень грустно, грустнѣе, чѣмъ ты воображаешь. Не могу только понять причины. Даже Венев(итиновъ) изъ Петер(бурга) писалъ. Я сначала испугался, думалъ, что или ты или Софья Борисовна, кто нибудь изъ васъ нездоровъ, но читалъ твои стихи на обѣдѣ Щепкина [1]) и на этотъ счетъ успокоился. Со мною здѣсь поступаютъ очень хорошо, но мнѣ-то здѣсь очень дурно, потому что болятъ глаза и нѣтъ доктора, потому что нервы въ большомъ раздраженіи и потому что сынъ мой, его будущность, а также и моя, тревожатъ сильно. Да что̀ объ этомъ говорить! Когда-то кончатся мои страданья? Ты, я думаю, слышалъ, что тесть мой умеръ холерой въ Петербургѣ. Странная судьба постигла его: наканунѣ похоронъ теща моя, которая такъ любила мужа, и дочь его, испуганныя, уѣхали въ Дерптъ; а прахъ его отданъ былъ на произволъ трактирнаго слуги, который заѣхалъ съ нимъ не въ ту церковь и только въ 12 часовъ ночи, черезъ генерала Рёрберга [2]), родственника моей жены, помѣстили его въ церковь; на другой день явились туда родные; ждали вдовы и дочери, но не дождались. Эта смерть производитъ нѣкоторую перемѣну въ моихъ обстоятельствахъ, почему я и писалъ къ графу Закревс(кому), но не знаю, какая будетъ судьба моего письма. Будь здоровъ, скажи мое искреннее почтеніе Софьѣ Борисовнѣ. Буду ли же я имѣть отвѣтъ отъ тебя?
Н. Пав(ловъ).

9.

23 Іюля 1853. Пермь.

Вчера я получилъ твое письмо, любезный другъ Степанъ Петровичъ, и очень обрадовался ему; а какъ обрадовался, ты не можешь понять, ибо для такого пониманія ни воображеніе, ни ученость недостаточны. Надо быть на моемъ мѣстѣ, чтобъ уяснить себѣ мое чув-

---

[1]) Стихи были произнесены С. П. Шевыревымъ на прощальномъ обѣдѣ Щепкину, описаніе котораго напечатано въ Москвитянинѣ 1853 г., т. III, № 10, Современныя Московскія Извѣстія, стр. 43—50. Вотъ начало этихъ стиховъ:

Московской сцены честь и слава,
Комедій Русскихъ красота!
Сердечный смѣхъ—твоя держава,
Игра—природы простота.

[2]) Инженеръ генералъ-лейтенантъ Ѳедоръ Ивановичъ Рёрбергъ.

ство. Твое долгое молчаніе было причиною для меня разныхъ мыслей. Между прочимъ я уже думалъ, не боишься ли ты писать ко мнѣ. Мы, кажется, не имѣли да и не имѣемъ ничего предосудительнаго сказать другъ другу; потомъ, ко мнѣ пишутъ всѣ и отовсюду. Недоставало тебя, и это было мнѣ горько, непостижимо. Благодарю, другъ, за то, что вспоминаешь обо мнѣ утромъ и вечеромъ; благодарю Софью Борисовну за ея теплое участіе. Очень, очень радъ, что вы всѣ здоровы.

30 Іюля.

Я былъ нездоровъ, да и теперь не поправился. Здѣсь холера, и я чувствую разстройство желудка, только въ противномъ родѣ, чѣмъ эта болѣзнь. Впрочемъ, во мнѣ начинаетъ обнаруживаться важный недугъ. Нельзя такимъ страданіямъ пройти даромъ, и пульсъ началъ биться неправильно: иногда послѣ четырехъ, иногда послѣ десяти, а иногда послѣ одного или двухъ біеній бываетъ промежутокъ. Здѣшніе доктора говорятъ, что это отъ нервнаго раздраженія. Нервы въ адскомъ состояніи, это правда; только правда ли, что они причиною явленія?

О какой службѣ, другъ, ты говоришь? Право на нея у меня не отнято, ибо я не исключенъ, а уволенъ, и какъ скоро получу прощеніе, такъ тотчасъ и могу войти въ службу. Неужели служить въ Перми? Да вѣдь это значитъ принять здѣсь осѣдлость; и какія это дастъ средства для жизни, не понимаю. Писцомъ въ Губернское Правленіе, безъ жалованія! Помилуй, Степанъ Петровичъ! Неужели трудно понять, чтò мнѣ нужно? Нужно мнѣ найти дорогу къ милосердію. Поэтому прошу тебя и прошу всѣхъ не сердиться на то, чтò я скажу. Ради Бога, не подавайте мнѣ никакихъ совѣтовъ: я въ нихъ рѣшительно не имѣю надобности. Моя нужда состоитъ въ помощи, въ помощи проложить дорогу къ милосердію. Кто можетъ, пусть пособитъ дѣятельнымъ участіемъ; кто не можетъ, дѣлать нечего. Графа Закревскаго я просить ни о чемъ не могу, а просить о томъ, чтобъ жена опредѣлила мнѣ содержаніе, никого не буду: я потребую отъ нея, чтобъ она взяла свое, а мое отдала мнѣ, и она это сдѣлаетъ, когда я буду свободенъ. Впрочемъ, это второстепенный вопросъ; главное то, что я разлученъ съ сыномъ и что я не могу существовать безъ людей, которыхъ люблю. Здѣсь я узналъ себя вполнѣ. Богъ далъ мнѣ любящее сердце. Оно доставило мнѣ много радостей въ жизни, за то — теперь много и мученій.

Илья Ивановичъ*) помнитъ и твоего батюшку, и дядю, и васъ всѣхъ. Тебѣ кланяется. Онъ такъ внимателенъ ко мнѣ, что часто бы-

*) Губернаторъ Огаревъ.

ваетъ у меня и сердится, когда я не обѣдаю у него. Онъ писалъ уже давно обо мнѣ къ графу Закревс(кому), который отвѣчалъ, что со всѣмъ желаніемъ сдѣлать ему угодное и быть мнѣ полезнымъ не можетъ ходатайствовать по недавнему времени. Письмо писано было еще въ Іюнѣ. Я страдаю уже почти 8 мѣсяц(евъ), не ропщу на свою судьбу, но тяжело, очень тяжело. Сынъ совершенно одинокъ, въ дѣлахъ путаница, процессъ я проиграю. Не понимаю, что̀ будетъ. Кошелевъ [1]) въ письмѣ своемъ спрашивалъ у меня, есть ли Евангеліе, а то пришлетъ. Не только Евангеліе, но и вся Библія со мной; но вопросъ показался мнѣ страненъ. Что̀ бы сказалъ онъ, если бъ я въ то время, какъ онъ былъ въ отчаянномъ положеніи [2]), когда, проходивъ насквозь ночь, подошелъ къ зеркалу посмотрѣть, не посѣдѣлъ ли, когда не зналъ, ему ли принадлежитъ рубашка на его тѣлѣ,—что̀ если бъ я утромъ предложилъ ему вопросъ: есть ли у него Псалтырь? Какъ великія, святыя истины, не глубоко прочувствованныя и не ясно понятыя, ведутъ иногда къ смѣшнымъ и жестокимъ вопросамъ! Я его просилъ не заботиться о моей душѣ: Hab' selber Seele genug [3]).

Адресуй мнѣ просто въ Пермь, какъ всѣ ко мнѣ пишутъ. Говори мнѣ о своемъ семействѣ. Это мнѣ покажетъ, что ты меня помнишь и любишь, а это мнѣ очень нужно. Ты не можешь себѣ представить, какъ я былъ огорченъ твоимъ молчаніемъ. Ужъ не Иванъ ли Мих(айловичъ) [4]) сказалъ тебѣ, что ко мнѣ писать нельзя? Если бъ гр(афъ) Закр(евскій) захотѣлъ меня спасти, онъ легко бы могъ это сдѣлать; а не мѣшало бы ему снять грѣхъ съ своей души. Я на него нисколько не сѣтую: онъ былъ увлеченъ обстоятельствами; но пора бы съ ясностію спокойствія взглянуть на мое дѣло. Наказаніе мое, право, сравнялось съ моей виной, а если бъ дошло только до Государя, то онъ такъ милостивъ, что вѣрно бы помиловалъ меня.

Я живу только перепиской, т. е. получаю письма и пишу ихъ. Собралъ кое-какія свѣдѣнія для двухъ статей, да нездоровье и разстройство духа мѣшаютъ писать. Съ чего ты взялъ, другъ, думать, что для литературныхъ занятій надо позволеніе? Такое же, какъ и всѣмъ. А если и попросить его, такъ оно не воспретится. Если бъ я написалъ статью, я бы точно также могъ ее отправить въ цензуру или въ Петер(бургъ), какъ и всякій другой. Это все Московскія мысли. Богу-

---

[1]) Александръ Ивановичъ Кошелевъ, общественный и государственный дѣятель.

[2]) Дѣла по откупамъ, которые держалъ А. И. Кошелевъ, однажды до того запутались, что ему грозило полное разореніе. Объ этомъ неоднократно онъ разсказывалъ намъ. Въ І-й книгѣ „Р. Архива“ 1894 г. см. письмо его къ Н. Ф. Павлову.

[3]) У меня у самаго довольно души.

[4]) Снегиревъ? П. Б.

славскому говорили о вещахъ не кредиторы, а кредиторъ. Пожалуйста, не безпокойся о деньгахъ для Ницманъ [1]). Если не умру здѣсь, то заплачу, только бъ исходатайствовать прощеніе. Пожалуйста, ради Бога, пиши, только не говори о службѣ въ Перми. Поцѣлуй ручку у Софіи Борисовны. Я служить очень радъ, желаю и тотчасъ по возвращеніи отсюда буду ее искать. Н. Пав(ловъ).

Правда ли, что Погодинъ въ чужихъ краяхъ? Здѣсь былъ проѣздомъ Карамзинъ [2]), остался одинъ день и тотчасъ отыскалъ меня. На счетъ общаго вниманія, участія и уваженія я доволенъ добрыми людьми.

P. S. Передъ глазами у меня летаютъ черныя мухи, и это отъ нервъ.

10.

6 Августа 1853. Пермь.

Наконецъ, любезный другъ, здоровье мое не устояло. Біеніе пульса, какъ я уже тебѣ писалъ, сдѣлалось перемежающееся: одного біенія постоянно недостаетъ послѣ нѣсколькихъ. Это дѣлается не однообразно, но дѣлается уже болѣе десяти дней; по крайней мѣрѣ замѣчено это явленіе не прежде. Доктора хотѣли пустить мнѣ кровь, но я не согласился, и вотъ почему: они приписываютъ остановки пульса душевному разстройству, которое я самъ чувствую и знаю, что все произошло отъ него, а кровопусканіе должно ослабить нервы. Къ тому же языкъ у меня скверный и, несмотря на то, что здѣсь холера, я долженъ былъ принять слабительное; оно помогло на день, а теперь опять тоже. Il me paraît que c'est le commencement de la fin [3]). Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть сына, а какъ сдѣлать, не знаю: ибо вѣдь ничему не повѣрятъ, а если и повѣрятъ, то кому нужна моя жизнь? Нервное раздраженіе такъ сильно, что я жду почты съ какимъ-то судорожнымъ нетерпѣньемъ и, получивъ письма, боюсь ихъ распечатывать. Вѣдь это все я обсуживаю, вижу, до какой степени гадко и слабо. Доктора все совѣтуютъ мнѣ успокоиться, не зная, что я уже восемь мѣсяцевъ безпокоюсь и слѣдовательно сдѣлалъ привычку къ этому состоянію. Ипполитъ, Ипполитъ, видѣть бы хоть его! Вспомните ли вы меня? Вѣдь, я тебя очень люблю, Степанъ Петровичъ; ты, можетъ быть, и самъ не знаешь этого. Впрочемъ, авось еще и не умру, а немного похоже. Прости, другъ, будь здоровъ. Впрочемъ доктора не настаиваютъ *на кровопусканьѣ*. Одинъ далъ было эту мысль.

---

[1]) Ницманъ былъ женатъ на одной изъ сестеръ супруги С. П. Шевырева. П. Б.

[2]) Владимиръ Николаевичъ, женатый на Александрѣ Ильиничнѣ Дука.

[3]) Мнѣ кажется, что это начало конца.

11.

27 Августа 1853. Пермь.

Я сейчасъ получилъ твое письмо. Оно меня очень обрадовало не буквою, а духомъ. Хорошій ты человѣкъ, Степанъ Петровичъ, и я горжусь тѣмъ, что, можетъ быть, знаю это лучше всѣхъ. Очень меня огорчило нездоровье Софьи Борисовны; но надѣюсь, что она теперь совершенно поправилась. Понимаю твой испугъ. Но каковъ вчера былъ здѣсь испугъ мужа, страстно и нѣжно любящаго свою жену? Здѣсь есть нѣкто Костливцевъ *), управляющій Палатою государс(твенныхъ) имуществъ, славный человѣкъ. У него жена выкинула... Вчера доктора, т. е. коновалы, прописали ей чрезвычайно сильную примочку на подложечку, и мужъ вмѣсто микстуры далъ ей двѣ ложки этой примочки. Она тотчасъ почувствовала, что лѣкарство не то. Надо было видѣть его, какъ онъ выскочилъ изъ ея спальни: чтò твой Гамлетъ, преслѣдуемый тѣнью отца! Доктора, бывшіе тутъ, остолбенѣли. Къ счастію, въ туже минуту поднялась рвота у больной, и едва ли не вся прямочка была извергнута натурой. Я этихъ людей очень люблю: у нихъ мнѣ пріютъ. Слава Богу, сегодня Костливцевой гораздо лучше. Ужъ не ошибка ли помогла?

Позволь узнать, съ чего ты взялъ, что я самъ считаю свой пульсъ? Его щупаютъ и щупали доктора, а не я. Мнѣ хотѣли, какъ я писалъ къ тебѣ, пустить кровь; я не согласился, но наконецъ принужденъ былъ поставить піявки. Отъ піявокъ пульсъ сдѣлался не такъ медленъ, не такъ угнетенъ, но все перемежается, т. е. послѣ двухъ, четырехъ, д(е)сяти, иногда послѣ двадцати, пятидесяти и даже послѣ ста біеній— число не бываетъ однообразно: одного біенія нѣтъ. Доктора приписываютъ это нервамъ, но такъ ли? Впрочемъ, мнѣ слушали сердце и грудь; поврежденія не нашли. Однако, чтò ни говори, это явленіе важно, и на него должно обратить вниманіе; но здѣсь дѣлать нечего, и болѣзнь разовьется безъ помощи. Я не понимаю, любезный другъ, о какой ты твердости говоришь; чтò ты отъ меня хочешь? Чтобъ я, читая каждую почту письма моего сына, которыя раздираютъ мою душу, не тревожился? Чтобъ я думалъ спокойно о томъ, что по милости моего пребыванія здѣсь и по милости безумія моихъ близкихъ я и онъ можемъ быть нищими? Я пишу къ должникамъ, они молчатъ: а одинъ кредиторъ прислалъ уже на меня сюда заемное письмо ко взысканію; мнѣ скоро нечѣмъ будетъ здѣсь жить. Я представился Государю Императору не въ моемъ настоящемъ видѣ и заслужилъ его гнѣвъ; я привыкъ къ дѣятельности, а здѣсь лишенъ ея, ибо ни читать, ни писать

*) Сергѣй Александровичъ Костливцевъ.

не могу, потому что болятъ глаза, и лѣчить ихъ некому; наконецъ, здѣсь нѣтъ никого и ничего, чтò нужно для моего сердца и моей мысли. Неужели же послѣ этого можно быть покойнымъ! Это была бы не твердость, было бы равнодушіе, холодность; а я по милости Божіей сохранилъ еще молодость души, которая умѣетъ и радоваться, и страдать. Твердость, которую должно имѣть, я ее имѣю, и въ слабости не упрекну себя. Вы всегда находили меня изнѣженнымъ, привыкшимъ къ роскоши и такимъ человѣкомъ, которому трудно и невозможно отстать отъ привычекъ; а вышло напротивъ. Матеріальныхъ лишеній я вовсе не чувствую, не потому чтобъ боролся съ ними, нисколько, а потому что, видно, они не составляли части меня самого. Пожалуйста, другъ, отбрось мысль о моей службѣ въ Перми. Ты, видно, расположенъ долго не видать меня, а я крѣпко надѣюсь на милосердіе Государя. Здѣсь всѣ власти принимаютъ во мнѣ участіе, ибо успѣли узнать меня. Того, чтó ты совѣтуешь, никто не совѣтуетъ. Я этого не сдѣлаю рѣшительно.

На дняхъ будетъ въ Москву генералъ Влахопуло [1]), начальникъ здѣшняго округа. Онъ меня видѣлъ. Человѣкъ больной, и я ему назвалъ доктора Варвинскаго [2]), который, *надѣюсь*, познакомитъ меня съ нимъ поближе. Влахопуло добръ и внимателенъ. Я тебѣ послалъ письмо съ племянникомъ Прянишникова, Кудрявцовымъ. Пожалуйста поговори непремѣнно съ Хевр(оньей) Ив(ановной) Сушковой, о чемъ я тебя прошу убѣдительно, и не замедли. Поклонись Брусилову отъ всей души; какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть! Жаль мнѣ Гааза [3]), я его очень уважалъ. Ты мнѣ не пишешь, велико ли было стеченіе народа на его похоронахъ. Это любопытно. Вдова племянника Мерзлякова здѣсь, но ничего не знаетъ. Извѣстно, что онъ учился въ Пермскомъ народномъ училищѣ и написалъ оду, о которой ты говоришь; но собрать свѣдѣнія, преданія.... да отъ кого? Здѣсь нѣтъ ни памяти, ни любопытства. И то, чтò я пишу, сказано мнѣ его дяд(ею), совѣтникомъ Палаты Казенной, который вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что болѣе ничего не знаетъ. Статьи мои были бъ хороши; да, право, болятъ глаза. Съ трудомъ пишу. Вся нервная система разстроена. Переписка утомляетъ зрѣніе, ибо я получаю и отправляю письма каждую почту. Вотъ почему я надѣюсь на прощеніе. Много было примѣровъ милосердію Государя. Одинъ

[1]) Генералъ-лейтенантъ Константинъ Изотовичъ Влахопуло.

[2]) Іосифъ Васильевичъ Варвинскій былъ профессоромъ гошпитальной терапевтической клиники въ Московскомъ университетѣ.

[3]) Θедоръ Петровичъ Гаазъ, извѣстный филантропъ, скончался въ Москвѣ 16 Августа 1853 года.—Тогда въ Москвѣ говорили: Въ срединѣ Августа погасъ Θедоръ Петровичъ Гаасъ. П. Б.

Селивановъ находился въ Вяткѣ, онъ едва ли не болѣе меня былъ виноватъ, а черезъ шесть мѣсяцевъ былъ прощенъ. Надо только, чтобъ дѣло дошло до Государя, а онъ милостивъ. Но объ Селивановѣ напоминала и хлопотала жена, а хлопоты любящей жены конечно настойвѣе всякихъ дружескихъ хлопотъ. Это мнѣ говорилъ человѣкъ, правившій должность Вятскаго губернатора.

Къ вящшему моему удовольствію, мимо моей квартиры носили ежедневно по нѣскольку гробовъ, ибо холера не шутила здѣсь, но теперь почти проходитъ. Какъ она не поразила меня въ то время, какъ мнѣ ставили піявки—это я приписываю особенной благости Божіей. Я былъ въ страшномъ положеніи. Если бъ только исходатайствовать мнѣ прощеніе, все бы поправилось, состояніе сохранилось; ибо я принялъ бы мѣры, и мѣры надлежащія. Душевныя силы, чувствую, не ослабѣли. Боюсь одного, что здѣсь здоровье разрушится. Пиши ко мнѣ, да поговори Варвинскому.

12.

4 Сентября 1853. Пермь.

Пишу къ тебѣ сегодня, любезный другъ, единственно за тѣмъ, чтобъ поздравить Софью Борисовну и тебя со днемъ ея именинъ. Давно уже не пилъ я вина, но 17 Сентября выпью бокалъ Шампанскаго и перенесусь мысленно въ Дегтярный переулокъ.

Очень меня тревожитъ, что не имѣю давно никакого извѣстія отъ моей матушки. Здорова ли она? Наконецъ сынъ мой пересталъ заниматься одинъ: взяли ему учителей и, кажется, хорошихъ; не къ великой моей радости все дѣлается по нѣмецки, или съ Нѣмецкаго, или на Нѣмецкой. Надо было, чтобъ случилось (это) съ сыномъ отца, который такой охотникъ до Нѣмцевъ! Въ числѣ предметовъ ученія забыты два, конечно, ничтожные: Русскій языкъ и Законъ Божій съ священною исторіей! Ты подумаешь, что я шучу; нѣтъ, говорю истину, не изобрѣтая ни слова. Но вѣдь за то какой-то г. Френкель будетъ обучать физикѣ съ *химіей* и *астрономіей* четырнадцатилѣтняго мальчика, который, не смотря на многія знанія и порядочное развитіе, дѣлаетъ ошибки въ правописаніи. Вѣришь ли, что я не сплю ночи, думая объ этихъ нелѣпостяхъ. Право, не имѣю намѣренія разжалобить тебя, а глаголятъ уста отъ избытка сердца. Положимъ, что нервы мои придираются ко всему, чтобъ найти пищу для раздраженія; но мнѣ кажется, что обстоятельство довольно важно и даетъ мнѣ право на тревогу душевную. Вотъ, если бъ было извѣстно, какъ я желаю создать изъ своего сына Русскаго, то конечно ложное мнѣніе о моемъ вольнодумствѣ исчезло бы съ корнемъ. Будь здоровъ и не забывай Пермяка.

13.

7 Октября 1853. Пермь.

Твое письмо, любезный другъ Степанъ Петровичъ, другъ добрый и истинный, произвело на меня самое благодѣтельное дѣйствіе: на ту минуту, какъ я читалъ его, я помирился съ моимъ положеніемъ, и это положеніе не такъ было тяжело мнѣ, потому что, не будучи въ Перми, я не получилъ бы отъ тебя и такого письма. Но ты отравилъ только его извѣстіемъ, что къ Софьѣ Борисовнѣ возвратился прошлогодній кашель. Отъ чего нельзя принимать на себя недуговъ друга, котораго любишь? Я бы, право, теперь согласился покашлять здѣсь за нее: это бы не прибавило даже моихъ страданій и прошло между ними незамѣтно.

Я въ большой досадѣ на Кудрявцова, что онъ не исполнилъ еще моего порученья 17-го Сентября. Можетъ быть, исполнилъ теперь. Отъ матушки я уже имѣю извѣстіе, и она, слава Богу, здорова. Извѣстіе, которое ты даешь мнѣ о друзьяхъ, что имъ позволено напомнить, очень меня оживило. Да помнятъ ли друзья? Не надобно ли возбудить ихъ собственную память?

Ипполитъ мой учится славно. Въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ дѣлаетъ быстрые успѣхи. Надѣюсь, что его счастливая организація выдетъ невредима изъ круга нелѣпостей, въ которыхъ онъ вращается и которыя понимаетъ. Я уже писалъ ему объ астрономіи, химіи, о несвоевременности этихъ занятій, и о Законѣ Божіемъ съ чтеніемъ Священнаго Писанія, и о Русскомъ языкѣ съ чтеніемъ памятниковъ. Надѣюсь, что онъ своими усиліями и настояніями успѣетъ водворить здравый смыслъ въ свое воспитаніе. Но это можно сдѣлать только силой, и, какъ ты говоришь, убѣжденіемъ, объясненіемъ, мыслію о счастіи сына, доказательствами, взятыми изъ очевидной необходимости,—ахъ, другъ, неужели тебѣ до сихъ поръ неизвѣстно, что дѣйствовать этими средствами въ нашемъ семействѣ есть совершенная матеріальная невозможность? Я имѣлъ вліяніе черезъ воображеніе, черезъ разсудокъ—никогда. Но что̀ объ этомъ говорить? Грустно и тяжело.

Вердеревской пріѣхалъ съ Кавказа, и я ему говорилъ объ автобіографіи. Ты очень занятъ; да когда же ты занятъ не былъ и когда будешь не занятъ? Благодари Бога, что занятіе сдѣлалось необходимой стихіею твоей жизни. Поклонись пожалуйста Брусилову, если онъ пріѣхалъ; да въ какой же деревнѣ онъ? Сегодня я обѣдалъ у именниника, предсѣдателя соединенныхъ палатъ *), гдѣ былъ губернаторъ и всѣ, а

*) У статскаго совѣтника Сергѣя Ивановича Селивачева.

вечеромъ долженъ отправиться на балъ къ предсѣдателю Палаты государс(твенныхъ) имуществъ. Вотъ, это мнѣ тяжело; потому что я въ этихъ собраніяхъ ни на что не нуженъ и никуда не гожусь. Представь, что я открылъ здѣсь преданія объ одномъ докторѣ, который умеръ лѣтъ 16 назадъ. Скажу тебѣ одно: иные до сихъ поръ, проходя мимо его дома, снимаютъ шляпы, или лучше шапки, и говорятъ «дай Богъ царство небесное!» Къ сожалѣнію, докторъ былъ Нѣмецъ. Объ немъ будетъ у меня славная статья. Къ несчастію, все не могу писать, все былъ боленъ, раза два дѣлалось біеніе сердца, и я остерегался всего, что̀ могло волновать. Мнѣ всю грудь изслѣдовали стетоскопомъ и нашли, что органическаго поврежденія нѣтъ; а пульсъ все остается перемежающимся! Впрочемъ, я не наблюдаю его больше. Если нервы причиною, то безпрестанное вниманіе къ такому странному явленію можетъ быть только вредно. Ахъ, когда-то мы увидимся!

14.

24 Ноября 1853. Пермь.

Любезный другъ, Степанъ Петровичъ, я опять забылъ твое рожденіе, но вѣдь тебя-то я помню, въ чемъ ты, конечно, и не сомнѣваешься. Кажется, всѣ мои мысли направлены на воспоминанія, и не могу понять, какимъ образомъ 18-е Ноября не пришло въ голову.

Вердеревской не можетъ до сихъ поръ написать своей автобіографіи, ибо не имѣетъ свободной минуты въ точномъ значеніи слова: у него рекрутскій наборъ и потомъ предсѣдательство Казенной Палаты. Я же не пишу моей автобіографіи отъ того, что надо, кажется, помѣстить свѣдѣнія о всѣхъ сочиненіяхъ, гдѣ они были напечатаны и въ какихъ годахъ, а я ничего не помню. Развѣ время не терпитъ? Мнѣ хотѣлось бы это сдѣлать обстоятельно.

Здѣсь есть нѣкто Сергѣй Александровичъ Костливцевъ, у котораго жена и дѣти. Онъ воспитывался въ Лицеѣ, безукоризненной честности и занимаетъ здѣсь мѣсто предсѣдателя Палаты государственныхъ имуществъ. Не могу тебѣ передать ясно того радушія и участія, какія я нашелъ въ этой семьѣ, подъ ихъ гостепріимнымъ кровомъ. У нихъ жила въ должности гувернантки Француженка, которая теперь отправляется въ болѣе теплую сторону, и слѣдовательно имъ нужна другая. Необходимо, чтобъ она хорошо знала Французской и Нѣмецкой языки и могла бы (хотя это не совершенно необходимо) давать уроки на фортопьянахъ. Съ музыкой они могли бы заплатить 800 рубл. сер., а безъ музыки 700 рубл. Кромѣ этого жалованья гувернантка можетъ имѣть здѣсь уроки Французскому языку, хотя и незначительные. Ко-

стливцевы—люди прекрасные, деликатные; за это я ручаюсь. Прошу тебя, любезный другъ, поговори, справься; ты меня чрезвычайно одолжишь; я считаю долгомъ, святымъ долгомъ, чѣмъ-нибудь услужить Костливцевымъ. Они скоро ѣдутъ въ Петербургъ черезъ Москву; тогда я тебѣ увѣдомлю и попрошу какъ тебя, такъ и Кошелева, повидаться съ ними, чтобъ сказать привѣтливое слово въ благодарность за меня. Твои занятія, разумѣется, не позволятъ тебѣ искать гувернантки, но ты можешь поручить кому-нибудь.

До сихъ поръ здѣсь не было морозовъ выше 7 или 8 градусовъ, а вчера и сегодня почти оттепель. Съ ужасомъ ожидаю я той страшной стужи, которою мнѣ грозятъ. Пульсъ мой продолжаетъ перемежаться. Нервы въ прежнемъ, т. е. скверномъ состояніи. О душевномъ состояніи говорить нечего: все ожидаю и все напрасно. А для сына, для дѣлъ, для моего здоровья каждая минута уноситъ много. Сюда пріѣхалъ князь Радзивилъ *), генералъ въ свитѣ Государя Императора, по случаю набора. Онъ вчера цѣлое утро просидѣлъ у меня и вообще показалъ мнѣ чрезвычайно много вниманія. Проѣхалъ здѣсь и Карамзинъ обратно въ Петербургъ, пробылъ только нѣсколько часовъ, но у меня все таки былъ. Ты замѣчаешь во мнѣ Чадаевскую замашку? Но я, право, упоминаю объ этихъ обстоятельствахъ не изъ суетности или тщеславія, а единственно съ мыслію, что тебѣ будетъ пріятно знать, какъ хорошіе люди внимательны ко мнѣ. К(нязь) Радзивилъ говорилъ здѣсь между прочимъ, что не встрѣчалъ человѣка, у котораго было бъ столько горячихъ друзей, какъ у меня. Я ужъ не знаю, правда ли это. Боже мой, Боже мой, когда же все кончится!

P. S. Напиши мнѣ что-нибудь о Божьемъ мірѣ.

P. S. Вотъ опять воротились ко мнѣ безсонныя ночи. Это страшно мучительно.

(Извлечено изъ Отчета Императорской Публичной библіотеки за 1892 годъ, съ любезнаго дозволенія Аѳанасія Ѳеодоровича Бычкова).

---

*) Князь Левъ Людвиговичъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА ДМИТРІЕВИЧА БУТУРЛИНА.

III *).

Отъ середины лѣта 1817 года до весны 1824 года.

Переѣздъ нашего семейства во Флоренцію.—Мое воспитаніе.—Пріѣздъ во Флоренцію великаго князя Михаила Павловича.—Постепенный переходъ въ латинство моей матери и моихъ сестеръ.—Поѣздка наша въ Римъ.—Женитьба моего брата.—Первый мой выѣздъ въ большой свѣтъ.—Отъѣздъ мой въ Одессу къ графу М. С. Воронцову.

Все лѣто 1817 года мы провели въ Петербургѣ въ томъ же Демидовомъ домѣ на Гороховой улицѣ; тамъ же начались приготовленія къ отъѣзду. Дорожные громоздскіе экипажи заказаны были у славившагося тогда каретника Іохима, и въ Августѣ мы тронулись съ мѣста. Поѣздъ состоялъ изъ двухъ каретъ, шестимѣстной и четырехмѣстной, коляски и брички съ кухонной посудою. Съ нами ѣхали оба камердинера моего отца, его лакей Ѳедоръ Красный (прилагательное это было дано ему въ отличіе отъ Ѳедора Бѣлаго, выѣзднаго лакея моей матери), бывшій нашъ дѣтскій истопникъ Дмитрій Ломовъ, возведенный при отъѣздѣ въ званіе лакея, столовый дворецкій Михаилъ Клеевъ и поваръ (оба послѣдніе возвратились назадъ изъ Радзивилова). Изъ женскаго персонала взяты были только Анна Степановна, старшая горничная моей матери и ея крестница, и наша няня Пелагея Филиповна. Отправлялась въ путь вся наша семья, въ томъ числѣ и братъ мой, получившій продолжительный отпускъ за границу, Катенька Леруа, г. Слоонъ и Англичанинъ докторъ Аббей, взятый въ Петербургѣ. Англійскіе медики были въ ходу при дворѣ и въ Петербургскомъ обществѣ (но отнюдь не въ Москвѣ) съ самыхъ временъ Екатерины. О медицинскихъ способностяхъ нашего эскулапа судить не могу; помню только, что онъ особенно обращалъ вниманіе на сторожевыхъ собакъ, которыхъ хозяева гостиницъ, гдѣ мы останавливались на ночлегъ, привязывали подъ наши экипажи, въ Австріи и Ломбардіи. Въ такихъ случаяхъ нашъ Британецъ почти всегда, при видѣ послѣдней собаки, всѣмъ заявлялъ, что эта была наизамѣчательнѣйшею собакою изо всѣхъ видѣнныхъ имъ дотолѣ.

---

*) См. выше, стр. 396.

Первый нашъ привалъ былъ въ Царскомъ Селѣ, во дворцѣ, въ отдѣленіи, занятомъ теткою граф. Маріею Артемьевною. Тетка водила насъ по дворцу и показывала намъ рѣдкость въ своемъ родѣ: комнату со стѣнами, оклеенными янтарными пластинками. Она ввела насъ также въ темную трибуну, въ видѣ театральной ложи, выходившую въ церковь; съ этой высоты члены императорской фамиліи слушали церковныя службы, совершавшіяся внизу. Не знаю, къ этой ли трибунѣ или къ подобной ей въ другомъ изъ дворцовъ относится то, что мать разсказывала мнѣ позднѣе. На перилахъ трибуны случайно замѣтили начертанныя булавкою или другимъ остріемъ слова: «priez pour la malheureuse Catherine» [1]), написанныя будто самою Императрицею.

Мы подвигались весьма медленно, всегда съ ночлегами, а въ городахъ съ отдыхомъ по нѣскольку дней. Подобная остановка была въ Витебскѣ, гдѣ мы осматривали дворецъ кого-то изъ членовъ царской семьи, бывшаго тамъ начальствующимъ или генералъ-губернаторомъ [2]). По причинѣ ли сильнаго припадка удушія, схватившаго нашего отца на дорогѣ, между двумя станціями, или по другой, не помню, но мы разъ остановились ночевать за долго до солнечнаго заката, въ необитаемой усадьбѣ, близъ большой дороги, съ обширнымъ садомъ, куда мы дѣти стремглавъ побѣжали. Все вѣяло тамъ какъ бы любимымъ нашимъ Бѣлкинымъ: тотъ же просторъ въ саду, тѣже дорожки и кустарники, однимъ воспоминаніемъ которыхъ мы жили въ продолженіе знойнаго лѣта, въ первый разъ проведеннаго безвыѣздно въ Петербургѣ. И тутъ же былъ запустѣлый и неоштукатуренный снутри домъ, съ его мозгловатымъ, какъ бы ванильнымъ запахомъ, свойственнымъ старымъ деревяннымъ жильямъ и напоминавшимъ намъ домикъ въ Самсоновѣ, куда въ лѣтніе вечера мы ѣзжали пить чай. Не подозрѣвали мы, конечно, что эта столь счастливая наша Бѣлкинская семейная жизнь безвозвратно погибла! Страннымъ, быть-можетъ, покажется, что затхлый запахъ, которымъ отзываются деревянные опустѣвшіе дома, я назвалъ ванильнымъ; но бываютъ какъ бы пародіи на благовонные запахи, иначе ароматическая карикатурность. Неужели никто не замѣчалъ, напримѣръ, что первое ощущеніе, которое на насъ производитъ куреніе вонючей махорки (солдатскаго тютюна), это какъ бы слабое напоминаніе фіалковаго запаха?

Въ Кіевѣ мы прожили съ недѣлю, но не въ гостинницѣ, а въ нанятомъ одноэтажномъ деревянномъ домѣ на Московской улицѣ. Мать

---

[1]) Молитесь за несчастную Екатерину.

[2]) Принца Александра Виртембергскаго? П. Б.

моя, сестры и я посѣтили лаврскія пещеры, и для насъ спускали чудотворную икону Успенія Пресвятыя Богородицы, вставленную въ иконостасъ въ Печерскомъ соборѣ надъ царскими воротами. Посѣтили мы также въ лаврѣ подвизавшагося престарѣлаго какого то схимника, чтимаго за святость его жизни и, если не ошибаюсь, за его прозорливость. Не пропускаю молчаніемъ ни одного изъ этихъ доказательствъ, какъ слаба была еще тогда прозелитическая наклонность въ моей матери и моихъ сестрахъ. Тутъ же сестры мои познакомились съ молодой и весьма интересной паломницею или монахинею, которую мать моя и сестры пригласили къ себѣ, и она нѣсколько разъ обѣдала у насъ, что́ меня тѣмъ болѣе удивило, что я никогда прежде не видалъ, чтобы монахиня была принимаема у насъ въ домѣ такъ дружественно. Еще одно обстоятельство, касающееся Кіевскаго нашего пребыванія, памятно мнѣ. Гуляя однажды вечеромъ со всѣмъ нашимъ семействомъ по дворцовому саду, мы встрѣтили прогуливавшагося съ женою знаменитаго по отечественной войнѣ генерала Раевскаго, командовавшаго въ 1817 году корпусомъ въ Юго-западномъ краѣ; штабъ его былъ въ Кіевѣ, и онъ жилъ съ семействомъ въ Елисаветинскомъ (тогда еще не сгорѣвшемъ) дворцѣ. Онъ шелъ на встрѣчу къ намъ и, подходя къ моей матери, бросилъ въ кусты чубукъ, изъ котораго курилъ, и какъ ни просила моя мать, чтобъ онъ продолжалъ курить, онъ ни за что не хотѣлъ этого сдѣлать.

Отецъ мой разсказывалъ намъ, что, въ бытность его молодымъ еще человѣкомъ въ Кіевѣ, узнавъ, что Печерскіе монахи увѣряли, будто пещеры простираются подъ самое дно Днѣпра, онъ доказалъ имъ невѣрность ихъ разсказовъ физическими своими инструментами.

Во время нашей дневки въ Житомирѣ вотъ что случилось. Надо знать, что въ кампанію 1813 года братъ мой тяжко заболѣлъ въ Житомирѣ, и его вылѣчилъ какой-то мѣстный врачъ. Этого врача братъ мой отыскалъ, привелъ и представилъ нашимъ родителямъ. У матери моей избытокъ чувствъ взялъ верхъ надъ свѣтскими приличіями, и при видѣ спасителя любимаго сына она бросилась ему на шею и заплакала. Я какъ будто теперь вижу эту сцену, непонятную мнѣ тогда и немало даже меня удивившую.

Въ Радзивиловѣ мы прожили трое или четверо сутокъ. Наканунѣ переѣзда въ Австрійскія владѣнія, когда вся наша семья собралась къ ужину (поданному по случаю теплой погоды на дворѣ и при свѣчахъ), мать моя, замѣтивъ, что заготовлено было болѣе обыкновеннаго блюдъ, спросила у дворецкаго Михаила Александровича о причинѣ такой ро-

скопи: «А потому, ваше сіятельство», отвѣчалъ Клеевъ, «что это въ послѣдній разъ». Мать моя прослезилась, а онъ отвернулся и зарыдалъ. Дальнѣйшихъ подробностей не помню; вѣроятно, преданный дворецкій бросился къ рукѣ своей госпожи, съ которою на слѣдующій же день суждено было ему разставаться на вѣки. И дѣйствительно, это былъ послѣдній семейный столъ Русскихъ графовъ Бутурлиныхъ, въ полномъ ихъ составѣ, на родной землѣ!... Съ этого мѣста брички съ дворецкимъ, съ поваромъ и съ кухонною посудою отправлены были обратно въ Бѣлкино, и въ награду Клееву за долговременную службу мать моя назначила его управляющимъ этого столь любимаго своего имѣнія.

Тутъ же, въ Радзиваловѣ, мы встрѣтились съ возвращавшимся изъ Италіи графомъ Марковымъ, который немало насъ удивилъ разсказомъ, что во Флоренціи будто бы трава растетъ на улицахъ, и что тамъ почти не принято ѣздить въ экипажахъ, а что всѣ ходятъ пѣшкомъ, даже съ визитами.

Въ Бродахъ мы также останавливались на два или три дня и присутствовали (кромѣ нашего отца) на Уніатской литургіи. Въ ней меня удивилъ нечисто-Русскій акцентъ священнодѣйствовавшихъ и клиросоваго пѣнія, мозжевеловой запахъ вмѣсто ладана, но еще болѣе упоминаніе на большемъ выходѣ именъ папы Пія VII и благочестивѣйшаго императора Франца. Когда мы вышли оттуда, мать моя сказала, что осталась очень довольною этой службою. Слова ея не имѣли тогда для меня, десятилѣтняго мальчика, того глубокаго значенія, которое я придалъ имъ впослѣдствіи. Матери моей, уже склонной къ Латинской церкви, радостнымъ могло казаться соединеніе обрядовой стороны вѣроисповѣданія ея предковъ съ новымъ ея понятіемъ о Римскомъ первосвященникѣ, какъ о видимой главѣ всей каѳолической церкви.

Отъ Австрійской границы до Вѣны мы потянулись на фурманахъ, иначе на долгихъ; останавливались два-три дня во Львовѣ и съ дневками въ Юденбургѣ, Мысленицѣ, Ольмюцѣ, Брюнѣ и наконецъ недѣли черезъ три дотащились до Вѣны. Случалось, что сильный пароксизмъ удушья схватывалъ моего отца гдѣ нибудь на открытомъ полѣ, и тогда весь поѣздъ останавливался. Отецъ мой выходилъ изъ кареты, и ему растирали грудь спиртомъ, пока пароксизмъ не прекращался. Если это бывало подъ вечеръ, то мы останавливались на ночлегъ въ ближайшей корчмѣ, какъ это однажды случилось въ Галиціи, въ виду города Ярославля. Въ Мысленицѣ (близъ Кракова) мы также пробыли

два три дня и спускались съ факелами въ Бохненскія соленыя копи. Страсть какъ глубоко надо спускаться на веревкахъ въ эти подземелья! Къ счастію, не видать глубины ихъ отъ мрака; иначе голова бы закружилась. Дѣти храбрый народъ; но я теперь ни за что бы не согласился предпринять это акробатическое спусканіе въ такую страшную глубь, да еще сидя на узкой перекладинѣ, какъ бываетъ на качеляхъ о двухъ веревкахъ. Подземныя галлереи составляютъ лабиринтъ пересѣкаемый залами, своды и бока которыхъ унизаны фестонами соляной кристализаціи и каплицами, въ которыхъ престолъ и всѣ церковныя принадлежности выдѣланы изъ этихъ же кристализацій. Два факела проводниковъ, отраженныя со всѣхъ сторонъ въ тысячу разъ, производятъ импровизованную илюминацію. Въ Мысленицѣ случилось слѣдующее. Австрійскій офицеръ, стоявшій тамъ съ своимъ полкомъ, случайно познакомился съ нашимъ семействомъ, и съ перваго же (кажется) раза взаимныя отношенія между нимъ и нашимъ отцемъ установились какъ бы между старыми знакомыми. Это крайне удивило всѣхъ нашихъ старшихъ, и они впослѣдствіи узнали, что Австріецъ и нашъ отецъ обмѣнялись масонскими знаками, незамѣтными для непосвященныхъ въ эти тайны. Случай этотъ былъ переданъ мнѣ много позднѣе. Читателю уже извѣстна моя слабость къ резонёрству, и потому онъ проститъ мнѣ нѣкоторыя мои размышленія о Русскомъ масонствѣ, столь распространенномъ въ концѣ прошлаго и въ первой четверти текущаго столѣтія. Не надивлюсь, право, какъ эти господа не догадывались, что они болѣе ничего не дѣлали, какъ воду толкли. Дѣятельностью всякаго общества, публичнаго или тайнаго, что нибудь да вырабатывается; между тѣмъ не видимъ никакихъ благотворныхъ для края слѣдовъ отъ нашихъ бывшихъ масонскихъ ложъ, а мысль о какомъ нибудь правительственномъ переворотѣ несовмѣстна была съ консерваторскими взглядами и привычками вельможъ, изъ которыхъ преимущественно состояли Русскія масонскія ложи. Между масонами и секретнымъ обществомъ, породившимъ декабристовъ, общаго, мнѣ кажется, ничего нѣтъ [1]), и весьма мѣтко выразилась однажды о масонахъ умнѣйшая моя кузина Надежда Александровна Гавришенко, что ces messieurs s'imaginaient faire quelque chose [2]), тогда какъ въ

---

[1]) Это было написано въ 1867 году, и мое предположеніе о несолидарности масоновъ съ декабристами подтверждается недавнимъ моимъ (въ 1872 г.) разговоромъ съ М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ (братомъ казненнаго Сергѣя). Онъ сказывалъ мнѣ, что декабристы пытались было поступать въ масонскія ложи, въ надеждѣ себѣ завербовать членовъ, но убѣдившись, что нечего имъ было надѣяться на сочувствіе масоновъ, всѣ они повышли изъ этихъ ложъ.

[2]) Господа эти воображали, что они дѣлаютъ что-то.

сущности, маскарадно-хлопотливая и суетная ихъ дѣятельность сводилась на нуль.

Возвращаюсь къ медленному нашему слѣдованію черезъ Галицію и Моравію. Мы дѣти, когда разсмотрѣли на далекомъ горизонтѣ верхушки Карпатскихъ горъ терявшихся въ облакахъ, такъ и ахнули. Кромѣ какъ на картинкахъ мы никогда такихъ высотъ не видывали, да и гдѣ же могли мы ихъ видѣть? Развѣ можно признать Валдайскія горы за настоящія? Овраги и спуски есть, но горъ, въ географическомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ. А болѣе всего насъ удивляло, какъ могутъ верхушки этихъ горъ теряться въ облакахъ. Разъяснить намъ эту диковину взялся нанятый со Львова, какъ переводчикъ въ Галицкой онѣмеченной Руси, Полякъ Янъ, хорошо говорившій понѣмецки и порусски. Онъ увѣрялъ насъ дѣтей и нашу няню Полиньку, что онъ взбирался на эти горы и пробовалъ глотать эти облака, и что они имѣютъ вкусъ снѣжнаго желé. Мы этому тогда повѣрили!

Проѣзжая черезъ Аустерлицкое поле, nefas memoriae, по шоссе, ведущемъ къ Ольмюцу, мы сдѣлали краткій привалъ для обозрѣнія мѣстности, у самаго обелиска, воздвигнутаго, конечно, не въ память пораженія союзныхъ нашихъ войскъ въ 1805 году, а гораздо раньше, въ ознаменованіе того, что тутъ были нѣкогда болота и непроизводительныя пространства, обращенныя въ плодородныя нивы (на томъ именно мѣстѣ, гдѣ впервыя плугъ взбороздилъ почву, воздвигнутъ былъ этотъ обелискъ). Двѣнадцать протекшихъ лѣтъ не могли еще изгладить изъ памяти нашихъ родителей и старшихъ памяти о разгромѣ нашего оружія, и кто-то выучилъ насъ дѣтей Французской пѣснѣ объ этомъ событіи, передѣланной, впрочемъ, изъ стариннаго романса временъ «Роланда Изступленнаго».

Въ оригиналѣ было:

A Roncevaux,
Près de Clairvaux,
Roland disait un jour tout haut
Aux compagnons de ses travaux:
A Roncevaux,
Près de Clairvaux,
Mourrons pour la patrie (bis),
Un jour de gloire à vos cent ans de vie.

Въ передѣлкѣ выходило:

A Austerlitz
Près de Pëlitz,

Koutouzoff disait un jour tout haut
Aux compagnons de ses travaux:
A Austerlitz
Près de Pëlitz,
Mourrons pour la patrie (bis),
Un jour de gloire etc. etc.

Я вписалъ этотъ отрывокъ, какъ добавочный образчикъ офранцуженнаго патріотизма высшаго общества того времени. Въ наше время никому въ голову не приходило воспѣвать доблести Севастопольскихъ защитниковъ на иностранномъ нарѣчіи.

Въ большомъ городѣ Брюнѣ мы отдыхали три дня и ходили въ тамошній соборъ (или монастырскую церковь) поклониться чудотворной иконѣ Богородицы, писанной, по преданію, евангелистомъ Лукою.

Въ Вѣнѣ мы прожили до трехъ недѣль, но не въ гостиницѣ, а въ пространной нанятой квартирѣ въ Леопольдштадтѣ. Причиною столь продолжительнаго пребыванія въ Вѣнѣ было, какъ догадываюсь, здоровье нашего отца, требовавшее консультацій съ докторомъ Франкомъ, Европейской тогда знаменитостью. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Вѣну, мать моя послала за двумя молодыми графами Ржевуцкими (оба немного старше меня) по порученію, вѣроятно, ихъ матери графини Розаліи Ржевуцкой, часто бывавшей у насъ во время истекшей зимы въ Петербургѣ. Мальчики жили въ Вѣнѣ съ гувернеромъ; но почему не въ Россіи, при родителяхъ, не знаю. Они часто бывали у насъ, и я съ ними подружился, но никогда болѣе не встрѣчался съ ними и ничего про нихъ не слыхалъ. Отецъ ихъ сдѣлался немного позднѣе замѣчательною въ своемъ родѣ личностію, какъ полуазіатецъ. Поручено было ему нашимъ правительствомъ добыть чистокровныхъ Арабскихъ жеребцовъ; съ этой цѣлью онъ поступилъ въ одно изъ кочующихъ Аравійскихъ племенъ и, соединяя въ себѣ высокій ростъ, красивую наружность, силу и будучи отважнымъ наѣздникомъ, выбранъ былъ въ шейхи одного племени, и въ этой кочевой жизни онъ провелъ нѣсколько лѣтъ. Возложенное на него порученіе онъ исполнилъ блистательно, но для этого долженъ былъ прибѣгнуть къ обману воинственныхъ туземцевъ: онъ тайкомъ бѣжалъ отъ нихъ съ добытыми (за деньги, конечно) жеребцами. Возвратившись въ Россію, онъ продолжалъ, какъ говорятъ, носить до конца Бедуинскую одежду и сохранилъ свою бороду, чтó особенно страннымъ казалось, когда онъ пѣвалъ Итальянскія буффовыя партиціи, а пѣвалъ онъ ихъ артистически. Позднѣе онъ увлекся Польскимъ патріотизмомъ, участвовалъ въ возстаніи 1830 и 1831 годовъ и безъ вѣсти пропалъ.

Въ Вѣнѣ маленькая моя сестра Елена и я хаживали съ нянею Палагеею гулять въ сосѣдній публичный садъ Ау-гартенъ. Тамъ видны еще были слѣды какой-то бывшей илюминаціи въ необыкновенныхъ размѣрахъ. Няня намъ сказала, что это были остатки отъ торжества по случаю женитьбы Наполеона на дочери Австрійскаго императора. Она вѣроятно ошиблась, и илюминація принадлежала къ позднѣйшему времени; но я упоминаю о томъ въ доказательство того, какая у насъ была прислуга, въ числѣ которой старшая горничная моей матери, Анна Степановна, самоучно выучилась читать пофранцузски и понимать то, что̀ читала, хотя и не доставало ей практики, чтобы говорить на этомъ языкѣ.

Теперь только я вспомнилъ, что пропустилъ одинъ эпизодъ относящійся къ нашему проѣзду изъ Львова въ Вѣну, но по его типичности нарушаю хронологію моего разсказа. Едва тронулись мы съ одного обѣденнаго привала, какъ весь нашъ поѣздъ остановился, и волею-неволею пришлось намъ присутствовать при военной экзекуціи, которая врѣзалась навсегда въ моей памяти по утонченной ея жестокости. Все видѣнное мною впослѣдствіи въ нашихъ гусарскихъ полкахъ, гдѣ конечно не щадили ни розогъ, ни палокъ, ни фухтелей, не можетъ сравняться съ этой Австрійской экзекуціею. Почему однакоже наши экипажи остановились и должны были дожидаться конца этой дисциплинарной расправы, не знаю; развѣ что это требовалось по Австрійскому военному регламенту. У насъ въ полкахъ, въ былое время, дадутъ, пожалуй, десятковъ пять или шесть фухтелей, или сотняжку горячихъ палокъ, или полторы сотни розогъ,—но мигомъ, въ пересыпку: фухтелей и палокъ встоячку, а розогъ лежавшему на землѣ съ спущенными рейтузами, и черезъ нѣсколько минутъ, или даже секундъ, вся исторія кончена. Но не такъ дѣлалось у *орденлихъ-кейзерлиховъ*. Провинившійся, скинувъ мундиръ, легъ вдоль приготовленной для того лавки, и по обѣимъ сторонамъ его стали два экзекутора съ длинными, тонкими палками, и попеременно съ продолжительными интервалами, принялись его бить со всего размаху, а во все время наказанія присутствовавшій офицеръ или сержантъ не переставалъ медленно читать какое-то нравоученіе. Экзекуція длилась, полагаю, болѣе четверти часа, и можно себѣ вообразить, какъ крики несчастнаго солдата раздирали намъ душу.

Въ Вѣнѣ мы часто видались съ семействомъ нашего посланника, графа Густава Стакельберга, и съ того времени началось мое знакомство съ ровесникомъ моимъ графомъ Эрнестомъ Густавовичемъ Стакельбергомъ.

Изъ Вѣны въ Италію мы потянулись на Итальянскихъ *веттуринахъ* съ лошаками, замѣнившихъ Нѣмецкихъ фурмановъ, и подвигались такъ же мѣшкотно какъ и прежде. На первый или второй день выѣзда изъ Вѣны мы остановились для ночлега, хотя это было около полудня, въ гостиницѣ у подножья горы, на вершинѣ которой рисовались развалины замка Шотвейна, будто-бы того самаго, въ которомъ былъ заключенъ во времена Крестовыхъ походовъ Англійскій король Ричардъ Львиное Сердце. Изъ переданной мнѣ кѣмъ-то элегіи трубадура Блонделя, его освободителя, помню начало:

O Richard, o mon roi!
L'univers t'abandonne,
Et sur la terre il n'y a que moi
Qui pense encore à ta personne.

Стихи эти воспламенили юношеское мое воображеніе, и я тотчасъ принялся было за драму въ виршахъ (конечно Французскихъ), но далѣе первой сцены не дошелъ.

Не смотря на Октябрьскую осень, мы нашли подберезники въ лѣсу, на скатѣ горы, и при нежданномъ видѣ грибовъ меня кольнуло въ сердце воспоминаніемъ о Бѣлкинѣ.

Въ Венеціи мы прожили съ недѣлю въ отелѣ Léon Bianco (Бѣлаго Льва), у самаго моста Ріальто. И въ Венеціи насъ ожидало воспоминаніе о Бѣлкинѣ, при видѣ церкви и площади Св. Марка и дворца дожей и прочихъ замѣчательныхъ зданій, всѣмъ намъ столь знакомыхъ по старымъ гравюрамъ, которыми оклеена была Бѣлкинская гостиная. Думаю, что у старшихъ нашихъ сердце забилось не менѣе, какъ у насъ младшихъ. Дѣти тѣже обезьяны: все слышанное нами съ нѣкотораго времени объ Австрійцахъ и ихъ правительствѣ возбудило такую къ нимъ антипатію во второй моей сестрѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ и во мнѣ, что, проходя мимо бюста императора Франца въ одной изъ Венеціанскихъ художественныхъ галлерей, мы оба плюнули на него, за что насъ крѣпко, конечно, пожурили.

Въ Веронѣ мы пробыли два дня, и по одному въ Мантуѣ и въ Моденѣ. Однажды мы остановились обѣдать или ночевать въ г. Нови, и помнится мнѣ, что въ залѣ отеля мать моя и кто-то изъ старшихъ отыскали сохранившіяся на стѣнѣ надписи, свидѣтельствовавшія о посѣщеніи этой гостиницы Русскими побѣдителями въ 1799 году.

Спустившись съ Апениновъ, при въѣздѣ въ Тоскану изъ Болоньи, мы всѣ вышли изъ экипажей, близъ села Піетрамала, посмотрѣть на волканическій феноменъ. На гладкой полянѣ, безъ всякой раститель-

ности, изъ кратера, не болѣе аршина въ діаметрѣ, выходило (и выходитъ вѣроятно и по сю пору), пламя узенькимъ язычкомъ, вышиною, полагаю, съ футъ. Весьма странно, что края этого миніатюрнаго волкана не образуютъ никакой твердой коры выше поверхности всей поляны, и что самое пламя не увеличивается съ годами.

Наконецъ, въ началѣ Ноября (1817), мы добрались до Флоренціи, послѣ трехмѣсячнаго путешествія. Все насъ изумляло: погода стояла такая, какъ у насъ бываетъ въ тепломъ Маѣ; вездѣ цвѣты, а виноградъ, гранаты, огромныя и сочныя дули, сладкія ранетки, каштаны, ни по чемъ; въ овощахъ, считающихся у насъ роскошью въ столь позднее время года, въ цвѣтной капустѣ, артишокахъ, кардонахъ, свѣжемъ горошкѣ и фасоли, такое изобиліе, что ѣшь, не хочу. О соленыхъ огурцахъ понятія не имѣютъ во всей Италіи; ихъ замѣняютъ свѣже-просольныя оливки, очень возбуждающія апетитъ. Апельсины плохо созрѣваютъ во всей средней даже Италіи и появляются только въ Неаполѣ, но и тамъ равняться не могутъ съ Мессинскими и съ Мальтійскими.

Мы расположились первоначально въ наилучшемъ отелѣ Шнейдера, на Лунгарно (т. е. на набережной рѣки Арно), у моста Каррайя, на углу длинной улицы, ведущей къ Порта-Романа (Римской заставѣ). Во время мѣсячнаго нашего пребыванія насъ дѣтей допустили обѣдать за большимъ столомъ, пока мы не устроились на зимнюю квартиру. Временная эта привиллегія весьма меня обрадовала. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда остановилась въ томъ же отелѣ пожилая уже Авдотья Сильвестровна Небольсина. Русскіе путешественники были тогда рѣдкостію, и кромѣ нея и нашего семейства никого изъ соотечественниковъ во Флоренціи не было. Повѣреннымъ отъ нашего правительства (но не министромъ) былъ тогда при Тосканскомъ дворѣ Алексѣй Захаровичъ Хитрово́ (по общепринятому названію, Хи́тровъ), мужъ Елисаветы Михайловны, урожденной княжны Кутузовой, а по первому замужеству графини Тизенгаузенъ. Естественно, что мать моя и старшія сестры сблизились съ семействомъ Хитровыхъ. Молодыя графини Екатерина и Дарія (До́лли) Ѳедоровны Тизенгаузенъ только-что начинали выѣзжать въ свѣтъ и были во всемъ блескѣ красоты; но особенно поражала, даже меня десятилѣтняго мальчугана, пятнадцатилѣтняя графиня Дарія Ѳедоровна. Секретаремъ посольства былъ баронъ Ганъ, человѣкъ съ хорошими манерами и наружностію (послѣднюю портилъ немного шрамъ во всю щеку). Онъ началъ часто бывать у насъ и однажды разсказывалъ намъ объ одномъ сверхъ-

естественномъ обстоятельствѣ въ ихъ семействѣ. Въ деревенскомъ ихъ домѣ въ Лифляндіи виситъ съ искони цѣпь, одно звѣно которой само собою отдѣляется и падаетъ, когда членъ семейства Гановъ долженъ умереть. Разсказъ этотъ такъ врѣзался въ мою память, что съ поступленіемъ моемъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ, я, едва познакомившись съ моимъ однополчаниномъ Ганомъ (не барономъ), спросилъ его, слыхалъ ли онъ объ этой предсказывающей цѣпи, и онъ подтвердилъ мнѣ разсказъ своего однофамильца [1]).

Во Флоренціи мы нашли поселившуюся на зиму, толстѣйшую графиню Шувалову, урожденную княжну Щербатову [2]). Она тамъ жила по случаю болѣзни осмнадцатилѣтней своей дочери графини Анастасіи Петровны, умершей чахоткой въ слѣдующемъ (1818) году и погребенной въ Пизѣ, въ знаменитомъ Кампо-Санто [3]); мать и дочь были изъ перешедшихъ въ Римско-католичество. У нея въ домѣ (или рядомъ съ ея квартирою) жилъ Французъ графъ Шленкуръ; графиня Шувалова была тайно обвѣнчана съ нимъ; странно, почему она, будучи вдовой, скрывала свой вторичный бракъ. Графъ Шленкуръ (котораго отецъ мой прозвалъ «chien qui court») былъ, конечно, бурбонистъ, моложе графини Шуваловой и не дуренъ собою, хотя невеликъ ростомъ и пузатый. Графиня Шувалова бывала позднѣе по нѣскольку разъ во Флоренціи съ обоими сыновьями графами Андреемъ и Григорьемъ Петровичами, еще юношами, но много старше меня.

Въ Декабрѣ мы переѣхали въ нанятой домъ Гуиччіардини-Палличи, на площади Санъ-Феличе, рядомъ съ дворцомъ Питти, резиденціею Тосканскаго великаго герцога. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ во Флоренцію были публичныя празднества по случаю бракосочетанія эрцгерцога Леопольда, сына царствовавшаго великаго герцога Фердинанда III, съ Саксонскою принцессою. Въ этомъ самомъ нанятомъ

---

[1]) Въ этомъ же родѣ, извѣстна „la balayeuse de Potsdam", которая принимается мести ночью лѣстницу Потсдамскаго дворца, когда какой-нибудь членъ Прусской королевской фамиліи долженъ умереть.

[2]) Сестра князей Алексѣя, Сергѣя и Николая Щербатовыхъ и г-жъ Скарятиной, Петрово-Соловой, Апухтиной и Бергманъ.

[3]) Зданіе Кампо-Санто (Святое Поле) состоитъ изъ длиннаго квадрата съ четырьмя внутренними закрытыми галлереями. Это усыпальница всякихъ знаменитостей, какъ во Флоренціи церковь Санта-Кроче. Постройка ея восходитъ къ 12 или 13 вѣку. Въ серединѣ находится открытое мѣсто съ газономъ, земля котораго привезена изъ святыхъ мѣстъ Палестины, крестоносцами. Но, кромѣ усыпальницы, эти галлереи имѣютъ отчасти значеніе музеума.

нами домѣ Гуиччіардини квартировало за годъ передъ тѣмъ семейство графа В. П. Кочубея, и въ немъ мы проводили всѣ зимы до 1824 года, когда отецъ нашъ купилъ палаццо Николини въ улицѣ Деи-серви, а на лѣто мы нанимали виллы въ окрестностяхъ Флоренціи. Но не слѣдуетъ забѣгать впередъ.

Одной Русской нашей прислуги было недостаточно, и потому, на первыхъ же порахъ нашего новоселья, началось укомплектованіе ея туземцами и туземками, подъ управленіемъ «маэстро-ди-каза» (домашняго управляющаго), г. Джіуліани, который мараковалъ порядочно по-русски, такъ какъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, гдѣ до 1810 года торговалъ иностранными винами на одной изъ Басманныхъ улицъ. Въ описываемое мною время Джіуліани, хотя уже почти семидесяти лѣтъ, сохраняя еще рѣдкій юморъ, былъ крайне забавенъ и неистощимъ въ разсказахъ о высшихъ кругахъ обѣихъ нашихъ столицъ, въ средѣ которыхъ онъ долго вращался. Между прочимъ онъ разсказывалъ, что знавалъ въ своей молодости, въ Римѣ, Русскаго путешественника, графа Скавронскаго (Павла Мартыновича), сдѣлавшагося такимъ оперным фанатикомъ, что требовалъ отъ прислуги и отъ всѣхъ прочихъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло (портныхъ, сапожниковъ, парикмахеровъ и пр.), чтобъ они не иначе говорили съ нимъ, какъ речитативами, на распѣвъ. Отъ него же я слышалъ также слѣдующій анекдотъ. Во время нахожденія въ Римѣ, въ 1815 или 1816 году, княгини Елены Александровны Суворовой (рожденной Нарышкиной), знаменитый уже тогда Россини, вхожій въ ея домъ, пожелалъ написать кантату въ день княгининыхъ имянинъ или рожденія, съ помѣщеніемъ въ кантату какого-нибудь Русскаго мотива, для чего онъ отнесся къ Джіуліани. Джіуліани вспомнилъ напѣвъ, «ахъ зачѣмъ было огородъ городить, ахъ на что было капустку садить», и мотивъ этотъ до того понравился славному маестро, что, помѣстивъ его въ свою кантату, онъ повторилъ его въ сочиняемой имъ тогда оперѣ «Севильскаго Цирульника», въ финалѣ 2-го дѣйствія: «Di si felice evento etc. etc.». Кстати передамъ и третій разсказъ этого старца-весельчака. Въ молодости своей онъ хаживалъ въ Римѣ къ старухѣ (герцогинѣ) Фіано. Разъ приходитъ онъ къ ней вечеромъ довольно уже поздно, когда она въ сосѣдней своей каплицѣ вслухъ читала вечернія молитвы, въ составъ которыхъ входятъ у Латинянъ такъ-называемыя *литаніи* (корень этого слова Греческій, какъ и наше слово *литія*). Эти Римско-католическія литаніи суть нѣчто въ родѣ эктеніи, требующія отвѣтнаго возгласа клира или народа, присутствующаго въ церкви «miserere nobis» (по-

милуй насъ), если литанія содержитъ молитву къ Сыну Божію, или «ora pro mobis» (молись о насъ), если литанія относится къ Пресвятой Дѣвѣ, или къ заступничеству святыхъ угодниковъ. Джіуліани, убѣдившись, что набожная дукесса была одна въ своей каплицѣ, не могъ понять, откуда выходитъ невѣдомый голосъ, правильно отвѣчающій на возгласы, и спросилъ ее о томъ, когда, по окончаніи вечернихъ молитвъ, она вышла къ нему въ гостиную. «Это», отвѣчала дукесса, «мой попугай; я его выучила оказывать мнѣ эту услугу». Этимъ однакоже анекдотъ о попугаѣ не кончался, и Джіуліани добавлялъ, что въ одинъ ясный день, когда попугай, выпущенный изъ клѣтки, грѣлся на солнцѣ у открытаго окна, откуда ни возьмись ястребъ и, схвативъ ученаго пернатаго въ когти, взвился съ нимъ на небесныя высоты; и тутъ плѣнникъ началъ кричать на всѣ лады и, между прочимъ, проговорилъ стихъ изъ литаніи къ угодникамъ: «Sanctus Antonius, ora pro nobis» (Святый Антоній, моли Бога о насъ). Испуганный этимъ человѣческимъ голосомъ ястребъ выпустилъ будто бы попугая изъ когтей. Кстати добавлю, что этого Джіуліани не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ гитаристомъ Мауро-Джіуліани, съ которымъ онъ не былъ даже въ родствѣ.

При укомплектованіи Итальянскаго состава прислуги, поступилъ къ намъ Французскій артистъ Борель, но онъ продержался у насъ не болѣе года и опредѣлился къ Мальцовымъ, проведшимъ зиму съ 1818 на 1819 годъ во Флоренціи.

Какъ только мы переселились въ домъ Гуиччіардини, то я окончательно перешелъ изъ дѣтской на руки г. Слоана и спалъ въ одной съ нимъ комнатѣ, до самаго 1824 года, когда мнѣ минуло 17 лѣтъ. Подъ южнымъ небомъ Авзоніи должность истопника лишняя, и потому вымоленный сестрою моею Леночкою Дмитрій Ломовъ повысился въ камердинеры къ моему наставнику и самому мнѣ, а въ иныхъ случаяхъ выполнялъ роль моего дядьки. Начался мой учебный курсъ по схоластическому методу, преимущественно направленный на изученіе Латинскаго языка. Исторію, географію и всѣ прочіе предметы (за исключеніемъ Закона Божія) наставникъ мой преподавалъ на Англійскомъ языкѣ, который сдѣлался знакомѣе мнѣ, чѣмъ Русскій или иной другой. Знаніе Англійскаго языка пригодилось мнѣ много позднѣе, сдѣлавъ изъ меня, въ Крымскую войну 1854 и 1855 годовъ, переводчика для Англійскихъ военноплѣнныхъ, морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, мѣстопребываніемъ которыхъ назначена была Рязань, гдѣ я въ то время служилъ. Итальянскій языкъ легко всѣмъ намъ давался по его сходству съ Французскимъ, но отецъ нашъ зналъ фундаментально

этотъ языкъ съ своей молодости, да и старшая сестра гр. Марія Дмитріевна изучила его въ Москвѣ до 1812 г. съ преподавателемъ этого языка, г. Галли [1]).

Кромѣ упомянутаго А. З. Хитрова составъ дипломатическаго корпуса во Флоренціи былъ слѣдующій. Французскимъ министромъ былъ графъ Диллонъ, Сардинскимъ маркизъ Бриніолѐ Саль, Англійскимъ лордъ Бургешъ (по смерти отца принявшій титутъ герцога Вестморлендскаго), Шведскимъ г. Лагерсвельдъ, Испанскимъ, кажется, герцогъ Бервицкій. Австрійскимъ былъ графъ Аппони, вскорѣ смѣщенный графомъ де-Бомбелемъ, остававшимся на этомъ мѣстѣ до 30-хъ годовъ [2]). Флорентинское общество состояло въ то время, какъ и въ послѣдующее, изъ одних почти иностранцевъ, большинство которыхъ были Англійскіе туристы; а мѣстное дворянство держалось особо въ своемъ замкнутомъ кружкѣ, за исключеніемъ принца Камилла Боргезе [3]), у котораго бывали кое-когда балы. Одна лишь Флорентинская холостая молодежь посѣщала это космополитское салонное общество, членами котораго въ первомъ же году нашей эмиграціи сдѣлались мать моя и старшая моя сестра. Второй сестрѣ Елисаветѣ не минуло еще четырнадцати лѣтъ, и потому она не выѣзжала въ свѣтъ и сблизилась съ дочерьми Флорентинскаго маркиза Торреджіани, ея ровесницами, и съ дочерьми Англичанки леди Шарлотты Камбель [4]).

Въ первомъ же году Флорентинскаго нашего житія поступила къ меньшой моей сестрѣ которой, не минуло еще пяти лѣтъ, Англійская гувернантка г-жа Робинъ, замѣненная въ началѣ 1820 года другою

---

[1]) Обрусѣвшій сынъ этого г. Галли содержалъ сапожное заведеніе въ Москвѣ въ 30-хъ годахъ и чуть ли не въ 40-хъ даже годахъ, въ Столешниковомъ переулкѣ.

[2]) Братъ этого графа де-Бомбеля имѣлъ честь сдѣлаться третьимъ мужемъ Наполеоновой вдовы, эрцгерцогини Маріи Луизы, владѣтельницы Пармы и Пьячепцы. Вторымъ ея мужемъ былъ Австрійскій генералъ Нейпергъ. Члены Флорентинскаго дипломатическаго корпуса были вмѣстѣ съ этимъ акредитованы при Лукской герцогинѣ (изъ Испанской линіи Бурбоновъ).

[3]) Мужъ принцессы Полины Бонапартъ, сестры Наполеона, бывшей вдовы Леклеръ. Въ 1817 году, принцъ Боргезе окончательно разъѣхался съ женою. Фамилія Боргезе Римская, и изъ нея былъ одинъ папа. При завоеваніи Французами Италіи, Наполеонъ назначилъ своего зятя, принца Боргезе, Сардинскимъ вице-королемъ. Чертами лица онъ заслуживалъ имя красавца, но тучность туловища была до того безобразна, что шутники говорили, что уже десять лѣтъ онъ не видалъ своихъ носковъ. Онъ былъ утонченной со всѣми вѣжливости.

[4]) Было три сестры Торреджіани: одна вышла замужъ за Пацци, другая за Бартолини, а третья за Перуцци. О дочеряхъ леди Камбель сейчасъ буду говорить.

Англичанкою, но на этотъ разъ католичкою, миссъ Кларкъ, которая и докончила воспитаніе моей сестры.

Чтó касается до меня, то я чувствовалъ, что въ дѣтской моей жизни совершался переломъ, иного совершенно и болѣе строгаго направленія, не говоря объ усиленныхъ учебныхъ занятіяхъ, съ которыми трудно было мнѣ свыкнуться. Старшихъ сестеръ занимали эта новая обстановка въ жизни и новыя знакомства; меньшая же сестра еще не поступала въ классную, и потому вся моральная тягость эмиграціи обрушилась какъ бы на меня одного. Свѣжія еще воспоминанія иной, менѣе стѣсненной жизни преслѣдовали меня, и вотъ почему, вѣроятно, я не сдѣлался никогда Флорентинофиломъ, какъ женщины нашей семьи. У меня въ первое время никакихъ товарищей и знакомыхъ не было, кромѣ графа Родольфа Аппони, сына Австрійскаго посланника и нынѣ министра въ Лондонѣ, но и этотъ мальчикъ былъ почти тремя годами моложе меня.

Съ самаго начала этой зимы, взятъ былъ для насъ учителемъ рисованія г. Николай Бенвенути, братъ перваго Флорентинскаго живописца и директора Академіи Художествъ, г. Піетра Бенвенути. Это были первые мои уроки; но не подвигался я впередъ, хотя съ ранняго дѣтства любилъ рисовать и особенно малевать акварелью. Неуспѣхи мои происходили отъ моей обыкновенной лѣни и небрежности во всякомъ трудѣ, но отчасти, быть можетъ, и отъ классико-схоластическаго метода г. Бенвенути, заставлявшаго (какъ и всѣ учители рисованія того времени) ученика коптѣть по нѣскольку мѣсяцовъ надъ отдѣльными носами, ртами, глазами и ушами, во всѣхъ возможныхъ видахъ, контурами и съ тѣнію.

Этой же зимою выписанъ былъ изъ Вѣны фортепіанный учитель г. Плихъ для второй моей сестры Елисаветы Дмитріевны, уже хорошо игравшей на фортепіанѣ еще въ Петербургѣ. Съ нимъ и я началъ было гаммы и элементарныя экзерциціи, но онѣ мнѣ сильно наскучили; успѣха и здѣсь не было, и вотъ вѣроятно почему г. Слоанъ и моя мать рѣшились прекратить эти уроки года черезъ два.

Русскій нашъ людъ скоро свыкся съ мѣстными порядками и даже столомъ и нимало не скорбѣлъ объ отсутствіи кислой капусты и соленыхъ огурцовъ; за то весьма по нутру пришлось этимъ дворовымъ-переселенцамъ всеобщее употребленіе краснаго столоваго (и весьма изряднаго) вина вмѣсто квасу. Не прошло года, какъ всѣ они болтали уже по итальянски настолько, что могли быть всѣми поняты; отставалъ замѣтно отъ прочихъ, но только въ лингвистическомъ отношеніи,

старикъ Андрей Кашинцевъ, старшій камердинеръ моего отца. Они всѣ начали получать приличный мѣсячный окладъ, чтó давало имъ возможность одѣваться не хуже Итальянской прислуги.

Первымъ учителемъ Итальянскаго языка и литературы былъ у старшихъ моихъ сестеръ нѣкто Бенедетти, человѣкъ извѣстный какъ трагическій поэтъ, но карьера его преждевременно прекратилась самоубійствомъ отъ неизвѣстной мнѣ причины. Мѣсто его занялъ молодой аббатъ, превеселаго нрава и не фанатикъ, Вальяни, который, немного позднѣе, сдѣлался и моимъ учителемъ Итальянскаго языка, а впослѣдствіи, отъ 1837 до 1839 года, былъ тѣмъ же у моей жены.

Въ первые два года Флорентинской нашей жизни, хаживалъ ко мнѣ Русскій учитель г. Ивановъ, бѣдствовавшій съ своимъ семействомъ во Флоренціи; онъ поселился тамъ до нашего еще пріѣзда. Сколько помнится мнѣ, онъ вынужденъ былъ оставить Россію, преслѣдуемый а двоеженство. Немного позднѣе онъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ въ втеченіе многихъ лѣтъ получалъ ежегодный пансіонъ отъ Николая Никитича Демидова и, по смерти его, отъ его сына Анатолія Николаевича. Этотъ г. Ивановъ былъ очень начитанный, образованный и даже пріятный въ обществѣ человѣкъ, но кромѣ какъ для моихъ уроковъ онъ не былъ принятъ у насъ въ домѣ, обстоятельство, которое я не иначе могу себѣ разъяснить какъ тѣмъ, что по строгимъ взглядамъ нашихъ родителей, г. Иванову вредило его двоеженство. Вторая его жена была Арсеньева и находилась въ ближнемъ родствѣ съ графами Толстыми. У нихъ было два мальчика шести или семи лѣтъ, но г. Ивановъ никогда не приводилъ ихъ къ намъ. Хотя самого Иванова я полюбилъ, но неохотно занимался и съ нимъ, и потому немного преуспѣлъ, какъ ни старался онъ убѣдить меня, что Русская грамотность была мнѣ необходима даже въ военной службѣ, куда я мѣтилъ съ самаго дѣтства. Помню, что однажды, когда я началъ было хвастать моимъ умѣніемъ кропать Англійскіе и Итальянскіе вирши, онъ весьма дѣльно замѣтилъ мнѣ, что, даже въ случаѣ успѣха въ этихъ упражненіяхъ, иностранцы не иначе отзовутся обо мнѣ, какъ «monsieur écrit pas mal pour un étranger» *). Хотя его слова глубоко врѣзались въ дѣтскую мою память, но не удалось г. Иванову возбудить во мнѣ любовь къ отечественной словесности. На слѣдующій годъ онъ оставилъ Флоренцію.

Не минуло еще мнѣ одиннадцати лѣтъ, какъ мнѣ данъ былъ учитель пѣнія, синьоръ Чеккерини, отличный пѣвецъ и первый теноръ

---

*) Какъ иностранецъ, господинъ этотъ не дурно пишетъ.

Тосканской придворной капеллы. Позднѣе я усовершенствовался уроками у синіора Маньелли, перваго тогда учителя пѣнія во Флоренціи. Я свободно пѣвалъ высокимъ сопрано, доходившимъ до «si bemol» женскаго режистра. Сначала я практиковался въ аріеткахъ и комнатныхъ коротенькихъ дуэтахъ спеціальнаго въ этомъ родѣ композитора Бланджини, бывшаго весьма тогда въ ходу въ Парижѣ [1]), и скоро перешелъ на оперныя партиціи, писанныя для примадоннъ. Иногда заставляли меня пѣвать при гостяхъ, что́ весьма льстило моему самолюбію, такъ какъ я зналъ, что я пѣвалъ эффектно.

Насъ дѣтей въ театръ не водили, но старшіе наши часто посѣщали оперу, и изъ разсказовъ ихъ я почерпалъ свѣдѣнія по этому предмету, уже тогда сильно меня интересовавшему. Кумиромъ публики сдѣлался Россини со времени появленія въ 1813 году первой его оперы «Танкредъ», но особенно «Сивильскаго Цирульника» (въ 1815). При постановкѣ второй изъ этихъ оперъ, пришлось Россини выдержать борьбу, такъ какъ Паезіелло написалъ въ началѣ настоящаго вѣка своего оперу на тотъ же сюжетъ (заимствованный у Бомаршѐ), а поклонники престарѣлаго Паезіелло, которыхъ было много, вознегодовали на молодаго Россини за его дерзкое соперничество съ столь знаменитымъ композиторомъ. Интрига была такъ сильна, что Россини не посмѣлъ присутствовать при первомъ представленіи своей оперы, но заперся дома. Однакоже опера сразу произвела такой фуроръ и неумолкавшія вызыванія автора, что исполнители, теноръ Гарція [2])-Альмавива, Ботичелли-Фигаро и примадонна-Момбелли, шумно ворвались, какъ они были въ театральныхъ своихъ костюмахъ, въ квартиру Россини и потащили его на сцену, а по выходѣ изъ театра ожидавшая публика подхватила его на руки и съ факелами понесла домой. Апогеемъ его славы была «Семирамида», явившаяся въ 1824 г. и написанная для г-жъ Менвиль-Ѳодоръ, контрально Экерлинъ и баса Филиппо Галли. (Отмѣчу кстати, что г-жа Менвиль-Ѳодоръ была дочь Француза Ѳодо̀ра, перваго скрипача при Петербургскомъ театрѣ въ началѣ текущаго вѣка, и была воспитана въ Петербургѣ).

По принятому во всей Италіи, весьма скучному для непривыкшихъ обычаю, давались и даются понынѣ одна или не болѣе двухъ оперъ во весь сезонъ, а театральныхъ сезоновъ считается пять: весенній, лѣтній, осенній, карнавальный и великопостный. Лучшій сезонъ

---

[1]) Его же ученицею была (много позднѣе) даровитая наша Московская дилетантка, Екатерина Александровна Соймонова.

[2]) Отецъ г-жъ Малибранъ и Віардо.

во Флоренціи (то есть, съ участіемъ первоклассныхъ пѣвцовъ) бываетъ или бывалъ въ мое время, до 40-хъ годовъ, въ продолженіе великаго поста, а худшій въ лѣтнее время.

Братъ мой, пробывъ съ нами во Флоренціи около двухъ мѣсяцевъ, отправился къ мѣсту новаго своего служенія въ Мобёжъ, гдѣ была главная квартира корпуса графа М. С. Воронцова, при которомъ онъ былъ назначенъ адъютантомъ [1]). Почти все слѣдующее лѣто (1818 г.) онъ провелъ съ нами въ отпуску и снова пріѣзжалъ во Флоренцію весною 1819 года, но все еще числился въ военной службѣ. Въ первое время нашего пріѣзда во Флоренцію, мать моя такъ были еще моложава и хороша собою (хотя ей тогда минуло сорокъ лѣтъ), что, на гуляньи съ братомъ моимъ подъ руку, ее принимали за его жену.

При Флорентинской нашей миссіи не было еще тогда церкви, и потому отецъ мой устроилъ въ началѣ 1818-го года въ нанимаемомъ нами домѣ домашнюю крошечную церковь, въ которой служилъ пріѣзжавшій нарочно для сего изъ Ливорнской Греческой церкви, уроженецъ Іоническихъ острововъ, падре (отецъ) Джіовакино, сдѣлавшійся впослѣдствіи своимъ человѣкомъ въ нашемъ домѣ. Это былъ высокій и весьма красивый мужчина чисто-Греческаго типа, но уже съ легкою просѣдью. Родина его была островъ Санта-Мавро, а фамилія Валламонте, чисто-Итальянская, какъ почти всѣ фамиліи уроженцевъ Іоническихъ острововъ, находившихся долго подъ владычествомъ Венеціанской республики, вслѣдствіе чего Итальянскій языкъ вошелъ тамъ во всеобщее употребленіи почти наравнѣ съ Греческимъ. Отецъ мой имѣлъ благочестивую привычку говѣть не менѣе трехъ, а обыкновенно, четыре раза въ году. Такъ какъ церковная служба на непонятномъ для насъ Греческомъ языкѣ была немалымъ неудобствомъ, то добрѣйшій нашъ падре Джіовакино принялся трудиться до поту лица (самоучкой вѣроятно) надъ Славянской литургіею, хотя не понималъ ни слова изъ нея. Сначала онъ прочитывалъ по славянски только одно Евангеліе [2]), но мало по малу изучилъ свободно всю литургію (это относится къ позднѣйшему времени), хотя съ сильнымъ, конечно, Греческимъ акцентомъ; онъ особенно не могъ совладать съ гласною буквою *ы*. Прислуживалъ ему въ алтарѣ и выходилъ въ положенное время со свѣчею старшій отца моего камердинеръ Андрей Антоновичъ, а на

[1]) Говорили тогда, что это былъ единственный примѣръ перехода изъ главнаго штаба въ адъютанты.

[2]) У Грековъ священникъ читаетъ Евангеліе не у престола, а у самыхъ царскихъ вратъ и обратившись лицемъ къ народу.

клиросѣ пѣвали трое: второй отцовскій камердинеръ Николай Бѣшенцовъ, бывшій истопникъ Дмитрій Ломовъ, я и братъ мой, когда бывалъ въ отпуску во Флоренціи. Помню я одну неправильность маленькаго нашего иконостаса, писаннаго на холстѣ какимъ-то мѣстнымъ живописцемъ: икона Спасителя стояла по лѣвой сторонѣ отъ царскихъ вратъ, а икона Богородицы съ Св. Младенцемъ по правой сторонѣ; но отецъ нашъ не приписывалъ особеннаго значенія обрядамъ и церковной внѣшности и не считалъ вѣроятно важностію это отступленіе отъ принятаго въ православныхъ храмахъ. Но такъ какъ вся Славянская грамотность падре Джіоваккино была въ родѣ попугайской, то всѣмъ намъ приходилось исповѣдоваться у него не иначе какъ по итальянски, и только въ 1820 году услышали мы всю церковную службу на родномъ языкѣ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Отецъ Джіовакимо, какъ и всѣ Греческіе священники, проживающіе въ Италіи, сохранялъ одежду священнаго сана, бороду и камилавку (черную) съ выгибами, какъ у всего Греческаго и Молдованскаго духовенства; одеждѣ ихъ никто изъ туземцевъ не удивляется, и потому я не понимаю, зачѣмъ наши посольскіе священники, въ числѣ которыхъ бываютъ и іеромонахи, брѣютъ (или брили во время моей молодости) бороды, стригутся подъ гребешекъ и ходятъ въ свѣтскомъ платьѣ.

Много позднѣе я узналъ, что отецъ нашъ просилъ о разрѣшеніи выписать изъ Россіи священника и содержать его на свой счетъ, на что послѣдовалъ будто бы высочайшій отказъ, мотивированный-де извѣстнымъ уже въ Петербургѣ Латинскимъ настроеніемъ нашего семействѣ.

Въ числѣ кабинетныхъ посѣтителей моего отца былъ старый Грекъ графъ Мочениго, служившій у насъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и тогда назначенный представителемъ (но не посланникомъ) нашимъ при Туринскомъ дворѣ. Разсказывали, что графъ Густавъ Стакельбергъ, человѣкъ желчнаго, какъ слышно было, темперамента, поздравилъ г. Мочениго съ полученіемъ мѣста, которое онъ (гр. Стакельбергъ) занималъ четверть вѣка назадъ *).

---

*) Я недавно и совершенно нечаянно наткнулся между старыми документами, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ, на бумагу, гдѣ говорится, что отецъ этого графа Мочениго находился въ 1782 г. Русскимъ коммисаромъ при нашемъ флотѣ, стоявшемъ тогда въ Средиземномъ морѣ, и что онъ принималъ въ Тосканѣ великаго князя Павла Петровича и его супругу, путешествовавшихъ по Европѣ. Сынъ его, о которомъ идетъ у меня рѣчь, кончилъ тогда (въ 1782 г.) курсъ въ Пизанскомъ университетѣ, и въ кипѣ переписки стараго Мочениго съ тогдашними Петербургскими военными

Черезъ два или три года по пріѣздѣ во Флоренцію, отецъ нашъ замѣнилъ многолѣтнюю вечернюю свою привычку раскладывать гранъ-пасіансъ на вистъ, игру, въ которую онъ не игрывалъ со времени молодости. Развлеченіе это взошло ему въ потребность и продолжалось до конца его жизни. Партію его составляли мать моя, г. Слоанъ, и кое-кто изъ новыхъ Итальянскихъ его знакомыхъ, изъ которыхъ чаще прочихъ бывалъ престарѣлый г. Каламайя, бывшій когда-то Русскимъ консуломъ въ Ливорнѣ, во время Орлово-Чесменской экспедиціи и похищенія изъ виллы въ окрестностяхъ Ливорно несчастной авантюристки, выдававшей себя за дочь императрицы Елисаветы Петровны. Наши семейныя женщины вѣрили, что похищенная графомъ Орловымъ женщина была дѣйствительно незаконнорожденная дочь императрицы Елисаветы Петровны. Каламайя считался какъ-то въ родствѣ съ семействомъ Козодавлевыхъ, но какимъ образомъ, не знаю. Онъ былъ когда-то богатъ, но въ старости дошелъ почти до нищеты. Жена его была премилая женщина, съ манерами, доказывавшими, что она провела свою молодость въ совершенно другой свѣтской сферѣ и съ другою обстановкой. До конца жизни она была изъ самыхъ интимныхъ съ моею матерью лицъ во Флоренціи. Другимъ частымъ кабинетнымъ посѣтителемъ моего отца былъ богатый старикъ-холостякъ г. Кароа̀но, собиритель старыхъ картинъ. Какъ командора Мальтійскаго прежняго (не Русскаго) ордена, его звали аббатомъ, хотя онъ былъ міряninъ и могъ бы жениться. Однажды мы всѣ, и въ томъ числѣ и нашъ отецъ, обѣдали у этого Кароа̀но на его виллѣ за воротами Святаго Николая (porta San-Niccola), и за обѣдомъ произошелъ между нимъ и моимъ отцемъ споръ по поводу одного стиха изъ «Ада», Данте *).

Когда мы ѣзжали на лѣто въ Ливорну для морскихъ купаній, то я видалъ въ тамошней Греческой церкви низкаго роста и плечистаго старика-Серба съ Владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ, такого огромнаго размѣра, какого въ жизни болѣе не видалъ нигдѣ. Звали его генераломъ Войновичемъ, и если не ошибаюсь, онъ служилъ въ нашихъ войскахъ въ концѣ прошлаго или началѣ текущаго вѣка. Поселился также во Флоренціи около того же времени Молдованъ или Валахъ, князь Карраджа съ своимъ семействомъ. Бывши господаремъ одного

сановниками находятся аттестаты профессоровъ Пизанскаго университета, выданные молодому Моченигу. Въ числѣ этихъ подписей мнѣ было весьма интересно увидѣть подпись знаменитаго Тосканскаго историка Пиньотти, бывшаго, какъ видно, тогда профессоромъ этого университета. (Примѣч. сдѣланное въ 1873 году).

*) По смерти г. Кароана вилла эта была куплена Англійскимъ семействомъ Берингъ, извѣстнымъ банкирскою своею фирмою въ Лондонѣ.

изъ этихъ Придунайскихъ княжествъ, онъ далъ оттуда тягу, когда узналъ, что ему высылается изъ Константинополя знакъ султанской милости въ образѣ снурка. Всѣ Карраджіа обоего пола сохраняли свой національный полугреческій костюмъ. Раскрашенная, какъ маска, кокона (т. е. боярыня) Карраджія явилась на одномъ празднествѣ въ дворцѣ Питти съ одною только начерненною бровью, чѣмъ и вызвала общій смѣхъ.

За отсутствіемъ постоянной церкви нашего вѣроисповѣданія (такъ какъ къ намъ пріѣзжалъ изъ Ливорны отецъ Іоакимъ не болѣе пяти или шести разъ въ году), я хаживалъ съ моею матерью и сестрами, или съ моимъ воспитателемъ, каждое воскресеніе и въ большіе праздники къ обѣднѣ въ нашу приходскую церковь Санъ-Феличе и исполнялъ по внѣшности всѣ обряды Латинской церкви наравнѣ съ нашими, даже творилъ крестное знаменіе, какъ они, всею ладонью безъ перстосложенія, и съ лѣваго плеча на правое. Я молился по Англійскому Римско-католическому молитвослову, а сестры мои употребляли сначала Французскій, а потомъ Итальянскій молитвословъ. Должно быть, что все это нравилось мнѣ какъ что-то новое, и я ничего предосудительнаго не находилъ въ этомъ обезьяничествѣ внѣшнему Латинскому культу.

Впрочемъ, я долженъ сказать, что ни мать моя, ни воспитатель, не внушали мнѣ никогда творить крестное знаменіе какъ дѣлаютъ Римскіе католики. Во все остальное время, то есть, при совершеніи утреннихъ и вечернихъ моихъ молитвъ, я всегда, помнится крестился по православному. И при мнѣ, и самому мнѣ, всѣ наши старшіе (но не отецъ) говаривали, что обѣ церкви, восточная и западная, безразличны, и это обстоятельство подтверждаетъ мою догадку, что въ первые два года нашей эмиграціи семейныя наши женщины находились еще въ колебательномъ религіозномъ періодѣ. Но исходъ изъ этого состоянія были для нихъ неизбѣженъ, по причинѣ окружавшей ихъ Латинской атмосферы и при отсутствіи всегдашняго готоваго защитника противной стороны. Вѣдь отцу своему сестры мои не довѣрялись и даже старались скрывать отъ него потаенныя свои религіозныя воззрѣнія, а по внѣшности казались исповѣдывавшими одну съ нимъ вѣру. Хотя онъ могъ быть надежнымъ оплотомъ Православія по своей начитанности и ревности къ церкви нашихъ предковъ, но нѣсть пророкъ въ своемъ отечествѣ; да и кто знаетъ, если ухищренная софистика Латинскаго духовенства не нашептывала нашимъ полупрозелиткамъ, что ихъ родитель не былъ достаточно компетентнымъ, чтобы выдержать религіозныя контроверсіи. А что̀, спрашиваю, оставалось дѣлать моему отцу, когда горячо любимая имъ жена мучилась

и терзалась днемъ и ночью отъ вновь укоренившагося въ ней убѣжденія, что она не можетъ спастись иначе, какъ въ лонѣ Римской церкви? О сколько пролито было нѣжнымъ мужемъ слезъ, прежде чѣмъ вымолвить согласіе на этотъ духовный разрывъ съ своею женой! До меня дошелъ правдоподобный весьма слухъ (но не изъ Флорентинскаго семейнаго источника), что, давъ наконецъ свое согласіе на переходъ моей матери въ католичество, отецъ мой будто-бы объявилъ, что съ этого момента она дѣлается отрѣзаннымъ ломтемъ или отсѣченною вѣтвію отъ кореннаго дерева. Естественно, что дочери присвоили себѣ постепенно религіозныя убѣжденія обожаемой ими матери; но тѣмъ не менѣе, когда онѣ выходили замужъ, то отецъ нашъ настоялъ, чтобы онѣ были вѣнчаны въ нашей церкви. Что мать моя нравственно изнемогала одно время въ страшной борьбѣ между усвоенными съ дѣтства и вновь привившимися въ ней религіозными убѣжденіями, я въ томъ не сомнѣваюсь, когда вспомню, что однажды, въ 1818 или 1819 году, она, чѣмъ-то волнуемая, сказала при мнѣ Англійской гувернанткѣ младшей моей сестры, г-жѣ Робинъ, что боится сойти съ ума. Слова эти были въ то время загадкою для меня, и только по прошествіи многихъ лѣтъ они выяснились Долѣе всѣхъ прочихъ продержалась въ Православіи и въ сохраненномъ ею до конца правильномъ Русскомъ говорѣ (когда всѣ прочіе уже затруднялись въ свободномъ его употребленіи) неразлучная подруга моей матери, Екатерина Ивановна Леруа; но я сильно подозрѣваю, что умопомѣшательство, въ которое она впала въ послѣднее время жизни по ея переходѣ въ латинство (между 1850 и 1853 гг.) развилось отъ внутренней борьбы, когда пришлось ей отречься отъ всего своего прошедшаго. Да чуть-ли не эта же борьба усложнила продолжительную болѣзнь безпримѣрнаго моего брата и свела его въ преждевременную могилу. Не могъ онъ до конца жизни равнодушно говорить или слышать, когда при немъ говорили о Россіи, пламенно имъ любимой, и которую онъ покинулъ навсегда, по милости существовавшей тогда (въ 40-хъ годахъ) правительственно-религіозной нетерпимости.

Однакоже всѣми этими размышленіями я безсознательно забѣжалъ впередъ.

Въ числѣ Англійскихъ семействъ съ которыми мать и сестры мои сблизились въ первый годъ по пріѣздѣ нашемъ во Флоренцію, было семейство Бруммель. Самъ г. Бруммель былъ когда-то звѣздою первой величины въ высшемъ Лондонскомъ фешенебельномъ кружкѣ, пріобрѣлъ еще салонно-историческую знаменитость, какъ одинъ изъ фамиліарныхъ соучастниковъ въ оргіяхъ и повѣстничествахъ принца-регента,

впослѣдствіи Англійскаго короля Георга IV [1]). Слѣды прежней красоты не исчезли еще окончательно въ 1818 году въ посѣдѣвшемъ *дэнди* (слово это обозначало тогда примѣрнаго щеголя, съ котораго копировали мужскія моды), и фамильную отличительность въ этомъ отношеніи достойно поддерживала очаровательная семнадцатилѣтняя его дочь миссъ Джіорджина: она поражала даже и меня мальчугана.

Все лѣто 1818 года мы провели въ нанятой нами виллѣ Гонди въ двухверстномъ разстояніи отъ Флоренціи. Владѣлецъ этой виллы былъ послѣднимъ представителемъ знаменитой когда-то этой фамиліи, изъ которой вышли извѣстные во Французской исторіи Арманъ-де-Гонди (иначе кардиналъ-де-Ретцъ) и Поль-де-Гонди [2]). Вилла эта стояла на отдѣльномъ холмѣ у подножья Апениновъ. Должно быть, около этого времени умеръ во Флоренціи нашъ повѣренный при Тосканскомъ дворѣ г. Хитрово́, потому что подъ конецъ этого лѣта прибылъ его преемникъ Сверчковъ, только что женившійся на очень зрѣлой графинѣ Еленѣ Дмитріевнѣ Гурьевой, дочери тогдашняго министра фьнансовъ. У Е. Д. Сверчковой былъ великолѣпный контральто, и кстати добавлю, что годомъ или двумя годами позднѣе, она, сестра моя Елисавета Дмитріевна и я пропѣли во время великаго поста, въ нашей домовой церкви «Да исправится» и «Нынѣ силы небесныя» Бортнянскаго. Такъ какъ она попалась уже мнѣ подъ перо, то наброшу кстати очеркъ этой женщины, совмѣщавшей многія душевныя качества и нѣкоторую оригинальность, но далеко не отличавшейся тѣлесною красотою, и въ послѣднемъ отношеніи составлявшей рѣзкій контрастъ съ смазливымъ собою и молодымъ ея супругомъ. Она, какъ слышно было, влюбилась въ него со страстію

---

[1]) Главнымъ Корифеемъ этой разгульной компаніи былъ нѣкто капитанъ Барклей. Хотя принцъ-регентъ и допускалъ быть третированнымъ за пани-брата его собутыльниками, но капитанъ Барклей дерзостію своею перешелъ всѣ границы приличія и этимъ далъ поводъ къ своей опалѣ. Однажды, послѣ обѣда у принца-регента, когда Барклей растянулся на кушеткѣ въ салонѣ, а принцъ грѣлся стоя у камина, Барклей закричалъ ему: „Джіорджъ, пожалуйста позвоните“ (шнурокъ отъ колокольчика висѣлъ рядомъ съ каминомъ, какъ бываетъ обыкновенно въ Англійскихъ комнатахъ). Принцъ дернулъ за шнурокъ и когда взошелъ лакей, то принцъ сказалъ ему обыкновеннымъ своимъ голосомъ: „Капитанъ Барклей спрашиваетъ свою карету; прикажите ее подать“. Осрамленный фаворитъ не дождался конечно повторенія подобнаго намека: поднявшись съ кушетки, онъ откланялся хозяину, вышелъ изъ комнаты и съ тѣхъ поръ не переходилъ черезъ порогъ регентскаго дворца.

[2]) Фамилія Гонди болѣе не существуетъ. Послѣдняя представительница ея вышла замужъ въ 20-хъ годахъ за Флорентинскаго маркиза Винченца Каппони.

старой дѣвы и вѣроятно, благодаря этому браку, г. Сверчковъ, прозябавшій дотолѣ секретаремъ при какой-то изъ нашихъ Американскихъ миссій, получилъ мѣсто Русскаго повѣреннаго при Тосканскомъ и Лукскомъ дворахъ, независящаго отъ нашего Римскаго посольства, какъ было до него. Одна изъ пріятельницъ Е. Д. Сверчковой однажды жаловалась ей, что рекомендованная ею кормилица (или нянька) оказалась пьяницею. «Ахъ она негодяйка, возразила г-жа Сверчкова», «а уже какъ она мнѣ клялась, что броситъ эту гадкую привычку!» — «Такъ вы объ этомъ знали, и все-таки мнѣ ее рекомендовали», воскликнула удивленная пріятельница. А то, вотъ какія мудренныя наставленія она давала нянькѣ своихъ дѣтей, когда отпускала ихъ гулять въ Кашинахъ*). «Когда вы выдете изъ кареты, то избѣгайте гулять съ дѣтьми вдоль берега Арно, потому что тамъ всегда солнечный припекъ; но не ходите также по аллеямъ, потому что въ это время года тамъ, въ тѣни, всегда сыро и холодно». — «Такъ гдѣ же прикажите намъ гулять, синьора?» спрашивала нянька.

Не подалеку отъ нашей виллы Гонди нанималъ дачу бывшій Голандскій король Людовикъ Бонапарте (отецъ нынѣшняго Наполеона III), принявшій послѣ паденія своего брата скромную фамилію графа-де-Санъ-Лё. Онъ приходилъ иногда побесѣдовать къ моему отцу. Онъ былъ одержимъ маніею кропать Французскіе стихи безъ риѳмъ (des vers blancs), несвойственные Французской литературѣ, ни языку. Стихи свои онъ даже, кажется, печаталъ.

Лѣтомъ 1818 года посѣтилъ нашего отца на виллѣ Гонди старый его Петербургскій знакомый, нумизматъ и академикъ Келлеръ, путешествовавшій тогда по Италіи. Онъ говорилъ пофранцузски съ сильнымъ Нѣмецкимъ акцентомъ и имѣлъ свою фразеологію, иногда довольно забавную. Однажды мать моя попросила его опредѣлить, чья была женская головка на одной старинной ея камеѣ; академикъ навелъ свое увеличительное стекло на эту камею и, разсмотрѣвъ ее прилежно, произнесъ: «La cousine de Drusus, mofè oufrache». Неодобрительный его отзывъ не относился конечно къ личности кузины Римскаго полководца, а къ дурной рѣзьбѣ камеи, но фраза его выходила комичною. Одинъ «подере» (пахатное поле и вмѣстѣ съ этимъ виноградникъ) раздѣлялъ нашу виллу Гонди отъ виллы маркиза Джузеппе Пуччи, человѣка передоваго въ большинствѣ Флорентинскихъ дворянъ. Осенью 1818 года онъ задумалъ путешествовать по Европѣ и посѣтить Россію, для чего просилъ моихъ родственниковъ снабдить его

*) Загородный Флорентинскій паркъ.

рекомендательными письмами къ нашимъ знакомымъ. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ другой Флорентинецъ, графъ Серристори, поступившій на службу въ Россію.

Осенью того же года пріѣхалъ во Флоренцію Сергѣй Акимовичъ Мальцовъ съ своимъ семействомъ. Мальцовы поселились на всю зиму во Флоренціи въ отдаленной части города за площадью «дель Кармине» въ домѣ Рагузскаго уроженца Коронелли. Анна Сергѣевна Мальцова, урожденная княжна Мещерская, имѣла отъ перваго мужа Ладыженскаго, взрослую уже дочь, а сама была въ то время изъ обреченныхъ на смерть неизлѣчимымъ недугомъ, но тѣмъ не менѣе отправляемыхъ нашими эскулапами за границу на авось. Ей сопутствовалъ Московскій извѣстный врачъ г. Лёвенталь. По юношескимъ наклонностямъ Ивана Сергѣевича Мальцова (мнѣ ровесника) можно было скорѣе предвидѣть, что изъ него выйдетъ хорошій морякъ, а не дипломатъ, какимъ онъ впослѣдствіи оказался; потому что въ дѣтскихъ моихъ съ нимъ играхъ не было другой рѣчи, какъ о постройкѣ кораблей, модели которыхъ мы довольно искусно выдѣлывали съ гравюръ и пускали въ фонтанный бассейнъ нанимаемаго Мальцовыми дома.

Въ концѣ того же лѣта былъ случай со мною и съ моими сестрами, немало польстившій самолюбію нашей матери. Надо знать, что у Флорентинскаго низшаго люда бываетъ (или бывало, потому что нынѣ нѣкоторые вѣковые обычаи отмѣнены въ Италіи) ежегодное ночное уличное полуязыческое празднество въ честь начатія винограднаго сбора. Оно называлось «reficoloni» и сопровождалось звуками изъ стеклянныхъ пискливыхъ трубъ, раздражающихъ нервы у непривычныхъ къ этому гвалту, и при факелахъ. Такъ вотъ, чтобы лучше разсмотрѣть это народное гулянье, мать и мы всѣ забрались въ книжный магазинъ Ланди, часто бывавшаго у нашего отца, который начиналъ уже составлять вторую свою библіотеку. Книжный этотъ магазинъ составлялъ уголъ каѳедральной площади (piazza del Duomo) и улицы «dei Servi». Едва зашли мы туда, какъ сестра Елисавета и я бросились, со свѣчами въ рукахъ, шарить по книжнымъ пóлкамъ и выбирать тó что приходилось намъ болѣе по вкусу, и мы приставали къ нашей матери, чтобъ она купила для насъ эти книги. Мать удовлетворила насъ, и помню, что на мою долю достался Французскій Бюффонъ для дѣтей со множествомъ политипажей. Хозяинъ лавки и посторонніе находившіеся тутъ люди переглянулись и, засмѣявшись, сказали «Oro! talis pater, tales filii *).

*) Каковъ отецъ, таковы и дѣти.

Давно уже взошло въ привычку (чуть ли не съ Россіи), что мать моя и обѣ старшія сестры, ежедневно, по окончаніи утренняго чая, собирались у нея въ кабинетѣ и, тамъ одна изъ моихъ сестеръ читала вслухъ (по-французски) Евангеліе того дня и толкованіе на него изъ назидательнаго сочиненія патера Краузè (l'Évangile médité). Такъ какъ я въ то время былъ занятъ своими уроками вверху, то не могъ участвовать въ этомъ религіозномъ упражненіи, но послѣ нашего дѣтскаго обѣда (въ часъ пополудни), я прочитывалъ съ матерью по одной главѣ изъ Евангелія (также по-французски), при чемъ она поясняла мнѣ все, что̀ было непонятнымъ для меня, и заставляла меня размышлять о великихъ и страшныхъ иногда истинахъ, возвѣщенныхъ Божественнымъ Словомъ.

Въ Сентябрѣ, лучшей порѣ Итальянскаго года, мы всѣ, за исключеніемъ отца, предприняли съ семействомъ леди Шарлотты Камбель-Бюри двудневное путешествіе въ упраздненный со времени занятія Италіи Французами монастырь Вилламброза, построенный въ Апенинскихъ горахъ и ущельяхъ, покрытыхъ почти шестимѣсячнымъ снѣгомъ, среди дремучаго бора вѣковыхъ сосенъ и елей. Мильтонъ въ своемъ «Потерянномъ Раѣ», упоминая про эту мѣстность, зоветъ ее «царствомъ зимы» *). Грандіозная по строеніямъ эта обитель была разграблена и повреждена цивилизованными Галлами, и только позднѣе 1818 года возвратились въ нее разсѣянные иноки ордена Св. Іоанна Гуальберта, а вотъ почему, когда мы посѣтили обитель, доступъ въ нее женщинамъ не былъ запрещенъ, какъ бываетъ во всѣхъ Римско-католическихъ монастыряхъ. Орденъ этотъ былъ съ ученымъ направленіемъ, и Валламброзіанскіе иноки славились въ XII и XIII вѣкахъ составленіемъ рукописныхъ на пергаментѣ часослововъ (horae) и другихъ служебныхъ книгъ, илюстрированныхъ виньетками и заглавными буквами въ орнаментахъ, съ золотомъ и яркими красками. До изобрѣтенія книгопечатанія книги эти дорого цѣнились, и ими дорожатъ по сю пору въ библіотекахъ. Отъ хищничества Галловъ уцѣлѣлъ только въ 1818 году минералогическій и естественной исторіи музей; но то, что̀ пощадили завоеватели, не ускользнуло отъ миродёрства туристовъ, безпрепятственно уносившихъ съ собою, подъ предлогомъ *сувениров*, то одну, то другую допотопную или минералогическую рѣдкость. Соучастниками и мы сдѣлались въ этихъ похищеніяхъ, и мать моя привезла нашему отцу кусокъ горнаго хрусталя, изъ котораго вышла печать съ вырѣзаннымъ фамильнымъ нашимъ гербомъ съ одного конца,

*) Если Англійскій Гомеръ далъ столь суровое прозвище Валламброзіанской обители, какъ бы онъ прозвалъ нашу Соловецкую?

а на противоположномъ концѣ съ шифромъ нашего отца С. D. В.; на грани съ боку обозначенъ день нашего посѣщенія Вилламброзы, 7-го Сентября 1818 года. Печать эта находится нынѣ у меня и нерѣдко возбуждаетъ любопытство осматривающихъ ее, по причинѣ загадочной для нихъ боковой надписи, а мнѣ наскучило быть ея истолкователемъ.

Далѣе, за Вилламброзою, на гребняхъ тѣхъ же Апениновъ, гнѣздились двѣ другія обители еще болѣе строгаго отшельническаго устава. Звать ихъ Камальдоли и Авернія, а послѣдняя почти тоже, что́ у насъ скитъ, и дорога къ ней крайне затруднительна. Разсказываютъ, что съ макушки горы Аверніи видны будто бы оба моря, Адріатическое и Средиземное. До этихъ двухъ обителей мы никогда не добрались.

Осенній сборъ винограда замѣняетъ въ Италіи Русскую шумную сѣнокосную пору, и онъ вознаградилъ меня, хотя далеко не сполна, за двухлѣтнее лишеніе Бѣлкинскаго собиранія грибовъ и лѣсныхъ ягодъ. Говорю только о себѣ, потому что не было примѣтно, чтобы сестры мои сожалѣли о нашемъ переселеніи въ Италію. И такъ всѣ мы примкнули къ «контадинамъ» (крестьянамъ-батракамъ), поселеннымъ при нашей виллѣ Гонди *), съ ножницами въ одной рукѣ и съ корзинкою висѣвшею на другой, и по мѣрѣ пополненія корзинокъ виноградными гроздами, всѣ они высыпались въ огромные короба, а послѣдніе сваливались въ чаны, въ винодѣльный подвалъ, находящійся при всякой виллѣ. Жатва (одной пшеницы, такъ какъ ржи тамъ несѣютъ) не сопровождается никакими веселыми проявленіями, подобными виноградному сбору; а тутъ раздаются пѣсни работающихъ обоего пола. Но замѣчательно, что Итальянскіе простонародные напѣвы ничего не имѣютъ похожаго на мелодію и, судя по нимъ, Итальянцы не заслуживали бы присужденнаго имъ названія музыкальной націи

Съ начала 1819 года стали появляться во Флоренціи наши соотечественники чаще чѣмъ прежде. Помню, между прочими, г-жу Перовскую (урожден. княжну Горчакову), жену Льва Алексѣевича. Ро-

*) Зову Итальянскихъ крестьянъ батраками, потому что собственниковъ изъ нихъ мало. Мѣстное дворянство и землевладѣльцы отдаютъ обыкновенно свои имѣнія въ аренду особенному болѣе зажиточному классу изъ поселянъ, называемому „фатто̀рами“ (тоже что̀ фермеры), но не иначе, какъ подъ денежный залогъ, остающійся у землевладѣльцевъ. Эти же фатто̀ры содержатъ на извѣстныхъ условіяхъ семейства рабочихъ крестьянъ (контадини), остающіяся тѣмъ не менѣе на своихъ мѣстахъ, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. По малоземельности въ Тосканѣ, виноградныя лозы посажены частыми рядами въ полѣ, гдѣ сѣятъ пшеницу, и все это вмѣстѣ зовется „подере“.

стомъ она была ниже средняго, и привлекательнаго въ ней ничего не было; на видъ она казалась старше своего мужа (котораго я видалъ въ Петербургѣ, когда мы ѣзжали къ обѣднѣ къ графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому), и помнится мнѣ, что она уже разъѣхалась тогда съ мужемъ. Эту же зиму съ 1818 на 1819 годъ провела во Флоренціи г-жа Стеричъ съ единственнымъ своимъ сыномъ, немного моложе меня, и съ которымъ я довольно часто видался. Онъ былъ бойкій и остроумный мальчикъ и очень скоро началъ свободно болтать по итальянски. Отъ него я узналъ, что въ тоже время проживало во Флоренціи семейство Скванчи, считавшееся полурусскимъ, потому что г. Скванчи, хотя и былъ Тосканецъ, но долго находился въ Россіи на государственной службѣ, а жена его, на сколько мнѣ помнится, была чисто-Русская; но съ ними мы вовсе не были знакомы. Житейскія средства семейства Скванчи были, кажется, въ стѣсненномъ отчасти положеніи *).

Весною пріѣхалъ изъ Парижа братъ мой съ Дмитріемъ Васильевичемъ Нарышкинымъ, двоюроднымъ братомъ моей матери, еще холостымъ. Пробывъ недолго съ нами, они вмѣстѣ отправились въ Римъ и Неаполь. Много позднѣе я узналъ, что Дмитрій Васильевичъ влюбился было тогда въ мою сестру Елисавету, которой не минуло еще 16 лѣтъ; да и по правдѣ сказать, было во что влюбиться. Хотя ни ростомъ, ни таліею она не отличалась, но столь прелестную головку рѣдко можно встрѣтить. Думаю, что тутъ было одно мимолетное увлеченіе со стороны кузёна нашей матери, потому что наши родители никогда не дали бы своего согласія на этотъ бракъ, по причинѣ ближняго родства, и Дмитрій Васильевичъ вскорѣ послѣ сего женился на графинѣ Натальѣ Ѳедоровнѣ Ростопчиной.

Въ Январѣ или въ Февралѣ прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ, путешествовавшій по Италіи въ сопровожденіи бывшаго наставника императора Александра Лагарпа, и генераловъ Желтухина и Паскевича. Великій князь пробылъ во Флоренціи съ недѣлю и посѣтилъ насъ нѣсколько разъ, присутствовалъ однажды при обѣднѣ въ нашей домовой церкви, былъ особенно внимателенъ ко мнѣ и не иначе называлъ меня какъ тескою. Помню, что однажды отецъ нашъ, раскрывъ свою грудь и указывая на висѣвшій у него на шеѣ крестъ, сказалъ великому князю: «Вотъ, ваше высочество, единственный крестъ,

*) Этотъ Скванчи, дослужившійся до тайнаго совѣтника, былъ попечителемъ надъ малолѣтними двумя братьями Райко, и отправилъ ихъ на воспитаніе, въ 1808 году, во Флоренцію. (Смотри „Русскій Архивъ“ за 1868 г., стр. 298, въ біографіи Николая Алексѣевича Райко, который былъ сыномъ перваго графа Бобринскаго).

который я имѣю» (т. е. въ смыслѣ ордена); «онъ надѣтъ на меня при купели крестною моею матерью, а вашей августѣйшею бабкой императрицею Екатериною». (Да и въ самомъ дѣлѣ странно, что тайный совѣтникъ, сенаторъ и камергеръ, не имѣлъ никакого ордена; впрочемъ, немудрено, что самъ отецъ мой отклонялъ всякое о немъ представленіе къ орденамъ). Великій князь былъ живаго и превеселаго нрава, привѣтливъ со всѣми и совершенно не тотъ, чѣмъ онъ былъ впослѣдствіи, какъ командиръ гвардейскаго корпуса; даже, помнится мнѣ, онъ въ то время не говорилъ еще отрывистымъ и напускнымъ басовымъ голосомъ, что́, впрочемъ, вмѣстѣ съ подыманіемъ плечъ къ ушамъ, было общимъ почти шикомъ у генераловъ Александровской эпохи. Великій князь спрашивалъ у меня, между прочимъ, успѣшно ли я лажу съ Латинскими склоненіями, «rosa, rosae, rosam, при чемъ добавилъ, что онъ никогда не могъ совладать съ ними. На это Лагарпъ тотчасъ же отвѣчалъ по французски. «Ваше высочество, вы ихъ теперь позабыли; но вы ихъ знавали хорошо въ свое время». При входѣ въ нашу церковь, великій князь сильно ударился головою о притолку и, повернувшись ко мнѣ, скорчилъ такую гримасу, что я не могъ не разсмѣяться. Въ ознаменованіе того, что Русскій человѣкъ, царской крови, удостоилъ нашу церковь своимъ присутствіемъ, нашъ маёстроди-каза Джіуліани (человѣкъ не безъ эрудиціи) сочинилъ Латинскую надпись (немного напыщенную, безъ чего Итальянцы не могутъ обойтись), которая была вырѣзана на мраморной доскѣ и вставлена въ стѣну самой церкви.

На слѣдующее лѣто 1819 года мы наняли виллу Пальміери, которая была ближе къ городу, чѣмъ прежняя Гонди. Съ нею сопряжены историческія воспоминанія, относящіяся къ XIV вѣку. Бокаччіо въ своемъ Декамеронѣ упоминаетъ объ этой виллѣ подъ названіемъ «Tre-visi» (т. е. три лица) и указываетъ, что въ ней укрывалось нѣсколько Флорентинскихъ дѣвицъ, спасавшихся отъ свирѣпствовавшей тогда чумы. Съ нами переѣхала въ виллу Пальміери тетка графиня Марія Артемьевна Воронцова, оставившая окончательно дворъ и поселившаяся съ своею воспитанницею Анночкою Станкеръ во Флоренціи, еще съ конца 1818 года. Тетка уже открыто исповѣдовала тогда Римское католичество и успѣла совратить молодую Станкеръ, но тѣмъ не менѣе она всегда отклонялась ходить въ церковь вмѣстѣ съ нашею матерью и съ нами, опасаясь, вѣроятно, чтобы нашъ отецъ не подозрѣвалъ ее, что она была причиною прозелитизма въ нашей семьѣ. Этого она однакоже не избѣгла, и я слышалъ впослѣдствіи, что дѣйствительно нашъ отецъ считалъ ее виновницею отступничества моей

матери и сестеръ, но дозволяю себѣ сказать, что отецъ мой ошибался въ этомъ отношеніи: глухая и постепенная подготовка къ этому велась издавна. Тетка Воронцова была необыкновенно остроумна и такою осталась до своей кончины; разговоръ ея былъ игривъ, и въ обществѣ она ошеломляла собесѣдника неожиданнымъ оригинальнымъ какимъ нибудь отвѣтомъ, даже когда разговоръ шелъ о серіозныхъ весьма предметахъ. У нея было множество забавныхъ анекдотовъ о событіяхъ и людяхъ, съ которыми она сталкивалась въ теченіе двадцатилѣтней придворной своей жизни. Какъ жаль, что эта женщина не написала своихъ воспоминаній. На мое замѣчаніе по сему поводу, сдѣланное ей въ послѣднюю бытность мою во Флоренціи, въ 1863 году, она мнѣ отвѣчала, что начала̀ было одно время писать свои мемуары, но увидавъ, что въ нихъ компрометированы многія изъ знакомыхъ ей лицъ, она сожгла все написанное.

Я также забылъ сказать, гдѣ слѣдовало, что въ концѣ 1818 года пріѣхала также во Флоренцію другая тетка моя граф. Екатерина Артемьевна и стала жить на одной съ своей сестрой квартирѣ; но пріѣхала она не прямо изъ Петербурга, а изъ Швейцаріи, гдѣ провела нѣкоторое время гостьею у изгнанной изъ Россіи великой княгини Анны Ѳедоровны. Въ послѣдующихъ годахъ, тетка граф. Екатерина Артемьевна неоднократно ѣзжала изъ Флоренціи къ августѣйшей изгнанницѣ и позднѣе поселилась окончательно въ Москвѣ, въ домѣ князя Сергія Михайловича Голицына, съ сестрою котораго, княжною Еленою Михайловною, она сдѣлалась неразлучною.

Въ серединѣ лѣта 1819 года мать моя, маленькая моя сестра Елена, мой воспитатель г. Слоанъ, гувернантка сестры г. Робинъ и я поѣхали въ Ливорно для морскихъ купаній, въ нанятую обще съ Мальцовыми виллу Арены, а отецъ мой оставался съ старшими сестрами на виллѣ Пальміери. Хозяинъ Ливорнской нашей виллы былъ Корсиканецъ, родной братъ извѣстнаго республиканца Пепе (т. е. Іосифа) Арены, казненнаго за заговоръ противъ Бонапарта, который былъ тогда еще первымъ консуломъ. У нашего Арены былъ большой лохматый песъ, породы грифоновъ, Медоръ; онъ ходилъ по ночамъ впереди своего хозяина съ палкою во рту, на обоихъ концахъ которой висѣло по зажженному фонарю.

При И. С. Мальцовѣ и малолѣтнемъ его братѣ Сергѣѣ Сергѣевичѣ гувернера тогда не было, а только Русско-нѣмецкій дядька, г. Беллербродтъ, безпредѣльно привязанный къ своимъ питомцамъ. Молодой Мальцовъ часто прибѣгалъ къ пособію Слоана для Латинскаго

языка, и въ этихъ случаяхъ воспитатель мой не пропускалъ случа ставить мнѣ, неохотнику заниматься, въ похвальный примѣръ юнаго моего друга.

Неподалеку отъ виллы Арены жила въ собственной своей виллѣ старушка Англичанка г-жа Партриджъ, великая цвѣтоводка и собирательница всякихъ кабинетныхъ рѣдкостей. Она охотно сближалась съ Русскими потому, говаривала она, что родная ея сестра была замужемъ за адмираломъ (позднѣе графомъ) Мордвиновымъ. Еще ближе къ намъ виллу Каламаія нанималъ на лѣто генералъ-адъютантъ князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, незадолго передъ тѣмъ женившійся (вторымъ бракомъ) на Софьѣ Степановнѣ Апраксиной, тогда очень хорошенькой. Еще во Флоренціи княгиня разрѣшилась послѣ тягчайшихъ мукъ первымъ своимъ ребенкомъ (дочерью, умершей въ Россіи въ малолѣтствѣ), и во все время родовъ мать моя неотступно ухаживала за княгинею, какъ бы за родной дочерью. При кн. Щербатовой находится Русскій медикъ изъ Остзейскихъ провинцій, служившій передъ тѣмъ во флотѣ. Онъ часто состязался по политическимъ предметамъ съ моимъ воспитателемъ, и послѣдній изумился, узнавъ отъ Русскаго врача, что Балтійскій нашъ флотъ былъ построенъ изъ сосноваго, а не дубоваго дерева, отъ чего суда скоро гнили.

По воскресеніямъ мать моя ѣзжала со мною и съ шестилѣтнею сестрою Еленою къ обѣднѣ въ Лаворнскую Греческую церковь, но, примѣняясь къ Греческому обычаю, становилась съ сестрою на хорахъ за рѣшеткой, съ прочими Гречанками, а я одинъ стоялъ внизу съ мужчинами. Покуда мы жили на виллѣ Арены, мать моя ѣздила однажды съ больною г-жею Мальцовой поклониться чудотворной иконѣ Богородицы въ сосѣдній отъ виллы монастырь Монте-неро т. е. Черная Гора. Монастырь стоитъ на высокой горѣ, прилегающей почти къ морю, и въ пятиверстномъ разстояніи отъ Ливорно. Хранящаяся тамъ икона, чисто-Греческаго письма, считается явленною*), и къ ней стекается всегда толпа богомольцевъ. Преданіе говоритъ, что она явилась горбатому пастуху на камнѣ, у подошвы горы, и изъ нея вышелъ голосъ, повелѣвая пастуху перенести ее на гору, гдѣ нынѣ стоитъ обитель, и что когда пастухъ исполнилъ приказанное ему, то горбъ его исчезъ мгновенно. Икона вставлена въ стѣну высоко надъ главнымъ престоломъ (altare maggiore), и она всегда завѣшана пеленою, вышитою серебромъ; а когда богомольцы получаютъ дозволеніе узрѣть самую

*) Замѣчательно, что всѣ три извѣстныя мнѣ явленныя и чудотворныя иконы Богородицы, а именно Ливорнская, Флорентинская и въ городѣ Сполетто, Греческаго письма.

икону, то занавѣсъ подымается потаеннымъ механизмомъ и при бренчаніи нѣсколькихъ колокольчиковъ. Безъ примѣси театральной нѣтъ ни одного почти церковнаго обряда въ Италіи. Икона изображаетъ Богородицу держащею лѣвой рукой Божественнаго Младенца, не нагого, какъ придумали Его писать позднѣйшіе Итальянскіе художники, а въ красной сорочкѣ, какъ и у насъ, и на правой рукѣ у Богородицы сидитъ птичка. Прикладываться къ иконѣ невозможно по недоступной вышинѣ, да и обычая такого нѣтъ у Латинянъ.

При Мальцовыхъ находились, кромѣ домашняго ихъ доктора Лёвенталя, выписанная изъ Вѣны фортепіанная учительница дѣвица Каппи (дочь хозяина музыкальнаго магазина и калькографіи нотъ, долго существовавшаго въ Вѣнѣ подъ фирмою Каппи и Діабелли) и учитель ландшафтнаго рисованія г. Герарди, приглашенный изъ Флоренціи на лѣтнее только время. Съ дѣвицею Каппи я кое-когда продолжалъ свои уроки, но и тутъ лѣнился, какъ и во всемъ прочемъ. Успѣхи мои въ ландшафтномъ рисованіи были немного болѣе удовлетворительны, чѣмъ въ музыкѣ. Г. Герарди пріучалъ своихъ учениковъ рисовать прямо съ натуры, и для этой цѣли обѣ дочери г-жи Мальцовой, братъ ихъ Жапо и я, сопровождаемые Швейцарскою гувернанткою Мальцовыхъ, мамзель Мажо́ръ и нашимъ учителемъ, черезъ день ѣзжали въ сосѣдній лѣсокъ на склонъ горы Монте-Лимоне. Изъ насъ наиболѣе преуспѣвалъ Иванъ Сергѣевичъ, вскорѣ дошедшій до того, что въ Римѣ, въ слѣдующемъ году, онъ весьма искусно литографировалъ ландшафты и даже началъ писать масляными красками *). Лѣсокъ, служившій намъ для живыхъ моделей, былъ изъ породы дубовъ, не теряющихъ листьевъ круглый годъ, и изъ лавровыхъ деревьевъ, имѣющихъ тоже свойство: листва этихъ дубовъ чрезвычайно мрачна и монотонна въ сравненіи съ породою обыкновеннаго дуба. Преобладали въ этой мѣстности миртовые кусты, распространяющіе вокругъ ароматическій, но отчасти и одуряющій запахъ и цвѣтущіе въ самой серединѣ лѣта; а лѣсныя поляны были усѣяны цвѣтущимъ верескомъ.

Изъ виллы Арены мы съ матерью выѣхали прежде Мальцовыхъ и на обратномъ пути во Флоренцію провели дня два въ Пизѣ, гдѣ посѣтили, кромѣ покачнувшейся на бокъ извѣстной колокольни каѳедральнаго собора (il Duomo, Византійскаго зодчества XIII вѣка) и «Кампо-Санто», ботаническій садъ, директоромъ котораго былъ профессоръ Са́ви. Онъ показывалъ намъ, какъ какую нибудь рѣдкость,

*) У меня хранится по сю пору видъ съ натуры Римскихъ развалинъ, окруженныхъ деревьями, литографированный И. С. Мальцовымъ.

единственный экземпляръ тощей березы-карлицы, страдавшей видимо отъ знойнаго несвойственнаго ей климата. Встрѣча съ родимымъ деревцомъ крайне обрадовала мою мать и самого меня, и мы на память отломили нѣсколько кончиковъ его вѣтвей. Затѣмъ мы своротили съ дороги, чтобы посѣтить Лукскія минеральныя воды (bains de Lucque) уже сдѣлавшіяся фашіонабельнымъ лѣтнимъ центромъ аристократическихъ туристовъ. Тамъ, на макушкѣ крутой горы, какъ бы въ орлиномъ гнѣздѣ, виталъ въ своей виллѣ мѣстный Мильтонъ, престарѣлый слѣпецъ, поэтъ и аббатъ Делла-Лена, котораго и мы, по примѣру прочихъ, навѣстили, сидя въ носилкахъ (добраться къ нему иначе было невозможно). Ничего особенно въ этомъ старцѣ не было кромѣ того, что онъ угощалъ каждаго посѣтителя тутъ-же импровизованными виршами, которыя и записывались съ его словъ, а изъ оконъ (или съ балкона) его жилища развертывалась обширная и прелестная панорама.

На пути изъ Лукки во Флоренціи случилась съ нами непріятная исторія. Отъ Лукскихъ водъ до города Лукки верстъ 12 мы ѣхали на почтовыхъ лошадяхъ, но для дальнѣйшаго пути мать моя предпочла взять *ветурина*, тоже что вольнаго ямщика, безъ перемѣнныхъ лошадей съ самаго мѣста, что несравненно дешевле. По существовавшему тогда регламенту (не всѣмъ, впрочемъ, извѣстному), тотъ, кто ѣздилъ на почтовыхъ лошадяхъ не иначе могъ взять ветуринскихъ, какъ пробывъ сутки въ томъ мѣстѣ, куда онъ пріѣхалъ на почтовыхъ. Такая привиллегія дана была почтѣ, въ виду того, какъ полагаю, что почтовая ѣзда отдавалась мѣстною администраціею съ торговъ тому, кто болѣе прочихъ надбавитъ на это цѣну; мы же только переночевали въ городѣ Луккѣ, и, вѣроятно, мать моя ничего не знала объ этомъ правилѣ. Въ другихъ государствахъ нарушеніе правительственнаго постановленія подвергло бы виновнаго наказанію штрафомъ или арестомъ съ соблюденіемъ легальнаго образа дѣйствій, но у пылкихъ сыновъ Италіи существуетъ своя расправа. Едва мы отъѣхали верстъ пять отъ Лукки, какъ нагнали насъ два-три почтаря, которые, остановивъ нашъ экипажъ, стащили ветурина съ козелъ, и тутъ началась между ними потасовка. Нашъ возница вырвался было изъ рукъ красныхъ куртокъ (одѣяніе почтарей), прыгнулъ на козла и ударилъ по лошадямъ, но и противники не отставали. Они снова его догнали, и опять завязалась между ними драка. Тщетно вышедшій изъ кареты г. Слоанъ старался унять ихъ; нападавшіе освирѣпѣли, а мы сидѣли испуганные въ экипажѣ. Такъ мы добрались до Пистоіи, перваго города на Тосканской территоріи. Что происходило далѣе, не помню; но должно быть состоялся денежный компромиссъ между воюющими сторонами, или мать моя заплатила штрафъ за нашего ветурина.

Хотя мы и переѣхали на зиму въ городъ, но вилла Пальміери оставалась за нами до самаго 1824 года. Отецъ мой торговалъ ее, но дѣло разошлось, помнится мнѣ, изъ за бездѣльной суммы. Этой же осенью (1819 г.) пріѣхалъ къ намъ изъ Петербурга г. Милліарини, овдовѣвшій и съ двумя малолѣтними мальчиками; съ тѣхъ поръ онъ жилъ у насъ до кончины моего отца.

Теперь пора представить очеркъ нѣкоторыхъ изъ болѣе замѣчательныхъ лицъ Флорентинскаго общества.

Доживала свой вѣкъ во Флоренціи историческая крупная личность XVIII вѣка, графиня Луиза д'Альбани, рожденная графиня Стольбергъ. Она была вдова послѣдняго претендента Карла-Эдуарда-Стуарта, разбитаго въ сраженіи при Куллоденѣ въ Шотландіи въ 1745 г., при попыткѣ завладѣть Англійскимъ престоломъ. Въ концѣ прошлаго или въ началѣ текущаго вѣка она тайно обвѣнчалась съ трагическимъ писателемъ графомъ Альфіери, но не принимала никогда его фамиліи, а по смерти его воздвигнула ему великолѣпный мавзолей работы знаменитаго Кановы, во Флорентинской церкви Санта-Кроче, служащей пантеономъ Итальянскихъ великихъ мужей*). Разсказываютъ, что Альфіери, экзалтированный патріотъ, поставилъ будто надъ входными дверями дома графини д'Альбани, во время занятія Италіи Французами, надпись, что въ домѣ Французскихъ офицеровъ не принимаютъ. Салонъ графини д'Альбани былъ ареопагомъ политическихъ и литературныхъ Европейскихъ знаменитостей, а въ числѣ первыхъ былъ тогда старикъ маркизъ Луккезини, любимецъ одно время Прусскаго короля Фридриха, прозваннаго великимъ (хотя таковымъ я его не считаю) и игравшій видную роль въ началѣ текущаго вѣка. Здѣсь же бывалъ молодой поэтъ Ламартинъ, начинавшій обращать на себя вниманіе публики. Ходилъ анекдотъ, что нѣкій сынъ Альбіона, фанатическій приверженецъ давно изгнанной династіи Стюартовъ, будто бы преклонилъ колѣно предъ графинею д'Альбани и заявилъ ей, что онъ признаётъ ее за истинно-законную свою королеву. Для нея нашъ отецъ дѣлалъ отступленіе отъ домосѣдныхъ своихъ привычекъ и посѣщалъ ее иногда по утрамъ. У нея въ домѣ жилъ старый Французъ Фабръ, когда-то живописецъ, но предавшійся впослѣдствіи болѣе выгодной промышленности реставрировать картины старыхъ школъ,

*) Тутъ же находятся монументы надъ прахомъ Микельанджело, Маккіавелли и надъ мнимымъ прахомъ Данта (ибо онъ погребенъ въ Равеннѣ). Замѣчательна лаконическая, но многозначущая надпись надъ могилою Маккіавелли, составленная, какъ говорятъ, однимъ Англичаниномъ: „Tanto nomini nullum pare elogium“ (Нѣтъ похвалы равной подобному имени).

поврежденныхъ отъ времени, чѣмъ онъ пріобрѣлъ, какъ говорили, значительное состояніе и купилъ во Флоренціи домъ для помѣщенія своей галлереи, оставаясь самъ жить у графини д'Альбани до кончины, случившейся весной 1823 или 1824 года.

Въ числѣ Флорентинскихъ знаменитостей слѣдуетъ назвать г-жу Мàри, весьма еще красивую женщину. Прославилась она тѣмъ, что, при вторженіи Французовъ въ Италію, она, во главѣ дружины, сражалась и получила названіе новой Іоанны д'Аркъ. Въ обществѣ иностранцевъ она не показывалась, ее можно было видѣть во Флоренціи только на прогулкѣ въ Кашинахъ.

Въ 1819 жило во Флоренціи Англійское семейство Леардъ (Layard), рекомендованное моимъ родителямъ знакомыми ихъ въ Англіи. Сынъ г. Леарда, Генрихъ, нынѣшній извѣстный археологъ по Ниневійскимъ и Вавилонскимъ древностямъ, бывшій одно время членомъ министерства, былъ тогда ребенкомъ пяти или шести лѣтъ. Составъ высшаго Флорентинскаго общества того времени былъ на половину, если не болѣе, изъ Англичанъ, въ числѣ которыхъ видною личностію былъ нѣкто генералъ Чёрчъ (Church), находившійся тогда, не знаю почему, на Неаполитанской службѣ. Впрочемъ, онъ чуть-ли не принималъ участіе въ Неаполитанскомъ возстаніи въ 1820 и 1821 годахъ. Позднѣе онъ посвятилъ боевую свою дѣятельность Греческой борьбѣ за независимость и окончательно поселился въ Аѳинахъ.

Хотя отецъ нашъ не представлялся тогдашнему великому герцогу Фердинанду III (брату Австрійскаго императора Франца), но оба видались случайно безъ всякихъ дипломатическихъ формальностей и разговаривали на открытомъ воздухѣ. Это случалось вотъ какъ. Отецъ мой прогуливался на терассѣ съ деревьями нанимаемаго нами дома Гуиччіардини-Паллини, а въ эти самые часы Тосканскій герцогъ приходилъ каждое утро обозрѣвать ходъ построекъ въ дворцовомъ саду Боболи, прилегающемъ къ его дворцу Питти и къ задней стѣнѣ нашего дома. Онъ былъ великій охотникъ строиться и на работы выходилъ въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ, состоявшемъ изъ коротенькаго сюртучка сѣраго цвѣта и бѣлой широкопольной шляпы. Человѣкъ онъ былъ добрѣйшей души и весьма не глупый, всѣмъ доступенъ и обходителенъ, чрезвычайно простъ въ житейскихъ привычкахъ и популяренъ между простымъ народомъ. При неимовѣрной тогдашней дешевизнѣ провизіи и квартиръ во Флоренціи, привлекало туда иностранцевъ еще то рѣдкое исключеніе, что не существовало никакого цензурнаго запрета иностранныхъ журналовъ и книгъ, отсутствовала также всякая

формалистика полицейскаго надзора и, вопреки подобной административной распущенности, случаи разбойничества и грабежа были проявленіями весьма рѣдкими, не только по городамъ, но внутри края и по большимъ дорогамъ. Вся воинская сила великаго герцогства состояла изъ 2 мушкатерскихъ полковъ, одного баталіона отборныхъ гренадеръ въ родѣ гвардейцевъ (въ бѣлыхъ мундирахъ, какъ Австрійцы) и одного полнаго эскадрона легкой кавалеріи, разбросаннаго по всему пространству Тосканы для полицейскихъ разъѣздовъ и конвоированія денежной почты. Былъ также маленькій конный отрядъ тѣлохранителей въ 30 или 40 человѣкъ (guardia nobile) изъ мѣстныхъ дворянъ и въ офицерскомъ чинѣ; они содержали внутренній караулъ во дворцѣ Питти и дежурили, какъ ординарцы, при великомъ герцогѣ. Мундиръ у нихъ былъ красный, а на головѣ треугольная шляпа, обшитая галуномъ. Все войско великаго герцогства не превышало четырехъ тысячъ человѣкъ. Тоскана блаженствовала подъ патріархальнымъ и либеральнымъ даже управленіемъ Фердинанда III, и эта его либеральная наклонность была постояннымъ предметомъ негодованія Метерниховскаго агента графа Бомбеля, акредитованнаго при Тосканскомъ дворѣ, что̀ отнюдь не мѣшало великому герцогу продолжать дѣйствовать по своему. Вотъ тому одинъ примѣръ. Послѣ возмущеній въ Туринѣ и Неаполѣ въ 1821 году, когда Австрійцы ловили членовъ тайнаго общества Карбонаровъ, Тосканскій герцогъ разрѣшилъ жительство въ своей столицѣ политическому изгнаннику, капитану Росси. На заявленіе начальника Флорентинской полиціи (личности, которую публика видала на улицѣ только, когда были публичныя гулянья), что опасный этотъ господинъ былъ уже высланъ изъ Ломбардіи, Піемонта, Неаполитанскаго королевства, словомъ, изъ всѣхъ Итальянскихъ владѣній, добрякъ великій герцогъ отвѣчалъ своему Фуше: «Если это такъ, то спрашиваю васъ, гдѣ же прикажете ему пріютиться? Не на воздухѣ-ли? Оставьте его въ покоѣ: онъ никакого вреда намъ не сдѣлаетъ». И дѣйствительно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ этотъ агитаторъ шлялся по Флорентинскимъ кофейнямъ, и ничего о немъ не было слышно. Это было въ то время, когда князь Метернихъ, опутывая весь полуостровъ реакціонернымъ терроризмомъ, приводилъ въ практику извѣстную свою поговорку, что Италія не что иное, какъ географическое опредѣленіе (une expression géographique). Старикъ Фердинандъ III, бывшій долго вдовцемъ, женился въ 1820 году на нестарой принцессѣ Саксонскаго дома, сестрѣ жены его сына эрцгерцога Леопольда (женившагося осенью 1817 года), черезъ что сестры сдѣлались свекровью и снохою между собою. Но еще болѣе поразительный примѣръ кровосмѣшенія представлялъ бракъ въ семействѣ Римской дукессы Данте, жившей въ опи-

сываемое время во Флоренціи: дочь ея вышла замужъ за родного брата своей матери и этимъ сдѣлалась заловкою послѣдней и теткой самой себѣ. На подобные браки получается особая папская *диспенса*, то есть разрѣшеніе.

Очень часто бывалъ у моего отца Дмитрій Петровичъ Северинъ, пріѣзжавшій нѣсколько разъ въ отпускъ во Флоренцію. Если не ошибаюсь, немного позднѣе сего времени онъ былъ назначенъ въ Швейцарію. Онъ часто обѣдывалъ вдвоемъ съ моимъ отцемъ, у котораго вошло въ привычку съ 1819 года обѣдать у себя въ два часа, вдвоемъ съ кѣмъ нибудь изъ моихъ сестеръ или съ братомъ, но чаще всего съ г. Милліарини. Не взирая на неравенство лѣтъ между отцемъ моимъ и Д. П. Северинымъ, молодой дипломатъ пріобрѣлъ его дружбу и даже нѣкоторое вліяніе надъ нимъ, какъ видно изъ того, что, по его совѣту, отецъ мой отправилъ меня позднѣе къ своему двоюродному брату гр. М. С. Воронцову; поѣздка эта предназначалась быть приготовительнымъ шагомъ для моего поступленія на службу. Помню, отецъ мой говаривалъ, что Северинъ и Матусевичъ (преждевременно умершій) были сотрудниками графа Каподистріи. Изъ ученыхъ Итальянцевъ высшаго круга подружился съ моимъ отцемъ Венеціанецъ графъ Чиконіара, свѣжій старикъ съ представительной наружностію и весьма пріятный въ обществѣ. Онъ составилъ себѣ имя роскошнымъ изданіемъ «Исторіи скульптуры въ Италіи», въ нѣсколькихъ томахъ in-folio, съ гравюрами. Онъ же и былъ основателемъ Венеціанской Академіи Художниковъ *). Бывалъ также, хотя рѣже, у моего отца ученый Неаполитанскій маркизъ Гаргалло, переводчикъ Горація. Его сопровождалъ обыкновенно его сынъ, педантъ и прескучный господинъ, возымѣвшій виды на руку сестры моей Елисаветы Дмитріевны. Вообще, однакоже, Итальянское дворянство не отличалось ученостію, и первымъ, если не ошибаюсь, періодическимъ журналомъ во Флоренціи, была «Antologia Italiana», издаваемая съ 1819 или 1820 года Швейцарцемъ г. Віёсіё (Vieussieu), открывшимъ впервыя около этого времени читальню (cabinet de lecture) съ газетами на разныхъ языкахъ. Еще изъ замѣчательныхъ лицъ, часто посѣщавшихъ моего отца, былъ Англичанинъ пожилыхъ лѣтъ, но съ живыми еще пріемами, лордъ Гильфордъ, посвятив-

*) Много лѣтъ послѣ смерти архитектора Гваренги (построившаго немало зданій въ Петербургѣ со временъ Екатерины до 1808 или 1810 года) Венеціанская академія снеслась съ Петербургскою для пріобрѣтенія оригинальныхъ плановъ и чертежей, оставшихся по смерти Гваренги, Венеціанскаго уроженца. Всѣ эти рисунки, въ значительномъ количествѣ, нынѣ выставлены въ Венеціанской Академіи, и я ихъ разсматривалъ въ 1863 году. Тамъ находятся нѣсколько проектовъ публичныхъ зданій, никогда не выполненныхъ.

шій свою дѣятельность и широкія средства для основанія школъ въ пробуждавшейся Греціи и на Іоническихъ островахъ. У богатаго этого *Филелена* была сестра, игравшая видную роль въ скандальномъ процессѣ Англійской королевы Шарлотты (матери умершей въ 1817 году принцессы Шарлотты Кобургской), супругъ которой Георгъ IV всячески домогался доказать, что онъ съ рогами, дабы тѣмъ не допустить своей супруги участвовать въ обрядѣ его коронованія. А такъ какъ сестра лорда Гильфорда сопутствовала королевѣ Шарлоттѣ въ ея странствованіяхъ по Европѣ, когда Георгъ IV былъ еще принцемъ-регентомъ, то она была вызвана въ парламентъ, обращенный въ верховное судилище, для показаній о поведеніи Англійской принцессы; но на всѣ предложенные ей вопросы она постоянно отзывалась непомнившею ничего, за что дано было ей прозвище «Madama non ricordo». Не рѣдко также бывалъ у моего отца Англійскій граверъ г. Сандерсъ, еще Петербургскій его знакомый, гравировавшій галлерею нашего Эрмитажа и поселившійся окончательно во Флоренціи.

Весною, должно быть, этого же года, пріѣхалъ во Флоренцію ген.-адъютантъ князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой съ весьма миловидною еще своей женою, урожденною Вейсъ, и со всѣми своими еще малолѣтними дѣтьми. Одновременно съ нимъ пріѣхала послѣдняя представительница Екатерининскаго двора, графиня Анна Степановна Протасова, совершенно уже слѣпая.

Камердинеръ и крѣпостной человѣкъ князя В. С. Трубецкаго Иванъ Великановъ, воспользовавшись юридическимъ правомъ прекращенія крѣпостной зависимости Русскихъ людей, находившихся за границею, отошелъ отъ своего барина по причинѣ, какъ говорилъ онъ, запальчиваго характера его. Вскорѣ послѣ того Великановъ женился на прехорошенькой Французенкѣ Флавіи, горничной тетки моей гр. Маріи Артемьевны, и открылъ во Флоренціи сначала модный магазинъ, а потомъ съ Русскими товарами, преимущественнѣе Кяхтинскимъ чаемъ и Торжковскими сафьянными издѣліями. Ему повезло, и онъ мало по малу, расширивъ кругъ своихъ предпріятій, сдѣлался въ 30-хъ годахъ коммиссіонеромъ и полу-банкиромъ пріѣзжихъ въ Италію Русскихъ путешественниковъ; позднѣе онъ взялся за мраморныя издѣлія и въ 1839 году имѣлъ уже въ Каррарскихъ горахъ собственную каменноломню и взялъ подрядъ отдѣлать колонны для Георгіевскаго зала зимняго двоца, сгорѣвшаго зимою 1837 года. Князь Трубецкой поступилъ съ нимъ побарски: онъ добровольно выслалъ ему отпускную, послѣ

чего послѣдній приписался къ первой гильдіи въ Россіи и бывалъ въ своемъ отечествѣ по нѣскольку разъ, хотя на короткое время *).

Этой же весной или въ слѣдующемъ 1821 году пріѣхалъ во Флоренцію князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ съ женою, урожденною Соймоновою, и двумя сыновьями, оба моложе меня. Страннымъ мнѣ казалось, что, когда князь Гагаринъ пріѣзжалъ съ сыновьями къ обѣднѣ въ нашу церковь, княгиня никогда ихъ не сопровождала, а являлась въ гостиную моей матери уже по окончаніи литургіи; впослѣдствіи я узналъ, что она, по примѣру старшей своей сестры, Софіи Петровны Свѣчиной, перешла въ латинство.

Я не разъ уже упомянулъ о семействѣ Камбель, съ которымъ мать моя и сестры сошлись съ перваго года нашего пріѣзда во Флоренцію, но я не входилъ по сю пору въ подробности о немъ. Леди Шарлотта Камбель была матерью четырехъ дочерей-грацій, часто у насъ бывавшихъ. Изъ младшихъ, миссъ Эмма была немного старше меня (а мнѣ шелъ 14-й годъ), и по ея лѣтамъ особенно хороша; а меньшая изъ всѣхъ, миссъ Джулія, рѣзвушка и проказница, была ровесницею мнѣ. Мое еще полудѣтское, но пылкое сердце не могло долго оставаться равнодушнымъ къ чарамъ обѣихъ нимфъ; но миссъ Эмма взяла верхъ, быть-можетъ, потому что миссъ Джулія косила глазами (привычка, отъ которой старались отучить меня въ моемъ дѣтствѣ). По развившемуся у меня тогда поэтическому настроенію я принялся было за Англійскую оду въ честь лазурныхъ очей прелестной миссъ Эммы; днемъ свободнаго отъ занятій времени не оставалось для Аполлона, и я вдохновлялся ночью; но и тутъ возникло неодолимое препятствіе, потому что я спалъ въ одной комнатѣ съ моимъ воспитателемъ, и нечего было думать зажигать свѣчу ночью. И вотъ я ощупью, лежа въ постели и въ темнотѣ, принимался бывало чертить карандашемъ на бумагѣ пламенемъ дышущую оду; но увы! карандашъ былъ блѣденъ, рука не повиновалась сердцу, и когда разсвѣтало, я ничего не могъ разобрать изъ ночныхъ моихъ каракуль, въ ущербъ поэтической моей славѣ.

Леди Шарлотта Камбель вскорѣ послѣ вышла замужъ за молодого пастора г. Бюри и подъ именемъ леди Бюри (Англичанки съ tитуломъ леди по рожденію или по мужу сохраняютъ право на этотъ титулъ, хотя бы и вышли замужъ за плебея), получила нѣкоторую извѣстность своими романами въ 30-хъ годахъ. Въ кружкѣ Англичанокъ,

*) Великановъ поставлялъ Итальянскій мраморъ также для Петербургскаго Исаакіевскаго собора и для Московскаго храма Спасителя.

окружавшихъ мою мать, были также двѣ пожилыя сестры, дѣвицы, миссъ Берри, умныя и пріятныя космополитки, одна изъ которыхъ эффектно и скоро снимала виды съ натуры. Въ отличіе отъ младшей сестры, старшую звали «the Elder. Berry», изъ чего выходилъ по-англійски каламбуръ: «Elder» значитъ старшая, а также кустъ бузины; а «Berry» обозначаетъ «ягоду».

Осенью бывалъ у насъ раза два на виллѣ Пальміери Англійскій трагическій актеръ Кембель, уже сошедшій со сцены, столь же знаменитый на его родинѣ, какъ былъ Тальма во Франціи. Британскій артистъ-ветеранъ сохранялъ даже и внѣ сцены величавую осанку жреца Мельпомены. Нерѣдко въ теченіе всего этого года бывалъ у насъ профессоръ Петербургской Академіи Художествъ Кипренскій. Въ его разговорахъ замѣтны были иногда какія-то странныя выходки, обличавшія иногда ненормальное состояніе умственныхъ его способностей. Не это ли отразилось въ послѣднихъ его произведеніяхъ, гдѣ рѣзко преобладаетъ краснокирпичный цвѣтъ? Помню также, что онъ крѣпко сѣтовалъ на Римское правительство, отнявшее у него бѣдную дѣвочку, имъ призрѣнную и которую онъ началъ было воспитывать со всею родительскою любовью. И отняли ее у него изъ опасенія чтобъ онъ не совратилъ ребенка въ нашу называемую Латинянами схизму.

Въ первыхъ мѣсяцахъ 1820 года произошло у насъ важное событіе, а именно: пріѣздъ во Флоренцію на короткое время Русскаго священника. Это былъ іеромонахъ о. Иринархъ, находившійся въ Миланѣ при домовой церкви маркизы Терци, рожденной княжны Голицыной. Живо помню, какъ мы всѣ, даже наши полупрозелитки, были глубоко тронуты, когда послѣ трехъ лѣтъ почти услыхали возгласъ при началѣ литургіи: «Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа» и проч. Глаза у всѣхъ наполнились слезами. О, не безъ борьбы, конечно, совершился скорбный переходъ моихъ семейныхъ въ Римскую церковь! Особенно былъ онъ мучителенъ для моей матери, для брата и для Екатерины Ивановны Леруа. Съ этого 1820 и до 1823 года, отецъ Иринархъ бывалъ по нѣскольку разъ во Флоренціи, хотя на короткое время. Онъ былъ первымъ моимъ законоучителемъ, и отъ него я догматически узналъ, что есть существенное, а не одно обрядовое различіе между восточной и западной церквами.

Въ продолжительные промежутки пріѣздовъ во Флоренцію о. Иринарха, отецъ нашъ продолжалъ выписывать изъ Ливорна отца Іоахима Валламонте. Однажды, когда я и сестра Елисавета говѣли, наша мать прочла намъ вслухъ молитву передъ принятіемъ Св. Тайнъ: «Вѣрую

Господи и исповѣдую» (которую Греческій нашъ духовникъ не могъ прочесть), и мать моя отъ полноты чувствъ прослезилась. Переходъ ея въ латинство неокончательно еще совершился тогда. Впрочемъ, я долженъ добавить, что и послѣ ея перехода въ Римскую церковь и до конца своей жизни, она всегда признавала дѣйствительнымъ присутствіе тѣла и крови Искупителя въ таинствѣ эвхаристіи въ восточной нашей церкви, въ чемъ сомнѣваются, кажется, иные ультрамонтаны.

Года два съ небольшимъ по пріѣздѣ нашемъ во Флоренцію скончался отъ водяной одинъ изъ двухъ камердинеровъ моего отца, Николай Бѣшенцовъ, братъ даровитаго буфетчика, поэта и рисовальщика Ивана (возвышеннаго въ управляющіе Костромскимъ нашимъ имѣніемъ). На мѣсто умершаго выписанъ былъ изъ нашихъ же дворовыхъ Илья Степановъ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ. Въ Россіи онъ былъ у насъ берейторомъ и одно время дядькою при мнѣ; онъ приходится братомъ по матери старшему камердинеру моего отца, Андрею Кашинцову. Этотъ Илья оставался при моемъ отцѣ до самой его кончины въ 1829 году, а сынъ его обучался архитектурѣ. Одновременно выписанъ былъ также нашъ поваръ Иванъ, тотъ самый что̀ сопровождалъ насъ до Радзивилова въ 1817 году. Около этого же времени выслали намъ изъ Бѣлкина любимое наше шестимѣстное ландо̀ и Англійское фортепіано, подаренное когда-то сестрѣ моей Елисаветѣ теткою нашею леди Пемброкъ. Подобныя недешевыя пересылки вещей, въ сущности не совсѣмъ необходимыхъ, покажутся нынѣ странностію, но при тогдашнихъ привычкахъ и широкихъ средствахъ онѣ считались обыкновенными.

Завелся тогда во Флоренціи коммиссіонеръ и полубанкиръ для Русскихъ путешественниковъ, мѣстный уроженецъ Маріотти, долго жившій въ Петербургѣ дворецкимъ у князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовскаго. Впослѣдствіи слышно было, что онъ жирненько нажился этой коммерціею, за что земляки его дали ему кличку «mangi Russi» (пожиратель Русскихъ). Онъ возвратился во Флоренцію женатый на Русской, а такъ какъ дѣтей у нихъ никогда не было, то они взяли на воспитаніе маленькую дочь вышепомянутаго нашего Ильи Степанова (родившуюся уже во Флоренціи), съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее наслѣдницею. Что̀ сталось съ этой дѣвочкою, не знаю.

Начало лѣта 1820 г. мы провели на нашей виллѣ Пальміери, а въ Іюнѣ все наше семейство съ отцомъ включительно переѣхало для морскихъ купаній на виллу Швейцарца Гебгардта, близъ Ливорна, и обратно оттуда на всю позднюю осень въ виллу Пальміери. Насупро-

тивъ виллы Гебгардта жилъ лѣтомъ Турокъ, котораго мы видали сидящимъ у окна въ чалмѣ и съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ. Странная его фамилія, г. Жибральтаръ, давала поводъ подозрѣвать, не изъ ренегатовъ ли онъ былъ? Помнится мнѣ также, что онъ былъ Турецкимъ консуломъ. Втерся тогда въ общество Русскихъ молодой человѣкъ по фамиліи Гуерацци*), сынъ Ливорнскаго торговца эстампами. По ходатайству моего отца и другихъ вліятельныхъ лицъ изъ Русскихъ, на этого молодого человѣка, поступившаго въ Русскую службу, обращено было вниманіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Первоначально онъ получилъ «exequatur» на должность Русскаго вице-консула въ Ливорнѣ, былъ посланъ кабинетнымъ курьеромъ куда-то, во время конгрессовъ Лейбаха или Тропау, и позднѣе былъ Русскимъ консуломъ въ какомъ-то другомъ городѣ Италіи изъ приморскихъ.

Во время нашихъ приготовленій къ поѣздкѣ изъ виллы Пальміери на морскія купанья въ Ливорну, однажды, когда всѣ наши *большіе* сидѣли внизу за обѣдомъ, я, вмѣсто того, чтобы изготовлять урокъ, заданный мнѣ г. Слоаномъ, влѣзъ, изъ шалости, въ одинъ изъ чемодановъ приготовленныхъ для укладки платья. Замо́къ какъ-то щелкнулъ, и я бы могъ задохнуться, еслибы не подоспѣлъ нашъ камердинеръ Дмитрій Ломовъ; да и онъ съ перваго раза не могъ освободить меня изъ этой западни, потому что не понималъ, откуда выходили мои крики.

Въ лѣтнее время сестра моя Елисавета съ Екатериною Ивановною Леруа, и я съ г. Слоаномъ, каждое утро, натощакъ, совершали двухчасовую и болѣе пѣшую прогулку по Апеннинскимъ холмамъ и долинамъ вблизи отъ виллы Пальміери. Нерѣдко случалось, что между Екатериною Ивановною и моимъ воспитателемъ заходилъ разговоръ о вечернихъ наканунѣ салонныхъ гостяхъ, и о чемъ тамъ трактовали, а такъ какъ я грѣшилъ болѣе любопытствомъ, нежели любознаніемъ, то тема эта меня очень всегда интересовала. (Еще тогда, вплоть до 1823 года, я ложился спать въ половинѣ десятаго). И вотъ откуда я почерпнулъ многое изъ помѣщаемаго въ этихъ моихъ разсказахъ, а въ добавокъ я кое-что подслушивалъ во время урочныхъ моихъ часовъ, когда приходилъ вверхъ въ мою классную старикъ г. Джіуліани (нашъ маэстро-ди-каза) поболтать минутъ на двадцать съ г. Слоаномъ и попросить его очинить ему перья, въ чемъ мой наставникъ отличался. Справедливая была у нашей матери поговорка, что «les petits

*) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Гуерацци, позднѣйшимъ писателемъ и демагогомъ, но весьма даровитымъ человѣкомъ. Онъ участвовалъ въ Римской революціи 1848 года.

chaudrons ont de longues oreilles» [1]), а у меня еще вдобавокъ была хорошая память, какъ о томъ можетъ судить читатель.

Переселился изъ Венеціи въ Пизу въ 1819 или 1820 году лордъ Байронъ. Нрава нелюдимаго, онъ избѣгалъ шумной Флоренціи, и когда ему было надо проѣзжать черезъ нее, то онъ выбиралъ для этого ночное время и никогда въ ней не останавливался. Не любилъ онъ встрѣчей съ своими соотечественниками и жилъ въ малолюдной и скучной Пизѣ, въ кругу трехъ-четырехъ интимныхъ товарищей, скорѣе чѣмъ друзей, въ числѣ которыхъ былъ поэтъ Шѣлли (Schelly), утонувшій въ морѣ подъ Ливорно во время катанія на шлюпкѣ [2]); также отставной капитанъ Медвинъ (capt. Medwin), издавшій позднѣе книгу подъ заглавіемъ «Conversations of lord Byron» (разговоры лорда Байрона), и Итальянская красавица графиня Гуиччіоли (Guiccioli), покинувшая свое семейство изъ любви къ знаменитому барду [3]). Разсказывали, что прихотливый лордъ не любилъ видѣть женщину, когда она ѣстъ, и потому эта дама присутствовала для одной формы на его обѣдахъ и прикасалась лишь къ десертнымъ фруктамъ. Тишина Пизы и отсутствіе аристократическаго элемента соотвѣтствовали какъ разъ мечтательному и мизантропическому духу лорда-поэта. Безжизненность этого города одушевлялась немного на четыре или пять недѣль въ году, когда туда переѣзжалъ въ концѣ зимы Тосканскій дворъ. Отрицая свое Англійское происхожденіе, лордъ Байронъ утверждалъ, что корень его фамиліи былъ одинаковый съ извѣстнымъ въ прошломъ столѣтіи Французскимъ комодоромъ Бирономъ, и вотъ почему Пизанскіе его сожители-Англичане произносили его фамилію Биронъ, а не Байронъ. Въ 1822 году онъ имѣлъ какую-то непріятную исторію съ однимъ кавалерійскимъ унтеръ-офицеромъ во время его прогулки съ друзьями верхомъ; исторія эта дошла до драки между Англичанами, прислугой лорда и Тосканскими военными, вслѣдствіе чего онъ первоначально переѣхалъ (помнится мнѣ) въ Швейцарію, а когда вспыхнуло Греческое возстаніе, то поспѣшилъ принести въ помощь людямъ, боровшимся за независимость, дѣятельность свою и широкія средства, и умеръ, какъ извѣстно, въ 1824 году, въ Миссолунги.

По случаю бракосочетанія царствовавшаго великаго герцога Фердинанда III съ Саксонскою принцессою, устроено было народное ночное празднество, подобнаго которому никогда болѣе не случалось мнѣ видѣть. Вся площадь передъ церковью и монастыремъ Св. Марка, до-

[1]) У маленькихъ котелковъ большія ушки.

[2]) Шелли сдѣлался извѣстенъ своею поэмою „Королева Мебъ" (Queen Mabb).

[3]) Она была еще жива въ 1863 г. во Флоренціи.

вольно обширная, была обтянута холстомъ и обращена въ гигантскій танцовальный залъ. Въ числѣ иноковъ этого монастыря былъ въ концѣ XV вѣка знаменитый Джироламо Саванарола. Я гдѣ-то вычиталъ, что блаженный нашъ Максимъ-Грекъ (также потерпѣвшій отъ деспотизма), путешествуя по Италіи, лично знавалъ этого Саванаролу и о немъ отзывается, какъ о монахѣ строгой жизни.

Въ 1819 или 1820 году переѣхалъ изъ Парижа во Флоренцію Николай Никитичъ Демидовъ и зажилъ тамъ владѣтельнымъ князькомъ второй руки. Нанимаемый имъ палаццо Серистори, у моста «Delle Grazie», представлялъ пеструю смѣсь публичнаго музея съ обстановкою Русскаго вельможи прошлаго вѣка. Тутъ были Французскіе секретари, Итальянскіе комиссіонеры, Сибирскіе горнозаводскіе конторщики, приживалки, воспитанницы, и въ дополненіе ко всему этому Французская водевильная труппа въ полномъ составѣ. Изъ приживалокъ была одна перезрѣлая Весталка по фамиліи Вындомская, а къ числу воспитанницъ принадлежала молодая мамзель Надинъ съ Калмыцкими глазами и скулами. Сверхъ сего штата постоянно проживали у него бездомные игроки и паразиты; Французскою же труппою управлялъ старикъ Фрожеръ, принадлежавшій когда-то Петербургской императорской труппѣ, той самой, въ которой первенствовала и возбуждала всеобщій фуроръ пѣвица комическихъ оперъ Фелисъ-Андріѐ. Какъ стародавній знакомый моего отца, этотъ Фрожеръ часто бывалъ у насъ на виллѣ Пальміери, и отецъ мой называлъ его «le Frogère» или «citoyen Frogère», на подобіе того, какъ Парижане называли другъ друга во времена первой республики, и я полагаю, что гражданинъ Фрожеръ былъ товарищемъ на сценѣ республиканскому народному трибуну и актеру, Колену д'Арлевилю. Комическое свое амплуà Фрожеръ продолжалъ и внѣ театра и сдѣлался вхожъ во многіе Петербургскіе салоны начала сего вѣка. Судя по тому, каковъ онъ былъ въ старческихъ своихъ годахъ, сдается мнѣ, что онъ обязанъ былъ буффонству своимъ доступомъ къ Петербургской знати. Изъ его разсказовъ помню слѣдующій. Однажды на Петербургской Французской сценѣ стояла на афишѣ Вольтерова трагедія «Танкредъ». Какая-то неожиданная причина помѣшала объявленному спектаклю, а замѣнить эту трагедію другою піесою недоставало времени, и вотъ на какое гаерство пустились Французскіе артисты. По поднятіи занавѣса выходитъ на авансъ-сцену первый трагическій актеръ Сенъ-Клеръ (Saint-Clair) въ роли Танкреда, въ рыцарскомъ, какъ слѣдуетъ, костюмѣ; а за нимъ выступаетъ, въ роли его конфидента-Альдамара, нашъ Фрожеръ. Тутъ публика почуяла, что будетъ потѣха уже по тому, что комикъ Фрожеръ взялся за серіозную роль

и что при томъ онъ явился въ партикулярномъ своемъ костюмѣ. И вотъ Сенъ-Клеръ декламируетъ первые два стиха входной тирады:

A tous les coeurs bien nés que la patrie est chère!
Qu'avec ravissement je revois ce séjour.

А Фрожеръ подхватываетъ въ отвѣтъ: «Oui, monsieur, cela fait toujours du plaisir de revoir son pays». Тутъ конечно послѣдовалъ взрывъ хохота въ публикѣ. Затѣмъ Сенъ-Клеръ продолжалъ:

Cher brave Aldamar, digne ami de mon père,
C'est toi dont l'heureux zèle a servi mon retour,

а Фрожеръ: «Vous êtes bien bon, monsieur, mais cela ne vaut pas la peine d'en parler. Du reste, m-r votre père, il est vrai, m'honorait de son amitié», и затѣмъ вся остальная сцена сошла въ такомъ же буффонствѣ, къ величайшей забавѣ партера. Не знаешь, право, чему болѣе тутъ дивиться, дерзости ли актеровъ, или невзыскательности и дурному вкусу публики.

Въ домѣ Н. Н. Демидова находилась также выставка малахитовыхъ и другихъ цѣнныхъ вещей, а въ саду коллекція попугаевъ. Оба эти отдѣленія были доступны Флорентинскимъ зѣвакамъ и состояли подъ надзоромъ, сколько помнится мнѣ, одного убогаго Луккскаго маркиза, получавшаго окладъ въ 10 или 15 скудовъ въ мѣсяцъ. (Скудо, тоже что́ Тосканскій «франческоне», равнялся, по тогдашнему курсу, 5 франкамъ и 60 центимамъ, около $1^1/_2$ нынѣшнихъ рублей). Французскіе спектакли давались два раза въ недѣлю, а затѣмъ слѣдовалъ балъ. Самого хозяина, разбитаго параличемъ, перевозили изъ комнаты въ комнату на креслахъ съ колесами. Конюшни были наполнены Англійскими кровными лошадьми (изъ нихъ замѣчательна была сѣрая въ яблокахъ шестерня, пріобрѣтенная по смерти Англійской принцессы Шарлотты), и экипажи Н. Н. Демидова, отличавшіеся на публичныхъ гуляньяхъ роскошью упряжи, соперничали, если даже и не превосходили экипажи другаго матадора и охотника въ этомъ отношеніи, принца и милліонера Камилла Боргезе. Были также и верховыя лошади для употребленія мужской и дамской свиты хозяина. До покупки и перестройки знаменитой своей подгородной виллы Санъ-Донато, въ концѣ 20-хъ годовъ, Н. Н. Демидовъ все продолжалъ жить въ палаццѣ Серистори. Онъ щедро надѣлилъ помѣстьемъ Монте-Лимоне (въ окрестностяхъ Ливорно) жившаго при немъ незаконнорожденнаго (какъ носился слухъ) своего сына молодаго Романовича, недолго владѣвшаго этимъ помѣстьемъ и убитаго на дуэли однимъ игрокомъ Розенбергомъ. Онъ

уже былъ помолвленъ на незаконнорожденной дочери принца Станислава Понятовскаго, красавицѣ Констанціи, вышедшей позднѣе замужъ за маркиза Цаппи [1]). Случалось, что Николай Никитичъ, разсматривая отчеты Сибирскихъ своихъ заводовъ, нужнымъ находилъ вытребовать для личныхъ объясненій во Флоренцію какого нибудь изъ Уральскихъ своихъ прикащиковъ и, получивъ подобное приказаніе, Сибирякъ запрягалъ тройку въ повозку и, на основаніи поговорки, что «языкъ до Кіева доведетъ», въ ней проѣзжалъ всю Россію и Германію и являлся къ барину во Флоренцію, не говоря ни на какомъ другомъ языкѣ, какъ на родномъ.

Въ числѣ жившихъ на окладѣ Н. Н. Демидова находился Иванъ (по отечеству забылъ) Нарышкинъ, хромой острякъ, изъ-за чего дано было ему прозвище «le diable boiteux». Раненный въ 1812 году, онъ почти постоянно проживалъ въ Парижѣ, но бывалъ и во Флоренціи и слылъ игрокомъ, въ обществѣ былъ крайне забавенъ и пѣвалъ остатками прекраснаго басоваго голоса. Анатолій Николаевичъ Демидовъ не оставлялъ г. Нарышкина по смерти своего отца, и разъ, въ Парижѣ, по случаю новаго года, послалъ ему 500 франковый билетъ при запискѣ, въ которой говорилось: «de la part de m-r Démidoff avec mille compliments» [2]) по полученіи которой г. Нарышкинъ не замедлилъ письменнымъ отвѣтомъ, что «au lieu des mille compliments mentionnés dans le billet de m. A. de Demidoff il n'y avait d'inclus que la moitié» [3]). Послѣдовала ли затѣмъ вторая серія комплиментовъ, не знаю. Хотя Анатолій Николаевичъ былъ тремя годами моложе меня, но предоставлена была ему, въ описываемое мною время, полная свобода. Гувернера при немъ (по крайней мѣрѣ во Флоренціи) не было, и онъ пріѣзжалъ къ намъ на виллу Пальміери одинъ и когда ему вздумается. Отецъ его выразился разъ (кажется при мнѣ), что изъ этого его сына выдетъ или негодяй (scélérat), или замѣчательный человѣкъ; кажется, ни того ни другого изъ него не вышло. Николай Никитичъ щедро помогалъ всѣмъ нуждающимся и по смерти былъ весьма оплакиваемъ нищею братьею городской части, гдѣ онъ жилъ. Мать моя сказывала мнѣ, что отецъ Николая Никитича, уже получившій дворянство (изъ бывшихъ купцовъ), домогался камеръ-юнкерскаго званія, на чтó императрица Екатерина отозвалась-де, что онъ не заслужилъ ничѣмъ такого отличія. Когда же ходатаи Сибирскаго милліонера доло-

---

[1]) Романовичъ служилъ (вѣроятно недолго) въ Маріупольскомъ гусарскомъ полку.

[2]) Отъ г. Демидова съ тысячью комплиментовъ.

[3]) Что вмѣсто тысячи комплиментовъ, обозначенныхъ въ письмѣ г. Демидова, въ полученіи оказалась одна только половина таковыхъ.

жили ей, что онъ готовъ пожертвовать для того вооруженнымъ вполнѣ военнымъ судномъ, то Императрица сказала: «О если такъ, то не только камеръ-юнкеромъ, но пожалую его въ камергеры».

Осенью этого 1820 года бывали у насъ на виллѣ Пальміери два лица, бывшія впослѣдствіи монархами: принцъ Леопольдъ Кобургскій, вдовецъ Англійской наслѣдной принцессы Шарлотты, бывшій до 1814 г. въ нашей службѣ, а впослѣдствіи Бельгійскимъ королемъ, и принцъ Оскаръ, наслѣдникъ Шведскаго престола, сынъ Бернадота. Изъ Русскихъ пріѣзжихъ особенно помню графа Кутайсова, человѣка далеко не первой молодости, но силившагося молодиться, «un ci-devant jeune homme.» Это былъ маленькій и худенькій человѣкъ; кажется, чернилъ себѣ волоса. Изъ Французскихъ роялистовъ бывали у насъ графъ или маркизъ д'Эстурмель и маркизъ де-Бурбель съ сыномъ, немного старше меня, а также полуобрусѣвшій, но переселившійся обратно въ Бурбонскую Францію графъ Арманъ Сенъ-При, со старшимъ сыномъ Алексѣемъ. Кстати уже забѣгу далеко впередъ, чтобы добавить о графѣ Арманѣ, что онъ, доживши до второй Французской имперіи (въ 1852 г.) не могъ видѣть на Бурбонскомъ тронѣ племянника перваго ненавистнаго ему узурпатора и предпочелъ умереть въ Россіи.

Въ это же приблизительно время поселилось во Флоренціи па нѣсколько лѣтъ семейство Краузъ (или Краузе) изъ зажиточпыхъ негоціантовъ Прибалтійскихъ пашихъ губерній. Мы не были знакомы съ ними; но, встрѣчаясь на гуляніяхъ, нельзя было не обратить вниманія на одну изъ младшихъ дочерей г. Краузе, прехорошенькую блондинку Иду.

Говоря о Флорентинскихъ виллахъ, нелишнимъ считаю дать нѣкоторое о нихъ понятіе. Въ нихъ ничего особенно привлекательнаго въ описываемое время не было кромѣ болѣе или менѣе живописной мѣстности, и весьма ошибется тотъ, кто вообразитъ себѣ ихъ чѣмъ-то въ родѣ Петербургскихъ загородныхъ дачъ съ ихъ комфортомъ и меблировкою. Начиная съ того, что никакихъ орнаментальныхъ плантацій, ни газоновъ съ кустарниками не было: въ знойный Итальянскій лѣтній день другой тѣни не сыщешь какъ отъ стѣнъ виллы. Съ противуположной стороны подъѣзда было разбито обыкновенно нѣчто въ родѣ крошечнаго цвѣтничка, глухо замкнутаго кругомъ высокими стѣнами, которыя служили внутри шпалерами для померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ, абрикосовъ или сливъ, съ мраморнымъ бассейномъ въ серединѣ четвероугольника, изъ котораго билъ фонтанъ, да и то непостоянно, а когда открывался кранъ. Насчетъ померанцовыхъ и

лимонныхъ деревьевъ надо замѣтить, что, при столь прославленномъ Флорентинскомъ климатѣ, деревья эти закрываются зимою на-глухо толстѣйшими соломенными щитами, въ родѣ матрасовъ. Квадратикъ съ фонтаномъ въ центрѣ пересѣкался узенькими регулярными дорожками въ аршинъ ширины изъ мелкихъ и неутрамбованныхъ камешковъ, а между дорожками были узенькія рабатки или угловатыя регулярныя и небольшія клумбы для скудныхъ цвѣтовъ, между которыми торчали кое-гдѣ цвѣточные кустарники или низенькія деревца, обыкновенно гранатныя, деревца-карлики, покрытыя, впрочемъ, лѣтомъ огненными цвѣтками. Въ болѣе роскошныхъ виллахъ выставлялись на лѣто, по угламъ дорожекъ и вокругъ средняго бассейна, довольно высокорослыя лимонныя и померанцовыя деревья въ огромныхъ глиняныхъ горшкахъ. Иногда подъѣздъ къ вилламъ былъ между двумя рядами стриженныхъ, аршина на три вышины, кипарисовъ, или дворъ предъ виллою окаймлялся живою изгородью такихъ же кипарисовъ, но еще болѣе низкой стрижки. Кое-гдѣ стояла отдѣльно группа изъ полудюжины гигантскихъ кипарисовъ, отдѣльными экземплярами, или стояло въ одиночку лавровое дерево средней величины, или густой вѣчнозеленый дубъ, или буковое дерево; но другихъ плантацій не было. Тотчасъ за въѣзднымъ дворомъ и за цвѣтничкомъ тянулись пахатныя поля; они же служили огородомъ, перерѣзанныя параллельными линіями виноградныхъ лозъ на низкихъ шпалерахъ изъ тростника, а въ той же линіи (между ними) были оливковыя деревья, яблони (незавидныхъ вообще сортовъ кромѣ ранетовъ), персиковыя деревья (мелкоплодныя и несочныя), или смоковницы съ превкусными и сочными плодами. Кое-гдѣ выглядывали также исполинскіе экземпляры грушевыхъ деревьевъ съ огромными плодами, сохраняющимися безъ порчи всю зиму, и почти такого же размѣра деревья Испанскихъ вишенъ; но подобныхъ деревьевъ было вообще немного, и за ними былъ тотъ же уходъ, какъ у насъ за березами, то есть никакого. Между виноградными линіями сѣялись зимовая пшеница, овесъ и кукуруза (рожъ неизвѣстна). А чтó до садоводства, то послѣ стараго великаго герцога Фердинанда III отецъ мой былъ изъ самыхъ первыхъ: онъ ввелъ культуру камелій, азалій и рододендроновъ.

Пахатныя земли, перемѣшанныя съ виноградниками и грядками для овощей, раздѣляются на «подери,» каждый изъ которыхъ равняется тремъ, приблизительно, десятинамъ, а нѣсколько «подере» вмѣстѣ составляютъ одну «фатторію,» арендуемую фермеромъ, а по мѣстному названію «фатторе». При иныхъ виллахъ (преимущественнѣе подгородныхъ) бываетъ одна только фатторія, состоящая изъ двухъ или

трехъ «подере,» но при болѣе значительныхъ бываетъ по пяти и болѣе «подере,» а въ отдаленныхъ отъ Флоренціи и болѣе крупныхъ помѣстьяхъ, бываетъ по три фатторіи, каждая изъ которыхъ состоитъ изъ 8 или 9 подерей: это уже зовется «тенута,» т. е. имѣніе, а не простая вилла. Каждая фатторія должна внести за себя денежный залогъ, довольно иногда значительный.

Мебелировка этихъ виллъ (говорю о быломъ времени), состояла по большой части изъ столѣтнихъ, если не старѣе, креселъ, стульевъ и дивановъ съ необыкновенно высокими и прямыми спинками, обитыхъ краснымъ штофомъ той же эпохи, или полинялой канвовой работы: издѣлія давно покоющихся хозяекъ виллъ. Спальни были загромождены кроватями такой ширины и длины, что на нихъ могли бы свободно улечься три человѣка, не прикасаясь другъ къ другу; но на подобное ложе влѣзть было невозможно безъ помощи скамьи. Иные объясняли эту неимовѣрную ширину кроватей потребностію перемѣнять мѣсто въ жаркія лѣтнія ночи. Занавѣси этихъ парадныхъ кроватей были изъ такой же штофной красной матеріи, какъ салонная мебель, прикрѣпленныя къ балдахину, доходившему почти вплоть до потолка. Столярная отдѣлка мебели въ парадныхъ комнатахъ была иногда позолоченная, а также и фигуры купидоновъ и негровъ, немного ниже натуральнаго роста, стоящія по угламъ, съ пустыми канделябрами въ рукахъ; въ прихожей (между лакейской и пріемными комнатами) или въ столовой, висѣли или стояли на тумбѣ столѣтніе давно испорченные часы. Лакейская имѣла свой аристократическій типъ: не только на спинкахъ лавокъ для прислуги изображенъ былъ гербъ владѣльцевъ виллы, но вдоль стѣнъ и по угламъ прибиты были раскрашенные щиты съ гербами тѣхъ фамилій, члены которыхъ сочетались бракомъ съ членами владѣльцевъ виллы. Стѣны въ пріемныхъ комнатахъ, обвѣшанныя краснымъ или зеленымъ штофомъ (подъ цвѣтъ мебели), имѣли притязаніе считаться галлереями отъ висѣвшихъ на нихъ, въ три - четыре ряда, почернѣвшихъ какъ уголь, картинъ, нѣкогда въ золотыхъ рамкахъ. Были еще въ мое время виллы съ остатками феодальной эпохи: по стѣнамъ столовыхъ залъ развѣшаны заржавленныя средневѣковыя оружія, также галлебарды и тупыя пики для турнировъ (tournois), и портреты, во весь ростъ въ латахъ, фамильныхъ витязей, пѣшихъ и конныхъ.

Въ пріемныхъ и жилыхъ парадныхъ комнатахъ, въ залѣ (иногда въ два свѣта, т. е. занимавшей вышину двухъ этажей) и въ прихожей всѣ потолки были росписаны фресками миѳологическаго или аллегорическаго содержанія, иногда весьма порядочной работы. Столы и тумбы

въ парадномъ отдѣленіи были на кривыхъ, въ родѣ рококо́ ножкахъ и вызолочены, съ мраморными по большей части досками. Но вся эта роскошь минувшихъ вѣковъ вѣяла затхлостію: полы кирпичные и покрытые какой-то темно-красной и гладкой мастикою, отъ чего они были скользки. Рядомъ съ пышностію парадныхъ нижнеэтажныхъ апартаментовъ, въ жилыхъ верхнихъ комнатахъ двери, окна и оконные косяки были иногда въ наиплачевнѣйшемъ состояніи и свободно пропускали осенній дождь и вѣтеръ. Уютнаго ничего не было въ этихъ виллахъ, развѣ только въ томъ отношеніи, что повсюду проведены были трубы съ кранами превосходной ключевой воды.

Безчисленность виллъ, окружающихъ и по нынѣ Флоренцію, была предметомъ удивленія еще въ XVI вѣкѣ и внушила знаменитому тогдашнему поэту Аріосту стихи, отзывающіеся однакоже гиперболою, свойственною всей Итальянской поэзіи:

«Глядя на множество виллъ, покрывающихъ холмы, подумаешь, что онѣ выходятъ изъ земли, точно такъ какъ въ землѣ рождаются червяки, которыми усыпаны молодые побѣги вѣтвей. А еслибы собрать воедино и подъ однимъ именемъ всѣ эти палаццы, разбросанные вокругъ тебя (т. е. Флоренціи), то два цѣлыхъ Рима не могли бы соперничать съ тобою».

Въ длинные осенніе вечера на виллѣ Пальміери, когда не было у нашей матери гостей, и уроки мои кончались, мы всѣ собирались вокругъ стола слушать трагедіи Расина и Корнеля, или комедіи Моліера, которыя намъ читала мать, учившаяся въ молодости декламировать у Французскаго актера Офрена (если не ошибаюсь). На эти чтенія приходилъ изъ своей половины нашъ отецъ и, раскладывая обычный свой гранъ-пасіансъ, часто, къ нашему удивленію, подсказывалъ наизусть цѣлыя тирады трагедій, перечитанныхъ вѣроятно имъ съ самой молодости. Эти чтенія, какъ и читанныя мнѣ иногда вверху моимъ воспитателемъ Шекспировы трагедіи, имѣли ту особенную для меня прелесть, что я мысленно переносился въ театръ, куда до 15 лѣтняго возраста меня не пускали, театръ же то и дѣло что мерещился въ моемъ воображеніи. Понятія о немъ ограничивались воспоминаніями домашняго нашего спектакля въ Бѣлкинской ригѣ, съ декораціями писанными учителемъ рисованія г. Форлопомъ, да еще видѣнной мною въ проѣздъ черезъ Вѣну пантомимы Вулкана, Марса и Венеры, въ вольтижерскомъ циркѣ Баха въ Пратерѣ.

Весною 1820 г. проѣхало изъ Рима чрезъ Флоренцію обратно въ Россію семейство Мальцовыхъ, въ глубокомъ траурѣ по матери семейства, скончавшейся въ Римѣ. Зиму съ 1819 на 1820 годъ провелъ во Флоренціи Петръ Львовичъ Давыдовъ съ своимъ семействомъ, про-

живавшій передъ этимъ въ Пизѣ, по болѣзни его жены, дочери графа Владимира Григорьевича Орлова. Она тамъ и скончалась и похоронена въ Ливорнской Греческой церкви. Въ эту зиму я сблизился съ ровесникомъ мнѣ Владиміромъ Петровичемъ Давыдовымъ (нынѣ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ). Одною изъ причинъ этого сближенія могло быть то, что и при немъ находился гувернеромъ Англичанинъ изъ католиковъ, г. Колліеръ, и оба наши воспитатели часто видались. У Давыдова была тогда одна только сестра, немного старше его, крайне болѣзненная и горбатая; она умерла дѣвицею лѣтъ десять позднѣе. Отецъ ихъ сохранялъ еще въ описываемое мною время двѣ физическія отличительности: слѣды прежней красоты и остатки недюжиннаго тероваго голоса, которымъ онъ пѣвалъ иногда со мною оперные отрывки. Много позднѣе онъ вторично женился на дѣвицѣ Лихаревой, братъ которой служилъ одновременно со мною юнкеромъ во второй гусарской дивизіи. Житейскія средства Давыдовыхъ была тогда весьма ограничены.

Нерѣдко бывалъ у насъ во Флоренціи свѣтлѣйшій князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ, молодчина во всемъ блескѣ типической красоты, при высокомъ ростѣ. Онъ былъ ярый меломанъ и ревностный посѣтитель опернаго театра Перголе. Сестра его г-жа Жеребцова жила по нѣскольку разъ во Флоренціи съ дочерью Ольгою Александровною (нынѣ княгинею Орловой), которая была почти однихъ лѣтъ съ моей сестрою Елисаветою Дмитріевною, но сблизилась болѣе съ Анночкою Станкеръ. Проживавшая при г-жѣ Жеребцовой одна ея родственница вышла замужъ за Француза, графа Ашилла-Спаръ. Сама Ольга Александровна чуть не вышла замужъ, немного позднѣе, за молодаго герцога Монтебелло (того самаго, что́ былъ Французскимъ посломъ при нашемъ дворѣ въ 1860 году) и, уже какъ невѣста, носила на браслетѣ портретъ жениха. Почему этотъ бракъ не состоялся, не знаю; помню плохенькій каламбуръ тогда придуманный на счетъ этой молодой пары. «Si le fils de l'âne» (такъ какъ герцогъ Монтебелло былъ сынъ маршала Лана, Lannes) épouse la fille de l'étalon (тутъ уже каламбуръ падаетъ на Русское слово *жеребецъ*), je vous laisse à penser ce que sera la progéniture *).

Пріѣхала во Флоренцію и старуха фельдмаршальша княгиня Кутузова-Смоленская съ своею дочерью Опочининой, съ мужемъ и всѣмъ

*) Если сынъ осла женится на дочери жеребца, то предоставляю вамъ судить, каковъ будетъ плодъ. Много позднѣе Жеребцова вышла замужъ за флигель-адъютанта графа Адама Ржевуцкаго, который годился ей въ сыновья.

семействомъ послѣдней; другой ея дочери, Елисаветы Михайловны Хитровой, уже не было тогда во Флоренціи. Молодой Константинъ Опочининъ былъ однихъ почти со мною лѣтъ, и мы часто видались. Очень завидовалъ я свободѣ, которою онъ пользовался: ѣздилъ онъ одинъ въ Кашинахъ на своей лошади, купленной для него у какого-то Австрійца, которую молодой Опочининъ каламбурно звалъ «un cheval autre chien» вмѣсто «autrichien»: выходка, казавшаяся мнѣ, неразвитому мальчику, куда-какъ остроумна [1]).

Татьяна Борисовна Потемкина, тогда въ цвѣтѣ юной, но болѣзненной красоты, отправлена была медиками, по причинѣ угрожавшей ей чахотки, сначала въ Швейцарію, послѣ чего она провела одну или двѣ зимы во Флоренціи и совершенно выздоровѣла. Неразлучно при ней находилась бывшая ея гувернантка, старая Француженка г-жа Ноазвиль, преумнѣйшая и забавнѣйшая особа [2]). Также жили при ней княжна Туркестанова и Швейцарецъ г. Мюльгаузенъ, учитель Французской словесности въ Петербургѣ. Г. Мюльгаузенъ принялся и со мною за этотъ языкъ, а по просьбѣ графа Барди онъ же Мюльгаузенъ устроилъ первое Ланкастерское училище (по методѣ взаимнаго обученія), куда онъ насъ пригласилъ и гдѣ страннымъ весьма мнѣ показалось, что, по окончаніи класса, ученики лобызали его директорскую руку. Внукъ упомянутой г-жи Ноазвиль, Эдуардъ Прескотъ, мнѣ ровесникъ, раздѣлялъ одно время мои уроки съ г. Слоаномъ, а когда возмужалъ, то поступилъ на Русскую службу, и я видалъ его въ Кіевѣ въ 1836 г. инженернымъ офицеромъ.

Не могу обозначить, въ какомъ именно году были также во Флоренціи князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (братъ Московскаго старожила князя Сергія Михаиловича), покупатель драгоцѣнныхъ картинъ и разныхъ рѣдкостей. Много позднѣе два его сына, уже взрослые, путешествовали по Италіи, сопрождаемые Московскимъ врачемъ Альбини [3]). Весною 1821 года показались во Флоренціи и оттуда продолжали вмѣстѣ свое путешествіе въ южную Италію какой-то князь Павелъ Голицынъ (штатскій) и Дмитрій Евлампович Башмаковъ, очень красивый мужчина, служившій тогда въ кавалергардскомъ полку. Во

---

[1]) Что еслибы въ то время какая нибудь гадальщица предсказала молодому Опочинину, что его ожидаетъ честь сдѣлаться тестемъ одного члена императорской фамиліи, внука принца Евгенія Богарне? Вѣдь онъ бы разсмѣялся!

[2]) Про нее см. въ перепискѣ Кристина съ княжною Туркестановой въ „Русскомъ Архивѣ" 1882 года. П. Б.

[3]) Позднѣе оба они совратились въ латинство, и одинъ изъ нихъ служилъ въ 1848 г. въ папской гвардіи тѣлохранителей.

время занятія Неаполя Австрійцами Башмаковъ имѣлъ тамъ дуэль съ Австрійскимъ офицеромъ княземъ Валдекомъ, по какому поводу, не знаю, и нашъ соотечественникъ былъ опасно раненъ пулею въ бокъ.

Гдѣ-то кажется, я говорилъ, что въ 1820 году выписана была изъ Англіи для маленькой моей сестры Елены гувернантка-католичка миссъ Кларкъ, вмѣсто прежней г-жи Робинъ, протестантки и немолодой уже женщины. Вмѣстѣ съ миссъ Кларкъ прибылъ и ея братъ Джемсъ, мальчикъ моихъ лѣтъ, сдѣлавшійся компаніономъ моихъ игръ и иныхъ моихъ уроковъ, хотя онъ не жилъ у насъ въ домѣ, а у своей матери, содержавшей меблированныя комнаты со столомъ (boarding-house) во Флоренціи, уже нѣсколько времени передъ тѣмъ.

Хотя событія, происходившія въ Россіи, долетали до насъ эмигрантовъ въ видѣ отдаленнаго гула, не затрогивающаго заживо никого изъ насъ, развѣ только одного моего отца, тѣмъ не менѣе помню, какъ поразило насъ извѣстіе о такъ называемомъ бунтѣ Семеновскаго полка въ 1820-мъ году. И по сіе время не могу понять, почему придали тогда въ Петербургѣ какое-то государственное значеніе изолированной этой вспышкѣ противъ дисциплины въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ *), безъ всякой внѣшней солидарности; да и вызвана она была невыносимымъ обращеніемъ полковаго командира Шварца съ солдатами. Паника эта объясняется только напряженнымъ состояніемъ умовъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, которымъ чудились повсюду революціонные признаки или, точнѣе, призраки, примѣры чего представляли вспыхнувшія тогда Испанское возстаніе и Карбонарскія движенія въ Туринѣ и Неаполѣ. А камертонъ, такъ сказать, этой паникѣ, раздавался прямо отъ самого императора Александра, вслѣдствіе Меттерниховскихъ внушеній. Столь живое участіе Россійскаго, но не Русскаго императора, въ политическихъ смутахъ на противуположномъ отъ насъ Западѣ Европы казалось бы невѣроятнымъ, не будь на это историческихъ свидѣтельствъ.

А что́ до Семеновскаго бунта, то Н. А. Диковъ, тогда капитанъ гвардейской пѣшей артиллеріи, разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи, что мѣстныя военныя власти до того опасались распространенія бунта по всему гвардейскому корпусу, что, по ихъ приказанію, Диковъ выставилъ на артиллерійскомъ дворѣ (на Литейной) четыре или шесть орудій заряженныхъ картечью. Всѣ эти опасенія находили, быть можетъ,

*) Нынѣ знаемъ, что не въ одномъ Семеновскомъ, но и въ другихъ гвардейскихъ полкахъ было тогда глухое и опасное броженіе, вызванное своей землѣ несвоеземствомъ Александра Павловича. П. Б.

подкрѣпленіе въ необдуманной и безполезной выходкѣ Ипсиланти для освобожденія Греціи; тѣмъ не менѣе дивлюсь, какъ можно было подозрѣвать, что Семеновскіе безпорядки состояли въ связи съ столь отдаленными вспышками. Помню, что мой отецъ, подсмѣиваясь, быть можетъ, надъ паникою овладѣвшею Европейскими монархами, говаривалъ своимъ друзьямъ: mestiere di rè—mestiere fallito *).

Когда дошло до моего отца извѣстіе о вновь учреждаемыхъ Аракчеевымъ военныхъ поселеніяхъ, то помню также его отзывъ, что изъ этого милитарнаго учрежденія можетъ со временемъ выйти Римская преторіанская стража, столь много способствовавшая къ паденію Римской имперіи. Отецъ мой ошибался лишь въ роли, которую онъ придавалъ военнымъ поселеніямъ, но какъ будто-бы предсказалъ кровавыя отъ нихъ послѣдствія въ 1831 году.

Осенью 1820 же года родился герцогъ Бордосскій (иначе графъ Шамборъ), отецъ котораго, герцогъ Беррійскій, былъ умерщвленъ, незадолго до рожденія сына, политическимъ фанатикомъ Лувелемъ. Рожденіе наслѣдника Французскаго престола обрадовало Французскихъ легитимистовъ, и Бурбонскій представитель при Тосканскомъ дворѣ маркизъ Де-ла-Мезонфортъ, долго жившій эмигрантомъ въ Россіи и давно вдовцемъ, просилъ мою мать, какъ болѣе изо всего общества знакомую ему даму, быть хозяйкою на данномъ имъ балѣ по сему случаю. Ничего пріятнѣе подобнаго предложенія не могло быть для моей матери. Къ сожалѣнію, дружба между моими родителями и Французскимъ маркизомъ, скрѣпленная столькими годами, позднѣе охладѣла вслѣдствіе поселившейся въ домѣ Французскаго резидента пожилой уже маркизы Десмангардъ, съ которою онъ смолода находился въ близкихъ сношеніяхъ. Эта представительница Парижскаго Сенъ-жерменскаго кружка была не прочь, повидимому, разыгрывать нѣкоторую женско-дипломатическую роль во Флоренціи, на что́ у нея хватало съ избыткомъ ума, свѣтскости и салонной любезности. Подчинивъ себѣ стараго своего друга, она отвлекла его отъ моихъ родителей. Однакоже, такъ какъ она не всегда и не со всѣми расточала свои любезности, то дано было ей прозвище la marquise Dieu m'en garde, вмѣсто Desmengarde.

Считаю промежутокъ между 1820 и 1821 годомъ замѣчательнымъ въ семейной нашей лѣтописи, какъ періодъ постепеннаго исчезанія послѣднихъ признаковъ нашей народности, которая напоминала о себѣ лишь Русской прислугою. Все прочее, какъ то обстановка и семейныя

*) Монархическое ремесло—ремесло несостоятельное.

привычки, общеусвоенная почти вполнѣ Латинская церковная обрядность, вся стихія, такъ сказать, въ которой мы вращались, сложились на чужестранный окончательный ладъ. Въ воспитаніи меньшой моей сестры графини Елены Дмитріевны превращеніе это отразилось еще сильнѣе, хотя незамѣтнымъ образомъ для нея самой. Отъ шестилѣтняго возраста всѣ предметы ученія преподавались ей на одномъ Англійскомъ нарѣчіи (за исключеніемъ учителя Итальянскаго языка). О Россіи оставались въ ней смутныя воспоминанія. Одновременно съ этимъ образовался лингвистическій, семейный, такъ сказать, расколъ. Послѣдствіемъ Англопедагогическаго воспитанія моего и сестры Елены было то, что мы оба «*обританились*», чѣмъ и остались навсегда; въ старшихъ же нашихъ сестрахъ сохранился колоритъ (если такъ могу выразиться) офранцуженнаго ихъ воспитанія, съ незначительною примѣсью Итальянскаго. На дѣвичьей половинѣ дома собирались еще кое-когда старшая горничная моей матери, Анна Степановна, Екатерина Ивановна Леруа, няня Палагея и я, пѣвать наши простонародныя пѣсни; но и онѣ мало по малу замолкли. Долго держался однакоже обычай красить яица разноцвѣтными шелками и сандаломъ къ свѣтлому празднику, и являлись непремѣнно на столъ Русская пасха и куличъ для разгавливанія. Я уже говорилъ, что мать съ моими старшими сестрами и часто со мною ходили регулярно на всѣ почти службы Римско-католической церкви, а въ нанимаемыхъ нами виллахъ приглашался по воскреснымъ днямъ аббатъ для служенія миссы въ домовыхъ каплицахъ, почти всегда существующихъ при виллахъ. Помню даже, что въ виллѣ Гонди отецъ присутствовалъ иногда на Латинской миссѣ, но не становился на колѣна, какъ мы дѣлали. Впрочемъ, съ его тучностію и удушьемъ, отъ котораго теплый климатъ не могъ вылѣчить его радикально, онъ и въ нашей церкви не могъ класть земные поклоны.

Въ эти первые годы проявлялись еще проблески теплыхъ воспоминаній о родинѣ, и въ числѣ подобныхъ отпечатлѣлась въ дѣтской моей памяти радость, ощущаемая моею матерью при видѣ единственнаго экземпляра чахоточной березки въ Пизанскомъ ботаническомъ саду, а также, когда она замѣчала загородки изъ жердей, отдѣлявшія лѣсныя дачи (величайшая рѣдкость въ той части Тосканы, принадлежавшая великому герцогу) отъ открытыхъ мѣстъ для покоса въ ненаселенной почти равнинѣ, чрезъ которую пролегалъ почтовый трактъ изъ Пизы въ Ливорно. Загородки эти живо напоминали «la cara patria», и сердце билось у Русской женщины. Но мало по малу, вспышки эти стушевались безвозвратно. Космополитизмъ и чужеземный складъ жизни (а впослѣдствіи, и воззрѣній) овладѣли сполна нашимъ семействомъ за исключеніемъ моего отца, оставшагося до конца Русскимъ человѣкомъ.

Во всемъ, разсказанномъ мною доселѣ, я еще не касался до второй библіотеки моего отца, которую онъ принялся составлять съ перваго же года нашего пріѣзда во Флоренцію. Этому много споспѣшествовали мѣстныя условія, въ которыхъ находилась тогда Италія по разграбленіи цивилизованными Французскими войсками монастырскихъ книгохранилищъ. Рѣдчайшія изданія продавались за безцѣнокъ у букинистовъ и даже въ овощныхъ или колбасныхъ лавкахъ и на уличныхъ прилавкахъ у мелкихъ торговцевъ. Немало собралъ мой отецъ и рукописей, изъ которыхъ особенно отличалась коллекція церковно-Латинскихъ служебниковъ, писанныхъ на пергаментѣ до изобрѣтенія книгопечатанія, съ ярко-колерованными миніятюрными съ золотомъ рисунками, орнаментами и арабесками, составляющими рамку на каждой страницѣ. Въ общей однакоже сложности сгорѣвшая въ 1812 году Московская наша библіотека была много богаче историческими рукописями, въ числѣ которыхъ находилась автографическая корреспонденція Сюлли, перваго министра Французскаго короля Генриха IV. Между Флорентинскими нашими рукописями были и *палимпсесты*, но по изслѣдованіи въ нихъ ничего интереснаго не оказалось. «Палимпсестами» зовутся пергаментныя рукописи съ вытравленнымъ или выскобленнымъ въ нихъ первоначальнымъ текстомъ, взамѣнъ котораго средневѣковые монахи и переписчики вписывали что-нибудь другое, чаще всего церковные служебники и часословы. Библіофилы ухитрились снова воспроизвести на свѣтъ первоначальный подлинный текстъ посредствомъ химическихъ растворовъ, благодаря чему ученый библіотекарь Ватиканскаго книгохранилища, монсиньоръ Маи возстановилъ, въ началѣ 20-хъ годовъ, почти сполна, утраченное дотолѣ сочиненіе Цицерона «De republica». Возвращаясь къ нашей библіотекѣ, добавлю, что отецъ мой долго старался пріобрѣсти двѣ библіографическія антикварныя рѣдкости: первое изданіе Данте, напечатанное въ Фолиньѣ въ концѣ XV вѣка, и извѣстную Славянскую библію, напечатанную въ первый разъ въ Острогѣ въ 1581 г. бѣжавшимъ изъ Москвы діакономъ Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Мстиславцевымъ; но всѣ поиски этихъ рѣдкостныхъ изданій остались безъ успѣха. Была однакоже у насъ одна древняя рукопись поэмы Данта, замѣчательная тѣмъ, что на переплетѣ этого in-folio былъ отчеканенъ золотой гербъ фамиліи Маласпина, а въ самомъ текстѣ замѣтки и поправки писаны другимъ почеркомъ, нежели самый текстъ. А такъ какъ вліятельные въ ихъ время Маласпины покровительствовали изгнанному изъ своего отечества Флорентинскому барду, и онъ даже посвятилъ имъ одну изъ его поэмъ, то иные полагали, что эти замѣтки и поправки были сдѣланы рукою самого Данта; но другихъ доказательствъ на это не было.

Испанское революціонное движеніе 1820 года не замедлило имѣть подражателей въ Неаполѣ и Піемонтѣ, вслѣдствіе чего Сардинскій наслѣдный принцъ, носившій титутъ принца Кариньянскаго (позднѣе король подъ именемъ Карла-Альберта) пріѣхалъ во Флоренцію, весною 1821 года, къ великому герцогу Фердинанду III, на дочери котораго онъ былъ женатъ. Адъютантомъ при немъ былъ тогда маркизъ Клавдій д'Эксъ-Сейссель-Соммарива. Онъ часто началъ бывать у насъ въ домѣ и сдѣлался неравнодушенъ къ второй моей сестрѣ графинѣ Елисаветѣ, но долго скрывалъ, не знаю почему, это чувство, и не ближе, какъ черезъ семь лѣтъ послѣ описываемаго времени онъ сдѣлалъ ей предложеніе.

Австрійское вооруженное вмѣшательство въ Неаполитанскомъ возстаніи довольно извѣстно. Раннею весной 1821 года многочисленный корпусъ кейзерлиховъ, подъ начальствомъ генерала Фримона, спустился на Итальянскій полуостровъ и проходилъ черезъ Флоренцію, мимо самыхъ нашихъ оконъ, по улицѣ, ведущей къ «Порта Романа» (Римской заставѣ). Меня болѣе прочаго поразилъ мундиръ кофейнаго цвѣта артилеристовъ съ трехугольными шляпами безъ султана, надѣтыми по формѣ (т. е. поперекъ); они сидѣли верхами и подбоченясь на длинныхъ дрогахъ, вслѣдъ за орудіями. Въ этой позиціи они напоминали изображенія Бахуса верхомъ на винномъ боченкѣ. У Неаполитанцевъ были старые, закаленные въ бою ветераны Наполеоновскаго времени, генералы Пепе (сдѣлавшійся извѣстнымъ въ позднѣйшихъ событіяхъ 1848 и 1849 годовъ), Филанджери, Караскоза и Амброджіо; но солдаты ихъ были трусы. Укрѣпившись въ горныхъ ущельяхъ при входѣ въ Неаполитанскія владѣнія, гдѣ небольшой отрядъ могъ бы, какъ говорили тогда, загородить путь незваннымъ гостямъ, защитники Парѳенопейской свободы разбѣжались, чуть-ли не безъ выстрѣла, и за эту побѣду Австрійскій главнокомандующій получилъ громкій титулъ герцога «ди Антродокко», а вслѣдъ за симъ, бѣломундирные цесарцы безпрепятственно заняли Неаполь.

Въ Австрійскомъ корпусѣ былъ бригаднымъ или дивизіоннымъ генераломъ графъ Фикельмонъ. Проходя черезъ Флоренцію, онъ познакомился съ проживавшею опять тамъ Елисаветою Михайловною Хитровой, и вскорѣ послѣ женился на меньшой ея дочери, графинѣ Даріи Ѳедоровнѣ Тизенгаузенъ.

Въ началѣ этого лѣта (1821 года), мы поѣхали изъ виллы Пальміери на Ливорнскія морскія купанья, гдѣ наняли не прошлогоднюю виллу Гебгардта, а Итальянскаго негоціанта Паренти. По случаю уси-

ливавшагося все болѣе и болѣе Греческаго возстанія, которому вполнѣ сочувствовалъ мой отецъ, онъ тогда началъ извѣстное свое сочиненіе «Des Grecs et des Turcs»; оно вышло въ свѣтъ въ 1828 году, за годъ до его кончины. Во время этой виллежіатуры мы поражены были однажды трогательнымъ зрѣлищемъ. Все семейство крестьянина-огородника (контадино) нашей виллы прибѣжало къ нашему отцу слезно благодарить его за что-то, о чемъ намъ (или по крайней мѣрѣ мнѣ) не было извѣстно. Оказалось, что сынъ этого контадина долженъ былъ поступить по жребію въ военную службу, и во избѣжаніе разстройства, могущаго произойти отъ этого всей семьѣ, отецъ мой снабдилъ ее весьма значительною суммой для найма охотника въ рекруты.

Но вотъ получена была вѣсть о кончинѣ узника острова Св. Елены, никому болѣе не страшнаго, и я, вдохновившись этимъ событіемъ, вызвалъ четырнадцатилѣтнюю свою Музу и настрочилъ Итальянскую оду.

Пока все это происходило въ Италіи, въ Россіи подготовлялось важное семейное событіе. Братъ мой графъ Петръ Дмитріевичъ, будучи адъютантомъ при графѣ М. С. Воронцовѣ, сопровождалъ его въ Бѣлую Церковь къ графинѣ Браницкой, на дочери которой тотъ женился въ 1819 году. Въ Бѣлой Церкви часто бывалъ, изъ сосѣдняго своего имѣнія Таганчи, отставной Польскій полковникъ О. И. Понятовскій, дочери котораго Аврорѣ Осиповнѣ братъ мой сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе (не знаю почему, свадьба состоялась не ближе какъ черезъ годъ). Извѣстіе о томъ получено нами въ Ливорнской виллѣ лѣтомъ 1821 года и крайне обрадовало наше семейство. Добрый Французскій мой учитель аббатъ де-Люкъ, эмигрантъ первой революціи и полу-поэтъ, котораго я искренно любилъ, принялъ живое участіе въ этомъ событіи, хотя никогда не видалъ моего брата, и въ домовой каплицѣ нашей виллы Паренти пропѣлъ съ глубокимъ чувствомъ Амврозіанскій гимнъ «Te Deum laudamus» (Тебе Бога хвалимъ), замѣняющій у Латинянъ нашъ молебенъ. Напоминаю, что братъ мой сваталъ передъ тѣмъ гр. Аделаиду Павловну Строгонову, которая предпочла князя Василія Голицына. Нельзя не замѣтить, что еслибъ этотъ бракъ состоялся, то безъ сомнѣнія братъ мой остался бы православнымъ.

Во время лѣтняго нашего пребыванія въ Ливорно, тамошній губернаторъ, маркизъ Гарцони-Вентури, повезъ насъ однажды показать намъ подробно всѣ три Ливорнскіе карантинные двора, называемые тамъ лазаретами. Каждое изъ этихъ строеній окружено высокими стѣнами съ широкими рвами, наполненными водой и съ однимъ висячимъ на цѣпяхъ мостомъ при каждомъ лазаретѣ, такъ что безъ разрѣшенія начальства никого изъ постороннихъ туда не пускаютъ. На дворѣ од-

ного изъ этихъ карантинныхъ лазаретовъ мы увидали за рѣшеткою, бѣжавшаго изъ Мексики съ своимъ семействомъ, временнаго императора Итурбида, шутливо прозваннаго Италіянцами «il rè torbido», тоесть, мутный король; онъ доканчивалъ тамъ срокъ карантиннаго наблюденія. Заграбивъ въ Мексикѣ, какъ говорили тогда, нѣсколько милліоновъ, онъ приплылъ было къ мирному пристанищу Италіи съ намѣреніемъ поселиться тамъ, но не выдержалъ. Года два-три спустя, онъ возымѣлъ поползновеніе снова попытать, на подобіе Мюрата, свое счастіе тамъ, гдѣ прежде властвовалъ; но времена уже были не тѣ, и его постигла таже трагическая участь, какъ упомянутаго Неаполитанскаго короля: его разстрѣляли. Родомъ онъ былъ, кажется, Креолъ, приземистаго роста, плотнаго сложенія, чрезмѣрно смуглъ, и ничего представительнаго въ немъ не было. На видъ онъ казался отъ 40 до 50 лѣтъ.

Была во Флоренціи и С. П. Свѣчина съ мужемъ. Помню, какъ пріятно меня поразило, когда г. Свѣчинъ, высокій и видный еще старикъ, взошедъ прямо въ кабинетъ къ моему отцу, громко привѣтствовалъ его порусски: «Здравствуйте, графъ Дмитрій Петровичъ!» и старики обнялись, какъ дѣлаютъ одни только Русскіе. Привѣтствіе старика Свѣчина глубоко расшевелило мнѣ сердце, потому что въ послѣдніе годы я только слыхалъ чужеземное привѣтствіе: «bonjour, m-r le comte или «buongiorno, signor' conte», а наша Русская прислуга не иначе обращалась къ моему отцу, какъ «ваше сіятельство». Отецъ мой очень дружески обошелся съ этимъ нашимъ землякомъ, возилъ его въ нашу виллу Пальміери (гдѣ въ зимнее время оставалась бо́льшая часть отцовской библіотеки), а при мнѣ разсказывалъ однажды, какъ затруднительна была роль Свѣчина, Петербургскаго оберъ-полицеймейстера, во время кровавого событія ночью съ 11 на 12 Марта 1801 г. А что́ до косоглазой Русской ультрамонтантки, его супруги, то помню, что она была авторитетною особой въ глазахъ тетки моей графини Маріи Артемьевны. Тетка разсказывала намъ одинъ забавный о ней анекдотъ. Переселившись окончательно въ Парижъ, она держала у себя Калмычка, котораго однажды послала на рынокъ за устрицами. Мальчикъ этотъ, затвердившій часто слышанное имъ въ легитимическомъ салонѣ своей барыни имя реставрированнаго короля Людовика XVIII, спуталъ окончательно слово «dix-huit» (восемнадцать) съ названіемъ устрицъ «des huîtres» и, къ хохоту устричныхъ торговокъ, присталъ къ нимъ съ запросомъ: «donnez moi des Louis-dix-huit».

Осенью этого 1821 года, братъ мой выслалъ во Флоренцію изъ Петербурга Русскаго для меня учителя, г. Бунина, университетскаго

студента. Я полюбилъ было его, насколько непривязчивая вообще моя натура допускала; но онъ пробылъ у насъ менѣе двухъ лѣтъ. Причиною отказа ему была, мнится, излишняя склонность придерживаться выраженію царя Давида, что вино веселитъ сердце человѣка; Флорентинскій же красный (всегда) нектаръ весьма недурнаго свойства и неимовѣрно дешевъ *).

Къ числу Русскихъ туристовъ того времени не причелъ я графа и графиню Эдлингъ. Графъ былъ Баварецъ, не глупый, но весьма скучный господинъ; любимою темою разговора были у него государственные финансы и политическая экономія. Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ, рожденная Стурдза, была, одновременно съ теткою гр. Маріею Артемьевною, фрейлиною при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, и потому онѣ были близки, хотя расходились въ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Графиня Эдлингъ часто бывала у насъ въ домѣ.

Въ Февралѣ 1822 года отецъ нашъ рѣшился посѣтить Римъ. Туда мы потянулись *на ветуринахъ*, но г. Слоанъ и я открывали поѣздъ верхами на нашихъ собственныхъ лошадяхъ. (Я уже года два передъ тѣмъ бралъ уроки манежной ѣзды и сдѣлался очень смѣлымъ ѣздокомъ). Глядя на вереницу нашихъ экипажей, предшествуемыхъ двумя всадниками, насъ приняли въ одномъ мѣстѣ за поѣздъ Тосканскаго великаго герцога. Не ранѣе какъ черезъ недѣлю мы добрались до Рима. Съ нами были въ Римѣ мой Русскій учитель Бунинъ, г. Милліарини и домашній нашъ фортепіанный учитель, Нѣмецъ Плихъ. У послѣдняго жила въ услуженіи во Флоренціи старуха-Нѣмка, синьора Роза, бывшая маркитанкою въ арміи Маріи-Терезы въ Семилѣтнюю войну, еще бодрая и дѣятельная, хотя ей было 80 лѣтъ. Но еще удивительнѣе, что она еще была въ живыхъ въ одной Флорентинской богадѣльнѣ въ 1837 году.

Въ Римѣ мы занимали домъ называемый *Казино Альбани*, возлѣ площади «le quatro fontane», неподалеку отъ Квиринальскаго дворца. Тогдашній папа Пій VII, удрученный недугами и лѣтами, почти никого не принималъ и уже не совершалъ публичныхъ церковныхъ церемоній, но, вспомнивъ, что отецъ нашъ былъ когда-то назначенъ посланникомъ при немъ (хотя посольство не состоялось), прислалъ къ нему привѣтствовать своего статсъ-секретаря, извѣстнаго въ исторіи кардинала Консальви. Сановникъ этотъ, хотя уже пожилой, былъ величавой осанки

*) Фіаско, т. е. три обыкновенныя бутылки, стоило въ то время не болѣе 75 сантимовъ.

и роста, съ правильными чертами лица и съ физіономіею выражавшею умъ и смѣтливость. Частыми нашими гостями сдѣлались нѣкоторые изъ Русскихъ художниковъ, жившихъ тогда въ Римѣ на казенный счетъ. Ветераномъ ихъ былъ старикъ пейзажистъ Матвѣевъ, ученикъ Нѣмца Гаккерта, манеру котораго, не всегда непогрѣшную, онъ усвоилъ себѣ*). Поселившись въ Римѣ еще въ концѣ прошлаго вѣка, онъ съ того времени ни разу не бывалъ въ Россіи и уже затруднялся иногда въ говорѣ роднаго языка. Жилъ онъ давно на свой коштъ и не имѣлъ другаго понятія о нашемъ войскѣ, какъ по видѣннымъ имъ въ Италіи, въ кампанію 1799 года, Суворовскимъ солдатамъ, эскизы которыхъ онъ намъ показывалъ въ своей мастерской. Впрочемъ, онъ былъ артистъ не безъ таланта и эффектно изображалъ воду и воздушную перспективу, но черезъ-чуръ придерживался деталей; у него листва и трава выходили слишкомъ яркаго цвѣта, да и контуры были рѣзки. Онъ умеръ въ Римѣ, перейдя, кажется, въ католичество. Много обѣщавшій другой пейзажистъ, Сильвестръ Ѳедосѣевичъ Щедринъ, отличался мягкостію и прозрачностію отдаленныхъ плановъ и теплотою воздушной перспективы и неба. Но, по мнѣнію знатоковъ, выдѣлка отдаленностей была у него такъ тщательна, и онъ вдавался въ такія мелочи, что когда дѣло доходило до передняго плана картины, то ему уже не доставало колеровъ, чтобы придать этимъ планамъ надлежащій эффектъ и силу. За то древесная зелень и трава были добросовѣстно изучены съ натуры, хотя въ его пейзажахъ кое-какія мѣста отзывались рѣзкостью, но уже не Гаккертовою. Онъ также успѣшно писалъ и городскіе виды съ одними зданіями. Къ сожалѣнію, ранняя смерть похитила С. Ѳ. Щедрина въ 1830-мъ году. Молодой также тогда Петръ Васильевичъ Басинъ уже началъ выказывать свою даровитость по части исторической живописи, и его картина Фавна настолько понравилась одному Британскому аматёру, что онъ заказалъ автору копію съ нея. Въ мастерской одного нашего ваятеля мы видѣли колоссальную статую его работы, Ахиллеса или Марса, а у одного живописца, уроженца Остзейскаго края, большаго размѣра картину, изображавшую Св. Владиміра, еще язычникомъ, выслушивающаго представителей Греческой и Римской церквей и другихъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій.

Разбойничество, исконная язва средней и нижней Италіи, и по нынѣ существующая, никогда не совершалось съ такою безнаказан-

*) Намъ, избалованнымъ нынѣ произведеніями иностранцевъ Калама, Кукука и пейзажистовъ современной намъ школы, въ томъ числѣ нашего соотечественника Шишкина, почти непріятно смотрѣть на произведенія Гаккерта и его послѣдователей, въ числѣ которыхъ былъ Воробьевъ-отецъ.

ностію, какъ въ первой четверти текущаго столѣтія. Упрекаютъ нынѣ несчастное Греческое правленіе въ безсиліи истребить это зло, но забываютъ, что, даже во время Французскаго владычества въ Италіи зло это продолжало существовать, а позднѣе, соединенныя Римская и Неаполитанская администраціи не могли, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, обезпечить туристамъ проѣздъ изъ Рима въ Неаполь. Мало того, Римская военная сила не могла прекратить захватъ иностранцевъ бригантами для полученія выкупа, у самыхъ почти Римскихъ заставъ. Не далѣе какъ въ 70-хъ годахъ, когда Римъ сдѣлался столицею возсоединеннаго Итальянскаго королевства, одинъ епископъ въ окрестностяхъ Рима былъ схваченъ этими разбойниками для полученія значительнаго выкупа. Въ 20-хъ годахъ разсказывали, что, въ иныхъ незначительныхъ городахъ церковной области, бриганты безпрепятственно и среди бѣлаго дня приходили въ Римъ для закупокъ, а даже иногда для того только, чтобы потѣшиться уличнымъ представленіемъ маріонетокъ, до чего все вообще Итальянцы великіе охотники. О слабости и деморализаціи папской администраціи можно судить по тому, что въ 30-хъ годахъ, въ виду невозможности силою преодолѣть шайку атамана Гасперини, правительство вошло въ переговоры съ нимъ, кончившіеся тѣмъ, что бандитъ сдался на капитуляцію съ условіемъ остаться живымъ и въ назначенномъ ему мѣстопребываніи, въ крѣпости приморскаго города Чивитавеккіи, получая обезпеченное, вполнѣ приличное содержаніе, и всѣмъ этимъ требованіямъ Римское правительство подчинилось. Знакомыя мнѣ лица бывали въ этой крѣпости, чтобы посмотрѣть на Гасперини, который считалъ себя (и съ полнымъ на то правомъ) не бандитомъ внѣ закона, а добровольно сдавшимся военноплѣннымъ и галантомомъ, то-есть честнымъ человѣкомъ. Онъ дружелюбно дѣлалъ *«шейкъ-хендсъ»* (т. е. жалъ руку) моимъ знакомымъ.

Жила тогда постоянно въ Римѣ наша Коринна, княгиня Зинаида Александровна Волконская, урожденная княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская. Въ это время она была Русская горячая патріотка, безъ видимой еще наклонности къ католичеству. Она вышла замужъ, по влеченію сердца, за князя Никиту Григорьевича Волконскаго передъ самымъ 1812 годомъ и, долго не получая въ военное время извѣстій о немъ, впала во временное умопомѣшательство и прокусила себѣ верхнюю губу, такъ что шрамъ остался у нея на всю жизнь./Гдѣ бы ни жила княгиня, она возбуждала всеобщій восторгъ и удивленіе своими свѣдѣніями, литературнымъ талантомъ въ повѣстяхъ на Французскомъ и Русскомъ языкахъ, но болѣе всего пѣніемъ (контральтовымъ голосомъ) и игрою на своемъ домашнемъ театрѣ; въ послѣднемъ отношеніи она

могла соперничать съ первоклассными пѣвицами. Она даже пускалась въ композиторство и написала цѣлую оперу, «Жанъ д'Арку», которую поставила на свою сцену. Научными своими средствами она сама предприняла и довершила воспитаніе единственнаго своего сына князя Александра Никитича, сама, уже не въ первой молодости, выучившись для того обоимъ классическимъ языкамъ. Увлекаясь дѣломъ его воспитанія, какъ увлекалась во всемъ прочемъ, она подвергала сына форменнымъ экзаменамъ въ присутствіи званныхъ для того гостей. Даже въ Италіи, въ этомъ царствѣ пѣнія, она удивляла исполненіемъ Россиновской партиціи «Танкреда». Когда она жила много позднѣе въ Москвѣ, я видѣлъ у нея великолѣпный портретъ ея во весь ростъ въ рыцарскомъ костюмѣ Танкреда, писанный нынѣшнимъ профессоромъ академіи, г. Бруни, который началъ въ 20-хъ годахъ свое поприще подъ щедрымъ ея покровительствомъ. Въ послѣдніе годы жизни, отрекшись отъ мірскихъ суетъ, она сдѣлалась строгою подвижницею новаго своего вѣроисповѣданія; но память о ней долго сохранится у Римскихъ и Московскихъ старожиловъ. На сценѣ пѣвалъ съ нею и управлялъ ея домомъ и дѣлами наставникъ ея сына, Римлянинъ г. Барбіери, талантливый и пріятный въ обществѣ человѣкъ. Онъ же писалъ и декораціи для ея театра и превосходно составлялъ столы (т. е. верхнюю ихъ часть) изъ мозаичной мелкой работы. Княгиня Зинаида воспитывала вмѣстѣ съ своимъ сыномъ ровесника ему, Англичанина Павé *). Изъ протестанства она первоначально обратила его въ православіе, послѣ чего онъ перешелъ въ латинство. Въ 40-хъ годахъ онъ состоялъ при Римскомъ дворѣ въ званіи папскаго знаменоносца (porta-stendario).

На публичныхъ гуляньяхъ случалось намъ встрѣчать стройную, худощавую старуху въ черномъ платьѣ: это была мадама-Летиція, мать перваго Наполеона, въ царствованіе котораго ее звали «Madame-Mère». Видалъ я также, на церковныхъ церемоніяхъ въ Ватиканѣ въ Страстную недѣлю, брата ея, кардинала Феша, извѣстнаго и какъ собирателя драгоцѣнной картинной галлереи, которую онъ завѣщалъ городу Аіяччіо, мѣсту его рожденія. Онъ еще въ 1822 году числился архіепископомъ г. Ліона и находился въ ненормальныхъ условіяхъ архипастыря, недопускаемаго въ предѣлы своей епархіи, такъ какъ запрещенъ былъ въѣздъ во Францію всѣмъ членамъ Бонапартовой фамиліи. Помнится мнѣ, что, на основаніи этого запрета, возникъ будто бы вопросъ, могъ ли кардиналъ Фешъ имѣть входъ въ Римскую церковь San Luigi dei Francesi, для архіерейскаго тамъ служенія, потому что эта церковь принад-

*) Паве—по французски мостовая. Онъ былъ найденышъ. Его подняли съ мостовой въ Лондонѣ въ 1814 году и принесли къ жившей тамъ княгинѣ З. А. Волконской. П. Б.

лежала Французской исключительно національности, и потому мѣсто, на которомъ церковь построена, считалась Французскою территоріею.

Съ нами разъѣзжалъ по окрестностямъ Рима дальній нашъ родственникъ, извѣстный впослѣдствіи паломникъ по святымъ мѣстамъ, а еще позднѣе, министръ народнаго просвѣщенія, Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ. Въ такой же отдаленной степени родства, какъ съ нами, онъ находился съ Дмитріемъ Александровичемъ Жеребцовымъ, мужемъ Француженки Софіи Филипповны. Лишеніе ноги, оторванной подъ Бородиномъ, не мѣшало ему скакать верхомъ со мною и съ моимъ воспитателемъ. Онъ былъ тогда очень красивъ собою, экзалтированнаго поэтическаго настроенія отъ своего путешествія по Италіи, и часто повторялъ вслухъ стихи изъ какой-то современной оды.

О насъ справедливо можно было сказать, что мы были въ Римѣ, а папы не видали: хотя мы присутствовали на всѣхъ Ватиканскихъ церемоніяхъ на Страстной недѣлѣ, но папа не участвовалъ въ нихъ по причинѣ болѣзни. Я одинъ только разъ и видѣлъ его издалека, проѣзжавшаго въ каретѣ въ сопровожденіи драгунскаго конвоя. Въ церковныхъ церемоніяхъ Страстной седмицы было много неумѣстнаго, напримѣръ: отведены были особенныя мѣста или трибуны въ Сикстинской капеллѣ для дипломатическаго корпуса, а для публики изъ знатныхъ лицъ (безразличнаго вѣроисповѣданія) выдавались, помнится мнѣ, билеты для входа въ капеллу. Пѣніе дискантными, какъ бы женскими голосами (при отсутствіи свѣжести тембра женскаго голоса), безъ акомпанимента инструментами или органа̀, раздающееся въ сумеркахъ, въ темной совершенно капеллѣ, выходило въ самомъ дѣлѣ поразительно; но восторгъ охлаждался при мысли, что эти голоса были стариковъ-кастратовъ, то есть, людей оскопленныхъ ради сохраненія дѣтски-женскаго голоса. На одной изъ этихъ службъ въ Сикстинской капеллѣ я навлекъ на себя негодованіе сидѣвшаго возлѣ меня, престарѣлаго Англійскаго барда, г. Роджерса, громкимъ моимъ говоромъ съ г. Слоаномъ, что̀ мѣшало г. Роджерсу, немного туговатому на ухо, вполнѣ наслаждаться папскими пѣвцами-евнухами. Кстати уже скажу, что этотъ поэтъ (небездарный въ своей молодости) былъ антагонистомъ антирелигіозному направленію лорда Байрона, котораго онъ прозвалъ «корифеемъ преисподнихъ силъ» («the corifey of the infernal region»).

Случилось намъ также видѣть илюминацію церкви св. Петра подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, дѣйствительно изумительную тѣмъ, что, по данному изъ за окопечности креста, надъ куполомъ, факельному сигналу, весь фасадъ этого громаднаго зданія мгновенно, не болѣе какъ

въ двѣ-три минуты, превращается въ огненную массу, по другому, совершенно рисунку противъ первоначальнаго вечерняго освѣщенія.

На эту илюминацію мы смотрѣли изъ коляски, на козлахъ которой сидѣлъ нашъ Костромичъ Дмитрій Ломовъ. Вдругъ онъ обратился къ бывшему съ нами г-ну Милліарини съ вопросомъ: «А что, Михайло Ивановичъ, Московскій-то нашъ Иванъ-Великій подойдетъ-ли ко кресту что̀ подъ самымъ верхомъ этой церкви?» — «Какъ бы не такъ», отвѣчалъ Микеле-арканджело (Михаилъ-Архангелъ) Милліарини, задѣтый за̀живо въ своемъ патріотическомъ самолюбіи: «да не только вашъ Иванъ Великій можетъ помѣститься подъ куполомъ Св. Петра, но и свободно плясать во всю длину самой церкви-до купола». Усумнился, помнится мнѣ, въ этомъ нашъ Костромичъ; да и самому мнѣ кажется, что почтенный нашъ Милліарини черезъ чуръ уже умалилъ вышину Годуновской колокольни. Кстати же о церкви Св. Петра: разсказывали, что во время пребыванія въ Римѣ великаго князя Михаила Павловича въ 1819 году, кто-то изъ его свиты отдавалъ будто бы преимущество колоннадѣ Петербургскаго Казанскаго собора надъ колоннадой Римской базилики, потому-де, что у насъ колонны всѣ какъ есть изъ цѣльнаго гранита, а въ Римѣ изъ обыкновеннаго камня или мрамора.

Но какъ ни занимали пятнадцатилѣтнее мое вниманіе артистическая пышность Римскихъ базиликъ и музыкальная торжественность ихъ службы, не забуду никогда то отрадное чувство, которое проникло меня, когда я разъ нечаянно набрелъ на невидную по наружности церковь, гдѣ уніятскій священникъ, хотя въ Латинскомъ облаченіи (короткомъ фелонѣ съ вырѣзанными рукавами) и при открытомъ алтарѣ, совершалъ чтеніемъ безъ всякаго пѣнія («messe-basse») Славянскую по чину св. Златоуста литургію. Итальянскій мальчикъ, ассистентъ, на колѣняхъ у нижней ступени алтаря, отвѣчалъ положенные возгласы «Господи помилуй» и прочіе отвѣты, и звонилъ колокольчикомъ, находившимся у него подъ рукою, при чтеніи священникомъ «Святъ, Святъ, Святъ, Господь Богъ Саваоѳъ» и пр. *), По окончаніи службы, я подошелъ познакомиться съ старикомъ священнодѣйствовавшимъ, и надо было видѣть его радость, когда онъ узналъ, что я Русскій и что я присутствовалъ при его служеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ обыкновеннаго Латинскаго аббата, смотрѣвшаго на меня какъ на заблужденнаго схизматика, я не встрѣтилъ бы подобнаго пріема. Старикъ пригласилъ меня въ свою

*) Эту часть въ Латинской „миссѣ“, начинающуюся со словъ „Sursum corda“ (горѣ сердца) включительно съ „Dignum et justum est“ (Достойно и праведно есть), зовутъ „префаціею“, и почти только въ этомъ „мисса“ тождествуетъ съ нашею литургіею.

смиренную келью и подарилъ мнѣ на память молитвенникъ Кіево-печерской печати, въ которомъ ничего не было изъ уніятскихъ измѣненій. Онъ весьма еще изрядно объяснялся по-русски и разсказывалъ мнѣ, что переѣхалъ въ Римъ съ Екатерининскихъ временъ, однакожъ не намекнулъ, сколько могу припомнить, ни слова о гоненіи, тогда какъ оно могло быть причиною оставленія имъ роднаго края.

У одного у меня, изо всѣхъ, кажется, семейныхъ, мысли стремились къ далекой родинѣ, и ко мнѣ не прививалось итальянство. Могло впрочемъ быть, что сожалѣніе о минувшихъ дняхъ происходило отъ скуки ежедневныхъ, довольно усиленныхъ, учебныхъ моихъ занятій, къ которымъ было у меня мало охоты. Вспоминалъ я свою прежнюю Русскую привольную жизнь съ ея развлеченіями внѣ-классныхъ часовъ, измѣнившуюся со времени переѣзда въ Италію, въ строгую и какъ бы въ затворническую, вслѣдствіе новой системы въ моемъ воспитаніи. Часто вспоминалъ я, и особенно въ первые годы нашей эмиграціи, о Бѣлкинской нашей жизни, какъ рыскали мы по лѣсамъ собирать грибы, удили карасей въ Бѣлкинскихъ прудахъ, катались съ обмолоченныхъ скирдовъ на гумнѣ, какъ бы съ зимнихъ горъ, рѣзвились, играя въ горѣлки съ дворовыми дѣвушками и дѣтьми и проч. Находившійся при моемъ воспитателѣ и при мнѣ слугою Дмитрій Ломовъ поддерживалъ отчасти, хотя и безсознательно, юношескій мой патріотизмъ и приверженность къ нашей церкви. Когда старшіе обѣдали, я читалъ ему иногда вслухъ изъ Евангелія и съ нимъ упражнялся въ церковномъ пѣснопѣніи. Хотя онъ былъ безграмотный, но многое зналъ наизусть изъ церковной службы, и у него я выучился «Взбранной воеводѣ» и «Воскресеніе Христово видѣвше». Помню между прочими случай, что когда я ему показалъ подаренные мнѣ кѣмъ-то католическіе мелкіе четки (le rosaire), онъ мнѣ сказалъ: «Да благословитъ тебя Богъ въ католичество» (я уже сказывалъ, что приближенная къ намъ прислуга говорила намъ всегда «ты»). Этими словами я сначала обидѣлся, но принялся его увѣрять, что дѣло тутъ въ одной обрядности. Однакоже, эти простыя слова неграмотнаго Русскаго двороваго человѣка глубоко врѣзались въ мою душу. Одновременно я былъ и его секретаремъ-писцемъ, въ его корреспонденціи съ Костромскою его крестьянскою роднею, благодаря чему я изучилъ неизбѣжную и немѣняемую формулу подобныхъ писемъ, окончивающихся извѣщеніемъ, что «я молъ, слава Богу живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю», а за тѣмъ слѣдуетъ посылка поклоновъ всѣмъ родственникамъ и знакомымъ, обозначаемымъ, каждый порознь, именемъ и отчествомъ, а въ самомъ заключеніи, если письмо къ родителямъ, то говорится: «прошу святаго вашего родитель-

скаго благословенія, навѣки нерушимаго». Да и самъ г. Бунинъ, въ короткое время его нахожденія при мнѣ, согрѣвалъ, не въ догадъ самому себѣ, мое религіозно-патріотическое чувство тѣмъ, что во время моихъ съ нимъ прогулокъ вдвоемъ, а также во время преподаванія мнѣ Русской грамматики и математики, онъ часто напѣвалъ припѣвные къ канону ирмосы, а у меня такъ и становились ушки на макушкѣ. Видно, какъ бы волка ни кормить, а онъ все въ лѣсъ смотритъ.

Для насъ повторяли прославленное освѣщеніе факелами развалинъ Колизея. Оно дѣйствительно довольно эффектно, но объ этомъ слишкомъ много прокричали. Рыская съ г. Бунинымъ по вѣчному городу и его окраинамъ, я уже настолько умѣлъ рисовать, что сдѣлалъ много набросковъ съ натуры Римскихъ развалинъ, и въ томъ числѣ, пещеры съ фонтаномъ нимфы Егеріи, къ которой ходилъ совѣщаться по ночамъ Нума Помпилій. Вся эта интересная для меня рисовальная книга, съ позднѣйшими дополненіями, пропала изъ деревенскаго моего дома въ селѣ Малыя Порзни, когда я жилъ съ женою въ Италіи (1836—1839).

Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Римѣ мы потянулись обратно во Флоренцію тѣмъ же порядкомъ.

Насколько у иныхъ изъ ученой братіи седмихолмаго вѣчнаго града не охладѣло еще чувство гордости прежнимъ величіемъ языческой ихъ республики, можетъ служить примѣромъ нашъ Милліарини: онъ приходилъ въ яростное негодованіе противъ консула Фабія за проигранное имъ сраженіе противъ Ганнибала у этого самаго Тразименскаго (нынѣ Перуджинскаго) озера, вдоль котораго пролегалъ нашъ обратный путь, съ увлеченіемъ указывая намъ на стратегическія ошибки Римскаго полководца, недаромъ прозваннаго «Медлителемъ».

Въ этомъ году взята была къ намъ въ домъ для совмѣстнаго воспитанія съ меньшой моей сестрой Еленою ровесница ея, Каролина, Сорелли, дочь бѣднаго Итальянца, служившаго когда-то капитаномъ въ кавалеріи Неаполитанскаго короля Мюрата. Въ первое время нашего переѣзда во Флоренцію, мать моя изрѣдка еще занималась миніатюрной живописью, и къ ней хаживалъ учитель по этой части г. Сорелли, который началъ приводить съ собою маленькую свою племянницу, упомянутую Каролину, чтобы играть съ меньшой моей сестрой Еленою. Мало по малу дѣвочка эта стала участвовать во всѣхъ урокахъ моей сестры и въ описываемое здѣсь время совсѣмъ перешла къ намъ. Съ этихъ поръ она никогда болѣе не выходила изъ нашей семьи; впослѣдствіи она была наставницею обѣихъ дочерей моего брата до окончанія ихъ воспитанія; но вскорѣ послѣ сего, параличъ въ ногахъ лишилъ

се возможности ходить, и она осталась при моей матери до конца жизни последней, въ 1854 году. Ни годы, ни недуги не охладили любящую и пылкую натуру Каролины, перешедшей какъ бы по наслѣдству въ домъ къ племяннику моему графу Дмитрію Петровичу, и всѣ мы Бутурлины, старые и малые, составляли для нея предметъ привязанности.

Осенью 1822 г. пріѣхалъ къ намъ мой братъ съ молодой своею женою. Въ это время онъ только что перешелъ въ штатскую службу и былъ причисленъ къ нашему Римскому посольству вторымъ секретаремъ. Полагаю, что онъ взялъ годовой отпускъ, потому что не ближе какъ осенью послѣдующаго 1823 года онъ отправился къ мѣсту новаго своего служенія. Посланникомъ былъ тогда старикъ г. Италинскій, замѣчательный своею ученостію и природнымъ умомъ. Разсказывали, что, шутя съ Римскими монсиньерами (то есть прелатами), обѣдывавшими у него, онъ брался доказывать имъ, что Св. Петръ не могъ никакъ быть папою, потому что онъ даже никогда не былъ въ Римѣ. Разумѣется монсиньоры отклонялись вступать въ пренія по этому тезису *). Секретарями посольства были, кромѣ моего брата, князь Дмитрій Ивановичъ Долгоруковъ, переведенный незадолго передъ этимъ изъ Константинопольской миссіи, и Полякъ г. Коссаковскій.

По полученіи извѣстія, что наши молодые приближаются къ Флоренціи, мать моя поскакала одна въ г. Болонью, чтобы скорѣе обнять новую свою сноху, а я съ Слооном ъ поѣхали верхами навстрѣчу имъ, за три станціи въ Апенинскихъ горахъ, и ждали ихъ въ почтовой гостинницѣ подъ вывѣскою *Леи-Маскере*. Туда пріѣхали на ночлегъ молодые, сопровождаемые нашей матерью, и одновременно съ ними пріѣхала ночевать туда же пѣвица Европейской знаменитости, г-жа Каталани съ своимъ мужемъ, Французомъ Валлабрекъ. Она оставила уже тогда сцену и ѣхала во Флоренцію поселиться въ подгородной своей виллѣ, которую она устраивала на Англійскій ладъ, чего не встрѣчалось тогда въ Флорентинскихъ виллахъ. Графиня Аврора Осиповна (новобрачная моя невѣстка) знавала еще въ Парижѣ г-жу Каталани и познакомила насъ съ нею. Она была весьма привѣтливая и съ хорошими манерами женщина и очень щедра къ бѣдному люду.

По примѣру Англійскихъ туристовъ наши молодые ѣхали на почтовыхъ, предшествуемые коннымъ курьеромъ въ фантастическомъ, какъ

---

*) Мнѣніе это поддерживаютъ протестанскіе богословы; но по общему вѣрованію обѣихъ церквей, западной и нашей восточной, основанному на преданіи, Св. Петръ принялъ мученичество въ Римѣ. Насчетъ же вѣрованія Латинянъ, что онъ былъ первымъ Римскимъ епископомъ, наша церковь не признаетъ положительно, но и не опровергаетъ этого. (Примѣчаніе *графа Дмитрія Николаевича Толстаго*).

водилось тогда, костюмѣ, обшитомъ галунами и въ огромныхъ ботфортахъ; курьеръ скакалъ впередъ на разстояніи одной станціи, заготовляя и платя за лошадей, и безпрерывно почти хлопалъ длиннымъ бичемъ. Ремесло это было нелегкое, такъ какъ случалось скакать день и ночь отъ Парижа до Рима или Неаполя, но прибыльное въ денежномъ отношеніи. Процессъ этой ѣзды давно составлялъ для меня предметъ зависти, но я насладился имъ всего только одинъ разъ, да и то на короткое разстояніе, когда въ слѣдующее лѣто 1823 года все наше семейство ѣздило на морскія купальни изъ Флоренціи въ Ливорно.

Осень 1822 года была для меня знаменательною эпохою, потому что я былъ въ первый разъ въ жизни въ театрѣ, гдѣ давали трагедію современнаго поэта Никколини «Инна и Темисто». Г. Слоанъ, я и Милліарини отправились пѣшими изъ виллы Пальміери въ «Театро-Нуово». Проходя мимо маленькой капеллы «Санта-Марія-делла Тоссе» (*тоссе* значитъ кашель), чтó у самыхъ городскихъ воротъ «Санъ-Галло», мы увидѣли сквозь отпертыя двери капеллы выставленное тѣло одной молодой женщины, и мой менторъ не пропустилъ случая обратить мое вниманіе на это совпаденіе печальной стороны жизни рядомъ съ удовольствіемъ, ожидавшимъ меня въ этотъ вечеръ, какъ бы напоминаніе, что во всѣхъ случаяхъ жизни не должно забывать общаго нашего конца. Играла первая въ то время трагическая актриса Петцетъ, нарочно для которой написана была эта трагедія. Натянутая и полная аффектаціи Итальянская декламировка, монотонное произношеніе стиховъ почти на распѣвъ, утрированная жестикуляція и пластика, все это вмѣстѣ навѣяло бы теперь на меня одну скуку, а иностранцу-театралу показалось бы смѣшнымъ; но я приходилъ въ восторгъ отъ этого представленія.

По случаю Веронскаго конгресса, пробылъ во Флоренціи нѣсколько дней двоюродный мой братъ Петръ Адріяновичъ Дивовъ, находившійся въ Веронѣ по дѣламъ службы, какъ секретарь Парижскаго посольства. Всѣхъ поразило тогда извѣстіе, что Англійскій «преміеръ» лордъ Кастльри (также Лондондери) зарѣзался. Позднѣе узнали, что причиною самоубійства была неудача политическихъ плановъ этого дипломата, по поводу (кажется) Греческаго вопроса, которымъ былъ тогда сильно занятъ Европейскій дипломатическій міръ.

Братъ мой съ молодою женой заняли часть втораго этажа нанимаемаго нами дома, въ томъ числѣ и двѣ комнаты, гдѣ г. Слоанъ и я жили, и потому пришлось намъ двоимъ перемѣститься на квартиру, въ домѣ рядомъ съ нашимъ. Этому я былъ радъ по разнымъ причинамъ. Во-

первыхъ, меня потѣшала самая новизна и то, что приходилось мнѣ часто бѣгать черезъ улицу изъ дома въ домъ, и немаловажно было и то, что наставникъ мой уже никакъ не могъ нагрянуть на меня по-прежнему, невзначай, когда я, вмѣсто приготовленія уроковъ, занимался чѣмъ нибудь другимъ, или рисованіемъ Англійскихъ лошадей, что̀ я очень любилъ дѣлать, или расхаживалъ по комнатѣ распѣвая. А не могъ онъ напасть на меня врасплохъ, потому что уличная дверь была всегда на запорѣ, и молоточный стукъ въ наружную дверь (способъ, замѣняющій во Флоренціи звонокъ) во̀ время извѣщалъ меня о приходѣ моего ментора. Ко всѣмъ этимъ удобствамъ надо добавить кофейню, находившуюся подъ нашими комнатами, куда я забѣгалъ тайкомъ полакомиться сладкимъ пирожнымъ, а на это баловство доставало у меня денегъ изъ получаемаго отъ отца одного *скудо* въ мѣсяцъ (приблизительно полтора р. сер.).

Гордилась теперь наша мать возможностью вывозить въ свѣтъ трехъ вмѣсто двухъ прежнихъ дочерей; да и было дѣйствительно чѣмъ гордиться. Очень миловидна изъ себя была графиня Аврора Осиповна, и особенно хороши были въ ней выраженіе карихъ глазъ, тонкіе контуры бровей и гладкій бѣло-матовой лобъ; немного портили опущенныя оконечности рта, что̀ придавало ея физіономіи какъ бы презрительную экспрессію, но и этотъ недостатокъ сглаживался улыбкою молодаго и свѣжаго лица. Все это дополнялось граціозностію въ манерахъ и позахъ, свойственною большинству Полекъ, гибкимъ станомъ и спокойно-плавными движеніями. Но еще болѣе отличается по сю пору моя невѣстка нравственными достоинствами. Она изъ тѣхъ щедро одаренныхъ натуръ, что̀ вкрадываются, такъ сказать, съ перваго раза въ душу всякому: веселаго и ровнаго всегда нрава, нѣжнаго и сострадательнаго сердца, уживчивость, рѣдкая логичность ума и сила воли. Съ перваго дня своего пріѣзда въ новую свою семью, невѣстка моя отождествилась съ нею, какъ будто бы родилась въ ней. Мы всѣ сразу и безотчетно полюбили ее, и сразу также родители наши оцѣнили отличительныя достоинства снохи.

На Флорентинскій зимній сезонъ конца 1822 и начала 1823 года пріѣхалъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, только что женившійся на княжнѣ Маріи Александровнѣ Урусовой. Урусовы считались какъ-то въ родствѣ съ нами (по Татищевымъ), и потому мужъ и жена Пушкины часто стали видаться съ нами. Графиню можно было причислить не только къ красавицамъ, но и даже оригинальнымъ красавицамъ, по случаю разноколерныхъ совершенно ея глазъ.

Старикъ герцогъ Фердинандъ III былъ охотникъ и знатокъ церковной музыки, и когда онъ замѣчалъ какую нибудь фальшь въ исполненіи своихъ пѣвцовъ или оркестра, онъ изъ своей трибуны (въ родѣ ложи) моргнетъ, бывало, своему капельмейстеру синьору Маніелли, и тотъ, не церемонясь, отвѣчаетъ ему такой же гримасою. Подобная фамильярность можетъ встрѣчаться только между Итальянцами; но почитаемый всѣми этотъ великій герцогъ, хотя изъ Габсбургской династіи, старался всегда выказывать себя чистымъ Итальянцемъ. Придворнымъ его капелланомъ былъ старикъ аббатъ Енричи, всѣми любимый и уважаемый; онъ жилъ дверь объ дверь съ нами, нерѣдко посѣщалъ насъ и бесѣдовалъ съ нашимъ отцомъ въ его кабинетѣ. Въ противность большинству его собратій аббатовъ, онъ отличался религіозной терпимостью и явно высказывалъ свое вѣрованіе о возможности спасаться въ нашей восточной церкви, но не особенно любилъ входить въ религіозныя пренія. Задушевныя его доброта и простота были столь велики, что онъ не вѣрилъ пороку, и снисходительность его къ ближнему граничила съ дѣтскою наивностію. О немъ разсказывали, что на исповѣди одного изъ его духовныхъ чадъ, каявшагося въ какомъ-то особенномъ грѣхѣ, добрый аббатъ будто бы прервалъ его словами: «Это не можетъ быть такъ, вы клевещете на себя, вы не способны это сдѣлать». Во все время занятія Французами Италіи, изгнанный Фердинандъ III проживалъ въ Тирольскомъ городѣ Зальцбургѣ, имѣя при себѣ этого аббата Енричи и медика Боэти; оба они сдѣлались до конца жизни какъ бы членами герцогскаго семейства и отчасти онѣмечились въ выговорѣ отъ продолжительнаго пребыванія въ Тиролѣ. Г. Боэти былъ и нашимъ семейнымъ эскулапомъ.

Весною 1823 года, по случаю возвращенія въ Россію стараго графа Ѳедора Андреевича Толстаго съ его дочерью Закревской, мои родители воспользовались этимъ, чтобы отправить обратно въ Россію вмѣстѣ съ графомъ моего Русскаго учителя г. Бунина, конечно на нашъ счетъ. Чтó до старика графа Толстаго, великаго охотника и собирателя древностей, то слышно было, что его зачастую ловко надували въ Италіи мнимыми древностями.

Въ Александровское время не соблюдался строго указъ о смѣшенныхъ бракахъ, повелѣвающій, чтобы если кто изъ супруговъ принадлежалъ православной церкви, то чтобы всѣ родившіяся отъ нихъ дѣти были крещены и воспитаны въ православіи. Допускалось, чтобы дѣти мужскаго пола принадлежали отцовскому вѣроисповѣданію, а дѣти женскаго пола материнскому. На основаніи этой практики и заранѣе вы-

говореннаго условія родителями моей невѣстки при ея бракосочетаніи съ моимъ братомъ, когда въ Маѣ 1823 года родилась первая ихъ дочь, графиня Анна Петровна, ее повезли съ нѣкоторымъ церемоніаломъ крестить въ городской *баптистеріумъ*, небольшое осмиугольное древнѣйшее зданіе, принадлежащее каѳедральному собору (il Duomo), хотя отдѣленное отъ него уличнымъ проѣздомъ. По мѣстному обычаю въ городахъ сѣверной и средней Италіи, новорожденныхъ не крестятъ ни въ домахъ, ни даже въ приходскихъ церквахъ, а всѣхъ младенцевъ приносятъ въ подобный же баптистеріумъ, находящійся при всякой каѳедральной церкви. Въ 1823 году братъ мой былъ еще православнымъ. Лѣтомъ этого года онъ отговѣлъ со мною въ Ливорнской Греческой церкви и на пути оттуда въ каретѣ въ нашу виллу Гебгардтъ, онъ прочелъ мнѣ вслухъ благодарственныя молитвы по св. причащеніи. Особенной тенденціи къ латинству въ немъ тогда еще не проявлялось, и помню, что онъ говаривалъ, что обѣ церкви одинаково правовѣрны и истинны. Даже много позднѣе, когда мать моя уже открыто исповѣдывала латинство, то и тогда она отзывалась о нашемъ святителѣ Дмитріи Ростовскомъ, какъ о великомъ святомъ, что̀ крайне меня тогда радовало, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удивляло*). Помню также, что мать моя говаривала мнѣ, что она вполнѣ уповаетъ на спасеніе души моего отца за добрыя его дѣла.

Какимъ я былъ простакомъ на семнадцатомъ году возраста, судите по слѣдующему случаю. Проходя вдоль канавы, окружавшей одну изъ сосѣднихъ съ нами виллъ, около которой играли мальчишки, я изъ шалости толкнулъ одного изъ нихъ въ канаву, и онъ при паденіи разсѣкъ себѣ лобъ о камень. На крикъ его сбѣжались прохожіе, въ томъ числѣ женщина, вѣроятно его мать, которая принялась осыпать меня упреками, и чтобы развязаться съ нею, а главное, чтобы она не ходила жаловаться на меня моей матери или моему наставнику, я отдалъ ей все что̀ у меня было мелкой монеты, и дѣло затихло на время; но съ этихъ поръ эта мегера начала преслѣдовать меня и выманивать все, что̀ могла изъ скуднаго моего мѣсячнаго оклада.

Осенью 1823 года пріѣхали на зиму во Флоренцію Поляки графъ Фредро и графъ Левъ Северииновичъ Потоцкій, оба женатые на дочеряхъ бывшаго когда-то богача, но разорившагося подъ конецъ, графа Николая Головина (по его смерти, большое его имѣніе Воротынецъ

*) Слыхалъ я, что одна прозелитка изъ Русскихъ почитала св. Димитрія Ростовскаго на томъ основаніи, будто онъ былъ *уніятскимъ епископомъ*; но мать моя была на столько начитана, что не могла впадать въ подобную грубую историческую ошибку.

разыгрывалось въ публичной лотереѣ). Графиня Прасковья Николаевна Фредро (прозванная между нашими семейными дамами именемъ Паши) и сестра ея графиня Елисавета Николаевна Потоцкая уже были, со времени Петербургской ихъ жизни, католичками. Графъ Фредро, изъ себя молодчина, былъ генераломъ въ войскѣ Царства Польскаго, и еще въ Петербургѣ, будучи полковникомъ и флигель-адъютантомъ, бывалъ у насъ въ домѣ. У супруговъ Фредро былъ одинъ только сынъ Максъ, пяти или шести лѣтъ отъ роду.

Зимою съ 1823 на 1824 годъ я началъ ѣздить съ визитами къ близкимъ знакомымъ, бывалъ въ театрахъ, но одного меня туда не пускали; а въ Кашинахъ ѣздилъ я одинъ верхомъ, но только не бывалъ еще на балахъ. Значить, я сталъ пользоваться нѣкоторою самостоятельностью. Отецъ мой, разсудивъ, отчасти по совѣту Д. П. Северина, что дѣйствительно я былъ отчужденъ отъ Россіи, и что пора изподоволь готовиться мнѣ къ поступленію на какую нибудь службу (военной онъ весьма не сочувствовалъ), рѣшился войти въ переписку съ двоюроднымъ своимъ братомъ, графомъ М. С. Воронцовымъ, чтобы, до формальнаго моего опредѣленія на службу, я находился при немъ, свыкнулся съ родиною и ея языкомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занялся бы математикою и геометріею, предметы, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

Вскорѣ послѣ того, какъ мнѣ минуло 17 лѣтъ, начались, весною 1824 года, приготовленія къ моему отъѣзду въ Одессу.

Разыгралось во мнѣ ретивое при мысли о возвращеніи на родину, призракъ которой не покидалъ меня никогда; да и особенной привязанности къ краю, гдѣ протекла вторая часть моего дѣтства, я не ощущалъ. Къ патріотическому юному моему настроенію присоединялась радостная увѣренность, что я покончилъ на всегда съ класною скамейкою и противнымъ мнѣ Латинскимъ сумбуромъ. Жизнь раскрывалась новая, въ ней все было увлекательно, обширное поле представлялось игривому моему воображенію, все въ немъ казалось доступнымъ, руку молъ только протянуть! Чувствовались силы хвататься за многое, но положительнаго призванія къ какому либо роду службы, или даже влеченія къ какому нибудь спеціальному, серіозному немного предмету, не было тогда во мнѣ. Ринулся я первоначально на Французскіе и Англійскіе романы, запрещенный до того времени плодъ. Пѣніе, опера и профессіональные артисты окончательно завладѣли одно время моей головой. Впослѣдствіи, когда я имѣлъ нѣкоторые успѣхи на поприщѣ дилетантизма, любимою мечтою сдѣлалась для меня артистическая

карьера на публичной сценѣ. Она усилилась до того, что, когда обстоятельства мои все болѣе и болѣе запутывались и угрожали окончательнымъ разореніемъ, вмѣсто того чтобы принять энергическія мѣры удержать возможное, и въ случаѣ неудачи посвятить трудъ и прирожденныя способности на государственную службу, когда еще непоздно было составить карьеру и тѣмъ обезпечить свое семейство, вмѣсто всего этого, въ головѣ моей бродила романическая мысль переименоваться какимъ нибудь Итальянскимъ, кончающимся на *ини*, псевдонимомъ, и поступить на какую нибудь дальнюю сцену, хоть бы въ Америку; въ успѣхахъ своихъ я не сомнѣвался. А вѣдь какую великую истину объ аматёрскихъ талантахъ сказалъ Скрибъ въ одномъ изъ своихъ водевилей:

L'on en a trop, quand il est inutile;
L'on n'en a plus, quand on en a besoin.

При разлукѣ въ первый разъ съ родителями, отецъ мой снабдилъ меня собственноручнымъ наставленіемъ о правилахъ жизни, съ убѣдительнымъ требованіемъ пребывать твердымъ въ вѣроисповѣданіи восточной православной церкви и прибѣгать къ таинствамъ покаянія и св. причащенія не менѣе какъ по три раза въ годъ. Но увы! Въ порывахъ бурной молодости, я ослушался его приказаній и, сверхъ сего, въ безпечности своихъ привычекъ, утратилъ дорогой этотъ документъ родительскаго попеченія.

(*Продолженіе будетъ*).

ИЗЪ ДНЕВНИКА НИКОЛАЯ АЛЕКСѢЕВИЧА МУХАНОВА [1]).

16 Juin 1832.

Вяземскій m'apprend que Дашковъ, ayant reçu une note à mon égard du prince Serge [2]), dans laquelle j'étais désigné comme коллежскій ассесоръ, a dit que la chose était impossible. Il lui écrit sur-le-champ pour le désabuser. Il me propose de me mener chez Dehay. qui m'arrangera tout. Les ministres, si libéraux et si bien intentionnés, n'ont de l'homme que la figure, et encore bien imparfaite. Il pensent qu'ils sont des divinités et qu'ils font un bien grand honneur à ces places, parce qu'ils ont bien voulu les accepter. Ce que l'Empereur promet, ils le refusent, et ils sont inaccessibles, introuvables, invisibles. Personne n'a accès près d'eux, et ils ne sont libéraux que de refus. Cela révolte le monde et fait naître beaucoup de malveillance. On dit que Bloudoff est tout autre; cependant j'ai fait pendant trois jours antichambre pour pouvoir me présenter à lui et être admis pour un quart d'heure. Вяземскій m'a paru exaspéré et furieux de la brochure de Мещерскій.

23 Іюня. Рожденіе мое. 30 лѣтъ. Не имѣю привычки его праздновать. Грустно что-то по Москвѣ. Вечеръ у Уварова, который читалъ мнѣ окончаніе своего манускрипта.

24. Писалъ домой и Кристину. Въ 5 часовъ поѣхалъ обѣдать къ В. Пушкину [3]) съ двумя графинями прелестными. Aurore. Пушкинъ Александръ, Вяземскій, А. Толстой. Вмѣстѣ съ Вяземскимъ къ Блудову, въ городѣ не застали; къ нему же на дачу, не застали и тамъ. Вяземскій написалъ ему весьма убѣдительную записку, прося его устроить съ

---

[1]) Подлинникъ (карманная въ кожѣ записанная книжка) хранится въ Москвѣ, въ Музеѣ Петра Ивановича Щукина. Н. А. Мухановъ, старшій братъ Владиміра Алексѣевича, съ дневникомъ котораго знакомы читатели „Русскаго Архива", пріѣзжалъ въ 1832 году изъ Москвы въ Петербургъ искать мѣста по службѣ. П. Б.

[2]) Князя С. М. Голицына, который былъ тогда попечителемъ Московскаго учебнаго округа. П. Б.

[3]) Т. е. къ графу Владиміру Алексѣевичу Мусину-Пушкину. П. Б.

Дашковымъ дѣло мое. Они должны были ѣхать вмѣстѣ въ Петергофъ, и В. желалъ выиграть это время, дабы они дорогой все кончили. Отъ Блудова я завезъ В. на Каменный островъ къ Смирновымъ и поѣхалъ къ Вулгакову, гдѣ и кончилъ вечеръ. Играли въ карты, было очень жарко и довольно скучно. Дорогой у насъ былъ весьма любопытный разговоръ о Д. и Б., какъ пріятеляхъ князя Вяземскаго; но онъ однакоже мнѣ говорилъ, что они вовсе не на своихъ мѣстахъ и что не надо многаго отъ нихъ ожидать, особенно отъ Б., не имѣющаго никакой énergie, que ce ne sont pas des hommes d'action, что ихъ мѣсто статсъ-секретарей и не болѣе, qu'ils n'ont aucun système et ne songent pas aux véritables plaies du pays.

25. Всталъ поздно. Пришелъ Пушкинъ, долго просидѣлъ у меня. Добрый малый, но часто весьма.

26. Узналъ о смерти Елены Гр. Чертковой, бывшей Строгановой. Очень о ней сожалѣютъ.

29. Къ Вяземскому поздравить съ именинами. Нашелъ у него Полуектову и Александра Пушкина. Она осталась чужда разговору, который продолжался между мною и Пушкинымъ о новѣйшей литературѣ и нововышедшихъ въ свѣтъ книгахъ. Онъ находитъ, что лучшая изъ нихъ Table de nuit, Musset. Я спросилъ мнѣнія его о Дюмонѣ, котораго еще не читалъ, но онъ извѣстенъ мнѣ по критикѣ Débats и по мнѣнію нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ. Пушкинъ очень хвалитъ Дюмона, а Вяземскій позоритъ, изъ чего вышелъ самый жаркій споръ. Я совершенно мнѣнія Пушкина по его доводамъ и справедливости заключеній. Оба они выходили изъ себя, горячились и кричали. Вяземскій говорилъ, что Дюмонъ старался похитить всю славу Мирабо. Пушкинъ утверждалъ, напротивъ, что онъ извѣстенъ своимъ самоотверженіемъ, коему далъ примѣръ переводомъ Бентама, что онъ выказываетъ Мирабо во внутренней его жизни, и потому весьма интересенъ, что Jules Janin вретъ, что Французы презрительны, что таланта истиннаго въ нихъ нѣтъ, что лучшіе ихъ таланты не Французы, что Мирабо не Французъ, что Journal des Débats нельзя принимать за мнѣніе всей Франціи, и что ея мнѣніе даже невѣрно и пр. Споръ усиливался. Полуектова неприметно скрылась въ пылу онаго; наконецъ пришелъ человѣкъ объявить, что пріѣхалъ Д. Н. Блудовъ. Былъ принятъ, говорилъ плодовито, скоро. Всѣ предметы ему весьма знакомы. Разговоръ сперва имѣлъ предметомъ смерть Чертковой, потомъ коснулся пожара *). Сгорѣло 280 домовъ, изъ коихъ застрахованныхъ было только на 330 т., а мостовыя окого сего квартала были сломаны, въ

*) Д. Н. Блудовъ былъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ. П. Б.

передѣлкахъ: потому полиція не могла оказать столь скорую помощь, каковую слѣдовало. Какіе онъ думаетъ по сему предмету сдѣлать постановленія? Самыя пустыя. Колодцы и запрещеніе держать у себя на дому горючія вещества иначе какъ въ самомъ маломъ количествѣ. Поводъ къ злоупотребленіямъ. ОбъАнгліи, о нѣкоторыхъ лицахъ ему извѣстныхъ во время его тамъ 10 лѣтъ (назадъ) пребыванія. Сказалъ Пушкину, что онъ о немъ говорилъ Государю и просилъ ему жалованья, которое давно назначено, а никто давать не хочетъ. Государь приказалъ переговорить съ Нессельродомъ. Странный отвѣтъ: я желалъ бы, чтобы жалованье выдавалось отъ Бенкендорфа.—Почему же не отъ васъ? Не все-ли равно, изъ одного ящика или изъ другаго?—Для того, чтобы *избѣжать дурнаго примѣра*. Помилуйте, возразилъ Блудовъ, ежели бы такой примѣръ породилъ намъ хоть новаго Бахчисарайскаго Фонтана, то ужъ было бы счастливо. Мы очень сему смѣялись. Пушкинъ будетъ издавать газету (Б. выпросилъ у Государя на сіе позволеніе) подъ заглавіемъ Вѣстникъ, газета политическая и литературная; будетъ давать самыя скорыя свѣдѣнія изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Пушкинъ, говорившій до сего разговора весьма свободно и непринужденно, послѣ онаго тотчасъ смѣшался и убѣжалъ. В. подалъ Б. письмо читать. Мнѣ нельзя было оставаться изъ скромности, и я ушелъ. Пушкинъ обѣщалъ свести его съ Толстымъ [1]). Черезъ нѣсколько времени (я) заѣхалъ опять къ Вяземскому и узналъ отказъ.

30. Въ 9 часовъ къ Толстому для свиданія съ Панинымъ [2]) который меня удивилъ и порадовалъ живостью и горячностью, съ коими хлопоталъ за меня противно своему правилу ни за кого у министра не ходатайствовать. Рѣшили просить Бенкендорфа и Орлова говорить Государю.

1-го. Заѣхалъ къ Толстому. Поѣхали вмѣстѣ обѣдать къ Панину, на дачу; обѣдали втроемъ. Панинъ много говорилъ про Дашкова, все съ хорошей стороны. О Каподистріи очень дурно отзывался. Говорилъ, что онъ совсѣмъ противное былъ своей репутаціи, которая приписывала ему великую душу и много благородства; что онъ былъ безсовѣстный, хитрый и коварный Грекъ; что нѣкоторыхъ противныхъ ему начальниковъ партій, которыхъ онъ очень боялся, онъ зазвалъ дружески къ себѣ и, когда они пріѣхали на этотъ вызовъ, онъ на возвратномъ пути ихъ перехваталъ и заключилъ въ темницы; что ему Панину онъ неоднократно лгалъ. Между прочимъ онъ далъ свое

---

[1]) Графомъ Александромъ Петровичемъ. П. Б.

[2]) Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, служившій передъ тѣмъ по дипломатіи, въ Греціи, состоялъ тогда чиновникомъ при министрѣ юстиціи Д. В. Дашковѣ. П. Б.

честное слово, что на выборъ Леопольда на царство не будетъ сопротивленія Сената и увѣрялъ до послѣдней минуты, наконецъ уѣхалъ потихоньку, и въ отсутствіе его Сенатъ подалъ адресъ отвергательный. Желаніе его или намѣреніе воцариться. Табакерка и часы. Скупость. Онъ самъ поведеніемъ своимъ навлекъ несчастный случай, постигшій его. Вспыльчивость и заносчивость его, иногда злость. Временами былъ съ Панинымъ довольно хорошъ; но если онъ вообще такъ дурно обходился съ представителемъ столь сильной и великой державы, каково же его обращеніе было съ другими?

За столомъ еще былъ разговоръ о дѣлахъ сенатскихъ, о сношеніи его съ Дашковымъ. Онъ упреждаетъ ему пріемъ просителей. Совѣтуетъ болѣе ничего не предпринимать. Неудовольствіе, скука, грусть, досада волновали меня остатокъ дня. Гулялъ съ Толстымъ и Уваровымъ пѣшкомъ. Вечеръ кончилъ у Уварова tête-à-tête. Колкость рѣчей моихъ его немного замѣшивала и сердила. Я ему доказывалъ, что такое министерство, въ чемъ состоитъ самолюбіе. Онъ спорилъ весьма слабо, хотя сердился, много говорилъ и кричалъ насчетъ князя Сергія Михаиловича и Голохвастова. Онъ себя увѣряетъ, что Голохвастовъ *) не участвуетъ и что это надо князю. Я говорю, что князь никогда не просилъ, чтобъ его утверждали, а желалъ только, чтобы онъ управлялъ его мѣстомъ во время отсутствія.

2 Іюля. Былъ у насъ А. П. Алединскій. Онъ грустенъ. потому что считаютъ контору Великаго Князя. Обѣдъ у Уварова съ Жмакинымъ, съ Вигелемъ, Боголюбовымъ и Шепелевскимъ. Сей послѣдній, старикъ почти 80 лѣтъ, мнѣ рекомендовался какъ знакомый батюшкинъ. Странное сборище гостей. Вигель имѣетъ гадкую репутацію, вкусы Азіатскіе, слылъ всегда шпіономъ, теперь директоръ департамента духовныхъ дѣлъ при Блудовѣ; говорятъ, что весьма умный человѣкъ и свѣдущій. Онъ говорилъ, что желалъ бы, чтобъ Жмакину (коего часть департамента переходитъ къ Герцогу) отдали департаментъ графа А. Т., а сему послѣднему департаментъ духовной; а его Вигеля чтобъ посадили въ совѣтъ министра. Говорятъ, что онъ желаетъ сего и потому, что онъ очень лѣнивъ. О Вигелѣ графъ Александръ Т. большаго понятія. Говоритъ, что мало людей столь здраво-мыслящихъ. Это потому, что Вигель мыслей самыхъ монархическихъ, даже деспотическихъ. Послѣ обѣда былъ разговоръ о Полевомъ. Я сказалъ свое мнѣніе. Вигель полагаетъ, что его Вяземскій сдѣлалъ республиканцемъ, и при семъ случаѣ отзывался о Вяземскомъ съ нѣкоторымъ презрѣ-

*) Помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа Д. П. Голохвастовъ, главный работникъ по составленію Университетскаго Устава 1835 года. П. Б.

ніемъ, говоря, что это пустой человѣкъ. Я вступился и нѣсколько его отщелкалъ. Я узналъ потомъ, что Вигель чѣмъ сильнѣе говоритъ, тѣмъ легче потомъ отступаетъ отъ своихъ мнѣній. Пошли вмѣстѣ съ Уваровымъ къ Гурьевымъ. Уваровъ въ радости, что дочь его фрейлина. Онъ предлагаетъ дѣло довести до свѣдѣнія Государя чрезъ Бенкендорфа [1]). Не вѣрю возможности сего. Толстой давно предлагаетъ порученіе внутри Россіи.

4. Поѣхалъ къ Пушкину. Видѣлъ у него Плетнева и статую Екатерины, весьма замѣчательную. Говорили о его газетѣ. Мысли его самыя здравыя. Онъ либеральный, анти-полевой, ненавидитъ духъ журналовъ нашихъ. Обѣщалъ быть ко мнѣ на другой день. Онъ очень созрѣлъ.

5. Пришелъ Александръ Пушкинъ. Говорили долго о газетѣ его. Онъ издавать ее намѣренъ съ Сентября или Октября; но врядъ ли поспѣетъ. Нѣтъ еще сотрудника. О Погодинѣ. Онъ его желаетъ; хочетъ мнѣ дать къ нему порученіе. О Вяземскомъ онъ сказалъ, что онъ человѣкъ ожесточенный, aigri, который не любитъ Россію, потому что она ему не по вкусу; о презрѣнія его къ Русскимъ журналамъ. о Андросовѣ и статьѣ Погодина о немъ. Толстой говорилъ, что Андросовъ презираетъ Россію, о несчастномъ уничиженіи, съ которымъ писатели наши говорятъ объ отечествѣ, что въ нихъ оппозиція не правительству, а отечеству. Пушкинъ очень сіе апробовалъ и говорилъ, что надо объ этомъ сдѣлать статью журнальную. Пушкинъ говорилъ долго. Квасной патріотизмъ. Цѣль его журнала, какъ онъ ее понимаетъ, доказать правительству, что оно можетъ имѣть дѣло съ людьми хорошими, а не съ литературными шельмами, какъ доселѣ было. Водворить хочетъ новую систему. Я много ожидаю добра отъ сего журнала.

7. Vive dispute avec Ouvaroff à cause du journal de Pouchkine. Il est blessé que la permission lui ait été accordée par le ministère de l'intérieur et non par le sien. Il soutient, que Pouchkine ne saura jamais rédiger un beau journal, manque de sa caractère, de tenacité, d'application préparatifs, qu'un journal nécessite. Il a raison d'un côté.

Avec Ouvaroff soirée chez les Pouchkine. [2]) La diplomatie réunie. Grande affluence et désagréable des Polonais. Tous les salons en sont innondés. Je crois qu'ils sont des gens dangereux et fininont par faire quelques intrigues préjudiciables.

---

[1]) Самъ С. С. Уваровъ (тогда еще не графъ) получилъ мѣсто министра, благодаря Бенкендорфу. П. Б.

[2]) Т. е. у графа и графини (ур. Шернваль) Пушкиныхъ. П. Б.

КРЕСТОВСКІЙ-ПСЕВДОНИМЪ.

(Воспоминаніе).

Въ нашей печати автору „Въ ожиданіи лучшаго“ и „Большой Медвѣдицы“, Крестовскому-Хвощинской, посвящено немного статей. Кончина ея вызвала нѣсколько статеекъ и журнальную работу г. В. Семевскаго, весьма одностороннюю. Предлагаемыя замѣтки основаны на личномъ воспоминаніи и главной задачей ставятъ себѣ точную передачу мыслей и словъ замѣчательнѣйшей изъ Русскихъ писательницъ.

Я въ первый разъ встрѣтился съ Хвощинской въ Петербургѣ, въ восьмидесятомъ году, у знакомаго мнѣ чиновника Z., котораго Надежда Дмитріевна воспитывала въ дѣтствѣ и юности, на родинѣ своей, въ Рязани, и у котораго остановилась въ тотъ пріѣздъ свой въ Петербургъ. Однажды Z. пришелъ въ редакцію газеты „Голосъ“ (въ составѣ которой я состоялъ въ то время) и, вызвавъ меня, передалъ большой альбомъ прекрасныхъ фотографій, снимковъ съ картинъ современныхъ Русскихъ художниковъ, снятыхъ незадолго передъ тѣмъ умершимъ Каррикомъ, фотографомъ-артистомъ, хорошо извѣстнымъ художникамъ и любителямъ. Семейство Каррика, съ которымъ Хвощинская была очень близка, осталось въ стѣсненномъ положеніи, и изданіе альбома предпринято было какъ подспорье ему, на которое возлагались нѣкоторыя надежды. Отзывъ такой распространенной газеты какъ „Голосъ“ имѣлъ значеніе для этого предпріятія, и знакомый мой Z просилъ меня сдѣлать его въ газетѣ. Когда замѣтка появилась, Надежда Дмитріевна передала черезъ того же Z. о желаніи видѣться со мною, и я отправился къ ней. Чиновникъ занималъ маленькую квартирку, гдѣ жилъ съ молодой женой. Надежда Дмитріевна, принимавшая съ дѣтства участіе въ его судьбѣ, относилась къ этой парѣ съ родственной симпатіей. Передъ романисткой была какъ бы заключительная глава повѣсти съ молодыми героями, благополучно доведенной до желаннаго и мирнаго конца.

Хвощинская была очень мала ростомъ и нѣсколько неправильно сложена. Она носила платья стариннаго покроя, архаическій „кринолинъ“, волосы „начосами“. Первое впечатлѣніе, производимое ею, было нѣсколько странно; но оно исчезало быстро, какъ только она вступала въ бесѣду и глядѣла на васъ. Въ глазахъ ея было столько ума и души, въ ея рѣчи столько доброты и вдумчивости, что всѣ „странности“ костюма и наружности забывались тотчасъ, какъ мелкая ничтожность. Передъ вами остава-

лась удивительная женщина, разговоръ которой блестѣлъ умомъ и чувствомъ, переходя отъ искреннихъ нотъ и глубокихъ сочувствій къ дѣтской шуткѣ, безъ малѣйшаго оттѣнка педантизма или ломанія, чѣмъ иногда грѣшатъ литературныя знаменитости.

— Благодарю васъ за замѣтку объ альбомѣ, сказала она мнѣ послѣ первыхъ фразъ представленія; я сама никогда не сумѣла бы ее написать.

Мы всѣ разсмѣялись этимъ словамъ, и я первый, зная, что они были внушены лишь привѣтливостью и что конечно она не имѣла никакого намѣренія сказать мнѣ что-нибудь обидное или злое, тѣмъ болѣе, что и то и другое было совершенно мною незаслужено.

Мы говорили о литературѣ, о провинціи, откуда только что пріѣхала Надежда Дмитріевна (она жила постоянно въ Рязани, съ слѣпой старухою матерью и сестрой, въ небольшомъ собственномъ домѣ, доставшемся отъ отца), объ общихъ знакомыхъ по редакціи „Голоса“: семьѣ Краевскихъ, недавно умершемъ Зотовѣ, нашемъ секретарѣ и другихъ, съ которыми Н. Д. была хорошо и давно знакома по многолѣтнему участію въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Молодая хозяйка (вскорѣ потомъ умершая) угощала насъ чаемъ, и Н. Д. любовалась ея милою суетливостью, цѣлуя ее иногда въ голову.

Отъ Z черезъ нѣсколько дней Н. Д. перебралась, по усиленной просьбѣ, въ домъ старыхъ друзей, семью очень крупнаго сановника, и во второй разъ, въ этотъ ея пріѣздъ, я видѣлся съ нею тамъ. Надо было пройдти цѣлую анфиладу парадно убранныхъ комнатъ, чтобы добраться до ея помѣщенія. Мнѣ показалось, что въ этихъ парадныхъ аппартаментахъ она чувствовала себя не такъ привольно, какъ въ маленькой, уютной квартиркѣ молодого чиновника, гдѣ не было швейцаровъ и великолѣпныхъ лакеевъ и чай подавался не на серебрѣ, но гдѣ все согрѣто было молодостью и счастьемъ двухъ близкихъ ей людей.

Уѣхавъ вскорѣ послѣ того въ Рязань, Н. Д. прибыла въ Петербургъ въ слѣдующую зиму на болѣе продолжительное время. Она заняла меблированную комнату на Новой (Пушкинской) улицѣ. Комната была на четвертомъ этажѣ, мала и неудобна, но лучшей не позволяли занимать писательницѣ ея средства. Чтобы жить литературой, надо писать прежде всего много. Она писала медленно и мало, а журналы, только и дающіе заработокъ, платятъ у насъ отъ *количества* написаннаго, отъ печатнаго листа. Старыя изданія ея сочиненій, попавъ въ руки издателей (Стелловскаго, Глазунова), пошли за грошп. Изъ устъ Крестовской, не умѣвшей лгать, я слышалъ, что собственникъ изданія 50-хъ годовъ, купившій его за безцѣнпцу, потребовалъ съ нея платы, когда она зашла однажды въ магазинъ взять экземпляръ своихъ сочиненій для подарка знакомымъ. Въ ту зиму стали выходить новыя изданія ея произведеній у Суворина. Были узколобые люди, осуждавшіе писательницу за сдѣлку съ этой фирмой; но они замолчали, когда у того же издателя появились и сочиненія Салтыкова, объявившаго на своемъ своеобразномъ языкѣ, что „всѣ издатели равны передъ Господомъ Богомъ“.

Я нерѣдко бывалъ въ маленькой комнатѣ на Новой улицѣ. Если недѣлю-другую мнѣ мѣшали появляться тамъ занятія или иныя обстоятельства,

то получалась записочка, въ родѣ слѣдующей, сохраненной мною: „Среда 22 Апрѣля 81 г. Вамъ доставятъ книжку, В. П. Говорятъ, будто въ редакціяхъ это дѣлается для внушенія нѣсколькихъ „теплыхъ словъ“. Я объ этомъ не прошу, но посылаю вамъ грозное слово, что вы, кажется, опять начинаете забывать дорогу въ Новую улицу...“.

Однажды получилось экстренное сообщеніе о томъ, чтобы выручить отъ жестокой тоски, отъ общества глазъ-на глазъ съ публицисткой Ц., большой поклонницею писательницы, угрожавшей провести съ ней цѣлый вечеръ. Н. Д., создавшая столько прекрасныхъ женскихъ характеровъ, такъ глубоко преданная истинному просвѣщенію, любила въ женщинѣ видѣть женщину со всѣми ея собственными чертами, и съ трудомъ переносила безполыхъ существъ, въ родѣ почтенной Ц. Она думала, что стремленье быть похожей на мужчину мало говоритъ въ пользу самостоятельности женщины, что стриженые волосы на пожиломъ, некрасивомъ женскомъ лицѣ безобразны и не доказываютъ ровно ничего, что сосредоточеніе себя на одной публицистикѣ есть аномалія для женской натуры и что литературной работѣ, кромѣ направленія, нужны талантъ и трудъ обработки, отъ размѣровъ которыхъ зависитъ и вліяніе сочиненія. Стопудовая тяжесть статей г-жи Ц. отталкивала ее, а ихъ направленіе мало придавало имъ цѣны. Мнѣ нельзя было, къ сожалѣнію, въ тотъ вечеръ быть у Над. Дм., и она одна испила горькую чашу.

Въ ту зиму въ первый разъ шла въ Петербургѣ опера Чайковскаго „Орлеанская Дѣва“. Страстная любительница музыки и великая почитательница Іоанны д'Аркъ въ томъ видѣ, какъ изобразилъ ее Мишле, Н. Д. съ нетерпѣніемъ ждала перваго представленія оперы, но осталась вполнѣ разочарованною, какъ показываетъ статья ея, тогда же появившаяся въ „Дѣлѣ“. Приготовляясь писать объ оперѣ, Н. Д. прочла всѣ литературныя произведенія, гдѣ выводится личность Орлеанской Дѣвы. Почти въ концѣ ея работы, я доставилъ ей піесу Ж. Барбье, гдѣ Іоанна д'Аркъ представлена вѣрно истинѣ и исторіи, но блѣдно и безцвѣтно. Она почти недовольна была этой находкой, будучи въ литературѣ судьей очень строгимъ и не терпя посредственности, хотя бы и добродѣтельной.

Литературные вкусы Крестовской были опредѣленны и, отвѣчая ея натурѣ, носили на себѣ характеръ времени, въ которое она развивалась. У нея была явная, нескрываемая склонность къ романтикамъ, создавшимъ свои произведенія на подкладкѣ общественныхъ теченій, царившихъ въ концѣ сороковыхъ годовъ. Она боготворила Гюго и Жоржъ-Занда и предпочитала ихъ всѣмъ позднѣйшимъ звѣздамъ Французской литературы. Она мирилась даже съ невыносимымъ многословіемъ Гюго и его напыщенностью. Тогда вышелъ его „L'Âne“, и она восхищалась и имъ. Изъ Русскихъ писателей я часто слышалъ отъ нея восторженное поклоненіе Бѣлинскому; статьи его о театрѣ она считала верхомъ совершенства. Изъ двухъ Русскихъ великихъ поэтовъ она больше любила Лермонтова. Ея взглядъ на Гоголя былъ своеобразенъ и основанъ на недоразумѣніи. Она находила карикатурными его чиновничьи и помѣщичьи типы и говорила, что, проживъ всю жизнь въ провинціи и начавъ сознательно понимать вещи около времени дѣятельности

Гоголя, она не узнаётъ въ его герояхъ знакомыя ей черты жизни. Это недоразумѣніе, въ которое впадали и другіе, намъ кажется, объясняется тѣмъ, что дѣйствительно герои Гоголя имѣютъ не вполнѣ Великорусскій обликъ и для коренныхъ уроженцевъ Сѣвера могли казаться странными и непохожими на то, что они видѣли передъ собою. Чиновники „Ревизора", многія лица „Мертвыхъ Душъ", какъ Коробочка, Плюшкинъ, отчасти Чичиковъ, въ самомъ дѣлѣ смахиваютъ болѣе на провинціальныхъ Малороссовъ, которыхъ Гоголь такъ зналъ, чѣмъ на Великороссовъ, отличаясь отъ нихъ и нѣкоторыми особенностями душевнаго склада и самымъ языкомъ. Несправедлива была Хвощинская и къ Тургеневу. Она находила его слащавымъ, а его пребываніе во Франціи и барскій тонъ давали ей поводъ относиться къ нему слегка иронически и, вслѣдъ за нѣкоторыми Петербургскими журналистами, называть его Jean de Paris. Въ то время выходили его „Пѣснь торжествующей любви", „Клара Миличъ", „Стихотворенія въ прозѣ",—произведенія, не отвѣчавшія тогдашнему, приподнятому настроенію и менѣе всего заботившіяся о требованіяхъ минуты. Они остались, перечитываются и будутъ перечитываться еще долго; а много ли уцѣлѣло въ памяти общества тогдашнихъ *минутныхъ* произведеній? Беллетристику, считающуюся родомъ „легкимъ", Крестовская почитала наиболѣе труднымъ и говорила, что никакіе образы и лица не „мелькаютъ" передъ ней, а что для осуществленія ихъ требуются величайшее усиліе и трудъ. Она не любила цитатъ, вошедшихъ въ общее обращеніе выраженій, и требовала, чтобъ все, что думаешь и чувствуешь, выражено было „своими словами". Изъ современниковъ она чрезвычайно любила Щедрина, при чемъ, я думаю, къ ея любви къ писателю примѣшивалась любовь и къ человѣку. Она любила его прямоту, рѣзкость, пугавшую другихъ его неустрашимость и, конечно, блестящее остроуміе, любила его семью, въ которой дружески была принята, его дѣтей. Салтыковъ относился къ ней, какъ къ доброму, уважаемому товарищу и другу, и журилъ ее за то, что она мало писала.

Романъ ея „Былое", начатый печатаніемъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", остановился на первыхъ главахъ „по независящимъ обстоятельствамъ". Одно время она занялась переводами, перевела „Ораса" Жоржъ-Занда, нѣсколько вещей Итальянскихъ писателей—Амичиса, Барили, Фарина, достоинства которыхъ нѣсколько преувеличивала. Болѣе крупная повѣсть написана была ею въ послѣдніе годы жизни; во время же, къ которому относится это воспоминаніе, она печатала (всегда въ „Отечественныхъ Запискахъ") лишь небольшіе очерки. Когда появился одинъ изъ нихъ, „Послѣ потопа", гдѣ въ намекахъ изображалась одна изъ многихъ общественно-семейныхъ трагедій того времени, ей пришло въ голову устроить по поводу его слѣдующій опытъ. Я долженъ былъ, въ закрытомъ конвертѣ, передать ей свой отзывъ объ этомъ очеркѣ, а она мнѣ, такимъ же порядкомъ, свой. Размѣнявшись конвертами и воротясь домой, я прочелъ слѣдующее:

„Послѣ потопа" (15 Января 1881, сейчасъ кончено). Задумано горячо, исполнено очень вяло. Языкъ очень плохъ. Понравится юнымъ по сочувствію; женщинамъ ради эффектности. Растянуто тамъ, гдѣ должно быть ко-

роче, и наоборотъ. Единственное, что сколько-нибудь порядочно (появленіе матери осужденнаго на крыльцѣ) повторено столько разъ, что не производитъ впечатлѣнія, а наскучаетъ. Послѣдняя сцена вся сложена изъ подробностей, ни къ чему не нужныхъ. Положимъ, всякая *суть* должна быть сказана коротко и рѣзко, такъ чтобы разъ сказанное помнилось на вѣкъ; но тутъ эта суть не сказана, а размазана; коротко, но блѣдно. Общій выводъ— очень плохо. Авторъ".

Хвощинская горячо любила всѣ искусства, считая ихъ родственными, но болѣе всего музыку и живопись. Ея вкусы въ музыкѣ мало сообразовались также съ указаніями времени; она оставалась вѣрна „Нормѣ", Мейерберу, прежнимъ Итальянскимъ исполнителямъ, съ ихъ превосходной школой, но любила и Вагнера, и все вообще глубокое и подымающее духъ. Какъ на образецъ пѣвца указывала она на знаменитаго тенора Гаяра, успѣхъ котораго ослаблялся тѣмъ, что онъ былъ очень некрасивъ. Какъ развито было у Хвощинской чувство къ живописи, показываетъ ея прелестный очеркъ „Старый портретъ—новый оригиналъ", гдѣ въ первой части описывается находящійся въ Петербургскомъ Эрмитажѣ портретъ матери Рембрандта. По поводу живописи мнѣ вспоминается изъ того времени еще слѣдующій эпизодъ.

Разговорившись какъ-то объ интересѣ, представляемомъ „мастерскими" художниковъ, гдѣ развѣшенные этюды, начатыя работы и пр. вводятъ насъ такъ близко въ интимный міръ артистовъ, мы условились на слѣдующій день отправиться въ Академію Художествъ, гдѣ мнѣ знакомы были два извѣстныхъ профессора-пейзажиста. Зная ихъ какъ хорошихъ художниковъ, я зналъ ихъ также, какъ изрядныхъ практиковъ; но выбора не было, и мы отправились къ нимъ. У пейзажиста О. мы застали нѣсколько начатыхъ холстовъ, надъ которыми онъ работалъ; принимая насъ, онъ не отрывался отъ кисти и сообщалъ мнѣ въ короткихъ фразахъ о недавно купленномъ имѣніи и соображеніи свои о томъ, въ чемъ выгоднѣе „помѣстить" деньги, въ землѣ или въ рентѣ? Ему мало знакомы были сочиненія Крестовскаго-псевдонима, а сама она не могла доставить ему рекомендацій и сбыта произведеній... Незадолго передъ тѣмъ онъ принималъ у себя въ мастерской m-me Adan, явившуюся въ сопровожденіи П. П. Демидова. Навѣрное ее встрѣчалъ онъ привѣтливѣе. Художникъ К., натура болѣе широкая, пекшій какъ блины свои „Закаты солнца", „Восходы", „Зимы" и „Осени", для кутежей и картъ, представлялъ другую разновидность талантливаго промышленника. Убранство мастерской его било на эффектъ: тафты, занавѣси, бархатъ и шелкъ, великолѣпныя рамы, столики съ дорогими сигарами и виномъ. Мы застали у него посѣтителей. Онъ бѣгалъ съ палитрой по мастерской, какъ-то механически повторяя ужасный галлицизмъ: „дѣлайте какъ дома" (faites comme chez vous), приглашая посѣтителей не стѣсняться его присутствіемъ.

Эти художники fin de siecle, при несомнѣнной даровитости ихъ, не понравились неисправимой идеалисткѣ, какою была Хвощинская. Она сравнивала ихъ съ Ивановымъ, передъ которымъ благоговѣла, подвижнически ра-

ботавшимъ всю жизнь въ своей мастерской-кельѣ, съ Брюловымъ, такъ строго относившимся къ искусству, съ Итальянцами времени Возрожденія. Изъ современныхъ живописцевъ она очень симпатизировала Крамскому. По заказу Третьякова, Крамской былъ въ Рязани и писалъ портретъ Хвощинской. Въ собраніи писемъ Крамскаго, изданныхъ г. Стасовымъ, есть его письма изъ Рязани, съ однимъ, къ сожалѣнію, рѣзкимъ и невѣрнымъ отзывомъ о ней. Проходя мимо ея портрета, поставленнаго въ Третьяковской галлереѣ (по желанію ея лишь послѣ ея смерти), я вспоминаю этотъ отзывъ и думаю, что хорошо, что сборникъ писемъ Крамского, изданный съ безтактной откровенностью, вышелъ послѣ кончины Хвощинской: это избавило ее отъ одного лишняго огорченія и лишняго разочарованія въ людяхъ

Наша поѣздка въ Академію была событіемъ исключительнымъ. Н. Д. очень рѣдко выѣзжала куда-нибудь, стѣсняясь и своимъ костюмомъ, и старомодной внѣшностью и не любя быть предметомъ празднаго любопытства. Я встрѣтилъ ее разъ на литературномъ чтеніи, которое привлекло множество публики одновременнымъ участіемъ Тургенева и Достоевскаго. Я видѣлъ, какъ улыбались въ рядахъ, когда писательница скромно проходила, чтобы занять свое мѣсто. Толпа либеральная и „охранительная“ — всегда глупая толпа. Эти же самые люди, потѣшавшіеся надъ странной старухой, орали бы во всю глотку, еслибъ имъ объявили ея пріобрѣтшее извѣстность имя и встрѣчали бы ея славу, т. е. успѣхъ и значеніе, или попросту *силу*, порывами неосмысленнаго, рабскаго восторга.

Надежда Дмитріевна уѣзжала неохотно весною изъ Петербурга въ Рязань. Старый кругъ ея знакомыхъ тамъ разсѣялся. Она сильно любила старушку-мать и сестру (Прасковью Дмитріевну, въ литературѣ извѣстную подъ именемъ Зимаровой), но ей недоставало тамъ просвѣщенной среды и умственной жизни столицы. Изъ двухъ сестеръ своихъ она была особенно близка съ второй, давно умершей, писавшей талантливо въ шестидесятыхъ годахъ за подписью Весеньева. Я видѣлъ карточку, гдѣ онѣ сняты обѣ, тогда молодыя, обнявшись и смотря другъ на друга. У постели этой умиравшей сестры познакомилась она съ ссыльнымъ Полякомъ, докторомъ Заіончковскимъ, за котораго вышла замужъ, очень ненадолго, впрочемъ, такъ какъ Заіончковскій самъ заболѣлъ чахоткой и скоро скончался въ Швейцаріи.

Послѣдніе годы послѣ смерти матери Хвощинская проводила большую часть времени въ Петербургѣ, живя сначала въ Максимиліановскомъ переулкѣ, а потомъ на Адмиралтейской набережной. Литературный трудъ уже съ молодости служилъ ей источникомъ существованія. Но въ послѣдніе годы она не могла писать много и умерла лѣтомъ 1890 г. въ Петергофѣ, безъ всякихъ средствъ. По общему признанію она была самой выдающейся писательницей въ Россіи. Похороны ея принялъ на себя Литературный фондъ, а на постановку скромнаго памятника на ея могилѣ собирались средства по подпискѣ.

В. Горленко.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ.

Въ Іюлѣ 1844 г. я ѣхалъ на почтовыхъ изъ Тифлиса чрезъ Сигнахъ въ Телавъ. Между станціями Сартачалы и Муганло пришлось переѣзжать р. Іору и какую-то другую рѣчку, болѣе похожую на канаву, называемую Ипа: первую переѣзжали въ бродъ, при помощи мѣстныхъ жителей Татаръ, вторую по одному изъ тѣхъ мостиковъ, извѣстныхъ во всей проселочной Россіи, про которые одинъ острякъ, при видѣ провалившагося проѣзжаго, сказалъ: „Эхъ, милый человѣкъ, видишь мостъ, а—ѣдешь!"

Переѣзжая чрезъ сей мостикъ, ямщикъ сказалъ мнѣ, что именно тутъ, недавно, случилось чрезвычайное происшествіе. Везли почту; ямщики, почтальоны, конвойные казаки переносили тяжелый чемоданъ чрезъ мостикъ, который подъ ними провалился; два человѣка утонули, остальные спаслись, а чемоданъ остался въ водѣ, сильно бушевавшей послѣ бывшаго ливня. Сбѣжался народъ, пріѣзжало начальство, искали, искали, но чемодана не нашли.

Меня, помню, очень удивляло, что поиски производились даже вверхъ по теченію рѣчки, какъ показывали кучи земли, вырытой и набросанной по берегамъ. Для этой работы, разсказывали, тогдашній начальникъ почтовой части на Кавказѣ, ген. лейт. князь Александръ Чавчавадзе собиралъ сотни рабочихъ изъ ближайшихъ деревень.

Чрезъ нѣкоторое время разнеслись слухи, что въ похищеніи чемодана, въ которомъ было болѣе 40 тысячъ рублей, подозрѣваются уѣздный начальникъ надворный совѣтникъ Форостовскій, засѣдатели Додаевъ и Яковлевъ и сосѣдній съ мѣстомъ происшествія помѣщикъ с. Цицматіани, полковникъ князь Іессей Андрониковъ, что эти лица арестованы въ Тифлисѣ и что новый намѣстникъ Кавказскій князь Воронцовъ весьма строго отнесся къ этому дѣлу и приказалъ непремѣнно раскрыть истину.

Весною 1846 г. Тушино-Пшаво. Хевсурскій окружный начальникъ подполковникъ кн. Челокаевъ, при которомъ я служилъ, былъ вызванъ въ Тифлисъ, и князь Воронцовъ назначилъ его предсѣдателемъ особой слѣдственной коммиссіи для окончательнаго раскрытія дѣла о похищеніи почтоваго чемодана, такъ какъ все производившееся до того слѣдствіе не давало достаточныхъ доказательствъ виновности кн. Андроникова, Форостовскаго и Яковлева. (О Додаевѣ уже не было рѣчи: онъ былъ убитъ въ Февралѣ 1845 г. при нападеніи горцевъ на с. Кварели). Комиссія состояла изъ жандармскаго маіора Іерусалимскаго, чиновника особыхъ порученій при намѣстникѣ Александровскаго, состоявшаго при начальникѣ гражданскаго управленія за Кавказомъ капитана Лорисъ-Меликова и, въ качествѣ дѣлопроизводителя, пишущаго эти строки. Челокаевъ съ восторгомъ принялъ данное ему порученіе, какъ знакъ особаго вниманія намѣстника, высказавъ полную увѣренность въ успѣшномъ раскрытіи истины и убѣжденіе въ виновности Андроникова, которому по какимъ-то побужденіямъ радъ былъ насолить...

Удивительная это черта характера была у Грузинскихъ князей того времени! Всѣ почти въ родствѣ между собою, всѣ близко знакомы, всѣ другъ къ другу съ широчайшимъ гостепріимствомъ; а чуть разъѣхались съ попойки, съ тостовъ и братскихъ цѣлованій,—злораднѣйшіе одинъ о другомъ отзывы, перемываніе косточекъ до седьмаго восходящаго колѣна и искреннѣйшія желанія дождаться случая отомстить, насолить... За что, почему?

Мы выѣхали изъ Тифлиса, помнится, въ Апрѣлѣ, при дождливой, ненастной погодѣ, по грязи, и ѣхали очень тихо, ночевали на Сартачальской станціи и на другой день добрались до Цицматіани. Прожили мы тамъ въ домѣ кн. Андроникова около двухъ недѣль; прибѣгали къ хитростямъ, угрозамъ, арестамъ. Для пущаго устрашенія вытребовали цѣлую сотню Донскихъ казаковъ. Исписали показаніями, очными ставками (немножко съ пристрастіемъ въ видѣ нагайки—дань духу времени) цѣлую кипу бумаги, однако дѣла ни чуть не подвинули, подозрѣній на Андроникова и чиновниковъ ничѣмъ не подкрѣпили. Виновныхъ не оказывалось. Татары, сознававшіеся прежде въ похищеніи чемодана и доставкѣ его въ домъ кн. Андроникова, то отрекались отъ своихъ показаній, то мѣняли подробности, наконецъ, ссылались на то, что вынуждены были угрозами жителей сосѣднихъ деревень къ ложнымъ показаніямъ на Андроникова и чиновниковъ; ибо жителямъ начальство угрожало, если не откроютъ виновныхъ, взысканіемъ всей суммы съ нихъ. Обвиняемые по собственному сознанію не только отказывались отъ прежнихъ словъ, но доказывали свое отсутствіе въ дни происшествія изъ домовъ. Являлись намеки на виновность казаковъ, особенно одного, кажется Спиридона Маврина, будто бы вытаскивавшаго чемоданъ изъ воды; но онъ между тѣмъ въ Тифлискомъ госпиталѣ умеръ, и кой-кому воображеніе уже рисовало второе преступленіе, яко бы ради устраненія опаснаго свидѣтеля.

Однимъ словомъ, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, а похитителей не было. Кожаный чемоданъ съ деньгами „канулъ въ воду“.

Казалось бы, послѣ такихъ дѣятельныхъ разысканій, послѣ содержанія, безъ доказанной виновности, въ тюрьмѣ, князя Андроникова, Форостовскаго, Яковлева и нѣсколькихъ Татаръ, оставалось освободить ихъ немедленно и даже загладить какъ нибудь напрасно причиненныя имъ тяжкія оскорбленія и страданія. Вѣдь первые трое заслуживали къ себѣ нѣкоторое вниманіе предшествовавшею дѣятельностью и общественнымъ положеніемъ. Князь Андрониковъ, во время Персидско-Турецкой войны, 1827 — 1829 годовъ, былъ адъютантомъ графа Паскевича Эриванскаго, имѣлъ золотую саблю за храбрость и много другихъ орденовъ; надворный совѣтникъ Форостовскій занималъ важный въ то время постъ Телаво-Сигнахскаго уѣзднаго начальника, былъ на счету хорошихъ чиновниковъ, и въ судьбѣ его принималъ участіе министръ финансовъ, въ уваженіе заслугъ брата Форостовскаго, служившаго въ Петербургѣ.

Но, очевидно, князь Воронцовъ былъ убѣжденъ въ виновности ихъ, а неуспѣхъ обнаруженія ясныхъ доказательствъ приписывалъ вѣроятно неумѣлости слѣдователей. Иначе нельзя себѣ объяснить ту настойчивость, съ ко-

торою, и послѣ неудачи коммиссіи Челокаева, подозрѣваемые оставались подъ стражей и дѣло не прекращалось. И это тѣмъ болѣе удивительно, что князь Михаилъ Семеновичъ явно покровительствовалъ туземной аристократіи вообще, а Грузинской въ особенности. Князь дѣлалъ все возможное для возвышенія ихъ значенія въ государственной службѣ и среди мѣстнаго населенія, не менѣе—для улучшенія ихъ матеріяльнаго благосостоянія; а въ тоже время на кн. Іессея Андроникова обрушилась такая тяжкая, безпощадная, можно сказать, кара! Да, сильно должно было быть убѣжденіе князя Воронцова въ виновности Андроникова, и желаніе показать полное безпристрастіе, очевидно, руководило намѣстникомъ въ этомъ случаѣ.

Наконецъ, дѣло о похищенномъ чемоданѣ было представлено къ генералъ-аудиторіатъ. Это высшее военное судилище, разсмотрѣвъ дѣло, нашло, что показанія Татаръ объ извлеченіи ими изъ воды чемодана въ присутствіи Андроникова и Форостовскаго оказываются явно несообразными съ обстоятельствами дѣла, потому что нѣсколько лицъ Грузинскихъ князей, жителей и Донской казакъ, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ Андрониковымъ и Форостовскимъ къ мѣсту происшествія, на р. Пшѣ, тѣхъ Татаръ вовсе тамъ не видѣли, что̀ и подтвердили подъ присягою; а станціонный смотритель и почтальонъ, находившіеся тамъ же, на мѣстѣ происшествія, тоже подъ присягою показали, что въ присутствіи обвиняемыхъ 22 Мая никто даже въ воду не спускался, и на слѣдующій день они, оставаясь тамъ же, рѣшительно никакихъ подозрительныхъ дѣйствій съ чьей бы то ни было стороны не замѣтили.

На основаніи такимъ образомъ установленныхъ обстоятельствъ, генералъ-аудиторіатъ заключилъ, что къ обвиненію кн. Андроникова и Форостовскаго никакихъ доказательствъ не открыто, и освободилъ ихъ отъ всякаго взысканія; но фактъ похищенія почтоваго чемодана съ 23 по 21 Мая 1844 г. аудиторіатъ призналъ *несомнѣннымъ* и выказалъ подозрѣніе въ этомъ на Донскихъ казаковъ, которые послѣ происшествія содержали на берегу р. Пши караулъ.

Въ такомъ видѣ приговоръ былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе, и 4-я Мая 1850 г. Государемъ утвержденъ. Дѣло тянулось цѣлыхъ шесть лѣтъ.

И все это время надъ кн. Андрониковымъ и прочими тяготѣло жестокое обвиненіе въ постыдномъ преступленіи, и они болѣе трехъ лѣтъ высидѣли подъ арестомъ. Сколько нравственныхъ мукъ, сколько физическихъ страданій перенесли они, сколько матеріальнаго ущерба!

Но слушайте дальше. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ случайномъ разговорѣ съ пріѣзжимъ съ Кавказа, я узналъ слѣдующее. Прошло сорокъ лѣтъ послѣ вышеописаннаго происшествія, почти всѣ дѣйствующія лица, великія и малыя, обвинители и обвиняемые, предстали предъ нелицепріятный судъ Того, предъ Которымъ „нѣсть ни сильный, ни слабый, ни Эллинъ, ни Іудей"; уже второе поколѣніе сходитъ со сцены, уступая мѣсто третьему, все происшествіе 1844 г. давно забыто,—какъ вдругъ 3 Іюля 1884 года нѣкій сельскій хозяинъ Армянинъ Михаилъ Казаріянцъ заявляетъ мѣстному приставу, что при разработкѣ старой запруды на мельничной канавѣ, про-

тивъ впаденія ея въ рѣчку Пшу, найдены разновременно рабочими три золотыхъ имперіала, два червонца, пятьдесятъ восемь серебряныхъ рубл., и одна 75 коп. монета, каковыя Казаріянцъ представилъ начальству. Приставъ 5 Іюля произвелъ на мѣстѣ разслѣдованіе и выяснилъ, что уже недѣли за двѣ до того рабочіе стали находить монеты; что мѣсто, гдѣ найдены деньги, лежитъ ниже старой почтовой дороги и того моста, который обрушился 21 Мая 1844 года. Предпринятые приставомъ раскопки дали разновременно еще 1 имперіалъ, 13 полуимперіаловъ, 4 червонца и 78 серебр. рублей. За тѣмъ начальство разрѣшило нарядить изъ ближайшихъ деревень 150 человѣкъ на три дня и, подъ наблюденіемъ дистанціоннаго начальника, съ 17 по 21 Авг. 1884 года, найдено 8 имперіаловъ, 608 полуимпер., 37 червонцевъ, 199 сер. рублей, всего было собрано около 4 тысячъ р. Показаніями старожиловъ установлено, что мѣсто, гдѣ найдены эти монеты, отстояло болѣе чѣмъ на сто саженъ ниже обрушившагося въ 1844 году моста, и тутъ русло р. Пши дѣлаетъ крутой поворотъ, а теченіе становится болѣе спокойнымъ.

Должно думать, что дальнѣйшія раскопки дали бы еще немало занесенныхъ иломъ монетъ. Очевидно, если бы тогда же, сорока годами ранѣе, искали не близъ мѣста паденія чемодана и не *вверхъ по теченію*, а ниже, до поворота и болѣе тихаго теченія воды, то нашли бы и самый чемоданъ, и не возникло бы вопіющаго дѣла. Вотъ что значитъ дать вѣру гнусному доносу *), дѣйствовать, увлекаясь минутными впечатлѣніями, и забывать, что лучшее оправдать десять виновныхъ, чѣмъ покарать одного невиннаго!

Не было ли бы актомъ высшей справедливости въ отношеніи потомковъ тѣхъ жертвъ, которыя столь безвинно выстрадали, если бы высшее Кавказское начальство, по собственному почину, ходатайствовало предъ всегда милосердымъ Престоломъ о частичномъ возмѣщеніи матеріальнаго ущерба, несомнѣнно понесеннаго томившимися болѣе трехъ лѣтъ подъ стражею заподозрѣнными лицами? Имѣніе князя Андроникова въ его столь продолжительное отсутствіе было разорено и вынудило его войти въ долги для приведенія его въ порядокъ.

Милость, оказанная въ настоящемъ случаѣ, была бы актомъ, достойнымъ величія и силы Русскаго правительства. Она можетъ произвести глубокое, полезное впечатлѣніе на туземцевъ Закавказья, распространится вѣроятно и дальше въ сосѣднія страны. Они, эти Азіятцы, видѣли бы, что какъ молитва за Богомъ, такъ и служба за Русскимъ Царемъ никогда не пропадаютъ, что мы, Русскіе, не стыдимся сознаться въ ошибкѣ и вознаградить пострадавшихъ, хотя бы и въ третьемъ колѣнѣ...

Меня въ настоящемъ случаѣ побуждаетъ говорить лишь нѣкоторый укоръ совѣсти, какъ участника (хотя и мало активнаго и вліятельнаго въ дѣлѣ), но, быть можетъ, единственнаго оставшагося въ живыхъ.

А. Зиссерманъ.

Февраль 1897 г.

---

*) Доносъ приписывали нѣкоему князю Давиду Абхазову, личному врагу князя Андроникова.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1897 года

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

22 Генваря Екатерина, въ 11 ч. пополудни, остановилась въ селѣ Всесвятскомъ, куда 24-го Генваря пріѣхалъ и сынъ ея съ молодою великою княгинею Наталіей Алексѣевной.

Поручикъ Васильевъ записалъ:

25-го Января 1775 г. Воскресенье. Входъ въ Москву Ея Императорскаго Величества начался пополудни въ 3 часа. Отъ Всесвятскаго до Успенскаго собора и до дворца новаго, что у Пречистенскихъ воротъ, улицы были по обѣ стороны убраны зеленью, и въ пристойныхъ мѣстахъ къ зрѣнію народа подѣланы были мѣста, а какъ скоро три часа пробило, то выпалено изъ вѣстовой пушки и пущены были ракеты; потомъ изъ Всесвятскаго во дворцовыхъ экипажахъ ѣхали кавалеры, а посольства, дворяне верхами. Ея Императорское Величество съ ихъ Императорскими Высочествами, въ трехъ особахъ, въ одной каретѣ, а за ними дамы въ разныхъ каретахъ въ препровожденіи разныхъ воинскихъ командъ. А по улицамъ стояла конная и пѣхотная гвардія и прочихъ полевыхъ полковъ команды по обѣ стороны, даже до дворца. Первые встрѣчали земледѣльцы на полѣ; вторые—купцы на земляномъ валу, гдѣ сдѣланы ихъ коштомъ ворота тріумфальные, называемые Тверскіе ямскіе; третье—Московскій губернаторъ съ дворянствомъ въ Тверскихъ, ихъ коштомъ построенныхъ, называемыхъ Бѣлаго Города воротахъ, гдѣ играла инструментальная и духовая музыка. Губернаторъ Московскій Остерманъ говорилъ поздравленіе, а товарищъ держалъ хлѣбъ съ солонкою золотою; четвертое—сенаторы и прочихъ коллегій члены у Воскресенскихъ воротъ; пятое—Синодъ и духовенство у Никольскихъ воротъ; шестое — начальствующій Крутицкій архіерей предъ Успенскимъ соборомъ съ причетомъ того собора. Во все оное шествіе производилась пальба пушечная на площади и звонъ во всѣ колокола у всѣхъ церквей; а какъ изъ собора шествіе началось ко дворцу, то и у дворца пальба производилась. Тотъ вечеръ весь городъ и улицы иллюминованы были, а у нѣкоторыхъ дворовъ подѣланы были для иллюминаціи щиты. Во время шествія безчисленное множество народа имѣлось, стоящихъ по улицамъ въ зрительныхъ мѣстахъ, также и на кровляхъ строеній, отчего иныя мѣста подломились, крыши обвалились, и тѣснота была великая. А ночью великими толпами прохаживались и, видя матерь отечества, веселились.

Число 28. Среда. Государыня соизволила быть въ Воспитательномъ Домѣ.

Февраль. Число 2-е. Встрѣча была вновь пожалованному архіепископу Московскому и Калужскому... Платону, котораго встрѣчали всѣ Московскіе попы и діаконы за Сухаревской башней близъ поля и встрѣтя проводили до Успенскаго собора, и тогда звонъ былъ по всѣмъ церквамъ.

Изъ дневника Васильева видно, что 13 Октября 1775 г. въ 8 ч. по полуночи Екатерина ѣздила въ Коломну, а 12 Декабря въ 11-мъ часу пополуночи въ Тулу, и оттуда въ Калугу, пріѣхала обратно въ Москву 18 Декабря, а 20-го, отслушавъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, отправились въ Петербургъ. Наслѣдникъ съ супругою уѣхали туда еще 7 Декабря.

Вотъ еще любопытная отмѣтка:

26 Декабря 1775 г. статскій совѣтникъ Григорій Васильевичъ Козицкой причинилъ самъ себѣ смерть. Отпѣтъ былъ въ церкви Григорія Богослова, что межъ Петровки и Дмитровки. Сему доброму и ученому человѣку буди вѣчная память! Причина его смерти меланхолія, и хотя нѣсколько покололь себя ножемъ въ бокъ и, сказываютъ, сдѣлалъ 32 раны; только наконецъ въ памяти отцу духовному исповѣдалъ все".